

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1 9 5 6 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
доктор филол. наук И. П. Еремин

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Г. СМОЛИЦКИЙ

Вступление в „Слове о полку Игореве“

После длительного периода в истории изучения «Слова о Полку Игореве», когда исследователи больше всего интересовались частными вопросами: уточнением отдельных темных мест, имен и других деталей, в последнее десятилетие, наряду с продолжением этой работы, появился ряд исследований общего характера, посвященных идейному содержанию «Слова», мировоззрению его автора, жанровой природе произведения. Большой интерес, в частности, представляют работы, посвященные жанру «Слова о полку Игореве».

Несмотря на то, что вопрос этот еще до сих пор остается открытым, теперь уже, после работ И. П. Еремина, Д. С. Лихачева, А. В. Соловьева, совершенно очевиден публицистический характер произведения. Все чаще и чаще раздаются голоса, что «Слово» — «это горячая речь патриота-народолюбца, речь страстная и взволнованная, поэтически непоследовательная, то обращающаяся к событиям живой современности, то вспоминая дела седой старины, то гневная, то печальная и скорбная, но всегда полная веры в родину, полная гордостью ею, уверенностью в ее будущем».¹

И. П. Еремин первый попытался обосновать взгляд на «Слово о полку Игореве» как на произведение ораторского, риторического жанра. Д. С. Лихачев высказался более осторожно: «Если это речь, то она близка к песне; если это песнь, то она близка к речи».² Окончательного решения этого вопроса еще нет, но уже теперь, на наш взгляд, не подлежит сомнению отличие «Слова» от героических поэм и повестей. Поэтому, рассматривая план и композицию памятника, мы не найдем здесь той последовательности в изложении исторических событий, которая характерна для произведений эпических: воинских повестей, летописи, былины, — и не должны ее искать.

Непонимание этого часто заводило исследователей в тупик, заставляло говорить об испорченности текста, делать всякие фантастические перестановки (подобно Д. Прозоровскому)³ и т. д. Эти исследователи не замечали, что план и композиция нашего памятника в том виде, в каком он дошел до нас, целостны, стройны и последовательны. Все части произве-

¹ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» (историко-литературный очерк). В кн. Слово о полку Игореве, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, сер. «Литературные памятники». (В дальнейшем это издание цитируется сокращенно: Сл. о п. И., ЛП).

² Сл. о п. И., ЛП, стр. 252.

³ Д. Прозоровский. Новый опыт объяснительного изложения «Слова о полку Игореве». СПб., 1881.

дения находятся в тесной логической связи, крепко спаяны общим идейным содержанием. Но стройность, последовательность и логика произведения лирического и публицистического — свои, не подчиняющиеся законам произведений эпических.

С этой точки зрения интересно заново пересмотреть вопрос об идейном значении вступления в «Слове» для самого содержания памятника

Этот вопрос имеет свою историю.

В первом издании «Слова о полку Игореве» начало вступления было переведено следующим образом: «Приятно нам, братцы, начать древним слогом прискорбную повесть о походе Игоря, сына Святослава! начать же сию песнь по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым». ¹ Первые издатели не увидели никакой связи между «старыми словесами» и «замышлением Бояна», как частным случаем тех же «старых словес». По их мнению, автор слагает песнь древним слогом, но согласно с действительными событиями, а «не по вымыслам Бояновым». Так вместе с первым изданием «Слова» возникла легенда о каких-то вымыслах, о какой-то необычайной фантазии этого певца. Но в первые годы второго рождения «Слова» эта легенда имела свое обоснование в неправильном переводе фразы: «Помняшьть бо речь пьрвыхь временъ усобиць». ² Эти слова не отнесли тогда к Бояну и перевели так: «Памятно нам по древним преданиям, что поведая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пущенных: чей сокол скорее долетал, тому прежде и песнь начиналася». ³ При таком переводе, кроме того, что он неправилен сам по себе, для первых исследователей пропадали и те скудные известия о Бояне, какими располагаем теперь мы; зная тематику песен этого певца, мы имеем возможность установить некоторые хронологические пределы, в которых протекала жизнь Бояна. Неправильно переведа эти строки, первые исследователи отнесли совершенно произвольно время жизни Бояна к дохристианскому периоду и противопоставление автора Бояну понимали как противопоставление христианина язычнику. Именно так рассматривал вступление А. С. Шишков в 1805 году. По его мнению, автор-христианин считал для себя непристойным употреблять «те вымыслы, какие употреблял Боян, живучи во времена идолопоклонства». ⁴

В 1819 году было издано «Слово о полку Игореве» с примечаниями и переводом Я. О. Пожарского, выступившего с критикой многих положений Шишкова. ⁵ Касаясь вступления, Я. О. Пожарский останавливается на уточнении смысла отдельных выражений: «трудные повести», «старыми словесы» и т. д. Его перевод ближе к подлиннику, хотя и этот исследователь видит в словах о десяти соколах и лебедях описание какого-то древнего обычая, не соглашаясь только с тем, что соколов пускали князья, как это считали первые издатели и Шишков. По мнению Пожарского, соколов пускали «стихотворцы». Пожарский не останавливается на вопросе, почему автор «Слова» противопоставляет себя Бояну, очевидно считая ненужным пересматривать точку зрения Шишкова.

Первым исправил ошибку в переводе фразы «Помняшьть бо речь. . .» Н. Грамматин, выпустивший в начале 20-х годов XIX века «Слово о полку Игореве» со своими примечаниями и переводом. Вместо какого-то древ-

¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 1 (перепечатка первого издания)

² До стр. 12 текст «Слова о полку Игореве» цитируется по первому изданию

³ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 3 (перепечатка первого издания)

⁴ А. С. Шишков. Собрание сочинений и переводов, ч. VII, СПб., 1826, стр. 40

⁵ Я. Пожарский. Слово о полку Игоря Святославича удельного князя Новгород Северского. СПб., 1819.

него обычая Грамматин видит в этой фразе «поэтическое сравнение десяти перстов Бояна с десятью соколами, а струн со стадом лебедей».¹ Грамматин не давал своего объяснения вступлению, хотя после его перевода шишковская точка зрения не могла уже существовать. Если рассказ о десяти соколах и лебедях — не описание обычая, а художественный образ, относящийся к Бояну, то подвиги Ярослава, Мстислава и Романа были тематикой бояновых песнопений. Теперь уже нельзя было относить жизнь Бояна к дохристианским временам, нельзя было говорить и о выдумках Бояна, так как тематикой его произведений были исторические факты. На это последнее обстоятельство первым обратил внимание Д. Дубенский² после того, как М. Максимович впервые в 1835, а потом в 1854 году повторил мысль Грамматина.³ Дубенский был противником новой точки зрения, он отстаивал старое прочтение места о соколах и лебедях и видел доказательство правильности своей точки зрения в том, что новая, указывая на историческое содержание песен Бояна, опровергала взгляд на его песни как на вымыслы. Дубенский правильно заметил противоречие, и, хотя в конце концов победила точка зрения Грамматина и Максимовича, вопрос, им поставленный, еще ждет своего разрешения: если известно, что Боян пел о Ярославе и других исторических личностях, то какие есть основания говорить о бояновых выдумках, «которым певец не хотел следовать»?⁴

Новое прочтение фразы «Помняшь бо речь...» разделял и А. С. Пушкин, видевший здесь «блестящую аллегорию». «Дело здесь идет о Бояне, — писал поэт; — все это — продолжение прежней мысли: «Поминая предания о прежних бранях (усобица значит ополчение, брань, а не междуусобие...), напускал он и проч.»⁵ Пушкин первый обратил внимание на «противуречие» во вступлении, встречавшееся во всех известных ему переводах: «... по мнению переводчиков, поэт говорит: «Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по-новому), а не по замышлению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие».⁶ Сам Пушкин пытается решить это противуречие, лишив частицу «ли» вопросительного (и вообще всякого) смысла, переводя первую фразу следующим образом: «Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна».

«Стихотворцы, — продолжает далее Пушкин, — никогда не любили упрска в подражании, и неизвестный творец „Слова о полку Игореве“ не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна».⁷ Справедливо указав на противоречие, Пушкин тоже не смог решить его.

Во-первых, нельзя не считаться с частицей «ли», которая вместе с частицей «це» в данном контексте образует широко распространенную в русском языке конструкцию, имеющую строго определенный смысл, о чем речь пойдет ниже.

¹ Н. Ф. Грамматин, Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII в. М., 1823, стр. 93.

² Д. Дубенский, Отметки на некоторые места «Слова о полку Игореве», «Отечественные записки», т. 101, 1855, Критика, стр. 3.

³ М. Максимович, Собрание сочинений, т. III, 1880, статьи о «Слове о полку Игореве».

⁴ Д. Дубенский, ук. соч., стр. 3.

⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, в 10 томах, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, т. VII, стр. 506.

⁶ Там же, стр. 505.

⁷ Там же.

Во-вторых, пушкинская догадка не устраняет противоречия: автор отказывается «тащиться по следам старого Бояна», мотивируя это... силой поэтического дарования Бояна, высокая оценка которого следует сразу после «отказа». О своем, новом слоге, о характерных особенностях его автор не говорит ни слова. Так и остается неясным, в чем же автор «Слова о полку Игореве» видит разницу между собой и Бояном.

Заслуга Пушкина в данном случае заключается в самом факте постановки вопроса. Им верно вскрыта неудовлетворительность всех известных ему переводов и толкований вступления «Слова». Кроме этого, Пушкин первый отметил тесную смысловую связь между выражениями: «старыми словесы» и «по замыслению Бояню». В первой фразе: «Не льпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій...» его предшественники видели вопрос только о языке, слоге произведения. Шишков переводил это место следующим образом: «Возвестим ... о походе Игоря тем слогом, каким в древние времена многотрудные повествовались подвиги».¹ Я. О. Пожарский к выражению «старыми словесы» делает примечание, что эти слова «дают знать, что в древние времена всегда старый слог предпочитался новому».²

Грамматин в комментариях к «старыми словесы» пишет еще более определенно: «т. е. старым или древним языком; какой же это был старый язык? Словенский или церковный, каковым в самом деле Слово о полку Игореве большею частью писано».³

Следующую фразу: «Начати же ся тѣй пѣсни... не по замыслению Бояню» они считали совершенно новой мыслью: певец решил создать песнь старым слогом, языком; певец отказывается следовать «замыслению Бояню». Для Пушкина уже в первой фразе о «старых словесах» разговор идет о более широком, чем язык, — о стиле произведения вообще, выражение «по замыслению Бояню» означает стиль Бояна. И в том и другом выражениях поэт видит один и тот же смысл: «петь по-старому». Впоследствии эту же точку зрения высказывал и Потебня, рассматривавший «замысление Бояню» как частный случай «старых словес».⁴

Итак, Пушкиным и Дубенским было замечено «противоречие» во вступлении. Целый ряд последующих ученых пытался решить его каждый по-своему.

В 1866 году проф. Н. С. Тихонравов издал для учащихся «Слово о полку Игореве» со своими комментариями. К выражению «старыми словесы» он сделал следующее примечание: «Автор Слова недоумевает, прилично ли ему начать печальный рассказ о современном ему походе Игоря словами старинной песни, славившей первых, старых русских князей. В старых словесах можно видеть те песни о богатырях и князьях, сложенные Бояном или другими певцами, которые в народной поэзии называются старинами».⁵

По мнению Тихонравова, автор сомневается, можно ли о печальных событиях говорить теми же словами, какими в старину пели славу, славили, можно ли печальный рассказ о современном автору походе начать словами старинных песен, славивших богатырей и князей. Таким образом, у Тихонравова получалось, что во вступлении особенности стиля рассматриваются автором в тесной связи с содержанием произведения,

¹ А. С. Шишков, Собрание сочинений и переводов, ч. VII, стр. 125.

² Я. Пожарский, ук. соч., стр. 30.

³ Н. Ф. Грамматин, ук. соч., стр. 89.

⁴ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. 2-е изд., Харьков, 1914, стр. 8.

⁵ Н. С. Тихонравов. Слово о полку Игореве. 2-е изд., М., 1868, стр. 25. (Курсив автора).

его материалом. Эта новая мысль не была Тихонравовым достаточно развита и осталась не замеченной ни рецензентами, ни последующими исследователями. Так, в издании Я. Малашева в 1871 году «„Слово о полку Игореве“. Поэтический памятник русской письменности XII века» снова повторяется старая мысль о «вымыслах Бояна», о том, что автор отказывается начинать песню по плану бояновскому, потому что Боян «прибавлял к своим песням много вымышленного, небывалого, а наш певец собирается рассказывать... по действительным событиям своего времени».¹

В 1875 году П. П. Вяземский опубликовал отдельным изданием в расширенном виде свой труд «Замечания на „Слово о полку Игореве“», частично опубликованный ранее Временником Московского общества истории и древности. По мнению этого исследователя, автор «Слова» хорошо знал («изучал») и Гомера и греческую литературу. Вяземский утверждал, что под Бояном автор «Слова» подразумевал Гомера, а во фразе «начати же ся тѣй песни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню» он видел борьбу «между классическими воспоминаниями и требованием века, озаренного христианским учением»,² т. е. по существу возвращался к старой, шишковской точке зрения.

Среди различных домыслов Вяземский справедливо указал на то, что во вступлении говорится не только о стиле произведения, но и о его содержании. Заключительной частью вступления он считает слова: «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ старого Владимира... за землю Руськую». Эту заключительную часть он комментирует следующим образом: «Заключение, что песнь о Игоре должна начаться согласно с духом времени, протекшего от Старого Владимира. Из содержания песни видно, что певец здесь обещает говорить о междоусобиях, губивших Россию от смерти Владимира Мономаха до Игоря Святославича».³ Но мысль эта не была последовательно проведена через анализ всего вступления. Она промелькнула и затерялась среди огромной аргументации в пользу основной идеи Вяземского о греческом влиянии на автора «Слова».

В 1877 году вышла книга Вс. Ф. Миллера «Взгляд на „Слово о полку Игореве“». Ее автор рассматривал «Слово» как подражание литературным образцам — воинским повестям византийско-болгарского происхождения. Уже во вступлении он видел подтверждение своей гипотезы: «В языке и складе произведения (форме) автор считает приличным следовать воинским повестям, но содержание его повести должно быть исторически верно, должно соотноситься с событиями (былинами) и не уподобляться замыслам поэта Бояна».⁴

С Миллером полемизировал А. А. Потебня,⁵ который в том же году выступил с собственными комментариями к «Слову о полку Игореве». В противовес Миллеру, видевшему в «Слове» только византийско-болгарское влияние, Потебня подчеркивал связь «Слова», произведения, по его словам, «личного и письменного»,⁶ с устным народным творчеством. Потебня не соглашался с Миллером и в вопросе о вступлении, считая, что оно посвящено выбору между поэтической и прозаической формой.

В 80-х годах прошлого столетия (1887—1889 годы) вышел в свет капитальный труд Е. В. Барсова «Слово о полку Игореве как художествен-

¹ Я. Малашев. Слово о полку Игореве. Поэтический памятник русской письменности XII в. М., 1871, стр. 100.

² П. П. Вяземский. Замечания на «Слово о полку Игореве». СПб., 1875, стр. 9.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Вс. Ф. Миллер. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877, стр. 180.

⁵ А. А. Потебня, ук. соч.

⁶ Там же, стр. 1.

ный памятник Киевской дружинной Руси». Несмотря на то, что труд этот остался незаконченным, значение его велико: он как бы подводил итоги тому, что было сделано более чем за 80 лет изучения памятника. Соответственно с этим взгляд Барсова на вступление был по существу именно той точкой зрения, к которой пришли исследователи в результате почти столетнего труда. Эта точка зрения сводилась к следующему.¹

Во вступлении ставился вопрос стиля, «склада» произведения. Автор замыслил создать песнь, песенная форма делает его произведение однородным со «старыми словесами» и произведениями Бояна. Но автор чувствует себя бессильным создать такое же произведение, как и Боян, уступая ему, во-первых, «в области творческого материала», так как песнотворчество Бояна «захватывало слишком широкое поле событий и времен»; во-вторых, «в широте творческих приемов», так как «существенными чертами боянского песнотворчества были именно широкие полеты фантазии, быстрые переходы от одного момента действия к другому»; в-третьих, «в качестве творческих созданий», так как «песнотворчество (Бояна, — В. С.) было не обычное, не человеческое, вдохновенное», в его произведениях была «идеальная стройность» композиции. Автор «находит себя вынужденным следовать требованиям повествования своей литературной эпохи и начать свою песнь с положительной действительности, прямо с исторических фактов, по былям сего времени, подчиняясь новым требованиям исторического повествования». Именно в этом смысле «автор, в самом начале наименовав „Слово“ свое песнью, затем, переходя к самому повествованию, называет его уже повестью».

Барсов разобрал вступление более подробно и обстоятельно, чем это делали до него. Его точка зрения в общих своих чертах остается господствующей и до сегодняшнего дня.

Исключение представляет, может быть, один Келтуяла, который в 1928 году издал текст и перевод «Слова» с собственной объяснительной статьей и комментариями. О вступлении он писал следующее: «Во вступлении к своему произведению автор сам отчетливо заявляет: ... свое Слово он скажет не „по замыслению“ Бояна, который в обрисовке автора выступает как великий певец — изобразитель подвигов князей, а „по былинам“ своего времени, т. е. на современном автору материале и на основании задач текущего момента».² Таким образом, по мнению Келтуялы, противопоставление автором себя Бояну основано на сравнении самого «материала» повествования, двух исторических (а не литературных) эпох, основано на различии стоявших перед певцами задач. У Бояна — рассказ о подвигах, у автора «Слова» — о неудачном походе. Сам «материал» заставил автора отказаться от попытки следовать «замыслению Бояню». Такая точка зрения перекликается с точкой зрения Н. С. Тихонравова, о которой мы уже говорили, и так же, как и та, осталась без внимания последующих ученых и переводчиков.

Сегодняшние исследователи, как и 70 лет назад, при Барсове, считают, что во вступлении автор размышляет только о стиле, его интересует форма сама по себе, форма как таковая.

«„Слову о полку Игореве“ автор предпослал небольшое вступление, и, прямо не связанное с дальнейшим изложением, оно занимает в составе „Слова“ вполне самостоятельное место и легко выделяется даже при беглом просмотре текста.

¹ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., т. II, 1887, стр. 3—5.

² В. А. Келтуяла. Слово о полку Игореве. М., 1928, стр. 71.

«Посвятил его автор не Игорю, не его походу на половцев, а своему собственному произведению — его содержанию, его художественной форме. Как повести речь, какого принципа изложения придерживаться — вот вопрос, который здесь занимает автора».¹ Это пишет И. П. Еремин, и это сегодня общая точка зрения,

«Автор обращается к читателям с вопросом, как ему излагать повествование о тяжелом по последствиям походе Игоря, в старинной ли манере певца-гуслира Бояна, воспевшего события XI и начала XII в. ... или начать эту песнь как реалистическое изложение действительных фактов»,² — писал С. А. Бугославский в 1938 году.

«... основные части „Слова о полку Игореве“ предваряются размышлением автора о стиле для „трудных повестий о полку Игореве“, причем он склоняется „начати“ свою „пѣснь“ „по былинамъ сего времени, а не по замыслению Бояню“ (былины — действительность, замысление — фантазия)»,³ — писал А. С. Орлов в 1946 году.

«Автор „Слова“ отказывается начать свое повествование в старых выражениях и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени»,⁴ — пишет Д. С. Лихачев в 1950 году, повторяя эту точку зрения в 1953⁵ и в 1954 году.⁶

Может быть, некоторые исследователи возразят, что они не считают, подобно Еремину, вступление самостоятельным местом, не связанным ни с дальнейшим изложением, ни с основной идеей произведения. Но, рассматривая вступление как размышление только о стиле, они тем самым становятся на точку зрения Еремина, так как в дальнейшем тексте «Слова» автора волнуют вопросы отнюдь не литературной борьбы.

Итак, по установившемуся мнению, автор «Слова» стоит перед выбором, следовать ли ему манере Бояна или былинам сего времени, и выбирает второе. Это решение автора объясняется тем, что Боян был в плену своей бурной фантазии и «совершенно оторван от жизни» (И. У. Будовниц),⁷ «с историческими событиями обращался вольно, свободно, подчиняя их своей фантазии, приближая их к типу сказок» (И. Новиков),⁸ наконец, «был романтик, растекавшийся „мыслью по древу“» и т. д. (Н. И. Сутт).⁹ Эта же мысль проводится в последнем научном издании «Слова о полку Игореве», в объяснительном переводе Д. С. Лихачева: «Боян, вещей, если кому хотел песнь сложить, то (вместо того, чтобы следовать «былинам сего времени», так и) растекался мыслию по древу» и т. д.¹⁰

Первые издатели «Слова» писали о Бояне: «из некоторых в пример здесь приведенных слов его (Бояна, — В. С.) явствует, что Боян воспевал всегда важные происшествия и изъяснял мысли свои возвышенно».¹¹

¹ И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия. В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 100.

² С. А. Бугославский. Слово о полку Игореве М., 1938, стр. 11.

³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, стр. 29.

⁴ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 76.

⁵ Слово о полку Игореве. (Библиотека поэта, малая серия). Л., 1953.

⁶ Слово о полку Игореве. Детгиз, М.—Л., 1954.

⁷ И. У. Будовниц. Идеинное содержание «Слова о полку Игореве». Изв. АН СССР, сер. истории и философии, 1950, т. VII, № 2, стр. 154.

⁸ Слово о полку Игореве. Перевод, предисловие и пояснение Ивана Новикова. М., 1938, стр. 72.

⁹ Н. И. Сутт. Слово о полку Игореве. «Новый мир», 1938, № 5, стр. 254.

¹⁰ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 76.

¹¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 2 (перепечатка первого издания).

Нельзя не согласиться с Д. С. Лихачевым, признающим, что «слова эти справедливы до сих пор. Многочисленные догадки о том, кто был этот певец — поэт Боян, пока что произвольны».¹ Произвольны и не обоснованы, на наш взгляд, и догадки об оторванности Бояна от действительности. Сам текст «Слова о полку Игореве» не дает нам никаких оснований думать, что его автор считал Бояна певцом, искажающим исторические факты. В произведении нет ни одного места, где бы прямо или косвенно говорилось о вымысле, домысле, обмане или «романтизме» Бояна. Еще более произвольным кажется нам мнение И. У. Будовнича, что Боян увлекался «показной стороной дела, звоном мечей и топотом коней, батальными картинами и описанием удалства русских сынов, независимо от того, к чему это удалство привело».² Все высказывания поэта о Бояне говорят как раз о том, что отношение автора к певцу было противоположным тому, которое ему приписывают. Автор «Слова» постоянно называет Бояна вещим, т. е. «сведущим, мудрым, знающим то, что другим не дано знать».³ Приведенная в «Слове» боянова характеристика князю Всеславу: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути», кажется автору правильной, точной оценкой деятельности этого князя, он даже нашел возможным сослаться на нее. Как сообщает автор «Слова», темами песен Бояна были дела и исторических личностей: князей Ярослава, Мстислава, Романа и др.

Говоря о фантазии Бояна, о его отрыве от жизни, чаще всего ссылаются на следующее место произведения: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы». Из этого замечательного поэтического образа можно заключить только то, что Боян был певцом искусным и вдохновенным, но этот образ не дает никаких оснований для утверждения об оторванности Бояна от действительности или об искажении им действительности. Таким образом, видеть в замыслениях Бояна вымыслы абсолютно беспочвенно.

Многие исследователи считают, что во вступлении автора волнует вопрос жанра. «Буйной фантазии Бояна» он хочет противопоставить свой рассказ «по былинам сего времени», т. е. «в соответствии с историческими повестями (разрядка моя, — В. С.) своего времени».⁴ Эта точка зрения, встречающаяся и сегодня, отразившаяся даже в школьных и вузовских учебниках, ведет свое начало тоже от трудов Вс. Миллера и Е. В. Барсова. Но последовательного рассказа, как в повестях или в летописи, в «Слове о полку Игореве» мы как раз и не находим. Получается явное противоречие, давно уже замеченное: «... на словах отказавшись следовать за Бояном, — пишет Н. К. Гудзий, — автор то и дело идет по его стопам и вместо традиционной воинской повести создает одновременно страстную лирическую песню и волнующее публицистическое произведение, сам становясь судьей не только настоящего, но и прошлого русской истории, неоднократно отвлекаясь от описаний, чтобы перейти к рассуждениям и размышлениям».⁵ При таком толковании вступление теряет всякий смысл, так как автор следует как раз обратному тому пути, который он только что избрал. Теперь оно уже не имеет ни смыслового, ни композиционного значения.

¹ Слово о полку Игореве (Библиотека поэта, малая серия), Л., 1949, стр. 166.

² И. У. Будовнич, ук. соч., стр. 155.

³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1893, стр. 502.

⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1953, стр. 125.

⁵ Там же, стр. 125.

На наш взгляд, такая традиционная трактовка вступления неверна. Вступление «Слова о полку Игореве» — это не нечто самостоятельное, оторванное от дальнейшего повествования, а, напротив, органическая часть плана и композиции, тесно связанная с основной идеей произведения: «призывом русских князей к единению» (К. Маркс). Оно заключает в себе не просто выбор формы для произведения, а нечто большее.

«Не льпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню».¹

В большинстве комментариев к этим строкам говорится, что автор колеблется, размышляет, как ему лучше начать свое произведение, выбирает путь, иными словами, ему еще самому не ясно, как лучше повести речь. Но в подлиннике нет никаких колебаний, автор ничего не спрашивает, ни в чем не сомневается. Перед нами типичный риторический вопрос, в котором сочетание «не... ли» всегда выражает усиление утверждения, бесспорность, несомненность высказываемой мысли. Этот оборот имеет широкое распространение как в древней, так и в новой литературе. Например, у Серапиона Владимирского: «Какія казни от бога не въсприяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ти быша гради наши...».² Или в «Повести временных лет»: «Брате! Не тужи. Видиши ли, колико ся мнѣ сключи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша?.. Не изгнанъ ли бѣхъ от ваю... Не блудилъ ли бѣхъ по чюжим! землямъ».³ Ср. у М. Ю. Лермонтова: «В наш век изнеженный не так ли ты, поэт, свое утратил назначенье».

Таким образом, если автор спрашивает: «Не льпо ли... начяти старыми словесы», то он знает, уверен, что «начяти старыми словесы» было бы «наилепейшим».

Следующая часть разбираемого куска как будто приходит в противоречие с первой частью при такой трактовке: «Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню». Исследователи видят здесь отказ автора начать свое повествование по-старому, желание его вести рассказ «по былинам сего времени». Выбирая, автор, по их мнению, склоняется начать по-новому. Исследователи видят у автора свободу выбора, в то время как сам автор самой конструкцией фразы эту свободу у себя отрицает. Необходимо обратить внимание на безлично-страдательный оборот в этой фразе. Не автор начнет, а самой песне начаться по былинам сего времени. Используемая в этом выражении неопределенная форма глагола («начати ся») в русском языке часто употребляется для того, чтобы подчеркнуть неизбежность, неминуемость, неотвратимость того, что должно случиться независимо от чьей-либо воли. Этот оборот мы часто встречаем в русских пословицах и поговорках: «Чему быть, того не миновать», «Повадилса кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить», «Так тому и быть», «Быть бычку на веревочке» и т. д. Этот же самый оборот и в этом же самом значении неизбежности мы встречаем и в «Слове о полку Игореве» в приведенной автором припевке Бояня: «Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути».

По справедливому замечанию Е. В. Барсова, частица «же» («начати же ся») в данном контексте значит «но нет»⁴ и тем самым еще больше

¹ В дальнейшем текст «Слова» цитируется по: Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 1—31.

² Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, Приложение: Поучения Серапиона Владимирского, стр. 5.

³ Повесть временных лет. Т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 132.

⁴ Е. В. Барсов, ук. соч., т. III, М., 1889, стр. 254.

усиливает невозможность выбора: должно, необходимо начать произведение «по былинам сего времени», а не «по замышлению Бояню»; иначе нельзя, хотя автору, наоборот, нравятся как раз больше «старые слова», он бы хотел начать именно «по замышлению Бояню».

В чем же автор видит разницу между своим произведением и песнями Бояня? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уточнить значение в данном контексте слова «начати».

Автор мог употребить это слово для того, чтобы просто сообщить, что приступает к повествованию. Так начинаются, например, «Поучение правые веры душеполезно» («Почну же глаголати не завито, ни покровно, да всяк начнет разумети») ¹ и «Путешествие в Царьград» архиепископа Антония («С богом починаем сказание мест святых во Царьградѣ»).² В первом примере говорится о стиле произведения, во втором — о теме. Но в обоих случаях слова «почну», «починаем» имеют только служебный характер, утрачивая до некоторой степени свое самостоятельное, первоначальное смысловое значение.

Но возможен и другой вариант. Одним из любимых стилистических приемов древней литературы является вступление в виде размышления, как или с чего начать повествование, т. е. автор говорит о том, каким должно быть вступление, именно начало произведения. Примеры таких вступлений уже приводились И. П. Ереминым. Таково, например, вступление седьмого слова Кирилла Туровского: «Приди ныня духомъ священный пророче Захарие! начаток слова дая нам от своих прорицаний о вознесении на небеса господа бога и спаса нашего Иуса Христа».³ В приведенном примере Кирилл по существу сообщает, как и как нечтется его слово (ср. у Либания-софиста: «Не своевременно ли будет, государь, начать нам речь в похвалу твоего славного пришествия словами лесбосца Алкея: „Ты являлся от пределов земли“?»⁴).

Автор «Слова о полку Игореве» использует этот же последний прием. Не стиль вообще, а именно характер начала интересует его в данном случае. Подтверждением этому служит сама конструкция фразы «начати старыми словесы трудныхъ повѣстий», которую, мы считаем, следует переводить «начать старыми словами трудных повестей»: начать (как?) старыми словесы (какими?) трудных повестей; (повестей — родительный определительный падеж, относится к «словесы»). При таком прочтении слово «начати», не имея при себе дополнения, полностью удерживает свое собственное смысловое значение начала действия.

Представленное прочтение было известно уже давно.⁵ Но в большинстве переводов и, в частности, в последних разбираемое место переводится иначе: «начать старыми словами трудные повести», где слово «повѣстий» является дополнением к «начати». Эта точка зрения кажется нам неправильной. Автор все время говорит о своем произведении в единственном числе («Слово о полку...», «начати же ся тѣй пѣсни», «почнемъ... повѣсте сию»), а в рассматриваемом случае — множественное. Сторонники этой точки зрения пытаются провести аналогию между «Словом» и «Повестями временных лет», где в заглавии тоже стоит множе-

¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1897, стр. 23.

² Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872, стлб. 65.

³ К. К а л а й д о в и ч. Памятники русской словесности XII века. М., 1821, стр. 65.

⁴ И. П. Е р е м и н. Слово о полку Игореве. Ученые записки ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 9, Л., 1944, стр. 9.

⁵ См., например: В. Ф. М и л л е р. ук. соч., стр. 180; Слово о полку Игореве. Под ред. С. Шамбинаго и В. Ржиги, «Academia», М.—Л., 1934, стр. 143.

ственное число («Се повѣсти времяньныхъ лѣт...»), а в тексте — единственное («Се начнемъ повѣсть сию»). Но «Повесть временныхъ лет» — произведение многоплановое, включающее много повестей и рассказов. Поэтому, говоря обо всем произведении, можно было употребить множественное число, а в каждом конкретном случае в самом тексте употребить единственное. В «Слове о полку Игореве» нет летописной многоплановости, все произведение посвящено одному событию — походу Игоря на половцев со всеми его последствиями, поэтому здесь естественно говорить только в единственном числе.

Таким образом, «повѣстий» в «Слове» является определением к «словесы»: начать старыми словами трудных повестей.

Сторонники такого прочтения В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго в комментариях к разбираемой фразе замечают: «...очевидно, что либо „начати“ скрывает в себе понятие „петь“, либо здесь пропущено слово „пѣснь“».¹ Не видим здесь ни пропуска, ни иного значения слова «начать», кроме того, которое оно заключает в себе обычно. Именно как *начать*, каково будет вступление, *начало*, подобное ли вступлениям старых «трудных повестей», вступлениям песен Бояна или отличное от них, — вот о чем говорит здесь автор.

Действительно, непосредственным началом самого повествования о походе Игоря является рассказ о сборах в поход, включающий рассказ о дурных предзнаменованиях и начинающийся с солнечного затмения. Весь этот кусок проникнут тревогою за судьбу героев. Мужественная и решительная речь Игоря только усиливает эту тревогу, так как читатель и слушатель уже успевают проникнуться уважением к отважному князю. Большое композиционное значение имеют здесь слова Игоря: «Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти».

Эти слова как бы готовят будущую трагедию: в дальнейшем с Игорем случилось именно то, что было для него хуже смерти.

Тревожное начало как нельзя лучше соответствует печальному рассказу о походе Игоря и его поражении.

Трагически-тревожное, мрачное начало рассказа о походе Игоря автор противопоставляет возвышенно-торжественным, восторженным, мажорным запевкам Бояна, которыми тот начинал свои песни:

Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, —
галици стады бѣжать къ Дону великому;

или

Комони ржуть за Сулою, — звенить слава въ Киевѣ.

Эти радостно-торжественные бояновы запевки, противопоставленные мрачному и тревожному началу о походе Игоря, т. е. началу собственно авторского повествования, создают огромной силы трагический контраст, который как раз и имел в виду автор, противопоставляя себя Бояну в самых первых строках своего произведения.

Он, автор «Слова», тоже хотел бы начать свою повесть «старыми словесы», радостно и торжественно, как Боян, но сама жизнь, действительность, «былины сего времени» заставляют его петь иначе.

Сказав, что его песня начнется «не по замыслению Бояню», а «по былинам сего времени», автор далее указывает на причины различия, говорит, почему «Слово о полку Игореве» не может начаться так, как начинались песни Бояна: «Боянъ бо (ибо) вѣщый, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по

¹ Слово о полку Игореве. Под ред. С. Шамбинаго и В. Ржиги, стр. 143.

земли, шизымъ орломъ подь облакы». Союз «бо» указывает на причинную связь между предложением «Начати же ся тѣй пѣсни...» и только что приведенным («Боян бо вѣщій...»). «Слово о полку Игореве» начнется не так, как песни Бояна, потому что Боян «растекался мыслию по древу» и т. д., т. е. начинал свои песни зачинами восторженными, возвышенно-торжественными, примеры которых автор «Слова» приводит ниже.

Но возвышенная торжественность песен Бояна в свою очередь тоже следствие причины, указанной в следующем предложении: «Помняшьть бо, рече, пѣрвыхъ времянь усобицѣ». Здесь мы снова встречаемся с тем же союзом «бо». Автор объясняет, почему песни Бояна начинались не так, как его собственная: предшественник автора «Слова», Боян, жил в иную эпоху и воспевал в своих песнях других людей и их дела, совершенно не похожие на те, которые описываются в «Слове».

Таким образом, свое отличие от Бояна автор «Слова» видит в конечном счете в различии прежде всего самой тематики, обусловленном различием самих эпох, в которые жили Боян и автор «Слова». «Новое время — новые песни».

Противопоставление автором себя Бояну в предлагаемой трактовке приобретает большой смысл и становится тесно связанным с основной идеей произведения. Автор сравнивает два времени: прошлое и настоящее. Боян помнил «пѣрвыхъ времянь усобицѣ», т. е. «вспоминал первоначальных времен войны». ¹ Он пел о старом, славном времени, ему, по мнению автора «Слова», приходилось петь только славу князьям, восхвалять их победы и подвиги, и им, победителям, бояновы струны «сами... славу рокотаху»; Бояну не приходилось, подобно автору «Слова», рассказывать о поражении.

Последние исследователи относят жизнь и деятельность Бояна к концу XI—началу XII века. Для автора «Слова о полку Игореве» Боян — певец, имя которого ассоциируется прежде всего с именами «старого Ярослава», «храброго Мстислава», «красного Романа Святославлича», воспетых Бояном в его песнях.

«Старый Ярослав», вошедший в историю под именем Ярослава Мудрого, был одним из самых популярных на Руси князей. Он отомстил братоубийце Святополку «окаянному» за смерть Бориса и Глеба, впоследствии канонизированных. В 1036 г. им окончательно, навсегда были разбиты печенеги, которые после понесенного ими поражения уже никогда более не тревожили Русь. Автор «Русской правды», Ярослав, изображается в летописи как правитель просвещенный, справедливый и мудрый. По словам летописца, умирая, он завещал своим детям жить в любви и дружбе, не ссориться друг с другом: «Да аще будете в любви межю собою, богъ будетъ в васъ, и покоритъ вы противныя подь вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающесе, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ». ²

Изображение князя Мстислава в летописи полностью соответствует той характеристике, которую дает этому князю автор «Слова». Эпитет «храбрый» является здесь наиболее точным. Для летописца, как и для автора «Слова», Мстислав в первую очередь — победитель касогов, зарезавший в единоборстве касожского князя Редедю. Можно предполагать, что именно этот подвиг был воспет и Бояном в его песне об этом князе.

¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 76.

² Повесть временных лет, т. I, стр. 108.

Летопись рассказывает и о междоусобной борьбе Мстислава с Ярославом, которая закончилась благородным миром. Победив Ярослава, Мстислав добровольно отдал ему, как старшему брату, завоеванный им киевский престол. После этого «начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли».¹ Рассказ об этой вражде в летописи скорее является примером того, как надо мириться, забывая обиды, нанесенные друг другу.

Третий князь, упоминаемый в начале «Слова», Роман Святославич, известен нам очень мало. Летопись сообщает лишь о том, что он дал у себя в Тмутаракани убежище князю Борису Вячеславичу и вел междоусобную борьбу с Всеволодом Ярославичем, пользуясь при этом помощью половцев, которые и убили его, когда Всеволод заключил с ними мир. Вот и все. Обращает на себя внимание ритмическая концовка летописного рассказа о гибели Романа:

Суть кости его и досел⁴ лежаче тамо,
сына Святослава, внука Ярослава.²

Лишь в качестве догадки можно предположить, что эти строки имели какую-нибудь связь с песней Бояна, в которой (опять только предположение) певец рассказывал о битве с половцами, окончившейся гибелью Романа. Кроме этих предположений, ничего более определенного и достоверного сказать нельзя.

Автор «Слова» упоминает еще отзыв Бояна о Всеславе. Это дает основание думать, что у Бояна была песня и об этом князе.

Противопоставляя современной ему эпохе времена, воспетые Бояном, автор «Слова» явно идеализирует прошлое, но эта идеализация — явление вполне закономерное. Как это часто случалось в истории, автор «Слова», своим произведением подготавливая новое, оглядывается назад, ищет идеал не в будущем, а в прошедшем, ставя настоящему в пример прошлое. «Как раз тогда, — писал К. Маркс, — когда люди, повидимому, только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое, — как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм, и в освященном древностью наряде, на чуждом языке разыгрывают новый акт всемирной истории».³

Человек XII века, автор «Слова» еще не мог ни призывать к созданию централизованного государства во главе с одним сильным самодержцем, ни даже знать о таком государстве. Он и не думает об уничтожении самостоятельности отдельных княжеств для создания единого, централизованного государства. Он призывает лишь к объединению усилий всех князей для борьбы с общим врагом. Он призывает русских князей прекратить междоусобицы, видя в них причину всех бед родины; он критикует недалеководную политику князей, ставящих выше всего свои личные, узко-эгоистические интересы; все это ведет, в свою очередь, к критике самой раздробленности государства, намечает идеологический фундамент того централизованного государства, которое удалось создать лишь через несколько столетий.

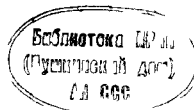
В борьбе с междоусобицами, в призыве объединить все силы для борьбы с врагом заключается народность и прогрессивность произведения. Отстаивая свои передовые идеи, автор все время противопоставляет

¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 100.

² Там же, стр. 135.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, 1930, стр. 323 («18-е брюмера Луи Бонапарта»).

⁴ Древнерусская литература, т. XII

настоящему, эпохе раздробленности и междоусобиц, прошлое, ставит в пример предков, трудами которых было создано сильное и могучее Киевское государство, не раздираемое княжескими междоусобиями и поэтому заставлявшее своих врагов бояться его силы. «О стонати Руской земли, помянувшє прѣвую годину и прѣвѣхъ князей!», — восклицает автор «Слова о полку Игореве».

Противопоставлению старого времени настоящему посвящено и вступление памятника. Для его автора Боян — певец «славы» прежних русских князей, певец старого времени, времени успехов и побед. Этим автор объясняет и стиль песен Бояна, возвышенный и торжественный: сами дела людей того старого времени были таковы, что струны им «сами славу рокатаху». Об ином времени приходится рассказывать автору «Слова». «Наниче ся години обратиша». Вместо того, чтобы воспеть победы, ему приходится рассказывать о поражении. Именно поэтому для его песен не подходят «замышления» Бояна. Он должен слагать песни иначе, этого требует сама действительность, печальные «былины сего времени».

В дальнейшем автор часто возвращается к сравнению прошлого и настоящего. Прошли славные времена «старого Владимира», его уже «нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевьскимъ». Его потомки за своими эгоистическими интересами забыли общие интересы родины. «Усобица княземъ на поганяя погыбе, рекоста бо братъ брату: „Се мое, а то мое же“. И начяша князи про малое „се великое“ мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую».

Думая только о своей личной славе, русские князья не желают объединиться во имя общей победы над врагами: «Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нѣ розно ся имъ хоботы пашуть»; «Мужаймѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ!», — говорили Игорь и Всеволод. В результате таких разрозненных действий русские князья все время терпят поражения. Некогда сильная и могущественная Русская земля теперь не может отразить нападения кочевников. Забыв о своей прямой обязанности — защищать Русь от внешних врагов, думая только о своих личных интересах, князья растеряли то, что огромным трудом было создано их предками. Они оказались плохими наследниками дедовской славы. «Уже бо выскочисте изъ дѣдней славы», — обращается автор «Слова» ко всем современным ему князьям. Сопоставление «старого» и «нового» времени проходит, таким образом, последовательно через все произведение, от самых первых строк вступления до самых последних строк заключения. Игорь бежит из плена и возвращается на родину. Не отсутствие храбрости и мужества привели его к поражению. Свой героизм и стремление к победе он доказал на поле брани. Причины поражения глубже, они — автор это показал — кроются в общем положении дел на Руси: в княжеских междоусобицах, в забвении князьями общерусских интересов. Игорь вернулся домой, и автор надеется, что его поражение послужит уроком всем князьям. В заключении он выражает надежду на приход лучших времен, когда князья, прекратив междоусобицы и объединив свои силы, смогут отомстить половцам за все обиды. Тогда русские князья вернут славу своих предков, и песнь о них будет звучать не так печально, как настоящая, а радостно и торжественно, подобно бояновым о «старых» князьях: «Пѣвшє пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: „Слава Игорю Святъславличу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!“».

Так противопоставление двух эпох проходит красной нитью через весь памятник, от вступления до заключения. Это противопоставление

тесно связано с основной идеей произведения: «призывом русских князей к единению как раз перед нашествием монголов» (К. Маркс). Этот призыв начинается уже со вступления, в котором автор говорит не о форме и стиле самих по себе, а о содержании своего произведения.

Вступление «Слова о полку Игореве» — это увертюра, где в зародыше имеются уже все темы, которые будут развиты в основной части. Его нельзя рассматривать как самостоятельное место, оторванное от основной идеи и содержания памятника. Оно органически связано со всем дальнейшим изложением. Это необходимый элемент общей композиции «Слова», цельной и стройной, не терпящей в себе никакого инородного тела.

В. Л. ВИНОГРАДОВА

Повесть о Горе-Злочастии¹

(Библиография)

В 1956 году исполняется 100 лет со времени открытия А. Н. Пыпиным списка одного из интереснейших произведений древнерусской литературы — «Повести о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин».

Предлагаемая библиография ставит перед собой задачу дать аннотированный список изданий текста повести и посвященных ей исследований за прошедшее столетие и наметить круг вопросов и проблем в изучении этого произведения древнерусской литературы, которые требуют своего разрешения.

Повесть о Горе-Злочастии сразу же привлекла внимание ученых своей самобытностью и оригинальностью. Уже в год открытия этого произведения (1856) появилось два издания текста повести: И. И. Срезневского (1)² и Н. И. Костомарова (2). В течение XIX столетия текст Повести издавался еще несколько раз. В 70-е годы это произведение вошло уже в курсы русской словесности для средних учебных заведений. В 1903 году П. К. Симони (9) фототипически воспроизвел ее список. В 1907 году он повторил снова более тщательно фототипическое издание Повести, которое до сих пор по праву считается самым лучшим изданием памятника (11).

Повышенный историко-литературный интерес исследователей к Повести о Горе-Злочастии можно объяснить оригинальными чертами ее формы и содержания. Повесть оригинальна уже по своей тематике как первое русское художественное произведение, которое изображает судьбу обыкновенного человека Московской Руси XVII века. Эпоха XVII века была переломным периодом, когда в старом обществе пробивало ростки новое демократическое начало, поднимали голову посадские слои населения, вступая в противоречие с старозаветными нормами человеческого поведения, продиктованными Домостроем. Эта борьба старого и нового отразилась и на русской культуре XVII века, в частности на языке и литературе, и повела к большей демократизации их. Героем Повести о Горе-Злочастии, как и ряда других произведений того времени, является не святой подвижник, не национальный герой, не человек, облеченный властью, а безвестный молодец торговой части посада. С другой стороны, именно следствием переломной эпохи XVII века явилась двойственность Повести о Горе-Злочастии не только в содержании, в трактовке образов, но и в форме.

¹ В библиографию не включены издания и работы узко учебного и популярного характера.

² См. порядковый номер библиографии и именной указатель.

Двойственность содержания и формы памятника послужила причиной многочисленных научных споров, которые не затихают уже целое столетие. Основные спорные вопросы были поставлены и предположительно решены первыми исследователями Повести — Н. И. Костомаровым, А. Н. Пыпиным, Ф. И. Буслаевым. Остальные ученые в большинстве случаев лишь развивали ту или иную гипотезу. В истории изучения Повести можно с очевидностью наметить два периода: дореволюционный и советский. Каждый из названных периодов имеет в этом отношении свою специфику, задачи, успехи. Чтобы понять особенности дореволюционного и советского времени в деле изучения Повести о Горе-Злочастии, следует остановиться на обзоре основных вех, по которым пошло исследование.

Основными вопросами изучения Повести о Горе-Злочастии, намеченными первыми исследователями, были следующие: форма Повести, жанровая природа ее, содержание, трактовка образов — доброго молодца и Горя-Злочастия, идея памятника, композиция, вопрос о влияниях; в советскую эпоху началось изучение стиля и языка этого произведения.

Первому исследователю только что открытого памятника Костомарову прежде всего бросилось в глаза своеобразие его формы. Хотя список был написан прозой, однако она легко поддавалась разложению на стихи былинного размера. Костомаров, разбив Повесть на стихи, приобщил ее по форме к былинам, правда, с оговоркой, что по содержанию она представляет собой совершенно оригинальное явление (17). Впоследствии принадлежность к былинам Повести подтвердил Ф. Корш своими конъектурами о ритмике и метрике ее (см. изд. Симони 1907 г.). Повесть не была, однако, однородной. Двойственность ее, о которой говорилось выше, прежде всего сказалась на форме. Повесть начиналась и кончалась совсем иначе, чем былина: рассказу о судьбе доброго молодца предшествовало вступление о грехопадении Адама и Евы, с некоторым отступлением от Библии (замена запретного плода — яблока — на «плод виноградный»); кончалась Повесть тоже на церковно-книжном манер: обращение к богу с молитвой об избавлении от вечной муки и даровании рая. Все это навело другого исследователя — Буслаева — на мысль о близости Повести к духовным стихам (20). Впоследствии эти две точки зрения о жанровой природе произведения находили отражение у ряда ученых. В. Ф. Миллер посвятил в 1896 году целую работу о близости Повести к былине об Иване Гостином сыне (35), в которой пришел к выводу о почти буквальном совпадении начала былины с нашим памятником. С мнением же Буслаева соглашается А. В. Марков, отмечавший в своем исследовании сходство Повести с «Приемем Живота со Смертью» и духовным «Стихом об Анике-воине» (47). Впрочем, некоторая близость Повести к духовным стихам была замечена еще раньше Буслаева Пыпиным в его «Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских» (19) и В. Варенцовым. Варенцов приводит в «Сборнике русских духовных стихов» (81) в качестве параллелей к памятнику два духовных «Стиха про Удачу-доброго молодца». Отнесение Повести к духовным стихам являлось более натянутым, чем причисление ее к былинному жанру. Пыпин уже в своем «Очерке» ставит ее между сказкой, былиной и так называемыми «стихами». В небольшой заметке, помещенной в собрании сочинений Чернышевского, Пыпин более резко возражает Буслаеву (40). Одновременно с сравнением памятника с былинами и духовными стихами появилась и третья линия — сближение его с народными песнями. И здесь нашлись поборники, причислившие Повесть о Горе-Злочастии к жанру народных лиро-эпических песен. Например, А. С. Архангельский в лекциях по истории русской литературы (46) охарактеризовал это произведение как новую редакцию

народной песни, записанной П. Н. Рыбниковым. Однако большинство ученых XIX и начала XX века ограничивалось в своих работах о Повести лишь сравнением ее с былинами, народными песнями, духовными стихами, житиями, поучениями к детям, сказками, сочинениями о пьянстве, не относя ни к одному из названных жанров. Чтобы прийти к более или менее правильному заключению о жанровой природе такого сложного и противоречивого памятника, каким является Повесть о Горе-Злочастии, историко-литературного анализа, которым занимались исследователи дореволюционного периода, оказалось недостаточно. Необходим был глубокий стилистический анализ. Пример тонкого анализа стиля Повести о Горе-Злочастии впервые дал В. Ф. Ржига (58). Путем обстоятельного сопоставления отдельных стилистических элементов Повести с былинной, устной лирической песней, апокрифическими произведениями он пришел к выводу, что нельзя жанровую природу памятника ограничивать каким-либо из названных видов. По его мнению, место Повести лежит между фольклором и книжностью. Первые исследователи, Костомаров и Пыпин, считали ее книжным произведением. Показатели того, что Повесть является не чисто народной, а сочиненной, Костомаров, как романтик, видел уже в ее «философском тоне» и «страстном изложении» (17). Буслаев же в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» (20), приводя наряду с фольклорными много книжных параллелей к Повести (сочинения против пьянства, поучения, слова о женах и т. п.), неожиданно и необоснованно причислил ее к устнопоэтическим произведениям (к духовным стихам). С тех пор в литературе вопроса происходили колебания: одни ученые относили Повесть к книжным произведениям [Н. Марков (34), Полевой (37), Симони (59)]; другие рассматривали ее как фольклорный памятник [Сиповский (39), Архангельский (46), А. Марков (47)]. Лишь В. Ф. Ржига детальным анализом Повести о Горе-Злочастии доказал правоту первоначальной точки зрения о ее книжном происхождении, ибо не только сущность образов доброго молодца и Горя-Злочастия здесь несомненно сложнее, чем в фольклоре, но и композиция по ряду книжных приемов восходит к житийному жанру. Работа Ржики положила конец спорам о жанровой природе произведения. После него уже никто из ученых не усомнился в литературном происхождении памятника. Наоборот, при более вдумчивом взгляде на памятник стали обнаруживать книжные черты в памятнике даже там, где фольклорность, казалось, была вне сомнения (71).

Если переломный период XVII века сказался на форме памятника косвенно в широком проникновении в него фольклорных элементов, то в содержании, образах, в идее произведения еще ярче проявилась та двойственность, которая характеризует борьбу старого и нового. Повесть о Горе-Злочастии рисует судьбу молодого человека, принадлежащего, вероятно, к торговой части посада, который был наказан за непослушание родителям Горем-Злочастием и вынужден уйти на «спасенный путь» — в монастырь. Образ молодца представляет собой тип человека нового поколения, который протестует, правда, еще пассивно, против домостроевских догм, воплощенных в родительском благословении и наставлениях. Традиционная точка зрения усматривает в Повести наличие конфликта «отцов и детей», характерного для эпохи XVII века, с победой на стороне «отцов», т. е. старины. На этой общей мысли исследователи сходились до недавнего времени. Однако в частной трактовке памятника вскоре обнаружились разногласия. Если Ф. И. Буслаев (20, 21), И. Е. Забелин (24) и другие видели в основе Повести лишь религиозно-назидательную тенденцию и характеризовали ее (Повесть) как древнерусский идеал смире-

ния, то В. И. Водовозов (25) не мог с этим согласиться. По его мнению, хотя Повесть и кончается победой Домостроя, тем не менее она констатирует пробуждение в русском обществе XVII века сознания невозможности жить по-старому. Образ молодца тоже дан двойственно. С одной стороны, автор Повести осуждает доброго молодца за нарушение заповедей родителей, с другой стороны, мягкие краски, которыми он обрисовывает своего героя, наводят на мысль о сочувствии автора своему герою. Монашеская жизнь также представляется автору вовсе не идеальной, как в более ранних сочинениях древней Руси, не высшим оправданием земного бытия, а как единственный выход и следствие неудачно сложившейся жизни героя. До Повести о Горе-Злочастии уход в монастырь изображался в древнерусской литературе как высшая цель, к которой должен стремиться человек в жизни. Автор Повести о Горе-Злочастии в этом отношении являлся представителем своего времени, эпохи XVII века, когда церковь, ослабленная «смутой», не без борьбы сдавала свои позиции. Е. А. Петухов (45) отметил, что характеристика победы монашеского идеала дается автором памятника двойственно, как бы свидетельствуя о переломной эпохе, в которую он творил. Это подчеркивают и поздние исследователи, например Н. К. Гудзий (60). «Монашеская жизнь, — пишет он, — трактуется в повести не как идеал, даже не как норма, а как своего рода исключение для тех, кто не сумел наладить свою мирскую жизнь по правилам, какие предписывала веками сложившаяся традиция».¹

Что касается образа героя Повести, доброго молодца, то в его характеристике исследователями не было до недавнего времени особенного разнообразия. В нем признавали человека нового поколения, порывающегося искать новые пути в жизни, но пассивно, и поэтому терпящего неудачу. Впрочем, и в этом вопросе при внимательном рассмотрении истории изучения памятника можно обнаружить некоторое расхождение во мнениях. Те ученые, которые видели основную идею произведения в наказании за неповиновение родителям и победе Домостроя, рисовали образ молодца как человека беспомощного, основной чертой характера которого является слабость духа (Буслаев, Марков, Сиповский и др.). Дорошкевич (50) даже пытался в своих «Критических заметках о преподавании древней русской литературы» рассматривать этот образ с точки зрения христианского идеала смирения и предлагал его как параллель для объяснения аскетизма Лизы Калитиной. Однако большинство исследователей поняло образ доброго молодца как человека нового поколения, ищущего иных самостоятельных путей в жизни, чем те, которые предписывались стариной, но еще недостаточно активного, чтобы выйти победителем.

Таким образом, герой выступает в Повести о Горе-Злочастии в конфликте двух поколений, имевшем место в реальной жизни Руси XVII века. Такова была традиционная точка зрения на памятник, постепенно развиваемая позднейшими учеными. Она была почти бесспорна до последнего времени. В 1948 году Д. С. Лихачев (71) снова вернулся к мнению Буслаева, что молодец — просто безвольный человек, что пьянство его — «кроткое пьянство». Он пишет: «...назидательная часть Повести складывается из чисто практических житейских наставлений. Мораль эта ни стара, ни нова, и молодец нарушает ее не потому, что хочет жить самостоятельно, а по безволию и „неразумию“. Молодец не новый человек, ему нечего противопоставить житейскому опыту своих родителей. В нем нет ни практической хитрости, ни пытливой любознательности, ни пред-

¹ Н. К. Гудзий История древней русской литературы Изд. 3-е, М., 1945, стр. 407

примчивости, ни даже желания перечить окружающим» (стр. 214). А поэтому здесь нет никакого «конфликта» двух поколений. Однако эта характеристика образа героя Д. С. Лихачевым не встретила отклика в последующей литературе о Повести о Горе-Злочастии [А. А. Кайев (72), М. О. Скрипиль (78)].

Если в толковании образа доброго молодца мы видим относительное единство, то гораздо большие разногласия замечаются в трактовке другого образа памятника — Горя-Злочастия. Фантастичность Горя-Злочастия, тесно вплетенного в реальную обстановку, изображенную в этом произведении, сразу обратила на себя внимание исследователей. С тех пор не было ни одной работы о Повести о Горе-Злочастии, которая так или иначе не охарактеризовала бы этот образ. Соответственно духу времени второй половины XIX века образ Горя-Злочастия заинтересовал ученых прежде всего с генетической стороны. Тотчас после открытия и опубликования памятника разгорелась полемика между Костомаровым и Буслаевым по поводу генезиса Горя-Злочастия. Костомаров, как известно, выдвинул гипотезу мифологичности Горя в Повести и сводил его происхождение к античности (сравнение с Эвменидами) (17, 18); Буслаев же давал этому образу психологическую характеристику и объяснял его как художественное олицетворение темной совести молодца (20, 21). С тех пор споры не затихали, хотя ученые и не выдвигали ничего нового. Поборниками мифологичности Горя были Потебня (22), Афанасьев (23), Пыпин (40) и др. Мнение Буслаева отстаивали Марков (34), Полевой (37), Архангельский (46). В советский период этот вопрос тоже остался неразрешенным: например, в «Истории русской литературы», под ред. В. А. Десницкого (64), Горе-Злочастие определяется как художественное олицетворение; А. С. Орлов (66) говорит о Горе в Повести как о мифическом существе. Однако в настоящее время исследователей больше интересует толкование образа Горя-Злочастия.

Еще Костомаров во вступительной статье к первому изданию Повести обратил внимание на сходство ее идей с украинской песней о Лихе-Доле (17). В следующей работе «О мифическом значении Горя-Злочастия» (18) он уже более определенно рассматривает Горе-Злочастие как образ, в основе которого лежит понятие русским и украинским народами человеческой Доли-Недоли. Подробно развил эту мысль А. Н. Веселовский. Сравнив представления о судьбе (доле) у различных народов, Веселовский пришел к выводу о двойственном характере образа Горя в Повести, о том, что в этом образе сливаются народные представления о лихой доле с демонологическим мотивом христианско-библейской легенды (28, 30, 31). Это заключение было подхвачено другими исследователями, в ряде случаев дополнено различными параллелями и до сих пор никем не опровергнуто.

В последующей литературе о Повести больше говорилось о народности Горя-Злочастия, чем о его связях с книжной традицией. Некоторые ученые прямо, хотя и без достаточного основания, утверждали его заимствование из народных песен о доле [Полевой (37), Архангельский (46)]. В наше время сложность образа Горя-Злочастия является вне всяких сомнений. Против излишней фольклоризации Горя в Повести выступает Д. С. Лихачев (71). Он считает, что народный образ Горя в памятнике значительно усложнен и переосмыслен; чужд фольклорному пониманию тот момент, что оно привязалось к человеку как бы в наказание за похвальбу.

С характеристикой образа Горя в Повести о Горе-Злочастии тесно связан не менее сложный и запутанный вопрос о влияниях. Ничем так не богата литература об этом произведении, как сравнениями. С самого

открытия Повести приводились многочисленные параллели к ней из книжных и фольклорных источников, чаще всего ее сравнивали с народными русскими и украинскими песнями о Горе и Доле, особенно в связи с образом Горя-Злочастия, с песнями, записанными Рыбниковым, Соболевским, Киршей Даниловым, Бережковым, А. Марковым и др., а также с былинами (об Иване Гостином сыне — В. Ф. Миллер и т. д.). Среди других параллелей сравнения с песнями и сказками о Горе надо признать наиболее удачными, так как они действительно близки к Повести. Это сходство заставило ученых говорить о влиянии на Повесть, особенно на образ Горя, фольклора.

Однако в большинстве исследований дело кончалось лишь констатацией факта сравнения без подробного анализа сравниваемого материала. Сложность же образа Горя-Злочастия наводила на мысль о возможности обратного влияния его на позднейшие великорусские песни и сказки. Впервые эту мысль высказал А. И. Сонни в работе «Горе и Доля в народной сказке» в 1906 году (41). Ответить же, каково было обратное влияние, он еще не мог. Только подробный стилистический анализ текста Повести и сравниваемого с ней песенного материала дал возможность В. Ф. Ржиге разобраться в этом чрезвычайно запутанном вопросе. В народных русских, украинских и белорусских песнях о Горе он различает две группы: 1) варианты песен о Горе как женской доле, 2) варианты песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Путем их анализа и сопоставления с Повестью о Горе-Злочастии исследователю удалось доказать, что русские, украинские и белорусские народные песни о Горе как женской доле оказали влияние на это произведение. Сам же памятник явился художественным прототипом позднейших великорусских песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Таким образом, творческая заслуга неизвестного автора Повести состоит здесь в переработке фольклорного материала о Горе, в прикреплении его к образу молодца. В. Ф. Ржига также подчеркивает, что Повесть как русский памятник воздействовала в данном случае только на великорусский фольклор. Выводы эти были приняты последующими исследователями. Тем не менее их нельзя считать исчерпывающими. Вопрос о взаимосвязях Повести с устным творчеством нуждается в тщательной разработке.

Что касается книжных связей, то они остаются очень неясными. Первые издатели, отдавая дань мифологической и исторической литературным школам прошлого столетия, приводили к Повести книжные параллели настолько отдаленные, что эти параллели сами по себе не вносили ничего нового в дело ее изучения. Например, Буслаев без всякого основания усматривал связь памятника со средневековыми изображениями «пляски мертвых» по частному применению сказания об Адаме и Еве, с древне-немецким стихотворением XIII века «Гельмбрехт» Вернера Гартенера по мотиву неповиновения родителям, чем вызвал справедливые нарекания позднейших исследователей [Пыпин (40), Архангельский (46), Мазон (74)]. Более правильным представляется сравнение Буслаева Повести о Горе-Злочастии с древнерусскими сочинениями о пьянстве. Эта связь с апокрифическими и народными преданиями о вине и хмеле была воспринята учеными после того, как Веселовский представил ее на широком полотне мировой литературы и фольклора в своих трех работах, посвященных Повести. Увлечение этой параллелью особенно ярко проявилось тогда, когда Александр-Невское общество трезвости в Петербурге в 1907 году зачислило Повесть в разряд сочинений против пьянства (42). Это было преувеличением: пьянство является одним из мотивов назидательной стороны памятника, но не главным. Кроме того, как в настоящее

время показал Д. С. Лихачев, Повесть существенно отличается от сочинений о пьянстве: она рисует молодца сочувственными красками, а не кающимся грешником. По сюжету Повесть иногда сближали с евангельской притчей о блудном сыне. Эту мысль старается развить французский ученый А. Мазон, возводя происхождение памятника к евангельскому тексту (74). В вопросе о книжном влиянии на Повесть о Горе-Злочастии исследователи проявляют единство в сближении начала ее с библейским сказанием о грехопадении Адама и Евы. Книжно-религиозное вступление настолько резко отличается от всей стилистической канвы текста, что его (вступление) рассматривали как позднейшую приписку. Попытку опровергнуть эту традиционную точку зрения сделал Лихачев. Он считает, что вступление, повествующее о нарушении божеской заповеди первыми людьми, является органическим началом дальнейшего рассказа о нарушении героем заповеди семейно-бытового уклада русской жизни XVII века, поэтому цельность композиции Повести о Горе-Злочастии несомненна.

Вопросы стиля и языка этого произведения стали разрабатываться в советский период, кроме обстоятельной работы Ржиги, в последние годы. Текст Повести содержит в себе так называемые «темные места». До 1944 года, когда появилась статья А. С. Львова «Темные места в „Повести о Горе-Злочастии“» (65), их расшифровка имела чисто случайный характер сносок и комментариев. Хотя работа Львова выясняет значения всего лишь 8 «темных мест», она представляет серьезное начинание в этом направлении. Отдельным сторонам языка Повести о Горе-Злочастии посвящены два исследования последних лет: статья В. П. Воробьева «Сложно-сочиненное предложение в русских оригинальных повестях второй половины XVII века», 1948 г. (70), и диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук М. К. Давыдовой «Лексика Повести о Горе-Злочастии», 1953 г. (75). Весьма ценным достижением этих исследований представляется их тенденция к неразрывной связи языка памятника с его стилем и содержанием.

Итак, изучение Повести о Горе-Злочастии еще далеко до своего завершения. В некоторых вопросах оно только начинается. Относительно решенными можно считать следующие вопросы:

- 1) датировка написания и списка памятника,
- 2) литературное происхождение его,
- 3) связь Повести с народными песнями о Горе,
- 4) возведение начала Повести к библейскому тексту о грехопадении Адама и Евы.

Задачи, в данное время стоящие перед исследователями в деле изучения Повести о Горе-Злочастии:

- 1) характеристика образа доброго молодца и образа Гора-Злочастия (происхождение, трактовка),
- 2) детальная разработка вопроса о взаимоотношении повести и фольклора,
- 3) книжные заимствования в памятнике,
- 4) проблемы «темных мест»,
- 5) всестороннее изучение стиля и языка Повести, недавно начатое.

Библиография Повести о Горе-Злочастии

1. Издания

«Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин». Нач.: «Изволением господа бога и спаса», по ркп. ГПБ, Погод. № 1773, XVIII в.

1. Срезневский И. И. Старческая песнь о Горе-Злочастии. — Известия АН по ОРЯС, 1856, т. V, вып. II, стр. 401—412 (Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян).
2. Костомаров Н. И. Горе-Злочастье, древнее русское стихотворение. — Современник, 1856, № 3, отд. 1, стр. 49—68.
3. Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова, вып. 1, СПб., 1860, стр. 1—8.
4. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 1367—1383.
5. Горе-Злочастье. Повесть о Горе и Злочастии, с приложением народных былин о горюшке и добром молодце и других. М., 1864, 59 стр.
6. Цветков А. Образцы древней русской словесности. СПб., 1879, стр. 301—313.
7. Глазунов И. Древнерусские повести и романы. СПб., 1895, стр. 67—79.
8. Марков Н. Горе-Злочастье, древнее русское стихотворение. Елизаветград, 1896, 22 стр. (перевод Повести на современный язык).

Рец:

Русская мысль, 1897, кн. IX, сентябрь, стр. 410.

9. Симони П. К. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастье довело молодца во иноческий чин. Изд. ОРЯС, СПб., 1903, XXII, 48 стр. (фототипическое издание).

Рец:

ЖМНП, 1903, октябрь, стр. 437—438.

10. Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 1—13.

Рец:

Розанов С. П. Русские повести XVII—XVIII вв. под ред. Сиповского. 1905 г., стр. 1—14. — Известия ОРЯС АН, 1904, кн. 4.

11. Симони П. К. Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастье довело молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII века. — Сборник ОРЯС, т. LXXXIII, № 1, СПб., 1907, стр. 1—88 (и отдельно).

Стр. 27—48: Полный снимок со списка Повести и построчная транскрипция текста. Стр. 49—73: Текст в чтении акад. Ф. Е. Корша. Стр. 74—78: Опыт реставрации текста.

12. Дунаев Б. И. Библиотека старорусских повестей, II. М., 1914.

Рец:

Назаревский А. — Русский филологический вестник, 1915, № 2, стр. 433—434.

13. Буслаев Ф. И. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности. Изд. 13-е, дополн. и исправл. акад. А. И. Соболевским, М., 1917, стр. 186—208.
14. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Учпедгиз, М., 1935, стр. 299—313.

Здесь же напечатаны две народных песни о горе.

- То же. Изд. 2-е, 1936, стр. 299—313.
 То же. Изд. 3-е, 1938, стр. 366—379.
 То же. Изд. 4-е, 1947, стр. 342—357.
 То же. Изд. 5-е, 1952, стр. 391—406.
 То же. Изд. 6-е, 1955, стр. 385—400.
15. Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. Учпедгиз, М., 1938, стр. 236—240 (текст печатается с сокращениями).
 То же. Изд. 2-е, М., 1952, стр. 320—326.
16. Русская повесть XVII века. Гос. Изд. худож. лит., М., 1954, стр. 103—115.

Текст подготовлен к печати М. О. Скрипилем.

II. Исследования

17. Костомаров Н. И. Горе-Злочастье, древнее русское стихотворение. — Современник, 1856, № 3, отд. I, стр. 49—68.

Самобытность Повести о Горе-Злочасти. По форме Повесть — былина, по содержанию — новое оригинальное явление. Философский тон Повести и страстное изложение ее как показатели произведения не чисто народного, а сочиненного. Повесть написана ранее XVII в. Связь содержания Повести с обычаями русской старины. Древность образа Гора-Злочасти: сравнение его с Эвменидами из греческой мифологии. Сходство идеи Повести с малорусской песней о Лихе-Доле. Разложение текста на стихи.

18. Костомаров Н. И. О мифическом значении Гора-Злочасти. — Современник, 1856, № 10, отд. I, стр. 113—124.

Полемика с Ф. Буслаевым относительно мифологичности образа Гора-Злочасти: Горе — мифологическое существо, а не поэтический образ. Великорусские и малорусские песенные параллели к образу Гора-Злочасти.

То же. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова, вып. I, СПб., 1860, стр. 12—18.

19. Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, 360 стр.

Стр. 293—295: Повесть о Горе-Злочасти. Повесть — произведение, занимающее среднее место между сказкой, былинной и так называемыми «стихами». Повесть — литературная обработка народноповестического материала. Библиография.

20. Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочасти, как Горе-Злочастье довело молодца в иноческий чин. Древнее стихотворение. — Русский вестник, 1856, т. IV, июнь, кн. 2, стр. 5—52; июль, кн. 2, стр. 279—322.

Содержание Повести о Горе-Злочасти. Сравнение тем и образов памятника: с былинной «Садко богатый гость», с повествованием о Тихвинской иконе Богоматери, с древнерусскими сочинениями против пьянства, с древнерусскими поучениями, со словами о женах. Отнесение Повести о Горе-Злочасти к разряду духовных стихов. Сравнение Повести с древне-немецким стихотворением XIII в. «Гельмбрехт» Вернера Гартенера. Начало Повести о Горе-Злочасти в связи с вариантами библейской легенды о грехопадении в религиозной литературе у различных народов и со средневековыми изображениями «пляски мертвых». Возражения против мнения Костомарова о мифическом значении образа Гора-Злочасти: образ Гора — художественное олицетворение темной совести самого героя (добротного молодца).

То же. В кн.: Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. Русская народная поэзия. СПб., 1861, стр. 548—643.

21. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 1367—1383.

Текст. Объяснение некоторых слов Повести. Главная мысль Повести о Горе-Злочасти. наказание Горем-Злочастием непочтительного к родителям сына Близость характеристики Горя-Злочастиа со стихотворением Кириши Давилова «А и в горе жить — некручинну быть».

22. Потеня А. А. О доле и сродных с нею существах. — Древности. Труды Московского археологического общества, т. I, вып. 2, М., 1867, стр. 153—196.

Этимологические разыскания слов: часть, доля, пай, случай, притча, рок, лихо, беда, нужда, горе. Горе-Злочастиа в Повести о Горе-Злочасти — мифический образ. Возражения Буслаеву, считавшему Горе поэтическим олицетворением. Рассмотрение мифических представлений о доле и связанных с нею понятиях у различных народов. Песенный и сказочный комментарий.

То же. В кн.: Ал. Аф. Потеня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914, стр. 189—243.

23. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. III. М., 1869, стр. 392—421.

Образ Недоли, Горя в народной поэзии (в песнях и сказках). Доля и Недоля — живые мифические лица, тождественные девам судьбы (рожаницам) Сравнение Горя с украинскими эльдами. Параллели к образам Доли и Недоли у других индоевропейских народов.

24. Забелин И. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст., т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869, стр. 50—54.

То же. Изд. 2-е, М., 1872, стр. 50—54.

Повесть о Горе-Злочасти — выражение древнерусского идеала смирения, поэтическое воспроизведение основных учений Домостроя. Образ Горя-Злочастиа создан в назидание молодому поколению XVII в.

25. Водовозов В. И. Рассказы о том, что у нас сохранилось по народной памяти и по грамоте. — Народная школа, СПб., 1870, № 4, стр. 29—32.

Народный язык Повести о Горе-Злочасти. Памятник констатирует пробуждение сознания в русском обществе XVII в. о невозможности жить по-старому.

26. Водовозов В. Древняя русская литература. СПб., 1872, 350 стр.

Стр. 280—285: Содержание и литературный анализ Повести о Горе-Злочасти.

27. Петров Н. И. Южно-русские легенды (библиографическая заметка). — Труды Киевской духовной академии, 1877, № 3, стр. 556—557.

Параллели из украинских народных легенд к Повести о Горе-Злочасти: украинский рассказ «Ох»; великорусские народные стихи о Горе-Злочасти (отрывок песни из «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», т. 1, стр. 470).

28. Веселовский А. Н. Altslavische Kreuz- und Rebensagen. — Russische Revue (Monatsschrift für die Kunde Russlands), 1878, Bd. VII, H. 8, стр. 144—149.

Содержание Повести. Сходство образа Горя в русских песнях и сказках с образом Горя в Повести. Связь образа Горя с преданиями о хмеле.

29. Евстафьев П. В. Древняя русская литература, вып. II. СПб., 1879, стр. 160—169.

История открытия Повести о Горе-Злочасти. Краткое содержание. Типические черты русской народной жизни, представленные в Повести (по мнению автора, это: вера в святость родительского благословения; бражничество; неуважение к женщине; чистый путь спасения — монастырь). Историческое и поэтическое значение Повести. Основная мысль произведения — послушание родителям. Сущность Повести — характеристика доброго молодца древнерусской жизни.

30. Веселовский А. Н. Глава о повестях в кн.: А. Галахов. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1880, т. 1, отд. 1, стр. 474—480.

Содержание Повести о Горе-Злочасти. Двойственный характер образа Горя: народные представления о лихой доле и демон христианско-библейской легенды. Связь Повести с демонологическими рассказами о «винном питии».

31. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. — Сборник ОРЯС, т. XLVI, № 6, СПб., 1889; т. LIII, № 6, СПб., 1891.

О Горе-Злочасти в разделах XIII — «Судьба-доля в народных представлениях славян», стр. 249—260, и XXIII — «К развитию народных представлений о Доле», стр. 167—183. В Повести о Горе-Злочасти христианское понимание идеи недоли как искупления за грехи. Связь этой идеи с библейским рассказом о грехопадении. Южнославянские и русские народнопоэтические параллели к образу Недоли. Описание представлений о судьбе (доле) и связанных с ними обрядов у различных народов.

32. Васильев М. К. Антропоморфические представления в верованиях украинского народа. — Этнографическое обозрение, 1890, № 1, стр. 87—97; 1892, № 4, стр. 157—169.

Генезис олицетворений украинского народа: Доля, Злыдни, Беда и проч. Воплощение положительного начала — Доля; воплощение отрицательного начала — Беда. Примеры на олицетворение Доли, Беды и проч. из украинского фольклора (рассказы). В «Этнографическом обозрении» № 4 за 1892 г., стр. 169—170 — статья Н. Ф. Сумцова «Дополнение к статьям о Доле и Недоле» (библиография к статье М. К. Васильева).

33. Иванов П. В. Народные рассказы о доле. — Сборник харьковского историко-филологического общества, т. IV, Харьков, 1892, стр. 54—89 (отдельный оттиск).

В украинском народном творчестве Доля — душа предков. Характеристика Доли как неизбежности, неотвратимости и бессилия человека в борьбе с ней. Верование в связь судьбы человека (Доли) с небесными светилами. Наличие в понятии о Доле трех идей: прирожденности, предопределения, случая. Иллюстрация этих положений материалом украинских народных рассказов, сказок, песен.

34. Марков Н. Повесть о Горе и Злочасти... — Журн. «Гимназия», Ревель, 1896, ноябрь, стр. 1—45.

Самобытность Повести о Горе-Злочасти. Это произведение личного творчества, построенное на книжной основе. Состав и содержание Повести. Литературный анализ первой и второй частей Повести. Основа счастья человека по автору Повести о Горе-Злочасти в семье. Личность доброго молодца. Важнейшая черта характера молодца — слабость духа. Образ Горя-Злочасти — поэтический образ. Параллели к нему из русских песен и сказок.

35. Миллер В. Ф. Былины об Иване Гостином сыне. — ЖМНП, 1896, № 4, стр. 276—306.

То же. В кн.: В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897, стр. 247—254.

В частности, сравнение былины об Иване Гостином сыне с Повестью о Горе-Злочастии: общность идеи былины и Повести. Почти буквальное совпадение начала былины об Иване Гостином сыне с Повестью о Горе-Злочастии. (Резюме доклада на эту тему. — Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества, М., 1898, т. II, Протоколы, стр. 8—9).

36. Пыпин А. Н. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, 566 стр.

Стр. 547—549: Повесть о Горе-Злочастии. По форме Повесть — произведение чисто народное. Двойственность Повести. Изложение взглядов Буслаева на памятник.

37. Полевой П. Н. История русской словесности, т. I. СПб., 1900, 652 стр.

Стр. 323—331: Повесть о Горе-Злочастии. Цель и основа Повести о Горе-Злочастии — назидание. Двойственный характер Повести: она — как бы связующее звено между книжными произведениями и народными. Образ Гора-Злочастия как олицетворение; он заимствован из народных песен и сказок о Горе.

38. Симоны П. К. Повесть о Горе и Злочастии... Изд. ОРЯС, 1903 (см. № 9).

История открытия Повести Пыпиным. Описание рукописного сборника, содержащего ее. Библиография. Издание рукописного списка памятника. Фотоснимок списка Повести о Горе-Злочастии.

39. Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, 308 стр.

Стр. XXIX—XXXVII, 14—21: Горе-Злочастие. Связь Повести о Горе-Злочастии с народной песней и духовным стихом. Беспомощность героя Повести, человека нового времени, перед идеалами старины. Сложность происхождения образа Гора-Злочастия. Текст памятника. Лиро-эпические народные песни и сказки о Горе как наиболее близкие по содержанию к Повести.

40. Пыпин А. Н. Заметка. — Чернышевский Н. Г., Сочинения, т. II, СПб., 1906, стр. 612—616.

Мифологичность образа Гора-Злочастия. Poleмика с Буслаевым. Повесть о Горе-Злочастии — светская повесть.

41. Сонни А. И. Горе и Доля в народной сказке. — Египос. Сборник в честь Н. П. Дашкевича, Киев, 1906, стр. 362—425.

Изложение взглядов Костомарова, Потебни, Афанасьева, Буслаева на образы Гора, Доли и т. д. Возражение Веселовскому. Анализ русских, украинских, немецких, польских и других сказок о Горе и Доле. Происхождение их — от античности. Образы Гора и Доли в великорусских народных песнях. Образ Гора — чисто поэтическая формула. Сложность образа Гора в Повести о Горе-Злочастии: соединение черт народной песни с церковно-библейскими. Влияние этого сложного образа на позднейшие великорусские песни и сказки.

42. Древнерусские сказания о пьянстве. — Александро-Невское общество трезвости, СПб., 1907, стр. 1—29.

Отнесение Повести о Горе-Злочастии к разряду сочинений «против пьяниц и злого запойства» (мнение Буслаева).

43. Симони П. К. «Повесть о Горе и Злочасти, как Горе-Злочасти довели молодца во иноческий чин», по единственной сохранившейся рукописи XVIII века. — Сборник ОРЯС, т. LXXXIII, № 1, СПб., 1907, стр. 1—88 (и отдельно).

История открытия, изданий и исследований Повести. Описание рукописного сборника М. П. Погодина № 1773. Текст Повести о Горе-Злочасти. Полный снимок со списка ее. Текст Повести в чтении акад. Ф. Е. Корша с его замечаниями о ритмике и метрике произведения. Опыт реставрации текста.

44. Преображенский В. С. Славяно-русский скитский патерик. Киев, 1909, 258 стр.

Стр. 237—238: Заимствование в Повести о Горе-Злочасти четырех мест из Скитского патерика.

45. Петухов Е. В. Русская литература. Древний период. Юрьев, 1911, 768 стр.

Стр. 546—549: Повесть о Горе и Злочасти. Сочетание в Повести о Горе-Злочасти книжного демонологического мотива с народным представлением о лихой доле. Характеристика победы монашеского идеала как свидетельства переходной эпохи.

То же. Изд. 2-е, Юрьев, 1912, стр. 350—352.

46. Архангельский А. С. Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (конец XV—XVII вв.). Казань, 1913, 613 стр.

Стр. 421—435, 516: Повесть о Горе-Злочасти. Основная мысль Повести о Горе-Злочасти — святость семейных уз. Пессимистичность автора произведения. Сближение Буслаевым Повести со средневековыми изображениями «пляски смертей» и бесов слышкѣм отвлеченно. Возражение Костомарову о мифологичности образа Гора-Злочасти. Образ Гора — поэтическое олицетворение древнерусских народных представлений о злой доле: связь Повести с народной поэзией. Характеристика памятника как новой редакции народной песни, записанной Рыбниковым. Повесть — книжное произведение. Связь ее с циклом древнерусских слов и поучений, направленных против «злого запойства». Герой Повести — человек нового поколения, «жертва безвременья» московской Руси XVII в.

47. Марков А. В. Повесть о Горе-Злочасти. — Живая старина, СПб., 1913, вып. I—II, стр. 17—24.

Место Повести среди произведений народной поэзии. Основные черты содержания ее. Сходство памятника с былинами и духовными стихами. Происхождение поэтического образа Гора-Злочасти: в основе этого образа литературный образ Смерти. Сравнение Повести о Горе-Злочасти с «Принием Живота со Смертью» и «Стихом об Анике-воине».

48. Сумцов Н. Ф. Злыдни в бочке. К сказаниям о заключенном бесе. — Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 59—67.

В малорусских сказках Злыдни — синоним Гора-Злочасти и Недоли. Сближение образа Злыдней с образами Доли и Недоли в малорусских и русских сказках. Оценка некоторых исследований о Доле и Недоле.

49. Охотский Б. Черты русской жизни XVII в. по светским повестям. Казань, 1914, стр. 6—10, 12—26 (отдельный оттиск из журн. «Вестник образования», 1914, № 4—8).

История издания и изучения Повести о Горе-Злочасти (библиография). Изложение содержания памятника. Бытовые черты русской жизни XVII в. по Повести.

50. Дорошкевич А. К. Критические заметки о преподавании древней русской литературы. М., 1915, 42 стр.

Стр. 19, 21—22, 37—38: О повести о Горе-Злочаштии. Повесть о Горе-Злочаштии как параллель для объяснения учащимся аскетизма Лизы Калитиной («Дворянское гнездо» Тургенева). Параллели к христианскому идеалу смирения: молодец из «Горя» и Миша Полтев из повести Тургенева «Отчаянный»; художник из повести Гоголя «Портрет».

51. Белецкий А. И. О преподавании древнерусской литературы в средней школе. Харьков, 1917, стр. 5, 18.

Упоминание о Повести о Горе-Злочаштии.

52. Сиповский В. В. История русской словесности, ч. 1. Изд. 8-е, 1917, 252 стр.

Стр. 216—219: Повесть о Горе-Злочаштии. Близость Повести с духовными стихами и народными песнями. Изложение содержания памятника. Историческое значение Повести: идеалы Домостроя. Связь ее с житиями. Аналогичность образа Гора-Злочаштия Обиде из «Слова о полку Игореве». Отличия Повести от Киевского патерика.

53. Майданов Д. Т. Повторительный курс истории русской словесности, ч. 1, вып. II. Одесса, 1917, стр. 211—215.

Связь Повести о Горе-Злочаштии с полудерковными повестями, легендами, духовными стихами и народными песнями. Некоторое сходство героя Повести с горьковским Фомой Гордеевым. Краткое содержание памятника.

54. Соболевский А. И. Повесть о Горе-Злочаштии. — В кн.: Ф. Буслаяев. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности. Изд. 13-е, дополн. и исправл. акад. А. И. Соболевским, М., 1917, стр. 186—203.

Деление Повести о Горе-Злочаштии по содержанию на 6 составных частей. Повесть сложена из поэтического элемента и назидательного. По поэтическому складу она примыкает к народным песням; по назидательному — к поучениям детям и сочинениям о пьянстве. Текст Повести с комментариями. Приложение: два варианта «Стиха про Удачу-доброего молодца» с комментариями.

55. Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.—Пгр., 1923, 96 стр.

Стр. 63—65: Библиография и тематика изучения Повести о Горе-Злочаштии.

56. Перетц В. Н. Українська паралель до повісті «Горе Злочаштіє». — «Україна», 1924, кн. 3 (Всеукраїнська Академія наук), стр. 23—24.

Как параллель к Повести о Горе-Злочаштии приведена вирша по рукописи Виленской публичной библиотеки № 234 (16) первой половины XVIII в.

57. Луговський Б. З приводу «Української паралелі до повісті «Горе-Злочаштіє» акад. В. Н. Перетца. «Україна», 1924, кн. 3 — «Україна», 1926, кн. 1 (Всеукраїнська Академія наук), стр. 43—50.

В дополнение к стиху о блудном сыне, приведенному в названной работе В. Н. Перетца, автором дается псалм «Блудящий человек», записанный в Черниговской области.

58. Ржига В. Ф. Повесть о Горе и Злочаштии и песни о Горе. — Slavia, 1931, X, вып. 1, стр. 40—66; вып. 2, стр. 288—315.

Вып. 1: Стилистический анализ Повести о Горе-Злочаштии. Ряд приемов и формул былинного стиля в Повести. Близость к былинам

метрической структуры памятника. Близость Повести к устной лирической песне. Использование элементов и приемов книжной композиции в памятнике. Возражения против доводов Буслаева о помещении Повести о Горе-Злочасти между былинами и духовными стихами, возражения против отнесения ее Марковым к духовным стихам. Повесть стоит между фольклором и книжностью. Композиционная структура ее: 1) вступление, 2) развитие сюжета: а) на родине, б) на чужой стороне, в) возвращение с чужбины и выход на «спасеный» путь. Двойственность образов Гора-Злочасти и доброго молодца. Генетическое восхождение композиционной рамки Повести о Горе-Злочасти к житийному жанру. Вып. 2: Библиография народных русских, белорусских и украинских песен о Горе. Деление этих песен на две группы: 1) варианты песен о Горе как женской доле; 2) варианты песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Литературный анализ их. Сопоставление народных песен о Горе с Повестью о Горе-Злочасти. Выводы: Влияние песен о Горе как женской доле на Повесть; Повесть о Горе-Злочасти как художественный прототип фольклорных песен о Горе в применении к образу доброго молодца.

59. Виноградов Г. 75-летний юбилей П. К. Симони. — «Советский фольклор» (сборник статей и материалов), М.—Л., 1936, № 2—3, стр. 458—459.

Гипотеза Симони, высказанная им в докладе в Институте русской литературы в мае 1934 г.: Отнесение Повести о Горе-Злочасти к исходу XVI в. или к самому началу XVII в. Трактовка этого памятника как литературного произведения, вышедшего из новгородского культурного гнезда. Автор Повести, по мнению Симони, — московский протопол Терентий.

60. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Учпедгиз, М., 1938, стр. 379—385, 446.

Изложение содержания Повести о Горе-Злочасти. Характеристика Повести как первого русского произведения, в котором рассказывается о судьбе обыкновенного светского человека. Старина в памятнике торжествует над индивидуалистическими порывами молодого поколения. Связь Повести с другими древнерусскими произведениями о хмеле. Сравнение «блудного сына» из «Комедии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого с молодым из Повести о Горе-Злочасти.

То же. Изд. 2-е, 1941, стр. 399—405, 465.

То же. Изд. 3-е, 1945, стр. 403—409, 490.

То же. Изд. 4-е, 1950, стр. 371—378.

То же. Изд. 5-е, 1953, стр. 370—376, 483.

61. Кузьмина В. Д. Изучение русских повестей XVII века в VIII классе. — Литература в школе, 1939, № 5, стр. 43—54.

Повесть о Горе-Злочасти как одна из семейно-бытовых посадских повестей конца XVII в. Это — попытка синтеза церковно-книжной легенды и фольклора. Восхождение к книжной традиции композиционной рамки Повести, отчасти идеи, а также отдельных мотивов (наставления родителей, образ «злой жены», изображение пьянства в кабаке), композиционных элементов (символический параллелизм). Влияние фольклора на стиль памятника: краткий пересказ стилистического анализа В. Ф. Ржиги в «Slavia». Связь образов этого произведения с народным творчеством. Возражение против психологической характеристики Буслаевым образа Горч-Злочасти.

62. Адрианова-Перетц В. П. и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. Библиография истории древнерусской литературы, вып. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, 326 стр.

Стр. 267—270: Библиография изданий и исследований Повести о Горе-Злочасти.

63. Ценная литературная находка. — Литературная газета, 1940, 12 XI (№ 56).

О находке В. И. Малышевым в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР рукописного сборника «Стихи покаянны, слезны и умильны» XVII в. Многие вирши этого сборника говорят о бесспорном их влиянии на «Повесть о Горе-Злочاستии».

64. История русской литературы. Учебник для вузов. Под общ. ред. проф. В. А. Десницкого. Учпедгиз, М., 1941, т. 1, ч. 1, гл. VIII, § 2. стр. 265—268 (автор — М. О. Скрипиль).

Острая злободневность Повести о Горе-Злочастии в исторической обстановке середины XVII в. Двойственность в обрисовке молодого поколения в произведении — отражение неустойчивости общественно-политических устремлений торговой части посада. Лиризм образа главного героя в Повести — черта нового времени. Родство памятника с народным творчеством. Горе-Злочастие — художественное олицетворение темной совести молодца. Влияние Повести на устные варианты песни о Горе и добром молодце.

65. Львов А. С. Темные места в «Повести о Горе и Злочастии». — Ученые записки Ярославского Гос. педагогического института, 1944, вып. 1, стр. 62—76.

Попытка выяснить значение некоторых слов и выражений в Повести: 1) вправде вечерине; 2) заточное; 3) ишему; 4) упатки, упадывать; 5) некласти скарлату; 6) головенкою; 7) нани; 8) шумить.

66. Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVII вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, 346 стр.

Стр. 335: Сходство Повести о Горе-Злочастии с Повестью о Савве Грудыне в объяснении нарастания проступков героев обоих произведений вмешательством злой силы. Образ Гора мифологичен.

67. Марісова Л. Й. Поема М. Бейдемана «Ванюша» і староросійська «Повесть о Горе-Злочастии». — Київ, Держ. університет ім. Т. Г. Шевченка. Студентські наукові праці. Збірн. VII. Історія та філологія. Київ, 1946, стр. 33—49.

М. Бейдеман, вероятно, был знаком с Повестью о Горе-Злочастии, что нашло отражение в некоторых внешних формальных чертах его стихотворной повести «Ванюша».

68. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, 188 стр.

Стр. 80, 86, 94, 96, 97: Примеры метафорических образов древнерусского поэтического стиля из Повести о Горе-Злочастии: стр. 80, добрый молодец — сокол; стр. 86, враг — ворон (в Повести — Горе); стр. 94, символ зла, лукавства, всякого обмана — змий. Стр. 96—97: Использование в Повести образа песенной символики — волка (символ быстроты бега) для изображения бегства молодца от Гора.

69. Малышев В. И. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (стих «покаянны» о пьянстве). — Труды ОДРЛ, V, стр. 142—146.

Приведение в качестве тематической и стилистической параллели к Повести о Горе-Злочастии стиха «покаянен» о пьянстве из списка сборника «покаянных» стихов середины XVII в. Центрального Гос. архива Карело-Финской ССР, № 38. Стилистическая близость к Повести «стихов покаянных» наводит на мысль о их влиянии на Повесть

70. Воробьев В. П. Сложно-сочиненное предложение в русских оригинальных повестях второй половины XVII века. — Ученые записки Саратовского Гос. педагогического института, вып. XII, 1948, стр. 163—191.

Основной тип предложения в Повести о Горе-Злочастии — сложное предложение, в пределах которого заметно некоторое преобладание сочинения над подчинением. Воздействие и влияние стиля Повести на структуру предложения в ней. Употребление и функции сочиненных союзов в этом памятнике.

71. История русской литературы, т. II, ч. II. Литература кануна реформы (1640—1690-е годы). Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, гл. III, стр. 207—221 (автор — Д. С. Лихачев).

Цельность Повести о Горе-Злочастии. Несогласие с традиционной точкой зрения, что в Повести есть конфликт между двумя поколениями (отцами и детьми) Огенька Повести как первого произведения русской литературы, стремившегося к широте художественного обобщения: тема памятника — жизнь человека вообще. Характеристика образа Гора-Злочастия как не совсем фольклорного: чужд народному пониманию Гора тот момент, что оно привязалось к человеку как бы в наказание за похвальбу Повесть о Горе-Злочастии — произведение книжно-литературного творчества.

72. К а й е в А. А. Русская литература, ч. 1. Учпедгиз, М., 1949, 502 стр.

Стр. 293—294: Не только классовое, но и общерусское значение образа молодца в Повести о Горе-Злочастии. Молодец — типичный герой переходной эпохи, отображающей конфликт между отцами и детьми Торжество старого мировоззрения над новым в памятнике. Двойственность художественных особенностей в Повести: сходство с книжной житийной литературой и с устным народным творчеством.

73. S e t s c h k a r e f f Vsevolod. Geschichte der russischen Literatur im Überblick. Bonn, 1949, стр. 50—51.

Характеристика древнерусских семейно-бытовых повестей (о Карпе Сугулове, Фроле Скобееве, Савве Грудцыне и Повести о Горе-Злочастии) как следствия подражания западным романам, бытовавшим на Руси.

74. M a z o n André. Горе Злочастие. Malheur-Mauvais Destin. — Revue des Etudes Slaves, Paris, 1951, t. 28, стр. 17—42.

Деление Повести о Горе-Злочастии на 3 части. Изложение содержания памятника По форме он напоминает былинку, песнопение, сказку. Изложение взглядов Буслаева: неудачное сравнение Повести с немецким стихотворением В. Гартенера Повесть о Горе-Злочастии в связи с евангельской притчей о блудном сыне. Генетическое восхождение Повести к этой притче. Сравнение памятника с «Комедией притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого. Повесть как морально-религиозное произведение. Характеристика Гора: образ заимствован из народной традиции. Влияние Повести на фольклор.

75. Д а в ы д о в а М. К. Лексика Повести о Горе-Злочастии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953, 18 стр. (Институт языкознания АН СССР).

Общие замечания о характере словарного состава Повести о Горе-Злочастии: основу словарного состава составляет общеупотребительная лексика, нейтральная стилистически. 1) В Повести исключительно широко представлена лексика, связанная с жизнью и деятельностью человека: анализ слов, характеризующих изменения в словарном составе; 2) слой церковно-книжной лексики в памятнике незначителен; книжная по употреблению лексика выражает в большинстве абстрактные понятия, связанные с состоянием и поведением человека; 3) просторечно-диалектная лексика в Повести незначительна. Постоянные эпитеты в Повести. Аналогичность функций синонимических сочетаний в этом памятнике и в устной народной поэзии. Синонимия в Повести как в известной мере композиционный стержень, организующий все содержание повествования.

76. Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков.

Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 446, 459—462 (автор — В. П. Адрианова-Перетц).

Сближение стиля Повести о Горе-Злочастии с устной пословицей. Отражение в этом произведении народных песен о горе. Сравнение Повести с этими песнями.

77. Лапицкий И. П. Послесловие. — В кн.: Русская повесть XVII века. М., 1954, стр. 307—326.

О Повести о Горе-Злочастии на стр. 312, 319, 320, 323, 325.

78. Скрипиль М. О. Повесть о Горе-Злочастии. — В кн.: Русская повесть XVII века. М., 1954, стр. 400—417.

Рассмотрение основной темы Повести как темы взаимоотношений двух поколений. Двойственность в отношении автора памятника к молодому поколению. Первые исследователи Повести о ее жанровой природе. Сходство этого произведения с былинами и с народными лирическими песнями.

79. Harkins W. S. Russian folk ballads and the Tale of misery and ill fortune. — American Slavic and East European review, Philadelphia, 1954, Oct., v. 13, № 3, стр. 402—413.

Повесть о Горе-Злочастии — памятник единственный в своем роде, как и «Слово о полку Игореве». Изложение содержания. Сравнение Повести с былинами и лирическими песнями. Характеристика образа молодца: причина слабости его характера — пьянство и разврат. Уход молодца в монастырь — влияние письменной литературы на Повесть. Изложение стилистического анализа В. Ф. Ржиги. Вывод: Повесть о Горе-Злочастии — произведение эпико-лирическое.

80. Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, 192 стр.

Стр. 86—87: Библиография Повести о Горе-Злочастии.

III. Сказочный, былинный и песенный материал как комментарий к мотивам Повести о Горе-Злочастии

81. Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 127—133.

Приведение в качестве параллелей к Повести двух духовных стихов.

82. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1. М., 1861, стр. 469—485.

№ 83 — «Горе», № 84 — «О Горюшке», № 85 — «О горюшке и добром молодце», № 86 — «О горюшке сером и упаве молодце».

83. Бережков М. Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии. Нежин, 1895, стр. 22—23 (оттиск из «Известий Нежинского историко-филологического института»).

Песня о Горе.

84. Соболевский А. И. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, №№ 438—448, стр. 514—537.

Одиннадцать песен о Горе. Содержание песен: Горе преследует молодца (№№ 438—441), девицу (№№ 442—445 и 447—448); характеристика Гора (№ 446).

85. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, т. II. Изд. 3-е, М., 1897, №№ 171, 172, стр. 233—237.

Две сказки. № 171 — «Горе»; № 172 — «Две доли». В примечании. содержание «Сказки о двух сумках», рассказа из «Современника» 1856 г., № XII, сербской сказки «Усуд», украинского рассказа «Людська доля»

86. Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. 1 СПб., 1898, №№ 797—800, стр. 209—210

Несколько русских и белорусских песен о Горе

87. Ладыженский В. И. О книгах и сочинителях, вып. 1. М., 1899, стр. 61—62

Русские песни о Горе

88. Марков А. В. Беломорские былины М., 1901, № 26, стр. 158—159.

Песня о Горе.

89. Сборник Кириши Данилова под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901, стр. 162, 169—170.

Стр. 162: песня «Ох в горе жить некручинну быть». Стр. 169—170. «Голубиная книга сорока пядень» — начало ее, описывающее сотворение мира богом и грех Адама и Евы, сходное с началом Повести о Горе-Злочасти

То же. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Под ред. С. К. Шамбинаго. М., 1938, стр. 259—260, 273—274.

90. Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. III. СПб., 1910, № 356 — стр. 291—292, № 406 — стр. 555—556.

Два варианта песни о Горе «Непослушливый молодец» как песенный комментарий к мотивам Повести о Горе-Злочасти

91. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, т. II. Изд. 3-е, М.—Л., 1938, № 90 — стр. 140—146, № 177 — стр. 585—586

Два варианта былины о Горе и добром молодце

- То же. Изд. 4-е, 1950, № 90 — стр. 159—166, № 177 — стр. 668—669.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адрианова-Перетц В. П. 62, 68, 76
 Архангельский А. С. 46
 Афанасьев А. Н. 23, 41, 85
 Бархударов С. Г. 15
 Бейдеман М. 67
 Белецкий А. И. 51
 Бережков М. 83
 Буслав Ф. И. 4, 13, 18, 20—22, 41, 46, 54, 58, 61
 Варенцов В. 81
 Васильев М. К. 32
 Веселовский А. Н. 28, 30, 31
 Виноградов Г. 59
 Водовозов В. И. 25, 26
 Воробьев В. П. 70
 Галахов А. 30
 Гильфердинг А. Ф. 91
 Глазунов И. 7
 Григорьев А. Д. 90
 Гудзий Н. К. 14, 60

Давыдова М. К. 75
 Данилов Кириша 21, 89
 Десницкий В. А. 64
 Дорошкевич А. К. 50
 Дунаев Б. И. 12
 Евстафьев П. В. 29
 Забелин И. Е. 24
 Иванов П. В. 33
 Кайев А. А. 72
 Корш Ф. Е. 11, 43, 58
 Костомаров Н. И. 2, 3, 17, 18, 20, 41, 46
 Кузьмина В. Д. 61
 Кушелев-Безбородко Г. 3, 18
 Ладыженский В. И. 87
 Лапидский И. П. 77
 Лихачев Д. С. 71
 Луговский Б. 57
 Львов А. С. 65
 Майданов Д. Т. 53

Малышев В И 63, 69	Ржига В Ф 58, 61 79
Марисова Л И 67	Розанов С П 10
Марков А В 47, 88	Рыбников П Н 46, 82
Марков Н 8, 34, 58	Симони П К 9, 11, 38, 43, 59
Миллер В Ф 35	Сиповский В В 10, 39, 52
Назаревский А А 12, 80	Скрипиль М О 16, 64 78
Обнорский С П 15	Соболевский А И 13, 54, 84
Орлов А С 66	Сонни А И 41
Охотский Б 49	Срезневский И И 1
Перетц В Н 56, 57	Сумцов Н Ф 32, 48
Петров Н И 27	Цветков А 6
Петухов Е В 45	Шамбинаго С К 89
Пиксанов Н К 55	Шейн П В 86
Покровская В Ф 62	Шеффер П Н 89
Полевой П Н 37	Harkins W S 79
Потебня А А 22, 41	Mazon A 74
Преображенский В С 44	Setschkareff V 73
Пыпин А Н 19, 36, 40	

И. П. ЕРЕМИН

К вопросу о жанровой природе „Слова о полку Игореве“

В «Ученых записках» Киевского Государственного университета недавно появилась большая статья А. А. Назаревского «О жанровой природе „Слова о полку Игореве“».¹ В центральной своей части статья посвящена критическому разбору моих статей по тому же вопросу, из которых первая была опубликована в 1944 году,² а вторая — в 1950 году.³

В результате изучения вопроса я пришел к выводу, что «Слово о полку Игореве» по своей жанровой природе не является «поэмой» или «повестью»: это не оправдывается анализом художественной структуры «Слова». «Слово о полку Игореве» следует рассматривать так, как рассматривал его сам автор, т. е. как «слово», как памятник художественного, «торжественного» красноречия киевской Руси.

Положение это, по мнению А. А. Назаревского, является ошибочным, необоснованным и никак принято быть не может.

Переходя к обсуждению статьи А. А. Назаревского, считаю необходимым прежде всего уточнить самый предмет спора. В моих статьях я пытался установить характерные особенности художественной структуры «Слова». С большим удовлетворением могу отметить, что все эти указанные мною особенности со стороны А. А. Назаревского не вызывают сами по себе каких-либо возражений. А. А. Назаревский согласен, что «Слово» в композиционном и стилистическом отношениях характеризуется именно теми особенностями, какие мною отмечены. Это меня радует, так как очевидно свидетельствует, что установлены они правильно.

Не это является причиной возражений А. А. Назаревского. Самое решительное сопротивление вызывает со стороны А. А. Назаревского моя попытка рассматривать все эти особенности художественного строя «Слова о полку Игореве» как признаки его ораторской природы. Шаг за шагом опровергает А. А. Назаревский едва ли не все мои доводы в пользу их ораторской природы, моей аргументации противопоставляя свою, которая кажется ему совершенно неопровержимой.

Но так ли это? В какой мере доказательны доводы А. А. Назаревского и действительно ли они подрывают в корне все мои построения?

Остановлюсь подробнее на аргументации А. А. Назаревского. Ораторскую природу указанных мною особенностей композиционного и стили-

¹ Наукові записки, т. XIV, вип. 1, Збірник Філологічного факультету, № 7. Вид. Київського Державного університету. К., 1955, стр. 113—144.

² Ученые записки ЛГУ, сер. филол. наук, вып. 9, Л., 1944, стр. 3—18.

³ Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 93—129.

стического строя «Слова о полку Игореве» А. А. Назаревский отрицает на том основании, что каждая из них, взятая в отдельности, неоднократно встречается, как свидетельствуют факты, не только в ораторской прозе, но и в других памятниках древнерусской литературы, оригинальной и переводной, встречаются они даже в произведениях народного творчества. В сущности вся статья А. А. Назаревского и посвящена подробному доказательству этого, замечу тут же, бесспорного положения.

Трехчастная композиция, утверждает А. А. Назаревский (стр. 120 и сл., ср. стр. 135), встречается не только в ораторской прозе. Вступление как особая композиционная единица налицо и в житиях, в некоторых повестях, в «Молении» Даниила Заточника, в «Слове о гибели Рускыя земли». Даже начальные строки вступления к «Слову» («Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудных повестий...») находят себе многочисленные внешне сходные параллели: в неторжественном «Слове о терпении и любви» Феодосия Печерского («Лепо бо бяше нам от трудов своих кърмити убогыя и странныя...»), в несторовом житии Феодосия («Нестъ лепо нам, братие, таити чудес божиих...»), в Александрии первой редакции, в Галицко-Волынской летописи, в речи, которую под 1170 годом, согласно Киевской летописи, произнес на княжеском съезде Мстислав Изяславич, подготавливая поход на половцев: «А лепо ны было, братье... поискати отец своих и дед своих пути и своей чести...» (последний факт был указан и мною, правда, в иной связи).

Находит себе многочисленные параллели и повествовательная часть «Слова». Повествование, указывает А. А. Назаревский, отнюдь не является чем-то присущим только ораторской прозе. В повествовательной форме написано и житие Феодосия Печерского, и переводное житие Алексея человека божия, и повесть о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского и еще многое другое. А. А. Назаревский напоминает мне, что даже древнейшая русская летопись — «Повесть временных лет», которую уж во всяком случае, как совершенно резонно отмечает А. А. Назаревский (стр. 123, ср. стр. 134), никак нельзя отнести к памятникам «торжественного» красноречия, написана в повествовательной форме.

Не является чем-либо одиноким и заключение в «Слове» — похвала князьям и дружине, борющимся «за христьяны на поганыя плъки». Такого типа заключение встречается, по утверждению А. А. Назаревского (стр. 126 и сл.), во многих произведениях, притом отнюдь не только ораторского жанра, — в житиях Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Александра Невского, Стефана Пермского; заключением такого типа, по словам А. А. Назаревского, завершаются и «Моление» Даниила Заточника, повесть о разорении Рязани Батыем (по Волоколамскому списку XVI века), Казанская история, так называемая Сказочная повесть об Азовском взятии и осадном сидении и Повесть о Горе-Злочасти.

Не является, далее, признаком ораторской прозы и такая подробность повествовательной части «Слова о полку Игореве», как монологи, речи действующих лиц повествования. Художественная манера автора «Слова» в этом отношении, указывает А. А. Назаревский (стр. 124), близка не только к произведениям древнерусского «торжественного» красноречия, к «Слову о Лазаревом воскресении» или «словам» Кирилла Туровского, но и ко многим эпизодам летописи (например, мщение Ольги древлянам, походы Святослава Игоревича и др.), и к житиям (особенно «княжеским»), и к оригинальными переводным воинским и иным повестям и, в частности, русскому переводу «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия.

Не может, утверждает А. А. Назаревский (стр. 125), рассматриваться как признак ораторской природы «Слова» и указанная мною характерная особенность его повествовательной части: автор многого не договаривает, о многом умалчивает, отсюда — недомолвки, глухие намеки, даже пропуски и пр. Этот лирический способ повествования налицо и в народной исторической песне о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского («Ино что у нас в Москве учинилося...»); способ этот, по мнению А. А. Назаревского, свойственен «вообще поэтическому произведению» (что понимает А. А. Назаревский под поэтическим произведением «вообще» — неясно; «поэтическими» бывают самые разнообразные произведения).

Переходя к указанным мною стилистическим особенностям «Слова», А. А. Назаревский ограничивается только некоторыми примерами моей полной неосведомленности в этом вопросе. Так, А. А. Назаревский указывает (стр. 127), что я напрасно рассматриваю часто встречающуюся в «Слове» формулу личного обращения автора к читателю («братие») как один из показательных признаков ораторской природы стилистического строя «Слова». Формула эта не раз встречается и в несторовом житии Феодосия Печерского («Но послушайте, братие, с всяцем прилежанием...») и др. Знают это обращение, указывает А. А. Назаревский, и другие литературные жанры, начиная с древнейших времен, например «Хождение» игумена Даниила («Братиа и отци, господие мои, простите мя грешного...»), сказание о Псковском взятии («Ныне же се, братие, видяще, убоимся прещения сего...») и др. Иногда этот стилистический прием встречается и в народном песенном творчестве («Как у нас, братцы, было на тихом Дону...»).

Риторическое восклицание «о!» также, по мнению А. А. Назаревского (стр. 128), нельзя считать признаком ораторской природы стилистического строя «Слова о полку Игореве», так как его можно встретить и в произведениях не ораторского жанра, например в «Слове о погибели Рускыя земли», которое А. А. Назаревский вслед за некоторыми другими исследователями считает предисловием к житию Александра Невского: «О светло светлая и украсно украшена земля Русьская!..»; в Галицко-Волынской летописи под 1250 годом: «О злее зла честь татарская!..» и др.

Не убеждают А. А. Назаревского и приведенные мною многочисленные примеры повторов в «Слове о полку Игореве», так как они тоже не раз встречаются в произведениях самого различного типа. «Рассуждая так, — даже иронизирует А. А. Назаревский (стр. 129, прим. 1), — пожалуй, и в известных пушкинских строках: „Уж небо осенью дышало, Уж реже солнышко блистало...“, можно увидеть проявление „ораторской природы“ произведения».

Таковы факты, подобранные А. А. Назаревским из разных произведений, разного времени и разной художественной природы. Некоторые из них были известны и мне. Но в своих статьях я не приводил их только по той причине, что все они, на мой взгляд, не имеют прямого отношения к занимающему меня вопросу.

Одни и те же приемы, действительно, встречаются в самых разнообразных произведениях. Тот факт, что древнерусский писатель имел возможность «пользоваться одними и теми же художественными приемами в произведениях различных жанровых категорий, а не только в памятниках торжественной ораторской прозы» (стр. 121), не подлежит сомнению, и я совсем не собираюсь его оспаривать.

Но о чем свидетельствует этот факт? Подрывает ли он мою аргументацию в пользу ораторской природы «Слова»? Полагаю, что нет. Он сви-

детельствует только о том, что количество художественных приемов относительно ограничено, что каждый из них, взятый в отдельности, в отрыве от своего конкретного идейно-художественного контекста, сам по себе не может служить признаком жанровой природы того или иного произведения, так как в том или ином его применении он может встретиться везде — в любом произведении любого жанра.

Следуя методу А. А. Назаревского — методу подбора «цитат», произвольно вырванных из памятников разного типа и разного времени, без учета места и значения, какие занимают эти «цитаты» в художественной структуре данного произведения, — можно без особого труда доказать, что жанров в искусстве вообще не бывает, что жанр — фикция, плод нашего первого впечатления, которое тотчас же и рассеивается при более пристальном взгляде на дело. Можно доказать, что несторово житие Феодосия Печерского, например, — не «житие» и только по недоразумению рассматривается так. Ведь если это произведение разложить механически на его составные элементы, тотчас же обнаружится, что все они встречаются не раз в произведениях и других литературных жанров. В житии Феодосия налицо повествование, но повествование есть и в летописи, и в повестях, и в ораторской прозе. Диалоги действующих лиц (когда мать Феодосия разыскала сына в Киеве, в пещере Антония, то «плакася горко», а потом «начат увещати» вернуться домой и быть с нею до ее смерти) встречаются и в летописи, и в повестях, и даже в былинах. «Цепная» композиция повествования — рассказ по эпизодам, иллюстрирующим положительные качества героя, также не является принадлежностью только житийной литературы. «Чудеса», «видения» встречаются и в повести о Савве Грудцыне и даже в повести о Горе-Злочастии (явление доброму молодцу Горю в образе архангела Гавриила), «плачи» свойственны не только житиям, но и воинской повести и т. д. и т. д. Можно доказать, что «Федра» Расина — не трагедия эпохи расцвета французского классицизма, так как единство места или действия, александрийский стих, фиксация «общих» законов человеческой психики, развития той или иной страсти встречаются и в произведениях иного жанра, притом не только эпохи классицизма. Можно доказать, что «Война и мир», — вопреки общепринятому мнению, совсем не роман и т. д.

Путь, избранный А. А. Назаревским, на практике приводит нас и не может не привести к отрицанию правомерности самой постановки вопроса о жанровой природе не только «Слова о полку Игореве», но и любого другого произведения. В самом деле, можно ли ставить этот вопрос, если ни один художественный прием, как оказывается, не является присущим тому или иному жанру, но встречается и может встретиться везде, в произведениях самых различных жанров, даже (добавлю от себя) в речи деловой. А. А. Назаревский, по недоразумению очевидно, озаглавил свою статью — «О жанровой природе „Слова о полку Игореве“». На деле, как следует из его статьи, он самый этот вопрос считает праздным, неверно поставленным.

По мнению А. А. Назаревского, «Слово о полку Игореве» лишено каких-либо четких жанровых очертаний, является произведением внежанровым. «Мы должны, — пишет А. А. Назаревский, подводя итог своему исследованию (стр. 143 и сл.), — видеть в „Слове“ не художественные особенности одного ораторского или какого-либо иного жанра, а гармоническое слияние приемов и особенностей всех жанров, существовавших в устной и книжной традиции киевской Руси XI—XII вв.». А. А. Назаревскому, как видим, нельзя отказать в последовательности, с какой он утверждает свою позицию в вопросе о жанрах.

Эта нигилистическая позиция мне, однако, представляется неверной по существу. Жанры, с моей точки зрения, отнюдь не фикция, не плод наших поверхностных наблюдений, — они существуют реально, не только в нашем воображении.

Жанр — не механический конгломерат отдельных приемов, сосуществующих изолированно один от другого, а органическая система приемов, тесно связанных между собой и объединенных единством идейно-художественного замысла. Каждый прием сам по себе, взятый в отдельности, не может служить признаком жанровой природы того или иного произведения. Он становится этим признаком только в связи с другими признаками, в единстве всех приемов, составляющих художественную структуру произведения. Риторическое восклицание «!» встречается в разных произведениях, но признаком ораторской природы произведения и очень показательным, оно становится на фоне других стилистических приемов того же произведения, имеющих аналогичное художественное назначение.

Почему я считаю указанные мною художественные особенности «Слова о полку Игореве» признаками его ораторской природы? Только потому, что в такой комбинации, в таком сочетании, в аналогичном идейно-художественном контексте, они действительно встречаются только в памятниках старинного художественного красноречия, древнерусского в частности, и нигде больше не встречаются. Фактов, которые бы опровергали это наблюдение, мне пока никто не указал. И это, полагаю, дает мне право отстаивать с прежним «упорством» то положение о жанровой природе «Слова о полку Игореве», которое я впервые печатно сформулировал еще в 1944 году: пока не вижу достаточных оснований от него отказываться.

Еще несколько замечаний частного порядка по поводу статьи А. А. Назаревского.

По мнению А. А. Назаревского, моя «гипотеза» еще и потому совершенно неприемлема, что она будто бы объединяет «Слово о полку Игореве» — «и в его идейном значении и в значении художественном» (стр. 143). Не скрою, это последнее заявление мне просто непонятно. Почему «памятник исключительной политической остроты и глубочайшего патриотизма» не мог быть написан в форме ораторского «слова»? Почему «призыв русских князей к единению» мог быть воплощен только средствами всех жанров, бытующих в литературе киевской Руси, только в той гибридной форме, какую А. А. Назаревский приписывает «Слову»? Для меня является загадкой, как вообще жанр может определять художественную и идейную ценность произведения. Разве «Гамлет» становится хуже оттого, что Шекспир написал его в форме трагедии, а не в форме, допустим, эпической поэмы? В рамках того или иного жанра могут быть написаны произведения плохие и хорошие, рядовые и гениальные. Ценность произведения определяет не жанр, а талант художника. Или А. А. Назаревский полагает, что жанры по самой своей природе делятся на «плохие» и «хорошие», «низкие» и «высокие»? Если это так, — спорить с А. А. Назаревским, очевидно, бесплодно, так как о вкусах, как известно, не спорят.

В своей статье 1944 года я писал, что «устойчивость, известная обособленность жанров, а, следовательно, и всех тех структурных элементов, из которых эти жанры складываются, — характерная особенность средневековой литературы» (стр. 8). Положение это А. А. Назаревскому представляется «совершенно неверным». Положению этому А. А. Назаревский противопоставляет другое: «Наоборот, характерной чертой нашей литературы эпохи киевской Руси является недостаточная дифференцированность от-

дельных литературных жанров или в пределах одного жанра — его разновидности» (стр. 117). В доказательство А. А. Назаревский ссылается на тот факт, что «нередко произведения одного и того же жанра в наших старых рукописях носят различные названия, а произведения различных жанров имеют одно и то же наименование». А. А. Назаревский приводит ряд примеров такого «жанрового смешения заглавий» (стр. 117—118). Смешение заглавий, действительно, встречалось у нас в старину, и соответствующие факты были приведены и мною. Но они не опровергают моей точки зрения, как не доказывают и точки зрения А. А. Назаревского. Одно указание на неустойчивость номенклатуры жанровых определений у древнерусских книжников и писцов, порою малограмотных, недостаточно, чтобы отрицать столь уверенно, как это делает А. А. Назаревский, известную обособленность жанров в древнерусской литературе. Жанровая природа произведения не может быть определена только по заглавию. Данное автором или переписчиком заглавие нуждается в проверке на материале произведения в целом, в единстве его содержания и художественной формы. Проверка эта может или подтвердить правильность данного определения или опровергнуть его. Повесть, даже в том случае, если она, допустим, озаглавлена «словом», все же останется повестью и ничем иным быть не может, равно как и «слово», если оно в рукописи и называется как-нибудь иначе или вообще никак не называется, все же будет «словом», а не повестью, не житием и пр. Вопрос о том, были или не были устойчивы жанры в древнерусской литературе, одной ссылкой на «жанровое смешение заглавий» решить нельзя. Вопрос требует дальнейшего изучения. Пока же имеют право на сосуществование обе точки зрения, и А. А. Назаревского и моя. Будущее покажет, кто из нас ближе к истине. Что касается «Слова о полку Игореве», то свое определение его жанровой природы я отнюдь не строил только на той терминологии, какой пользуется автор, характеризуя свое произведение. Отталкиваясь от этой терминологии («слово», «песнь», «повесть»), я затем проверял ее на материале «Слова» в целом. Таков во всяком случае у меня путь исследования в статье 1950 года.

По убеждению А. А. Назаревского, «Слово о полку Игореве» уже по одному тому не может рассматриваться как произведение одножанровое, что всякое гениальное художественное произведение всегда, как правило, ломает жанровые рамки и каноны своего времени (стр. 142). Во второй своей части это положение, высказанное в столь общей форме, несомненно правильно. Не будь этой «ломки», в искусстве не было бы движения. Однако всякая «ломка» предполагает то, что этой «ломке» подлежит. На пустом месте ничего сломать нельзя. Ломя одни жанровые рамки и каноны, крупный художник взамен их создает другие. В результате возникают, в процессе исторического развития литературы, все новые и новые разновидности и типы одного и того же жанра или даже жанровые новообразования. Это непрерывное обновление жанров — одна из форм поступательного движения искусства. Нет сомнения, что «Слово о полку Игореве» во многом отстает от существовавшей в XII веке «нормы», традиции. В чем именно отстает, — на этот вопрос, однако, ответить труднее, чем кажется. Это особый вопрос, заслуживающий специального исследования. Решение его предполагает внимательное сравнение «Слова» с однотипными ему произведениями. Но, как известно, для такого сравнения материала у нас очень мало. Древнерусское церковное красноречие XI—XII веков — материал недостаточный: оно имеет свои специфические особенности и во многом существенно отличается от «Слова» как по содержанию, так и по форме. Кстати сказать, А. А. Назаревский напрасно обви-

няет меня в том, что различие это я не вижу или не хочу увидеть (стр. 129). Везде, где материал давал для этого повод, я отмечал это различие (см. в статье 1950 года — стр. 110, 112, 122 и др.). Есть только одно произведение той эпохи, которое, на мой взгляд, действительно близко напоминает нам «Слово о полку Игореве», — «Слово о погибели Рускыя земли». Но и его, конечно, мало для решения поставленного вопроса. Лично я думаю, что вопрос о художественном новаторстве автора «Слова» в полном его объеме не может быть решен только на материале одной древнерусской литературы. По мнению А. А. Назаревского, «воспринимать самобытное произведение гениального русского автора через сравнение с иностранными литературами» — «порочная и вредная традиция» (стр. 114). Не могу согласиться с этим. На фоне такого сравнения самобытность гениального русского автора только ярче и полнее обнаружится.

Где же, кем и когда могло быть произнесено «Слово о полку Игореве», если это произведение ораторское? — задает мне вопрос А. А. Назаревский (стр. 138). На вопрос этот за отсутствием материала не могу ответить, так же как не могу сказать с уверенностью, где, кем и когда произносились «слова» Кирилла Туровского или, допустим, «Слово о Лазаревом воскресении». История старинного красноречия, античного в частности, свидетельствует, что речи произносились далеко не всегда, а распространялись книжным путем наравне с другими литературными произведениями. В древней Руси могла иметь место та же практика: «слова» могли предназначаться для произнесения (в церкви или во время каких-либо приемов — один такой случай отмечен Ипатьевской летописью под 1200 годом), но могли и не предназначаться.

В заключение не могу не остановиться еще на одном утверждении А. А. Назаревского. По его словам, некоторые мои рассуждения по поводу Игоря в изображении автора «Слова» носят «характер известной подтасовки» (стр. 137). Примером такой «подтасовки», пишет А. А. Назаревский, является тот абзац в моей статье 1950 года, где я будто бы вопреки тексту «Слова» утверждаю, что Игорь «именно потому и потерпел поражение... что князья, занятые внутренними распрями, не объединяются для совместной борьбы с «погаными», предоставляя борьбу с ними личной инициативе того или иного князя, болящего за Русскую землю» (стр. 125). Строки эти со стороны А. А. Назаревского вызвали следующее замечание (стр. 137): «Да, ведь, как раз сам Игорь и уклонился от того объединения с другими князьями, которое было для него вполне возможно, именно он и другие участники неудачного похода „шли суть на половци утаившеся“ и „не воздержавше уности, отвориша ворота на Русскую землю“». Упрек в подтасовке я должен буду вернуть А. А. Назаревскому. Ведь приведенные им цитаты («утаившеся», «не воздержавше уности»), должественные показать мою подтасовку, принадлежат не «Слову», а так называемой Киевской летописи. Возможно, летописец прав, и Игорь действительно пошел на половцев «утаившеся», — но какое отношение все это имеет к «Слову» и к моей интерпретации его? В статье я пытался установить, как автор «Слова» рисует образ Игоря. Художественный образ нельзя отождествлять с реальным прототипом этого образа. Реальный Игорь, быть может, и совершил дурной поступок, но автор «Слова» об этом умалчивает: он обвиняет Игоря только в том, что Игорь и его соратники поторопились, поспешили («рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати»). Возможно, я неправильно читаю текст «Слова», но тогда мне на это и следовало бы указать — на тексте же, не прибегая к такого рода неловким полемическим приемам, способным только запутать наш спор.

Н. К. Гудзий

Еще раз о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“

В сборнике исследований и статей, посвященных «Слову о полку Игореве» (1950), была напечатана моя статья «О перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“», в которой я поставил перед собой задачу аргументировать перестановку абзацев «Слова» «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце... а любо испити шеломомь Дону» и «О Бояне, соловію стараго времени... ищучи себѣ чти, а князю славѣ», впервые предложенную А. И. Соболевским, затем, независимо от него, И. А. Яковлевым, поддержанную В. Н. Перетцом, П. Л. Маштаковым и принятую несколькими исследователями, публикаторами и переводчиками текста «Слова». В статье «Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“»¹ мной сделаны некоторые исправления, касающиеся частных вопросов, но не меняющие основных положений предшествующей моей статьи.

Моя аргументация в защиту до меня предложенной перестановки в тексте «Слова» представляется необедительной В. И. Стеллецкому, выступившему с возражениями против моих соображений в статье «К вопросу о перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“».²

Можно, разумеется, оспаривать приемлемость предложенной перестановки и ее обоснование, но, отвергая ее, следовало бы привести убедительные доводы против нее, чего, как мне представляется, В. И. Стеллецкий не сделал.

Свое возражение против перестановки В. И. Стеллецкий начинает с того, что при допущении ее мы должны, по его мнению, предположить три случайности, не встречающиеся в древнерусских рукописях. Первая случайность состоит якобы в том, что «гипотетический рассеянный переписчик буква в букву закончил текст перед этим самостоятельным абзацем на предыдущем листе (т. е. перед абзацем «О Бояне, соловію стараго времени...», — Н. Г.), вторая случайность состоит в том, что этот рассеянный переписчик буква в букву закончил текст этого абзаца на данном листе (т. е. абзаца «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...», — Н. Г.)».

Остановимся пока на этих двух «случайностях», так как разговор о третьей «случайности» сам В. И. Стеллецкий перенес на конец своей статьи. Тут трудно понять, что собственно кроется за приведенной очень неясной фразой автора. Почему прежде всего переписчика, переписывавшего предположительно спутанные листы, нужно считать рассеянным,

¹ Труды ОДРЛ, VIII, 1951.

² Там же, XI, 1955.

если большинство исследователей, в том числе и сам В. И. Стеллецкий, не усматривали и не усматривают в мусин-пушкинской рукописи спутанности листов и не видели и не видят логической непоследовательности в расположении указанных абзацев в этой рукописи? Если не предположить, что в приведенной выше фразе В. И. Стеллецкого допущена собственная авторская рассеянность, по причине которой спутаны переписчик оригинала мусин-пушкинской рукописи с его писцом, то по прямому смыслу фразы выходит, что переписывавший мусин-пушкинскую рукопись с ее оригинала должен был переписывать ее на листах точно такого же размера, что и размер оригинала, и с таким же точно количеством текста на каждом листе. Конечно, никто из защитников перестановки этого не предполагал и не мог предположить, зная, что мусин-пушкинская рукопись была форматом в нормальный бумажный лист. Может быть, смысл фразы В. И. Стеллецкого тот, что и писец оригинала мусин-пушкинской рукописи не мог заключить лист законченным абзацем? Но почему же не мог и почему это было бы исключительной случайностью, как утверждает В. И. Стеллецкий? Это трудно понять, как, повторяем, трудно вообще понять ход рассуждений автора в выше приведенной его фразе.

А. И. Соболевский указывал на то, что в древнерусских рукописях мы не раз сталкиваемся с путаницей листов, и в качестве примера привел такую путаницу в списке «Бесед» папы Григория Великого, обнаруженную Горским и Невоструевым, происшедшую еще в глубокой древности и повторяющуюся во всех списках «Бесед» вплоть до погодинского списка XIII века.¹ Другие два примера такой же путаницы листов в позднейших летописных списках привел В. Н. Перетц.² Поэтому нет ничего необычного в том, что такая же путаница листов могла быть допущена и в одном из списков «Слова о полку Игореве», предшествовавшем мусин-пушкинскому.

По расчету Соболевского текст, содержащий абзац «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце. . .», занимал один листок, исписанный с обеих сторон, а текст с абзацем «О Бояне, соловію стараго времени. . .» — два листка, так же исписанных. Таким образом, на каждую страницу этих листков приходилось бы приблизительно от 180 до 200 букв. Пишущий эти строки первоначально (в статье 1950 года) усумнился в том, что рукопись хотя бы малого формата, хотя бы написанная крупным уставом (по предположению Соболевского на пергамене, что предполагать вовсе не обязательно) могла содержать на странице такое малое количество текста, и предпочел расчет текста на странице, сделанный В. Н. Перетцом, который увеличил его вдвое, но этот расчет оказался ошибочным, что признано было впоследствии самим В. Н. Перетцом и от чего отказался и автор этих строк, признав правильным расчет Соболевского.

В. И. Стеллецкий всецело разделяет мое первоначальное мнение о сомнительности столь небольшого объема текста на страницах предполагаемой Соболевским рукописи со спутанными листами, и это является в его глазах лишним аргументом против моих доводов. Но действительно ли очень небольшое количество текста, какое Соболевский предполагает в одной из рукописей «Слова», предшествовавшей мусин-пушкинской, является столь необычным в древнерусской рукописной традиции? Обратимся к фактам. В Святославовом сборнике 1076 года на каждую страницу

¹ А. И. Соболевский. Материалы и заметки по древнерусской литературе. ИОРЯС, XXI, кн. 2, 1917, стр. 211—212.

² В. Перетц. «Слово о полку Игоревім». Киев, 1926, стр. 40.

приходится приблизительно столько же букв, сколько и на страницу предполагаемой Соболевским рукописи «Слова», послужившей оригиналом для мусин-пушкинской рукописи.¹ То же — в Кондакаре XII—XIII веков,² в Шереметевском Требнике XIV в.,³ в Служебнике 1400 года,⁴ в Октоихе 1436 года,⁵ в Служебнике 1631 года⁶ и др.

Мной было указано, что приемлемость перестановки в «Слове», предложенной Соболевским, оправдывается и наблюдением В. П. Адриановой-Перетц над текстами «Задонщины», в которых последовательность двух эпизодов, соответствующих двум рассматриваемым нами абзацам «Слова», согласуется с перестановкой Соболевского. Дело в том, что в «Задонщине» дважды читается обращение к птице, которой предлагается воспеть поход русских против татар, в первый раз — к жаворонку, во второй — к соловью. В. П. Адрианова-Перетц имела тут в виду первое обращение — к жаворонку, которому в трех списках «Задонщины», в том числе в старейшем — Кирилло-Белозерском, и в списке ГИМ № 2060, наиболее близком к авторскому оригиналу, автор предлагает воспеть Дмитрия Ивановича и его брата Владимира Андреевича, после чего следует обращение Дмитрия Ивановича к его воинам; во втором же обращении автора — к соловью, следующим после речи Дмитрия Ивановича, в двух списках вовсе не упоминаются ни Дмитрий Иванович, ни Владимир Андреевич, главные герои Куликовской битвы. Но В. И. Стеллецкий обращает внимание лишь на второе обращение — к соловью и потому неосновательно полагает, что текст «Задонщины» сам по себе не оправдывает перестановки в «Слове», тем более что цитаты из «Слова» в «Задонщине» вообще перетасованы. Почему же В. И. Стеллецкий проходит мимо обращения к жаворонку, на которое опирается В. П. Адрианова-Перетц, заключающая, что Софония-рязанец имел перед собой такой текст «Слова», в котором оба рассматриваемые абзаца были расположены в том порядке, какой установлен был Соболевским? А то, что некоторые цитаты из «Слова» в «Задонщине» были использованы в слегка перетасованном порядке, не значит, что все эти цитаты использованы были «Задонщиной» именно так.

В качестве одного из существенных аргументов в пользу перестановки в «Слове» абзацев я привел и то соображение, что, приняв ее, мы устраняем противоречие между «Словом» и летописью относительно времени солнечного затмения: при перестановке по «Слову», как и по летописи, затмение происходит после того, как Игорь и Всеволод углубились в степь, а не перед началом похода Игоря, как это читается в мусин-пушкинской рукописи. Кроме того, при перестановке устраняется явная астрономическая несообразность, состоящая в том, что либо затмение продолжалось непрерывно несколько дней подряд, либо на протяжении нескольких дней оно повторялось дважды.

Оспаривая мою аргументацию, В. И. Стеллецкий ссылается прежде всего на мнение А. Брюкнера, возражавшего против перестановки на том

¹ См.: Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, табл. 9; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 376. Все снимки в этих изданиях, как и указанные ниже, сделаны в натуральную величину, следовательно, листы во всех оригиналах очень небольшого формата.

² А. И. Соболевский. Новый сборник палеографических снимков с русских рукописей XI—XVIII вв. СПб., 1906, табл. 8.

³ Е. Ф. Карский, ук. соч., стр. 418.

⁴ Там же, стр. 426.

⁵ И. Ф. Колесников. Сборник снимков с русского письма XI—XVIII вв. Изд. 2, ч. 1. М., 1913, табл. 19.

⁶ Е. Ф. Карский, ук. соч., стр. 459.

основании, что по Ипатьевской летописи затмение произошло до встречи Игоря с Всеволодом в походе, а при перестановке выходит якобы так, что оно случилось после встречи братьев. В статье 1950 года я попытался объяснить, как нужно понимать обращение Всеволода к Игорю, предшествующее — при перестановке — рассказу о солнечном затмении. Я высказал предположение, что это обращение могло быть сделано перед самым походом, во время встречи братьев в Новгороде Северском, о чем идет речь в Ипатьевской летописи, или в Переяславле Южном, о чем говорится в Лаврентьевской летописи. Могло быть и так, что обращение Всеволода к Игорю сделано было не лично Всеволодом, а через какого-либо посредника. С этим предположением согласен и В. И. Стеллецкий. Но, независимо от всех этих догадок, и текст Ипатьевской летописи бесспорно свидетельствует о том, что затмение произошло не перед выступлением Игоря в поход, а тогда, когда Игорь уже далеко углубился в степь. В Ипатьевской летописи читаем: «Идущим же им к Донцю реки, в год вечерний, Игорь же, возрев на небо, и виде солнце стояще яко месяц».

В. И. Стеллецкий, однако, в своем сопротивлении перестановке в «Слове», как и в других спорных случаях, апеллирует к абстрактным соображениям о специфичности «Слова» как художественного произведения, которая якобы не допускает согласия с естественной логикой фактов, излагаемых в документальном историческом повествовании. Он пишет: «Н. К. Гудзий совершенно абстрагируется от того, что „Слово о полку Игореве“ — художественное произведение, в котором не может не быть художественной переработки исторических сообщений (иначе это произведение не могло бы быть художественным), и оно не может не обладать логикой художественного произведения». С этой точки зрения, т. е. с точки зрения «логики художественного произведения», В. И. Стеллецкий, между прочим, не видит ничего необычного в том, что сначала Игорь велит дружине сесть на коней, а затем Всеволод предлагает Игорю седлать их.

Так же рассуждает В. И. Стеллецкий и относительно отмеченной мной неувязки с эпизодом солнечного затмения. Вслед за С. К. Шамбинаго, считавшим, что все начало «Слова» до описания всеволодовых воинов является только вступлением к основной части «Слова», В. И. Стеллецкий полагает, что в «Слове», как оно читается в мусин-пушкинской рукописи, не солнечное затмение происходит дважды, а автор дважды упоминает о нем, как полагал и Шамбинаго. Но, не говоря уже о том, что нет оснований все начало «Слова» вплоть до характеристики Всеволодом своих курян считать сплошь вступлением к «Слову», особенно если оставить на прежнем месте абзац «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...», — мусин-пушкинская рукопись «Слова» ясно отмечает два затмения: первое — перед отправлением Игоря в поход и второе — через некоторое время после этого, когда «Игорь ждеть мила брата Всеволода», т. е. тогда, когда Игорь уже углубился в степь. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что по мусин-пушкинской рукописи не дважды происходит затмение, а только автор о нем дважды говорит. Кстати, у самого С. К. Шамбинаго вызывает недоумение фраза «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты», неожиданно, по его мнению, следующая после авторского обещания начать свою повесть от старого Владимира до нынешнего Игоря. Если же принять перестановку, то эта фраза с недоуменным началом ее со слова «тогда» окажется гораздо более на месте, чем при отсутствии перестановки: Игорь ждет Всеволода, и тогда, т. е. во время ожидания, он увидел солнечное затмение.

В. И. Стеллецкому представляется неестественным и художественно неубедительным, чтобы вслед за упоминанием о полках Игоря сейчас же шло обращение к Бояну с призывом воспеть эти полки. Естественно было, по его мнению, обратиться к Бояну с таким призывом только после того, как охарактеризован главный герой «Слова» — Игорь, сказано о его рыцарской доблести, о предпочтении им быть убитым, чем плененным, о его желании либо сложить свою голову, либо напиться шелоном Дона. Но что можно сказать по поводу этих соображений В. И. Стеллецкого, насквозь проникнутых собственными вкусовыми представлениями, как и некоторые другие соображения, высказанные им в его статье? Лишь то, что сам В. И. Стеллецкий поступил бы в данном случае именно так, как это читается в мусин-пушкинской рукописи «Слова», что автор «Слова» должен был бы придерживаться той же художественной системы, какая В. И. Стеллецкому представляется единственно приемлемой. А почему, спрашивается, автор «Слова» не мог обратиться к Бояну с предложением воспеть игоревы полки после того, как об Игоре уже было сказано, что он напряг ум крепостью своей и изострил сердце свое мужеством и, наполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую? Разве этот очень сочувственный отзыв автора об Игоре — не достаточный повод для того, чтобы призвать Бояна воспеть Игоря и его полки? Мной уже было указано, что при перестановке получается прямая словесная связь между двумя соседними предложениями: «Наведе своя храбрыя плъки на землю Половецкую за землю Русскую» и «О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ушекоталь. . .», чего не получается, если мы отвергнем перестановку. В. И. Стеллецкий пытается оспорить эту связь, полагая, что в первом случае под полками разумеются ратники Игоря, а во втором — не только ратники, но и поход их, что тут мы имеем дело не с простым повторением одного и того же слова, а с насыщением этого слова большим, глубоким, расширенным содержанием. Но ведь все это — сплошь гадательные домыслы, которые никак не подкрепляются текстом «Слова».

В. И. Стеллецкому представляется, что если бы обращение к Бояну находилось вслед за обещанием начать повесть от старого Владимира до нынешнего Игоря, то оно носило бы «чисто риторический характер», являлось бы «каким-то риторическим украшением». «А мы знаем, — пишет В. И. Стеллецкий, — что „Слову о полку Игореве“ не свойственны риторические прикрасы, все в нем насыщено глубоким содержанием». Вот как раз в такого рода юбилейной похвале «Слову» присутствует больше риторики, чем ее окажется в том случае, если принять перестановку абзаца с обращением к Бояну. А потом — чужда ли действительно «Слову» риторика? Риторика ведь бывает разная — и легковесная, трескучая, и высокая, волнующая, художественно оправданная, обнаруживающая большое словесное мастерство. Такая риторика присуща многим выдающимся произведениям мировой литературы, не только древней, но и новой. Не чуждалось ее и «Слово о полку Игореве».

В начале своей статьи В. И. Стеллецкий, как сказано выше, говорит о двух из трех необъяснимых «случайностей», которые нужно было бы допустить при условии, если мы примем перестановку, предложенную Соболевским. По поводу первых двух «случайностей» у нас уже говорилось. Речь о третьей «чудесной случайности», как ее характеризует В. И. Стеллецкий, значит, случайности самой разительной, он отнес к концу статьи, рассчитывая, очевидно, тем самым свои возражения против перестановки сделать окончательно неопровержимыми. «Чудесная» эта случайность состоит в том, как думает В. И. Стеллецкий, что спутанные, по догадке

Соболевского, листы легли именно так, что благодаря этой спутанности в полной мере оказался выдержанным ритм начальной части «Слова». И В. И. Стеллецкий довольно пространно старается убедить читателя в том, что как раз при отсутствии перестановки ритмический строй памятника наилучшим способом выдерживается, а при перестановке он явственно и бесспорно нарушается.

Но соображения В. И. Стеллецкого в этой части его рассуждений особенно импрессионистичны, отвлеченны и сугубо субъективны, — настолько, что ни на какую убедительность рассчитывать не могут. В. И. Стеллецкий рассуждает так, как будто автор «Слова» должен быть непременно его единомышленником в вопросе о ритмической структуре «Слова». Он прямо предписывает правила ритмической организации «Слова», например, в следующей фразе: «По содержанию после динамического описания в самом начале основной части „Слова о полку Игореве“ храбрости воинов должна следовать динамическая же картина выступления в поход, а не остановка начавшегося уже движения всего содержания и ритма песни Игорю словами „Тогда Игорь взърѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя прикрыты“» (стр. 57).¹ С таким же основанием, с каким А. И. Стеллецкий пытается доказать преимущество ритмического строя «Слова» без перестановки, можно было бы при желании ратовать за такое же преимущество при перестановке, если бы это имело какую-либо научную ценность.

Защищая предложенную Соболевским перестановку в «Слове», я мимоходом указал на некоторых комментаторов и переводчиков «Слова», принявших эту перестановку, но, с моей точки зрения, допустивших некоторые другие перестановки, конъектуры или приемы перевода, не могущие быть оправданными. Это для В. И. Стеллецкого оказалось достаточным предлогом для того, чтобы уличить меня в некоторой непоследовательности: как же я, упрекая кое-каких авторов в иных неоправданных перестановках и конъектурах в «Слове», в то же время упоминаю их как разделяющих необходимость перестановки именно в данном конкретном случае, о котором идет речь? Не касаясь вопроса о том, какое прямое отношение это указание В. И. Стеллецкого имеет к самому существу нашего спора, позволительно спросить, почему же, не соглашаясь с тем или другим толкователем текста какого-либо памятника в одних случаях, нельзя заявлять о солидарности с ним в других случаях, когда то или иное его мнение совпадает с мнением его оппонента? В такой претензии В. И. Стеллецкого трудно усмотреть какую-либо логическую обоснованность.²

В заключение должен коснуться такого словоупотребления В. И. Стеллецкого, которое, по своему несоответствию с существом дела, не может не вызвать по меньшей мере удивления: в своем полемическом увлечении он говорит о «скептическом методе», «скептической точке зрения», «скептическом отношении к тексту „Слова“», о «неоскептиках»-конструкторах

¹ Разрядка моя, — Н. Г.

² К перечисленным мной именам, принимающим предложенную Соболевским перестановку в «Слове», кроме украинского переводчика и комментатора «Слова» Л. Е. Махновца, упомянутого самим В. И. Стеллецким, могу добавить еще следующие: Е. Ляцкого («Слово о полку Игореве». Прага, 1934), А. Досталя (*Les derniers travaux soviétiques relatifs au «Slovo o polku Igoreve»*. *Bysantinoslavica*, XIII, 1952—1953, стр. 294—295), украинских переводчиков — М. Рыльского («Слово о полку Игоревім». «Библиотека поэта». Киев, 1955), Н. Забилы (там же), А. Коваленко (там же), русского переводчика Л. И. Тимофеева («Слово о полку Игореве». Малая серия «Библиотеки поэта», изд. 3, Л., 1953), чешского переводчика Франтишека Кубка («Slovo o plku Igoreve». Прага, 1946), осетинского переводчика В. А. Газзаева («Кадæг Игоры стæрыл», изд. 2, Сталинир, 1956), венгерский перевод И. Эрдоди (в брошюре «Ének Igor hadjáratáról Igorról, Szvjatoszlav fiáról, Oleg unokájáról», Будапешт, 1956).

«искаленного текста» «Слова» — все это применительно к сторонникам перестановки в начальной части текста «Слова». Чтобы быть последовательным, к числу «неоскептиков» В. И. Стеллецкий должен отнести и самого себя: ведь и он в своем переводе допускает две перестановки в мусин-пушкинском тексте «Слова»: слова «и въ морѣ погрузиста», стоящие в этом тексте после слов «аки пардуже гнѣздо», он с полным основанием переносит выше — после слов «тѣмою ся поволокоста», а в словах «чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ» — с меньшим основанием — «чайцами» и «чрънядьми» меняет местами. В свое оправдание В. И. Стеллецкий, быть может, скажет, что допущенные им перестановки не столь радикальны, как перестановка, предложенная Соболевским, но ведь самый то принцип, за который он так ратует, от этого не меняется. К чему же после этого понадобились все эти словесные жупелы, которыми В. И. Стеллецкий пытается обуздать тех, с кем он вступает в полемику?

В. В. ЛУКЬЯНОВ

**Первый владелец рукописи „Слова о полку Игореве“ —
Иоиль Быковский**

Иоиль Быковский,¹ архимандрит Ярославского Спасского монастыря в 1776—1788 годах, хранивший в своей библиотеке единственный известный список «Слова о полку Игореве», был, по всем данным, незаурядным и даже передовым человеком своего времени, однако он незаслуженно забыт исследователями истории открытия «Слова». Такое отсутствие интереса к личности Иоиля было несомненно обусловлено Е. В. Барсовым, утверждавшим, что он не нашел нигде «ни малейших следов о каком-бы то ни было просвещении и любви к словесности этого мужа»,² и отрицавшим тем самым правдоподобность известных слов А. И. Мусина-Пушкина о просвещенности Иоиля. В 1920 году В. В. Данилов в своей статье «Архимандрит Иоиль»³ убедительно доказал неправильность утверждений Е. В. Барсова. За последнее время найдены новые материалы, характеризующие Иоиля как высокообразованного и культурного человека.

Автором настоящей заметки найдено в библиотеках Ярославля 85 печатных книг XVIII века на русском и иностранных языках, принадлежавших лично архимандриту Иоилю и поступивших после его смерти в библиотеку Ярославской семинарии. Несомненная принадлежность этих книг Иоилю Быковскому доказывается его собственноручной надписью на книгах «Архим. Иоиль» или «Из книг Иоиля Быковского» и на каждой книге — рукописной же монограммой, состоящей из букв «ИБ». Очевидно, эти книги представляют собой лишь часть собрания печатных книг, принадлежавших лично Быковскому, — собрания, не представлявшего интереса для графа Мусина-Пушкина, который, видимо, приобрел у Быковского только коллекцию рукописей.⁴ Однако эта сохранившаяся часть библиотеки Иоиля дает некоторое представление о разнообразии интересов и просвещенности владельца. В его библиотеке оказались такие книги, как «Древняя российская вивлиофика», «Библиотека российская историческая», «Русская летопись по Никонову списку», «Ежемесячные

¹ Светская («мирская») фамилия архимандрита Иоиля была Быковский; она приводится в одном из списков архимандритов Ярославского Спасского монастыря (Ярославские епархиальные ведомости, 1892, часть неофициальная, № 21).

² Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 61.

³ «Дела и дни», 1920, кн. 1, стр. 389—391

⁴ Следует предполагать, что аналогичные монограммы и записи о принадлежности книг Иоилю имелись и на рукописях, приобретенных у него графом Мусиным-Пушкиным. Такая же запись была, очевидно, и на сборнике, содержавшем «Слово о полку Игореве».

сочинения и известия о ученых делах», «Труды Вольного экономического общества», а также «Путешествие около света адмирала Ансона», «О состоянии Азии и новейших переменах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последние времена», комедии Теренция, сочинения Монтэня, Роллена, Феофана Прокоповича, Ф. Эмина и многих других. Быковский несомненно следил за всеми «новинками книжного рынка» и даже состоял подписчиком на многотомные издания и журналы, что подтверждается наличием в его библиотеке полных комплектов этих изданий.¹

Для уяснения степени образованности Иоиля следует добавить к известным уже данным также и то, что одновременно с отправлением обязанностей архимандрита «первоклассного» монастыря, он был ректором Ярославской семинарии (1776—1788 годы), что требовало достаточно глубоких и обширных знаний. Иоиль прекрасно знал латинский и греческий языки, о чем свидетельствуют книги на латинском языке из его библиотеки, а также его собственноручные надписи на латинском и греческом языках на книгах и на ученических сочинениях семинаристов;² знал он также и немецкий язык, судя по наличию в его библиотеке латинско-немецкого и немецко-латинского словарей,³ и, очевидно, отлично знал польский язык, поскольку во время пасхальных архиерейских служб он всегда читал евангелие по-польски.⁴ Кстати сказать, знание польского языка и его фамилия заставляют предполагать, что Иоиль Быковский является выходцем из Украинны или Белоруссии.⁵

Немаловажным фактором, свидетельствующим о высокой образованности и прогрессивных взглядах Иоиля Быковского, является также составленная им книга «Истина или выписка о истине», отпечатанная в Ярославской типографии в 1787 г.⁶ Это — объемистый том в 366 страниц, состоящий из выписок из разных книг и журналов. Всего в книге около 1200 выписок из 220 наименований книг разного содержания.⁷ Несмотря на общую богословско-моральную направленность помещенных в книге выписок, значительное число этих выписок отмечены духом прогрессивности и даже некоторого гуманизма; характерны источники, из которых выбирались эти выписки. Здесь можно встретить выписки не только из таких книг, как «Славянские сказки», «Домашний лечебник» или «Флоринова экономия», среди которых попадает, однако, и «Исто-

¹ В списке лиц, подписавшихся на издание «Грамоты и письма Петра Великого», значится также и «Его высокопреподобие архимандрит и ректор Иоиль» (Ярославские епархиальные ведомости, 1892, № 38).

² Ученические сочинения ярославских семинаристов и другие материалы с пометками Иоиля имеются в собрании рукописей библиотеки Ярославского областного архива (№№ 50, 305, 306, 312 и др.)

³ Немецкий и французский языки, так же как латинский, греческий и древнееврейский, преподавались в Ярославской семинарии

⁴ См. извлечения из дневника архиепископа Арсения Верецагина в настоящем томе в статье Ф. Я. Приимы (стр. 48—49). Оригинал упомянутого дневника архиепископа Арсения хранится в ГПБ; копию этого дневника нам удалось обнаружить в Ярославском областном архиве (№ 171). Дневник издан почти полностью (в т. ч. все записи, касающиеся Иоиля) в Ярославских епархиальных ведомостях — №№ 43—49 за 1894 г. и №№ 1—15, 18—19, 27—29 и 40—42 за 1895 г.

⁵ В «Записках Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина» (вып. 16, стр. 100) упоминается фамилия Быковских в Минском воеводстве (в документе XVII в.).

⁶ Н. В. Губерти. Материалы для русской библиографии, вып. III, № 143 — В. Сопиков. Опыт русской библиографии, № 4691-С — Ю. Битовт. Редкие русские книги XVIII века, № 2158. Экземпляры этой книги имеются в библиотеке Ярославского краевого музея, в ГПБ, Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (БЛ) и Государственной Публичной исторической Библиотеке (ГПИИБ) (в последней два экземпляра, из которых один, с записью С. П. Соковнина, описан Н. В. Губерти в упомянутом сочинении).

⁷ В том числе из числа найденных в библиотеках Ярославля и принадлежавших ранее Иоилею.

рия Картуша», не только из «Санкт-Петербургского вестника» или журналов «Доброе намерение» и «Полезное увеселение», но и из «Живописца» Н. И. Новикова, из сочинений Ломоносова, Цицерона и Сенеки, Попа и Вольтера и даже из французской «Энциклопедии».

В своих выписках Иоиль останавливается на пользе образования и просвещения вообще (между прочим, на необходимости учить детей в школах, а не дома), объясняет значение некоторых иностранных слов, в том числе таких, как «мануфактура», «фабрика», «асбест», «аргумент», «диссертация», «диета», «демократия»,¹ приводит выписки о безмерной роскоши помещиков и их отношении к простым людям, о бессовестных судьях и «уложениях»,² осуждает войну,³ говорит о значении человека в обществе («человек не рожден для себя, но для общества») и приводит очень много выписок о государственной власти, в числе которых немало содержащих довольно ясные намеки на темные стороны правления Екатерины II.

Зная, что Иоиль являлся духовным цензором Ярославской типографии,⁴ и учитывая характер приведенных в его книге выписок, можно с уверенностью утверждать, что книга была издана фактически без цензуры, поскольку цензором являлся сам автор.

Из других сочинений Иоила найдены только три его проповеди. Одна из них — на евангельскую тему — имеет помету: «1760 года, февраля 27 дня, в неделю 3-ю великого поста в Кадецком сухопутном корпусе говорено»; вторая — на бумаге 1760-х годов — имеет заголовок: «Слово епископа во посещении епархии» и третья — «На день Преображения» — была сказана Иоилем в Ярославском Спасском монастыре 6 августа 1778 года.⁵

Что касается биографических данных о Иоиле, то, помимо приведенных выше, можно добавить, что в послесловии к своей книге он упоминает свой возраст — 80 лет, следовательно он родился в 1706 или 1707 году. Эту дату подтверждает также и С. П. Соковнин, бывший директором училищ в Ярославле с 1786 года и лично знавший Иоила, кстати сказать — «как мужа ученого и добродетельного».⁶

¹ «Демократия — Правление, в котором имеет всю власть народ» (стр. 346).

² «Есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы (из Живописца)» — стр. 298; «Подлыми людьми по справедливости называться должны те, которые худые дела делают, но у нас по какому-то разсуждению вкралось мнение почитать подлыми тех, кои находятся в низком состоянии» (оттуда же) — стр. 345; «Роскошники и один пир съедают такое количество которое бы для тысячи бедных на целую неделю довольно было (Вестник в апреле 1778 г.)» — стр. 250; «Мало ли повес бесполезных обществу!» — стр. 186; «Уложения паутиным сеткам суть подобны, зане сильный, как шершень, пробьется, а бедный, как муха, увязнет» — стр. 297.

³ «Война почитается безобразием разума человеческого» — стр. 300; «Война — страшное бедствие, стыд человечества» — стр. 277.

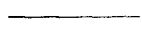
⁴ См статью В. В. Данилова «Архимандрит Иоиль».

⁵ Первые две проповеди Иоила — автографы — находятся в сборнике № 221 (14963) собрания рукописей Ярославского областного краеведческого музея (лл. 196—202, 213—219), а третья — в списке 1780-х годов — в сборнике № 669 собрания рукописей Ярославского областного архива (стр. 191—198).

⁶ См его запись в книге Иоила «Истина», хранящейся в ГПИБ. (Губерти, III № 143). В дневнике архиепископа Арсения Верещагина приводится иная дата рождения архимандрита Иоила, а именно 1726 год (см ниже, в статье Ф. Я. Приймы, стр. 49). Мы все же склонны считать более правдоподобными сведения, сообщаемые самим Иоилем, а также С. П. Соковниным, объясняя при этом дату, указанную Арсением Верещагиным, как простую опisku. В порядке уточнения сведений, содержащихся в упомянутой статье Ф. Я. Приймы, здесь же укажем на то, что архимандритом Троицкого Ильинского монастыря в Чернигове Иоиль Быковский был назначен в 1766 году и пробыл в этой должности до 1775 года (см.: Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии, ч. II. Чернигов, 1873, стр. 115; П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877, стб. 517).

К биографическим данным об Иоиле следует добавить, что в 1777 году Иоиль был вызван в Петербург на «очередное служение» при дворе,¹ возможно для посвящения его в епископы, но почему-то это посвящение не состоялось, может быть, даже по причине его либеральных воззрений.

Дополнительные изыскания, главным образом по архивным материалам, могут помочь установить связи Иоиля Быковского с графом Мусиным-Пушкиным и полностью выяснить облик этой интересной личности, непосредственно связанной с историей открытия «Слова о полку Игореве»

¹ О чем свидетельствует следующая надпись на книге «Орган забавных мыслей Франческа Лоредана» (СПб., 1775): «Сию книгу Орган, в двух томах состоящую, подарил его высокопреподобию Спасо-Ярославскому священноархимандриту Иоилю, при Санкт-Петербурге на очереди служащему, в знак древнего знакомства, 1777 году апреля 17 дня портовый директор, а о сочинении проекта нового Уложения города Ярославля депутат и Всероссийского собрания господ депутатов избранием частной о имениях комиссии член Алексей Иванов сын Ярославцев».

Ф. Я. ПРИЙМА

К истории открытия „Слова о полку Игореве“¹

Еще при жизни издателя и владельца рукописи «Слова о полку Игореве» А. И. Мусина-Пушкина в научных кругах возникла мысль о необходимости изучения вопроса о происхождении погибшей рукописи, а также обстоятельств ее открытия. К сожалению, Мусин-Пушкин не сообщил ни точной даты приобретения им рукописи «Слова», ни, тем более, того, откуда она была получена ее первым владельцем, архимандритом Иоилем, и обращал ли последний когда-либо свое внимание на художественные достоинства находящегося в этой рукописи «Слова о полку Игореве». Отсутствие сведений о том, откуда мог получить архимандрит Иоиль рукописный сборник с древней поэмой об Игоревом походе и когда именно была она приобретена Мусиным-Пушкиным, затрудняет и до сих пор решение как проблемы происхождения рукописи «Слова», так и вопроса о первоначальном этапе ее литературной известности.

Для определения времени приобретения рукописи «Слова» Мусиным-Пушкиным имеет немаловажное значение и установление даты смерти архимандрита Иоиля, так как покупку библиотеки последнего Мусин-Пушкин относил к последним годам его жизни.

К сожалению, личность первого владельца рукописи «Слова о полку Игореве» почти не привлекала внимания исследователей. Подобному равнодушию к личности архимандрита Иоиля немало способствовала и широко известная работа о «Слове» Е. В. Барсова, который, ставя под сомнение характеристику Иоиля Мусиным-Пушкиным, утверждал, что «ни в архиве, ни в библиотеке, ни даже в преданиях Спасо-Ярославского монастыря не сохранилось ни малейших следов о каком бы то ни было просвещении и любви к словесности этого мужа».²

В 1920 году в своем кратком сообщении об архимандрите Иоиле В. В. Данилов предпринял попытку опровергнуть мнение Е. В. Барсова. В бывшем Синодальном архиве В. В. Данилову удалось разыскать любопытный документ о назначении ростовским архиепископом Арсением (Верещагиным) двух духовных цензоров для наблюдения над изданиями Ярославской вольной типографии. Назначенными цензорами, как доносил в 1787 году Синоду архиепископ Арсений, были «ученые два архимандрита: первоклассного Спасо-Ярославского монастыря Иоиль, второклассного Борисоглебского монастыря Иринея».³

¹ Доложено на заседании Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в сентябре 1952 г.

² Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной поэзии, т. I. М., 1887, стр. 61.

³ В. В. Данилов. Архимандрит Иоиль. (К открытию «Слова о полку Игореве»). «Дела и дни». Исторический журнал, книга первая, СПб., 1920, стр. 390.

Сообщая о своей находке, В. В. Данилов высказывал сожаление о том, что ему «не удалось открыть в бывшем синодальном архиве других следов жизни и личности архимандрита Иоиля».

Пополнение известных уже и по необходимости скудных сведений об архимандрите Иоиле новыми данными и составляет главную цель настоящего сообщения. Если не считать печатных источников, нами обследовано с этой целью только одно архивохранилище — рукописные фонды Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, и поэтому естественно, что извлеченные оттуда сведения на исчерпывающую полноту претендовать не могут.

К числу таких, до сих пор не введенных в научный обиход данных прежде всего следует отнести статью о Спасо-Ярославском монастыре в географическом словаре Афанасия Щекатова, которая в сокращенном виде приводится ниже. «При сем монастыре находится Семинария, заведенная бывшим Ростовским митрополитом Арсением, по дозволению святейшего Синода в 1747 году; в ней учащихся более 500 человек; преподаются науки на Латинском языке. Грамматика, Пиитика, Риторика, Философия и Богословие, обучаются Греческому, Еврейскому, Французскому и Немецкому языкам, а на Российском. Арифметике, Истории и Географии. Сим монастырем начальствовал Архимандрит, который был и ректор Семинарии. А прошлаго 1787 года июля в 3 день именным указом, данным покойному, действительному тайному советнику генерал-губернатору Ярославскому и Вологодскому Алексею Петровичу Мельгунову, велено, упраздня оной монастырь, обратить для пребывания архиепископа Ростовского и Ярославского; а бывшему в оном архимандриту Иоилю, по старости и болезням его, увольняемому от управления тем монастырем, производить по смерти нынешнее его жалование».¹

Два упоминания об архимандрите Иоиле находим мы также в сборнике писем к архиепископу ростовско-ярославскому Арсению (Верещагину), лицу, обладавшему огромным авторитетом и известностью.

В письме от 12 апреля 1786 года епископ севский Феокист Мочульский, сообщая Арсению об архимандрите Межигорского монастыря в Киеве Амфилохии Леонтовиче, писал: «Он объявляет, что старик отец архимандрит Иоиль болен ногами; сия, чаю, болезнь ему от сидячей жизни. Дозвольте, высокопреосвященный владыко, проездиться ему к Киев, движение будет ему вместо лекарства».²

Архимандрит вологодский Иннокентий в письме от 20 декабря 1797 года писал архиепископу Арсению: «Прошу, милостивый отец, приказать изъявить мое усердие... архимандриту Иоилю, старинному моему приятелю».³

Гораздо больше примеров, подтверждающих известность Иоиля среди современников, находим мы в дневнике упомянутого выше Арсения Верещагина, с 1788 года архиепископа ростовского и ярославского.

Написанная писарским почерком двухтомная рукопись «Дневника» Арсения Верещагина хранится в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде (шифр: Q. IV. № 267). Первый том охватывает события 1786—1791, второй — 1797—1799 годов. Часть, относящаяся к периоду

¹ Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым, часть пятая (Р—С). М., 1807, стр. 1126.

² Сборник писем духовных лиц XVIII века к преосвященному Арсению (Верещагину). Издан Саввою, архиепископом тверским и кашинским. Тверь, 1893, стр. 48.

³ Там же, стр. 84

с 1792 по 1796 год в Государственную Публичную библиотеку не поступила, и местонахождение ее в настоящее время неизвестно. Несмотря на это и в нынешнем своем виде «Дневник», помимо обильных сведений о деятельности Ярославской духовной семинарии, содержит также ряд ценных данных о знакомствах и характере умственных интересов Иоиля.¹

Ниже приводятся лишь некоторые, наиболее важные для нашей цели места из «Дневника», в которых нашли отражение как личность архимандрита, так и обстановка, в которой протекала его деятельность.

1786 год. 14 июня. По утру поздравляли Ярославской семинарии ректор архимандрит Иоиль, архимандрит Ириней и прочие учителя, студенты говорили стихи и речи на разных языках. 25 июля. ... отправился в село Иловню на конях вместе с Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным, ночевал в оном селе. 26 сентября. По утру, в 10 часов, начались богословские и философские диспуты, в продолжении которых читаемы были стихи и речи на разных языках, при том и пристойные на сей случай разговоры; петы были различные канты. Посетителей было очень много; был генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов и др. дворяне, также купцы и пр. 29 октября. Кушал у архимандрита Иоиля. В вечеру Ярославской семинарии бурсаками представлены были: пьеса «Авелева смерть» и драма «Не любо, не смейся». 26 ноября. ... послал письмо к А. И. Мусину-Пушкину.

1787 год. 1 января. Семинария приносила поздравления стихами, кушали у спасо-ярославского архимандрита Иоиля. 2 марта. Присланы при письме от Михайла Ивановича Веревкина книги; три части истории о странствиях (16, 17 и 18) и третья часть китайских записок. 28 марта. Приносила поздравления семинария, коей префект Стефан Вилинский читал на российском языке речь, а ученики также читали речи и стихи на разных языках, поднесли от семинарии поздравительные сочинения, состоящие в прозе и стихах. 25 декабря. ... после литургии приносили поздравления семинария, коей ректор архимандрит Иоиль читал на латинском языке речь, после него от учеников читаны были на разных языках речи и стихи.

1788 год. 28 февраля. Племяннику подарена штучка Димитрия Ростовского и две книжки сочинений ярославской семинарии. 5 марта. После литургии говорил речь новопроизведенный в протоиереи в город Осташков Андрей Николаевич Колоколов. Посетили архимандрита Иоиля Прецицкого. Приносили от семинарии поздравления по причине моих именин, бывших второго числа сего месяца. 12 июля. Возвратился из Толгского монастыря в Спасо-ярославский дом. Посетили генерал и Московского университета куратор Михайла Матвеевич Херасков, вице-губернатор ярославский Урусов, прокурор Замыцкой, Филатьев и пр. 26 июля. Посетил отъезжающий в Москву генерал Херасков.

1790 год. 1 января. Посетили с архимандритом Иоилем гг. Малышкина и Филатьева. 18 июля. Был на экзамене в главном нормальном училище. Одному дворянскому сыну подарил я книжку с надписью:

Успех, наука, добродетель
Похвал учащихся свидетель...

¹ Дневник Арсения Верещагина, как это в последнее время (1955 г.) установлено В. В. Лукьяновым (см. наст. том, стр. 43, примеч. 4), почти полностью был опубликован в «Ярославских Епархиальных Ведомостях» за 1894—1895 гг.

9 сентября. Михаилу Пальмину за переводы, кои отданы в семинарскую библиотеку, из семинарской суммы велено дать 10 руб.

1791 год. 10 июля. Семинарские диспуты финальные, богословские и философские ... На диспутах были и меня посетили Иван Афанасьевич г. Дмитревский и проч. Семинаристам достойнейшим розданы книжки. 21 ноября. Кушали у меня архимандрит Иоиль и Арсений.

1797 год. 15 марта. Кушал с обер-прокурором А. И. Мусиным-Пушкиным. 17 марта. Поздравление Мусину-Пушкину. 21 марта. Посетил Мусина-Пушкина. 9 апреля. Посетил меня Мусин-Пушкин и др.

1798 год. 25 августа. В третьем часу пополудни скончался по немаловременной болезни архимандрит Иоиль, пребывавший в Спасо-ярославском монастыре и получавший пятисотную пенсию. 27 августа. Литургисал, хиротонисал и отправлял погребение архимандриту Иоилю. Тело его погребено в Толгском монастыре. Он родился 1726 года марта 30 дня и наречен Иоанном. Был учителем в Киевской духовной академии. Пострижен в монашество 1754 года. Был в кадетском корпусе иеродиаконном и иеромонахом. Потом в Троицком Черниговском монастыре архимандритом, [с] 776 года Спасо-ярославского монастыря архимандритом и Ярославской семинарии ректором и про[чая] и прочая.

1799 год. 20 января. ... кушали все синодальные члены, в том числе и я, князь Волконский, князь Гаврила Петрович Гагарин и прочие многие у тайного советника, сенатора и кавалера Гаврилы Романовича Державина, который подарил мне стихотворческое свое сочинение.

Дневник Арсения Верещагина, несмотря на подчеркнута деловой характер его записей, ценен зарисовками жизни и быта Ярославской семинарии, подробным перечнем лиц, с которыми находился или мог находиться в знакомстве Иоиль Прецицкий, биографическими сведениями о последнем, а также указаниями на то, что Мусин-Пушкин не позднее как с 1786 года, т. е. еще до назначения своего на пост обер-прокурора Синода, посещал Ярославль, находился в тесном общении и переписке с ближайшим окружением Иоиля, да вероятно и с ним самим.

Не менее ценные сведения о личности ректора ярославской семинарии Иоиля содержит также и другая рукопись Государственной Публичной библиотеки под названием «Оды, разговоры, надписи, канты и прочих родов на разные случаи некоторые российские стихотворения, сочиненные и говоренные в разные времена в Ярославле» (Собрание А. А. Титова, Охранный каталог, № 694). Это один из тех сборников, которыми, как это видно из «Дневника» Арсения Верещагина, Ярославская семинария имела обыкновение отмечать знаменательные события местной жизни.

Из небольшого (около 15) количества произведений, вошедших в сборник № 694, пять полностью посвящены архимандриту Иоилю. Первое из них — «Ода на тезоименитство архимандрита Иоиля, сочиненная и поднесенная богословии [так!] слушателем Иваном Герасимовым Воскресенским 1776 года, октября 19 дня». Из этой оды, написанной, кстати сказать, в первый год пребывания Иоиля Прецицкого в Ярославле, приведем стихи:

Парнас, тобою украшенный,
Взирает, духом восхищен,
И как Нарцисс, собой плененный,
Стоит в весельи изумлен.

Божественнейшие науки
 С весельем простирают руки,
 Твое лице Иоиль зря
 И с радостью говоря:
 — Мы ныне дать плоды готовы
 Для тезоименитства новы.

Наук и мудрости любитель,
 Отец любезнейший для всех!
 Учащихся ты покровитель,
 Вина веселий и утех.
 Тобой всевышний нас прославит,
 Тобой к блаженству всех направит,
 Тобой науки просветит,
 Тобою щастьем озарит.

Продли Иоиль жизнь, боже!
 Она для нас всего дороже.
 Внемаи, творец, мольбам, внемаи
 И жизнь дражайшую продли.

(лл. 2—3)

Ровно через год, 19 сентября 1777 года, студент Иван Воскресенский поднес ректору семинарии вторую оду, написанную в таком же возвышенном и риторическом стиле (там же, лл. 4—6).

В тоне панегирика Иоилю в 1782 году, по случаю дня пасхи, была написана также и ода учителя Ярославской семинарии Сергия Предтеченского (там же, л. 9 об.).

В сборник под № 694, помимо перечисленных, входит еще два небольших стихотворения, посвященные «тезоименитству» Иоиля Прецницкого. Одно из них (л. 68) принадлежит Сергию Предтеченскому, второе (л. 69) — некоему Ивану Ораевскому. Несмотря на свой панегирический характер стихи эти дают богатый материал для суждений о реальном образе их адресата: Иоиль Прецницкий — «любитель наук и мудрости», «отец муз», «покровитель учащихся» и вместе с тем, что также весьма примечательно, не истязавший свою плоть схимник, а организатор «веселий и утех».

Стихи из сборника № 694, являясь ценным дополнением к «Дневнику» Арсения Верещагина, не оставляют ни малейших сомнений в правильности сообщения Мусина-Пушкина о том, что архимандрит Иоиль был «муж с просвещением и любитель словесности». Исключительное пристрастие к поэтическому творчеству студентов Ярославской семинарии, о чем свидетельствуют и «Дневник» Арсения Верещагина и упомянутый рукописный сборник стихотворений из собрания А. А. Титова, несомненно являлось следствием большой любви к литературе самого ректора семинарии.

Эти сведения позволяют видеть в архимандрите Иоиле одного из образованнейших людей своего времени, человека с широкими умственными запросами, любителя книжных знаний и книг, деятельного и опытного педагога, любимца семинарской учащейся молодежи.

В свете приведенных данных сообщение Мусина-Пушкина о том, что сборник, в котором находилась рукопись «Слова о полку Игореве», входил в состав личной библиотеки Иоиля Прецницкого, приобретает почти полную достоверность.

С 1776 года проживавший безвыездно в Ярославле архимандрит Иоиль мог и должен был обладать обширной и хорошо подобранной библиотекой.

Ни в «Дневнике» Арсения Верещагина, ни в рукописи № 694 о приобретении А. И. Мусиным-Пушкиным библиотеки архимандрита Иоиля, к сожалению, нет упоминаний. Возможно, однако, что эти упоминания находятся в той части «Дневника» за 1792—1796 годы, которая в Публичную Библиотеку не поступила. Тем не менее, даже при их отсутствии, опираясь исключительно на биографические данные об Иоиле Предницком, мы вправе выдвинуть предположение, что последнему могла принадлежать заслуга не только сохранения, но и открытия «Слова о полку Игореве».

Под «открытием» в данном случае, разумеется, не обязательно следует понимать публичное объявление о существовании рукописи или желание ее опубликовать, а лишь распространение сведений о ней в узком кругу любителей отечественной старины и художественного слова.

Приобретая библиотеку архимандрита Иоиля, Мусин-Пушкин, любивший в своей коллекционерской деятельности пользоваться советами сведущих людей, мог воспользоваться также и указаниями ее прежнего владельца. Даже если признать, что «Слово о полку Игореве» и было открыто Мусиным-Пушкиным вполне самостоятельно, то последний неизбежно должен был обратиться за разъяснением ряда вопросов к Иоилю. Ведь рукопись древней поэмы представляла большие трудности для прочтения и уяснения, а ее прежний владелец, который мог обладать относящимися к рукописи важными изустными преданиями, продолжал жить около шести лет после первого печатного объявления о ее открытии.

Первое печатное упоминание об открытии «Слова о полку Игореве», как уже указал на это в свое время П. Н. Берков, содержалось в статье П. А. Плавильщикова «Нечто о врожденном свойстве душ российских», помещенной в февральской книжке журнала «Зритель» за 1792 год.¹

Вторым по времени печатным сообщением об открытии «Слова о полку Игореве» является примечание М. М. Хераскова к новому изданию поэмы «Владимир», увидевшему свет в январе 1797 года. «Недавно, — сообщил Херасков, — отыскана рукопись под названием «Песнь полку Игореву», неизвестным писателем сочиненная, кажется за многие до нас веки, в ней упоминается Баян, Российский песнопевец».²

Третье печатное упоминание об открытии «Слова о полку Игореве» принадлежало, как хорошо известно, Карамзину и появилось на французском языке в октябрьском номере гамбургского журнала «Spectateur du Nord» за 1797 год.

Ни глухое упоминание Плавильщикова о «Слове», ни скромное подстрочное примечание Хераскова о древней поэме, конечно, нельзя рассматривать как официальные объявления о сделанном Мусиным-Пушкиным открытии. Не являлось таким объявлением и обращенное к иностранным читателям известие Карамзина о «Слове». Как видно, Мусин-Пушкин с такого рода объявлением не торопился, и несмотря на то, что небольшая группа близких к нему лиц успела высоко оценить гениальную поэму и начала распространять ее в списках, широкие круги русских читателей на протяжении ряда лет (до 1800 года) ни о содержании, ни о стиле найденного произведения не имели ни малейшего представления.

Достоин внимания и то обстоятельство, что во всех трех первых печатных сообщениях, появившихся еще при жизни архимандрита Иоиля, имя Мусина-Пушкина вовсе не упоминалось. Это также вряд ли можно считать

¹ П. Н. Берков. Заметки к истории изучения «Слова о Полку Игореве». Труды ОДРА V, стр. 135.

² Творения М. Хераскова ч II М., 1797 См также: С. Ф. Елеонский. Поэтические образы «Слова о полку Игореве». В сб. «Слово о полку Игореве», под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой, М., 1947, стр. 95—123.

случайным. Если бы Мусина-Пушкина не удовлетворяло подобное замалчивание его имени, то он мог бы сообщить о своей находке более обстоятельно и более точно. Однако и в этом случае Мусин-Пушкин проявил к своему открытию полное равнодушие, которое вряд ли можно определить как простую скромность.

Исходя из этого, следует признать возможным и то, что рукопись «Слова» была приобретена Мусиным-Пушкиным уже после 1792 года, т. е. времени, когда П. А. Плавильщиков печатно объявил о ее существовании. Ведь согласно показанию Мусина-Пушкина, названную рукопись он приобрел в последние годы жизни архимандрита Иоиля. Получая солидную пенсию, Иоиль материальной нужды не испытывал, но, почувствовав приближение смерти, мог действительно уступить за известную сумму свою библиотеку в надежные руки. Вряд ли эта продажа могла быть совершена до 1792 года, когда, согласно «Дневнику» Арсения Верещагина, Иоиль Прецницкий был еще деятельным и полным житейских забот и интересов человеком. Таким образом, не исключена возможность распространения сведений о рукописи «Слова» и до приобретения ее Мусиным-Пушкиным.

Первое упоминание об Мусине-Пушкине как владельце рукописи «Слова» появилось через два года после смерти архимандрита Иоиля, в 1800 году, в предисловии к первому изданию поэмы. Здесь мы находим сообщения и о том, что «подлинная рукопись» «Слова» принадлежит его издателю, «г-ну тайному советнику и кавалеру графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину», и о том, что издатель решился опубликовать свой перевод древней поэмы по совету приятелей лишь после долголетних усилий, и, наконец, следующую библиографическую справку: «В его (Мусина-Пушкина, — Ф. П.) библиотеке хранится рукопись оная в книге, писанной в лист под № 323».¹

Таким образом, в предисловии к первому изданию «Слова» Мусин-Пушкин не проявил свойственной ему ранее «скромности» и, называя номер рукописи со «Словом о полку Игореве», «забыл» указать на то, что под этим номером названная рукопись значилась в библиотеке архимандрита Иоиля. Совершенно очевидно, что подобное намеренное забвение фактов и отступление от истины для Мусина-Пушкина стало возможным только после смерти Иоиля Прецницкого.

В отличие от Барсова, мы считаем, что сбивчивость и краткость показаний Мусина-Пушкина в его письме к К. Ф. Калайдовичу от 31 декабря 1813 года объясняется не столько желанием предохранить себя от нареканий в ограблении монастырских библиотек, сколько боязнью навлечь на себя законное подозрение в присвоении заслуг и прав первого владельца рукописи «Слова о полку Игореве», архимандрита Иоиля, видимо, принимавшего известное участие в «открытии» древней поэмы.

Какие же факты убеждают нас в том, что показание Мусина-Пушкина об архимандрите Иоиле как о первом владельце рукописи «Слова» является правдивым, хотя и вынужденным?

Уже одно имя К. Ф. Калайдовича, которому отвечал Мусин-Пушкин, исключало возможность заведомо ложного ответа со стороны последнего. К 1813 году Калайдович как молодой и выдающийся ученый, был хорошо известен исследователям русской старины, а также Мусину-Пушкину и издателям «Слова о полку Игореве».

За выдающиеся научные заслуги еще в 1811 году Калайдович был избран в члены «Общества истории и древностей российских». Молодой

¹ Героическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. VII.

Калайдович пользовался особым уважением и доверием со стороны одного из издателей «Слова», Н. Н. Бантыша-Каменского. Последний в письме к графу Н. П. Румянцеву от 26 декабря 1813 года не случайно рекомендовал для издания «Собрания государственных грамот и договоров» Калайдовича как «человека, знающего крепко литературу и российскую историю».¹

За разъяснениями по поводу древней поэмы об Игоре в походе Калайдович обращался в 1813 году к Бантышу-Каменскому, Карамзину, Малиновскому, Тимковскому, Сопикову и многим другим знатокам «российских древностей».

Сведения, полученные от Мусина-Пушкина Калайдовичем, нужны были последнему лишь как дополнение и подтверждение данных, собранных молодым ученым от других, весьма сведущих в этом деле лиц. О том, что названным лицам было известно происхождение рукописи «Слова», свидетельствует следующее, относящееся к 1801 году и принадлежащее Карамзину объяснение к портрету Баяна: «За несколько лет перед сим в одном монастырском архиве (разрядка наша, — Ф. П.) нашлось древнее русское сочинение, достойное Оссиана и называемое „Песнью воинам Игоря“».² В подобной обстановке Мусин-Пушкин не мог, если бы даже он хотел этого, создать вымышленную историю открытия рукописи «Слова» и должен был сообщить Калайдовичу то, что уже и до того было хорошо известно небольшой группе лиц, имевших отношение к изданию рукописи «Слова о полку Игоре в».

Не следует забывать и того, что сообщение Мусина-Пушкина носило характер частного письма и не предназначалось для опубликования. Оно было напечатано Калайдовичем лишь через семь лет после смерти Мусина-Пушкина. Известной гарантией правдивости сообщения Мусина-Пушкина об Иоиле может служить и то, что Калайдович, обладавший не одной возможностью для проверки полученных им от Мусина-Пушкина сведений, никогда не подвергал их сомнению.

Только исходя из предположения, что в лице Иоила Прецницкого Мусин-Пушкин видел своего соперника, причем соперника, которому он был многим обязан, можно объяснить и первоначальную (до 1800 года) незаинтересованность Мусина-Пушкина в оглашении своего выдающегося открытия, и слишком затянувшийся ход издания памятника, и отсутствие указаний о происхождении рукописи в предисловии к первому ее изданию, и известную уклончивость, сдержанный характер ответа Мусина-Пушкина Калайдовичу в письме от 31 декабря 1813 г.

Гипотеза о заметной роли архимандрита Иоила не только в сохранении, но и в «открытии» «Слова о полку Игоре в», естественно, нуждается во всесторонней проверке. Степень достоверности этой гипотезы может быть окончательно определена только после дополнительного изучения всех печатных и рукописных источников, связанных с жизнью и деятельностью как Мусина-Пушкина, так и в особенности архимандрита Иоила.

Дополнительные сведения, относящиеся к деятельности последнего, могут быть обнаружены в архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Чернигова

¹ См.: П. Безсонов. К. Ф. Калайдович. Чтения ОИДР, 1862, кн. 3, стр. 100—101

² Н. М. Карамзин. Пантеон русских авторов, т. I. СПб., 1801. Следует отметить, что этому свидетельству Карамзина о первоначальном местонахождении рукописи «Слова» противоречит сообщение Евгения Болховитинова о том, что рукопись с текстом «Слова» была приобретена Мусиным-Пушкиным у книгопродавца Ивана Глазунова (см.: Труды ОДРЛ, X, стр. 252). Так как свидетельство Карамзина было сделано печатно и никем из издателей «Слова» и современников не было опротестовано, то версия о Глазунове как первоначальном владельце рукописи «Слова» приобретает достоверность только в том случае, если Глазунов выступал в роли того комиссионера, через которого Мусин-Пушкин приобретал рукописи у архимандрита Иоила.

и Ярославля. Эти сведения могут обнаружиться и в архивах частных лиц, обстоятельный перечень которых дает нам «Дневник» Арсения Верещагина. Кстати сказать, нахождение отсутствующей части названного «Дневника» за 1792—1796 годы могло бы дать в наше распоряжение весьма ценные сведения. Если исходить из предположения, что «Слово о полку Игореве» было известно Ионаю Прецницкому задолго до продажи им Мусину-Пушкину рукописи под № 323, то упоминания о древней поэме или же ее литературные отражения могут отыскаться и в рукописных сборниках Ярославской духовной семинарии, образцом которых является сборник под № 694 из собрания А. А. Титова. Только при условии тщательного учета и изучения упомянутых источников будет возможно написание научно проверенной и полноценной истории открытия «Слова о полку Игореве».

М. П. ПАРМАНИН

Путь Игоря Северского на половцев в 1185 г.

(Заметки краеведа)¹

Вопрос о направлении пути Игоря на половцев издавна интересует русскую науку. П. В. Иванов в статье «К вопросу о походе северских князей на половцев 1185 г.»² указывает путь Игоря через г. Корогу, на древний Изюмский шлях; местом переправы через Северский Донец считает с. Подольхи; второй бой, по его мнению, происходил у реки Халань. П. Бутков в 1821 году дал направление пути Игоря к Донцу через города Суджа и Корога.³ П. Е. Ваденюк на 3-м Археологическом съезде указывал путь Игоря из Трубчевска на Курск, далее по левому берегу Оскола, а переход Донца, по его мнению, был у города Изюма против устья реки Суюрлий (приток Северного Донца справа).⁴ Н. П. Барсов⁵ говорит, что земли Курского княжения достигли водораздела верховья Северского Донца и Оскола. По этому холмистому водоразделу прошел Игорь путивльский на половцев. По словам Барсова, водораздел этот — грань между русскими и половцами. Последние наиболее значительные работы, посвященные этому вопросу, принадлежат К. В. Кудряшovu,⁶ В. Афанасьеву,⁷ В. Г. Федорову,⁸ В. М. Глухову.⁹ В настоящей статье мы выскажем свои соображения по вопросу о маршруте Игоря в Половецкую степь на основе личного знакомства с данной местностью и на основе некоторых археологических данных.

Направлять войска непосредственно из Путивля на Суджу было бы нецелесообразно. Прямой путь из Путивля лежал на Рыльск: это — Бакаёв шлях из Поднепровья в Посемье, а в Рыльске стояла своя рать, да и главная цель была у Игоря объединить войска, но не распы-

¹ Во время печатания этой статьи 11 июля 1956 г. скончался ее автор, Михаил Палладиевич Парманин — курский ученый-краевед. М. П. Парманин родился в 1885 г. В 1909 г. окончил Харьковский университет, после чего преподавал в школах и вузах, одновременно работая в архивах и краеведческом музее (Ред.).

² «Древности», Труды Московского археологического общества, т. 17, 1900, стр. 56.
³ П. Бутков. Нечто к Слову о полку Игоря. Вестник Европы, 1821, ч. 121, №№ 21 и 22.

⁴ Атлас к Трудам 3 Археологического съезда, 1874, т. II, стр. 51, Карта к реферату Ваденюка (Местности, упоминаемые в Слове о полку Игореве, № 2), табл. 2.

⁵ Н. П. Барсов. География начальной (Несторовой) летописи. Очерки русской исторической географии. 2-е изд., Варшава, 1885.

⁶ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Очерки исторической географии. М., Географгиз, 1948, стр. 42—90.

⁷ В. Афанасьев. Вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 г. Истор. журнал, М., 1939, № 6, стр. 45—56.

⁸ В. Г. Федоров. Военные вопросы «Слова о полку Игореве». М., 1951.

⁹ В. М. Глухов. К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь. Труды ОДРА, XI, Л., 1955, стр. 22—38.

лять их. Идя же на город Суджу или на город Сумы, Игорь удалялся бы от рати курян в сторону врага, так как за рекой Мерль (теперь Мерля, приток Ворсклы слева) уже начинались половецкие кочевья.¹ Можно ли предполагать, что Игорь пошел бы на Суджу и Корогу, а Всеволод пошел бы из Курска к Осколу? На таком «прямом» пути на врагов через Суджу—Корогу препятствием Игорю стали бы сплошные леса по рекам: Разумной, Кореню, Короге.² Эти леса в начале XVII века были использованы как средство обороны московской границы от набегов крымских татар. По этому «прямому» пути Игорю предстояла бы не одна переправа через Семь, но еще переправы потом через Псиол в Сумах и через Ворсклу (где?), иметь же на походе лишнюю переправу это большое препятствие: тогдашние рати по их вооружению и снабжению надо отнести к разряду тяжеловооруженных. Нельзя допускать и мысли, чтобы русские военные в XII веке относились к ратному делу «без большого бреженья», о котором так часто говорят документы того (XVII) века, когда строилась Белгородская крепостная Засака. Какая бы переправа ни была: на плотах ли, через гати или в ладьях, это — все равно целое предприятие. Следует сделать вывод, что Игорь шел по Бакаёву пути, действительно прямому пути, на соединение со Всеволодом за Курском. От города Рыльска по левому берегу реки Семи до устья реки Груни были болота и озера (теперь — торфяники), и ниже по течению той же Семи справа, где стоят древние городища: Комаровское устье реки Снагости и Глушковское, а в излучине Семи от села Дроновки до Путивля — все топи и болота (теперь — торфяники).³ При нашем варианте все это неудобство отпадает, эта местность остается вправо к югу. Очевидно, Игорь и шел без переправы, по-суху к Жадину за реку Семь: позднее на этом историческом пути и был поставлен, как оборонительное сооружение, Софронтьевский монастырь, в стороне отсюда озера: Осетёр и Красное у реки Вельми, где ныне села: Колодежи, Самарка, Будки, Сухое, Шегковы горы. Вот и река Рыла с городищами Боброво и Рыльское. Так Бакаёв путь привел Игоря к Семи: все войска здесь; куряне впереди; план выполняется. Можно сказать, что название древнего пути «Бакаёв» появилось позднее: это верно, но и независимо от названия путь этот был издавна торговым путем из Курска до Киева (см. в Патерике о бегстве курянина Феодосия). Для обозначения городища украинский язык «майдан» сохранил слово, а это означает «торговое место». Они не только имели военное значение, но и торговое. После переправы через Семь напротив Жадинского городища путь Игоря пошел по верховьям на водоразделе Семь—Псиол. Семь тогда, в XII веке, была могучей рекой, ее направление с востока на запад — это естественная преграда врагам, идущим из южной степи, и вот на ее-то правом берегу русские люди в IX—X веках поставили городища. Археолог Д. Я. Самоквасов насчитывает их 26;⁴ пять из них упомянуты нами выше, назовем еще: Городенское, Липинское, Ратское и др. Все они были городища-майданы северянские: здесь по русской земле Игорю идти было безопасно даже и без Всеволода, ибо справа у него еще была река Псиол, она также несет свои воды с востока на запад. Не пошел Игорь по долине реки и не мог идти: пользоваться рекой

¹ Н. П. Барсов. Материалы для историко-географического словаря, СПб., 1871.

² Книга большому Чертежу, СПб., 1848, стр. 25.

³ И. Д. Яковлев. Гидрографическая карта Курской губернии. Приложение к брошюре «Гидрографический и гидрогеологический очерк Курского края». Вестник Курского губ. исполнительного комитета, 1923, № 10—11.

⁴ Д. Я. Самоквасов. 1) Древние города России. СПб., 1873; 2) Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, стр. 126.

как водным путем можно было в IX—X веках. Об этом значении Псиола говорит наличие таких же 22 городищ-майданов, например: Горнальское, Суходольское, Белогорское, Гочевское, Глинище, Криничное. Путь водоразделами был в XII веке выгоднее: и пути сами и леса были освоены русскими, не требовалось затрат на сооружение судов, а самоснабжение живностью (птица, зверь) было лучше; большое количество (20) правых притоков Псиола тоже очень затрудняло бы движение войск. Сам Псиол отличался высоким уровнем воды: само название «псиос» с греческого языка переводится словом «высокий».¹ Итак, Игорь шел по истокам притоков Псиола справа: Толпинка, Крепна, Малая Локня, Ивница, Ржавая, Скородной колодезь, Рыбинка, Стрыгосля, Каменка, Туровка, Уланка, Обоянка, Рудавчик, Крюки, Пселец, Ольшанка, Псиол. Истекает река Псиол у села Берегового, близ станции Прохоровка.² Выделенные здесь названия рек говорят о природных богатствах края, о занятиях его населения. Села Радутина, Кукуй, Большой Каменец подтверждают древнюю заселенность этих мест. О том же говорит и большое количество городищ с могильниками: значит, было что защищать ратным людям и было кому оборонять границы нашей великой Родины!

Водоразделы, как высокие места по истокам рек, удобны и тем еще, что в яругах-оврагах находились родники-колодцы (или по-украински — криницы).

О курянах в «Слове» говорится: «Пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми». Вот название яруг в Прохоровском районе по пути Игоря: Дьяконова, Попова, Большая, Малая, Оскочная, Тонкая, Глубокая, Коломыцева, Сухая, Долгая, Репная, Сторожевая, Въезжая, Поддонецкая, Бобровая, Осыпная, Журавлиная, Хмелевая. Этими местами, где шел Игорь, т. е. в водоразделе Семь—Псиол, в XVII веке воспользовались служилые люди, которым приказано было ставить по границе со степью сторожи для обороны от Крымской орды. Такие сторожи были на указанном пути Игоря сооружены на реках Млодать, Полная, Нижняя Россошь (не смешивать ее с городом Россошь Воронежской области), Реут, а также в устье Гатища. Близ села Берегового стоит Думное городище (на виду станции Ельниковой Курско-Харьковской железной дороги, на перекрестке дороги Обоянь—Старый Оскол). Старожилы здесь говорят: «Тут князья думу думали... война какая-то была!». К югу от Думного городища еще стоят у села Зеленого два городища.³ Здесь в Муравский шлях⁴ вливается и шлях Сагайдачный. Первый из них издавна шел от Перекопа до Тулы в водоразделе рек Ворскла—Северский Донец. Второй шлях вел по верховьям рек Готни, Локни, Ивни, Ворсклицы, Саломатинки: им шел к Владиславу IV гетман Сагайдачный в 1616 году.

Шляхи пролегли по издавним русским путям, проложенным русскими людьми, которые их исходили и освоили в течение столетий. Их татарское название «сакма» не только переводится «след (конницы)», но и как «знак» или «примета»: действительно, такие знаки ставились доезжающими людьми на разных предметах (камни, деревья), а потом уже эти давние пути использовались татарами в своих целях. Через теперешнее

¹ С. Н. Ефременко. Историко-поэтическое описание рек Курского края. Изв. Курского общ. краеведения, № 1—2, 1929, стр. 67.

² К. П. Соосновский. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла. Труды Курск. губ. уч. архивн. комиссии, 1911, вып. 1, стр. 299, Приложение: археологическая карта бассейна р. Псла.

³ А. Н. Кобылин. Зеленый курган. Труды Курск. губ. уч. архивн. комиссии, 1911, вып. 1, стр. 25; Труды 3-го Археолог. съезда, т. I, стр. 171.

⁴ Е. Марков. Древние татарские шляхи Воронежской губернии. Труды Воронежск. архивн. комиссии, 1900, стр. 42.

село Призначное (городище с могильниками) Муравским шляхом продолжал свой путь Игорь; здесь Северский Донец имеет свой исток у села Домановки верховье реки Кореня у села Коломыцева, у села Платавцы — городище, за рекой Корочей опять городище у села Короткого, у села Яблоново¹ городище «Царская горка». Это уже Изюмский шлях,² он шел от города Ливны на реке Тихой Сосне до города Изюма на реке Северский Донец близ впадения в него реки Оскола.

Тем временем Буй-Тур Всеволод вел курян навстречу с Игорем к Осколу: путь его и мог только идти по правому берегу Семи, т. е. в направлении, обратном тому, как, по мнению Н. И. Барсова, ходили половцы из дикого поля на Северскую землю. Да это и понятно, так как не мог же полководец отрываться от своего левого фланга. Всеволод шел в обход истоков рек: Рать (городище Ратское, раскопанное археологом Ляпушкиным осенью 1950 года), Соколя Плата у теперешнего города Тима, Головица (приток реки Оскола), Осколец, Орлик, село Истобное, исток реки Короги, где Изюмский шлях сходил с Муравским. Итак, Всеволод уже у Оскола: здесь, у села Верхосемь, видимо, был волок у трех речных истоков, где был лес Юшковы боераки (8-я сторожа в XVII веке³) село Skorodное у верховья реки Короги и реки Орлика, реки Сухого Ольшанца и Халани, а у истока Сухого Холка теперь село Большое Яблоново (городище «Царская горка»), где и произошла встреча обоих братьев Святославичей: Игорь пришел с запада от Северского Донца, а Всеволод — с севера, от Семи. С городища «Царская горка» теперь город Корога виден простым глазом (крепость-острог XVII века), но в XII веке путь братьев шел по Изюмскому шляху, да, очевидно, и Бутков и Иванов (см. выше, стр. 55) не учли того, что все пространство между городами Корень и Корога поросло издавна большим лесом (он сохранился и до нашего времени). На карте Ваденюка (см. выше, стр. 55) путь Всеволода показан по левой стороне Оскола, т. е. по Калмиусскому шляху в направлении к реке Калке. Это направление удлинило бы путь и создавало бы ратям лишнюю переправу в самом нижнем течении Оскола. Кроме того, поздно было идти Всеволоду на этот шлях, так как он уходит к востоку от Изюмского шляха почти у самой реки Тихой Сосны, а переход Всеволода, даже по течению Оскольца, за реку Оскол отводил бы рати полководца от прямого направления на половцев, ибо последние были на юге, а не на востоке. Кроме того, на трассе Оскола археолог М. Н. Орлова в 1934 году обнаружила культуру бронзового века, но там не было городищ с могильниками; в направлении же по Изюмскому шляху могильники идут и дальше, служа Игорю как бы маяками на флангах: по реке Короча — городища Большое и Доброе и с левой стороны пути — городища: у сел Велико-Михайловского района Жигаловки, Фощеватого и Булановки. Рати продолжали идти по водоразделу рек Ивица и Нежеголевки на городище «Гостра могила» близ села Дегтярного (село Сроино тож) у верховья реки Волчьей на Рыбном шляху⁴ (он тянется от города Ростова до города Воронежа). Здесь места древнерусские — ближе к древнему городу Донцу (северянское городище XI—XII веков). Археолог Д. Я. Самоквасов считает, что

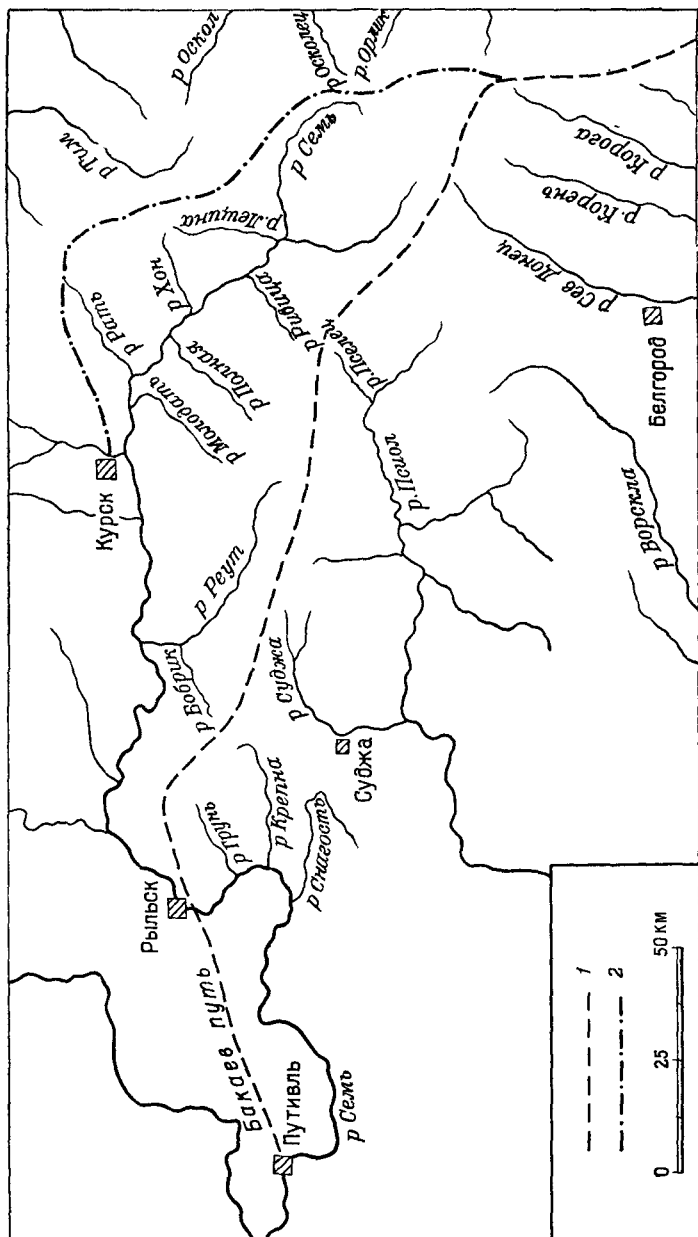
¹ Осмотр Калмиусского, Изюмского и Муравского шляхов и постройка там городов и разных укреплений 1637 года: Д. И. Багалей. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ., II, 1890, стр. 3.

² Сб. «Курский край», 1925, I, стр. 64.

³ Д. И. Багалей. Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства, М., 1887, стр. 103, прим. 11.

⁴ Рыбный шлях пересекается у села Бакшеевки Торской дорогой.

крепость XVII века — острог Нежегольск — это бывшее поселение XII века. Путь Игоря дальше шел в межречье Бурлук и Оскол (Нугайская сторона степи XVII века), через Волохов яр к Савинцам, где Северский Донец среди сплошных лесов имеет излучину до впадения реки

Предполагаемый путь северских князей в 1185 году.

1 — путь Игоря, 2 — путь Всеволода.

Оскол близ древнего Изюмского перевоза. А там уже близко Славянск на реке Сухой Торец.

Так, путь Игоря шел по давней русской земле. До сих пор на нем маячат городища, немые свидетели похода северян, воспетого автором «Слова о полку Игореве».

БОНЮ СТ. АНГЕЛОВ

„Слово о полку Игореве“ и българската литература

В историческото развитие на българската и руската литература съществува траен процес на взаимодействие. Той започва още от X—XI вв., т. е. непосредствено от времето, когато в Русия се изгражда древноруската литература, която напълно естествено получава голяма и реална помощ от високо развитата се вече българска литература. Помощта се изразила в получаване на книги, изпращане на книжовници и в областта на езика. Този процес постепенно се засилвал през следващите векове, като винаги бил обуславян от конкретните исторически условия, поради което се наблюдават периоди на засилване или отслабване на книжовните връзки между руси и българи. Тъкмо тези исторически условия определят и посоката на влиянието — веднаж от България към Русия, после обратно — от Русия към България. От XVI в. обаче непрестанно се засилва у нас руското политическо и културно влияние, което намира израз и в нашата литература. Това влияние особено разраства и стана решаващ фактор в живота на българския народ през епохата на нашегo възраждане. С нова сила то се изрази след 9 IX 1944. Поради всичко това изследването на руското влияние в нашата литература «е благодарна тема за една голяма книга, която непременно един ден ще се напише, защото е необходима».¹

Руската литература изобщо е повлияла върху развитието на българската литература, доказателство за което е творчеството на българските писатели, както и техните изказвания за руската художествена мисъл. Разбира се, че има отделни писатели и произведения на руската литература, чието въздействие върху българския литературен живот е по-голямо отколкото на други писатели и произведения. Задача на литературната история е да установи конкретно проникването и влиянието на отделен голям руски писател или негова творба в развитието на българската литература. Пушкин, Гогол, Тургенев, Толстой, Горки, Маяковски — са важни етапи не само в историята на руската, но също и в историята на българската литература.

«Слово о полку Игореве» е велика староруска национална поема, създадена към края на XII в. В нея се прославя руската земя, руския народ, водещ упорита борба срещу половците, който опустошават Родината му. То е произведение, което е оказало влияние не само в развитието на руската литература, но също и в развоя на другите славянски литератури. На въпроса за въздействието на «Словото» в руската художествена лите-

¹ Ив. Д. Шишманов. Наченки от руско влияние в българската литература. Български преглед, V, 1899, кн. IX—X, стр. 117.

ратура е посветено специално изследване на С. Ф. Елеонси — «Поэтические образы „Слова о полку Игореве“ в русской литературе конца XVIII—начала XIX в.»¹. Авторът, след като дава конкретния материал из творчеството на ред руски писатели, прави следното обобщение в края на изследването си: «Начиная с Хераскова и Карамзина, русские писатели не переставали проявлять самый живой и глубокий интерес к „Слову о полку Игореве“ как истинно поэтическому памятнику нашего героического прошлого. Патриотические мотивы „Слова“ находили ответный отклик во многих произведениях конца XVIII—начала XIX века, испытавших влияние „Песни о походе Игоря“. Ее художественные образы воспринимались непосредственно и эмоционально, обогащая поэтическую речь писателей этой эпохи. „Слово о полку Игореве“, таким образом, вновь вошло в общий поток литературного развития. Вместе с тем уже современники открытия и первого издания „Слова“ сумели в основных чертах правильно осмыслить его значение не только для отечественной, но и для мировой истории литературы и культуры».²

След обнародването му през 1800 г., «Слово о полку Игореве» буди голям интерес всред славянските народи; в резултат на това се явяват неговите славянски преводи — чешки, полски, сръбски, хърватски, български и пр. Един от първите славянски преводи на туй произведение е на полски език, сторен през 1806 г.³ от К. Годабский. Чешкият превод на В. Ханка излиза през 1821 г.

«Словото» обаче има не само преводи, но и подражания и разни отгласи в поезията на славянските народи. Чешкият учен Богумил Видра публикува специално изследване «„Слово о полку Игореве“, неговите отгласи и влиянието му в полската и чешката литература».⁴ Подобно изследване, отнасящо се до въздействието на тази класическа староруска творба върху развитието на литературите на южнославянските народи — българска, сръбска, хърватска, словинска, досега няма. Такова изследване е необходимо и полезно. В такъв смисъл се изказва и съветският учен В. Д. Кузмина, пишейки: «Несомненно, что тщательное и целеустремленное изучение славянских литератур раскроет также воздействие „Слова о полку Игореве“ на балканские литературы XIX в. (болгарскую, сербскую, черногорскую), где аналогичные материалы еще не были собраны. Эта одна из задач, которую должно поставить перед собой советское славяноведение. Только тогда можно будет ясно и отчетливо представить себе во всем объеме общеславянское значение „Слова о полку Игореве“».⁵

Настоящата кратка статия представлява такъв пръв опит да посочи въздействието и отгласа от «Слово о полку Игореве» в развоя на българската художествена литература. Аз съзнателно оставям на страна въпроса за оценката на «Словото» в нашата научна книжнина — това ще бъде

¹ Слово о полку Игореве. Сборник статей под редакцией И. Г. Клубуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947, стр. 95—123. Има и друго специално изследване по тоя въпрос от Ю. В. Панышова: «Слово о полку Игореве» в русской и украинской поэзии XIX—XX вв. (Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 4, Л., 1939, стр. 304—319). Тази работа за сега ми е позната само библиографски.

² С. Ф. Елеонский. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII—начала XIX вв. В сб. «Слово о полку Игореве», М., 1947, стр. 119.

³ См. статью М. М. Шольсона «О первом переводе „Слова о полку Игореве“ на польский язык» в настоящем томе, стр. 74 (ред.).

⁴ «Slovo o polku Igorevě», jeho ohlasy a vlivy v literatuře polské a české. «Bratislava», IV, 1930, с. 528—579.

⁵ В. Д. Кузмина. «Слово о полку Игореве» как памятник мировой литературы. В сб. «Слово о полку Игореве», М., 1947, стр. 10.

предмет на друго проучване. Тук не говоря и за българските преводи на «Словото», тъй като по този въпрос писах на друго място.¹

«Слово о полку Игореве» е било познато на българските писатели преди и след Освобождението. Този факт безспорно оказва известно влияние върху творчеството им — у едни по-очевидно, у други по-незабележимо. Наистина, днес липсват всякакви писмени указания за такова въздействие както от самите писатели, така и от техни съвременници, но творчеството на писателите е най-убедително доказателство в тази насока. Липсата на елементи за влияние на «Словото» у някои писатели още не показва, че те не са познавали това произведение.

Г. С. Раковски е една от големите фигури в нашия политически и културен живот преди Освобождението. От неговото книжовно дело личи, че той е познавал «Слово о полку Игореве», макар за това да нямаме някакво по-определено свидетелство. Дали е чел самото «Слово» или за него знае от четена литература, трудно може да се каже. В библиографските бележки на Раковски — по печатани негови книги и архивни ръкописи — никъде не се посочва такова съчинение. Като се има предвид обстоятелството, че Раковски прекарва известно време в Русия (1860—1863 г.), може да се приеме, че там той непосредствено се е запознал с тази бележита творба на староруската литература. А може да я познава и от по-рано, докато живее още в Сърбия, в Нови Сад. Там той имал свободен достъп до библиотеката на известния сръбски книжовник и културен деятел д-р Данило Медакович, който ако не е притежавал някое от излезлите дотогава руски издания на «Словото», то сигурно е притежавал сръбския превод на туй произведение от 1842 г. «Песна о полку Игоревом», прев. Иован Хаджич (Голубица, 1842, IV, 148 стр.).² Няма никакво съмнение, че Раковски е познавал и първия български превод на «Словото», сторен от Райко Жинзифов и поместен в книгата му «Новобългарска сбирка» (М., 1863).

Раковски е познавал и книгата на Ю. И. Венелин «Критически издирания за историята българска», превод на Ботю Петков, излязла от печат в Земун през 1853 г., която оказала голямо влияние върху него и по-специално за сващанията му относно Симеоновия син Боян. Известно е, че името Боян се споменава няколко пъти в «Слово о полку Игореве». Като взема под внимание този факт, както и сведенията за Боян — сина на Симеон, Венелин говори доста за Боян Магьосника. Според него, Боян «ся предаде на своята склонност... към науките и словесността, а най-много на поезията и на музиката... Боян е бил на българете отечествен поет, на когото славата така ся прочю, чтото ся прослави у простий народ магесник, който преобръщал вълците на човеци, и на против».³

Тези мисли на Венелин за живота и поетическите дарования на Боян намират отражение в поетическото и общо книжовно дело на нашия Г. С. Раковски. И така под вероятното непосредствено въздействие на «Слово о полку Игореве», а най-вече под въздействие на Венелин, той пише за Боян като прочут старобългарски певец и стихотворец. В коментара на своя «Горски пътник» от 1857 г. Раковски определя Бояна като «чютън български стихотворец». За разлика от Венелин, обаче, който очертава Боян като аполитичен, Раковски го показва като активно участващ в политическия живот на страната, показвайки го като велик пълково-

¹ Боню Ст. Ангелов. «Слово о полку Игореве» на български. В: «Слово о полку Игореве. Юбилейно издание на Българската АН. София, 1956, стр. 101—109.

² Иован Хаджич е псевдоним на Милош Светић.

³ Ю. Ив. Венелин. Критически издирания за историята българска, ч. II, 1853, стр. 114—115.

дец: «...и сам Боян, Петровий по-малкий брат, е бил в светлая оная битка под цариградския стени предводител българския войски».¹ Още нещо — Раковски печати «народна песен», в която се говори за Боян като участник в похода на баща му Симеон срещу Цариград. В началото на петата строфа се споменава и Боян:

Трящи! Плющи! Бъян напред върви,
Клин си върти, път прови, Златна врата гледа!²

Раковски печати и специална «народна песен» — «Боян войвода или български войски в Горна Моравия и в Боемия», дето се прославя бойния подвиг на Боян. Нещо повече — той смята, че този Боян «ся избрал за главни войвода в град Раково и че избиране ставало общенародно».³ Същите мисли изказва и в своята автобиография.⁴

Няма съмнение, че всички тези мисли и чувства на Раковски за Боян се намират в тясна зависимост от името и образа на Боян, прославен в прочутото староруско поетическо творение «Слово о полку Игореве». За сега трудно може да се установи прякото въздействие на това произведение (по липса на конкретни указания от самия Раковски, който никъде не го отбелязва), но в общи идейни концепции въздействието е безспорно. Много по-вероятно е това въздействие да е косвено. Горните мисли на Раковски се свързват със следните изрази от «Словото»: «Начати же ся тый пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню. Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы... О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плѣкы ущекоталъ, скача, славлю, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы».⁵

Името на Боян се среща и в някои стихове на «Горски пътник»:

Славний, прехрабрый Б о я н
В'врем' императора Иустина
Великий, силний Каран
В'врем' императора Михайла.⁶

Макар и не много ярки, в «Горски пътник» се срещат и някои реминисценции от «Слово о полку Игореве». Също както в «Словото», като важна причина за покоряването на България от турците, Раковски сочи голямото несъгласие между българите, враждата и жаждата у тях за по-големи печалби:

Сили своя съвсем истъживше,
Наблизо бяха горко пропасти.
Всеяки несмислен първенство ище,
Водими скотски от гнусни страсти.

¹ Г. С. Раковски. Горский пътник. Новий Сад, 1857, стр. 177.

² Г. С. Раковски. Няколко речи о Асеню Первому. Београд, 1860, стр. 69; вж. още стр. 70, 72, 119, 121—123. Вж. също М. Арнаудов. Очерки по българския фолклор. 1934, стр. 158—159, 534—535; Васил Пундев. Боян Магьосникът. Историко-литературна студия, 1923, стр. 34—37. Относно апокрифната песен за обсадата на Цариград от Симеон проф. М. Арнаудов пише: «Нито по съдържание, нито по размер и език те могат да се вземат за автентични, и само един заслепен от патриотически ентузиазъм дилетант би могъл да пярва, че има работа с истинска народна традиция» (Очерки по българския фолклор, стр. 159).

³ Г. С. Раковски. Няколко речи о Асеню Первому, стр. 123.

⁴ М. Арнаудов. Съчинения на Г. С. Раковски. 1922, стр. 8.

⁵ «Слово о полку Игореве». под ред. В. П. Адриановой-Перетц, сер. «Литературные памятники», М.—Л., 1950, стр. 2, 6 (Следващите цитати са по това издание: Сл. о п. Иг., ЛП).

⁶ Г. С. Раковски. Горский пътник. 1857, стр. 127.

Славний прежде предводители,
В празности, в лов ся занимаваха,
Общаго блага те грабители,
Увеселения сам ищяха!

Злобно обаче несъгласие,
Мълви, раздори кто бя вносело,
Носеше горко разорение,
Суетно е юначество било! ¹

Тези стихове напомнят следния текст от «Словото»:

Усобица княземъ на поганяя погыбе,
рекоста бо братъ брату:
«Се мое, а то мое же».
И начяша князи про малое
«се великое» вльвити,
а сами на себѣ крамолу ковати,
а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами
на землю Рускую». ²

Такава реминисценция са и стиховете:

По-добре смърт с юнашка борба,
Нежели живот сѣ безчестен.
По-добре свобода минут една,
Нежели цял век жизни рабствен. ³

В «Словото» княз Игор говори на своята дружина:

Братие и дружино!
Луце жь бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои бръзья комони,
да позримъ
синего Дону. ⁴

П. Р. Славейков също така се е възползувал в своето творчество от «Слово о полку Игореве». И при него нямаме определени, точни сведения, изказвания на Славейков, че е познавал и чел това съчинение, но такава свидетелство не е и толков необходимо. Защото по времето на голямата книжовна и обществена деятелност на Славейков за «Словото» в науката вече има богата литература, то е преведено на много чужди езици, има няколко новоруски превода и пр. Особено ценни научни изследвания за него се появяват в Русия. Всичко това не е могло да остане неизвестно на Славейков. Има едно пряко свидетелство — през 1877 г. той вече притежавал руската христоматия на Андрей Филонов, за която пише на сина си Иван: «Освен това аз пригатвам за по-късно време и примерна една христоматия на български, като се ползвам от най-новата на руски четириритмна христоматия на Андрея Филонов, която е най-хубавото нещо от колкото зная досега по тази част, и което не е засега на никого друго работа. Тя е дала повод на много преводи, що съм направил, кога сполучени, кога не, а в същото време на много оригинални стихотворения, що съм запоследне написал». ⁵ Кое издание на тази христоматия

¹ Г. С. Раковски. Горский пътник, стр. 70—71, 75.

² Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 17.

³ Г. С. Раковски. Горский пътник, стр. 125.

⁴ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 10.

⁵ Писма от П. Р. Славейков. — Сборник за народни умотворения, наука и книжина, кн. XX, София, 1904, стр. 169—170. Повече вж. у Б. Ст. Ангелов. Един опит на П. Славейков за превод на «Слово о полку Игореве». — Сп. «Език и литература», XI, 1956, кн. 4, с. 307—309.

е притежавал Славейков, не може да се каже точно, понеже неговият екземпляр не е запазен. Христоматията на Филонов имала няколко издания преди и след 1877 г. Нейното шесто издание е от 1879 г., което Славейков пак сугурно е познавал — «Русская христоматия с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений». Значи Славейков говори за петото издание. Възторжното изказване на Славейков за Филоновата христоматия, изразите му «най-новата», «най-хубавото нещо», «до-сега» определено говорят, че до 1877 г., когато пише писмото си, той не е притежавал самата книга.

Тази христоматия, за разлика от христоматията на Галахов, която Славейков отдавна познавал, още от 1849 г., помества почти изцяло староруския текст на поемата, новоруски превод на «Плач на Ярославна» (превод на Л. Мей и Д. Минаев) и обширни бележки.

Освен всичко това, Славейков безспорно е познавал българските преводи на «Словото» от Р. Жинзифов («Новобългарска сбирка», М., 1863), Хр. Кесяков (в «Христоматията» на Ст. Костов и Д. Мишев), Детелинов (сп. «Знание», Ст. Загора, 1884—1885) и староруския текст (сп. «Мисъл», Силистра, 1886—1887). Познавал е сигурно и «Поезия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей» от Н. В. Гербел (СПб., 1871), дете е поместен новоруски стихотворен превод на Гербел.

Както трябва и да се очаква, «Слово о полку Игореве» оказва въздействие върху някои поеми на П. Р. Славейков, особено при рисуване на бойни действия. Така, напр., в поемата «Бойка войвода» (печатана през 1873 г.) Стоян представя следната бойна картина пред Бойка:

Страшно е войска на удар:
трошат се саби, ножове,
ломят се копья, щитове,
гърди с гърди се удрят,
падат юнаци в кръвта си,
брат тъпче брата ранена,
пред супостати излязва
на борба за смърт, за живот,
за слава и за отмъщение.

Тези стихове напомнят на стиховете от «Словото»:

Съ зараниа до вечера,
съ вечера до свѣта
летятъ стрѣлы каленныя;
гримлютъ сабли о шеломы;
трещать копиа харалужныя
въ полѣ незнаемѣ,
среди земли Половецкыи.¹

На Немизѣ снопы стелятъ головами,
молотять чепи харалужныи,
на тоуѣ животь кладуть,
вѣють душу отъ тѣла.²

Подобна реминисценция от «Словото» представляват и стиховете в поемата «Кракра Пернишки»:

Войска гази кон крилатий,
А на него юнак Кракра.
Бляска му се шлем пернатий,
Махом маха остра сабя;

¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 16.

² Там же, стр. 25.

Гърци капят като круши,

 Отръсвани от вихрушка.

Войска Кракра дваж кръстоса,
 Га се врати да потрети,
 Гръчка войска налягала,
 Като снопе по странище.

Влияние на «Слово о полку Игореве» има и върху творчество-то на Никола Козлев. Никола Козлев прекарва няколко години в Бесарабия — отначало в Кишинев като ученик в духовната семинария (до 1850 г.), а после като учител в някои бесарабски села. Тук именно започва неговата книжовна дейност. В издаваното в Болград българско списание «Общ труд» (г. I, 1868, кн. III, стр. 36—46), той обнародва първото си произведение поемата «Черен арап и хайдут Сидер».

Дългогодишният му живот в Бесарабия, в средата на български културни дейатели, като Т. Икономов (редактор на сп. «Общ труд»), С. Радолов (инспектор на българските училища в Бесарабия), Цани Гинчев (учител в Бесарабия) и др., безспорно е дал възможност на Н. Козлев да се запознае по-добре с руската литература. Пък това се е налагало и от неговата професия. Поради всичко това може с основание да се говори, че Никола Козлев добре е познавал «Слово о полку Игореве», независимо от неговия български превод през 1863 г. от Райко Жинзифов.

В своята статия «Революционната поема „Черен арап и хайдут Сидер“ от Никола Козлев»¹ през 1952 г. Димо Минев изтъква, че при написването на поемата си Козлев се е влиял предимно от народните песни за Крали Марко. Втори сигурен извор била още историческата поема на М. Ю. Лермонтов «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», написана в народен дух през 1837 г. Д. Минев привежда паралели между текстовете, за да докаже своята мисъл. Общият героичен дух на поемата, както и някои пасажии от нея дават основание да се мисли, че Козлев се е повлиял и от «Слово о полку Игореве».

Тази мисъл се потвърждава от творчеството на Никола Козлев, особено от поемите му «Черен арап и хайдут Сидер», печатана през 1868 г. и «Падение на българската стара държава» (печатана през 1882 г.). Тия две поеми показват прилика със «Словото» преди всичко в динамиката — както в «Словото», авторът употребява много и то все деятелни глаголи, чрез което засилва не само изобразяваното събитие, но и впечатлението от него, неговата внушителност. Ето напр. такива стихове из «Черен арап и хайдут Сидер»:

Сабя фучи, въздух пищи,
 Кривак треши, поле ечи.
 Бял аждерхан хрипти й цвили,
 Реват, сумтят руси биволи.
 Сиви вълци по могили
 Настръхнали и завили!

Рипна, фукна по все поле,
 Ихти, фучи, страшно реве,
 Гърмеливо с уста бѣбри —
 На Сидеря люто мъври.²

¹ Сп. «Септември», V, 1952, кн. 10, стр. 31—36.

² Никола Д. Козлев. Стихотворения. Стар помян. Търново, 1883, стр. 55—56. (Всички цитати са по това издание).

Това струпване на глаголи е характерен елемент и на «Слово о полку Игореве»:

Земля тутнетъ,
рѣкы мутно текутъ,
пороси поля прикрывають,
стязи глаголютъ.¹

Уныли голоси,
понице веселие,
трубы трубятъ городеньскии.²

Подобно на автора на «Словото», Козлев умее да рисува динамични картини, като бързо и леко преминава към всеки отделен момент на борбата. Той обича и величае своя герой Сидер, който е силно идеализиран:

Бучат бури, ечат гори,
Хайдут Сидер не се бои —
Силни бури му са игрилки,
Страшни среци забавилки.³

Тази стилна особеност в творчеството на Козлев е силно проявена и в поемата «Падание на българската стара държава»:

Стари и млади колят, мъчат,
Дребни деца с коне тъпчат,
Майчици им тез погани
В робство карат оковани.

Един само Дунав бучи,
Между брегове тътни, ечи,
С кърви покрит, шумно тече
И човешки мърши влече.⁴

Тук обаче близостта със «Слово о полку Игореве» е по-голяма. Причина за това е преди всичко сходството в сюжетите — борбата срещу нашествениците в родната земя. Незавършената поема на Козлев «Падание на българската стара държава» говори тъкмо за борбата на нашия народ срещу турците. Прилика има преди всичко в това, че начело на тази борба е цар Шишман, който загива на бойното поле:

Сам цар Шишман повел войска
На страшна ми с турци борба.
Среща беше грозна й страшна,
Кръволивна и юначна.⁵

Смъртта на Шишман е решителна за българската свобода:

Българска се реши съдба,
Вред настана жална тъга.

Тези стиховят напомнят на:

Ничиѣ трава жалошцими,
а древо с тугою къ земли преклонилосѣ.

¹ Сл. о п. Иг., ЛП., стр. 14.

² Там же, стр. 24.

³ Н. Д. Козлев, п. с., стр. 53.

⁴ Там же, стр. 16—18.

⁵ Там же, стр. 15.

Двете описания на бойните сражения по динамика и картинност твърде много напомнят на подобни картини из «Словото»:

Запищяха остри стрели,
Затрещяха саби в снаги,
Коне цвилят, въздух екни,
Текат кърви като реки.

По вси поля там широки
Слал се й народ като снопи,
Покриха се вредом поля
Със юнашки мрътви тела.¹

Въздействието на «Слово о полку Игореве» се изразява още и в следните подробности в поемата «Падание на българската стара държава»: решителната среща с турците става в «Софийско равно кър», споменава се река Тополница, около която става сражението. Срещат се изрази като: «и нападат като тъма», «само пусти псета вият» и др. Накрай авторът говори за замлъкналите гусли, които се отказват от песен поради покоряването на народа. Този образ безспорно Козлев е заел от «Слово о полку Игореве», само че го е поставил в друго положение. Докато авторът на «Словото» чрез своята лира прославя миналите и сегашни подвизи на своя народ, Козлев с тъга в душата възвестява:

Край Дунавски мътни вълни
Обвиснали дремят върби,
Между листе побледнели
Висят гусли опустели.

Не щат струни да заечат,
Нито песен ще запеят!

Първият български преводач на «Слово о полку Игореве» е Райко Жинзифов. В своята «Новобългарска сбирка» (М., 1863) той помества превода си, а също и староруския текст. Предговорът на Жинзифов ясно разкрива, че той високо цени това бележито староруско произведение, че добре познава литературата, свързана с него. При превеждането Жинзифов широко е използвал руските преводи на Дубенски, Гербел и Максимович. Сам той има скромна оценка за превода си — да послужи като повод за нови «попълни, по-верни и по-равни» преводи на «Словото».

Работил доста време върху превода си, изпитващ голям пиетет към «Слово о полку Игореве», напълно естествено е то да окаже по-дълбоко въздействие и в поетическото дело на самия Жинзифов. И наистина такова въздействие има в някои негови произведения. Такъв елемент е преди всичко образът на певеца-гуслар, който Жинзифов въвежда в няколко свои творби: «Гуслар в събор», «Просяк», «Молитва». И трите са печатани в българското списание «Братски труд» (М., 1862, кн. 4). Това показва, че Жинзифов ги е писал успоредно с работата си върху превода на «Словото».

Когато той в стихотворението си «Гуслар в събор» пише:

Так велит он сос силен глас,
Новий Боян, народен певец,
Так гърло кинит час по час,
Носейки на глава си венец.

¹ Н. Д. Козлев, п. с., стр. 14—15.

И твърдо стъпват на крака,
И нещо мърдат пръсти си он,
Държейки гусла во ръка,
И будит народ от тежък сон.

има предвид старинния певец Боян, прославен в «Слово о полку Игореве»:

Боянъ бо вѣщій,
аще кому хотяще пѣснь творити,¹

Боянъ же, братие, не 10 соколовъ
на стадо лебедѣй пушаше,
нъ своя вѣщиа прѣсты
на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.²

А в стихотворението «Молитва» Жинзифов иска «гусла Боянова», за да прослави родната старина:

Боже, чуй моя молитва:
Дай ми гусла Боянова,
Гласовита му тетива,
Стара гусла яворова.

Съвсем близко подражание на «Словото» представлява и началото на стихотворението «Просяк»:

Просяк с гусла яворова
По улици шетат сам,
Пейт просяк песня нова,
Нещо разкажуват нам.
И ударат по тетиви,
Вещо мърдат пръсти он,
Из уста му думи живи
Летаят дор в небосклон.

Подобни стихове срещаме и в «Молитва»:

Дай ми пръсти яки, вити,

Нек издават думи живи.

Непринудеността на песента е предадена и в стихотворението «Гусляр в събор»:

Пръсти мърдна по тетиви,
Сълзи капят капка по капка,
Думи из уста му течат живи.

Все под влияние на «Слово о полку Игореве» пак в туй стихотворение са и образите «мършоедки — черни птици», «ветри буйни, ветри с сили», «белолики ви, девойки».

Певецът на Жинзифов — «новият Боян» не пее за миналата слава на своя народ, както древният Боян. Подобно на автора на «Словото», измъчен от раздорите и междуособиците в руската земя, които са истинската причина за нейното разоряване, Жинзифовият гуслар пее за печалното настояще, в което гине българският народ, плаче за неговите

¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 9.

² Там же, стр. 10.

тежки неволи, зове към единство и разбирателство, към една обща цел — свободата:

Ако гусла забравила
Старина ни каква била,
Знайт она наша доба,
наше време, нова рожба.
Братство, любов нека пейт,
Нека гонит гнѣсна злоба,
Дух народен нека не тлеит,
Че друга е за нас доба.

(«Моантва»).

Познатите днес факти показват, че «Слово о полку Игореве» е оказало влияние върху нашата литература преди Освобождението. Историческият момент в живота на българския народ изисква героическа тематика и патриотичен патос. А тези елементи са основни в «Словото». Затова нашите писатели заемат от него и патос, и тематика, и стилно-езикови особености.

М. М. ШОЛЬСОН

О первом переводе „Слова о полку Игореве“ на польский язык¹

1

«Слово о полку Игореве» с первого момента привлекло к себе пристальное внимание общественности не только в России, но и за ее пределами. Однако среди множества трудов о «Слове» один вопрос остается недостаточно изученным. Это вопрос об истории создания переводов «Слова о полку Игореве» на славянские языки и, в частности, на польский язык.

В 1930 году чешский ученый Богумил Выдра написал обстоятельную статью о польских и чешских переводах «Слова».² Однако эта статья, так же как и ценное исследование польской ученой Антонины Обрембской-Яблонской,³ далеко не исчерпывают вопроса о переводах «Слова о полку Игореве» на польский язык.

Предметом этой статьи является первый польский перевод «Слова о полку Игореве», принадлежащий перу Циприяна Годабского (1765—1809).

В школе Ц. Годабский получил классическое образование. Хорошее знание античной литературы, любовь к поэзии сочетались у Годабского с высокими гражданскими идеалами. Глубоко переживал Ц. Годабский второй раздел польского государства (1793 год). Он всей душой желал участвовать в восстании Тадеуша Костюшко 1794 года, однако ему не удалось добраться до районов, захваченных повстанческим движением.

После третьего раздела Польши (1795 год) Годабский активно участвует в организации на территории Польши групп патриотов, желающих вступить в легионы, образовавшиеся по договоренности Яна-Генрика Домбровского с французским правительством.⁴ Пробравшись в Италию,

¹ Во время подготовки этой статьи к печати в Одессе, 6 июня 1955 года, трагически погиб ее автор, Менаше Михайлович Шольсон — молодой, талантливый исследователь М. М. Шольсон родился 8 июня 1919 года в семье учителя в городе Красноставе (Польша). С 1939 года Шольсон жил в Советском Союзе. В древнерусской литературе внимание его преимущественно привлекало «Слово о полку Игореве». (Ред.).

² В. V y d r a. «Słowo o płuiku Igorové», jeho ohlasy a vlivy v literatuře polské a české. «Bratislava», t. IV, 1930, стр. 528—579.

³ Słowo o wyprawie Igora. W opracowaniu Antoniny Obremskiej-Jabłońskiej. Warszawa, 1954, стр. 64—98.

⁴ Легионы Домбровского ставили своей целью национально-освободительную борьбу за независимость Польши. Они были включены в состав французской армии, которой выгодно было таким образом подрывать силы коалиции. Польские добровольческие отряды-легионы носили польские мундиры, французскую трехцветную кокарду и наплечники с надписью «Свободные люди — братья».

Годобский участвует в военных походах легионов и одновременно в культурной работе среди легионеров. Он является редактором журнала «Декада». Годобский храбро сражался. Он был всегда в первых рядах легионов, которые прославились в боях. Он видел, как гибли замечательные патриоты, завещая живущим стоять за родину, сам неоднократно был ранен в сражениях. Тем больше, естественно, было его разочарование, когда Наполеон I, заключая Люневильский договор, выгодный для Франции, обязался впредь не поддерживать никаких польских стремлений. Отправка Наполеоном остатков легионов (6000 человек) на остров Гаити (Сан Доминго), где почти все легионеры погибли, показала, как несовместима борьба за свободу со служением захватнической политике другого государства. Годобский хорошо понял, что польские легионы напрасно проливали свою кровь за чуждые им интересы.

Сразу же после Люневильского договора, в 1802 году, Годобский с большой группой польских легионеров вернулся на родину. Пребывание в легионах, встречи и беседы с передовыми людьми французской армии, носителями революционных идей, воздействовали на формирование республиканских и демократических взглядов Ц. Годобского. Это сказалось на характере его деятельности и творчества. Годобский в Варшаве работал учителем, а вскоре стал издавать вместе со своим другом и однополчанином Ксаверием Коссецким литературный журнал «Приятные и полезные развлечения».¹ В этом журнале он часто печатал переводы произведений русской литературы и статьи о них. В эти годы Годобский примыкает к «Обществу любителей науки»,² которое объединяло крупнейших представителей польской науки и культуры. Оно ставило своей целью сохранение польской народности, после того как Польша потеряла свою независимость. Видные ученые — члены Общества занимались изучением польской истории и языка. Огромную работу по созданию словаря польского языка проделал Самуэль Богумил Линде. В связи с работой ученых над историей Польши и особенно с подготовкой словаря Линде среди членов Общества усилился интерес к славянской и, в частности, к русской и древнерусской литературе. Ц. Годобский выполнял поручения Общества, которого он был действительным членом. Так, он был включен в комиссию для составления истории Польши. Обращение Годобского к материалам русской литературы в его журнале было связано с этой линией деятельности Общества. Например, на одном из заседаний 1805 года председательствующий Альбертранди говорил о том, что «большую помощь для этого (т. е. для усовершенствования родного языка) мы найдем как в церковных книгах, употребляемых в наших странах русским духовенством, так и во множестве других книг, которыми славятся наши соседи россияне». Он же указывал, что следует отбирать материал для словаря польского языка «из книг, словарей, грамматик славянских, иллирийских, кроацких, далмацких, рагузинских, чешских и русских».³

Подобные призывы звучали в Обществе и раньше. Так, например, на заседании 5 декабря 1803 года, на котором вернувшийся из Петербурга Людвиг Плятер сообщил о согласии Г. Р. Державина стать чле-

¹ Журнал «Приятные и полезные развлечения» («Zabawy przyjemne i pozyteczne») издавался в Польше еще с 1770 года, и обычно в нем помещались лучшие произведения отечественной литературы и переводы иностранной.

² Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Почетными членами общества были также видные европейские ученые и писатели, в частности Г. Р. Державин (с 1802 по 1816 год).

³ A. L. Kraushaar. Towarzystwo Warszawskie przyjaciół nauk, ks. I, 1900, стр. 374—375.

ном Общества, епископ Коссаковский в своем выступлении говорил о тесной связи славянских языков и о той «нити солидарности, которая должна связывать польский народ с другими славянскими народами».¹

Не случайно поэтому в 1804 году Гodeбский поместил в своем журнале «Приятные и полезные развращения» заметку о «Слове», а в 1806 году напечатал обширную статью о русской литературе, часть которой была посвящена «Слову о полку Игореве». Это был неполный перевод «Слова» стихами и прозой, иногда переходящий в пересказ содержания, и рассуждения об этом выдающемся памятнике древнерусской литературы. Кроме того, он написал большое стихотворение на тему «Плача Ярославны».

На это же время приходится наибольшая популярность Гodeбского как писателя, смело высказавшего в повести «Гренадер-философ» («Grenadier-filozof», 1805) и в «Стихах легионам» («Wiersz do Legiów Polskich», 1805) горькую правду о героической и вместе с тем трагической эпопее польских легионов. Впоследствии она нашла художественное раскрытие в эпопее Стефана Жеромского «Пепелища».

Говоря о победах польского оружия, Гodeбский напоминал о позорном для легионов участии в порабощении других народов. Поэт говорил о разочаровании, постигшем легионеров, надеявшихся на помощь со стороны Франции.

Поэт и воин, Ц. Гodeбский пал смертью храбрых во время битвы под Рашином в 1809 году, защищая Великое герцогство Варшавское во время внезапного вторжения австрийских войск.

2

До последнего времени перевод Ц. Гodeбского недооценивался в литературоведении. Основная причина недооценки этого перевода заключается в том, что его изучали вне связи с жизнью и поэтической деятельностью Гodeбского и тем самым вне условий и времени создания этого перевода.

Чтобы правильно оценить перевод «Слова о полку Игореве» Гodeбского, необходимо выяснить облик Гodeбского как поэта и определить место перевода «Слова» в поэтической биографии польского поэта.

Оценивая творчество Гodeбского, Адам Мицкевич писал: «В ту пору выступила другая группа поэтов — военные поэты, поэты легионов. Несмотря на несовершенство формы, их стихи имели успех и получили широкое распространение среди народа. Наиболее известны из этих поэтов: Гodeбский, Реклевский, Горецкий... Отличительная черта их поэзии — это прежде всего правдивость, умение найти точное слово. Они первые отказываются от перифразы: они уже не называют ружья „смертоносным дулом“, а полкового священника — „левитом“. Они называют вещи их именами. Солдаты пели песни, сочиненные ими, офицеры читали их стихи, народ их любил. Профессиональные же литераторы Варшавы и Вильно не придавали значения их творчеству, они даже не относили их к числу современных писателей».²

А. Мицкевич глубоко вскрыл значение творчества Ц. Гodeбского. Однако, несмотря на это, в польском литературоведении долго замалчивали демократический характер творчества этого писателя.

Говоря о поэзии легионов, обычно ставили на первое место Козьмяна, Венжика, Осинского и только отчасти касались поэзии Гodeбского.

¹ А. Л. Краушаг, ук. соч., стр. 250.

² А. Мицкевич, Собр. соч. в 5 томах, М., 1954, т. 4, стр. 372

Исполненные страсти и жизненной правды произведения Гобебского были выхолены критикой, игнорировавшей ее новаторское содержание. Польский историк литературы Станислав Бачинский писал о Гобебском: «Важен в его произведениях прежде всего проблеск стремления к идеализации прошлого польского народа».¹

Только в настоящее время, в новой демократической Польше, началось серьезное изучение наследия поэта-воина, посвятившего свое творчество родине и народу.

Все творчество Ц. Гобебского свидетельствует о том, что это был настоящий гуманист. Вполне понятно, что знакомство с таким замечательным произведением, как «Слово о полку Игореве», не могло не оставить глубокого следа в творческом сознании Гобебского. Это особенно сказалось в созданной им на тему «Плача Ярославны» небольшой поэме «Плач Евфросинии Ярославны по мужу своему Игорю» («Żal Eufrozyny Jarosławny po mężu swoim Igorze»). В творческом восприятии Гобебского «Плач Ярославны» переключался со страданиями женщины-польки, годами напрасно ожидавшей весточки от мужа, ушедшего в далекий поход ради спасения отчизны.

«Слово о полку Игореве» всем своим содержанием напоминало ему о недавней трагедии польских легионов.

Это заставляет нас подойти к самому переводу «Слова о полку Игореве» Гобебского с несколько другой меркой, чем обычно. Судя по его работе над «Плачем Ярославны», а также учитывая наличие в переводе «Слова» лексики, характерной для поэзии польских легионов, мы можем заключить о своеобразном преломлении «Слова» в творческом сознании Ц. Гобебского. Трагическая судьба легионов, совершивших патриотический подвиг и пострадавших так жестоко, сочеталась в сознании поэта с печальным исходом патриотического предприятия Игоря Святославича. Все содержание «Слова», вся художественная система его образов глубоко проникали в поэтическое сознание Гобебского. С другой стороны, сам перевод «Слова» насыщался чертами современности, чувствами польского патриота, участника походов. В этом отношении перевод Гобебского становится не только фактом узколитературного значения, большего или меньшего приближения к тексту, но и общественным и культурным явлением, весьма актуальным.

3

До последнего времени в русской литературе по «Слову о полку Игореве» перевод Гобебского относят к 1821 г. В двух библиографических указателях, составленных в Москве и Ленинграде в 1940 году, а также во всех списках литературы и ссылок на Гобебского, в частности в статье С. С. Советова в X томе «Трудов ОДРЛ» (1954), перевод отнесен к 1821 году. Между тем в польской и чешской литературе уже давно известно, что Гобебский, погибший в 1809 году, работал над переводом «Слова» в 1804—1806 годах и тогда же опубликовал его совместно с критической статьей о произведении.

Самое раннее упоминание о «Слове» в Польше относится к 1804 году и принадлежит перу Циприяна Гобебского, который поместил его в III томе журнала «Приятные и полезные развлечения». Обрембска-Яблонска считает, что Гобебский написал свою заметку, пользуясь каким-то немецким источником, почерпнувшим сведения о «Слове» из заметки Н. М. Карам-

¹ St. Baczyński. Literatura piękna Polski poroźbiorowej. Lwów—Poznań, 1924, стр. 7.

зина в «Le Spectateur du Nord». В заметке Гodeбского мы читаем: «Мы не можем умолчать о знаменитой песне Игоря графа Алексея Ивановича Мусин-Пушкина, найденной им в старинной рукописи и которую известное периодическое издание „Le Spectateur du Nord“ сравнивает с прекраснейшими песнями Оссиана».¹

Спустя два года, Гodeбский помещает в V томе журнала «Приятные и полезные развлечения» обширную статью «Об иностранной литературе», значительная часть которой посвящена «Слову о полку Игореве» и частичному переводу его на польский язык.²

Таким образом, следует уточнить, что первый перевод «Слова» был напечатан на 15 лет раньше, чем считали до сих пор в русской литературе по «Слову о полку Игореве».

Что касается издания собрания сочинений Гodeбского³ в 1821 году, то оно было подготовлено к печати сыном поэта Ксаверием Гodeбским, сотрудником библиотеки Оссолинских и впоследствии одним из издателей «Трибуны народов», социалистической и революционной газеты А. Мицкевича в Париже.

4

Циприан Гodeбский не оставил никаких указаний, каким текстом он пользовался в своей работе над «Словом о полку Игореве». На протяжении более 100 лет вопрос об источнике перевода Гodeбского оставался спорным. Неясность в этом вопросе мешала до сих пор надлежащим образом оценить работу Гodeбского.

Источником перевода Гodeбского интересовались почти все польские писатели и критики, занимавшиеся «Словом». Мнения разделились. Большая часть писателей, критиков, историков считала, что Гodeбский делал свой перевод на основе французского перевода. Другие считали, что у Гodeбского был немецкий текст, третьи полагают, что Гodeбский пользовался русским источником (М. Кридль и Б. Выдра).

Мнение, что Гodeбский переводил из французского перевода, основывалось на том, что Гodeбский упоминает журнал «Le Spectateur du Nord». Однако, как известно первым французским переводом «Слова» был перевод Бланшара (Blanchard) 1823 г. Таким образом, версия о французском источнике перевода Гodeбского не оправдывает себя.

Свое мнение о немецком источнике «Слова о полку Игореве» А. Обрембска-Яблонска основывает на анализе различия между двумя принципами транскрипции славянских собственных имен, применяемых в Польше в то время. Она пришла к выводу, что в переводе Гodeбского все славянские имена собственные даны в так называемой «западной манере», принятой в немецких переводах славянских текстов. Так, например, Гodeбский пишет «Jzeslaw», «Swetoslaw», он употребляет также такие обороты, как «Swetoslawa z Rylska», «Jaroslawie z Halicza», явно взятые из немецкого текста, где вместо славянского окончания «-ский», «-цкий», свойственного также и польскому языку, употребляется предлог *von*. Если бы Гodeбский переводил из русского источника, то он писал бы Jaroslaw Halicki и т. п. Однако в статье отсутствует окончательное мнение относительно источника, которым пользовался Гodeбский.

¹ Zabawy przyjemnie i pożyteczne, III (1804), стр. 38.

² Там же, V (1806), стр. 72—102.

³ Cyprian Godebski. Dzieła wierszem i prozą. Warszawa, 1821, стр. 308—323. — «Wyprawa Jgora przeciw Polowcom», стр. 323—330 («Zal Eufrozyny Jaroslawny po męzu swoim Jgorze»).

Каким же источником пользовался Гобебский? Путем сличения текстов нами установлено, что Гобебский пользовался немецким переводом И. Рихтера, напечатанным в журнале «Russische Miszellen» № 3 за 1803 год.

Рихтер, живший в то время в Москве, создавал свой перевод на основе первого русского издания «Слова» 1800 года. Он переводил с русского перевода, обращаясь все же в ряде случаев, вызывавших у него сомнение, к древнерусскому тексту, стремясь сохранить основной смысл оригинала (иногда он ссылается на мнение своих ученых друзей, повидимому русских). Обращение Гобебского к переводу Рихтера, по нашему мнению, позволило ему в достаточной мере вникнуть в основной смысл «Слова». В своем переводе Гобебский следует за переводом Рихтера. Уже сличение предисловия к изданию 1800 года в польском и немецком переводах дает возможность убедиться, что Гобебский переводил из Рихтера.

Обратимся к началу текста «Слова о полку Игореве». Приведем здесь только польский и немецкий тексты:

Lasset uns, Brüder, die traurige Erzählung von Jgors Zuge gegen die Polowzer in der Sprache der Vorzeit beginnen!

Aber einfach und wahr, nicht geschmückt mit Bildern, wie die Gesänge des klugen Bojana, der sich in seinen Liedern zum Rhume der Helden, bald auf die Gipfel der Bäume schwingt, bald gleich einem grauen Wolfe auf der Erde hinschießt, bald wie ein blauer Adler über die Wolken fliegt.

Pozwólcie nam, rzecze, bracia, smutną powieść o wyprawie Jgora zacząć w języku starożytnych czasów!

Lecz to proste i rzetelne pienie nie będzie ozdóbne obrazami, jak są piesni mądrego Bojana, który głosząc sławę rycerzy raz na wierzchołki wznosi drzewa, drugi raz, podobny straszemu wilkowi, po ziemi się snuje, znowu, nakształt górnołotnych orłów, ponad obłoki się wzbija.

Отметим, что вместо «Не лепо ли» — «Приятно нам» Рихтер перевел «Разрешите нам», повидимому, не соглашаясь с переводом 1800 года (против выражения «Приятно нам» выступил в 1805 году Шишков). Сравнивая два перевода, мы легко увидим, что и начало и конец фразы (выражение «в языке древних времен») у Гобебского совпадают с переводом Рихтера. В следующем предложении Рихтер, переводя, как бы расшифровывает смысл выражений «по былинам сего времени, а не по замыслению Бояню», которые в русском переводе 1800 г. звучали так: «по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым». Он перенес их в состав следующего предложения, где говорится о поэтических приемах Бояна, и перевел так: «но просто и правдиво, не украшено картинами, как песни мудрого Бояна». Думается, что смысла он не исказил в своем, может быть, в данном месте слишком пространном переводе. Гобебский перевел это место точно так же. Добавим еще, что в указанном отрывке Гобебский, вслед за Рихтером, раскрывает смысл слова «еще кому хотяше песнь творити» — «хотел прославлять кого» переводит с дополнением: «в песнях во славу героев» и, наконец, вместо слова «под облакы» — «под облаками» дает за Рихтером «над облаками».

Начало следующего предложения Рихтер перевел не так, как в издании 1800 г. Вместо «Памятно нам по древним преданиям, что, поведа (?) о каком-либо сражении, применяли (?) оное к десяти соколам», он перевел так: «Из древних сказаний нам известно, что певцы старых времен, каждую битву, которую они воспевали, приравнивали к соколиной охоте». Гобебский тоже включает сюда мотив о древних певцах, пользовавшихся таким поэтическим приемом. Чтобы убедиться в этом, сравним польский перевод с немецким.

Aus alten Sagen wissen wir daß die Säng-
ger der Vorzeit jede Schlacht, die
sie besangen, mit einer Falkenjagd verglie-
chen: zehn Falken wurden auf einen
Schwanenzug losgelassen.

Wiemy z dawnych powieści, że śpiewaki
każdą przez nich opiewaną bitwę, porówny-
wali do jastrzębich łowów: Dziesięć rzecz-
nych ptaków puszczano na jednego la-
będzia.

Сравнение показывает, что и по содержанию и даже по форме польский перевод совпадает с немецким. Различие двух переводов незначительное. Оно замечается только в двух словах. Вместо «древние певцы» Годабский пишет просто «певцы», повидимому, не желая повторять слово «древний», которое было уже употреблено вместе со словом «сказания». Кроме того, Рихтер пишет «на стадо лебедей», а Годабский переводил «на одного лебедя»; повидимому, он представлял эту охоту несколько иначе. Во всем остальном перевод дан почти дословно.

Следующий абзац «Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря» Годабский сопровождает критическим замечанием. Ему кажется, что автор что-то пропустил, ибо обещал рассказать в своей повести про старого Владимира и ничего о нем не сказал, приступив сразу к рассказу об Игоре. Он указывает, что эта «ошибка» была замечена иностранным издателем «Слова о полку Игореве» на немецком языке. Как раз это замечание является одним из веских доказательств, что Годабский пользовался переводом Рихтера. Абзац в переводе Рихтера сопровождается подстрочным примечанием следующего содержания: «Здесь, кажется, чего-то не хватает, так как следующий абзац начинается прямо с похода Игоря против половцев, и совершенно ничего не сказано о старом Владимире».¹

Для завершения сравнения текстов обратимся к отрывку, переведенному Годабским стихами. В издании 1800 года этот перевод таков: «О кровные мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали воевать землю Половцкую, а себе славы искать. Нечестно ваше одоление, не праведно пролита вами кровь неприятельская». Стремясь к точности, переводчики издания 1800 г. несколько неправильно раскрыли смысл слов Святослава. На этот факт, кстати, обратил внимание А. Шишков в своих «Примечаниях на древнее сочинение, называемое „Ироическая песнь о походе на Половцев или Слово о полку Игоревом“». Он писал: «...нечестно значит здесь без успеха, без пользы, не получа себе от того никакой чести или славы».² Впоследствии и в наши дни такое понимание слова «нечестно» окончательно укоренилось в переводах «Слова о полку Игореве». И надо признать, что в данном случае Рихтер правильно раскрыл смысл этого высказывания Святослава, когда переводил: «Denn unglücklich ist nun euer Zug, und umsonst floss das Blut der Feinde euern Schwerdtern!», т. е. «Бесславным был ваш поход, и зря потекла кровь неприятельская по вашим мечам».

Ц. Годабский в стихах воспроизводит смысл этих строк по Рихтеру:

Coż nam, żeście strumieniem krew pohańczę leli,
Gdy stad żadnej korzyści ojczyzna nie dzieli?

т. е.

«Что нам с того, что вы кровь поганых ручьями пролили,
Если пользы отечеству вы тем не добыли?».

Даже некоторые ошибки в переводе свидетельствуют о том, что перевод был сделан по немецкому тексту Рихтера. Так, например, слово

¹ См.: Russische Miscellen, 1803, № 3, стр. 16.

² А. С. Шишков. Сочинения и переводы, изд. Российской Академиею, ч. I, кн. 8. СПб., 1805, стр. 148.

«серым волком» Гобебский переводит «*strasznyim wilkiem*», т. е. «страшным, ужасным волком». Это объясняется только графическим и фонетическим подобием слова «*grauem*» со словом «*grausamen*» («серый» и «страшный»). Если бы Гобебский переводил с русского языка, то он не стал бы менять эпитет «серый» на «страшный», «ужасный». Так, например, в лучшем польском переводе Ю. Тувима перевод звучит «*szarym wilkiem*». Итак, здесь сказалось невнимательное прочтение немецкого текста Ц. Гобебским. Такая же ошибка произошла и с переводом слов «а Игорь князь поскочи горнастаем к тростию и белым гоголем на воду». Совершенно неожиданно Гобебский перевел так: «*Jgog dopada do łodzi. . .*», т. е. «Игорь примчался к лодке. . .». Эта ошибка может быть объяснена только неудачным прочтением слова «*Schilfe*» — «тростник» как «*Schiffe*» — «лодка»: «*Jgog eilt wie ein wiesel zum Schilfe. . .*». Так как речь идет о реке, то Гобебский и не заметил своей ошибки. Однако, если бы во время перевода у него был какой-либо другой источник, например русское издание «Слова», то он ни в коем случае не мог бы слова «к тростию» (или «к тростнику») перевести как «до лодки».

Итак, пожалуй, больше не требуется доказательств, что источником перевода Гобебского был немецкий перевод Рихтера. Однако думается, что будет не лишним сопоставить написание имен собственных, а также имен с указанием городов, т. е. довершить анализ, проведенный Обрембской-Яблонской.

У Рихтера

Jgor Sweatoslawitsch, Wsewolod von Trubschew, Swaetoslaw Olgowitsch von Rülsk, Wladimir von Putjwl.

У Гобебского

Jgor Swetoslawowicz, Wsewoloda z Trubszewa, Swetoslawowa Olgowicza z Rylska, Włodzimierz z Putywlu.

Если бы Гобебский в своем переводе опирался на русский источник, то он писал бы «*Jgor Swiatoslawowicz*», «*Wsiewoloda Trubczewskiego*», а уж во всяком случае не стал бы пользоваться предлогом «*z*» — нем. «*von*», который явился только следствием стремления Гобебского к точности перевода.

Нужно еще сказать, что ни Б. Выдра, ни М. Кридль, утверждающие, что Гобебский пользовался русским источником, не приводят никаких доказательств. Так, например, Б. Выдра считает, что сомнения Гобебского в достоверности памятника явились результатом споров в среде русских ученых того времени. Однако как раз до 1806 г., и, пожалуй, до момента гибели памятника, таких споров в русской печати не было. Так, например, Рихтер, живший тогда в Москве и интересовавшийся всем, что касалось «Слова», совершенно об этом не упоминает. Наоборот, утверждение Выдры скорее доказывает обращение Гобебского к статье Рихтера, помещенной в журнале «*Nordisches Archiv*» (Riga—Leipzig, 1803, ч. 1, Januar, Februar, März). На стр. 161 во вступлении к переводу отрывка «Слова о полку Игореве» Рихтер писал, что Шлёцер сомневался в подлинности «Слова», но уже признал его. Сомнения относительно «Слова» печатно высказывал единственно геттингенский ученый Шлёцер, и Гобебский об этом, повидимому, узнал из статьи Рихтера в «*Nordisches Archiv*». Не исключено также, что Гобебский узнал мнение Шлёцера в устной передаче, возможно даже из нескольких различных источников. Отсюда и элементы колебания в его суждениях о «Слове». Во всяком случае для нас вполне ясно, что источником перевода Гобебского был перевод Рихтера.

И. У. БУДОВНИЦ

Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века

На протяжении всего XIV века, в течение почти 100 лет, продолжалась ожесточенная борьба Москвы и Твери за гегемонию в объединительном движении северо-восточной Руси. Борьба эта сопровождалась многочисленными вооруженными столкновениями, в которые были вовлечены не только русские земли, но также Золотая Орда и Литва. Борьба велась и идеологическими средствами, найдя отражение в различных источниках (княжеские договоры, послания, жития и др.). Основным памятником этой борьбы остаются, однако, русские летописи того времени.

В обоих княжествах велась интенсивная летописная работа, задача которой заключалась, между прочим, в оправдании действий своего князя и в обосновании его прав на великое княжение. Следует заметить, что летописные записи XIV века дошли до нас не в первоначальном своем виде, а в редакции и переделках последующих сведчиков, преследовавших определенные политические задачи. Особенно искажены тверские записи, прошедшие впоследствии цензуру Москвы, которая, естественно, была заинтересована в том, чтобы изобразить события в благоприятном для себя духе. Несмотря на это, до нас дошли некоторые памятники и тверского летописания, особенно тщательно изученные А. Н. Насоновым, который выделил их из позднейших сводов. Проследив нить летописных записей о событиях Тверского княжества, тянущихся с 1285 года, А. Н. Насонов установил, что эта местная тверская летопись была использована в Твери же при составлении великокняжеского свода, доведенного до 1327 года. В Москве после того, как Иван Калита получил ярлык на великое княжение Владимирское, свод 1327 года несколько переработанный и дополненный московскими известиями, получил продолжение в качестве московского великокняжеского летописца, который в начале XV века был положен в основу Троицкой летописи и дошел до нас в составе Симеоновской летописи. В то же время свод 1327 года получил впоследствии продолжение и в качестве тверского великокняжеского летописца, пополнившись известиями местного тверского летописания. Больше всего тверские летописные материалы сохранились от 60-х и 70-х годов XIV века, когда борьба между Москвой и Тверью носила особенно ожесточенный характер. Оборвавшись на несколько лет после разгрома Твери в 1375 году Дмитрием Донским, тверское летописание возобновилось в 1382 году и уже не прекращалось в течение всего самостоятельного существования Тверского княжества. В начале XV века тверской епископ Арсений предпринял составление общетверского летописного свода, значи-

тельно отредактированного тотчас же после смерти Арсения в 1409 году и завершавшегося повестью о его преставлении. В 1455 году, по повелению великого князя тверского Бориса Александровича, этот свод был сокращен и переработан в определенном направлении. Автор данной сокращенной редакции «дает построение всемирной истории от сотворения мира и до падения Константинополя, причем в центре внимания ставит Тверское княжество. Текст этой сокращенной редакции Тверского свода (1455 г.) мы имеем в Тверском сборнике, а также в Рогожском летописце до 1375 г.»¹ Как убедимся в дальнейшем, эти два памятника — Тверской сборник² и Рогожский летописец³ — действительно отражают тверскую точку зрения на важнейшие события развернувшейся в XIV веке борьбы за возглавление всех земель северо-восточной Руси.⁴

В то же время летописная работа, хотя и менее оживленная, чем в Твери (это относится, по крайней мере, к первой половине XIV века), велась и в Москве. Уже в свод Ивана Калиты, основным источником которого являлся переработанный в московском духе тверской великокняжеский свод 1327 года, влились летописные записи, которые с начала века составлялись при дворе митрополита Петра, а также семейный летописец Ивана Калиты.⁵ Сотрудничество московских великих князей с митрополитами отразилось и на характере московского летописания XIV века, над которым совместно трудились и светская и духовная власти. Московская тенденция особенно явственно выступает в Симеоновской летописи,⁶ но проявляется она и в ряде других сводов (в Никоновском, например), где очень многим событиям дается совершенно иное освещение, чем в летописях тверских. Случается, впрочем, что в одном и том же своде промосковская и протверская тенденции причудливо переплетаются, обнаруживая либо различный состав источников, либо недостаточную бдительность редактора.

Таким образом, хотя московские и тверские летописи дошли до нас в осколках или в сильно переделанном виде, по ним все же можно проследить как самый ход борьбы между Москвой и Тверью за возглавление начинавшего складываться Русского централизованного государства, так и идеологическое обоснование этой борьбы.

¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. (Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.). Известия АН СССР, VII сер., Отд. гуманитар. наук, 1930, № 9, стр. 709—738; № 10, стр. 739—772. Выводы этого исследования — в статье того же автора «Летописные своды Тверского княжества» (Доклады АН СССР, «В», 1926, ноябрь—декабрь, стр. 125—128).

² ПСРЛ, XV, СПб., 1863.

³ ПСРЛ, XV, изд. 2-е, вып. 1, Пгр., 1922. (В дальнейшем цитируется: Рогожский летописец).

⁴ По построению А. А. Шахматова, текст Рогожского летописца от 1288 до 1327 года почти тождествен с Тверским сборником, а текст от 1328 до 1374 года (т. е. за период, который нас больше всего интересует) представляет собой компиляцию известий Симеоновской летописи с известиями Тверского сборника (А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 312). Однако, несмотря на то, что в Рогожском летописце сохранилась не только тверская, но и московская летописная традиция, этот летописец более всего отражает тверскую точку зрения на события XIV века. Особенно ценен этот памятник еще и тем, что он избег последующей московской цензуры.

⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 123—125.

⁶ ПСРЛ, XVIII, СПб., 1913 Симеоновская летопись с 1328 года основывается на московском летописании, а использованное до 1328 года тверское повествование в результате определенной переработки «оказывается сбитым, переиначенным и пополненным московской рукою» (М. Д. Приселков, ук. соч., стр. 112).

I

Борьба за объединение русских земель в единое централизованное государство, обусловленная в первую очередь глубокими сдвигами в экономической жизни русских княжеств, возникла еще в конце XII — начале XIV века, когда Русь стала оправляться от татарского погрома. И после катастрофического нашествия Батые татары время от времени устраивали Руси страшные кровопускания. В 1252 году ее громил рать Неврюя, в 1281—1282 годах по всему огромному Суздальскому краю огнем и мечом прошли орды Кавгадыя и Алчедая, в 1293 году русские земли разорял Дюдень. Все эти погромы сопровождались массовым истреблением населения и уводом людей, уничтожением производительных сил, разорением городов. Но после каждого нашествия русские люди, уцелевшие от сабли или от аркана, снова собирались на свои пепелища, терпеливо и настойчиво восстанавливали разрушенные очаги.

К концу XIII века, через каких-нибудь 50 лет после батыева погрома, северо-восточная Русь не только встала из развалин, но стала обнаруживать признаки несомненного роста. Почти полное отсутствие для описываемого времени актового материала и скудость других источников не позволяют проследить этот процесс во всех его проявлениях. Все же в нашем распоряжении имеется ряд фактов, непреложно свидетельствующих о хозяйственном росте, наблюдавшемся в северо-восточной Руси во второй половине XIII века.

Хотя в это время на просторах северо-восточной Руси попрежнему господствовало натуральное хозяйство, общественное разделение труда делало непрерывные успехи, и это прежде всего находило выражение в оживлении торговли. Хлеб еще не стал массовым товаром (это случилось позднее, в конце XV века), но уже и сейчас создавались некоторые товарные излишки в результате непрерывных успехов общественного разделения труда. Все это содействовало росту и развитию городских элементов — ремесленников и купцов, которые были кровно заинтересованы в ликвидации феодальной раздробленности и образовании централизованного государства.

Самым знаменательным в описываемое время является факт хозяйственного и политического роста северо-восточных городов. Старые центры края — Владимир, Ростов и Суздаль, разрушенные дотла ордами Батые, потеряли свое былое значение. Зато во второй половине XIII века наблюдается непрерывный рост новых городских центров, многие из которых становятся средоточием самостоятельных и полусамостоятельных княжеств. Распад Владимиро-Суздальского великого княжения был политическим выражением распространения и углубления феодальных отношений. Но этот процесс заключал в себе и другое важное явление, а именно хозяйственный рост отдельных областей и стоявших во главе них городов. Только благодаря этому они могли выделиться в самостоятельные полугосударства и играть известную роль в судьбах Руси.

В XIII веке хозяйственно вырос Переяславль Залесский — важный узел многочисленных путей, центр изобиловавшего естественными богатствами края (рыбные ловли, соляные источники, бортные угодья), давший северо-восточной Руси несколько великих князей (Ярослав Всеволодович, Александр Невский, Дмитрий Александрович). Основанный в начале XIII века на важнейшем узле Волжско-Окской магистрали Нижний Новгород уже после нашествия татар выделился в стольный город отдельного Нижегородско-Суздальского княжества. Город Юрьев, центр одной из немногочисленных на северо-востоке плодородных областей, тоже

стал «столицей» самостоятельного княжества. Стольными городами стали в XIII веке Ярославль (выделившийся из Ростовского княжества), Кострома, Стародуб, Галич и некоторые другие, совсем еще недавно глухие пункты. В середине века из обширного Переяславского края выделились в самостоятельные владения Москва и Тверь. Они быстро приобрели большое хозяйственное и политическое значение и уже в начале XIV века выступили в качестве основной политической силы северо-восточной Руси.

Продолжительная и упорная борьба Москвы с Тверью началась в 1304 году, когда умер великий князь Андрей Александрович и на освободившийся стол великого княжения сразу предъявили претензии тверской князь Михаил Ярославич и князь московский Юрий Данилович. Как известно, в Орде спор был решен в пользу Михаила Ярославича, которому достался ярлык на великое княжение. Неоднократные попытки сокрушения Москвы, предпринятые после этого Михаилом Ярославичем, получившим в свое распоряжение все ресурсы великого княжества Владимирского, закончились полной неудачей. Уже в это время, в начале XIV века, Москва выступает влиятельным княжеством, которое пользуется симпатиями и поддержкой в Новгороде, Переяславле Залесском, Костроме, Нижнем-Новгороде. В то же время она достаточно сильна, чтобы оспаривать у Твери роль главы всех русских земель.¹

Борьба между Михаилом Ярославичем и Юрием Даниловичем возобновилась в 1313 году, когда Юрий, после двухлетнего пребывания в Орде, где он сумел завоевать доверие хана Узбека и женился на его сестре Кончаке, добыл ярлык на великое княжение. Новая вспышка борьбы между двумя соперничавшими русскими князьями получила совершенно различное освещение в тверской и московской литературе.

Вот как передает подробности этой борьбы тверской летописец.

Юрий вернулся из Орды, приведя с собой «посла силна» Кавгадыя. Михаил Ярославич с князьями суздальскими встретил их у Костромы. Долго стояли тут у Волги, но до военных действий дело не дошло: по настоянию Кавгадыя, Михаил отказался от великого княжения, после чего вернулся в Тверь «и заложи болший град Кремль». Со своей стороны Юрий совместно с новгородцами стал готовиться к комбинированному удару на Тверское княжество с севера и с юга. С князьями суздальскими, которые перешли на его сторону, и с Кавгадыем он пошел от Костромы к Ростову, от Ростова к Переяславу (причем «много зла творяху христианом»), из Переяслава в Дмитров, из Дмитрова в Клин. Одновременно новгородцы пришли в Торжок «на великого князя Михаила, в помощь Юрию князю». ² Здесь они простояли шесть недель, «стекаа срок», когда «Юрию князю» выйти из Волока, а им от Торжка. Но Михаил, не дожидаясь их сроков, выступил против новгородцев и разбил их. Тем временем Юрий с татарами «и со всею силою суздальскою» начал воевать Тверскую волость, пожег села и жито, увел людей в плен и подошел уже к Твери. Юрий, однако, не решился штурмовать город, укрепления которого были незадолго до этого возобновлены. В 15 верстах от Твери Юрий простоял пять недель, и в это время послы ездили от

¹ В статье М. Н. Тихомирова «Начало возвышения Москвы» находим интересные наблюдения, свидетельствующие о том, что уже в XIII веке, задолго до начала борьбы между Москвой и Тверью, Москва выступает заметной величиной в политической жизни северо-восточной Руси (Известия АН СССР, сер. истории и философии, I, № 3, М., 1944, стр. 103—104).

² Хотя Михаил отказался уже от великого княжения в пользу Юрия, тверской летописец продолжает называть Юрия просто князем, а Михаила — великим князем.

Кавгадыя к Михаилу, «а все с лестию и не бысть межи ими мира». После этого Юрий, Кавгадый и суздальские князья пошли к Волге, намереваясь перейти ее и опустошить левобережную часть Тверского княжества. Михаил соединился с кашинскими боярами, владениям которых теперь угрожала непосредственная опасность, выступил против Юрия «и пособи бог великому князю Михаилу Ярославичу». В сильном бою у Бортенева Юрий был разбит. Среди прочих многочисленных пленных в руки Михаила попала жена Юрия Кончака. Юрий бежал в Новгород «в мале дружине». Бой у Бортенева произошел 22 декабря 1316 года (по данным других летописей — зимой 1317 года). Наутро Михаил взял мир с Кавгадыем, привел его в Тверь с дружиной, оказал ему почести и отпустил.¹

Несмотря на одержанную победу, Михаил, под давлением Кавгадыя и Новгорода, должен был сделать ряд уступок. Он обязался освободить Кончаку и находившихся у него в плену братьев Юрия — Бориса и Афанасия, а также ранее захваченных новгородцев. Михаил согласился также пойти на суд к Узбеку. Тверской летописец, подчеркивая миролюбие Михаила Ярославича, сообщает даже, что он послал в Москву Олексу Марковича «посольством о любовь», но Юрий убил посла.² Михаил послал в Орду сына Константина, туда же отправились Юрий с Кавгадыем. «Дошедшу же Орды князь Юрию, а с ним начлику всего зла, беззаконному и проклятому Кавгадию, наставляеми диаволом, начаша вадити на великого князя Михаила беззаконному царю Озбяку», будто Михаил, собрав по городам много дани, хочет уйти «в Немцы», а в Орду не собирается. Царь Узбек разгневался, повелел Константина морить голодом и запереть его «в единой хранине». Он отпустил его только по совету некоторых своих приближенных, которые указали Узбеку, что, если он убьет Константина, то тогда уже наверное Михаил не придет в Орду.

6 декабря 1317 года сам «благоверный великий князь» Михаил (Юрия тверской летописец попрежнему везде называет просто князем) прибыл в Орду, расположившуюся в то время в устье Дона. Он по обычаю одал татарских князей и цариц (ханш), а потом и самого хана. Через месяц Узбек приказал своим «радцам» судить его с Юрием. «Они же судивше, не рекоша правды ко царю; но виною обоглавше его беззаконному царю Озбяку», которому они объявили, что Михаил достоин смерти. Убили его спустя 25 дней (22 ноября), причем все это время после суда он передвигался с тяжелой сохой (колодой) на шее. Так, заключает свой рассказ тверской летописец, «блаженный и христолюбивый князь великий Михайло Ярославич... приат нужную (т. е. насильственную, — И. Б.) смерть за христианы и за отчину свою».³

Никоновская летопись передает некоторые подробности ордынского суда над Михаилом Ярославичем. По данным этой летописи, ему были предъявлены следующие обвинения: «...горд еси и непокорив царю нашему, и посла царева Кавгадыя соромотил еси, и с ним бился еси, и дани царевы имал еси себе, а царю еси не давал, и в Немцы с казною бежати хотел еси, и казну в Рим к папе отпустил еси, и княгиню Юрьеву зелнем уморил еси, и князей и татар царевых побил еси».⁴ Еще в большей сте-

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 409—410. Совершенно так же передает события Рогожский летописец.

² ПСРЛ, XV, стлб. 410.

³ ПСРЛ, XV, стлб. 410—412.

⁴ ПСРЛ, X, СПб., 1885, стр. 187. В сказании о гибели Михаила Ярославича в Орде эти обвинения сформулированы так: «царевы дани не дал еси, противу после бился еси, княгиню великого князя Юрья уморил еси» (ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 211; Отдел рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Троицкое собр., № 671, л. 133 об.; см. также: ПСРЛ, XXV, М.—Л., 1949, стр. 163).

пени, чем Тверской сборник, Никоновская летопись также подчеркивает, что Михаил Ярославич умер мученической смертью за христиан, т. е. за народ. «Аще бы он не пошел в Орду, — пишет летописец, — слышав толика беды на себя, и отошел бы в-ыныя земли, и пришедше бы татарове, ищуще его, колико бы христиан замучили, и смерти предали и святые церкви поругали; но сей блаженный Михаил за всех себя даде, и смертью нужною скончяся».¹

Симеоновская летопись, более всех других сохранившая следы московского летописания, явно неохотно останавливается на событиях, связанных с гибелью Михаила Ярославича, и передает их очень кратко. Зимой, сообщает летописец, князь Юрий приходил с ратью великой к Твери, на Бортенева был «бой велик, сеча зла», победил князь Михаил, он захватил князя Бориса и Кончаку и отвел в Тверь, где Кончака «зельем уморена бысть». Ничего нет в Симеоновской летописи о давлении Кавгады на Михаила Ярославича, о его «лести», о том, что Михаил отказался от великого княжения и тем не менее его владения подверглись нападению и опустошению со стороны Юрия, поддержанного татарами; дана версия об отравлении Кончаки, хотя Михаил держал себя осторожно с татарами, избегая осложнений с ними, и едва ли стал бы убивать сестру хана Узбека.² О самом убийстве Михаила Ярославича дается краткая запись: «Того же лета убил царь Озбяк в Орде великого князя Михаила Ярославича Тферского на реце Наи, у города у Дедякова, и привезоша его из Орды в Москву».³ Почему убил, при каких обстоятельствах, при чем содействии — об этом в Симеоновской летописи нет ни слова. Здесь явно чувствуется рука писателя, желающего умолчать о роли князя Юрия, который прямо или косвенно содействовал гибели Михаила Ярославича.

В то же время уже в самых ранних сказаниях, посвященных гибели Михаила Ярославича в Орде,⁴ красной нитью проходит одна мысль, иду-

¹ ПСРЛ, X, стр. 187. В первоначальном рассказе о гибели Михаила сообщается, как к нему во Владимир приехал посол от Узбека с требованием, чтобы он немедленно («вборзе») прибыл в Орду. Бояре и сыновья Михаила начали отговаривать его от поездки, предлагая, чтобы он вместо себя послал кого-нибудь из своих сыновей, но Михаил отвечал им: «Видите ли, чада моя, яко не требует вас царь, ни иного кого, разве мене, моя бо главы хошеть, и аще аз где уклонюса, то вотчина моя вся в полоне будет и множество христиан избнени будут, а после того умрети же ми будет от него, то лучше ми есть ныне положити главу свою, да неповиннии не погибнут» (Рукоп. Троицкого собр. № 671, л. 132 об.; см. также: ПСРЛ, V, стр. 210).

² ПСРЛ, XVIII, стр. 88. О том, что Кончака была отравлена в Твери, сообщает и Воскресенская летопись (ПСРЛ, VII, СПб., 1856, стр. 188), в то время как Никоновская летопись передает это известие в виде непроверенного слуха («инни же глаголють, яко тамо во Твери зелием уморена бысть» — ПСРЛ, X, стр. 181). Между тем, как мы видели, отравление Кончаки было одним из главных обвинений, выдвинутых против Михаила в Орде.

³ ПСРЛ, XVIII, стр. 88.

⁴ Помещенная в Воскресенской и Софийской летописях (а также в Московском своде конца XV века) повесть о гибели Михаила Ярославича в Орде является, как справедливо указывает В. О. Ключевский, позднейшей переделкой, а не первоначальным сказанием, написанным современником. Последнее помещено в Четких Минеях Тулупова XVII века. (В. О. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 71, примечание), ныне хранящихся в Рукописном отделе Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в Троицком собр., под № 671. На лл. 111—129 об. помещена позднейшая переделка: «Месяца того же [ноября] 22 день убиен великий князь Михаил Ярославич Тферской от безбожного царя Азбяка, а вслед за этим под заголовком на полях «Ино творение» идет первоначальное сказание (лл. 129 об.—141 об.). Сладкая это рукописное сказание с текстом, напечатанным в летописях (ПСРЛ, V, стр. 207—215; VII, стр. 188—197; XXV, стр. 161—166), убеждаемся, что печатный текст включает целый ряд позднейших вставок, изобличающих в сказании памятник тверской публицистики. В летописном сказании описываются ужасы, которым подверглась Тверская земля при наступлении Юрия и Кавгады: «... и бысть туга не мала, имающе мужи и мучащи

шая врез с обычным феодальным воззрением относительно владельческих прав князей. В сказаниях подчеркивается, что именно Михаил Ярославич более всех других князей имел права на великокняжеский престол: он и по старейшинству более всех князей «дошел... степени княжения великого», его и Андрей Александрович на смертном одре якобы благословил «на свой стол»¹ и т. д. И все же Михаил Ярославич без колебаний отказывается от своих прав, более того, он добровольно идет на гибель, лишь бы отвести угрозу от народа. Михаил Ярославич, который сам наводил татар на Новгород (о чем, конечно, автор сказания умалчивает), выступает здесь с чертами идеальными, и характерно, что в период, когда на Руси началось движение за создание централизованного государства, русские книжники фигуру образцового князя рисуют именно такими чертами.

В этой связи интересно отметить еще одно обстоятельство, на которое в свое время обратил внимание еще В. О. Ключевский. Разбирая повесть о Михаиле Ярославиче, Ключевский указал как на любопытное явление, что «Юрий московский остается в тени, и не на него направлено тверское негодование автора. Юрий с низовскими князьями — орудия татар, невольные жертвы ордынской жадности и особенно треклятого Кавгадыя, всего зла заводчика. Такое отношение тем более любопытно, — продолжает Ключевский, — что Москва в начале XIV века не была еще окружена в глазах общества блеском, прикрывавшим многое, и сам автор не скрывает подробностей, не согласных с его отношением к действующим лицам рассказа».² Если бы автор повести подчинил свое творчество мелкозавладевательным интересам отдельных феодальных дворов, мы не могли бы ждать от него такого освещения подвига Михаила Ярославича и такого снисходительного отношения к Юрию Даниловичу. Былой широкий политический горизонт, характерный для русской публицистики конца XI—начала XII века, заволакивавшийся в последующие столетия узкими, своекорыстными интересами мелких феодальных владетелей, в XIV веке

различными муками и смерти предаху, а жены их оскверниша поганин, и пожгоша всю власть Тферскую и до Волгы» (ПСРЛ, V, стр. 208). В первоначальном рукописном сказании ничего этого нет, и рассказ ограничивается одним стереотипным указанием, что Юрий с Кавгадыем, «пришедше в землю Тверскую, много зла сотвориша» (л. 131). Нет в рукописном сказании и сообщения, будто еще до вступления Кавгадыя и Юрия в Тверские пределы Михаил добровольно уступил Юрию великое княжение («брате! аже дал царь тебе великое княжение, то и аз отступаюся тебе, княжи на великом княжении, а в мою опришнину не вступайся») и распустил свое войско (ПСРЛ, V, стр. 208). Нет и речи Михаила к епископам, князьям и боярам, которым он будто заявил, что долго терпел, ожидал, что истощится, наконец, злоба врагов, но теперь он вынужден против них выступить, на что собравшиеся отвечают полным одобрением его действий и намерений (ПСРЛ, V, стр. 208—209). В своей речи Михаил выступает мстителем за убитых, полоненных и оскверненных ст поганых (ПСРЛ, V, стр. 209). По рукописному сказанию, Юрий, потерпев поражение у Бортенева, собрал много новгородцев и псковичей и снова пошел на Тверь, после чего Михаил согласился поехать на суд в Орду. В позднейшем летописном сказании согласие Михаила перенести спор в Орду объясняется тем, что Михаил не хотел «видети другое кровопролитие за толь малы дни» (там же).

Думается, однако, что переделка относится не к XV веку, как полагал Ключевский, а к тому же XIV веку. Об этом, между прочим, свидетельствует фраза: «Обычай бо поганых и до сих мест вмещуше вражду межю братии князей русьских, и себе бошая дары взимаху» (ПСРЛ, V, стр. 208; разрядка моя, — И. Б.), больше отражающая политические отношения XIV, чем XV века.

¹ Впрочем, рассказ о «благословении» Андрея Александровича является позднейшей вставкой, отсутствующей в первоначальном рукописном сказании.

² В. О. Ключевский, ук. соч., стр. 73—74. Как мы уже знаем, в первоначальном сказании, написанном современником событий, князь Юрий еще более остается в тени, чем в последующей повести, попавшей на страницы летописей.

вновь начинает проявляться... Правда, и в XIV веке мы еще неоднократно встречаемся с литературными памятниками, у авторов которых политический горизонт замыкается феодальной околицей, однако политическую погоду все больше и больше начинают делать такие писатели, у которых на первом плане выступают общерусские интересы.

Ранние повести о гибели Михаила Ярославича представляют интерес и в другом отношении. Житие Михаила Всеволодовича Черниговского, первоначальные варианты которого составлены еще в XIII веке, изображают этого князя мучеником за веру. В повести об убийении Михаила Ярославича мы наблюдаем другую тенденцию. Автор оттеняет исключительно политическую сторону дела, нисколько не пытаясь приписать Михаилу Ярославичу каких-либо черт защитника православной веры. Автор некролога, помещенного в Тверском сборнике, считает даже нужным оговорить, что Михаил, хоть «и не веры ради убийень бысть...», якоже святии мученици, но по заповеди же спасове, иже в еуангелии рече: болше сеа заповеди любве несть, иже кто положит душу свою за други своя».¹ При этом автор некролога подчеркивает, что Михаил принял «блаженную страсть» «за многий род христианский»,² т. е. опять-таки проводит ту же политическую линию, что и автор повести об убийении Михаила Ярославича.

Литературные памятники, повествующие о соперничестве между Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Даниловичем Московским, рисуют еще одну важную сторону русской политической жизни начала XIV века, нашедшую отражение в публицистике того времени. Имену в виду тот факт, что к началу XIV века Русь стяхнула уже с себя оцепенение, вызванное ужасами татарского погрома. Она не трепещет уже, как прежде, от одного приказа хана и не склонна беспрекословно и слепо повиноваться ханской воле. Михаил Ярославич получил ярлык на великое княжение, но он ничего не может поделать ни с Москвой, ни с другими городами (Новгородом, Переяславлем, Костромой, Нижним-Новгородом), которые не желают ему подчиняться. С другой стороны, и Михаил Ярославич, потеряв ярлык на великое княжение, также не склонен беспрекословно подчиниться приказу видного ханского посла и с оружием в руках отстаивает свою вотчину от нового великого князя и от татар. Записи, отражающие пренебрежение и ненависть к татарам, попадают и на страницы официальных летописей. Если в XIII веке суздальские летописцы избегают резких выражений по адресу татар, то теперь авторы летописных и других литературных памятников именно в татарах видят основную причину неурядиц русской жизни. Тверской сборник и Рогожский летописец несчастья, случившиеся с Михаилом Ярославичем (и с Тверской землей), приписывают «началнику всего зла, незаконному и проклятому Кавгадию»,³ а автор большой повести об убийении Михаила Ярославича негодует по поводу «обычая поганых» сеять «вражду межи братьи князей русских», чтобы тем самым вымогать себе побольше даров и выгод, а землю Русскую отягощать великими тяготами.⁴

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 413.

² ПСРЛ, XV, стлб. 413.

³ ПСРЛ, XV, стлб. 410.

⁴ ПСРЛ, VII, стр. 189. В первоначальном сказании об убийении Михаила Ярославича указывается, что «беззаконнии измаильтяне не сыти сущи мздоимства, его же желаду, вземше много сребра и даша великое княжение князю Юрию Даниловичю» (Рукоп. Троицкого собр. № 671, лл. 130 об.—131).

II

При хане Узбеке Золотая Орда переживала период подъема: в стране прекратились усобицы, укрепилось влияние Орды на подвластные народы, усилились ее международные связи. Однако в первые годы царствования Узбека русские князья попрежнему не очень склонны были считаться с ханскими приказами и с оружием в руках отстаивали свои права против посягательств других князей, вопреки ханским ярлыкам.

Осенью 1321 года Юрий Данилович «со всею силою низовскою и суздальскою» совершил поход на Кашин, намереваясь, очевидно, достичь того, чего в значительной мере добился впоследствии Иван Калита, а именно заставить тверских князей вносить в Орду дань («выходное серебро») не непосредственно, а через великого князя. Против Юрия с тверскими и кашинскими полками выступили тверские князья братья Дмитрий и Александр Михайловичи, но до военных действий дело не дошло. При содействии тверского епископа Андрея был заключен мир, по условиям которого Юрий забрал у Михайловичей 2000 рублей выходного серебра. Однако он с деньгами не поехал в Орду, а ушел в Новгород, где интересы обороны требовали его присутствия.

Этим обстоятельством воспользовался Дмитрий Михайлович. Он поехал в Орду, где обвинил Юрия в том, что тот задержал полагающееся хану серебро. Юрий тем временем тоже поехал в Орду, но по дороге на него напал Александр Михайлович, захватил его бояр и отрезал ему путь в Орду. Дмитрий Михайлович, получив от хана ярлык на великое княжение, вернулся на Русь с татарским послом. Другой посол, Ахмыл, прибыл с Иваном Даниловичем (будущим Калитой), безуспешно хлопотавшим в Орде за брата. Ахмыл сжег и разграбил Ярославль, много зла причинил русским людям и вызвал Юрия на суд к Узбеку. Туда же поехал и Дмитрий. В Орде еще до суда Дмитрий убил Юрия и сам через месяц был казнен.¹ Все же, верные своей политике уравнивания сил русских князей, татары на этот раз предоставили ярлык на великокняжеское достоинство не московскому князю Ивану Калите, а тверскому Александру Михайловичу. Это случилось в конце 1324 года, а через три года произошли бурные события, снова изменившие соотношение сил в пользу Москвы.

В 1327 году с чрезвычайными полномочиями и с внушительными военными силами был направлен в Тверь из Орды племянник Узбека Чол-хан (Щелкан Дудентьевич по русским народным песням или Шевкал

¹ Любопытно, что тверская летопись, сообщая об убийстве князя Юрия в Орде, совершенно умалчивает о том, при каких обстоятельствах и кем он был убит (ПСРЛ, XV, табл. 415; Рогожский летописец, табл. 42). Наоборот, Симеоновская летопись прямо указывает, что «князь Дмитрий Михайлович Тферский в Орде убил князя великого Юрья Даниловича» (ПСРЛ, XVIII, стр. 89). В позднейшем «Сказании о убийнии великого князя Георгия Даниловича московского» проводится принципиальное различие между убийством Михаила Ярославича, павшего от рук татар, и убийством Юрия Даниловича, совершенным его «сродником»: «Благодарный же великий князь Георгий Московский и всея Руси по сопрнии княжения Владимирского со святым страстотерцем великим князем Михайлом Ярославичем Тферском (1) и по успении его царевым повелеишем во Орде от безбожного Кавгадыя, убиен бысть и сам великий князь Георгий Данилович во Орде, кроме повеления царева, не от неверных пострада, но от своего сродника. Тферской князь Дмитрий Михайлович братоубийственно си кровию руже оскверни, того ради такову месть и сам прия от царя, убиен» (Рукописное отделение Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Румянцевское собр., № 364, л. 277). Хотя сборник, в котором помещено сказание, составлен в конце XVII—начале XVIII века, тем не менее повесть бытовала значительно раньше, восходя, быть может, ко времени, близкому к описываемым событиям.

по русским летописям). В отличие от других татарских послов, которые вихрем пронеслись по русским областям и довольно быстро, пограбив и разорив население, возвращались во-свояси, Чол-хан прочно осел в Твери и, судя по всем данным, намеревался прочно обосноваться и на Руси.

Что заставило золотоордынских правителей предпринять такой чрезвычайный и необычный шаг? Полемизируя с В. С. Борзаковским, который считал, что Чол-хан приехал для получения выходного серебра или для вызова Александра Михайловича в Орду, А. Е. Пресняков справедливо указывает, что для этой цели едва ли была надобность в присутствии больших вооруженных сил. «Вернее допустить, — полагает А. Е. Пресняков, — что Щелканов приход имел целью терроризировать русский улус и восстановить на месте грозу ханской власти».¹

Это замечание целиком согласуется с приведенными выше соображениями об ослаблении татарской власти на Руси в начале XIV века. Укрепив свое положение, водворив порядок внутри страны, хан Узбек, очевидно, не желал больше мириться со «своеволием» русских князей и решил через особо доверенное и близкое лицо вмешаться в русские политические отношения и взять их под свой непосредственный контроль.

Надо отметить, что и современники так поняли назначение Чол-хана. После предоставления Александру Михайловичу великокняжеского ярлыка, отмечает тверской летописец, «безбожные татары» стали говорить «беззаконному царю»: «аще не погубиши князя Александра и всех князей русских, то не имаши власти над ними». «Разорить христианство», избить князей, пленить княгинь с их детьми вызвался «беззаконный, проклятый и всему [злу] начальник Шевкал, разоритель христианский».²

Летописные повести о событиях, связанных с прибытием Чол-хана в Тверь, дошли до нас в нескольких редакциях. По рассказу Никоновской летописи, народное восстание против обнаглевших татарских насильников возглавил князь Александр Михайлович, который собрал тверичей и вооружил их. Однако этот рассказ основан на позднейшей, приукрашенной многими вымыслами, подробной редакции, составленной в XV веке и отражающей настроения тверских политических деятелей того времени, желавших возвеличить тверскую княжескую династию. Гораздо правдивее редакция, представленная записями Тверского сборника и Рогожского летописца, основанная на близком по времени к событиям источнике.³ По основному рассказу Тверского сборника,⁴ Чол-хан со многими татарами явился в Тверь, изгнал князя из его дворца и сам там обосновался «съ мною гордостию; и воздвиже гонение велико над христианы, насилство[m] и граблением, и бие[ние]m и поруганием». Народ стал жаловаться Александру Михайловичу, но, вопреки версии Никоновской летописи, великий князь велел народу терпеть. Однако народ не послушал своего князя и поднял восстание против своих угнетателей. Поводом к восстанию послужил очередной акт насилия татар над тверскими жителями. В праздничный день Успения, 15 августа 1327 года,⁵ диакон Дудко повел «кобылицу младу и зело тучну» поить на Волгу.

¹ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 137.

² ПСРЛ, XV, столб. 415.

³ О соотношении летописных редакций, повествующих о Чол-хане, см.: М. А. Ильин. Тверская литература XV в. как исторический источник. Труды Истор. архивн. инст., III, М., 1948, стр. 41—42.

⁴ ПСРЛ, XV, столб. 415—416.

⁵ В этот день, по сообщению Никоновской летописи Чол-хан собирался осуществить свой план — «сам сести на княжении во Твери, а своих князей татарских хотя посажати по руским градом, а христиан хотяше привести в татарскую веру» (ПСРЛ, X, стр. 194).

Татары стали отнимать кобылицу, и Дудко поднял тревогу. «О, мужи тверьсти, — закричал он, — не выдайте!». Завязалось столкновение. Татары, «надеющиеся на самовластие, начаша сечи, и абие стекошася чело- веци, и смятошася людие, и удариша в колоколы, и сташа вечием, и пово- ротися весь град, и весь народ том часе събрашася, и бысть в них за- мятня, и кликнуша тверичи, и начаша избывати татар, где кого застронив, дондеже и самого Шевкала убиша и всех порядку». От гибели спаслись только татарские пастухи, которые за городом пасли коней. Узнав о слу- чившемся, они вскочили на лучших жеребцов, помчались в Москву и оттуда в Орду, где «възвестиша кончину Шевкалову».

Ответом на тверское восстание была посылка большой карательной экспедиции («Федорчукова рать») во главе с пятью темниками. Огнем и мечом прошла она по всей Тверской земле «и людей множество погу- биша, а инья в плен поведоша, а Тверь и вся гради онем пожгоша».¹ В карательной экспедиции приняли участие Иван Калита, получивший ярлык на великое княжение, и князья суздальские, но летописи (особенно Симеоновская) подчеркивают, что они выступили, подчиняясь ханской воле, «по повелению цареву», а не добровольно. Иван Калита так ловко повел дело, что погром был локализован одними пределами Тверского княжества, и от татар несколько не пострадали ни Московское княжество, ни суздальские города, ни другие владения, входившие в состав великого княжества Владимирского. Летописцы приписывают это обстоятельство особой милости бога, который заступил «благочестивого князя великого Ивана Даниловича», его город Москву и всю отчину «от пленения и кровопролития татарского». Такую версию находим даже в тверской летописи,² но она явно принадлежит позднейшей московской редакции, тем более, что в Рогожском летописце, лучше сохранившем тексты перво- начального тверского летописания, такой записи нет.

Итак, тверское восстание было потоплено в крови. «Великую тягость и многие томления» принесла Тверской земле карательная экспедиция татарских темников. Тверь была совершенно разгромлена и опустошена. В развалинах лежали и другие города Тверского княжества. И все же, несмотря на эти большие жертвы, тверское восстание 1327 года дало огромные положительные результаты. Это восстание сорвало планы Золотой Орды, направленные к тому, чтобы покрепче прибрать к рукам русские земли, наладить там какое-то непосредственное управление, пресечь в корне всякое непослушание и непокорство. Тверское восстание показало Золотой Орде, что такие планы даже в отношении ограниченной терри- тории обречены на неудачу. Золотая Орда могла еще собрать силы для очередной карательной экспедиции против провинившегося княжества, но и такая крутая мера не могла уже вернуть Русь к прежним временам оцепенения и беспрекословного повиновения. «Федорчукова рать» быстрой тучей пронеслась над Тверской землей, причинила много бед, но зато тверские люди избавились от «щелкановщины», т. е. от систематического, ежедневно ощущаемого гнета, от постоянных издевательств, непрерывных злодеяний, от сплошного беззакония.

Положительная историческая роль тверского восстания несомненно сказалась на общем содержании известной народной песни о Щелкане Дудентьевиче, проникнутой необычайным оптимизмом.

Песня о Щелкане дошла до нас в четырех вариантах. Один из них имеется в сборнике Кириши Данилова, три других — в записях Гильфер-

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 416.

² ПСРЛ, XV, стлб. 417.

динга.¹ Из них наиболее полным и законченным является вариант в сборнике Кирши Данилова; в остальных вариантах до самого восстания действие не доводится.

А. Д. Седельников высказал предположение, что песню о Щелкане сложили в царствование Ивана Грозного скоморохи, которые в иносказательной форме описывали насилия царского шурина Михаила Темрюковича, учиненные им в 1569 году над Тверью по дороге в Новгород.² Однако доводы А. Д. Седельникова весьма искусственны и не согласуются с содержанием самой песни. Гораздо убедительнее мнение тех исследователей, которые считают, что песня о Щелкане была составлена гораздо раньше и непосредственно отражала тверское восстание 1327 года. Я. С. Лурье указывал, что в период создания исторической песни о Щелкане, в которой Азвяк именуется «царем», «государевым величеством», а Щелкан, подобно русским богатырям, — «млад Щелканом», — татары были еще реальной политической силой. А это значит, что песня была создана не позднее XV века.³ Дальнейшие наблюдения автора заставляют признать, что песня существовала уже при тверском князе Борисе Александровиче (умер в 1461 году). Я. С. Лурье в своей статье воспроизводит изображения на рогатине этого князя, хранящейся в Оружейной палате. Изображения являются иллюстрациями к различным эпизодам песни о Щелкане,⁴ и это знак того, что песня существовала задолго до Ивана Грозного. Далее, Я. С. Лурье высказывает чрезвычайно интересную и плодотворную мысль о том, что под упоминаемыми в песне о Щелкане (по варианту Кирши Данилова) руководителями восстания братьями Борисовичами вовсе не подразумеваются князь Александр Михайлович с братом, как полагали некоторые исследователи, а это скорее всего тверской тысяцкий с братом — потомки Бориса Федоровича Полового, родоначальника боярской семьи Шетневых. Внук его, Михаил Шетнев, был тверским тысяцким, и эта должность закрепилась в семье Шетневых.⁵

Обратимся теперь непосредственно к песне о Щелкане Дудентьевиче и постараемся выделить отраженные в ней общественные настроения. Песня (передаем ее содержание по самому полному варианту Кирши Данилова) начинается с того, что в Орде сидит царь Азвяк Оврулович, «суды рассуживает и ряды разряживает, костью размахивает по бритым тем усам, по татарским тем головам». Он дарит шурыям русские города: шурина Василию — Плес, Гордею — Вологду, Ахрамею — Кострому. Это место напоминает приведенную уже выше позднейшую запись Никонской летописи о стремлении Щелкана «своих князей татарских... поса-

¹ Сборник Кирши Данилова, под ред. П. И. Шеффера, СПб., 1901, стр. 13—14. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. III, вып. 1. Изд. 2-е, СПб., 1900 (Сб. РЯС АН, XI), № 235 (стр. 257—260), № 269 (стр. 372—373) и № 283 (стр. 412—414); см. также: А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, III. М.—Л., 1940, стр. 252—254, 369—370, 411—414.

² А. Д. Седельников. Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению. «Художественный фольклор», IV—V, М., 1929, стр. 43 и сл.

³ Я. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства. Ученые записки ЛГУ, № 36, серия историческая, вып. 3, Л., 1939, стр. 103—104.

⁴ Там же, стр. 104—106.

⁵ Там же, стр. 107—108. Эту догадку поддерживает Н. Н. Воронин, привлекая к разработке вопроса данные позднейших источников (Н. Н. Воронин. «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г. «Исторический журнал», 1944, № 9). «Реализм и историческая конкретность „Песни“, — пишет Н. Н. Воронин (стр. 80), — указывают... что она слагалась под свежим впечатлением события, сохранив много бытовых и исторических его подробностей», и это дает основание автору отнести появление песни еще ко второй четверти XIV века.

жати по руским градом». Очевидно, в русском обществе приезд Щелкана в Тверь рассматривался как серьезная угроза политической самостоятельности Руси, и это еще более подчеркивает подвиг тверских повстанцев.

Итак, Азвяк (Узбек) одарил своих шурьев; одного только не пожаловал — любимого шурина Щелкана Дудентьевича, потому что он был в отлучке в дальней литовской земле, где брал «дани невыходы, царски невыплаты». Здесь дается яркая и выразительная картина татарского правежа дани, неоднократно наблюдавшегося русскими людьми: «с князей брал по сту рублей, з бояр по пятидесят, с крестьян по пяти рублей, у которово денег нет, у тово дитя возмет, у котораго жены та нет, того самого головой возмет».¹

Возвратившись в Орду, Щелкан просит Азвяка пожаловать его «Тверью старою, Тверью богатою, двомя братцами родимыми, дву удалыми Борисовичи». Азвяк соглашается, но только с тем, чтобы Щелкан убил своего любимого сына, нацедил чашу его крови и выпил. Щелкан заколол своего сына, чашу горячей крови нацедил и ту чашу выпил, и за то царь Азвяк пожаловал его «Тверью старою, Тверью богатою, двомя братцы родимыми два удалыми Борисовичи». В этом эпизоде заложен глубокий смысл. Деятели татарской администрации представляются автору песни отпетыми злодеями, людьми с каменным сердцем, лишенными совести и жалости, не останавливающимися перед тем, чтобы заколоть родного сына. Такие именно «послы» и нужны «царю Азвяку» для «чортова правежа», при помощи которого он поддерживает свою власть над покоренными народами и высасывает из них все соки. Этот отталкивающий образ захватчика и злодея, угнетателя и насильника до того омерзителен, что вызывает ненависть даже у сестры Щелкана Марии Дудентьевны, к которой, по варианту Гильфердинга, Щелкан перед уходом в Тверь заезжает прощаться. Она пожелала ему уехать в Тверь, но назад не возвращаться: «да остыть бы тебе, брателко, да на востром копие, на булатном на ножичке».²

Сев судьбою в Твери, Щелкан ведет себя совершенно разнузданно: он бесчестит вдов, позорит красных девиц, над всеми надругается и над домами насмеяется. Эти бесчинства вызывают возмущение среди городского населения. Старые мужики, богатые мужики приносят жалобу двум удалым Борисовичам от народа. Сперва они пытаются договориться с Щелканом добром и приносят ему дорогие подарки. Но договориться с насильниками и угнетателями — дело безнадежное. Щелкан принял от Борисовичей подарки, но «зачванелся», «загорденелся» и чести им не воздал. Тверичи не перенесли оскорбления: «...оне с ним раздорили: один ухватил за волосы, а другой за ноги, и тут ево разорвали». И вслед за этим следует оптимистическое заключение: «Тут смерть ему случилася, ни на ком не сыскалося».

Если рассуждать формально, то заключительные слова песни не соответствуют исторической действительности, ибо убийство Щелкана весьма и весьма «сыскалось» на тверичах, переживших все ужасы карательной экспедиции. Тем не менее, в жизнерадостном финале песни заложен глу-

¹ В записях А. Ф. Гильфердинга «чортов правеж» Щелкана изображен так: «Он-де с поля брал по колосу, с огороду по курици, с мужика по пяти рублей. У кого тут по пяти рублей нету, у того он жену берет, у кого как жены-то нет, так того самого берет» (Онежские былины... , № 235, стр. 258). По другому варианту, «чорт-от с улицы брал по курицы, со избы брал он по петуху, со беда двора он по добру коги, у ково коня нет, дак и жену возьмет, у кого жены нет, самово в полон возьмет. Где ли Щелкан побывал, как будто Щелкан головей покотил» (там же, № 269, стр. 372—373).

² Онежские былины... , № 235, стр. 260.

бокий исторический смысл. Именно народное восстание в Твери привело к тому, что со «щелкановщиной» было покончено навсегда, и татары не повторили больше попыток непосредственно управлять русскими областями. В этом отношении формально противоречащая исторической действительности заключительная часть песни о Щелкане очень правильно отражает историческое значение событий 1327 года.

III

«Традиционная политика татар, — указывает Карл Маркс в своей «Секретной дипломатии XVIII в.» (глава V), — заключалась в обуздывании одних русских князей при помощи других, разжигании их междоусобий, с тем чтобы привести их силы в равновесие, не давая укрепиться ни одному из них». Положив это высказывание в основу своего труда «Монголы и Русь», А. Н. Насонов подкрепил его многочисленными конкретно-историческими примерами.

Следует, однако, отметить, что, всячески ущемляя власть русских князей, натравливая их друг на друга, мешая кому-нибудь из них особенно усилиться, татары в то же время объективно были заинтересованы в создании на Руси сильной великокняжеской власти, которая обеспечила бы бесперебойное поступление выхода и одновременно держало бы в узде русское население, предотвращая направленные против татарского ига восстания. Поскольку в XIV веке татары уже не были в состоянии непосредственно управлять русскими землями и держать в русских городах значительные гарнизоны, поскольку нельзя было уже, как прежде, приводить русских князей в трепет и повиновение одной лишь грозой ханского имени, окруженного ореолом ужаса, — сильная великокняжеская власть становится насущной политической потребностью самой Золотой Орды. Сознывая в то же время потенциальную опасность для себя в укреплении великого княжения, татары могли время от времени лишать его части территории, как это проделал хан Узбек в 1328 году, выделив из состава великого княжения Нижний-Новгород и Городец,¹ могли пытаться передать великокняжеское достоинство из рук московского князя другому, казавшемуся им достаточно сильным и пригодным для этой цели князю, как это сделано было, например, в малолетство Дмитрия Донского, могли и просто на время обескровить своего «улусника», но ни отказать от института великого княжения, ни передать его князю мелкому и незначительному татары уже не были в состоянии.²

Перечисляя причины возвышения Москвы, С. Ф. Платонов в числе их указывает на «близорукость татар», позволившую Москве вырасти в большую силу и свергнуть монгольское иго,³ но это была не «близорукость», а политическая необходимость, вызванная, с одной стороны, потребностями самих татар, а с другой, — усилением Руси, которая сумела оправиться от страшного погрома и с которой татарам приходилось уже серьезно считаться.

Именно на этих двух основаниях — на возросшей хозяйственной и политической мощи самой сильной из русских областей, Московского

¹ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 96.

² В 1384 году, отвечая на домогательства Михаила Александровича Тверского, желавшего получить ярлык на великое княжение, хан Тохтамыш, за два года до этого обманом овладевший Москвой и разоривший ее до тла, заявил: «... а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрея московского, и аз его поустрашил, и он мне служит правдою, и яз его жалую по старине» (ПСРА, XI, СПб., 1897, стр. 84).

³ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Изд. 5, СПб., 1907, стр. 129

княжества, и на потребности татар опереться на самого влиятельного русского князя — покоилось политическое положение Ивана Калиты, после того как он в 1328 году стал великим князем. Окончательное усиление Москвы устранило то равновесие среди русских князей, которое искусственно стремились поддерживать татары, и явилось большим шагом вперед в деле объединения русских земель и образования централизованного государства. Нарушение этого равновесия в пользу сильнейшего княжества исключало внутренние кровавые неурядицы среди князей, вынуждало их присмиреть перед сильным великим князем. Авторитет последнего внутри страны обеспечивал и внешнюю безопасность Руси. Недаром летописец отмечает «тишину», наступившую на Руси после восшествия Ивана Калиты на великокняжеский престол.

В годы «тишины» Иван Калита и его преемники провели большую хозяйственную и политическую работу по закреплению за Москвой великого княжества Владимирского. Они внедрялись в различные земли, входившие в великое княжение, приобретали там «примыслы», заводили села, становились видными местными землевладельцами. С другой стороны, они и в Орде осторожно, но настойчиво и последовательно добивались признания того положения, что великое княжество Владимирское является наследственным достоянием московского княжеского дома. В то же время объединительное движение, приведшее в конце концов к образованию централизованного государства, выработало особую практику раздачи владений Москвы после смерти ее князей. Практика эта наметилась уже при Иване Калите и нашла отчасти выражение в его духовной грамоте. Это, во-первых, сосредоточение в руках старейшего наследника, получавшего титул великого князя, возможно большего количества материальных ресурсов в виде земельных владений и поступлений от доходных статей. Во-вторых, в основе новой государственной практики московских князей лежал принцип не окончательного раздела территории между наследниками умершего князя и не дробления доходных статей по мелким дворам, а совместного управления такими важными пунктами, как город Москва, и остальными доходными статьями, с тем чтобы в раздел поступали только уже полученные доходы. В то же время соблюдался принцип старейшинства, согласно которому великий князь являлся политическим главой всех представителей княжеского дома, их руководителем и «печальником»,¹ причем это его право обеспечивалось не добрыми пожеланиями и благими намерениями завещателя и не убеждениями, вытекающими из отвлеченных моральных догм, а подавляющим перевесом его материальных ресурсов.

Установленные Иваном Калитой и применявшиеся его преемниками новые методы в управлении были также необходимы, чтобы наилучшим образом обеспечить выполнение главной функции государства — держать в узде эксплуатируемое большинство народа. Именно эта цель соответствовала установленному духовными грамотами Ивана Калиты порядку, согласно которому все его сыновья ведали численных людей «собча». Таким образом, не только внешнеполитические соображения, но и глубокие социально-экономические причины предопределили введение Иваном Калитой новой государственной практики.

Главный политический антагонист Москвы в XIV веке — Тверское княжество — не мог противопоставить своему сопернику такую же созидательную государственную работу, которую в силу определенных исто-

¹ «А приказываю тебе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меньшими детьми, по бозе ты им будешь печальник» («Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М.—Л., 1950, стр. 8, 10).

рических условий сумели развить московские князья. Великие князья тверские также стремились к полному и безропотному подчинению себе младших тверских князей — кашинского, холмского, микулинского и других, но у них не было достаточных материальных ресурсов, чтобы на деле осуществить свое стремление. В Тверском княжестве с 1345 года возникли междоусобицы, часто поддерживавшиеся Москвой. Не имея достаточно сил, чтобы добыть себе великое княжение Владимирское собственными средствами, князья тверские все более начинают ориентироваться на силы внешние.

К этому времени уже вполне определилась связь тверской правящей династии с Литвой.¹ Захватив многочисленные русские земли, непосредственно угрожая Смоленску, посягая на Новгород и Псков, среди знати которых она находила полное понимание, Литва не могла пользоваться сочувствием русского народа и в первую очередь демократических элементов города. Потерпев неудачу в борьбе за великое княжение Владимирское, тверские князья все более начинают ориентироваться на литовскую помощь и тем самым окончательно дискредитируют себя в глазах передовых слоев русского общества. Не будучи решающим, это обстоятельство среди прочих причин также содействовало объединению русских земель именно вокруг Москвы.

Новая вспышка политической борьбы между Москвой и Тверью, осложненной на этот раз вмешательством Литвы, приходится на конец 1360-х годов. Никоновская летопись и Рогожский летописец относят начало борьбы к 1367 году, когда после большого московского пожара Дмитрий Иванович (будущий Донской) «заложил град Москву камен, и начаша делати безпрестанно».² Заложив каменный Кремль и надеясь на свою силу великую, в Москве «князи русьскыи начаша приводити в свою волю, а который почал не повиноватися их воле, на тых почали посягати злобою». Такое же «посяжение» было проявлено и в отношении князя тверского Михаила Александровича, который из-за этого вынужден был поехать за защитой в Литву.³ Эта заметка в Никоновской летописи и в Рогожском летописце дает тон дальнейшему изложению в тех летописных сводах, в которых лучше всего сохранилось тверское летописание XIV в. В данной связи, как увидим, действия Михаила Александровича, несколько раз наводившего литовцев на Русь, объяснялись исключительно необходимостью обороняться от московского натиска.

После междоусобицы среди тверских князей, не сумевших полюбовно разделить удел умершего бездетным в 1365 году князя Семена Константиновича, усобицы, в которой принимала участие и московская рать, Михаил Александрович в 1368 году вторично поехал к своему зятю Ольгерду литовскому «понужати и поучевати» его идти на Москву. Разбив наскоро собранный московский сторожевой полк, Ольгерд быстро оказался

¹ Напомним, что второй тверской епископ Андрей был представителем литовской знати, сыном князя Герденя. Связи тверского княжеского дома с Литвой нашли также выражение в ряде последовательных брачных союзов между князьями тверскими и литовскими, заключавшихся на протяжении нескольких поколений. Дмитрий Михайлович был женат на сестре литовского князя Ольгерда Марии Гедиминовне. Сам Ольгерд был женат на дочери Александра Михайловича Ульяне, причем брат ее, великий князь тверской Михаил Александрович, не перестававший мечтать о великом княжении Владимирском, неоднократно и не без успеха, как увидим, пытался использовать свои родственные связи с Ольгердом, чтобы вовлечь его в борьбу против Москвы. Сын Михаила Александровича, великий князь тверской Иван Михайлович, был женат на сестре Витовта Марии Кейстутовне.

² ПСРА, XI, стр. 8.

³ Рогожский летописец, стлб. 84.

под Москвой. Три дня он осаждал город, но новые каменные стены московского Кремля с успехом выдержали осаду. Сотворив много зла, опустошив и разграбив московские пределы, уведя с собой в полон много жителей, Ольгерд ушел во-свояси, «учинив лихо за лихо», как добавляет тверская летопись.¹ В этих словах, встречающихся только в Тверском сборнике и отсутствующих в других летописных сводах, наиболее ярко сказывается тверская политическая тенденция, стремящаяся взвалить всю вину за ужасы литовского нашествия на Москву: если, мол, московская земля и пострадала, то в этом повинен сам московский великий князь, поскольку он был зачинщиком кровопролития и теперь получил заслуженное возмездие — «лихо за лихо».

В то же время литовское разорение произвело огромное впечатление на русское население. Даже Рогожский летописец, более всего сохранивший следы тверского летописания, отмечает, что «преже того толь велико зло Москве от Литвы не бывало в Руси, аще и от татар бывало». «От Федорьчуковы до Олгердовы рати лет 41»,² — продолжает Рогожский летописец, как бы подчеркивая, что нашествием Ольгерда закончился период «тишины» в Московском (да и не только в Московском) княжестве, которой население наслаждалось в течение 40 лет. Все это, конечно, не могло привлечь расположение широких слоев населения, и особенно горожан, возглавлявших в XIV веке борьбу за «порядок» и против усобиц, к тому политическому центру, который ориентировался на Литву и впрямь неоднократно призывал литовскую рать на русские земли.

Результатом внезапного нашествия Ольгерда была уступка Михаилу Александровичу захваченного Москвой Городка (спорной части наследства князя Семена Константиновича). Однако эта уступка нисколько не отражала настоящего соотношения сил. В 1370 году Дмитрий Иванович опять объявил войну Михаилу, и последний снова ушел в Литву. Дмитрий вторгся в тверские пределы, взял Зубцов, причем жители его по соглашению были отпущены «куды кому любо» и разорил остальные тверские волости. Михаилу Александровичу на этот раз не удалось получить помощь от Ольгерда. Услышав на чужбине «таку изгибель своєю отчины», он в ноябре 1370 года ушел из Литвы в Орду к Мамаю, «печалуя и жалуя, и тамо многы укору изнесе и многы вины изложи, паче же всего въсхотесе ему самому княжения великаго, и многы дары раздав и многы посулы рассулив князем ординским и рядцям, испросил себе посол царев».³

Раздобыв ярлык на великое княжение, Михаил Александрович возвратился на Русь с татарским послом Сарыхожей. Но если еще в начале XIV в. русские князья не особенно склонны были беспрекословно подчиняться ханским повелениям, то теперь, когда Русь еще более окрепла и в лице Москвы приобрела объединяющий политический центр, Дмитрий Иванович вовсе не пожелал считаться с ханским ярлыком и приказал перехватить Михаила Александровича на границе. Его искали по заставам, но, предупрежденный своими московскими доброхотами, Михаил Александрович сумел избежать погони и опять ушел в Литву. На этот раз ему удалось вовлечь Ольгерда в новый поход на Русскую землю. В конце ноября 1370 года Ольгерд подошел к Москве «в силе тяжце», грабя по дороге населенные места, убивая и уводя в плен людей. Кремля.

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 429.

² Рогожский летописец, стлб. 90.

³ Там же, стлб. 93.

однако, он взять не смог. Дмитрий Иванович с успехом выдержал восьмидневную осаду, а тем временем Ольгерд узнал, что двоюродный брат великого князя Владимир Андреевич собирает против него рать в Перемышле, что на помощь к Владимиру Андреевичу пришли князья Владимир Пронский и Олег Рязанский, над которыми тоже постоянно висела литовская опасность. Рогожский летописец сообщает, что митрополит Алексей в то время был в Нижнем-Новгороде, тоже, очевидно, собирая силы, «И то слышав Олгерд и убоясь и начят мира просити».¹ Ольгерд запросил «вечного мира», но Дмитрий Иванович согласился только на перемирие. Так безуспешно закончился и второй поход Ольгерда на Москву.

Лишившись литовской помощи, Михаил тоже должен был заключить мир с Дмитрием Ивановичем, однако весной 1371 года он уехал в Орду, откуда в сопровождении татарского посла Сарыхожи вернулся с ярлыком на великое княжение. Здесь на сцену выступает новая внушительная политическая сила, вмешательство которой оказало решающее влияние на ход событий. Это городское население великого княжества Владимирского, решительно отказывавшееся видеть Михаила Александровича великим князем.² Дмитрий Иванович «по всем градом» «привел к целованию» бояр и черных людей, обязавшихся не пускать Михаила Александровича «на княжение Володимирское»; не приняли его и владимирцы, и Михаил Александрович «отступи».³ Татарский посол Сарыхожа вынужден был послать своих представителей и одного тверского боярина звать Дмитрия Ивановича за ярлыком во Владимир, но Дмитрий решительно и с достоинством ответил: «К ярлыку не еду, а на великое княжение не пушу, а тебе, послу цареву, потчесь»⁴ (т. е. «путь чист»). Сарыхожа оставил ярлык Михаилу Александровичу, а сам поехал в Москву, где его обласкали и богато одарили. Летом того же года Дмитрий Иванович сам поехал в Орду «и подав сребра много от великого княжения; окааннии же измалтяне, за безаконие на[ше] ввергоша меч в Рускую землю и почестили князя Дмитрея, дав княжение великое ему, а князю великому Михаилу приказали: „дали бы есми тебе княжение великое, и рать есми тебе дав, и ты не захотел, и реклься есть сести своею силою; и ты сяди с кымь ти любо“».⁵

Так излагает события тверская летопись, пытаясь вину за кровопролитие свалить на татар, которые передают ярлык то одному, то другому князю, а потом ярлык отнимают, да еще издеваются и тем самым «ввергают меч» в Русскую землю. Для политических и общественных отношений Руси во второй половине XIV века, когда твердо наметился центр объединяющего государства и к нему были обращены симпатии передового населения, мотивировка тверского летописца, правильная для конца XIII—начала XIV века, теперь уже устарела.

Совсем иначе освещает дело Симеоновская летопись. По ее сообщению, великий князь Дмитрий Иванович «паче сам изволи пойти в Орду за свою отчину, нежели сступитися княжения великого».⁶ В этих словах заключается целая программа. Наблюдавшееся еще во времена Ивана Калиты стремление закрепить за Москвой великое княжение Владимир-

¹ Рогожский летописец, стлб. 94.

² Подробнее об этом см.: И. У. Будовниц. Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов. Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 117—122.

³ ПСРЛ, XI, стр. 15.

⁴ ПСРЛ, XV, стлб. 430.

⁵ Там же.

⁶ ПСРЛ, XVIII, стр. 110. Разрядка моя, — И. Б.

ское к 70-м годам XIV века превратилось уже в непреложный факт русской политической жизни, и об этом полным голосом заявляет современный памятник русской общественной мысли — официальная московская летописная запись, перешедшая затем в Симеоновскую летопись. В усобице 1371 года, как бы заявляет этот памятник, виноваты не татары, ибо они давно уже утратили право по своему усмотрению раздавать ярлыки на великое княжение; великое княжение Владимирское стало наследственным достоянием московского княжеского дома, его отчиной, которой никто не может у него отнять. С этим представлением согласуется и гордый ответ Дмитрия Ивановича послу Сарыхоже: «к ярлыку не еду, а в княжение великое не пушу».

Поездка Дмитрия Ивановича в Орду была сопряжена с большой опасностью для жизни: его могли там убить, как до этого убивали не один раз уже непокорных и неподатливых русских князей. Дмитрия Ивановича провожали в путь митрополит Алексей и множество народа, и все они проявляли сильное беспокойство за его судьбу. Но Дмитрий Иванович, по смыслу приведенной летописной записи, не мог не поехать в Орду, ибо речь шла не о каком-либо «примысле», не о дополнительном или побочном приобретении, каким являлось для Михаила Александровича великое княжение, а о коренном достоянии, об отчине. Пренебрегая всеми опасностями, Дмитрий Иванович предпочел отправиться в Орду, чем «сступитьися княжения великого».

Нельзя, конечно, категорически утверждать, что слова о великом княжении как об отчине Дмитрия Ивановича уже читались в первоначальной летописной записи и не были приписаны позднейшими редакторами. Мы имеем, однако, официальный документ, который относится к тому же 1371 году и в котором великое княжение Владимирское также называется отчиной Дмитрия Ивановича. Это московско-литовская докончальная грамота о продлении перемирия на три месяца, заключенная с литовскими послами в Москве летом 1371 года, когда Дмитрий Иванович находился в Орде. Грамота представляла в пределах великого княжения «путь чист» литовским и смоленским послам и купцам. Что касается Твери, то «путь чист» предоставлялся только ее послам: «а оприснь послов, тферичем нет дел в нашей отчине в великом княженьи».¹

Об успешном исходе поездки Дмитрия Ивановича в Орду и благополучном его возвращении Симеоновская летопись сообщает в приподнятом тоне, видя во всем этом «божью милость» и торжество правого дела: «На ту же осень князь великий Дмитрей Иванович выиде из Орды милостию божиею все по добру и по здорову, такоже вси бояре его и слуги его, творяще волю его, а княжения великого под собою покрепил, а супостаты своя и супротивники своя победив посрами».² Но «супостаты и супротивники» Дмитрия Ивановича еще не были побеждены, ибо не в Орде уже решались политические судьбы северо-восточной Руси. Еще весной 1371 года Михаил Александрович, расставшись с Сарыхожей, предпринял ряд быстрых военных ударов, повоевал Бежецкий верх, взял Кострому, Мологу, Углич и всюду посадил своих наместников. Захват Бежецкого верха вызвал раздражение Новгорода, заключившего союз с Дмитрием Ивановичем, причем Новгород обязался помогать Москве против Твери и Литвы, а Москва должна была помогать Новгороду против Твери, Литвы и немцев.

¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., I. М.—Л., 1948, стр. 48. Разрядка моя, — И. Б.

² ПСРА, XVIII, стр. 111.

С возвращением Дмитрия Ивановича из Орды военные успехи Михаила Александровича были приостановлены. Вскоре, однако, Михаил получил от Литвы военную помощь, при содействии которой он принудил к покорности кашинского князя, выступавшего против Твери. Характерно, что литовская рать, разорявшая вместе с тверичами русские земли, учинила «много пакости» и самой тверской волости, в селах своих союзников. В ходе этих военных действий новгородцы выгнали из Торжка тверских наместников, но Михаил Александрович выступил против новгородцев и разбил их, а Торжок был варварски разрушен и сравнен с землей. Кампанию завершил приход «в силе тяжце» самого Ольгерда (уже в третий раз) на помощь Михаилу. На этот раз поход Ольгерда, имевшего намерение опять двинуться на Москву, был перехвачен в пути. Дмитрий Иванович тоже собрал большое войско и пошел навстречу литовцам. Обе рати встретились у Любутска, где еще до этого Ольгерд соединился с Михаилом Александровичем. Москвичи смяли передовой отряд Ольгерда и обратили его в бегство. Но дальнейшие военные действия нельзя было развивать, так как обе рати разделяли овраг и «дебрь велика зело». Так они простояли несколько дней, и Ольгерд, убедившись в крушении своих планов, вынужден был взять мир с Дмитрием Ивановичем. По условиям мира, к которому присоединился и Михаил Александрович, последний отозвал своих наместников из захваченных им городов великого княжения, а Дмитрий Иванович отпустил тверского княжича Ивана Михайловича (сына Михаила Александровича), которого он выкупил в Орде за 10 тысяч гривен серебром.

Как уже указывалось, летописцы московские и тверские дают различное освещение описанных событий. Иногда это проявляется даже в незначительных оттенках и подробностях. Тверская летопись, например, сообщает, что княжича Ивана Михайловича москвичи держали «в истоме».¹ Симеоновская же летопись сообщает, что княжич Иван «седел у Алексея у митрополита на дворе», пока он не был выкуплен отцом;² ни о какой «истоме» здесь нет и речи. Симеоновская летопись с большим удовлетворением сообщает о том, что Дмитрий Иванович разбил у Любутска передовой полк Ольгерда. Тверская же летопись (Тверской сборник и Рогожский летописец) сообщает лишь о том, что в 1373 году в Любутске был заключен мир, умалчивая о поражении тверского союзника Ольгерда. Но самым поразительным в этом идеологическом поединке является различный подход публицистов обоих лагерей к разгрому Михаилом Александровичем цветущего русского города Торжка.

Тверской сборник и Рогожский летописец описывают это событие с торжеством и злорадством, как будто речь идет о разрушении не русского, а вражеского города «поганых». Началось все с того, повествует тверской летописец, который, судя по его рассказу, являлся очевидцем событий, что новгородцы взяли Торжок, укрепились в нем, и «свещаша зол совет, наместника князя великого Михаила сослаша, а тверичь изымав биша, а люди пограбиша. Князь же великий Михайло укрепився силою крестною и поиде ратию к Торжьку». Подойдя к городу, он якобы «со смирением» послал сказать новгородцам и новоторжцам: «...кто моих тверичь биль да и грабил, тех ми выдайте, а наместника моего посадите; а боле того ничтоже не учиню вашей земли пакости». Он ждал ответа до полудня, но новгородцев дьявол «возьмете злобою». «Новгородци похвалишася силою, и послаша к великому князю

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 433.

² ПСРЛ, XVIII, стр. 111.

с высокою мыслию, а сами въоружившися бранию и изыдоша противу князя Михайла. Князь же великий Михайло молился великому Спасу и пречистой его матери, и съступишася, на пръвом суйме победи великий князь Михайло помощию архистратига Михайла». И так, новгородцы своевольничают, высокоумничают, выполняя «зол совет», а Михаил действует со смирением, защищая свои права; новгородцы надеются на свою силу, а Михаил, уверенный в правоте своего дела, все надежды возлагает на бога, который действительно оказывает ему помощь.

Разбитые новгородцы убежали в Новгород, другие устремились в Торжок. Далее автор со злорадством описывает бедствия потерпевших поражение новоторжцев: «и бежавших много исколоша, а иных поимаша бояр и новгородцевъ и новоторжескихъ, и приведоша в Тверь. И зажгоша с поля посады у города, и удари со огнем ветрь силен на град и поиде огонь по всему граду, и погоре въскоре весь град, и церкви каменны, и многое множество народа бесчисленное въскоре погибоша, а инии от огня бежачи в реце истопоша в едином часе, видехом град весь въскоре попель, и развеай то ветрь, и не бысть ничтоже, разве кости мертвых».

Свой рассказ тверской летописец заключает поучением: «Разумейте. братиа... то есть мужество, еже уповати на бога; а человеческая помощь ничтоже есть, еже сии сътвориша себе новгородци за высокоумие».¹

Совсем иначе излагает события Симеоновская летопись. Новгородские бояре, сообщает летописец, ехали в Торжок ставить крепость и выслали из Торжка тверских наместников. Стало быть, никакой «совет зол» не был новгородцами задуман, а ехали они в Торжок с оборонительными целями. Сообщается о высылке тверских наместников, но нет ни слова об арестованных и убитых тверичах и об ограблении их имущества. Михаил Александрович, продолжает Симеоновская летопись, собрал много войска, пришел к Торжку «и взя город и огнем пожже город весь, и бысть пагуба велика христианом». Далее описывается ужасная картина гибели жителей, мечущихся по объятому пламенем городу, задыхающихся в дыму, уничтожаемых огнем, утопающих в реке. Тверичи глумились над женщинами и девушками, раздевая их донага, «егоже поганин не творять». Первым в бою пал «за святой Спас и за обиду новгородцкую» (а вовсе не за «высокумие») Александр Аввакумович, были убиты и другие воеводы, иные убежали, много мужчин и женщин было уведено в Тверь пленными. «И кто, братие, — заключает свою горестную повесть летописец, — о сем не плачется, кто ся остал живых видевый, како они нужно и горкою смертью подъяша, и святыи церкви пожжени и город весь отъинудь пуст, еже ни от поганых не бывало такового зла Торжьку».²

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 431—433. Разрядка моя, — И. Б. Этот же источник, повидимому, лег в основу рассказа Никоновской летописи, хотя, правда, здесь события излагаются без злорадства (ПСРЛ, XI, стр. 18—19).

² ПСРЛ, XVIII, стр. 113. Воскресенская летопись, в начале своего повествования о гибели Торжка следующая варианту Тверского сборника, в дальнейшем рассказе также дает потрясающую картину страданий новоторжцев и зверств тверичей. «И бысть пагуба велика христианом: ови в дворех над животом (имуществом, — И. Б.) погореша, а инии вбегша в церковь Спас, ту издыхошася, а инии от огня бежаша в реце Тферцы истопишася; а жен и девить одираху и до последние наготы, рекше и до срачицы, иже и поганин не творять, и те истопишася в реце срама ради, и чрънцов и черницъ нагих пушаша, а товар, которой от огня остался, икогнаа скрута, злато и сребро, то все поимаша. Бе же многое множество мертвых, избитых, и топлых, и горелых, и издохлых, наметаша их 5 скудельницъ, а инии без останка изгорели, а инии истопишии уплыли вниз по Тферцы. Князь же Михайло Тферский, учинив сие великое зло Тръжку, еже ни от поганых татар зло такое не быв ему, и многое множество товара взя, и корысть бесчислену приобрет, и полон поведе, и тако отъиде в Тфери» (ПСРЛ, VIII, СПб, 1859, стр. 20). То же — в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ, XXV, стр. 188).

Судя по приведенным летописным отрывкам, гибель Торжка произвела большое впечатление на русское общество и содействовала укреплению союза между Новгородом и Москвой. Когда спустя два года, в 1375 году, Дмитрий Иванович во главе всех русских князей окружил Тверь и призвал себе на помощь новгородцев, они, по сообщению Симоновской летописи, быстро собрались и через каких-нибудь четыре или пять дней явились под стены Твери, «князя великого честь изводяще, паче же свою обиду отмщающе, бывшую у Торжку». ¹ А по словам Воскресенской летописи, новгородцы «повелением великого князя» подступили к Твери «с многою силою», «скрежетаху зубы на тверичь за свою обиду, еже на них бывшую». ²

Военные действия 1375 года завершили в пользу Москвы тянувшуюся несколько поколений борьбу за то, кто должен возглавить движение русских земель за создание единого централизованного государства и кто поведет их в бой против носителей жестокого иноземного ига. Таким образом, события 1375 года явились необходимой предпосылкой Куликовской битвы. Происходившие в момент обострения отношений Москвы и с Мамаем и с Литвой, на которые возлагал все свои надежды Михаил Александрович, военные действия 1375 года выходили далеко за пределы соперничества Москвы и Твери и сразу приобрели характер общерусского предприятия. Как увидим, так понимали события и современники.

Дело началось с того, что в начале 1375 года «на христианскую изгибель», как пишет тверской летописец, бежали из Москвы в Тверь сын московского тысяцкого Иван Васильевич Вельяминов и гость-сурожанин Некомат. Изменники Москвы, они несомненно были связаны с теми «добротами» Михаила Александровича (а, может быть, сами были ими), которые еще в 1370 году дали знать тверскому князю, что Дмитрий Иванович собирается поймать его на границе. Беглецы обратились к Михаилу Александровичу «со многою лжею и лживыми (т. е. коварными, — И. Б.) словесы», ³ обещая раздобыть ему великокняжеский ярлык. Михаил Александрович отправил их в Орду, откуда они действительно вернулись с ярлыком Мамаю на великое княжение и с татарским послом Ачихожей. Одновременно сам Михаил поехал в Литву, где ему обещали помощь. Заручившись поддержкой Литвы и Орды, Михаил Александрович с торпливостью авантюриста («не дождав нимало») объявил Дмитрию Ивановичу войну («целованье сложил») и послал наместников с ратью в Торжок и Углич.

Эти действия вызвали грандиозный поход на Тверь всех русских князей и Новгородской земли во главе с Дмитрием Ивановичем. Собравшаяся против Твери коалиция была весьма внушительна по своей численности и силе. Но еще внушительнее был самый факт совместного выступления всех русских князей под руководством Москвы. Современникам был вполне ясен исторический смысл этого союза, всем острием направленного против самого опасного и смертельного врага Руси — Золотой Орды. «Вси бо, — гласит запись в Никоновской летописи, — вознегодоваша на великого князя Михаила Александровича Тверского». И дальше летописец вкладывает в уста Дмитрия Ивановича следующую гневную тираду: «Колико сей приводил ратью зятя своего, великого князя литовьского Олгерда Гедимановича, и много зла христианом сътвори, а ныне сложися с Мамаем, и со царем его, и со всею Ордою Мамаевою; а Мамай яростию дышит на

¹ ПСРА, XVIII, стр. 116. Разрядка моя. — И. Б.

² ПСРА, VIII, стр. 22.

³ ПСРА, XI, стр. 22.

всех нас, и аще сему попустим, сложився с ними, имать победити всех нас».¹

1 августа 1375 года союзники взяли Микулинск, а 5 августа подступили к самой Твери. Они сожгли посад, обступили город, подкатили туры, зажгли стрельницу на Тмацком мосту, «и в скорби бысть весь град».² 8 августа Дмитрий Иванович собирался приступом взять город, но у Волжских ворот Михаил Александрович сделал вылазку, побил осаждавших и сжег их туры. Этот незначительный тактический успех тверской летописец раздувает в большую победу, ниспосланную тверичам богом, а Симеоновская летопись даже не упоминает о столкновении у Волжских ворот, не без основания считая его эпизодом, не оказавшим влияния на конечный исход кампании.

Наконец, после длительной осады, Михаил Александрович, видя «свое изнеможение», послал к Дмитрию «с покорением и с поклонением» и стал просить мира. «Князь же великий, — отмечает Симеоновская летопись, — не хотя видеть разорения граду и не хотя видети кровопролития христианьского, взя мир с князем с Михаилом на всей своей воли».³

В чем же заключалась «вся воля» Дмитрия Ивановича? Ответ на это дает московско-тверской договор 1375 года, заключенный после поражения Михаила Александровича.⁴ Этот документ составлен в виде ультиматума, предъявленного тверской стороне. После того как Михаил Александрович согласился на все предъявленные ему требования, ультиматум превратился в договор, заключенный на долгое время («а целованья не сложити и до живота»). Договор выходит за пределы московско-тверских отношений. В нем нашло выражение новое политическое положение, сложившееся к этому времени в северо-восточной Руси. Прежде всего констатируется, что великий князь Московский, который в это время считал своей отчиной не только княжество Московское, но и великое княжество Владимирское (как это подчеркивается в другом месте договора),⁵ является главой русских князей, действующих с ним заодно: «А князи велиции крестьянстии и ярославстии с нами один человек». Но этого мало: его влияние простирается также на великое княжество Смоленское, которое он берет за оборонять наряду с другими княжествами от литовского натиска: «А пойдут на нас литва или на смоленьского на князя на великого, или на кого на нашу братью на князей, нам ся их боронити». Это влияние простирается и на Новгород Великий, который перечисляется в составе отчинных земель Дмитрия Ивановича⁶ и в отношении которого Михаилу Александровичу предписывается «под нами не искати, и до живота, и твоим детем, и твоим братаничем». Даже Рязань в какой-то мере вовлечена в эту систему, поскольку князь рязанский Олег Иванович назначался третейским судьей для разбора могущих возникнуть в будущем некоторых спорных вопросов.

Дмитрий Иванович выступает в договоре арбитром общерусских дел и верховным защитником русских земель. Договор предусматривает, что если Михаил Александрович начнет обижать других русских князей, «нам, до зря их правды, боронитися с ними от тебе с одного. А имут

¹ ПСРЛ, XI, стр. 23.

² ПСРЛ, XV, стлб. 434.

³ ПСРЛ, XVIII, стр. 116. Эту же похвалу Дмитрию Ивановичу находим и в Рогожском летописце (стлб. 112).

⁴ Духовные и договорные грамоты..., № 9, стр. 25—28.

⁵ «А имут нас сваживати татарове, и имут давати тебе нашу вотчину, великое княженье».

⁶ «Целуй ко мне крест... и к нашей вотчине в Великом Новгороде».

тобе обидети, нам, дозря твоей правды, боронитесь с тобою от них с одного» (разрядка моя, — И. Б.). Дмитрий Иванович обязуется оборонять русских князей от Литвы и от других недругов. Он выступает также гарантом независимости Кашинского княжества, выделившегося из Тверского великого княжества в самостоятельную политическую единицу.

В новую политическую систему, сложившуюся под руководством московского князя, кроме великого княжения Владимирского, Новгорода Великого, в известной мере Рязанского и Смоленского великих княжеств, договор включал и Тверское великое княжество, которое до этого не только вело самостоятельную политику, но активно пыталось взорвать ту самую политическую систему, которая с такой твердостью зафиксирована в договоре 1375 года. Отныне Михаил Александрович признавал себя «младшим братом» Дмитрия Ивановича (приравненным по феодально-иерархической лестнице к двоюродному брату Дмитрия князю серпуховскому Владимиру Андреевичу) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Михаил Александрович на вечные времена (за себя, своих детей и «братаничей») отказывался от великого княжения Владимирского и от Новгорода Великого. Далее, Михаил Александрович должен был не только круто переменить свою внешнеполитическую ориентацию, «целованье сложити» «к Ольгерду... и к его братьи, и к его детем, и к его братаничем», но и вообще отказаться от самостоятельной внешней политики, всецело подчинив ее великому князю Дмитрию Ивановичу. Именно «по думе» с последним должны были решаться вопросы войны и мира с Ордой или вопрос о том, следует ли ей платить выход.

По договору Дмитрий Иванович стал фактическим распорядителем военных сил Тверского княжества. Лишенный самостоятельности во внешней политике, Михаил Александрович не мог сам определять, должен ли он участвовать в затеянной Дмитрием Ивановичем войне, а обязан был беспрекословно предоставить ему свои военные силы. Отныне военные ресурсы Тверского княжества были повернуты против Золотой Орды и Литвы, т. е. против основных внешних врагов Русской земли. С Литвой Тверь должна была прекратить все предыдущие договорные отношения («целованье сложити»), что же касается Орды, то договор предусматривал: «А пойдут на нас татарове, или на тебе, битися нам и тебе с одного всем противу их. Или мы поидем на них, и тебе с нами с одного понти на них». Данное обязательство опять-таки отражает внешнеполитическую несамостоятельность Твери: Дмитрий Иванович «бьется» вместе с Михаилом Александровичем против татар только в случае их нападения на одну из сторон, но сама напасть на Орду может только московская сторона, пользуясь и в этом случае помощью Твери. Возможность самостоятельного нападения последней на Орду договор исключает.

В том же плане соблюдения интересов всей Русской земли в борьбе с ее смертельным врагом — Золотой Ордой — следует рассматривать обоюдные обязательства сторон противостоять татарской «сваде» и «лести бесерменской», которой еще так недавно неосторожно и легковерно поддавался Михаил Александрович. «А имут нас сваживати татарове, — говорится в договоре, — и имут давати тебе нашу вотчину, великое княженье, и тебе ся не имати, ни до живота. А имут давати нам твою вотчину Тферь, и нам ся тако же не имати, и до живота». Так в «международном» договоре нашло отражение одно из основных положений русской общественной мысли XIV века: не поддаваться «сваде» татар, которые всегда рады поссорить между собой русских князей, чтобы «ввергнуть нож» в Русскую землю.

Понятие о великом княжестве Владимирском как об «отчине» московского князя нашло также выражение в договорных грамотах Дмитрия Донского с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, а также в духовных Дмитрия Донского. Эти духовные снова и снова подтверждают, что великое княжение Владимирское является прочной и неотъемлемой наследственной собственностью князя московского, которой он свободно распоряжается. «А се благословляю сына своего князя Василья, — говорится во второй духовной грамоте Дмитрия Донского, относящейся к 1389 году, — своею отчиною, великим князем».¹

Автор «Слова о житии и о преставлении» Дмитрия Донского, описывая его прощание перед смертью с боярами, вкладывает ему в уста, между прочим, следующие слова: «... княжение укрепих, и мир и тишину земли створих, отчину свою с вами съблюдох, еже ми предал бог и родители мои».² Призвав потом сына своего Василия на «старейший путь», Дмитрий передает в его руки великое княжение, «яже есть стол отца его и деда и прадеда».³ Характерно, что понятие о великом княжестве Владимирском здесь сливается уже с понятием о всей Русской земле, которая, естественно, также объявляется отчиной Дмитрия Донского: «дал есть ему отчину свою Рускую землю. И раздавал же есть комуждо сыном своим, и городы свои в отчину им предасть по частям».⁴

Робко и осторожно высказанная еще при Иване Калите, провозглашенная затем полным голосом, нашедшая отражение в важнейших государственных актах и признанная самой Золотой Ордой при Дмитрии Донском идея о том, что великое княжество Владимирское есть отчина московского князя, является одним из основных положений русской публицистики XIV века. Это была глубоко патриотическая идея, выходящая далеко за пределы политических домогательств московского правящего дома и направленная своим острием против татарского гнета. В самом деле, если великое княжество Владимирское являлось наследственным достоянием московского князя, то это означало, что оно перестает быть объектом пожалования золотоордынских ханов, что последние лишаются верного средства вносить сумятицу и путаницу в политические отношения Руси, в кровавых раздорах за великое княжение сталкивать лбами русских князей, вымогать у них дополнительные дани, искусственно дробить и ослаблять русские земли. Именно в особо острые моменты борьбы с татарским игмом идея отчинного владения московских князей великим княжением противопоставлялась как татарскому произволу, так и неумеренным притязаниям других князей.

* *
*

Мы далеко не исчерпали темы идеологической борьбы Москвы и Твери за возглавление русских земель. Мы не коснулись, в частности, происшедшей в XIV веке острой борьбы в сфере церковных отношений, по-

¹ Договорные и духовные грамоты... № 12, стр. 34.

² ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 358. В списке Воскресенской летописи это место читается так: «... великое княжение свое велми укрепих, мир и тишину земли Руской сътворих, отчину свою с вами съблюдох, еже ми предал бог и родители мои» (ПСРЛ, VIII, стр. 56).

³ ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, стр. 358.

⁴ Там же. Разрядка моя, — И. Б.

дробно отраженной в летописях и других литературных произведениях.¹ И всё же приведенный материал убедительно показывает, что уже на начальном этапе процесс создания Русского централизованного государства сопровождался усиленной работой общественной мысли. С конца XIII—начала XIV века русское летописание постепенно стряхивает с себя феодальную замкнутость, расширяет свой горизонт и опять приобретает общерусский характер. Снова на страницах летописей ставятся важные вопросы политической жизни страны. Страх перед татарами, сковывавший владимирское летописание XIII века, сменяется разоблачением приемов татарского властвования, призывом к борьбе против «окаянных» угнетателей. Русским публицистам описываемого времени ясна тактика татар, заключающаяся в разжигании княжеских междоусобиц на Руси. Разоблачая эту тактику татар, стремившихся «звергнуть нож» в среду русских князей, передовые летописцы призывали последних к прекращению взаимных раздоров и выступлению единым фронтом против татарского ига. Русская общественная мысль находит свое выражение и в других жанрах, запечатлевая свои положения в важнейших государственных актах, воплощая их в продиктованных из Москвы документах вселенского патриарха.

Мы наблюдаем, таким образом, на протяжении XIV века оживление русской общественной мысли и публицистики. И только по глубокому и странному недоразумению М. Н. Покровский мог утверждать, что в XIV веке публицистика «и не снилась» Москве.²

¹ Искусно используя в своих объединительных целях русскую православную церковь, которая всегда льнула к самому сильному княжеству, Москва, учитывая упадок Византии, одновременно заставляла служить своим интересам и Константинопольскую патриархию. На протяжении долгого времени патриархи Исидор, Каллист, Филофей, Макарий, Нил являлись ревностными агентами московского правительства, подтверждая такую серьезную в условиях средневековья меру, как отлучение от церкви русским митрополитом князей — противников Москвы, призывая к безусловному повиновению всех русских церковных иерархов митрополиту всея Руси, державшему сторону Москвы, призывая к крестовому походу на «язычников-огнепоклонников» — литовцев, поддерживая единство русской митрополии в старинных ее пределах, распространяя от своего имени и пропагандируя политические идеи Москвы (см. Грамоты Константинопольской патриархии: «Русская историческая библиотека», VI, СПб., 1880, Приложения, №№ 3—11, 16—21, 29—30, 33 и др.).

² М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Партиздат, 1932, стр. 58.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV века¹

Человек стоит в центре искусства литературы на всем протяжении ее развития. Но изображение его в отдельные эпохи было различным. Различным был сам метод изображения, различно было само видение его внешней и внутренней жизни. История изображения человека — это история открытий, больших и малых, касающихся разнообразных сторон человеческой жизни и человеческой психологии.

Самые обычные в литературе нового времени психологические наблюдения и способы изображения людей явились результатом многовекового литературного развития и вовсе не были изначально присущи литературе, вовсе не всегда были известны и не всегда могли найти формы для своего отражения в литературном творчестве.

Так, например, длительное время — вплоть до начала XVII в. — в человеке не предполагали возможным совмещения отрицательных и положительных свойств. Не сразу была открыта и внутренняя жизнь человека. Первоначально, в XI—XIII веках, в центре внимания русской литературы стояли поступки человека, — именно они описывались и оценивались писателями. Эти поступки рассматривались главным образом с точки зрения того официального положения, которое занимал человек на лестнице феодальных отношений. Характер человека был «открыт» лишь в начале XVII века в силу резкого обострения классовой и внутриклассовой борьбы и накопившегося социального опыта на определенной стадии развития феодализма. Однако раньше, чем был открыт характер человека, была открыта его психологическая жизнь. Психологические побуждения и переживания, все разнообразие человеческих чувств, дурных и хороших, сильных, экспрессивно выраженных, повышенных в своих проявлениях, стали заполнять собою литературные произведения примерно с конца XIV века и с особой отчетливостью проявились в произведениях Епифания Премудрого.

Для каждой эпохи и для каждого стиля существуют в литературе жанры, в которых эпоха и ее стиль отражаются наиболее ярко. Для конца XIV—начала XV века таким самым «типическим» жанром явились жития святых. В этом жанре отчетливее всего проявились черты нового в изображении человека и свойственная своему времени ограниченность.

¹ Доклад на совещании по древнерусской литературе в Ленинграде 26 апреля 1955 г.

*
*
*

Самое характерное и самое значительное явление в изображении человека в конце XIV—начале XV века — это своеобразный «абстрактный психологизм». Если в литературе XII—XIII веков, как мы уже видели в свое время,¹ изображались по преимуществу поступки людей и эти поступки характеризовались с точки зрения норм феодального поведения, то теперь в центре внимания писателей конца XIV—начала XV века оказались отдельные психологические состояния человека, его чувства, эмоциональные отклики на события внешнего мира. Но эти чувства, отдельные состояния человеческой души не объединяются еще в характеры. Проявления психологии не складываются в психологию. Связующее, объединяющее начало — характер человека — еще не открыто. Индивидуальность человека попрежнему ограничена прямолинейным отношением ее в одну из двух категорий — добрых или злых, положительных или отрицательных. Психологические состояния как бы «освобождены» от характера. Они могут меняться с необычайной быстротой, достигать невероятных размеров. Человек может становиться из доброго злым, при этом происходит мгновенная смена душевных состояний.

Новое понимание человека стоит в непосредственной связи с влиянием церковной идеологии, особенно сильно сказавшимся во всех литературных жанрах именно этого периода.

Согласно ортодоксальным взглядам церкви этого времени человек обладает свободой воли, он обладает свободой выбора между добром и злом. Выбрав добро, он может последовательно идти по пути добра и достичь святости; выбрав зло — пойти по пути (тоже последовательно) зла. Каждый человек может решительно изменить свой путь. Правда, последовательный праведник, вкусив истины, грешником не становится, но грешник на любой ступени своего падения может покаяться и стать сразу же праведником. Примерами таких превращений полна церковная литература XIV—XV веков, — превращений полных, не знающих компромиссов. Раз всё зависит от решения человека выбрать добро или зло, — он до конца последователен в этом. Он либо до конца свят, либо до конца зол. В первом случае он свят до полной абстрактности, во втором — всегда может резко измениться, стать добрым. Вот почему в литературе этого времени нет характера. Характер — это нечто более или менее устойчивое в человеке; характер может развиваться, изменяться, но он не может «превращаться» только в зависимости от решения человека. «Превращения» же и чрезвычайная неустойчивость психологических состояний — характерная черта житейной литературы этого времени. Все психологические состояния, которыми так щедро наделяет человека житейная литература конца XIV—XV веков, — это только внешние наслоения на основной, несложной внутренней сущности человека — доброй или злой, определяемой решением самого человека встать на тот или иной путь. Все психологические состояния — это как бы одежда, которая может быть сброшена или принята на себя.

В житии Стефана Пермского все жители Перми ведут себя диаметрально противоположным образом до крещения их Стефаном Пермским и после него. Их психологические состояния и до и после крещения описаны резко различными чертами, они обуреваемы совершенно противо-

¹ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв. Труды ОДРА, X, стр. 7—43.

положными чувствами. При этом автора жития Стефана Пермского отнюдь не смущает то обстоятельство, что такая перемена произошла в целом народе и произошла без всяких промедлений. Прямолинейность характеристики объясняется здесь ее несложностью; все зависит здесь от одного акта крещения: до крещения Пермь описана целиком отрицательными чертами, после — целиком положительными. Загадочным с психологической (нашей) точки зрения остается только сам акт крещения: как решили они креститься. Заслуга здесь приписывается и Стефану Пермскому и самим жителям Пермской земли, но в конечном счете это несомненное «чудо». Вот почему чудо в житийной, христианской литературе — совершенно необходимая составная часть. Только оно вносит движение и развитие в биографию святого. Одна свобода выбора между добром и злом определить развитие личности еще не может.

Победа Стефана над язычниками — победа прежде всего психологическая. Злые и нетерпимые язычники обращаются в кротких и послушных последователей Стефана. Они «восхотели» креститься, «в сласть» послушали его проповедь, «с радостию» принимают его слова. Описание нового психологического состояния язычников и радости Стефана занимает несколько листов жития последнего.

Психологические «превращения» язычников потому и возможны, что у них нет никакой индивидуальной психологии, никаких постоянных качеств характера. Они потому злы, нетерпимы, потому так яростно нападают на Стефана, гонят его, питают к нему ненависть, что они язычники. Как только они крестятся, сердца их наполняются веселием, они с умилением слушают того же Стефана.

Перед нами проходит kaleidoscope различных психических состояний, различных душевных движений, страстей, чувств — всегда сильных до чрезмерности, никогда не останавливающихся на полпути, всегда доведенных до наиболее резкого выражения. И это возможно отчасти потому, что психология всех действующих лиц выражена очень неясно. Авторы описывают психические состояния, игнорируя психологию человека в целом, его характер. Чувства как бы живут вне людей, но зато проникают все их действия, смешиваются с чувствами автора, который постоянно стремится их выразить, придать эмоциональность своему повествованию.

* * *

Если в XII—XIII веках изображения людей статичны и монументальны, напоминая собой геральдические фигуры, взяты как бы в их «вечном» смысле, то в житийной литературе конца XIV—начала XV века всё движется, всё меняется, объято эмоциями, до предела обострено, полно экспрессии.

Авторы конца XIV—XV века как бы впервые заглянули во внутренний мир своих героев, и внутренний свет их эмоции как бы ослепил их, они не различают полутонов, не способны улавливать соотношение переживаний. Писатель впервые видит внутренний мир человека; но он видит его пока еще «младенческим глазом», для которого раскрыты краски, вся яркая пестрота огромного мира, но для которого эти краски еще не объединены в предметы, в объективно существующие реалии.

С увлечением неопитов писатели этого времени живописуют сложные переживания личности. Пораженные величием того, что они увидели, они пишут о своем бессилии выразить всю святость подвигов своего героя. Описать все величие деяний святого также невозможно, утверждает

Пахомий Серб, как нельзя измерить широту земли и глубину моря, сосчитать звезды на небесной высоте или исчерпать вечно текущий источник, непрерывно пополняемый из земли.¹ Писатель сравнивает себя с водолазом, ищущим жемчуг на дне морском.²

Тема неизреченности, невыразимости божественной премудрости — обычная тема в устах писателей конца XIV—начала XV века. «Временное» и конкретное слово бессильно выразить «вечные» и абстрактные истины, вскрыть непреходящий смысл событий. Писатели жалуется на свою грубость, «худость», невозможность достойно похвалить святого. Елифаный пишет, обращаясь к Стефану: «... тем же похвалити тя грядю, но не умею, елика бо изрицаю, и та суть словеса скудна, худа бо, по истине худа и грубости полна; но обаче приими сия, отче честнейший, яко отець немованиа от уст дегтишу немующу» и т. д.³

Авторы как бы не могут удержаться от выражения нахлынувших на них чувств. Описав погребение Дмитрия Донского, составитель «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» патетически восклицает: «О страшно чудо, братие, и дива исполнено! О трепетное видение и ужас обдержаше! Слыши, небо, и внуши земле! Како възпишу или како възглаголю о преставлении сего великаго князя? От горести душа язык связаетея, уста загражаются, гортань премолкает, смысл изменеться, зрак опускаеться, крепость изнемогает».⁴

Бессильный выразить свои возвышенные представления, автор стремится передать лишь свое отношение к ним, охарактеризовать их, свои чувства, возбужденные жизнью святого, извлекает из них нравоучительный смысл, учит и проповедует больше, чем передает факты. Факты в житии Стефана Пермского могли бы уместиться на одной пятидесятой произведения — все остальное, т. е. остальные сорок девять частей, посвящены взволнованным размышлениям о жизни святого.

С начала и до конца произведения автор пишет в повышенно-эмоциональном тоне, он находится в восторге и напряжении, повествует на самых высоких нотах, и это создает ту эмоциональную атмосферу, которая нужна ему для культивирования христианских чувств, умиления перед христианскими ценностями...

Авторы стремятся писать «невидимо на разумных скрыжалех, сердечных», а не на «чувственных хартиах».⁵

Невыразимость чувств, невыразимость высоты подвигов святого органически связаны со всей стилистикой житийных произведений — с их нагромождением синонимов, тавтологических и плеонастических сочетаний, неологизмов, эпитетов, с их ритмической организацией речи, создающей впечатление бесконечности чувств. Все это призвано внушить читателю грандиозность и значительность происходящего, создать впечатление его непередаваемости человеческим словом. Конкретные значения стираются в этих сочетаниях и нагромождениях слов, и на первый план выступает экспрессия и динамика. Слово становится неконкретно, «невесомо».

До крайней степени экспрессии доводятся не только психологические состояния, но и поступки, действия, события, окружающие эмоциональ-

¹ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908, стр. 232.

² Пахомий Серб в похвале Варлааму Хутынскому (В. Яблонский, ук. соч., стр. 253).

³ Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Елифанцем Премудрым. СПб., 1897, стр. 102. Примеры аналогичных высказываний у Пахомия Серба см. в указанной работе В. Яблонского (стр. 232).

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 109.

⁵ Житие св. Стефана... стр. 1.

ной атмосферой. Стефан Пермский сокрушает идолов, не имеет «страхования», он сокрушает их «без боязни и без ужастя», день и ночь, в лесах и в полях, без народа и перед народом. Он бьет идолов обухом в лоб, сокрушает их по ногам, сечет секирою, рассекает на члены, раздробляет на поленья, крошит на «иверение», искореняет их до конца, сжигает огнем, испепеляет пламенем...¹

Повышенная эмоциональность отличает и поступки толпы язычников. Пермь нападает на Стефана «с яростию, и с гневом, и с воплем, яко убити и погубити хотяще, ополчишася на нь единомущно, и акы ликы ставше окрест его, напрязаа на прягоша луку своя, и зело натянувше я на него, купно стрелам смертоносным сущим о луцех их, и прямоулучными стрелами своими состреляти его жадаху, и тако прочее смерти его предати хотяху».² Все чувства обладают неимоверной силой. Любовь к Кириллу Белозерскому влекла к нему Пахомия Сербя подобно железной цепи,³ дружба Сергия Радонежского и Стефана Пермского связывает их с такою силою, что они чувствуют приближение друг к другу на далеком расстоянии.⁴

* * *

Церковная богословская литература, оригинальная и переводная, дает некоторые пояснения к тем явлениям, которые мы отметили для литературы художественной. В сочинениях Григория Синаита и Григория Паламы развивалась сложная система восхождения духа к божеству, учение о самонаблюдении, имеющем целью нравственное улучшение, раскрылась целая лестница добродетелей. Углубляясь в себя, человек должен был победить свои страсти и отрешиться от всего земного. В результате — экстатическое состояние созерцания, безмолвие, с которым естественно связывалось и учение о бессилии человеческого языка. В богословской литературе встречались сложные психологические наблюдения, посвященные разбору таких явлений, как восприятие, внимание, разум, чувство и т. д. Богословские трактаты различали три вида внимания, три вида разума, учили о различных видах человеческих чувств, обсуждали вопросы свободы воли и давали довольно тонкий самоанализ.

Существенно, что эти трактаты не рассматривают человеческую психологию как целое, не знают понятие характера. Они пишут об отдельных психологических состояниях, чувствах и страстях, но не об их носителях. Чувства, страсти живут как бы самостоятельной жизнью, способны к саморазвитию. Несколько позднее Нил Сорский на основании сочинений отцов церкви (Иоанна Лествичника, Филофея Синаита и др.) различал пять периодов развития страсти: «прилог», «сочетание», «сложение», «пленение» и собственно «страсть».⁵ Он дал каждому из этих периодов подробную характеристику, основанную в значительной мере на конкретном материале. Таким образом, чувства человека рассматривались у Нила Сорского независимо от самого человека. Страсти обладали у него способностью к саморазвитию. Это всё та же психология без психологии, изучение психологических состояний не как части единого целого, а как чего-то постороннего человеку. Не случайно страсти, «лукавые помыслы», персо-

¹ Житие св. Стефана..., стр. 37.

² Там же, стр. 25.

³ В. Яблонский, ук. соч., стр. 251.

⁴ Житие преп. Сергия Чудотворца. Сообщил архим. Леонид. СПб., 1885, стр. 115—116.

⁵ М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского предание и устав. СПб., 1912, стр. 16 и сл.

нифицируются, сравниваются в литературе XV века со зверями: «лютый зверь вражда», «сердцеснедивый медведь» и т. д. Сердце злого человека — это звериное логово, «гнездо злобы». Ясно, «душа» человека в этот период — это не та душа, которая существовала в представлениях русских людей XI—XII веков, когда она отождествлялась с дыханием и считалась отлетевшей от человека в каждом его обморочном состоянии.¹

* * *

Поступки, действия человека продолжают, как и раньше, в XII—XIII веках, играть важную роль в характеристике человека, в строении его образа. Однако в отличие от летописных изображений людей в житийной литературе изучаемого периода первостепенное значение приобретает даже не сам поступок, подвиг, а то отношение к подвигу, которое выражает автор, эмоциональная характеристика подвига, всегда повышенная, как бы преувеличенная и вместе с тем абстрактная. Преувеличиваются самые факты, зло и добро абсолютизированы, никогда не выступают в каких-либо частичных проявлениях. Только две краски на палитре автора — черная и белая. Отсюда пристрастие авторов к различным преувеличениям, к экспрессивным эпитетам, к психологической характеристике фактов. Весть о смерти Стефана «страшная», «пристранная», «пламенная», «горькая» и т. д.²

Если автор употребляет сравнение, — он не заботится о том, чтобы оно могло быть конкретно, зрительно воспринято. Для него важен внутренний смысл событий, а не его внешнее сходство: «по истине бо тех суть красны ноги, благовестующих мир»,³ говорит автор, не задумываясь над тем, как воспримут его читатели образ «красивых ног» тех проповедников, которые «благовестуют мир». «Красивые ноги» — это только абстрактная идея, но не конкретный образ. Даже постройка церкви — дело конкретное и «материальное» — превращается в психологический акт. Епифаний говорит о пермской церкви Стефана: «юже въздвиже чистою совестию, юже създа горящим желанием».⁴ Стефан, следовательно, строит церковь не руками строителей, а «чистою совестию» и «горящим желанием». Ноги и руки, следовательно, становятся в первом случае абстрактными символами, во втором же реальное строительство совершается без помощи рук — «горящим желанием» и «чистою совестию». Одним из средств этого абстрагирования поступков служит сравнение их с событиями «священной истории». Епифаний Премудрый сопоставляет проповедь христианства Стефаном Пермским среди Перми с проповедью Петра, Иоанна Богослова, Матвея, Филиппа, Фомы, Иуды, Симона Зилота Кананитянина, Варфоломея, Андрея, Павла. Одно только перечисление стран, где было проповедано ими «слово божие», занимает 3—4 страницы рукописи. Благодаря этому проповедь Стефана оказывается в ряду событий всемирной истории, имеющих первостепенное значение, но благодаря этому же она переносится в какую-то абстрактную область общих судеб человечества и всякая конкретность, сообщение реальных деталей оказываются почти исключенными.

Изобретение пермской грамоты Стефаном обставлено учеными справками относительно изобретателей других грамот. Здесь и в аналогичных

¹ См. в повести об ослеплении Василька Теребовльского: «и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуса» («Повесть временных лет», т. 1. М.—Л., 1950, стр. 173).

² Житие св. Стефана... стр. 91.

³ Там же, стр. 18.

⁴ Там же, стр. 22.

случаях писатель становится ученым, начетчиком, богословом — «премудрым».

Уподобление героя тому или иному лицу в священном писании делается для автора своеобразной проблемой, когда ему нужно подобрать точную параллель. Автор колеблется, сомневается и перечисляет всех праведников, начиная от Адама: «Ангела тя нареку? — спрашивает автор «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», — но во плоти сущи ангелскы пожил еси. Человека ли? но выше человеческаго существа дело свершил еси. Первозданнаго ли (т. е. Адама, — Д. Л.) тя нареку? но той прим заповедь Съдетеля и преступи... Сифа ли тя нареку? но того премудрости ради людие богом нарицаху». «Еноху ли тя подоблю?», «Ноя ли тя именую?», «Авраама ли тя нареку?», «Исаака ли ты въсхвалю?», «Израиля ли ты възглаголю?», «Иосифа ли ты явлю?» и «Моисея ли ты именую?»,¹ — автор последовательно отвергает каждое из этих уподоблений, так как находит различия в их подвигах. Поступок, действие, деятельность и здесь служат единственным основанием для сопоставлений. Все сравнения человека с теми или иными животными, птицами, предметами идут по линии сравнения его деяний. Внешнее сходство не интересует автора, интересуется сходство действий, смысла этих действий. Зрительный, конкретный образ человека просто отсутствует.

Волхв, освободившийся от державших его людей, сравнивается Епифанием Премудрым с оленем: «он же искочи от них яко елень».² Ясно, что образ оленя применен не к самому волхву, но к его действию — к его бегству. Его бегство было такое же быстрое, как и у оленя, — сходство только в этом. Дмитрий Донской — это: «высокопаривый орел...», «б а н я мыю щим ся от скверны, гумно чистоте, ветр плевелы развевая, одр трудившимся по бозе, труба спящим, воевода мирный, венець победе, плавающим пристанище (т. е. пристань, — Д. Л.), корабль богатству, оружие на врагы, мечь ярости, стена нерушима, зломыслящим сеть, степень непоколеблема, зеркало житию... высокий ум, смиренный смысл, ветром тишина, пучина разуму» (разрядка моя, — Д. Л.).³ Этот способ характеристики человека чрезвычайно далек нашему художественному сознанию; он целиком объясняется из художественного сознания своего времени: индивидуальность человека абстрактна и неясна, характер человека еще не различается, — поэтому сравнивается в человеке не сам человек, а лишь его дело, деяние, поступки, подвиги, — по ним он и судится.

Не случайно святой именуется «воином христовым», он «подвижник», главное в нем — его подвиги. Святой, как и воин, совершает подвиги, это и есть основное. Вот почему Стефан Пермский называется Епифанием Премудрым «мужественным храбром»,⁴ т. е. богатырем.

Отсюда то пристальное внимание, которое уделяют агиографы действиям, поступкам. При этом важно выявить значение действия, подчеркнуть его величие, то впечатление, которое они произвели в народе, а не описать его конкретно. Все детали опускаются как несущественные, а само действие оказывается преувеличенным, преувеличен и психологический эффект его. Детали сохраняются только те, которые способствуют этому эффекту. Отсюда обычные в литературе этого времени нагромождения всяческих ужасов, шумные тирады действующих лиц, различного рода

¹ ПСРЛ, VI, стр. 110.

² Житие св. Стефана... стр. 57.

³ ПСРЛ, VI, стр. 106.

⁴ Житие св. Стефана... стр. 109.

гиперболы. Говоря о том, как жители Перми, «яко зверие дивии», устремились на Стефана, Епифаний перечисляет их оружие, топоры и дреколие, отмечает, что топоры были «остры» и что этими острыми топорами толпа, обступив Стефана «отвсюду», хотела «ссещи его, кличуще вкупе и нелепаа глаголюще, и бесчинныя гласы испущающе на нь, и окруживше его стаща окрест его, и секирами своими възмахохуся на нь: и бяху видети его промежу ими, яко овца посреде волк». ¹

Все строится на контрастах: яростная толпа противопоставляется кроткому Стефану, и чем яростнее толпа, тем более кротким кажется Стефан. Эффект действий увеличивается от того, что они совершаются перед народом, при зрителях. Волхв в житии Стефана Пермского отказывается войти в костер, испугавшись «шума огненнаго», перед всеми своими сородичами: «народу же предстоящу, человеком собранным, людем зрящим в очию леповидцем». ² В житии Сергия Радонежского младенец Сергий вопит в утробе своей матери в церкви, во время литургии при многочисленном народе. Его голос слышен по всей церкви. В разыгравшемся затем диалоге между матерью Сергия и молившимися в церкви женщинами обе стороны ведут себя с преувеличенной чувствительностью. Мать «мало не паде на землю от многа страха, и трепетом великим» ³ была одержима, жены же — воздыхают, бьют себя в перси, плачут. Присутствующие мужчины стоят «безмолвиемъ ужасни». ⁴

* * *

Экспрессивность действий подчеркивается длинными речами, которые произносят действующие лица. Эти речи должны изобразить отношение людей к событиям и, главное, их душевное состояние в связи с этими событиями. Они при этом отнюдь не индивидуальны, лишены характерности, изображают чувства абстрактно, с точки зрения автора, а не произносящего их лица. Вот как, например, говорит о своем нежелании войти в пламень вместе со Стефаном пермский волхв: «...немощно ми ити, не дерзаю прикоснутися огню, щажуся и блюду приблизитися множеству пламени горящу, и яко сено сый сухое, не смею воврещися, да не яко воск тает от лица огню, растаю, да не ополею яко воск и трава сухаа, и внезапу сторю огнем и умру, и ктому не буду, и кая будеть полза в крови моей, егда сниду во исление, волшебство мое переиме[т] ин, и будет двор мой пуст, и в погосте моем не будет живущаго». Эту речь волхв произносит трижды, «пометая себя, биаше челом, и припадаа к ногам» Стефана, «обавляше вину сушу свою, и немощь свою излагаа, суетство же и прелесть свою обличаа». ⁵

Прямая речь служит здесь для выражения душевного состояния действующего лица. Она насыщена в произведениях этого времени цитатами из псалмов, в ней произносятся слова молитв, но в ней нет «речевой характеристики» действующего лица. По стилю речь действующего лица не отличается от речи автора — она также абстрактна, книжна, учена, пользуется теми же приемами. Длиннейшие речи могут вкладываться в уста толпы, язычники могут употреблять фразеологию псалмов, эмоционально-хаотическая риторика находит здесь такое же применение, как и во всем произведении в целом.

¹ Житие св. Стефана..., стр. 27.

² Там же, стр. 37.

³ Житие преп. Сергия Чудотворца, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 12.

⁵ Житие св. Стефана..., стр. 37.

* * *

Новое в изображении человека может быть отмечено не только в житиях святых. Жанр житий — только наиболее характерен для этого времени. Новый стиль отчетливо сказывается в Хронографе.

Вся мировая история в изложении Хронографа — цепь нравоучительных историй, изображающих невероятные подвиги благочестия, а чаще — неслыханные злодеяния.

Исторические личности рисуются с необычайной силой экспрессии. Либо это злодеи, действующие по наущению дьявола, либо герои-добродетели. Действующие лица Хронографа мечутся, обуреваемые страстями, или совершают подвиги благочестия, подвигнутые на то ревностью к добру. Отсюда, так же как и в житиях, необычайная экспрессивность характеристик, отсюда гиперболы, стремление к грандиозности изображения, проникающее всё изложение и подавляющее читателя. Люди проливают «тучи слез», плачут по восьми месяцев. Одержимые страстями, они бессильны совладать с ними. Однако человеческого характера в Хронографе нет, как и в житиях.

Новый стиль через Хронограф проникает в летописание и исторические повести.¹ Черты нового стиля могут быть отмечены в «Задонщине», живописующей события Куликовской битвы «буйными словесы». Сравнительно со «Словом о полку Игореве» «Задонщина» гораздо более абстрагирует и «психологизирует» действие, многие из речей, произносимые действующими лицами, носят условный характер, это не реально произнесенные речи, как в «Слове о полку Игореве». Усилена экспрессивность изложения. Такой экспрессивный характер носит сцена бегства «поганных», которые бегут, «скрегчюще зубы своими, дерущи лица своя», и одновременно произносят длинные речи.

Новому стилю подчиняются отдельные элементы «Повести о разорении Рязани Батыем», подвергшейся, очевидно, переработке в конце XIV века.

Кое-что из этих литературных явлений находит себе аналогии в изобразительном искусстве конца XIV—XV века: динамизм, экспрессивность, повышенный психологизм, — хотя в целом изобразительное искусство этого времени (фрески, иконы) гораздо более связаны с действительностью, конкретнее воспроизводят душевные движения, резче отражают индивидуальности людей, чем литература. Творчество Андрея Рублева, фрески и иконы XIV—XV веков именно поэтому гораздо значительнее, чем произведения русской литературы того же времени.

* * *

Чем объяснить изменения в художественных методах изображения человека в конце XIV—начале XV века?

Изменения в надстройке не могут быть объяснены по частям, когда эти части рассматриваются изолированно друг от друга. Структура человеческого образа в произведениях конца XIV—начала XV века находится в неразрывном единстве со всем стилистическим строем русской литературы этого времени, с ее содержанием, с философско-религиозной мыслью

¹ См.: Д. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 346 и сл.

своего времени, с теми изменениями, которые претерпевало в это время изобразительное искусство. Должно быть учтено также культурное общение Руси этого времени с южнославянскими странами и Византией. Проблема очень широка и может быть решена только в совокупности всех своих сторон.

На одном наблюдении мне всё же хотелось бы остановиться.

Структура человеческого образа в XII—XIII веках была теснейшим образом связана с иерархическим устройством класса феодалов. Люди расценивались по их положению на лестнице отношений внутри феодального класса. Каждый из изображаемых людей был прежде всего представителем социального положения, своего места в феодальном обществе.¹ Его поступки рассматривались прежде всего с этой точки зрения.

Новая структура человеческого образа в известной мере демонстрирует идейный кризис феодальной иерархии, характерный для конца XIV—XV века. Самостоятельность и устойчивость каждой из ступеней иерархии были поколеблены. Центроостремительные силы начинали действовать все сильнее, развивалось условное держание землей, на сцену выступали представители будущего дворянства. Всё это если и не вызвало, то во всяком случае облегчило появление новых художественных методов в изображении человека, по самому существу своему никак не связанного уже теперь с иерархией феодалов. Государству нужны были люди, до конца преданные ему, — личные качества их выступали на первый план. На первый план выступали такие качества, как преданность, ревность к делу, убежденность.

Вместе с тем союз государства и церкви способствовал оцерковлению литературы.

* * *

Что же было исторически прогрессивного в развитии художественного метода изображения человека в конце XIV—XV века?

Изображение человека не отделимо от всего стиля житейной литературы конца XIV—XV века. Литературное движение этого времени рассматривалось обычно в литературоведении только с его внешней стороны. Оно определялось как «риторико-панегирическое», сводилось лишь к «украшенности и пышности» стиля. Даже рассматриваемое в этом узком плане литературное движение вело к обогащению лексики (к развитию синонимии, созданию новых слов с отвлеченными значениями и т. д.), к усложнению синтаксиса и т. д. Однако явления художественной формы этого времени гораздо шире. Они, в частности, касаются, как это мы видели, и внутренней структуры образа человека. В области изображения людей новым и прогрессивным явилось первое проникновение во внутреннюю жизнь человека, пристальное внимание к различного рода душевным движениям, открывавшее собой возможность накопления уже конкретных наблюдений над психологией человека.

Абстрактность в изображении человека была непоследовательной. Она никогда не могла быть полной и должна была хотя бы частично прибегать к фактам, но если в летописных изображениях XII—XIII веков абстрактность опиралась на факты внешнего положения человека в иерархии феодального общества, то в житейной литературе XIV—XV веков

¹ См. подробнее: Д. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв., стр. 8.

она избирает новую точку опоры — в душевных движениях, при этом преувеличенных до возможных пределов. И эта перемена конкретной «базы» абстракции уже сама по себе вела к обогащению литературы новым опытом и к постепенному разрушению самой абстрактности. Приоткрылась завеса над внутренней жизнью человека, пока еще не воспринимавшейся как целое, как характер, и не отделенной от моральных оценок, выдержанной в одной тональности.

Создавалось патетическое искусство, явившееся одной из ступеней постепенного движения литературы к реалистическому изображению действительности.

- -

Я. С. ЛУРЬЕ

**Краткая редакция „Устава“ Иосифа Волоцкого — памятник
идеологии раннего иосифлянства**

I

Идеологические памятники раннего иосифлянства и в первую очередь сочинения самого волоколамского игумена Иосифа Санина изучены далеко не достаточно. Фигура Иосифа Волоцкого не раз привлекала внимание историков и литературоведов, но в оценке этой исторической фигуры исследователи опирались не столько на творчество самого волоколамского игумена, сколько на свидетельства о борьбе учеников Иосифа, «презлых иосифлян» с их оппонентами — «заволжскими старцами» (нестяжателями). По традиции, установившейся в дворянско-буржуазной историографии еще со времен славянофилов, иосифлянство обычно рассматривается как «консервативно-формальное» направление, тесно связанное с самодержавной властью и неизменно поддерживающее ее политику; «консервативным» иосифлянам противопоставлялись «либеральные» нестяжатели.

В дореволюционной историографии в сущности не было попыток выделить идеологические памятники раннего иосифлянства, относящиеся к XV веку, и изучить, таким образом, иосифлянство в его историческом развитии; работы по истории идеологии древней Руси вообще редко носили историко-ведческий характер. Достаточно сказать, что такой крупнейший идеологический памятник конца XV—начала XVI века, как «Просветитель», никогда не был предметом специального исследования.¹

Первые попытки исторического рассмотрения идеологии иосифлян были сделаны в советской историографии, в работах Б. А. Рыбакова и А. А. Зимина. Б. А. Рыбаков схарактеризовал иосифлянство как идеологию воинствующих церковников — крупных духовных феодалов.² Точка зрения, высказанная в статье Б. А. Рыбакова (научно-популярной по своему характеру), получила дальнейшее развитие и обоснование в исследовании А. А. Зимина «О политической доктрине Иосифа Волоцкого». В противоположность прежним исследователям, характеризовавшим мировоззрение Иосифа Волоцкого на основании поздних сочинений, написанных им или его преемниками уже после сближения иосифлян с велико-

¹ Ср. об этом: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалы еретические движения на Руси в XIV—начале XVI в. М.—Л., 1955, стр. 439—441.

² Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI века. «Антирелигиозник», 1934, № 3.

княжеской властью (16-е «слово» «Просветителя», второе послание Василию III «на еретики» и т. д.), А. А. Зимин выдвинул на первый план сочинения Иосифа и его предшественников, написанные в конце XV в., в период борьбы с ересью («Слово кратко», 7-е «слово» «Просветителя»). Произведения эти с несомненностью свидетельствуют о том, что идеология иосифлянства формировалась не в союзе, а в борьбе с самодержавным государством, что основа «политической доктрины Иосифа Волоцкого» — это защита интересов феодальной церкви как института.¹

Но поставив вопрос о социально-политическом характере идеологии Иосифа Волоцкого и его сподвижников, Б. А. Рыбаков и А. А. Зимин не дали полной характеристики этой идеологии. «Нам нет необходимости превращать Иосифа Санина в „консерватора“, как нет необходимости делать из Нила Сорского „либерала“, — справедливо указывает А. А. Зимин.² Но если это так, если Иосиф Санин не был только «консерватором», то естественно возникает вопрос о каких-то элементах нового в идеологии волоцкого игумена. Ограничивался ли Иосиф и его сподвижники только отрицанием аргументации своих противников — еретиков или же они со своей стороны выставляли какие-нибудь оригинальные идеи и положительные утверждения?

А. А. Зимин не дает ответа на этот вопрос — в центре его внимания «политическая доктрина» Иосифа Волоцкого и отрицательная, или, вернее, охранительная сторона программы воинствующих церковников. Ближе подходит к интересующему нас вопросу Б. А. Рыбаков: у него встречается мысль об иосифлянкой «реформе», об иосифлянстве как попытке идеологической перестройки церкви.

В чем же заключается реформаторская сторона иосифлянства? Особенно трудно ответить на этот вопрос на материале «Просветителя» Иосифа Волоцкого. «Просветитель» несомненно представлял собой наиболее выдающийся теоретический памятник, вышедший из среды воинствующих церковников конца XV—начала XVI в. В своей «книге на еретиков» Иосиф Волоцкий, отвергая еретические учения, противопоставлял им официально-христианскую идеологию в том виде, в каком она сложилась в средние века в творениях «святых отцов» грекоправославной церкви. Учение о троице и о божественности Иисуса Христа, необходимость почитания икон и других предметов христианского культа, справедливость святоотеческих преданий и установленного этими преданиями института монашества — вот те основные теоретические положения, которые развиваются в «книге на еретиков» Иосифа Волоцкого. Однако вопрос о степени оригинальности этого основного теоретического сочинения Иосифа представляется нам весьма трудным: установление оригинальности Иосифа в изложении и комментировании догматов христианства на страницах «Просветителя» требует специальной и очень сложной работы по сопоставлению этого памятника с богословско-полюемической литературой предшествующего времени — греческой и русской.

Но «Просветитель» был в основном изложением теоретической программы обличителей ереси, а «обличители» вели борьбу с еретиками не только по теоретическим вопросам, но и по вопросам жизненной практики. Отражение этой борьбы мы встречаем в другом крупном произведении Иосифа Волоцкого — в его монастырском «Уставе».

«Устав» Иосифа Волоцкого почти не привлекал внимания исследователей как идеологический памятник: старые исследователи отмечали

¹ А. А. Зимин О политической доктрине Иосифа Волоцкого. Труды ОДРА, IX, стр. 166—168, 176—177.

² А. А. Зимин, ук. соч., стр. 60.

только строгость этого «Устава», его «внешний формализм»,¹ пересказывали его содержание по списку «Великих Четий Минеи»² и этим в сущности ограничивались.

Б. А. Рыбаков впервые подошел к «Уставу» как к памятнику идеологии иосифлян. Именно «Устав» Иосифа дал Б. А. Рыбакову основание говорить об иосифлянском плане «реформы монастырей», связанной с необходимостью борьбы против еретических движений.

Исторический анализ «Устава» не был (и по самому характеру работы не мог быть) целью исследования Б. А. Рыбакова. Автор отметил характерные противоречия в «Уставе»: с одной стороны, «Устав» провозглашает строгую общежительность монахов, отсутствие у них личной собственности, с другой — вводит три «устройства» для различных категорий иноков.³ Но откуда взялись эти противоречия? Свойственна ли была такая противоречивость «Уставу» с самого начала его возникновения или она явилась результатом каких-то видоизменений текста источника? Этим вопросам, как и более широкого вопроса о времени создания и о структуре «Устава», Б. А. Рыбаков не ставил.

Как один из наиболее значительных памятников, вышедших из лагеря «обличителей», «Устав» Иосифа Волоцкого несомненно заслуживает специального исследования.

Детальное рассмотрение этого памятника не только помогает понять сущность практической программы Иосифа, но и проливает некоторый свет на историю идеологических движений конца XV века в целом.

II

Ознакомление с рукописной традицией «Устава» Иосифа Волоцкого свидетельствует прежде всего о том, что перед нами памятник, сложный по составу и происхождению. В литературе известна только одна редакция «Устава» — та, которая вошла в макарьевские «Минеи» (за сентябрь) и в составе «Минеи» была издана;⁴ эта же редакция дошла до нас в известном сборнике ново-спасского архимандрита (40—50-е годы XVI века), одного из преемников Иосифа по игуменству в Волоколамском монастыре, Нифонта Кормилицына.⁵ Однако существует и другая редакция «Устава», неизданная и совершенно неизвестная в литературе. Она дошла до нас в одном сборнике с древнейшим датированным текстом «Просветителя» — в сборнике Нила Полева, переданном им в Волоколамский монастырь еще в 1514 году, при жизни Иосифа;⁶ сохранилась эта редакция и в нескольких других списках.⁷ Редакция, сохранившаяся

¹ В. И. Жакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 83.

² Н. А. Булгаков. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865, стр. 197—211. — И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, стр. 56—63. — Макарий. История русской церкви, т. VI. СПб., 1870, стр. 64.

³ Б. А. Рыбаков. Воиствующиe церковники XVI в., стр. 28—29.

⁴ Великие Минеи Четии, собр. митрополитом Макарием, Сентябрь, 1—13, СПб., 1868, (далее — ВМЧ), стб. 499—615.

⁵ ГПБ, Q.XVII 64, л. 107 и сл. Ср. также: ГПБ, Соф. 1460, 1470, 1226; Сол. 349/329, 348/328; ГИМ, Увар. 6 (опис. № 245), Щук. 363 и др.

⁶ ГПБ, Сол. 346/326, лл. 6—45 об.

⁷ Большинство этих списков не дает полного текста «Устава»; например: ГПБ, Соф. 1490, л. 540 об. (2-е—7-е «слова»); 1451, л. 64 (3-е и 5—7-е «слова»); 1420, л. 443 (2-е—6-е и 10—11-е «слова»). Единственный известный мне список, где содержатся все «слова», имеющиеся в Сол. 346/326, это — ГПБ, Погод. 1135 (л. 61). Здесь, кроме 11 «слов», полностью совпадающих по тексту с Сол. 346/326, содержится еще дополнительное, 12-е «слово» — «Како подобает в бытели приходи ти брату». Трудно сказать, дает ли этот список (XVII века) текст еще одной 12-словной редакции «Устава» или перед

в сборнике Нила Полева, значительно короче минейной, как и первоначальная редакция «Просветителя», она состоит из 11 «слов».

Какая же из двух редакций «Устава» является первоначальной? В пользу первоначальности краткой редакции говорит не только бóльшая древность списка, в котором эта редакция сохранилась. Сопоставление композиции обеих редакций также говорит о первичности краткой редакции и вторичности минейной. Редакция, сохранившаяся в сборнике Нила Полева, именуется просто: «Аввы Иосифа от божественных писаний о жителъстве общежителънемъ словеса к своимъ ему ученикомъ» — она содержит только 11 «слов» (поучений) о монастырском устройстве. И уже само это число весьма характерно: 11 «слов» содержится в находящемся в том же сборнике «Просветителе» Иосифа; 11 «слов», как мы увидим, было и в «Уставе» Нила Сорского. Редакция, сохранившаяся в Минеях, носит название «Духовная грамота преподобного игумена Иосифа о монастырском и иноческом устройении... духовному настоятелю иже по мне сущему...» и представляет собой по построению как бы завещание Иосифа, предсмертное распоряжение игумена своему преемнику. Построена она необычайно сложно. Вначале читается прощальное обращение Иосифа к будущему настоятелю и «братьям во Христе»; далее помещено специальное оглавление, помогающее разобраться в последующем тексте. Затем следуют 9 «главизн» или «слов», более или менее соответствующих 11 «словам» краткой редакции; за ними 10-я глава — «Отвещание любозаборным и сказание вкратце о святых отцех...» — полемический памятник, ничего в сущности не имеющий общего с «Уставом»; далее 11-я глава «яко подобает настоятелю учить и наказовати сущих под ним». 12-я глава, именуемая «духовной грамотой второй», вновь повторяет содержание первых десяти «слов» для «хотящих слышати вкратце»; 13-я глава опять возвращается к этим же «словам», излагая их в виде «преданий» с указанием конкретных мер для проведения их в жизнь, и, наконец, в 14-й главе те же «слова» излагаются уже в четвертый раз — как «запрещения» с перечислением наказаний за нарушение того или иного правила. Естественно предположить, что вся эта громоздкая конструкция представляет собой вторичное явление в истории «Устава» Иосифа, что, возникнув на основе более простого и краткого текста. «Духовная грамота» действительно (как и указывается в предисловии) имела целью дать преемникам умирающего игумена исчерпывающее разъяснение всех пунктов «Устава» на все случаи монастырской жизни. Вторичность минейной редакции сказалась и в названии ее частей. Все части краткой редакции последовательно именуется «словами», в минейной редакции существует система «главизн»; в число 14 глав входят и 9 «слов», соответствующих «словам» краткой редакции. «Слова́» эти несколько раз именуются «главами», но не всегда и непосредственно. Так, «слово» 1-е именуется «главой 1», «слово» 2-е — «словом 2-м»; «слово» 3-е имеет только номер без названия; «слова» 4-е и 5-е именуется «словами»; слово 6-е опять «главой» и т. д.

В пользу первоначальности краткой редакции говорит и еще одно обстоятельство. Первое «слово» «Устава» и в краткой и минейной редакциях содержит обширные выписки из противоеретического «Сказания» о поклонении различным предметам — сочинения, первоначально приложенного к «посланию иконописцу», а впоследствии вошедшего в «Просве-

нами — позднее добавление к 11 «словам» краткой редакции «Устава». Во всяком случае, наибольшая древность и аутентичность списка Сол. 346/326 («вклад» ученика Иосифа в Волоколамский монастырь, сделанный при жизни автора) дает основание положить именно этот список в основу исследования краткой редакции «Устава» Иосифа.

титель» в качестве 7-го «слова на еретиков». ¹ Однако размеры этих выписок различаются в обеих редакциях: в краткой редакции «Сказание» цитируется подробнее, в минейной редакции — короче. Если бы мы признали минейную редакцию первоначальной, а краткую вторичной, то нам пришлось бы допустить весьма маловероятное предположение о том, что Иосиф обращался к «Сказанию» дважды: цитируя его при составлении минейной редакции и дополняя цитаты при переделке ее в краткую редакцию. Гораздо вероятнее обратное предположение — что цитаты были сделаны при составлении краткой редакции и затем сокращены (на причинах этого сокращения мы остановимся ниже). В пользу первичности краткой редакции говорит, наконец, и большая исправность отдельных чтений текста в этой редакции. ²

Установление взаимоотношений между обеими редакциями «Устава» Иосифа открывает возможность для исторического анализа памятника. Для облегчения этого анализа определим прежде всего взаимоотношения между 11 «словами» краткой редакции и первыми 9 «словами» минейной:

Краткая редакция	Минейная редакция
Слово 1 «о соборной молитве».	Глава 1 «о церковном благочинии и соборной молитве».
Слово 2 «о пищах и о питии».	Слово 2 «о пищах и о питии».
Слово 3 «о еже не беседовати на трапезе».	[Слово] 3 «како подобает имети одежды и обуши».
Слово 4 «о одеждах и обушах».	Слово 4 «о еже не беседовати по павечерници».
Слово 5 «о святых иконах и о книгах».	Слово 5 «яко не подобает... исходити вне монастыря».
Слово 6 «о еже не беседовати по павечерници».	Глава 6 «яко подобает попечение имети о съборных делех».
Слово 7 «яко не подобает... исходити вне обители».	Слово 7 «яко не подобает в обители питию быти».
Слово 8 «о еже подобает потщитися всякому на съборное дело».	Слово 9 «яко не подобает в монастырех жити отрочятом и о иных винах».
Слово 9 «яко не подобает в обители быти питию».	«Яко не подобает в монастыри женскому входу быти».
Слово 10 «яко не подобает в обители жити отрочятом».	
Слово 11 «яко не подобает в обители женскому входу быти».	

Главное отличие между обеими редакциями в этой части заключается, как мы видим, в том, что в минейной редакции нет специальных «слов» о молчании во время трапезы и «о святых иконах и о книгах». Если, однако, текст «слова» о молчании в значительной степени включен в состав «слова» 2 «о пищах и о питии», то текст «слова» краткой редакции «о святых иконах и о книгах», посвященного обоснованию идеи полного нестяжания, почти совершенно не отражен в минейной редакции. Взамен этого 2-е и 3-е «слова» минейной редакции содержат обширные вставки, посвященные «трем устроениям» монастырской «братии». Эти-то новые разделы и устанавливают принцип неравноправия для разных категорий монахов, — принцип, совершенно отсутствовавший в краткой редакции.

¹ См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 320 и сл.

² Так, в краткой редакции правильно читается «от нас истяжется» (Сол. 346/326, л. 14); в минейной редакции: «о нас истяжется» (ВМЧ, стлб. 507); в кратк. ред.: «о онех... творит слово, о них же... восхошет» (л. 14 об.); в мин. ред.: «о них же...» (ВМЧ, стлб. 507); в кратк. ред.: в «нощеденьствии» (л. 29 об.); в мин. ред.: «в нощи и деньствии» (стлб. 527); в кратк. ред.: «отчаянием погружает... и срамом и отыдением потопляет» (л. 34 об.); в мин. ред.: «потопляем» (стлб. 529) и т. д.

Таким образом, мы обнаруживаем, что противоречие в «Уставе» Иосифа Волоцкого, отмеченное В. А. Рыбаковым, — противоречие между принципом «общежития» и системой различных категорий для монахов, характерно именно для второй, минейной редакции «Устава». Для первой редакции типично преобладание первого принципа — «общежития» и связанной с ним нестяжательности. Особенно ярко этот принцип проводится как раз в том «слове», которое было удалено из минейной редакции, — в слове «о святых иконах и о книгах».

Пятое «слово» краткой редакции «Устава» Иосифа — «сказание от божественных писаний о святых иконах и о книгах, како есть должно имети» — представляет собой памятник, провозглашающий принцип личного нестяжания монахов в его наиболее крайней форме — в форме отказа от всякой индивидуальной собственности. Монах не должен владеть даже такими благочестивыми и невинными вещами, как святые иконы и книги. Характерно, что для обоснования этого положения Иосиф Волоцкий обратился даже к авторитету, который обычно использовали его враги — еретики: к евангельской проповеди всеобщего равенства. Он напоминал читателям евангельские слова Христа: «Всяк от вас, иже не оставит всего своего, не может быти мой ученик».¹ Именно потому, что этот принцип провозглашен в Евангелии, евангелие не может быть предметом собственности, и Иосиф приводит притчу о монахе, продавшем имевшееся у него «единое евангелие» и раздавшем нищим полученные деньги со словами: «Продах глаголющее ми присно: Продай же имение свое и даждь нищим».² Этому добродетельному монаху противопоставляется другой — владелец целой библиотеки, сложенной по обычаю того времени на подоконнике его кельи: он обвиняется в том, что сложил «во оконци» то, что следовало раздать ради вдов и сирот. «Аще хочешь жити в общем житии, да отречешися всякыя вещи, да не имаши власти ни над чашею, и тако можеши в общем житии спастися».³ Принцип монашеского «общежития» совпадает, таким образом, здесь с принципом полного нестяжания.

Такая постановка вопроса в краткой редакции «Устава» Иосифа не была абсолютной новостью в истории русского монашества. Принцип полного нестяжания, полного отсутствия всякой собственности, естественно вытекал из идеи «евангельской нищеты» и «ухода из мира»: принцип этот провозглашался уже на заре развития русского монашества — в греческом студитском уставе, принятом в Киевском Печерском монастыре в XI веке.⁴ Несколько раз в истории русского монашества (обычно в периоды общественного подъема) идеологи церкви пытались вернуть монастыри к наиболее суровому и ригористическому толкованию этого принципа; однако в другие периоды те же церковные идеологи не только практически допускали, но и официально разрешали «особножитие» и частную собственность монахов.

Таким образом, хотя принцип полного личного нестяжания вытекал теоретически из идеи «ухода из мира», он не был, однако, обычным и обязательным явлением в истории русского монашества. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить краткую редакцию «Устава» с минейной редакцией, а также с другими сочинениями Иосифа. Минейная редакция не только не содержит столь резкого запрещения личной собственности, но явно исходит из представления о монахах, имеющих

¹ Сол. 346/326, л. 27. См. ниже, стр. 138—140.

² Сол. 346/326, л. 25 об.

³ Сол. 346/326, л. 26.

⁴ Ср.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, вторая половина. М., 1881, стр. 498—537.

эту собственность (и имеющих деньги). Единственное, что необходимо, согласно минейной редакции, монаху для того, чтобы иметь «одежда и обуша», а также «купити и продавати» различные вещи, и в том числе «святыя иконы и книги», это разрешение настоятеля.¹ Отвергая возможный аргумент своих оппонентов, «яко в киновии (общежительном монастыре, — Я. Л.) вся обща суть», Иосиф специально напоминает им о наличии у монахов личной собственности: «Егда же кто възьмет нашу особную вещь, тогда не глаголем, яко в киновии вся обща суть, но яко зверии дикий бываем».² В соответствующем слову «о одеждах и о обушах» третьем «запрещении» Иосиф указывает на то, что монах, не довольствующийся положенным ему количеством монастырских вещей (даже при системе «трех устроений»), «своя одежда и обуша да имат».³ Точно так же ставится вопрос и в послании Иосифа «некому о Христе брату», в значительной степени совпадающем по содержанию с соответствующими «словами» «Устава», — монаху здесь разрешается «святыя иконы и книги и вещи и сребреници и платиа по совету с настоятелем дръжати».⁴

Ярким свидетельством того, что принцип полной личной нестяжательности монахов, провозглашенный краткой редакцией «Устава», не соблюдался впоследствии (и вместе с тем — доказательством реального практического значения, которое имел этот принцип), может служить полемика преемника Иосифа, будущего митрополита Даниила, в бытность его игуменом Волоколамского монастыря (1515—1522 годы), с монахами этого же монастыря по вопросу о нестяжании. Даниил упрекал волоколамских иноков, что они держат «особенные вещи» «и продающе и купующе и росты на росты емлюще и особну рукодельствующе, сребро и злато копяще».⁵ В ответном послании иноки настаивали как раз на своем праве иметь деньги для того, чтобы «стяжати книги и иконы». Они ссылались на то, что «преподобный игумен Иосиф благословил нас и велел держати иконы и книги»,⁶ имея в виду, очевидно, последнюю (минейную) редакцию «Устава», где запрет владения книгами и иконами был снят.

Идея «евангельской нищеты» была хорошо известна волоколамским инокам и при игумене Данииле. Но идея эта, как мы видим, была достаточно растяжима и далеко не всегда толковалась в смысле полного «нестяжания» монахов: в XVI веке «евангельская нищета» не мешала монахам владеть иконами, книгами, деньгами и «особыми вещами».

В краткой редакции все эти уступки еще совершенно отсутствовали. Монах, живущий «в киновии», говорилось в «слове» об иконах и книгах, не должен даже употреблять слов «твое» или «мое», «сего» или «оного»; если же этот принцип не соблюдается, то «не подобает сия общая житиа нарицати, но разбойническаа съборища и святокрядения и всякого лукавства и злоба исполнена».⁷

Принцип нестяжания характерен не только для 5-го «слова» об иконах и книгах. Он развивается также в 4-м «слове» — «об одеждах и обушах».

Характеризуя краткую редакцию «Устава» в целом, мы можем выделить три основные темы, проходящие через этот памятник.

¹ ВМЧ, стлб. 523.

² ВМЧ, стлб. 527.

³ ВМЧ, стлб. 612. Разрядка наша, — Я. Л.

⁴ Дополнения к Актам историческим, I, СПб., 1846, № 211, стр. 359.

⁵ ГПБ, Соф. 1456, л. 42 об. Приведенное «слово о иноческом законе» не издано; см. нем.: В Жмакин. Митрополит Даниил..., стр. 663—671.

⁶ Р Жмакин. Митрополит Даниил..., приложение XIX, стр. 55 и 57.

⁷ Сол. 346/326, л. 26 об.

Первая из этих тем — личное нестяжание монахов. Вторая тема — строгая монашеская дисциплина: неуклонное соблюдение порядка во время молитвы и на трапезе («слова» 1 и 3), твердый распорядок дня монаха («слово» 6-е — «еже не беседовати по павечернице»), запрещение отлучек (кроме исключительных случаев) из монастыря («слово» 7), специальные меры против пьянства и разврата среди монахов («слово» 9 — «яко не подобает в обители быти питию»; «слово» 10 — «яко не подобает в обители жити отрочятю»; «слово» 11 — «яко не подобает в обители женскому входу быти»). Тема эта была полностью сохранена и даже развита в минейной редакции; но она занимала достаточно видное место и в первоначальной краткой редакции. Третья тема «Устава» — обязательность «рукоделая», постоянного (главным образом физического) труда для монахов. Этой теме посвящено «слово» 8 — «еже подобает потщитися всякому на съборное дело». Принцип общеобязательного «делания» проводился в краткой редакции с большой настойчивостью и последовательностью. Аргументы, которыми Иосиф Волоцкий доказывал необходимость труда, были довольно своеобразны и основывались, повидимому, на какой-то апокрифической литературе. После изгнания Адама из рая, по его словам, «хотяше диавол праздности ради во ин грех устремити его, рекше в отчаяние... Человеколюбивый же владыка, проувидев диавольское злокозньство, даст Адаму дело».¹ Труд, таким образом, происходит от бога, праздность — от дьявола. В минейной редакции «слово» о «соборном деле» было несколько сокращено, а ссылка на Адама — выпущена. Итак, согласно краткой редакции «Устава», монашество должно было основываться на принципах абсолютного личного нестяжания, строгой дисциплины и обязательного труда для всех монахов.

Перед нами, как мы видим, целая программа, повидимому, достаточно радикальная (иначе Иосифу и его преемникам не пришлось бы от нее отрекаться впоследствии). Такая программа могла, очевидно, привлекать к себе приверженцев и увлекать их. Эти особенности краткой редакции «Устава» Иосифа Волоцкого дают, на наш взгляд, некоторые основания для того, чтобы заново поставить старый вопрос: о соотношениях между взглядами Иосифа Волоцкого и воззрениями нестяжателей и, в особенности, первого провозвестника и идеолога этого направления — Нила Сорского.

Традиционный взгляд на «презлых иосифлян» и «заволжских старцев», сложившийся в дореволюционной историографии, был, как мы уже указывали, чрезвычайно односторонним. Нил Сорский рассматривался как абсолютный антипод Иосифа Волоцкого, как воплощение идеи «нравственной свободы» в противовес «догматизму» и «фанатизму» иосифлян.² Опираясь в основном на материалы, относящиеся к XVI веку, историки доказывали, что Нил, в отличие от Иосифа, был противником расправы над еретиками и даже в некоторых отношениях сам был к ним близок, они всячески подчеркивали враждебность обоих «старцев» друг другу и их взаимную полемику (особенно по вопросам стяжания и нестяжания).

А между тем материал конца XV века и, в особенности, сочинения Нила Сорского вовсе не свидетельствуют об абсолютном антагонизме

¹ См.: Сол. 346/326, л. 34.

² Ср.: В. Жмакин Митрополит Даниил..., стр. 33—35 и 107; А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, ч. I, Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882; Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1898; М. С. Боровкова-Майкова. 1) К литературной деятельности Нила Сорского. СПб., 1911; 2) Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912 (в дальнейшем: Предание и Устав).

между Нилом и Иосифом. Конечно, между религиозно-философскими и практически-церковными воззрениями обоих крупнейших церковных деятелей XV века имелись существенные расхождения (идея духовного самосовершенствования у Нила и внешней обрядности у Иосифа, скитство и монашеское «общежитие»); расхождения эти впоследствии стали зерном, из которого выросли враждебные программы нестяжателей и иосифлян. Но в конце XV века в сочинениях обоих авторов яснее выступали черты сродства, нежели черты различия. Нил Сорский не только никогда не был связан с еретиками, но никогда и не выступал против расправы с ними; наоборот, именно у него искал помощи против еретиков один из активнейших «обличителей» ереси, новгородский архиепископ Геннадий.¹ В сочинениях Нила Сорского нет ни выражения враждебности Иосифу Волоцкому, ни полемики с ним. Вопреки традиционному историографическому представлению, Нил Сорский при жизни Иосифа и его ближайших преемников был среди иосифлян одним из популярнейших и наиболее часто переписываемых русских авторов.² До нас дошли рукописи сочинений Нила, переписанные племянником и ближайшим сподвижником Иосифа Волоцкого, Досифеем Топорковым,³ уже известным нам Нилом Полевым⁴ Дионисием Звенигородским,⁵ волоколамским игуменом Ефимием Турковым (вместе с сочинениями Иосифа),⁶ а также рядом других монахов Волоколамского монастыря конца XV—первой половины XVI века.⁷ Интерес этих иосифлянских монахов к творчеству Нила Сорского не случаен: двое из них, Нил Полев и Дионисий Звенигородский, как сообщает житие Иосифа, получили даже благословение своего «отца» (Иосифа) на то, чтобы поселиться у «отца Нила», «иже снйаше тогда, яко светило в пустыни на Беле озере».⁸ Как Нил Полев, так и другие сподвижники Иосифа, переписывая сочинения Нила Сорского, преподносили их в Волоколамский монастырь, ясно показывая этим, что в их глазах это были не писания врага, а «богодухновенная писания», достойные стать вкладом, обеспечивающим переписчику заупокойное поминовение.⁹ С другой стороны, до нас дошел сборник, составленный учеником Нила Гурием Туши-

¹ См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 128—129.

² На это обстоятельство отчасти обратила уже внимание М. С. Боровкова-Майкова: К литературной деятельности Нила Сорского, стр. 7 (ср.: Предание и Устав, стр. XV—XVI).

³ ГИМ, Епарх. 342/485, л. 5 — автограф «грубого Досифея».

⁴ ГИМ, Епарх. 349/509, л. 195 об. — «Списание инока Нила пустытника заволжского»; это не может быть Нил Сорский, так как на л. 84 списатель рукописи говорит о Ниле Сорском как о третьем лице и покойнике. Почерк рукописи идентичен почерку аннотированных рукописей Нила Полева.

⁵ ГИМ, Епарх. 351/518.

⁶ ГПБ, Q XVII 50

⁷ ГИМ, Епарх. 356/475, 343/493, 350/510, 344/494.

⁸ Житие Иосифа, составленное неизвестным, изд. К. Невоструева (оттиск из «Чтений Общества любителей духовного просвещения», 1865, ч. 1), стр. 126—127; Чтения ОИДР, 1903, кн. III, стр. 20.

⁹ Очень характерна в этом отношении приписка Нила Полева к сборнику сочинений Нила Сорского, переписанному им уже после смерти автора (т. е., очевидно, уже после столкновения Полева и Дионисия Звенигородского с «заволжскими старцами» в 1508—1511 годах): «Конец богодухновенным словесем достиже от старца Нила иже суть на Белеозере в Сорьской пустыни мужскы подвижася на диавола (в наша лета последнего рода), чюствене же и мыслене. От сих убо разумно есть богодухновенных его душеполезных списаний, яко делатель бысть добродетелем и сих возделев в винограде сердца своего, отиде к любящему его Христу, нам же, якоже некий залог, оставив богодухновенная писания своя душеполезная» (ГИМ, Епарх. 349/509, л. 84). Эта характеристика Нила Сорского впоследствии неоднократно переписывалась в различных позднейших списках (например БЛ, Троицк. 799, л. 148; ср.: Предание и Устав, Приложение, стр. XIV).

ным и содержащий (наряду с ярко нестяжательским материалом) краткую редакцию «Устава» Иосифа.¹

Не дают достаточных оснований для резкого противопоставления Нила Сорского Иосифу Волоцкому и собственно нестяжательские взгляды Нила. Говоря об этой стороне его мировоззрения, следует иметь в виду, что в творчестве самого сорского отшельника нестяжательство не получило еще той конкретной формы борьбы против монастырского землевладения, которую оно приобрело у его преемников. Единственное прямое известие о выступлении Нила Сорского против монастырских «сел» содержится в рассказе о соборе 1503 г., относящемся к довольно позднему (середине XVI века) времени. Насколько этот рассказ достоверен — мы здесь говорить не будем; пока же отметим только, что во всяком случае до 1503 г. Нил Сорский в своих сочинениях прямо не выступал за ликвидацию монастырского землевладения. В сочинениях Нила мы можем найти только общие и косвенные указания на его позицию в этом вопросе. Нил Сорский говорил, например, что «стяжания же, иже от чюжих трудов събираема, вносити отнюд несть нам на пользу».² Большинство же высказываний Нила Сорского по вопросу о нестяжании имеет в виду именно личное нестяжание (и вообще личное совершенствование) монахов. «Не делаяй... да не яст», — писал Нил, призывая монахов к «рукоделию».³ «Не токмо же злата и сребра, имений подобает ошаятися нам, — указывал он в «Уставе», — но и всяких вещей, разве нуждныя потребы, и в одеждах, и в обуздах, и в созиданиях келиа, и в сосудех, и в всяких орудиях. И вся сия немногоченна и неукрашенна и удобь обретна и к молвам неподвижуща подобает имети нам».⁴ В этом же смысле выступает против стяжаний Нил и в переведенном им поучении «о мнисех кружающих стяжаний ради».⁵

Высказывания такого рода обычно рассматривались исследователями как наиболее важная и принципиальная черта в идеологии нестяжателей и их провозвестника — Нила Сорского. Приводя уже процитированные нами слова Нила о необходимости для монахов «ошаятися» личной собственностью, М. С. Боровкова-Майкова отметила, что именно эти слова составляют «наиболее отличительную черту всей заволжской школы».⁶ Н. К. Никольский указывал, что призыв нестяжателей «раздавати вся имениа своя», легший в основу «Предания» Нила Сорского, вызывал «сильные возражения со стороны преподобного Иосифа Волоцкого».⁷

Сопоставление приведенных высказываний Нила Сорского с краткой редакцией «Устава» Иосифа Волоцкого дает нам основания для совершенно противоположного вывода. Идея личного нестяжания монахов, являвшаяся, по мнению исследователей, «наиболее отличительной чертой» мировоззрения Нила, не только не вызывала возражений

¹ ГПБ, Соф. 1451 (принадлежность сборника Тушину устанавливается совпадением основного почерка с рукописями Тушина; ср. Н. Никольский. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре, «Христианское чтение», 1907, т. ССXXIV, ч. I, стр. 174 и сл.). Ср. Соф. 1460, 1471, 1489.

² Предание и Устав, стр. 6, ср. стр. 59, 81; ср. также: ГПБ, Q.XVII.50, лл. 71—71 об.

³ Предание и Устав, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ См. А. С. Архангельский, ук. соч., стр. 72. М. С. Боровкова-Майкова. (К литературной деятельности Нила Сорского, стр. 3) доказала, что произведение является переводным, но это не лишает его значения для характеристики взглядов Нила.

⁶ М. С. Боровкова-Майкова. Великий старец Нил, пустынный Сорский. Без г. и м. изд., стр. 8.

⁷ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря... стр. XXXI—XXXII.

со стороны Иосифа Волоцкого (во всяком случае в ранний период его деятельности), но получила в его творчестве определенное и отчасти даже более яркое выражение, чем у Нила.

Как и Нил, Иосиф цитировал апостольские слова: «кто не хочет делати, да не ясть».¹ Доказывая необходимость «делания», он ссылался даже, как мы видели, на пример Адама. Иосиф не только решительно выступал против «стяжания вещного», но требовал полного отсутствия у монаха всякой личной собственности (включая иконы и священные книги). Нил Сорский оказывался в этом случае даже менее решительным нестяжателем, чем Иосиф Волоцкий. Нил настаивал только на том, чтобы вещи иноков были «немногоценны и неукрашены и удобь обретны»,² чтобы иноки не владели «излишним».³ В то время как Иосиф требовал «да не имаши власти ни над чашею», Нил не рекомендовал только иметь в кельях «съсуды и прочая вещи многоценны и украшены»,⁴ «сосуды злата и сребрены».⁵ Не высказывался Нил Сорский прямо и против владения иконами и книгами. В других вопросах монашеского уклада (запрещение самовольного ухода из обители, недопущение в обитель «мирских», запрещение пьянства и пресыщения, недопущение в монастырь женщин и молодых отрочат) оба церковных деятеля были вполне согласны.

Нам представляется, таким образом, что вопреки традиционному представлению воззрения Нила Сорского и Иосифа Волоцкого не были противоположными, наоборот, между ними существовали (до начала XVI века) черты близости. Нил Сорский, несомненно, стремился к определенным преобразованиям и усовершенствованиям в церкви, но смысл этих преобразований заключался не в уничтожении, а в усовершенствовании церковно-монашеского уклада. Такова же была, как мы видели, и цель программы, предложенной Иосифом Волоцким в краткой редакции его «Устава».

Краткая редакция «Устава» Иосифа в гораздо большей степени, чем минейная, соответствует характеристике, данной этому памятнику Б. А. Рыбаковым; она действительно представляет собой программу реформы, которая должна была «встряхнуть» «тихие обители», перевооружить их и придать им более пристойный облик.⁶

Чем же вызывалась необходимость такой реформы? Краткая редакция и в этом отношении гораздо красноречивее минейной. В отличие от «Духовной грамоты», «Словеса аввы Иосифа от божественных писаний о жителстве общежителнем» в очень малой степени представляют собой реальный устав монастыря, тем более какого-то определенного монастыря. Конкретные правила внутреннего распорядка появляются в основном в минейной редакции — в «Духовной грамоте». Краткая редакция — это в первую очередь именно программа реформы. Анализ же этой программы и, в особенности, тех ее частей, которые были затем удалены в минейной редакции, ясно показывает нам против кого она была направлена и в борьбе с каким противником создавалась.

Особенно показательно в этом отношении «слово» 1 «о соборной молитве». В это «слово», как мы уже отметили, включены значительные выдержки из «Сказания» о поклонении различным предметам — сочине-

¹ Сол. 346/326; л. 32; ср. л. 32 об.

² Предание и Устав, стр. 47.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 9.

⁵ Там же, стр. 8.

⁶ Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в., стр. 28.

ния, направленного против новгородских еретиков (будущего 7-го «слова» «Просветителя»). И уже то обстоятельство, что отрывки из этого полемического сочинения против еретиков могли быть перенесены в «Словеса о жительстве общежительнем», свидетельствует о близости обоих памятников и их одинаковой направленности. Детальный анализ общих мест «Сказания» и «слова о молитве» подтверждает этот факт.

Займствования из «Сказания» в первом «слове» «Устава» касаются в общем одного вопроса: о людях, нарушающих «благочиние церковной молитвы». В минейной редакции, где эти займствованные из «Сказания» места были значительно сокращены (по сравнению с краткой редакцией), их полемическая острота в значительной степени сглажена: можно подумывать, что речь здесь действительно идет о простых нарушителях порядка, отвлекающихся во время молитвы бытовыми разговорами.¹ Однако значительно более полный текст в краткой редакции (а также самый подробный текст в оригинале — в «Сказании» о поклонении различным предметам) не оставляет сомнения в том, что объектом нападок Иосифа являются гораздо более опасные противники. Прежде всего противники эти, превращающие «храм божий» в «пещеру разбойническую», не только ведут там мирские разговоры, но настаивают на своем праве вести их, ибо речь идет о насущнейших нуждах: «яко зле имамы яже о вещех неуправленая, — заявляют они, — яко же о жительстве нашем нужнаа требованиа».² Речь идет, стало быть, не просто об отвлечении от церковной молитвы, а о «нужных требованиях», которые противники Иосифа заявляют в церкви. Текст «Сказания» полностью расшифровывает смысл этих «нужных требований», ибо в нем содержатся слова тех же оппонентов автора, что в мире одни «множатся в куплях», а другие «оскудевают». Автор предостерегает этих лиц: даже если они «приобретут» какое-нибудь «богатство» «не от правды», то оно, по его словам, не пойдет им на пользу.³ О том, что перед нами именно выступления против людей, поднимающих «мятеж и молву» в церкви, свидетельствует и дальнейший текст, процитированный в краткой редакции «Устава» (и выпущенный в минейной редакции). Автор советует «взустити» (принудить к молчанию) этих «окаянных» и изгнать их из церкви и сравнивает их с буйными сумасшедшими, противящимися врачу: «врачеву множицею ризу растерза боляй и обесчести и укори и оплева».⁴ Перед нами, следовательно, не скромные нарушители дисциплины, а яростные враги, способные «обесчестить, укорить и оплевать» обличителя — «врача».

Враждебность к еретикам обнаруживается не только в тех местах краткой редакции, которые займствованы из «Сказания» о поклонении различным предметам. В восьмом «слове» краткой редакции «Устава», никак с этим «Сказанием» не связанном, содержится специальное поучение против насмешников — людей, «творящих глумы и смехи». Смысл этих «глумов», против которых выступает Иосиф Волоцкий, снова раскрывается из текста, сохранившегося только в краткой редакции и опущенного в минейной. Больше всего, как мы узнаем, возмущает автора то обстоятельство, что «неции» не только сами «творяют глумы», но и «нищих симь учят». В чем же эти «глумы» заключаются? В тексте следуют примеры. Некий «великомудрствующий в разуме», подымая «опаницу» (заздравную чару), возглашал тост за то, чтобы не «прогневалось чрево»;

¹ ВМЧ, стлб 507—509.

² Сол. 346/326, л. 16 об. Ср.: ВМЧ, стлб. 509.

³ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук соч, стр 355.

⁴ Сол. 346/326, л. 17. Ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 356.

другие восклицали: «Горе тебе, мамона (богатство, — Я. Л.), и неимущимь тебе!».¹ «Глумы», против которых выступает автор-церковник, это опять мирские темы (бедность и богатство; потребности «чрева», противоречащие требованиям аскетизма), вторгающиеся в церковь по вине неких «великомудрствующих» и распространяющиеся между «нищими» и «сущими в скорбях».

Классовое лицо краткой редакции «Устава» обнаруживается не только из противоречивых высказываний автора. Очень характерно в этом отношении и упомянутое выше рассуждение Иосифа о том, что «праздность» — порождение дьявола, а труд — бога. Как и его противники, еретики, Иосиф здесь, повидимому, обращался к апокрифической литературе: легенда о дьяволе и об Адаме читается, например, у такого характерного представителя свободомыслия XVI века, как Иван Пересветов. Но смысл этой легенды у обоих авторов различный: вольнодумец Пересветов считал дьявола, взявшего «запись» у Адама, родоначальником «порабощения»;² волоколамский игумен, наоборот, связывал с дьяволом «праздность»; еретики боролись против всякого «закабаления»,³ Иосиф Волоцкий прославлял «труд». Обращенная к монахам проповедь его звучала как призыв к «рукоделию», но, адресованная ко всему трудящемуся «миру» феодального общества, она получила гораздо более широкий классовый смысл.

Как и «Просветитель» Иосифа Волоцкого, краткая редакция его «Устава» была порождена борьбой с еретическими движениями. Но борьба с еретиками на почве церковной практики была во многих отношениях более сложным и трудным делом, чем борьба с ними на теоретической почве. Здесь нельзя было ограничиться изложением и разъяснением основных учений православной церкви. Как и их предшественники — стригольники, новгородско-московские еретики критиковали официальную церковь, в частности, именно за несоответствие между ее учениями и делами, ее высокими принципами и низменной практикой. В «Сказании» о поклонении различным предметам Иосифу приходилось даже специально защищаться от своих оппонентов в связи с их склонностью «пасти пастьрей» — критиковать духовенство.⁴ Но бороться с критикой такого рода одними «обличениями» было невозможно. «Нужнаа требования», выдвигаемые вольнодумцами, находили, очевидно, достаточно широкий отклик со стороны «сущих в скорбях». Необходимо было как-то ответить на эти «нужнаа требования», в чем-то даже, может быть, уступить им, с тем, конечно, чтобы спасти от нападков и самую церковь и всю систему церковного устройства и иерархии.

Внутренние реформы церковного и особенно монастырского уклада как ответ на критику со стороны еретиков — явление, весьма распространенное в истории средневековой церкви. «Нищенствующие ордена» монахов на Западе (францисканцы, доминиканцы и т. д.) возникли в значительной степени как ответ католической церкви на еретические движения альбигойцев, вальденсов и др.⁵ Характерно, что и на Руси XV века общежительный устав (устав Ефросина) был введен впервые именно во Пскове, представлявшем собой в то время центр стригольнического движения.

¹ Сол. 346/326, л. 36. Ср.: ВМЧ, стлб. 532.

² Сочинения И. С. Пересветова. М.—Л., 1955, стр. 180—181 и 324—325.

³ Там же, стр. 157.

⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 340. Ср.: «Просветитель», стр. 267—268.

⁵ Ср.: Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в., стр. 26.

Точная дата составления краткой редакции «Устава» Иосифа неизвестна — на основании внешнего анализа рукописи мы можем сказать только, что памятник этот создан до 1514 года (дата «вклада» рукописи). Содержание краткой редакции позволяет, однако, сделать ряд предположений об обстоятельствах ее появления. «Устав» Иосифа возник, очевидно, в обстановке борьбы с новгородско-московской ересью, в тот период, когда еретическое движение представляло собой еще действительную и серьезную силу: как и в своих ранних противоеретических произведениях (написанных до «Просветителя»), Иосиф, говоря о еретиках, не позволяет себе здесь ни резких выпадов, ни грубых эпитетов по их адресу. Еретической критике церковной практики, находившей, видимо, достаточное число слушателей, Иосиф Волоцкий противопоставлял в этом сочинении некий положительный идеал. Таким идеалом было, по его мысли, общее усердие и совершенствование церкви и монашества и, в частности, принцип нестяжательного общежития монахов.

III

Для понимания дальнейшей эволюции воззрений Иосифа Волоцкого, отразившейся в различных редакциях его «Устава», необходимо учитывать важнейшие события в истории русской общественной мысли, относящиеся к началу XVI века, — разгром еретического движения и отказ великокняжеской власти от планов секуляризации монастырских земель. Обстоятельства, при которых совершились эти события, нам известны чрезвычайно плохо. Еще до церковного собора 1503 года, Иван III, как можно предполагать на основании послания Иосифа Волоцкого Митрофану, отказался от той временной поддержки, которую он оказывал еретическому кружку Федора Курицына, и обещал Иосифу Волоцкому (во время личного с ним свидания) «обыскати» еретиков. Есть основания предполагать, что эта уступка была сделана Иваном III с определенным расчетом: недаром после беседы с Иосифом, в 1503 году, Иван III решился поставить вопрос о монастырском землевладении на церковном соборе. Видимо, великий князь рассчитывал на поддержку (активную или пассивную) каких-то элементов внутри самой церкви.¹

До нас дошли только два постановления собора 1503 года — о невзимании платы за поставление на священнические, дьяконские и другие духовные должности и о мерах по охране нравственности священников и монахов (недопущение вдовых попов к исполнению священнических обязанностей и запрещение совместного проживания в монастыре монахов и монахинь).² Мероприятия эти, по всей видимости, связаны с критическими замечаниями еретиков по адресу духовенства и с реформаторскими планами Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Однако к вопросу о секуляризации монастырских земель эти мероприятия прямого отношения не имели.

Стремясь раскрыть историю обсуждения вопроса о монастырском землевладении на соборе 1503 года, историки обращаются обычно к литературно-полемическим памятникам более позднего времени: к «собранию инока пустытника Васьяна на Иосифа, игумена Волоцкого, от святых правил и от многих книг» и, в особенности, к так называемому «Письму о нелюбках старцев Кирилова и Иосифова монастыря». Однако между памятниками этими имеется существенное расхождение: если «собрание Ва-

¹ Ср.: А. А. Зимин. 1) Княжеские духовные грамоты XVI в. «Исторические записки», кн 27, стр. 270—271; 2) О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 171.

² Акты Археографической экспедиции (ААЭ), т. I, №№ 382—383.

сиана» (в реплике, влагаемой в уста Иосифу) приписывает инициативу возбуждения вопроса о монастырской земле Ивану III, который созвал этот собор формально «попов ради, иже держаше наложницы, паче же рещи: восхоте отнимати села у святых церквей и монастырей»,¹ то в «Письме о нелюбках» главная роль в этом деле приписывается Нилу: «Егда свершися собор о вдовых попех и диаконах, и нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернцы по пустыням, а кормил и бы ся рукоделием».² Кроме того, ценность «Письма о нелюбках» значительно ослабляется тем обстоятельством, что автор его (писавший, повидимому, около 40-х годов XVI века) допустил явные неточности в рассказе о соборе 1503 года: по его словам, на соборе был «старец Паисея Ярославов», умерший в действительности в 1502 году.³

Дошедший до нас (но до сих пор, к сожалению, не изданный) современный текст «соборного ответа» 1503 года знает только две стороны в споре о «селах и землях» церкви: великого князя, с одной стороны, и «митрополита Симона со всем освещенным собором» — с другой. Иван III явно упрявился, и собору пришлось трижды посылать к нему своего представителя, дьяка Леваша, с новыми доказательствами в пользу «стяжания церковного».⁴ Ни Иосиф Волоцкий, ни Нил Сорский в «соборном ответе» ни прямо, ни косвенно не упоминаются.

Следует ли из этого, что мы должны полностью отвергнуть известие «Письма о нелюбках» и считать участие Нила Сорского (и Иосифа) в споре о церковном землевладении в 1503 году более поздним вымыслом? Такой вывод представлялся бы нам поспешным. О приглашении «Нила и Иосифа» в Москву во время собора 1503 года сообщает и «собрание Вассиана»;⁵ о том, что «о стяжании сел монастырем» во время собора «болели» некие «отцы, иже безмолвное и уединенное житие проходящие и любящие отеческая учения о нестяжании», сообщает и житие Иосифа.⁶ Таким образом, если прямое выступление Нила на соборе 1503 года (особенно в роли инициатора постановки вопроса о «монастырских селах») и не доказано, то во всяком случае участие его в спорах, которые возникли вокруг этого вопроса в связи с рассмотрением его на соборе, весьма вероятно.

Так или иначе, провести в жизнь задуманный им план секуляризации монастырских земель Ивану III не удалось. Настойчивое сопротивление «отцов собора» свидетельствовало о непреклонности духовных феодалов в этом вопросе, а идти на открытый конфликт с духовенством великокняжеская власть не могла. XVI век был временем ожесточенной классовой борьбы в Русском государстве; внутри самого класса феодалов росла оппозиция централизованному государству со стороны княжеско-боярской верхушки. Духовные феодалы, несомненно, представляли меньшую опасность, чем княжата, — они в меньшей мере претендовали на политическую власть, они не грозили «отъездами»; в течение всего XVI века государственная власть, как правило, поддерживала дружественные отношения с церковью. Начало этим дружественным отношениям положил уже

¹ «Православный собеседник», 1863, ч. III, стр. 206.

² Прибавления к творениям св. отцов, ч. X, 1851, стр. 505.

³ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, стр. XV—XII. Ср.: А. А. Зимин. Княжеские духовные грамоты XVI в., стр. 270—271, прим. 31.

⁴ А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I. Одесса, 1871, стр. 42—47.

⁵ «Православный собеседник», 1863, ч. III, стр. 206.

⁶ Житие Иосифа, составленное неизвестным, стр. 115. — Чтения ОИДР, 1903, кн. III, стр. 37.

Иван III: конец его княжения был ознаменован жестокой расправой над еретиками (1504 год) и дружбой с Иосифом Волоцким.

Укрепление связи между верхушкой церкви и великокняжеской властью сказывается и на идеологии церковников. Очень наглядно изменение в позиции «обличителей» можно проследить на «Просветителе» Иосифа Волоцкого. Первая, одиннадцатисловная редакция этого памятника была создана, как мы можем предполагать, в 1503—1504 годах — в период подготовки собора против еретиков.¹ В состав «Просветителя» было включено (в качестве его 7-го «слова») «Сказание» о поклонении различным предметам — одно из трех «слов», приложенных к «посланию иконописцу»; все резкие выпады против «царя-мучителя», содержащиеся в этом «сказании», сохранились в «книге на еретиков». Вторая, пространная редакция «Просветителя» была составлена несколько лет спустя, по видимому около 1511 года, уже после разгрома еретиков и перехода Волоколамского монастыря под патронат великого князя Василия III (1507 год). В заключительном, 16-м, «слове» этой редакции Иосиф писал, что «царь убо естеством подобен всем человеком, а властью же подобен есть вышнему богу».

Параллельно с переработкой и расширением «Просветителя» Иосифа происходила переработка и расширение его «Устава». Краткая редакция «Устава» была, как мы уже указывали, составлена в период полемики с еретиками. Уточнить датировку минейной редакции «Устава» помогает одно обстоятельство. В отличие от краткой редакции «Устава», минейная редакция содержит вполне определенные высказывания автора против нестяжательства, ставшего в начале XVI века довольно широким и влиятельным идеологическим движением в Русском государстве. Если раньше в подтверждение идеи личного нестяжания Иосиф готов был сослаться на авторитет монахов, живущих в «пустыне»,² т. е. представителей той группы монашества, которую особенно поддерживали нестяжатели, то теперь в «слово» «об одежах и обушах» делается вставка, подчеркивающая, что истинное нестяжание возможно только в «киновии» (общежительном монастыре): «Добродетель же сию исправити неудобно не в киневии пребывающим, в нем бо и о самых нужных потребах безпечалие имамы».³ В минейную редакцию «Устава» была введена совершенно новая, 10-я, глава: «Отвещание любозазорным и сказание вкратце о святых отцах в монастырех, иже в Рустей земли сущих»,⁴ специально посвященная (как отметил уже И. Хрущов⁵) полемике с нестяжателями. В «Отвещании» Иосиф еще раз подчеркивал значение «общежительных преданий» и доказывал преимущество общежития над различными видами анахоретства: «Где убо суть глаголюще, яко лучши есть жити, идеже несть никоторая тягость, ни нужда, ни запрещения, но яко же кто восхощет, тако жительствует?».⁶

Но наибольшую ценность для датировки минейной редакции «Устава» представляет, несомненно, вступительная часть «Отвещания любозазорным», написанная в форме прямой полемики с не названным по имени противником. «Аще ли кто есть презорив, велехвален, высокошиав, величав, укаря благое и любя зазоры и глаголя, еже в предних летех святии

¹ Подробнее о датировке «Просветителя» см. в нашем исследовании: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 442—444.

² Сол. 346/326, л. 28; см. ниже, стр. 139. Скитничество, как один из возможных видов монашества, не отвергал и ученик Иосифа митрополит Даниил (В. Жмакин. Митрополит Даниил..., стр. 658—663).

³ ВМЧ, стлб. 522.

⁴ ВМЧ, стлб. 546—563.

⁵ И. Хрущов, ук. соч., стр. 80.

⁶ ВМЧ, стлб. 561.

отци наши поучения и предания общежительная писанием изложиша, ныне же не подобает тако творити, но токмо словом наказовати», — пишет Иосиф и далее спорит с этим мнением, доказывая, что суждения, соответствующие «божественным писаниям», можно излагать «словесы же и писанием».¹ Кто этот «величавый» оппонент Иосифа, запрещавший ему излагать «общежительная предания», — узнать не трудно. Это, конечно, не Нил Сорский — Нил не любил «зазоров», не вел ни с кем прямой полемики, и его никак нельзя было обвинить в «велехвальности», «величавости» и т. д. С полным основанием зато можно было отнести эти эпитеты к преемнику Нила — «старцу Васиану», князю Вассиану Патрикееву, постриженному в 1499 году в монахи как раз за «высокоумие» в дипломатических делах, резкою полемисту, который в течение многих лет едко критиковал и «укорял» Иосифа.²

Обратившись к сочинениям Вассиана, мы действительно обнаруживаем там аргументы, сходные с теми, против которых спорил Иосиф. В «Собрании от многих книг», памятнике, в котором Вассиан в своеобразной диалогической форме излагал все свои основные разногласия с Иосифом (иронически именуя его «мужем, мневшем себе мудра быти»), содержится особое предостережение против авторов новых «писаний»: «Аще ли кто что нововведет или что приложит, или уложит, кроме Еуангелиа и Апостола и правил — и в светых правилах сего иноязычника и мытаря имеет и проклятию предает».³

Однако «Собрание от многих книг» не было, повидимому, первым произведением, в котором Вассиан излагал эту мысль. В основе «Собрания», как убедительно показала Н. А. Казакова, лежат более ранние сочинения князя-инока, прямо цитируемые автором в «Собрании», в том числе его полемический ответ на одно из «слов» Иосифа Волоцкого о наказании еретиков (недавно найденный и опубликованный Н. А. Соколовым).⁴ В этом ответе мы действительно читаем то же предостережение, что и в «Собрании»: «И аще что кто нововведет или что приложит или уложит

¹ ВМЧ, стлб. 547.

² Не останавливаясь в настоящей работе на этом вопросе подробнее, отметим, что, по нашему мнению, деятельность «старца Вассиана» относится вообще к иному периоду в истории русских идеологических движений, нежели деятельность его учителя Нила Сорского. Вопреки мнению ряда историков (например, В. Жмакина, мнение которого по этому вопросу совершенно не аргументировано), Вассиан Патрикеев не принимал участия в споре о землевладении в 1503 году (ср.: А. С. Павлов, ук. соч., стр. 65, прим. 1). В сочинениях самого Вассиана, в частности в его полемическом диалоге с Иосифом Волоцким («Православный собеседник», 1863, III, стр. 206—207), не только нет ни слова о его участии в полемике, возникшей на соборе 1503 года, но прямо указывается, что Вассиан «прииде на Москву» не во время собора, а «иногда» (т. е. в иное время); «Письмо о нелюбках» сообщает, что Вассиан вступил в спор с иосифлянами, «как не стало старца Нила», т. е. после смерти Нила Сорского в 1508 году (Прибавление к творениям св. отцов, X, стр. 505). Есть серьезные основания связывать это первое открытое выступление нестяжателей против иосифлян с полемикой, возникшей в 1508—1511 годах, после столкновения Иосифа Волоцкого с новгородским архиепископом Серапионом. В пользу этого говорит послание неизвестного автора Иосифу, в котором автор, защищая Серапиона, выступает с явно нестяжательных позиций (В. Ф. Р ж и г а. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей». Известия АН ОГН, 1929, № 9, стр. 812), и, в особенности, письмо одного из сподвижников Иосифа, Нила Полева, нестяжателю Герману; из письма выясняется, что до дела Серапиона между ним и нестяжателями существовала «духовная любовь», а после начала этого дела начались столкновения (В. Ж м а к и н, Нил Полев. ЖМНП, 1881, № 8, ч. 216, стр. 189—196).

³ «Православный собеседник», 1863, ч. III, стр. 202.

⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., Приложение, стр. 521. Вывод о принадлежности ответа на 12-е «слово» Вассиану и об использовании этого ответа в «Собрании» содержится в еще не опубликованной работе Н. А. Казаковой, содержание которой любезно сообщено нам автором.

кроме Евангелия и Апостола и святых правил, — и в святых правилах сего иноязычником и мытарем именует и проклятию предает».¹

Когда же написано это полемическое сочинение Вассиана? Как и другие произведения князя-инока его ответ Иосифу по вопросу о наказании еретиков построен в форме своеобразного диалога:² автор дает сперва заголовок сочинения своего противника: «Слово 12-е на ересь новгородских еретиков, глаголющих, яко не подобает еретиков осуждати, ни проклинати, ни заточати», а затем отвечает на него: «Мы же противу сему речем...», доказывая, что нераскаившихся еретиков действительно следует наказывать (в этом он солидарен с Иосифом), но зато раскаившихся надо прощать (в этом он с ним расходится). Итак, сочинение Вассиана — ответ на некое «слово 12-е» его противника. Наименование это на первый взгляд может дезориентировать читателя — у Иосифа Волоцкого действительно есть «слово» о необходимости наказания еретиков, но «слово» это именуется в «Просветителе» тринадцатым; более ранняя его редакция, существовавшая отдельно от «Просветителя», вообще не имела никакого порядкового номера.³ Однако, обратившись к истории «Просветителя», мы, повидимому, можем найти объяснение этого наименования сочинения, против которого спорит Вассиан. «Книга на новгородских еретиков» Иосифа Волоцкого существовала в двух редакциях — в краткой редакции в 11 «слов» и в пространной редакции, состоявшей из 16 «слов». Однако на какой-то стадии своего существования (по всей видимости, еще при жизни автора) пространная редакция «Просветителя» была подвергнута существенной переделке: 12-е «слово» книги, направленное против иерарха-еретика, несправедливо проклинающего кого-нибудь из православных, было изъято (в оригинале вырвано) из состава книги; в большинстве дошедших до нас списков пространной редакции «Просветителя» это «слово» отсутствует. Но поскольку это «слово» было удалено, то тем самым становилось двенадцатым следующее за ним, 13-е «слово», посвященное вопросу о наказании еретиков; в целом ряде списков «Просветителя» действительно нумерация изменена, и 13-е «слово» именуется 12-м.⁴ Так получает объяснение заголовок полемического сочинения Вассиана: этот полемический ответ на 12-е (бывшее 13-е) «слово» мог быть написан только после того, как была составлена пространная редакция «Просветителя» и первоначальное 12-е «слово» было удалено из этой редакции. Когда же это произошло? Пространная редакция «Просветителя» была составлена, повидимому, не ранее 1510—1511 годов;⁵ удаление первоначального 12-го «слова» из этой редакции должно было быть произведено, следовательно, еще позже.⁶ Только после этой

¹ Там же, стр. 522.

² В такой форме, как уже было сказано, написано «Собрание... на Иосифа... от многих книг» («Православный собеседник», ч. III, 1863, стр. 200—210). В такой же форме написано и близкое к Вассиану по своему стилю и содержанию «Послание кирилловых и заволжских старцев» против Иосифа (ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 510—513).

³ См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 486 и сл.

⁴ См., например, следующие списки «Просветителя»: ГПБ, ОЛДП, Q.771, л. 343—350; Егор. 1650; ГИМ, Увар. 856; ГИМ, Единоверч., 18; ГИМ, Синод. 548; ГИМ, Епарх. 754. Ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 448, прим. 2.

⁵ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч., стр. 452, 455—456.

⁶ Причиной исключения первоначального 12-го «слова» представляется нам, вслед за А. А. Зиминным, неудачное для Иосифа окончание его ссоры с Серапионом (1511 год). Хотя 12-е «слово» было направлено против иерарха-еретика, а Серапиона формально никто в ереси не обвинял, но тем не менее ситуация, нарисованная в этом «слове» (иерарх, несправедливо проклинающий православного), могла восприниматься как обидный намек на Серапиона (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, ук. соч. стр. 460, прим. 1).

переделки «Просветителя» мог появиться полемический ответ на 12-е (бывш. 13-е) «слово». И, наконец, последним этапом в этой литературной полемике следует считать минейную редакцию «Устава», включающую «Отвещание любозазорным». Иначе говоря, минейная редакция «Устава» Иосифа действительно является как бы «духовной грамотой» волоцкого игумена — поздним сочинением, созданным незадолго до смерти (1515 год).

В чем же особенности минейной редакции «Устава» Иосифа Волоцкого? При разборе краткой редакции «Устава» мы отчасти уже касались этих особенностей. Значительно расширив текст «Устава» в целом (дополнив основные «слова» еще их кратким переложением, «преданиями» и «запрещениями»), составитель внес в первоначальный текст одно наиболее принципиальное изменение: отменил запрещение всякой личной собственности и ввел систему трех различных «устроений» для разных категорий монахов. «Три устроения» появились в «слове о пищах и о питии» и в «слове об одежах и обуцах».¹

Практический смысл этой новой системы «трех устроений» представляется довольно очевидным. Совершенно прав, по нашему мнению, Б. А. Рыбаков, указывающий на то, что «монахи в монастыре резко делились на группы в зависимости от их общественного и имущественного положения до пострижения».² В доказательство этого Б. А. Рыбаков привел обильный материал из источников XVI века: замечания Ивана IV в его послании в Кирилло-Белозерский монастырь о разном режиме, устанавливаемом там для бывших «бояр» и «холопов», прямое указание «Стоглава» на то, что в тех случаях, когда «в великих монастырях стригутся князи и бояре и приказные люди великие», дающие «вкупы великие», то им «за немощи и за старость законов не полагати», и т. д.³

Итак, основное внимание в минейной редакции «Устава» по сравнению с краткой заключается в усилении его классового, феодально-аристократического характера. На первый взгляд может показаться, что такая эволюция в «Уставе» находится в некотором противоречии с изменениями социально-политических позиций Иосифа, обнаруживающимися при сравнении краткой и пространной редакции «Просветителя». До 1503—1504 годов в творчестве Иосифа наблюдались черты феодальной оппозиции централизованному государству; в последний период своей деятельности волоцкий игумен, наоборот, сближается с великокняжеской властью; а между тем феодально-аристократические черты появляются в «Уставе» именно в этот последний период.

Однако противоречие это — мнимое. Русское централизованное государство было государством феодальным; феодально-аристократический принцип существовал и в идеологии этого государства и даже в системе его управления. Сохранялся этот принцип и в церковно-монастырском устройстве: церковная администрация, так же как и светская, состояла главным образом из представителей класса феодалов — князей, бояр, дворян, или хотя бы «приказных людей великих», только принявших пострижение.

Для того чтобы понять, почему именно после сближения Иосифа Волоцкого с великокняжеской властью в его «Уставе» появились отклонения от принципа личного настоятельства и равноправия монахов, сле-

¹ ВМЧ, стлб. 518—520 и 524—526.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 585—587. Ср.: Антирелигиозник, 1934, № 3, стр. 28—29.

³ Ср. Послания Ивана Грозного (серия «Литературные памятники»). М.—Л., 1951, стр. 172 и 179. — Стоглав. СПб., 1863, стр. 177—178.

дует учесть ту роль, которую приобрел в XVI веке Волоколамский монастырь в системе высшей иерархии русской церкви. С начала XVI века монастырь Иосифа стал местом, откуда выходило большинство иерархов русской церкви. Главой русской церкви, митрополитом всея Руси стал преемник Иосифа по игуменству Даниил; из игуменов Волоколамского монастыря вышел и другой русский митрополит XVI века — Макарий. Митрополиты-иосифляне широко раздавали епископские кафедры постриженникам своего монастыря; иосифлянами были сарские (крутицкие) епископы — ближайшие помощники митрополитов, архиепископы новгородские, ростовские, епископы коломенские, смоленские, тверские и т. д.¹ В этой обстановке в Иосифове монастыре невозможно было сохранять режим всеобщего имущественного равенства с запретом собственных книг, икон и т. д. Будущих иерархов желательно было не отпугивать от монастыря, а наоборот — привлекать; недаром во введении к пространной редакции «Устава» Иосиф специально подчеркивал «гладкость» и легкость монашеского пути: этот путь избавляет человека от страха ответственности после смерти — «во время смерти не он, а настоятель истязан будет: тако бо глаголется во святей лествици»; для достижения царства небесного нет нужды проливать кровь и идти на «нужную смерть», как это делали святые мученики, — «нам же убо ниже крови пролиати, ниже поты кровавья, но малая некая и ненужная и ничтоже сущая отсеци и попецися о сих преданий кротко же и целомудренно».² Появление аристократических тенденций среди иноков Волоколамского монастыря уже в начале XVI века прямо засвидетельствовано преемником Иосифа по игуменству, Даниилом. Даниил призывал волоколамских иноков «не вознести брови свои на высоту, глаголя, яко мы убо от светлых и благородных родителей есмь роjeni и воспитани, а си убо от убогих и нищих рода есть», и не ссылаться на происхождение «от княжеского сана» или «от бояр великих».³

Связь между усилением роли Волоколамского монастыря в системе русской иерархии и появлением феодально-аристократических принципов в его быте с особенной яркостью подчеркивается памятником середины XVI века, уже несколько раз привлекавшимся нами, — так называемым «Письмом о нелюбках». Описывая спор между Иосифом Волоцким и «пустынниками белозерскими» по вопросу о монастырском землевладении, «Письмо» приводит следующий аргумент Иосифа: «Аще у монастырей сел не будет, како честному и благородному человеку постричься? И аще не будет честных старцев, отколе взяти на митрополию, или архиепископа, или епископа, или на всякие честные власти? А коли не будет честных старцев и благородных, ино вере будет поколебание».⁴

Приведенные слова Иосифа в «Письме о нелюбках» не раз цитировались и использовались историками. Однако в последнее время в литературе было высказано резко отрицательное мнение относительно исторической достоверности этой «речи» Иосифа. В исследовании о политической доктрине Иосифа Волоцкого А. А. Зимин пришел к выводу, что «Письмо о нелюбках» является не только поздним, но и враждебным по отношению к Иосифу памятником: автор «Письма» был близок к Дионисию Звенигородскому и Нилу Полеву, колебавшемуся, по мнению А. А. Зимина, «между иосифлянами и нестяжателями»; «Иосиф Санин ри-

¹ Ср.: Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники, стр. 30—31.

² ВМЧ, стлб. 503.

³ ГПБ, Соф. 1456, л. 48 об.

⁴ Прибавление к творениям св. отцов, X, стр. 505.

суется им в «Письме» в далеко не благожелательном тоне... Аргументация Иосифа Санина, данная в письме... больше всего напоминает тенденциозное изложение взглядов Иосифа Санина его противником Вассианом Патрикеевым... Приписать Иосифу Санину мысль о том, что если не будет сел у монастырей, то в монастырь не будут постригаться монахи из „честных и благородных людей“, могли только его идейные противники».¹ Едва ли можно согласиться с этими утверждениями А. А. Зимина. Несомненно, что «Письмо о нелюбках» — относительно поздний и не вполне достоверный источник. Однако видеть в этом памятник тенденциозное произведение, составленное «идейными противниками» Иосифа Волоцкого, на наш взгляд, нет оснований. Нил Полев был верным учеником Иосифа Санина; он действительно жил в пустыни у Нила, но отправился туда, как мы уже отметили, с благословения «отца» Иосифа; когда началась борьба между иосифлянами и нестяжателями, Нил Полев выступил в нескольких посланиях в роли энергичного защитника позиций иосифлян.² В этой же роли выступает и автор «Письма о нелюбках», — он не только не рисует Иосифа в «далеко не благожелательном тоне», но прямо защищает его. Он, несомненно, считает правильным выступление Иосифа Волоцкого против помилования еретиков, ибо еретики, по его словам, начали «каяться лестно, а не истинно». С большим сочувствием автор «Письма о нелюбках» рассказывает о том, как Дионисию Звенигородскому удалось обнаружить «ересь» у белозерских старцев и как Иосиф переслал грамоту об этой ереси великому князю, — несмотря на то, что правота Иосифа и Дионисия была подтверждена свидетелем, нестяжателям удалось избавить белозерских старцев от наказания и добиться несправедливого осуждения Дионисия и Нила Полева.³ «Речь» Иосифа в «Письме о нелюбках» также передается автором без малейших признаков неодобрения; ссылка на «честных и благородных старцев» приводится как второй аргумент после ссылки (действительно фигурировавших на соборе 1503 года) на авторитет «преподобных отцов», владевших «селами».

Сопоставление с приведенным выше материалом по истории Волоколамского монастыря (и прежде всего с пространной редакцией «Устава», вводящей «три устройства» для разных категорий монахов) позволяет считать, что аргументы, приведенные в «Письме о нелюбках», вполне соответствовали действительной практике XVI века. Из всего, однако, нет не-

¹ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 170—171

² В. Жмакин. Нил Полев, стр. 189—196.

³ Прибавления к творениям св. отцов, X, стр. 506—507. А. А. Зимин считает известие «Письма о нелюбках» об открытии этой «ереси у пустынников» и о последующем доносе Иосифа доказательством неблагожелательности «Письма» к Иосифу: «Там рассказывается, например, о ложном доносе Иосифа на белозерских старцев. Этим самым как бы подтверждалось мнение Серапиона, архиепископа новгородского, об Иосифе как о ябеднике» (О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 170). Это — недоразумение. Независимо от того, существовала ли действительно среди «белозерских старцев» ересь или нет, «Письмо о нелюбках» считало донос Дионисия, переданный Иосифом, не ложным, а справедливым. «И ту великую ересь, — читаем мы в «Письме», — видел старец Дионисий да священник. И к Иосифу старец Дионисий прислал старца Серапиона крестника с грамотой и в ней написал, что у пустынников видел ересь. Иосиф прочел грамоту, да послал ту грамоту к ростовскому архиепископу Васьяну». Когда же вызвали свидетеля «великой ереси» — попа, то он (вопреки Вассиану Патрикееву, утверждавшему, что «грамота писана лукавством») подтвердил обвинение: «сказал так, как в грамоте писано» (разрядка всюду наша, — Я. Л.). Тенденциозность этого рассказа «Письма о нелюбках» заключается как раз в том, что он стремится подчеркнуть всеиллие великокняжеского фаворита Вассиана Патрикеева, который подверг попытке попа-свидетеля, не сумев заставить его отречься от данных показаний и все-таки добился прекращения дела и заточения Дионисия и Нила Полева.

обходимости делать вывод, что аргументы Иосифа в «Письме» представляют собой речь, действительно произнесенную им на соборе. По нашему мнению, аргументация Иосифа Волоцкого, приведенная в «Письме о нелюбках», точно так же как и приведенная там же аргументация Нила Сорского, представляют собой не запись их официальных выступлений на соборе, а выражение тех мнений, которые высказывались обеими сторонами вне собора, кулуарно. Этим объясняется и сугубо деловой, «в высшей степени практический», по стыдливому выражению церковных историков,¹ характер аргументов Иосифа. Для официального выступления слова Иосифа, может быть, действительно звучали бы излишне откровенно; но в его неофициальных выступлениях мы можем найти не менее прямые и циничные аргументы. Вспомним, например, известные слова Волоцкого игумена княгине Голениной, когда она назвала «грабежом» запрошенную у нее плату за поминование супруга: «Ведомо всем, да и тебе ведомо: даром священник ни одное обедни, ни панафиды не служит». ² О том, что аргументы, приведенные в «Письме о нелюбках», действительно принадлежали Иосифу, свидетельствует и одно из полемических сочинений его противника — Вассиана. В своем «Собрании... от правил святых Никанских» Вассиан специально отвергал утверждение, содержащееся в одном из «писаний» Иосифа, будто «еще моим (Вассиана, — Я. Л.) словесем послушают предстателе церквам божиим, запустети негщуют церкви и монастыри». Он доказывал, что истинные «божии святители» не покинут церкви из-за отсутствия у нее «стяжаний недвижимых и движимых»: «Не глаголите убо разуму нашему быти, да церкви божия запустятся и монастырем без предстателей остатися... Не убо запустетися божиим церквам хошем, яко же вы неправильно мене клеветете, но исправитися правильне». ³

Минейная редакция «Устава» Иосифа Волоцкого свидетельствует об окончательном оформлении иосифлянской идеологии как идеологии господствующей феодальной церкви, тесно связанной (хотя и не всегда солидарной) с феодальным государством. Введение «трех устроений» не единственная новая черта в «Уставе». Другой характерной особенностью минейной редакции следует считать значительное расширение в ней разделов, связанных с укреплением монашеской дисциплины (за счет двух других тем краткой редакции — личного нестяжания и «рукоделия»). Любопытно, что дисциплина эта рассматривалась автором, в частности, как средство поддержания авторитета церкви перед мирянами: в «слове о соборной молитве» минейной редакции Иосиф специально предостерегал от «бесед на молитве» в тех случаях, если «приключится нами быти на съборной молитке мирьскому человеку» — «обычай бо есть миряном зазирати и смеятися иноком безъчинствующим». ⁴ С этой же особенностью минейной редакции связано и характерное для нее резкое подчеркивание власти и авторитета монастырской администрации: «никому на пени не глаголати, кроме настоятеля и келаря и уставщика и надзирателя»; ⁵ «никому же подобает глаголати на трапезе, кроме настоятеля и келаря и подкеларника и чяшника». ⁶ Принцип — «не имаша власти ни над чяшею», который понимался в краткой редакции как абсолютный запрет личной соб-

¹ А. С. Павлов, ук. соч. стр. 41.

² ГПБ, Q. XVII. 64, л. 219. — И. Хрущов, ук. соч., стр. 235.

³ «Православный собеседник», 1863, ч. III, стр. 188—197.

⁴ ВМЧ, стлб. 512.

⁵ Там же.

⁶ ВМЧ, стлб. 514.

ственности, теперь толкуется как необходимость «своя воля не имети, но все творити по благословию настоятелеву»: с разрешения настоятеля можно покупать и продавать не только иконы и книги, но даже «сребреници». ¹ Благословение настоятеля требуется иноку для того, чтобы пользоваться монастырскими вещами (существующими наряду с «особными»); ² это же благословение необходимо и в другом, особо ответственном деле: «никтоже да не припишет ничтоже в книзе без благословения настоятелева и уставшикова; от его бо бывает мятежь и смущение и божественных писаний развращение». ³

Монастырь — не свободное объединение равных между собой людей, «отрекшихся жития», а скованная железной дисциплиной организация со сложной иерархией и безусловным подчинением низших высшим. В минейной редакции «Устава» важную роль играет принцип, сближающий иосифлян с их более поздними собратьями на западе — иезуитами: стремление «умертвити волю» своих последователей. В доказательство необходимости «на всем свою волю умертвити», «слово о соборном деле» в минейной редакции приводит множество примеров выполнения «преподобными отцами» заведомо бессмысленных приказов своих наставников: «исчерпати воду и без успеха изливати ю», стоять неделю под «варом солнечным», сплести и вновь расплести рогожу и т. д. ⁴ Твердый порядок в монастыре поддерживается и другим способом, также достаточно характерным для иосифлян. Как должен поступить монах, если он уличит кого-либо из своих братьев в неблагоприятном поступке, например в краже появившихся теперь в монастыре «особных» (личных) вещей? Конечно же не нарушать предписанных христианством законов кротости и милосердия. «Аще у нас кто что возьмет, — рекомендует минейная редакция «Устава», — не смущатися, но кротко и тихо возвестити настоятелеву». ⁵ «Три устроения» в пище и одежде, «особные» вещи в кельях, абсолютная покорность старшим по положению, «кроткие и тихие» доносы настоятелю, строгая дисциплина — особенно перед «мирскими», «назиратель церковный», осматривающий по ночам замки на кельях и воротах, ⁶ — таков детальный, до мелочей продуманный распорядок монастырской жизни, который предлагает Иосиф в своей «Духовной грамоте». Минейная редакция «Устава» — не сredo, не декларация, противопоставляемая еретической пропаганде, подобно краткой редакции, а реальный план организации одного из институтов феодальной церкви.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сказание от божественных писаний о святых иконах и о книгах, како есть должно имети. Слово 5.⁷

Ръцем же убо и о святых иконах и о книгах, како должно стяжати сих.

Глаголють бо божественна писания святых отець о сем, яко авва Федор Феремский имаше книги три и добр (sic!) и поведает он сие Макарию, глаголя, яко «Полаза ми есть от них, и братия вземлют и пользуются от них. Рци ми убо, что должен есмь сътворити о них?». Старецъ же рече:

¹ ВМЧ, стлб. 525.

² ВМЧ, стлб. 527.

³ Там же.

⁴ ВМЧ, стлб. 534.

⁵ ВМЧ, стлб. 527.

⁶ ВМЧ, стлб. 528—529.

⁷ ГПБ, Сол. 346/326, лл. 25 об.—28 об.

«Добра убо вещь, но вышши всего нестяжание». Рече авва Евагрие, яко брат некто имяше единое еуангелие, и се продасть, и дасть нищим, глаголя: «Продах глаголющее ми присно: Продай же имение свое и даждь нищим». Брат въпроси отца Сарапиона, глаголя: «Рци ми слово, како спасуся?». Рече ему старецъ: «Что ти имаь реши, яко взял еси еже вдовицам и сиротамъ хотящие датися, и положи есть во оконци»; виде бо в келии его множество книгъ. Брат въпроси отца Пимина, глаголя: «Хощу жити в общем житии». Старецъ же рече: «Аще хощеши жити в общем житии, да отречеши всякыя вещи, да не имаши власти ни над чяшею, и тако можеши во общем житии спастися». Подобно же тому глаголетъ и великий Василий, яко не подобаетъ в киновии живущему постнику своя стяжания вещнаа имети, но всякого осьбнаго стяжания свободну быти. Имея бо в общем житии свое что мало или много, тужда себе божиа церкви сътвори, и господня любве такоже отуждися. Лучше бо, рече, с малыми жити с разумными, неже со мнозemi небрегущими заповеди господня.

Иже бо в иноческий святой образ одеании в киновии живущей ниже словом глаголати должны суть о чесом же «твое», или «мое», или «сего» и «оного». Аще ли же плевелосеатели и таковая мудръствующей, не подобаетъ сия общая житиа нарицати, но разбойническаа съборища и святокраденна и всякого лукавства и злобы исполнена. Сего бо ради нарицаются общаа житиа, да вся обща имуть.

Егда убо правила общаго житиа пишутъ никако же осьбностяжание притворяти, ниже скровно некое творити или на вред братии и злый образ спасеннымъ бивати. Презревь убо кто страх божий и законы святого духа и стяжание кое особно хощетъ имети, таковой убо вещьлюбием и стяжанием поработился есть, таже и неверна показание на себе изнесе, яко не веруа богови, яко иже о имени его събранныя утешитъ умне же и чювьствене, аще бо идеже еста два или три о имени хрестове събрани, самъ посреди ихъ Христосъ. Ничтоже убо не оскудеетъ намъ потребныхъ, Христу настоятельствующу намъ; аще ли и оскудеетъ — на искушениа наше; лучши есть оскудение имети и с Христомъ быти, нежели кроме того приобщениа всеми житейскими богатети, и с теми осужену быти. Господу бо нашему Исусу Христу глаголющу: Иже хощетъ по мне ити, да възметъ крест свой и последуетъ ми. И паки тако: Всякъ отъ васъ, иже не оставитъ всего своего, не можетъ быти мой ученикъ. Мы же, оставивше вся, и падежами безвестными себе прелщаемъ, еже отъ вещей събраниа себе отраду и беспечалие мнимъ.

Се же стражемъ отъ многоа неразумна, аще убо оставихомъ великаа и преславная, сиречь отца, и мать, и другы любовныя, и весь мир, и яже в немъ красная и сладкаа, и в скорьбехъ и бедахъ пребывающе, и с телесными страстьми, яко с лвомъ и с змиемъ день и ночь борющеся и всегда смерти вкушающе, и пакы худыми вещми и ничтоже сущими запеншеся и в нынешнемъ животе отъ съвестныхъ тягости умерьшвлемъ, в будущемъ же вместо милости божиа гневъ божий въсприати.

Аще же кто речеть, яко святыя иконы и книги не суть вещи, сего ради подобаетъ и нестяжателемъ имети свои, и аще бы тако, не бы великий Макарие глаголалъ святому Федору, яко вышши всего нестяжание, и не бы братъ онъ продалъ святое еуангелие, и цену его нищимъ отдалъ, и не бы великий Сарапионъ зазрелъ брату оному, имущему множество книгъ. Зри, яко не токмо в общем житии нестяжание предпочитаху паче всего, но и в пустыняхъ живуще, идеже многа и велика нужна и неотложна. Еда убо не имеаху книгъ в пустыни? Имяху убо, но не свои. Яко же свидетельствуетъ блаженный Петръ Дамаскынъ, глаголя, яко николи же имехъ свою

книгу, но от христолюбивых взимах, и прочитах, и паки отдавах. В общем же житии никакая же нужда належить, но христовою благодатию раби его в обилиих всех благых присно живутъ.

Сего ради не буди кому от иже не ложно отрехшихся житиа и в супротивное заповедей ходити, но тесный паче пространнаго предпочитати, и нищету паче богатства, и безславию паче славы, и болезненное терпение паче нынешня радости, да в настоящем житии свет тем житию озарит, и в будущем неотъемлемое наследять царствие, еже есть Христос — живот и свет, его же ни единого от сущих зде любезнейши или честнейши умимущим. Яже убо от сих до зде.

Ю. К. БЕГУНОВ

Кормчая Ивана Волка Курицына

1

27 декабря 1504 года Москва увидела инквизиционные костры. В деревянной клетке были сожжены Иван Волк Курицын, Митя Коноплев, Ивашка Максимов. Великий князь Иван Васильевич с сыном Василием, с митрополитом Симоном, с епископами и со всем церковным собором приговорили их к сожжению.

Назначенная на третий день рождества расправа на реке Москве над еретиками по замыслу воинствующих церковников должна была превратиться во всенародное действо. Той же зимой в Новгороде были сожжены Иван Некрас Рукавов, архимандрит Юрьевского монастыря Касиан с братом Иваном Самочерным, Гридя Квашня, Митя Пустоселов.

Немало людей, подозреваемых в ереси, были схвачены в городах, заключены в тюрьмы, в монастыри.¹ Большую роль в жестоком преследовании еретиков сыграла группа влиятельных представителей духовенства во главе с митрополитом Симоном, игуменом богатейшего Волоколамского монастыря Иосифом, архиепископом Новгорода Геннадием, Вассианом, впоследствии ростовским архиепископом. Иван III, ранее разделявший секуляризаторские идеи московских вольнодумцев и покровительствовавший еретикам — «государеву дьяку» Федору Курицыну, своей снохе Елене Волошанке с сыном-наследником великим князем Дмитрием Ивановичем, митрополиту Зосиме (1490—1494) и посольским деятелям в 80—90-х годах XV века, — в начале 1500-х годов ограничивает их влияние, а затем переходит к преследованиям и к жестоким расправам, вплоть до сожжения наиболее активных из них. С людьми, которые совсем недавно участвовали и в проведении торжественного венчания великого князя Дмитрия Ивановича, и в подготовке Судебника 1497 года, теперь расправились как с уголовными преступниками («лихой человек» = уголовный преступник).²

Участник московского кружка еретиков посольский дьяк Иван Волк Курицын был человеком незнатного происхождения и свое положение в обществе завоевал исключительно личными способностями.³ Он участво-

¹ ПСРЛ, VI, стр. 24, 49, 244; VIII, стр. 244; IV, стр. 278. В конце XV и начале XVI века подвергалось преследованиям не менее 50 человек, новгородцев и москвичей.

² В тексте 1-й Софийской летописи еретики названы «лихими людьми» (ПСРЛ, VI, стр. 49). См. также: А. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, 2. М., 1951, стр. 327—328.

³ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 87.

вал в посольстве Юрия Траханиота к императору Максимилиану I в 1492—1493 годах,¹ в поездке в Новгород Ивана III в 1495 году,² в переговорах с ливонскими немцами в 1497 году³ и в посольстве к великому князю литовскому Александру в 1497 году.⁴ Иван Волк Курицын по поручению Ивана III вел переговоры с любекским книгопечатником Бартоломеем Готаном.⁵ Последний служил переводчиком русским послам и поставлял книги Ивану III, может быть, через Ивана Волка Курицына.⁶ Иосиф Волоцкий упоминает Волка Курицына в 15-м слове «Просветителя».⁷ По словам Иосифа Волоцкого, братья Федор и Иван Волк Курицыны «подоиде державного» и добились поставления своего единомышленника Кассиана архимандритом крупнейшего в Новгородской земле Юрьевского монастыря, они же научили Кассиана «отвергнися Христа».

Известия летописей и анафематствования еретикам в синодиках не дают ясных данных, выражаясь современным юридическим языком, «о составе преступления» еретиков. Анафематствования приписывают Ивану Волку Курицыну неверие в Иисуса Христа и богоматерь, «похуление седми соборов вселенских», непоклонение иконам.⁸ «Просветитель» Иосифа Волоцкого и послания новгородского архиепископа Геннадия представляют историю новгородско-московской ереси в искаженном свете, как полное отступничество в иудейскую религию. Гарантией методологически правильного изучения вопроса являлся бы анализ в с е х имеющихся источников, как обличительных произведений, так и, особенно, произведений самих еретиков. Бесспорно принадлежат еретикам следующие произведения: «Покаянное письмо Дениса к митрополиту Зосиме»,⁹ «Еллинский летописец»¹⁰ и «Лествица»¹¹ Ивана Черного, «Лаодикийское послание»¹² Федора Курицына, Кормчая¹³ Ивана Волка Курицына.

Из дошедших до нас памятников последний, содержащий Кормчую книгу и часть юридического сборника XIII века «Мерило праведное», представляет выдающийся интерес. Однако до сих пор он не был издан

¹ ПСРЛ, IV, стр. 161; VI, стр. 39, 240; VIII, стр. 224, 227.

² П. Н. Миллюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 год). М., 1901, стр. 19—20.

³ Там же, стр. 24.

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 42, 241; VIII, стр. 233.

⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851, столб. 87—88, 104—106.

⁶ Об этом см.: С. В. Арсеньев. О любком типографщике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV веке. Чтения ОИДР, 1909, кн. 4, Смес, стр. 17—20.

⁷ Н. М. Тупиков в «Словаре древнерусских личных собственных имен» (СПб., 1903) на стр. 90—92 приводит немало имен «Волк», ординарных и двойных, встречающихся в источниках с 1483 по 1683 год. Тупиков полагал, что из двойного имени одно, например Иван, являлось христианским, а другое русским именем (Волк). Часто русское имя теряло свое значение и становилось прозвищем (стр. 81). Иосиф Волоцкий в «Просветителе» мог назвать Ивана Курицына «Волком» не случайно, как он не случайно назвал «черным, яко же именем, тако же и дела», Ивана Черного. «Волками» часто называли еретиков (статья Иоанна Златоуста в иосифлянкой Кормчей в БЛ, Собр. Ундольск., № 27, л. 84: «Волк — рекше еретик»). «Злобесным волком» Иосиф называл митрополита Зосиму и, возможно, Алексея, протопopa, и других новгородских еретиков.

⁸ К. Т. Никольский. Анафематствование. СПб., 1879, стр. 189 и сл. Исследование анафем новгородско-московским еретикам по спискам синодиков будет предметом особой статьи.

⁹ БАН, 4. 3. 15, начало XVI в. Найдено Я. С. Лурье.

¹⁰ БЛ, Пискаревск. собр., № 597. Исследование этого памятника ведется А. И. Клибановым.

¹¹ ГИМ, Увар. собр., № 447.

¹² ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 21/1098, XVI век.

¹³ БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, «Мерило праведное» или Кормчая Ивана Волка Курицына. (В дальнейшем: Кормчая Ивана Волка Курицына).

и изучен. Н. В. Калачов,¹ Е. Е. Голубинский,² В. П. Любимов,³ М. Н. Тихомиров,⁴ отмечая некоторые внешние особенности рукописи, не дали анализа ее содержания.

2

Рукопись Библиотеки СССР им. В. И. Ленина «Мерило праведное» (или Кормчая)⁵ Ивана Волка Курицына написана тщательным полууставным почерком конца XV века, в четверку, на 336 листах с добавлением 6 листов, нумерованных в начале, и одного листа, нумерованного в конце. Таким образом, всего в рукописи насчитывается 343 листа. Водяной знак на лл. 282, 302, 309, 312, 325 — бычья голова с прямой линией между рогов, оканчивающейся крестом и увитой змеей; он встречается у Брике (№ 15386 из рукописи 1493—1499 годов и № 2582 из рукописи 1489—1519 годов) и у Н. П. Лихачева (№ 3413 из рукописи 1512 года и №№ 1271, 1273, 1274, 1275 из рукописи 1497 года).⁶

Рукопись начинается оглавлением 62 глав со слов: «Сия книги мерило праведное...». На 6 нумерованных и 43 нумерованных листах помещен текст введения «Мерила праведного» XIII века. Первые две трети введения такие же, как и в древнейшем Троицком списке «Мерила праведного» XIV века. На всех последующих листах помещено собрание церковных правил — так называемая Кормчая книга. В конце рукописи (л. 336) помещено следующее послесловие: «Христос зачало и конец всекому делу благому. А се писал аз, а велел ми ти. Пожалуй, не диви. А где буду не дописал или переписал, и ты пожалуй собою исправи». Далее тем же почерком следует тайнопись цифрами, которая расшифровывается как имя писца: «Иванъ Волкъ Курицынъ». На оборотах лл. 3 нenum. и 4 внизу полууставом XVI века киноварью приписано: «Митрополита Иасафа». На л. 2 нenum. об. — скоропись начала XVII века: «Сия книга взета у книгохранителя старца Стахея Троецькаго Сергиева монастыря на пятой неделе Филипога поста в осаде» (т. е. в 1609 году, во время осады Троицкого монастыря поляками).

3

Кормчая Ивана Волка Курицына представляет собой особый тип Кормчих книг,⁷ в основе которого лежит не хронологическое, а систематическое сведение правил. Если в Кормчих официальных редакций четырнадцать титулов Фотиева Номоканона являются только оглавлением, в котором названы лишь номера правил, то в Кормчей Курицына правила изложены в систематическом порядке полных четырнадцати титулов. После состав-

¹ Н. В. Калачов. Архив историко-юридических сведений, относящихся к России, кн. I, отд. III, О «Мериле праведном». М., 1850, стр. 36—37.

² Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, М., 1900, стр. 880—881.

³ В. П. Любимов. Списки Русской Правды. Троицкий вид. В кн.: Правда Русская, под ред. акад. Б. Д. Грекова, т. I, М.—Л., 1940, стр. 99—100.

⁴ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М., 1941, стр. 97—99.

⁵ БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187.

⁶ Палеографическое описание рукописи см. также у В. П. Любимова (в ук. соч., стр. 99—100).

⁷ Кормчая книга, дошедшая до нас более чем в сотне списков, изучалась, начиная с А. Г. Розенкампа (Обозрение Кормчей книги в ее историческом виде. М., 1829), как памятник церковно-канонический. Роль Кормчей как памятника идеологического, не была установлена. Воссоздание историко-литературной судьбы списков Кормчей книги с точным установлением всех редакций должно стать предметом особого исследования.

ления в 883 году патриархом Фотием Номоканона неизвестный автор в X веке вписал в него полный текст правил, взятых из второй части синтагмы XIV титулов, т. е. из оглавления Фотиева Номоканона, где они были приведены лишь в виде цифр. Об этом мы узнаем из третьего предисловия, сделанного Ф. Веста (XI век). Эта редакция является очень редкой. Сохранились лишь две греческие рукописи этой редакции: Ватиканская XII века¹ и Иерусалимской патриаршей библиотеки, X в. (ГИМ, Воскресенск. собр., № 24). По мнению М. Остроумова,² эта редакция является порчей правил (многократное повторение их и рассечение отдельных правил на части). Каллист³ считает рукопись Воскресенского монастыря исправной; правила в ней не повторяются, датируется она 964 годом. Русский перевод Кормчей этой редакции появился в конце XIV века и был привезен из Афона тверским иноком Саввой, основателем Вишерского монастыря.⁴ Эта Кормчая в конце XV—начале XVI века находилась в руках архиепископа ростовского Вассиана Санина, брата Иосифа Волоцкого. «Нестыжатель» Вассиан Патрикеев пользовался ею в 1517—1519 годах для составления своей Кормчей.⁵ Известно, что Вассиан Патрикеев подвергся жестоким преследованиям со стороны митрополита Даниила за эту редакцию Кормчей. Ему в вину ставили главным образом попытку свести правила в систематической редакции. Последняя не только позволяла определенным образом подобрать материал о монастырях и монашестве, об отношении к еретикам, о поставлении епископов и пресвитеров, о пределах их власти, о системе наказаний, об обрядах и т. п., но и давала возможность, косвенно, подвергнуть сомнению авторитетность законов церкви, принятых вселенскими соборами. Когда игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонт использовал эту редакцию для составления Кормчей,⁶ явно предназначенной для поучения священников, сопроводив правила многочисленными выписками и толкованиями по образцу Сводной Кормчей, то митрополит Макарий строго порицал, что он изложил «святые правила не подлинно», т. е. не в хронологической последовательности соборов. Такое изложение, по замечанию Макария, «выдуманно еретиками» с целью «растерять» неблагоприятные для их мнения правила.⁷

Канонической и непреложной основой состава официальных Кормчих являлось изложение правил и статей в хронологической последовательности вселенских соборов. Кормчая митрополита Даниила 1522 года, опирающаяся на предание и патристическую литературу, являлась как бы ответом на «дерзкое развращение» священных правил Вассианом Патрикеевым. После оглавления 14-титульного Номоканона Фотия с двумя предисловиями⁸ обычно следуют канонические основы Кормчей: I. Апостольские правила;⁹ II. Каноны семи вселенских соборов и девяти помест-

¹ Издана Анджело Май в VII томе «Spicilegium Romanum» (Romae, 1848, pars II) и перепечатана у Миня (J. P. Migne. Patrologiae cursus completus, series graeca, CIV, col. 441).

² М. Остроумов. Введение в церковное право, I. Харьков, 1893, стр. 553—554.

³ Каллист, иеромонах. Номоканон патриарха Фотия. М., 1899, стр. 110—111 и 125.

⁴ ГПБ, Ф. II. 74, Кормчая Вассиана Патрикеева, л. 447. (В дальнейшем: Кормчая Вассиана Патрикеева).

⁵ Кормчая Вассиана Патрикеева, л. 447.

⁶ БА, Собр. Ундольск., № 28.

⁷ А. С. Павлов. Курс церковного права. М., 1902, стр. 119—120.

⁸ ГИМ, Воскресенск. собр., № 28, Кормчая митрополита Даниила, лл. 23—58.

⁹ Там же, лл. 59—95. Эти правила имеются также и в древнейшей Рязанской Кормчей 1284 года (ГПБ, Собр. Толстого, I, № 311).

ных соборов;¹ III. Правила и статьи Василия Великого;² IV. Отеческие статьи;³ V. «Мерило праведное» второй редакции.⁴ Кормчая книга официальной редакции обычно оканчивалась «Словом 165-ти отец на обидища святых церкви».⁵ На л. 618 Кормчей книги митрополита Даниила читается следующая приписка: «Доселе суздальских правил, а се собрания и припись того ж Данила игумена, потом же бывше митрополита, лета 7030, месяца февраля». В дополнительной части (лл. 618—711) имеются статьи из других Кормчих.⁶ Кормчая митрополита Даниила непосредственно привлекалась как для составления Сводной Макарьевской Кормчей, так и для составления Кормчих печатных редакций 1650 и 1653 годов.⁷ Сводная Кормчая митрополита Макария середины XVI века является наиболее ярким выражением иосифлянских взглядов.⁸

Состав Сводной Кормчей следующий: лл. 1—67 — оглавление Фотиева Номоканона (Синтагма XIV титулов); лл. 68—168 — изложение апостольских правил с толкованиями Алексея и Аристина и с большим количеством дополнительных толкований, соборных правил и статей отцов церкви; лл. 169—186 — «Апостол Петра и Павла»; лл. 187—576 — «Сказания и правила» вселенских соборов в хронологическом порядке; лл. 576—594 — Древний указатель к Кормчей (XVI—XVII века).

Кормчая Ивана Волка Курицына является старшим из известных нам русских списков особой редакции. В 1510 и 1512 годах Кормчая книга Курицына без «Мерила праведного» и без отеческих статей (т. е. одни лишь правила соборов и апостолов в систематическом изложении) переписывались Васюком Кыддашевым⁹ в монастыре Николы-на-Ламе. Состав Кормчей Курицына следующий: лл. 1 и 2 нenum. — оглавление 62 глав; лл. 3 и 4 нenum. и лл. 1—43 — «Мерило праведное» первой редакции (точнее, одна треть его введения); лл. 43—58 — сказания о соборах; лл. 58—182 — Фотиев Номоканон в систематическом изложении; лл. 182—204 — «Апостол Петра и Павла» и некоторые правила соборов; лл. 204—212 — «По вопросам и ответам беседа святого Диодоха»; лл. 204—286 — статьи отцов церкви о ересьях; лл. 286—308 — законодательные статьи: Правда Русская, «Уставы» Владимира и Ярослава, Десятословие Моисея и извлечения из Ветхого Завета; лл. 308—336 — мелкие статьи и «Устав, бываемый на поставление епископом».

Несомненно, что Иван Волк Курицын использовал или греческий подлинник, или список, привезенный Саввой, или русскую копию с него, затем сборник «Мерило праведное» первой редакции и Кормчую русскую (софийской) редакции. Кормчая Вассиана Патрикеева относится к той же редакции, что и Кормчая Ивана Волка Курицына. Нам известны четыре

¹ Там же, лл. 95—274. С небольшими пропусками эти же каноны встречаются в древнейших Кормчих, как, например, Рязанской, Новгородской, Синодальной, Ефремовской.

² Там же, лл. 274—307.

³ Там же, лл. 307—331.

⁴ Там же, лл. 331—399, 418—527 (см.: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 109—112).

⁵ Точно такой же состав имеет Чудовская Кормчая 1499 года (ГИМ, Чудовск. собр., № 167).

⁶ См.: В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 744—746.

⁷ Об этом говорят пометки на листах рукописи (л. 418 и сл.). Кормчая митрополита Даниила имеет сходство по составу с печатной Кормчей (см.: В. Жмакин, ук. соч., стр. 748).

⁸ БЛ, Собр. Ундольск., № 27 (см.: Н. Попов. Афанасиевский извод повести о Варламе и Иосафе. Изв. ОРЯС, т. 31, стр. 222—223).

⁹ ГИМ, Увар. собр., № 557, 1510 г., и БАН, № 5, 1512 г.

Кормчих, составленные Вассианом Патрикеевым¹ и один список XVI века той же редакции.² Последний список отличается от вассиановских кормчих наличием «градских» законов, отсутствием «нестяжательских» статей, киноварных пометок «о невладении селами», «Собрания некоего старца», статей Максима Грека и второй книги Фотия Грека.

Состав Кормчей Вассиана Патрикеева по списку Государственной Публичной библиотеки следующий: лл. 1—349 — оглавление Фотиева Номоканона (Синтагма XIV титулов) и полное изложение правил в систематическом порядке по XIV граням; лл. 349—376 — статьи Василия Великого и других отцов церкви; лл. 376—382 — «Собрание некоего старца»; лл. 382—447 — «Книга» Фотия митрополита, имеющая «нестяжательскую» направленность (посвящена вопросам организации монашеской жизни).

Вассиан Патрикеев предпринял большую работу. Им были использованы Кормчая Саввы Вишерского, Симоновские правила, список суздальского епископа Евфимия, вывезенный из Брянска, книга правил Фотия, привезенная из Афона, Софийский Харатейный список (ныне ГИМ, Синод. собр., № 132), Греческие богородицкие правила, Пандекты Никона Черногорца, статьи Максима Грека, житие Саввы Сербского и сочиненные Вассианом статьи о невладении селами монастырскими («Собрание некоего старца») и, возможно, некоторые другие источники. Таким образом, Вассиан Патрикеев использовал основные редакции Кормчих, имевшиеся на Руси. Нам кажется, что Иван Волк Курицын и Вассиан Патрикеев, изложив правила в систематическом порядке, тем самым уже выразили недоверие к преданию, основывавшемуся на деятельности вселенских соборов и сочинениях отцов церкви.³ Текстологическое сравнение Кормчих Курицына и Патрикеева убеждает нас в том, что между «нестяжателями» и московскими еретиками было гораздо больше точек соприкосновения, чем об этом принято думать. Во-первых, возможно, «нестяжатели» и московские еретики относились критически к преданию, хотя и с разных точек зрения. Главы Кормчей Курицына с правилами более краткой редакции соответствуют более полным граням Кормчей Вассиана Патрикеева (лл. 43—182 Кормчей Курицына примерно соответствуют лл. 1—349 Кормчей Патрикеева). Вассиан Патрикеев на суде заявил, что признает авторитет вселенских соборов. Однако в сочинениях, направленных против иосифлян, в частности в «Собрании некоего старца», Вассиан подкрепляет свою точку зрения цитатами из Евангелия, Апостола, Правил Василия Великого, примерами из житий, а не соборными правилами. Вероятно, этим ограничивалась критика Вассианом церковного предания; в обрядовых и догматических вопросах он оставался ортодоксальным. Во-вторых, общим для кормчих Вассиана Патрикеева и Ивана Волка Курицына является отсутствие «градских» законов. Содержащиеся в них идеи безусловной поддержки государством церкви на основе жестокого преследования еретиков были неприемлемы как для «нестяжателей», так и для еретиков. Полное невмешательство иноков, этих «непогребенных мертвецов», в государственные дела, равно как и невмешательство светского государя в дела церкви, — такова программа Патрикеева. Иван Волк Курицын мог отвер-

¹ Кормчие Вассиана Патрикеева: 1) ГПБ, Ф.11.74; 2) ЦГАДА, ф. 181, № 1597 (бывш. Моск. древлехранилище, № 145); 3) БЛ, Музейн. собр., № 474 (=Пискаревск., № 39); 4) Кормчая 1517 г. Спасо-Евфимиева монастыря (как нам сообщила Н. А. Казакова, — в собрании Краеведческого музея г. Владимира).

² БЛ, Рум. собр., № 236, Кормчая XVI в.

³ Наше предположение подтверждается текстами анафем «жидовствующим»: только московской группе еретиков, а не новгородской, инкриминируется «похуление седми соборов святых отец» (ГИМ, Синод. собр., № 667, Синодик XVII в., л. 30 об.).

гать «градские» законы как сторонник секуляризации государства. В-третьих, в обоих Кормчих отсутствует «Слово 165 отец о обидящих святые церкви», которым кончались все Кормчие официальной редакции конца XV—XVI века.¹ Архиепископ Геннадий и Иосиф Волоцкий использовали это «Слово» для защиты монастырского землевладения на соборе 1503 года и для утверждения теории компромисса «воинствующей церкви» и государства. В-четвертых, в обоих Кормчих отсутствует большинство русских статей, на которые опирались иосифляне. В Кормчей Вассиана из 33 русских статей, перечисленных Н. В. Калачовым,² имеются только три статьи: «Кирилла, епископа Туровского, о черноризьческом чину», правило архиепископа Новгорода Ильи, правила Иоанна, митрополита русского. В Кормчей Курицына также имеются только три статьи: Правда Русская и «Уставы» Владимира и Ярослава. В-пятых, из отцов церкви особое внимание Вассиана и Курицына привлекал Василий Великий.

Имеются также и некоторые отличия. Во-первых, в Кормчей Вассиана Патрикеева ярко выражена «нестяжательская» направленность. Книга испещрена статьями, заметками на полях и искусно подобранными правилами о том, что монастыри не могут владеть селами. В Кормчей Курицына «нестяжательская» направленность отсутствует. Во-вторых, Вассиан Патрикеев использовал больший материал, чем Иван Волк Курицын. В книге Вассиана правила приведены в более полном переводе, со многими толкованиями, сведение правил сделано тщательно по граням и главам Номоканона XIV титулов с неизменным указанием номеров соборных правил. В-третьих, в Кормчей Вассиана отсутствуют какие бы то ни было светские законы. В Кормчей Курицына «Мерило праведное», отрывки из ветхозаветных текстов, «Уставы» Владимира и Ярослава, Правда Русская как бы открывают собой тему «праведного суда». Вассиан Патрикеев останавливается исключительно на внутрицерковных вопросах. Вторая половина его Кормчей посвящена вопросам организации монашества. В-четвертых, Вассиан Патрикеев шире использует отеческую литературу, в основном о жизни иноков. Иван Волк Курицын пользуется отеческой литературой только для «истории ересей». Общим для обоих является использование статей Василия Великого о наказаниях за грехи, «Блаженного Нила Черноризца (Синаита) послания к Харихлию презвитору, сурово нападающему на согрешающую»,³ «Великого Афанасия ко Аммонию Мниху о соблазняющихся в нощи». В-пятых, Вассиан Патрикеев заканчивает свою Кормчую толкованием обрядовых вопросов, тогда как Иван Волк Курицын завершает свою Кормчую светскими законодательными статьями и «Уставом, бываемым на постановление епископом». Заканчивает свою Кормчую Вассиан следующей припиской: «Есть в святых правилах супротивно святому Евангелию и Апостолу и всех святых отец жителству. Но не смех на своей души сего положить, и о сем возвестих господину отцу своему митрополиту Варлааму и всему священному собору. И они ми не велели ничего выставивати, глаголя: кто целомудр разум имеет, той лучшего держится, еже есть по бозе, також де и мы хотим и благословляем».⁴ Это говорит о том, что Вассиан Патрикеев, ученик Нила Сорского, не разделял взглядов на «безмолвие ума» афонских «исихастов».

¹ К одной из Кормчих Вассиана Патрикеева было добавлено написанное крупным уставным почерком XVI века, отличающимся от почерка всей книги, «Слово 165 отец» — БЛ, Музейн. собр., № 474 (= Пискаревск., № 39), лл. 434—435.

² Н. В. К а л а ч о в. О значении Кормчей книги. М., 1850, стр. 22—25.

³ А. С. Архангельский считает эту статью типичной для мировоззрения «нестяжателей» — любовь и всепрощение (см.: А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882, стр. 158—159).

⁴ ГПБ, Ф. II. 74, л. 447.

В вопросе о постижении писания и предания Вассиан Патрикеев обращался больше к голосу разума, чем к слепой вере. Вассиан Патрикеев и Иван Волк Курицын проявили очевидное несогласие с официальной точкой зрения на роль и организацию церкви.

4

Остановимся на некоторых вопросах содержания Кормчей книги Ивана Волка Курицына. Текст соборных правил и патристических статей Кормчей в силу сложившейся традиции не мог быть существенно изменен переписчиком. Из всех соборных правил только 82-е правило VI вселенского собора приведено Курицыным в измененной редакции. Оно читается следующим образом: «Не напишеша агница во образ Христа, ни того самого. Толкование: Агнец предан бысть в образ истиннаго Христа бога нашего и не подобает образа почитати, паче истинны, и агнца на честных иконах написати перстом Предтечевым показаема, ни самого Христа, бога нашего, и шаровными писанин по человеческому образу написовати».¹ В Кормчей Вассиана Патрикеева и в иосифлянской Сводной митрополичьей Кормчей конец этого правила читается в полной редакции, без искажения, что придает правилу характер утверждения поклонения иконам: «... не подобает образа, паче истинны, и агнца на честных иконах написати перстом Предтечевом показаема, но самого Христа бога нашего и шаровными писанин по человеческому образу написовати».² Текст правила, приведенный Иваном Волком Курицыным без указания собора, сокращен, и ему придан отрицательный смысл путем замены «но» на «ни». В Кормчих, переписанных Васюком Кыдашевым, в этой же редакции правила стоит «но».³ В Кормчей Курицына в тексте Деяtosловия приведена глава 2, которая использовалась еретиками, по свидетельству Иосифа Волоцкого, для отрицания поклонения иконам: «Ни створиша себе идола, ни всякого подобья, елико суть на небеси горе и елико суть на земли доле, и елико в водах, под землею, не поклонившихся им, ниже послужи им».⁴ Иосиф Волоцкий в 6-м слове «Просветителя» борется с еретическими мнениями, отрицавшими поклонение иконам и всю церковную обрядность вплоть до отрицания поклонения церкви.⁵ В Кормчей Иван Волк Курицын называет всю церковную обрядность (причащение, крещение, поклонение кресту и иконам, пост, пасху и т. д.) словами правила Василия Великого «человеческим преданием». В середине XVI века Зиновий Отенский утверждал, что Феодосий Косой и другие еретики будто бы потому придерживались статей Василия Великого, что последний называл церковные обряды делом «человеческого предания», т. е. считал их малодостоверными. Далее следует ряд правил о свободе воли в принятии или непринятии как отдельных обрядов, так и всех христианской религии. Если согласиться с тем, что Иван Волк Курицын, как и новгородские еретики, отрицал почитание икон, то тогда можно предполагать, что он придерживался мнения о необходимости реформировать культ.

¹ Кормчая Ивана Волка Курицына, лл. 190—190 об.

² Кормчая Вассиана Патрикеева, лл. 51—51 об.; Сводная Кормчая, л. 570.

³ БАН, № 5, л. 189 об.; ГИМ, Увар. собр., № 557, л. 169.

⁴ Кормчая Ивана Волка Курицына, л. 286.

⁵ «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Казань, 1882, стр. 133. В Новгородском Синодике 1632 года московские еретики обвиняются в непоклонении иконам: «А законопреступником и злочестивым и гонителем и еретиком Арию, глаголю, и Македонию, и Несторию, и новые еретики Волка Курицына со единомысленники, и всем еретиком тако мудрствовавшим, и иже, аще не поклоняются образу господа бога и спаса нашего Иисуса Христа на иконе написанному и пречистой его богоматери и всем святым сим, глаголем, да будут прокляты» (ГПБ, Соф. собр., № 1059, лл. 84—84 об.).

Одну четвертую часть «Мерила праведного» Ивана Волка Курицына занимают статьи об ересях и еретиках (лл. 212—286 из 343 листов всей рукописи). Среди них главное место занимает Панарий Елифания Кипрского (IV век). Все эти статьи с незначительными сокращениями и изменениями встречаются во многих других Кормчих: в харатейном Рязанском списке Кормчей 1284 года,¹ в Соловецком списке 1493 года, переписанном монахом геннадиевского кружка Досифеем,² в погодинской Кормчей XIV—XVI веков,³ в Чудовской Кормчей 1499 года,⁴ в Кормчей митрополита Даниила 1522 года.⁵ Но они не были включены в печатные Кормчие 1650 и 1653 годов и в те официальные рукописные редакции, которые вышли из рук «осифлян» в XVI веке — Нифонта Кормилицына, Даниила, Макария. Отсутствуют они и в Кормчей Патрикеева. Среди правил, направленных против еретиков, представляет интерес апостольское правило, приведенное Курицыным следующим образом: «моляйся с жиды, да отлучится»,⁶ и толкование на него, в котором дается 45-е правило апостольской заповеди, запрещающее вхождение христианина в иудейский храм. В Кормчей Патрикеева и в иосифлянской Кормчей такого правила нет, хотя встречаются аналогичные.⁷ Можно предполагать, что Иван Волк Курицын отрещивался от каких-либо связей с теми, кого в то время обвиняли в иудейской ереси.

Выше было отмечено, что Вассиан Патрикеев, как и Иван Волк Курицын, широко использовал правила Василия Великого о согрешающих и об епитимиях, отличавшиеся крайней снисходительностью по отношению к еретикам.

Архиепископ Геннадий писал в 1489 году, что новгородские попы-еретики «да что он согрешит или блуд, или прелюбодейство, или ин грех сотворил, то удоб прощают, церковным каноном не последующе».⁸ Такое же отношение к ересям, как к человеческим заблуждениям, которые надо лечить, сказывается в двенадцатой грани Кормчей Ивана Волка Курицына и в Кормчей Вассиана Патрикеева. В главе третьей первой грани Вассиан повторяет, что еретиков следует сразу же принимать в лоно церкви, как только они покаются и проклянут свои ереси.⁹ В противоположность представителям воинствующей церкви, считавших необходимым жестокую расправу над инакомыслящими, Вассиан Патрикеев использует статью о Григории Акрагантском, который «своею премудростью и письменным явлением посрами еретики».¹⁰

Иосиф Волоцкий в 7-м «слове» «Просветителя» утверждал, что «от еретика надо бегать как от змея и отвращаться от него». Безусловное и жестокое преследования еретиков является с его точки зрения условием тесного сотрудничества самодержавного государя и воинствующей церкви.

В Сводной Иосифлянской Кормчей нет выделения особой серии богословских статей об ересях. Для составителей Сводной Кормчей Иосифа Волоцкого, Нифонта Кормилицына, митрополита Даниила и митрополита Макария самым важным было показать то, как церковь боролась

¹ ГПБ, Собр. Толстого, I, № 311, лл. 358—398.

² ГПБ, Соловецк. собр., № 858.

³ ГПБ, Погод. собр., № 285, лл. 75—98.

⁴ ГИМ, Чудовск. собр., № 167.

⁵ ГИМ, Воскресенск. собр., № 28.

⁶ Кормчая Ивана Волка Курицына, л. 153.

⁷ Сводная Кормчая, лл. 71, 134 об., 145, 151.

⁸ Послание архиепископа новгородского Геннадия к Иосифу, епископу ростовскому. Чтения ОИДР, № 8, 1847.

⁹ Кормчая Вассиана Патрикеева, лл. 52 об.—53.

¹⁰ Там же, л. 373.

с еретиками и укрепляла свое могущество. Обличительные статьи против еретиков вместе с многочисленными толкованиями следуют за соответствующими соборными правилами. Некоторые статьи об еретиках, встречающиеся в Кормчей Курицына, за исключением главной статьи Епифания Кипрского, подробно излагавшей все еретические учения, в Иосифлянской Кормчей имеются.¹

Обращает на себя внимание самый подбор правил и статей, которые должны были убедить в необходимости жестокой расправы с инакомыслящими. В пространном толковании на 27-е правило полного 85-правильного Апостола, занимающее по объему 39 листов,² оправдывается деспотичное отношение церкви к еретикам.

Требования казни еретиков и запрещения свободомыслия были идеологической основой теории компромисса «священства» и «царства» Иосифа Волоцкого. К одному из правил иосифлянской Кормчей об учительстве приводится ограничительное толкование, совершенно изменяющее смысл правила. В Кормчей же Курицына это правило приведено без всяких толкований: «Учитель, аще мирский человек будет искусен слову учения и нравом чист, таковыи да учит. Будут бо, рече, вси учени богу».³ Тема необходимости «учительства» проходит красной нитью через Кормчие Васиана Патрикеева и Ивана Волка Курицына. В 8-й и 9-й главах Кормчей Васиана Патрикеева и в 16—21-м главах «Мерила праведного» Ивана Волка Курицына (лл. 100—131) в огромном большинстве правил говорится о высокой обязанности епископов как учителей церкви. Многие из этих правил могли быть использованы против злоупотреблений церковной иерархии.⁴ Интересна глава 21 «О епископах и причетниках, иже играют и глумятся, и ловы деют или на позорище ходят, лихо и мзду священник да примет» (лл. 123—131). Против вымогательств церкви могло быть использовано правило Кормчей Курицына (л. 203), не встречающееся в Кормчей Патрикеева: «Яко не подобает епископом или причетником принуждати неких плоды приносить церкви, сиречь, приносить просфоры, или некая приношения, или ину некую работу творити и таковых ради отлучити от церкви или проклинати или не даяти причащения, или не крещати дети, аки и обычаи держашеся. Таковыи преступая же сию заповедь да отпадет от церковей правления ея». В «иосифлянской» Кормчей в вопросе о злоупотреблениях епископов подчеркивается иное: неограниченность их самоуправства и продаваемость церковных должностей (мздоимство) со ссылкой на законодательство Юстиниана.⁵ Стригольники конца XIV века и новгородские еретики (Захар) отрицали церковную иерархию на том основании, что все священники поставлены по мзде. Московские еретики если не отрицали иерархию, то все-таки несомненно выступали против злоупотреблений.

В «Просветителе» Иосиф Волоцкий вынужден был признать, что еретики если не всех «научили жидовствовати», то многих научили критике писания и предания. В XVI веке в среде «мнящихся были учителя» возникло мнение, что чтение книг ведет только к помрачению ума: «грех простым чести Апостол и Евангелие, не чти много книг, да не во ересь впадеши».⁶ Распространенным было мнение, что ересь возникает от непони-

¹ Например, «От главизн вкратце Тимофея презвитера» и «Иносказание об образе греховнем» — лл. 216—220.

² Лл. 81—100 (весь Апостол — на лл. 67—168). Эти толкования принадлежат митрополиту Даниилу (см.: В. Жакин, ук. соч., стр. 748).

³ БЛ, Рук. МДА, фонд. № 184, л. 184 об.

⁴ На эти правила обратил внимание еще М. Н. Тихомиров (ук. соч., стр. 98).

⁵ БЛ, Собр. Ундольск., № 27, л. 361 об. — 362.

⁶ РИБ, IV, стлб., 1384. См. также: А. С. Архангельский, ук. соч., стр. 201.

мания божественного писания.¹ Нестяжатель Артемий, игумен Троицкий, полагал, что «несть бо уже се еретичество, аще кто от неведения и чем усумнится или слово просто речет, хотя истину навикнути, паче же о догматах и обычаех неких».² Артемий призывает лечить заблуждения и «ребячество» еретика Башкина. «Нестяжатели» требовали учить мирян словом, т. е. обращаясь к Евангелию и Апостолу, а не писать иноческих преданий (уставов). С этим мнением боролся Иосиф Волоцкий в «Отвещании любозаборным» и в «Сказании вкратце о святых отцах, бывших в монастырех, иже в Русей земли сущих».

После седьмого титула Номоканона «О посте и четьредесятнице» в Кормчей Ивана Волка Курицына читается ряд правил, которые отсутствуют в Кормчей Вассиана Патрикеева. Одно из правил (л. 97), 108-е правило Карфагенского собора, гласит: «Свободном изволением кождо воздержание да примет. Толкование. Своєю волею кийждо человек благое да делает, а не понужи. Сего ради никто же не приводится понужди ко воздержанию и к христианству, но своим изволением и свободною волею и хотением». Вряд ли церковь нуждалась в XVI веке в завлечении необратившихся в православие уговорами о свободе выбора. Церковь чаще прибегала к методам принуждения, чем к проповедям. К проповедям обращались еретики. Христианская ортодоксальная литература рассматривает свободу воли (самовластие) как одно из главных качеств человека, данных ему в самый день первоиздания. Самовластие заключается в «вольном произволении хотения к добродетели и к злобе». В Изборнике 1073 года утверждается, что «по образу божию сотворьшу уму его, создан бы человек, рекше самовластен, уньшее ли или горьшее изволение самохотию избирая». Именно самовластие человека в толковании отцов церкви, начиная от Блаженного Августина (IV век), было источником его греховности. Церковь использует теорию самовластия для утверждения зависимости воли человека от божественного промысла. Это означало необходимость довериться во всем посредничеству церкви. Если русские вольнодумцы в конце XV—начале XVI веков выступали с утверждением учения о самовластии человека, это еще не значит, что они вносили новые, еретические мнения в общество. В формуле Федора Курицына «душа самовластна, заграда (т. е. ограда, — Ю. Б.) ей вера»³ нет ничего еретического. Для московских еретиков характерно обращение к учению о самовластии человека в связи с необходимостью разумного постижения, например, грамоты,⁴ «правденного суда»,⁵ истории человечества,⁶ т. е. действительности вообще. Подобный взгляд характерен для гуманистов, обращающихся к человеческому разуму в противоположность мертвой схоластической церковной догме. Как полагает А. И. Клибанов, «еретическое учение о самовластии человека означало, во-первых, господствующее положение человека в природе, во-вторых, неограниченные возможности познавательных сил ума человека, в-третьих, нравственное самоусовершенствование душевных качеств человека, в-четвертых, свободу для человека поступать хорошо или дурно»⁷.

¹ РИБ, IV, стлб. 1384.

² РИБ, IV, стлб. 1437.

³ ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 21/1098, «Лаодикийское послание», л. 4.

⁴ «Лаодикийское послание» Федора Курицына и «Написание языком словенским о грамоте» (БЛ, Рук. МДА, № 103, XVI в.).

⁵ «Мерило правденное» и «Повесть о Дракуле».

⁶ «Еллинский летописец» Ивана Черного (БЛ, Музейн. собр., № 597).

⁷ А. И. Клибанов. Учение о самовластии. (Из истории еретических движений конца XV—начала XVI вв.). (Рукопись Института истории АН СССР).

В «Написании о грамоте», которое принадлежит к литературе еретиков,¹ на вопрос «коєа ради вины грамота состроена» дается ответ: «Сеа ради вины грамота состроена, яко же бог создал и благославил человека животна, плодна, словесна, разумна, смертна, ума и художества приатна, праведна и безгрешна и потом дал ему самовластие ума, смерть и живот перед очима его предложил, рекше вольное произволение хотения к добродетели или к злобе, путь откровения изяществу и невеждеству и по безгрешию».² Далее рассказывается о том, что после умножения злобы в роде человеческом бог на спасение людей привел разум к «состроению грамоты». Иван Волк Курицын, используя богословские тексты, обращается к учению о самовластии. Между седьмой и восьмой главами Номоканона приведены правила Карфагенского собора (№№ 109—116), как бы объединенные в один целостный рассказ о пелагианском учении. Отсутствие ссылок на конкретные правила и соборы может говорить о том, что Курицын не придавал этим правилам значения юридических законов. Правила, помещенные между седьмой и восьмой главами, мы условно называем «трактатом о греховности человека». Приводим из него следующий отрывок: «Иже первозданного человека глаголет и без строения греховного умрети хотяща нуждею естествоною...

«Адама убо ни смертна створи бог, ни бесмертна же, посреде величества и смирения и самовластна того сотворив, остави, яко же камо восхождеть обратитися, аще на добродетель — наследить бесмертие, аще ли на злобу — смерть да примет. Аще бо и плоть имяше тогда человек, но не такое же, яко же ныне. И се рече Григорие Богослов: «еще в кожныя ризы облещися ему единаче в доблеишую плоть и мертвену и не таковужде, яко же прежде престепления, ни дебела беаше плоть адамова, ни естество смертна беаху же». Неции глаголюще, яко мертвен и сперва создан бысть Адам и умрети хотяще, аще не бы заповедь приступил. Сего ради убо, иже глаголет, яко Адам смертен и сперва от бога создан бысть и нуждею естества, аще согреси или несогреси, умрети хотяше. И глаголет, яко младенци не во оставление грехов крещаютъ, яко ничто же от адамова прародительнаго греха имуще. И о сем ясно апостолу вопиющу, яко единого ради человека грех во весь мир вниде и греха ради смерть. Или паки мудрствует некто, яко крещение убо первым грехом дает отпущение, помощи же не дает к тому не согрешати. Но токмо от нашего потщания се исправляется. Аще ли убо кто и се приемлет и благодать божию славит укрепляюще нас на творение заповедей, учит же, яко и кроме благодати божия исправити заповеди его может, обаче со трудом, да будет проклят. Не рече бо господь, яко без мене со трудом можете створити сие, но рече, яко без мене не можете творити ничто же».³

Можно предполагать, что Иван Волк Курицын, вслед за пелагианами, мог сомневаться в исконной греховности человеческого рода и мог считать факт первого грехопадения, из-за которого страдает человеческий род, величайшей нелепостью. Самовластие человека является причиной добрых и злых (греховных) дел в мире. Человеку вовсе не обязательно грешить. Разум его отличит хорошее от дурного, вера оградит душу от плохого, а добрая воля поможет совершить хорошие дела. Посредническая роль церкви в этом случае становится ненужной.

¹ Исследовано как памятник идеологический А. И. Клибановым. Издано Ягичем и Шахматовым в «Исследованиях по русскому языку» (т. 1, СПб., 1885, стр. 648—673).

² И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Сб. «Исследования по русскому языку», т. 1, СПб., 1885—1895, стр. 651.

³ Кормчая Ивана Волка Курицына, лл. 97 об.—99.

«Трактат о греховности человека» заканчивается интересным правилом: «Птица небесная и рыбы морская, — купно нерече божественное писание, — яко от моря есть бытие обоего сего, приводить же и преходящая пути морская, киты великия, глаголет, яко чрепину имущая кожу, от них же ни единая рыбы несть».¹ Смысл этого правила был бы совершенно не ясен, если не обратиться к «Истины показанию» Зиновия Отенского. Оказывается, это правило использовалось Феодосием Косым. В 60-х годах XVI века Зиновий Отенский опровергал мнение крылошан, полагавших, что человек, «рыбы великия в мори и гады, и киты, такоже и птица небесная, и звери, и львы, и слоны великия на земли» являются равнозначными творениями бога, которые рождаются и умирают естественным путем. Зиновий борется с утверждением еретиков о том, что для «исправления» и «поновления» «человеческого устройства» царь принесет большую пользу, чем воплотившейся в человека бог.² Учение о самовластии человека, развитое в «Лаодикийском послании», «Написании о грамоте» и в Кормчей Курицына, не без оснований можно считать гуманистическим. Это учение было направлено против существующей церкви, так как ставило под сомнение необходимость церкви в деле спасения душ. Архиепископу Геннадию и Иосифу Волоцкому приходилось не раз убеждать, что и поныне все спасаются от бога через посредство церкви. Внимание Ивана Волка Курицына к вопросам «праведного суда» позволяет предположить, что московские вольнодумцы видели в практической государственной деятельности, направленной к укреплению дворянского государства, «спасение» для людей. Их широкому обращению к разуму не противоречили взгляды на веру как на ограждение души. Официальная церковь боролась с широким пониманием свободной воли человека. Одна из статей Рязанской Кормчей 1284 года учит, «яко не подобает епископом, ни прозвитером пускати на волю дети свои, ни дать им самовласть».³ Автор «Беседы Валаамских чудотворцев» отрицает какую бы то ни было свободу воли. Он утверждает, что если бы человек был самовластен, то тогда не нужны были бы цари и князья. Вероятно, крайние еретические группы (вряд ли это были московские еретики) отрицали пользу властей вообще.

5

Первая часть Кормчей книги Курицына, «Мерило праведное»,⁴ тождественна с началом древнейшего списка «Мерила праведного».⁵ В середине статьи «Об исправлении суда» текст прерывается словами, смысл которых в том, что, когда судишь, необходимо иметь «страх божий и целомудрие».⁶

Древнейший юридический сборник «Мерило праведное», созданный в конце XIII века, состоит из двух частей: введения и главной части.

¹ Там же, л. 100.

² Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, стр. 263—265.

³ ГПБ, Собр. Толстого, I, № 311, л. 24, правило 35 Карфагенского собора.

⁴ БЛ, рук. МДА, фонд., № 187, лл. 1—43, «Сия книги мерило праведное».

⁵ Мы пользовались для сличения списком ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 145/1222, лл. 148—171, который является точной копией самого древнего из дошедших до нас списков «Мерила» — БЛ, Троицк. собр., № 15.

⁶ М. Н. Тихомиров предполагал, что статьей «Об исправлении суда» кончалось «Мерило праведное» первой редакции, к которой близко стоит единственный список Ивана Курицына (см.: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 94). Нам кажется, что «Мерило праведное» Ивана Волка Курицына в точности повторяет текст древнейшего «Мерила» и прекращение переписки древнейшего текста имело для Ивана Курицына определенный смысл, а именно: заострить во введении в Кормчей вопрос о «праведном суде».

В отсутствующей в книге Курицына части введения развиваются те же мысли о необходимости справедливого суда, о необходимости разумного отношения к вопросам государственного и церковного управления.¹ Это сокращение могло быть сделано в целях придания большей композиционной стройности вводной части. Содержание главной части, не вошедшей в «Мерило праведное» Ивана Волка Курицына, составляют светские узаконения греческих императоров, небольшое число статей по вопросам церковного судопроизводства.

В книге Курицына отсутствуют следующие главы из основной части: «гл. 16. Царя Константина закон судный людем; гл. 17. От различных рекше граний Иустиниана царя новых заповидий; гл. 18. От книг божественных повелений божественной кончины царя Иустиньяна; гл. 19. Леон и Константин. верная царя; гл. 20. Новая заповедь благочестваго царя Алексия Комнина; гл. 21. Новая заповедь, бывшие от христоролюбиваго царя Алексея Комнина; гл. 22. Воспоминание хранителя великого стража Иоанна Фракисия; гл. 23. Иустиниана царя 6 собора о взаконении монастырем; гл. 24. Изложение церковного соединения при Константине и Романе; гл. 25. Сде известно разделение возбраненных браков; гл. 26. Закона градскаго главы различны. Грани сорок числом».² Следующие главы из главной части сборника включены в Кормчую книгу Курицына: «гл. 1. Разум о винах или образ винам;³ гл. 2—14. Извлечени из соборных правил и сочинений отцов церкви;⁴ гл. 15. Закон Моисея;⁵ гл. 27. Устав Владимера о церковных людех и судех и о десятинах и о мерах городских;⁶ гл. 28. Суд Ярославль Владимерича;⁷ гл. 29. Устав Володимера Всеволодовича».⁸

Ряд мелких статей в конце рукописи: Афанасия Мниха «О наузе и стреле громней», некоторые соборные правила, статьи «о власех» и другие, включены в Кормчую Курицына.⁹

Как видимо, Курицын не включил в свою книгу законы византийских императоров,¹⁰ вероятно потому, что они были неприемлемы для Ивана Волка Курицына, так как в них была ярко выражена идея компромисса воинствующей церкви с царем.

На основании «градского» закона¹¹ казнили еретиков в 1488, 1490 и в 1504 годах. Иосиф Волоцкий апеллирует к «градскому» закону в «Про-

¹ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 170—187.

² ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 220—329.

³ ГПБ, КБ, № 145/1222, л. 188 соответствует БЛ, Рук. МДА, фонд. 187, лл. 283—284.

⁴ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 188—216 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 100—108 (т. е. 8-й грани Фотиева Номоканона).

⁵ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 216—220 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 286—293.

⁶ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 329—330 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 293—295.

⁷ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 330—333 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 295—301.

⁸ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 333—337 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 301—308.

⁹ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 337—339 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 309—311.

¹⁰ А. С. Павлов. Книги законные. СПб., 1885, стр. 37. А. С. Павлов вполне основательно предполагал, что интерес к законам византийских императоров усиливался с начала создания московского централизованного государства, со времени Ивана Калиты. А. С. Павлов приводит приписку из книги евангельских чтений 1339 года: «Сий бо князь великой Иоа[нн], имевше правый суд паче меры, помяная божественная исправления святых и преподобных отец по правилом монокануным, ревнуя правоверному царю Устиану».

¹¹ ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 145/1222, гл. 26.

светителе» и превозносит его, требуя казни еретиков. В 13-м слове он защищает «градские» законы от нападок, объявляя, что «„градские“ законы подобны сущь пророческим, апостольским и святых отец писаниям».¹ Именно на «градской» закон, т. е. на узаконения византийских императоров Юстиниана, Исаака Комнина и других, ссылались воинствующие церковники в ответ на обвинения их в мздоимстве со стороны стригольников.² Митрополит Симон на основании правил и «градских» законов разрешил Иосифа Волоцкого от отлучения Серапиона, архиепископа Новгородского, в 1509 году.³ Впоследствии митрополит Даниил резко нападал на Вассиана Патрикеева за «отвержение» им «градских» законов.⁴ Исследователь русского права М. Ф. Владимирский-Буданов замечает, что одним из источников для составления Уложения 1649 года были греко-римские, так называемые, «градские» законы, взятые из Кормчей официальной редакции. Так, например, главы X, XVII, XXII Уложения сходны с «Прохироном» Василия Македонянина, а глава I «о богохульниках» — с новеллами Юстиниана. Многие черты жестокости проникли в Уложение из «градских» законов.⁵

Можно думать, что для Ивана Волка Курицына «градские» законы были неприемлемы, потому что Курицын, возможно, был против подобного компромисса церкви и государства, создающего основу для жестокого преследования еретиков.

Книга Курицына открывается следующими словами: «Сия книги мерило праведное — извес истинный, свет уму, око слову, зеркало совести, тьме светило, слепоте вождь, притупен ум, сокровен разум, прикрут помысел, пастырь стаду, кораблю кормник, волком ловец, татем пес, воронам сокол, натопырем солнце, оку квас, червям соль».⁶ В 80—90-х годах XV века широко распространилась официальная редакция Кормчих книг в соединении с отрывками из древнего сборника «Мерило праведное».⁷ Однако характер соединения отрывков из «Мерила праведного» с Кормчей книгой был совершенно иной, чем в списке Ивана Волка Курицына. Ни в одной из Кормчих статья «Сия книги мерило праведное» и следующие за ней выборки из «Мерила» не играют самостоятельной роли. Во всех Кормчих книгах официальной редакции статья «Сия книги мерило праведное» помещается во второй редакции и после изложения всех апостольских, соборных и отеческих правил и статей, непосредственно после статей о ересь, и перед «градскими» законами и «Словом 165 отец обидящих святые церкви», например: в Чудовской Кормчей 1499 года,⁸ в Кормчей 1522 года митрополита Даниила,⁹ в Кирилло-Белозерской Кормчей

¹ «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Казань, 1882, стр. 588.

² АИ, т. 1, № 21, Послание митрополита Фотия во Псков; АЭ, т. 1, № 380.

³ АИ, т. 1, № 290.

⁴ Прени Даниила, митрополита Московского и всея Руси, со старцем Васьяном, 1531 г., мая 11. Чтения ОИДР, 1847, № 9.

⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. 3-е изд., Киев—СПб., 1900, стр. 242: «Будет кто иноверцы какая-нибудь веры или и русский человек возложит хулу на господа... того сжечь» (Уложение, гл. I, 1). Сожжение еретиков впервые возводится в норму государственного права в Уложении 1649 года. В Судебниках Ивана III и Ивана IV преступление против веры не упоминаются.

⁶ БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, л. 1 номер.

⁷ В П. Любимов насчитывает более 40 списков подобной редакции конца XV—начала XVI века. М. Н. Тихомиров предполагает, что эта редакция Кормчих в соединении с «Мерилом праведным» появилась при Иване Калите. Этот автор называет «Мерило праведное» в составе Кормчих книг «Мерилом праведным» второй редакции (М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 119—120). Однако списков старше 1480 года еще не найдено.

⁸ ГИМ, Чудовск. собр., № 167.

⁹ ГИМ, Воскресенск. собр., № 28.

1590 года.¹ «Мерило праведное» во второй редакции отличалось от отдельного юридического сборника XIII века «Мерила праведного» первой редакции, во-первых, порядком расположения статей и, во-вторых, тем, что оно встречается только в составе Кормчих книг. «Градские» законы, которые составляют основную часть «Мерила праведного», в контексте Кормчей оттеняли идею компромисса «священства» и «царства». Владельцами трех из пяти известных списков «Мерила праведного» первой редакции были московские митрополиты и патриархи.²

В XIV—XV веках мы не знаем сколько-нибудь оригинальных обличений неправосудия. Митрополит Алексей и митрополит Фотий,³ игумен Иосиф Волоцкий в 15-м «слове» «Просветителя» в той или иной степени подражали древнейшему «Мерилу праведному».

Иван Волк Курицын переписывает начало первой редакции «Мерила праведного», ставя на первое место перед Кормчей статьи о «праведном суде». «Мерило праведное» Ивана Волка Курицына требует справедливого великокняжеского суда, уравнивающего в правах и богатого боярина, и служилого дьяка, и купца, и инока, и сироту, и вдову, и нищего, и убогого. Неограниченное право великого князя распоряжаться жизнью и смертью подданных объявляется основой всего государственного строя. Как известно, автор «Повести о Дракуле», вышедший из посольской среды, оправдывает безграничное, деспотическое самовластие Дракулы. Та же тема «праведного» суда и самодержавной власти характерна и для дворянской публицистики Пересветова XVI века. «Егда судишь, имей страх божий и целомудрие», — поучает «Мерило праведное». Мысль, что мудрость имеет в конечном итоге своим источником «страх божий» через «откровение пророк» и «науку блаженную», характерна и для «Лаодикийского послания» Федора Курицына и для приписки к «Еллинскому летописцу Ивана Черного».⁴

Отрывок из Иоанна Златоуста «О цареve достоинстве», можно думать, переписан не случайно: Иван Волк Курицын мог разделить взгляд на «свободный ум» (термин Иоанна Златоуста) как на основное достоинство царя. «Се есть царь истинен, иже воздержится от ярости и зависти, и сладости, и ум свой соблюдет свободен и не дасть владети над своею душою владычеству сладостному, иже бо ум приставит над страстьми душевными, то крепко может владети над человеки божественным законом и быти предстатель подручником своим, со всякою кротостью беседа. По всем градом того ради бых нарекл царя землю, морю и гладом, и людем, и воем, а иже жаелает над человеки имети власть ярости и буети и сласти работая, то первое будет посмешен людем, зане злат венец носит украшен камением драгим, целомудрием не венчаяся, а тело его все хламидою покрыто просветися, а душа его скверна оастая. Потом же не вестъ, како власть свою исправить и жен до собою не умея владети и на нех, како может вести к божию закону. Царь венцем ума не приищет, ум бо царствует. Простии цареve прежде жертвою о правоверии беседуют, перед питьем ум и целомудрие, пред исполнением о мужестве».⁵

Сравним это интересное место с теорией царской власти Иосифа Волоцкого. «Царь бо божий слуга есть к человеком милостью и казнью. Аще ли же есть царь над человеки царства, над собою же имат царствующа

¹ ГПБ, КБ, № 1/1079.

² М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 105.

³ См.: В. Ф. Ржигала. Максим Грек как публицист. Труды ОДРЛ, I, стр. 44—45.

⁴ ГПБ, КБ, № 21/1098, «Лаодикийское послание», л. 4; БЛ, Пискаревск. собр., № 597, Еллинский летописец, л. 420.

⁵ БЛ, фонд., № 187, л. 26 об.

скверныя страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейший же всех — неверия и хулу, таковой царь не божий слуга, но диавол: не царь, но мучитель... Еже воздавати влаstem покорение и послушание: они бо имеют о нас попечение и промышление.¹ Это не оригинальный текст. Иосиф Волоцкий использует сочинения Иоанна Дамаскина (VIII век) для изложения своей теории. 6-е и 7-е «слова» «Просветителя», трактующие необходимость поклонения богу и царю, заимствованы из III и IV «Книг богословия» Иоанна Дамаскина.²

Курицын и Иосиф Волоцкий словами богословских произведений говорят, примерно, одно и то же о величии и о высоком назначении царской власти.³ Иосиф Волоцкий более решительно выразил эти идеи. Имеются и некоторые отличия. Курицын, возможно, полагал, что главное для царя — разум («ум приставит над страстями душевными») и кротость, ярость и зависть — самые большие грехи для царя. Мудростью своей царь устанавливает «праведный суд». Иосиф Волоцкий полагал, что самое главное для царя — борьба с еретиками («попечение о вере»), а самый страшный грех — «неверие и хула». «Царь — естеством человек, властью же — подобен богу» — таков смысл обеих теорий. Иосиф Волоцкий также считает, что «суд царю никем не посужается». «Неверие и хула», по мысли Волоцкого, исключают «подобие богу», и царь уже перестает быть царем в глазах людей, становясь тираном, «мучителем», «дьяволом».⁴ «Попечитель о вере» — идеал «благочестивого царя», полностью соответствующий духу теории компромисса «священства» и «царства». Нам представляется, что взгляды, изложенные волоцким игуменом в 7-м и 15-м «словах» «Просветителя», нельзя считать теорией, как полагает А. А. Зимин, «безусловного подчинения царской власти „священству“».⁵

В словах «занеже дело божие всех важнее» и в словах «подобает тем преклоняться телесне, а не душевне» нет ничего, что говорило бы о превосходстве святителя над царем.⁶ Святитель становится выше царя лишь в том случае, если последний подвержен «неверию и хуле». Но если царь имеет «попечение о вере», то он превращается в земного бога, и святитель не может иметь перед ним никакого превосходства. Если считать Иосифа Волоцкого теоретиком «русского папизма», то непонятно, почему патриарх Никон, утверждавший превосходство святителя над царем, «преподобного отца Иосифа Волоцкого поносил и называл „ябедником“ и образу его святому не поклонялся».⁷ «Праведный суд» и обмирщение государства, с одной стороны, или «попечение о вере», через слияние интересов церкви

¹ «Просветитель» Иосифа Волоцкого, Казань, 1855, слово 7, стр. 177—178.

² Об источниках сведений по разным наукам в древние времена России. «Православный собеседник», 1860, 1, стр. 181.

³ М. Н. Тихомиров в «Исследовании о Русской Правде» (стр. 125) заметил, что Иосиф Волоцкий для обоснования теории сильной и единодержавной власти в 15-м «слове» «Просветителя» использовал текст «Мерила», значительно его изменив: «Слышите, цари и князи, и разумеите, яко божи слуги есте» («Просветитель» Иосифа Волоцкого. Казань, 1882, стр. 304—305). В «Мериле праведном» этот текст пространнее: «Слышите, князи, разумеите, внушите держащи власть, величающися о народах, людех, яко от бога дана бысть держава нам, яко слуги божие есте» (БЛ, фонд., № 187, л. 16 об.).

⁴ Об этом же см.: В. Жмакин, ук. соч., стр. 91—92; В. Е. Вальденберг. Понятие о тиране в древнерусской литературе. Известия по русскому языку и словесности, 1929, II, кн. 1, стр. 217—218.

⁵ А. А. Зимин. О доктрине Иосифа Волоцкого. Труды ОДРЛ, IX, стр. 168. Мы рассматриваем взгляды Иосифа Волоцкого не в порядке их становления, а в окончательном виде, изложенном в полной редакции «Просветителя».

⁶ А. А. Зимин полагает обратное (ук. соч., стр. 172 и 173).

⁷ Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. — Антирелигиозник, 1934, № 3—4.

и государства, с другой стороны, — так ставили вопрос еретик Курицын и воинствующий церковник Волоцкий. Если бы Иосиф Волоцкий и хотел повторить подвиг Григория VII, то он не мог бы заставить Ивана III «пойти в Каноссу». Архиепископ Геннадий и Иосиф Волоцкий добивались прочного союза церкви и государства, недвусмысленно намекали Ивану III на «небрежение к вере», т. е. на попустительство еретикам, непростительное, пагубное, с их точки зрения, для всей страны. Еще в 1502 году Иван мог повелеть Иосифу замолчать,¹ но в 1504 году он уже был вынужден согласиться на сожжение еретиков. Тем не менее и в конце XV века и позднее русские митрополиты ставились по указанию государей. Торжественный и пышный церемониал поставления Симона в митрополиты в 1495 году должен был подчеркнуть зависимость митрополита от великого князя, т. е. церкви от государства. Идея «свободы церкви» излагалась в литературе на Руси не иначе, как в виде теории компромисса.² Иосиф Волоцкий вряд ли требовал большего, нежели союза «священства» и «царства», борьба за осуществления которого ожесточенно велась в течение всего XVI и в первой половине XVII века. Это была теория сильной воинствующей церкви, владевшей одной третью земли всей страны.

Компромисс между «священством» и «царством» имел место в Византии, а не в Западной Европе. Иоанн Дамаскин, на которого опирается Иосиф Волоцкий, — византийский богослов. Однако средством, с помощью которого Иосиф Волоцкий и его сторонники попытались осуществить такой союз и тем самым клерикализовать государство, явился «гишпанский огонек» 1504 года: кровь новгородских и московских еретиков в обмен на молитвы духовенства за царя.

Итак, взгляды Курицына и Иосифа Волоцкого сходятся в признании необходимости иметь сильную царскую власть. Если для Иосифа Волоцкого царская власть это средство для организации преследования еретиков, «попечения о вере» и укрепления могущества церкви, то для Ивана Волка Курицына «праведный суд» великого князя есть средство укрепления светской власти.

В XVI веке «нестяжатель» Вассиан Патрикеев и автор «Беседы Валаамских чудотворцев» требуют отдаления церкви от государства, настаивая на невмешательстве иноков в дело государственного управления.

Использование «Мерила праведного» дьяком Иваном Волком Курицыным в качестве введения к своду церковных законов является оригинальным и не имеет precedентов в литературе. Иван Волк Курицын переписывает «Мерило праведное» в обстановке общего интереса в 70—90-х годах XV века к упорядочению судопроизводства.³

В конце XV века период феодальной раздробленности уже изжил себя и кодификация права самодержавного московского государства стояла на очереди дня. «Ввиду роста хозяйственной мощи и политического влияния городского населения, оно все настойчивее ратует за „правду“, которая мыслится как порядок и „законность“, исключаящие мздоимство, „неправедный суд“ и насилия феодалов. Это положение особенно отчетливо выражено в многочисленных статьях знаменитого сборника XIV в. „Мерило праведное“, в котором проклинается „всяк судьяй непра-

¹ Послание Иосифа Волоцкого к Митрофану, архимандриту Андронниковскому. Чтения ОИДР, 1847, № 3, стр. 2.

² В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 201—222.

³ Подробнее см.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. 2, гл. V.

ведне“, резко осуждается „ярость и зависть власть предержавших“, „обидающая и насильствующая“».¹ Дворянство и горожане поддерживали централизаторские устремления Ивана III. Такие идеологи «праведного суда», как Иван Волк Курицын, выступали от имени широких слоев населения против феодальной раздробленности. Из всего материала главной части сборника «Мерила праведного» Иван Волк Курицын включил в свою книгу «Уставы» Владимира и Ярослава, а также Русскую Правду в пространной редакции, содержащей все 58 статей. В. П. Любимов и М. Н. Тихомиров относили данный список Правды к Троицкому виду Синодально-Троицкой группы.² Русская Правда в этой редакции использовалась для составления Судебника Ивана III.³ Во время торжественной коронации Дмитрия Ивановича 4 февраля 1498 года Иван III и митрополит Симон поучали Дмитрия: «Люби правду и милость и суд правый».⁴ В приписке на последнем листе Кормчей (л. 336 об.) читается следующее: «... а се писал аз, а велел ми ти...». Можно предположить, что повелеть Ивану Курицыну написать Кормчую книгу мог кто-либо из его единомышленников или, быть может, сам Иван III.

Итак, Иван Волк Курицын поставил на первое место перед сводом церковных законов памятник светский — «Мерило праведное». Н. В. Калачов писал, что основанием Кормчей является соединение Номоканона с собранием светских законов, помещаемых непременно после всех церковных правил и статей.⁵

Перестановкой местами этих двух частей, как можно думать, Иван Волк подчеркивал первенствующую роль «праведного суда» светской власти, опирающегося на «мерила разума и справедливости».

Использование текста «Мерила праведного» Иваном Волком Курицыным в качестве введения к Кормчей позволяет предположить, что правительство Ивана III, совершенно не склонное признавать учение еретиков, было связано с московскими еретиками не столько по линии церковного вольнодумства, сколько по линии практических государственных интересов, разделяемых Федором и Иваном Волком Курицыными.⁶

¹ Очерки по истории СССР. М., 1953, т. II, стр. 360—361. Цитируется в «Очерках» по рукописи БЛ, Троицк. собр., № 15, лл. 18 об., 26 об.

² Правда Русская, изд. АН СССР, М., 1940, стр. 29.

³ Об использовании Русской Правды пространной редакции для кодификационных работ см.: А. А. Зимин и А. Г. Поляк. Значение Русской Правды для развития русского, украинского и белорусского феодального права. — Советское государство и право, 1954, № 4, стр. 121.

⁴ ПСРА, XII, 248.

⁵ Н. В. Калачов. О значении Кормчей книги. Чтения ОИДР, 1847, № 3, стр. 18.

⁶ В этом отношении нам представляется весьма интересным высказывание Д. С. Лихачева о том, что «связи еретиков и правительства лежали вне самой ереси» (Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правящие круги Москвы конца XV века. Труды ОДРА, VI, 1948, стр. 110).

А. А. ЗИМИН

Общественно-политические взгляды Федора Карпова

Одним из наиболее ярких писателей-публицистов первой половины XVI века был Федор Иванович Карпов. К сожалению, действительное место его в развитии русской общественно-политической мысли до настоящего времени не выяснено. Карпова рассматривали обычно сквозь призму западного влияния, считая его чуть ли не прямым последователем немецкого доктора и богослова Николая Люева (Булева), долгое время жившего на Руси.¹ Считалось бесспорным, что Карпов выражал взгляды боярства.² Изучение сохранившихся материалов позволяет пересмотреть эту точку зрения.

Ф. И. Карпов принадлежал к числу виднейших политических деятелей времени правления Василия III и Елены Глинской.³ Первые сведения о нем относятся к 1508 году,⁴ последнее — к 1539 году.⁵ Вскоре после 1539 года он, очевидно, умер.⁶

Политическая деятельность Карпова проходила по преимуществу на дипломатическом поприще. Ф. Карпов принадлежал к числу верных сподвижников Василия III и был одним из руководителей восточной политики Русского государства. С. О. Шмидт даже считает, что Карпов «способствовал выработке правил русской дипломатической службы, которым следовали вплоть до конца 17 в.»⁷

Историки обычно считают Карпова боярином.⁸ Однако Карпов боярином никогда не был. В 1529 году, т. е. сравнительно поздно, он получил

¹ В. С. Иконников. Максим Грек и его время. 2-е изд., Киев, 1915, стр. 235. — В. Ф. Ржигя. Боярин-западник XVI века (Ф. И. Карпов). Ученые записки Института истории РАН ИИОН, IV, М., 1929, стр. 39—48.

² И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М., 1947, стр. 182—187. — Е. Н. Кимеева. «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова. Труды ОДРЛ, IX, стр. 220—234.

³ Подробно его биография изложена В. Ф. Ржигю (ук. соч., стр. 39—41).

⁴ Сборник РИО, ХСV, стр. 14, 19, 44, 45.

⁵ В октябре 1539 года Ф. И. Карпов присутствовал на приеме крымских послов (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 8, л. 650 об.; ср.: В. Савва. О посольском приказе, в кн. 1, X. 1917, стр. 325).

⁶ В описи книг Волоколамского монастыря 1545 года уже упомянута книга, которую по «Федоре по Карпове дали» (В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Приложение, стр. 15).

⁷ Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т. 20, стр. 251.

⁸ Это ошибочное мнение было высказано уже Филаретом (см. его статью «Максим Грек», — Москвитянин, 1842, № 11, стр. 51), а также издателями сочинений Максима Грека опубликованными письмом Ф. Карпова (Максим Грек, Сочинения, ч. III, стр. 274). Боярином считает Карпова также В. С. Иконников (ук. соч., стр. 196) и др.

звание окольничего.¹ После смерти своего брата, оружничего Никиты Ивановича Карпова,² Ф. Карпов получил в 1537 году звание оружничего,³ т. е. сделался одним из наиболее доверенных лиц при дворе Елены Глинской.

Близость Карпова к боярским кругам Е. Н. Кимеева пытается вывести из факта переписки его с Максимом Греком и из того, что в деле Берсеня-Беклемишева был замешан двоюродный брат Ф. Карпова Петр Муха Карпов (1525 год).⁴ Но ведь учеником Максима Грека был и Зиновий Отенский, выражавший взгляды осифлян; близок был к Максиму Греку также осифлянский архиепископ тверской Акакий; бывал в келье у Максима Грека Иван Грозный и т. д. Все это не делало названных лиц сторонниками боярской оппозиции. К тому же Федор Карпов не только не был близок по своим взглядам к Максиму Греку, но и в целом ряде случаев расходился с ним (например, в воззрениях на астрологию и др.).

Столь же неудачна ссылка и на Петра Карпова, ибо участие в том или ином процессе XVI века родственников могло и не бросать тени на видных политических деятелей. После 1525 года Ф. Карпов не только не попал в опалу, но вскоре получил думный чин. Сохранил свое видное положение при дворе и его брат оружничий Никита Карпов. Впрочем, даже Е. Н. Кимеева признает, что служебная деятельность Ф. Карпова «непосредственно служила укреплению Русского государства», считая в то же время, что мысли и взгляды публициста резко расходились с этой деятельностью.⁵

Федор Карпов принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Он должен был хорошо знать по своей многолетней дипломатической деятельности восточные языки,⁶ знаком был с латинским и греческим языками.

В своем послании к митрополиту Даниилу Карпов дает дословный перевод двух стихов из «Метаморфоз» Овидия,⁷ а в послании Филофею он замечал, что сочинения Филофея написаны «омировым... словом и риторским разумом».⁸ Отсюда мы выводим, что ему были известны в подлиннике или в извлечениях произведения Аристотеля, Гомера и Овидия. Карпов находился в переписке с образованными людьми своего времени — Максимом Греком, старцем Елеазарова монастыря Филофеем, митрополитом Даниилом и другими.

К сожалению, наши сведения о публицистической деятельности Карпова весьма ограничены. Опубликовано всего три послания этого писа-

¹ Сборник РИО, XXXV, стр. 792—793. Указания так называемого Шереметьевского списка (ДРВ, ч. XX, стр. 19, 24) о том, что Карпов был окольничим с 1516 по 1517 год, а умер в 1529/1530 году, ошибочны.

² Сведения о Н. И. Карпове как оружничем относятся к 1513—1526 годам (П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 52, 73).

³ Сб. РИО, LIX, стр. 65. В том же году двухлетний сын опального Андрея Старицкого, Владимир, был передан Карпову «блюсти» его (М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской. Исторические записки, кн. 46, стр. 284).

⁴ М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI в. Сб. «Московский край в его прошлом», ч. 2, М., 1930, стр. 112. Ср.: Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 221—222.

⁵ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 234.

⁶ В феврале 1538 г. Иван IV «велел грамоты (крымские, — А. З.) части Федору Карпову» (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 8, л. 473 об.).

⁷ См. сообщение В. Ф. Ржиги на заседании Отделения русского языка Академии Наук 22 февраля 1914 года. Известия Академии Наук, VI серия, 1914, № 15, стр. 1105.

⁸ БЛ, Собр. Тихонравова, № 380, л. 124.

теля: одно к митрополиту Даниилу¹ и два к Максиму Греку.² Сохранилось до сих пор не изданное послание Карпова к иноку Филофею.³ Это, конечно, далеко не всё литературное наследие Карпова.⁴ Некоторые материалы о его взглядах мы черпаем из пяти посланий к нему Максима Грека. Два из них посвящены опровержению взглядов Николая Немчина, энергичного защитника идеи соединения православной и латинской церквей.⁵ Два послания Максима Грека посвящены критике астрологических воззрений, которых был не чужд Ф. Карпов.⁶ Наконец, последнее послание его же по поводу недоумения Карпова относительно критики Максимом Греком взглядов Николая Немчина.⁷

В этих произведениях Карпов неоднократно награждается такими эпитетами, как «пречестнейший»,⁸ «премудрый».⁹ По Максиму Греку, Карпов был муж, украшенный «разумом и православием».¹⁰ Позднее Курбский также именовал Карпова «разумным мужем».¹¹

Федор Карпов интересовался самыми разнообразными отраслями человеческого знания. Максим Грек писал, что он не стремился «отклонить» Карпова «от врачества или от инаго некоего философского ведения... ниже от зрения небесных».¹² Следовательно, астрономия, медицина, «философия», политические учения, классическая поэзия входили в круг вопросов, с которыми Ф. Карпов был знаком.

Волновала этого публициста проблема происхождения земли и жизни на ней.¹³ Интересовали Карпова и вопросы богословские, однако в них он не был достаточно осведомлен. Прослышав о «мудрости» Николая Немчина, Федор Карпов обратился к нему с посланием, которое содер-

¹ В. Г. Дружинин. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века. ЛЗАК, вып. XXI, СПб., 1909, стр. 106—113.

² Одно издано Н. К. Никольским (см. его «Материалы для истории древнерусской духовной письменности», — Христианское чтение, 1909, № 8—9, стр. 1123—1124), другое — в примечаниях к одному из сочинений Максима Грека (Максим Грек, Сочинения, ч. III, стр. 274—277).

³ БА, Собр. Тихонова, № 380, лл. 124—124 об. О нем вскользь упоминал еще В. Ф. Ржига (Известия Академии Наук, VI серия, 1914, № 15, стр. 1105). Однако позднее в своей основной работе о Ф. Карпове Ржига об этом послании ничего не писал.

⁴ Так, на ряд не дошедших до нас посланий Карпова ссылается Максим Грек (Сочинения, ч. I, стр. 235—236; Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 1123).

⁵ Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 235—322. Второе послание является непосредственным продолжением первого; в одной из рукописей оно озаглавлено «Его же благодатию укрепляеми скоро и прочюю часть того слова пошлем, в ней же обличение глав Николаевых» (БА, Троицк. собр., № 201). Оба слова были написаны в то время, когда Максим Грек работал над переводом Псалтыри, т. е. до 1525 года (Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 237). В. Ф. Ржига датирует обращение Карпова, в ответ на которое были написаны послания, 1519 годом (В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 43). Однако он не приводит аргументы в пользу своего предположения.

⁶ Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 399—434, в частности стр. 347—376. Второе из посланий датируется 1524 годом (там же, стр. 353). Первое произведение, впрочем, не имеет прямого адресата; оно является скорее полемическим трактатом, чем посланием, обычно считается посланием Ф. Карпову на том основании, что в нем содержится рассказ о Людовике Миланском (стр. 427), входивший по словам Максима Грека, в его первое послание к Ф. Карпову (стр. 357); датируется обычно 1523 годом. (См.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, вторая половина. Чтения ОИДР, 1916, кн. IV, стр. 234).

⁷ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 1122—1123.

⁸ Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 280, 308, 320.

⁹ Там же, стр. 240, 241.

¹⁰ Там же, стр. 320; в другом месте (стр. 236) Максим Грек характеризует Ф. Карпова как мужа «в православии знаменита и многим во истину разумом украшена».

¹¹ РИБ, XXXI, стлб. 436.

¹² Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 371—372.

¹³ Там же, ч. III, стр. 274—277.

жало «вопрошания некая искушательне» относительно основных догм православия и католичества.¹ Николай Булев (Люев) прислал ему ответ, в котором утверждал, очевидно, что между православием и католичеством существенных различий нет. Не будучи в состоянии разобраться в этих вопросах, Карпов написал письмо Максиму Греку с просьбой изложить его соображения по поводу взглядов Николая Булева.²

Е. Кимеева считает, что «интерес Ф. Карпова к идее соединения церквей был своеобразным проявлением оппозиционности к существующему строю».³ Никаких оснований, однако, говорить о том, что Карпов разделял идею соединения церквей у нас нет. Переписка Карпова с Николаем Булевым и Максимом Греком по вопросу о католичестве и православии свидетельствует о пытливости передового мыслителя, но ничего не говорит о его «оппозиционности к существующему строю».

По богословским вопросам Карпов отнюдь не считал себя авторитетом и ссылался на Максима Грека, как знатока православия, начитанного в святоотеческих книгах. Когда некий священник не понял одного места в послании Максима Грека и высказал свои сомнения по поводу его взглядов, Карпов возразил: «Престани, Стефане... не можешь им одолети словом ему. Вем аз Максима».⁴ В сочинениях самого Ф. Карпова мы находим ссылки на Библию, на произведения Аристотеля, Гомера и Овидия, но там нет ни одной ссылки на святоотеческую литературу.⁵ Это, конечно, нельзя объяснить одной недостаточной осведомленностью Карпова в писаниях «святых отцев». Возможно, перед нами свидетельство своеобразного пренебрежения к так называемому «преданию», характерного для постепенного освобождения общественно-политической мысли от богословской оболочки.

Федор Карпов сочетал прекрасное знание современной ему действительности с хорошей литературной и философской подготовкой. Ошибочным является представление Е. Н. Кимеевой о том, что интерес Карпова к Овидию и Аристотелю — «показатель реакционности его взглядов», ибо «реакционные круги, ненавидя всеми силами центральную власть, стремились противопоставить русским порядкам западноевропейские».⁶

Жажда познания и глубокое уважение к «философии» (как совокупности известных тогда наук) и силе человеческого разума сочетались у Федора Карпова с отчетливым сознанием недостаточности собственных знаний и стремлением к их пополнению. «Мнит ми ся, отче, — писал он Максиму Греку, — подобает недомыслящемуся не стыдиться, о них же не доммыслия, но исповедати неразумие свое мудрейшим». Следует «мудрейшим вопрошати да добр совет ведут и неразумие на разум преложат и томлящуюся мысль добре успокоят». Ныне, писал Карпов, «изнемогаю умом, в глубину впад сомнения».⁷ Карпов обращался к Максиму Греку для разрешения своих сомнений прежде всего как к «философу».⁸ Он ценит «разумних ученых и мудрых».⁹ Его прельщают сочинения, кото-

¹ Там же, ч. I, стр. 235—236.

² Там же.

³ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 223.

⁴ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 124.

⁵ Поэтому неправда Е. Кимеева, подчеркивающая «прекрасное знание Ф. Карповым богословской литературы» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 224).

⁶ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 234.

⁷ Максим Грек, Сочинения, ч. III, стр. 275.

⁸ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 1124.

⁹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 106.

рые «омировым... словом и риторским разумом пригодне сложени, не варварски же, ни невежески, но грамотически уметельне сложена».¹

В своем послании Максиму Греку Ф. Карпов писал: «Философское писание учит, боле нас сам веси; не вся глаголют, творим, елико можем, ниже всему верим, елико слышим, ниже вся глаголем, елико познаем. Прочее же сам веси».² Нужно, следовательно, стремиться к знанию, приобретенному опытом. Для Карпова важно то, что «достойно есть естеству».³ Добытое знание Карпов стремился использовать для целей практических, в частности — как средство укрепления великокняжеской власти.

Федор Карпов, несомненно, увлекался астрологией. Он не прекратил изучения светил и после специального послания к нему Максима Грека, вынудив тем самым этого публициста написать ему новое увещание. Максим Грек советовал Карпову «не мудрствовать тако о поспешествах и утверждении царей, яко глаголати: не мощно кроме астрологии споспешествовати тем».⁴ Карпов, следовательно, стремился изучить астрологию, чтобы помочь укреплению самодержавия.

Сторонником самодержавной власти выступает Карпов и в своем послании митрополиту Даниилу. Время и обстоятельства появления этого послания до сих пор остаются неясными. Его издатель В. Г. Дружинин предполагал, что послание написано в связи с опалой Карпова и обращением к нему Даниила с советом смиренно сносить испытания.⁵ Этот же взгляд разделяли В. С. Иконников, В. Ф. Ржига и И. У. Будовниц. Е. Н. Кимеева справедливо заметила, что для предположения об опале, в которую якобы попал Карпов, никаких данных у нас нет. Вместе с тем сама Кимеева пошла по пути произвольных предположений. Она полагает, что Ф. Карпов был глубоко возмущен заточением Максима Грека и поэтому обратился к митрополиту Даниилу «за объяснениями, а, может быть, даже и просил его оказать снисхождение последнему». Митрополит якобы ответил Карпову посланием, в котором «обосновывал необходимость терпения и смирения в обществе, и это мнение переносил на Максима Грека. И вот после этого-то и появилось известное нам послание».

Е. Н. Кимеева датирует послание Карпова 1526 годом, т. е. временем, последовавшим за осуждением Максима Грека в 1525 году. Выступление Карпова против пороков, в том числе и разврата, она связывает с разводом Василия III и его новым браком (начало 1526 года).⁶ Каждое из перечисленных соображений представляет собою догадку, дающую «основание» для все новых домыслов. Никаких намеков на связь с делом Максима Грека в разбираемом послании нет.⁷ Безосновательно предположение о каком-то еще не дошедшем до нас письме Карпова митрополиту Даниилу, о связи послания с разводом Василия III и т. д.

¹ БЛ, Собр. Тихонравова, № 380, л. 124.

² В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 124.

³ Там же, стр. 106. Под «естеством» Карпов понимал природу. Так, человечество первоначально «во время естества» жило «под законом естественным» до того, как утвердился «закон Моисеев» (там же, стр. 110). «Естество человеческое» упоминает Карпов и ниже (там же, стр. 112).

⁴ Максим Грек, Сочинения, ч. I, стр. 357.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 33.

⁶ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 229—230.

⁷ Е. Н. Кимеева видит намек на это дело в рассуждениях Карпова «о царской милости» (ук. соч., стр. 230). Но о милости совсем не обязательно было говорить в связи с делом Максима Грека.

Несомненными остаются три факта: 1) послание Карпова является ответом на «эпистолию» митрополита Даниила;¹ 2) автор послания был «великими скорбьми одрѣжим»;² 3) в своем послании Даниил, вообще расположенный к Карпову,³ призывал его к терпению.⁴

Трудно сказать, когда написано было ответное послание Карпова, — скорее всего спустя ряд лет после заключения Максима Грека (до осуждения Максима Грека вряд ли Карпов одновременно находился в повседневной переписке с двумя столь различными по своим общественно-политическим взглядам деятелями). В начале своего сочинения автор воздает должное писательскому таланту и учености митрополита Даниила.⁵ Далее, однако, он вступает с ним в спор по вопросу о целесообразности терпения: «Аще речем, яко трѣпение паче есть потребно к соблюдению владычества или царства, тогда вотще сложены суть законы. Тогда обычаи святые и благые уставы разьрушены и в царствех и в начальствех во градах сожительство человек живет без чину».⁶ Е. Кимеева полагает, что выступая против «терпения», Карпов протестовал против концепции идеологов самодержавия (в том числе и самого Даниила), призывавших к покорности великокняжеской власти, т. е. выступал против неограниченной власти самодержца.⁷ Действительно Карпов выступал против осифлянской проповеди терпения. Но он выступал как защитник сильной самодержавной власти против цезарепапистских претензий воинствующих церковников. «Аще бо под трѣпением жити уставиши, — пишет Карпов, — тогда несть треба царьству или владычеству правители и князи; престанет убо начальство, владычество и господство и живется без чину... ниже треба будеть судей в царстве имети».⁸ Итак, если воцарится «терпение», то нарушится система господства и подчинения в стране, не нужны будут правители и князья. Карпов отличает церковное понятие терпения, когда оно Даниилом адресуется к светским властям, от подчинения народных масс этим властям, в необходимости которого он не сомневался: каждый народ должен иметь своих царей и начальников.⁹ Людям нужно жить «под цари, иже нас в царьствех и градах своих по коегождо сподоблению праведне пасуть, неповинных защищають, вредимых разьрешають, вредящих

¹ «Ныне убо что отвещаю тебе и како пресветлейшей эпистолии твоей конец наложити возмогу» (В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 17).

² Там же, стр. 106.

³ «Славиши мя честию, ей же убо недостоин есмь, везде о мне проповедаеши и писанин твоими угоднейшими мене чевствуа, поздравляеши» (там же, стр. 107).

⁴ «Веледушна мя твориши к терпению» (там же, стр. 108).

⁵ Е. Н. Кимеева говорит, что преувеличенность этих похвал свидетельствует «об ироническом отношении к адресату» (ук. соч., стр. 225). Скорее мы имеем дело с обычной книжной риторикой публициста XVI века.

⁶ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 108.

⁷ Е. Н. Кимеева (ук. соч., стр. 230 и сл.), вслед за И. У. Будовницем, считает, что Карпов протестовал против осифлянской концепции, согласно которой подданные должны покорно и терпеливо переносить все дела монарха — «справедливые и несправедливые» (И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 184). Тут уже неудачно изложены взгляды осифлян, которые отнюдь не оправдывали все дела монарха. Иосиф Волоцкий писал: «Аще ли же есть царь, над человеком царствуя, как собою же имати царствующа страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши всех неверие и хулу, — таковий царь не божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель... и ты убо такового царя или князя не послушаеши» («Просветитель» Иосифа Волоцкого, стр. 324—325).

⁸ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109.

⁹ «В всяком языке и людех треба есть быти царем и начальником» (там же, стр. 110).

и озлобляющих казнят, не исцелных же весма от среды благых возъмут».¹

Внедрение церковной доктрины «терпения» в гражданское общество особенно вредно может отразиться на положении господствующего класса феодалов, обладающих многими слугами, дорогостоящим имуществом, оружием и деньгами. Если заявить, рассуждает Карпов, что «так как я терплю, то и всем этим не владею», тогда я буду не в состоянии исполнять служебные обязанности и буду бесполезен для отечества. «Дело народное² в градах и царствех погибнет дльгодушеством тръпения».³

Итак, выступление Карпова против «терпения» имело ярко выраженный классовый смысл. Публицист защищал интересы господствующего класса и отнюдь не был против смирения и терпения угнетенных классов, ибо существование феодалов он не мыслил без повиновения им слуг и других зависимых людей.

Не сторонником боярских привилегий, а идеологом складывавшегося самодержавия, отвечавшего интересам дворянства, рисуется нам Федор Карпов по его посланию к митрополиту Даниилу. Борясь против проповеди «терпения», Карпов выступал против претензий церковников на руководство светскими делами, против подчинения государства церковной идеологии. Карпов считал, что «ин есть суд в духовных лицах, а ин в мирском начальстве».⁴ Он допускает существование терпения для лиц духовного сана, например для монашествовавшей братии.⁵ Такое подразделение на светское общество и духовное, в котором «терпение» сохраняется, имеет совершенно определенную цель подчинения церкви растущему самодержавию и, следовательно, также направлено против осифлян. Поэтому неправа Е. Кимеева, считающая, что попытка ограничить политическую роль церкви означала стремление ослабить центральную власть и представляла собой отражение идей нестяжательства.⁶ Выступление против одной из основных догм православной церкви — христианского терпения — было одним из проявлений нового гуманистического мировоззрения, постепенно освобождавшегося от церковной оболочки.

Карпов не ограничился критикой взглядов воинствующих церковников. В послании к Даниилу он изложил также свое представление об организации государственного управления. Негативная сторона в его выступлении дополнялась позитивной. Государства, по Карпову, должны строиться на началах «правды» и «закона». Правду, т. е. справедливый образ правления, он противопоставлял христианскому терпению. Осифлянскую теорию теократического самодержавия Карпов пытался заменить рационалистическим представлением об идеальном государственном строе. Он писал: «... правда есть потребна во всяком градском деле и царстве к прибытию царства; поне иже единому комуждо еже свое есть въздается, свято и праведно живется, — тогда хвала трпения погибнет».⁷

¹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109—110.

² Очевидно, перед нами дословный перевод с латинского «Res publica» (это предположение сделано А. И. Клибановым).

³ «В мирском же начальстве истязуют, многа бо подвластных овогда убо слуг, иногда оружии, другойци коней, иногда одеж красных, иногда ина коя състоятся серебром, пенеьми и аще реку: аз трплю, не имея же предреченных в что вменится мое трътение, разве оставится от отечества изгонится от службы честны, причтется нищ, ко службе не потребне и некако по его отечеству, к тому же и домовная потреба много стужит» (В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109).

⁴ Там же.

⁵ «В монастырех бо от братии никогда подобает оскудети трътению» (там же).

⁶ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 227.

⁷ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109.

Без правды и закона долготерпение разрушает строй жизни государства и делает людей непослушными своим государям.¹ В своей теории Ф. Карпов опирается на авторитет Аристотеля: «Всяк град и всяко царство, по Аристотелю, управлятися имать от начальник в правде и известными законы праведными, а не тръпением».² Грозою правды и закона самодержец («начальник всякаго самодръжства») должен «блудящих и врежающих грешник понудити... на согласие», а «добрых подвластных беречи своим жалованием и уроженною милостью».³

Карпов прямо не раскрывает, что он имеет в виду под правдой, — лишь в одном месте его послания говорится о введении правды судьями («иже коемуждо правду учинят»)⁴. Наряду с «правдой» не меньшее значение имеет в человеческом обществе и «закон»: «нужа бе человеком по вся времена под законы жити».⁵ Три ступени прошло человечество: первая — когда оно жило «под законом естественным»; вторая — «под законом Моисеевым» и третья — современная автору послания, когда человечество живет «под законом Христовым». Законы должны существовать для обуздания дерзких.⁶

Итак, если «правда» — справедливое управление государством,⁷ то «закон» — нормы человеческого общежития (понимаемые Карповым сквозь призму христианства). Но что такое справедливый строй, чьим интересам, по Карпову, он должен соответствовать? Выше мы уже подчеркивали дворянский аспект критики Карповым доктрины «терпения». То же можно отметить, разбирая представление автора об идеальном монархе.

Самодержец не должен потворствовать угнетению неповинных сильными. В противном случае он будет ответственен за грехи последних.⁸ Если же допустить существование в гражданском обществе «терпения», то «сильный погнетет бесилнаго».⁹ В этом выступлении против «сильных» звучал голос дворянского публициста против засилья боярской аристократии.¹⁰ «В нынешние времена, — писал Карпов, — мнози начальники на своих подвластных и сирых не призирают, но их под неверными приказьщики погнетатися попускають, о стражбе должной стада порученного не радяще, под тяжкою работою терпениа жити своих попу-

¹ «Долготръпение в людех без правды и закона общества добро разьрушает, и дело народное ни во что низводит, злыа нравы в царствех вводить и творит людей государем не послушных за нищету» (там же).

² Там же.

³ Там же, стр. 110.

⁴ Там же, стр. 109.

⁵ Там же, стр. 110.

⁶ «Сего ради законом быти нужна бе, да тех страхом человеческая дерзость запретится... Того ради даны законы да некто силне вся възьможетъ» (там же, стр. 111). Е. Н. Кимеева полагает, что Карпов, выступая против дерзких и злых, имел в виду двоярнство (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 231). Это — неправильное толкование вполне ясного текста.

⁷ Е. Кимеева считает, что под «правдой» Карпов «понимает законы, основанные на „обычаях святых и благих уставах“». Следовательно, по Карпову, царь должен управлять по законам, основанным на каких-то старых обычаях и традициях, а неограниченная власть — это беззаконие» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 231). Однако Карпов нигде не говорит, что правда основана на «обычаях святых и благих уставах», а тем более на «старых» обычаях. «Правда» не является ограничением власти монарха, а лишь путем к наиболее рациональному ее осуществлению (см., например, у Пересветова). Наконец, Карпов нигде не рассматривал неограниченную власть самодержца как беззаконие.

⁸ «Аще... неповинных от сильных погнетатися попустит, тогда грехи и насильства погнетающих своя творит за тая ответ въздати велиему судии должен» (В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 110).

⁹ Там же, стр. 109.

¹⁰ Там же, стр. 110.

скають».¹ Если публицисты нестяжательского направления, в том числе и Максим Грек, мрачными красками рисовали положение крестьянства в монастырских вотчинах, то Карпов впервые показал тяжкий гнет, которому подвергались крестьяне во владениях крупных светских феодалов.

Впрочем, идеология дворянства, настоятельно требовавшего укрепления централизованной государственности, не всегда последовательно проводилась Федором Карповым. К тому же в 20—30-х годах XVI века не вполне созрели те условия для решительной борьбы с боярством, которые сложатся позднее, после тяжелого опыта боярской реакции в годы малолетства Ивана Грозного. Критикуя боярскую аристократию в своем послании к Даниилу, Федор Карпов не намечает конкретных мер борьбы с засилием боярства. Даже больше — он полагает, что одних законов для осуществления справедливого управления недостаточно, необходима еще «милость» правителя. «Ради милости бо предстатель и князь от подвластных велми любитя, а истинны ради боится. Милость бо безъс правды малодушество есть, а правда без милости мучительство есть, и сия два разрушаютъ царство и всяко градосожителство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью укрощаема сохраняюу царя царство в многоденстве».²

Требование «милости» объективно являлось проявлением непоследовательности Карпова, не понимавшего необходимости решительных мер для борьбы с политическими противниками самодержавной власти.³ Именно поэтому он кончает свое послание картиной пороков современного ему общества, конкретных путей для уничтожения которых и торжества «правды», «закона» и «милости» он не нашел. «...хромыми ногами, — пишет он, — слепыми очами она земная власть и все естество человеческое ходить ныне».⁴ Угнетение сильными слабых, власть денег,⁵ социальная рознь («ныне брани везде»), усиление эксплуатации («вземляй ризу, хочеть взяти и срачицу... все прилежит ближняго похитить») — таковы некоторые из недостатков социального строя в России, которые подметил зоркий взгляд Федора Карпова.

Это не скорбь об уходящем в прошлое «золотом веке» господства боярской аристократии,⁶ а мучительное ощущение неустроенности реальной жизни, которая должна быть основана на началах «справедливости».⁷ Если Федор Карпов — первый из дворянских публицистов —

¹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 110.

² Там же, стр. 111.

³ Однако, конечно, неправа Е. Н. Кимеева, усматривавшая в сочетании «правды» с «милостью» «типичный старобоярский взгляд на власть царя» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 231). Ни один из идеологов боярства не поднимался до представления о «правде» как основе государственного строя, которое мы находим в сочинениях дворянских публицистов Ф. Карпова и И. Пересветова.

⁴ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 112.

⁵ «Златыя веки суть в истину ныне: много златом приходит сан, златом свевуется любовь, в цене цена ныне есть» (там же). Кимеева считает, что «выступление Ф. Карпова против золота можно расценить, как отголосок тяжелого положения в конце запутавшегося в долгах боярства» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 236). Это мнение, однако, автор не подкрепляет данными источников.

⁶ Мнение Е. Н. Кимеевой, что Карпов разделял мечту о возврате прошлого, об «обетованной земле живых», где вечны и неизблемы «старые обычаи» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 232), основано только на предвзятой начальной посылке о боярском характере взглядов публициста. Нигде о «старых обычаях» Карпов не говорит, как не говорит и о возврате вспять. «Обетованная земля живых» в данном случае не что иное, как аллегорическое представление о загробном мире.

⁷ Неверно, что обличение современных публицисту порядков переходит у Карпова «порой в прямое порицание современной ему государственной власти» (Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 228). Этого в послании Ф. Карпова просто нет. Только стремлением

понял эту необходимость реформ социально-политического строя, подверг критике хищническую политику «сильных» бояр, то следующее поколение этих публицистов и, в первую очередь, Иван Пересветов уже наметят конкретные пути укрепления централизованного государства и борьбы с боярской оппозицией.

* * *

Федора Карпова роднит с Иваном Пересветовым весь строй их мыслей как передовых писателей, выражающих чаяния растущего дворянства. Правда, при сравнении обоих публицистов нужно иметь в виду, что они писали в разное время; в 20—30-х годах XVI века не стоял еще так остро вопрос о государственных преобразованиях, как он встал после майского восстания 1547 года и периода боярского правления. Однако Федор Карпов, дальновидный мыслитель и политический деятель, сумел почувствовать неустроенность современного ему общества, вскрыть имевшиеся тогда в социальном и политическом строе язвы и показать необходимость построения государства, основанного на «правде», «законе» и «милости» в соответствии с интересами дворянства. В сочинениях Пересветова мы уже находим развернутую картину «идеального государства» — царства Магмет-салтана, который ввел в своем государстве «правду» и создал справедливые законы.

Несмотря на то, что у обоих публицистов в идеологии сохраняются следы религиозной оболочки («закон», как христианский закон, у Карпова и пересветовское «правда есть Христос»), оба писателя выступают как противники церковного мировоззрения. У них у обоих мы не находим и следов использования святоотеческой литературы; оба они в духе реформационных учений обращаются лишь к Евангелию и Библии, а чаще всего предпочитают обходиться и вовсе без каких-либо ссылок на церковные авторитеты (Пересветов в большей степени свободен от налета церковной идеологии, чем Карпов, вместе с тем в его сочинениях нельзя обнаружить следов влияния на автора античных писателей). В целом оба публициста оставили образцы вполне светской литературы, общественно-политической по своему содержанию.

Для выражения сходных общественно-политических идей оба писателя используют форму обращения к политическому деятелю. У Карпова это — послание, направленное митрополиту Даниилу, у Пересветова это — челобитная Ивану Грозному. Послание Карпова сохраняло больше черт зависимости от предшествующей литературной традиции, особенно от публицистических посланий Максима Грека. Большая челобитная Пересветова уже вполне свободна от выработанного ранее литературного шаблона полемического послания. В произведении Карпова явственнее обозначена критическая сторона, тогда как внимание Пересветова по преимуществу сосредоточено на положительной стороне вопроса строительства централизованного государства.

Лейтмотивом у Карпова является борьба с церковным мировоззрением и отстаивание идеи сильного и справедливого (с дворянской точки зрения) самодержавия. Пересветов уже не считает необходимым вести полемику с идеологами воинствующей церкви — он уже вовсе игнорирует иосифлянскую идеологию.

зачислить Карпова в лагерь боярских реакционеров можно объяснить вывод Кимеевой о том, что Карпов «в конце послания... выказывает себя противником всякого прогресса, всякого движения общества вперед» (там же).

Оба писателя высоко ценят «философские знания», «науку», «мудрость», которые они стремятся поставить на служение своим политическим идеалам. Именно поэтому астрологию и Карпов и Пересветов пытаются использовать в целях укрепления власти самодержца.

К числу основных представлений, характеризующих политические воззрения обоих публицистов, относится понятие правды как справедливых форм государственного устройства. У Карпова это понятие еще только декларируется и не раскрывается во всем его многообразии.

Пересветов уже не столько рисует необходимость введения «правды» в государстве, сколько показывает пути ее внедрения. Эти пути, столь неясные для Карпова, Пересветовым очерчены в обстановке начавшихся реформ середины XVI века довольно отчетливо. Оба публициста резко выступают против «сильных» (Карпов) или «вельмож» (Пересветов), хотя критика тягостных последствий хозяйничанья бояр в стране ярче и конкретнее у Пересветова, испытавшего на себе результаты боярского правления в малолетство Ивана Грозного.

И Карпов и Пересветов выступают против «терпения» или «кротости», которыми настойчиво советуют руководствоваться в политике иные приближенные монарха. «Кротость» или «терпение» могут привести к разорению и гибели государства. Разница между публицистами только та, что острее этого утверждения у Карпова направлено против осифлянской церкви, а у Пересветова — против вельмож.

Оба идеолога дворянства стоят за укрепление самодержавной власти государя. Однако Карпов считает, что это укрепление может быть достигнуто «грозою», сочетающейся с «милостью». Карпов, писавший в 20—30-х годах XVI века, не ставит еще вопроса об устранении боярства от кормила правления страной. Иное дело Пересветов, писавший после ликвидации последствий боярской реакции. Для этого публициста «царская гроза» — это воля самодержца, решительно отстраняющего от управления коварных и праздных вельмож.

Таковы сходные черты и некоторые различия в общественно-политических взглядах передовых представителей двух поколений дворянских публицистов.

* * *

Сочинения Федора Карпова не были на Руси случайным, одиноким явлением среди несправедливо забытых произведений, появившихся во второй четверти XVI века. Следует указать на послание неизвестного автора к новгородскому епископу Макарию (1526—1542 гг.).¹ Это произведение представляет собой блестящий образец яркого литературного стиля и своеобразного строя мыслей автора, столь показательных для первой половины XVI века. В. Ф. Ржигга, нашедший упоминаемое послание, отмечает у его автора «индивидуалистический порыв к славе, столь характерный для эпохи Возрождения».² Однако он напрасно связывает это послание лишь с западным влиянием. Автор этого послания

¹ ГПБ, собр. СПб. ДА, № 430, лл. 44—46 об. Рукопись середины XVI века. Водяной знак — перчатка (рука) с кружевами и с короной над нею (см.: А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих СПДА, СПб., 1894, стр. 390). Издано В. Ф. Ржиггой (см. его работу: К вопросу о западном влиянии в русской литературе 1-й половины XVI в. Юбилейный збірник на пошану акад. М. С. Грушевського, т. II, у Києві, 1928, стр. 231—236).

² В. Ф. Ржигга, ук. соч., стр. 231.

нам не известен. В конце единственного сохранившегося его списка есть помета: «Федора Ондреевича Карпо[ва]». В источниках упоминается голова в полках Ф. А. Карпов, но под 1552 годом.¹

Разбор самого послания позволяет сделать несколько предположений об авторе. Автор, очевидно, холоп, бежавший за рубеж от своего господина. Он находился где-то в Прибалтике, судя по тому, что послание адресовано новгородскому епископу и в нем упоминается католический епископ, а в слогe обнаруживается много полонизмов. Автор просит Макария ходатайствовать перед его бывшим господином, чтоб тот простил его и дал ему отпускную: «токмо рцы слово... и молви, государь, с прилежанием моему государю слово, дабы мя пожаловал, в моей вине простил и отпускную мне дал».² Таким образом, автором послания об освобождении от холопей зависимости не мог быть дворянин Ф. А. Карпов, ни сам Ф. И. Карпов (если бы было можно допустить опisku «Ондреевич» вместо «Иванович»), т. е. отпадают оба предположения В. Ф. Ржиги.³ Возможно, что помета относится к господину беглеца или под Ф. А. Карповым действительно скрывается беглый холоп. Но скорее всего эта помета вовсе не относится к данному посланию, а является заголовком следующего.⁴ Так или иначе, но автор ничего общего не имеет с представителями известной дворянской фамилии.

Послание начинается с обращения к Макарию, попечительства которого ищет автор: «В жестоких и болезненных страстях, всюду обуряемый бедами к пристанищу спасенному уповая, святых и богоподвижных ти ног целованию умилне себя поручаю». Автор славит «многоочитый ум» Макария,⁵ надеясь, что новгородский архиепископ «отженет от мене все уныние мое». Несмотря на то, что послание адресовано видному церковному иерарху, оно лишено церковного елeя и рисует нам автора, свободно и ярко излагающего свои мысли в ажурной форме красивых и убедительных слов, за которыми скрываются глубокие переживания русского человека, волею судеб оказавшегося на чужбине.

Автор с болью в сердце описывает свое положение вдали от родной земли и отчего дома. «Матери моя, — пишет он, — и братий и роду в своем отечестве пребывающим, мне же на чюже земли утрашуся, яко злодею».⁶ Он с грустью пишет «о разлучении нашем от сродник моих и боголюбивых сверстник моих, всего дружескаго их совета лишена». Он не первый «бегун» за рубеж, — бежали многие холопы до него и могут бежать после.⁷ Это вызвано, конечно, самим феодальным строем жизни на Руси; бегство являлось одной из форм протеста против все усиливающейся эксплуатации. Автор послания говорит, что он бежал не по собственной воле, а попал в затруднительное положение.⁸ Налетевшею бурей обстоятельств он был, как тленый лист оторгнут от ясеня и носим по воздуху,

¹ ПСРЛ, VI, стр. 306.

² В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 236.

³ Там же, стр. 232.

⁴ На л. 44 помещено аналогичное заглавие «Макарию а[r]хиепископу».

⁵ «Праведный твой ум и многочитый ум и твоя не усыпающая очеса, подобии небесным звездам озарению и паче же солнца зрением добротам спасающе, всюду мрачные скорбем нашестве просвещаши избавлением за безчисленныя ти святны добродетели» (В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 234).

⁶ Там же, стр. 235.

⁷ «Не аз бо первый бегци явихся в земле чуждей, но мнози и прежде мене и по мне такоже студне бежество сотворити имут» (там же).

⁸ Он пишет, что своих родственников и соотечественников «не волею же, ни хотением своим, но тако нагло нашедшею скорбию полишихся» (там же).

«пристанница не имея».¹ Пробовал автор путешествовать по различным городам, обливаясь в то же время слезами при воспоминании о родной земле,² говоря себе: «...и до дни смертного любезно ест не оставити свое отечество и видения рода лишитися».

Он просит Макария подать ему «руку помощи», как «в путях страждущу».³ В выпренной форме автор послания обращается с просьбой к Макарию ходатайствовать за него перед старым господином: «...гортань твой отверзет и расширит ума и справит язык и устремит молитву к лицу господина моего имя рек да прошение твое мое прегрешение умертвит и отпущение подаст до моего отечества и твоими бодрыми щедротами любовнейшими паки зрети могу приятеля». Свою мольбу автор сравнивал с «тростию косноумною ми по подобию утреняго ветра доносящуся к тебе».⁴ Положение беглеца на чужбине осложнялось тем, что его «бискуп ныне хошет крещением латинским крестити силою» и вообще он находился в затруднительных обстоятельствах.⁵

До сих пор послание неизвестного холопа не заняло надлежащего ему места в истории русской литературы и общественной мысли первой половины XVI века. Однако перед нами яркий литературный памятник, свидетельствующий о постепенном освобождении общественной мысли из-под гнета церковной идеологии. Послание неизвестного автора близко к посланию Федора Карпова митрополиту Даниилу, но оно еще более лишено налета церковного мироощущения, хотя и сохраняет в ряде случаев церковную фразеологию. В послании к Макарию мы слышим живой и страстный голос русского патриота, тоскующего по своей отчизне. Это послание свидетельствует о большом таланте его автора, изображавшего свою страстную мечту о возврате на родину в глубоко поэтических образах.

Автор послания вышел из самой толщи народных масс. Условия феодально-крепостнической России не давали возможности для развития подобных талантов. Но об их существовании свидетельствует приведенное выше послание и несколько позднее — деятельность Феодосия Косого, сумевшего сделаться самым передовым мыслителем своей эпохи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Послание Ф. И. Карпова старцу Филофею

Послание Феодора Карпова,

многоученному и о словесех тщалевейшему господину Филофею иноку Феодор Иванов сын Карпов радоватися о госпде и благоиметися во всех.

Восприах твое посланейце июля в 29 от имя рек, прочтох и разумех добре. Уподобляет бо тебе наученному мужу, износящему новоя и ветхая

¹ «Аки тленен лист от древа ясеннаго бурєю отторжен и ветром носим, пристанища не имея» (В. Ф. Р ж и г а, ук. соч., стр. 235).

² «И начат путешествовати, часто обращаяся и взирая на гради, на святые церкви, яко на звезды небесныя, якоже древле Адам на рай, слезы, аки реки многоводные от очий испущах» (там же).

³ Там же, стр. 230.

⁴ Там же, стр. 236.

⁵ «Злострастием и ругою иноплеменнаго рода сего з досажением есм всюду» (там же, стр. 235).

от сокровищ своих, по еуагельской истории Омировым бо словом и риторским разумом пригодне сложени, не варварски же, ни невежески, но грамматически уметельне сложена. Похваляю, яко разум божественных и человеческих умеюща и аще поделие поучение твоего разума, о иноче, такова суть добра и услажденна мощи веселити прочитающаго разума, какова убо будет изже¹ не спешне и просте, но со тццианием попеченым и зрением протяженнейшим сложима от тебе писание. И паки мне пиши и от нас примешши подобная, возмогай и паки возмогай.

БЛ, Собр. Тихонравова, № 380, лл. 124—124 об.²

¹ Так в рукописи: лучше читать иже.

² Текст на лл. 124—124 об. написан скорописью середины XVII века, отличающейся от почерка основного текста рукописи. Лист, очевидно, позднейшая вставка в рукопись.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Казанская царица Сююн-бике и Сумбека „Казанской истории“

Одно из видных мест в системе художественных образов «Казанской истории», историко-публицистической повести середины 60-х годов XVI века, занимает литературный портрет казанской царицы Сумбеки (Сююн-бике). Автор с особым вниманием останавливается на изображении этой женщины, ее дальнозоркого ума, ее трогательной любви к умершему мужу Сафа-Гирею, ее внешней привлекательности. Наиболее поэтические страницы «красной и сладкой» повести посвящены ей.

В нашу задачу входит попытка установить, соответствует ли художественный образ Сумбеки ее историческому облику, и поставить вопрос о характере источников автора «Казанской истории» при создании литературного портрета последней казанской царицы.

Первое упоминание о Сумбеке помещено в «Казанской истории» вслед за описанием смерти казанского царя Сафа-Гирея. Автор сообщает, что царь, «умирая же, приказа царство меншой царице своей Нагайнице, сын бо ему от нея родися». «Нагайница» — это Сумбека, дочь ногайского мурзы Юсуфа, вдова убитого казанцами в 1535 году царя Джан-Алия (Еналей, Геналей). Следует отметить, что в главе, посвященной времени царствования Джан-Алия (гл. 13), автор «Казанской истории» нигде не упоминает о его жене Сумбеке, несмотря на то, что в дальнейшем она занимает большое место в повести.

В 1532 году в результате переворота из Казани был изгнан Сафа-Гирей. Казанское правительство, возглавляемое сторонниками союза с Москвой, просило на казанский престол Джан-Алия — брата Шигалея (Шах-Алия), царствовавшего до Сафа-Гирея. Московское правительство дало согласие, и 29 июня 1535 года семнадцатилетний царевич приехал в Казань. В июле того же года в Москву из Казани было послано посольство для переговоров о согласии русского правительства на брак Джан-Алия с ногайской княжной. «И князь велики Яналеа царя брата и сына пожаловал, на ту волю дал и ослобонил ему у Юсуф мурзы нагайского дочь за себя взяти того ради, чтобы земля Казанская в упокое была».¹

Брак был задуман не без политического расчета. Среди ногайских ханов победу над своим братом Исмаилом одержал князь Юсуф. Московское правительство надеялось посредством союза Казани и ногаев обеспечить безопасность восточных границ; Казань находила поддержку

¹ ПСРА, VIII, стр. 282.

в сильном князе; Юсуф рассчитывал утвердить свою дочь в новой казанской династии и наряду с этим пристроить сыновей при дворе на высших государственных должностях. В сентябре 1535 года русский посол у ногаев Д. Губин доносил московскому правительству: «А к Юсуфу, государь, ис Казани дочь присылала Яналеева царица. Сказывают, государь, Яналей ее не любит. И Юсуф, государь, сказывают, послал х казанским князем, чтобы Яналея царя с Казани сослали, а дочь его ему отдали».¹ Юсуф, как видно из дальнейших событий, не только просил сослать Жан-Алия, но и прямо подстрекал казанцев к его убийству. 25 сентября 1535 года казанцы убили «прекраснаго, юнаго царя Геналлия Шигьяровича, в полате спяща».² В результате дворцового переворота восточная группировка, поддерживавшая претендентов на престол из крымской династии Гиреев, одержала верх, и в Казань возвратился изгнанный ранее царь Сафа-Гирей, который находился в течение всего изгнания у отца своей первой жены, ногайского мурзы Ших-Мамаю.

Сумбека после убийства Жан-Алия оставалась, видимо, в Казани, ибо возвратившийся на казанский престол Сафа-Гирей застал ее там. О том, что произошло после возвращения Сафа-Гирея, можно узнать из писем братьев Сумбеки к Ивану Грозному и писем Грозного к Юсуфу. «А Сафа-Гирей царь времени для ныне к нам таков. А из начала в братстве есмь с государи свои, с Темир-Кутлуевыми царевыми детми. Да еще брата нашего Яналия царя убил, да сестру нашу в полон за себя взял. Таков он сам недруг»,³ — писал Ивану Грозному брат Сумбеки Юнус. В письме к отцу Сумбеки — Юсуфу — Иван IV обнаруживает прекрасную осведомленность в оценке отношения к ней нового казанского хана Сафа-Гирея: «Сафакирей, крымский царевич, пришед крымских людей изменою, Яналея царя убил, а дочь твою взял и мноую ей соромоту учинил, как писати не пригоже».⁴

В 1546 году казанский народ, терпевший двойной гнет — своих вельмож и князей и «многих нагих и голодных крымцев»,⁵ которых привел с собой Сафа-Гирей, — восстал, «и казанские люди, не хотячи от него того терпети, да Сафакирея царя опять с Казани сослали».⁶

Автор «Казанской истории» сообщает, что народ для борьбы против общего врага — крымцев — вошел в соглашение с казанскими феодалами: «соединившись болшие с меншими. . . и свергоша его с царьства и выгнаша ис Казани со царицами его». В вину ему было поставлено, что «он приемляше своя земца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, вельможам им быти устраюша, и богатыше их, и почиташе, и власть велику обидети казанцев».⁷ Это было третье изгнание Сафа-Гирея из Казани. Казанцы его «мало не убиша за сию вину». Положение Сафа-Гирея было очень тяжелое. Автор «Казанской истории» сообщает, что Сафа-Гирей побегал «в Нагаи, за Яик и просвоитися тамо прибежав к зайицкому князю Исупу, дщерь его за себя взя, красносолнечну, мудру. . . И бысть ему жен пять и всех любимее первых жен».⁸ Действительно, Сафа-Гирей имел пять

¹ Продолжение Древней Российской вивлиофики (в дальнейшем — ПДРВ), VII, стр. 287.

² Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954, стр. 72.

³ ПДРВ, VIII, стр. 273.

⁴ ПДРВ, IX, стр. 127.

⁵ ПДРВ, VIII, стр. 142.

⁶ ПДРВ, VIII, стр. 142—143.

⁷ Казанская история, стр. 78.

⁸ Там же.

жен. Первая — дочь ногайского мурзы Ших-Мамай, вторая — «Сиберка», дочь сибирского хана, третья — крымская княжна из рода Ширин, четвертая — русская пленница, дочь какого-то князя и, наконец, Сумбека, ставшая его женой в 1535 году. То, что Сумбека стала женой Сафа-Гирея в 1535 году, а не в 1546 году, как сообщает «Казанская история», — совершенно ясно видно из писем ее отца и братьев к Грозному, приведенных выше. Автор «Казанской истории» в данном случае умышленно искажает факты. Для чего он это делает, будет показано в дальнейшем.

Сафа-Гирей прибежал в Сарайчик в 1546 году к Юсуфу — отцу своей пятой жены, на правах родни, и молил его о помощи. Юсуф мог помочь ему, он имел сильные военные отряды и, кроме того, его тяготило, что дочь его, Сумбека, находилась совсем не в том положении в Казани, о котором мечтал он, когда выдавал ее замуж за Джан-Алия. Юсуф ничего не имел против вмешательства в казанские дела. Вот что пишет об этом сам Юсуф в письме к Ивану Грозному: «Сафакирей к нам пришел да почал говорити: Пошли дей со мною сына своего да и рать мне свою пожалуй, дай. По твоему дей жалованию только Казань возьму, и яз дей в твоей воле учиню... И мы с сыном своим Юнус мирзою рать свою с ним посла и, да Казань есмя взяв, дали».¹ О том, что потребовал Юсуф за восстановление Сафа-Гирея на казанском троне, можно составить представление из писем к Грозному сыновей Юсуфа. В качестве поручительства за выполнение взятых обязательств Сафа-Гирей оставил заложницами своих жен. Юнус пишет, что Сафа-Гирей обещал ему: «А возму дей Казань, и яз дей Юсуфу князю да и вам дам Горнюю сторону, да и Арскую. А жен дей и детей своих у вас возьмем на окуп. На том нам Сафакирей царь в головах, и все крымцы роту и правду дали. И отец наш Юсуф князь в головах да и мирзы также приговорили».² Юнусу Сафа-Гирей обещал «дати мангитские доходы и учинить князем в Казани». Какие обещания были даны Юсуфу Сафа-Гиреем относительно Сумбеки, в документах свидетельств не имеется, но надо полагать, что честолюбивый Юсуф не согласился, чтобы его дочь попрежнему «держали в соромоте», и потребовал от зятя, чтобы он считал Сумбеку «любшее первых жен» и признал ее будущего ребенка своим наследником.

Пока Сафа-Гирей вел с Юсуфом переговоры, в Казани шла острая борьба московской и крымской группировок. К городу подошли русские войска во главе с Шигалеем, и «встужиша казанцы от частых войнах, находящих на них... и не ведаху откуду добыти царя себе, не хотя же от казанских царей не единого же знаемых поставити себе царя; ови же заложитися хотяше за московского царя, но бояться отомщения от него о старом преступлении; ови же старого царя, согнанного Сапкирея, из Нагаи привести его».

В результате победы московской группировки из Казани в Москву была послана делегация — просить на царство касимовского царя Шигалея. Московское правительство дало свое согласие. 13 июня 1546 года совершилась церемония возведения Шигалея на престол. А в это время Сафа-Гирей, с значительными военными силами ногайских татар под начальством брата Сумбеки Юнуса, подходил к Казани. Юнус при этом размышлял, что выгоднее: помогать ли Сафа-Гирею брать Казань в надежде получить «мангитские доходы» и стать казанским вельможей, или убить Сафа-Гирея и заключить мир, выдав Сумбеку замуж за Шигалея, т. е. «учинится в свойстве» с уже царствующим ханом и получить от него

¹ ПДРВ, VIII, стр. 143.

² ПДРВ, VIII, стр. 272.

за услугу те же «мангитские доходы». Письмо Юнуса к Ивану Грозному раскрывает характер ногайской родни Сумбеки: «Да примыслили были есмь, чтобы нам х Казани дошед вестей проведати. Только Шигалей царь похочет с нами потому же в дружбе и в братстве быти, как был Яналей царь, и с Сафа-Гиреем царем крымцев всех шестьдесят человек, и мы их побьем, а сестру свою дадим за Шигалея царя, и попрежнему в братстве будем. Так бы и есмь примыслили».¹

Шигалей был в Казани всего один месяц. Лишенный русского гарнизона, который он не мог ввести «по вере и роте» с казанцами, поминутно ожидая измены, он сам ушел из Казани. Уход Шигалея из Казани изменил планы Юнуса. «Как есмь пришли блиско Казани, аже Шигалей царь ис Казани ушел, и мы порозсудили, кого ж для нам Сафа-Гирея царя убити, да не убили».²

Вступив на казанский престол, Сафа-Гирей не выполнил своих обязательств по отношению к отцу и братьям Сумбеки. Об этом сообщает Грозному второй брат Сумбеки — Абдулла: «И мы Казань взяли да и дали Сафа-Гирею царю. А сами опять в мангиты пришли. А царицы у нас в мангитах зимовали. И на другое лето Сафа-Гирей царь ко отцу нашему к Юсуфу князю и к нам прислал, чтобы дей Юнус мирза царицы привел ко мне. . . И Сафа-Гирей царь и все ево крымцы как взяли царицы в свои руки, отцу нашему и нам свою роту и правду изменили, отцу нашему и дядем нашим Горние стороны и Арские не дали, а меня в Казани князем не учинили».³

Сумбека была единственной, кто сумел заставить Сафа-Гирея выполнять обязательства по отношению к ней. В 1549 году у нее родился сын Утемыш-Гирей (Мамшкирей), и в том же году неожиданно умер Сафа-Гирей. В это время развернулись незаурядные способности этой женщины. Ей было около тридцати лет.⁴ Житейский опыт и знание людей позволили ей в сложной обстановке придворных происков и интриг найти верный путь, чтобы остаться у власти, которой она ждала так долго. До сих пор ее судьбой распоряжались отец и братья, осуществляя свои политические планы. Теперь Сумбека развернула самостоятельную деятельность, примкнула к крымской партии, заняла враждебную позицию по отношению к Москве и вместе с этой партией оказалась побежденной в борьбе централизованного Русского государства с последним оплотом его врагов на восточной границе.

В 1549 году внезапно умер казанский царь Сафа-гирей — «пьян, руце свои и лице и нози умываху напрасно запеня ногама своима, и уда-рися во умывальный теремец главою своею, и заразися весь о землю».⁵ «Умирая же, приказа царство меньшей царице своей Нагаянине, сын бо ему от нея родися; трем же раздели имение свое равно царское и отпусти повеле во отечествия своя: большая же поиде в Сибирь, ко отцу своему Сибирскому царю; другая же в Асторохань, ко царю своему отцу; третья же в Крым, ко братии своей, князем Ширинским; четвертая же бе руская пленница, дщерь некоего славна князя, та по возвращении царя из Нагаи умер в Казани».⁶

¹ ПДРВ, VIII, стр. 273.

² ПДРВ, VIII, стр. 273.

³ ПДРВ, VIII, стр. 274—275.

⁴ Точный год рождения Сумбеки не известен. Но если полагать, что в 1532 году, когда она выходила замуж за Джан-Алия, ей было не менее двенадцати-тринадцати лет, то в 1549 году ей было около тридцати.

⁵ Казанская история, стр. 82—83.

⁶ Там же, стр. 83.

Итак, не считая сына русской княжны, который был убит русскими при обстреле Казани в 1548 году и который не мог быть наследником Сафа-Гирея, у умершего царя было несколько сыновей от четырех жен. Два взрослых сына Сафа-Гирея, Булюк и Мубарек, жили в Крыму при дворе дяди Сафа-Гирея — царя Сагиб-Гирея. Дети же с царицами зимовали 1546 год в Сарайчике у князя Юсуфа и его сыновей. В 1549 году от Сумбеки родился Утемыш-Гирей. Согласно «Казанской истории». Сафа-Гирей своим наследником признал двухлетнего Утемыша и назначил регентшей его мать Сумбеку, но «по смерти царева воста брань велика в Казани в вельможах его крамола и губительство зло».¹ Среди казанской знати шла ожесточенная борьба за власть: «вси бо творяхуся велики и властвовать в Казани хотяще».² Борьба шла, как уже указывалось, в основном между сторонниками союза с Москвой и сторонниками союза с Крымом и Турцией. Московская группировка в Казани имела связи с ханом Шигалеем, крымская — ждала хана Булюка. Положение Сумбеки в этот период было очень сложным: в случае победы сторонников союза с Москвой терялись надежды на царствование Утемыш-Гирея, ибо устранялась крымская династия Гиреев на казанском престоле. Победа крымцев, поддерживаемых военными отрядами умершего хана, привела бы на ханский престол старшего сына Сафа-Гирея.

Ногайская родня Сумбеки, тщательно взвесив шансы на победу обеих враждующих групп в Казани, учтя настроение многих казанцев, утверждавших: «нам дей без Москвы нельзя быти»,³ и видя, что перспектива воцарения Шигалея на казанском престоле становилась все более реальной, приняла энергичные меры к тому, чтобы Сумбека осталась у власти. В Москву от Юсуфа и его сыновей посыпались письма с предложением Сумбеки в жены Шигалею. Юсуф писал Ивану Грозному: «И ныне наше прямое к тебе слово то. И наперед сего мы с вами в дружбе были, а с Шигалеевым царевым братом с Яналеем царем в свойстве учинились были есмь, и над ним таков божьей суд стался. А ныне хотим с Шигалеем царем в дружбе и в свойстве быти и дочь свою хотим за него дати».⁴ В тот момент, когда к Казани подошли русские войска под командой незадачливого хана Шигалея, Юсуф был готов послать ему военную помощь: «Да приказал бы еси к нам, как срок учиниш и на котором месяце и в которой день хочеш Шигалея царя х Казани отпустить. То бы нам ведомо было. Ино бы и мы к Шигалею царю послали на пособь братию и детей своих с ними и рать свою».⁵ Авдули — брат Сумбеки — напоминает о браке Шигалея с Сумбекой: «А на перед до того был с нами в свойстве Шигалеев брат, а ныне дей с нами быти Шигалею царю, и доколе отынуды царь или царевичь не пришел».⁶ Юсуф боится, как бы Грозный не опередил его, и хочет непременно оказаться участником взятия Казани: «И мы бы дей отселе к Шигалею царю на пособь братию свою и детей своих послали».⁷

Сумбеке предстояло решить, на кого надежнее положиться — на ставленника Москвы Шигалея или на крымскую партию — опору Сафа-Гирея? Она имела все основания не доверять казанцам. Надежно ли будет царствование Шигалея, третье по счету? Но, с другой стороны, крым-

¹ Казанская история, стр. 83

² Там же.

³ ПДРВ, VIII, стр. 209.

⁴ ПДРВ, VIII, стр. 144.

⁵ ПДРВ, VIII, стр. 145.

⁶ ПДРВ, VIII, стр. 207.

⁷ ПДРВ, VIII, стр. 208.

ская группировка выставляла своих претендентов на казанский престол — старших сыновей Сафа-Гирея, живших в Крыму¹ Необходимо было расколоть крымскую партию, лишить ее единства И эту задачу Сумбека выполняла с успехом Она приблизила к себе главу крымцев в Казани — улана Кошак, дала ему все полномочия временщика и нашла опору в ханской гвардии, которая провозгласила казанским царем Утемыш-Гирея Кошак, «муж zelo величав и свиреп», обладал, видимо, незаурядным военным талантом В 1548 году он отстоял Казань от русских войск Он сумел на время прекратить раздоры и создать видимость единства в Казани перед лицом наступающего Русского государства Жестокая военная диктатура Кошака вызывала недовольство широкой массы казанцев; разбитые группировки обвиняли Кошака в узурпации ханской власти, говорили, что Кошак хочет убить Утемыша, чтобы самому стать царем в Казани Отколовшиеся от Кошака крымцы «послали в Крым послов просити помочи и сверстного царя»² Но русские казаки — Урачко с товарищами — перехватили послов, и ярлыки, таким образом, не дошли по назначению и стали известны московскому правительству

Автор «Казанской истории» показывает, какую неутомимую деятельность развила Сумбека перед лицом грозящей опасности. Она «веляше. . . в Казани осаду крепити и вои многих на помощь отвсюду збират, отколе пойдут к ним, от Нагаи, от Асторокани, и от Крыма, и от Азова, аще не достанет столиких своих вои на противление Руси, и давати им царьския казны злата и сребра без скупости найма, елико хотят».³ В то время, как ее отец и братья договаривались с Иваном Грозным о женитбе Шигаля на Сумбеке, она ставила себе задачей «царя касимовского Шигаля и воевод московских со всею силою рускою изгнати от земли Казанския и град новый (Свияжск, — Г. М) отняти, всячески им противитися, доколе мочно»⁴

В этих условиях тяжелого военного режима ходили слухи о связи — «любви блудной со царицею улана Кошака» Об этом говорили не только казанцы, эти слухи дошли и до Москвы «Не токмо вси казанцы ведаху от своея ему жены прелюбы творяща со царицею после царя, но и на Москве слышащим речь ту и во многих ордах»⁵ Все старания Сумбеки и ее любовника Кошака противопоставить могущественной Руси террористический военный режим в Казани не привели ни к чему Наемные войска «хотяху брань составити с Русью», а те казанцы, которые считали, что «нам дей без Москвы нельзя быти», говорили: «Мы немощни есмя ныне и не силны противитися воем руским».⁶

Таким образом, новым правительством в Казани единство достигнуто не было — «бысть между всех пря и несогласие во едину мысль».⁷

Когда в 1551 году близ устья реки Свияги, впадающей в Волгу почти против Казани, русскими был поставлен город Свияжск — форпост и военная база для завоевания Казани, то с постройкой города под власть московского правительства отошла вся Горная сторона. Казанцы долго не знали о строительстве города; когда же им об этом сказали, они «не яща веры, гордостию снедаеми, чающе малый градец поставлен, зовом

¹ Свидетельство историка Крыма Мухаммед-Ризы в «Ассеб-ссейяр» См. М Худяков Очерки истории Казанского ханства. Казань, 1923, стр 108

² ПСРЛ, XIII, ч 2, стр. 459

³ Казанская история, стр 92—93

⁴ Там же, стр 93

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ Там же

гуляй».¹ Народы Поволжья присягали «по вере и роте» московскому правительству. Всем было ясно, что дни Казани сочтены. Крымский гарнизон Кошак увидел себя в окружении врагов, и фаворит царицы Сумбеки решил бежать с семьей и близкими в Крым. Ночью, тайно, «не являясь никому», Кошак покинул со своим отрядом Казань. Казанцы дали весть о бегстве Кошака войскам Шигалея, стоявшим на всех перевозах вокруг Казани, и отряд беглецов был уничтожен, а сам Кошак казнен в Москве.

Теперь Сумбеке не оставалось ничего иного, как пойти на соглашение с Москвой путем брака с Шигалеем. Правительство Сумбеки обязалось признать Шигалея «царем на Казани», чтобы он взял Сумбеку «честно женой себе, не гордяся тобою, с любовью, не яко горкую пленницу, но яко царицу любимую и прекрасну».² Эта речь была «люба... царице и всем вельможам и всему народу казанскому». Автор «Казанской истории» описывает, что казанцы пировали и веселились 15 дней, надеясь, что это «мир, аки вечны». Сумбека, согласно татарскому обряду, послала жениху брашно и рубашку, изготовленные своими руками. Когда же Шигалей, получив подарки Сумбеки, велел дать брашно собаке, ту «расторже на кусы». Рубашку надели на приговоренного к смертной казни, и «отрок» тотчас умер. После этого Шигалей вызвал к себе казанцев и спросил их: «Яко по вашему научению сотвори сия мне царица ваша. Они же кляхуся, неведуще сего, и даша ему волю, яко же хочет с нею за сие зло».³ Шигалей «разгневался на ню» и «посла ю» в Москву, «яко прелютую злодейцу, со младым лвищем, сыном ея, со всею царьскою казною их».⁴ Казанцы же, пишет далее автор «Казанской истории», не стали «о ней со царем вопреки, что царица слово свое и клятву преступи... и волю ему даша вывезти царица невозбранно ис Казани».⁵

Таким образом, согласно версии автора «Казанской истории», Шигалей решил изгнать Сумбеку из Казани за то, что она хотела его отравить.

Посмотрим, как описывает события, связанные с изгнанием Сумбеки из Казани, составитель официозного рассказа о взятии Казани в «Летописце начала царства, царя и великого князя Ивана Васильевича», бывший в курсе всех событий, пользовавшийся документами и свидетельствами очевидцев.⁶

После того как из Казани убежал Кошак с отрядом крымцев, рассказывает автор «Летописца начала царства», «казанцы почали посылати к Шигалею и к воеводам бити челом, чтобы государь пожаловал, гнев свой отдал им, а пленить их не велел, и дал бы им на государьство царя Шигалея, а Утемешь бы Гирея царя государь к себе взял и с матерью Сююнбук царицею».⁷ Здесь же далее приведен весь текст челобитной, которую послал Енбарс мурза Ивану Грозному. Казанцы предлагали вывезти из Казани Сумбеку с сыном и «крымцев достальных и жены их и дети отдати государю».⁸ Иван IV дал согласие вести переговоры при условии выдачи казанского царя и царицы и «крымцев всех достальных и детей их». В августе 1551 года Алексей Адашев привез из Москвы от

¹ Казанская история, стр. 92.

² Там же, стр. 96.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. Летопись занятий Археологической комиссии, XXXIV, 1927, стр. 88—89.

⁷ ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 468.

⁸ Там же.

Ивана IV согласие посадить на казанский престол хана Шигалея, а Сумбеку с сыном вывезти в Москву. 11 августа 1551 года последняя казанская царица была отправлена в Свияжск. Шигалей и русские воеводы послали привезти Сумбеку с сыном князя Петра Семеновича Серебряного, который и встретил их «на Казанском устье». 12 августа князь Петр Серебряный повез пленников в Москву, куда прибыл 5 сентября 1551 года. На другой день после отправления Сумбеки из Казани, т. е. 13 августа, Шигалей в третий раз вступил на казанский престол.

Почему автору «Казанской истории» понадобилось ввести в рассказ об изгнании Сумбеки с сыном из Казани вымышленный эпизод с отравленной пищей и одеждой? Что вынудило самих казанцев выдать Сумбеку московскому правительству? Почему автор «Казанской истории» не описал действительный ход исторических событий и его рассказ так разнится от рассказа об этом же событии официального летописца Ивана Грозного?

Нам кажется не случайным то, что в челобитной, поданной московскому правительству от имени казанского народа, наряду с выдачей Сумбеки с сыном предлагается выдача московскому правительству «крымцев достальных и дети их». Можно полагать, что крымцы и Сумбека были обвинены в чем-то очень серьезном, если только при условии их выдачи Иван Грозный мог согласиться на мирные переговоры. Есть основания думать, что этим общим делом Сумбеки и крымцев была связь Казани с Турцией в надежде получить от нее помощь для борьбы с Русским государством.

Сказочный эпизод с отравленной пищей и одеждой в «Казанской истории» сделал Сумбеку виноватой только по отношению к Шигалею. и он, а не казанцы, изгоняет ее из пределов казанского царства.

Обратимся теперь к описанию изгнания Сумбеки из Казани в главе «Казанской истории» «О изведении царицы с сыном ея из Казани и о плачи ея».

Сумбека не знала, что ей предстоит ехать в Москву: «царице же не сведавше изымании своего: аще бы сведала, то бы сама ся убила». Она сидела в «превысоких светлицах», когда к ней по приказу Шигалея пришел московский воевода «князь Василий Серебряный и с ним вси 3000 вооруженных, 1000 огненных стрелцов».¹ С этой громадной военной силой Василий Серебряный вошел в Казань, чтобы взять «царицу со царевичем ея». С почтением русский воевода сообщил Сумбеке: «Поимана еси, волная царица казанская», на что Сумбека «умилно с тихостию» ответила «варварским языком»: «буди воля божия и самодержжеца московского»; потом она «заразися о руки рабынь, поддерживающих ю, и пусти глас свой с великим плачем и подвизающе с собою на плач и то бездушное камение».² Вокруг нее рыдали «честные жены и красныя девица», «и велможи, и властители, и вси царьсти отроци. И слышавше плач той и стекахуся народ ко цареву двору и тако же плакахуся, и кричаху неутешно, хотяху воеводу жива поглотити, аще бы мощно и воля, его камением побити».³ Приближенные Сумбеки, «ея старейши воеводы и вельможи», умоляют Серебряного «мало помедлить» с увозом царицы из Казани. Посоветовавшись с Шигалеем, Василий Серебряный «дал ей 10 дней пребыти в полатех своих, за крепкими стражами, да не убьет сама себе, и дав ее беречи велможам казанским, и сам почасту

¹ Казанская история, стр. 97.

² Там же.

³ Там же, стр. 97—98.

ходя назиравше ю».¹ В день вывоза Сумбеки вельможи вели ее «под руце», впереди шел Василий Серебряный, «а царевича, сына ея, пред нею несоща на руках пестуны его». Сумбека «упросися у воеводы у царева гроба проститися». Серебряный отпустил ее «за сторожами своими, а сам ту у двери стояще». Сумбека «сверже алатую утварь в главы своя и раздра верхняя ризы своя, и паде у гроба царева, власы главы своя терзающе и ноготми лице свое деруше, и в перси своя бьюще и плакася горко». Царица причитает над гробом Сафа-Гирея: «О милый мой господине, царю Сапкирее! Виджь ныне царицу свою! Любил еси паче всех жен своих, сведома бываема в плен иноземными воины на Русь с любимым сыном твоим, яко злодеица». В воплях отчаяния у Сумбеки прорывается ее злобная ненависть к Русскому государству: «Увы мне, не веси ли сего: се бо предается царица твоя врагом твоим, в руце надеемым сопостатам нашим, московскому царю». Она понимает, что не может «в рати битися силе и крепости его». Крымская группировка в Казани — ее опора — разбита и уничтожена, и она «не имех помогающих». Сумбека согласна, чтобы «от иного некоего царя пленена бысть была единого языка нашего и веры единых, то шла бы тамо, не тужа, но радостно и без печали». Два часа царица «причиташе... и кричаще, лежаще у царева гроба на земли». Когда ее подняли, «приставник» ужаснулся: «бе бо царица образом красна велми и в разуме премудра, яко не обрестися такой лепоте лица ея во всех в казанских женах и в девицах, но и во многих русских на Москве, во дщерях и в женах боярских и во княжнах».² Серебряный утешает Сумбеку «сладкими словесы»: «Не бойся, госпожа царица, престани от горкого плача, не на бесчестие бо и не на смерть идеши с нами на Русь, но на великую же честь к Москве ведем тя... и не отымется честь и власть твоя от тебе. Самодержец милость велику тебе покажет... но и паче возлюбит тя, и даст на Руси некия грады своя вместо Казани в них царствовать... И есть на Москве много царей юнных, по твоей версте, кроме Шигалея, кому поняти тя, аща восхощеши за другого мужа посягнути. А Шигалей бо стар есть, аки отец или дед, ты же млада, аки цвет красный».³ Казанцы провожали Сумбеку с сыном «честно всем народом градским, мужи и жены, и девицы, и мал и велик на брег Казани реки воюще горко по царице, аки по мертвой все». Казанцы любили Сумбеку, «поминающе ея разум и премудрость, и к вельможам честь, и ко середним, и ко обычным милование и дарование, и ко всему народу брежение велие». Везли Сумбеку в «царском струге» с большим почетом, с нею ехал русский воевода и «70 жен и девиц красных 30, добрододных на утеху царицы». Царский струг был окружен «стрелцами огненными», которые оберегали Сумбеку от похищения ее казанцами. Боялись, что «егда казанцы раскаются и достигоша царицу отымут».

Покидая Казань, Сумбека проклинает виновника ее изгнания — Шигалея: «И суди бог, мсти во всем супостату нашему и злomu врагу, царю Шигалею!».

Сравнивая рассказ о проводах Сумбеки, написанный автором «Казанской истории», с повествованием о том же событии, помещенным в «Летописце начала царства», легко заметить существенную разницу. По данным «Летописца начала царства», казанцы сами выдают Сумбеку с сыном московскому правительству; в рассказе «Казанской истории»

¹ Казанская история, стр. 98.

² Там же, стр. 99—100.

³ Там же, стр. 100.

ее увозят из Казани по наущению Шигалея. В «Летописце начала царства» казанцы привозят царицу и крымцев в Казанское устье, и только отсюда в Москву пленников везет русский воевода; в рассказе «Казанской истории» в Казань за Сумбекой с сыном послан князь Серебряный, который бережет ее здоровье, красоту, утешает ее, обещая от имени Ивана Грозного милости. Казанский народ, в обрисовке автора «Казанской истории», глубоко любит свою царицу Сумбеку. Она молода и прекрасна. Умерший казанский царь Сафа-Гирей любил ее «более всех своих жен», а сын Утемыш-Гирей был его «любимым сыном».

Для того чтобы дать исторический комментарий к этой части «Казанской истории», достаточно вспомнить уже приведенную выше переписку отца и братьев Сумбеки с Иваном Грозным и ответы Грозного.

Как уже указывалось выше, в 50-х годах XVI века Сумбеке было более тридцати лет. Шигалей родился в Касимове в 1505 году,¹ следовательно, в 1551 г. ему было сорок шесть лет и он был старше Сумбеки немногим более чем на десять лет, так что ни в отцы и тем более в деды он ей не годился.

О взаимоотношениях Сумбеки с Сафа-Гиреем, о которых можно судить на основании исторических документов, сказано выше. Относительно 70 жен и 30 девиц, которые, судя по рассказу автора «Казанской истории», поехали с Сумбекой в Москву «на утеху царице», можно полагать, что это те самые «крымцы и их дети», которые упоминаются в челобитной казанцев и которые были выданы московскому правительству одновременно с Сумбекой и ее сыном.

На этом в «Казанской истории» кончается описание событий, связанных с именем Сумбеки. В главе 93, где рассказывается о крещении последнего казанского царя — Едигера, глухо сказано о ее дальнейшей судьбе. Сумбеке было предложено креститься в православную веру: «добром нужна бысть крещение принять, и не крестися». Она была отдана замуж за Шигалея, потому что «замуж за иного царя ни за кого же не восхоте пойти, аще не царь Шигалей поимет ю». Царь Шигалей «взем за себя казанскую царицу и не любяще красоты ея, она бо хоте его в Казани былием отравити... и живше она в отлученьи у него и не в свете хранине заключена, аки в темнице, и спати с нею не схожашеся, и един раб его варварин з женою своею, оба стары и верны ему, приставлены кормить и служить ей, слова ради к нему самодержцова».

Попробуем воссоздать этот период в жизни Сумбеки, основываясь на переписке ее родни с Иваном Грозным.

Известно, что в 1551 году, когда Шигалей был реальным претендентом на казанский престол, мурза Юсуф и его сыновья настойчиво предлагали Сумбеку в жены Шигалею.²

Шигалей 15 августа 1551 года вступил на казанский престол, но царствовал он один месяц. Казанцы требовали, чтобы Шигалей добился от московского правительства возвращения Горной стороны с крепостью Свияжском, московское правительство требовало отказа со стороны казанцев от Горной стороны и возвращения русских пленных. Жестокая расправа Шигалея с остатками крымской группировки в Казани вызвала недовольство, нарочито подогреваемое казанской знатью. Из их среды был выдвинут проект унии с Московским государством с признанием русского наместника при условии сохранения всех прав господствующим

¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах СПб 1863 стр. 43—53.

² ПДРВ, VIII, стр. 144, 145, 205, 207.

щего класса. Шигалею было предложено оставить казанский престол. К моменту прибытия в Казань русского наместника — Семена Ивановича Микулинского — в городе вспыхнуло восстание. На ханский престол был призван астраханский царевич Едигер.

В 1552 году московское правительство снарядило грандиозный военный поход. В конце августа началась осада Казани. После полуторамесячной осады стены Казани были взорваны и город взят штурмом 2 октября 1552 года.

Взятием Казани не закончилось покорение Казанского ханства. В течение пяти лет длилась упорная борьба. Сотник Мамыш-Берды собрал отряд в несколько тысяч — остатки разбитых казанцев — и хозйничал на Волге выше Казани. В 1553 году казанские феодалы предложили престол ногайскому мурзе Мухаммеду, сыну Исмаила, но Мухаммед отказался, так как его отец склонялся к верному союзу с Москвой. На казанский престол был выбран брат Сумбеки, сын ногайского мурзы Юсуфа — Али-Акрам. Летом 1553 года Али-Акрам с 300 ногайцев прибыл в Чалым — опорный пункт для борьбы с Россией. Князь Юсуф решил поддержать сына и собрал громадное войско, чтобы осенью 1553 года вступить в пределы Русского государства. К союзу ногайцев и казанцев примкнуло Астраханское ханство. К борьбе против России Юсуф хотел привлечь и верного союзника Москвы ногайского князя Исмаила. Русский посол в Сарайчике Д. Губин писал в донесениях Ивану Грозному: «Да нагайской, государь, Юсуф князь послал к Смаил мирзе: яз де перекою за Волгу, а возму с собою Такбилди царевича Астраханского, да поедем воевать на Русь. Исмаил мирза с ним не похотел, да ему отговорил и промеж ими ныне великая нелюбка».¹

Для борьбы с Русским государством было нужно знамя, и Юсуф видел его в бывшей казанской царице Сумбеке. В Москву посыпались письма с требованием вернуть Юсуфу Сумбеку и внука Утемыш-Гирея. Иван Грозный понимал, какой вред может принести Сумбека, если ее отпустить в Сарайчик. Было необходимо удержать ее в поле зрения московского правительства. Для этого удобной формой отказа послужило замужество Сумбеки. Шигалей был братом ее первому мужу, и, опираясь на те же доводы, которые приводили Юсуф и братья Сумбеки, когда предлагали ее в жены Шигалею, Грозный теперь неизменно отвечал отказом. Царь писал Юсуфу: «И ты сам разсуди, дочь твоя была замужем за Еналеем царевым Шигалеевым братом... И ты писал многижды, что дочь твоя Шигалеев царев юрт».² «И Шигалей царь нам бил челом, что дочь твоя юрт его, и по вашему закону пригоже ей быти за ним. А дочь твоя за него захотела же».³ В письмах к мурзе Исмаилу Грозный отвечал так же: «Прислал еси к нам просити Юсуфовы дочери Сююнбек царицы, чтобы нам ее к вам отпустить. И мы ее хотели к вам отпустить. И Шигалей царь бил челом, что и Сююнбек царица юрт его, что была за братом его за Еналеем царем, и по вашему закону пригоже за ним быти».⁴

В 1553 году сын Сумбеки Утемыш-Гирей был крещен и получил имя Александр.⁵ В 1554 году Юсуф писал Грозному о том, что до него дошли слухи о дурном обращении Шигалея с Сумбекой, будто он ей отрезал нос

¹ ПДРВ, VIII, стр. 327.

² ПДРВ, IX, стр. 127.

³ ПДРВ, IX, стр. 328.

⁴ ПДРВ, VIII, стр. 334.

⁵ ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 527.

Грозный отвечал: «И женского обычая непригожих речей что слушати, где было тебе нам бити челом, и наше добро на веки памятовати. И ты женского для слова наше добро в недружбу ставиши казаков наших в нуже держиши и недружбами похваляешься».¹ Одновременно с этим письмом Грозный послал письмо Шигалею в Касимов: «Писали к нам Исмаил мирза, и Касей мирза и Юнус мирза. Сказали дей Юсуфу князю, будто ты, брат наш, по нашему слову Сююнбек царицу казнил, носа ей срезал и, поругание великое учиня, убил ее до смерти. И того для Юсуф князь на нас гневается, послов и гостей к нам не посылает. А наши казаки, Бахтеяр Баимаков с товарищи, нам сказывали тоже, будто сказали Юсуфу князю, что дочь ево казнена. И как Юнус мирзин Зиеналей и Вахтыгиллей к тебе приедут, и тыб ему велел быти у себя, да и у царицы бы еси у своей, у Сююнбек, велел им быти, чтобы они ее видели... А будет Сююнбек царице пригоже от себя к отцу и к матери своей послати грамоты о своем здоровьи известити; и ты бы ей велел послати грамоты, каковым пригоже быти, да и поминок что пригоже. А каковы грамоты Сююнбек царица к Юсуфу князю к матери пошлет и ты бы, брат наш, с тех грамот списки к нам прислал».²

Письмо это раскрывает нам отношения, установившиеся между Иваном Грозным, Шигалеем и Сумбекой.

Небезынтересно отметить, что слухи о судьбе Сумбеки, распространившиеся во враждебной московскому правительству среде, совпадают с последними сведениями автора «Казанской истории» о жизни Сумбеки.

Какие же выводы можно сделать, сравнивая образ Сумбеки, созданный автором «Казанской истории», и исторический образ ее, каким он представляется на основе документальных свидетельств эпохи?

Во-первых, автор «Казанской истории» в своем произведении охватывает только часть биографии Сумбеки — период с 1546 до 1551 года. Это наиболее блистательная пора ее жизни, годы, когда она считалась «первой», «любимой» женой Сафа-Гирея, и время ее регентства. Годы с 1532 по 1546 не нашли отражения в повести. Это время замужества Сумбеки за Джан-Алием, который не любил ее, время пребывания в «плоне» и «в соромоте» у Сафа-Гирея. Годы после 1551 нашли лишь глухой отклик.

Во-вторых, автор, показывая Сумбеку после смерти Сафа-Гирея, не раскрыл нам той роли, которую она действительно тогда играла в борьбе за власть. Связь ее с Кошкаком уланом объяснена не как политический шаг, вызванный необходимостью найти опору во враждебном лагере, а как внезапно вспыхнувшая любовь. Действительный смысл этого поступка Сумбеки был разгадан в Москве. Грозный писал в письме Юсуфу: «И как Сафакирей царь умер, и дочь твоя содиначась с крымцы и с казанцы многие нам грубости делали; и мы за те грубости сами х Казани ходили, а рати свои многие посылали».³

В-третьих, изгнание Сумбеки из Казани мотивировано автором личной обидой на нее Шигалея. Не показано, что на самом деле выдача Сумбеки с сыном была предложена казанцами, которые хотели отмежеваться от тех, кто участвовал в борьбе против московского правительства. Шигалей никакого участия в этом обращении в Москву не принимал, так как сам был в это время в Свяжске в качестве претендента на престол и приехал в Казань через два дня после отъезда Сумбеки.

¹ ПДРВ, IX, стр. 129.

² ПДРВ, IX, стр. 147.

³ ПДРВ IX, стр. 128.

И, наконец, в-четвертых, последнее упоминание о Сумбеке, о ее жизни в Москве после 1551 года, об отношении к ней Шигаляя очень сходно с версиями об ее жизни, усиленно распространявшимися ногайской родней Сумбеки.

В свете сказанного можно полагать, что автор «Казанской истории» отражал ту часть жизни Сумбеки, которая показывала ее с положительной стороны. О закулисных делах казанской царицы он или умалчивал, или тенденциозно искажал рассказ о них. Он нарисовал идеальный образ «вольной казанской царицы», отразив представление о Сумбеке тех враждебно к Москве настроенных слоев казанского общества, на которые она опиралась во время своего регентства и которые находили у нее поддержку. Устные рассказы и предания о Сумбеке уже тогда усиленно распространялись в Казани. Не прекратили они бытовать и после 1551 года. Об этом свидетельствуют письма ее отца и братьев.

Но мы знаем, что автор «Казанской истории», русский пленник в Казани, проживший там двадцать лет, был несомненным идейным сторонником московского самодержавия. Как же объяснить, что он, преследуя цель возвеличить могущество Русского государства и его главы Ивана IV, при создании образа последней казанской царицы Сумбеки воспользовался легендами о ней, исходившими из политически враждебных кругов?

Ответ следует искать в конкретной обстановке времени создания произведения. В те годы, когда писалась «Казанская история» (1565 год), отошли в прошлое сложные перипетии внутривосточной борьбы в покоренном Казанском ханстве. Изменилась обстановка в Большой Ногайской Орде: в 1554 году отец Сумбеки — Юсуф — был убит в междоусобной войне своим братом Исмаилом. Последний с этого года считался старшим князем у ногаев, которому подчинились и его враги — дети Юсуфа. После занятия русскими войсками Астрахани (1557 год) начались отношения полной зависимости Ногайской Орды от Русского государства.¹ Князь Исмаил принял на себя обязательства помогать московскому правительству в борьбе с его противниками и соблюдать прочный мир.

Таким образом, в середине 60-х годов XVI века была устранена та почва, на которой могли принести свои плоды честолюбивые мечты бывшей казанской царицы. О ней как о политической силе можно было больше не думать. Поэтому в произведении, посвященном взятию Казани, литературный портрет Сумбеки не отражает политической характеристики этой честолюбивой воительницы за власть и имеет мало общего с ее исторической личностью. Художественный образ Сумбеки создавался автором «Казанской истории» не на основе документальных данных (хотя они были в его распоряжении).²

Автор опирался на художественный опыт, накопленный древнерусской литературой в ее лучших образцах, и на татарский феодальный эпос. Исследователями уже отмечалась прямая зависимость описания прощания Сумбеки с Сафа-Гиреем от плача княгини Евдокии по Дмитрию Донскому из «Слова о житии Дмитрия Ивановича царя рус-

¹ Такое положение продолжалось до конца 60-х годов XVI века. После смерти Исмаила его сын и преемник Тинехмат в начале 70-х годов разорвал дружественные связи с Москвой и вошел в контакт с Крымским ханством (А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 28).

² Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». Труды ОДРЛ, IX, стр. 284—285.

ского».¹ Связь «Казанской истории» с татарскими историческими преданиями и легендами не может быть установлена в конкретных формах. Но несомненно, что описание попытки отравления Сумбекой хана Шигалея посредством присылки к нему отравленной пищи и одежды восходит к татарскому обычаю одаривания невестой жениха.² Несомненно и то, что характеристика Сумбеки как «первой» и «любимой» жены Сафа-Гирея отражает оценку ее определенными кругами казанских феодалов, поддерживавших ее политический престиж. Можно полагать, что сцены торжественных проводов Сумбеки из Казани также основаны на каких-то, не дошедших до нашего времени легендах и преданиях.

Автор «Казанской истории» свидетельствует сам, что он прибегал к устным источникам; он говорит, что слухи о любовной связи Сумбеки с уланом Кошчаком были известны не только в Казани, «но и на Москве слышащим речь ту и, во многих ордах». Рассказ о жизни Сумбеки в Москве также близко совпадает со слухами о ней, распространенными в Ногайской Орде.

Поэтизация Сумбеки в «Казанской истории», непосредственно связанная с самим характером источников автора, не противоречит общей направленности всего произведения в целом — прославить величие и могущество Русского государства. Живущая в Касимове бывшая казанская царица не являлась более политическим врагом. На Сумбеку распространялась та атмосфера благожелательности и уважения, которая являлась следствием умной и дальновидной политики, проводившейся русскими государями, начиная с Ивана III, в отношении восточных народностей. Известно, что при дворе Ивана IV находились и пользовались почетом «выезжие» на Русь татарские царевичи, в том числе сын Сумбеки Утемыш-Гирей (в крещении Александр Сафакиреевич), казанский хан Едигер, плененный при взятии Казани в 1552 году (в крещении Симеон Касаевич), крымский царевич Тохташых, царевич Кайбула, Дервиш-Алей, касимовский хан Шигалей и многие другие.³

Литературное мастерство автора «Казанской истории», сформировавшееся на основе художественного опыта древнерусской литературы,⁴ позволило ему с большим тактом и умением воспользоваться феодальным эпосом казанских татар для создания высоко поэтического образа «прекрасной и велми мудрой» последней казанской царицы Сумбеки.

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 168.

² На это впервые указал Г. Э. Куневич, сославшись на книгу М. Н. Пинегина «Свадебные обычаи казанских татар» (Известия Казанского общества археологии, истории и этнографии, IX, вып. 1, 1891): Г. Э. Куневич. История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 375.

³ Дела Тайного Приказа, СПб., 1908, кн. 2, стр. 60.

⁴ А. С. Орлов 1) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909, стр. 4—5; 2) Хронограф и «Повесть о Казанском царстве». Сборник в честь акад. А. И. Соболевского, Л., 1928, стр. 188—193.

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

**Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453)
в русской письменности XVI—XVII веков**

V¹

Как было отмечено,² пространная хронографическая повесть о взятии Царьграда турками (1453) объединяет вокруг себя в рукописных сборниках XVI—XVIII веков комплекс произведений о судьбах Византии. Чаще других в составе этого цикла встречаются:³

1) Сказание о происхождении Византии и ее названия (Увар. 670, в 4-ку; Увар. 138, Увар. 906; ГИМ 1305; Востр. 1132; Заб. 241; Погод. 1538);

2) Сказание о построении Царьграда Константином Великим (Троицк. 773; Увар. 138, Увар. 566, Увар. 670, Увар. 906, Увар. 1052; ГИМ 3144, ГИМ 1305, ГИМ 1388; Востр. 1132, Востр. 531, Востр. 954, Востр. 536; Синод. 792; Барс. 1525, Барс. 1548; Заб. 445; Погод. 1619, Погод. 1624);

3) Имена Царьграда — о числе ворот, башен, их наименования (Барс. 1530; Больш. 435; Увар. 542);

4) О царях турецких: «откуда беша» (Заб. 241, Заб. 445; Увар. 906);

5) Сказание Ивана Пересветова о Махмете, како хоте сожещи книги греческие (Заб. 488, Заб. 684; Увар. 906);

6) Ин перевод [сказание⁴] о падении Царьграда (Троицк. 811; Никоновск. лет. — ГПБ, F.IV.143; БАН 399);

7) Сказание о построении церкви Софии царьградской и толкование о св. Софии (Синод. 792; Увар. 537);

8) Повесть о Казарине (Синод. 792; БАН 399);

¹ Начало см.: Труды ОДРА, X, стр. 136—165.

² Там же, стр. 138—139.

³ В скобках указываю просмотренные мною тексты. Сокращенные обозначения этих текстов приняты мною следующие: Увар. — собрания Уварова, ГИМ — Гос. Исторического музея, Востр. — Вострякова, Синод. — бывш. Московской синодальной библиотеки, Барс. — Барсова, Заб. — Забелина, Хлуд. — Хлудова, Чуд. — бывш. Чудова монастыря в Москве, Епарх. — бывш. Епархиальной библиотеки в Москве, Единоверч. — бывш. Единоверческого Николаевского монастыря в Москве, Щук. — Щукина (все эти собрания — в Гос. Историческом музее в Москве), Больш. — Большакова, Троицк. — бывш. Троице-Сергиевой лавры (оба собрания — в Библиотеке СССР им. Ленина в Москве), ГПБ — Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде, Погод. — Погодина, БАН — Библиотеки Академии Наук СССР в Ленинграде.

⁴ Ср.: И. И. Срезневск^{ий}. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, вып. 3. СПб., 1900, стр. 899.

9) Перечень византийских царей (Никоновск. лет. — Троицк. 773).

Но не перечисленные статьи входят всякий раз в комплекс хронографической повести; чаще других встречаются такие группировки отдельных повестей о Царьграде:

а) Построение Царьграда, Взятие Царьграда турками (Троицк. 773; Увар. 537, Увар. 566, Увар. 531, Увар. 1052, Увар. 954; ГИМ 1388; Синод. 792; Погод. 1619, Погод. 1624; Барс. 1548);

б) Происхождение Византии, Построение Царьграда, Взятие Царьграда турками (Востр. 1132; Увар. 138, Увар. 906; Заб. 445);

в) Происхождение Византии, О турских царях, Взятие Царьграда турками (Заб. 241, Заб. 445);

г) Взятие Царьграда турками, Сказание Ивана Пересветова (Заб. 488; Увар. 906).

К этим, так сказать, основным группам сказаний в отдельных списках присоединяются те или иные из перечисленных статей, то по одиночке, то по несколько сразу. Есть в рукописных текстах и такие группы, правда, реже, где группируются (большей частью в Хронографах) некоторые из перечисленных статей, но без хронографической повести (например, ГИМ 3144 — только «Происхождение Византии» и «Построение Царьграда»).

Несколько иной, но в основе аналогичный охарактеризованному комплекс статей о Царьграде представляют печатные издания сказания о взятии Царьграда турками и списки с них XVIII века; он довольно уютчив в своем составе, в него входят:

1) Повесть Иосифа Флавия о пленении Иерусалима Титом;

2) «История вторая о пленении славного Царяграда (иже Константинополь и Новый Рим нарицается)»; это — переработка и новая редакция той же хронографической повести;

3) выписка из перевода с латинского «Opus chronologicum» (1606) Кальвизия (иначе Seth Kellwitz) сведений, касающихся осады Константинополя турками;

4) такая же выписка из перевода «Архонтологии» Иоганна Людовика Готофреда;

5) выписка из Степенной книги о том же;

6) статьи о св. Софии цареградской;

7) Пророчество царя Константина на его гробе, истолкованное Геннадием патриархом.

Таков состав изданий 1713 и 1716 годов (Москва) и рукописных текстов: Заб. 199, Заб. 200, Заб. 512; ГПБ, О.ХVII.31; ГИМ 3693. и мн. др.

Таким образом, намечаемый мною старший комплекс с его видоизменениями охватывает собою почти все циркулировавшие в старой русской письменности сказания о Царьграде. Вне этого комплекса стоят только упомянутый плач и летописные рассказы. Первый обычно встречается в качестве одной из статей старшей редакции Хронографа вместо обычной хронографической повести (Барс. 1787; Хлуд. 184; Погод. 1439, и др.), вторые помещаются обыкновенно среди известий о русских событиях XV века (см.: ПСРЛ, II, стр. 356—357; Соф. врем., II, стр. 63; ПСРЛ, VI, Соф. II, стр. 180; ПСРЛ, XX, Львовск., стр. 262).

Если сюда присоединить несколько текстов повести среди югославянских рукописей (каковы, например, Шафарик 10, 28, 29), то мы бу-

дем иметь весь основной материал для истории сказаний о взятии Константинополя турками в старинной письменности.

VI

Трагическая судьба Царьграда в 1453 году несомненно возбуждала живой интерес на Руси. Появлению письменных переводных и оригинальных произведений предшествовали слухи и устные сообщения, приносимые людьми или из «греческих» земель, или с Запада. Последнее особенно могло усилиться после начала переговоров о браке Зои Палеолог с великим князем. Конечно, эти устные сказания, подчас отрывочные, отдельные слухи непосредственно нам теперь недоступны в том виде и количестве, в каком они тогда расходились, но отзвуки их мы все же имеем возможность уследить в современной письменности. Я имею в виду те известия о Константинополе и его гибели (не зависящие от известных нам письменных специальных памятников), которые по своему фольклорному характеру могут быть возведены к устным рассказам как своим источникам.

Что такие рассказы действительно существовали, не только можно предполагать, но можно привести и фактические данные, притом от довольно раннего времени. Достаточно припомнить грамоту митрополита Ионы, данную в 1454 году Дмитрию Греку для сбора милостыни: «сесь... человек христианин православный, на имя Дмитрей, гречин пришел до нас от великого... того царствующего Константинаграда и поведал нам, что попущением божим, грех наших, от коликих лет не приемлемый и богом хранимый великий Константиноград безбожные туркове приаша, святых божия церкви и монастыреве разориша и святых мощи изожгоша, старцев же и стариц и иноков и инокинь, и весь греческий род многолетних огню и мечу предаша, а уных и младых в плен поведоша».¹ Ясно, что все это попало в грамоту со слов пропителя.

К таким отзвукам устных рассказов, записанных и обработанных человеком, осведомленным и интеллигентным, я склонен отнести и одно место из записки о бегстве вел. кн. Софии в Белозерский край, попавшей в Софийский временник под 1481 годом.² Составитель³ этой записки желает побудить сынов русских не щадить голов своих на защиту отечества от поганых: «да не узрят очи ваши пленения и ограбления святым церквам и домом вашим и убиения чад ваших, и поругания женам и дщерям вашим, якоже пострадаша инии велици славнии земли от турков, еже Болгаре, глаголю, и рекомии Греки, и Трапезонь, и Амория, и Арбанасы, и Хорвати, и Босна, и Манкуп, и Кафа, и инии мнозии земли. иже не сташа мужествени... Тако ми бог дал, видех своима очима грешныма великих государь, избегших от турков... скитающихся, яко страннии».⁴

Из того же устного источника идут и встречающиеся в летописных текстах сообщения о взятии Царьграда, большей частью помещаемые под 1453 годом среди известий о русских событиях, после смерти Ше-

¹ Акты исторические, т. I. 1841, № 264, стр. 496.

² Софийский временник, II. М., 1820—1821, стр. 221—222. Тот же текст в Соф. II летописи (ПСРЛ, VI, стр. 232), а также во Львовской (ПСРЛ, XX).

³ С. М. Соловьев приписывает эту запись дьяку Курицыну, А. А. Шахматов — архиеп. Вассиану, В. С. Иконников считает ее записанной со слов Константина Грека, впоследствии Кассиана Углицкого (см.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии Киев, 1908, II, 1, стр. 911—912).

⁴ Ср. несколько иной перечень царств в плаче (ПСРЛ, XXII, стр. 439).

мяки.¹ Эти летописные сообщения во всех списках, кроме Тверской и может быть Ростовской летописей, одинаковы и идут из одного общего источника — первоначальной записи в каком-нибудь летописном сборнике.² Вот этот небольшой рассказ по Софийскому времени: «Того же лета прииде царь турской ко Царюграду и положе [?] Мустафу Амуратовичи и взя Царьград прелестию. Посла к наместнику цареву рече: Сотвори ми се, яко возму Царьград; аще ли возму то поиму дщерь твою жену, и будеши мне отець и второй в царстве моем. Он же веле приступати ему от Лимени, идеже стена трухова. И бив пушками, взя Царьград и церкви святыя разори, в Софеи великой мизгить учини. а людей множество посече, а инии истспоша в мори, а сам седе в нем; наместника того повеле в котле варити и злой смерти предаде его и рече ему: Как ты мне хочеши верен быти, а как сотвори над предним своим государем?»

В этом рассказе налицо характерные черты фольклорного повествования: взятие города хитростью или предательством, обещание высокой награды предателю, справедливое возмездие ему за предательство («в котле варити») — все это мотивы, распространенные в устных сказках и анекдотах. С другой стороны, в рассказе сохранились отзвуки фактических событий, показывающие не только относительную близость рассказа ко времени самого события, но и опять-таки устный источник этих сведений. Турки действительно направили свои удары на наиболее слабую часть константинопольских стен, как о том говорили позднее и письменные источники; при осаде города действительно большую роль играла артиллерия (ср. выше хронографическую повесть); св. София обращена была в мечеть; завоевателем Царьграда составитель считает Мустафу (в действительности он не был сыном Амурата, а его братом, и ко времени осады Царьграда его уже не было в живых). Наконец, приведенный рассказ еще не знает имени предателя, хотя и знает, что он был крупным сановником — наместником самого царя.³ Словом, данный летописный рассказ содержит в себе запись слухов, дошедших в Россию, но уже в некоторой обработке фольклорного характера.

Коротенькая заметка о взятии Царьграда читалась в Ростовской летописи, но и она выдает свое устное происхождение, приписывая взятие Константинополя тому же Мустафе Амуратовичу: «Того же лета [1452] маиа в 29 день взят бысть Царьград от безбожных турок от Мустафы Муратовича».⁴

Своеобразна и независима от упомянутых небольшая заметка Тверской летописи; она сообщает только одну деталь в связи с падением Царьграда: «Того же лета взят бысть Царьград от царя турского от салтана; а веры руския не преставил, а патриарха не свел, но один зvon отнял. У Софии премудрости божия и по всем церквам служат литургию

¹ В поздних летописных сводах, каковы Воскресенский или Никоновский, эти сообщения, как мы видели, заменены повестью хронографической, иногда с присоединением после нее «Иного перевода» и «Сказания» Пересветова

² Таковы Соф. врем. (II, стр. 63), Соф. II (ПСРЛ, VI, стр. 180), Львовск. (ПСРЛ, XX, стр. 262).

³ На основан и письменных источников мы можем догадываться, что под этим «наместником царя» скрывается кир Лука, великий дука, имевший в руках большую власть; в то же время поведение его, судя по источникам, в среде современников считалось далеко не безукоризненным по отношению к царю и согражданам. См.: И. И. Срезневский. Повесть о Цареграде. Ученые записки II отд. Акад. Наук, кн. I, отд. III, СПб., 1854, стр. 61—68.

⁴ См.: А. А. Шахматов. О Ростовской летописи. Чтения ОИДР, М., 1904 I, стр. 35.

божественную и завтряню и вечерню поют без звону, а Русь в церкви ходят, а пение слушают, а крещение Руское есть».¹ Вероятнее всего, эта заметка, несколько искаженная уже в передаче («русская» вера, «Русь», «русское» крещение), идет от рассказа кого-либо, побывавшего в Константинополе вскоре после его взятия турками.

Как можно заключить из нашего обзора, отзвуков устных сообщений о взятии Царьграда в письменности сохранилось очень немного, особенно если принимать во внимание важность для русских людей самого события, а также и то, что первое время после взятия Константинополя эти устные рассказы были единственным источником сведений об этом событии, а приток беглецов из греческих земель в это время был особенно обилен в России. Таких устных рассказов, надо полагать, особенно было много преимущественно в правящих кругах, для которых эти рассказы имели и некоторый практический интерес, главным образом в политическом отношении. Московское правительство XV—XVI веков, как известно, даже прямо для этих политических целей собирало сведения о соседях, близких и дальних, записывало показания пришельцев («сказки», «опросные речи»), поручало собирать своим агентам («статейные списки»); часть этих сведений и сохранилась в столбцах московских приказов. Рассказы, занимательные в бытовом смысле (например, о чудесах, явлениях природы, обычаях и т. п.), изредка записывались и еще реже сохранялись, особенно для старшего времени (XV—XVI века).² Некоторая часть сохранившихся записей, правда, касается Царьграда, но к занятию его относится лишь одна (бывш. Рум. муз., № 63, XVI в.), да и та говорит (притом ошибочно) о годе взятия Царьграда и называет Мустафу как завоевателя.³ Несомненно, что сохранившиеся записи о Константинополе в XVI и XVII веках имели своим предметом позднейшее состояние Греции под турецкой властью, как более интересное для современников. Острота впечатления от взятия Царьграда (получившая такое яркое выражение в повестях начала XVI века) уже значительно притупилась. Продолжая интересоваться Грецией, интересовались другими сторонами ее жизни, более близкими современности, каковы общественные бедствия в Константинополе (землетрясения, необыкновенной величины выпавший град), или так называемые чудесные явления (всегда привлекавшие внимание) или же просто сведения о быте тамошних христиан. Таково большинство записей, касающихся Царьграда, собранных А. И. Соболевским.

VII

Краткая повесть «О взятии Царяграда от безбожных турчан», известная нам по спискам начиная с конца XVI века, связана с Хронографом редакции 1520 года, до нас дошедшей в переделке конца XVI века, в нескольких списках так называемого Хронографа, не деленного на главы, и в нескольких сборниках XVI—XVII веков, стоящих в той или иной зависимости от редакции Хронографа 1520 года.⁴ Вот перечень списков

¹ ПСРА, XV, стр. 495.

² Из числа двух десятков таких записей, собранных А. И. Соболевским, только три относятся ко второй половине XV века, к XVI — восемь, остальные — уже к XVII веку.

³ Она приведена целиком у А. И. Соболевского (Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв. СПб, 1903, стр. 384—385).

⁴ Установлению этой редакции и отчасти выяснению ее отношений к дошедшим до нас типу и редакциям Хронографа, не деленного на главы, посвящены стр. 113—118 исследования А. А. Шахматова «К вопросу о происхождении Хронографа» (Сборник ОРЯС, т. 66, 1899); от этой работы А. А. Шахматова я и исхожу в дальнейшем.

краткой повести, мне до сих пор известных: 1) ГПБ, F.IV. № 143 (Толст. I, № 173) — Хронограф, не деленный на главы, конца XVI века; ¹ 2) Заб. 678 — такой же Хронограф, конца XVI века; 3) Тихонравова 408 — Хронограф того же времени; 4) бывш. Виленской ПБ 110 (34) — Хронограф, XVII века; 5) Погод. 1404а — сборник XVII века хронографического состава; 6) БАН 991/3 — в сборнике XVII века, тождественном с предыдущим; 7) БАН 399 — в сборнике XVII века, аналогичном предыдущим; 8) Троицк. 811 (1910), начала XVII века; 9) в Никоновской летописи, непосредственно за обычной хронографической повестью (ПСРА, XII, стр. 78 и сл.); 10) Кирилло-Белозерск. мон. (в ГПБ), в сборнике.²

Краткая повесть в составе Хронографа особого заглавия не имеет (ГПБ, F.IV.143 и Заб. 678).³ Не имеет его она и в сборниках старшего типа (Погод. 1404а; БАН 399 и БАН 991). Встречается она и с заглавием: «Иной перевод — повесть вкратце о взятии Константина же града» — заглавием, явно не первоначальным (Троицк. 811, Никоновск. лет.). Краткая повесть в этих случаях идет непосредственно за пространной хронографической. Отсутствие заглавия повести в Хронографах и сборниках старшего типа объясняется тем, что она, внесенная в Хронограф, составила только часть одной из глав этого Хронографа, говорящей о византийском царстве, именно о царствовании последнего царя Константина: «Царство греческое 86 царя Константина, брата Калюянова. По Калюяне, сыне Мануилеве, царствова во Цариграде брат его Константин Драгош Палеолог лет 11, беда же много тогда налекаше царствующему граду от безбожных турок, и многи грады прияша и поплениша, и власть их зело простирашеса, и божиим поущением греческая же оскудеваше». Затем непосредственно начинается наша повесть: «В лето 6961 обращаше уж в мысли своей Амуратов сын Моамеф...» (Заб. 678, л. 238).

Начало повести, приведенное выше, одинаково во всех хронографических текстах и в сборниках старшего типа, но в Никоновск. лет. и Троицк. 811 находим иное. Перед обычным началом прибавлено: «В лета Константина, царя греческого, от создания миру в лето 6961 сие зло бысть» (Троицк. 811, л. 297 об.) — фраза, явно вторичная, стремившаяся дать повести, как отдельной, подходящее начало, построенная на материале главы Хронографа.

Краткая повесть в процессе своей истории была связана с Хронографом редакции 1520 года, которая, как показало исследование А. А. Шахматова, является результатом произведенной в Москве переработки редакции 1508 года. Краткой повести в этой последней еще не было. Таким образом, последняя могла быть составленной скорее всего между 1508 и 1520 годами, так как в редакцию 1520 года она уже была включена. Редактор 1520 года поставил себе целью превратить русский Хронограф в историю Западной Европы. Поэтому он отбросил все начало обычного Хронографа до «Александрии», опустил почти все события из

¹ По этой рукописи повесть издана целиком А. Н. Поповым: А. Попов. Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 87—91.

² Упомянут А. Н. Поповым (Изборник..., I, стр. 215) без более точного указания. Все перечисленные тексты краткой повести принадлежат к одной редакции и почти буквально совпадают друг с другом.

³ Упомянут А. Н. Поповым (Изборник..., I, стр. 215) без более точного указания. В последнем заглавии, приведенное мной выше, приписано киноварью на поле рукописи (л. 238).

русской истории и после взятия Константинополя сделал большое добавление из Хроники Мартина Бельского, а в самый предшествующий текст внес изменения на основании каких-то иных греческих (бывших уже в переводах) источников, которые пока остаются неустановленными. В числе этих дополнений мы должны предполагать и нашу краткую повесть. От этой-то редакции 1520 года пошли те списки Хронографа, не деленного на главы, дошедшие до нас, где мы и встречаем нашу повесть. Списки же Хронографа, не деленного на главы, предполагают своим источником не непосредственно редакцию 1520 года, а какую-то последующую (вероятно, явившуюся в конце XVI века, как предполагает Шахматов), от которой уже непосредственно идут списки Хронографа, не деленного на главы, до нас дошедшие. Эта предполагаемая промежуточная редакция по месту происхождения относится к юго-западу России, как об этом свидетельствует язык этих списков: по крайней мере четыре списка (Толстовский, Тихомировский, Забелинский и Виленский) — происхождения юго-западного, что поддерживается и упомянутыми выписками из Мартина Бельского в каком-то ином переводе, нежели употребленный составителем редакции Хронографа 1617 года (второй — по Попову).¹

Результат анализа списков Хронографа, не деленного на главы, для нашей повести сводится к тому выводу, что повесть эта появилась не позднее 1520 года, хотя и дошла в списках не старших конца XVI века.

По характеру своему краткая повесть должна быть сочтена переводной. «Не подлежит сомнению, что повесть эта переведена с греческого», — говорит А. А. Шахматов (ук. соч., стр. 117). Но поиски ее греческого оригинала до сих пор остаются безуспешными. Прямых гречизмов, которые бы указывали на греческий оригинал, в повести также не находим.² Однако есть на это указания косвенные в самом содержании повести. К числу их можно отнести реплику по поводу смерти Джустиньяни (он в повести назван на греческий манер: Иоан Иустиян — Ἰωάννης Ἰουστίνιανος) умершего в Хиосе от раны в бесславии: «Блажен бы был, аще бы в самех стенах Византийских дух отдал». Так мог сказать грек-патриот. Так же автором-патриотом резко осуждаются граждане византийские, скрывшие свои сокровища во время осады или перед нею:³ «Аще бы изнурили [сокровища] в зашищение отечества, и свою убо жизнь, нечто и отечеству свободу соблюли». Далее автор сообщает, что турки повели всех в плен и добавляет: «Грех наших ради... их же ради сами на себе гнев привлекхом, возлюбивше славу человеческую, славы божия отпадохом». Весьма возможно, что и эта тирада (в первом лице множественного числа) скорее могла выйти из-под пера грека, нежели была общим местом.

¹ Отдаёт мнение А. Н. Попова (Обзор хронографов русских редакторов. М., 1867 II, 25) о том, что по Толстовскому списку можно яснее судить о первоначальном югославянском Хронографе, легшем в основу русских. А. Н. Попов свое предположение основывал на присутствии в Толстовском списке юсов (точнее — большого юса), но наличие юсов в списке имеет иное объяснение: это — характерное для русских списков XVI века, так называемое «модное», болгаризирующее правописание Ср: А А Шахматов К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 21—22.

² До некоторой степени можно видеть след греческого оригинала в употреблении в тексте то «предградия», то «предградная»: может быть, греческое τὰ προάστια один раз передано существительным, другой раз — прилагательным в среднем множественном числе, как в греческом. То же, может быть, следует сказать и о слове «губительная» («греки свыше пушаху губительная» — прилагательное в среднем роде множественного числа без существительного), которое могло быть буквально переводом τὰ φθόριχα или τὰ φθόριμα, τὰ φθόρια, и т. п.

³ По взятии города сокровища эти были обнаружены

Предположение о греческом происхождении краткой повести поддерживается также тем, что отдельные ее детали и эпизоды передаются согласно, иногда и близко, к известным нам «Запискам» о взятии Константинополя, главным образом в «Истории» Дуки, частью Франтцы: видимо, греческий оригинал нашей повести местами был близок к этим «Запискам», хотя доказать, что он находился в зависимости от них, мы не имеем никаких данных. Это — только отдельные места,¹ передающие содержание согласно с этими «Записками», но по тексту иначе.

Кроме того, несмотря на краткость, наш текст дает то, о чем не упоминают эти «Записки». В начале краткой повести есть эпизод о построении Магометом городка на Босфоре (отсутствующий в хронографической повести): «Градок на брези фракийского Вьспора малым чим от Константина града вдалье другим изветом великою скоростью постави»; у Дуки также отмечена и быстрота построения городка (три месяца, см. ed. Вопп, р. 248).² Таково же сообщение нашей повести о посте турок перед началом осады («всему воинству заповедася, да в 5 день мая вьини постятся, а впоследующий день вьоружены да придут»), встречается оно и у Франтцы (стр. 269). К точкам соприкосновения по содержанию нашего текста с греческими мемуарами современников следует отнести также то, что в нем говорится об Иоанне Джустиньяни: «Иоан же Иустиян у Генуе граде в месте нарочите рожен, иже в предварших днех един спасти град непщевашеся, уязвен бив на брани; се[и], яко уразуме низ текущую свою кровь, даже не иных устрашит и врачь ища, втай себе изведе от брани. Самодръжец же яко уразумев Иустиниана отшедша, камо и поиде, вопрошаше, преставша же молит не отступити от брани. Он же, никакоже послушав, отворити врата повелеваеть, ими же паки внииде в град, язву исцелив. . . Иустиян же в Галате граде бив и оттуде на Хиин остров отплы, тамо от язвы или от труда в недуг впад, с бесславием жизни разрешив».³ О Джустиньяни, как сыгравшем видную роль при осаде Константинополя, говорят все мемуаристы, хотя и с различными подробностями, но в главном более или менее одинаково: раненный, он покинул ряды защитников и удалился, что роковым образом сказалось для греков в их борьбе с турками. В сравнении с Франтцей наш текст дает кое-какие подробности, которых у него нет, но нечто подобное есть у Дуки, а также сведения, которых нет ни у того, ни у другого (например, о смерти Джустиньяни на о. Хиосе).

Наконец, можно отметить некоторую близость нашего текста к Дуке в конце, именно — в повествовании о кир Луке архидуксе. Наш текст сообщает об убиении его сыновей приблизительно то же, что и другие, но дает еще одну подробность, которую из греческих мемуаристов знает только Дука, именно — о младшем сыне кир Луки: (по взятии города) «пировав Моамеф, елма же вяще по обычаю испил, даже вино кровию растворит, поймав князей. . . убити повеле, егде убо и господин Лука, ему же власть была велика у самодержца, убиену бывшу пред очимъ его болшему сыну, другому в незаконную потребу съхранену, секирою расчечеса» (ср. у Дуки, стр. 303).

¹ Эти места в большинстве случаев указаны в издании текста А. Н. Поповым в «Изборнике».

² Говорит о городке и Франтца (на стр. 233 сочинения под заглавием «Хроника Протовестияр Гьоргия Франтцы», помещенного в «Corpus scriptorum Byzantinae», изданном Б. Г. Нибуром в Бонне, в 1838 г.), причем согласно с повестью указывает и на мотив подготавливавшегося завоевания Константинополя.

³ А. Н. Попов. Изборник. . . , стр. 89—90.

Лука отказался исполнить требование султана, был вытребован с семьей к нему и после вторичного отказа обезглавлен.

Неожиданное, вне связи с остальным, упоминание в нашей повести об Исидоре («гординал Исидор... одежи перемене не знаем бысть, на триста сребрьник искупися») также ведет нас к мемуарам Дуки, который, как приверженец унии, не раз о нем упоминает.¹

Следует также отметить еще подробности нашего текста, сближающие его с письмом Леонарда Хиосского.² В тексте говорится, что когда Джустиньяни, уходя, приказал отворить ворота, ведущие наружу, турки навалились на греков, бывших между стенами, греки побежали. Только двое нашлось храбрых людей, которые упорно продолжали биться с турками. Это были, по словам текста, грек Феофил Палеолог и «далмат именем Склав», которые и погибли в бою. Эти имена известны нам и из письма Леонарда Хиосского.³

Конечно, и Леонард не раз говорит в своем письме о Джустиньяни, причем о ранении его он говорит настолько близко к русскому тексту, что оба невольно напрашиваются на сопоставление.

Так же как и русский текст, Леонард один только из современников знает об удалении Джустиньяни на о. Хиос и (на этот раз — согласно и с Франтцей) о его смерти.⁴

Точки соприкосновения между русским текстом и Леонардом дают также подробности о кир Луке (у Леонарда — *Chirluca*).⁵

На основании сопоставлений иноземных текстов с русским можно попытаться представить себе хотя бы приблизительно тот греческий оригинал, с которого делался русский перевод. Он не производит впечатления записи очевидца или близкого к событиям лица; рассказ носит отрывочный характер. Это, скорее, ряд отдельных эпизодов, нежели последовательное изложение перипетий осады, может быть, извлечение из чего-то более полного. Тем не менее рассказ дает несколько дополнений к тому, что мы узнаем из хронографической повести. Но предполагать, чтобы русский текст представлял извлечение, сделанное на русской почве и в интересах дополнения текста хронографического, оснований нет. Наш рассказ составляет особенность редакции Хронографа, не деленного на главы, идущей от редакции 1520 года. А в ней, как и в дошедших до нас текстах Хронографа, не деленного на главы, большой (хронографической) повести нет и не было; кроме того, нашей повести в русском переводе, но в более обширном виде нам не известно. Отсюда делаем вероятное заключение, что греческий оригинал краткой повести существовал в том же объеме,

¹ По словам Дуки, Исидор — кардинал, легат в Польше, бывший архиепископом России — в ноябре 1452 г. явился из Рима в Константинополь (в результате обращения царя Константина за помощью к папе), торжественно был принят царем, возобновил было переговоры об унии, но наткнулся на резкое противодействие со стороны греческого духовенства и народных масс, руководимых Григорием Схоларием (позднее патриархом Геннадием), и должен был пережить осаду и взятие Константинополя. Наш текст, кажется, дополняет сообщения Дуки.

² Леонард Хиосский написал письмо о разорении Царьграда к папе Николаю V 16 августа 1453 г., т. е. спустя два с половиной месяца после падения города; он был близок к жителям Константинополя (он их часто называет *postrì*, хотя едва ли был грек). Письмо, повидимому, вскоре уже получило широкое распространение, может быть, даже переводилось и на греческий (нам известен его итальянский перевод, греческого перевода нам не известно). Оно впервые напечатано было в 1578 году (Франкфурт). Текстом Леонарда пользуясь по перепечатке его в приложении к статье И. И. Срезневского «Повесть о Царьграде» (стр. 50—68).

³ На это указал кратко уже А. Н. Попов (Изборник..., стр. 90, прим.).

⁴ И. И. Срезневский. Повесть о Царьграде, стр. 66.

⁵ Там же, стр. 68—69.

какой дается его русским переводом. Может быть, он был извлечением из более обширного греческого текста, нам, однако, теперь не известного. Что касается качества самого перевода, то он, повидимому, высокими достоинствами не отличался, представляя рабскую передачу оригинала, откуда его тяжелый стиль, подчас невразумительность.¹

Вопрос о том, какая из повестей появилась у нас раньше, решается несомненно в пользу старшинства краткой повести, по крайней мере по отношению к повести хронографической.

В качестве оснований для такого мнения можно привести следующие соображения. Во-первых, хронографическая повесть появилась впервые в редакции Хронографа 1533 года, краткая же вошла в состав Хронографа редакции 1520 года, причем обе редакции Хронографа должны быть признаны не зависимыми одна от другой. Во-вторых, старшинство краткой повести перед хронографической доказывается также и главным образом тем, что хронографическая повесть уже испытала на себе влияние краткой. В ней имеются заимствования из краткой повести, внесенные, вероятнее всего, при обработке первоначальной большой повести в Хронографе редакции 1533 года, а именно:

Хронографическая

[Магомет] брань въздвиже противу Константина града не по чину, но спротиву сътвореных клятв, въинство приведе много по земли и по морю и ратовати нача [ПСРЛ, XXII, стр. 445].

Краткая

По сих [т е после построения городка] брань въздвиже против Константина града не по чину, но спротив сътвореных сложений, спротиву клятв, въинство приведе и ратоватися начат [Изборник... , стр. 87].

В старшей (искандеровской) редакции, более близкой к первоначальной повести, этого места нет.²

Сам [Магомет] предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю к Царствующему граду приступив [ПСРЛ, XXI, стр. 446].

Моамеф же убо, в та времена бывшим отовсюду силам, предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю приступив к Царствующему граду [Изборник... , стр. 88].

И этого места также нет в старшей редакции повести. Отсюда видно, что, когда выработывалась хронографическая редакция Повести (т. е. около 1533 года), краткая уже существовала и, вероятно, в составе Хронографа редакции 1520 года была известна редактору 1533 года, внесшему большую повесть в свой труд, и он в нее внес кое-какие дополнения из краткой повести. Но, конечно, если этим сопоставлением решается вопрос хронологии относительно хронографической повести, то по отношению к первоначальной большой повести он остается открытым. Возможно также предположить старшинство краткой повести и пред старшей редакцией большой повести (искандеровской): может быть, мало обстоятельный и отрывочный рассказ краткой повести о таком важном для людей XVI века событии не удовлетворял их, а также редактора 1533 года. Это и послужило толчком к обработке записок Искандера в воинскую, характерную для XVI века повесть и к внесению ее в Хронограф вместо

¹ А. А. Шахматов высказывает предположение, что эта повесть стала известной редактору 1520 года из одного из новых его источников, которыми он дополнял первоначальную редакцию Хронографа. Это предположение можно дополнить, пожалуй, другим: не был ли греческий оригинал нашей повести одной из тех записок о взятии Царьграда, «не без которых», по выражению И. И. Срезневского, приходили к нам греки, искавшие пристанища в России после падения греческого царства?

² См.: Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века «Памятники древней письменности», ОЛДП, СПб., 1886, стр. 6.

краткой, уже бывшей налицо в Хронографе, служившем источником для Хронографа 1533 года. Более удовлетворявшая читателей хронографическая повесть в результате оттеснила на второй план краткую повесть, чем и объясняется ее сравнительная редкость. Тем не менее эта краткая повесть, как дополнявшая в деталях и отдельных эпизодах большую популярную повесть, не утратила вполне своего значения среди определенного круга читателей. Ею интересовались в качестве источника для дополнительных составители исторических компиляций. Следы ее влияния видны в сказаниях о взятии Константинополя, основанных на хронографической повести, начиная с последней и кончая печатным изданием 1713 года.

VIII

Следом за переводной «краткой» повестью в русской письменности появилось первое русское произведение на ту же тему под заглавием «О взятии Царьграда от безбожного турецкого царя Магмета, сына Амуратова, еже бысть в лето 6961-е», составляющее 208-ю (последнюю) главу Хронографа редакции 1512 года (см.: ПСРЛ, XXII, стр. 437—440). Обычно статью эту принято называть «Плачем о падении Царьграда» ввиду общего лирического характера этого произведения, который выявляется с первых строк: «Хощу, — заявляет автор, — глаголати повесть иже не точию человеки, но и нечювственное камене и самыя стихии творит плакати и глаголати: горе и увы». Этот же рефрен «горе и увы» автор повторяет не раз и ниже. Собственно говоря, повести в плаче мы не находим. После краткого рассказа о происхождении Магомета и беглой характеристики бывшего процветания Царьграда автор в самых общих выражениях, большей частью шаблонных, говорит о взятии города, его разграблении, останавливаясь преимущественно на осквернении его святынь,¹ и заканчивает эту часть сильным лирическим плачем: «О како стерпе земля таковая. Како солнце сиати не преста. Како луна не преложися в кровь. Како звезды яко листвие не спадоша. О како перьвый в царех Коньстантин не подвиже владычицу богородицу и всех святых умолити о людех согрешших и уставити таковой суд гнева господня». Последняя фраза служит автору переходом к следующему далее поучительному рассуждению, суть которого формулирована в таких выражениях: если царь Константин и все святые и молят бога «уставити суд гнева божия», то они «не противятся судбам господним, яко ничимже инемь может очиститися таковой грех, точию огнем и инеми таковыми, занеже согрешшиша от главы и до ногу, сиречь, от больших и до меньших» (стр. 438). Эта мысль хорошо знакома и по другим произведениям, не только применительно к Царьграду. Развивая эту мысль при помощи большой цитаты из пророчества, автор останавливает внимание на конце этой цитаты: «аще же паки обратитесь ко мне... съберу вас и землю вашу и враги ваша отжену лица вашего» (слова исходят от бога). Это дает автору повод сказать, что погибель царств не есть погибель навсегда. Бог оставил нечто вроде семени, из которого и последует, когда наступит время, возрождение православных царств: доказательство этому он видит в том, что господь до сих пор «чудодействует» в Иерусалиме, чем он «устрашает неверных, верных же веселит и надежею питает избавления; образ же чюдотворения господня сице есть». Далее следует пересказ большого, из-

¹ Этот шаблон довольно распространен в старой письменности: мы его находим в тех случаях, когда речь идет о нашествиях «неверных» или «поганных» (большой частью татар) и о разорении ими русских городов.

вестного в русской письменности сказания «о свете святем, како сходит с небеси» (в Иерусалиме в страстную субботу). Это и есть та искра в пепле, которую господь «по довольном наказании нашего согрешения... возжет зело и попатит Измаилтиян злочестивых царства». Заканчивает автор свою статью уже политическим рассуждением, характерным для московской Руси XV—XVI веков: царства Греческое, Сербское, Босанское, и Арбанасское и иные многие попленили турки, «наша же Российская земля... растет и младает и возвышается, ей же, христе милостивый, даждь расти и младаети и расширяться до скончания века».

Плач этот — не столько плач о падении Царьграда, сколько политический памфлет, основанный на том комплексе идей, который был распространен в ближайшее время после падения Царьграда в русских официальных и церковных кругах. Падение вековой византийской империи, тесно связанной со всем славянским миром, наводило на размышления и о грядущих судьбах родины. При этом припоминание прошлого и успехи настоящего оправдывали оптимистическое решение вопроса. Эту-то мысль и выразил отчетливо в конце своего Плача автор. С этой точки зрения Плач является ярким и ценным показателем настроений общественных кругов XVI века. Эта идеология получила признание в период создания и укрепления централизованного Русского государства и нашла выражение в ряде других литературных произведений.

Составитель (скорее редактор) редакции 1512 года имел перед собою редакцию Хронографа 1508 года, которую и переделывал.¹ В этой редакции никакого сказания о падении Царьграда еще не было, не было в распоряжении и у редактора 1512 года какого-либо иного сказания об этом. Ему известен был, конечно, самый факт, и, быть может, до него дошли устным путем кое-какие слухи о подробностях завоевания Константинополя² и, разумеется, то тяжелое впечатление, которое произвело это событие, почему он и должен был ограничиться только упоминанием о взятии Царьграда и отразить общее впечатление факта на современников, отлив его в несколько лирических строк. Но присоединяя в конце своей редакции плач, кончая большую историческую компиляцию событием 1453 года, как событием огромной важности, редактор этим подсказывал мысль, что событие 1453 года закончило собой большой период мировой истории. После этого начинается новый период этой истории, где главную роль будет играть Русская земля. С этим следует сопоставить также то, что в ряде письменных памятников (а в числе их и в Хронографах различных типов XVI века) сказанием о падении Царьграда заканчивается и самый Хронограф, как изложение мировой истории. И если он и продолжается, то лишь как изложение событий русской истории в виде извлечений из русских летописей. Таким образом, и здесь устанавливается,

¹ См.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 111.

² К числу таких слухов, устным путем дошедших до автора плача, я считаю возможным отнести у него фразу: «не точию улица и реки наполнишася крови христианских, но и морския волны очервшася и самого царя Константина яко ни главе, ниже телу обрестися» (стр. 438). Сведения об этом почерпнуть из известных нам книжных источников (допуская их наличие во время написания плача) он едва ли мог: наиболее подробный и обстоятельный рассказ иксандеровской или хронографической повести (не говоря уже о других нам известных) если и говорит о потсках крови по частному поводу (стр. 449) и о посмертной участи Константина (стр. 459), то говорит иное и иначе. Что же касается обращения церкви Софии в мечеть, то и об этом повесть не говорит, и это могло бы быть отражением каких-либо слухов, а самое представление о ней, гаходимое в плаче у названного автора, скорее всего идет из популярного на Руси сказания о построении св. Софии.

как и в других случаях, идейное на почве идеологии XV—XVI веков, родство плача с другими памятниками.

Дальнейшая судьба плача в немногих словах может быть представлена в таком виде. Созданный одновременно с редакцией Хронографа 1512 года, он так и остался навсегда с ней соединенным: отдельных списков плача, кажется, не встречается в рукописях. Редакция Хронографа 1512 года, получившая широкое распространение (вероятно, после 1533 года), заменила плач (вероятно, как мало фактический и по своему настроению мало подходящий к остальным статьям Хронографа) одной из редакций большой воинской повести (названной мною хронографической). Плач сохранился в сравнительно ограниченном количестве списков¹ и заметного непосредственного влияния на последующую хронографическую литературу оказать не мог.²

Некоторый интерес для литературной истории плача представляют текст Барс. 1787 и текст Шафарика 29 — так называемый Верхобрезницкий Хронограф 1650 года.³ Текст Барсова представляет выборку из Хронографа старшей редакции, имеющую свой счет глав;⁴ здесь, под главой 28 (л. 104 об.), помещено: «О взятии Царьграда от безбожного турского царя Амурата» (так!).⁵ Текст представляет извлечение из плача и почти вполне им покрывается. Составитель, с перестановками отдельных мест оригинала, взял только то, что в плаче непосредственно касалось Константинополя, откинув все рассуждения автора плача и все, что говорится в плаче о Русской земле. Причина такого использования плача совершенно ясна. Целью составителя извлечения была история разорения Царьграда, и он заимствовал для своей переделки только то, что носило, на его взгляд, фактический характер в «Плаче», касалось непосредственно падения Царьграда. Рассматриваемый текст дает некоторый материал для истории плача, а косвенно и для истории сказаний о падении Царьграда в XVI веке.

Несколько иной интерес представляет для истории плача, а вместе с тем для большой повести о взятии Царьграда Верхобрезницкий Хронограф 1650 года, отразивший в сербском списке не только один из фактов русского влияния в сербской литературе, но и один из своеобразных видов Хронографа.⁶ Он основывается на списке русского Хронографа, но не

¹ Помимо печатных изданий плача (в ПСРЛ и «Изборнике» Попова), я имел под рукой следующие рукописные тексты Хронографа: Хлуд. 184; Увар. 16, в лист; Барс. 1695, XVII в.; Барс. 1704, XVII в.; Барс. 1787, XVI в.; Чуд. 354, XVI в.; ГИМ 2176, XVI в.; ГИМ 2033, начала XVII в.; Шафарика (Чешск. муз. в Праге, 29, иначе: IX.9.6). Все перечисленные списки, кроме последних двух, дают один и тот же текст с незначительными разночтениями и совпадают с изданными.

² Как на отражение плача предположительно можно было указать разве на упоминание о предках Магомта во 2-й редакции Хронографа (1617 год) и на счет годов (1117) от первого Константина до последнего.

³ Текст сербский, восходящий к русским. О нем см.: J. J. Geček Chronograf Vrchobřeznický se zvláštním vzhledem k obsazenému v něm vyličení nejstarších dějin českých. Praha, 1879, стр. 4—5, 8—20; А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 11 и сл.; М. Сперанский. Рукописи П. И. Шафарика в Праге. М., 1894, стр. 92—96.

⁴ Это собственно сборник XVI века: выборка из Хронографа в нем занимает начало рукописи, за нею идет статья о Гедимине литовском, выписки из Толковой Псалти.

⁵ Этой главе предшествуют статьи, соответствующие главам Хронографа редакции 1512 года, в таком порядке: 203, 207, 205, 206; изложение сильно сокращено.

⁶ А. А. Шахматов (К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 11—12) исправил и дополнил мои наблюдения над этим Хронографом в одной из ранних моих статей (Сербские хронографы в русской первой редакции. Русский Филологический вестник, 1896), почему я в дальнейшем принимаю поправки и дополнения А. А. Шахматова.

редакции 1512 года,¹ а на редакции, сходной с той, которая заключается в списках Толстовском и ему подобных. Но составитель Верхобрезницкого Хронографа пользовался также и той сербской редакцией, которая восходит к русской редакции 1512 года. Этим происхождением Верхобрезницкого Хронографа объясняется состав в нем повести о взятии Царьграда. Здесь повесть эта озаглавлена: «О взятию Цариграда от турского цара Махмеда, еже бысть в лето 6961» (л. 245), и начинается сходно с плачем («Хощу ниня глаголати повест...»), но сходство это ограничивается лишь первыми строками, кончая словами: «глаголати: горе и увы, еже о разорении царствующего града от чед Агаринех» (в русском тексте: «от безбожных турок»). Далее идет фраза: «бысть бо в лето шесть тысящное и девет сат и шестьдесят и пръвое» — фраза, очевидно, взятая из заглавия; за нею — опять из плача: «царствия Константина града скуптры дръжешу Константину, сыну Мануильеву, по брате своем Иоане цари» («Калуяне»). На этом кончается совпадение с плачем, а начинается заимствование из хронографической повести: «А турки владушу цару Махмеду, сыну Муратову, и бывы тогда в съмирени и до кончины бысть [не понято сербом, следует: «в миру и в dokonчании»] с православным царем Константином. И абие цар Махмед рат въздвиже». Далее без перерыва идет хронографическая повесть, но после нее (л. 258 об.) в строку — опять из плача: «О слнце и земле, в заспутение коньчное положи, увы! От начела убо миру по прешъствии пет тысящ и осам сат и четырдесят четирем летом начало приет». Заимствование кончается почти с концом плача, после чего опять следует текст из хронографической повести: «Пишет бо: русский род с преждесъздательными... и в нем въцаретсе. Византиа, Константин град, Новорим, Троугльны, Седмохльм, Цариград, Стумбол».²

В результате перед нами механическое соединение плача из редакции 1512 года и позднейшей редакции Хронографа, где плач был уже заменен хронографической повестью, идущей уже из сербской редакции Хронографа. Где произошло это соединение? Вероятнее всего, надо полагать, что совершилось это уже на сербской почве. Составитель Верхобрезницкого Хронографа имел перед собою несколько списков различных редакций Хронографа: редакцию 1512 года, обычную сербскую редакцию³ и редакцию Хронографа, не деленного на главы, а также Хронику Амартола во «втором» переводе и другие источники. Появление подобного «комбинированного» текста повести о Царьграде представляется в сербской письменности вполне возможным, если принять во внимание место происхождения данного текста Хронографа и имя его писца (вероятно, и составителя). Текст писан в 1650 году иноком Гавриилом (так раскрывается писанное на л. 329 об. тайнописью его имя) в Верхобрезницк.

¹ Как большинство сербских списков Хронографа (каковы Реметский, Житомисличский, Шафарика 28; ср.: М. Сперанский. Рукописи П. И. Шафарика в Праге, стр. 88—91). Они, как заключающие в себе в сокращении «хронографическую» повесть, не восходят к редакции старшей, нежели редакция 1533 года, и через нее только в редакции 1512 года.

² Перечень названий Константинополя идет из отдельной статейки «Имеа Царьграду», также обычной в русских текстах и притом часто в комплексах с «хронографической» повестью (см., например, Увар. 542, в 4-ку, л. 321). В наиболее полном виде эта статейка издана у В. Н. Малинина (Старец Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 69).

³ Она отличается от обычной русской 1512 года тем, что, с одной стороны, сокращает текст своего оригинала, с другой — дополняет его выписками из так называемого «второго» (болгарского, но неправильно называемого сербским), сохранившегося большей частью в сербских списках перевода Хроники Георгия Амартола, каковы: Шафарика 30, Синод. 148 и др.

около монастыря Троицы (Плевле в Герцеговине). Монастырь же этот был одним из видных центров поздней (XVI—XVII вв.) сербской книжности, обладал, повидимому, значительным собранием рукописей, остатки которого сохранились и до наших дней. Среди этих рукописей, весьма возможно, были рукописи русские или списанные с русских, которыми и мог пользоваться Гавриил инок.¹

IX

Прослеживая рукописную традицию повести почти со времени ее появления, мы замечаем прежде всего одну особенность этой традиции: в большинстве случаев повесть оказывается соединенной со сказанием о начале и построении Царьграда. Едва ли это случайность. Повидимому, составитель (или редактор?) повести смотрел на сказание, как на своего рода введение к своей основной теме — рассказу о взятии Константинополя турками. Он хотел не только рассказать о конце Царьграда, но и объяснить, почему Царьград постигла такая страшная участь. Согласно своим воззрениям, как то было указано выше, причину этого он видел в прошлом Царьграда — в беззакониях греков, которые лишили город покровительства и заступничества свыше и заставили высшую волю покарать столицу за эти беззакония. Поэтому он обратился для объяснения падения Царьграда к прошлому, связал рассказ о падении с историей города. Противопоставление прежнего величия города, пышно расцветшего под покровительством свыше, и жалкого его состояния в последнее время, давшего Магомету возможность окончательного завоевания, определило содержание сказания. Отсюда — те точки соприкосновения между повестью и сказанием, на которые мною было обращено внимание выше.

Возможно предположить, что составитель повести был в то же время автором или по крайней мере редактором сказания: этим объясняется, что они в комплексах и в отдельном виде встречаются вместе² и вместе вошли в Хронограф, где, будь сказание совершенно отдельной, не связанной с повестью статьей, оно должно было быть помещено раньше — где-нибудь среди статей, относящихся к Константину Великому (например, среди глав 118 и 119 Хронографа редакций 1512 года); здесь же оно нарушало хронологическую последовательность, план самого Хронографа.

Принадлежит ли автору повести составление сказания, или только редакция, связь повести со сказанием представляется весьма вероятной. Автору повести принадлежит, видимо, последняя часть сказания (приблизительно со слов: «Но убо понеже естество наше тяжкосердо и нерадиво...», стр. 6 издания Леонида — Троицк. 773).³ Она была бы непонятна без последующего рассказа о несчастиях, постигавших Царьград, и о самом большом — завоевании его. Повествовательная же часть сказания (введение христианства, решение Константина построить город «в свое имя», поиски места, «знамение» при закладке города, постройки Константина, посвящение им города богородице, расширение и застройка) составлена из отдельных эпизодов, слабо между собою связан-

¹ Остатки библиотеки монастыря Плевле были перенесены в Белград в Народную библиотеку. Вероятно, там же Гавриилом иноком, несомненно искусным каллиграфом, писана в 1648 году псалтырь, попавшая в собрание Шафарика (№ 5), а в 1649 году им же — роскошный лицевой список (с русского оригинала) Топографии Козьмы Индикоплова (о нем см.: Известия по русскому языку и словесности АН СССР, Л., 1929, т. II, кн. 2, стр. 711 и В. Ягић и В. Молле. Козма Индикоплов. — «Споменник Српској Акад. Другипризред, књ. 38. Београд, 1922).

² Как это видим в Троицк. 773, здесь сказание и повесть помещены среди статей, к ним относящихся не имеющих: перед ними — «Житие» Феодора Эдесского, его же «Главы добродетельны», а за ними — «Песнь песней» и «Притчи» Соломона.

³ Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века, стр. 6.

ных, и могла быть получена составителем сказания или в готовом виде, или собрана по кускам из различных источников. Такой греческой статьи, притом существовавшей в славянском переводе, которой бы покрывалась вся повествовательная часть сказания, найти не удалось. Тем не менее отдельные части этой компиляции могут быть прослежены и по славянским, преимущественно русским, текстам, причем текстуальное и иногда словесное совпадение читаемого в сказании со старшими по происхождению на русской почве памятниками позволяет предположить, что составитель сказания имел под рукой источники в готовых переводах. И действительно, в повествовательной части сказания мы встречаем текстуральные совпадения прежде всего с Хронографом редакции 1512 года, где истории построения Константинополя посвящено одно из отделений главы 119: «О создании Константинограда».¹ Вот эти совпадения:

Сказание (ПСРЛ, XXII,
стр. 443—444)

Хронограф (ПСРЛ, XXII,
стр. 268—269)

Съветом божим подвизаем восхоте создати град в имя свое... в нощи слыша в сне глас: «в Византии подобает Костянтину граду създатися».

Великий же Коньстянтин, божим мановением подвизаем, восхоте град создати во свое имя на западных странах, над Ентовым гробом, бог же обьяви ему во сне, повеле в Византии създати.

Назва град «Новый Рим».

[Константин] създа богохранимый град и нарече во свое имя «Коньстянтин град» и нарече его «Новый Рим».

Постави же и пречюдный он столп багрян, его же из Рима принесе морем трети леты до Царяграда, зане велик бе зело и тяжек, от моря же до торгу летом единым пренесен бысть, и царю часо причюдящу и злато много дающу людем бречения ради. И положи основания 12 кош, их же благослови Христос и от древа честнаго и святых мощей на утверждение и съхранение праведного и единокаменного оного столпа и постави на нем кумир, его же принесе от Солнечного града Фругийского, имущего на главе семь лучь.

Принесе морем за три лета столп камне багрянаго от Рима, зане велик бе зело, от моря же до торгу ризного летом привезен бысть идеже постави его. И постави на том столпе образ человекъ меден, имый на главе семь лучь его же принесе от Солнечнаго града Фругийския страны и постави на руде образа честный крест, написа на немъ сице: «тебе, Христе, предаю град сей». Такова убо доброта столпа того, яко царю часто приходити и злато бесчислено людем даяти. Положи же на том столпе утверждения ради его 12 кошницъ, таже и семь кошницъ, в них же собраща апостоли хлебы оставшая, яже Христос благослови и препита народы, и дресеа честная и святых мощи, и секиру Ноеву, еуже ковчег сотвори.

Потом же създа церкви православныя: святые Съфыи святых Апостол и святых Ирины и святаго Мокия и святаго архангела Михаила и ины мнози.²

Потом же созда великую церковь именова Софию, не мученицу, но Премудрость божью, еже есть Христос, сын и слово божие, и потом храм честен святых Ирины, также не мученицы, но мир Христа моего, и святых Апостол и святаго мученика Мския, в онъ же день обнови град. И иныя многи церкви созда по всем градом... Созда же церковь прекрасну в Анапле во имя архистратига Михаила.³

¹ По рубрикации А. Н. Попова в его «Обзоре хронографов» это § 9 этой главы; этот параграф встречается и отдельно в рукописях, правда, поздних, какса, например, Заб. 447 (XVIII в.), л. 98, в сборнике среди других выписок из Хронографа, рядом со «Снами Мамера царя», выдержками из Путешествия Трифона Коробейникова.

² Повидимому, этот перечень церквей в византийской письменности стал шаблонным, почему мы находим его, например, и у Кедрина почти в том же виде (Migne, Patr. gr., v. 157, стр. 457) Этот же перечень и в позднем по времени Хронографе псевдо-Дорофея Монемавсийского (София, Апостолов, Ирины, Мокия, Михаила в Анапле), см. Синод 339, л. 133 — русский перевод псевдо-Дорофея.

³ Далее идет легенда о чуде архистратига Михаила в Анапле.

Как видно из сопоставления, цитаты из сказания производят впечатление какого-то сокращения, извлечения из русского текста, аналогичного хронографическому. Но § 9 главы 119 Хронографа не первоначален, а сам восходит (по А. Попову) к Еллинскому летописцу второй редакции, представляющему в данном случае извлечение из более обстоятельной статьи этого последнего. Как известно, Еллинский летописец был одним из основных источников старейшего Хронографа (1442 года, по Шахматову). Отсюда текстуральные совпадения приведенных мест и с Еллинским летописцем: первоисточником для сказания и Хронографа был в данном случае этот Еллинский летописец.¹ Но тут возникает вопрос: откуда непосредственно позаимствованы в сказании эти места — из Хронографа или из Еллинского летописца. Повидимому, надо отдать предпочтение последнему ввиду наличия в сказании места, которого не находим в Хронографе, но которое вместе с приведенными выше находим в Еллинском летописце:

Сказание

В седмое же лето виде царь мало живущих во граде, зане велик бе зело, и тако сътвори: послав из Рима и от иных стран събрав достославных вельможь и мегистанов и сановников с множеством людей их, ту приведе и, домы великия создав, даде им жити в граде с устроением великим и царскими чина, яко своа домы и отечества им забыти. Създа же царь палату велику, иподрому предивную и две поле [так!] устрои, сиречь улицы покровенны на торгование [444].

Еллинский летописец

Мало же видев живущих в граде, зане велик бе град, тако створи: из Рима достославники избрав, рекше сановники и от иных стран собрав и домы велия създав и дасть им жити, в граде створи я. Създа же полату и подрумие и две мповели (так!) рекше улицы покров ни тръгъ, рязныи [Синод. 280, л. 230 об].²

Что же касается остальных повествовательных элементов сказания, то источники их остаются невыясненными, хотя можно предположить, что составитель сказания нашел их в русской письменности. Например, мысль о посвящении Царьграда богоматери (стр. 444—445) давно известна была в ней из весьма раннего русского перевода Жития Андрея Юродивого.³ То же можно сказать и относительно упоминания в начале сказания о мерах Константина против язычников и язычества.⁴

¹ Но и в самом Еллинском летописце глава о создании Константинополя (см.: Синод. 86, л. 313 об. или Чуд. 353, л. 259) построена на готовом славяно-русском старом переводе большого Жития Константина Великого, представляя местами буквальную, местами немного сокращенную выборку из этого Жития (ср. Синод. 180 — Макарьевская Минее-Четья, май, под 21-м числом, стлб. 9566—9586). В этом смысле, кстати сказать, следует исправить замечание А. Н. Попова в его «Обзоре хронографов» (I, стр. 143) о составе главы 118: она не вся восходит к тексту Амартола, а в значительной мере, через Еллинский летописец к Житию Константина и к отдельным сказаниям о крещении индиан и других народов.

² В Еллинском летописце это место восходит к старому русскому переводу Амартола. Вот для сравнения это место по изданию В. М. Истрина: «Мало же вид'в живущих в граде, зане велик бе град, тако створи: из Рима достославник събрав, рекше сановники, и от всех стран събрав и домы велия създав им, дасть им жити в граде створенныя. Създав же палату и подрумье и две имполи (греч. ἐκβολών) рекше улицы покровене, и торг ризный» (стр. 339).

³ Ср. в Макарьевской Минее-Четьей (октябрь, по изд. Археографической комиссии, стлб. 209): «Вдан бо есть [Царьград] даром богородици, да никто не может отяти его от честных рук ея». Ср.: В. Н. Малинин, ук. соч., стр. 471; он не предполагает, что из того же Жития могло быть заимствовано и сказанное о столпе царя Константина, хотя после приведенных мною сопоставлений этого места в таком предположении более и нет надобности.

⁴ Ср. у Кедрина (Migne. Patr. gr., v. 157, стр. 498).

Во всяком случае, даже оставляя вопрос о ближайших источниках сказания открытым, следует допустить, что составитель (или редактор?) повести органически связал повесть о падении Царьграда со сказанием, так как в прошлом Константинополя он видел оправдание того, что произошло в 1453 году.

Х

Одной из наиболее ранних из известных нам переработок пространной повести о взятии Царьграда турками надо считать ту, которую мы находим в Степенной книге, яркой выразительнице официальной идеологии XVI века. Степенная книга доступна нам по рукописям XVI же века, в той ее редакции, которая и сложилась в этом веке.¹ В ней мы находим нашу повесть не в одиночку, а в комплексе других статей, притом наиболее распространенном, именно: 1) «Сказание вкратце о Царьграде, откуда прежде именовася Византия и како переименовася Царьград, и о турьских царех, откуда быша, и како взят бысть Царьград от турьского Магметя в лето державства Российского великого князя Василия Васильевича» (нач.: «Бысть некий царь во Египте именем Нектанав...»), 2) «Повесть древняго списания о создании града» (нач.: «В лето 5803 царствующу в Риме богосодетельному Константину Флавию...»), 3) «Изъявление вмале о турьских царех, откуда быша» (нач.: «Некий царь именем Хиридан, верою же христианин...»), 4) «О взятии Царяграда» (нач.: «Того же Амурата сын Магмет начат умышляти, како бы ему взяти царствующий град Константин...»). Последняя повесть — «О взятии Царьграда» — по составу своему восходит к хронографической, как к основе. Но предполагать, что составитель или последний редактор Степенной книги заимствовал ее непосредственно из Хронографа (например, редакции 1533 года, где, как мы видели, взамен плача появилась повесть), состав того комплекса, в котором помещена повесть в Степенной книге, не позволяет. Во-первых, в Хронографе мы не находим первой из статей (об основании Византии).² Во-вторых, статья о происхождении турецких царей в том ее виде, в каком она читается в Степенной книге, если и сходна (даже иногда и по чтениям) с началом 202-й главы Хронографа (ПСРЛ, XXII, стр. 417—418), то в последнем средактирована она иначе, нежели в Степенной книге: она вклинена в «Великос княжение сербское» перед царствованием Баязета. В-третьих, в Степенной книге после статьи второй (о построении Царьграда) есть небольшая приписка, отсутствующая в Хронографе, но ясно указывающая на комплекс: «Сицево начало сказания, им же бог попусти обладати нечестивым и царствовати в нем [Царьграде] многа лета», т. е. указание, что первые две статьи рассматриваются, как начало сказания о взятии Царьграда. С другой стороны, нам известны по рукописям комплексы, по составу совпадающие со статьями, вошедшими в Степенную книгу, и даже с упомянутой только

¹ См.: П. Г. Васенко. Книга Степенная царского родословия и ее значение в древнерусской исторической письменности, ч. I. СПб., 1904. Издание Степенной книги цитирую или по ПСРЛ, XXI, 1, стр. 490—504 (степень 14, глава 18), или же по рук. Заб. 445, дословно совпадающей с печатным текстом.

² В Хронографе, правда, есть рассказ, очень напоминающий по содержанию эту первую статью, именно в конце главы 102 (ПСРЛ, XXII, стр. 214), говорящей о начале царства греческого (по смерти Александра Македонского). Но этот рассказ представляет явное извлечение из текста, читаемого в интересующей нас статье. Взят ли он из существовавшей ранее статьи, сходной с нашей, или из общего им источника, в данном случае безразлично: ясно, что наша статья из него взята быть не могла.

что припиской после второй статьи.¹ Если по рукописям, нам известным, эти комплексы и относятся к XVII веку, то отсюда еще нельзя заключать, что они могли быть взяты только из Степенной книги. С одинаковым правом мы можем предполагать, что идут они от комплексов старшего времени, а сходство (но не тождество) их с тем, что мы читаем в Хронографе 1512 года (а за ним — предположительно — и в Хронографе 1533 года), объясняется именно тем, что и в Хронографе статьи² эти восходят к одному со Степенной книгой источнику, т. е. к отдельному комплексу.

Иначе говоря: еще до включения в Хронограф 1533 года и в Степенную книгу намечался и существовал в письменности такой комплекс, который был известен, а потому и мог быть еще в XVI веке использован составителем Степенной книги независимо от Хронографа. Весьма возможно, что появление в Хронографе 1533 года части этого комплекса (сказание о построении Царьграда, повесть об его взятии) и дали составителю Степенной книги мысль и возможность использовать этот комплекс, но полнее: рассказать о происхождении Византии и начале турецких царей, чему он находил оправдание в самом Хронографе, но в иной связи (главы 102, 119, 202). Таким образом, статья о взятии Царьграда турками, хотя и хронографическая по редакции, вошла в Степенную книгу не из Хронографа, а из комплекса, где повесть дана была в «хронографической» редакции, явившейся, как мы видели, не позднее 1533 года.

Внося в свою компиляцию повесть, составитель Степенной книги подверг ее не только сокращению (как поступали в этих случаях и с другими статьями и другие составители исторических компиляций), но и переработал свой оригинал при помощи постороннего, аналогичного по содержанию источника. Такой источник мы имеем возможность видеть вполне определенно в краткой повести, так называемом «Ином переводе повести вкратце о взятии Константина же града», памятнике также не моложе XVI века, также иногда входившем в комплексы.³ Как использован этот источник, видно из нижеследующих сопоставлений:

Степенная книга

Того же⁴ Амурата сын Магмет начат умышляти, како бы ему взяти царствующий град Константин. И первое постави и утверди градок мал великою скоростию на брезе Фракийского моря малым нечим вдалеке от Константина града [стр. 495].

Греки же сами едины о своей силе не дръзаху, но ко областем латыньским прибогоша со слезами и рыдачьми, пособия просящи, понеже людьского собраниа во граде не бе, и бра-

Иной перевод

Обращаше уже в мысли своей Амуратов сын Иоамеф, коим мощно образом Константина града себе покорити . . . малым убо мысль сказав градок на брезе Фракийского Воспора малым чим от Коньстантина града постави и утверди [Троицк 811, л. 298].

О своей силе едины не дръзающе, к латынским областем прибогоше со слезами и рыданми, пособия просяще. Глухи же их слыхи. Оле студа! быша слепи очии яко разораемой Елладе, рекше Греческой

¹ Таковы Увар. 906 (XVII в.) и Заб. 445 (1678), отчасти Увар. 670, в лист, в приложении к Хронографу псевдо-Дорофея (здесь нет приписки и сказания о турецких царях).

² Имено в виду главы 102, 119, 202.

³ Этот «перевод» назван «иным» потому, что он следует за обычной большой повестью, как это мы находим в рук. Троицк. 811 (1910), лл. 297 об—303 (старая скоропись второй половины XVI века), в Хронографе ГПБ, Ф. IV. 143 (также XVI века без заглавия, издан А. Н. Поповым в «Изборнике», стр. 87—91), в Никоновской летописи (ПСРЛ, XII, стр. 78, и сл.), а также в сборнике БАН 319 (описан А. А. Шахматовым в «Известиях ОРЯС», IV, 1, стр. 200—202 примеч.).

⁴ В самом конце предыдущей статьи (о турецких царях) говорится об Амурате, заключившем с греками мир.

тиям царевым не сущим ту. Они же уши яко глухи и мушшим и очима яко слепы быша, к себе же глаголаху: не дейте, яко возьмут их турки, а мы у них возьмем Царьград». ¹ Олесту [так!] да иже разореме Елладе, рекше Греческой стране, не познаша, яко разоритися имать и прочая часть благочестивых [стр. 495].

[Магомет приступил к городу] и тайно подкопание глубочайшее соделаша и мост от станы Галаты града долгогоу 2000 стоп скоро сотвориша и стрельницы деревянныя превыше градских высочайших поставиша Многообразным же ухищрением и пушки приведоша . . . И преодолен бысть град и окружен ратными, тако же и самая Галата, яко невозможно ни откуду быти и которому пособию Царюграду [стр. 495].

О военных приготовлениях турок не говорит.

И заповедаша поганин своему всему воинству, да в 5 день маяя вси постятся вои ни. И по том в трех днех тышахуся град разорити. И посту их бывши до ночи, в нощи же питахуся и пироваху и друг друга объемяше и целоваше, яко последнее радуяся и к тому видетися не надеюще [стр. 495—496].

О посте турок пред началом приступа повесть не упоминает.

Бяху же стены градския высотой и красотою во всей вселенней преславнейши, но за ветхость и нерадение греческаго промысла и покрова пусты, предградия же добре зело утвержена быша [стр. 496].

Этой заметки о состоянии царьградских стен в повести также не находится.

Оскудевшим же силам у турков слабее ратоваху. Но Магомет крепко брани пристоя и вельми вопия: «ягма! ягма!», сиречь, на разграбление града. И коегождо от храбрых по имени зваше и на брань возвратитися моляще их, овех убо почестыи и возмездии обильными дарований воздвизая, овех же прещеньми устрашая. И сице укрепившеся

стране; не познаша, яко разоритися имат и прочая части благочестивых [Троицк 811, л. 298 и об.].

И сице тайником сокровенным и копанием глубочайшим соделанным и мосту от страны Галата града долгогоу 2000 стопам скоро сотворену и стрелницам деревяным в толико возвышенным, яко стены градския и высочайшиа сущия превзыти, ухищрениям же и пушкам многообразным поведенным преодолен бысть град. . . Егда же день осветаше, знамению данному не токмо Константин град скружатися почал, но и самой Галате, да не подасть некое пособие Константиноу граду [Троицк. 811, л. 298 об.].

со стороны Галаты повесть ничего

Таже по малех днех последним гласом пропсвэдника своему воинству заповедася, да в 5 день маяя воины вси постятся, а последующий день вооружени да придут последними подвиги град разорити и в трех днех расхитити и. В установленный ж день посту до нощи продолжену, и яко звезды явишася, званиа и пирования везде бываху, и всяк, друга и сродника и знаема приемля, с ним радуяся, питашеся. Егда же доволне насытисяся пищею и питием, ани к тому друг друга не видети имеюще, и объемяюще друг друга целоваше и последнюю радость себе пригласиша [Троицк. 811, л. 298 об. — 299].

Бяху же стены градския и высотой и красотою во всей вселенней преславнейши, но за ветхость и греческое нерадение промысла и покрова пусты, а предградия зело добре укреплена быша, в них же и спасение свое грецы полагаху, вооружены ж воины посреде стен и предградия и брань составити уразумеша [Троицк. 811, л. 299].

Оскудевшим же силам у турков слабее ратоваху. Но Моамеф предстоя коегождо от храбрых по имени зваше и яко на брань возвратитися моляще, овех убо почестыи и возмездии обильными трудов своих воздвизая, овех же прещеньми устрашая, и сице паки подвиг обновил есть. И турцы паки к стенам приближышася и врата плещи своими отворити

¹ Выделенные разрядкой места взяты из повести.

турьцы и пушки и пищали устроиша паки ко стенам приближишася и врата граду плащема своима оторвати нудящеся... и брань велия бысть греком с турки: и видети есть различными образы и многообразными смертми от обою страну погибающих, и забраб, яко снопие, людие валяхуся [стр. 497].

нудящеся и на обновление щитное ополчение восходяще, оружиа супостатов имущих имати тщахуся. И паки целы со уязвленными и полумертве со издыхающими поваляхуся и зрится различен образ и многообразнаа смерть погибающих [Троицк. 811, л. 300 и об.].

Перечисленными местами исчерпываются все наиболее крупные заимствования составителя Степенной книги из «Иного перевода», причем источник, ясно, подвергся некоторому сокращению. Эти заимствования, как видим, прибавили несколько, притом не безынтересных, деталей к рассказу повести, но основного содержания ее истории самой осады и взятия города в существе не изменили: они коснулись главным образом периода подготовки к осаде города. Пользования какими-либо другими источниками для обработки повести не замечается. Главная работа редактора Степенной книги свелась к изменениям, внесенным им в свой основной источник. Изменения же эти сводятся преимущественно к пропускам или сокращенному изложению материала, даваемого повестью, реже к перестановкам отдельных мест и, разумеется, к стилистическому изменению самого изложения. Так, пропуски коснулись многих эпизодов: 1) если рассказ об обложении города и осаде его в течение первых тринадцати дней (стр. 446 повести) нашел себе место в перделке более или менее полно, то рассказ (стр. 447 и начало 448) о первом приступе и битве при этом, где пало около 2000 защитников и около 17 тысяч турок, целиком выпущен;¹ 2) также устранено начало рассказа о втором приступе (стр. 448) вплоть до рассказа о том, как Зустуней своим выстрелом разбил большую турецкую пушку; конец же этого рассказа опять откинут; 3) после рассказа об избавлении города, благодаря непосредственному участию в битве царя и его «избранных» (стр. 452), опущено место о военном совете и новом плане приступа, выработанном Магометом; 4) после первого «знамения» (в церкви Софии) устранена большая молитва патриарха (стр. 453—454), долженствующая служить ободрением упавшим духом жителям города; 5) то же сделано и по отношению к молитве во время битвы 26 мая (стр. 454—455), и т. д., в том же роде.² Кроме стремления уменьшить объем повести в изложении, нетрудно заметить, что сокращения коснулись прежде всего боевых эпизодов. Целью же уменьшения объема руководился, повидимому, составитель этой редакции повести и в пересказах и перделках содержания в случаях, когда он находил нужным сохранить это содержание, как о том можно судить по нижеследующим примерам:

Хронографическая повесть

Степенная книга

[После отражения второго приступа царя уговаривают уйти из города] и инаа многа изрекоша царю и корабли и катарги дааху ему Зустунеевы. Царь же на долг час умолча, испущаа слезы и тако рече им: хвалю и благодарю съвет ваш и вем, яко на полузу ми она вся, понеже

И много изрекоша ему, забываю ще древняго писания о граде сем, и даяху ему корабли и катарги Зустуниевы. Царь же, весь слезами разливаясь, и никакоже совету их не преклонися, но обещася вкупе с сущими во граде умрети [л. 27].³

¹ Кстати сказать, все цифровые данные о числе павших с той и другой стороны в пересказе Степенной книги обходятся молчанием.

² Оставляю в стороне мелкие пропуски в нескольких строках или даже словах, каковы, например, повторяющиеся в повести размышления ее автора о неизбежности гибели Царьграда, подробности уличной борьбы по взятии города (стр. 450, 458 и др.).

³ Цитирую по рук. Заб. 445, буквально совпадающей с текстом в ПСРЛ, XXI, стр. 1.

могут она тако быти, то како аз сие сотворю и оставлю священство и царство, и церкви божи, и всех людей, в толицей беде сущи, и что ми изречет вселенная, молю вы, рците ми. Ни, господие мои, ни, но да умру zde с вами [449].

Но убо понеже беззаконна наша превздоша главы наша и грехи наша отяготеша сердца наша, в еже заповедей божиих не послушати и в путех его не ходити, гнева его како убежим? Царю убо в граде с патриархом, тако же и всему царскому синклиту и всем людем съвет съветующим неблаг, глаголюще сице: понеже он зловерный тако многиа дни стоит безбранно, паки на нас готовится, но да пошлет к нему о мире [450].

[мая в 6 день] удариша из большия пушки — и испаде с стены каменя много, и в другие удариша — и распалася стены велие место [450].

На утраи же паки турки удариша из большие пушки пониже того места и вывалиша много стены. И тако въ другие и въ третие, яко же учиниша место велие, абие въскричав множество людей въскочиша в то место [451].

Царь же бяше в притворе Великия церкви с всеми бояры и стратиги съвещуа о устремлении безбожного, глаголюще: се уже, по вся дни непременно секущиеся с турки, толико тысящ погibe нашего люду, и еще впредь також будет, всех нас погубят и град воспримут; но събравшеся с избранными и назнаменовшеся, изыдем из града нощию в подобно время и, богу помогающе, нападём на них, якоже иногда Гедеон на Мадимлян: или да умрем за божиа церкви, или избавление получим. Тако убо съветующе, мнози на то укланяхуся, надеаху бо ся на царя, зане ведяху храбрость и силу его, велик бо бе зело и исполнн силою, кир Лука же и архидукс и Николае епарх умолчаша длъг час и тако рекоша: се уже пять месяц прошло... [451].

Окаянный же Махмет, собрав воин своих, раздели им места ко приступу: убо Карачьбею противу царских полат и древяных врат и Калихерия, а багаларбеом — восточному против Пигии и Златаго места, а западному против Харсуни всеа, сам же безверный нарек себе посреди их противу врат святаго Романа и разрушенного места, столу морскому, Балтауглию и Загану, обе страны от моря, яко да окружат весь град и в едино время и в един час ударити бранию на град по земли и по морю [454].

Прилетевши бо склопу, удари Застунея и врази ему десное плече. И паде на землю, яко мертв. И падоша над ним бояре его и вси людие, кричаще и рыдающе, и понесоша его прочь. Тако же и фрягове вси поидоша за ним. Турки же, слышавше рыдание и смятение людское, и абие воскричавше напустиша всеми полки [456].

За премногия же грехи наша, вси иже со царем и с патриархом совещаща совет и послаша к зловерному Махмету о мире [л. 21 об.].

[Магомет три дня бьет из пушек по стене] тако из большие пушки, и выбиша стену большое место [поправка в рукописи: стены велие место, л. 22].

На утраи же турки наскочиша на полое место [л. 22].

Царь же в притворе Великие церкви со всеми бояры и стратиги съветуя, хотя со избранными своими нощию напасти на безбожного, велик бо бе царь исполнн силою, а иныя их не советоваху [л. 22].

Окаянный же Махмет собра вся своя и раздели им места ко приступу, яко да окружити весь град и во един час ударити бранию на град по земли и по морю [л. 24 об.].

У Зустуня отражено бысть ту десное плече, и понесоша его прочь, кричаще и рыдающе. И тогда турки напустиша всеми полки [л. 26].

В таком же роде делаются и другие сокращения: в них заметно, кроме стремления уменьшить объем подлинника, намерение сократить количество батальных сцен, почему опускаются последовательно второстепенные, по мнению нового редактора, отдельные эпизоды, например, о Зустунее, взявшем на себя защиту наиболее слабых мест стены и с успехом некоторое время исполнявшем эту задачу (447), о неудаче стрельбы из большой пушки после починки ее обручами (449), отзыв Магомета об «охрабрившихся гаурах» (452) и мн. др. Наконец, изменяя таким способом свой оригинал, составитель Степенной книги позволяет себе перестановки в тексте, делающие, правда, иногда несколько более последовательным изложение; таково, например, перенесение эпизода посылки на Запад и к братьям за помощью и прибытия Зустуея с кораблями — эпизода, находящегося в повести после описания первого приступа (447), — к началу рассказа после сообщения об отсутствии в городе собрания людей и братьев царя (445), т. е. до начала самой осады города.¹

Что же касается общей концепции составителя извлечения из повести (или последнего из редакторов Степенной книги) относительно смысла, который он вкладывал в повесть (или принял, найдя его в своем оригинале), то концепция эта осталась в общем неизменной. Та же провиденциально-поучительная тенденция религиозного характера сквозит и в сохраненных сокращенным текстом местах, внешним следом чего являются сохраненные и теперь «богомоления», ссылки на «пророчества» с именами Мефодия и Льва Мудрого и самый конец повести с его утверждением, что если часть «пророчеств» исполнилась, то и остальные должны исполниться (а к ним он относит и будущую роль «русского рода»). Остались в сокращенном тексте частью и размышления автора повести о неизбежности гибели Царьграда за «грехи наша» и «беззакония».²

Оценивая переработку повести о взятии Царьграда в составе Степенной книги как памятник литературный, необходимо подчеркнуть, что здесь почти целиком выветрился первоначальный характер «воинской» повести. Батальные сцены и описания подверглись сильным сокращениям. Следы специальной стилистики этого жанра сохранились лишь как остаточные признаки и по количеству перестали определять поэтику повести в целом. В составе Степенной книги повесть о взятии Царьграда вошла в круг тенденциозно-исторических повестей XVI века.

Этот характер переработки совершенно закономерен. Вспомним, что Степенная книга — в первую очередь официальный религиозно-публицистический памятник, созданный с целью укрепить союз самодержавия и церкви и возвеличить русское феодально-монархическое государство. В соответствии с этой задачей Степенной книги подверглась переработке хронографическая повесть о взятии Царьграда. Героическая воинская тема была в ней поэтому приглушена, а важная, по мнению составителя (или редакторов) Степенной книги, религиозно-политическая тенденция — размышления о причинах падения и возвышения царств — была выдвинута на первый план.

¹ Это, вероятно, вызвано влиянием «Иного перевода», где о посылке за помощью говорится в начале повести.

² Эти убеждения составитель даже как будто подчеркивает, прибавив (в начале повести) к сообщению о нарушении мира со стороны Магомета: «Понеже умножишася греси наши, во царех же и во князех и в болярах воздвижеся велие нестроение и межоусобные брани». Этого места не находится ни в хронографической повести, ни в «Ином переводе».

XI

Если признать заслуживающим внимания наше предположение о том, что сказание о построении Царьграда в том виде, в каком мы читаем его в соединении с повестью о взятии Царьграда, явилось одновременно с повестью и принадлежало тому же автору или по крайней мере им было проредактировано применительно к повести, — то отсюда могут получить свое объяснение и другие явления в литературной истории нашей повести. Так, если принять наше предположение, станет нам более или менее ясным образование около повести тех комплексов, о которых была речь в начале статьи. Повесть со сказанием, говорившая о Царьграде, начинающая с его построения и кончая его гибелью, являлась своего рода историей Константинополя, тем ядром, которое притягивало к себе другие произведения, где речь шла о том же Константинополе. К этому ядру, таким образом, подтягивались другие произведения, различные в различных случаях, смотря по интересам и целям составителей комплексов. Отсюда разнообразие по составу этих комплексов, намеченное выше, где, однако, центром остается повесть со сказанием о построении Царьграда. Такова приблизительно литературная традиция повести в XVI и XVII веках.

Иная сторона этой традиции повести вскрывается из соотношения между текстами ее в различных редакциях Хронографа. Хронографическая редакция повести, как мы видели, появилась впервые в составе Хронографа редакции 1533 года. Она сделана приблизительно в то же время, если мы и не имеем данных доказать, что сделана она в интересах этой редакции Хронографа и ее редактором.¹ Став таким образом хронографической, повесть именно в этом виде послужила источником, с одной стороны, для Хронографа второй редакции (1617 года — по Попову) и для отдельно встречающихся текстов, большей частью в составе различных комплексов, с другой стороны.

Состав статей в соответствующем месте Хронографа второй редакции следующий:² 1) «Царство греческое 81-е, Константиново», 2) «Великое княжение Московское [Василия Васильевича]», 3) «О митрополите Ионе [его поставление]», 4) «Взятие Царьграда турками», 5) «Сказание Ивана Пересветова о Магомете, как он хотел сжечь книги греческие».³ Этот Хронограф идет от такого вида старшего, где первоначальный плач уже был заменен повестью.⁴ Прежде всего в Хронографе второй редакции обращает на себя внимание то, что, внося повесть, редактор его выкинул в этом месте сказание о построении Царьграда,⁵ чем устранил ту хронологическую непоследовательность, которая была упомянута мною по отношению к первой редакции Хронографа, а затем — и это главное —

¹ Это представляется вполне вероятным: обычно отдельные произведения, вносимые в обширные исторические компиляции вроде Хронографов или летописных сводов, подвергались при этом изменениям, большей частью сокращениям, применительно к плану самой компиляции.

² Это глава 157 (или 158) обычных списков Хронографа этой редакции, соответствующая главе 207 в Хронографе первой редакции.

³ Таков состав этой главы по спискам, мною просмотренным: Цук. 168 (рук. 1657 года), Цук. 169; Увар. 750 (в лист, XVIII в.); Чуд. 356 (в лист, XVII в.); Заб. 684 (Хронограф особого состава, но близкий ко второй редакции; здесь повесть — в главе 168); Синод. 135 (из него повесть напечатана А. Поповым в «Изборнике», стр. 160—165); Епарх. 750; Единоверч. 83; ГИМ 1305; Увар. 306 и нек. др.

⁴ См.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 119.

⁵ Однако редактор сохранил его в тексте, совпадающем в § 9 главы 119 первой редакции и в главе 79 (Цук. 168, л. 263 об.), где сказанию и следовало быть: здесь речь идет о царствовании Константина Великого.

сократил хронографический текст. Сокращение сделано, повидимому, опытной рукой, притом человеком, руководившимся несколько иными воззрениями, нежели автор повести. В большинстве случаев, где расказ совпадает с источником, мы имеем перед собою свободный пересказ источника, причем сокращавший, видимо, охотно пользуется словами и оборотами оригинала, применяя их, однако, согласно своему построению фразы. Вследствие этого у него в иных случаях получается иное, нежели в оригинале, освещение факта, как будто новый факт, на деле же искажение оригинала; но таких случаев очень немногих. В результате такой редакционной работы получился все-таки стройный текст, но иного характера, нежели оригинал. При ближайшем сопоставлении текстов «хронографической» и «сокращенной» редакций XVII века останавливает на себе внимание стилизация заглавия в последней: вместо заглавия первой редакции (где оно есть) здесь читается оно с характерным добавлением: «О взятии Царяграда от безбожного Махмета, Амуратова сына, турецкого царя, еже при Константине царе, сыне Маноиле» (Шук. 168, л. 513),¹ чему соответствует и распространенное начало самой повести: «В лето 6961 во царство благочестиваго царя Константина, сына Манойлова,² а при великом княжении Московском Василия Васильевича и при Ионе митрополите Московском и всеа Руси, царь Махмет, салтан турецкий, сын Амуратов...» (там же). Этим распространением заглавия и начала повести составитель второй редакции Хронографа окончательно связал повесть с самим Хронографом как историческую повесть, подчинив ее тому историческому принципу, на котором основан его Хронограф. Он усилил этим добавлением ценность ее как исторического источника, придав ей хронологическую точность. Этот «историзм», внимание к историческому факту, как таковому, мы наблюдаем у редактора Хронографа второй редакции и в других случаях. Самое же сокращение повести проведено довольно сильно: большая повесть, занявшая в рукописи в лист 27 листов, во второй редакции Хронографа уместилась приблизительно на 5 листах (Шук. 168) довольно крупной скорописи. Достигнуто это сокращение прежде всего путем больших механических пропусков оригинала, затем сжатым изложением сохранных мест. Вместе с тем, присматриваясь к этим сокращениям, можно уследить не только механический труд, но и принцип, которым руководился редактор в своей работе. Стремясь придать повести объем, соответствующий другим статьям Хронографа, он взглянул на повесть как на чисто исторический источник сведений, прежде всего интересных читателю фактами из истории осады и взятия.

Редактор 1617 года отказался, следовательно, от взгляда на повесть как на художественное произведение, притом проникнутое известной религиозно-поучительной тенденцией, которая так характерна для воинской повести XVI столетия. Этого от него потребовал общий характер и назначение Хронографа, несколько иные в XVII веке, нежели то было

¹ В первой редакции: «Взятие Царяграда» (Востр. 1132), «Сказание о взятии Царяграда» (Увар. 544) или: «Сказание о взятии Царяграда безбожным султаном турецким» (Увар. 1052), «Взятие Царяграда от безбожного Магмета, Амуратова сына, салтана» (Синод. 792).

² Таким образом, на основании 207 главы (стр. 436) Хронографа старшей редакции исправлена ошибка повести, перешедшая во многие списки ее: она называет царя Константина Ивановичем, т. е. сыном Иоанна Калюяна VIII (1425—1448), на деле же он был сыном Мануила II (1391—1425) и, стало быть, был Мануиловичем и братом (а не сыном) Иоанна VIII, Фомы и Дмитрия (деспотов), которых знает (впрочем, не называя по именам) и повесть. В первоначальной (или в более близкой к ней) редакции повести византийский царь назван только Константином (без отчества): см. изд. Леонида, стр. 6.

в предыдущем: к истории теперь предъявлялись требования, более близкие к научным, нежели раньше, которые были прежде всего поучительными. Да и самое понимание излагаемого события у редактора стало несколько иным. Он на осаду и взятие Царьграда взглянул не столько как на борьбу греков с турками, сколько как на борьбу царя Константина с султаном Магометом. У него центром внимания являлась, с одной стороны, личность царя, его боевые подвиги, его боевая деятельность, как главного вершителя всего, совершаемого греками, и султана — с другой, также как двигательного начала действий турок. Этим представлением о значении личности царя и султана объясняется то, что в этой сокращенной редакции повести не находим таких эффектных, красочных эпизодов, как удачный выстрел Зустунея, разбивший большую турецкую пушку (448), жестокая битва, где пало более 5 тысяч греков и более 35 тысяч турок (449), взрыв подкопа, устроенного греками (450), не находим рассказов о боевых подвигах отдельных лиц — единоборство Рахгавая с Амарбеєм, спасение Зустунея в единоборстве с янычаром (451), подвиг трех братьев, убивших двух богатырей Сарацин (456), и др., опущен почти целиком такой факт, как первый приступ турок к городу:¹ во всех этих эпизодах царь никакой активной роли не играл. Наоборот, в сокращении сохранены, иногда в пересказе, те места, где царь проявлял инициативу, притом преимущественно удачную, сохранена даже общая характеристика его, как необычайно сильного бойца (453), уцелел эпизод единоборства царя с Бегиларбеєм (457), почти без сокращений изложены последние дни и часы жизни царя и рассказ о его смерти (458) и т. д. Другой ряд сокращений также характерен для этой редакции повести: систематически опускаются «богомоления», столь характерные, как мы видели, для поздней воинской повести. Почти отсутствуют и те благочестивые размышления автора пространной повести, которые говорят о неизбежности predetermined гибели Царьграда,² и, подавно, ссылки на апокрифические пророчества о Царьграде с именами Мефодия и Льва, а также, разумеется, самый конец большой повести с предсказанием о «русском роде» как будущем победителе Измаила.

Манера же сокращения старшего текста видна из следующих сопоставлений:

Первая редакция Хронографа
(ПСРЛ, ХХІ)

Вторая редакция Хронографа
(Цук. 168)

[Когда Магомет подошел к Царьграду, царь посла к Магмету салтану посланники, хотя уведати бывшее, и о миру глаголати. Он же океанный и безверен сый и лукав посланников отосла бездельны, а сам предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю приступив к царствующему граду [445—446].

Царь же Константин посылает к Магмету послы, прося смирение, он же небрег, но паче на ярость подвизашеся и повеле ко всех стран ко стенам града приступати [л. 513].

Патриарх же Анастасие и святители и весь священнический чин бяху непрестанно молящеся о милости божи и о избавлении града [446—447].

Патриарх же Анастасии со всем священным собором в Велицей церкви со слезами молящеся богу о избавлении града [л. 513 об.].

¹ Сказано только: «Султан поведевая со всех стран ко всем стенам града приступати. Людие же, сущии во граде, недоумевахуся, что сотворити, бе бо агарян много зело, и сего ради беспрестанно по 13 дней прменяющеся приступающе ко стенам града» (Цук. 168, л. 513).

² Вот, кажется, единственное место в этом роде: когда царь убил Бегиларбея, «и тако устремилася греки со царем своим на турки и прогнаша их из града; но убо аще и тмами подвизашася, а божиа суда гонезнуги не могоша» (Цук. 168, л. 516 об.).

Турки всех людей с стен збиша, абие воскричаше все воинство и нападоша на град вкупе со всех стран, кричаще и вопиюще, овни с огни различными, а иныи с лествицами, друзии с стенобитными хитростями, и гны мнози козни на взятие града; градские же людие такожде вопияху и кричаху на них, быющеся с ними крепко. Царь же объезжаше по всему граду, понужаа люди своа, дающе им надежду божию, и повеле звонити по всему граду на созвание людем. Турки же, услышавше звон великий, пустиша сурныа и трубныа гласы и тимбан тмочисленных. И бысть сеча зла и преужасна: от пушечного бо и пищального стуку и звуку звонного, и от гласов и воплей, и кричания обоих людей, и от трескоты оружий, такоже и от плача и от рыдания градских людей и жен и детей, яко и земле поколебатися, и не бы слышати друг друга, что глаголеть, бысть яко гром велий» [447].

Царь же Константин посылаше по морю и по суху в Аморию к братьям своим и в Венецию и в Зиновию о помощи. Братиа его не успеха, понеже расприя велиа бе между ими и с Арбонаши ратовахуся, а фрягове глаголаху в себе: «не дейте, да возмут турки, а у них мы возьмем Царград» [447].

Зустунеа сбрався вкупе с патриархом, начаша увещати царя, глаголюще: «видим, господи царю, яко сей безверный не ослабляет делом, но паче готовится на большее дело, и что сотворим, помощи ни откуду чаюше? Подобае тебе, господи царю, изыти из града сего на подобное место. И сия слышавше людие твои и братиа твоа к тебе придут на помощь, но и Арбанаши убоявся придут к сим же, еда како и сей безбожный Магмет устраився отступит от града». Сия же и инаа многа изрекоша царю и корабли и катарги дааху ему Зустунеевы. Царь же на долг час умолча, испущаа слезы и тако рече им: «хвалю и благодарю съвет ваш и вем, яко на ползу ми сиа вся, понеже могут сиа тако быти, то како аз сие сътворю и оставлю священство и церкви бсжня и царство и всех людей в толицей беде сущих, и что ми изречет вселеная! молю вы, рщите мне? Ни, господие мои, ни, да умру зде с вами» [449].

[Магомет] по три дни собрав паши свои и санчянбеев, тако рече им: «видим убо, яко гаурове охрабришася на нас и тако, бранящеся с нами, не можем их одолети, понеже о едином месте братися о разрушенном многими людми невместно, а малыми людми, и они премогают нас и тако одолеваот нас. Но да сотворим паки ягму, якоже и пръвие: придвигнувше туры и лествицы к стенам града на многиа места и, разделившимся гражданом по всем местам на супротивление, абие, приступим к разрушенному месту». И еще совеща окаянный, тако и сотвори [452].

Царь Константин непрестанно обходя по всему граду, понужая люди, дающе им надежду на бога. Егда же безбожнии въздоша на стены града, греки же крепко сечахуся с ними и збиша их со стен, турки же паки крикнуша со всех стран и паки въздоша на стены и вострубиха в трубы и възграша в варганы и тимпаны тмочисленные, також и во граде греки учиниша звон по всем церквам, и бысть шум — не слышати друга ко другу глаголюща, и к тому плачь и рыдание жен и детей и сирот, мнети убо, яко и самой земли колебатися тогда. И бысть сеча зла и ужасна [л. 513 об.]

Царь же Константин посылаше по морю к братии своей во Амморею и в Виноцею, прося помощи, и ничто же успе, бе бо про между себя имеяху. Посла же и в Рим к латинам, и сии рекуще: «не поможем греком; аще турки град возмут, а мы у них возмем» [л. 514].

Патриарх ж Анастасии и вси людие моляху его глаголюще, да изыдет из града на место подобное, некли придут к тебе братиа на помощь, и враги убоявшеся отступят от града. Он же отвеща рече им: «како могу сотворити се, еже оставити святыя церкви и людие сия, в толицей беде суща? И что ми вселенная речет? Не изыду, дондеже зде умру с вами» [л. 514—514 об.]

Собрав же Магмет паши и воеводы свои, сиче рече им: «что сотворим? Видим бо гауров сих охрабrevшихся противу нас и тако борющеся с нами и не можем их одолети. Сотворим: придвинувше туры и лестницы многи и разделившеся по всем местом». Совещав же ся окаянный и сотвори [л. 514 об.]

[После второго «знамения»] патриарх же Анастасей вскоре, собрав весь клирик и сиглаит, поиде к царю и рече ему: «светлейши царю, вся прежде реченная о граде семь добре веси, тако и отшествие святого Духа виде, и се паки ныне тварь проповедает погибель града сего, молим тя: изыди из града, да не вси вкупе погибнем, бога ради изыди». И поведаша много деяний прежних царей и сим подобна. И не послушаше их царь, но отвещаваше: «воля господня да будет» [456—457].

Патриарх же прииде ко царю и рече ему: «изыди, царю, из града: се второе знамение и тварь являет граду погибель. Царь же рече: «единою глаголах, еже ми zde умрети за святыя церкви и не изыти» [л. 516].

Перерабатывая при помощи таких приемов старший текст, редактор почти не привлекал иных источников; можно только отметить, что в его распоряжении был также такой текст Хронографа, где вместо повести читался еще плач. После обстоятельного указания, когда произошло взятие Царьграда (в первых строках переложения), он называет Магомета сыном Амурата, праправнука Аркана, царя Ачамийского, чего не было в его оригинале повести. Это указание он нашел в плаче, где дается та же генеалогия Амурата, со ссылкой редактора Хронографа редакции 1512 года на одну из предыдущих глав (именно, на 202-ю) того же Хронографа или же в самой 202-й главе.¹ Конечно, это добавление только уточняло хронологию повести, подчеркивая внимательность редактора к исторической ценности фактов, но ничего не прибавляя по существу к содержанию повести.

В результате параллельного изучения «хронографической» (1533) и сокращенной (1617) редакций повести мы получаем возможность заключить, что в начале XVII века первоначальная пространная повесть претерпела значительные изменения. Изменения эти выразились не только в сокращении ее объема, но также и в изменении идейного ее направления. В тексте 1617 года подчеркнута роль царя в течении событий, ослаблен религиозно-поучительный элемент,² а, кроме того, утрачены почти целиком характерные особенности воинской повести XVI века.

Все эти изменения — результат того общего процесса «обмирщения» литературы в XVII веке, который дает себя чувствовать уже в начале века и идет, прогрессируя с течением времени.

Дальнейшая судьба этой редакции повести была, повидимому, не сложна. Вне Хронографа второй редакции она большого распространения, кажется, не имела, уступая место более влиятельной и популярной хронографической повести, и в XVII веке продолжавшей оказывать влияние и дававшей источник для более или менее частых копий в ком-

¹ В плаче мы читаем: «первое убо рекох о них [турских царях] пространнейше... ныне же вкратце реку». Сказав кратко о происхождении турецких султанов от Аркана, царя Ачамийского, он заканчивает: «правнук убо царя оного инока Аркана, сын же Арканов Амурат, иже многи страны покори на востоце и на западе, Амуратов сын Баозит, Баозитов же Махамет, а Махаметев Амурат, а Амуратов сын Магмет» (ПСРЛ, XXI, стр. 437). Таким образом получается: Аркан — Амурат I, его сын — Баязет, сын Амуратов, внук Аркана — Магомет I, сын Баязета, правнук Аркана — Амурат II, сын Магомета I, праправнук Аркана, отец Магомета II.

² Здесь у трезвого, в общем, и даже, пожалуй, суховатого историка-редактора остались, однако, упоминания об обоих «знамениях» и кое-где привычные выражения: «по грехом нашим», «попущением божиим» и т. п., что понятно для человека XVII века. Сохранение же «знамений» может объясняться также и тем, что в этих эпизодах играет роль главный герой редактора — царь. Здесь дана ценная с точки зрения его характеристики черта: после каждого «знамения» царя уговаривают покинуть город, но он твердо отказывается, предпочитая разделить общую участь (Шук. 168, лл. 515 и 516).

плексах и отдельно и для переделок, правда, сколько можно судить по известным мне текстам, незначительных.¹

XII

Те изменения, крупные и мелкие, первоначального текста повести, которые мы видели, в частности в ее хронографической редакции, наиболее распространенной на протяжении XVI—XVII веков, с несомненностью показали значительную ее популярность в литературе этого времени. Ею интересовались, усердно переписывали, переделывали применительно к современному вкусу и потребностям. Но эта же популярность повести предполагает в то же время и влияние ее на другие литературные произведения иного содержания и прежде всего в кругу произведений, близких ей по теме и жанру, — в среде младшей «воинской» повести. И действительно, есть возможность указать немало таких примеров.

Еще А. С. Орлов отметил, что «История» о Казанском царстве (середина XVI века) была создана под сильным влиянием повести о взятии Царьграда (план, отдельные детали покорения Казани, «знамения» и т. д.).²

Подобного рода воздействие обнаруживается в поздней редакции (XVI—XVII веков) повести о приходе Батыевой рати на Рязань, в «Сказании» о Мамаевщине в редакции XVI века (третья редакция по определению С. К. Шамбинаго), в Летописце Грозного, в «Повести книги сея от прежних лет», приписываемой Катыреву-Ростовскому и особенно отчетливо в «Сказании» Авраамия Палицына. Остановимся подробнее на последнем произведении.

В известном, чрезвычайно распространенном в XVII и XVIII веках «Сказании» Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиевой лавры поляками в его окончательной редакции³ можно найти следы пользования нашей повестью о взятии Царьграда в отдельных деталях повествования Авраамия. До десятка мест этого «Сказания» обнаруживают с несомненностью, что начитанный и опытный в литературном деле автор «Сказания» знал и пользовался нашей повестью. Все эти места касаются прежде всего, естественно, боевых сцен из истории осады монастыря, а затем и других эпизодов. Но, если часть аналогичных повести мест «Сказания» может объясняться общностью поэтики воинской повести вообще, то другие места прямо выдают свою связь и зависимость именно от нашей повести в пла не. Это находит себе подтверждение и в стилистической близости этих мест между «Сказанием» и повестью. Такое влияние в плане «Сказания» со стороны повести выразилось во внесении Палицыным в свой рассказ кое-каких деталей, расширяющих общее содержание.

¹ Из таких текстов сокращенной редакции вне Хронографа мне известны только: Увар. 146, л. 435 — петровского времени — в виде добавочной статьи к Амартолу, написанной после пробела нескольких листов после него, и Заб. 488, л. 76 (начала XVIII в.; часть рукописи писана в 1714 году Григорием Михайловичем Ртищевым) в сборнике среди выписок из Гранографа и вместе со «Сказанием» Ивана Пересветова, за которым следуют выписки из Александрии, заметка о царевиче Алексее Петровиче, о мире с турками (обе статьи писаны в 1711 году), о ранах Христа и другие статьи. Такой же текст (также со «Сказанием» Пересветова) представляет сборник петровского времени Митмирского музея, описанный П. Н. Поповым (Труды ОДРА, III, стр. 197 и сл.).

² А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусских исторических повестей XVI—XVII вв. СПб., 1909.

³ Все цитаты по изданию: РИБ, XIII, стлб. 957—1272.

К числу таких случаев следует отнести главу 11 (стлб. 1035—1036) — «О видении столпа огненного». Как известно, «Сказание» Авраамия в своем рассказе очень охотно пользуется чудесным элементом — видениями, явлениями, знаменами. Но тогда как в большинстве случаев эти видения, явления и знаменания по содержанию ничего общего со «знаменами» повести не имеют, «видение столпа огненного» несомненно связано с первым «знаменением» повести (в церкви св. Софии). Вот как в «Сказании» передается это «видение», которое видели некоторые из старцев монастырских и многие люди «не во сне, а на яву». Старец священноинок Пимен во время ночной молитвы увидал в оконце своей келии свет, взглянул на монастырь и, увидав большой свет, подумал, «яко пожар, мнев, яко врази зажгли монастырь». Присмотревшись более внимательно, он увидал, что это — огненный столп, стоящий над главою церкви Троицы (главная церковь монастыря) и достигавший небес. Напуганный видением, Пимен созвал других старцев и мирских людей; они видели то же и дивились знамению. Понемногу столп стал опускаться и виться, как огненное облако, и через окно над дверью церкви вошел в церковь. Если мы вспомним обстоятельства, при которых было наблюдаемо знамение во св. Софии по рассказу повести, то зависимость рассказа «Сказания» от этого места повести будет вне сомнения.¹

Другой аналогичный случай заимствования отдельного эпизода автором «Сказания» из повести мы имеем в рассказе его в главе 26-й (стлб. 1069—1070) о «лютой зело пищали, зовоймой Трещера» у осаждавших, поставленной ими в роце на Терентьевской горе: «Воеводы повелеша стреляти на Терентьевскую гору по литовскому снаряду из башни Водяных ворот. Ударивши по большой их пищали, по Трещере, и разбиша у нея зелейник. Тако же и от святых ворот с Красных башни удариша по той же пищали и разбиша у нея устие. И видеша с Троицкого града сущии людие, благодариша бога, яко разруши злый той сосуд». Это, разумеется, простое приспособление эффектного эпизода повести о «большой пушке» к иным условиям — осаде Троицкого монастыря.²

Весьма возможно, что под влиянием повести формулировано было и начало 10-й главы «Сказания»: «Осадные воеводы... приговорили... разделить градския стены и башни, и ворота и наряд... да всяк их ведает и хранит свою страну и место и вся... и с приступными людьми бьются с стены, а из града и на иную ни на которую службу да не исходит» (стлб. 1034).³

¹ В повести: осветился весь город, и стражи вообразили, что турки зажгли город, подняли тревогу, собрали народ; теперь увидали, что это — свет, который исходит из церкви и обнял всю «шею [купол] церковную»; потом свет этот «взялся на небо» и исчез во вратах небесных (стр. 253—254). Стало быть, составитель «Сказания» взял внешнюю обстановку «знаменания», но из конца «знаменания», переменив смысл, построил конец своего видения, сказав, как свет «вошел» в церковь, т. е. конечный момент своего образа обратил в начальный. Это изменение понятно: в «Сказании» это видение не имело того значения грозного предсказания, как в повести, а наоборот — благоприятное.

² В повести: «Зустуея же, нарядив пушку свою, ударив тое пушку и расседся у неа зелейник. Сиа же виде, безверный Магмет възьярися до зела» (стр. 448). Откуда у Авраамия явился второй выстрел (с Красной башни), можно догадываться: в иных текстах повести (каков, например, Заб. 200, л. 167) дается вариант к этому месту: «удариша ядром во устие тоя великия пушки и разбиша ю». Имея перед собой оба варианта, Авраамий и составил свой рассказ.

³ Так же, как в повести, решение это состоялось при начале осады монастыря, после стычек с неприятелем за стенами его. В повести: «царь повеле вельможам и мегистаном разделить воиню градския стены и стрельницы и врата... да каждо их ведает и хранит

То же и далее, в главе 14: когда началась канонада поляков по монастырю, «сущии же на стенах града людие, не могуще стояти, сохраняхуся за стены... и тако людие стояще неотступно, ждуще приступу, и о сем едином и крепляхуся» (стлб. 1045) — место, которое могло сложиться под влиянием повести. После начала сильной стрельбы турок из всякого рода оружия «граждане же от бесчисленных стреляний не можаху стояти на стенах, но западше ждаху приступу» (стр. 446).

Помещенная в главе 15-й (в начале осады монастыря) большая молитва осажденных (стлб. 1046—1047) несомненно писана в подражание такой же молитве при таких же обстоятельствах в повести: вся середина молитвы в «Сказании» представляет частью буквальное воспроизведение, частью легкий перифраз молитвы в повести.¹

Нашло себе в «Сказании» отзвук и упоминание повести о непрерывном (в течение 13 дней, днем и ночью) нападении турок на город (стр. 446). В «Сказании» читаем: «литва же и русские изменницы... стужаху гражданом, ратующе град за семь дней без почивания» (стлб. 1050).

Раз приведенные параллели между повестью и «Сказанием» доказывают, что Авраамий пользовался повестью в своем труде, то из того же источника получают объяснение и другие точки соприкосновения у него с нею не только в области плана и тематики отдельных мест, но и в стилистике. Эти последние места построены Авраамием под влиянием стилистических особенностей повести же, как повести воинской. К числу таких построений относятся, например, у Авраамия некоторые описания боевых столкновений, общих у повести с другими воинскими повестями.² Так, сюда следует относить такое описание битвы в главе 49 «Сказания»: «И сступишася обои полцы, и бысть сеча зла и сечахуся на многих местах, бьющися чрез весь день; от оружейного стуку и копейного ломания и от гласов вопля и кричания обоих людей войска, и от трескота оружия не бе слышати друг друга, что глаголет и от дымного курения едва бе видети, кто с кем ся бьет. И яко зверие сечахуся» (стлб. 1145) или более краткое описание в главе 68: «Тогда бо от множества вопля и кричания обою страну не бе слышати и пищального стуку, но токмо огонь и дым восходящ; от дыму же темну облаку нешедшу и покрывшу войско все» (стлб. 1222). Достаточно с этими описаниями сопоставить описание в повести первой крупной битвы (на 14-й день осады), чтобы убедиться в зависимости описания «Сказания» именно от описания в повести:³ мы видим сходство не только образов, но и их словесного выражения.

Оставляя в стороне другие более мелкие точки соприкосновения между повестью и «Сказанием» Палицына, мы с уверенностью можем заключить, что в числе литературных⁴ источников Авраамия была и

свою страну... да бьется с турки с стены, а из града не выходити ни выезжати» (стр. 446).

¹ См. стр. 446. Конец же молитвы в «Сказании» — свой: он составлен применительно к местным условиям — с упоминанием Сергия и Никона и покровительства богородицы, скорее всего, на основании жития Сергия.

² Например, см описание битвы псковичей с поляками в «Повести о нахождении Батерия на Псков» (Чтения ОИДР, 1847, кн. 7 (11), отд. IV, стр. 15).

³ См. стр. 447 повести. Сходные выражения с повестью в цитате из «Сказания» мною выделены разрядкой.

⁴ Например, стлб. 1043 (о начале осады), 1054 (о хождении с иноками по стенам города) и пр.

наша повесть. Почему он обратился к повести, мы можем до некоторой степени и представить себе: Авраамий, как монах и придворный политический деятель Смутного времени, был несомненно начитан в тогдашней литературе, но главным образом — в религиозно-учительной, в религиозно-исторической и, может быть, исторической, но менее осведомлен был в области такой специфической, преимущественно мирской письменности, какова литература военного характера. Кроме того, он, как известно, непосредственным свидетелем и участником событий осады Троицкого монастыря не был (он это время прожил в Москве на подворье своего монастыря), почему он мог писать только по слухам и по рассказам участников осадного сидения (см. стлб. 1023). Все это взятое вместе показывает, что Авраамий сознавал, что на его писательской палитре нет красок для обрисовки боевых событий, а потому он и обратился за ними к Повести о взятии Царьграда, как популярной в его время. В «Сказании» Палицына мы имеем один из заметных фактов влияния повести в начале XVII века¹ на памятник, хотя и родственной по теме, но иной по содержанию.

ХIII

Для дальнейшей судьбы нашей повести, главным образом в письменности XVII века, представляют интерес те ее тексты, которые встречаются вне больших компиляций — Хронографов, Степенной книги, летописных сборников. Вероятно, таких текстов этого популярного памятника было довольно много в рукописях, насколько о том можно судить по сохранившимся текстам, в основном в сборниках.² Они представляют собой большей частью или простую более или менее исправную копию с одной из рассмотренных редакций повести (чаще всего «хронографической»), либо пересказ или извлечение из нее, не имеющее редакционного характера; не имея ни возможности, ни особой надобности подробно проанализировать их все, нахожу не безынтересным остановиться на некоторых, намечающих собою кое-какие факты в литературной традиции повести.

К числу таких текстов, думается, принадлежит Увар. 536 (в 4-ку, конца XVII в., лл. 183—218). Здесь текст, хотя он и входит в сборник различных статей, но выделен после чистой части оборота предыдущего листа особой заставкой (травная, черная, печатного стиля) в качестве отдельной статьи сборника. В этой статье, озаглавленной «Бытие о Царьграде, како создан бысть Константином царем и како взят бысть от турецкого царя Бахмета», соединены, как видим, обычные (для комплексов и в Хронографах) рассказы о построении Царьграда и о его взятии.³

По чтению и по составу текст этот далеко не из исправных. Писец, повидимому, относился к своему делу небрежно и механически, допуская много ошибок в словах и формах, внося иногда путаницу и даже бессмыслицу.⁴ Кроме того, в тексте находим сокращения и перестановки,

¹ «Сказание» в окончательной редакции сложилось около 1620 года.

² Судя по существующим описаниям рукописей, например, в собрании Уварова (ГИМ) таких текстов XVII века я насчитал по описанию Леонида восемь (помимо входящих в Хронографы), в собрании Богданова (ГПБ) — тринадцать.

³ Текст сказания о построении Царьграда — обычный и вполне совпадающий с напечатанным в ПСРЛ, XXII, но с добавкой: «Конец строению града», после чего непосредственно в строку и без заглавия идет повесть о взятии Царьграда. Этот текст под шифром Царск. № 401 упомянут А. Н. Пыпиным в его «Очерке старинных повестей и сказок русских» (М., 1858, стр. 215).

⁴ Примеры: «Риму» вм. «в миру»; вместо обычного: «вся, яже наведе на ны и на град твой святыи праведным и истинным судом, сотворил еси грех наших ради и несть»

совершенно произвольные и необоснованные.¹ Тем не менее общий состав текста показывает, что хотя и так небрежно, но списывался он с хронографической редакции: все ее, более или менее крупные, особенности нашли себе отражение в уваровском тексте. Но в конце списка встречаем нечто необычное для «хронографического» текста. Сходство Увар. 536 с ним кончается словами: «и сим грех ради наших сущи же людие всех под солнцем изобладаша владающе двема частми вселенных»,² а далее идет в строку: «Тогда же царь турецкий умудрил, списал книги христианския по-турецки слово в слово... и люто тебе видится, Анастасии, се поругание неверных и грусно сердцу твоему, оно бо есть неверно: иноплеменики веры христианския не познают. Ныне и присно и во веки веков. Аминь» (л. 217 об.). Иначе сказать: перед нами выписка из «Сказания» Ивана Пересветова «О Махмете, како хоте сожеши книги греческие», но в переделке.³ Мы видели, что «Сказание» Ивана Пересветова объединялось в сборниках XVII—XVIII веков с сокращенной редакцией повести из второй редакции Хронографа 1617 года. Здесь же видим его в сочетании с хронографической, притом вместе со сказанием о построении Царьграда (которое по причинам, мною выше указанным, устранено в этом месте второй редакции). Ясно, что Увар. 536 не ведет своего происхождения от второй редакции Хронографа. Мы, естественно, должны предполагать, что текст этот связан с таким комплексом статей о Царьграде, в котором объединялись хронографическая редакция повести и «Сказание» Пересветова. А такой комплекс не только мог существовать, но и на самом деле существовал.⁴ Это ведет нас к литературной и публицистической деятельности Ивана Пересветова. Пересветов, как известно, интересовался причинами падения Византии. Отсюда закономерен его интерес к повести о завоевании Царьграда. Знакома же была она ему не в отдельном виде, а в соединении со сказанием о построении Царьграда Константином Великим. Это видно из его переделки отрывка именно из этого сказания. Легенду об орле и змие он истолковал применительно к своим противобоярским тенденциям, присоединив сюда в таком же освещении и сказанное о царе Константине.⁵ И действительно, в сборнике с сочинениями Ивана Пересветова мы встречаем как раз нашу повесть и притом именно в хронографической редакции.⁶ Если

нам отверзти уст, что глаголати» (стр. 446) читаем: «святым и праведным истинным судом твоим и ныне святыням отверзти уста» (л. 189 об.); наполняю (-я), чаях (-ху), грек («трескот»), говорится («готовится»). Мефодий — папа римский, и т. п.

¹ Например, речь о том, как султан послал войска взять убитых после первого приступа (стр. 447), помещена после рассказа о взрыве (л. 201), куски одного и того же сообщения о посольстве царя за помощью в Амморию помещены в разных местах — в начале и после первого приступа, и т. п.

² Искаженный текст должен соответствовать правильному: «И сим тако бываемым и сице совершаемым, грех ради наших безаконный Магмет седе на престоле царском, благороднейши сущи всех, яже под солнцем и изобладаша владеющих двема части вселенных» (459).

³ Ср. у А. Н. Попова (Изборник..., стр. 165 и сл.).

⁴ Из такого комплекса идет, например, текст в Никоновской летописи.

⁵ Напечатано В. Ф. Ржигой в его исследовании «И. С. Пересветов, публицист XVI в.» (Чтения ОИДР, 1908, кн. 1).

⁶ Таков описанный В. Ф. Ржигой (ук. соч., стр. 11—12) сборник собрания Погод. 1611; напомним состав этого лучшего сборника с сочинениями Пересветова: 1) первая его челобитная, 2) переделка его же из сказания о построении Царьграда, 3) сказание его же о царе Константине, 4) его же сказание о Махмете султани, 5) предсказания философов и докторов, 6) вторая челобитная, 7) повесть о взятии Царьграда турками. Самой повести здесь предшествует, кроме сказания о построении Царьграда, сказание об основании Византии (л. 167 — о Нектанаве). Заглавие же повести в этом списке таково: «О взятии Царьграда от безбожного Махмета салтана, Амуретова сына, турецкого. О семь

допустить весьма вероятное предположение, что самый комплекс сочинений Пересветова с приложением повести обязан составлением или самому Пересветову, или кому-либо другому из ближайшего к нему времени, то и существование комплекса статей о Константинополе, здесь помещенных, мы можем отнести еще к XVI веку. От такого-то комплекса и идет Увар. 536 независимо от Хронографа. Если это так, то можно продолжить и далее выводы из нашего наблюдения: «пересветовский» комплекс (т. е. с включением сказания о Махмете) был известен также составителю второй редакции Хронографа, что, весьма возможно, и навело его на мысль включить сказание о Махмете в свой Хронограф, несколько переделав это сказание.¹ Таким образом, Увар. 536, хотя и неумело слив хронографическую повесть со «Сказанием» Пересветова, дает еще черту для литературной истории повести, проясняя ее отношения к Хронографам.

Несколько иные, нежели предыдущий текст, указания для литературной традиции повести дает текст Барс. 1525, конца XVII века.² В основе барсовского текста лежит опять хронографический, но он подвергся значительным изменениям в результате переработки. Переделка же основного текста повести выразилась прежде всего в сокращении объема всей повести. Сокращение это достигалось главным образом путем простого пропуска отдельных частей оригинала, отдельных эпизодов, иногда довольно значительных. Так, уже в Сказании о построении Царьграда отсутствуют: сообщение о столпе (колонне) Константина, о праздновании «обновления града» и посвящения его богоматери, о заботах о пополнении города жителями, о собирании в город всякой святыни и «достопамятных вещей»; сохранены только заключительные слова (Андрея Критского). Весь рассказ о строительстве Константина свелся к следующим словам: царь создал, кроме церкви Софии, «великия святыя божия церкви святыя мученицы Ирины и грозного воеводы архистратига Михаила и святых божиих церквей, якоже великий Устиниан царь и Феодосии и благоверная царица Евдокия, жена Ираклия царя. По сих же и иные мнози последующе им. И тако наполнися град преславными и великими вещьми, им же божественный Андрей Критский удивився...» (л. 4 об.). Тут, кроме механического пропуска, мы видим и другой прием, практиковавшийся при переделке: сокращенное, сжатое изложение взятого из подлинника материала. Те же виды сокращения применяются и в других случаях; так, эффектные эпизоды из второго приступа турок к городу 30 апреля (о больших двух турецких пушках, первых разрушениях городской стены, об удачном выстреле Зустуня, начале общего приступа) опускаются, взята только последняя общая фраза предыдущего рассказа и дальнейшее, начиная с обращения царя к стратигам и воинам.³ Все сведено к двум фразам: «Турки же по всем местом по вся дни приступаша ко граду, стужающе греком. Царь же же Цариграде положим начало, от кого создан бысть и почему прозвася Царьград», т. е. мы имеем перед собою один из знакомых нам комплексов.

¹ Ср.: В. Ф. Р ж и г а, ук. соч., стр. 11.

² Текст помещен на первом месте (лл. 1—28) сборника, составленного из различных по происхождению тетрадок в 4-ку, писан разгонистой скорописью, кажется, двух писцов. Повесть занимает лл. 6—28 об., ей предшествует, как обычно бывает в этих случаях, сказание о построении Царьграда с несколько своеобразным заглавием: «Сказание о поставлении великого седмохолмного Царяграда, зовомого Константина, ныне же от турок наречеся град Станбол». Самая же повесть озаглавлена: «Сказание о взятии великого преименитого Царяграда, зовомого Константина, от безбожного турецкого царя Магмета, Муратова сына». Текст повести при переплете перебит, порядок листов должен быть такой: 1—7, 16—23, 8—15, 24—28.

³ Здесь выпущена часть текста со слов: «В 30-й же день 2-й приступ По первом приступе» и кончая: «молитися богу со слезами и рыданием» (ПСРЛ, XXII, стр. 448).

Константин часто объезжая[ше] по граду по вся дни, плачуще моля стратигов» (л. 18). Или же слова: «Сия же¹ видев Зустуня и все велможи, сущии во граде, собрашеса вкупе с патриархом, начаша увещевати царя, глаголаше [-люще]: „О царю, видим, яко погании турки неотступно дело творят, но и паче того готовятся на большее кровопролитие“» (лл. 18 об.—19) заменили собою большой абзац с рядом эпизодов: отступление к ночи турок, погребение убитых греков (с указанием цифры), подсчет убитых турок (35 тысяч), молебствие греков по случаю отражения приступа, намерение султана перекинуть трупы убитых в город, подготовка нового приступа на девятый день (ПСРЛ, XXII, стр. 449). Еще пример: большой и подробный рассказ о первом приступе (там же, стр. 446—447) заменен короткой выпиской, составленной частью из фраз, взятых из полного текста: «по неколицех днех бысть ко граду приступ велик зело, и на том приступе побито знаемых греков 1040 [вместо 1740] и фрягов и армен 700, а турков 18 тысяч. И по сем турки ко граду приступиша со всеми полки, ис пищалей великих и ис пушек стреляюще по граду, бьющеса со гражаны день и ночь, да не почивают греки. Царь же Константин посла к братьям своим» (л. 16 об.—17). Такой же крупный пропуск находим и в дальнейшем: описание бомбардировки, завершившейся проломом стены, довольно подробное в подлиннике (стр. 450—451), сокращено до нескольких строк,² а затем речь переходит прямо к военному совету царя в притворе Великой церкви (стр. 451—452); далее — опять большой пропуск (стр. 452): битва Зустуня и затем царя с турками, ворвавшимися было в город, военный совет Магомета, новый план приступа, за которым непосредственно — описание «знамения» в церкви Софии (стр. 453—454) и дальнейшее, кончая распределением стен между турецкими войсками перед приступом (все это передано довольно близко к подлиннику).

Приведенные примеры наиболее крупных пропусков и сокращений показывают, что делавший их не руководился каким-либо принципом. имевшим в виду изменение смысла и характера подлинника, а преследовал цель только более краткого изложения. В сохраненных же при передаче местах подлинника можно, однако, заметить не лишнюю интереса особенность работы перелазгателя. Он относится совершенно свободно к тексту оригинала, большей частью пересказывая его своими словами, перефразируя и распространяя его словесно. Все эти изменения, кажется, направлены к тому, чтобы сделать рассказ отдельных эпизодов проще, яснее и законченнее, почему он вносит иногда нечто вроде мотивировки или объяснения той или иной детали, а иногда даже меняет несколько смысл подлинника. Такое впечатление этой стороны работы перелазгателя мы получим, если сделаем несколько сопоставлений между его текстом и текстом подлинника.

ПСРЛ, XXII

Барс. 1525

Слыша [царь] в сне глас: «В Византии подобает Константинограду създатися». Абие царь, възбудивсь от сна, посылает в Византию магистров [443].

И се слыша глас: «В Византии подобает Константинограду создатися, еже ты помышляеши на Трoаду».³ Абие царь възбудися от сна, благодарив бога в трoицы, немедля посылает в Византию [л. 2].

¹ Т. е., что город чуть было не был взят.

² Вот они: «Сквернавыи же царь Магмет паки повеле бити град в то же место, где же и первые, и в три дни разбиша стену до земли, бысть место поло, и беспрестани турки день и ночь по полому месту из пушек стреляюще, не дающе гражаном заделовати стены» (л. 22).

³ В Сказании перед тем говорилось, что выбор царя останавливался на Трoаде.

Бегиларбий... взем копие, напусти на царя. Царь же, подав ему щит, отвезде копие и ударив его мечем во главу и расече надвое до седла [457].

[Магомет] заповеда им [избранным воинам], да улучат царя, аще и до смерти постраждут, или да ис пищали убьют его [457].

Преста сеча, а от града не отступиша, сам окаанный стоа, бергущи своих градов и иных козней, не дадуще гражданию зажещи [455].

и повеле [Магомет] бити пушками и пищали и стенобитными хитростями и приступы градския уготовляти [446].

И узре царя Константина Багмерей и направя свой щит, и изложи копие на Константина устремився, хотяше копием поразити и с коня на землю низвергнути. Царь же Константин, подав ему свой щит, отвезде копие и, вступи[в] в стремя крепко, и удари Багмерея мечем по главе и тако разсекоша [-ше] его наполю до седла [л. 13 об.—14].

заповеда им, [да] улучат [царя] жива; аще ли не возможно взяти жива, да убьют его; елико же кому поспех прилучитя, и сим обещае честь воздати во веки [л. 14 об.].

уже преста сеча, от града не отступиша турки повсюду, а сам царь Магмет не спачез всю ночь, дозирая своих приступных городков, не даша гражданам зажещи [л. 10 об.].

повеле [ша] по граду бити из пушек и из пищалей и всякими стенобитными хитростями, на многи дни удручая град и разрушая стены, на приступы турком готовитися повеле [л. 6 об.].

В подобных переделках текст идет и дальше, внося якобы новые фактические данные. Так, сообщается, что после взрыва (см.: ПСРЛ, XXII, стр. 450) «бе числом убиенных турок с пятьдесят тысяч» (л. 21), чего нет ни в одном тексте повести из известных. Но несмотря на такое свободное отношение к своему оригиналу, составитель переделки оставил, однако, неприкосновенной религиозно-провиденциальную тенденцию первоначальной повести, сохранив не только «богомоления», но и указания на «пророчества», а также размышления автора повести на тему о неизбежности предрешенной судьбы города. Он даже как будто эту сторону в своей переделке усиливает. Об этом говорит окончание барсовского текста, где переделыватель от себя сделал большое прибавление к своему оригиналу, перед тем исказив и переделав по-своему подлинник. Вот это место: «Сице всем совершаемым грех ради наших безбожный Магмет во царствующем граде сяде на царском престоле и потом всех благороднейших, яже во вселенней обладаша, и владеюще ему два части земли под небесем, одолевающих одолева и самовластных победи и гордостного Артарески морским пучинам предаша, и сербских воевод потребиша и землю их разориша и Трою, предивных [рук.—м] островов седмодесятых царей четырех кралей обладание разрушиша и по всей земли приобиди, окаанные убо истину разумевши всего прежнасилаго [!] Мефодием патриархом и Львом Премудрым¹ в начало царствия на месте сем бывшаго знамения, еже ныне грех ради наших царствующим царь Константин оставил и поручил ти есть взяти, то совершися онаго знамения—змиево одоление, а орлию немощь.² Егда приидет время, тогда последняя совершится во граде сем, яко же и пишет славенским языком: на последок летом християне всех Измаилтян победят и паки седмохолмнаго града воспримут с прержреченными цари и в нем воцарятя во веки» (л. 28—28 об.).³

¹ До сих пор — переделка, правильнее, искажение оригинала (см.: ПСРЛ, XXII, стр. 459—460), без справки с которым нельзя добраться до смысла этой переделки.

² В этом наборе слов ясно одно: речь идет о знамении с орлом и змием, о чем говорится в Сказании о построении Царьграда.

³ Последнее — опять из повести (заключительные слова).

Но и этим не ограничилась работа переделывателя повести: он, имея под рукой такой комплекс сказаний о Царьграде, где, кроме Сказания о построении и Повести, была статья, которую мы условно назвали «Имена Царьграду», использовал и эту статью, сочинив из нее конец всей своей переработки повести, причем сделал это также довольно неумело, исказив свой источник почти до полной невразумительности. Начав говорить об именах Царьграда и оборвав фразу, он переходит к перечню чинов султанского двора и названиям турецких военачальников, чем и кончается текст.¹ Очевидно, у него под рукой был текст комплекса, аналогичный сборнику Больш. 435, где после отдельной статьи о завоевании Византии (взятой из Хронографа — глава 119, § 8 — по А. Попову) помещены: Сказание о построении Царьграда (л. 165), «Имена Царьграду» (л. 174), перечень городских ворот, число церквей и монастырей и перечни чинов султанского правительства (л. 175 об.).²

* * *

Обзор русских повестей и сказаний о падении Царьграда в 1453 году позволяет сделать следующие выводы.

1. События 1453 года имели огромное значение для всего славянского Востока и получили многократное освещение в русской письменности и литературе XV—XVII веков.

2. Первым отражением впечатления от этих событий были записи устных рассказов об осаде и взятии Константинополя, сохранившиеся в некоторых документах (грамота митрополита Ионы 1454 года) и летописных сказаниях ярко выраженного устно-поэтического характера (Софийский временник).

3. В первой трети XVI века в русской литературе появляется цикл произведений о взятии Константинополя турками, тесно связанный с исторической повестью и публицистикой этой поры: краткая повесть — перевод с греческого, около 1508—1520 годов; лирический плач — русское произведение, около 1512 года; хронографический и искандеровский тексты пространной повести — русские произведения не позже 1530-х годов на основе извлечения из записок очевидца и современника осады.

4. В своей литературной истории эти повести и сказания, начиная с своего появления и на протяжении XVI—XVII веков, тесно связаны с Хронографами и сборниками повестей исторического содержания. В составе аналогичных сборников эти повести встречаются в печатных изданиях и рукописях XVIII века.

5. Среди повестей о взятии Царьграда выдающееся положение в русской литературе заняла пространная повесть. Представленная в двух редакциях (искандеровской и «хронографической»), она являлась отправным пунктом для последующих обработок и переделок, существенно изменивших ее первоначальный характер.

6. Составленная русским автором, эта обширная повесть отлилась в форму типичной воинской повести начала XVI столетия, но со вре-

¹ Конец текста приходится на самый конец л. 28 об., и трудно сказать, ввиду сборности всей рукописи из отдельных тетрадок, действительно ли здесь кончался текст, или было еще что-нибудь на следующей, пропавшей, быть может, четвертушке.

² Отсюда-то и попало имя «Станбола» в заглавие сказания о построении (см. выше). Несмотря на все свои недостатки, образцы которых только что приведены, текст Барс. 1525 не лишен интереса для литературной традиции повести: он представляет попытку популяризации, упрощения старого текста в интересах читателей XVII века.

мени внесенный хронографической повести в Степенную книгу она утратила эту первоначальную форму, став сперва обычной тенденциозной исторической повестью, а затем, войдя в сокращенном виде в Хронограф редакции 1617 года, стала исторической повестью в собственном смысле.

7. Наиболее популярная на Руси хронографическая повесть стала центром, около которого группировались разнообразныя сказания о Царьграде. Вокруг нее объединялись в сборниках комплексы повестей об исторических судьбах Византии. Отдельные произведения таких комплексов не раз сливались позднейшими редакторами. Так возникли в составе хронографической повести эпизоды из Сказания о построении св. Софии в Царьграде или вставки из «Сказания» И. С. Пересветова в поздних списках хронографической повести.

8. Обладая незаурядными литературными достоинствами, пространная повесть о завоевании Царьграда турками оказала воздействие на другие воинские повести XVI—XVII вв. («История» о Казанском царстве, Летописец Грозного, поздние редакции сказаний о Батые и Мамае, Катырев-Ростовский, Авраамий Палицын).

9. Остальные два произведения (краткая повесть и плач), появившиеся также в XVI веке, в своей истории связаны с Хронографами: одна — с юго-западной редакцией, на главы не разделенной, другой — с северо-восточной редакцией 1512 года. В общей истории повестей о взятии Царьграда эти произведения использовались для дополнений главным образом при переработках хронографической повести (Верхобрезницкий Хронограф и др.).

10. Несмотря на появление новых переводных источников по истории Византии (псевдо-Дорофей, Малакса и др.), старшие повести о взятии Царьграда, в первую очередь — хронографическая повесть, сохраняют свою популярность как в конце XVII века, так и в XVIII столетии.

Б. Н. ПУТИЛОВ

Песня „Добрый молодец и рѣка Смородина“ и „Повесть о Горе-Злочастии“

Данные, которыми располагает наука в отношении народных песен XVII века неисторического содержания, чрезвычайно скудны. «То не многое, что было закреплено записями этого времени, далеко не раскрывает всего богатства песенного репертуара».¹

Однако и имеющиеся материалы говорят о значительном развитии русской песни в XVII столетии, о том, что в ней ставились и по-своему решались важные проблемы эпохи.

Полон большого значения тот факт, что передовая демократическая литература второй половины XVII века, разрабатывая новые, большие и острые жизненные темы, широко обращалась к фольклору и неизменно находила в нем ценнейший художественный материал. И масштабы, и самый характер идейно-художественных связей литературы того времени и народной поэзии позволяют сделать один очень существенный вывод: тот круг проблем, который так занимал писателей демократического лагеря, несомненно находил свое отражение и в народной поэзии. В фольклоре и в литературе XVII века шла, неизбежно пересекаясь и взаимодействуя, параллельная разработка одних и тех же тем, поднимались одинаковые вопросы действительности. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы сопоставление сатирических повестей с произведениями народной сатиры, «Повести о Горе-Злочастии» с народными песнями о Горе и другие факты.

Можно расширить границы изучаемого материала, включить в поле исследования новые факты истории русского песенного фольклора XVII века и, не ограничиваясь внешними сопоставлениями произведений народного творчества и литературы, усилить изучение внутренних их связей.

Как известно, в литературе второй половины XVII столетия была остро поставлена тема общественных «нестроений», противоречий русской жизни, кризиса старого уклада и старого мировоззрения. В литературе появляются образы людей, оказывающихся в разладе с окружающей средой; их судьба, нередко трагическая, становится в центре повествования. В «Повести о Горе-Злочастии» и в «Повести о Савве Грудцыне» — произведениях, посвященных как раз этому кругу проблем, — обнаруживается значительная фольклорная струя, и этот факт следует оценить во всем его значении. Неизвестные авторы этих повестей могли

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Социально-бытовая народная поэзия XVII в. «Русское народное поэтическое творчество», I, М.—Л., 1953, стр. 454.

так широко опереться на народную поэзию прежде всего потому, что в ней они слышали отклик на волновавшие их темы. Сохранившиеся песни о Горе свидетельствуют об этом неопровержимо. Но ограничивался ли песнями о Горе круг произведений XVII века, которыми народная поэзия по-своему откликалась на жизненные вопросы, волновавшие все общество? Не естественнее ли предположить, что этот круг был значительно шире? И если это так, то не сохранились ли в поздних записях песни, сложившиеся в одно время с социально-бытовыми повестями второй половины XVII века и перекликавшиеся с ними внутренне, идейно-тематически?

Поиски ответа на поставленные вопросы привели к песне, известной в науке под названием «Добрый молодец и река Смородина». Специальному исследованию эта песня никогда не подвергалась. Ф. И. Буслаев попутно коснулся однажды ее содержания, истолковав сюжет в мифологическом духе.¹ В ряду песен, связанных с мифологическими представлениями, называет этот сюжет и Н. П. Андреев.² Однако уже П. Бессонов и В. Варенцов глухо указывали на связь песни о добром молодце и реке Смородине с «Повестью о Горе-Злочастии» и с песнями о Горе.³ Бессонов же связывал содержание песни с петровским временем, не обосновывая, впрочем, этого никакими аргументами.

Песня «Добрый молодец и река Смородина» редкая. До сих пор она опубликована в шести записях: в трех северных, двух волжских и одной сибирской.⁴ Волжские варианты явно неполные и, самое главное, никак не раскрывают смысла песенного конфликта. Северные записи дают, надо думать, вторичную версию сюжета; в них более поздний конфликт заслонил первоначальную, ставшую уже непонятной для певцов коллизию. Особый интерес представляет сибирский текст из «Сборника Кириши Данилова». Дело не только в том, что он наиболее полон и художественно выдержан; именно в нем вполне сохранился исконный народный замысел песни. Вариант этот особенно важен для нас и ввиду ранней его записи.

Сюжет песни с полным правом можно назвать уникальным. Особенно это относится к первой ее части. Подобного сюжета русская народная поэзия больше не знает. Это наводит на мысль, что настоящая песня сложилась в определенных социально-исторических условиях, обобщила раздумья народа над кругом жизненных явлений, типичных для одной эпохи.

Песня начинается описанием счастливой, благополучной жизни некоего доброго молодца: он преуспевает по службе, он пользуется всеобщим расположением и любовью.

Когда было молодцу
Пора, время великое,

¹ Ф. Буслаев. Местные сказания владимирские, московские и новгородские. (Две лекции из курса истории русской литературы). «Летописи русской литературы и древности». IV, М., 1862, отд. 1, стр. 15—16.

² Русская баллада. Л., 1936, стр. XXI.

³ В. Варенцов. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 130. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 7. М., 1868, Приложения, стр. 77.

⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, II. М., 1910, № 186. — А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, III. Л., 1951, № 262. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8. М., 1870, стр. 3—5, 5—8. — Онежские былины. Летописи Гос. Литературного музея, кн. 13, М., 1948, № 221. — Сборник Кириши Данилова. СПб., 1901, стр. 124—126.

Честь, хвала молодецкая;
 Господь бог миловал,
 Государь царь жаловал,
 Отец, мать молодца
 У себя во любви держат,
 А и род-племя на молодца
 Не могут насмотретися,
 Суседи, ближние
 Почитают и жалуют,
 Друзья и товарищи
 На совет съезжаются,
 Совету советовать,
 Крепку думушку думати
 Они про службу царскую
 И про службу воинскую.¹

Очевидно, что перед нами — персонаж, принадлежащий к привилегированным слоям общества, о чем красноречиво говорят слова о государе, жалующем доброго молодца, о друзьях и товарищах, приезжающих к нему обсуждать важные дела. Принадлежность героя к высокому кругу — факт сравнительно редкий для народных песен неисторического содержания.

В развитии сюжета наступает резкий перелом. Счастливая жизнь героя вдруг нарушается. В песне этот перелом передан очень выразительно: эпически спокойная картина преуспевающего доброго молодца сразу сменяется лирически взволнованными строчками:

Скати́лась яго́дка
 С сахарного дере́вца,
 Отломи́лась веточка
 От кудря́выя от яблони,
 Отста́ет добрый молоде́ц
 От о́тца, сын от матери.

Несомненно, что это — один из центральных моментов песни, и он очень удачно выделен художественно.

В народной поэзии далеко не всегда события в жизни героя описываются прямо, в точном соответствии с их действительным ходом. Имеет место образная передача событий, и здесь самый характер образов, тон, эмоциональная окраска приобретают решающее значение. Приведенные строки в этом плане очень типичны, и они легко разъясняются. Уподобление судьбы доброго молодца яголке (веточке), скатившейся (отломившейся) с «сахарного деревца», полно большого смысла. Перед нами поэтическое, в чисто песенном духе, изображение какого-то большого и — как станет ясно позднее — трагического конфликта героя с окружающей его средой. Песня говорит о том, что герой остается в одиночестве, он «отламывается», «отстает» от того мира, в котором до сих пор жил и преуспевал. Было бы неверно ограничивать происшедшее столкновение семейными рамками. Сама песня говорит об этом совершенно определенно:

А ныне уж молодцу
 Безвременье великое:
 Господь бог прогневался,
 Государь царь гнев взложил,

¹ Песня здесь и всюду цитируется по изданию: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.

Отец и мать молодца
 У себя не в любви держат,
 А и род-племя молодца
 Не могут и видети,
 Суседи, ближние
 Не чтут, не жалуют,
 А друзья, товарищи
 На совет не съезжаются,
 Совету советовать,
 Крепку думушку думати
 Про службу царскую
 И про службу воинскую.

Конфликт настолько глубок и серьезен, что он захватывает все стороны жизни героя; добрый молодец лишается всего, что имел, ему наносятся удары со всех сторон. Северные варианты сюжета сводят дело к чисто семейной коллизии: отец женит героя против его воли, «тут молодцу-де жена не в любовь пришла», и «чужую, дальнюю сторону» он предпочитает жизни с нелюбимой женой. В этих вариантах о предшествующей конфликту благополучной жизни героя не говорится вовсе, а рассказ о переломе в его судьбе скомкан. Очевидно, северные певцы в XIX веке уже не понимали первоначального смысла песни и развили сюжет в новом направлении. Исконный же замысел предполагал конфликт неизмеримо более сложный и глубокий.

Сходство первой части песни с «Повестью о Горе-Злочастии» несомненно. Но это сходство не внешнее, оно определяется не какими-либо сюжетными совпадениями. Оно распространяется прежде всего на область проблематики, на центральную тему. Оно проявляется в выборе героя и в раскрытии его судьбы. Много общего между песней и «Повестью» в самом методе изображения действительности, а отсюда идут и некоторые более или менее прямые стилистические соответствия. Но в то же время песня и «Повесть» — произведения, во многом различные, как в идейном, так и в художественном отношении. Общую жизненную тему они разрабатывают на различном конкретном материале и решают основную проблему каждая по-своему. К тому же надо учесть, что перед нами — произведения разной художественной природы.

В ряде случаев «Повесть» помогает разъяснить важные места песни и прежде всего — основной смысл ее конфликта. Необходимо, следовательно, более детальное сопоставление песни и «Повести».

Оба произведения говорят о столкновении героя (он именуется одинаково — добрым молодцем) с окружающей средой и о трагических последствиях этого столкновения. В сюжете «Повести» старый мир, с его традиционными нормами быта и морали, воплощен прежде всего в родителях героя. Сам герой — лицо вполне частное, не занимающее никакого места в общественной жизни; он только начинает жить, и конфликт захватывает его на пороге самостоятельной жизни. Поэтому в «Повести» нет картины преуспевающего доброго молодца, подобной той, какая есть в песне. Но и в ней говорится о прежней благополучной жизни, и она ярко рисует, что потерял добрый молодец, послушавшись родителей.

Яз как принялся за питье за пьяное,
 ослушался яз отца своего и матери, —
 благословение мне от них миновалось,
 господь бог на меня разгневался
 и на мою бедность великия,
 многия скорби, неисцельныя,
 и печали неутешныя,
 скудость, и недостатки, и нищета последняя.

Укротила скудость мой речистой язык,
 иссушила печаль мое лице и белое тело, —
 ради того мое сердце невесело,
 а белое лице уныливо,
 и ясные очи замутились, —
 все имение и взоры у мене изменилися,
 отечество мое потерялося,
 храбрость молодецкая от мене миновалася.

Здесь многое не совпадает с картиной, представленной в песне, — прежде всего потому, что взяты разные сферы жизни, разные конкретно-социальные выражения одного конфликта. Но в то же время в судьбе героев очень много общего. Очевидно, что и в песне конфликт начинается в семье и затем, расширяясь, захватывает все стороны бытия героя. Если сюжет «Повести» строится как рассказ о судьбе человека, выступившего против родительской морали, спорящего с ней, уходящего из семьи, то в песне герой становится в противоречие явно со всем комплексом установленных жизненных норм. Он, повидимому, молод, но он уже вошел в жизнь, и разрыв его со своей средой нельзя объяснить так, как это делает «Повесть»:

Молодец был в то время се мал и глуп,
 не в полном разуме и несовершен разумом:
 своему отцу стыдно покориться
 и матери поклониться,
 а хотел жити, как ему любо.

Песенному молодцу уже не нужны советы — знаться «с мудрыми», водиться «с разумными»: песня показывает его в начале в кругу «разумных», и сам он принадлежит к этому кругу.

Народная песня взяла, следовательно, иную жизненную ситуацию, быть может, более острую, чем в «Повести». Песня не только делает своим героем человека, уже обладающего определенным жизненным опытом, занимающего высокое положение, но и придает конфликту широкий характер, перенося его в сферу отношений с церковью, с царем, с обществом.

Однако песня не раскрывает важного момента: что же совершил добрый молодец? В какие конкретные поступки вылилось его противодействие окружающим? За что он так беспощадно наказан? Было бы неверно относить отсутствие ответов на все эти вопросы на счет дефектности текста. Мы убеждены, что запись Кириши Данилова превосходно сохранила первоначальный и полный вид песни и последняя не требует никаких реконструкций. В данном случае надо учитывать специфику произведения как песни, нужно принять во внимание его песенную природу. Если в самом методе разработки темы у песни и «Повести» есть нечто общее, то объясняется это, конечно, воздействием песенной поэтики на повесть. Но в песне эта поэтика более последовательна и органична.

В обоих произведениях нет ни конкретных, ни косвенных указаний на место и на время действия. Нет также тенденции как-то определенно представить героя; это — добрый молодец, у него нет имени, и биография его лишь угадывается. Такая отвлеченность от эмпирической достоверности, отказ от внесения житейских подробностей, от точных соотношений с конкретными фактами, налет известной недоговоренности, перевод изображения жизненных обстоятельств в план условный есть не что иное, как своеобразный метод художественного обобщения действительности. В «Повести о Горе-Злочастии» условный план тоже налицо, но он постоянно пересекается эпизодами ярко-бытового, житейски-конкретного порядка.

Художественная условность наиболее выразительно обнаруживается в том, как песня по существу отказывается от сколько-нибудь определенной характеристики происшедшего конфликта, от выяснения его причин и обстоятельств. Песня как бы заставляет нас домысливать, угадывать за предельно сжатым, эмоционально напряженным сопоставлением оторвавшейся ягодки с одиноким добрым молодцем, за изображением его горестной судьбы резкое и непримиримое столкновение двух мировоззрений, заставляет ощутить неудовлетворенность героя окружающим, желание его жить «по-своему».

А «Повесть о Горе-Злочастии», с ее более определенными и точными характеристиками, с распространенными описаниями, если и не может служить прямым комментарием к песне, то во всяком случае помогает понять отчетливее и глубже смысл ее конфликта. В этом плане «Повесть» не просто литературная параллель к песне. «Повесть» говорит о событиях, которые сами по себе в своих реальных основах представляют своеобразную параллель к тому комплексу жизненных явлений, который стал предметом песни.

Если народная песня не всегда озабочена необходимостью воспроизвести явление во всей его зримой конкретности и фактической точности, то зато она всегда дает изображаемому определенную оценку. Самый подбор образов, тон, эмоциональный настрой нашей песни в этом отношении совершенно определены: песня полна сочувствия к герою, она целиком на его стороне в этом конфликте. И хотя в песне нет прямого осуждения той среды, с которой порвал герой, но нет также и намека на то, чтобы заставить его покаяться и смириться. Добрый молодец исполнен чувства скорби:

А ныне уж молодцу
Кручина великая
И печаль немалая,

и он уходит, окончательно порывая с тем миром, который стал ему чужим. И здесь народная песня оказывается свободной от того груза традиций, страха перед силами старины, которые в определенной степени присущи «Повести». В полной мере это проявляется во второй части песни, которая повествует о дальнейшей судьбе героя.

На первый взгляд может показаться, что подобно герою «Повести о Горе-Злочастии» песенный добрый молодец уходит «на чужу дальнюю сторону» в поисках счастья. В известной степени это так. Однако тема второй части песни связана прежде всего с другим, более глубоким и сложным народным замыслом, который раскрывается в ходе анализа. Сюжет этой части вполне условный. Действие переносится здесь в некое эпическое место; в песне появляются образы, как-то связанные с былинным эпосом, хотя ни о каком переходе в былинку здесь речи быть не может. Былинные реминисценции носят отнюдь не внешний характер, они играют в песне очень важную роль, служат художественной реализации народного замысла.

С того момента, как добрый молодец решает уехать на чужую сторону, в его облике появляются черты богатыря. Он берет «добра коня стоялого», седлает его на богатырский манер. Эта подробность проливает свет на отношение песни к разрыву, который произошел у доброго молодца с окружающей средой. Можно было бы сказать, что разрыв этот песня рассматривает как подвиг, как рождение нового богатыря, героя. Следующий эпизод полностью подтверждает сказанное. Добрый молодец оказывается

у реки Смородины и ведет с ней разговор. Разговор этот — одно из прекрасных художественных достижений старой народной поэзии:

— А и ты мать, быстра река,
Ты быстра река Смородина!
Ты скажи мне, быстра река,
Ты про броды кониные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые!
Провещится быстра река
Человеческим голосом,
Да и душой красной девицей:
— Я скажу те, быстра река,
Доброй молодец,
Я про броды кониные,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частые:
Со броду кониного
Я беру по добру коню,
С перевозу частого
По седелечку черкесскому,
Со мосточку калинова
По удалому молодцу,
А тебе, безвременного молодца,
Я и так тебе пропущу.

Чтобы уяснить смысл этого диалога и особенно заключительных слов «а тебе... я и так пропущу», надо несколько отвлечься от содержания песни и обратиться к образу реки Смородины, как он представлен в народной поэзии. Этот образ неоднократно встречается в фольклоре. «Во ту ли реку во Смородину» бросает тело жены князь Роман; «в тое реку во Смородину» велит кинуть провинившегося камер-лакея князь Волконский; в Смородине топится иногда девушка. Таким образом, в ряде песен эта река — место гибели героя или героини. В некоторых песнях о Горе молодец попадает к реке Смородине, и здесь к нему привязывается Горе; иногда он «сам себя выхваливает», похаживая по «мостичку калиновому», проложенному через реку. С образом Смородины в фольклоре связан целый комплекс представлений о реке, таящей в себе нечто трагическое, опасное, противостоящей человеку и готовой его погубить. Чтобы успешно противостоять реке, нужны какие-то особые качества. Об этом говорят былины, где богатыри обычно переправляются через реку и усмиряют ее. Укрощение Смородины входит, в частности, в ряд героических подвигов Ильи Муромца. Так, в былине, известной по собранию П. В. Киреевского (вып. 1, стр. 38), он совершает три подвига. Два из них — очищение от врагов Чернигова и победа над Соловьем-Разбойником. О третьем своем подвиге Илья Муромец говорит так:

Я мостил мосты на пятнадцать верст
Через ту реку, через Смородину.

Анализ имеющихся материалов говорит, следовательно, об одном: благополучно переехать Смородину, подчинить ее себе может лишь герой. В словах реки, обращенных к доброму молодцу, в обещании пропустить его без всяких препятствий заключается признание его героизма, выражается не только сочувствие к нему, но и восхищение его подвигом. Мы видим, что для передачи этих идей народная поэзия нашла исключительно тонкие поэтические средства.

Песня могла бы и закончиться на этом, оставив своего героя в тот момент, когда перед ним открылись новые неизведанные пути. Но она про-

должается, и это продолжение поднимает песню на высоту большого трагического обобщения.

Переправившись через реку и отъехав «как бы версту-другую», добрый молодец неожиданно начинает «похвалиться». Собственно, похвальбы нет, а есть его речь, унижающая реку:

— А сказали про быстру реку Смородину,
 Не пройти, не проехати,
 Ни пешему, ни конному,
 Она хуже, быстра река,
 Тоя лужи дождевые.

Вслед за этими словами наступает трагическая развязка. Река Смородина просит доброго молодца вернуться — он забыл у переправы «два востра ножа булатные». Герой возвращается, но уже не находит ни брода, ни моста и гибнет. Гибель эта описана в песне с исключительным драматизмом:

Не узнал доброй молодец
 Того броду конниного,
 Не увидел молодец
 Перевозу частого,
 Не нашел доброй молодец
 Он мосточку калинова,
 Поехал-де, молодец,
 Он глубокими омуты:
 Он перву ступень ступил,
 По черев конь утонул,
 Другу ступень ступил,
 По седелечко черкесское,
 Третью ступень конь ступил,
 Уже гривы не видети.

Добрый молодец догадывается, что река Смородина топит его. И сама река отвечает на его вопрос:

— Безвременной молодец!
 Не я тебе топлю,
 Безвременного молодца,
 Топит тебя, молодец,
 Похвальба твоя, пагуба.

В песнях и в «Повести о Горе» неразумное хвастовство доброго молодца нажитым богатством приводит его к столкновению с Горем. «Повесть» явно осуждает похвальбу — «гнило слово похвальное» вырывается «по действию диаволу». В исследуемой песне речь идет совершенно о другом. Конечно, и здесь похвальба осуждается. Но молодец по существу не хвастает. Его слова о реке Смородине означают, что он не понимает смысла происшедшего у переправы, неверно оценивает великодушный поступок реки. Тем самым песня как бы говорит, что в нем нет важных нравственных качеств, столь необходимых настоящему герою. Вспомним, что в былинах богатыри никогда не хвастают, а исключительно редкие случаи хвастовства всегда вызывают самые тяжелые последствия: похваставший герой перестает быть истинным героем.

Подобно тому как в «Повести» столкновение с Горем-Злочастием вызывает в добром молодце «сомнение и неуверенность в своих силах»,¹ так и в песне встреча с рекой и переправа были серьезнейшим испытанием для молодца, были проверкой его ума, нравственной силы, его возможно-

¹ М. О. Скрипиль. Повесть о Горе-Злочастии. «Русская повесть XVII века», Л., 1954, стр. 409.

стей. Этого испытания он не выдерживает и гибнет — гибнет не в столкновении со старым миром или с темными силами, стоящими на страже его, а гибнет из-за собственной слабости, из-за «глупого разума», из-за отсутствия качеств, необходимых для борьбы. И хотя песня вся проникнута сочувствием к доброму молодцу, к его судьбе, она с тем большей силой утверждает народную идею о том, что в жизни, исполненной испытаний и борьбы, способен устоять и победить лишь сильный духом.

Так довершается цельный народный замысел. Мы видим, что песня заключает в себе большое художественное обобщение. Всё в ней ведет нас к определенной эпохе русской жизни. И хотя песня не содержит никаких фактических данных для ее датировки, можно смело считать ее созданием второй половины XVII века. Об этом говорят прежде всего ее содержание, ее образы. Песня свидетельствует о пробуждении в фольклоре живого интереса к человеческой индивидуальности, к судьбе личности, оказавшейся в разладе с традиционным миром. Героем песни, возбуждающим глубокое сочувствие, оказывается теперь не исторически-конкретная личность, но лицо безымянное, явно вымышленное. Перед нами — новый метод типизации, чрезвычайно сходный с тем, который родился в литературе.

Добрый молодец песни внутренне родственен и герою «Повести о Горе-Злочастии» и Савве Грудцыну. Поиски новых путей в жизни приводят их к трагическому разладу с окружающей средой; они уходят из привычного окружения; в ходе жизненной борьбы обнаруживается их трагическая неспособность найти верный путь, и они терпят крах. Писатели XVII века уловили и отразили в своих произведениях реальные жизненные конфликты эпохи. Герой народной песни не получил такой же сложной и подробной психологической характеристики; самый сюжет песни не столь развернут, как в повестях, — он предельно сжат. Однако добрый молодец в песне проходит по существу тот же круг жизненных испытаний, переживает ту же трагедию, обнаруживает ту же внутреннюю противоречивость и слабость.

Есть в песне и еще одна идейно-художественная черта, характерная тоже для XVII века. Песню и «Повесть о Горе-Злочастии» роднит пронизывающая оба произведения грусть. Характер этой грусти — тот, о котором писал В. Г. Белинский: «Лучшие народные песни наши — грустного содержания...». Но это «тоска и грусть души сильной и мощной...». Это — «не болезнь слабой души, не дряблость немощного духа, нет, это грусть могучая, бесконечная, грусть природы великой, благородной».¹

В «Повести» грусть является одновременно выражением и неудовлетворенности действительностью, и осознания трагической неспособности героя выстоять и победить в жизненной борьбе. Эта последняя идея явственно звучит и в песне. Но здесь сильнее, чем в литературных произведениях, выражен пафос борьбы и героики. Рисую гибель доброго молодца, песня в то же время выражает поэтические представления о существовании богатырских сил, могущих противостоять старому миру.

Несомненно, что зарождение и развитие мотивов грусти, — в том смысле, как понимал эти мотивы Белинский, — относятся к XVII веку и связано с формированием и усилением в народном творчестве и в литературе критического начала, протестующих, бунтарских настроений.

Песня о добром молодце и реке Смородине была, таким образом, произведением во многих отношениях новым для своего времени. Она —

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений в 13 томах, VI, стр. 184, 475.

свидетельство сложных процессов, происходивших в народной поэзии XVII века.

* * *

Тот факт, что сюжет о добром молодце и реке Смородине в своей древнейшей версии сохранился в составе «Сборника Кирши Данилова», нельзя считать случайным. В «Сборнике» материалы фольклора XVII века вообще занимают значительное место, хотя они до сих пор в полной мере не учтены. Интерес составителя «Сборника» к произведениям на темы социально-бытового порядка несомненен. В «Сборнике» находится острый вариант песни о Горе, в ряде мест явно перекликающийся с «Повестью о Горе-Злочастии». Отметим, что следы переключки певцов (или собирателя) с этим произведением обнаруживаются еще в одном случае: начало духовного стиха о Голубиной книге очень сходно с началом «Повести о Горе-Злочастии».

С песней о добром молодце и реке Смородине явно перекликается песня «Из Крыму и из Нагаю» (№ 39). Правда, сюжет здесь как-то скомкан, вероятно, надо говорить о контаминации (и не очень удачной) двух песен. Но мы читаем здесь строки, прямо перекликающиеся с исследуемой песней:

Когда было добру молодцу время,
Народ, господа его почитали;
А стало доброму молодцу безвременье
Никто-де молодца не почитает,
А сам се молодец размышляет...

Не говорят ли нам эти скудные факты о том, что тема судьбы человека, «отломившегося» от среды, которая стала для него чужой, но так и не нашедшего пути к счастью, — что эта тема была по-настоящему актуальной в свое время для народной поэзии и ей были посвящены многие песни, которые частью забылись, а частью были переработаны в новых условиях, и что, следовательно, песню о добром молодце и реке Смородине в ее отношениях к литературе второй половины XVII века надо рассматривать как факт, в русском фольклоре характерный и многозначительный.

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Новгородская третья летопись

(Время и обстоятельства возникновения)

Новгород Великий являлся одним из крупнейших центров русского летописания. Однако его летописное наследие изучено еще далеко не полно. Если новгородские летописи XIV—XV веков (как и более ранний период новгородского летописания, памятники которого не сохранились) в достаточной степени уже исследованы,¹ то совсем иную картину представляют летописи XVI—XVII веков. Здесь до сих пор дело ограничивалось почти исключительно публикациями отдельных памятников. Большинство этих изданий давно устарело и не отвечает современным требованиям. Исследования, специально посвященные позднему летописанию Новгорода, совершенно отсутствуют.

Новгородская третья летопись ценна не только с точки зрения общей истории русского летописания, в частности — новгородского. Она представляет особый интерес в силу своеобразия своего состава. В текст ее включено большое количество самостоятельных литературных памятников (легенды, отразившие идеологическую борьбу Новгорода с Москвой в XIV—XV веках, исторические повести — о присоединении Новгорода к Московскому государству, о новгородском походе Ивана IV и многие другие). Некоторые из этих памятников Новгородская третья летопись передает в редакциях, до сих пор нигде более не известных. По крайней мере один из них — повесть об осаде Тихвинского монастыря шведами — в своей первоначальной редакции содержится, повидимому, именно в Новгородской третьей летописи.² Другая повесть того же цикла — о взятии Новгорода шведами — известна пока только по этой летописи.³

Помимо этого, Новгородская третья летопись имеет особую ценность для искусствоведов, так как она в гораздо большей степени, чем любая другая летопись Новгорода, содержит подробные данные о постройке, росписи, дальнейшей судьбе и местоположении многочисленных памятни-

¹ См.: А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV веков. ЖМНП, 1900, №№ 9 и 11, 1901, № 11; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 3) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI веков. М.—Л., 1938; Д. С. Лихачев. 1) Новгородские летописные своды XII века. — Известия АН СССР, отд. литературы и языка, 1944, III, вып. 2—3; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947; 3) Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 г. — Исторические записки, т. 25, [М.], 1948, и другие работы.

² С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913, стр. 426—427.

³ Там же, стр. 426.

ков новгородского зодчества. На данных ее построено, в частности, изучение творчества одного из наиболее выдающихся живописцев XIV—XV веков — Феофана Грека, так как единственной документированной работой его является роспись церкви Спаса на Ильине в Новгороде, о принадлежности которой Феофану сообщает только Новгородская третья летопись.¹ В силу тех же своих особенностей этот памятник является важным источником, используемым археологами при планировании раскопок в Новгороде,² масштабы которых непрерывно расширяются и значение которых для изучения древнерусской культуры, в частности — письменности (мы имеем в виду открытие берестяных грамот³), трудно переоценить.

Настоящая статья представляет собой попытку выяснить лишь отдельные вопросы — время и условия возникновения этого памятника и отношение его к так называемой Иоакимовской летописи. При этом некоторые моменты, имеющие в данном случае подчиненный характер, освещены лишь схематически, без приведения полной аргументации, так как это не входило в непосредственную задачу статьи и потребовало бы значительного увеличения ее объема.

* *
*

Говорить об истории изучения Новгородской третьей летописи⁴ практически не приходится. У дореволюционных исследователей можем найти только отдельные замечания и предположения,⁵ являющиеся результатом

¹ Под 1378 годом. Имеется еще три известия о работах Феофана Грека — в Воскресенской летописи (ПСРЛ, VIII) и в Московском летописном своде конца XV века (ПСРЛ, XXV): в 1395 году он, вместе с Симеоном Черным и своими учениками, приступил к росписи церкви Рождества богородицы в Москве; в 1399 году им был расписан Московский Архангельский собор; в 1405 году Феофан, вместе с Андреем Рублевым и Прохором из Городца, расписывал Благовещенский собор в Москве. Однако от всех этих работ сохранился только иконостас Благовещенского собора, который не мог быть взят за основу в изучении творчества Феофана Грека, так как в этом соборе Феофан работал не один, а совместно с Андреем Рублевым и Прохором. Роспись же церкви Спаса на Ильине, по данным Новгородской третьей летописи, была целиком выполнена Феофаном. Не удивительно, что почти все исследователи, которым приходится писать о Феофане Греке, ссылаются на известие Новгородской третьей летописи (см.: И. Э. Грабарь. Феофан Грек. — Казанский музейный вестник, 1922, № 1, стр. 4; Б. В. Михайловский, Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.—Л., 1941, стр. 157; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 69; А. Анисимов. Новоткрытые фрески Новгорода. — Старые годы, 1913, декабрь, стр. 54; А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова. Л., 1939, стр. 103—104; Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М.—Л., 1947, стр. 286, и многие другие работы).

² См.: Н. Брунов и Н. Травин. Отчет о работе по исследованию Новгородской Софии в сентябре 1945 года — Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 7, 1947, стр. 67; А. Л. Монгайт. Раскопки Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. — Краткие сообщения ИИМК, XXIV, 1949, стр. 96; В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. — Краткие сообщения ИИМК, L, 1953, стр. 92, и другие работы.

³ См.: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. 1) Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.) М., 1954; 2) отчеты о раскопках в журнале «Вопросы истории» за 1951—1956 гг. См также: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Отв. редактор В. И. Боровиковский. М., 1955, и другие работы.

⁴ В дальнейшем употребляется сокращенное обозначение НИИЛ.

⁵ Исключение составлял А. А. Дмитриев. Однако работа его («Библиографический разбор третьей новгородской летописи и отношение ее к прочим новгородским и Лаврентьевской летописям»), написанная автором еще в студенческие годы, к сожалению,

поверхностного знакомства с текстом или даже случайных наблюдений. Не выходят за рамки поверхностных описаний и характеристики этого памятника в обзорных работах (наиболее подробная из них — у В. С. Иконникова).¹

Советскими литературоведами и историками было изучено большое количество летописных памятников XVI—XVII веков, однако НПЛ оставалась совершенно неисследованной.

В 1947 году С. К. Шамбинаго опубликовал специальную работу о НПЛ,² которая до настоящего времени является единственным исследованием, посвященным этому памятнику. Автор выдвигает интересный и оригинальную концепцию, основанную на сопоставлении НПЛ с так называемой Иоакимовской летописью, начальная часть которой опубликована В. Н. Татищевым.³

Основные положения статьи С. К. Шамбинаго могут быть сформулированы следующим образом.

1. НПЛ издана неполностью. Она имеет начало легендарного характера, читающееся в рукописи перед опубликованным текстом летописи (рукописи Библиотеки СССР им. В. И. Ленина — Р. 250 и Р. 252 и Гос. Исторического музея — № 2513 Музейного собрания, № 1790 собрания Е. В. Барсова и № 784 Синодального собрания).⁴

2. Легендарная часть тождественна известной нам части Иоакимовской летописи. Последняя представляет собой несколько сокращенный вариант (или редакцию) этого памятника.

3. Утраченная часть Иоакимовской летописи соответствовала опубликованной части НПЛ, так как начальные части обеих летописей совпадают, а подробный рассказ о крещении Новгорода, читающийся в конце известной части Иоакимовской летописи, свидетельствует о близости ее к новгородским сводам, где среди известных о событиях внутренней жизни Новгорода «первое место занимают дела церковные».⁵ Следовательно, НПЛ в ее полном виде (вместе с легендарной частью) тождественна Иоакимовской летописи в ее полном виде (вместе с утраченной частью).

4. НПЛ оканчивается известиями 1674 года о митрополите Иоакиме, который еще занимал в этом году новгородскую кафедру. В начале Иоакимовской летописи сказано, что ее автором является «святитель Иоаким». Поскольку обе летописи являются вариантами одного свода, следует полагать, что он был составлен по инициативе митрополита Иоакима во время его пребывания в Новгороде. Общая картина деятельности Иоакима говорит в пользу этого предположения.

Говоря о полной неизученности НПЛ, мы имели в виду также и работу С. К. Шамбинаго: она изобилует неточностями и ошибками. Многие из приводимых автором данных о рукописях не соответствуют действительности. Выводы же С. К. Шамбинаго опираются частью на эти неверные данные, частью на догадки, не проверенные исследованием текстов. Введение С. К. Шамбинаго в научный оборот двух новых, неизвестных

осталась неопубликованной (см.: Д. В. Скрыченко. Памяти пермского историка А. А. Дмитриева. — Исторический вестник, 1903, август, стр. 575) и содержание ее нам не известно.

¹ Опыт русской историографии, т. II, кн. I. Киев, 1908, стр. 712—719.

² С. К. Шамбинаго. Иоакимовская летопись. — Исторические записки, т. 21, [М.], 1947, стр. 254—270.

³ В. Н. Татищев. История российская с древнейших времен..., кн. I, ч. 1. М., 1768, гл. IV (стр. 29—51).

⁴ Мы даем современные шифры этих рукописей, несколько отличные от тех, которые приведены С. К. Шамбинаго.

⁵ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 265.

ранее списков НШЛ, как и сама попытка положить начало исследованию этого памятника, составляет несомненную ценность его работы. Что же касается концепции автора, то несмотря на свою заманчивость, она не может быть принята (за исключением одного второстепенного пункта). Ниже мы постараемся это доказать, показав вместе с тем ошибочность ряда фактических данных и догадок, на которые опирается гипотеза С. К. Шамбинаго.

* * *

НШЛ издавалась дважды,¹ оба раза по шести спискам: Колобовскому² (Ленинградское отделение Института истории АН СССР, собр. Археографической комиссии № 28, XVIII в., в 4-ку, 220 лл.), Синодальному (ГИМ, Синодальное собр., № 794, XVIII в., в 4-ку, 204 лл.), Румянцевскому I (БЛ, Р. 250, XVIII в., в 4-ку, 326 лл.), Киевскому³ (Гос. Публичная библиотека УССР, собр. Киевской духовной академии, № 215, XVIII в., в лист, 130 лл.), Строевскому (ГПБ, собр. Погодина, № 1416, конец XVII—начало XVIII в., в лист, 189 лл.) и Толстовскому (ГПБ, Q.IV, № 78, XVIII в., в 4-ку, 187 лл.). Два новых списка введены в оборот С. К. Шамбинаго — Румянцевский II (БЛ, Р. 252, XVIII в., в лист, 541 лл.) и Барсовский (ГИМ, собр. Барсова, № 1790, XVIII в., в 4-ку, 334 лл.). Нами обнаружено еще шесть списков: Титовский (ГПБ, собр. Титова, № 3250, XVIII в., в 4-ку, 192 лл.), Комиссионный (ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 27, XVIII в., в 4-ку, 336 лл.), Щедринский (ГПБ, F.IV, № 623, XVIII в., в лист, 168 лл.), Беляевский (БЛ, № 1511, XVIII в., в 4-ку, 185 лл.), Академический (БАН, 32.3.16, XVIII в., в 4-ку, 326 лл.) и Рулинский (ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 29, XVIII в., в 4-ку, 68 лл.). Таким образом, в настоящее время нам известно 14 списков НШЛ.

Имеющиеся списки позволяют установить наличие двух редакций, различающихся между собой по содержанию и, особенно значительно, по объему. Назовем эти редакции пространной и краткой. Пространная редакция представлена одним списком — Румянцевским II. Все остальные списки относятся к краткой редакции. Сличение летописных текстов обеих редакций показало, что краткая редакция восходит к пространной и является, таким образом, младшей. В задачу настоящей статьи не входит подробное рассмотрение взаимоотношений этих редакций, поэтому ограничимся лишь перечислением полученных нами в результате сличения выводов.

1. Пространная редакция в несколько раз превосходит краткую по объему.

2. Почти все известия краткой редакции содержатся и в пространной. Совпадение общих текстов, за редкими исключениями, является дословным.

3. Список пространной редакции и большинство списков краткой редакции оканчиваются одними и теми же известиями 1674 года.

4. Многие тексты, читающиеся в пространной редакции в полном виде, в краткой редакции помещены неполностью, обрываясь иногда на середине фразы (обратного не наблюдается).

¹ ПСРЛ, III; Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879.

² В изданиях он именуется «список Археографической комиссии».

³ В изданиях он именуется «список Киевской духовной академии».

5. Ряд известных пространной редакции передан в краткой редакции сокращенно, с опущением второстепенных деталей (сокращений же общих известий в пространной редакции нет).

6. В пространной редакции имеются десятки случаев хронологической непоследовательности в датах (известия более поздние предшествуют более ранним). В краткой редакции эта непоследовательность в большинстве случаев устранена.

7. Во многих случаях известия одного и того же года, расположенные в пространной редакции без всякой системы, в краткой редакции оказываются сгруппированными по тому или иному признаку.

8. Список пространной редакции содержит большое количество приписок на полях. Краткая редакция вносит многие из них в летописный текст, а в ряде случаев — дополняет летописные известия пространной редакции на основании относящихся к ним маргиналий.

Приведенные выводы (и некоторые другие данные) свидетельствуют о том, что краткая редакция представляет собой извлечение из пространной, текст которого несколько упорядочен и пополнен из других источников.

Списки краткой редакции могут быть разбиты на два вида, которые мы в дальнейшем будем называть полным и сокращенным видами этой редакции. В списках сокращенного вида опущены три крупные статьи: Послание новгородского архиепископа Василия тверскому епископу Федору (под 1347 годом), Повесть о присоединении Новгорода к Московскому государству (под 1471 годом) и Легенда о видении пономаря Тарасия (под 1508 годом). На месте этих статей помещены только их заглавия с указанием количества листов опущенного текста. К полному виду относится девять списков: Колобовский, Синодальный, Титовский, Комиссионный, Барсовский, Румянцевский I, Щедринский, Киевский и Беляевский. Все списки этого вида оканчиваются, как и список пространной редакции, известиями о новгородском митрополите Иоакиме (кроме весьма дефектного Беляевского списка, обрывающегося на известиях 1454 года). Сокращенный вид представлен списками: Академическим, Строевским, Толстовским и Рулинским. Академический список, кроме последних известий списков полного вида, содержит еще известие 1674 года о поставлении на место Иоакима новгородским митрополитом Корнилия (есть основание полагать, что такое же окончание имел и протограф сокращенного вида). В Строевском списке летописный текст продолжен до 1699 года, в Толстовском — до 1716. Рулинский список обрывается на известиях 1375 года. Спискам сокращенного вида предпослано оглавление летописи, состоящее из четырех самостоятельных частей: оглавления известий о постройке церквей в Новгороде, известий о поставлении новгородских епископов, архиепископов и митрополитов, известий о пожарах и других известий. Ряд данных позволяет утверждать, что оглавления содержались и в протографе полного вида. Один из списков этого вида (Беляевский) частично сохранил их. Анализ текстуальных особенностей списков позволил разбить их внутри каждого вида на группы и выяснить генеалогическое взаимоотношение всех рукописей.

Исследователи, обращавшиеся к НПЛ (исключая С. К. Шамбинаго), имели дело только со списками краткой редакции, точнее, только с теми ее списками, которые были изданы. С. К. Шамбинаго, обнаруживший список пространной редакции, не выделял его в особую редакцию. Напротив, он считал (по непонятным для нас причинам), что этот список «дает сокращенный вариант свода».¹

¹ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 265.

Деление известных ранее списков на виды также не производилось. В обоих изданиях списки полного и сокращенного видов краткой редакции издавались вместе.

Впервые летопись была издана под редакцией Я. И. Бередникова в третьем томе ПСРЛ в 1841 году, вместе с первой и второй Новгородскими летописями. Второе издание, под редакцией А. Ф. Бычкова, вышло в 1879 году и содержало вторую и третью Новгородские летописи.¹ В обоих изданиях за основу взят Румянцевский I список, по пяти спискам подведены варианты.

Второе издание несколько лучше первого,² однако оба содержат ряд существенных недочетов. Основной недостаток, на наш взгляд, заключается в том, что к изданию в обоих случаях были привлечены только списки краткой редакции, тогда как основной несомненно является пространная редакция летописи.

Пространная редакция представляет собой большой по объему свод (свыше 400 лл., в лист), охватывающий события от рассказа о происхождении славян до известия о поставлении патриархом новгородского митрополита Иоакима в 1674 году. Вплоть до начала XVI века преобладают известия общерусские, текст которых сходен с московскими и новгородскими летописями XV—XVI веков. В этой части имеется также значительное количество известий (почти исключительно новгородских), которые в других известных в настоящее время летописях отсутствуют. С начала XVI века удельный вес новгородских известий сильно возрастает — в этой части они занимают около половины всего текста. Большая часть известий этой части в других летописях также не содержится или содержится в иной редакции. В летописный текст включено значительное число самостоятельных литературных памятников — легенд и исторических повестей, связанных с историей Новгорода. Часть из них читается и в других летописях. На всем протяжении свода строго выдержана система годового изложения событий, причем все легенды и повести включены под соответствующими годами. Однако хронологическая последовательность известий (особенно во второй части летописи) часто нарушается. На протяжении XVI—XVII веков несоответствий особенно много, и они достигают иногда нескольких десятков лет, при этом разные события одного и того же года оказываются часто в двух, иногда даже в трех местах, будучи разделены известиями других годов. Во многих случаях дублируются одни и те же известия. Таким образом, текст производит впечатление необработанного черновика свода, составленного на основании нескольких летописей. На всем протяжении памятника составитель особенно внимательно и подробно останавливается на событиях церковной жизни Новгорода. Особенно подробны известия о поставлении, смерти и погребении новгородских епископов, архиепископов и митрополитов, а также о постройке, освящении, росписи и последующей судьбе новгородских церквей. Основная часть известий, отсутствующих или изложенных короче в других летописях, касается именно этих событий. Известия о новгородских владыках изложены иногда подробнее, чем даже в «Росписи, или кратком летописце новгородских владык»³ — летописи, специально посвященной этому предмету. Это последнее обстоятельство позволяет полагать, что пространная редакция возникла при дворе новгородских митрополитов.

¹ См. прим. 1 на стр. 239 настоящего тома.

² Первое издание было подвергнуто резкой критике еще М. П. Погодиным (Новгородские летописи. — Известия II отделения Академии Наук, т. VI, 1857—1858, стб. 209—219).

³ См.: Новгородские летописи, стр. X—XIII, 130—171.

Краткая редакция, как уже указывалось, в несколько раз меньше по объему и охватывает события от введения христианства в Новгороде (989 год)¹ до известий о новгородском митрополите Иоакиме (имеем в виду окончание полного вида этой редакции). Общерусские известия пространной редакции подвергнуты в ней значительному сокращению, большая часть их совершенно опущена. Зато новгородские известия сохранены целиком (за несколькими исключениями). Литературные памятники, включенные в состав пространной редакции, сохранены полностью, добавлено несколько других, аналогичных по типу памятников (повести о событиях польско-шведской интервенции в Новгороде и Новгородской земле и некоторые другие). Погодное изложение полностью сохранено, хронологическая непоследовательность и дублировки известий в большинстве случаев устранены, многие известия перегруппированы. Известия о церковной жизни Новгорода сохранены почти во всех случаях целиком, некоторые из них дополнены, добавлено несколько новых известий этого типа. Таким образом, в краткой редакции новгородско-церковный характер летописи еще более усилен, что достигнуто главным образом за счет опущения общерусских известий. Начиная с 1614 года и до конца летописи в этой редакции сохранены только известия о новгородских митрополитах. Поэтому возникновение ее, очевидно, также следует связывать с деятельностью новгородской митрополии.

* * *

Изложенная в начале статьи концепция С. К. Шамбинаго заставляет прежде всего выяснить отношение ННПЛ к Иоакимовской. Как уже указывалось, С. К. Шамбинаго полагал, что Иоакимовская летопись и ННПЛ — варианты одного и того же свода. Эта его точка зрения основана на убеждении, будто начало Иоакимовской летописи, изданное Татищевым, — «Повесть о старобытных князьях» — представляет собой лишь один из вариантов того памятника, который он считает началом ННПЛ. Этот памятник в рукописях, содержащих ННПЛ, имеет заглавие «Выписано из История (1) киевския, зачало Великому Новуграду».

Прежде всего следует уточнить, какие рукописи могут быть в данном случае привлечены. Естественно, что они должны содержать и упомянутый выше памятник, и текст ННПЛ. С. К. Шамбинаго перечисляет пять таких рукописей: рукописи Библиотеки СССР им. В. И. Ленина — Р. 250 и Р. 252 и рукописи Исторического музея — Барсова № 1790, Синодального собрания № 794 и Музейного собрания № 2513. При рассмотрении этих рукописей оказывается, что две из них должны быть отброшены. Вопреки утверждению С. К. Шамбинаго, рукопись Р. 252 не содержит памятника «Выписано из История киевския...». Она содержит пространную редакцию ННПЛ, в начале которой читается текст, тождественный Софийской первой летописи. Что касается рукописи Музейного собрания № 2513, то там в начале действительно есть памятник, который имеет в виду С. К. Шамбинаго, однако в ней нет ННПЛ. То, что было принято С. К. Шамбинаго в этой рукописи за ННПЛ, представляет собой компиляцию из нескольких летописей, которая содержит лишь выборки из летописи, сходной с Новгородской третьей, незначительные по объему. Остальные три рукописи действительно содержат ННПЛ краткой редакции.

¹ Здесь имеется в виду только тот летописный текст, который включен в издания, без так называемой «легендарной части».

Ей предшествует памятник, озаглавленный «Выписано из История киевския, зачало Великому Новуграду», который С. К. Шамбинаго считает легендарной частью НПЛ. Аналогичным является состав остальных рукописей, содержащих краткую редакцию этой летописи, одни из которых были, очевидно, не известны, другие не использованы С. К. Шамбинаго.¹ Мы будем делать выводы на основании всех этих рукописей.

Попытаемся сначала установить, в какой степени правомерно считать началом НПЛ так называемую «легендарную часть». Памятник этот известен довольно давно. Впервые он был опубликован А. Н. Поповым в 1869 году по рукописи, содержащей Хронограф 1679 года,² а в 1878 году перепечатан Ф. Гиляровым с подведением вариантов по двадцати рукописям³ (на это последнее издание ссылается и С. К. Шамбинаго⁴). Этот памятник вошел в состав некоторых русских хронографов второй половины XVII века,⁵ а также ряда летописных и нелетописных сборников второй половины XVII и XVIII веков.⁶ Текст представляет собой законченный литературный памятник, содержащий легенды о происхождении восточных славян, об основании Новгорода, о древнейших русских князьях и их сношениях с Александром Македонским и т. п. Повествование начинается с разделения земли между сыновьями Ноя и оканчивается призыванием Рюрика и его братьев.⁷ Об общем характере памятника дают представление названия его глав, содержащиеся в большинстве списков. Заглавия эти следующие: «О Словене и Русе», «О зачале Великаго Словенска и о Волхове и о Волховеце», «О князех русских, бывших при Александре Македонском», «Послание Александра Македонскаго русским князем», «О князех русских Халоха и Лахерна», «О запусении Великаго Словенска и о поставлении и зачале Великаго Новаграда», «О пространстве земли Руския и о княжении князя Гостомысла». Памятник изобилует вымышленными именами, образованными от географических названий (Ильмер, Волхов, Шелонь, Волховец, Жилотуг, Полиста и др.). Историческая достоверность его содержания очевидна, почти весь текст несомненно является результатом литературного вымысла, с использованием, повидимому, народных легенд. В этом пункте мы целиком согласны с С. К. Шамбинаго. Однако если считать этот памятник началом краткой редакции НПЛ, то придется признать, что в этой летописи имеется пробел, охватывающий свыше 120 лет, так как «легендарная часть» оканчивается призыванием Рюрика, а сам летописный текст начинается с крещения Новгорода. Кроме того, ни в одной из рукописей текст летописи не следует непосредственно за текстом «легендарной части». В рукописях, содержащих полный вид краткой редакции, за «легендарной частью» следует «Повесть о Данииле

¹ Судя по работе С. К. Шамбинаго, он использовал списки Румянцевский, Толстовский, Колобовский и Киевский краткой редакции не по рукописям, а только по изданию, которое не содержит «легендарной части».

² А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 442—447.

³ Ф. Гиляров. Предания русской начальной летописи. [Приложения.] М., 1878, стр. 15—22.

⁴ Однако С. К. Шамбинаго ошибочно полагает, что текст этот напечатан Гиляровым «по 23 рукописям» (С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 261, примеч. 1).

⁵ А. Н. Поповым он был издан по списку Хронографа 1679 года. М. Н. Тихомиров обнаружил его в составе Новгородского хронографа конца XVII века (М. Н. Тихомиров. Новгородский хронограф XVII века. Новгородский исторический сборник, вып. 7, 1940, стр. 66).

⁶ Назовем следующие рукописи: БАН — 17.8.25, 21.6.13, 31.4.25 и 34.6.59, ГПБ — Титова 3217 и 2759.

⁷ В рукописях, содержащих НПЛ, в конце добавлена, за счет сокращения последней фразы остальных списков, фраза о Владимире Святославиче и введении христианства.

Александровиче московском», затем повесть «О зачале Московского государства» и только потом уже НПЛ. При этом не следует забывать, что эти два промежуточных памятника повествуют о событиях XIII—XIV веков, в то время как летопись начинается с 989 года. Таким образом, не только по своей тематике, но и по хронологии эти памятники не могут являться связующим звеном между НПЛ и ее «легендарной частью». С. К. Шамбинаго, объединяя эти две повести,¹ считает их «случайной, разделяющей новгородскую летопись вставкой».² Если бы это было так, то имелись бы списки НПЛ, не содержащие этой «вставки». Между тем, среди довольно большого (для летописного памятника) количества известных нам списков краткой редакции (13 списков) только в одной дефектной, рукописи Беляева текст НПЛ следует непосредственно за «легендарной частью». Но эта рукопись не может приниматься в расчет, так как в ней между «легендарной частью» (не имеющей окончания) и текстом летописи листы явно утрачены. Что касается рукописей, содержащих сокращенный вид краткой редакции летописи, то в них отсутствует повесть «О зачале Московского государства», однако между текстом НПЛ и текстом ее «легендарной части» оказывается, кроме «Повести о Данииле Александровиче», еще пространное заглавие и оглавление НПЛ. Не подлежит сомнению, что как заглавие, так и оглавление относятся только к следующему за ними тексту собственно НПЛ, так как содержание «легендарной части» в них ничем не отражено.

Приведенные данные не позволяют согласиться с С. К. Шамбинаго, считавшим, что памятник «Выписано из История киевския, зачало Великому Новуграду» представляет собой часть НПЛ. Добавим, что большинство рукописей, в которых читается эта «легендарная часть», не имеет в своем составе НПЛ.

Возникает вопрос, почему же все-таки «легендарная часть» сопутствует НПЛ краткой редакции, раз она не является частью этой последней и никак с ней не связана. На наш взгляд, это обстоятельство легко объяснимо. Сопутствует летописи не только «легендарная часть», но в равной степени и другие памятники. «Повесть о Данииле Александровиче», как уже указывалось, сопутствует летописи также во всех рукописях. В рукописях, содержащих полный вид краткой редакции, кроме этой повести присутствует еще повесть «О зачале Московского государства». В рукописях, содержащих сокращенный вид, перед «легендарной частью» читаются еще два памятника: «Описание о мироздании...», представляющее собой выборки из Хронографа, и «О начале славенороссийского народа...». Только потом уже идут «легендарная часть» и «Повесть о Данииле Александровиче». Таким образом, мы имеем дело с устойчивым литературным окружением НПЛ, краткой редакции. По всей вероятности, основной состав этого окружения восходит к сборнику, содержавшему протограф полного вида краткой редакции. Это окружение было в основном сохранено и в сборнике, содержавшем протограф сокращенного вида. Была лишь выброшена из состава сборника повесть «О зачале Московского государства» и включены выборки из Хронографа и статья «О начале славенороссийского народа...». Если включение в состав сборника таких произведений, как повести о Данииле Александровиче и об основании Москвы, для конца XVII века должно быть объяснено, по-видимому, какими-то особыми соображениями составителя, то помещение туда остальных памятников, предшествующих НПЛ, вполне закономерно.

¹ Не может быть сомнения в том, что это два различных памятника. Об этом говорит их содержание и то обстоятельство, что они в других случаях встречаются отдельно.

² С. К. Ш а м б и н а г о, ук. соч., стр. 263.

Краткая редакция этой летописи начинается с крещения Руси и не содержит данных о предшествующих этапах русской и мировой истории. Вполне естественно стремление составителя сборника как-то компенсировать читателя. Поэтому в сборнике, основу которого составила НПЛ, ей и предположено несколько памятников, в которых освещен предшествующий период. Затем, после повестей, связанных с основанием Москвы, был помещен сам летописный текст. Однако не подлежит сомнению, что все эти предшествующие летописи памятники являются самостоятельными частями сборника и что ни один из них не может считаться началом НПЛ, так как хронологические рамки их перекрещиваются и не согласуются с хронологическими рамками летописи. Первый памятник охватывает события от «сотворения мира» до середины XIV века, второй — от «столпотворения» до середины XII века, третий — от «потопа» до середины IX века, четвертый и пятый повествуют о событиях XIII—XIV веков. Затем следует НПЛ, начинающаяся с конца X века.

Таким образом, утверждение С. К. Шамбинаго о том, что памятник, озаглавленный «Выписано из История киевския, зачало Великому Новгороду», представляет собой начальную часть НПЛ, безусловно ошибочно. Между тем, оно было одним из двух доказательств, которые позволили С. К. Шамбинаго считать Иоакимовскую летопись и НПЛ краткой редакцией двумя вариантами одного и того же свода. Вторым является заключение о том, будто «Повесть о старобытных князьях», как именует С. К. Шамбинаго ту часть Иоакимовской летописи, которая была известна Татищеву, представляет собой сокращенный текст «легендарной части» НПЛ.¹ В качестве аргумента автор приводит в своей статье изложение обоих памятников. Сличение пересказа, приведенного С. К. Шамбинаго, с самими текстами показало, что пересказ не дает правильного представления о их содержании.² Автор излагает подробно те части, которые действительно в какой-то степени являются сходными и сокращает или даже вовсе опускает остальное. Так, при изложении текста Иоакимовской летописи, он совершенно опустил все события начиная от женитьбы Игоря вплоть до крещения новгородцев. Эта часть по объему составляет более трети всего текста, напечатанного Татищевым. Однако С. К. Шамбинаго даже не упомянул об ее существовании. Более того, пересказав известие о женитьбе Игоря, автор вопреки действительности пишет: «Далее в Иоакимовской летописи приводится обстоятельный рассказ о крещении новгородцев Добрынею».³

Непосредственное сравнение самих текстов обоих памятников дает иную картину, чем та, которая представлена С. К. Шамбинаго. Приведенный Татищевым текст Иоакимовской летописи охватывает события от разделения земли между сыновьями Ноя включительно до крещения новгородцев, т. е. кончая 989 годом. Что же касается так называемой «легендарной части», то она оканчивается прибытием Рюрика и его братьев, т. е. по хронологии русских летописей — 862 годом. Таким образом, две трети всего известного нам текста Иоакимовской летописи никак не отражены в «легендарной части». Следовательно, если говорить о содержании обоих памятников в целом, то нельзя согласиться с С. К. Шамбинаго в том, что приведенный Татищевым текст является сокращением «легендарной части». Если же сравнивать только ту часть Иоакимовской летописи, которая хронологически совпадает с «легендарной частью», то

¹ Там же, стр. 262.

² Там же, стр. 258—261. — В. Н. Татищев, ук. соч., стр. 31—40. — Ф. Гил яров, ук. соч., стр. 15—22.

³ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 258—259.

действительно татищевский текст оказывается более кратким. Однако это еще не дает права говорить о сокращении одного памятника в другом. Подавляющее большинство данных, сообщаемых об этом периоде Иоакимовской летописью, не только не изложено подробнее в «легендарной части», но вообще в ней не содержится. Мы целиком согласны с С. К. Шамбинаго в том, что «баснословный колорит» начальной части Иоакимовской летописи «вполне подобен» «легендарной части» НПЛ.¹ Но этого обстоятельства, по нашему убеждению, совершенно недостаточно для того, чтобы считать их даже разными редакциями одного памятника, что, как кажется, имеет в виду С. К. Шамбинаго в другом месте своей работы.² В нашу задачу не входит решение вопроса о взаимоотношении этих двух произведений. После того как доказана независимость НПЛ от того памятника, который С. К. Шамбинаго считал ее «легендарной частью», все вопросы, связанные с этой последней, в том числе и взаимоотношение ее с другими памятниками, не имеют прямого отношения к НПЛ. Тем не менее, для исследователя самой летописи эти вопросы могут представлять известный интерес, так как памятник, о котором идет речь, входит в состав устойчивого литературного окружения НПЛ. Мы видели, что решение, предложенное С. К. Шамбинаго, не может быть признано убедительным. Хотя некоторое сходство содержания «легендарной части» с небольшой частью текста, напечатанного Татищевым, в ряде моментов имеется, текстуальных совпадений нет нигде. При этом следует иметь в виду, что Татищев, по его собственному признанию, приводит не весь текст своего памятника, а только то, что расходилось с данными Повести временных лет.³ Поэтому мы не имеем возможности судить с достаточной определенностью о памятнике в целом. Кроме того, оригинал рукописи, имевшийся у Татищева, был дефектным — в нем недоставало листов, о чем свидетельствует разрыв в тексте и приводимая Татищевым приписка на полях.⁴ Все это сильно затрудняет использование Иоакимовской летописи и заставляет делать выводы с большой осторожностью.⁵ Повидимому, исследование вопроса о взаимоотношении начальной части Иоакимовской летописи с другими, аналогичными по своему характеру памятниками требует привлечения возможно большего числа этих последних, и не позволяет ограничиться сравнением лишь с одним из них. Не исключено, что памятник, который С. К. Шамбинаго считал «легендарной частью» НПЛ, и начальная часть Иоакимовской летописи окажутся родственными по происхождению или даже двумя сильно отличающимися друг от друга редакциями одного памятника. Однако это уже совершенно особая тема.

Теперь нам остается рассмотреть отношение НПЛ к самой Иоакимовской летописи, т. е. проверить основной тезис С. К. Шамбинаго в его чистом виде, без тех промежуточных звеньев, которые оказались несостоятельными для его доказательства.

Первыми известиями НПЛ краткой редакции являются известия о событиях, связанных с введением христианства в Новгороде. Предпоследнее известие приведенной у Татищева части Иоакимовской летописи

¹ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 265.

² Там же, стр. 262.

³ В. Н. Татищев, ук. соч., стр. 31.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ Не касаемся здесь вопроса о подлинности Иоакимовской летописи, так как считаем его решенным в положительном смысле. Список литературы по этому вопросу см. в работе: Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректированное издание. СПб., 1906, стр. 74.

также повествует о крещении новгородцев. Несмотря на то, что оба текста являются довольно пространными, в них не оказывается решительно никаких общих данных, не говоря уже о каком-либо подобии текстуального сходства. Более того, данные Иоакимовской летописи находятся в противоречии с НПЛ.¹ В Иоакимовской летописи говорится о том, что еще до крещения противниками христианства была «разметана» церковь Преображения в Новгороде, которая затем была восстановлена по приказанию Добрыни. Следовательно, согласно версии Иоакимовской летописи, эта церковь существовала в Новгороде еще до крещения и продолжала существовать после него. Между тем, НПЛ сообщает о построении в Новгороде в 989 году, уже после крещения, двух церквей — деревянной церкви св. Софии и каменной — Иоакима и Анны, причем указывается, что это были первая деревянная и первая каменная церкви в Новгороде. Никаких данных о существовании в Новгороде в это время церкви Преображения в НПЛ (как и в других новгородских летописях) не содержится. Если обратимся к последующему тексту известной нам части Иоакимовской летописи, а таковым является рассказ об отпуске Владимиром своих жен и выдача их замуж за его приближенных, то оказывается, что в НПЛ эти события вообще никак не отражены. О дальнейшем содержании Иоакимовской летописи не имеем данных.

Такие результаты дает сравнение Иоакимовской летописи с рукописями, содержащими списки краткой редакции НПЛ. Значительно проще обстоит дело с пространной редакцией. В рукописи, содержащей эту редакцию, «легендарная часть», как уже говорилось, вообще отсутствует, вопреки утверждению С. К. Шамбинаго. Нет в ней и других памятников из окружения краткой редакции. Рукопись Р. 252 начинается непосредственно с текста НПЛ. Правда, летописный текст пространной редакции начинается не с крещения Новгорода, как краткая редакция, а с перечисления земель, населенных потомками Иафета. Таким образом, начальная часть пространной редакции хронологически совпадает с «легендарной частью». В начале обоих памятников речь идет о разделении земли между сыновьями Ноя:

Пространная редакция

„Легендарная часть“

Афетово бо колено и то варязе, свержума, нигти, русь, агляне, галичане, лякове, волоси, римляне, немцы, корлязи, вenedиксы, фрязи и прочии; ти ж сидят с племенем Хамовым. Сын же, Хам и Афет разделише землю и жребия мставша, не приступити никому же во жребий братень, и живяху кождо во своей части, и бысть язык един. И умножишася человецы на земли, и помыслиша столп создати до небеси во дни Нектана и Фалека, и собрашась на месте Сенари поли создати столп до небеси.²

В лето от сотворения света 2344, во второе лето по потопе, по благословению Ноя праотца разделися вся вселенная на три части трем сыном: Симу, Хаму и Афету, и извержеся от нерадения Хам от благословения отца своего Ноя, зане Ной упився вином и егда отрезвился от вина и разуме, елико сотвори ему Хам сын его, и рече: «проклят буди Хам отрок, и да будет раб братии своей»³

Как видим, первые фразы пространной редакции по своему сюжету близки к началу «легендарной части» (хотя никакого текстуального или идейного сходства нет). Можно предположить, что именно эта близость ввела в заблуждение С. К. Шамбинаго. Рассмотрение же всей начальной части пространной редакции показывает, что ее текст никак не связан ни

¹ См.: В. Н. Татищев, ук. соч., стр. 38—40; НПЛ, под 989 годом.

² БЛ, Р. 252, л. 1.

³ Ф. Гилларов, ук. соч., стр. 15.

с «легендарной частью», ни с Иоакимовской летописью. Вплоть до крещения Новгорода, т. е. до того момента, с которого начинается краткая редакция, пространная содержит полностью соответствующую часть Софийской первой летописи с незначительными включениями из Синописа. Рассказ о крещении Новгорода в пространной редакции совпадает дословно с соответствующими известиями краткой редакции и никаких других данных не содержит. Таким образом, изложенные ранее результаты сравнения этого текста с Иоакимовской летописью относятся полностью и к пространной редакции. Последнее известие Иоакимовской летописи об отпуске Владимиром своих жен отсутствует не только в краткой, но и в пространной редакции.

Итак, сравнение хронологически совпадающих частей двух летописей — Новгородской третьей и Иоакимовской — приводит к совершенно определенному выводу: между соответствующими частями этих летописей нет ничего общего.

* * *

Попытаемся установить время возникновения известных нам редакций НИИЛ.

Сначала постараемся выяснить время составления пространной редакции — в связи с тем, что краткая редакция, как уже говорилось, представляет собой извлечение из пространной, дополненное по другим источникам. Определение времени составления пространной редакции, так же как и ее состава, осложняется тем обстоятельством, что пока известен только один поздний ее список¹ (список второй половины XVIII века, в то время как летопись была составлена, как увидим ниже, в XVII веке). В связи с этим, возможно — и даже вероятно, — что после своего возникновения текст подвергся сокращениям, добавлениям или изменениям, не говоря уже об ошибках переписчиков. Сопоставление с текстом краткой редакции, а также с обнаруженным нами извлечением из пространной редакции² позволяет полагать, что изменения, которым подвергся текст этой последней, были относительно невелики. Характер этих изменений поддается определению. Они сводились к опущению некоторых известий и к незначительным добавлениям. Однако естественно, что далеко не во всех случаях можно с уверенностью судить о том, восходит ли данное известие рукописи Р II к самой пространной редакции, или оно является результатом позднейших вставок и изменений. Следует также оговориться, что вид пространной редакции, к которому восходит известный нам список Р II, как увидим ниже, не является первоначальным. При определении даты возникновения пространной редакции мы будем пока рассматривать лишь тот ее вид, который нам известен и который был использован при составлении краткой редакции.

Список пространной редакции оканчивается известиями 1674 года. Эти известия, как и предшествующий текст, дословно, лишь с небольшими сокращениями, читаются и в краткой редакции. Следовательно, они не являются позднейшими дополнениями, а восходят к самой пространной редакции. Этим устанавливается нижняя хронологическая граница: пространная редакция составлена не раньше 1674 года.

¹ Румянцевский II. В дальнейшем употребляется сокращенное обозначение этой рукописи — Р II.

² ГПБ, Погод. 1953, рукопись датирована 1678 годом.

В летописном тексте этой редакции содержится три хронологических указания, позволяющих делать заключения о более точной дате возникновения ее окончательного вида. Приводим их целиком.

1. В тексте известий 1424 года читаем: «Того же лета поставиша новгородцы церков камену во един день, за олтором святей Софен, Происхождение честнаго креста; а ныне 7100-и год [1592] построена Мария Египецкая».¹

2. В конце известий 1455 года стоит: «Повелением архиепископа Евфимия Вяжицкого поставиша церков деревянну за большим валом, в Чюдины² концы, на Софейской стране, [на] Алексеевской улицы, по чудеси; а ныне за Алексеевской башней каменной круглою, и во 190-м году (т. е. в 1682, — С. А.) поставил крест камень ямщик».³

3. После известий 1570 года помещен заголовок: «Список с подножия креста резнаго». Далее следует текст надписи на кресте об его установке в 1548 году.⁴ Затем идет известие о перенесении этого креста в 1659 году. После него читается следующее: «А в нынешнем 200-м году (т. е. в 1692, — С. А.) стоит на великом Волховском мосту против башни большой и чаров, где написан образ чудотворной Владимирской богородицы».⁵

Приведенные места летописи указывают на три даты: 1592, 1682 и 1692 годы. Заметки, датированные этими годами, не оставляют сомнений в том, что каждая из них возникла именно в том году, который в ней обозначен. Происхождение их может быть объяснено трояко: 1) эти заметки могут принадлежать составителям последовательных редакций летописи, 2) они могли быть добавлены при ее переписке, 3) они могут быть приписками на полях, внесенными затем в летописный текст.

Рассмотрим каждое из этих известий в отдельности. Заметка под 1592 годом не может принадлежать составителю пространной редакции, так как эта редакция возникла, как доказано выше, не ранее 1674 года. Эта заметка принадлежит или более ранней редакции, или одному из тех летописных памятников, которые послужили источниками для составления пространной редакции НИПЛ.

Вторая заметка может принадлежать составителю пространной редакции, так как она помечена 1682 годом и, следовательно, возникла после 1674 года. Эта заметка, как и предыдущая, читается не только в тексте пространной редакции, но и во всех списках краткой редакции. Значит, она не является позднейшей припиской, а содержалась в самом тексте окончательного вида пространной редакции. Таким образом, этот последний возник не ранее 1682 года, а если считать заметку принадлежащей самому составителю, то возникновение этого вида можно датировать точно 1682 годом.

¹ Р II, л. 299 (297). Здесь и ниже в ссылках на рукописи мы указываем фактические порядковые номера листов. В тех случаях, когда они не совпадают с цифрами, представленными в самих рукописях, последние указываются в скобках.

² Ошибка; должно быть, очевидно, «Людине».

³ Р II, л. 317 (315).

⁴ Надпись действительно списана с так называемого «Чудного креста», находившегося еще во второй половине XIX века в часовне у Волховского моста в Новгороде. Текст надписи на этом кресте вместе с рисунком самого креста издан Н. Богословским (Чудный крест в Новгороде. — Древняя и новая Россия, 1875, т. III, стр. 389). Этот текст имеет лишь незначительные отличия от приведенного в летописи. Отличия могут объясняться тем, что надпись на кресте, по всей вероятности, подверглась обновлению, так как на кресте дата указана в двух летоисчислениях — от сотворения мира и от рождества Христова, чего не могло быть в надписи, сделанной в XVI веке. В летописи дата — только от сотворения мира: очевидно, текст был списан еще до обновления надписи.

⁵ Р II, л. 409 (407) об.

Третья заметка, указывающая на 1692 год, так же как предшествующая ей надпись, списанная с креста, и известие о его перенесении, в краткой редакции отсутствуют. Это ставит под сомнение наличие упомянутой заметки, как и всего сопутствующего ей текста, в пространной редакции. Они могли быть внесены при ее переписке впоследствии. Поэтому, при отсутствии других подтверждающих эту дату данных, третья приписка не может учитываться при датировке.

Верхняя хронологическая граница для датировки пространной редакции может быть определена следующим образом. Под 989 годом, после известия о постройке в Новгороде первой каменной церкви Иоакима и Анны, читаем: «...и в той же церкви положен бысть первый епископ на правой стороне, при великом князе Ярославе...».¹ Речь идет о погребении первого новгородского митрополита Иоакима Корсунянина, умершего в 1031 году. В 1699 году останки его были перенесены в Софийский собор, о чем сообщает сокращенный вид краткой редакции в своем продолжении. НИИЛ обеих редакций, как уже говорилось, чрезвычайно внимательно относится к подобным известиям. Она всегда сообщает возможно более точные данные о местах погребения новгородских иерархов — иногда даже подробнее «Росписи или краткого летописца новгородских владык». В связи с этим следует думать, что пространная редакция составлена во всяком случае не позднее 1699 года. Правда, в краткой редакции это известие отсутствует, как и в извлечении, таким образом оно может быть и позднейшей припиской. Однако это обстоятельство ничего не меняет. Подобная приписка не могла быть сделана позднее 1699 года, следовательно, пространная редакция к этому году уже существовала.² Изложенные соображения позволяют считать, что окончательный вид пространной редакции возник никак не раньше 1682 года и, очевидно, не позднее 1699 года.

Уточнить дату составления этой редакции позволяет приписка на поле против известий 1049 года. Список пространной редакции содержит довольно много приписок на полях. Все они написаны тем же почерком и чернилами, что и основной текст. Некоторые из них, как указывалось, читаются и в краткой редакции, но, как правило, уже не на полях, а включенными в летописный текст. Это свидетельствует о том, что по крайней мере те из этих приписок, которые попали в краткую редакцию, имелись уже в самой той рукописи, дату которой нам надлежит установить. К числу таких маргиналий, внесенных затем в текст краткой редакции, относится и интересующая нас приписка против известия 1069 года о гибели от пожара деревянного Софийского храма. Текст известия следующей: «Марта в 4-й день, в субботу, соборная церква деревянная дубовая святая Софья згорела, бысть честно устроена и украшена, 13 верх имущи, а стояла конец Пискупли улицы над Волховом, идеже поставил Соткой богатой церковь каменну святых мученик Бориса и Глеба».³ Против последних слов этого известия приписка: «Яже та церьков стояла в каменном граде Детинце, близ каменной градской стены; в лето 7105 [1597] та церковь Бориса и Глеба вся до подошвы разобрана и кирпичь свозили».⁴

Как видим, приписка внесена вскоре после того, как церковь была разобрана. Указания на то, что церковь разобрана «до подошвы» и что

¹ Р II, л. 50 (48) об.

² Опущение этого известия краткой редакцией (если оно содержалось в пространной), возникшей, как увидим, до перенесения «мощей», может быть объяснено тем, что решение об их перенесении уже было принято, но еще не было осуществлено.

³ Р II, л. 80 (78).

⁴ Р. II, л. 80 (78)—80 (78) об.

«свозили кирпич», могли принадлежать только лицу, у которого эти события были еще совсем свежи в памяти. Однако вызывает сомнение указанная в маргиналии дата — 1597 год. Ведь летопись возникла не ранее 1682 года. Маловероятно, чтобы приписка на полях, принадлежавшая одному из источников НПЛ (или ее первоначальной редакции), просуществовав около ста лет, была сохранена в качестве таковой, вместе с малозначительными деталями, и при составлении окончательного вида пространной редакции. Возникает вполне законное подозрение, что эта приписка сделана уже после составления пространной редакции и что содержащаяся в ней дата испорчена последующими переписчиками. Краткая редакция не дает материала для проверки, так как в эту редакцию внесена лишь первая половина маргиналии, тогда как дата содержится во второй ее половине.

Для проверки проследим историю церкви Бориса и Глеба, о разборке которой идет речь. Эта задача облегчается тем, что в Новгородском Детинце существовала только одна церковь Бориса и Глеба, неоднократно упоминаемая в летописях и других источниках.

Церковь была заложена в 1167 году¹ и освящена в 1173 году.² Затем она довольно часто упоминается в летописях; последние летописные известия о ней относятся к XV веку: в 1405 году она выгорела во время пожара³ и в 1441 году была восстановлена архиепископом Евфимием II.⁴ После 1441 года известия об этой церкви в летописях не встречаются, однако о ее существовании свидетельствуют другие источники. В XVI веке церковь Бориса и Глеба в Детинце упоминается в перечне, составленном в 1577—1589 годах.⁵ Далее, в XVII веке эта церковь названа в росписи новгородских церквей и монастырей, составленной после шведской оккупации, в 1615 году.⁶ Изображение этой церкви имеется на плане Новгорода, относящемся к середине XVII века.⁷ О последующей судьбе ее свидетельствует челобитная царям Иоанну и Петру Алексеевичам священников церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне.⁸ Авторы челобитной просят передать им денежное и хлебное довольствие («ругу»), выплачиваемое на церковь Бориса и Глеба в Детинце, ввиду того, что последняя больше не существует. В тексте челобитной читаем: «Софейской стороны в писцовой книге Александра Чоголокова 131 [1623] году написано:

¹ Первая, вторая, третья, четвертая и пятая Новгородские летописи.

² Новгородская первая летопись.

³ Первая, третья, четвертая и пятая Новгородские летописи.

⁴ Первая, четвертая и пятая Новгородские летописи.

⁵ Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и Новгородских пятнахах, составленная в XVI веке при новгородском архиепископе Александре (1577—1589). Временник ОИДР, кн. 24. М., 1856, Смесь, стр. 26.

⁶ «Роспись, сколько в Великом Новегороде на Софийской и на Торговой стороне градских и околорадских монастырей, местных храмов и приделов, учиненная в 1615 году, после опустошений, произведенных в Новегороде шведскими войсками под предводительством генерала Якова Понтуса Деллагарди» ([Е. Болховитинов.] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, Прибавление II, стр. 84). Этим опровергается приводимое И. Красовым (О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851, стр. 15) известие Николо-Дворищенского летописца (конца XVII века) о том, что церковь Бориса и Глеба «раззорена от немец до основания».

⁷ Л. А. Мацулевич. Храмы Детинца на неизданном плане Новгорода XVII века Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. 3, 1910, стр. 1—3. Это опровергает точку зрения П. Гусева (Новгородский детинец по изображению на иконе Михайловской церкви. СПб., 1913, стр. 9—10), полагавшего, что церковь Бориса и Глеба была разобрана в первой половине XVII века.

⁸ Челобитная государям Иоанну и Петру Алексеевичам священников Борисоглебской на Торговой стороне церкви о передаче им денежной и хлебной руги, жалуемой на упразднившуюся церковь Бориса и Глеба, что в Детинце. — Москвитянин, 1853, № 15, Исторические материалы, стр. 53.

«в Каменном городе, у наместнича двора церковь каменна Бориса и Глеба подле церкви Андрея Стратилата, а ныне по наличию подле дьяча двора; и та, государи, церковь в прошлых в давних годех в раззорении, и вся до основания разобрана». Несомненно, что церковь разобрана не «в прошлых давних годах» (эти слова относятся к ее «раззорению», очевидно, шведами, а не к разборке), а незадолго до составления челобитной. Именно самый факт разборки этой церкви и должен был послужить причиной для написания челобитной. Если бы церковь была разобрана «в прошлых давних годах», то на нее бы не выплачивалась руга, на которую теперь претендуют священники церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне. Кроме того, как мы видели выше, не подлежит сомнению, что эта церковь существовала в 1615 году и даже в середине XVII века, т. е. много лет спустя после шведского «раззорения». Очевидно, церковь была разобрана не раньше чем за несколько лет до написания челобитной. Так как совместное царствование Иоанна и Петра, которым адресована челобитная, продолжалось с 1682 по 1696 год, то следует полагать, что церковь Бориса и Глеба в Детинце разобрана в 80-х или в первой половине 90-х годов XVII века.

Возвращаясь к тексту интересующей нас маргиналии, убеждаемся в том, что указанная в ней дата разборки церкви Бориса и Глеба (1597 год) несомненно испорчена. Попытаемся восстановить эту дату в ее первоначальном виде.

В списке пространной редакции все цифры, в том числе и эта, — арабские, что для второй половины XVIII века является обычным. Однако в том оригинале, дату которого нам надлежит установить, годы были обозначены буквами, так как он был составлен не ранее 1699 года. Искажение цифры года следует искать в искажении буквенных обозначений (искажение даты, написанной арабскими цифрами, маловероятно — в этом случае должны были быть испорчены по крайней мере две цифры: искажение одной могло иметь место только в том случае, если в оригинале стояла цифра 7205 (1697), а это невозможно, так как челобитная, о которой говорилось выше, не могла быть написана позже 1686 года). Обратимся к буквенным обозначениям. Цифре 7105 (1597) соответствует написание $\bar{c} \bar{p} \bar{c}$. Искажен мог быть только последний знак.¹ В первоначальной дате на месте \bar{c} мог читаться один из семнадцати знаков, обозначающих единицы (кроме 5) и десятки. Начертания этих букв во второй половине XVII века не имели сходства с начертаниями буквы \bar{c} за исключением одной — буквы \bar{c} . Во многих почерках того времени начертания \bar{c} и \bar{c} совершенно одинаковы (примером может служить основной почерк Строевского списка краткой редакции НПЛ) и поэтому на месте \bar{c} в оригинале мог быть только \bar{c} . Это подтверждается не только палеографическими наблюдениями — любая другая буква давала бы дату, которая не могла быть годом разборки церкви Бориса и Глеба.² Следова-

¹ Первый знак \bar{c} искажен не был, так как он присутствует во всех датах, начиная с 7000 (1592) и кончая 7999 (2491) годом. Второй знак \bar{p} также не мог быть искажен, так как любой другой знак, стоящий на его месте (\bar{c} и т. д.), давал бы цифру не ранее 7205 (1696) года, что, как уже указывалось, невозможно.

² Первые восемь букв, обозначающие единицы, исключаются: наличие любой из них давало бы цифру не более 7109, что соответствует 1601 году, который не мог быть датой разборки церкви Бориса и Глеба. По той же причине исключаются и вторые восемь букв, соответствующие первым восьми десяткам. Даже последняя из них — \bar{ii} давала бы 7180 (1672) год, слишком раннюю дату, не согласующуюся с данными челобитной. С ними согласовалась бы только последняя из всех семнадцати букв — \bar{c} которая дает 7190 (1682) год.

тельно, в дате, ошибочно понятой переписчиком как $\bar{\text{з}} \bar{\text{р}} \bar{\text{э}}$ (7105), стояло $\bar{\text{з}} \bar{\text{р}} \bar{\text{ч}}$ (7190).

Исправив цифру года в приведенном выше тексте приписки на полях, получаем, что церковь Бориса и Глеба в Детинце была разобрана в 1682 году, что вполне соответствует данным о судьбе этой церкви других источников и чрезвычайно точно согласуется с последним из них — челобитной священников церкви Бориса и Глеба на Торговой стороне. Напомним, что этот документ, написанный между 1682 и 1696 годами, говорит о разборке церкви незадолго до того времени, как сама челобитная была составлена.

Приведенные соображения позволяют точно установить время возникновения окончательного вида пространной редакции НПЛ. В этой редакции под 1049 годом сообщается, что деревянная София стояла на том месте, где впоследствии построена церковь Бориса и Глеба. В самом тексте известия ничего не говорится о том, что церковь Бориса и Глеба уже не существует, хотя составитель работал, как установлено выше, не ранее 1682 года. Между тем, автор приписки на полях, комментируя это место, сообщает, что церковь, о которой идет речь, разобрана в том же 1682 году. Это позволяет заключить, что составитель окончательного вида пространной редакции работал именно в 1682 году, точнее, в те месяцы этого года, когда церковь Бориса и Глеба еще существовала. Затем, уже после ее разборки, на полях была сделана приписка, сообщающая о том, что церковь в 1682 году разобрана, и указывавшая ее местоположение. Последнее было необходимо потому, что в самом летописном тексте упоминание церкви Бориса и Глеба было сделано только для того, чтобы указать древнее местоположение стоявшей ранее на ее месте деревянной Софии.¹ Теперь же, для представления о первоначальном местоположении Софии нужно было сообщить уже о местоположении самой церкви Бориса и Глеба. Поэтому можно думать, что приписка сделана самим составителем для уточнения приведенных им ранее данных.

Можно, впрочем, допустить, что составитель пространной редакции работал уже после разборки церкви Бориса и Глеба и что он перенес данные о местоположении деревянной Софии из своего источника механически (вторая половина этого текста читается и в некоторых других летописях). Однако такое предположение сомнительно. В других, более древних летописях читается такой текст: «Идеже ныне постави Сотко церковь каменну святого Бориса и Глеба».² Составитель пространной редакции опустил слово «ныне», что говорит о его сознательном отношении к тексту этого пояснения. Но даже если допускать, что он работал после 1682 года и что, переписывая данные о местоположении деревянной Софии с их ссылкой на местоположение церкви Бориса и Глеба, он не обратил внимания на то, что эта последняя уже не существует (что, как мы видели, маловероятно), то и тогда время составления пространной редакции может быть определено с точностью до нескольких лет. Приписка на полях, в которой сообщается, что церковь Бориса и Глеба разобрана в 1682 году, была внесена вскоре после этого события. Об этом свидетельствуют содержащиеся в ней детали, на что уже указывалось. Следовательно, в те ближайшие несколько лет после 1682 года, в течение которых могла быть внесена эта приписка, пространная редакция уже существовала. Таким образом, приписка сама по себе говорит о том, что летопись была составлена если не в самом 1682 году, то в ближайшие после него годы. Однако совокупность приведенных данных, как нам кажется, с гораздо большей

¹ О постройке самой церкви Бориса и Глеба сообщается особо под 1167 годом.

² Софийская первая летопись, под 1049 годом.

убедительностью указывает именно на 1682 год, как на точную дату составления окончательного вида пространной редакции (напомним, что и заметка в конце известий 1455 года была внесена в том же 1682 году).

Все высказанные до сих пор соображения касались пространной редакции в ее окончательном виде — в том виде, который представлен списком Р II и который был использован при составлении краткой редакции. Выше было доказано, что этот вид возник не ранее 1682 года. Однако не подлежит сомнению, что НПЛ существовала и до этого года, о чем свидетельствует извлечение из этой летописи, датированное 1679 годом (см. стр. 248). Очевидно, оно восходит к более раннему тексту пространной редакции. Условно назовем его первоначальным видом этой редакции. Сличение текстов извлечения и окончательного вида пространной редакции показало, что первоначальный вид ее, повидимому, не намного отличался от окончательного.

Пытаемся определить время составления этого первоначального вида. Поскольку извлечение из него было списано в 1679 году, несомненно, что он возник не позже этого года. Обратимся к тексту извлечения, причем остановимся здесь только на тех данных, которые представляют интерес для датировки.

Извлечение заканчивается пятью известиями, аналогичными по характеру своего содержания. Это известия о смерти Бориса Годунова, о воцарении Михаила Федоровича, о его смерти, о вступлении на престол Алексея Михайловича и о его смерти.¹ Все эти сведения, за исключением последнего, содержатся и в списке Р II пространной редакции, в таком же тексте.² Значит, известия о смерти Годунова, о воцарении и смерти Михаила Федоровича, а также известие о воцарении Алексея Михайловича (хотя они и не попали в краткую редакцию) не являются позднейшим наслоением, присущим только известному нам списку пространной редакции, а содержались как в самом ее окончательном виде (к которому восходит список Р II), так и в первоначальном виде этой редакции, из которого было сделано извлечение. Если обратимся к тексту извлечения за более ранний период, то увидим, что в нем содержатся известия о венчании на царство и о смерти Ивана IV, о воцарении и о смерти Федора Ивановича и о воцарении Годунова.³ Текст этих известий также совпадает с соответствующими местами пространной редакции.⁴ Они перешли и в краткую.⁵ Следовательно, эти известия, так же как и те, о которых речь шла выше, содержались в самой пространной редакции, в том числе в первоначальном ее виде. Эти наблюдения позволяют сделать два вывода.

1. Составитель первоначального вида пространной редакции чрезвычайно внимательно отнесся к известиям о смене лиц на царском престоле. Начиная с Ивана Грозного, он сообщает о воцарении и о смерти всех русских царей, опуская только Лжедмитрия и Шуйского, из которых первый незаконно, а второй без достаточных оснований (по представлениям современников) занимали престол.

2. Вышеупомянутые тексты без каких-либо изменений читаются и в известном нам списке окончательного вида пространной редакции. Это позволяет заключить, что составитель окончательного вида, как и последующие его переписчики, с такой же внимательностью относились к этим известиям.

¹ Погод, 1953, л. 121—121 об.

² Р II, л. 417(415)—417(415) об.

³ Погод, 1953, лл. 118, 119 об., 120, 120 об.

⁴ Р II, лл. 398(396)—398(396) об., 414(412), 415(413) об.

⁵ НПЛ, под 1548, 1584, 1588 и 1589 годами.

Однако известие о смерти Алексея Михайловича, которым заканчивается извлечение, в списке пространной редакции отсутствует. Представляется маловероятным, чтобы, при всем внимательном отношении к известиям этого рода, оно было опущено составителем окончательного вида пространной редакции или его переписчиками. Гораздо более убедительно другое предположение — это известие вообще отсутствовало в пространной редакции и было добавлено лишь в том списке, из которого сделано извлечение. Отсутствие этого текста в пространной редакции вполне понятно, если предположить, что первоначальный вид ее был составлен еще при жизни Алексея Михайловича, т. е. не позднее 1676 года.

Выше говорилось, что состав этого первоначального вида, судя по извлечению, вероятно мало отличался от состава окончательного вида (с полной уверенностью можно говорить только об одном различии — рассмотренной ранее заметке под 1682 годом, которая не могла быть в первоначальном виде, но содержится в окончательном). Нет оснований полагать, что составитель окончательного вида вносил в текст какие-либо существенные дополнения в изложении событий, связанных с замещением царского престола: в окончательном виде нет известий не только о смерти Алексея Михайловича, но и о воцарении Федора Алексеевича (не говоря уже о его смерти и последующем воцарении Иоанна и Петра), хотя этот вид возник не ранее 1682 года. Таким образом, не вызывает недоумений тот факт, что отсутствие известия о смерти Алексея Михайловича в первоначальном виде пространной редакции не было восполнено и в окончательном ее виде. Внимательно перенося подобные сведения в свой текст, составитель окончательного вида не делал, однако, каких-либо добавлений. Напротив, опущение известия о смерти Алексея Михайловича составителем окончательного вида (если бы оно содержалось в первоначальном виде) представляется маловероятным в силу изложенных выше наблюдений, которые показывают весьма внимательное отношение его к подобным известиям. Таким образом, отсутствие известия о смерти Алексея Михайловича в списке окончательного вида пространной редакции подтверждает наше предположение о том, что оно отсутствовало и в первоначальном ее виде.

Итак, имеется достаточно оснований полагать, что первоначальный вид пространной редакции возник при жизни Алексея Михайловича, т. е. не позднее 29 января 1676 года.

Теперь обратимся к окончанию списка пространной редакции. Этот список заканчивается подробными известиями о новгородском митрополите Иоакиме — о его поставлении, о церемонии прибытия его в Новгород, об установке им часов на митрополичьем дворе и о посвящении его в сан патриарха.¹

Все эти события относятся к 1673—1674 годам, так как Иоаким был новгородским митрополитом с 22 декабря 1673 года по 26 июля 1674 года (по сентябрьскому летосчислению).² Выше говорилось, что НПЛ вообще

¹ Р II, л. 419 (417)—419 (417) об.

² По этому вопросу высказывались разные точки зрения. Так, А. П. Барсуков считал, что Иоаким был поставлен новгородским митрополитом в декабре 1672 года (Всероссийский патриарх Иоаким Савелов. СПб., [1891], стр. 9); по мнению Е. Болховитина Иоаким был митрополитом с декабря 1673 года по июль того же года (Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви, т. I. СПб., 1827, стр. 225—226). Мы считаем, вслед за П. Смирновым (Иоаким патриарх московский. М., 1881, стр. 15, прим. 2), совершенно бесспорным, что Иоаким занимал новгородскую кафедру с декабря 1673 по июль 1674 года. Об этом свидетельствует многочисленный актывый и другой материал. 22 декабря 1673 года Иоаким был поставлен митрополитом в Новгород из архимандритов Чудовского монастыря под Москвой (Акты исторические,

крайне пристально относится к подобного рода известиям. Начиная с первого новгородского епископа Иоакима Корсунянина, сообщается о поставлении, а также о смерти или смещении всех без исключения новгородских епископов, архиепископов и митрополитов. При этом почти во всех случаях дается максимум подробностей по сравнению с другими летописями.¹ Это одна из главных особенностей НПЛ обеих редакций. Другая, также упоминавшаяся особенность, представленная особенно резко в пространной редакции, — незавершенность работы по ее составлению. При этом нет никаких следов того, чтобы после составления пространной редакции дополнялась известиями о последующих событиях (в том числе и в своем окончательном виде). Хронологическая непоследовательность продолжается до последнего листа рукописи включительно. Исходя из этого, имеются все основания думать, что последние известия о митрополите Иоакиме включены в свод при самом его возникновении. Поскольку они заканчиваются фразой о поставлении Иоакима патриархом 26 июля 1674 года, следует полагать, что работа по составлению первоначального вида пространной редакции была закончена (точнее — прервана) не ранее этой даты.

Таким образом, пространная редакция в ее первоначальном виде была окончена, очевидно, между 26 июля 1674 года и 29 января 1676 года.²

Предлагаемая нами датировка первоначальной редакции совместима с датировкой С. К. Шамбинаго, полагавшего, что летопись была составлена по инициативе Иоакима, во время пребывания его на новгородской кафедре³ (правда, автор аргументировал это только тем соображением, что

IV. СПб., 1842, стр. 501, № 231). 25 января он был отпущен из Москвы и 4 февраля прибыл в Новгород (Акты исторические, IV, стр. 501, № 231). В тот же день он издает указ о порядке «заседания» новгородских священнослужителей в дни торжественных богослужений в Софийском соборе (Акты исторические, IV, стр. 502, № 232). В грамоте патриаршего разряда от 21 марта 1674 года он назван новгородским митрополитом (Дополнения к актам историческим, VI. СПб., 1857, стр. 335, № 102). 6 мая того же года Иоаким в качестве новгородского митрополита посылает грамоту в Тихвинский монастырь (Акты, собранные Архсграфической экспедицией, IV. СПб., 1836, стр. 244, № 190). В приводимой Е. Болховитиновым (ук. соч., стр. 179) записке Коллегии иностранных дел говорится, что «лета 7182 (т. е. 1674); в месяце септември, праздно сушу всероссийскому... престолу, после кормициства... святейшего Питирима», значит Иоаким тогда еще не был патриархом. Он стал им только 26 VII 1674 (Древняя российская вивлиофика, ч. XI. М., 1789, стр. 244). В предисловии к торжественнику, писанному 12 V 1675, говорится: «Совершиши книга сия... престол же апостольский содержащу... Иоакиму патриарху... в 1 лето патриаршества его» (А. Горский и К. Невоструев] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. II. М., 1859, стр. 673). Наконец, сам Иоаким в своей духовной грамоте, датированной 1690 годом, пишет о себе, что «управления церкви христове уже шестоеадесять лето имам», т. е. с 1674 года (Житие и завещание святейшего патриарха Иоакима. СПб., 1879, стр. 106). Поэтому дата поставления Иоакима патриархом по НПЛ — 26 июля 1674 года — не может вызывать сомнений. Известие этой летописи о том, что Иоаким «бысть на владычестве 6 месяцев и девять дней», свидетельствует, повидимому, о том, что вскоре после смерти Питирима (он умер еще в 1673 году) Иоаким, как кандидат на патриарший престол, был вызван в Москву и более уже не возвращался в Новгород. Отнесение же большинством списков НПЛ (в том числе и пространной редакцией) к 1674 году даты поставления Иоакима новгородским митрополитом — безусловно, следствие описки.

¹ Сокращаются и опускаются только известия об избрании владык на вече.

² На основании еще одного признака — того обстоятельства, что летопись, заканчиваясь известием о поставлении Иоакима патриархом (26 VII 1674), не содержит известия о поставлении в Новгород на его место Корнилия (6 VIII 1674) — можно было бы датировать окончание составления пространной редакции периодом между 26 VII 1674 и 6 VIII того же года. Несмотря на всю соблазнительность столь точной датировки, считаем необходимым от нее воздержаться, так как, исходя из изложенных ниже соображений, отсутствие известия о Корнилии еще не свидетельствует о том, что летопись не могла быть закончена уже при нем.

³ См. стр. 238 настоящего тома.

свод оканчивается известиями о Иоакиме, без анализа особенностей состава летописи и без использования извлечения, которое не было ему известно).¹ Считаю предположение С. К. Шамбинаго о том, что инициатива в составлении свода могла принадлежать Иоакиму, вполне оправданным. Та общая характеристика его деятельности, которая дана в работе С. К. Шамбинаго, не вызывает существенных возражений и говорит в пользу этой гипотезы. Общий характер свода, как мы видели, вполне подтверждает предположение о его составлении при дворе новгородского митрополита. Само использование составителем большого числа источников также говорит о том, что работа над летописью вряд ли была делом рук частного лица. Напомним, что известиями об Иоакиме заканчивается и «Роспись или краткий летописец новгородских владык». Это позволило еще В. С. Иконникову предположить, что она получила окончательную редакцию при Иоакиме² (на что ссылается и С. К. Шамбинаго). Можно думать, что им была возглавлена большая летописная работа, которая не ограничилась составлением НПЛ.

Переходим к датировке краткой редакции. Как уже указывалось, основу ее составляет извлечение из пространной редакции. В свою очередь сокращенный вид краткой редакции представляет сокращение полного ее вида (дополненное известием 1674 года о поставлении новгородским митрополитом Корнилием). Таким образом, хронологическая последовательность не вызывает сомнений: сначала была составлена пространная редакция, затем краткая редакция полного вида и уже потом — сокращенный вид этой редакции.

Поскольку пространная редакция в ее окончательном виде была составлена не раньше 1682 года, то, следовательно, этот же год является и нижней хронологической границей при датировке краткой редакции. Это определяется не только тем, что краткая редакция возникла из пространной, но и тем, что заметка, указывающая на 1682 год, содержится, как уже говорилось, не только в пространной, но и во всех списках краткой редакции.

Крайняя верхняя граница составления этой редакции может быть определена на основании оглавлений сокращенного ее вида. Оглавление известий о поставлении новгородских владык во всех списках оканчивается митрополитом Иовом, занимавшим новгородскую кафедру с 1696 по 1716 год. Иовом заканчивается и оглавление Академического списка (восходящего к протографу сокращенного вида), летописный текст которого доведен только до Корнилия (1674—1695 годы). Это кажущееся несоответствие возникло, очевидно, в результате того, что переписчик летописи, оканчивавшейся Корнилием, воспринимая оглавление не только в качестве такового, но и как перечень всех новгородских владык, дополнил его именами Евфимия и Иова. Значит, он работал еще до того, как в Новгород после смерти Иова был поставлен архиепископом Феодосий Яновский, иначе он добавил бы и имя Феодосия. Так как Феодосий был поставлен в 1720 году, то следует полагать, что приписка имен Евфимия и Иова была сделана не позже этого года. Следовательно, уже во всяком случае не позже этого года был составлен сам летописный текст сокращенного вида краткой редакции (а значит — и полного ее вида).

Строевский список сокращенного вида может быть датирован довольно точно — либо двумя последними годами XVII века, либо самым началом

¹ Второй аргумент С. К. Шамбинаго — наличие в Иоакимовской летописи упоминания «святителя Иоакима» в качестве ее автора — должен быть отброшен, ввиду невозможности отождествлять эту летопись с Новгородской третьей.

² Опыт русской историографии, т. II, кн. I. Киев, 1908, стр. 722.

XVIII века, так как летописный текст в нем кончается 1699 годом, а почерки типичны для XVII века. Это подтверждает только что выведенную верхнюю границу составления сокращенного вида и даже позволяет условно ее передвинуть на первое десятилетие XVIII века.

Как мы уже видели, общий характер НПЛ, в особенности ее краткой редакции, дает все основания считать, что она составлена при дворе новгородских митрополитов. Протограф же сокращенного вида оканчивался, очевидно, известием 1674 года о поставлении новгородским митрополитом Корнилия. Это заставляет думать, что сокращенный вид краткой редакции (а следовательно, и полный вид) возник не позже 1695 года, когда на место Корнилия был поставлен Евфимий, иначе известие об его поставлении было бы помещено в летопись.

Полный вид краткой редакции оканчивается известиями о пребывании на новгородской митрополичьей кафедре Иоакима. Это как будто находится в противоречии с доказанным выше обстоятельством, что краткая редакция возникла не ранее 1682 года, так как известие о поставлении Корнилия (в 1674 году) в полном виде этой редакции отсутствует. Думаем, что это кажущееся противоречие может быть объяснено довольно просто. Иоаким был патриархом с 1674 года до своей смерти в 1690 году. До этого он был новгородским митрополитом. Как мы видели, ему, очевидно, принадлежала инициатива составления пространной редакции НПЛ. Таким образом, летописная работа, выразившаяся в придании окончательного вида пространной редакции и в составлении краткой редакции этой летописи, была продолжением того предприятия, которое было начато Иоакимом. В своем первоначальном виде летопись оканчивалась известиями о нем. Вполне допустимо, что лица, обрабатывавшие затем этот свод (при последующем митрополите Корнилии), сочли неудобным после известий об Иоакиме добавлять известие о поставлении на его место Корнилия, тем более что Иоаким в это время занимал пост патриарха. По всей вероятности не без ведома Иоакима проводилась эта обработка начатого по его инициативе свода. Таким образом, отсутствие в полном виде краткой редакции известия о поставлении Корнилия может свидетельствовать о том, что эта редакция была составлена еще при жизни Иоакима, т. е. не позднее 1690 года. Что же касается сокращенного вида, то там уже содержится известие о поставлении Корнилия — повидному, этот вид возник уже после смерти Иоакима, т. е. между 1690 и 1695 годами.

Наблюдения над содержанием краткой редакции позволяют обнаружить одну существенную особенность ее по сравнению с пространной редакцией. Последняя, как указывалось, содержит известия о восшествии на престол и о смерти всех русских царей, начиная с Ивана IV. Выше было отмечено, что эти известия не являются позднейшими добавлениями, а содержались в самой пространной редакции обоих видов. Между тем, в краткой редакции, официальный характер которой в еще меньшей степени может вызывать сомнения, известия этого типа оканчиваются воцарением Годунова. Сведения о последующих царях опущены. Такое обстоятельство не может быть признано случайным. Для опущения этих известий должны были иметься достаточно веские причины.

Как мы видели, полный вид краткой редакции, возник, очевидно, между 1682 и 1690 годами, т. е. в период совместного царствования Иоанна и Петра. Напомним события, связанные с началом этого царствования.

Сразу же после смерти Федора Алексеевича, 27 апреля 1682 года, царем был провозглашен Петр. Затем, в результате интриг царевны

Софьи Алексеевны и вызванного ею стрелецкого бунта, 23 мая того же года было установлено совместное царствование Иоанна и Петра, а 26 мая Иоанн был объявлен первым среди двух царей. Небезынтересным является отношение ко всем этим событиям патриарха Иоакима. Иоаким не только поддержал первоначальное провозглашение Петра царем, но и сам участвовал в этом провозглашении. В записках Крекшина сообщается, что после провозглашения царем Петра Софья призвала к себе патриарха и бояр, вместе с представителями дворянства и купечества, и предложила возвести на престол Иоанна, установив совместное царствование обоих братьев. Иоаким совершенно определенно высказал свое отношение к этому проекту. Он ответил: «Многоначалие зло есть; един царь да будет, богу тако изволившу» и, отказавшись от участия в дальнейших переговорах, «отвидоша от лица царевны Софии Алексеевны».¹ В дальнейшем, в период борьбы между Петром и Софьей, в 1689 году, когда сторонники Петра прибывали к нему в Троице-Сергиев монастырь, Иоаким, отправившись туда под предлогом уговоров Петра, так и не возвратился в Москву. Все это свидетельствует о том, что Иоаким был сторонником единодержавия Петра и явно не одобрял установление совместного царствования обоих братьев.

Возвращаясь к нашему предположению о связи работы над НИЛ с деятельностью Иоакима, можем объяснить отсутствие в краткой редакции известий о русских царях XVII века. Зная симпатии Иоакима к Петру и отрицательное его отношение к факту установления совместного царствования Петра и Иоанна, лица, продолжавшие работу над летописью, воздержались от того, чтобы помещать в ней известие о воцарении обоих братьев, тем более что окончательный исход борьбы был неизвестен. Однако отсутствие этого известия в летописи бросалось бы в глаза, так как в ней содержались соответствующие данные о всех прежних царях. Чтобы устранить это неудобство, были опущены и известия о предшествующих царях за последнее столетие. Это соображение не только позволяет объяснить указанную особенность краткой редакции, но и подтверждает предположение о том, что эта редакция была составлена в период патриаршества Иоакима.

Подытожим наши наблюдения по датировке обеих редакций НИЛ.

Первоначальный вид пространной редакции составлен не позднее 1679 года, так как этим годом датировано сделанное из него извлечение; повидимому, он составлен и не позднее 1676 года, ибо в нем отсутствовало известие о смерти Алексея Михайловича. Работа по составлению свода была прервана не ранее 1674 года, так как он содержит известия этого года об Иоакиме.

Окончательный вид пространная редакция получила не раньше 1682 года, о чем свидетельствует заметка в тексте известий 1455 года. Этот вид возник, очевидно, и не позднее 1699 года, потому что в нем имеется известие только о первоначальном месте погребения Иоакима Корсунянина, останки которого перенесены в 1699 году. Наконец, анализ маргиналии о разборке церкви Бориса и Глеба говорит о том, что составление окончательного вида пространной редакции можно датировать точно 1682 годом или, в крайнем случае, несколькими ближайшими после него годами.

Полный вид краткой редакции составлен не ранее 1682 года в силу тех же обстоятельств, что и окончательный вид пространной редакции. Наблюдения над оглавлениями сокращенного вида этой редакции показы-

¹ [И. П. Сахаров.] Записки русских людей. СПб., 1841, [Записки Крекшина], стр. 32.

вают, что этот последний, а следовательно, и полный вид появились не позже 1720 года. Датировка Строевского списка указывает на то, что оба вида этой редакции возникли не позднее первого десятилетия XVIII века. Состав известий краткой редакции свидетельствует о том, что полный вид ее возник в период патриаршества Иоакима, т. е. не позднее 1690 года. В этой связи анализ последнего известия сокращенного вида заставляет полагать, что этот вид появился между 1690 и 1695 годами.

Как видим, все данные о времени составления отдельных видов НПЛ полностью согласуются между собой, что само по себе говорит в пользу правильности предлагаемой датировки.

Присоединяясь к высказанному С. К. Шамбинаго предположению о том, что инициатором составления летописи был Иоаким, считаем, что оно подтверждается не только общим характером его деятельности (на что указывал и С. К. Шамбинаго), но также особенностями самой летописи и всеми соображениями о времени ее возникновения.

Сопоставление выведенной только что датировки с общим характером летописи, показывающим, что все этапы ее составления проходили при дворе новгородских митрополитов, заставляет связывать появление сохранившихся ее видов с деятельностью митрополита Корнилия, занимавшего новгородскую кафедру с 1674 по 1695 год. Повидимому, работа над летописью, начатая по инициативе Иоакима, была продолжена под руководством Корнилия. Это подтверждается тем обстоятельством, что Корнилий сам был не чужд литературной деятельности. Его имя приводится Филаретом в «Обзоре русской духовной литературы».¹ О летописной работе в Новгороде при Корнилие свидетельствуют и другие данные. Л. В. Черепнин, исследуя редакции «Нового летописца», установил, что в начале 80-х годов XVII века в Новгороде был составлен летописный свод, среди источников которого была «Роспись или краткий летописец новгородских владык» и «Новый летописец». Одна из глав этого свода, посвященная новгородским иерархам, оканчивается известием о поставлении Корнилия.²

Чтобы закончить рассмотрение условий возникновения известных нам текстов НПЛ, обратимся к тому ее продолжению, которое читается в Строевском и Толстовском списках сокращенного вида краткой редакции. Как уже указывалось, протограф этого вида оканчивался, очевидно, известием о поставлении Корнилия. Строевский список содержит, кроме того, подробные данные о строительной деятельности этого митрополита (реставрация нескольких церквей в Новгороде, в том числе Софийского собора, перестройка Знаменского собора); затем, после сообщений о кратком пребывании на митрополичьей кафедре Евфимия (1695—1697 годы), идут известия о деятельности митрополита Иова, отличающиеся еще большей подробностью. Несомненно, что все добавления сделаны уже при Иове, так как известия о Корнилие (помещенные сплошным текстом под 1674 годом) заканчиваются сообщением о его погребении Иовом в 1698 году. Сам же Строевский список оканчивается известиями 1699 года. Поэтому можно думать, что все дополнения Строевского списка сделаны одновременно, повидимому, в 1699 году или вскоре после этого года. Поскольку все известия этого добавления касаются новгородских митрополитов и их дея-

¹ Кн. I. СПб., 1884, стр. 254.

² Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века (из истории древнерусского летописания). — Исторические записки, т. 14, [М], 1945, стр. 119—127. Авторам выявлены и многие другие источники этого свода (главным образом — заключительной его части).

тельности, следует считать, что пополнение летописи произведено при дворе митрополита Иова.¹

Это полностью согласуется с теми довольно богатыми данными, которые сохранились о деятельности Иова вообще. Он был широко известен своей начитанностью, просветительной и благотворительной деятельностью и пользовался большим расположением Петра I.² В 1706 году им было учреждено в Новгороде греко-латинское училище, где преподавали Лихуды, для чего Иов добился специального распоряжения царя о переводе их в Новгород. Впоследствии им было открыто четырнадцать русских школ в различных местах его митрополии. Он организовал большую работу по переводу с греческого и латинского языков не только церковных, но и светских книг (некоторые из них переводились по заказу самого Петра). Под покровительством Иова прошла преподавательская и литературная деятельность Лихудов и их учеников в Новгороде. О литературных занятиях самого Иова свидетельствуют некоторые его богословские произведения (среди них есть даже стихи), а также многочисленные письма митрополита,³ часть из которых должна быть отнесена не столько к деловой письменности, сколько к церковной публицистике. Иов переписывался не только с духовными лицами, но также и с Петром I, Меньшиковым, Апраксиным, Шереметьевым и другими сподвижниками Петра.⁴ В его письмах мы видим многочисленные просьбы о присылке книг, ходатайства о переводе в Новгород типографии, о помощи в устройстве школ и т. п. Таким образом, общая картина деятельности Иова вполне согласуется с предположением о том, что под его руководством продолжалась и летописная работа.⁵

Содержание сделанных при Иове добавлений к летописи свидетельствует о том, что автор их имел в своем распоряжении дополнительные источники. Так, известия 1699 года дают сводку данных по истории Знаменского собора (перестроенного Корнилием и обновленного затем после пожара Иовом), которые почерпнуты не из самой НПЛ, хотя они и начинаются с событий 1354 года.

Последующие дополнения Толстовского списка были сделаны на основании по крайней мере двух летописей — годы проставлены в разных известиях по разным системам: от сотворения мира и от рождения христового (7210, 1706, 1709, 7218 и т. д.). В этих добавлениях широко отражена деятельность Иова, но есть и известия светского содержания (в том числе о событиях Северной войны с подробным описанием Полтавской битвы). Дополнения были сделаны, вероятно, самим автором Толстовского списка, так как между известиями оставлены пустые места (по-

¹ В пользу этого говорит то обстоятельство, что основной почерк Строевского списка совершенно сходен с одним из почерков, которыми написаны письма Иова. Совпадает не только общий характер почерка, но и способы начертания всех без исключения букв алфавита (см. третий том писем Иова: ГПБ, Соф. 1427, лл. 16, 24, 60, 94, 116, 126, 140, 146, 149, 150, 158, 160, 173, 200, 201, 205, 254, 267).

² В частности, Иову было поручено освящение первой в Петербурге церкви Петра и Павла в Петропавловской крепости.

³ ГПБ, Соф. 1425—1427. Часть из них издана (см.: И. Чистович. Новгородский митрополит Иов и его переписка с разными лицами. — Странник, 1861, т. I, отд. I, стр. 75—145).

⁴ Письма к Иову см. в публикации архим. Макария: Письма русских государей, великих князей и других особ к новгородским архиереям, хранящиеся в новгородском Софийском соборе. — Чтения ОИДР, 1860, кн. III, Смесь, стр. 123—148.

⁵ Правда, произведенный нами сплошной просмотр писем Иова по рукописям не позволил обнаружить прямых на это указаний, хотя в этих письмах (составляющих в общей сложности около тысячи листов в 1^о) его деятельность отражена довольно полно. Повидимому, это объясняется тем, что при Иове летопись только дополнялась, что не требовало большой работы по сбору материала и, поэтому, вряд ли должно было непременно отразиться в его переписке.

видимому, для заполнения их из третьего источника). Летопись была дополнена в Толстовском списке уже после смерти Иова — список оканчивается известием о его погребении (в 1716 году), а содержащиеся после летописного текста, но написанные тем же почерком выписки о событиях, связанных с Варлаамом Хутынским, содержат известие, датированное 1722 годом.

Учитывая, что в Новгороде с 1706 по 1716 год преподавательскую и литературную деятельность при Иове возглавляли Лихуды, можно думать, что дополнительная часть Толстовского списка принадлежит одному из их учеников (поскольку эти дополнения, как и в Строевском списке, сделаны, очевидно, при архиерейском дворе). Если допустить, что дополнения Строевского списка были внесены после 1706 года (палеографическая датировка рукописи это допускает), то их также можно связать с деятельностью Лихудов.

* * *

В связи с высказанными соображениями можно сказать, что вплоть до конца XVII века Новгород оставался крупным центром русского летописания. На протяжении двух десятилетий — с 1674 по 1695 год — здесь было составлено несколько летописных сводов (среди которых главное место принадлежит ННПЛ¹). Повидимому, это объяснялось, с одной стороны, ведущим положением новгородской митрополии (в XVII веке патриархи поставлялись, как правило, из новгородских митрополитов), с другой — большой живучестью традиций новгородского летописания эпохи его наивысшего расцвета в XIV—XV веках.

¹ Во время издания настоящего тома А. Н. Насонов и А. А. Зимин любезно указали мне еще четыре списка краткой редакции (ЦГАДА, ф. 181, № 1161 и ф. 196, № 595; БЛ, М. 1418 и М. 1841), а также рукопись, оказавшуюся новым списком иностранной редакции (БЛ, ОИДР, 127). Мною были обнаружены за это время тексты ННПЛ в ряде других рукописей (ГИМ, Цук. 710, Заб. 261, Увар. 1399, Заб. 270, Барс. 1791 и Барс. 1793; ЦГАДА, ф. 181, № 9; БЛ, Унд. 1141, ОИДР, 129, М. 2628 и М. 733; ГПБ, F.IV.857 и F.IV.888; БАН, 17.8.25 и 21.6.13, и др.). Некоторые из указанных рукописей являются списками самой ННПЛ, остальные тесно с нею связаны. Вновь найденные списки подтвердили выводы настоящей статьи. Подробный обзор перечисленных рукописей будет подготовлен в ближайшее время.

С. А. ЩЕГЛОВА

Разночинно-демократический театр начала XVIII века и его репертуар

Последнее время в научной литературе наблюдается оживление интереса к разночинно-демократическому театру первой половины XVIII века. Так, в изданном Академией Наук СССР сборнике материалов «Ф. Г. Волков и русский театр его времени»¹ мы читаем, что «в 40-х годах XVIII века все чаще и чаще появлялись частные общедоступные театры. Эти театры знали в основном два жанра: сатирические комедии и инсценировки рыцарских романов, пришедших на смену житийным повестям. Инсценировки получили особенно широкое распространение во второй четверти XVIII века. Они приспособляли романы к современной российской действительности, отличались героическим романическим характером, развитым сюжетом и исключительной театральностью. В них сочетались народные театральные традиции с традициями литературной, церковно-школьной и светской драматургии.

«Организаторами городских театров были представители демократических кругов: мелкие чиновники, типографские рабочие, мелкие купцы, бывшие семинаристы и др. Это был театр в самом широком смысле общедоступный».² На традициях этих театров был воспитан и Волков.³

В том же 1953 году вышла книга «Русская народная драма XVII—XX веков» под редакцией П. Н. Беркова, который считает, что название «русская народная драма» объединяет «как произведения, исполнявшиеся преимущественно в деревне, так и более разнообразные по составу пьесы, входящие в репертуар театров демократических слоев города» (стр. 3). О том же большом значении городского демократического театра XVIII века говорит и В. Д. Кузьмина в предисловии к изданию ряда интермедий XVIII столетия: «В русской культуре к середине XVIII века ясно обозначилась классовая дифференциация, она стала отчетливой и в театральном искусстве, где придворному театру с его пышными оперно-балетными спектаклями противостоял городской демократический театр. Именно в нем получили свое выражение те „хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры“ (В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8), которые легли в основу дальнейшего развития русского

¹ Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сборник материалов. Изд. АН СССР, М., 1953.

² Там же, Предисловие В. Н. Всеволодского-Гернгросса, стр. 25.

³ Там же, стр. 43.

театра и которые в первую очередь должны привлекать внимание советских исследователей».¹

Но, несмотря на значимость городских демократических театров и их репертуара в истории развития театрального искусства в России, в научной литературе эти вопросы почти не освещены, а важность их освещения в истории развития театрального искусства в России не подлежит сомнению. Нельзя забывать, что на любительских сценах ставились первые драматические произведения, написанные русскими авторами из разночинной интеллигенции XVIII века, произведения, может быть, и элементарные по форме, с небольшими драматическими достоинствами, а мало развитыми характерами героев, но все же произведения оригинальные, отражающие идеологию разночинных кругов русского общества, связанные с русской действительностью. Эти произведения по сравнению с традиционными, церковно-религиозными в основном, школьными драмами и переводными, далекими от русской жизни пьесами общественного театра были более реалистичны, носили отчасти агитационный характер, прививали зрителям передовые для того времени взгляды, направленные против дворянской верхушки, защищающие человеческое достоинство. Эти пьесы являются родоначальницами русской светской драматической литературы.

Конечно, не все драмы, относящиеся к репертуару любительских театров, носят один и тот же характер: их сближает сходная идеология, отражающая взгляды демократической среды, но они разнообразны и по сюжетам, и по источникам, использованным при их составлении, и поэтому их невозможно объединить в одну группу. Из этих пьес, с моей точки зрения, особый интерес представляют пьесы на светские сюжеты романтического характера. К их числу относятся следующие восемь драм: 1) Драма о царице и львице,² 2) Действо о Петре Златые Ключи,³ 3) Комедия об Индрике и Меленде,⁴ 4) Акт о Калеандре и Неонилде,⁵ 5) Акт о Сарпиде, дуксе ассирийском,⁶ 6) Комедия о Фарсоне,⁷ 7) Действие о Фонилиаде и Фельдегмере,⁸ 8) Комедия о Ливерии.⁹ Две последние сохранились только в отрывках.

Эти драмы можно разделить на две группы: в первую входят те пьесы, которые являются переделкой романа или повести (первые четыре); вторая группа состоит из пьес, которые принадлежат, повидимому, к числу оригинальных русских произведений, написанных по образцу пьес первой группы (5, 6, 8). Что представляла собой драма о Фонилиаде и Фельдегмере, сказать трудно, так как от этой драмы сохранилась только роль Фонилиады. Аналогичной повести неизвестно, но, судя по стилю, манере письма, драма сходна с другими пьесами рассматриваемой группы.

¹ В. Д. Кузьмина. Из истории русского демократического театра XVIII века. Труды ОДРА, X, стр. 408.

² С. А. Щеглова. Неизвестная драма петровской эпохи о царице и львице. Труды Комиссии по древнерусской литературе, изд. АН СССР, 1932, стр. 196—229.

³ Г. Георгиевский. Две драмы петровского времени. Известия ОРЯС, 1905, кн. 1, стр. 215—255.

⁴ П. Морозов. История русского театра. СПб., 1889, Приложения, стр. I—XX.

⁵ В. Н. Перетц. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903, стр. 1—387.

⁶ И. Шляпкин. Старинные действа и комедии конца XVII—начала XVIII в. Сборник ОРЯС, т. 97, № 1, 1907, стр. 1—55.

⁷ Н. Петровский. К истории русской драмы. «Памятники древней письменности», СХХХVIII, СПб., 1900, стр. 15—72.

⁸ Г. Георгиевский, ук. соч., стр. 300—307.

⁹ В. Н. Перетц. К истории польского и русского народного театра. Известия ОРЯС, 1905, кн. 2, стр. 378—394.

1

Романические драмы, как сказано, сходны между собой в отношении проводимых в них взглядов их составителей. Все авторы названных пьес отстаивали культурные начинания Петра I и прежде всего его стремление распространить образование, особенно среди молодежи. Почти каждая драма касается этого вопроса. Молодой герой стремится поехать за границу либо для получения образования, либо для обучения рыцарскому искусству, т. е. военному делу. Фарсон едет «во иностранные государства погуляти и тамо чужестранных извычай познати»; Петр Златые Ключи отправляется «в иные царства», где он сможет «кавалерских дел обучаться» и «народов чужих нравов насмотреться». При этом авторы указывают, что без поездки за границу молодой человек не может занять престола. Отец говорит Индрику: «направи себе в путь в другие государства, а без того не примешь и моего королевства». Интересно, что и родители иногда, попытавшись отговорить сына от его намерения, в конце концов дают согласие на путешествие.

Во взгляде на положение женщины авторы драм стоят тоже на новой точке зрения, признавая нужным и для девушки получать образование; так, Меленду отдают в школу вместе с Индриком: «мою прелюбезную Меленду возьмите и со Индриком в школу отдадите», — говорит отец Индрика; девушки занимаются и рыцарскими делами наравне с мужчинами, как мы это видим в драме о Калеандре и Неонилде. Девушки сознают необходимость поездки любимого человека за границу для обучения и не протестуют против разлуки, а только просят уезжающего сохранить верность: «ко мне возвратися, надо мною, несчастливою, умилися», — говорит Меленда, провожая Индрика.

Авторы драм изображают любовь, основанную на взаимном доверии, причем женщина в драмах играет не только пассивную роль, отвечая любовью на любовь героя, но и активную, выступая инициатором любовной связи. Например, в драме о Фарсоне французская королева влюбляется в приезжего рыцаря, назначает ему свидание и соединяется с ним без брака; в драме о Калеандре и Неонилде сама героиня решает свою судьбу, выбирая себе в мужья Калеандра. Изображение любви и любовного чувства занимает в драмах главное место; в них прославляется верная любовь, любовь до гроба. Авторы поют любви панегирики:

Знаешь, какую я силу амурну имею,
 Кое исполнить сердце любовию умею?
 Распушу горящи пламень при ветре великом,
 Рассыплется оной огонь во свете толиком,
 Против которого никто может встати,
 Разве, отвратив лице, потщится бежати.

(Речь Венеры в драме о Петре Златых
 Ключах, стр. 216).

Выражая сочувствие некоторым нововведениям Петра, авторы романтических пьес, чаще, правда, в иносказательной форме, выступают против знати, осуждая злоупотребления властью, низкий моральный уровень представителей высших классов общества. Эту тенденцию авторы проводят разными способами: в текст пьесы вводятся соответствующие отрицательные персонажи, которых не было в повести-оригинале, либо, наоборот, исключаются положительные типы оригинала; устами кого-либо из героев или самого автора в прологе и эпилоге высказывается отношение — непременно отрицательное — к знати. Так, например, в драме об Индрике и

Меленде выводится новое лицо по сравнению с повестью — коварный сенатор, который дает дурные советы королю, превращенному в драме в слабовольного человека, в противовес повести, где именно король является причиной всех зол. Сам герой, сделавшись правителем, приказывает «сему злему советнику главу отрубить», говорит, что таких советников надо уничтожать, казнить. Остальные сенаторы в драме тоже наделяются исключительно отрицательными чертами, особенно корыстолюбием. Автор устами других действующих лиц называет их «проклятыми», «волками-хищниками», «льстивыми», «злыми». В драме о Петре Златые Ключи мы имеем то же отрицательное отношение к представителям высших классов, но высказанное менее резко и прямо, чем в комедии об Индрике и Меленде. Здесь в эпилоге говорится о том, что Петр, сделавшись правителем, заботился обо всех «честных гражданах», не обращая внимания на то, «богатые» они или «бедные». По словам одного из действующих лиц, Петра хвалят все «от простых народов от мала до велика». Косвенно подтверждает отрицательное отношение автора к высшим классам и то обстоятельство, что в этой драме отсутствуют сенаторы, которые обычно окружают короля и с которыми он советуется. Такое же отношение к представителям высших классов наблюдается в драме о Фарсоне и других пьесах.

Поднимают свой голос авторы драм и за угнетенных, невинно страждущих, заключенных в темницу. Это имеет место и в драме об Индрике и Меленде, и в драме о Петре Златые Ключи, и особенное развитие получило в драме о царице и львице. Так, Индрик обещает после победы «кровь подданных... отомстити»; другие герои пьесы проявляют большую любовь к воинам, приглашая их принять участие в торжестве вместе со всеми гостями; рабы здесь выступают в роли послов, обращение с ними дружественное. В эпилоге драмы о Петре Златые Ключи сообщается, что Петр обещает свою милость всем гражданам, в своей речи он говорит и о «сосланных в ссылку», обещая их вернуть, и о воинах, которые должны пользоваться отдыхом. Если же мы обратимся к драме о царице и львице, то увидим, что мысль о необходимости помогать обиженным, невинно страждущим является основной. Здесь невинно пострадала героиня — царица, оклеветанная перед царем, и эта царица торжествует в конце произведения. Правда, указанные эпизоды имеются и в одноименной повести. Но выбор этой повести для переделки в драму уже указывает на то, что автор хотел показать своим зрителям. В прологе же он прямо выражает свою радость по поводу того, что бог «всех до сих потом яко неповинне страждущих совокупи»; заступаются за царицу и все народные представители, собранные царем на суд, доказывая, что нельзя наказывать невинную.

Отрицательно относятся составители драм и к придворным интригам, явлению, столь характерному для XVIII века. Эти придворные интриги нашли свое отражение во многих из комедий. В драме о Фарсоне героя лишают жизни сенаторы, завидовавшие его возвышению. В драме о Сарпиде, дуксе ассирийском, ряд высокопоставленных лиц, близких к Сарпиду, борются между собой, строят друг другу козни. В сценах, изображающих эту борьбу, мы видим яркую картину жизни придворных. И всюду симпатия авторов на стороне гонимых людей, людей обижаемых, причём часто страдающим является человек менее знатного происхождения, чем гонители, например, хотя бы тот же Фарсон, который возвысился благодаря своему уму.

Получили свое отражение в драмах и взгляды авторов на государственное устройство. Так, Петр Златые Ключи обещает управлять государством согласно воле сената: «Напишите манифест, сенат, утвердите».

В драме о царице и львице для суда над царицей собирается целый народный совет. Царь приказывает:

Почтитес убо вскоре место мне создати
 Великое вне града и тамо создати
 Всех чинов и степеней гражданским людем
 И тамо можем вину сей казни рассудим.

(Стр. 203).

Можно еще отметить в драме о царице и львице признание права на свободную торговлю для иностранных купцов; беседа между царем и приехавшими купцами о торговле кончается следующими словами царя:

... власть Вам дам в царстве моем торговати
 и дань в казну царскую не велю с вас брати.

(Стр. 218).

В драме об Индрике и Меленде уход в монастырь объявляется поступком, достойным осуждения. Индрик, узнав о пострижении своего отца, говорит: «О злая совесть, почто в старости смущаешь, к делу неудобну понуждаешь... непотребно сие дело бывает».¹

Таким образом, в романических драмах отражаются взгляды, характерные не для правящей верхушки, не для привилегированных классов, а для демократической среды, представители которой еще не решались выступать открыто со своими воззрениями, но пытались проводить их в несколько завуалированном виде.

2

Как уже сказано, часть драм составлена на основе материала, почерпнутого из повестей и романов. Этот прием не является новым в области драматургии того времени. Им пользовались и авторы школьных драм XVII—XVIII веков, перелавившие в диалогическую форму тексты, взятые из библии, и авторы «английских» комедий и пьес театра Натальи Алексеевны, составлявшие свои произведения на основе тех же источников, а также и других повествовательных текстов. Составители школьных драм обычно просто перелавли эпический материал источников в диалогическую форму, конечно, сокращая его и делая добавления, требуемые правилами драматургического искусства, как пролог, эпилог, как введение аллегорических фигур. По определенным правилам составлялись и «английские» комедии с их обязательным чередованием трагического и комического элементов. Отношение же авторов интересующей нас группы драм к своим оригиналам совершенно иное: тут мы имеем более сознательную переделку текста повестей. Эти изменения обычно связаны с той целью, какую ставил перед собой автор, составляя драму, интересную, с его точки зрения, для широких масс населения, драму, в которой он хочет провести взгляды, характерные для того класса, интересы которого он сам представляет. При осуществлении поставленной перед собой цели составители драм пользуются определенными, сходными приемами в использовании повествовательного материала.

Как правило, исключаются из повестей все те эпизоды, которые требовали сложных технических приспособлений для постановки на сцене, например, борьба птицы со львицей (драма о царице и львице), построение монастыря (комедия об Индрике и Меленде). Другой причиной

¹ П. Морозов. История русского театра. СПб., 1889, стр. XVIII.

пропуска отдельных мест повествования является стремление авторов дать сравнительно недлинную пьесу, почему ими и оставляются в стороне рассказы из жизни героев за продолжительные промежутки времени; изображение событий этой жизни потребовало бы целого ряда добавочных сцен. Например, пропущен в пьесе о Петре Златые Ключи имеющийся в повести эпизод о том, как герой, преследуя ворона, укравшего узелок с драгоценностями, идет пешком, плывет на лодке, на двух кораблях, живет у турецкого султана; или из повести об Индрике и Меленде — рассказ о продолжительной жизни героя в монастыре. Наконец, оставляются в стороне и такие места повествования, которые не являются необходимыми для развития основной фабулы и относятся к жизни второстепенных действующих лиц, например, места, говорящие о похождениях некоторых героев в драме о Калеандре и Неонилде.

Благодаря указанным пропускам мест, не имеющих прямого отношения к главному действию, а также и других отмеченных выше, драмы отличаются сравнительной логичностью построения, стройностью, связанностью и краткостью, за исключением обширной драмы о Калеандре и Неонилде, которая и в других отношениях стоит несколько особняком, о чем будет сказано ниже.

Наряду с пропуском отдельных мест повестей, мы имеем в драмах и целый ряд дополнений и, главное, видоизменений повествовательного материала. Некоторые из дополнений вызваны правилами построения драматических произведений того и более раннего времени, как внесение прологов и эпилогов (драмы о Петре Златые Ключи, Калеандре и Неонилде, царице и львице), ремарок (все драмы), аллегорических фигур (драмы о Калеандре и Неонилде, Петре Златые Ключи, Индрике и Меленде), совещаний правителей с советниками (почти все драмы). Другие же дополнения в пьесах объясняются идеологическими мотивами, причем эти дополнения связаны обычно и с видоизменениями текстов повестей. Соответственно этим тенденциям изменяются характеры некоторых действующих лиц, особенно тех, в речи которых введены новые авторские мысли. Такая переработка материала, данного повестью-оригиналом, вынуждает автора пьесы то вводить в нее дополнительные персонажи, то исключать те, которые противоречат этой переработке.

Видоизменение отдельных мест повестей идет и по другой линии, а именно по линии развития одних эпизодов и сокращения других. Так, отдельные мысли, кратко выраженные в эпическом рассказе, получают широкое развитие в драме; на основе отдельной фразы создаются целые сцены с введением необходимых персонажей. Например, в повести о Петре Златые Ключи говорится об устройстве при дворе французского короля «банкета и забав немалых», автор же драмы создает ряд речей, которые он вкладывает в уста хозяев и гостей. Краткое сообщение автора об Индрике и Меленде, о нападении врагов на государство отца Меленды и о смерти последнего в драме разрастается в сцену, изображающую эту борьбу и убийство царя. Упоминание в повести о царице и львице о том, что купцы принесли дары царю, дало основание автору драмы создать целую сцену, изображающую этот эпизод.

Часто составители драм заимствуют из повестей значительные по размерам эпизоды, перелагая этот материал в диалогическую форму с некоторыми пропусками, сокращениями, дополнениями и развитием отдельных мест. Так, например, в повести о царице и львице рассказывается о том, как корабельщики, приехавшие в город с дарами, сообщили царю о находке ими юноши со львицей, как затем царь, приказав привести к нему найденных, велел хранить животное, а юношу оставил у себя, разрешив

ему посещать воспитавшую его львицу. В драме передача этого эпизода начинается с изображения совета царя с приближенными о том, что следует взять с купцов — дань или юношу со львицей; далее следует приход купцов, беседа с ними, кончающаяся тем, что юноша со львицей остаются у царя, а купцы получают право беспошлинной торговли.

Отличие драм от повестей идет часто и за счет добавления в пьесы традиционных выражений и формул, характерных для лирических, эпических и драматических произведений петровской эпохи, обычно в тех случаях, когда дело идет о выражении горя или радости. Иногда авторы драмы прибегают и к сокращению заимствованного из повести эпического материала, давая как бы резюме выраженных в повести мыслей, рассуждений. Так, например, вместо подробного описания того, как герой повести об Индрике и Меленде путешествовал за границу и жил там, чему там обучался, автор драмы кратко говорит:

Возвратился он из государств дальних
И принял наук и языков разных.

(Стр. IX).

Иногда для построения диалога автор драмы разбивает отдельное место повести на две, три и больше частей, влагая содержание их в уста разных персонажей. Например, в повести о царице и львице совет приближенных царя помиловать виновную царицу, отдав ее на суд божий, совет, выраженный всего одной речью, разбивается на восемь речей четырех князей и четырех сенаторов, которые высказывают отдельные мысли речи, имеющейся в повести. Часто наблюдается и обратный прием: стремясь по возможности сохранить существенные черты повестей и вместе с тем не особенно растягивать драмы, авторы их собирают воедино нужные им мысли, высказанные в разных местах повести, и соединяют эти мысли в одной речи того или иного действующего лица. Например, в повести об Индрике и Меленде отец Индрика пишет сыну два письма, в одном из которых признается в своей вине перед сыном, в другом сообщает о своем решении уйти в монастырь; в драме же автор объединяет отдельные мысли обоих писем в одно целое.

В повестях часто встречается и диалогическая форма изложения, но авторы драм никогда не берут этих диалогов целиком, обычно видоизменяя их. Чаще всего заимствуются основные мысли, иногда с использованием отдельных выражений и слов повести, иногда же в свободной стилистической передаче. Так, например, в повести о Петре Златые Ключи имеется беседа Петра и мамки Магилены, беседа, которая дается и в драме, но здесь опущены все частности, самое изложение сжато, разные реплики действующих лиц объединены в одну; стилистически обе беседы далеки друг от друга. В других случаях, но не часто, встречаются и стилистически близкие выражения, например, в драме об Индрике и Меленде:

П о в е с т ь

Д р а м а

Буди мне женою и земли саксонской государыню. (Рук. БАН)

Буди ты мне женою и всей Саксонии госпожею.

Наконец, нельзя не отметить и того обстоятельства, что составители драм совершенно свободно меняют места действия, последовательность событий, что объясняется стремлением их как-то сжать довольно обширный материал повестей, избежать лишних сцен, сложных декораций. Так, например, в драме о царице и львице встреча героев происходит не около города, а в пустыне; о сцене, в которой действующим лицом является

львица, отдающая бросаемую ей пищу и одежду юноше, только рассказывается. В драме о Калеандре и Неонилде объединяются две разновременные сцены, происходящие в темнице, благодаря чему нет необходимости лишний раз менять декорации.

Надо отметить, что переделка эпического рассказа в драматическую форму была не всегда удачна, получались и несообразности, когда разновременные события давались в одном явлении. Эти несообразности легко объясняются тем обстоятельством, что русские авторы еще только прокладывали пути в области составления драматического произведения из повести, произведения, в котором одновременно они хотели отразить и свои взгляды. Такое стремление автора при создании пьесы отразить также и свои взгляды особенно ясно видно в драме о Петре Златые Ключи: составитель пьесы, изображая сцену расставания Петра с родителями перед поездкой за границу, не воспользовался распространенной редакцией повести, где этот эпизод изображен очень кратко, а почерпнул материал либо из мало известной русской редакции (из 30 просмотренных мною текстов повести он имеется только в одном, именно Вострякова 914), либо из польского печатного текста. А обе эти черты нужны были автору драмы для иллюстрации того, каким должен быть правитель государства.

Отмеченные приемы переделки эпического текста в драматическую форму указывают, что авторы составляли свои пьесы для постановки на каких-то примитивных сценах..

Что касается второй группы драм на романические сюжеты, как комедия о Фарсоне или акт о Сарпиде, дуксе ассирийском, то эти драмы являются, вероятно, первыми попытками русских авторов составить драматические произведения самостоятельно. Образцом для них послужили пьесы, переделанные из повестей, так как и стиль, и театральные особенности, и целеустремленность обеих групп одни и те же.

3

В научной литературе утвердилось мнение, что рассматриваемые здесь драмы являются школьными,¹ и только некоторые из исследователей указывают, что подобные пьесы представлялись не на сцене школьного театра, а разыгрывались на площадях актерами-любителями из тех же учеников академии или театра доктора Бидлоо и приказными людьми.² С моей точки зрения, правы те исследователи, которые считают, что романические драмы разыгрывались не на сценах школьного театра, а на площадях актерами-любителями. Но нельзя, конечно, отрицать того, что эти драмы имеют много общего со школьными пьесами, в чем нет ничего удивительного: ведь многие из них составлялись, повидимому, учениками школы, которые были хорошо знакомы с подобными произведениями, не только видели их на сцене, но и сами принимали участие в их постановке, изучали правила их составления. Для создания этих пьес у авторов еще не было опыта, не было умения воплотить свой материал в новую форму. Поэтому-то волей-неволей им пришлось обратиться к поэтике школьной

¹ См. работы: В. П. Адрианова-Перетц. Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII вв. Сб. «Старинный театр в России», Л., 1928, стр. 7—69; акад. В. Н. Перетц. Театральные эффекты на школьной сцене в Киеве и Москве XVII и XVIII вв. Там же, стр. 64—99; История русской литературы, т. III. Литература XVIII в., ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 112—116.

² П. Морозов, ук. с.ч., стр. 279—280 — П. Н. Попов. Неизвестная драма петровской эпохи «Юдифь». Труды ОДРА, III, стр. 195—224.

драмы, поэтике, выработанной уже в XVII веке. Однако, очевидно, ни школьные драмы, ни их поэтика вполне не удовлетворяли авторов, и в поисках новой формы они иногда обращали свое внимание на пьесы, разыгрывавшиеся на сцене общественного театра. И действительно, романтические драмы имеют точки соприкосновения с обеими группами пьес.

Сходство романтических пьес со школьными наблюдается прежде всего в их построении, в наличии в тех и других антипролога, пролога и эпилога. Однако все три основные части имеются только в одной пьесе о царице и львице, в других же налицо одна или две из названных частей; так, в драме о Петре Златые Ключи и в драме об Индрике и Меленде дается антипролог и эпилог, в драме о Фарсоне — пролог, в драме о Сарпиде — эпилог. Это указывает уже на постепенный отход пьес от традиций школьной драмы.

Тот же отход замечается и в отношении авторов романтических пьес к употреблению аллегорических фигур, которые составляют необходимую принадлежность каждого школьного действия и которые появляются на сцене не только параллельно с людьми, но часто бывают преобладающими действующими лицами. Таких фигур в романтических драмах очень немного (не более трех), да и то не во всех; так, в драме о царице и львице их три, в драме о Петре Златые Ключи — две, причем они выведены только в антипрологах, и лишь Купидон во второй пьесе появляется еще раз для соединения влюбленных; по одной аллегорической фигуре имеется в драмах об Индрике и Меленде и о Фонилиаде и Фельдегмере, в остальных они отсутствуют. Действие же в романтических драмах развивается вне зависимости от символов и аллегорий.

Некоторые из рассматриваемых произведений напоминают школьные драмы в том отношении, что в них перед явлением даются программы, заключающие в себе краткое содержание действия (драмы о царице и львице и о Петре Златые Ключи, изредка в комедии о Фарсоне).

Силлабический стих, обязательный для школьных драм, встречается во многих романтических пьесах, но пьесы об Индрике и Меленде, о Фарсоне и о Сарпиде написаны рифмованной прозой.

Если в отмеченных пунктах сходства между школьными и романтическими драмами уже наблюдаются одновременно и некоторые отличия, то в других отношениях эти две категории пьес различаются более резко. Прежде всего романтические драмы делятся на явления, а не на действия или акты, как громадное большинство школьных пьес (замечу, что некоторые авторы романтических драм помнили о таком делении школьной драмы, ставя в начале пьесы слово «акт I», который оставался и единственным, например, в драме о Петре Златые Ключи). В романтических драмах не соблюдается единство времени, что требовалось правилами школьной поэтики: действие, изображенное в них, захватывало обычно большое количество лет; например, в драме об Индрике и Меленде говорится о рождении героев, а затем об их браке; то же имеем в акте о Калеандре и Неонилде.

Отличаются романтические драмы от школьных и отсутствием в первых интермедий.

Наконец, отличительной особенностью романтических драм является светское содержание их, в котором на первый план выдвигается изображение верной любви, борьбы героев за достижение поставленной цели и стремление авторов приблизить содержание пьесы к реальной действительности. Правда, близость к современности характеризует и некоторые школьные панегирические пьесы, ставившиеся на сценах театров Московской академии и особенно госпиталя Бидлоо и прославлявшие внешнюю

и внутреннюю политику Петра I; здесь прославление вплеталось в библейский (пьесы Московской академии) или исторический (театр Бидлоо) сюжет.

Отличаются романтические драмы от школьных и присутствием в их текстах шутовского элемента (драмы о Фарсоне и о Сарпиде, дуксе ассирийском), что было недопустимо по правилам школьной пьитики.

Отличаясь перечисленными признаками от школьных драм, романтические пьесы именно этими чертами сближаются с репертуаром общественного театра петровского времени. Это сходство не случайно. Многие из этих переводных пьес общественного театра были взяты со сцены народных театров Запада XVII века, поэтому в этих пьесах мы найдем тот же, что у русских авторов, интерес к частной жизни, к изображению верной любви и занимательных приключений героев, обилие комических эпизодов, трогательные арии, быструю смену действия, простоту построения, живость языка, не отягощенного свойственной школьным драмам метафоричностью и мифологическими украшениями. Таким образом, мы имеем здесь дело с явлениями, характерными и для репертуара русских любительских театров первой половины XVIII века, но не связанными с ними генетически. Лишь в одном случае можно установить знакомство русского автора с переводной пьесой, откуда им заимствован пролог: именно составитель драмы о Фарсоне перенес в нее пролог из драмы «Дафнис».¹

Сама русская действительность вызвала к жизни светскую драматургию, которая в простой, доступной тогдашнему демократическому зрителю форме попыталась отозваться на некоторые общественные вопросы современности.

4

Все романтические драмы связаны между собой общим типом сюжетов, способом развития их, отдельными мотивами и особенностями стиля. Основная причина такого сходства заключается в том, что повествовательные оригиналы этих драм принадлежали к одному и тому же виду любовно-авантюрных романов. Но и переделка их в драматическую форму шла у всех авторов в одном направлении.

Для драматизации брались романы, рассказывающие о происшествиях в семьях западноевропейских королей (французского, португальского, саксонского), в драме о Сарпиде — ассирийского. В основе всех драм (как и их источников) находится любовный сюжет, развивающийся по сходному плану: любящей паре приходится преодолевать разнообразные препятствия, прежде чем удастся соединиться. Так, например, соединению Индрика и Меленды в одноименной драме препятствует отец Индрика по внушению коварного сенатора; Петр и Могилена, надолго разлученные, находят друг друга после тяжелых испытаний, пережитых в то время, когда Петр искал похищенные вороном драгоценности (драма о Петре Златые Ключи). Но иногда разлука между любящими вызывается тем, что герой должен ехать в чужие страны для получения образования, усовершенствования в воинском искусстве. Влюбленные хранят верность, стойко перенося все испытания, но при известии о смерти друга оставшийся в живых удаляется в монастырь, отказываясь от всех радостей жизни (Индрик и Меленда, Могилена в драме о Петре Златые Ключи).

¹ Н. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. II. СПб., 1874, стр. 440—484.

Молодые герои драм — изящные кавалеры, проявляющие рыцарское отношение к женщине, заботливые и внимательные к своим возлюбленным. Индрик, уезжая «в иные государства», просит отца заботиться о его невесте, убеждает ее «в печали своей не сокрушать себя», обещая «всегда тужить» по ней. Фарсон галантно обращается с королевной, поет ей вирши.

Характерным для драм является удаление героев и героинь для выражения горя в пустыню или лес, где они и произносят сетования; там же происходят и случайные встречи, оказывающие влияние на дальнейшее развитие действия. Так, например, в драме о царице и львице царица встречается со «старым мужем», который помогает ей затем в воспитании сына; в драме об Индrike и Меленде героиня встречается со стариком, с которой она меняется платьем (мена платьем имеется и в драме о Петре Златые Ключи и в акте о Калеандре и Неонилде). Молодые герои иногда убегают из дома с любимым человеком (драмы о Петре Златые Ключи, о Калеандре и Неонилде) или одни (пьеса об Индrike и Меленде).

Герои драм часто скрывают свои имена, называют себя людьми менее знатного происхождения, чем это было на деле; так поступают и Фарсон, и Меленда, и другие, и только потом открывается их настоящие звание. В знак верности молодые люди дают перстни своим избранным, как, например, в драме об Индrike и Меленде или акте о Калеандре и Неонилде. Довольно часто в драмы вносятся пение героями арий и кантов, по большей части любовного характера или выражающих горе, печаль; такие арии мы имеем в драме о Фарсоне, Сарпиде, дуксе ассирийском, Калеандре и Неонилде, Фонилиаде и Фельдегмере.

Сходно в романических драмах обрисовывается жизнь не только молодой пары, но и их отцов. Так, когда правители впервые появляются на сцене, они прежде всего произносят речь, в которой восхваляют свое королевство, свою силу и могущество, часто свою армию, артиллерию, кавалерию и инфантерию. Когда они хотят принять какое-либо решение по важному вопросу, то обычно собирают для совета сенаторов, которые делятся на две группы, выражающие противоположные мнения. Такой совет собирается в драме о царице и львице для разрешения сомнений царя, что лучше взять с купцов — дань или юношу со львицей. Иногда мнения сенаторов бывают и однородными, развивающимися одни и те же мысли: в той же драме все сенаторы на вопрос царя — казнить ли царицу или помиловать — высказываются за последнее.

По поводу какого-либо радостного события короли обычно устраивают пиры, принять участие в которых приглашаются все присутствующие. Изображение такого пира по поводу рождения детей дается в драмах об Индrike и Меленде, о Калеандре и Неонилде; по поводу возвращения царицы из изгнания тоже был устроен царем пир (драма о царице и львице).

Общее количество действующих лиц в драмах обычно невелико, кроме акта о Калеандре и Неонилде. Действующие лица делятся на две группы. К первой относятся главные герои (любящая пара), по имени которых часто называется и само произведение: Индрик и Меленда, Калеандр и Неонилда и т. п., а также и другие персонажи, часто безыменные, но принадлежавшие, как и основные герои, к королевскому роду, например, король французский, король неаполитанский и т. д. Эти лица обычно или содействуют соединению любящей пары, или способствуют их разлучению, вообще помогают развитию интриги. Они играют определенную роль на протяжении всей пьесы. Но, кроме них, имеются в драмах и эпизодические личности, появляющиеся на сцене один или два раза, однако необходимые для развития действия. Эти лица без имен называются просто «хозяин», «золотых дел мастер», «рыбак», «шут» и т. п.

Вторую группу действующих лиц составляют те, которые играют второстепенную роль, но которые обязательно выводились на сцену вместе с тем или иным из главных героев, как спутники. Таковы сенаторы при королях, дающие им советы, девушки при героинях, послы, передающие грамоты в другие государства, пажи и камердинеры, исполняющие мелкие поручения, воины, стоящие около королей. Таких второстепенных лиц выводилось обычно немного: один посол, паж, камердинер, два или четыре сенатора, девушки, воины. Сенаторы или девушки произносили по одной, две речи в беседе с королем или королевной; послы и пажи обычно предлагали вопрос, зачем они вызваны, и выражали готовность выполнить поручение. Воины были безмолвны.

Вообще авторы драм старались ограничить количество присутствующих на сцене, так что даже на больших собраниях выводили незначительное число персонажей: четыре гостя на свадьбе — драма о Петре Златые Ключи, три рыцаря на поединке — драма о Фарсоне и т. д. При изображении битвы выходило по два воина с каждой стороны.

Особую группу действующих лиц составляли, как и в драмах XVII века, аллегорические и символические фигуры, которые выступая в прологе или антипрологе, символически разъясняли происходящее действие. Очень редко они вмешивались в самое действие драмы, являясь обычно просто символом, как Купидон в любовных сценах, соединяющий влюбленных (драма о Петре Златые Ключи).

Отмеченные повторяющиеся мотивы и приемы в романических драмах могут быть объяснены прежде всего наличием подобных элементов в повестях, послуживших оригиналами для авторов рассматриваемых пьес. К таковым относятся любовные сюжеты, знатное происхождение героев, преодоление препятствий для соединения любящих пар. Другие пункты сходства объясняются зависимостью одних драм от других и, наконец, просто употреблением определенных, сделавшихся традиционными, приемов для изображения сходных положений. Часть этих приемов встречается не только в романических пьесах, но и в школьных драмах начала XVIII века на исторические и даже библейские сюжеты (например, советы царя с приближенными имеются в драме о Кире и Тамире¹ или в драме о Юдифи²). Однако большинство отмеченных приемов характерны именно для романических пьес, особенно сетования в пустыне, изображение любовных приключений, пение арий и кантов и др.

Сходные мотивы в драмах обычно и развиваются одинаково, одинаково строятся и те сцены, в которых они даются. Особенно трафаретны сцены со слугами. Здесь прежде всего в традиционной форме отдается приказ слуге или слугам вызвать нужное лицо:

Вскоре убо, воины, к боляром идите,
Сенаторов всех ко мне призовите.

(О царице и львице).

Драбанты, вне града пойдите,
Из темницы Фарсона приведите.

(О Фарсоне).

Воины, скоро повсюду идите
И оных противников ко мне приведите.

(О Сарьяде).

¹ П. Морозов, ук. соч., Приложения, стр. XXI—XXIX.

² П. Н. Попов, ук. соч., стр. 224—253.

Далее следует приход призванного и его вопрос:

Отче мой драгый, почто меня призываеть
И что мне творити повелеваеть?

(Об Индрике и Меленде).

Что мя, царю, пред себя повелел призвати
Или что, величество, хочешь показати?

(О царице и львице).

После отданного приказа призванный сходными словами выражает свою готовность исполнить его:

Готов, велики королю, сие сотворити
И грамоту сию тамо объявити.

(Об Индрике и Меленде).

Готов, господине, сие сотворити,
Острый меч и щит пред вами явити.

(О Фарсоне)

Готов, великодержавнейшая, сие сотворити
И о всем графу Фарсону возвестити.

(О Фарсоне).

В приведенных репликах мы имеем совершенно тождественное построение предложений, начинающихся со слова «готов», далее идет обращение и слова «сие сотворити» и, наконец, краткое изложение содержания приказа.

Отмеченные сцены являются наиболее трафаретными, наиболее сходными между собой и по общему построению, и по построению всех реплик.

В других местах драм мы не наблюдаем такой тождественности, но все же близость между ними очень велика. Возьмем, например, сцены, изображающие отъезд героев в другие страны для получения образования или «кавалерских» знаний. Здесь обычно сыновья обращаются к родителям с тем, чтобы они исполнили их просьбу, родители обещают это сделать; но, когда они узнают, в чем заключается просьба сына, они по большей части протестуют, отговаривая сына от его намерения и только после вторичной просьбы следует благоприятный ответ. Такое построение названных сцен имеем в ряде драм, как, например, о Петре Златые Ключи, о Калеандре и Неонилде, о царице и львице.

Сходно строятся в романических драмах и отдельные речи, в которые вносятся одни и те же мысли в одних и тех же выражениях. Речь королей, произносимые при первом появлении на сцене, как сказано выше, представляют собой самовосхваление и восхваление своего государства и воинства. Действительно, прежде всего короли говорят о славе и чести своего имени или своего государства:

Коль славно и честно имя мое всюду.

(О царице и львице).

Славен аз есмь отовсюду, честию блистаю.

(О Калеандре и Неонилде).

О коль преславно мое государство.

(Об Индрике и Меленде).

Далее идет речь о силе армии и страхе врагов перед нею:

Моя арматура крепко процветает,
Артиллерия же крепко всех противных устрашает
(Об Индрике и Меленде)

Всяк к царству моему приступить боится
(О царице и львице)

Все моего царства ужасно трепещут
(О Калсандре и Неониладе)

Везде мя славна и вси страны признавают
(О Сарпиде)

После такого восхваления следует или требование прославления правителя, или изложение его предложения, или просьба к присутствующим. При этом просьба излагается тоже в трафаретной форме:

Того ради прошу вы мне совет дайте.
(О царице и львице)

Даите мне совет истинно полезны
(О Калсандре и Неониладе)

Особенно много общих мыслей и почти тождественных выражений в любовных плачах и сетованиях героев и героинь. Эти плачи, как показано уже акад. В. Н. Перетцем,¹ являются произведениями сентиментального характера, выражающими повышенную чувствительность и слезливость. Они и произносятся, как указано в ремарках, «со слезами», «горестно», «плача». В них мы находим и горе по поводу разлуки, и предпочтение смерти жизни без любимого, и готовность покончить жизнь самоубийством, и жалобу на злую судьбу или «фортуна», и просьбу к земле «поглотить» страдающего или страдающую, и обращение к диким зверям с требованием растерзать тело горюющего, и к лесам и горам — пасть на героев. Все эти сетования наполнены рядом восклицаний и риторических вопросов с употреблением постоянных междометий — о, увы, ах. И эти сетования, эти жалобы приняли трафаретную форму. Авторы драм широко воспользовались трафаретными выражениями, характерными для произведений петровской эпохи, изображающих любовные чувства. Такие выражения были характерны, как показано акад. В. Н. Перетцем, не только для драм, а также и для повестей, особенно же для песен, где они и появились впервые. Несомненно, авторы драм и заимствовали их из этих любовных песен.

Помимо сходства между романическими драмами в употреблении одних и тех же приемов построения сцен и арий и отдельных выражений, можно отметить и более тесную связь между некоторыми пьесами. Возможно, что драма о Петре Златые Ключи оказала некоторое влияние на более поздние драмы об Индрике и Меленде, о Калсандре и Неониладе.

Это предположение основано на том, что в названных драмах много сходных между собой мотивов, которые передаются в сходных же выражениях. Притом сходны не только такие мотивы, которые характерны для многих пьес, но и такие, которые встречаются только в этих произведениях, например, одинаковое изображение поединков, показ портрета ге-

¹ В. Н. Перетц. Очерки по истории поэтического стиля в России. (Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.). СПб., 1905, стр. 29—63.

роини, роли Купидона в соединении влюбленных и др. (о Калеандре и Неонилде) или поездка героини в монастырь и встреча там с возлюбленным, беседы героини с девушкой, прощание с родными и др. (об Индрике и Меленде).

Что же касается стиля романических драм, то он обычно, кроме любовных сцен, отличается большой простотой. Авторы редко прибегают к его украшению — эпитетами, сравнениями, метафорами. Чаще всего из художественных приемов мы встречаемся с анафорой. Например:

Ты помиловал нас в далекой пустыне,
Ты дал нам неизреченную утеху и ныне,
Ты сохранил в пещере сына несъеденна,
Ты учинил даря быть от нас незабвенна,
Ты дал еси и сему отца днесь узрети,
Ты помогал еси лютых врагов одолети,
Ты убо и ныне мя спаси недостойну.

(О царице и львице).

Иный крепость имеет воинска парата,
Иный честно своего дела правит штата,
Иный милость к подданным своим показывает.

(О Петре Златые Ключи).

В первом примере повторяются не только начальные слова каждой строки, но и дальше предложения построены одинаково.

Авторы драм часто употребляют перечисления, выраженные однородными членами предложения.

Прости, дом родительский и верные слуги,
Сродники, приятели и любезные други.

(О Петре Златые Ключи).

Печаль, скорбь, зной и беда пребывают с нами.

(О царице и львице).

Этот прием может быть объяснен тем, что составители пьес стремились к большей конкретности, к подчеркиванию того, на что они хотели обратить внимание своих зрителей; с другой стороны, могло иметь место и желание сохранить размер стиха, соединенное с неумением иначе достигнуть этого.

Характерны для драм и повторения целых выражений в речах действующих лиц, что указывает на бедность речи авторов.

Язык романических пьес — это обычный литературный язык первой четверти XVIII века, язык, в котором имеются еще старославянские формы, отчасти и слова; последние встречаются чаще всего в драме о царице и львице. Определенное, но не во всех драмах одинаковое место занимают иностранные слова, главным образом военные термины, как «арматура», «инфантерия», «фельдмаршал» и др.; наконец, отражены в пьесах и обычные для первой половины XVIII века украинизмы, главным образом в рифмах.

В романических пьесах, как в школьных драмах Симеона Полоцкого и других писателей XVII века, строго соблюдается размер силлабического стиха и рифма, в большинстве глагольная (более 50%). Для соблюдения размера и рифмы составители пьес допускали необычную расстановку слов или добавляли лишние слова. Например, в драме о царице и львице читаем:

Но се вижду, о горе, здес мя разлучила
С чадом львица, его же от рук исхитила.

(Стр. 210)

Кол славно и честно имя мое всюду,
Еще чтится в царех честно обоюду.
(Стр. 198).

Рассмотрение драм со стороны их стиля, языка и стихотворного размера приводит нас к заключению, что составители этих произведений были людьми, мало искушенными в литературном деле, людьми, которые, с одной стороны, не имели еще опыта, с другой — ставили перед собой цель дать произведения, доступные широким массам зрителей, мало привыкшим к литературной речи. Авторы поэтому стремились к простоте, доступности языка своих произведений.

5

Какие данные можно почерпнуть из драм для решения вопроса о театральной сцене, на которой они разыгрывались? Как уже сказано выше, способ переделки повестей в драматическую форму с достаточной ясностью указывает, что сцена для представления была примитивна. Это подтверждается и ремарками, которые имеются в пьесах.

Ремарки делятся на две группы — помещаемые перед началом действия и в середине текста. В первых чаще всего даются указания на то, кто находится на сцене при открытии занавеса и что он делает в это время. Очень редко перед началом действия помещаются программы, дающие краткое содержание его, как это характерно и для школьных драм. Более разнообразны ремарки в середине текста; в них чаще всего даются указания актерам, что они должны делать при произнесении тех или иных слов: «преклонить колена», «упасть ниц», «обнять сына» (драма о царице и львице); «садится», «бьет дубиною», «целует», «читает» (драма о Сарпиде). Значительно реже указывается, как надо произносить речи: «с плачем», «смеясь», «радуясь», «сквозь слезы», «печальным голосом». Почти все указания относятся только к действиям главных героев или «шутовских персон».

Декорации, которые требовались для постановки романтических пьес, были несложны. Обычным местом действия являлись комнаты, чаще всего королей, затем лес или пустыня, изредка монастырь или темница; в этих помещениях стояли столы, стулья, трон, постель, о которых упоминается в ремарках. Некоторые пьесы, повидимому, ставились на сцене, которая состояла из двух частей — передней и задней, разделенных занавесом или «шпалерами» (занавес, раздвигающийся в стороны), на что имеются указания в ремарках: «И поидет. Потом, по закрытии занавеса, приходит» (драма о Петре Златые Ключи); упоминание о занавесе есть и в драмах о Сарпиде и о царице и львице.

Что касается бутафории и реквизита, то они были тоже несложны. В ремарках упоминаются шпаги, щиты, мечи, грамоты, портреты, перстни, бокалы для питья и т. п. Очень мало имеется указаний на костюмы: названы в разных драмах рыцарские доспехи, царские и кавалерские одежды, черное платье, монашеское платье.

Элементарные декорации, бутафория и реквизит подтверждают вы сказанное выше мнение, что романтические пьесы ставились на слабо оборудованных сценах, а не на богатых сценах школьных театров, где, как известно, большое место занимали эффектные моменты, как полеты по воздуху, где аллегорические фигуры выезжали на колесницах, бочках и т. п. Такой элементарной сценой и могла быть сцена какого-либо домашнего театра, скорее всего театра на площади, устраиваемого во время ярмарок любителями-актерами.

Среди романических пьес несколько особняком стоят, как уже сказано, акт о Калеандре и Неонилде и комедия о Фарсоне¹. Акт о Калеандре и Неонилде имеет, конечно, много сходного с романическими драмами. Эта пьеса, как и другие, представляет собой переделку романа; приемы, употребленные автором при переделке, те же, что и в других романических драмах. Действующими лицами в ней являются короли, рыцари и другие именитые люди, сюжет ее любовный, причем любящие пары (их четыре) соединяются после ряда приключений; в ней изображаются также рыцарские подвиги. В драму введены любовные арии, написанные в стиле петровской эпохи; стих пьесы силлабический.

Но при всем сходстве с романическими пьесами акт о Калеандре и Неонилде имеет и ряд существенных отличий от них. Прежде всего он по построению представляет собой строго выдержанную школьную драму, состоящую из трех действий с антипрологами, прологами и эпилогами в каждом из них. Действующими лицами являются наряду с людьми также олицетворенные символические и аллегорические фигуры. Перед каждым явлением дается программа. В драме много сценических ремарок, в которых даны указания и на довольно сложные декорации, и на необходимость применения сценических эффектов, и на бутафорию, реквизит и костюмы. Даются в ремарках и довольно подробные указания актерам, как надо играть. Обилием сценических ремарок, надо заметить, эта пьеса превосходит и все известные школьные драмы.

И в стилистическом отношении акт о Калеандре и Неонилде имеет свои особенности: в драме мы имеем речь, украшенную рядом художественных средств, часто не трафаретных, редко встречающихся в литературе первой трети XVIII века. Так, здесь имеются редкие для того времени эпитеты, как «светлая царица», «ясная голубица», напоминающие нам фольклорные выражения; таковы же и сравнения: героиня сравнивается с «ягодой здесь спелой»; введена поговорка «не по лесу смерть ходит, по людям гуляет»; метафоры в драме встречаются постоянно. Например, герой Калеандр, обращаясь к противнику перед поединком, говорит:

Вот пришел какой, знать ты проголодался,
А уже давно о сем догадался.
Не хочешь ли тако ты эде пообедать,
Подтщуся твоей аз храбрости отведать.
(Стр 290)

Или олицетворения:

Аз хошу им ныне подносить чарки,
Будут оные им в рот летать, как галки
(Стр. 184).

¹ Когда статья была уже сдана в печать, вышла работа проф. П. Н. Беркова «Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков» (Труды ОДРА, XI), где мы читаем, что «Драма о Калеандре и Неонилде», как и некоторые другие, например, «Драма о Езекии, царе Израильском» (1728 г.) или «Действие об Эсфире» (1722—1724 гг.) «либо являются частью репертуара школьного театра, либо восходят к нему и, вероятно, из него взяли и терминологию» (стр. 294). Едва ли П. Н. Берков прав, когда он объединяет в одну группу акт о Калеандре и Неонилде, драму светскую, в основном любовного содержания, с драмами о библейских героях. Разная тематика естественно влечет за собой и несколько иную терминологию в драме о Калеандре и Неонилде, с одной стороны, и драмах на библейские сюжеты — с другой.

Постоянно автор прибегает к перечислениям, анафоре, восклицаниям, риторическим вопросам. Интересно отметить, что в драме встречается и ирония. Так, Плутон приглашает в ад одного из героев, говоря:

Пожалуй к нам в гости, у нас всего много;
Дадим тебе пива и вина премного,
Апортаменты будут весьма благие,
Кушанья, конфеты зело предрагия;
У нас там веселія премногия будут,
Вот и гости твои вскоре к нам придут.

(Стр. 379).

Наконец, идейная направленность драмы иная по сравнению с другими романическими пьесами. Автор, признавая необходимость новых взаимоотношений между мужчиной и женщиной, необходимость культуры, образования, вместе с тем нигде не отразил взглядов, характерных для демократической среды. Он был человеком хорошо образованным, начитанным, знакомым и с романическими драмами, и со школьными, и с переводными; он понимал, что школьная драма далека от жизни, мало интересна для зрителей, и решил приблизить ее к действительности, вложить в старую форму новое, более занимательное содержание. Предназначалась эта пьеса для постановки, конечно, на какой-либо из хорошо организованных сцен, может быть, и на школьной.

Если акт о Калеандре и Неонилде представляет собой попытку оживить школьную драму, приблизить ее к жизни, сделать более интересной для зрителей, то в отношении других рассмотренных драм характерен иной процесс — все больший и больший отход от трафаретных приемов школьной драмы в сторону более свободного изображения действительности. Это можно установить по дошедшим до нас текстам пьес. Чем старше они, тем больше связаны с традицией школьной драмы; позднее форма делается более свободной, более самостоятельной; в них заметнее видно стремление автора отразить русскую действительность. Наиболее близко к школьной традиции стоят комедии о Петре Златые Ключи (1708 г.) и о царице и львице (1711—1712 гг.); значительно дальше от нее отходят драма об Индрике и Меленде (1720-е годы) и особенно пьеса о Фарсоне (1730-е годы). Последняя вместе с тем имеет больше, чем все другие, сходства с переводными драмами.

Дошедшие до нас тексты пьес слишком малочисленны, чтобы можно было нарисовать яркую картину развития романической драмы, но все же можно показать некоторые изменения ее формы и содержания. Это видно с достаточной ясностью при анализе драмы о Фарсоне.

Эта драма во многих отношениях отличается от более ранних пьес. Здесь автор уже не связан готовым повествовательным текстом, и он делает попытку, используя опыт своих предшественников, создать самостоятельное произведение, изображающие русскую придворную жизнь, полную интриг. Для этой жизни в послепетровскую эпоху было характерно быстрое возвышение незнатных людей и быстрое же их падение по проискам окружающих. Нередким было и возвышение незнатных молодых людей, фаворитов русских цариц или царей. Подобный факт и находит отражение в драме о Фарсоне, в которой показано, как этот герой, благодаря любви к нему португальской королевны, достиг высоких чинов, и как его погубили из зависти сенаторы. Можно высказать предположение, что в драме о Фарсоне отразился один из любовных эпизодов биографии Елизаветы Петровны, еще царевны, — ее история с прапор-

щиком Алексеем Яковлевичем Шубиным.¹ В этой пьесе мы имеем гораздо более яркое отражение русской действительности, чем в других: здесь идет речь о придворных развлечениях, театральных представлениях, на которых присутствующие сидят по чинам (королева и сенаторы в одном месте, «купецкие люди» — «подалее»), о маскарадах, банкетах, пирах, танцах; говорится далее, что все государственные дела обсуждаются в сенате, упоминается казенная палата, запирающиеся на ночь ворота, деньги считаются рублями, перед обедом герой обычно выпивает «чарку водки»; сам он — один из галантных кавалеров, которые появились в петровскую эпоху.

Близость текста драмы к русской действительности сказывается и на использовании автором довольно большого количества русских произведений; старинные русские поучения отразились в наставлении, данном отцом отъезжающему за границу сыну: «больше всего бояться бога», «на прекрасных жен не прельщайся», строго выполнять приказ отца. Сборники изречений с их характерными сопоставлениями верного и лютото друга, жены доброй и злой использованы авторами в речах королевы, старые вирши — в молитве Фарсона перед смертью и в других местах. Пользуется автор и пословицами, например, «яко в мутной воде рыбу ловити».

Если автор драмы хорошо был знаком с древнерусскими произведениями вообще, то еще лучше он знал драмы, повести и лирику петровской эпохи. Он влагал в уста героев заимствованные из этих произведений отдельные выражения; взял и готовую любовную песнь из какого-то сборника и вложил ее в уста Фарсона, выбрав эту песнь очень удачно, так как ее содержание соответствует переживаниям и чувствам героя; надо заметить, что составитель драмы делает в песне некоторые пропуски и добавления, благодаря которым она органически сливается с предшествующим и последующим содержанием произведения. В места, заимствованные из разных повестей и драм, автор очень умело вставляет сочиненный им самим текст или комбинирует заимствованное из разных источников в одно целое. Приведу хотя бы один пример:

Комедия о Фарсоне

А я более не могу на свете жити
И чем себя веселити.
А кем веселилась,
И того лишилась.
Ныне сим мечем пробую утробу
И пойду к своему гробу.
Ныне более на свете не желаю быти.
(О Петре Златые Ключи).

Кем бедная всегда веселилась.
А днесь внезапно лишилась.
(Роман об Александре).

Раздери сердце, сердце и утробу,
С туги великой предаюся гробу.
(Стихотворение Столетова).

Обилие источников и своеобразное использование их представляют собой нечто новое по сравнению со способом составления других

¹ С. Щеглова. К истории драмы XVIII в. о графе Фарсоне. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 130—134.

романических драм. Что же касается стилистических приемов романтических драм, то автор комедии о Фарсоне суммирует эти приемы и доводит их до штампа. Такой штамп имеем в обращениях к тому или иному персонажу. Так, речи к Фарсону обычно начинаются словами: «кавалер пречестнейший, Фарсон граф славнейший» или «господин мой пречестнейший, Фарсон граф славнейший».

И в композиции драмы наблюдается шаг вперед по сравнению с другими аналогичными пьесами: действие развивается стройно, логично, не осложняясь попутными добавочными эпизодами. Каждое действующее лицо вводится в драму с определенной целью: оно выполняет определенное задание. Особенно ярко это видно при изображении второстепенных персонажей, как сенаторы, послы, камергеры, пажы. В других драмах сенаторы произносят речи, похожие одна на другую; в драме о Фарсоне выделяются слова первого сенатора, к мнению которого другие прислушиваются. Роли послов, камергеров, пажей не смешиваются, как мы это имеем в других пьесах. Речь же главных действующих лиц индивидуализируется, хотя еще и очень неумело, так как эта индивидуализация заключается главным образом в том, что тот или другой герой в своих речах часто повторяет одни и те же выражения, которые в речах других персонажей не встречаются. Например, королева в двух явлениях (13 и 21) повторяет одни и те же слова — она требует от героя, чтобы он не делал попытки видеть ее, говоря:

Не желай видети лица моего красоту
И зрака моего доброту,

а в другом явлении укоряет его за то, что он не выполнил ее приказа:

Желал ты видети лица моего красоту
И зрака моего доброту.

Два раза дает один и тот же ответ Фарсон на дважды предложенный ему вопрос королевы и капитана, как он осмелился самовольно войти в дом. Ответ такой:

Я пришел сюды не самовольно,
Зван добровольно.
А звала меня, Фарсона,
Дамская персона.

(Явл. 13).

Таким образом, драма о Фарсоне показывает, что романтические драмы, которые в начале их возникновения были очень близки, с одной стороны, к школьным пьесам, с другой — к переводным, постепенно отталкивались от старой традиции и к 30-м годам почти совершенно отошли от нее, сохранив лишь небольшие следы. Отходит автор рассматриваемой драмы и от романтических пьес, отказываясь от переделки готового романтического сюжета, а составляя свой, хотя и упрощенный, используя для его выражения разнообразные источники, изменяя форму стиха, приближая язык к разговорному, пытаясь индивидуализировать речи главных персонажей, вырабатывая определенную схему для изображения тех или иных театральных ситуаций, ярче отражая современную действительность. И такая пьеса, очевидно, пользовалась успехом, так как она дошла до нас в трех списках, что необычно для драм начала XVIII века, сохранившихся чаще всего в одном списке, иногда даже только в отрывках.

Драма о Фарсоне была, вероятно, не единственной пьесой с отмеченными особенностями, но пока другие нам не известны. Популярность этой

драмы и ее значимость доказывается еще тем обстоятельством, что она близка к народной драме о царе Максимилиане, главным образом в композиционном отношении.¹ П. Н. Берков считает, что без «российских комедий», к которым относится и комедия о Фарсоне, «совершенно непонятно возникновение такого популярного произведения русской народной драматургии, как драма о царе Максимилиане.² Это положение больше всего относится к комедии о Фарсоне, с которой драма о царе Максимилиане имеет гораздо больше сходства, чем с другими «российскими комедиями».

¹ Д. Благой. История русской литературы XVIII в. М., 1951, стр. 85—86.

² П. Н. Берков. Русская народная драма XVII—XX вв. М., Изд. «Искусство», 1953, стр. 30.

И. П. ЕРЕМИН

Новейшие исследования художественной формы древнерусских литературных произведений¹

Изучение художественной формы — в настоящее время одна из центральных задач советского литературоведения. Продиктована эта задача прежде всего борьбой за повышение качественного уровня, художественного мастерства современной советской литературы. Писателей призывают учиться мастерству у великих классиков прошлого. Однако учиться мастерству у классиков невозможно без тщательного изучения самой лаборатории их мастерства, без историко-литературного учета их творческого опыта. Облегчить советской литературе усвоение этого опыта — почетная и ответственная задача литературоведения.

Своевременно поставить вопрос: что в этом направлении сделано историками древнерусской литературы? На вопрос этот часто отвечают: сделано мало или почти ничего не сделано. С такой пессимистической оценкой положения вещей согласиться нельзя. Сделано, конечно, немного, если учесть грандиозность задач, лежащих перед нами здесь, но и не так уж мало, чтобы выдавать себе свидетельство о бедности. В нашей науке есть ряд работ, специально посвященных вопросам художественной формы как отдельных произведений, так и целого круга произведений. Установлено немало интересных фактов, сделано немало ценных наблюдений. Исследователи обнаружили и подлинный научный интерес к вопросу, и тонкое подчас понимание художественного текста.

Присматриваясь к тому, что сделано, нетрудно, однако, заметить, что подавляющее большинство работ, посвященных художественной форме древнерусских литературных произведений, как дореволюционного времени, так и советской эпохи, вращается преимущественно в пределах стилистики — анализа стилистического строя произведений.

Начало разысканиям в этой области положила известная работа А. С. Орлова «Об особенностях формы русских воинских повестей» (М., 1902), где на примере большого количества фактов установлено одно из характерных явлений средневековой литературы — наличие поэтических формул художественного изображения, кочующих с некоторыми вариациями из одного произведения в другое. По замыслу во многом напоминает работу А. С. Орлова и книга В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля древней Руси» (М.—Л., 1947), где то же явление отмечено на примере так называемых «плачей» и поэтического иносказания

¹ Доклад, прочитанный на совещании по вопросам изучения древнерусской литературы в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР 25 апреля 1955 года.

в памятниках древнерусской литературы — метафор, метафорических сравнений и эпитетов. Можно указать и еще ряд работ, очень ценных по своим наблюдениям: старую, незаслуженно забытую статью Ф. П. Сушицкого «До питания про літературну школу XII в.» (Записки Українського наукового товариства в Києві, кн. IV, 1909), цикл статей В. Ф. Ржиги, посвященных «Слову о полку Игореве», и, в частности, его статью о гармонии языка «Слова», опубликованную в 1926 году в журнале «Україна». Отдельные стилистические наблюдения найдем и в работах, где вопросы формы рассматриваются попутно, в связи с другими проблемами.

Некоторый опыт, во всяком случае в области анализа стилистического строя древнерусских литературных произведений, у нас, как видим, уже накоплен.

Оценивая этот опыт, нельзя, однако, не указать и на те недочеты методического порядка, которые имеются в исследованиях по стилистике, даже в лучших из них, наиболее богатых выводами и фактами.

Описательно-иллюстративный характер — основной их недостаток. Сказывается он прежде всего в том, что исследователи, изучая стилистический строй того или иного произведения, рассматривают отдельные приемы на одной плоскости, не всегда различая приемы, организующие стилистический строй данного произведения, от приемов, которые для данного произведения являются «нейтральными» и этого организующего значения не имеют. Всякий прием в живой ткани художественного произведения имеет свое место, определяемое художественным замыслом произведения в целом. Приемы отнюдь не равнозначны по той роли, какую они играют и предназначены играть в стилистическом строе литературного произведения.

Позволю себе на одном примере наглядно проиллюстрировать это положение, а именно на примере метафоры. Метафора в той или иной степени известна всем без исключения памятникам литературы, что и естественно: как один из основных способов образного отражения действительности, она свойственна и самому языку, образность которого перестает ощущаться только потому, что в речевой практике она постепенно стирается, закрепляясь за тем или иным понятием. Однако далеко не во всех произведениях метафора становится одним из принципов, определяющих собою стилистический строй художественного произведения. В «Слове о полку Игореве», например в стилистическом его оформлении, метафора приобрела решающее значение. «Слово о полку Игореве» — ярчайший образец произведения, насквозь пронизанного образными сближениями одного ряда явлений с другими. Но есть произведения, где поэтическое иносказание, метафора в частности, такого значения не имеет. Былевой эпос, например. «Метафора в эпосе — редкое явление», — пишет новейший исследователь эпоса В. Я. Пропп в статье «Язык былины как средство художественной изобразительности» (Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, вып. 2, 1954, стр. 379—380). «Отсутствие в эпосе метафор — не недостаток, а показатель иной системы, — утверждает тот же автор. — И метафоры и сравнения в эпосе есть, но они встречаются весьма редко и не составляют основного художественного принципа» (там же).

Из приведенного примера следует, что основная задача исследователя, берущегося за стилистический анализ произведения, заключается, очевидно, прежде всего в том, чтобы установить, какие приемы в данном произведении имеют решающее, конструктивное значение, какие не имеют его, являются «нейтральными», присутствующими в той мере, в какой они присутствуют в любом художественном произведении в отличие от

нехудожественного. Забвение этого правила на практике ведет к тому, что исследователь лишает сам себя возможности определить стилистический строй художественного произведения — даже в том случае, если подсчитает все приемы, проанализирует все случаи их конкретного применения. На мой взгляд, приемы «нейтральные» вообще могли бы выпасть из поля зрения исследователя, так как они ничего не прибавляют и не могут прибавить к характеристике стилистического своеобразия данного автора или произведения.

Элементы эмпирической описательности сказываются в исследованиях по стилистике и в том, что мы, подчас увлеченные «сбором материала», забываем, что тот или иной стилистический прием — не голая форма, лишенная содержания, что играть ту или иную роль в стилистическом оформлении произведения прием может только благодаря своей идейно-художественной целенаправленности. К сожалению, как раз этой стороне дела в исследованиях по стилистике уделяется мало внимания. О художественном назначении приема или вообще не упоминают или подменяют вопрос о нем другим вопросом — о происхождении приема («книжном», литературном или устнопоэтическом). Последний вопрос, сам по себе интересный, однако к стилистическому анализу никакого прямого отношения не имеет и уводит исследователя, часто независимо от его субъективных намерений, далеко в сторону от поставленной задачи.

Приемов не так уж много (теория литературы уже давно их подсчитала и расклассифицировала). Бесконечное разнообразие стилистических систем порождают в литературе не приемы сами по себе и даже не их комбинации, а многоликие оттенки их идейно-художественного применения. Без установления конкретного «содержания» того или иного приема определить своеобразие стилистического строя данного произведения невозможно.

В произведении приемы существуют не изолированно друг от друга, но в определенной системе, которую они и составляют. Отсюда следует, что свое художественное назначение имеет не только каждый прием, взятый в отдельности, но и вся стилистическая система в целом. Есть системы, задача которых состоит в том, чтобы обнаружить «автора», его симпатии и антипатии, его отношение к изображаемой действительности, его личную заинтересованность в том, что он изображает; бывают системы, назначение которых чисто орнаментальное: разные стилистические приемы привлекаются только для того, чтобы создать атмосферу пышности, великолепия, помпезности, официальной парадности (см. панегирическую поэзию Симеона Полоцкого); есть системы, основная задача которых — охарактеризовать «героя», придать произведению ту или иную эмоциональную окраску и т. п. Установить, что именно преследует та или иная стилистическая система, и есть задача исследования в области стилистики. Именно здесь лежит путь к пониманию стилистического своеобразия того или иного автора или произведения.

В последнее время появилось немало исследований — это преимущественно кандидатские диссертации, — посвященных «языку писателей». Такие исследования появились и в области древнерусской литературы: есть разыскания о языке «Задонщины», исторических повестей начала XVII века, летописи и пр. Самый термин «язык писателя» получил в особенности широкое распространение среди лингвистов и, надо полагать, имеет свой смысл с точки зрения лингвистической. С точки зрения литературоведа этот термин лишен смысла, так как проблема языка для него не является какой-то особой проблемой, отличной от стилистики. Для литературоведа проблема языка писателя есть прежде всего проблема сти-

листическая и, следовательно, не может быть выделена в особую область анализа. Даже если имеется в виду лексика, отбор тех или иных языковых средств, ориентация автора на ту или иную языковую практику, то и эти явления имеют прямое отношение к стилистике и от нее не отделимы. К сожалению, все или почти все эти работы, посвященные «языку писателя» на материале древнерусской литературы, вопросам стилистики не уделяют сколько-нибудь внимания и преследуют чисто лингвистические задачи. Единственное известное мне исключение — статья В. В. Виноградова «Наблюдения над стилем „Жития протопopa Аввакума“», напечатанная еще в 1923 году в сборнике «Русская речь». Здесь «Житие» Аввакума рассматривается с позиций лингвиста, но лингвиста, учитывающего, что язык писателя — факт искусства, что его нельзя разять только по категориям грамматики (фонетика, морфология, синтаксис) и этим ограничиться, что всякая такая попытка по отношению к поэтическому языку — схоластика. К сожалению, работа В. В. Виноградова не нашла продолжателей в области древнерусской литературы.

Стилистика — очень важный элемент художественной структуры литературного произведения, но не единственный. За пределами собственно стилистического анализа остаются композиция, те или иные способы повествования, построения сюжета, принципы типизации. За пределами стилистического анализа лежат и то, что объединяет все эти элементы, стилистику в том числе, — творческий метод писателя.

Творческий метод писателя или писателей, если они объединяются одной и той же эстетической платформой, выражает отношение художника к действительности и определяет собою всю структуру произведения в целом, весь его художественный строй. За методом стоит определенная система философских и эстетических воззрений, миропонимание в целом. Определить творческий метод писателя значит определить тот угол зрения, под которым он рассматривает действительность, судит о ней, установить тот художественный аспект, в котором он познает действительность.

Для изучения творческого метода, помимо самих произведений — основного источника, — могут и должны быть привлечены суждения писателя о собственном творчестве, его эстетические взгляды. В этом последнем отношении историки новой русской литературы находятся в более выгодном положении: они подчас располагают в высшей степени богатым материалом (письма, дневники и пр.). У историков древнерусской литературы такого материала очень мало, но он все же есть, и учесть его необходимо (см. программные заявления галицкого летописца, суждения некоторых агнографов XV—XVI веков о собственном мастерстве, высказывания протопopa Аввакума о языке и «правде» изображения и пр.). Нам предстоит еще собрать этот материал и тщательно его проанализировать.

Изучение творческого метода — задача нелегкая. Но есть путь, идя по которому легче всего проникнуть в тайну творческого метода писателя. Путь этот — человек в его изображении. Человек в изображении писателя — это тот центр, к которому стягиваются все нити, управляющие художественным механизмом произведения, тот фокус, в котором получает свое наиболее яркое воплощение «стиль» писателя. Человек всегда был и будет основным объектом художественного познания, и именно в принципах его изображения — ключ к пониманию творческого метода художника.

Что сделано историками древнерусской литературы в этом направлении? Сделано еще очень мало. Но важно отметить, что работа в этом направлении уже началась. У нас уже есть отдельные исследования,

посвященные изображению человека в древнерусской литературе, в летописании в частности. Из числа этих исследований назову последние по времени: статью Д. С. Лихачева «Проблема характера в исторических произведениях начала XVII века» (Труды ОДРА, VIII) и его же статью «Изображение людей в летописи XII—XIII веков» (Труды ОДРА, X). Появление такого типа работ можно только приветствовать, даже в том случае, если они и не во всех своих утверждениях бесспорны. Они — верный залог того, что мы когда-нибудь напишем историю древнерусской литературы, как историю словесного искусства.

Проблема творческого метода, рассматриваемая в широком историко-литературном аспекте, перерастает в проблему литературных направлений. Каждое новое литературное направление, возникая, сметает предшествующее, заявляет о своем существовании новыми эстетическими декларациями и манифестами, по мере своего развития охватывает постепенно все виды художественного творчества, производит новое перераспределение жанров, оттесняя одни и выдвигая другие, накладывает свою печать на литературный язык, на самый облик писателя. Каждое новое направление в литературе — это целый переворот в литературном развитии, катаклизм, потрясающий до основ все здание существующей литературной культуры. История литературы, рассматриваемая с точки зрения своей художественной формы, есть история литературных направлений, их становления, расцвета и упадка под напором новых тенденций исторического развития.

В истории ряда западноевропейских средневековых литератур, а также некоторых славянских (чешской, польской, сербо-хорватской) такой переворот имел место в XIV—XVI веках, где раньше, где несколько позже, когда на смену пережившему себя средневековью, с развитием городов и зарождением буржуазных общественных отношений, наступила эпоха Возрождения. Эпоха эта в ряде литератур была отмечена ярким оживлением литературной жизни, породила ряд выдающихся произведений мирового значения, вызвала новое философское осмысление мира, оказала влияние на быт, на жизнь в целом.

Возникает вопрос: переживала ли древнерусская литература переворот такого масштаба, аналогичный тому, какой имел место в западной Европе и в ряде славянских стран? У нас нет данных, которые давали бы нам право ответить на этот вопрос утвердительно. Отголоски Возрождения, правда, долетали до нас (возможно, они звучат в некоторых «еретических» концепциях XV—XVI веков, ими отмечены некоторые переводы XVI века), но отголоски и отзвуки еще не составляют литературного направления. Величественное и уже давно построенное здание древнерусской литературы не дрогнуло да и не могло дрогнуть под воздействием этих «западных» веяний: они были слишком незначительными и еще не находили должной опоры в самой жизни. И уж, конечно, не Федору Ивановичу Карпову, как-то наизусть процитировавшему «Метаморфозы» Овидия, суждено было расшатать это здание. До второй половины XVII века древнерусская литература в основном развивалась на базе старой литературной традиции — той самой, которая в XII веке породила гениальное «Слово о полку Игореве». Ни в XVI, ни в XVII веке древнерусская литература не выдвинула ни одного писателя — провозвестника идеалов Возрождения, равного по значению, допустим, Яну Кохановскому в Польше или автору «Османа» — Ивану Гундуличу в литературе сербо-хорватской (дубровницкой). В России, как и в ряде других восточнославянских стран, до второй половины XVII века, в течение длительного периода, шести с лишним веков, получил развитие тот тип литературной

культуры, становление и высший расцвет которого относится у нас к XI—XII векам и который мы обычно за неимением иного термина условно называем «средневековьем».

Если это так, то отсюда следует вывод, для нас отнюдь не безразличный: история древнерусской литературы не может, очевидно, рассматриваться как история литературных направлений (до второй половины XVII века во всяком случае). История древнерусской литературы, изучаемая с точки зрения своей художественной формы, есть, очевидно, история жанров в рамках одного и того же, средневекового типа литературной культуры. Историей направлений, относительно быстро сменяющих одно другое, она становится только со второй половины XVII века, когда наряду с формированием демократической литературы в литературе господствующих слоев населения сперва ненадолго утверждается «барокко» (в его украинско-польском варианте), а затем, в XVIII веке, — классицизм. Так называемое «второе югославянское влияние» в древнерусской литературе XIV—XV веков вряд ли может рассматриваться как направление: оно имело довольно ограниченное воздействие на литературу (сказалось преимущественно в агиографии) и никакого коренного перелома в литературе не произвело.

В средневековой литературе отдельные жанры — и в этом одна из характерных особенностей средневековой литературы — еще не успели приобрести чисто «литературного» характера; помимо литературного, они имели еще и практическое, «деловое» назначение (жития были тесно связаны с культом святых; летопись прежде всего служила важным историко-политическим документом, которым пользовались для справок, для решения того или иного спорного политического вопроса текущей современности; красноречие, церковное во всяком случае, также тесно было связано с обиходом церковной жизни). Очень возможно, что эта дополнительная, «деловая» функция жанров средневековой литературы и явилась причиной известной их обособленности. Каждый жанр средневековой литературы был относительно крепко скован определенными правилами, соответствующими «деловой» сфере его применения. Правила эти успели отложиться в некую нормативную систему, неписанному «уставу» которой обычно строго следовал древнерусский писатель. Всякое отступление от этого «устава» рассматривалось как нарушение общепринятого, неоднократно проверенного, прочно усвоенного литературного обряда (именно этим словом хочется охарактеризовать способ письма древнерусского писателя). Обряд развивается медленно и не терпит радикальных изменений. Литературные жанры древней Руси, сколько позволяют судить известные факты, в течение своего многовекового развития пережили довольно сложную историю, но в пределах данного жанра, без бурных потрясений и коренной ломки. Все сказанное дает мне право поставить вопрос об истории жанров как об одной из центральных задач истории древнерусской литературы, изучаемой под углом ее художественной формы.

Что нами сделано в этом направлении? Пока ничего или почти ничего. Ведется подготовительная работа на материале отдельных произведений, собран некоторый материал, требующий, однако, дальнейшего уточнения и проверки. История жанров древнерусской литературы нам известна пока что в самых общих чертах. Подробная их история — задача будущего.

Становление основных жанров древнерусской литературы относится к XI—XII векам. К этой же эпохе относятся и крупнейшие достижения древнерусской литературы. Вот почему такое принципиально важное значение приобретает для нас изучение литературы Киевской Руси. Она всегда была и должна остаться в центре нашего внимания. Историю

древнерусской литературы изучать в отрыве от литературы XI—XII веков невозможно уже по одному тому, что именно она во многом предопределила весь дальнейший ход развития литературной культуры нашего средневековья.

В последнее время историки древнерусской литературы и в общих обзорах, и в специальных исследованиях в особенности охотно подчеркивают элементы реалистического изображения в тех или иных памятниках. И не без оснований. Элементы реалистического изображения повседневной жизни действительно налицо уже в древнейших памятниках нашей литературы. Они встречаются не только в летописи, но и в агиографии, самом «условном» из всех жанров древнерусской повествовательной прозы. Факт этот не представляет собою чего-либо неожиданного. Искусство любого направления не может отражать ничего, кроме жизни, и она подчас, во всей своей конкретности, стихийно прорывается даже сквозь самое условное свое художественное изображение.

Однако, отмечая эти элементы реалистического изображения, мы иногда совершаем, на мой взгляд, одну существенную ошибку: вольно или невольно, но мы иногда рассматриваем эти элементы в памятниках средневековой литературы как основной и едва ли не единственный критерий их художественной ценности. Что это так, свидетельствует контекст, в каком элементы эти отмечаются. Правильно ли это? Боюсь, что ошибка заключается в том, что путаются два понятия: отражение реальной действительности в искусстве и «реализм». Но ведь это не одно и то же. Реализм — один из исторически возникших и поздних по времени методов художественного отражения действительности. Становлению реализма предшествовали иные методы, в рамках которых создавались произведения, по-своему отражавшие действительность, но от этого отнюдь не утратившие для нас своей поэтической ценности. Реализм открыл новые возможности познания мира и человека, которые были недоступны предшественникам реализма. Но реализм не отменяет великих художественных достижений предшествующих эпох, он вбирает их в себя. Точка зрения, по которой реалистичность изображения, большая или меньшая, — основное мерило художественной ценности произведения, на практике может привести к тому, что из доставшегося нам от прошлых веков художественного наследия выпадет все, что не соответствует идеалу реалистического искусства, — в угрожающем положении окажутся даже такие произведения, которые мы до сих пор привыкли считать величайшими завоеваниями человеческого художественного гения: «Божественная комедия», трагедии Шиллера, поэмы Байрона и еще многое другое.

Что касается средневековой литературы, древнерусской в частности, то эта тенденция объявить «реалистичность» изображения едва ли не высшим достижением древнерусских писателей, помимо всего прочего, мне кажется и антиисторической. Ведь та «правдивость деталей», говоря словами Энгельса, которая действительно встречается в памятниках средневековой литературы и порою так поражает нас своей почти осязаемой конкретностью в летописи, в некоторых «житиях», — в средневековой литературе, однако, никогда не подымалась до уровня эстетической системы, осознанной как некая сумма принципов и задач художественного отражения действительности, познания ее объективных закономерностей. Есть все основания думать, что для древнерусского писателя и читателя эта «правдивость деталей» изображения представляла ценность не эстетическую, а познавательную, рассматривалась ими как нарушение, как отступление от усвоенного литературного обряда, как нечто такое, что

само по себе очень интересно и важно с «деловой» точки зрения, но что лежит за пределами «литературы», вне ее. В повести о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского есть интересное место: «...преставился князь Михайло Васильевич. Тогда убо стекаются ко двору его множество войска, дружины и подручия его хоробраго и множества народа, по писанному: юноша с девы и старцы со юнотами и матери со младенцы, и всяк возраст человек со слезами и с великим рыданием» (Русская историческая библиотека, XIII, стр. 1336). Здесь автор повести сознательно предпочел «правдивости деталей» рассказ «по писанному», как более художественно убедительную форму изложения. Так дело обстояло еще в первой половине XVII века, так несомненно было и раньше: эстетическую ценность тот или иной рассказ приобретал только в том случае, когда велся «по писанному», т. е. не отступал от принятого в том или ином жанре литературного обряда. Доказательством того, что в древнерусской литературе «правдивость деталей» еще не осознавалась как эстетический принцип, может служить и тот факт, что эта реалистическая «правдивость деталей» могла мирно сосуществовать и уживаться рядом с «условностью» даже в рамках одного и того же повествовательного ряда, на одной и той же плоскости, временами нарушая эту «условность», но никогда не отрицая ее.

«Правдивость деталей», по моим наблюдениям, впервые начинает у нас приобретать, помимо познавательной, еще и ценность эстетическую не ранее второй половины XVII века — в демократической литературе, в сатире и наиболее ярко в писаниях протопопа Аввакума. С этого времени, а не раньше, и можно, на мой взгляд, говорить о предпосылках реализма, о его предвестниках в литературе древнерусской. Древнерусская литература до этого периода — литература дореалистическая, что, однако, ни в какой степени не снижает и не может снизить ни ее исторического значения, ни художественного.

Могут задать вопрос: разве нельзя судить об искусстве прошлого с точки зрения представлений о прекрасном сегодняшнего дня, отмечать в произведениях прошлого то, что, с точки зрения этих представлений, кажется нам наиболее ценным в них и значительным? Конечно, можно. Это наше право — право людей XX столетия, для которых художественное наследие прошлого живо и по сегодня. Но я не уверен, что историк искусства может злоупотреблять этим правом, что он может не считаться с эстетическими нормами той эпохи, которую изучает, не учитывать художественной специфики произведений далекого прошлого, в силу своей художественной специфики для нашего современного эстетического сознания подчас «странных» и несколько «загадочных». На практике злоупотребление этим правом может привести историка к отрицанию движения в развитии искусства, к отрицанию прогресса в художественном познании действительности.

— — —

М. В. АЛПАТОВ

Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси

Историки приложили немало усилий к тому, чтобы доискаться того реального зерна, которое лежит в основе средневековых легенд о Георгии и его изображений в средневековом искусстве.¹ Высказывалось предположение, что под именем святого Георгия был прославлен некий центурион, живший в начале нашей эры в Каппадокии и жестоко пострадавший за свою приверженность к новой вере. Между тем, если даже такой центурион Георгий действительно существовал, то память о нем обросла таким изобилием вымыслов и небылиц, что реальностью, больше всего отразившейся в легенде, была не биография каппадокийца, а та историческая жизнь народов, которая поэтически претворена была ими в легендах о Георгии и в его изображениях.

Историки литературы кропотливо собрали и проанализировали различные редакции и варианты жития Георгия, разночтения переводов для того, чтобы восстановить по ним предполагаемый первоначальный извод.² Между тем, эти разночтения никак нельзя приравнять к искажениям искомого оригинала: они заслуживают особого внимания, потому что в них нашло себе выражение творчество множества поколений, которые перекраивали древнее предание по своему вкусу и щедро украшали его цветами художественного вымысла.³

Вокруг имени Георгия очень рано стали группироваться различные, порой трудно согласуемые друг с другом предания. В них причудливо перемешаны заимствованные из жизни мотивы с пережитками старинных воззрений и с вымыслами самого фантастического характера. В них проглядывает борьба мировоззрений различных слоев феодального общества, за которой стояла борьба их жизненных интересов. Было бы неверно каждую легенду о Георгии, каждый тип его изображения рассматривать как продукт идеологии того или другого слоя феодального общества: императорского двора, воинского сословия или крестьянства. В жизни эти слои находились в постоянном общении, в непрестанной борьбе, и соответственно этому и в творчестве разные напластования нередко ложились друг на друга. И поскольку до нас дошли преимущественно поздние,

¹ Krumbacher. Der heilige Georg in der griechischen Überlieferung. Abhandlungen der kön. Bayerischen Akademie der Wiss., Phil.-hist. Klasse, XXV, 1911, стр. 289.

² А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов. Приложение к XXXVII т. «Записок имп. Академии Наук», 1881, № 3, стр. 104.

³ Критические замечания по поводу подмены литературного анализа разбором редакций см.: Х. Лопарев. Новая литература о Георгии Победоносце. «Византийский вестник», 1913, XX, стр. 41.

«уплотненные» редакции легенд о Георгии. историк лишен возможности четко разграничить их составные части.

Впрочем, некоторые общие социальные тенденции в понимании Георгия можно все же заметить. В древнейших житиях Георгия он характеризуется как проповедник христианства, стойко отстаивавший свою веру в столкновении с «неверным царем» Дадианом, впоследствии перекрещенным в Диоклетиана. Естественно предположить, что подобное представление о святом культивировалось духовенством, особенно в те годы, когда на окраинах Византии еще не затухла борьба с остатками язычества (впрочем, почитание Георгия не всегда поддерживалось духовенством: так, известно, что папа Геласий противился ему под тем предлогом, что считал акты об его мученичестве подложными). Представление о Георгии как о поборнике новой веры сохранилось и позднее; оно вошло в сказание о змеборчестве Георгия, которое, видимо, распространилось в IX—X веках и в свою очередь возникло на основе древних мифов о героях, победителях чудовищ.¹ В древнейших сказаниях Георгий одерживает победу над змием бескровно, при помощи заклинания-молитвы, после уничтожения змия он читает народу проповедь и призывает его принять крещение.² Сквозь воинские доспехи героя здесь проглядывает мученический плащ проповедника. Позднее в Византии получает распространение представление о Георгии как о доблестном, бесстрашном воине, спасителе царской дочери. Георгий почитается как покровитель воинства и императора. Впрочем это не значит, что только император и воинское сословие содействовали распространению культа Георгия.

Угнетаемый и притесняемый народ издавна связывал с Георгием представление о своем покровителе и защитнике. Даже в церковном житии Георгия проскальзывают социальные нотки. От злого дракона больше всего страдали простые люди, дочери которых были его жертвами. Недаром же народ, «весь град», как говорится в тексте, потребовал чтобы и царь участвовал в жеребьевке.³ Представление о Георгии как о народном защитнике получило позднее широкое распространение на Кавказе.⁴

Поскольку в легенде о Георгии соединилось множество различных, порой противоречивых черт, постольку в образ этот вкладывали различное содержание, приписывали ему различный смысл. Георгия почитали как одного из святых христианской церкви, вместе с тем он стал наследником языческих богов и героев, вроде Персея или Хорса.⁵ В драконе под ногами его коня видели то побежденное язычество, то темные силы природы.⁶ При этом одно значение не исключает другого. Недаром Щапов отмечал, что, помимо основного значения Георгия, ему присущи были еще смысловые оттенки, так как в него вошли пережитки мифологического прошлого.⁷ Георгий сближался и с другими героями средневековой легенды: и с Михаилом Архангелом на белом коне,⁸ и с Никитой, поражающим дьявола,⁹ и с Ильей пророком, причастным к молнии.¹⁰ На Руси он

¹ А. Кирпичников. Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879, стр. 20.

² Там же, стр. 180. — А. Веселовский, ук. соч., стр. 207. — А. Рыстенко. Легенда о св. Георгии в византийской и славяно-русской литературе. Записки имп. Новороссийского университета, 1909, СХІІ, стр. 74.

³ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 57—58. — А. Рыстенко, ук. соч., стр. 23.

⁴ А. Веселовский, ук. соч., стр. 54.

⁵ Н. Ф. Лавров. Религия и церковь. История культуры древней Руси, II, М.—Л., 1951, стр. 98.

⁶ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 261, со ссылкой на Ф. И. Буслаева.

⁷ А. Щапов, Сочинения, I, СПб., 1906, стр. 69.

⁸ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 148. — А. Рыстенко, ук. соч., стр. 409.

⁹ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 113.

¹⁰ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 39.

сродни киевским богатырям-змееборцам, в Сербии — национальному герою Марку.¹ Все эти сближения придают легендарному образу Георгия многогранность. Он отликает различными смысловыми оттенками. Вместе с тем и византийские и древнерусские мастера подчеркивали в изображениях Георгия различные черты. То это всемогущий заклинатель, который одним своим словом в состоянии покорить свирепое чудовище, то стойкий проповедник, то смелый воин, то бесстрашный искатель приключений, то гордый триумфатор, то заступник и защитник людей. И соответственно этому различный смысл приобретала и его победа и подвиг.

Образ Георгия в искусстве развивался в тесном соприкосновении с легендой.² Нет ничего удивительного в том, что литература и искусство оказывали друг на друга воздействие. Но полного совпадения между ними в понимании Георгия никогда не существовало: художники не ограничивались ролью иллюстраторов текстов, сказители не были комментаторами икон.³ В отступлениях мастеров от церковной легенды нередко находили себе выражение веками слагавшиеся в народе представления. Вот почему внимание исследователей должно привлекать не только случаи совпадения изображений с текстами, но и их расхождения.

Происхождение образа Георгия в изобразительном искусстве все еще является предметом разногласий историков. Не исключена возможность, что изображение Георгия в качестве всадника сложилось под воздействием изображений других народных героев-всадников.⁴ В византийском искусстве Георгий наделяется определенными внешними признаками. По курчавым волосам его можно отличить от Дмитрия Солунского.⁵ В остальном образ Георгия постоянно сближается, порой сливается с образами других «святых воинов». В русском духовном стихе его отцом признается

¹ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 409.

² Иконография Георгия-воина основательно изучена как в русской, так и в зарубежной византистике. В работе Я. Смирнова «Устюжское изваяние св. Георгия Московского Большого Успенского собора» (Древности. Труды имп. Московского археологического общества, 1916, XXV, стр. 145) иконографии Георгия посвящен экскурс, в задачи которого входит определить историческое место рельефа Успенского собора. В работе И. Мысливца «Св. Георгий в восточно-христианском искусстве» (Byzantinoslavica, 1933—1935, V, стр. 304—375) обширный иконографический материал разбит на типы изображений Георгия: репрезентативный, житийный и так называемый активный (Георгий на коне). В характере самого Георгия автор различает тип Георгия-воина от типа Георгия-патриция. Эти типы, по выводам автора, развиваются в византийской живописи параллельно. В своей работе «Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси» (Византийский временник, 1953, VI, стр. 186 и сл.) В. Н. Лазарев придерживается принципа типологической классификации. Приводимые им обширные списки памятников различных типов должны служить доказательством того, что эти типы имели в тот или другой период большее или меньшее распространение. Не вдаваясь в характеристику содержания отдельных образов, В. Н. Лазарев выдвигает на первое место количественный, т. е. статистический, момент. Ценный момент в работе В. Н. Лазарева — привлечение к объяснению иконографии Георгия исторических данных. Но поскольку анализ художественных образов подменяется классификацией иконографических типов, исторические экскурсы объясняют не художественное творчество различных эпох, а всего лишь иконографические типы и этим самым служат средством подкрепления современными аргументами иконографического метода.

³ На основании анализа житийных циклов в изобразительном искусстве Византии И. Мысливец (ук. соч., стр. 373) приходит к выводу, что «ни один из существующих циклов не может считаться иллюстрацией определенной легенды».

⁴ J. Strogowski. Der koptische Reiterheilige und der hlg. Georg. Zeitschrift für ägyptische Sprache, 1903, XL, стр. 49.

⁵ И. Мысливец (ук. соч.) не совсем прав, утверждая, что отличить Георгия от Дмитрия можно лишь по пояснительной надписи. См. резную шиферную иконку в Эрмитаже (Эрмитажный сборник, II, Пгр., 1923, стр. 31, табл. II), византийскую икону XV века (Русская икона, I. СПб., 1914, стр. 13) и др.

Федор Смоленский,¹ в болгарской легенде Георгий и Дмитрий — это юнаки, в одной немецкой средневековой поэме — братья.² Это обязывает исследователя иконографии Георгия не забывать о том, как развивались образы других «святых воинов», и дает ему право пользоваться ими в качестве вспомогательного источника.³

В нашем распоряжении нет всех тех звеньев, которые позволяли бы шаг за шагом проследить сложение типа воина-всадника в средневековом искусстве. Но памятники изобразительного искусства позволяют составить себе представление о том, как на смену античному образу воина складывается новый образ. Этот перелом ясно выступает, если сравнить известную гробницу Дексилея V века до н. э. с рельефами так называемых фракийских всадников, широко распространенными на Балканах и отчасти на юге России в начале нашей эры.⁴ Само собой разумеется, что между шедевром аттической скульптуры и этими полуремесленными изделиями имеется огромное различие в самом исполнении. Но речь должна идти не об уровне мастерства, а о понимании героического, которое сказалось в обоих случаях.

В памятнике античного искусства, хотя победитель и торжествует над поверженным врагом, героическое раскрывается через его соревнование («агон») с более или менее равносильным противником. Недаром скульптор одинаково любовно передал и тело всадника, сидящего на вздыбленном коне, и фигуру побежденного. Пластический стиль античного рельефа помог сделать наглядным и телесное и духовное напряжение противников. Наоборот, во фракийских рельефах фигуры лишены значительной доли своей осязательности, зато в стремительно скачущих конях, в развевающихся за воинами плащах сильнее выступает порыв, одухотворенность, почти одержимость героя. Конь обычно несется, едва касаясь земли, всадник целиком отдается скачке; не он управляет конем, — скорее конь увлекает его. За счет пренебрежения телесным здесь исключительно полно выражена духовная сила героя. Как и во всем позднеантичном искусстве, в фракийских рельефах поставлены задачи, которые были решены лишь в последующие века. Вряд ли случайно, что позднейшие обитатели этого края понимали эти рельефы и почитали их в качестве изображений «святых воинов».⁵

Еще Веселовский указывал на то, что основой почитания «святых воинов» в Византии была нескончаемая война с сарацинами, которую государство вело на протяжении многих веков своего существования.⁶ Н. П. Кондаков и вслед за ним В. Н. Лазарев справедливо ставят развитие иконографии Георгия в связь с тем, что оборона границ империи приобрела в X веке особенно напряженный характер.⁷ Византийская литература этого времени горячо пропагандирует идею борьбы за родину.⁸ Патриотизм был

¹ А Рыстенко ук соч, стр 280

² А Веселовский, ук соч, стр 5, 8.

³ И Мысливец (ук соч., стр 371) стоит за привлечение к изучению иконографии Георгия изображений других «святых воинов» лишь для периода до X века, когда самое разграничение изображений Георгия от изображений других святых невозможно. Между тем, и в позднейшее время иконография Георгия почти неотделима от иконографии других воинов. См об этом Р. Слемен Die romanische Monumentalmalerei in den Rheinlanden Dusseldorf, 1916, стр. 419 и сл.

⁴ О Таубе Die Darstellung des hl. Georg in der italienischen Kunst Munchener Jahrbuch der bildenden Kunst, 1911, табл. I, рис. 3, 4. — G. Kazarov Die Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien, Budapest, 1938

⁵ А. Dumout Mélanges d'archéologie Paris, 1892, стр. 218

⁶ А Веселовский, ук соч, стр 19

⁷ В. Н. Лазарев Образ Георгия-воина, стр. 199

⁸ Ш Диль Основные проблемы византийской истории М., 1947, стр 83

окрашен в то время в религиозные тона. Недаром император Никифор Фока требовал от патриарха, чтобы церковь почитала павших на поле боя воинов наравне с мучениками, причтенными к лику святых.¹ В это время образ Георгия занял почетное место в византийской иконографии.

Несомненно, что в укреплении культа «святых воинов» большую роль сыграла столица, где пребывал императорский двор. Но у нас нет оснований приписывать Константинополю решающее значение и считать, что Георгий почитался в качестве защитника и патрона лишь одного императора и его двора. Недаром на створке триптиха слоновой кости того времени имеется надпись, гласящая что он вместе с другими «святыми воинами» победоносно «изгоняет врагов».² Между тем, в таком изгнании врагов за пределы государства был заинтересован не только император и его приближенные, но и весь народ. В силу этих причин Георгий приобрел в Византии широкую популярность не только среди высшей знати и воинства, но и среди широких слоев народа.

В житии императора Константина, написанном Евсевием, сохранились сведения о том, что он приказал увековечить себя в виде всадника, попирающего дракона. На основании этого историки решили, что императоры стремились снискать себе популярность, уподобляя себя легендарным змееборцам.³ Нам не известно, как выглядело это изображение императора-змееборца. На монете Константина⁴ император представлен на торжественно шагающем коне как триумфатор, и потому естественно предполагать, что и Георгию придавали сходные черты.

Сохранились более поздние сведения о том, что изображения Георгия украшали воинские знамена, равно как и стены императорского дворца в Константинополе.⁵ Трудно решить, изображен ли был в них Георгий на коне или он был пешим. Но некоторые памятники прикладного искусства XI—XII веков позволяют судить о характере столичных изображений «святых воинов» пеших и на конях. К числу первых относится так называемый триптих Гарбавиль в Лувре, к числу вторых — небольшая резная иконка из слоновой кости Георгия во Флоренции⁶; к последней очень близка резная из жировика иконка Дмитрия в Оружейной палате в Москве (рис. 4).⁷ На этих иконках воины восседают на конях как победители-триумфаторы. Под ногами коней нет побежденных ими врагов. Видимо, для столичных вкусов их изображение казалось ненужной подробностью. Кони воинов не скачут, но выступают спокойным, мерным шагом. Воины полны чувства собственного достоинства, как герои, проходящие через триумфальную арку и приветствуемые толпой. Особенно тонко выражено самосознание победителя в образе Дмитрия.

Не исключена возможность, что этот столичный образ «святого воина»-триумфатора имел отношение к распространенному в Византии императорскому культу. На это указывает его сходство с всадником на бамбергской ткани XI века. Император изображен на ней восседающим на

¹ Ш. Диль, ук. соч., стр. 88.

² A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen, II Berlin, 1934, стр. 33, табл. X.

³ А. Кирпичников, ук соч., стр. 90. — И. Мысливец, ук соч., стр. 366

⁴ А. Таубе, ук. соч., табл. II, рис 1.

⁵ Я. И. Смирнов, ук соч., стр. 145 — В. Н. Лазарев Образ Георгия-воина, стр. 198

⁶ M. Alpatoff. Eine byzantinische Reliefikone des hlg. Demetrios in Moskau. Belvedere, 1933, стр. 23 и сл — L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins Paris, 1936, табл. XIII, 4

⁷ M. Alpatoff. Eine byzantinische Reliefikone . . , табл. 29, 2.

таким же торжественно шагающим коне, но к тому же еще окруженным фигурами аллегорий с лабарумами в руках. Высказывалось предположение, что в бамбергской ткани воспроизведена одна из мозаик, когда-то украшавшая стены константинопольского дворца.¹ Если это так, то не исключена вероятность, что и резные иконы Георгия и Дмитрия восходят к монументальной живописи Царьграда.² Во внесении в образ «святого воина» черт придворного этикета нет ничего удивительного, так как в сущности и тип византийского деисуса связан с придворными церемониями.³ Во всяком случае восседающий на спокойно шагающем коне воин типичен для византийского искусства XI—XII веков.⁴

Иной характер носят изображения «святых воинов» на конях, которые получили распространение вдали от столицы, прежде всего в византийской провинции — в Каппадокии,⁵ а позднее и в южной Италии (рис. 1).⁶ В памятниках этого рода более заметно отразились народные представления о «святых воинах». Не исключена возможность, что симметричное расположение двух всадников возникло в Византии под воздействием сасанидских тканей, в которых симметрия оправдана самой техникой тканья.⁷ Но объяснять этот тип изображения только техническими причинами невозможно. В основе этих изображений лежит иное представление о герое, чем в памятниках столичного происхождения. Георгий это не полный гордо самосознания и сдержанного величия триумфатор, а неутомимый боец, попирающий врагов. Не ограничиваясь одним намеком на одержанную победу, создатели этих изображений выставляют напоказ совершенный героический подвиг и поверженного им врага. Вместе с тем в них нет собственно повествования, нет действия — в сущности Георгий не делает усилий, его господство над врагом выглядит как нечто извечное и предопределенное свыше.⁸ Георгий (равно как его «дружка» Дмитрий или Федор) сидят на конях; передние ноги коней высоко вскинуты; плащи воинов развеваются по ветру. Но поскольку оба коня обращены головами друг к другу, в них чувствуется меньше движения, чем в медленно шагающих конях царьградских изображений «святых воинов».⁹ Композиция этих

¹ L. Bréhier, ук. соч., табл. LXXXVIII, 1—2.

² Позднее в русских литых иконах XV—XVI веков ясно заметна их связь с современной иконописью. См., например: Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова, отд. VIII—XI. М., 1908, стр. 81, рис. 63; ср. икону бывш. собрания А. В. Морозова в кн.: А. Грищенко. Русская икона как искусство живописи. М., 1917, стр. 480.

³ Описание торжественного шествия византийского императора см. в кн.: П. В. Безобразов. Очерки византийской культуры. Пгр., 1919, стр. 160.

⁴ Этот архаический тип встречается и позднее в Сванетии. См.: Материалы по археологии Кавказа, X, 1904, табл. XX, а.

⁵ G. de Jerphanion. Les églises rupestres de Cappadoce, Paris, 1925—1942, I, табл. 135, 1; II, табл. 187, 2.

⁶ O. Dalton. Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, стр. 312, рис. 190. Парные изображения см. еще на ящике в Террачина и на дверях в Охриде (Н. П. Кондаков. Македония. СПб., 1909), на шиферных рельефах Михайловского Златоверхнего монастыря, наконец, на печатях (А. А. Куник. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св. Георгия. СПб., 1860, 127). Список примеров см.: В. Н. Лазарев. Образ Георгия-воина..., стр. 211, прим. 3.

⁷ D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen zeit. Berlin, 1932, стр. 31.

⁸ И. Мысливец (ук. соч., стр. 374) называет также изображения Георгия «символическими», противопоставляя их «историческим», в которых изображается то или другое событие, согласно легенде, имевшее место в определенное время. В. Лазарев (ук. соч., стр. 205) восстает против этого существенного разграничения типов изображений, но ничем не аргументирует своего несогласия.

⁹ К этому типу скачущего Георгия близки также изображения в церкви Ипрати в Грузии (Ш. Амирашавили. История грузинского искусства. М., 1950, табл. 68) и на эмали из собрания Боткина (Собрание Боткина. СПб., 1915, табл. без номера). Впрочем, подлинность этой эмали оспаривается.

изображений приближает их к типу геральдического знака, к изображению поклонения древу жизни в искусстве Востока.

Георгий в византийском изобразительном искусстве XI—XII веков заметно отличается от Георгия, каким его характеризуют древнейшие жития. В житии он — молитвенник-заклинатель и проповедник. В изобразительном искусстве он — бесстрашный витязь на коне. «Святые воины» в византийском изобразительном искусстве находят себе более близкую параллель в эпическом образе защитника родины, воспетого в византийской народной поэме под именем Дигениса Акрита.¹

В лице Дигениса были прославлены «полуфеодалные малоазиатские донаты-охранители границ, ведущие от имени императора вечную борьбу с мусульманами и с апелатами разбойниками».² Правда, в поэме о Дигенисе Акрите, известной нам по поздним спискам, подвиг змееборства занимает довольно скромное место,³ но вся поэма дает представление о тех идеалах героизма, которые существовали в народной среде Византии вне рамок ее церковного искусства. Первое, что бросается в глаза в герое византийской поэмы, это то, что он представляет собой богато одаренную, многосторонне развитую личность. Внешний облик его неотразимо обаятелен; манера держаться на играющем под ним конем изысканна⁴. Его наряды и драгоценные украшения вызывают всеобщее восхищение. В судьбе героя далеко не последнюю роль играет страстная любовь к женщине; в сущности она толкает его на свершение подвига.⁵ В поэме лишь вскользь упоминается о помощи божества. Дигенис собственными силами одерживает победу над врагами.

В сцене борьбы с драконом действие происходит в роскошном саду. Земля усеяна цветами, плоды благоухают, по веткам скачут попугаи, по воде скользят белоснежные лебеди, расцветка павлинов соревнуется с пестротой цветов. Возлюбленная Дигениса совершает омовение в ручье, когда на нее нападает соблазнитель. Дигенис видит трехголового хвостатого дракона, земля содрогается от ударов его хвоста. Но у героя словно вырастают крылья. Он бесстрашно бросается на дракона и с размаху отсекает ему головы.⁶

Поэма о Дигенисе Акрите была переведена на русский язык, видимо, еще в XI—XII веках и стала известна у нас под названием «Девгениева деяния».⁷ Надо полагать, что русских читателей византийская поэма привлекала пышной красочностью образов, особенно в характеристике обаятельного богатыря. Впрочем, русский перевод отходит от известных нам византийских текстов. В дошедшем до нас греческом тексте позднейшего времени говорится: «Конь был украшен бубенцами с камнями, бубенцы были многочисленны и издавали громкий, очаровательный звон, восхищавший всех. На коне была попона из зеленого и розового шелка, которая закрывала и предохраняла его от пыли, седло и уздечка были усеяны жемчугами. Конь был храбр и резв, Акритас — умелым ездоком, он гарцевал на коне и держался в седле как пышная роза».⁸ В русском тексте

¹ Н. С. Тихомиров. Девгениево деяние. Сочинения, I, М., 1898, стр. 256.

² М. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 181—182.

³ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 414.

⁴ C. Sathas et G. Legrand. Les exploits de Digenis Akritas. Paris, 1875, стр. LVI.

⁵ Там же, особенно начало песни IV.

⁶ Там же, стих 1880 и сл.

⁷ М. Сперанский (Девгениево деяние. Сборник ОРЯС, т. 199, № 7, 1923, стр. 82) отмечает близость русского текста к предполагаемому греческому архетипу. Грегуар (H. Grégoire. Digenis Akritas. New York, 1942, стр. 62 и сл.) держится того же мнения, хотя ни в тексте, ни в библиографии не ссылается на работы русских авторов об этом памятнике.

⁸ C. Sathas et G. Legrand, ук. соч., стих 1007 и сл.

внешний облик героя обрисован более лаконично: «а как юноша начнет на том коне скакать, а конь под ним играть и от тех звонцов прегудения ум человек исхитица».¹

Поэма о Дигенисе Акрите свидетельствует о том, как стойко держался в народной среде Византии античный идеал доблести и красоты. Хотя отдельные мотивы поэмы чисто византийского происхождения, в судьбе героя и в его моральном облике многое восходит к позднеэллинистическому роману. Благодаря этому поэма оказала влияние и на рыцарскую литературу Запада. Вместе с тем следует отметить, что эллинизм византийской поэмы носит характер литературной реминисценции. Поэтичности описаний немало вредят риторика и черты стилизаторства.

В изобразительном искусстве Византии не создано было своего Дигениса Акрита. Но некоторые его черты дают о себе знать в византийских изображениях Георгия, особенно в памятниках XIV века, когда в освобожденной от владычества латинян столице вспыхнуло увлечение эллинизмом и византийцы охотно вспоминали подвиги Фемистокла и Эпаминонда.² В это время в искусстве меняется самый облик воина Георгия.

В живописи XI—XIII веков в Георгии обычно подчеркивалось его могучее телосложение, в его лице выделяются большие, широко раскрытые глаза, полные выражения горячей, почти фанатической веры. К подобным изображениям Георгия (рис. 3) хорошо подходят слова старинного текста — «и взгляд его вселял страх тем, кто на него смотрел».³ Даже в тех случаях, когда святой изображается в качестве воина в полном вооружении, в его печальных глазах сквозит выражение мученика, пострадавшего за веру, проповедника, призывающего паству следовать своему примеру.⁴ Чертами своего морального облика Георгий в живописи XI—XII веков существенно не отличается от Стефана, Лаврентия и других мучеников и проповедников.⁵ И это служит доказательством того, что внешние признаки и атрибуты далеко не определяют смысл отдельных иконографических типов в византийском искусстве.

В живописи XIV века Георгий обычно стройнее, изящнее, в нем больше юношеского обаяния.⁶ У него тонкая шея, покатые плечи, небольшая голова, в лице меньше подчеркиваются глаза. Во всем его облике сквозит энергия, почти рыцарский задор, и в этом он ближе к Дигенису Акрите, чем к Георгию, о котором рассказывается в житиях святых. Это касается и единоличных изображений Георгия, но особенно заметно в изображениях Георгия, поражающего змия.

В превосходной луврской мозаической иконе (рис. 4)⁷ Георгий представлен в разгаре борьбы, в самый напряженный момент единоборства.

¹ М. Сперанский, ук. соч., стр. 159. В «Девгениевом деянии» сказано: «и взяв меч свой и поскочи против него и удари его и отня ему все глава прочь» (там же, стр. 137). Сходная формула и в житии Георгия: «взем меч и усече змия» (А. Рыстенко, ук. соч., стр. 25). Сличение трех вариантов русского перевода см.: В. Д. Кузьмина. Новый список «Девгениева деяния». Труды ОДРЛ, IX, стр. 343 и сл.

² Ш. Диль, ук. соч., стр. 59.

³ J. Aufhäuser. Das Drachenwunder des hl. Geogr. Halle, 1910, стр. 164.

⁴ Это относится и к образу Георгия в Кинцевиси XII века (Ш. Амيرانашвили, ук. соч., табл. 88) и к образу Георгия в русской иконе Ивана Лествичника в Русском музее и др.

⁵ Например, мозаика Михайловского монастыря в Киеве (История русского искусства. I. М., 1953, стр. 209).

⁶ Напр. икона ГИМ см.: O. Wulff und M. Alpatoff. Denkmäler der Ikonmalerei. Dresden, 1925, стр. 126, 273—274, рис. 51 (возможно, с о. Аморгос, см.: И. Мысливец, ук. соч., стр. 322).

⁷ В. Н. Лазарев (История византийский живописи. М., 1947, табл. 304, стр. 221) правильно отмечает сходство с мозаиками Кихрие Джами.

Конь взвился на дыбы, Георгий с усилием всаживает копые в раскрытую пасть дракона, за ним развевается плащ — в облике героя чувствуется предельное напряжение его физических и моральных сил. Видимо, создателя этой мозаики привлекала не столько красота внешнего облика героя, сколько красота той напряженной борьбы, в которой проявляются его душевные силы. Для того чтобы сделать ее еще более захватывающей, выбран момент, когда еще не определилось, кто выйдет из нее победителем.¹ Нужно представить себе благородно-приглушенную красочную гамму византийской мозаики, беспокойный характер контуров и их изломанность, чтобы понять, что сама художественная форма в этой мозаике повышает драматизм сцены.

В другом изображении Георгия, в небольшой резной иконке Берлинского музея (рис. 6), герой увековечен в качестве триумфатора.² Его сопровождают два ангела: один указывает на дракона, другой увенчивает его короной. Но, хотя Георгий уже торжествует победу, иконка эта решительно непохожа на изображения Георгия-триумфатора в искусстве XI—XII веков. Конь взвился на дыбы, воин вонзает копые в пасть змия — в композиции не меньше движения и взволнованности, чем в луврской мозаике. Фигура коня и Георгия представлены в сложном повороте, которого избегали византийские мастера предшествующих веков. Самый мотив поворота восходит к изображению императора-триумфатора на известной пластинке Барберини в Лувре (рис. 5).³ Воспроизведению этого ранневизантийского мотива в XIV веке не приходится удивляться.⁴ Мастера этого времени, в частности мозаичисты Кахрие Джамии, стремились возродить эллинистические мотивы ранневизантийского искусства V—VI веков.⁵

Луврская мозаика и берлинская резная иконка позволяет догадываться о том, каковы были изображения Георгия в монументальном искусстве того времени. Если сравнивать их с изображениями Георгия на коне XI—XII веков, как в столичных, так и в провинциальных памятниках, то можно заметить, что в произведениях XIV века больше действия, движения, драматизма и психологической остроты (этими чертами византийские мастера соприкасаются с итальянскими мастерами того времени). Но, добиваясь небывалой ранее живости в изображении единоборства, византийские мастера сузили значение борьбы Георгия, так как сосредоточили все внимание лишь на одном драматическом моменте.

В позднейшем византийском искусстве образ змееборца Георгия не был популярен. Судя по афонскому подлиннику, он не входил в состав традиционной храмовой росписи.⁶ Вместе с тем выработанные в Византии в XI—XIV веках типы сыграли большую историческую роль, как на Руси, так и в других странах. Древнерусские мастера создавали свои шедевры не в отрыве от лучших достижений византийского искусства, но они пошли значительно вперед.

¹ Сходный момент передан и в надгробном рельефе в Брешии 1308 года (О. Таубе, ук. соч., рис. 9).

² О. Wulff. *Altchristliche, mittelalterliche und italienische Bildwerke*, II. Berlin, 1911, стр. 63, № 1855. Автор датирует его XII—XIII веками; более вероятно — XIII—XIV века.

³ Н. Вгёһег, ук. соч., табл. XXIV.

⁴ Этот тип изображений всадника встречается и на позднеермских саркофагах (А. Таубе, ук. соч., стр. 188 и сл.).

⁵ Об этом подробнее см.: М. Alpatoff. *Forschungen auf dem Gebiet der byzantinischen Plastik und Malerei. Repertorium für Kunstwissenschaft*, 1926, XLIX, стр. 69 и сл.

⁶ К. Künstle. *Iconographie der Heiligen*, Freiburg i/Br., 1926.

Возможно, что в развитии культа Георгия в Киевской Руси свою роль сыграло то, что Ярослав при крещении принял его имя и рассматривал его в качестве своего покровителя. В распространении почитания Георгия киевские князья видели одно из средств утверждения своего авторитета. Возможно, что еще при Ярославе было переведено на русский язык житие Георгия.¹ Сцены из жития Георгия-мученика украшают стены одного из пределов киевской Софии.² Изображение воина Георгия украшает печати Ярослава.³

Судя по древнейшей редакции русского жития Георгия, совершенный им подвиг понимался в ней так же, как и в Византии. Георгий одерживает победу с помощью молитвы-заклинания, а не с помощью своей воинской доблести.⁴ В сущности дело обходится без открытого столкновения между святым и драконом. Бескровно победив врага, Георгий обращается к освобожденным им людям с поучением. Соответственно этому в древнейших русских изображениях Георгия-воина преобладают черты проповедника христианства, мученика; он держится торжественно; его огромные глаза горят пламенной верой. Возможно, что этим подчеркивалось в Георгии его покровительство князьям, как насадителям на Руси нового вероучения.

Однако было бы неверно считать, что почитание Георгия на Руси объясняется лишь тем, что он считался покровителем князей и оплотом церкви. На Руси еще в большой степени, чем в Византии, на Георгия стали переносить выработанные в народе представления о доблестном воине, славном витязе, бесстрашном борце за правду. Благодаря этому Георгий-воин стал излюбленным героем народного творчества.

В Византии между письменностью и словесностью устной, народной, существовал глубокий разрыв; народный эпос был слабо развит и мало оплодотворял литературу письменную.⁵

Это вытекало из всего общественного строя Византийской империи и ограничивало художественное творчество. Наоборот, в древней Руси народное эпическое творчество играло огромную роль; народная словесность плодотворно воздействовала на письменность и на искусство. Это воздействие можно заметить и в развитии образа Георгия, хотя не все звенья этого развития могут быть ясно прослежены.

В древней Руси образ Георгия как заклинателя и проповедника, все более вытесняется образом Георгия-витязя, героя, победителя. В народной поэзии его именуют «светло-храбрым». В житийное «чудо о змии» проникают мотивы былинного характера.⁶ Отсюда происходят давно замеченные историками черты сходства Георгия с Добрыней Никитичем, который «потоптал змеенышев»,⁷ с Михаилом Потыком, который спасается от змия,⁸ и, наконец, с Ильей Муромцем, конь которого, как у Георгия, выпадает из тучи.⁹ Если еще в древнейших житиях Георгия он выступает в качестве защитника народа от свирепого змия, то в русских духовных стихах Георгию приписывается роль устроителя земли Русской, покровителя земледелия и скотоводства.

¹ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 219 и сл.

² Д. Айналов и Е. Редия. Криво-Софийский собор. Записки Русского Археологического общества, нов. сер., IV, 1890, стр. 231 и сл.

³ Н. П. Лихачев. Материалы по истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1928, стр. 155.

⁴ А. Веселовский, ук. соч., стр. 207.

⁵ А. Кумбасчер. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, стр. 10. — Ш. Диль, ук. соч., стр. 155.

⁶ А. Веселовский, ук. соч., стр. 149.

⁷ В. Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 39.

⁸ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 368.

⁹ Там же, стр. 288.

Исследователи, которые каждое новшество в искусстве возводили к идущим извне влияниям, объясняли появление новых черт в русских легендах о Георгии воздействием на письменность иконописи.¹ Между тем, достоверных доказательств в пользу этого положения не приводилось, да и вряд ли их можно найти. Конечно, взаимодействие между литературой и искусством всегда существовало. Но главной движущей силой художественного творчества было то, что в каждой из этих областей происходил живой процесс исканий и борьбы направлений. Именно это делает иконографию Георгия ценнейшим историческим источником: по ней можно судить о том, чем жил, что чувствовал, что думал о жизни народ в древней Руси. Но для того чтобы прочесть эти представления в памятниках искусства, недостаточно простой их классификации по внешним признакам. Необходимо подвергнуть внимательному рассмотрению их идейный смысл и художественные особенности.

Нет ничего удивительного в том, что черты нового проявились в русских памятниках не сразу. Представленный в качестве защитника с мужественным лицом, с выставленным напоказ в левой руке мечом, Георгий в превосходной иконе XII века из Успенского собора находил себе довольно близкие аналогии в византийской живописи XI—XII веков.² Более самобытным произведением является знаменитая фреска Старой Ладogi (рис. 2).³ В. Н. Лазарев находит представленную сцену «мирной» и называет Георгия закликателем. Между тем, сравнивая его с современными византийскими изображениями, следует признать его скорее триумфатором.⁴ После одержанной над змием победы он торжественно выступает на своем боевом коне; конь высоко вскидывает ноги; уши его подняты; плащ воина развевается, как боевое знамя. Своей гордой осанкой ладожский Георгий отдаленно напоминает византийские образы того времени (ср. рис. 5), хотя в нем меньше сдержанности и больше порыва. Но самое существенное это то, что образ Георгия как победителя и как защитника составляет в ладожской фреске часть драматической сцены. Апофеоз героя мыслится как завершение происшедшего события. Это решительно отличает его от типа парных изображений «святых воинов», пребывающих как бы вне времени и пространства (ср. рис. 4). Вместе с тем в ладожскую фреску включен бытовой мотив, который находит себе аналогию и в русских духовных стихах: царица Елизавета ведет поверженного змия на привязи, как скотину. Ладожская фреска говорит о том, что новгородский мастер уже в XII веке стоял перед задачей показать, что герой заслуживает прославления не за свою сверхъестественную силу и святость, а в награду за совершенный подвиг.

Икона Георгия с житием из собрания М. П. Погодина начала XIV века (рис. 9) давно известна, но до сих пор еще не подвергнута была подробному рассмотрению.⁵ Ее близость к ладожской фреске сказывается лишь в присутствии образа царицы Елизаветы, ведущей на при-

¹ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 148.

² Н. Гордеев. О памятнике древнерусского искусства. «Искусство», 1947, январь—февраль, стр. 73. — В. Н. Лазарев. Образ Георгия-воина..., стр. 186, рис. 1.

³ Н. Брандербург. Старая Ладога СПб., 1896, табл. LXXXII — Н. Репников. О фресках церкви св. Георгия в Старой Ладoge. Известия Комитета изучения древнерусской живописи, 1921, 1, стр. 1—4.

⁴ А. Веселовский (ук. соч., стр. 207) приводит текст жития о победе Георгия без борьбы: «Святой Георгий, победив навстречу дракону, сотворил знамение честного креста и сказал: „Господи боже мой! Измени сего зверя да покорится вере сей неверный народ“. И когда он это сказал, при содействии божим пал дракон к его ногам». Этот текст не имеет ничего общего с характеристикой Георгия в ладожской фреске.

⁵ Н. Сычев. Дрeвлехранилище памятников русской иконописи и церковной старины. «Старые годы», 1916, январь—февраль, стр. 12.

визи змия. В остальном вся икона с ее житийными клеймами имеет совсем иной смысл. Конь Георгия не шагает, он без движения как бы повис в воздухе, это делает его более похожим на типы парных изображений (ср. рис. 1).¹ Но в житийных клеймах этой иконы с редкой обстоятельностью рассказаны все жизненные перипетии Георгия — проповедника и мученика. Вместе с этим введением житийных мотивов представление о Георгии как бы раздваивается: с одной стороны, это наделенный сверхъестественной силой воин (маленькая фигурка Елизаветы со змием служит всего лишь его атрибутом), с другой стороны, он является жертвой жестокости врагов, подвергающих его множеству безжалостных пыток.

В духовных стихах о Егории историки давно уже пытались найти отражение исторической жизни древней Руси.² Быть может, в погодинской иконе жесточайшие мучения и пытки Георгия выставлены напоказ, так как они напоминали современникам о тех испытаниях, которым в годы татарского ига русские люди, в частности князья, нередко подвергались в Золотой Орде.³ Впрочем, мученичество понимается в погодинском житии очень примитивно; это не нравственный подвиг идущего на самопожертвование человека, а всего лишь безразличие к физическим мукам, которым его подвергают воины, четвертуя, избивая розгами, сдирая с него кожу и распиливая пилой (о чем говорит и надпись «Георгия пилою труть»)⁴. Соединяя в иконе два предания о Георгии, как о герое-избавителе людей и как о страстотерпце, новгородский мастер не сумел дать о нем вполне цельного представления.

Наиболее поэтические образы Георгия-змеборца возникли в XV веке в новгородской живописи. Во многом они восходят к типу Георгия-змеборца ладожской фрески. Вместе с тем новгородских мастеров привлекали мотивы византийской живописи XIV века, в частности, патетический образ скачущего воина, как на берлинской резной иконке (рис. 6, ср. рис. 10). В отдельных случаях можно предполагать, что в их руках были прорисы с подобного рода византийских икон.⁵ Впрочем, это не исключает самостоятельности новгородских мастеров: заимствованные мотивы они наполняют новым содержанием.

Вряд ли можно утверждать, что русские изображения Георгия отличаются от византийских тем, что для русских героев в мире не существует никаких препятствий.⁶ Но несомненно, что в новгородских змеборцах больше энергии, больше напора и настойчивости, и это придает им особую привлекательность. Нужно сравнить луврскую мозаическую икону (рис. 7) с новгородской иконой из бывш. собрания В. М. Васнецова (рис. 8),⁷ чтобы убедиться в этом. По своим иконографическим признакам оба изображения почти тождественны. В обоих случаях Георгий сидит

¹ Повторение этого типа Георгия на коне, как бы повисшем над землей, см. в иконе бывш. собрания Морозова (А. Грищенко. Русская икона как искусство живописи. М., 1917, стр. 48; В. Н. Лазарев. Образ Георгия-воина. . ., рис. 19), а также в резной иконе (А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. VIII. М., 1916, стр. 7).

² А. Кирпичников, ук. соч., стр. 11.

³ Во всяком случае в сербских фресках 1318 года в Старо-Нагоричино (И. Мыслнев ец, ук. соч., табл. VII—VIII) и в румынских фресках 1550 года в Воропеце (там же, табл. X) в сценах мучений Георгия не так сильно подчеркивается жестокость его врагов.

⁴ Ср. текст у А. Кирпичникова (ук. соч., стр. 165): «повеле царь претрети и пилою».

⁵ Например, ср. миниатюру XIV века из Кодекса в Мехельне (О. Таубе, ук. соч., рис. 66) с новгородской иконой из бывш. собрания Остроухова (И. Грабарь. История русского искусства, т. VI. М., б. г., илл. к стр. 208—209; А. Грищенко, ук. соч., стр. 154).

⁶ В. Н. Лазарев. Образ Георгия-воина. . ., стр. 218.

⁷ Труды Всероссийского съезда художников, III, Пгр., б. г., табл. XII.

на вздыбленном коне и вонзает копьё в раскрытую пасть змия. Но в византийской иконе хрупкая, нервная фигурка Георгия изображена в состоянии крайнего напряжения, в момент, когда исход единоборства не определился. В новгородской иконе Георгий и его конь полны неотвратимой решимости и стремительного порыва. Здесь не может быть сомнений в том, что змий будет убит и уничтожен. Весь композиционный строй иконы с ее обобщенными тугими дугами усиливает впечатление непреодолимой силы натиска героя.

В русской иконописи XV—XVI веков нередко изображается житие Георгия и других святых. Но по сравнению с погодинским Георгием понятие о подвиге и мученичестве в них решительно иное: в новгородской иконе Георгия с житием на Рогожском кладбище¹ на первый план выдвигается не бесстрастное равнодушие Георгия к претерпеваемым им физическим страданиям, а его нравственное благородство, самообладание, верность долгу, ласковое отношение к людям. Видимо, в задачи создателей этих икон входило слить воедино представление о Георгии как змееборце, которое отвечало этическим народным идеалам, с представлением о нем как о мученике, которое целиком укладывалось в рамки церковной морали. В иконе Георгия на Рогожском кладбище, равно как и в знаменитой новгородской иконе Федора Стратилата, в ряд житийных клейм, посвященных мученичеству, вставлена сцена змееборства.²

Но самое примечательное, что создано было в древнерусской живописи в этой области, это иконы на тему «Чудо Георгия о змии». Следование каноническим иконографическим типам ничуть не исключало живого творчества и изобретательности древнерусских мастеров. Этим объясняется, что среди многочисленных русских икон Георгия почти не встречается точных повторов.³ Каждый мастер вносил новое в разработку традиционного сюжета.

В одной иконе попираемого Георгием змия оседлал маленький чортик — быть может, намек на причастность змия к дьявольской силе, о которой речь идет в житиях святого.⁴ В другой иконе с головы Георгия спадает шлем, быть может, потому, что изображение его трудно было сочетать с круглым нимбом, к тому же после победы голова святого должна быть венцом увенчана.⁵ В ряде икон змий с широко раскрытой пастью поднимает голову к голове коня, заглядывает ему в глаза, словно вступая в прения с ним.⁶ В ряде других икон Георгия встречает толпа; люди выражают свое восхищение победой, — это напоминает духовные стихи, где девицы поют Георгию славу, отдавая «землю светлорусскую» под его «покров».⁷ Этот мотив придает сцене змееборчества характер всенародности. Наконец, в одной небольшой иконке XVI века подвиг Георгия похож на сказочный турнир, которым любитесь царь с царицей со своими боярами и дружиной.⁸

¹ Снимки древних икон и старообрядческих храмов Рогожского кладбища в Москве. М., 1913, табл. 2.

² А. И. Анисимов. Новгородская икона св. Федора Стратилата. Ярославль, 1918, стр. 11, ср. стр. 13 и др.; А. Веселовский (ук. соч., стр. 50) отмечает, что и в житиях Георгия чудо о змии занимает неустойчивое положение.

³ Лишь в одной очень архаичной иконе XVI века «северных писем» можно видеть копию погодинской иконы (M. Alpatov und N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, рис. 280).

⁴ А. Грищенко, ук. соч., стр. 180. Ср. тексты у А. Кирпичникова (ук. соч., стр. 110), А. Рыстенко (ук. соч., стр. 25).

⁵ В. Н. Лазарев. Образ Георгия-воина..., рис. 21.

⁶ Там же, рис. 20, 21. Ср. текст XVI века: А. Рыстенко, ук. соч., стр. 29: «змий... рече яко человек».

⁷ А. Шапов, Сочинения, I, стр. 66.

⁸ И. Грабарь. История русского искусства, VI, стр. 259. Образ иноземцев перед воротами крепости восходит к новгородским житийным иконам XVI века вроде Николы

Как ни много общего между всеми этими иконами и духовными стихами или сказаниями о богатырях, необходимо признать, что новгородские иконописцы создавали свою легенду, свой неповторимо своеобразный изобразительный миф.¹ Если в искусстве можно говорить о художественных задачах и об их решении, то нужно признать, что именно этим безвестным народным мастерам древней Руси удалось в своих произведениях решить задачи, над которыми трудились до них многие их предшественники. Новгородские иконы Георгия как бы завершают историческую цепь развития темы змееборства, как шедевр Рублева завершает историю темы Троицы в средневековой иконографии. Но Троица Рублева — это неповторимо своеобразное, единственное в своем роде произведение гениальнейшего мастера древней Руси. Новгородские иконы Георгия далеко не уникальны. Они лишь в своей совокупности заключают в себе то совершенство, которое содержит создание Рублева.

Один из прекрасных образов Георгия древнерусской живописи — это икона из бывш. собрания И. С. Остроухова, в настоящее время в Третьяковской галерее (рис. 10). Несмотря на повреждения и реставрацию, она производит сильное впечатление своей художественной цельностью и совершенством выполнения. Ее смысл, как и всякого подлинно поэтического образа, трудно, в сущности невозможно, свести к одному или двум понятиям. Нельзя сказать, что новгородский мастер достиг большей достоверности и жизненности в изображении героя, чем византийский мастер, создатель луврской мозаики. Оба они не выходят за пределы правдоподобия, допускаемого в средневековом искусстве. Преимущество новгородской иконы в том, что в ней больше поэтичности, сказочности; значение ее более широкое, общечеловеческое; живописное изображение ее создателя богаче и ярче.

В византийской мозаике передан лишь кульминационный момент поединка Георгия с чудовищем, а потому он имеет более ограниченный иллюстративный смысл. Наоборот, в новгородской иконе в одном изображении сосредоточено множество моментов, и потому самый образ более многогранен и содержателен.

Если следовать методу традиционной иконографической классификации, тогда остроуховский Георгий попадет в одну категорию со всеми другими рядовыми изображениями Георгия, поражающего змия. Вместе с ними он сможет послужить только лишним доказательством известного положения о том, что Егорий Храбрый пользовался на Руси широкой популярностью в народе. Но если не ограничиваться простой классификацией памятников по внешним признакам, но вникать в смысл каждого из них, тогда историк сумеет извлечь из них не меньше данных о воззрениях древнерусских людей, об их этических и эстетических представлениях, об их духовном мире, чем из таких общепризнанных источников, как летописи и пергаментные, бумажные и берестяные грамоты.

В остроуховской иконе Георгий вонзает копьё в раскрытую пасть змия и вместе с тем он скачет прочь от него, словно покидая поле боя для совершения новых подвигов. В осанке его много решимости и отваги, но скачет он изящно, не без удачества, и потому его подвигом нельзя не залю-

из Боровичей 1561 года (см.: М. Алпатов. К вопросу о западном влиянии в древнерусском искусстве. «Slavia», III, 1, 1924, стр. 109).

¹ Между тем, приводимые в статье В. Н. Лазарева (ук. соч., стр. 215) выдержки из народной поэзии о Георгии как «водоносе», «хранителе тепла», «охранителе скота» и т. п., как ни поэтичны они сами по себе, не имеют прямого отношения к образу Георгия-змееборца в иконописи и потому лишь отвлекают внимание от того содержания, которое заключено в памятниках изобразительного искусства и которое должно быть основным источником истории искусства.

боваться. В сущности борьба еще не завершена, но соотношение сил таково, что в победе Георгия нельзя сомневаться. При этом в отличие от типа парных изображений «святых воинов» эта победа понимается не как нечто предопределенное свыше. Она достигается ценою напряжения всех физических и духовных сил героя и уже во всяком случае не силою молитвы, как в житийных текстах. Борьба дает повод проявиться лучшим нравственным и физическим силам героя, его смелости, бесстрашию, ловкости, его уверенности в своей правоте, и отсюда в образе Георгия столько жизнерадостности и бодрости. Новгородские иконы вроде остроуховского Георгия можно сравнить с воинскими песнями, властно зовущими людей вперед, в поход, к победе.

И какая удивительная смелость мастера в обращении с традиционными иконографическими мотивами! Как неистощима его фантазия! Как богат и целостен созданный им живописный образ!

Красный плащ Георгия — это традиционный атрибут мученика, пролившего свою кровь. Его блистающий белизной конь — это отдаленное подобие апокалиптического «бледного коня».¹ Но красный плащ развевается в иконе, как алое знамя, трепещет, как огненное пламя, — он наглядно выражает «пламенную страсть» героя, и по контрасту к плащу белый конь выглядит как символ его душевной чистоты. Вместе с тем своим силуэтом всадник сливается со знаменем, и оттого фигура его кажется как бы окрыленной. Благодаря слиянию фигуры Георгия с плащом в иконе рождается поэтический троп — уподобление Георгия туго натянутому луку. Уподобление это служит как бы лейтмотивом всей остроуховской иконы. Этот мотив лишь подчеркивается гиперболичным изгибом головы коня, делающим его похожим на народную игрушку. Вместе с тем этот изгиб «звучит в унисон» с фигурой героя, намекая на единодушие седока и его боевого коня, как в сказаниях о былинных героях. Мастера не смущало, что знамя в руке Георгия вьется в обратном направлении, чем его плащ; полотнищу знамени соответствует внизу красный язык змия. Зеленый сегмент с десницей занимает в иконе скромное место; он указывает лишь на высшую санкцию подвига, но оправдан еще и тем, что заполняет пустой уголок поля доски. Сегменту неба отвечает, точнее — ему противостоит, внизу сегмент тьмы, пещера, из которой выполз змий.

Украшенный человеческой маской щит Георгия поставлен так, что похож на солнечный диск. Может быть, этот вплетенный в поэтическую ткань иконы мотив является отголоском солярных представлений о Георгии, сказавшихся и в словах народных стихов: «во лбу красно солнце».² Но как и имена славянских богов в «Слове о полку Игореве», этот образ потерял свое первоначальное значение. В новом контексте эта поставленная фасом голова по контрасту к повороту головы Георгия еще сильнее выделяет движение в его фигуре.

Всеми этими уподоблениями, намеками и гиперболами новгородский мастер распоряжался свободно и легко, как это способен делать только большой мастер во всеоружии своих средств выражения. Нужно сравнить остроуховского Георгия с васнецовским (рис. 10, ср. рис. 8), чтобы убедиться в том, что каждый из древнерусских мастеров умел проявить свои силы в меру своей одаренности. В остроуховской иконе образ богаче и глубже, форма выражения ярче и выразительней, ритмы более слаженны, порыв более захватывающий. Икона покоряет своим горячим,

¹ Об этом сближении см.: А. Рыстенко, ук. соч., стр. 433.

² А. Кирпичников, ук. соч., стр. 167. — А. Рыстенко, ук. соч., стр. 287.

звонким, тонко сгармонизированным колоритом. Ее доминантой служит яркая киноварь плаща, ей подчиняются другие теплые тона, в частности золотистый фон. Небольшие зеленые пятна по контрасту лишь повышают звучание красных. Белоснежный силуэт коня воспринимается как цветное пятно — ослепительно светлое.¹

Если довольствоваться традиционными приемами иконографического метода, т. е. сосредоточить все внимание лишь на особенностях изображенного, тогда придется признать, что в новгородских иконах и, в частности, в иконе Остроухова по сравнению с Византией нет ничего принципиально нового. Но в искусстве важны не только те или иные особенности изображенных предметов, но самый характер художественного образа. В понимании образа Георгия в XV веке на Руси происходят примерно такие же перемены, которые характеризуют перелом в развитии образа Троицы у Рублева. Прежде преобладали изображения героя либо пребывающего вне времени, либо, наоборот, его изображения в самый разгар битвы. В новгородской иконописи вырабатывается тип изображения, который стоит на грани между единовременным событием и вневременным состоянием. Чудо Георгия о змии — это больше чем эпизод из его жизни, так как в нем проявляются все потенциальные силы героя, но это и не отвлеченный знак, не символ победы, так как в таких изображениях многогранно передаются различные психологические оттенки борьбы. В новгородских иконах Георгия герой изображается не бездейственным, алогей его борьбы выглядит как его апофеоз. Благодаря этому иконы на легендарную тему приобретают широкий человеческий смысл: они рисуют победу светлого, доброго начала над силами зла. Георгий представлен не как покоривший змия и заслуживающий за это поклонения триумфатор, не как защитник, к помощи которого люди прибегают в трудную минуту. Он вырисовывается прежде всего как пример, достойный подражания, и в этом можно видеть признаки высоких представлений о достоинстве человека русских народных мастеров. Вся икона — это своеобразное похвальное слово герою, прославление его победы.

Возникновение в XIV—XV веках таких живописных шедевров, как новгородские иконы Георгия, было явлением не случайным. В древнем Новгороде, в общественной жизни которого большое значение имели демократические силы, в искусстве явственно звучал голос народа. Это не значит, что в новгородских иконах сказалось понятие о Георгии лишь как о покровителе крестьянства, скотоводов, пастухов. Он приобрел и долгое время имел широкое общенародное значение. Правда, В. Н. Лазарев находит, будто в погодинской иконе «Георгий несется вскачь, как бы устремляясь на своем белом коне в поле, чтобы охранять крестьянские посевы и скот»,² но это утверждение вытекает не из непосредственного рассмотрения самого художественного образа, а из предвзятой уверенности в том, будто почитание Георгия в Новгороде в качестве покровителя земледельцев должно было определять ход мышления каждого новгородского мастера.

В московской живописи XIV—начала XV века почти не встречается изображений змеборства Георгия. Однако в иконографии Георгия произошли изменения, которые свидетельствуют о его возросшем значении. Вместе с Дмитрием Георгий был отнесен к числу святых, занявших почетное место в церковной иерархии. Из ранга защитника людей от темной силы он был возведен в ранг их заступника перед троном всевыш-

¹ См. цветную репродукцию: Русская икона, вып. II. СПб., 1914, стр. 127.

² В. Н. Лазарев. Образ Георгия-воина. . . , стр. 217.

него. Правда, в силу юности Георгия и Дмитрия они всего лишь замыкают шествие предстоящих. Но начиная с иконостаса Благовещенского собора московского Кремля, они прочно вошли в систему украшений каждого русского храма.¹

Если основываться только на внешних атрибутах Георгия, то пришлось бы признать, что в раннемосковской живописи в кругу Рублева был восстановлен старый тип Георгия в мученическом плаще, что Георгий вновь, как в Византии, стал почитаться в качестве покровителя князя.² Но идея иконостаса, в котором Георгий занял свое место, не может быть сведена к прославлению и утверждению феодальной иерархии, — она имела более широкий смысл. В облике Георгия и Дмитрия теперь подчеркивается их обаяние молодости, душевная мягкость и отзывчивость, и это сказывается в том, как они склоняют головы и как молитвенно протягивают руки. Позднее черты Георгия-представителя переносятся и на образ Георгия-воина.

В одной превосходной новгородской иконе конца XV века³ можно видеть отражение рублевского понимания образа. Это одно из проявлений еще недооцененного в истории русского искусства влияния Москвы на Новгород. Георгий изображен в полном вооружении, на нем лук и колчан, в руке копьё, но стоит он не в традиционной позе готового к защите героя, а задумчиво склонив свою голову, и этим наклоном головы похож на фигуры из иконостаса. Соответственно этому фигура воина расположена не в центре иконы, но отодвинута к ее краю; его опора в виде тонкого копьё перенесена в левую часть; правый угол занимают плащ и меч. Если предположить, что эта икона могла занимать место в каком-нибудь иконостасе, тогда станет ясно, что склоненная голова Георгия включала его фигуру в общий ритм иконостасной композиции (ср. рис. 10).

Представление о Георгии как заступнике и защитнике так прочно укоренилось в народном сознании, что на протяжении XV века на Руси делались неоднократные попытки объявить народного героя своим союзником и покровителем и этим поднять свой авторитет.

В Архангельской летописи рассказывается о том, как Георгий помог новгородским повольникам освободиться от осаждающей город чуди.⁴ С другой стороны, в Софийской летописи передается, что Иван III перед походом на Новгород призывал к себе на помощь Георгия, называя его по-народному «Егорием Храбрым».⁵ Обращение за помощью к Георгию нашло отражение и в искусстве. В новгородской иконе «Битва новгородцев с суздальцами» Георгий вместе с другими «святыми воинами» возглавляет новгородскую конницу и наносит смертельный удар

¹ И. Грабарь. Феофан Грек. Очерки из истории древнерусской живописи. Казань, 1922, стр. 9.

² Именно так ставит вопрос И. Мысливец (ук. соч., стр. 372—373), говоря о развитии типа Георгия-патриция. В. Н. Лазарев (ук. соч., стр. 222) говорит о «процессе все более решительного отрыва данного образа от народных корней». Такая трактовка образов, созданных в ближайшем окружении Рублева, решительно противоречит общему представлению о великом русском мастере, давшем глубоко народную интерпретацию традиционной иконографии. Здесь следовало бы скорее говорить об отступлении от фольклорного образа Георгия.

³ И. Грабарь. История русского искусства, VI, стр. 198. — А. Грищенко, ук. соч., стр. 66. В. Н. Лазарев (Образ Георгия-воина..., стр. 219) отмечает в этой иконе в качестве характерной черты лишь «детали одеяния и вооружения», хотя на самом деле их меньше, чем в ряде других случаев (как, например, там же, рис. 23). Мотив склоненной головы воина осгасал им не отмечен.

⁴ А. Рыстенко, ук. соч., стр. 337.

⁵ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 153.

врагам.¹ В это же время в Москве, над Флоровскими воротами, служившими парадным входом в Кремль, было поставлено каменное изваяние Георгия работы мастера Д. Ермолина.² Фигура всадника и позднее украшала московский герб и великокняжескую печать.³ Правда, не все понимали, что означает этот «ездец»: одни видели в нем изображение Георгия, другие — московского государя.⁴ Уже много позднее отголоски образа змеборца сказались в замысле «Медного всадника». Попираемый им змий как символ противников преобразователя был отлит русским мастером Гордеевым.⁵

Чтобы по достоинству оценить образы Георгия в древнерусской живописи, необходимо определить их место в истории мирового искусства.

Огромное значение Византии в развитии иконографии Георгия заключалось в том, что на протяжении средних веков, когда церковно-аскетические представления были вытравить всякие понятия гуманизма, византийские мастера придерживались образа «святого воина», гордо гарцующего на своем боевом коне. В византийских изображениях Георгия нас покоряет их родство с античными изображениями героев-воинов. Одухотворенность отличает византийских воинов от тех всадников-охотников, которыми так часто украшалось восточное серебро и восточные ткани.⁶ В средневековом искусстве Западной Европы в образе Георгия проявились рыцарские представления. Георгий — это бесстрашный завоеватель;⁷ порой он наделяется чертами Зигфрида.⁸ В средневековом искусстве Запада подчеркивается ожесточенность борьбы Георгия со змием и чувствительность ее свидетелей. В борьбе с драконом Георгий проливает свою кровь,⁹ при виде ее освобождаемая им царевна падает в обморок.¹⁰ В Георгии нередко преобладают черты самодовлеющей личности.

Рыцарские представления дают о себе знать в искусстве Западной Европы и позднее. Но по мере того, как из образа Георгия исчезает возвышенное, светлое, поэтическое, в нем усиливаются черты изменности, жестокости, прозаичности. В гравюре «мастера домашней книги» Георгий — это грубый ландскнехт, который подкрадывается к чудовищу и закалывает его ножом.¹¹ В сущности и Дюрер, создавая свою гравюру

¹ А. Анисимов. Этюды по истории новгородской иконописи. Журн. «София», 1914, № 5, стр. 9—21; ср. сообщение А. Веселовского (ук. соч., стр. 5) о том, что еще в 1098 году осажденным в Антиохии крестоносцам «помогали» Георгий, Федор и Дмитрий.

² Н. Н. Соболев. Резные изображения в московских церквах. «Старая Москва», II, 1916, стр. 16. Вряд ли можно согласиться с мнением В. Н. Лазарева (Образ Георгия-воина... стр. 220), что культ Георгия распространился в Москве под влиянием Новгорода. В XV веке каждый из этих двух центров приписывал себе покровительство Георгия, стремясь использовать его авторитет в народных массах.

³ Записки о русских гербах, I. Московский герб. СПб., 1856, стр. 8. — Очерки истории СССР, II. М., 1953, стр. 331.

⁴ А. Лакнер. Русская геральдика. СПб., 1855, стр. 128.

⁵ А. Г. Ромм Ф. Г. Гордеев. М.—Л., 1948, стр. 9.

⁶ Гуманистическое начало в Дигенисе и его отличие от восточных богатырей-великанов отмечают Сатас и Легран (С. Sathas et G. Legrand, ук. соч., стр. CXLIV).

⁷ А. Кирпичников, ук. соч., стр. 29.

⁸ А. Веселовский, ук. соч., стр. 120.

⁹ Там же, стр. 106 (о «Chanson d'Huon de Bordeaux»). В изобразительном искусстве Западной Европы уже в XII веке чудовище наносит ущерб Георгию: в рельефе Феррарского собора у него сломано копье (M. Zimpelman. Oberitalienische Plastik im frühen und hohen Mittelalter. Leipzig, 1897, рис. 27).

¹⁰ Там же, стр. 106. В фреске Альтиериери, в Сан-Джорджо в Падуе изображен момент перед змеборством — царевна, отпуская Георгия, погружена в задумчивость и тоскует о нем.

¹¹ F. Burger. Die deutsche Malerei. Berlin—Neubabelsberg, 1918, рис. 62.

1505 года, не видит поэтичности в борьбе и в подвиге героя: его Георгий — это простой рыцарь, сидящий на коне, повернутый спиной к зрителю; у ног коня распростерто издохшее чудовище.¹ Чтобы вернуть поэтичность сцене змеборства, Альддорфер перенес ее под сень густолиственных деревьев.²

Итальянским мастерам Возрождения удавалось опоэтизировать самую борьбу Георгия. Они опирались на античные традиции, восходящие к стеле Декселея. В превосходном рельефе Донателло в Ор Сан Микеле передана и горячая схватка рыцаря со змием и, по контрасту к ней, испуг и мольба царевны о помощи.³ У Карпаччо подчеркнуто равенство наступающих друг на друга противников.⁴ В картине Рафаэля, созданной, видимо, под влиянием образов Леонардо, все выглядит так, будто изящный рыцарь торжествует над чудовищем не столько благодаря своей силе и ловкости, сколько благодаря своей обаятельности и юношеской прелести.⁵

В иконографии Георгия древнерусские памятники занимают особое место. В русских Георгиях нет такой безудержной удали, смелости и задора, как в средневековых рыцарях, но в них нет и следов себялюбия, эгоистичных искателей приключений (недаром самая мысль о том, что ценой победы Георгий завоюет руку прекрасной царевны, чужда русским легендам о Егории Храбром).⁶ Зато в русских изображениях Георгия сильнее выражено, что он вступает в бой как защитник справедливости во имя исполнения своего долга (по выражению позднейших былин — «ради дела повеленного, службы великой».)⁷ В русских изображениях Георгия змеборство передается не так осязательно и материально, как в искусстве Запада XV—XVI веков, менее подробно обстоятельства кровопролитной схватки, меньше психологических черточек в характеристике героя. Зато иносказательный язык нашей иконописи позволил древнерусским мастерам не ограничиться передачей лишь одной борьбы, но еще дать почувствовать, что в этой борьбе восторжествует герой. И поскольку в русских иконах самый образ бесстрашного витязя приобрел более широкое значение, чем то, которое ему придавала старинная легенда,⁸ древнерусские мастера сумели выразить в сущности очень простую, но прекрасную идею уверенности, что светлое, человеческое, справедливое начало не может не победить темные, враждебные человеку силы зла.

¹ W. Waetzold. Dürer und seine zeit. Königsberg, 1943, рис. 214.

² F. Burger, ук. соч., рис. 66.

³ L. Planiscig. Donatello, Wien, 1939, рис. 15, 16. Мотив мольбы царевны за Георгия уже в готическом миссале, в соборе св. Петра в Риме (О. Таубе, ук. соч., рис. 10).

⁴ W. Hausenstein. Carpaccio. Berlin—Leipzig, 1925, рис. 29, 32.

⁵ O. Fischel, Raffael Klassiker der Kunst, 1904, стр. 12, 29. О рисунке Леонардо на тему змеборства см.: А. Е. Popham. The Dragon Fight. В кн.: Leonardo Saggi e ricerche Roma, 1952, табл. CXIII (рисунок Британского музея).

⁶ Этот мотив награды есть уже в «Золотой легенде» Якопо де Вораджине (А. Рыстенко, ук. соч., стр. 148).

⁷ Б. Соколов. Былины. М., 1918, стр. 65.

⁸ А. Кирпичников (ук. соч., стр. 71, 110) приводит ряд аллегорических толкований змеборства Георгия. Чуждые отвлеченному надуманному аллегоризму древнерусские мастера сумели сделать наглядно осязательным в самой живописной ткани своих образов многие слагавшиеся веками представления о Георгии как о воплощении победоносной правды.

Рис. 1. Георгий и Федор. Фреска Каранлек Килиссе (Капподокия). XI век.

Рис. 2. Георгий. Фреска церкви Георгия в Старой Ладоге. XII век.

Рис. 3. Икона Иоанна Лествичника, Георгия, Власия (деталь). XIII век. Русский музей.

Рис. 4. Резная икона Дмитрия. XII век. Москва. Оружейная палата.

Рис. 5. Диптих Барберини. VI век. Париж, Лувр.

Рис. 6. Резная икона Георгия. XIII—XIV века. Берлин, Музей Фридриха.

Рис. 7. Мозаика Георгия. XIV век. Париж, Лувр.

Рис. 8. Икона Георгия бывш. собрания В. М. Васнецова.

Рис. 9. Георгий с житием. Икона из собрания М. П. Погодина. XIV век. Русский музей.

Рис. 10. Икона Георгия (с копьем). Из собрания И. С. Остроухова. XV век.
Гос. Третьяковская галерея.

Н. А. ДЕМИНА

Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга¹

Творчество Рублева и его современников имеет огромное историко-художественное значение, так как в нем скрестилось множество нитей, объединяющих его с различными сторонами культуры древней Руси, в частности — с литературой. Это объясняется в первую очередь тем, что живопись Рублева и художников его круга была теснейшим образом связана с исторической действительностью своего времени.

Деятельность Андрея Рублева и художников, с ним сотрудничавших, относится как раз к той знаменательной эпохе, когда русский народ, направляя до предела свои силы, боролся за свержение татарского ига, за создание мощного централизованного государства, когда он, мучительно преодолевая рознь, являвшуюся исконным злом феодальной раздробленности, стремился к единству как необходимому условию для своего дальнейшего культурного развития.

Произведения искусства Москвы XIV—XV веков, известные в настоящее время, позволяют утверждать, что Андрей Рублев сформировался в художественной среде, стоявшей на очень высоком уровне. Истоки ее культуры следует искать в искусстве Владимиро-Суздальской Руси, являвшейся в свою очередь преемницей и продолжательницей культуры Киевской Руси.

Хотя никто из современников Андрея Рублева не превзошел его в искусстве, тем не менее мастера, работавшие с ним, часто вызывают у нас чувство почтительного удивления значительностью своих творений. То, что было Рублевым возведено на степень высокого стиля, подготовлялось в художественной среде, его окружавшей. Он не был одинок, вокруг него были единомышленники и соратники. Собственно учеников-подражателей мы не видим рядом с ним, они появились позднее, после того, как он завершил свой творческий путь. Даже в последние годы жизни великого художника с ним работают мастера, не теряющие своего лица. Они самостоятельно трудятся над решением тех же проблем, которые стояли перед Рублевым и вообще перед русской художественной мыслью того времени. Но никому, кроме него, не было под силу привести в гармонию и согласие все, что надлежало воплотить в искусстве в столь многозначительную эпоху русской жизни.

Рассматривая все созданное русскими художниками далекого прошлого, художниками эпохи, предшествующей А. Рублеву и его времени,

¹ Доклад в Секторе древнерусской литературы, прочитанный 27 мая 1954 года

и, кроме того, мастерами южнославянских стран и греками, видим, что Рублев сумел отобрать все самое лучшее, что заключалось в их произведениях. Творчески претворив богатство этой многообразной художественной культуры, он обрел свой собственный изобразительный язык, родной и понятный всем его окружающим. Он сумел в своем творчестве отразить лучшие чаяния и устремления русского народа в решительный момент его борьбы за свое национальное бытие.

Поэтому необходимо осмыслить в его художественных произведениях те ценности, которые являлись отражением подлинно народных воззрений и вкусов своего времени, ибо, как говорит А. М. Горький: «Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры» («Разрушение личности», 1908 г.).

В юные годы Андрея Рублева и мастеров его поколения произошло знаменательное событие, которое уже современниками осознавалось как решение судьбы русского народа,¹ — битва на Куликовом поле. Победа оставила глубокий след в народном сознании. Русские люди на деле доказали готовность жертвовать своей жизнью во имя родины. Осознание силы этой любви к родине и готовности жертвовать собой укрепило в русских людях чувство подлинного человеческого достоинства, мужества и бесстрашия. Об этом ярко свидетельствуют слова автора «Задонщины»: «Князи и бояря и удалые люди, оставимте вся дома своя и богатство, жены и дети, и скот, честь и славу мира сего получитьи, главы своя положити за землю за Русскую и за веру христианскую».²

Обращаясь к памятникам живописи московской школы эпохи, предшествующей событию на Куликовом поле, мы видим, как в ней зреет мысль о необходимости единения русского народа в борьбе за свое освобождение. Как известно, памятников раннемосковской живописи сохранилось очень мало, хотя летопись говорит о большом размахе живописных работ в Москве. Под 1342 годом говорится, что при одном только пожаре в Москве погорело 18 церквей, и добавляется, что за 13 лет это был уже четвертый пожар (Никоновская летопись). В следующие годы митрополит, князь и княгиня, заботясь о восстановлении храмов, поручают роспись их мастерам русским, грекам и их русским ученикам.

Среди памятников этого периода особенный интерес вызывает икона Бориса и Глеба на конях из Московского Успенского собора (хранится в Гос. Третьяковской галерее),³ которую принято считать работой русского мастера, сотрудничавшего с греками или учившегося у них, так как приемы письма и стиль иконы обнаруживают в ней знакомство мастера с памятниками палеологовского искусства. Икона является выдающимся художественным произведением и говорит не о заимствовании ее мастером византийских приемов живописи, а о свободном их претворении в памятнике, наполненном самобытным содержанием.

Култ Бориса и Глеба всегда связывался с идеей братолюбия и единения русских князей. Их житие нередко читалось духовенством в назидание при раздорах и несогласиях князей. На иконе дана, на фоне высоких условных скалистых гор, живая сцена, наполненная действием и пафо-

¹ Прибавления к первой Софийской летописи. ПСРЛ, VI, стр. 92—93.

² Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 33.

³ Об этой иконе см.: Г. В. Жидков. Московская живопись середины XIV века. М., 1928, стр. 71.

сом. Борис и Глеб едут рядом на конях, воинственно ступающих в'ногу. Братья, как обычно, облечены в обыкновенные русские княжеские одежды, на конях богатый убор — все верно и внимательно изображено художником. В их лицах, переданных приемами, близкими к византийской живописи того времени, т. е. с резким сопоставлением света и тени, через условные черты все же проглядывают особенности русского типа, особенно в лице Бориса. В колорите, хотя и несколько темном, чувствуется бодрое и интенсивное звучание цветов — красного, красновато-желтого, зеленого, темносизого, обычных для русской живописи.¹

Между братьями как будто идет беседа. Глеб обращается к Борису, который, глядя вдаль перед собой, внимательно его слушает. В договорах князей и их речах выражение «сесть на коня» означало начать войну, за чем обычно следовало условие о взаимной помощи: «то и ты, брат мой, тоже должен сесть на коня». Вполне очевидно, что подобная икона как бы призывала князей последовать примеру Бориса и Глеба, устранившись от раздоров, в братолюбии помогать друг другу и, если нужно, дружно и воинственно выступать против врага.

Изображения Бориса и Глеба не редки в XIV столетии. Ко второй половине этого столетия относится икона Бориса и Глеба с житием из Коломны (хранится в Гос. Третьяковской галерее). Братья (рис. 1, 2) даны стоящими рядом с мечами и крестами в руках, т. е. в образе мученическом. Если сравнить их лица с изображенными на только что описанной иконе 1340-х годов, то мы увидим, что в них гораздо ярче отражена типично русская красота. Они русы, их глаза больше и прозрачнее, носы прямые. Живописные приемы иные. Лики лепятся мягко с постепенным переходом от тени к свету, краски вместо плотных и густых мазков жидко и прозрачно кроют поверхность.

К эпохе, непосредственно примыкающей к Куликовской битве, т. е. к концу XIV века, относится икона Николы и Георгия московской школы, хранящаяся в Русском музее. Георгий дан в виде стройного юного воина. Его оружие и воинские доспехи с любовью и вниманием изображены художником. В его руках тяжелый меч и тонкое копье. Несмотря на юность, воин имеет мужественную и внушительную осанку. В лице, строгом и нежном, отражена сосредоточенная углубленность в свой внутренний мир и непреклонная решимость (рис. 3). Он смотрит в сторону и не общается со зрителем, в нем чувствуется некоторая отчужденность и одиночество героя. Это лицо человека, видевшего перед собой смерть и снова находящегося в полной воинской готовности. Когда смотришь на его фигуру с широким разворотом плеч и сильными ногами, приходят на память образы воинов XI—XII веков. В живописных приемах этого памятника отсутствуют черты палеологовской манеры. Он стоит свободно, но прямо, не изгибаясь. Переходы от тени к свету мягки и постепенны, только более определенно, чем у Бориса и Глеба из Коломны, лепится объем. Краски светлы и прозрачны, киноварь плаща сочетается с зелеными, желтыми и коричневыми тонами. Все изображение выступает в ясном ровном освещении, при котором все детали доспехов и вооружения осязательно выявляются. Повидимому, мастер внимательно вглядывался в художественные приемы живописи далекого прошлого и лики древних икон, стараясь понять их выражение. Давней воинской культуре русских и обаянию образов героического прошлого для художника конца XIV века обязан этот воин некоторой тяжеловесностью своей фигуры, решительностью взгляда и естественной непринужден-

¹ Г. В. Жидков, ук. соч., стр. 54—57.

ностью воинственной осанки. Только былая суровость прежнего облика воинов домонгольского периода смягчилась, в чертах лица появилось больше тонкости, его мощь больше не преувеличивается. Георгий изображается как бы рядовым участником битв, но он вознесен в своем человеческом достоинстве, и пафос героизма дан в нем по-иному, чем прежде, по-новому. В чем же произошло изменение?

Нередко русские люди средневековья не находили объяснения собственным подвигам, которые они совершали в пылу воинского вдохновения, и приписывали их Георгию, Дмитрию Солунскому, Борису и Глебу и архистратигу Михаилу, которого они именовали по своей военной терминологии «воеводой совершенного полка». Их они считали как бы реальными участниками боя. Подобного рода вмешательство обычных покровителей имеется, например, в описании Куликовской битвы.

Насколько представления о характере московского воина изменились по сравнению с образом героя домонгольского периода, видно из описания битвы Дмитрия Донского с Олегом Рязанским при Скорнищове в 1371 году. Летописец (Троицкая летопись и Московский свод конца XV века) называет рязанцев «суровии сущи человецы, свирепи и высокоумни, палаумни людища, возгордевшися величанием». Он осуждает их за презрение к москвичам, которых, не испытав в бою, они называют «слабыми, страшливыми и не крепкими», и за то, что они, понадеявшись на свою силу, сочли за лишнее вооружиться, а лишь взяли «ужища», т. е. веревки, чтобы ими вязать москвичей. Далее он описывает, как рязанцы в злой и лютой сече были побеждены «смирненными», по выражению летописца, москвичами и как сам князь Олег едва убежал с малой дружиной. Повествованием об этой победе москвичей летописец осуждает на примере рязанцев тип воина, хотя и отважного, но неосмотрительного, чрезмерно надеющегося на свою удаль и несоразмеряющего свою силу с силой врага. В то же время он восхищается «не возносящимися гордостью» москвичами.

В изображении Георгия на иконе «Никола и Георгий» из Русского музея пафос героизма дан не преувеличенным, как в произведениях домонгольского периода, а в более соразмерном с человеческими возможностями виде — он ближе к правде жизни, к тем людям, из среды которых выходили герои битв того времени. Он не подавляет зрителя своей исключительностью, зритель как бы видит в нем самого себя, только в возвышенном виде.

Рассмотренная нами икона Николы и Георгия относится к тому времени, когда Андрей Рублев был еще молод. Это — искусство старшего поколения.

К самому началу XV века относится еще один замечательный памятник, творение рук русской женщины. Шитая пелена с изображением Сергия Радонежского из Троице-Сергиева монастыря (ныне она хранится в Загорском музее-заповеднике).¹ Рисунок для шитья обычно давался иконописцем, выполнение принадлежало вышивальщице. Существует предположение, что рисунок для этого шитья был сделан художником, лично знавшим Сергия. Облик старца далек от канона. Перед нами человек с сильным и самобытным характером: рот энергично сжат, несколько косо поставленные глаза сближены и полны пронизательной сосредоточенности. Художественные приемы шитья очень разнообразны,

¹ Н. А. Щербakov и А. Н. Свиригин. К вопросу о творчестве Андрея Рублева. Изд. Гос. Сергиевского историко-художественного музея, 1928, табл. II. — История Москвы, I. М., 1952, стр. 83 и 86.

живописны и выразительны. Мастерски подчеркнуты особенности сложного облика Сергия: своеобразный очерк лба, неширокий оклад лица с несколько выдающимися скулами, сближенность глаз и их неодинаковый разрез, разность рисунка бровей, асимметричность носа, бороды и всех черт лица и головы с массой волос. Зоркий глаз художника видит различную густоту бороды, замечая редкие волоски на щеках, где она начинается. Во всем облике большая сдержанность и собранность для целеустремленного действия и в то же время большая широта души, что-то мужественное, но не строгое. Стройная и полная движения фигура Сергия облечена в скромные одежды, в изображении которых вышивальщице даже удалось передать цвет и фактуру домотканной шерстяной ткани и незатейливость шитья холстяной епитрахили. Чувствуется по всему, что художника всецело вдохновляла живая личность Сергия, и он как бы давал характеристику его как исторической личности. Когда смотришь на это произведение, то меньше всего приходят на ум условные признаки «святого», даваемые в житиях, а вспоминается Сергий, исполняющий дипломатические миссии, которые были не под силу никому другому в бурных неурядицах межлоусобных разногласий. Вспоминается, как он «заворил» церкви в Нижнем Новгороде, когда склонял в 1365 году Бориса Константиновича к миру с его старшим братом, имевшим права старшинства на княжение в Нижнем Новгороде, и этой, небывало крутой для того времени мерой добился, совместно с великим князем, примирения братьев; затем — его посещение и склонение к миру такого злейшего врага Москвы, как Олег Рязанский. Вспоминаются не «благоуветливые словеса», о которых говорит житие, а нечто другое: сила воли, знание жизни и людей, неумолимость доводов практического ума.

Перед нами живой деятельный человек, который «мало же словесы глаголавша, вящая же дела учаща»,¹ т. е. учил больше делом, а не словом, тот Сергий, который «ни мала ослушася, ни помедли, но с многым тцданием» шел и выбирал места для новых монастырей и клал их основание «своима рукама».²

Художника, создавшего этот образ Сергия, весьма вероятно, Рублев знал, быть может, с ним сотрудничал. Он привыкал ценить и восхищаться людьми, которые не только умели умирать на поле брани, но и отдавать всю свою жизнь служению тому, в чем видели спасение русского народа.

В Архангельском соборе в московском Кремле, там, где покоится прах Дмитрия Донского, в местном ряду иконостаса стоит икона архангела Михаила с житием. Она относится к началу XV века. Некоторыми чертами стиля она примыкает уже к творчеству Рублева. Есть предположение, что она могла быть выполнена по заказу Евдокии — супруги Дмитрия Донского. В ее житии говорится о том, что она незадолго до смерти, последовавшей в 1407 году, видела сон, в котором ей явился архангел Михаил, и пожелала иметь его изображение. Несколько икон его было отвергнуто, и, наконец, одна ее удовлетворила. Эта икона была поставлена Евдокией в церкви Рождества богородицы в память победы на Куликовом поле.

Гибкая, мужественно-суровая фигура архангела Михаила, облеченная в воинские доспехи, полна напряжения и готовности к стремительному действию. В левой руке он держит ножны, из которых правой рукой вы-

¹ Никоновская летопись под 1386 годом, стр. 20.

² ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1374 годом, стр. 189.

хватил и угрожающе занес меч. Его стан изогнут, как натянутый лук. Хрупкое лицо с пышными волосами тонко и полно сдержанной страсти. Он пленяет воображение, как видение необычное, — в нем запечатлена романтика победы, одержанной на Куликовом поле.

Конец XIV и начало XV века были порой, когда самосознание народа углублялось, его характер воспитывался историческими условиями в согласии с идеями единения Русской земли.

Андрей Рублев и мастера его круга сказали новое слово в этот важный исторический момент, и то, что они сказали о человеке своего времени, выношено было в глубинах народного сознания, было призвано к жизни и вознесено на ступень идеала.

Для того чтобы яснее представить себе те сдвиги, которые происходили в искусстве в конце XIV и начале XV века, следует сопоставить образ Сергия на шитой пелене с образами, созданными Феофаном Греком. Контраст получится поразительный: если титанические сильные старцы Феофана величавы и одиноки, если сила их характера направлена к утверждению своей индивидуальности, то в образе Сергия дан характер, подавляющий в себе черты обособленности. Вся фигура Сергия дана в движении по направлению к зрителю. Он пронизателен и весь полон внимания к нему.

В творчестве Андрея Рублева и мастеров его круга многие изображения людей также поражают своей жизненностью и ярким отражением национального облика.

В 1408 году Андрей Рублев и Даниил Черный расписывали Успенский собор во Владимире. На правом столбе внизу, в центральном нефѐ, т. е. на самом видном месте, изображена сплоченная группа женщин. Некоторые из них в русских одеждах. Это деталь композиции «Страшного суда» — «Шествие праведных жен». Очень удлиненные пропорции фигур, очерченных гибкими, четкими линиями, и длинные одеяния делают женщин стройными и легкими. Движение происходит как бы в воздушной и светлой среде, слитой с пространством храма. Все внимание жен сосредоточено на чем-то, предстоящем их внутреннему взору. Ничто в их обликах не говорит о предвкушении блаженства рая. Все их душевные силы направлены на то, на что они должны сейчас решиться. Каждое лицо отражает по-своему характер каждой из них; одна поражена и даже страшится чего-то, другая замкнута и непреклонна, третья полна доверия, четвертая — серьезности и покорности, являющихся результатом знания жизни (рис. 4). То, что их занимает, — не видение, не мечта; в них нет отрешенности, напротив, их внимание направлено на нечто жизненное и общее для них, они готовятся, каждая согласно своему характеру и темпераменту, к какому-то значительному, важному действию — они готовятся к подвигу. На первом плане дана, повидимому, св. Екатерина — юная дева в короне. Если мысленно устранить эту деталь иконной условности, то перед зрителем окажется типичное лицо русской девушки. Художник не старался сделать ее красивой, это самое обычное лицо, каких много, но его выражение делает ее прекрасной и одухотворенной. В том, что художник отводит ей первенствующее место (ее образ ведущий в композиции), отразился его своеобразный демократизм. Другие жены — также типичные русские женщины. Художник так сумел уловить национальные черты и характер, что отдаленность веков теряет свою силу: образы приближаются к нам и воспринимаются, как нечто родное и хорошо известное.

То, что отражено в образах жен, буквально повторено в ликах праведных, идущих толпой на зов апостолов Петра и Павла. Композиция

размещена в своде южного нефа, в ней больше волнения и движения, чем в шествии жен. Замечательны своей значительностью старец и средовек. На них головные уборы, как на пророках, но это не мешает видеть в них типы простых русских людей. В них — то же внимание и та же решимость, как и у жен, только больше экспрессии. Художник мыслит их жизненную миссию одинаковой, но женам отведено в росписи более видное и более ответственное место. Писал ли эти две композиции один и тот же художник или разные — покажут будущие исследования. Теперь же хочется только дать оценку этому явлению в истории древнерусской живописи и культуры вообще.

Вопрос о роли русской женщины в эпоху освобождения от татарского ига и сложения Русского централизованного государства был бы не ясен и о многом можно было бы только догадываться, если бы не остался этот документ. Художник передает высокое достоинство, твердость, мужество и тонкую грацию русских женщин, их готовность жертвовать собой. В этих образах мужей и жен отразилось высокое национальное самосознание русского человека. Не мгновение, влекущее на героический поступок, часто неосознанный и случайный, превознесено художником, а осознание человеком ценности своего чувства самоотверженности. Ничто внешне показное не привлекло художника; значительность замысла определила полную правдивость и искренность чувства. В этом сказывается многовековая культура личности. Каждый раз в решительные минуты исторического бытия сила народного духа вызывается к действию, и совершаются подвиги поразительные. Следует отдать должное художникам, которые сумели запечатлеть в своих творениях облики тех, в ком отразилась величайшая правда проявления национального характера.

Сравним фрески Успенского собора с деталью «Страшного суда» на иконе конца XIV века, связанной, как мы предполагаем, с творчеством Феофана Грека (икона хранится в Гос. Третьяковской галерее и числится найденной на колокольне Ивана Великого в московском Кремле). На иконе изображена толпа праведников, выступающих из мрака в ослепительный свет; на переднем плане — встающие из гробов. Среди праведников видны типичные для Феофана старцы и пустыnnики, страшные своей нечеловеческой напряженностью. Контраст света и тени придает всему изображению характер чрезвычайный, потрясающий зрителя своей трагичностью и мрачностью идеи возмездия. Перед нами мир таинственный и фантастический. Насколько больше чувства реальности и оптимизма во фресках Успенского собора, где все происходит в светлой, воздушной среде, в духовной и пространственной близости к зрителю!

Насколько содержание успенских фресок было связано с действительностью и насколько в них отразилась жизнь эпохи, можно судить по событиям, которые совершались в самое ближайшее время после их написания и были типичными для XIV—XV веков. Летописи говорят: 1 декабря 1408 года пришел Едигей к Москве со всей силой татарской. Они рассыпались «от земли Рязанския до Галича и до Белоозера», «аки зли волци». «И бысть тогда в всей Руской земли всем христьяном туга велика и плачь неутешим и рыдание и кричанье... вси бо подвизашася и вси смутишася, многы бо напасти и убыткы всем человеком здеяшася и болшим и меншим и ближним и дальним». Все были в «тузе и скорби мнозе и печалью одержими».¹ В этом общем бедствии рождалось, как

¹ ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1408 годом, стр. 238—239.

видно из слов летописца, чувство равенства, чувство человечности: «жалостно же бе видети и достойно слез многих», как один татарин «до четыредесяти хрстьян ведяше с нужею повязавши».¹ Многие же множество было иссечено, другие умирали от мороза, голода и жажды. Отцы и матери плакали, видя своих «чад умерщвляемых», и «чада рыдали», разлучаемые с родителями; «и не бысть, — говорит летописец, — помилюющего или избавляющего и помогающего». В этих испытаниях проявлялись, как мы знаем, характеры удивительные. Так, в 1410 году перед фресками Андрея Рублева и Даниила в Успенском соборе произошло следующее событие: летом князь Данило Борисович из Нижнего Новгорода привел царевича Талычу и послал с ним изгоном к Владимиру боярина своего Семена Карамышева. Пришли к Владимиру «лесом безвестно» из-за реки Клязьмы, «людем в полдень спящим»; ограды у города в то время не было, наместник отсутствовал. «Окаянные» сначала взяли городское стадо, а затем стали людей сечь и грабить, а потом «пригониша к церкви святыя Богородица соборныя, в ней же затворися ключарь поп Патрикей с иными людми». Патрикей спрятал церковные сосуды и людей наверху церкви и затем, убрав лестницы, стал перед «образом пречистыя плачася». Татары и посланные нижегородского князя, ворвавшись в храм, схватили Патрикея и стали его жесточайшим образом пытаться о том, где спрятаны драгоценная кузнь и люди, что с ним были; «он же никакo не сказа того, но многы муки претерпе: на сковраде пекоша и, и за ногти щепы биша и ноги прорезав, ужа вдергав, по хвосте у конь волочиша, и тако в той муце и скончашеся». «Сиа же злоба, — заключает летописец, — склочися от своих братьий христиан».²

Это была эпоха тяжелых нравственных падений и величайших подвигов. Велика была роль тех людей и того искусства, которые сумели пронести веру в лучшее, что было в русском человеке, и силою своего обаяния поддержать и воспитать в нем высокий патриотизм и гуманность. Самоотверженность рождала в русском народе в целом глубокую радость и веру в победу и возможность объединения.

В обликах некоторых апостолов на фресках Успенского собора даже через канонически отстоявшиеся черты на нас часто глядят глаза тех людей, которые умели видеть и любить мир. Лицо Иоанна полно такой нежности и доброты, что зритель ощущает на себе как бы взор тех близких ему людей, которые его любят. Этот взгляд воспринимается сердцем и дает большую радость и ощущение полноты жизни.

Трогательный по своей прелести образ представляет изображение младенца Иоанна Предтечи, которого ангел ведет в пустыню. Его фигура полна детской грации и доверчивой поспешности. Средства, которыми передается его детская нежность, так просты, что трудно сказать, чем удалось художнику передать такие как бы светящиеся одежды и тело, такую воздушность и мягкость объема.

У Феофана Грека тело, плоть есть нечто само по себе темное и желовесное; оно только тогда начинает жить в его искусстве, когда он осветит его молниеносным светом своего воображения. Форма перестанет у него существовать, если утратятся блики. Его темперамент требовал для передачи одухотворенности экспрессии и контраста.

Рублев как бы меньше, чем другие средневековые люди, разделял дух и материю, он видел в их неразрывном единстве светлую, воздуш-

¹ ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1408 годом, стр. 238—239.

² ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1410 годом, стр. 240.

ную, живую плоть. Вследствие этого у него и у мастеров его круга всегда светлая палитра. Ему не нужна тень, чтобы подчеркнуть силу света. Светлые вибрирующие тона сами выражают свет и являются всегда фоном для более интенсивных и светосильных звучаний, как, например, известный голубой или янтарно-желтый, розово-красный и т. д.

К первому десятилетию XV века, повидимому, следует отнести одно из прославленных творений Андрея Рублева — Спаса из Звенигородского чина (рис. 5),¹ образ, который произвел огромное впечатление на русских людей. Спасы, относимые к московской школе XV столетия, обычно в той или иной мере подражали этому образцу. Последнее обстоятельство обычно заставляло считать образ Спаса из Звенигорода тем, что называется канонем. Но не следует ли поставить вопрос несколько иначе: не представлял ли он в то время, когда был написан, явление совершенно необычное и только чисто внешне следовал установленным требованиям канона? Безусловно, в нем впервые был найден русский идеальный образ Христа, отличный от образов предшествующего искусства, поражающего зрителя суровостью своего выражения. Рублевский Спас — это воплощение типично русской благообразности. Ни один элемент лица Христа не подчеркнут чрезмерно — все пропорционально и согласовано: он рус, глаза его не преувеличены, нос прямой и тонкий, рот мал, овал лица хотя и удлиненный, но не узкий, в нем совсем нет аскетичности, голова с густой массой волос со спокойным достоинством возвышается на сильной стройной шее.

Самое значительное в этом новом облике — взгляд. Он направлен прямо на зрителя и выражает живое и деятельное внимание к нему; в нем чувствуется желание вникнуть в душу человека и понять его. Брови свободно приподняты, отчего нет выражения ни напряжения, ни скорби, взгляд ясный, открытый, благожелательный. Перед нами как бы сильный и деятельный человек, который имеет достаточно душевных сил и энергии, чтобы отдать себя на поддержку тем, кто в этом нуждается. Звенигородский Спас больше натуральной величины человека. Он полон величия. Кроме того, в нем есть строгость внутренней чистоты и непосредственности, есть полное доверие к человеку.

Образы Рублева рождались эпохой, когда народ искал деятелей и защитников его интересов, когда пафос индивидуальной героики былого времени уступал, как мы уже видели, пафосу общенародного движения за освобождение от иноземного ига. Особое значение приобретали вследствие этого способность к самопожертвованию, стойкость и целеустремленность длительного действия.

В эпоху Рублева национальное самосознание возведено было на высшую ступень; за Русь и ее единство боролся каждый русский человек, в котором проснулось сознание общности народных интересов. В образе Спаса из Звенигорода мы видим воплощение мечты об идеальной личности; эту идеальную личность русские люди и Рублев в том числе искали и находили в своей собственной среде. Отсюда и новаторство Рублева в создаваемых им образах. Глубокомысленный, искренний, гуманный художник находился в полной гармонии с окружающей его действительностью. Он был облечен народным доверием, а потому проявлял себя в жизни полно и свободно. Его идеалы совпадали по духу с народными представлениями. Своими образами Рублев поддерживал в народе веру в свои силы.

¹ Об этой иконе см. в статье И. Э. Грабаря «Андрей Рублев» (Вопросы реставрации, I, М., 1926).

Во время нашествия Едигея был разрушен и сожжен Троице-Сергиев монастырь. Никон, преемник Сергия, понемногу восстанавливает его и в 1422 году начинает постройку ныне существующего белокаменного собора. Расписывать храм он приглашает Андрея Рублева и Даниила Черного, но так как с росписью храма спешили, то с ними работали и многие другие художники. Фресок эпохи Рублева в соборе, как показали работы реставраторов, в настоящее время не сохранилось, но иконостас уцелел почти полностью. В его создании принимало участие столь большое количество мастеров, что редко 2—3 иконы можно приписать одному художнику. Почти каждое произведение этого иконостаса достойно особой монографии. Но мы остановимся лишь на нескольких деталях и композициях, поражающих жизненностью или оригинальностью замысла.

В центре праздничного ряда находится «Евхаристия». Композиция разделена на две иконы: «Раздаяние хлеба» и «Раздаяние вина». Обе иконы сделаны разными мастерами. В «Раздаянии хлеба» справа, как обычно, изображены киворий, престол и Христос, раздающий хлеб. К нему приближается группа апостолов. Хлеб из рук Христа принимает апостол Петр (рис. 6). Действие происходит на фоне обычных палат. Лицо Петра типично для рядового русского человека и выражает трогательную благодарность по отношению к тому, кто дает ему хлеб. Он принимает хлеб, как милостыню; другие апостолы стоят, столпившись, как убогие, в ожидании своей очереди. Два юных апостола слева как бы выхвачены прямо из жизни (рис. 7); они сосредоточены и задумчивы, на них не обычные для апостолов одеяния — это не хитон и гиматий, а одежды с широкими воротами, напоминающие домотканые чепаны, которые носили раньше крестьяне. Быть может, это те простые одеяния, в которые облекались иноки Троицкого монастыря в то время.

Мастер этой композиции — прекрасный колорист, светлый и ясный, но он не очень заботится об изяществе форм: его архитектура эллинистического характера кажется как бы сколоченной с незатейливой неуклюжестью из дерева; купол кивория имеет несколько упрощенную форму; апостолы расположены совсем бесхитростно. Художник не заботится о том, чтобы их группа выглядела красиво. Его замысел глубок, и он не думает о внешнем эффекте. Это особенно бросается в глаза при сравнении с нарядной стройностью и изяществом композиции «Раздаяния вина», в которой архитектура сложна и искусно построена, цвета подчинены несколько темноватой гамме коричневых, желтых, темнозеленых и темнорозовых тонов. На прекрасно написанном покрывале престола — легкий золотой узор; группа апостолов движется, как в танце; их одежды красиво развеваются, пропорции удлинены, линии ритмично согласованы, выражения лиц сложны и напряжены. Мастер — изощренный артист, понимающий раздаяние вина как некое вдохновенное и приподнятое над обыденностью действие. Условность языка мастера «Раздаяния вина» подчеркивает простодушно-зоркое внимание к жизненной правде у мастера «Раздаяния хлеба».

Толкование художником таинства евхаристии как милостыни было совсем в народном духе того времени. Если вспомнить, что в 1422 году по всей Русской земле был голод и была «зима студена», люди умирали «с голоду и холоду», а иные «мертвыя скоты ядыху, и кони, и псы, и кошькы, и люди людеи ядоша»,¹ то напрашивается предположение, не была ли жизненная верность этой сцены навеяна еще недавними впечат-

¹ ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1422 годом, стр. 245.

лениями художника от действительности. Да и сама летопись в этих случаях описывает всё с беспристрастной точностью. Хотелось бы предположить в ясном, трезвом и правдивом художнике «Раздаяния хлеба» человека из народа, которому поручается одна из ответственных тем, наравне с аристократически изощренным мастером «Раздаяния вина».

У художников Троицкого иконостаса чувствуется большой интерес к юным лицам, к которым они присматривались в жизни. Эти наблюдения помогли им создать необычной прелести образ юноши Дмитрия Солунского (рис. 8), полного типичной для рублевской поры нежной грации. Он создан поэтическим воображением и полон художественной правды, отражающей лирическое чувство русского человека во всей его зрелости. Дмитрий Солунский склоняется подобно спелому колосу. Юный годами, он «имеет стар смысл». Для искусства Рублева характерны старцы с увядающей юностью чувств и юноши с мудростью старцев — повидимому, такими были лучшие русские люди его времени.

Плодом многих наблюдений жизни явилось изображение жен у гроба. Три женщины (рис. 9), созерцающие чудо воскресения, композиционно слитые воедино, являются живым воплощением грации русской женственности. В них отражены три возраста: средняя — юная — пленяет девственной доверчивостью, правая — пожилая — безупречностью простоты и скромности, левая — средних лет — сознанием силы своего характера и обаяния своей женственности. Их изображения близки к женам из Успенского собора во Владимире, о которых говорилось выше.

Наряду с такими поэтическими отражениями действительности в праздниках Троицкого иконостаса встречается и нечто, что имеет, повидимому, непосредственное касательство к волнующим моментам окружающей художника действительности.

В иконостасе есть еще две композиции, связанные между собой смысловым содержанием. Это — «Омовение ног» и «Тайная вечеря». Первая принадлежит кисти одного из лучших художников, трудившихся над иконостасом, и ближе всего по приемам к Рублеву, другая — художнику, который более других тяготеет к приемам живописи XIV столетия.

Тема изображенного в первой композиции такова. Христос, готовясь омыть ноги ученикам, поучает их, что больший из них должен быть слугою всем. Петр, не понимая смысла совершающегося, не хочет допустить, чтобы учитель унился, омывая ему ноги. Во время диалога Христос говорит: «если не дашь омыть ноги, то не будешь иметь части со мною в будущей жизни». Петр, утраченный этими словами, говорит, указывая на голову: «не только ноги, но и голову, и руки». В иконографии этого сюжета его жест традиционен; другие апостолы обычно просто готовятся последовать примеру Петра, некоторые из них снимают сандалии, другие глядят на происходящее или обращаются друг к другу.

Особенностью замысла данного произведения является общая задумчивость апостолов. Особенно замечателен один из них — средовек, расположенный справа, как раз против Христа. Он сидит, свободно откинувшись назад; его рука покоится на груди; поза и выражение лица говорят, что он глубоко задумался, уйдя в себя. Лицо и поза настолько жизненно правдивы, что его изображение действует очень сильно. При общей сосредоточенности жест Петра превращается в призыв к размышлению по поводу происходящего. Общая сосредоточенность апостолов как бы отражена в замкнутой в овал композиции. Согласованные в несколько приглушенной мягкой гамме голубоватые, зеленоватые, коричневые, розовые и янтарно-желтые тона подернуты легкой серебристой дымкой. Все пронизано как бы светом туманного дня. Атмосфера этого

произведения успокаивает и настраивает на созерцательную задумчивость.

В этой композиции дан момент, где показывается пример служения старшего младшим: «большой должен быть слугою меньших».

Идея служения Русской земле была ведущей в ту эпоху и нашла свое отражение во всем духе нашего древнего летописания. Люди, способные на это служение, облакались народным доверием и были активной силой, воплощавшей в жизнь прогрессивные устремления и чаяния народных масс. Дмитрий Донской на Куликовом поле бился с татарами «в лице, став наперед». Многие говорили ему: «Господине княже великий, не стави ся наперед битися, но назади или на крыле, или инде в опришнем месте». На это он отвечал: «Да како аз възглаголю: братие моя, потянем вкупе с единого, а сам лице свое почну крыти или хоронитися назади. Но яко же хошу словом, тако же и делом наперед всех и пред всеми главу свою положити за свою братью и за все християны, да и прочии, то видевше, примут со усердием дерзновение».¹

Художник «Омовения ног» явно призывал зрителей пораздумать над удивительным поучением, что большой должен быть слугою всех. Сам не безразлично относясь к этой животрепещущей теме, он желал активно воздействовать на зрителей.

Обращаясь к другой композиции — к «Тайной вечере» (рис. 10), среди сидящих вокруг стола апостолов замечаешь в первую очередь стремительное и жадное, как у хищной птицы, движение Иуды (рис. 11). Сильно нагнувшись вперед, он протянул руку к чаше на столе. Все апостолы в сдержанном волнении, Христос произнес слова: «Один из вас предаст меня». Любимый ученик возлежит у него на груди и по просьбе Петра задает ему вопрос: «кто предатель?». Христос отвечает: тот, кто обмакнет вместе со мною в солило хлеб, тот предаст меня. Жест Иуды, таким образом, выдает в нем предателя. Его протянутая рука и фигура в темном одеянии резко выделяются на розовом фоне стола; за ним высятся ослепительно яркого холодного желтого цвета палаты с темным проемом и порталом, повторяющим изгиб спины Иуды. Завитки портала напоминают головы хищных птиц. Контрасты цветов желтого и темно-зеленого, розового и почти черного производят впечатление напряженности и тревоги. Изображение портала, как бы повторяющее движение Иуды, усиливает характеристику жадности и хищности Иуды. Замечательно то, что лицо его юно и его, хотя и недобрая, красота поразительна. Рядом с ним сидит апостол в темном одеянии, у него курчавые волосы, характерное лицо человека сильной воли и большого темперамента. Он напряженно задумался, но весь его облик полон энергии; он смотрит вперед, и правая его рука делает жест в сторону Иуды, как бы желая остановить его движение. Линии, очерчивающие Иуду и этого апостола, настолько композиционно связаны друг с другом, что обе фигуры выделены из всех других. Невольно рождается вопрос: что скрыто за удивительной трактовкой этой темы, почему она так взволнованно жизненна и впечатляюща?

Надо помнить, что самым большим злом, тормозившим объединение Руси в XIV—XV веках, была внутренняя рознь. Летопись в ярком сопоставлении Олега Рязанского и Дмитрия Донского уже трактует эту злободневную для того времени тему, называя не раз Олега «Новым Иудой предателем на владыку своего бесящегося». Она страстно клеймит

¹ ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1380 годом, стр. 204.

Олега, называя его кровопийцей, велеречивым, худым, льстивым, душегубным, отступником от света во тьму, и в то же время чрезвычайно превозносит Дмитрия Донского, любясь его скромностью, храбростью, готовностью жертвовать собой ради русского народа.

В иконе художник не мог поступить подобно летописцу — изобразить Иуду отвратительным, как это обычно делалось в западной живописи и нередко и в греческой, не позволял русскому человеку его такт и вкус в понимании прекрасного. В русской иконе обычно Иуда юный и не отмеченный чем-либо от других апостолов, но, видимо, отношение к теме мастера Троицкого иконостаса было очень живое: он желал предостеречь, удержать человека от предательства, вскрыв в своем произведении природу этого бедствия. Подобные изображения склоняли не понимавших общенародных интересов к критическому отношению к себе и к своим действиям.

Во всем чувствуется большая мягкость и знание души человека, большое умение воспитывать и убеждать с любовью, снисходительностью, но с твердостью непреклонной. В летописи мы видим, что коль скоро виновный обращался на путь примирения и верного служения общим интересам, летописец, не пожалевший красок для осуждения Олега Рязанского, с удовлетворением под 1385 годом описывал, как Сергию удалось склонить его на вечный мир с московским князем, и писал, что в 1387 году «князь великий Дмитрий Иванович отдал дщерь свою княжну Софью на Рязань за князя Феодора Ольговича»,¹ т. е. за сына Олега Рязанского. Видимо, никого не смущало его прошлое; самое важное было удержать этим браком новые раздоры.

Остановлю внимание еще на одной детали из композиции «Сретение». Перед нами старец, принявший младенца из рук скромной задумчивой женщины. Его лицо отражает такую ясную и радостную доброту прекрасной старости, точно в нем отразился весь итог долгой жизни. Оно полно такой правдивости и искренности, что поражаешься, как этот старец обрел способность отдаваться вечной юности чувств. Сколько надо было иметь оптимизма и нравственного здоровья, чтобы создать подобное чудо искусства! Глядя на лицо старца Симеона, понимаешь, что старцы, писавшие иконы Троицкого иконостаса, могли наполнять их светом, цветом, гармонией и мудростью, почерпнутой из деятельно и полно прожитой жизни. Это были не суровые аскеты, а только люди, умевшие отказывать себе во всем, не теряя жизнерадостности. Они упивались окружением природы и любовью к жизни, не отрываясь от нее, а сливаясь с нею каждым дыханием.

После того как перед нашими глазами прошли образы прошлого, живые, разнообразные, полные трепета, тревоги и радости жизни, такие близкие и доступные нам через 500 с лишним лет, естественно задаешь себе вопрос: можно ли считать, что и такое произведение Рублева, как «Троица», является порождением его отрешенности от жизни, его фантазии и неудовлетворенности действительностью? С этим мнением никак нельзя согласиться.

Правда, как человек средневековья, Рублев должен был говорить на языке религиозных символов, но мы, преодолев трудности его условного языка, можем смело сказать, что он говорил не для немногих избранных, его речь была обращена ко всем, кто любил родину, жизнь и людей, его окружавших. Художник «Раздаяния хлеба», изображая евхаристию под видом милостыни, по существу говорил с ним на одном языке. Только

¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 431.

он передавал впечатления от непосредственно наблюдаемого в жизни действия, а Рублев создавал вершины философского и художественного обобщения на основе той же реальной действительности. Тема «Троицы», как известно, евхаристическая. Чаша, являющаяся композиционным центром этого произведения, издавна вошла в народную поэтическую образность как «чаша смертная». Этот поэтический образ подрамуется в «Слове о полку Игореве», когда говорится о пире и вине; в «Повести о разорении Рязани» он повторяется, как рефрен: «все равно умроша, едину чашу смертную пиша»; о Куликовской битве говорится, правда, в «Синописе», как «о горьком и пристрашном часе, в нем же множество создания божия смертную испи на брани чашу», и т. д. В «Троице» она означает высшую степень человеческой любви, т. е. той любви, которая побуждает человека жертвовать своей жизнью.

В «Троице» Рублев отразил общенародную идею своего времени, идею о единстве и о любви к родине. Этот образ предстает перед нами, как любовь женственно-нежная и мужественно-самоотверженная, как любовь «человечная». Рублев мог воплотить ее в своем произведении с такой ясностью и искренностью только потому, что он жил полной жизнью с людьми своей эпохи, потому, что он любил их и любил свою родину. Представление о единстве Руси и личное чувство, которое его соединяло с ней, нашло отражение в общем согласии трех ангелов «Троицы» и в общей гармонии целого. Рублев был подлинный поэт в живописи. Его произведения полны ритма, воздуха, света и чистых звучных цветов. Всем этим он подобно автору «Задонщины» хотел «возвеселить» русского человека, так много перестрадавшего и перетерпевшего, — ведь ничто так не радует и не утешает человека, как доверие к его добрым и доблестным качествам. И Рублев утешал русского человека, радовал его; выражаясь языком того времени, он «умилял» его. Он продолжает радовать и восхищать людей и в наши дни.

Рублев умел мечтать о прекрасном человеке и умел воплощать свою мечту в живую действительность художественного образа. Невозможно создание таких образов без личного героизма и самопожертвования, об этом говорит весь труд его жизни. В умении Рублева мечтать и действовать отразилась также характерная черта русского национального гения.

Рис. 1. Борис. Деталь иконы «Борис и Глеб с житием» из г. Коломны. Вторая половина XIV века. Гос. Третьяковская галерея.

Рис. 2. Глеб. Деталь иконы «Борис и Глеб с житием» из г. Коломны. Вторая половина XIV века. Гос. Третьяковская галерея.

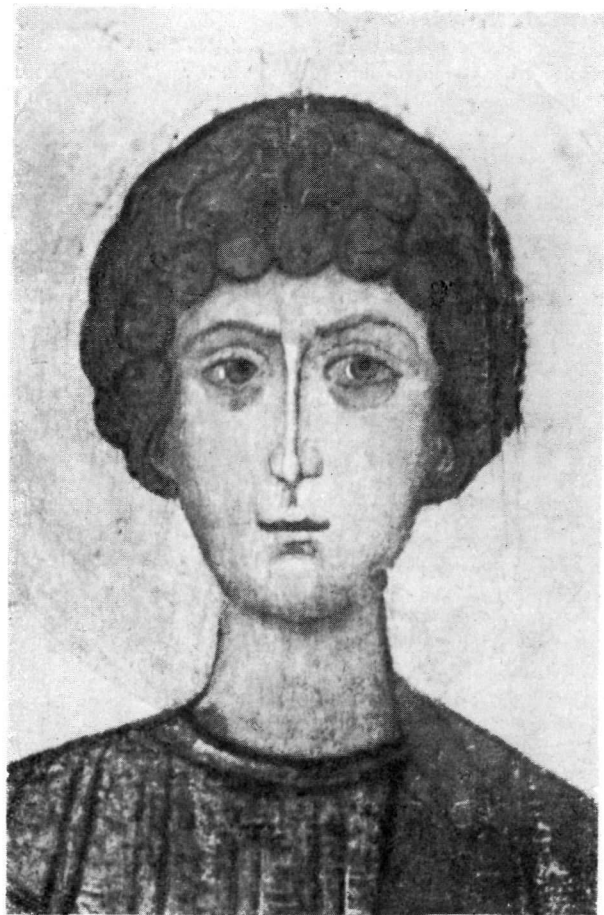

Рис. 3. Георгий. Деталь иконы «Георгий и Никола» из с. Гуслицы. Конец XIV века. Московская школа Гос. Русский музей.

Рис. 5. Спас. Средник Деисуса из г. Звенигорода. Андрей Рублев. Начало XV века. Гос. Третьяковская галерея.

Рис. 4. Праведные жены, идущие в рай. Деталь композиции «Страшный суд». Фреска в Успенском соборе в г. Владимире.
1408 год.

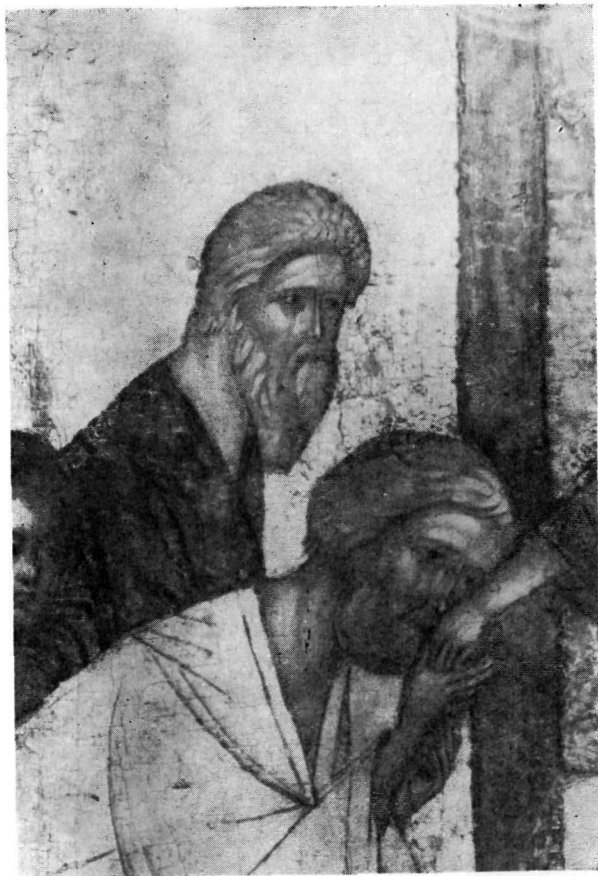

Рис. 6. Апостол Петр. Деталь иконы «Раздавание хлеба». Из иконостаса Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре. 20-е годы XV века.

Рис. 7. Апостолы. Деталь иконы «Раздавание хлеба». Из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. 20-е годы XV века.

Рис. 8. Деталь иконы «Дмитрий Солунский». Из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. 20-е годы XV века.

Рис. 9. Жены мирносицы у гроба. Деталь иконы из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. 20-е годы XV века.

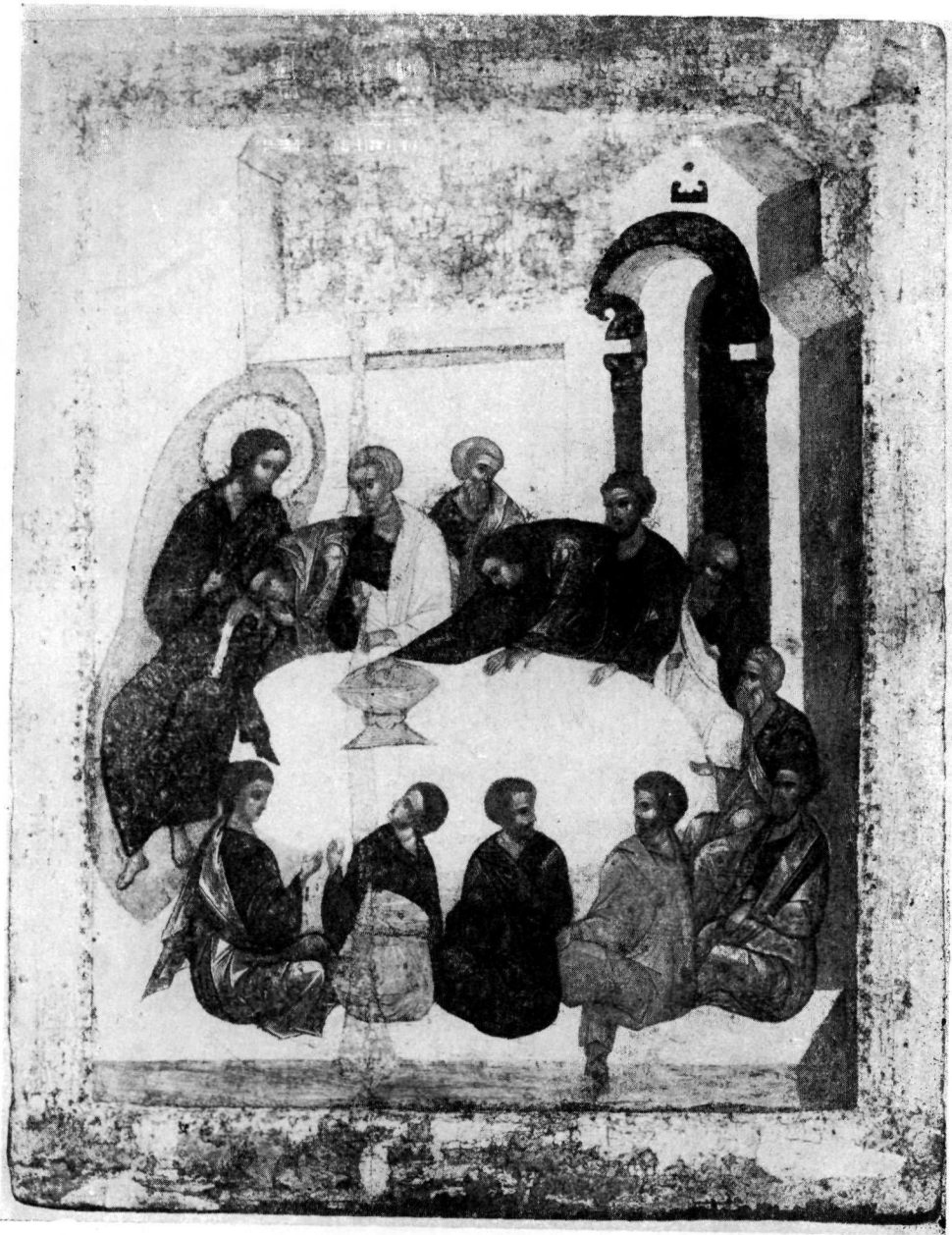

Рис. 10. «Тайная вечеря». Из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. 20-е годы XV века.

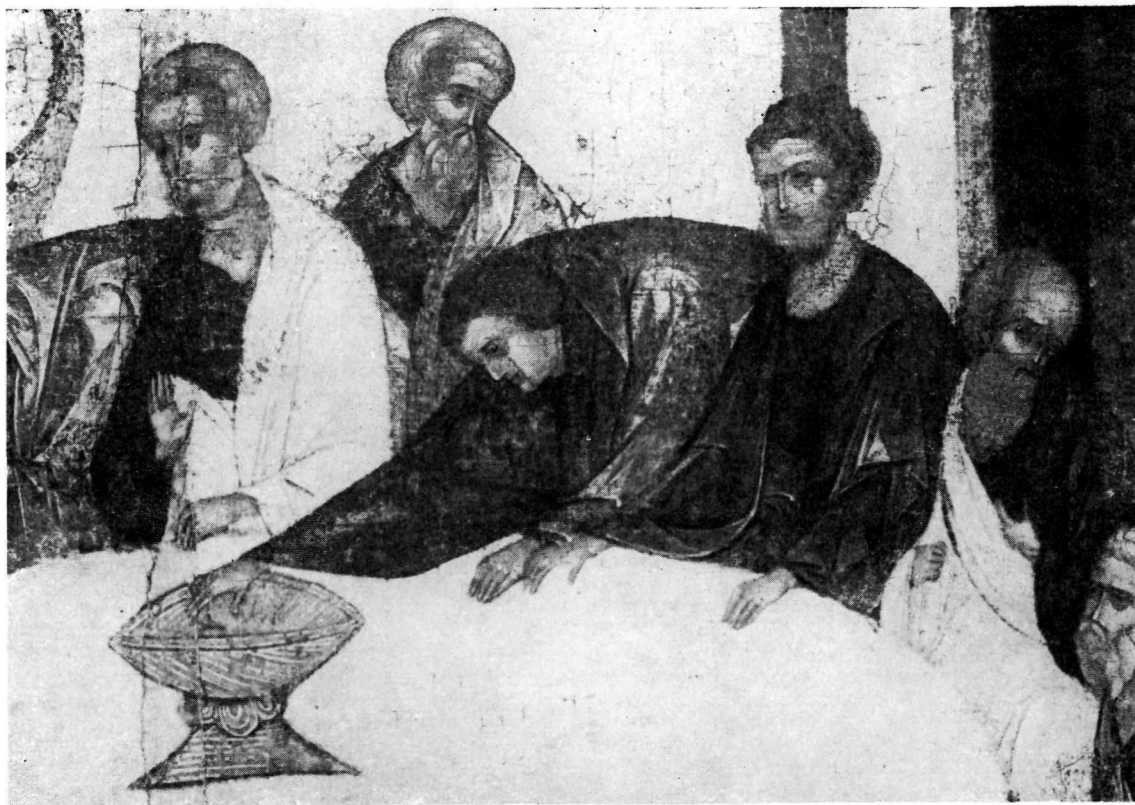

Рис. 11. Иуда. Деталь иконы «Тайная вечеря». Из иконостаса Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. 20-е годы XV века.

Н. Н. РОЗОВ

Настенные росписи на сюжеты древнерусской литературы в Воскресенском соборе в городе Тутаеве

Монументальная живопись древней Руси издавна давала значительно больший простор творческой фантазии русских художников, чем станковая живопись. Причину этого явления следует искать прежде всего в различии назначения станковой и монументальной живописи. Иконы всегда были предметами религиозного культа; настенные росписи такими не являлись, и им не воздавалось ритуальных почестей. Они служили для обозначения символики отдельных частей храма, способствовали созданию у молящихся соответствующего настроения, имели в значительной степени декоративное значение.

Во фресковой живописи издавна преобладали многофигурные композиции, существовавшие и в станковой живописи, но в гораздо меньшем количестве и разнообразии. Многофигурным композициям было тесно в иконных клеймах; художник мог развернуть их только на широких просторах стен. А просторы стен продолжали увеличиваться.

Образование Русского централизованного государства, сопровождавшееся подъемом национального самосознания, ростом культуры, развитием литературы и искусства, способствовало развитию градостроительства. При этом не только строились новые палаты и храмы, но реставрировались, покрываясь новыми росписями, и старые. Особенно большие возможности перед художниками-монументалистами открыло сооружение грандиозного ансамбля московского Кремля: в Кремле расписывались не только соборы, но и великокняжеские палаты.

В русской живописи к тому времени был накоплен уже большой опыт создания сложных многофигурных композиций как в монументальной, так и в станковой живописи. На иконах XIV и XV веков появились сложные композиции на мистико-символические («Церковь воинствующая»), литературные («Чудо от иконы Знамения») и многие другие сюжеты, вызвавшие необходимость более тщательного, чем до сих пор, изображения пейзажа, архитектуры, бытового реквизита. Появляются также многочисленные изображения животных (на иконах Власия, Фрола и Лавра, Георгия и других), людей («Молящиеся новгородцы») и, наконец, портрет (иконы и пелены с изображениями Кирилла Белозерского, Сергия Радонежского и некоторых других).

Расширение тематики, увеличение количества и многообразия изобразительных средств в русской живописи XV века находили свои аналогии в литературе того времени. Старинные жанры русской литературы обогатились тогда и пышным «плетением словес» Елифания Пре-

мудрого, и многочисленными произведениями исторического жанра, без аллегорий и прикрас рассказывающими о княжеских междоусобицах недавно минувших времен, о суровой борьбе русского народа за свержение татарского ига, об отдельных героях этой борьбы. В литературе развивается интерес к личности, к психологии человека, к его переживаниям, к бытовой обстановке.

Новые и большие возможности для развития русской монументальной живописи предоставили огромные паперти и галереи вокруг храмов, появившиеся в XVII веке в церквях торгово-промышленных городов Верхнего Поволжья. На этих папертях-галереях в ожидании церковной службы прихожане толковали о своих делах, здесь заключались иногда торговые сделки, здесь же пировали в дни храмовых праздников, в дни именин или поминок в семье строителя или старосты церкви. Такие паперти-галереи, являвшиеся наполовину преддвериями храмов, наполовину светскими зданиями, соответственно и расписывались. Основная тематика этих росписей не выходила обыкновенно за пределы круга библейских книг, но в трактовке этих сюжетов, наряду с условными, архаическими по манере письма пейзажами и изображениями зданий появляется костюм и бытовая реkvизит XVII века, наряду с традиционными фигурами святых и «бесплатных сил» появляется тенденция к реалистической и даже натуралистической трактовке человеческого тела, фигур диких и домашних животных. В росписях папертей-галерей середины XVII века сюжеты, не входящие в круг «священного писания», в том числе сюжеты, почерпнутые из древнерусской литературы, получили значительно большее, чем до сих пор, распространение.

Четыре таких сюжета имеются в росписи паперти-галереи Воскресенского собора в городе Тутаеве Ярославской области (бывш. г. Романов-Борисоглебск). Этот собор является выдающимся памятником русской церковной архитектуры середины XVII века (построен в 1652 году).¹

Расположенный на красивом берегу Волги, он высоко поднял вверх пять своих стройных куполов с изящными вытянутыми крестами (такие кресты рисовали в то время на миниатюрах роскошных иллюстрированных рукописей). Основную кубическую массу здания с трех сторон охватывает замечательная по изяществу отделки двухъярусная галерея — шедевр искусства ярославских каменщиков, с которой асимметрично (на юг и на запад) сбгают две отлогие крытые каменные лестницы, заканчивающиеся массивными крыльцами, перекрытыми «бочкой».

Внутренность собора несколько контрастирует с его внешностью. Здесь все сделано для того, чтобы создать настроение, соответствующее назначению этого здания. Свет, обильно льющийся сверху (нижний ряд окон, выходящий на галерею, пропускает мало света), создает впечатление огромной глубины. Предполагалось, очевидно, чтобы входящий в собор сразу же почувствовал себя ничтожным обитателем «юдоли земной», над которой высятся мощные, хорошо освещенные своды и купола, по-

¹ Дата освящения собора отмечена на его западной стороне. К сожалению, мастера, расписывавшие собор, оказались слишком скромными: они не указали ни своих имен, ни имен заказчиков, как это сделали, например, авторы росписей знаменитой церкви Ильи в Ярославле. Роспись стен Воскресенского собора И. Э. Грабарь датирует 80-ми годами, основываясь на том, что на некоторых из них имеются вирши Симеона Полоцкого (И. Грабарь. История русского искусства, VI. М., [1913], стр. 500). Однако эти вирши могли быть подписаны и позднее, под уже готовыми изображениями (следы позднейших дополнений и записей на стенах Воскресенского собора имеются в изобилии). Вопрос о датировке стенописей Воскресенского собора требует уточнения специалистами, и это — нелегкая задача, так как об истории постройки собора в литературе нет почти никаких сведений.

крытые изображениями святых, «небесных сил» и самого «вседержателя».

Резкий контраст ощущается при выходе из собора через массивный, но ажурный, резной каменный портал на паперть-галерею, всю залитую солнечным светом, переливающимися яркими красками, более похожую не на преддверие храма, а на «гульбище» вокруг богатого дома.

В росписях паперти-галереи прежде всего чувствуется полная свобода творческой фантазии древнерусских мастеров живописи. Без очевидной последовательности, без прямолинейных рамок здесь перемежаются сложные композиции на какую-нибудь фразу из Евангелия или Апокалипсиса и порой весьма реалистически трактованные сцены из «Ветхого Завета». Древнееврейские пророки изображены здесь в перемежку с русскими князьями, византийские отцы церкви и восточные аскеты — рядом с библейскими блудницами. В центре северной галереи, например, внизу в очень удобном для обозрения месте, между изображениями Никифора, патриарха Царьграда, и Иоанна Крестителя — сурового пророка с крыльями ангела, — изображена весьма натуралистически трактованная Сусанна, фигура которой заполняет весь простенок между окнами (рассматривающие ее старцы изображены вверху и почти незаметны). На противоположной стороне, над изображением «вознесения» живым на небо пророка Ильи — не менее реалистически трактованная и тоже обнаженная жена Пентефрия, хватающая за плащ убегающего от нее Иосифа Прекрасного. На сводах южной галереи, где изображен Адам, дающий имена животным, — выразительные белые силуэты спокойно лежащего красавца-оленья, задористого петуха и настороженного, испуганного зайца. Об элементах реализма в росписях церковей XVII века Верхнего Поволжья, в особенности Ростова и Ярославля, искусствоведами написано немало; однако вопрос об использовании и трактовке в этих росписях сюжетов и тематики, не входящих в круг книг Ветхого или Нового Завета, в литературе почти не затрагивается.¹

В росписях Романово-Борисоглебского собора, как уже упоминалось выше, имеется четыре таких сюжета: 1) Повесть об Евлогии-каменесечце (из Сводного патерика, вошедшая потом в Четьи-Минеи); 2) История крещения Руси (из Повести временных лет, так называемая «корсунская легенда»); 3) Повесть о «явлении» Тихвинской иконы божьей матери; 4) Повесть о новгородском белом клобуке.

Первая из указанных повестей, не русская по происхождению, не получила широкого распространения и не вышла за пределы круга религиозно-нравоучительных книг. Три остальные сюжета целиком принадлежат оригинальной древнерусской литературе и получили значительное распространение в рукописной книжности XVI—XVIII веков. Поэтому на них мы и остановимся, для того чтобы иметь возможность сделать некоторые выводы и предположения относительно способов и методов отражения тематики древнерусской литературы в монументальной живописи XVII века.

История крещения Руси рассказана в восьми изображениях, расположенных на стене юго-западной части паперти-галереи Воскресенского со-

¹ И. Грабарь, ук. соч.; см. также ряд статей в вышедшем в Ленинграде в 1929 году сборнике «Русское искусство XVII века», в книге Б. В. Михайловского и Б. И. Пуришева «Очерки истории древнерусской монументальной живописи» (М.—Л., 1941), в работах Н. В. Покровского, Д. В. Айналова, А. И. Некрасова, М. В. Алпатова и многих других, а также в монографиях-альбомах о трех знаменитых своими росписями ярославских церквях — Ильи пророка, Иоанна предтечи и Богоявления — Н. Г. Первухина.

бора. На первом из них, помещенном над окном, в левой стороне люнета изображен князь Владимир в короне и со скипетром, вручающий грамоту послу, за Владимиром — группа бояр. Наверху мелким, незаметным полууставом написано: «Посла Владимир к царема греческима глаголя: „дайте за меня сестру вашу“». Рядом изображено вручение грамоты греческим царям, а надпись гласит: «Они же отвецаша: „несть зде такового обычая, еже христиан отдавати за поганья“». На этом изображении запоминается лицо одного человека из свиты русского посла, который с большим интересом рассматривает греческих царей. Ниже этих двух изображений, в простенке между окнами — опять Владимир на троне, но только уже без свиты, принимающей посла, и надпись: «Рече же: аще ли крестися и то получиши и вящии сего — царство небесное». Эту композицию оживляет фигура воина, с любопытством заглядывающего в дверь.

На этих трех первых композициях мы видим мало выразительных человеческих фигур и реквизита. Однако надписи, имеющиеся на изображениях, вполне раскрывают содержание каждого эпизода, и художнику не нужно было их дополнять.

В следующей композиции, отделенной от первых трех окном, художнику необходимо было дополнить летописца, слова которого написаны сверху: «И в то время Владимир очима впаде в болезнь». В центре этой композиции — выразительная фигура больного Владимира на ложе с полужакрытыми глазами, подпирającego рукой левую щеку. Рядом стол, на котором лежат корона и скипетр; у стола стоит юноша, беспомощно разводя руками; у изголовья — скорбная фигура бородатого мужчины. Эти фигуры передают с большой экспрессией атмосферу тревоги и волнения, царящую в опочивальне больного князя, беспомощность положения которого подчеркивают нарисованные у кровати полусапожки — их он уже давно не надевал (рис. 1).

Далее сверху композиция на слова: «И рече царица пославшим к нему: „аще не крестися и не избудет болезни сея“». На троне под балдахином с драпировками — статичная фигура женщины в короне, перед ней — посол со свитой, сзади — две женщины (одна из них выглядывает из-за драпировки). Рядом изображено крещение Владимира, который стоит полубнаженный в кадке, в церкви перед епископом и дьяконом. Сзади — несколько мужских и женских фигур. Все это также ничего не добавляет к надписи: «И крестися Владимир, и очима прозре и верова в бога».

Последние две композиции на сюжет корсунской легенды помещены в местах очень удобных для обозрения (внизу, в простенке между окнами) и разработаны весьма тщательно. Действие происходит в них уже не в помещении, как в первых шести композициях, а на открытом месте, что дало возможность художнику ввести в изображение пейзаж и здания (до сих пор на фресках, иллюстрирующих корсунскую легенду, изображались только интерьеры).

Особенно хороша, к сожалению, несколько попорченная внизу сыростью, композиция, изображающая сокрушение кумиров. В центре ее — величественная фигура Владимира, решительным жестом указывающего вниз, очевидно, на поверженный кумир, над которым склонился юноша. Другой юноша, нарисованный выше первого, широким, энергичным жестом замахивается секирой на статую Перуна — обнаженную фигуру с мечом в руках. Еще выше — стилизованные и условные, как на книжных миниатюрах, горы. Таким многоярусным расположением элементов этой композиции художник, несомненно, хотел подчеркнуть пространственность изображения, необходимую для этой сцены, происходящей на открытой местности. Точно такой же прием наблюдается и в заключительной композиции на тему

корсунской легенды, где изображено крещение Руси. Связующим звеном всех изображений, расположенных в этой композиции друг под другом, является река, текущая сверху вниз. На берегу реки изображена группа духовенства, в реке — группы и отдельные фигуры крестящихся мужчин и женщин. Вверху нарисованы контуры зданий, подчеркивающие, что действие происходит не только на открытом месте, но и недалеко от города.

Так передана в стенописи Воскресенского собора история крещения Руси. Художник выбрал и изобразил несколько главных моментов этой легенды, опустив — конечно, совершенно сознательно — большую часть ее, рисующую князя Владимира совсем не с положительной стороны. Следует отметить, что на иллюстрациях корсунской легенды художник, как будто не доверяя выразительности своих изображений, поместил выдержки из соответствующих мест Повести временных лет.¹

По такому же принципу построен и цикл композиций на сюжет Повести о явлении Тихвинской иконы божьей матери, расположенный на сводах восточного конца южной галереи. Шесть композиций на этот сюжет, снабженных соответствующими и довольно подробными надписями, иллюстрируют шесть основных этапов путешествия этой иконы. Они очень хороши по рисунку, манере письма и гамме красок, хотя все изображения были основательно прописаны в начале текущего столетия (по раскраске они резко выделяются на фоне остальных росписей стен и сводов галереи) и трудно судить об их первоначальном виде.

Наиболее интересный пример иллюстрирования художником-монументалистом XVII века произведений древнерусской литературы наблюдается в цикле росписи на тему Повести о новгородском белом клобуке — самом большом из всех циклов, состоящем из 17 изображений. Этот цикл мы рассмотрим подробнее, так как в данном случае художнику пришлось решать гораздо более сложную задачу.

Повесть о новгородском белом клобуке — произведение очень большое по объему, многословное, насыщенное множеством отдельных эпизодов, охватывающее более чем тысячелетний хронологический период (с IV по XIV век). Как отмечалось нами в работе, специально посвященной этому произведению, Повесть четко делится на четыре части, соответствующие четырем основным хронологическим этапам повествования.²

В первой из этих частей рассказывается история обращения в христианство Константина Великого, который награждает епископа Сильвестра в благодарность за исцеление от проказы специально для него сделанным головным убором — белым клобуком. Этой истории и посвящена основная часть росписей правой стены южной галереи Тутаевского собора.

В люнетах над окнами и в простенках между ними (так же как и в изображениях корсунской легенды) в полном соответствии с содержанием основной, пространный редакции Повести, помещено девять сцен, иллюстрирующих легенду о происхождении белого клобука. Это большей частью — сложные, многофигурные композиции, написанные тщательно,

¹ История крещения Руси — один из первых сюжетов русской литературы, отразившихся в монументальной живописи: фрески на эту тему были среди росписей Золотой палаты в Кремле. Этот сюжет был использован также в стенописях Новоспасского монастыря в Москве, где корсунская легенда иллюстрирована несколько полнее, чем в Романово-Борисоглебском соборе (Б. В. Михайловский и Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи. М.—Л., 1941, стр. 114).

² Н. Н. Розов Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века. Труды ОДРЛ, IX, стр. 183—184.

со множеством подробностей, заимствованных из текста Повести. Особенно широко и тщательно написаны композиции, расположенные на люнетах; здесь художник не поспешил местом и расположил на каждом люнете по одному изображению, заполнив им все пространство люнета (в цикле иллюстраций истории крещения Руси на такой же площади помещено по две сцены).

На первом люнете развернута драматическая сцена встречи Константина с матерями, принесшими своих детей для того, чтобы царь исцелился, искупавшись в крови младенцев. В Повести о белом клобуке Константин — центральная фигура этого эпизода; на фреске же внимание художника сосредоточено не на нем, а на толпе матерей, которые изображены экспрессивно, резко контрастно с величавыми статичными фигурами Константина и его немногочисленной свиты. Одна из матерей, стоя на коленях, протягивает к Константину плачущего ребенка, другая падает ему в ноги, третья рвет на себе волосы и царапает свое лицо, остальные — каждая по-своему — выражают свое горе и отчаяние. Вся группа женщин расположена вертикально сверху вниз, по пути шествия Константина в храм, представляющий собой ротонду с куполом, где уже готова купель для этого кровавого действия. Таким, очень удачно выбранным композиционным приемом художник слил воедино два расположенных одно под другим изображения, умело использовал всю площадь люнета и простенка (рис. 2).

В первом из них он поместил широко написанную сцену, происходящую на открытом месте, подчеркнув это изображенными вдали, в левом углу люнета, городской стеной и зданиями, а в правом углу — горами и лесом; внизу в простенке он изобразил сцену, происходящую в помещении. В центре внимания художника оказались уже не люди, а архитектурные детали — огромная ротонда и тяжелый каменный постамент, на котором стоит массивная ваза. Все эти тяжелые архитектурные детали как будто вытесняют из узкого по сравнению с люнетом простенка фигуры людей (несколько женщин с младенцами изображены сбоку и за колоннами ротонды); единственная помещенная в центре изображения человеческая фигура — обнаженный беспомощный ребенок — только подчеркивает холод и по-настоящему каменное безучастие всего этого массивного архитектурного антуража к происходящей здесь человеческой трагедии (рис. 3).

Дальнейшие иллюстрации к Повести о новгородском белом клобуке на стенах Воскресенского собора изображают быт и торжественные церемонии двора римского императора. В них всё спокойно, величаво, статично. Спокойно спит Константин на своем богатом ложе, нет даже намек на то, что перед нами тяжело больной человек; величественно стоит он впереди массивного трона под балдахином с драпировками, встречая Сильвестра — строгую монашескую фигуру со сложенными на груди руками; величественно сидит он за столом рядом с Сильвестром и, наконец, торжественно возлагает белый клобок на Сильвестра. В этих изображениях много архитектурного элемента и декоративности (лестницы и переходы во дворце Константина, балдахины, драпировки), но мало динамики. Только несколько отдельных менее статичных фигур оживляют эти композиции: таковы фигуры двух мальчиков (один из них подает пищу в сцене пира, другой держит посох Сильвестра) и выразительная группа воинов, спящих в сенях спальни Константина.

Гораздо менее статичны и более выразительны изображения, иллюстрирующие последнюю часть Повести о белом клобуке — историю его прибытия на Русь. В этих изображениях много интересных деталей и человече-

ских фигур. В сцене отправки клобука из Византии, например, в полном соответствии с текстом Повести, мы видим и плачущего патриарха, и рядом с ним монаха, держащего открытый ларец для упаковки клобука, и целую толпу присутствующих в храме — духовенства и мирян, среди которых несколько фигур в богатых костюмах. Особенно тщательно, живо и интересно изображены две последние сцены, происходящие в Новгороде. Сцена встречи клобука, написанная столь же широко, как и сцена избияния младенцев, — сложная многофигурная композиция. В центре ее — две фигуры в архиерейских мантиях, держащие ларец; сзади них два монаха держат другой ларец побольше. Это все в полном соответствии с текстом Повести: новгородский архиепископ Василий принимает ларец с клобуком от греческого епископа; подарки от патриарха находятся в другом ларце. Эту величаво-статичную группу духовенства оживляют две бойко жестикулирующие фигуры мужчин-мирян, помещенные левее. Таким скупым, но выразительным приемом достаточно убедительно передано волнение ничего еще не знавших новгородцев, которых Василий неожиданно собрал на встречу посланцев патриарха звоном во все колокола. Наконец, еще одна деталь, показывающая, что действие происходит именно в Новгороде, — две фигуры бояр в свите Василия. Это либо посадники новгородские, либо «владычные бояре» (рис. 4).

Еще более определенно локализована последняя, заключительная композиция на сюжет Повести о белом клобуке. Храм, в котором происходит действие, при всей условности своего изображения, отличается от того храма, в котором Константин возлагает белый клобук на Сильвестра, и от того, где византийский патриарх отправляет клобук на Русь. Перед нами трехнефный храм, вверху которого нарисован образ Спаса с бородой (до сих пор в сценах, происходящих в Риме и Византии, он изображался без бороды), и это — несомненно новгородская София, а Спас — знаменитый Пантократор в куполе собора. Стоящий в центре епископ изображен в фелони, белом клобуке и омофоре с крестами (в тех самых «крестчатых ризах», которыми, по единодушному свидетельству летописцев, архиепископ Василий был награжден московским митрополитом Феогностом). Заключительная композиция на сюжет Повести о белом клобуке по краскам самая светлая и яркая из всего цикла. Здесь много белого цвета, символизирующего праздничность изображенного события. Последнее подчеркивается также особенно тщательно выполненной белой узорчатой рамкой, увенчанной тремя главками с красивыми удлиненными крестами.

Какие выводы можно сделать из наблюдений над стенписями Воскресенского собора, иллюстрирующими произведения древнерусской литературы? Прежде всего это именно — и в полном смысле этого слова — иллюстрации литературных произведений, а не «вольные импровизации», которые наблюдаются в изображениях библейских сюжетов. В этих вольных импровизациях на стенах и сводах галереи-паперти Тутаевского собора мы видим множество реалистически изображенных фигур людей, диких и домашних животных, а также трудовых процессов и бытовых сцен. Таковы сцены постройки Ноева ковчега и Вавилонской башни, в которых изображены приемы работы русских плотников и каменщиков XVII века, композиция на текст «Отче наш» и многие другие изображения, изобилующие подробностями, на которые нет никакого намека в тексте соответствующих им произведений.

Совсем другое мы видим, когда художники-монументалисты обращаются к темам из русской литературы; здесь чувствуется прежде всего хорошее знание содержания иллюстрируемых произведений. Художники, расписывающие стены паперти-галереи Воскресенского собора, очевидно,

внимательно прочитали те произведения древнерусской литературы, которые они иллюстрировали, схватили основные моменты их содержания, знали, что именно надо изобразить для раскрытия идеи данного произведения и что можно опустить.

Все это особенно убедительно доказывается росписями на сюжет Повести о новгородском белом клобуке. Несмотря на то, что эта Повесть велика по объему и сложна по содержанию, художник иллюстрировал ее исключительно живописными средствами, не прибегая к надписям.¹ Он, очевидно, хорошо знал не только содержание самой Повести, но и послесловие к ней — «Написание архиепископа Геннадия»; в «Написании» говорится о двух основных элементах содержания Повести о белом клобуке, в которых сообщается о «сотворении» и о прибытии его на Русь. Этим основным, определяющим сюжет Повести частям художник и посвятил свои росписи, уделив тому, что в «Написании» названо «прочим», несенным в это произведение позднее, самим Геннадием, минимальное внимание.² Такому замыслу художника подчинено и хорошо продуманное расположение иллюстраций Повести о белом клобуке на правой стене южной части галереи-паперти. Девять из них, посвященных первой части Повести, он расположил на шести плохо освещаемых смежных простенках и люнетах над ними. Далее следует узкая полоса над широким проемом двери — своего рода «мост», соединяющий обе части стены. Здесь художник поместил два небольших изображения, иллюстрирующих по одному эпизоду из второй и третьей частей Повести, также связывающих ее первую часть с последней. Эту заключительную часть Повести о белом клобуке, описывающую прибытие на Русь религиозной реликвии, которой в Повести приписывается мировое значение, художник поместил в самом лучшем, самом светлом месте. Он хорошо понял значение финала Повести, в котором описывается встреча белого клобука, как факта перехода в нашу страну всей полноты мирового религиозного и политического значения «ветхого» и «нового» Рима. Так громко и торжественно зазвучала на фресках Воскресенского собора доктрина «Москвы — третьего Рима».

Важно отметить, что росписи на сюжеты древнерусской литературы на паперти Воскресенского собора не изолированы друг от друга, но образуют своеобразный «остров» среди основной массы фресок на темы книг религиозно-нравоучительной литературы. В светлом юго-западном углу галереи-паперти смыкаются циклы иллюстраций Повести о белом клобуке и корсунской легенды; здесь же, в амбразурах окон — изображения московских князей Даниила Александровича, Ивана Калиты, Дмитрия Красного. Так чаще всего бывает в рукописных сборниках XVII века, в которых среди самого разнообразного по содержанию и происхождению материала попадают обычно не по одиночке, а группами произведения древнерусской литературы, тематически связанные друг с другом. Все это говорит о тесной связи русского изобразительного искусства XVII века с древнерусской книжностью.

Историкам древнерусской литературы необходимо заняться тщательным изучением настенных росписей церковей XVII века. Искусствоведами эти росписи изучены достаточно хорошо, и о них написано немало серьезных исследований. Однако вопросы отражения в этих росписях сюжетов, почерпнутых не из библейских книг или апокрифической литературы, а из русской историографии и литературы, не нашли в этих работах почти

¹ Имеющиеся на некоторых изображениях этого цикла надписи — позднейшего происхождения.

² Текст «Написания архиепископа Геннадия» опубликован в IX томе «Трудов ОДРЛ».

никакого отражения.¹ Более внимательное изучение настенных росписей XVII века несомненно обнаружит в них еще многие случаи использования русскими художниками-монументалистами тем и сюжетов, отражающих историю нашей страны, навеянных произведениями древнерусской литературы.² Кроме того, наблюдения над композицией, рисунком и раскраской этих изображений дают основание говорить об их связи с древнерусской книжной миниатюрой. Это не было случайным: черпая из рукописной книжности сюжеты для своих росписей, русские художники-монументалисты могли в какой-то мере заимствовать отсюда же и исполнительскую манеру. С другой стороны, в иллюстрациях поздних рукописных книг древнерусской традиции, преимущественно старообрядческого происхождения, иногда чувствуется влияние монументальной живописи XVIII века. Это можно подметить в сложных, многофигурных композициях иллюстраций Апокалипсиса, в рисунках Страшного суда, в иллюстрациях библейских сюжетов, изображение которых в рукописной книге XVII века отличается подчас значительной и небывалой до тех пор в миниатюрной живописи экспрессией.³

Совместные усилия искусствоведов и литературоведов в деле изучения древнерусского изобразительного искусства несомненно обогатят историю культуры нашей страны новыми фактами, свидетельствующими о тесной и плодотворной связи древнерусской книжности и изобразительного искусства.

¹ Авторы некоторых из этих работ лишь упоминают иногда о наличии таких сюжетов в монументальной живописи (И. Грабарь, ук. соч., стр. 496—500; Б. В. Михайловский и Б. И. Пуришев, ук. соч., и др.). А. И. Успенский в своем монументальном труде о книжной миниатюре и живописи XVII века, перечисляя сюжеты росписей Воскресенского собора в Романове-Борисоглебске, не узнал в них иллюстраций Повести о новгородском белом клобуке и назвал их «историей обращения в христианство и крещения царя Константина» (А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы, IV. М., 1916, стр. 250).

² Обследование стенописей XVII века с целью поисков в них сюжетов древнерусской литературы — дело, не терпящее отлагательства. Состояние этих росписей в церквях Верхнего и Среднего Поволжья, особенно в Ярославле, таково, что от этих росписей скоро не останется ничего (например, в том же Тутаеве гибнут замечательные росписи в заброшенном и полуразрушенном Крестовоздвиженском соборе XVII века). Совершенно необходимо и принятие срочных мер по их консервации, если не реставрации.

³ Из работ советских искусствоведов об этом наиболее четко, хотя и кратко, говорится в статье Ю. А. Кожинной «Одно из художественных течений в русской живописи XVI—XVII веков» (сб. «Русское искусство XVII века», стр. 80—82).

Рис. 1. Больной князь Владимир.

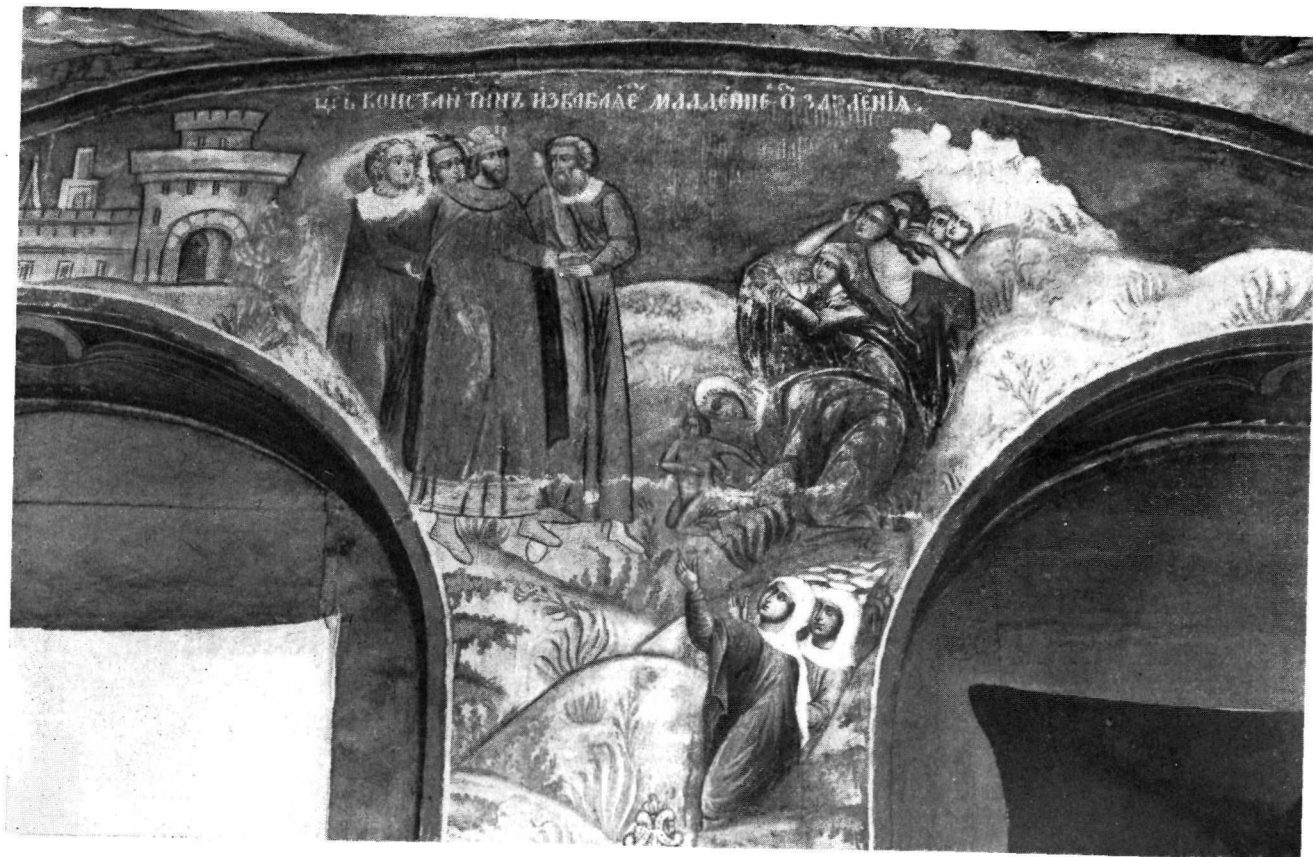

Рис. 2. Сцена приготовления к избвиению младенцев (верхняя часть).

Рис. 3. Сцена приготовления к избиению младенцев (нижняя часть).

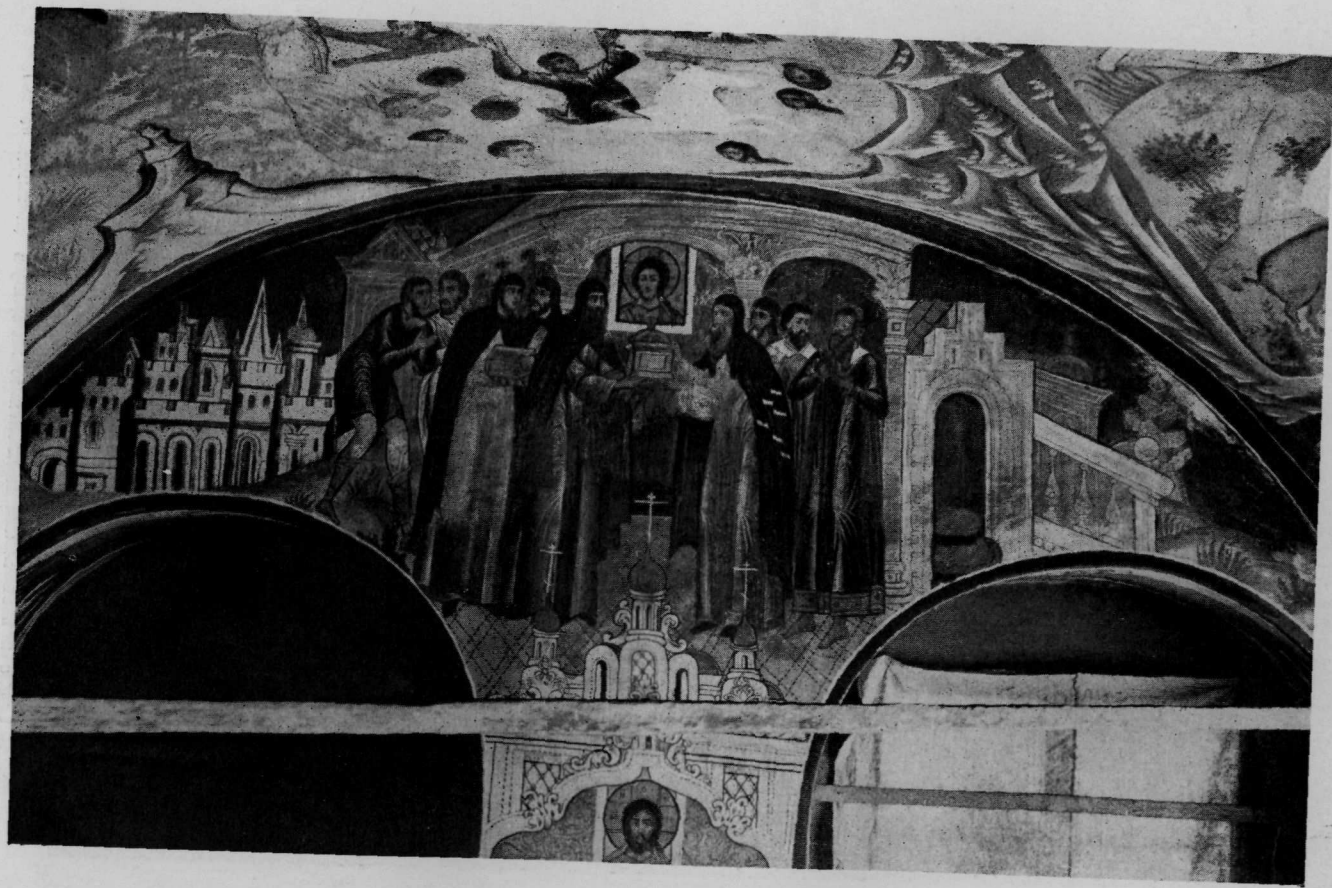

Рис. 4. Сцена встречи клобука в Новгороде.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. Н. РОЗОВ

К юбилею Остромирова Евангелия

В 1956 году исполняется девятьсот лет со дня начала написания Остромирова Евангелия и сто пятьдесят лет его изучения.

В Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром Ф. I. № 55 хранится любопытная рукопись, освещающая как обстоятельства, при которых было найдено Остромирово Евангелие, так и самую начальную стадию его изучения. Это — толстая, в 294 листа, книга, написанная на плотной синей бумаге с филигранями 1805 года; на корешке оттиснуто: «Список с Евангелия новгородского, писанный (I) с 1056 году». Вначале подклеена собственноручная записка А. Н. Оленина, озаглавленная: «Я. А. Дружинину и ответ его своеоручный».

Отвечая на вопросы Оленина, Дружинин писал: «При осмотре, произведенном мною хранящегося в гардеробе покойной госуд. Екатерины II платья, нашел я в прошлом 1805 году сие Евангелие. Оно нигде в описи и в приходе не записано и потому неизвестно, давно ли и от кого туда зашло... Камердинеры и гардеробские помошники оставили его без уважения и оно забыто».

Записка Оленина, датированная 20 апреля 1806 года,¹ является первым документальным свидетельством проявления интереса к Остромирову Евангелию и безусловно устраняет нередко приводимую в литературе ошибочную дату его находки (1806 год).

Вторым свидетельством того же рода является заметка во 2-й книжке 1806 года журнала «Лицей», издававшегося И. И. Мартыновым. В заметке этой кратко и в популярной форме сообщалось об особенностях орфографии Остромирова Евангелия, а о миниатюрах отмечалось лишь, что их «живопись груба, но служит доказательством, что и в то время уже в ней упражнялись».

Но сама упоминавшаяся выше копия Остромирова Евангелия является документом уже тщательного палеографического и лингвистического изучения этого памятника. Сделанная крупным писарским почерком, она имеет на себе явные следы работы опытного палеографа: соблюдены не только все особенности орфографии и графики оригинала (большие и малые «юсы», «ери», «еры», зигзагообразные пометы и «крестики» между отдельными словами и фразами), но и расположение слов в строках и строк в столбцах. Все изображения и заставки, имеющиеся в подлиннике, оговорены; некоторые инициалы — простейшие по начертанию — скопированы. В начале рукописи подклеено следующее «изъяснение»: «что линейками

¹ Т. е. за два года до начала работы Оленина в Публичной библиотеке.

подчеркнуто, значит что в подлиннике написано красным; что точками — значит золотые литеры в подлиннике».

К тексту Остромирова Евангелия подведены в этой копии разночтения с каким-то другим; в трех местах около разночтений имеются карандашные приписки, говорящие о каком-то «Полоцком Евангелии». Это дает основание установить, что текст Остромирова Евангелия был впервые сличен с Евангелием XIV века, принадлежавшим Иоанно-Предтеченскому монастырю в Полоцке и известным своими многочисленными приписками (вкладными и данными), принадлежащими к древнейшим памятникам смоленско-полоцкого говора.¹ Однако самый текст этого Евангелия, как устанавливает акад. А. И. Соболевский, носит явные следы новгородско-псковского говора;² очевидно поэтому именно с этой рукописью было в первую очередь сличено Остромирово Евангелие, приписка к которому давала основание предполагать его написание в Новгороде. К тому же, в годы, когда Остромирово Евангелие поступило в Публичную библиотеку, здесь было еще не так много древнерусских Евангелий, тем более новгородского происхождения. И когда в Библиотеке появилось так называемое Милятино Евангелие кон. XII—нач. XIII в., написанное в Новгороде, оно было сразу же сверено с Остромировым.

Сверху этих двух памятников древнейшего периода истории русского языка производил сам владелец Милятина Евангелия П. К. Фролов — известный в свое время горный инженер, знаток русской книжной старины, владелец первого из частных собраний древнерусской рукописной книги, переданных в Публичную библиотеку. Посылая в 1813 году в Публичную библиотеку Милятино Евангелие, Фролов писал Оленину, что в этой книге одно слово «означено так же, как в Евангелии Остромира».³

Перечисленные документы сохранили мало сведений о лицах, впервые работавших над Остромировым Евангелием; например, ничего не известно ни об авторе заметки в «Лицее», ни о том, кем была сделана первая копия с Евангелия. Невероятно, однако, предположить, чтобы к этому не имел отношения А. И. Ермолаев, бывший некоторое время личным секретарем Оленина, а затем до конца дней своих связанный с ним по работе в Публичной библиотеке и в Академии художеств. Биография Ермолаева до сих пор не написана; мало изучена его деятельность на посту хранителя Отдела рукописей, который он занимал с 1812 года до своей смерти (в 1828 г.), нет точных сведений об его ученых трудах. Но не даром Ермолаев славился не только как археолог, но и как палеограф: его учениками по этой части считали себя Карамзин, Оленин и, наконец, Востоков, с именем которого обычно связывается начало изучения Остромирова Евангелия.

Действительно, ни у Оленина, ни у Фролова, ни даже у Ермолаева не было необходимых лингвистических знаний и опыта для подготовки научного издания Остромирова Евангелия. Поэтому за Востоковым (поступившим в Публичную библиотеку в 1815 г.) остается заслуга первого научного исследователя Остромирова Евангелия, издавшего его как с палеографическим, так и с лингвистическим совершенством.

Труды Востокова сразу же привлекли внимание ученых славянских стран — Добровского, Ганки, Шафарика, Миклошича и других и положили начало огромной литературе об Остромировом Евангелии. Подавляющее

¹ Шифр F п I № 17 Подробнее см.: Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей Л., 1953 (Труды Отдела рукописей ГПБ), стр. 41—45

² А. И. Соболевский. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. Русский филологический вестник, 1886, т. XV, № 1, стр. 17

³ Архив ГПБ, 1813 г., дело № 7, л. 26.

большинство работ о нем посвящено его палеографическому и лингвистическому анализу; история же его девятистолетнего существования до сих пор была предметом лишь нескольких статей. Продолжают оставаться неустановленными как место написания, так и дальнейшая судьба книги, которая проясняется лишь с начала XVIII в.¹

Более 30 лет не появлялось в нашей стране работ о письме и языке Остромирова Евангелия, хотя в свете новых фактов и теорий о происхождении славянской и русской письменности и языка следовало бы серьезно пересмотреть всю литературу об Остромировом Евангелии. Сравнение письма и языка этого памятника хотя бы с берестяными грамотами новгородскими, несомненно, дало бы результаты, интересные для изучения как Остромирова Евангелия, так и этих грамот.

Однако ни издание Востокова, ни фотолитографические издания 1883 и 1889 годов не могут удовлетворить нынешних требований науки. Необходимо новое издание, воспроизводящее все выдающиеся графические и художественные особенности самой старой из сохранившихся до нашего времени датированных русских книг, одного из самых ранних памятников русской письменности и языка.

¹ Г. Д. Филимонов. Дополнительные сведения об истории Остромирова Евангелия. Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым, 1859; кн. 1, отд. III, стр. 145—149.

И. П. ЕРЕМИН

Литературное наследие Кирилла Туровского*

I

Кирила¹ мниха притча о челоуѣчстѣй души и о телеси, и² о преступлении божиа³ заповѣди, и о воскресении⁴ телесе челоуѣча,⁵ и о будущемъ судѣ, и⁶ о муцѣ.⁷
Господи, благослови, отче!⁸

Добро убо, братье, и зѣло полезно, еже разумѣвати⁹ нам божественных писаний учение; се и душу цѣломудрену стваряеть, и к смирению прилагаетъ¹⁰ ум, и сердце на реть добродѣтели извоостряеть,¹¹ и всего благодарствена челоуѣка стваряеть, и на небеса ко владычнимъ¹² общаніемъ мысль приводить, и к духовнымъ трудомъ тѣло укрѣпляетъ, и¹³ приобидѣние¹⁴ сего настоящаго житія, и¹⁵ славы и богатства творить, и вся житиския свѣта сего печали отводить. Того ради молю вы, потщитесь при [л. 231 об.]лѣжно почитати святыя книги, да ся божиихъ насытивше словес и будущаго вѣка неизреченныхъ благъ желаніе¹⁶ стяжите: она бо аще и невидима суть, но вѣчна и конца неимуца, тверда же и недвижима. Да не просто претецѣмъ¹⁷ языкомъ пишемая¹⁸ глаголюще, но с рассмотрениемъ внемлюще, потщимся дѣломъ створити я. Сладко бо медвеный сот и добро сахар, обоего же добрѣе книгій разум: сия убо¹⁹ суть скровища²⁰ вѣчныя жизни. Аще бо сде кто обрѣлъ бы земное скровище, ти²¹ не бы на все²² дерзнул, но единъ точю честный²³ камень²⁴ взял бы, — уже бес печали питаеться, яко до конца богатство имый. Тако обрѣтый божественныхъ книгъ скровище, пророческихъ же и псаломскихъ же²⁵ и апостольскихъ и самого спаса Христа спасеныхъ словесъ истинный с расуждениемъ разум, — уже не собѣ единому быст на спасение, но и инѣмъ многимъ послушающимъ его. Сему случается еуаггельская притча глаголющи: всяк книжникъ научися²⁶ царствию небесному подобенъ есть мужу домовиту, иже износитъ от²⁷ скровищъ своихъ ветхая и новая; аще ли [л. 232] тщеславиемъ²⁸ сказаетъ болшимъ угажая, а многи меншая презритъ, буетьсю крыя господню мнасу, неадаый жизннѣмъ торжникомъ, да удвоитъ царское сребро, еже суть челоуѣчскыя душа,²⁹ и видѣвъ³⁰ господь горды его

* Археографический комментарий см.: Труды ОДРЛ, XI, стр. 342—349.

¹ Доб. многогрѣшнаго Т. ² Нет Ч. ³ божиих Т. ⁴⁻⁵ телес челоуѣч ЧТ. ⁶ и ЧТ; в ркп. ин. ⁷⁻⁸ Нет Т. ⁹ разумѣти ЧТ. ¹⁰ прилагай его Ч. ¹¹ изостряеть Ч; възъстряеть Т. ¹² горним Т. ¹³ на Ч. ¹⁴ преобидити І. ¹⁵ Нет ЧТ. ¹⁶ жаданіе Т. ¹⁷ пререцѣм Ч; предкнѣм Т. ¹⁸ пишемых ЧТ. ¹⁹ бо ЧТ. ²⁰ скровище Ч. ²¹ то Т. ²² се Ч; нь Т; в ркп. вое. ²³ бесцѣнный І. ²⁴ Доб. от него Ч. ²⁵ Нет ЧТ. ²⁶ научися ЧТ; в ркп. научитса. ²⁷ и Ч. ²⁸ тщеславиемъ ЧТ; в ркп. тщаниемъ. ²⁹⁻³⁰ и видѣвъ ЧТ; в ркп. вивидѣвъ.

ум, возметь свой от него талант; сам бо прозоривым противится, смиренным же дасть благодать. Аще бо мира сего властели и в житиских тружающенся³¹ вещей человекъци прилѣжно требуютъ книжнаго поучения,³² колма паче³³ нам подобаетъ учиться в них и всѣмъ сердцемъ взискати их,³⁴ свидѣния словес божих, о спасени душъ наших писаных. Но тружается мой мутны ум, худ разум имѣя, немогий порядних словес по чину глаголати, но яки слѣпъ, стрѣлецъ смѣху бываетъ, немоги намѣренаго улучити.³⁵ Но не буди намъ особь подвигнути ненаказан язык, но от божественныхъ вземлюще писаний, со мною боязнью еуаггельскихъ касаемъ бесѣдовати словес, приводиѣ господню притчу сказующе, юже Матфѣи церкви предасть.

Зачало. Рече господь: Человекъ нѣкто домовитъ бѣаше, иже насади виноград, и оствѣни его оплотом, и ископа точило, и остави вход [л. 232 об.], и створи врата, но не затвори входа. И отходя в дом свой, — Кого, рече, оставлю стража моему винограду? Аще оставлю от служащихъ ми раб, то³⁶ свѣдуше мою кротость, истеряють блага моя. Но сице створю: приставлю ко вратомъ хромца и с ним слепца. Да аще кто от враг моихъ всхощетъ окрасти мой виноград, то хромецъ убо видить, слѣпецъ же чують. Аще ли от сею всхощетъ внити кто в виноград, хромецъ убо не имать ногу дойти внутреннихъ, слѣпецъ же аще поидеть, то заблудив в пропастехъ убьется. И посадив я у вратъ; дасть има власть на всѣхъ внѣшнихъ; пищу же и одѣнья³⁷ нетрудну съготова; — Точью, рече, внутреннихъ без моего не коснитесь повелѣнья. И тако отиде, повѣдѣвъ има свой по времени приход и тогда мзду стражбы ради обѣщавъ има взяти, попрѣти же и³⁸ мучениемъ, аще его преступита заповѣдь. Си же до зде оставлеше, паки въсприимемъ еуаггельское слово, плодъ устен на умнѣи тряпезѣ вашего ока предлагающе.

Отъ вѣт.³⁹ Человекъ⁴⁰ домовитъ — богъ всевидецъ и вседержитель, створивъ вся словомъ, видимая же и невидимая. До [л. 233] мовитъ же ся именуеть, — яко ни⁴¹ един домъ имать, по писанию. Глаголетъ бо пророкъ: Твоя суть небеса и твоя есть⁴² земля; вселеная и конецъ ея ты⁴³ основа. И паки: Небо ми престолъ, а земля подножие ногама моима. Моисий же пол водъ⁴⁴ под твердию сказуеть, а Давидъ превъши небесъ воду повѣдуеть. Но смотри в писания, разумѣи: вездѣ сы дома божия, не токмо в твари. но и в человекѣхъ.⁴⁵ Вселю бо ся, рече, в нѣя. Яко же и быст: сниде бо и вселися в плоть человекю и взнесе ю от земля на небеса, — да⁴⁶ престолъ есть божий человекъа плотъ; на вышнемъ же небеси престолъ его стоить. А еже насади виноградъ — рай глаголетъ: того бо то есть дѣло. Пишетъ бо ся: И насади богъ рай в едемѣ. А иже оствѣни его, рече, оплотомъ — своимъ страхомъ. Страхомъ бо его, рече пророкъ, движется земля, рассѣдается камень, животная трепещуть, горы курятся, свѣтила раболѣпно служатъ, облаци и⁴⁷ воздушная тварь повелѣнная⁴⁸ творять. Стѣна бо — законъ речется.⁴⁹ Законъ же всему заповѣдь божия есть; Предѣлъ бо, рече, положи и, его же не преидуть, ни обратятся. Остави⁵⁰ же входъ — сирѣчь свидѣния разумъ: вся бо тварь [л. 233 об.] не преступаетъ божия повелѣния: Вся бо, рече, от тебе чають: даси имъ пищу в время. Пища же⁵¹ не брашно едино⁵² речется, но слово божие, имъ же питается тварь. Глаголетъ бо Моисѣи: Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголь, исходящимъ изъ устъ божии. Незатвореная же врата — дивныя божия твари

³¹ тружающенся ЧТ; в ркп. тружаются. ³² почитанья ЧТ. ³³ Нет Ч.
³⁴ Нет ЧТ. ³⁵ получи Ч. ³⁶ то ЧТ; в ркп. но. ³⁷ одѣние Т. ³⁸ има и /
³⁹ Нет Ч; Сказ Т. ⁴⁰ Доб. есть Т. ⁴¹ не ЧТ. ⁴² Нет Ч. ⁴³ има Нет Ч.
⁴⁴ вол Ч. ⁴⁵ человекѣхъ Ч. ⁴⁶ Нет Ч; да Т; в ркп. но. ⁴⁷ Доб. вся ЧТ ⁴⁸ пове-
⁴⁹ лѣнная Т. ⁴⁹ речеть Ч; ся речеть Т. ⁵⁰ постави Т. ⁵¹ Доб рече Т. ⁵² Нет Т.

устройство и над тѣми божия сущства познание. От твари бо, рече, творца ⁵³ познай и ⁵⁴ разумѣй: не качество, но ⁵⁵ величество и силу, славу же и благодать, юже творить собою ⁵⁶ угажая всѣм вышним и ⁵⁷ нижним, видимым и невидимым. (Аще бо ⁵⁸ и нарицается Христос ⁵⁹ человек, то не образом, но притчею: ни единого бо подобья имѣеть человек божия. Не сумнить бо ся писание и ангелы человекы нарицати, — но словомъ, а не подобиемъ. Аще бо блазнятся етери, слышаще Моисѣя глаголюща: Рече бог: Створим человека по образу нашему и ⁶⁰ подобью. — и прилагають к бесплотному тѣло, не имуще стройна разума, и есть си ересь и донинѣ человекобразно глаголющим бога, иже никакоже описается, ни мѣры качества имать. Но си оставь, о первѣмъ възглаголю. И отходя в свой дом, — Кого, рече, оставлю [л. 234] стрещи труда моего? Сия совпрашания — отца и сына и святаго духа не о твари, но о ⁶¹ владушним тварью, сирѣчь о владыцѣ, ⁶² ему же възхотѣ предати землю и всяко дыхание поработити; не ангелом бо ⁶³ покори вселеную и прокая. Оставлю, рече, у врат хромца и с нимъ слѣпца. Что же есть хромецъ и слѣпецъ? Хромецъ есть тѣло человекче, а слѣпецъ есть душа. Преже ⁶⁴ бог созда тѣло Адамле безъдушно, потом же душу. По создании бо тѣла, глаголетъ писание: И дуну на лице его дух животен. Тѣм же тѣло без душа хромо ⁶⁵ есть и не наречеться человек, но труп. Смотри сдѣ и разумѣй от бытійских книг. Створи бог тѣло внѣ рая и внесе е в едем, а не в рай. Едем же речется — пища. Яко се кто бы ⁶⁶ на пир зовый преже уготоваеъ обильну пищу, ти потом приведетъ званаго, — тако и бог преже уготоваеъ ему жилище едем, а не рай. Рай бо мѣсто есть свято, яко же ⁶⁷ церкви алтарь. Церкви бо всѣм входна. ⁶⁸ Та бо ⁶⁹ ны есть мати, ⁷⁰ поражающи вся крещениемъ и ⁷¹ питающи живущая в ней нетрудно, одѣвающи же и веселящи вся вселшася в ню. Глаголетъ бо пророк: Се работающи церкви ясти [л. 234 об.] имуть и ⁷² насытятся. И паки: О, чада церковная, съсущи от сесѣю ея тук и ⁷³ масть, помажете ⁷⁴ веселиемъ главы своя. И Давид: Упиются, рече, от обилья дому твоего и потокомъ пищи твоея напоиши я. И паки о одежи священник и оболчении мних: Иерѣи твои, господи, облечуться в правду и прочая. Мниху же: Соодѣл мя еси нужная и ⁷⁵ нелѣпья одежда и оболк мя в спасение и препоясал мя ⁷⁶ еси веселиемъ. Въспойте же, рече, господеву пѣснь нову, — хваления в церквахъ преподобными его. И се явѣ есть: от клиросник ⁷⁷ епископа и от монастыря мних. Виждь, яко епископия и монастырь — едемъ есть, сирѣчь нетрудная жизнь; алтарь же свят, сирѣчь едемьскы рай, — неудобъ въходим, аще и врата незаклучена ⁷⁸ имать. Тако бѣ посажен ⁷⁹ хромецъ с слѣпцемъ у врат стрещи внутренних, яко же ⁸⁰ приставлени суть патриарси, архиепископи, архимандрити между церковью и олтаремъ стрещи святыхъ таин от врагъ Христовъ, сирѣчь от еретик и зловѣрныхъ искусник, ⁸¹ нечестивыхъ грѣхолобецъ, ⁸² иновѣрныхъ скверник. Послушайте же со вниманиемъ, да по ряду бесѣ [л. 235] ду скажемъ, и вы со вниманиемъ смотрите. Аще бо и мутецъ имею ⁸³ ум и языкъ груб, но вашихъ надѣяйся молитвахъ, прошю дара слову. Аще и недостоинъ есмь о сихъ глаголати, но ползы ради слушающихъ пишемъ. Аще ли кто зла слуха имать, то ⁸⁴ не ищеть что бы ему ⁸⁵ на ползу обрѣсти, но зазираеть, чимъ же бы насъ потязал и ⁸⁶ укарял. ⁸⁷

⁵³⁻⁵⁴ Нет ЧТ. ⁵⁵ Доб. и Ч. ⁵⁶ Нет Т. ⁵⁷ вышним и ЧТ; в ркп. вышни.
⁵⁸⁻⁵⁹ и нарицается Ч; в ркп. нарицаетъ его. ⁶⁰ Доб. по ЧТ. ⁶¹ Нет Ч. ⁶² человекъ Т.
⁶³ бо ЧТ; в ркп. нет. ⁶⁴ Доб. бо ЧТ. ⁶⁵ мертво Т. ⁶⁶ вы Ч.
⁶⁷ Доб. се Т. ⁶⁸⁻⁶⁹ тако Ч. ⁷⁰ Доб. и Ч. ⁷¹ Нет Ч. ⁷² Нет Ч. ⁷³ Нет Ч.
⁷⁴ помажете Ч. ⁷⁵ Нет Ч. ⁷⁶ мя ЧТ; в ркп. ма. ⁷⁷ клиросник Т; в ркп. росник.
⁷⁸ незаклучена Ч. ⁷⁹ Доб. он ЧТ. ⁸⁰ Доб. се Т. ⁸¹ Доб. и ЧТ. ⁸² Доб.
и ЧТ. ⁸³ имѣю ЧТ; в ркп. имѣй. ⁸⁴ той Т. ⁸⁵ Нет Ч. ⁸⁶ и ЧТ; в ркп. нет.
⁸⁷ Доб о помыслѣ грѣховнѣ ЧТ

Съдѣша же има⁸⁸ етеро время, рече слѣпецъ к⁸⁹ хромию: Что убо⁹⁰ благоухание се⁹¹ изуть врат помѣтаетъ⁹² мя? Отвѣща хромецъ: Многа благая наю господина внутрь суть, их же вкушения — неизреченна сладость. Но понеже премудр есть наю господин,⁹³ — посади тебе здѣ слѣпа, мене же хромого и не можевъ никакоже тѣх⁹⁴ насытитися благынѣ.⁹⁵ Отвѣща глагола слѣпецъ: То почто сего давно нѣси ми повѣдал, да быховѣ не жадали, но к сим даным нам в область и она особь въскрѣтивѣ! Аще бо аз слѣп есмь, но имам нози и силен есмь: моги носити тебе же и бремя. Вижь, душевное бремя грѣхъ;⁹⁶ того ради глаголетъ пророк: Яко бремя тяжко отягтѣся на мнѣ. Рече же слѣпецъ: Возми убо кошь и всяди на мя [л. 235 об.]. И аз тя ношу, ты же покажай ми путь, и вся благая господина наю объемлевѣ; не мно бо, яко придетъ сѣмо наю господин. Се помышления суть ищущих не о бозѣ свѣта сего санов и о телеси токмо пекущихся, ни чающих отвѣта о дѣлѣхъ въздати, но акы суетну пару свою душу в вѣтр полагающем. Того ради глаголетъ Исайя: Зависть примуть⁹⁷ люди ненаказанья; завидим мы, грѣшнии, чѣсти и славы праведных, а не преже творим дѣлес их. Аще ли, рече, придетъ наю господин сѣмо, укрьтѣся от него наю дѣло. Аще бо⁹⁸ мене въспросить о гадбѣ, аз рку: ты въси, господине, яко слѣп есмь. Аще ли тебе въспросить, ты рчи:⁹⁹ Хром есмь и не могу¹⁰⁰ дойти, и тако премудруевѣ наю господина и примевѣ мзду наю¹⁰¹ стражбы. Въсѣд же хромецъ на слѣпа и дошедша окрадоста вся внутренья¹⁰² господина своего благая.

То¹⁰³ не воюйте, братье, на мою грубость, нелѣп образ писания поставляющи ми. Яко же бо и по ногу вязящи птицѣ нѣст мощно на анерьскую възлетѣти высоту, тако и мнѣ в телесныхъ вязящю похотех, невозможно [л. 236] о духовныхъ бесѣдовати: не сольнуть бо ся грѣшника словеса, не имуща благодати¹⁰⁴ святаго духа. Обаче на предѣреченая възратимся, разрѣшающе притча союз.

Ⓣ. Съдѣша же има, рече, долго время. Что есть долго время? — Бестрашие божия заповѣди и о телеси печение, нерожение же о своей души. Никто же бо страх божий¹⁰⁵ имѣя, в плотскихъ прельститися; никто же правовѣрен, чрес¹⁰⁶ законъ священскаго ищеть взяти сана; никто же смерти чая и по смерти паки въскресения, — тѣ в злыхъ пребываютъ¹⁰⁷ дѣлѣхъ. Но паки то же реку разума дѣля. Рече¹⁰⁸ слѣпецъ к хромию:¹⁰⁹ Что убо благоухание изуть помѣтаетъ¹¹⁰ мя? и прочая. Се надмение Адамова высокомысля, яко всѣми обладая земными, животными, морем же и в немъ сущю тварью,¹¹¹ в едемѣ благихъ насыщаяся, преже освящения на святая дерзнув, из едема бо вниде в рай. Сего ради писание глаголетъ: Изгна бог Адама из рая и осуди его дѣлати землю, от нея же взят быст. Вижь, яко не тамо повелѣно ему бѣ жити, отнелѣже его изгна. Тако бо вниде, яко же се церковник¹¹² недостоин ерѣйства и ута[л. 236 об.]ив грѣхъ свой,¹¹³ не брег же¹¹⁴ о божии законѣ, но имене дѣля высока и славна житья на епископскыи¹¹⁵ взиде сан.¹¹⁶ Слогы¹¹⁷ подобны. Того ради¹¹⁸ смертью Адама осуди, понеже коснуся древа разумѣния добра и зла. Древо бо разумѣния добра и зла¹¹⁹ — есть разумны грѣхъ и волное богоугодья дѣлатель.¹²⁰ Пишетъ

⁸⁸ Доб. в Ч. ⁸⁹ Нет Ч. ⁹⁰ у Ч. ⁹¹ Нет ЧТ. ⁹² полѣтает Т. ⁹³ Доб. и Ч; ⁹⁴ Доб. дойти и ЧТ. ⁹⁵ благынѣ ЧТ; в ркл. благовонь. ⁹⁶ грѣхов Ч. ⁹⁷ примуть ЧТ; в ркл. приметь. ⁹⁸ бо ЧТ; в ркл. доб. и. ⁹⁹ Доб. яко ЧТ. ¹⁰⁰ Доб. тамо Т. ¹⁰¹ на Ч. ¹⁰² Нет Ч. ¹⁰³ но ЧТ. ¹⁰⁴ влаги Т. ¹⁰⁵ Доб. в собѣ Т. ¹⁰⁶ чрез ЧТ; в ркл. и чрес. ¹⁰⁷ пребываетъ ЧТ. ¹⁰⁸⁻¹⁰⁹ хромецъ к слѣпцю Ч. ¹¹⁰ полѣтаетъ Т. ¹¹¹ Доб. и ЧТ. ¹¹² церковник ЧТ; в ркл. церковник. ¹¹³⁻¹¹⁴ небрежетъ Т. ¹¹⁵ Доб. дерзнув Т. ¹¹⁵⁻¹¹⁶ дерзнув взидеть саны Ч. ¹¹⁷ Слогы Ч; в ркл. Слоги. ¹¹⁸ Доб. и Ч. ¹¹⁹ Доб. се ЧТ. ¹²⁰ дѣтель ЧТ.

бо ся: Горе в разумѣ согрѣшающим! Сего ради погубив дуновениемъ духа животнаго, его же въдохну¹²¹ бог на лице его, еже есть несвершен дар¹²² священія. Пишетъ бо ся: И дуну на лице его дух¹²³ животен. Тако бо и Христос дунув на лице апостолом: Примѣте, рече, дух святы¹²⁴ — несвершен дар, точью обѣтъ священія; ждати бо им повелѣ самого святаго духа: Иже пришед, рече, до конца освятитъ вы. Сиде и святители святятъ падьяки и четции и дяконы — несвершен дар, но обѣтъ священія,¹²⁵ да ся приготавливаютъ¹²⁶ на свершеное святительство. Ничто же бо богови тако любо, яко же не възноситися¹²⁷ в санѣх, и ничто же тако не¹²⁸ мерзитъ ему, яко же самонимая¹²⁹ величавя¹³⁰ гордость о взятїи сана не о боѣхъ. Смотри же оногъ слѣпца с хрицемъ, како преобидѣ[л. 237]ста господина своего¹³¹ заповѣдъ и прещение:¹³² взем бо хромца и бремя понесе, и дошед внутренних, приближися к древу,¹³³ вкуси плода, и се добро зѣло, и тако окрадоства, их же повелено има стрещи. Привод. Того древа вкуси Каин; не сый священный на священъчъскый дерзну чин, поревнова священному Авелю, его же уби завистью. Того древа вкусиша сынове Корѣови, иже с Дафаном и Авироном; взем бо кадилницю и¹³⁴ поидоша в скинию неосвященїи суще, и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрець, иже въдѣй¹³⁵ своя сына безаконъствуя во иерѣйствѣ, не отлучи его священства.¹³⁶ Того древа вкусиша еретици, иже злохитрѣемъ аки въдуше душевнїй путь заблудиша и не примше покаянїя погибоша.¹³⁷ Но сия ократив,¹³⁸ на первое взвратимся¹³⁹ сказанїе. Аще и отнемоглъ есть моего глагола уд, но пророк възвѣщаетъ мя, тако же глагола: Утрудихся вопия, измолче ми гортань.¹⁴⁰ Обличенїе¹⁴¹ грѣхъ.¹⁴² Слышав же господин, яко окраденъ есть виноградъ его, повелѣ изринути от врат хромца и изгнати от стражбы слѣпца.

Разумѣйте же нынѣ, безумнїи в лю[л. 237 об.]дех сановницїи,¹⁴³ буїи во иерѣхъ! Когда умудритесь? Навсажи¹⁴⁴ ухо не слышитъ ли и создавы око не смотритъ ли! Наказая языки не обличитъ ли! Учай челоуѣка разуму не уразумѣетъ ли¹⁴⁵ нашего грѣхопадения! Господь бо свѣсть злохитрыхъ помышленья, яко суть лестна,¹⁴⁶ и тѣ измѣтаетъ неправедныя из власти,¹⁴⁷ изгонитъ нечестивыя от жертвенника. Никїй же бо санъ мира сего от муки избавитъ преступающихъ¹⁴⁸ божїя заповѣдїи. Но молю вашу любовь, со вниманїемъ пишемыхъ смотрите и яже слышите разумѣйте.¹⁴⁹ Повелѣ бог изринути из рая Адама, понеже¹⁵⁰ неповелѣнаго ему¹⁵¹ коснуся, сирѣчь прежде велѣнїя¹⁵² внїде в мѣсто святое. И усели его противу райствѣй пищи, — еда како, рече, простре руку и возьметъ от древа породнаго и живъ будетъ в¹⁵³ вѣки, сирѣчь некли помянется и смирився покается, о нихъ же согрѣши. Оле многое владычне челоуѣколюбье! И казнить ны и милуетъ, грѣха ради озлобляетъ ны и паки покаянья ради¹⁵⁴ приемлетъ; не хошетъ бо смерти грѣшника, но обратитися велитъ и живу ему быти.¹⁵⁵ Что есть древо животное? [л. 238] — Смиреномудрие,¹⁵⁵ ему же корень исповѣданье. Исповѣмъ бо, рече, на мя¹⁵⁷ безаконье мое,¹⁵⁸ и ты отпустил еси нечестье сердца моего. Того корене стебло — благо-

121 въдохну Ч. 122 дар ЧТ; в ркп. дары. 123 Нет Ч. 124 Доб. и Ч. 125-126 да себе приготавливаютъ Ч; да ся приготавливаютъ Т; в ркп. да ся приготавливаетъ. 127 възноситися Т; в ркп. износится. 128 Нет ЧТ. 129 самонимая Ч. 130 величавая Ч. 131-132 заповѣдїи и прещенїя Ч. 133 Доб. и ЧТ. 134 Нет Ч. 135 невѣдѣй Ч. 136 священїя ЧТ; доб. дондеже и самъ его ради погыбе Т. 137 заблудиша Т. 138 обратив Ч. 139 възвращаюся ЧТ. 140 горло Ч. 140-141 О обличенїи Т. 140-142. Нет Ч. 143 Доб. и ЧТ. 144 всажїи Ч; всажай Т. 145 Нет Ч. 146 лестна ЧТ; в ркп. неслестна. 147 Доб. и ЧТ. 148 преступающихъ ЧТ; в ркп. преступающїи. 149 Доб. раздрѣшенїе Т. 150-151 неповелѣнаго ему ЧТ; в ркп. не повелѣ ему. 152 повелѣнїя ЧТ. 153 Нет Ч. 154 дѣла Т. 155 Доб. Сказ Т. 156 цѣломудрие Ч. 157-158 безаконїя моя ЧТ.

вѣрье. Вѣра бо твоя, рече,¹⁵⁹ спасетъ тя; все бо¹⁶⁰ вѣрующему дается. Того стебла¹⁶¹ многи и различны¹⁶² вѣтви — мнози бо, рече, образи покаяния: слезы, пост, молитва чиста,¹⁶³ милостыни, смирение, вздыхания и прокая. Тѣх вѣтвий¹⁶⁴ добродѣтелей плод: любви, послушанье, покорение, нищелюбие — мнози бо суть путы спасения. Вижь, яко не в рай бѣ животное древо, ни¹⁶⁵ в едемѣ, но во оземьствии, рекше¹⁶⁶ отлучении сана.¹⁶⁷ Изрину¹⁶⁸ паки и Каина, въпросив его убийства брата, и по обличении показа ему животное древо, рекъ сице: Будий стоя и трясайся, сирѣчь покайся о злобѣ, о зависти, о лъсти, о убийствѣ, о лжи, смирися, постися, бди, на земли лежи. Но понеже сего не створи, но изиде от лица божия — недалствомъ земля,¹⁶⁹ но неимѣнемъ¹⁷⁰ страха божия при свои души. Благымъ¹⁷¹ дѣлом не сущим в нас, ни покаянию о грѣсѣх, в коем си¹⁷² сану будем,¹⁷³ далече [л. 238 об.] бога есмы. Близъ бо господь скрушенныхъ сердцемъ;¹⁷⁴ смиренныя духомъ спасеть, волю боящихся его створить.¹⁷⁵ Лице же господне на творящая злая: потребити от земли память их.¹⁷⁶ Сице и Павел изринул от святаго жертвеника Уменѣя и Филита и съблудившая в Коринфи священники и оземьствова я противу¹⁷⁷ святу олтарю, сирѣчь постави я с клирики, рекъ: Имѣйте таковыя на студ, но утвердите к ним любовь, да не погрязнуть злою печалью, но да ся покають и живи будутъ.¹⁷⁸ Не всхотѣ сего древа животного вкусити Александро ковачъ, о нем же рече Павел: Да вздасть ему господь в день судный по злобѣ его. Не вкуси того древа Трефис ефесин¹⁷⁹ и Николае. Быв от семи дьякон, иже отвергъся Христа и быв¹⁸⁰ кумирожрецъ в Селуни, а он¹⁸¹ предаше мучителемъ крестьяны, о нею же пишетъ Иоан, глагола: От нас изидоша и быша на ны. Того породнаго¹⁸² не приимше еретици; прокляти быша и умроша душевною смертию, не разумѣша бо пророка глаголюща: Вкусите и видите,¹⁸³ яко благъ господь. Нѣст бо грѣха, иже словетъ божии милости [л. 239]. Точью не отчаим себе, яко Июда; ни невѣруимъ телесному въскресению, аки садукѣи, — но покайнемъ толцѣмъ в божия двери, дондѣже отверзеть намъ райская врата. Не ложъ бо¹⁸⁴ реки господь:¹⁸⁵ Толцѣте,¹⁸⁶ отверзетъ вам; ищѣте и обряцете; просите и дасться вам.¹⁸⁷ Но да не предложениемъ¹⁸⁸ словес умножи писанье и зѣло предложю бесѣду, но на предъреченая възвратимъся.¹⁸⁹

Видѣвъ же онъ челоуѣкъ свой окраденъ виноградъ, въсхотѣ отлучити¹⁹⁰ слѣпца от хромца,¹⁹¹ — повелѣ первое привести слѣпца, да его опитаеть, кто есть преслушалъ заповѣдь его и присягъ к невходнымъ¹⁹² бесъповѣдннхъ его. Ничто же бо възможетъ божия таятися ока, и никто же насъ тако свѣсть себе, яко же богъ всѣхъ насъ свѣсть.

Ⓓ. Повелѣ разлучити богъ¹⁹³ душу от тѣла. Словомъ бо божиимъ ис[х]одитъ¹⁹⁴ от тѣла душа: и¹⁹⁵ отимеши бо, рече, дух их и ищезнуть и в персть свою възвратятся. Да егда¹⁹⁶ видиши тѣло погребено в земли, не мни ту суща и душа: не от земли бо есть душа, ни в землю входить. Но аще и святыхъ видиши чудотворныя мощи, не ту ихъ твори¹⁹⁷ душа, но божию

¹⁵⁹ Нет ЧТ. ¹⁶⁰ все бо ГТ; в ркл. всему. ¹⁶¹⁻¹⁶² многообразны ЧТ. ¹⁶³ Нет ЧТ.
¹⁶⁴ Доб. и ЧТ. ¹⁶⁵ и Ч. ¹⁶⁶ Доб. в Ч. ¹⁶⁷ Доб. и Ч. ¹⁶⁸ Доб. и Ч.
¹⁶⁹⁻¹⁷⁰ но неимѣнемъ ЧТ; в ркл. по неимѣнне. ¹⁷¹ Доб. бо ЧТ. ¹⁷² Доб. любо Т.
¹⁷³ будем ЧТ; в ркл. идем. ¹⁷⁴ Доб. и ЧТ. ¹⁷⁵ Доб. и молитву их услышит Т.
¹⁷⁶ Доб. В ту же мѣру изгонѣ Т. ¹⁷⁷ Нет Т. ¹⁷⁸ Доб. О дрѣвѣ животнѣмъ Т.
¹⁷⁹ ефисѣяннн Т. ¹⁸⁰ бысть ЧТ. ¹⁸¹ а он ЧТ; в ркл. ан. ¹⁸² Доб. дрѣва Т.
¹⁸³ увѣдѣте Т. ¹⁸⁴ Доб. есть ЧТ. ¹⁸⁵ Нет ЧТ. ¹⁸⁶ Доб. и Т. ¹⁸⁷⁻¹⁸⁸ не продолжение Ч; но да не продолжениемъ Т; в ркл. но да предложениемъ.
¹⁸⁹ Доб. О тѣлѣ и о души и о смерти Т. ¹⁹⁰ разлучити Т. ¹⁹¹ Доб. и ЧТ. ¹⁹² невходнымъ ЧТ; в ркл. неугоднымъ. ¹⁹³ Нет ЧТ. ¹⁹⁴ Доб. бо Ч. ¹⁹⁵ Нет ЧТ. ¹⁹⁶ когда Ч.
¹⁹⁷ Доб. и ЧТ.

разу[л. 239 об.]мѣй благодать, тако прославляющю своя угодники: Сла-
вющая бо мя, рече, прославлю,¹⁹⁸ Повелѣ привести слѣпца: по ищезно-
ванию от тѣла душа всякого человекѣа пред бог приходитъ с приставленным
к ней ангелом, вѣрнаго же и невѣрнаго, сущаго в законѣ и всякого
безаконника. Господь бо, рече, испытаетъ праведнаго и нечестиваго; вси
бо роди язык от единой быша крове рожении и рассѣяшася жити по лицу
всяя земля, им же бог створи себе благотворити, дая дождь с небеси и
времена¹⁹⁹ обильная: Сияеть бо, рече, солнце свое на добрыя и²⁰⁰ злыя —
и прокая. Но никто же о глаголѣх сих да не зазритъ ми, — но испытайте
писания и обрящете мя от божиих вземлюща книг. Пишите бо Моисий:
Постави предѣлы²⁰¹ языком по числу ангел божи. Иеремѣя же: Един
есть, рече, господь всѣх, иже под небесемъ язык; аще бо остави я в своей
[к]ождо²⁰² прельсти,²⁰³ но душа ихъ пред нимъ явится,²⁰⁴ и тѣ судить
по дѣлом их. Павел же: Что бо мнѣ, рече, внѣшним судити, но утре-
ним²⁰⁵ и вы судите, а внѣшним бог судить. Утрьни глаголетъ в законѣ,
а внѣшныя — безаконнии языки. Слышати бо подоба[л. 240]еть божие
имя нынѣ разлучающимся от телес душам, да и в послѣдни день
вскресше с телесы неблазвно поклоняются богам, а не им же ныня
работаша прельщени бѣсом, по апостолу глаголюща: И²⁰⁶ тогда²⁰⁷ уви-
дѣть²⁰⁸ всяко око, и всякъ язык поклониться, исповѣдая, яко господь Исус
Христос в славѣ бога отца един. Но си вся учившеися вѣдятъ, — аз же
о слѣпцѣх початую бесѣду противу силъ по вѣмѣщению ума вѣкратцѣ
скажу, аще и поимы творящих ми дозрю; вѣдѣ бо, яко не суть от пре-
мудрости, но от грубости сия сказанія. Но²⁰⁹ обаче на основании проро-
чествъ и апостольствъ зижем, имуще угольника самого Христа.²¹⁰

Приведену же бывшю слѣпцю, быст испытание. — Не добра ли ты,
рече, стража створих моему винограду! То почто его еси окрал? Отвѣща
ему слѣпецъ: Господи, ты всѣси, яко аз слѣп есмь и не вижду без водя-
щаго мя камо ити и²¹¹ не вѣдѣ ни единого мѣста, аще и хотѣл бых.
Ни чюх же никого же минующа мене враты, да бых крѣпко в слѣд его
вѣпнл. Но мню,²¹² господи, яко хромецъ есть крал. Виждь ложное нынѣ
спираніе²¹³ души пред богом и клеветаніе на тѣло.

Ⓓ. Сиче же есть душевѣны глагол: Господи, аз дух есмь. Да ни ясти
[л. 240 об.] ни пити хотѣл есмь, ни чѣсти ни славы земныи искал есмь,
ни телесное не разумѣх похоти, ни дьяволи²¹⁴ створих воли, — но²¹⁵ та вся
тѣло есть створило.²¹⁶

Тогда повелѣ господин блюсти слѣпца во укроннѣ мѣствѣ, идеже сам
вѣсть, дондѣже придетъ сам к винограду и призоветъ хромца, и тогда
судить обѣма.

Того ради до второго пришествія Христова нѣст суда ни мученія
всякой души человекѣчи, вѣрнаго же и невѣрнаго. Вѣруйте же в правду
вскресенію человекѣчских телес.²¹⁷ Послеши бо, рече, дух свой, и²¹⁸
сѣзижются, и обновиши лице земли. В²¹⁹ Иезекили бо намъ воскресенія
надежду показал ест. Прорци, рек, сыне человекѣчск, на мертвыя сия
кости, да будутъ²²⁰ на них телеса и опнется на них кожа,²²¹ да придет
дух от четырь вѣтр и видѣть в мертвыя си, да оживуть. Се же все сам
творецъ дѣйствуетъ, не инако²²² чина превращая, но инако²²³ исконыное
дѣло свое понавляя. Преже бо созда тѣло Адамле, ти²²⁴ потом вдуну

¹⁹⁸ Доб. разум Т. ¹⁹⁹ временная Ч. ²⁰⁰ Доб. на ЧТ. ²⁰¹ предѣл ЧТ.
²⁰² кождо Ч. ²⁰³ прельсти ЧТ; в ркп. прельсть. ²⁰⁴ явятся Ч. ²⁰⁵ вну-
тренимъ Ч. ²⁰⁶ Нет ЧТ. ²⁰⁷⁻²⁰⁸ убо видѣть Ч. ²⁰⁹ Нет ЧТ. ²¹⁰ Доб.
О отшествіи души от тѣла и стати им пред богом Т. ²¹¹ Нет ЧТ. ²¹² мнѣ Ч.
²¹³ испираніе ЧТ. ²¹⁴ Нет Ч. ²¹⁵ но ЧТ; в ркп. то. ²¹⁶ Доб. Разум книг Т.
²¹⁷ Доб. Послушество Т. ²¹⁸ и ЧТ; в ркп. нет. ²¹⁹ Доб. и ЧТ. ²²⁰ будь Ч.
²²¹ Доб. и Ч. ²²² Доб. же Ч. ²²³ Нет Ч. ²²⁴ и Ч.

душо. Тако ²²⁵ во утробѣ женьствѣй: перво от сѣмени зижеть тѣло, по пяти мѣсяць ²²⁶ творить ²²⁷ душу. Во крещении ²²⁸ же первое пора[л. 241]-жаеть водою, потом же обновляетъ духомъ от тлѣнья грѣховънаго. Тако и в ²²⁹ послѣдни день: первое обновить землю и сбереть персть человѣчю и съзижеть всѣх нас телеса в мегновеньи ока, потом душа наша в свою когождо ²³⁰ внидутъ храмину, — по Павлу ²³¹ глаголющю, яко сам господь в гласѣ архангеловѣ, в трубѣ божий ²³² сниде с небеси, и мертви о Христе въскреснутъ преже, потом же ²³³ и мы живии. Кто суть мертви? Все язъци, не бывше под божиим закономъ, ни примше крещенья: Елико бо, рече, незаконно съгрѣшиша, ²³⁴ незаконно ²³⁵ погибнуть. ²³⁶ Живыя же крестьяны нарицаеть. Виждь всѣх человѣкъ телесемъ въскреснути и въруим Павлову послушеству, словесемъ господнимъ глаголющемъ: ²³⁷ иже ли не створить искони ²³⁸ богомъ создана человѣка, то не разумѣеть и крещениемъ в животъ порожена, тѣмъ же и не чаеть послѣдняго — телеса въскресения встѣяющимъ всѣмъ человѣкомъ в бесконечны животъ — овѣмъ в честь и славу, овѣмъ ²³⁹ в студ и в муку. Но да и прокое речемъ. ²⁴⁰

Егда приде господинъ взяти плодъ от винограда и видѣвъ его окрадена, и ²⁴¹ призва хромца и совъзупи с ²⁴² слѣпцемъ, и начата сама ся обличати. Хро[л. 241 об.]мецъ глаголаше слѣпцю: Аще не бы ты мене носил, никако ²⁴³ же аз могл быхъ тамо дойти, понеже хромъ есмь. Слѣпецъ же глаголаше: Аще не бы ты мнѣ пути казала, не быхъ тамо аз дойти могл. Тогда господинъ сѣд на суднѣмъ столѣ и начатъ има судити. И рече: Яко же еста крада, тако да сядеть ²⁴⁴ хромецъ на слѣпца. Въсѣдшю же хромцю, повелѣ предъ всѣми своими рабы немилостивно казнити ²⁴⁵ в кровѣшней мученья темницѣ. ²⁴⁶

Разумѣйте же, братье, сея притча сказание. Человѣкъ есть домовитъ — богъ отецъ, всячьскихъ творецъ. Его же сынъ добра рода — господь нашъ Исусъ Христосъ. А виноградъ — землю и миръ нарицаеть. Оплотъ же ²⁴⁷ — законъ божий и заповѣди. Слугы же сушя с нимъ — ангели глаголетъ. Хромецъ же есть — тѣло человѣче. ²⁴⁸ Слѣпца же ²⁴⁹ душу его мѣнить. А иже я посади у вратъ — человѣку бо предаеть богъ в ²⁵⁰ областьъ всю землю, давъ ему законъ и заповѣди. Преступившю же человѣку ²⁵¹ повелѣние божие ²⁵² и того ради смертию осужену бывшю, первое душа ²⁵³ к богу приводится и спирается ²⁵⁴ глаголющи: Не азъ, но тѣло есть створило. ²⁵⁵ И ²⁵⁶ того ради нѣстъ мучения душамъ до второго пришествия, но блудомы суеть, идеже богъ вѣсть. Егда же придетъ обновити землю и въскресити вся умершяя, я[л. 242]ко же самъ богъ ²⁵⁷ преже глагола, тогда вси сущи в гробѣхъ услышать гласъ сына божия и оживуть, изидуть створше благая въскресение живота, а ²⁵⁸ створши злая — въскрешение суда. Тогда бо ²⁵⁹ души наши в телеса внидутъ и примуть въздание кождо ²⁶⁰ по своимъ дѣломъ — праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в бесконечную смертную ²⁶¹ муку. Ими же согрѣшитъ кто, тѣмъ и мученъ будетъ.

Сице же и ²⁶² мнѣ о сихъ сказавшю не от умышленья, но от святыхъ книгъ. Да нѣстъ се мое слово, но бесѣда; нѣсмь бо учитель, яко же они церковни ²⁶³ и священни ²⁶⁴ мужи. ²⁶⁵

²²⁵ Доб и ЧТ. ²²⁶ Доб. же Ч. ²²⁷ Нет Ч. ²²⁸ Во крещении ЧТ; в ркп. Воскресении. ²²⁹ и в ЧТ; в ркп. и ²³⁰ кождо ЧТ. ²³¹ апостолу Т. ²³² Нет Т. ²³³ Доб. рече ЧТ. ²³⁴ съгрѣшиша ЧТ; в ркп. нет. ²³⁵ Доб. и Ч. ²³⁴⁻²³⁶ Нет Т. ²³⁷ глаголюще ЧТ. ²³⁸ Доб. с Ч. ²³⁹ Доб. же ЧТ. ²⁴⁰ Доб.: Приходъ Христовъ на судъ всѣмъ человѣкомъ Т. ²⁴¹ Нет ЧТ. ²⁴² Нет Ч. ²⁴³ никако ЧТ; в ркп. ника. ²⁴⁴ всядеть ЧТ. ²⁴⁵⁻²⁴⁶ а [я] и в кровѣшней мучити а [я] темници Т. ²⁴⁷ Доб. естъ Т. ²⁴⁸⁻²⁴⁹ А слѣпецъ ЧТ. ²⁵⁰ слѣпца Т. ²⁵¹ Нет Ч. ²⁵¹⁻²⁵² заповѣди божия Т. ²⁵³ Доб. его Т. ²⁵⁴ испирается ЧТ. ²⁵⁵ съгрѣшило Т. ²⁵⁶ Нет Ч. ²⁵⁷ Христосъ Т. ²⁵⁸ и Ч. ²⁵⁹ Нет Ч; доб. пакы Т. ²⁶⁰ Нет Ч. ²⁶¹ и бесмертную ЧТ. ²⁶² Нет Ч. ²⁶³⁻²⁶⁴ Нет Т. ²⁶⁵ Доб о Христѣ Исусѣ господѣ нашемъ, ему же слава с отцемъ и с святымъ духомъ нынѣ и Т.

II

¹ Повесть ² Кирила многогрѣшнаго мниха к Василию игумену Печерьскому ³ о бѣлоризцѣ чловѣцѣ, и о мнишьствѣ, [л. 304 об.] и о души, и о покаянии ⁴

⁵ В нѣкоем ⁶ градѣ бѣаше царь зѣло кроток, благ же и милостив, добрѣ смотряше о своих людех; ⁷ сим же точию единѣм ⁸ — не бѣ разумен, понеже не бояшеся бѣства, ⁹ ни ратнаго ¹⁰ держаще оружиа; ¹¹ не мнѣвше иному ¹² нань ¹³ вѣстати. Имѣяше при собѣ царь тѣмь многы другы и свѣтники и едину дщерь мужеумну. В тѣх же свѣтницѣх един бѣ мудр и благоуражен, иже скорбяше присно о небаянствѣ царевѣ, ¹⁴ обаче искаше ¹⁵ време не потребна, ¹⁶ како бы ему ¹⁷ глаголати к царю, да бы ся готовил на рать. В един же ¹⁸ час ноши внезапно [л. 305] бысть молва по граду велика, и рече царь к своим свѣтником: Изидемъ и походим по граду, некли обрѣтше имемъ творящаго в нашем градѣ мятежь; зѣло бо в велицѣх есмь нынѣ страсть. И шедше же ¹⁹ и ²⁰ всюдѣ походивше, ²¹ ничто же обрѣтоша, но точию движение ²² граду. Всѣм же свѣтником в унынии бывшимъ и о семъ недоумяющимъ, он ²³ благоураженный свѣтник, поемъ царя и с дщерью его, к велицѣмъ приведе ²⁴ горѣ, имущи много ²⁵ различная оружиа, в ней же узрѣста свѣтлую зарю, оконцемъ от ²⁶ пещеры исходяща. И к тому приникнув оконцю [л. 305 об.], видѣста ²⁷ внутрь вертѣпа жилище, в нем же сѣдяше мужь, в послѣдний нищеть жива, худыми оболчен рубы, ²⁸ ему же присѣдяще искръ ²⁹ своя жена, слажша брашна поюшу ³⁰ пѣснь. Предстояшетъ же ему нѣкто красен и ³¹ высок, на твердѣмъ камени, питая ³² и вино черпая. И мужю чашю приемшу, тогда похвалами вѣнчаху, мноую ³³ радостно ³⁴ мужа. Сии же вся соглядав царь призва своя другы ³⁵ и рече к нимъ: Оле чудо, мои друзи, видите, ³⁶ како худое се и потаеное житие честиѣ нашея державы ³⁷ веселится и свѣтлѣе внишних внутреняя [л. 306] сияють!

Сде ³⁸ бо ³⁹ слово поставлеше ⁴⁰ и на предреченаа възвратимся, ⁴¹ разрѣшающии притчѣхъ съузъ, — успѣха ⁴² ради простѣвших, а быстрии умом ⁴³ преже сказаниа си вѣдятъ. Послѣдок же слова подробну ⁴⁴ речемъ. ⁴⁵

Град убо есть, братье, ⁴⁶ съставление чловѣчьскаго телесе, ему же творецъ и ⁴⁷ зижитель бог.

А иже в немъ людие — човѣственныя уды нарицаем; слух, видѣние, ⁴⁸ обоняние, ⁴⁹ вкушение, осязание и нижняя теплоты ⁵⁰ сверѣпство.

Царь же есть ум, обладаай ⁵¹ всѣмъ тѣлом. ⁵² Зѣло же есть благ, и кроток, и милостив — о своемъ бо телеси паче всего печется, ⁵³ тому ища [л. 306 об.] потребныхъ ⁵⁴ и крася его одежами. ⁵⁵ Добрѣ же смотреть своимъ

¹⁻⁴ Слово о скороминувшемъ семь житыи. Господи, благослови, отче! Т; Слово блаженнаго Кирила мниха к Василию игумену Печерскому о мирскомъ сану, и о мнишьскомъ чину, и о умѣ, и о души, и о покаянии, си воставлено притче У. ²⁻³ Нет Б. ⁵⁻⁶ В ркп. Нѣкоем ⁷ делѣхъ У. ⁸ Нет У. ⁹ бѣжества У. ¹⁰ Доб. же Б. ¹¹⁻¹² не мнѣше бо кому В; не мняшетъ иному Т; не мняше бо иному У. ¹³ нань БТУ; в ркп. и нань. ¹⁴ Доб. но У. ¹⁵⁻¹⁶ времени подобна Т; подобна време не У. ¹⁷ ему БТУ; в ркп. емь. ¹⁸ Нет Б. ¹⁹ Нет БТ. ²⁰ Нет БТ. ²¹ и походивше Б; походяше У; нет Т. ²² движение БТУ; в ркп. движание. ²³ Доб. же Б. ²⁴ Доб и Б. ²⁵ многа и БТУ. ²⁶ из У. ²⁷ пондѣста Б. ²⁸ вретници У. ²⁹ Нет У. ³⁰ поюши ТУ. ³¹ Доб. зѣло Б. ³² Доб. и У. ³³ и великою Б; и мноую ТУ. ³⁴ радостно БТУ; в ркп. доб. святою. ³⁵ слуги Т. ³⁶ Нет У. ³⁷ Доб. есть Б. ³⁸ Дозде У. ³⁹ же БТ; нет У. ⁴⁰ оставлеше БУ. ⁴¹⁻⁴⁵ Слышите, братие, сказание притча сеа У. ⁴² успѣха Т; в ркп. успѣша. ⁴³ Доб. и Б. ⁴⁴ потрѣбно Б; подобно Т. ⁴⁵ Нет Т. ⁴⁶ Нет Б. ⁴⁷ Нет Б. ⁴⁸ зависть Б; видѣние ТУ; в ркп. вѣсть. ⁴⁹ Доб. видѣние добру и злу Т. ⁵⁰ теплота и Б. ⁵¹⁻⁵² сердцемъ всѣмъ и Б; всѣмъ дѣлом У. ⁵³⁻⁵⁴ то имуща потребныхъ Т; и аще тому потребныхъ У. ⁵⁵⁻⁵⁶ Зрит же добрѣ

людемь⁵⁶ — от слышания⁵⁷ бо добра⁵⁸ высится, а от зла мятется; очима же похоть створить, а обонянию желание исполнить;⁵⁹ устом же объяденне дасть,⁶⁰ а рукама несътъство бранья богатству створит;⁶¹ с тѣми⁶² и нижняго сверѣпства свершаеть похоть.⁶³

Чим⁶⁴ же единѣм⁶⁵ не бѣ⁶⁶ разумен? — Понеже не тако печашеся о души, яко же о телеси; ни помышляеть бо⁶⁷ бесконечныя злѣ сде живущим муки, ни готовится на будущаго вѣка праведником уготованую жизнь. Того ради⁶⁸ и Павел⁶⁹ глаголетъ: [л. 307] Мир весь⁷⁰ в злѣ лежитъ.⁷¹ Не слышитъ бо⁷² Соломона глаголюща: Блажены,⁷³ иже обрѣте мудрость,⁷⁴ и смыслен,⁷⁵ иже увѣда разум⁷⁶ житѣя сего.

Свѣтници же суть и друзи — житийския мысли,⁷⁷ не дадуще ны⁷⁸ о⁷⁹ смерти помыслити.

Бѣгство бо книги⁸⁰ смерть нарицають, ибо⁸¹ и⁸² Христос жидомь⁸³ глаголаше: Да не будетъ бѣгство ваше зимѣ, ни в субботу, сиречь, да не достигнетъ⁸⁴ тебе смерть⁸⁵ в гресѣхъ, ни⁸⁶ в праздник,⁸⁷ без покаяния.

Ратьная⁸⁸ орудия — постъ, молитва,⁸⁹ въздержанье и телесную чистоту апостол⁹⁰ нарицаеть: Возъмѣте бо, рече, вся орудия божия,⁹¹ да възможете противитися в день лют.⁹² Но сего мирьстия человекѣци⁹³ не любятъ⁹⁴ держати.

Нощь же есть свѣта⁹⁵ сего⁹⁶ мятежь, в нем же акы в тмѣ мятутся,⁹⁷ друг чрес⁹⁸ друга в погибель сами себе порѣваемъ,⁹⁹ ли яко сном одержимы, не въздержимся¹⁰⁰ от грѣха.

А еже в един час бысть велика по граду молва — то есть нечаемая на человекѣка напасть: ли¹⁰¹ недуг, ли потоп, ли язва,¹⁰² ли¹⁰³ к власти обида зла.¹⁰⁴

Тогда¹⁰⁵ всѣ житийския остануть мысли и иступление бываетъ уму, — еже есть царев страх, и шествие по граду, и необрѣтение творящаго плещь.¹⁰⁶ Никоторая же¹⁰⁷ бо хитрость¹⁰⁸ премѣнити възможет [л. 308] божия поущения, точию¹⁰⁹ святых мужь молитва. Истина же се¹¹⁰ есть: Петра бо от церкви занъ¹¹¹ бывающия молитва от темници и вериг избави; слышим же и Павла к римляном глаголюща: Паче силы оскорбѣша¹¹² ны в Асии, яко не надѣяются нам¹¹³ и живота,¹¹⁴ но бог избави ны вашими молитвами. Аще ли¹¹⁵ не будут достойни¹¹⁶ живии о вещи¹¹⁷ бога умолати, призываемъ¹¹⁸ препочившая¹¹⁹ святыя.¹²⁰ Свѣдѣтель же сему Исаиа,¹²¹ иже смерть Иезекии от бога подав и пакы не токмо здравие тому же Иезекии принесе от бога, нѣ и граду избавление:¹²² Но се ти, рече, дарова бог Давыда ради отрока твоего¹²³ [л. 308 об.]. Тако же и трие отроци моляхуса глаголюще: Авраама ради възлюбленого, и Исака раба ти и Израила святаго твоего, — того ради и в пламени неизгорѣвше изидоша.¹²⁴

о своих людех У. 57-58 убо блага У. 59 исполняетъ БУ. 60-61 а утробѣ несътъство творить У. 62 сими же У. 63 Нет Т. 64 Сям У. 65-66 бѣ не Б; не бѣ ТУ; а ркл. не. 67 Нет БТУ. 68-69 апостолъ Б; Павел апостол У. 70 бо си Б. 71 доб; творяй же волю господню пребывает в вѣкы. У. 71-72 Не слышите ли Т. 73 Доб. муж Т; доб. и человекѣк У. 74 прѣмудрость Б. 75 смертны Т; смыслен У; а ркл. и Б смертн. 76 вѣсть Б; разум У; а ркл. и Т смысл; см. Прит., III, 13. 77 вещи Б. 77-78 яко не дадуще Б; не дадуще У. 79 о БТУ; а ркл. ни о. 80 писаниа У. 81 яко же У. 82 Нет БТУ. 83 иудѣом У; ср. Матф., XXIV, 20. 84 носить Б; постигнетъ Т.; восхотитъ У. 85-86 Нет У. 87 поавдники Б. 88 Доб. же ТУ. 89 молитву, покаяние Б. 90 апостоломъ Б; см. Павел Ефес., VI, 13. 91 Доб. и Б. 92 зол Т. 93-94 не видетъ Б; ненавидят Т. 95 мира Б. 96 Нет У. 97 мятущеса У. 98 прѣзв Б. 99 рѣвемъ Б. 100 възбѣгнем Т; възбнем У. 101 находить ли Т. 102 нѣкая язва У. 103-104 ли ко властелемъ обода Т; к властелемъ оклеветание У. 105 Тогда БУ; Тогда бо Т; а ркл. То бо тогда. 106 клеча Т; мятежь У. 107 Нет БТУ. 108 премудрость Т. 109 но точью Т. 110 Нет Б. 111 за ны БУ. 112 отеготѣше Б. 113-114 ни животѣ Б. 115 Нет Б. 116 недостойнии Б. 116-117 вещью Т. 118 Доб. прежде БТУ. 119 почившее Б; почившая У. 120 Этим словом обрываетъ Троицкый список. 120-124 Нет ТУ. 121 См. Исаия, XXXVIII, 1-5. 122 Доб. и ратьникомъ погубление Б. 123 своего Б.

Да се ¹²⁵ есть подобно ¹²⁶ время оногo благоразумнаго свѣтника, еже не искати чаров, ни волхов, но вѣроу ¹²⁷ глаголати: Благо мнѣ, яко смирил мя еси, да научюся оправданием твоим. И паки: ¹²⁸ Яко годѣ бысть ¹²⁹ господеву, тако и бысть. Господь ¹³⁰ живить и мертвит, богатить и убожить, смиряеть и высить, ¹³¹ и от болѣзни устрабляеть ¹³² немощна. ¹³³

Гора же есть монастырь, в нем же духовнаа оружиа на противнаго дьявола си ¹³⁴ суть: по[л. 309]ст, молитва, ¹³⁵ слезы, въздержанье, чистота, любви, смѣренье, покорение люботрудне ¹³⁶ и несѣние. ¹³⁷

К той горѣ благоразумный свѣтник приводитъ царя, — сирѣчь печаль ума к монастырю: то бо есть гора божиа, гора тучна, гора усырена, гора, юже благоволи бог жити в ней. Придох ¹³⁸ же к горѣ — се ¹³⁹ есть обѣтное к богу слово: **Общайте бо ся, рече, и въздадите.** И паки: **Въздам тобѣ обѣты моя, иже изрекосте устнѣ мои и глаголаша уста моя в печали моеи.**

Приничение же к окснцю — еже слышати душеполезное учение: Сказанье бо, рече, словес твоих просвѣщаетъ и ¹⁴⁰ разум даетъ [л. 309 об.] младенцем; ¹⁴¹ пишеть бо ся: ¹⁴² Възведох очи мои в горы твоя, ¹⁴³ отнюду же приде помощь мнѣ; ¹⁴⁴ яко ту реши с Давыдом: господь съхранить вхожение мое и исхожение ¹⁴⁵ отселѣ и до вѣка. Никого же бо Христос к покаянию нужно влечеть, ¹⁴⁶ но вещии разум дает, да от тѣх познавшим его, и в небесное вводитъ ¹⁴⁷ царство.

Пещера же глубокаа ¹⁴⁸ — церкви есть монастырска, пророкы дозрима, ¹⁴⁹ апостолы устроена, еуаγγελисты украшена.

А иже от нея свѣтлая сиящи заря — богохваленаа жертва, немолчяная алилугия псаломьстими ¹⁵⁰ гласи; В ноцех бо, рече, въздежете руки ваша в святая и благословите господа; и паки [л. 310]. Полунощи въстах исповѣдаться тебѣ; Тако, ¹⁵¹ рече, да просвѣтитися свѣт вашъ предъ челоуѣкы, яко да узрять ¹⁵² дѣла добрая ваша и прославять отца вашего, иже есть на небесех.

Внутренний же вертеп — устав, глаголю, ¹⁵³ апостольскаго ¹⁵⁴ преданья. келейнаго ¹⁵⁵ житья, в нем же никто же своевоольство ¹⁵⁶ имать, но всѣм вся ¹⁵⁷ обѣща суть. ¹⁵⁸ Суть бо вси под игуменом, акы уди телеснии под единою главою, съдръжыми духовными жилами. ¹⁵⁹

А иже в нем сѣдѣй мужь, в послѣдний жива нищеть. — се есть весь чернечьскый ¹⁶⁰ чин. Сѣдѣние же безмолвие являетъ; Рѣх бо, рече, схраню пути моя, да не съгрѣшу язъ[л. 310 об.]ком моим; онемѣх и смирихся, и умолчах от благ; и паки: Аз же ¹⁶¹ глух и не слышах, и акы нѣм, ¹⁶² не отверзох уст своих — и прочаа подобна сим. А послѣдняя нищеты житие, — сирѣчь от бѣлоризецъ осуженье, досады ¹⁶³ и укоризны, ¹⁶⁴ хулы и ¹⁶⁵ посмѣси, ¹⁶⁶ испытанья, ¹⁶⁷ не бо тако мнѣять, яко богу работающа мнихы, но акы прелестники ¹⁶⁸ и свою погублеша душу. ¹⁶⁹ Того ¹⁷⁰ ради Павел ¹⁷¹ глаголаше: бог ны апостолы ¹⁷² послѣдняя яви, акы насмертники, яко позору быхом всему миру. И паки: Уроди мы Христа ради, вы же мудри о Христѣ.

¹²⁵ Нет БУ. ¹²⁶ не подобно У. ¹²⁷ с Давыдом У. ¹²⁸ Доб. с Иовом У. ¹²⁹ Нет Б.
¹³⁰ господь БУ; в ркп. господи. ¹³¹ возносит У. ¹³² въставляетъ У. ¹³³ нища Б.
¹³⁴ яже сиа У. ¹³⁵⁻¹³⁷ поклонанье, любви, смиренье, покорение, послушанье, трудолюбие, нестяжанье, въздержанье У. ¹³⁸ любосердье Б. ¹³⁷ неспание Б. ¹³⁸ Приходе У.
¹³⁹ Нет У. ¹⁴⁰⁻¹⁴¹ вразумляет младенца У. ¹⁴¹⁻¹⁴² и паки У. ¹⁴³ Нет БУ. ¹⁴⁴ моя Б.
¹⁴⁵ Доб. мое БУ. ¹⁴⁶ приводит У. ¹⁴⁷ введеть Б. ¹⁴⁸ Нет У. ¹⁴⁹ прѣдвзрима Б; призрама У. ¹⁵⁰ псаломсти У. ¹⁵¹ Доб. бо БУ. ¹⁵² видитъ У. ¹⁵³ глаголетъ У.
¹⁵⁴ апостольскаго У; в ркп. апостольская ¹⁵⁵ мнишьскаго Б. ¹⁵⁶ своа воля У.
¹⁵⁷ Нет Б. ¹⁵⁸ Нет БУ. ¹⁵⁹ всилами Б. ¹⁶⁰ мнишьскый У. ¹⁶¹ Доб. яко У.
¹⁶² Доб. и У. ¹⁶³⁻¹⁶⁴ укарение Б; укорения У. ¹⁶⁵ Нет БУ. ¹⁶⁶ посмеанье У.
¹⁶⁷ оклеветанья У. ¹⁶⁸⁻¹⁶⁹ своа погубльших душа У. ¹⁷⁰ Сего У. ¹⁷¹ апостол Павел У; ср. I Коринф, IV, 9-10. ¹⁷² посланики У.

А иже худыми оболчен рубы — се бес притчи слово: ту бо яриг, и власяница, и су[л. 311]княныя одежа, и от козых кож оболченья. Всяка бо добра риза и плотское украшенье ¹⁷³чюжь есть ¹⁷⁴игумена и всего мнишьскаго уставенья: ¹⁷⁵Иже бо, рече Христос, мякъкая носить, си в домѣх царскихъ суть. Но суть ¹⁷⁶цѣломудриемъ оболчени и правдою поясани, ¹⁷⁷смѣрениемъ украшени.

Присѣдѣяща же искръ своя ему жена — се ¹⁷⁸есть неотлучающаеса смертная память, сию сладкую поющи пѣснь: Глас радости и ¹⁷⁹веселиа ¹⁸⁰в сѣлѣх праведник. Прѣведници в вѣкы живут, и мзда им от господа. Смерть праведнику покой. Богатство, ¹⁸¹иже мимо течеть, — не прилагайте сердца. Не помилую бо всѣхъ творя[л. 311 об.]щихъ беззаконие. Того ради, рече, забыхъ снѣсти хлѣб мой от гласа въздыханиа моего.

Предстояй же ему ¹⁸²он красный — Христосъ есть: близ бо господь всѣхъ боящихся ¹⁸³его; хотѣние ¹⁸⁴их исполнить и молитву их услышитъ. Се красен добротою паче сынъ человѣчскъ; щедр ¹⁸⁵бо есть ¹⁸⁶и милостивъ господь. ¹⁸⁷Не приход бо, рече, да ми послужать, но да послужи и положу душу свою избавление за многы.

Зѣло же высокъ есть, — понеже сынъ сый ¹⁸⁸божий, съшедый с небесе и воплотися нашего ради спасениа, и бысть человекъ, да человекъ обожить.

Стоить же на твердѣмъ нашея вѣры камени. О семь бо ¹⁸⁹Амос, ¹⁹⁰Иеремѣя послушству[л. 312]ета; он глаголетъ: И се человекъ высокъ стояще на твердѣмъ камени, призывая страны и питаа своя; Иеремия же рече: Человекъ есть, и кто увѣсть и? Но да явится ¹⁹¹странамъ, яко богъ ¹⁹²есть.

Питаяй же и черплай вино — всѣмъ вѣрнымъ подавая чистное свое тѣло в оставление грѣхов и святую свою кровь в живот вѣчный.

Възбращающа же другы — своя комуждо свѣсть. Въпить бо Павелъ: Иже кто ясть хлѣб ¹⁹³сь и пьетъ чашу господню, недостоинъ сый, грѣхъ ¹⁹⁴собѣ ясть и пьетъ, повиненъ есть тѣлу и крови господни.

А егда принять мужъ чашу, похвалами вѣнчаютъ ¹⁹⁵его — се [л. 312 об.] разумѣй очистившихся покаяниемъ и примивших животворную ¹⁹⁶чашу в освящение души и в очищение телеси. Тогда бо ¹⁹⁷богъ отецъ ¹⁹⁸хвалить ¹⁹⁹пророческими гласы: ²⁰⁰Блажени, им же отпущена суть беззаконя, ²⁰¹им же прикрывшася ²⁰²грѣси, ²⁰³им же не вмѣнитъ господь грѣха. И пакы: Веселитесь о господѣ и радуйтеся, праведнии! Вѣнчаютъ же святыи духъ, яко почитаеъ на честныхъ ²⁰⁴причастныхъ; уже бо я обрѣте достойны собѣ ссуды и вселися в ня; измыша бо храмъ его слезами, постлаша люботрудными ²⁰⁵молитвами, ²⁰⁶украшиша добродѣтелию, ²⁰⁷накадиша ²⁰⁸бо ²⁰⁹жертвными ²¹⁰въздыхании. Мно[л. 313]гою же радостию Христосъ с святыми ²¹¹аггелы веселится: Радость бо, рече, бываетъ на небеси о единомъ грѣшници кающимся; ²¹²радуите бо ся, рече, со мною, яко обрѣтохъ погыбшую драхму.

Се же вся согладавъ царь призва своя другы. Съгляданье — помышление есть благо, еже остатися от грѣховныхъ обычай и научитися благоугодныхъ, ²¹³собрати же сего суетнаго житиа помыслы, и окаяти ²¹⁴сего

173–174 чюжья суть У. 175 устава У. 176 Нет У. 177 препоясани Б. 178 Нет Б.
 179 Нет БУ. 180 Доб. и спасени У. 181 богатство Б; в ркп. но богатство
 182 Нет У. 183 творящихъ волю У. 184 жалание У. 185–186 Нет БУ. 187 Нет У.
 188 Нет У. 189 пророци У. 190 Доб. и Б. 191 явится У; в ркп. явятся. 192 бог БУ;
 в ркп. и 193 хлѣб БУ; в ркп. хлѣбо. 194 в суд У. 195 вѣнчаютъ Б. 196 животво-
 рещу Б. 197 Нет БУ. 198 боготецъ Давид У. 199 похваляетъ У. 200 словесы У.
 201 Доб. ихъ Б. 202 открывшася У. 203 Доб. ихъ Б. 204 чистыхъ У. 205 трудными У.
 206 молитвами БУ; в ркп. молитва. 207 добродѣтели У. 208 накадише Б; накадиша У;
 в ркп. насадиша. 209 бо Б; нет У; в ркп. бе. 210 жртьвными Б; непрестанными У;
 в ркп. жерелеными. 211 сего У. 212 Доб. и Б. 213 богоугоднымъ У. 214–215 свѣта
 сего лестнаго У; в ркп. сего свѣтлостнаго.

свѣта лестнаго²¹⁵ красная, и речи соломоньскы: ²¹⁶ О суетие, суетою буди! Всяк бо человек, сих ради нудяй²¹⁷ себе трудомъ, изножай²¹⁸ себе в²¹⁹ погыбель, и чюдится аггельскому богонабдимому²²⁰ и [л. 313 об.] ночьюскому²²¹ житию, и вся оставляетъ,²²² и ту саму телесную печаль,²²³ и тшится²²⁴ всяк человек²²⁵ по искушении телесных²²⁶ вещей о души попещися.

Сим²²⁷ же сице сказано, и²²⁸ прочее без разума²²⁹ да не останеть. ²³⁰ Не бо мы сей²³¹ повѣсти творци есмы, но от²³² богодухновенныхъ вземлюще писаний, акы от постава²³³ умищъ и сия прѣзъкъ плетемъ,²³⁴ акы дѣтищъ предъ вашимъ отчствомъ нѣмующе²³⁵ вашу веселиемъ любовь.

А се похвала мнихомъ,²³⁶ и познание христовы благодати, и вшествие в вертеп, сирѣч пострищися—от пророческихъ писаний скажемъ.²³⁷

Рече [л. 314] царь: Како худое се и потаеное житие честнѣе нашея державы веселится и свѣтлѣе внутренья вѣшнихъ сияють? — се же есть умныхъ²³⁸ человекъ²³⁹ помяновение души.²⁴⁰ Не спасеть бо ся, рече, царь многуо силою, и всяка власть к грѣху причтена есть. А торгующимъ,²⁴¹ егда купля сдѣтается, ту и грѣхъ свершится и ины вся житийскыя вещи; в нищетѣ же и в богатствѣ спону имуть к спасению: ²⁴² сѣмью и домъ.²⁴³ Того²⁴⁴ ради глаголет апостолъ: ²⁴⁵ Оженивыйся печется женою, како угодити женѣ, а неженивыся печется, како угодити богу; она печаль ведеть в муку,²⁴⁶ а си п[л. 314 об.]чаль²⁴⁷ — в вѣчную жизнь.

Худое же и потаеное житѣе — мништво явяеть. На смирение бо и на покорение кождо вне грядеть, токмо о бозѣ веселится, честь по своимъ трудомъ от бога и ²⁴⁸ человекъ въсприемля.²⁴⁹ И древо бо не възраста дѣля высока, ни листвиа, но плода дѣля²⁵⁰ хвалимо бываетъ: тако и мнихы не манастыръ славныи творить,²⁵¹ но добрая дѣтель мнишская.²⁵² И се явѣсть²⁵³ отъ Феодоса,²⁵⁴ игумена Печьрскаго, иже в Киевѣ, понеже нелицемѣрно мнишствова, възлюбивъ бога и братью свою,²⁵⁵ акы своя уды; тѣмъ же и бог възлюби и мѣсто его ради [л. 315] прослави паче всѣхъ, иже манастыръ в Руси.

Сиа внутренья добродѣтели святыхъ калугеръ²⁵⁶ житиа паче мирскоѣ власти сияють чудесы, и тѣхъ²⁵⁷ ради мирскыа велможи²⁵⁸ свою покланяють мнихомъ главу,²⁵⁹ яко божиимъ угодникомъ достойную въздающе честь, по господню словеси, глаголющю: Приемляй праведника, во имя праведниче, мзду праведничю приемлеть и прочая; и паки: Приемляй, рече, вас, мене приемлеть; и прирече: Не бойся, малое стадо, яко благоволи отецъ мой дати вамъ царствие небесное; Иже бо оставить, рече, отца и матеръ и имѣние имени моего ради, стократицею²⁶⁰ приметъ [л. 315 об.] и жизнь²⁶¹ наслѣдитъ. Сих ради²⁶² обѣщанийъ всякъ крестьянинъ нудится понести яремъ господень, рекше²⁶³ иночьскый чинъ²⁶⁴ на ся взяти.

Да речемъ уже оногo царя вход. Поемъ бо свою единородную дщерь, внутрь вертепа входить. Дщерь же уму²⁶⁵ разумѣй²⁶⁶ душу: умороди-

²¹⁶ со С[о]ломономъ У. ²¹⁷ нудить Б. ²¹⁸ изнаеаеть Б; обнажаеть У. ²¹⁹ Нетъ Б.
²²⁰ благоугодному У. ²²¹ чръньскому Б. ²²²⁻²²³ еже о телеси попечение У.
²²⁴⁻²²⁵ Нетъ У. ²²⁶ тлѣнныхъ Б. ²²⁷ Симъ БУ; в ркп. Имъ. ²²⁸ Нетъ Б.
²²⁹ расужения У. ²³⁰⁻²³⁷ Нетъ У. ²³¹ сей Б; в ркп. сси. ²³² отъ Б; в ркп. о.
²³³⁻²³⁴ въ ушѣ вѣнде сие прѣзъкъ плетемъ Б. ²³⁵ неминущую Б. ²³⁶ святыхъ мнихъ Б.
²³⁸ разумныхъ У. ²³⁹⁻²⁴⁰ о души поминание Б; воспоминание души У.
²⁴¹ Доб. убо У. ²⁴²⁻²⁴³ всѣмъ людемъ Б; нетъ У. ²⁴⁴ Сего У. ²⁴⁵ Доб. коринфомъ У.
²⁴⁶⁻²⁴⁷ сиа же У. ²⁴⁸ Доб. отъ Б. ²⁴⁹ приемлеть Б. ²⁵⁰ ради БУ.
²⁵¹⁻²⁵² нь добрая дѣтель мнишская и манастыри славны творить Б; в ркп. нетъ.
²⁵³⁻²⁵⁴ мништво Феодосиа У. ²⁵⁵ Нетъ У. ²⁵⁶ мнихъ Б; черноризецъ У. ²⁵⁷ сихъ У.
²⁵⁸ властели У. ²⁵⁹⁻²⁵⁹ своя подклонають мнихомъ главы У. ²⁶⁰ сторицею У.
²⁶¹ животъ вѣчный У. ²⁶² Нетъ У. ²⁶³⁻²⁶⁴ чръньскыи образъ Б; иночьскый образъ У; в ркп. иношьскый чинъ. ²⁶⁵ умъ Б; ума У. ²⁶⁶ Доб. и Б.

телна бо есть и обьщена²⁶⁷ аггельским чином. Творяй,²⁶⁸ рече, аггелы своя духы и слугы своя — огонь полящъ. Дух бо на всю²⁶⁹ добродѣтель бодр и скор на теченье богоугоднаго подвига, но плоть немощна. Обаче вся служба аггельская и мнишьская одино есть: ²⁷⁰ они бо и си, всю свою оставльше волю, божию и игу [л. 316] меню повинуются повелѣнню; ²⁷¹ им же самъ господь мьздовѣздатель ²⁷² противу трудом бысть: ²⁷³ Иже бо, рече, душу свою погубит моих ради словес, обрящеть бо ю в вѣчном животѣ. ²⁷⁴ То уже сам ²⁷⁵ глаголетъ к внутрь стоящему: Отверзи мнѣ врата правды, и вшед в ня исповѣмся господеви, яко взыскающии его не лишатся от всякого блага. Отвѣща предстояй он: Си врата господня; праведнии внидутъ в ня, и господь не лишитъ добра ²⁷⁶ ходящих не злобою зде. Ты же кто еси тако дрѣзающий? И та ²⁷⁷ рече: Дщи убо есмь царева, и ²⁷⁸ приведется царю дѣвы ²⁷⁹ по ней. ²⁸⁰ Отвѣща стояй: ²⁸¹ Слыши, дщи, и вижь, и приклони ухо твое, и забуди [л. 316 об.] люди твоя, и дом отца твоего, и въсхощеть ²⁸² царь добротѣ твоей, аще и черна еси. — Сирѣчь, дондеже бо человек не останется телесных похоти и житийских печали, душа его с богомъ не смирится; не можете бо ²⁸³ богу работати и мамонѣ. Черноть же есть грѣх. Смагла, рече, есмь, но добра; ²⁸⁴ смагла убо первых дѣля сьгрѣшений и яже в миру житийскихъ вещи; добра же бых скорога ради покаяния. Черна есмь миродержителнаго сана властною; добра есмь ²⁸⁵ мнишьскаго ради постриженна. Вся ²⁸⁶ слава дщерѣ царевѣ — внутрѣуду. Ты же кто еси? Аз есмь, рече, пастух овцам; ²⁸⁷ Остави вы, рече, на горах 90 и 9 [л. 317] и сниход погыбшиѣ сле ища; но аще мене послушаеши, ²⁸⁸ лицу твоему помолятся богати людье. Отвѣща: ²⁸⁹ Обѣщах ти ся, овца бо есмь словеснаго ти стада, и к тобѣ прибѣгох, доброму пастырю; взищи мене заблужьшаго и цѣлуй мя от лобзаниа ²⁹⁰ уст его. ²⁹¹

Вижь порядних словес слугу, и не мните мене кромѣ святых книг сих вземлюща. ²⁹²

Аще быхом обѣт пострижаниа нашего схранили, то не токмо грѣхов оуѣщение, ²⁹³ но и земную честь приали быхом, яко же святии ваши ²⁹⁴ отци и чудотворци, им же цари и князи падше поклонишася, — но и в небеснѣм царствии видѣли быхом божие ли [л. 317 об.]це; — сирѣчь елико быхом в молитвѣ просили и скоро сугубо прияли.

Обаче и еще стоящаго ²⁹⁵ въпрашаеть глаголющи: Аще пастух еси, не остави мене, ни отступи от мене, яко скорбь близ; слышах бо Исаию о тебе глаголюща: И ть, яко пастух, упасеть стадо свое, и в рудѣ свои сбереть агньца, и в утробѣ имущая утѣшить. Се ²⁹⁶ новоосвященных ²⁹⁷ мних аще не словеса, то мысли. ²⁹⁸ Держаще бо ся обѣта и слабости не сдолѣвше святынѣ ²⁹⁹ просят, писаниа почитающе, бес подвига ³⁰⁰ велеть богами спасти я; ³⁰¹ не бо разумѣем Павла глаголюща: Бес подвига никто же вѣнчается, никто же бо спя побѣдит, ни [л. 318] лѣннѣйся спасти можетъ. ³⁰² Обаче нераскаянни суть божи дарове; послух ³⁰³ бо сих на небесех вѣрен — господь наш Исус Христос, иже туне спасаеть мнишьскый чин; сам бо за ны молится глаголя: Отче святыи, не о мирѣ молю,

²⁶⁷ обѣщана У. ²⁶⁸ Доб. бо БУ. ²⁶⁹ Нет У. ²⁷⁰⁻²⁷¹ они убо божию повелѣнню повинуются, сии же, оставльше волю житейскихъ попечений, даш (sic!) его к игу меню повинуются У. ²⁷² Доб. есть У. ²⁷³ их У. ²⁷⁴⁻²⁷⁵ То уже сама Б; Ина же У. ²⁷⁶ благаа У. ²⁷⁷ тако Б; сие У. ²⁷⁸ да Б; нет У. ²⁷⁹⁻²⁸⁰ во слѣд мене У. ²⁸⁰⁻²⁸¹ Отвѣща ей Б; Отвѣща предстояй У. ²⁸² въждѣлет У. ²⁸³ Доб. рече БУ. ²⁸⁴ См. Песнь Песней, I, 4. ²⁸⁵ же Б. ²⁸⁶ Доб. бо БУ. ²⁸⁷ Этим словом обрывается Белградский список. ²⁸⁸ Доб. то У. ²⁸⁹ Сиа же отвѣщав рече У. ²⁹⁰⁻²⁹¹ твоего У. ²⁹¹⁻²⁹² Нет У. ²⁹³ оставление У. ²⁹⁴ Нет У. ²⁹⁵ предстоящаго У. ²⁹⁶ Доб. разумѣи У. ²⁹⁷ новоначальных У. ²⁹⁸ помышления У. ²⁹⁹ святини У. ³⁰⁰⁻³⁰¹ хотя спастиася У. ³⁰¹⁻³⁰² Нет У. ³⁰³ свидѣтель У.

но о сих, яже дал еси мнѣ; съблюди а во имя твое: да идеже буду и аз, ту и си будутъ съ мною; никто же от них погибнетъ, токмо сын погыбелный.³⁰⁴

Си же имущи обѣщанья, о мниси, подвизайтесь! Подобаеет же и в нынѣшних апостолѣхъ Июдѣ быти, но кождо вас съблюдетъ³⁰⁵ себе: не продадим божия слова на лъжи, крадуше, грабяще, обидяще, на игумена злое³⁰⁶ мы[л. 318 об.]слящи, клятвоу ся оправдающе, ниже распнѣм Христа, недостойнѣ приступающе к причастию святыхъ таин, нѣ о всѣхъ³⁰⁷ себе съставляюще, по апостолу,³⁰⁸ яко божия слугы, въ трыпѣнии мнозѣ свое сдевающе спасение. Яко же бо кони, текуще в стадѣ, друг другу³⁰⁹ ретящесе, преспѣвають, — тако³¹⁰ и вы ревнуйте святыхъ отецъ подвигу³¹¹ и друг друга преспѣвайте³¹² в алкании, и в бдѣнии, и в молитвах, в служебныхъ трудѣхъ, да не³¹³ раслабѣвше объядениемъ, и пьянством, и плотскими похотми³¹⁴ да не³¹⁵ в адстѣи устанемъ³¹⁶ пустыни и тамо геоньскими растерзани бу[л. 319]дем звѣрми, и яко толща земная телеса наша просядутся,³¹⁷ огнем мучима, и расыплются кости наша при адѣ. Но воперите си разумнѣи крилѣ и възлетим от губящаго ны грѣха. Възмѣм от книгъ пищу и рыцѣм с Давыдом: Коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меду устомъ моимъ.

Си же глаголя, не величаюся, но себе тѣша, от неразумна глаголю. Человѣкъ бо есмь грѣшен, кален уд имѣя мой языкъ. Аще бо в глубину³¹⁸ божиихъ книгъ³¹⁹ внидох, но грубомъ³²⁰ языкомъ ума³²¹ просты изношоу гласъ. Богъ же мира многоу³²² милостию да створитъ вашему отчѣству сему прияту бы[л. 319 об.]ти сказанию,³²³ и тѣи³²⁴ ваша съблюдетъ душа чиста, и телеса бескверна,³²⁵ и житие непорочно, дѣвство неокрадомо, непреत्याкающеся чернечество, несъблазньну вѣру, непременно о души попеченье, братолюбье нелицемѣрно и вашъ покой украси³²⁶ знамение,³²⁷ и небесныя³²⁸ отверзетъ двери, и огненное³²⁹ отложить оружие, и в горний водеть в Иерусалимъ, и десницею вѣнчаеть, и трапезу представить, и чашу веселиа и радости подаетъ.

³³⁰ Мене же, акы пса, молю вы, не презрите, но и сде в святыхъ помянѣте молитвахъ, и тоя святыя трапезы крупницѣ поверзѣте,³³¹ ея же буди всѣмъ [л. 320] крестьяномъ сподобитися жизни³³² о Христе Иисусѣ господѣ нашемъ, ему же³³³ слава с отцемъ и с святымъ духомъ и нынѣ³³⁴ [и присно].

III

¹ Кюрила епископа Туровьскаго² сказание о черноризьчѣстѣмъ³ чину, от вѣтхаго закона и новаго: оного образъ носяща, а сего дѣлы съвършающа⁴

Първое⁵ речемъ о исходящихъ изъ мира в монастырь и възимающихъ⁶ искусныѣ ризы мнишьскаго образа. По уставу⁷ от⁸ обоу закону исправ-

³⁰⁴ погыбели У; Ср. Иоанн XVII, 9, 11—12, 24. ³⁰⁵ да блюдет У. ³⁰⁶ лукавая У.
³⁰⁷ всѣм У. ^{307—308} себѣ воставляюще, по апостольску учению У. ³⁰⁹ друга У.
³¹⁰ сице У. ³¹¹ подвитом У. ^{311—312} Нет У. ³¹³ Доб како У. ^{314—315} Нет У.
³¹⁶ обрящемся У. ³¹⁷ просядутся У; в ркп. нет. ^{318—319} божественныхъ писаний У.
^{320—321} смысломъ разума У. ^{322—323} своею благодатию и неизчетнымъ чловѣколюбиемъ да сподобитъ ваше отчѣство прияти сие сказание У. ³²⁴ то да У. ³²⁵ нескверна У.
³²⁶ украситъ У. ³²⁷ знаменни У. ³²⁸ райския У. ³²⁹ пламенное У. ^{330—331} Нет У.
³³² Нет У. ^{333—334} подобаеетъ всяка слава и честь и поклоняние с безначалнымъ его отцемъ и пресвятымъ и благымъ и животворящимъ духомъ и нынѣ и присно в вѣкы вѣкомъ У.
^{1—2} Преподобнаго отца нашего Кирила мниха Т. ³ иноческомъ Т. ⁴ Доб. Благо-
слови, отче! Т. ⁵ Доб. убо Ч; бо Т. ⁶ възимающа Т. ⁷ Доб. убо ЧТ. ⁸ Нет Ч.

лено⁹ быст то,¹⁰ и лѣпо есть црѣвѣ в искусѣ быти. Нѣ внимай своему образу и житью, мнише,¹¹ и смотри своих¹² риз обѣчания, и познай¹³ собѣ в 2-ю естеству имуща слог.

По ветхому¹⁴ закону жертву собѣ створил есть¹⁵ онѣх агньць, закалаемых в пустыни на паску богови: да не будеши¹⁶ коростав, и хром, и слѣп¹⁷ и раньн¹⁸ — си бо вси повержены бывають порока дѣля¹⁹ псом и птицам на снѣдь. Ты же неродѣством себе принес здѣ, блюди опасно, да не бѣсом поко[л. 604 об.]ище сдѣ быв, и душу свою геоньским повѣржеши птицам, — коростав быв творением грѣхов,²⁰ хром же — прилежаемъ житийскихъ вещей, слѣп же —²¹ неплодѣством жива,²² о чрѣвѣ токомо пекася.²³

По оному закону приношение быст волнаго²⁴ богу обѣта, в величѣ и малѣ²⁵ вздаемо чисто: да не буди порочно расужениемъ твоихъ мыслей, и²⁶ услышиши аки Каин: К тобѣ възращение твое, ты имѣ обладаеши.²⁷ [Свѣща ли есть,²⁸ токмо до церковныхъ дѣрий в своей воли буди, и о томъ не расматрай, како²⁹ и чим³⁰ тя потваряеть.³¹ Риза ли еси, до приемлющаго тя в руку знай себе; ктому не помысли, аще и на онучѣ растерган³² будеши.³³ Точью до монастыря имѣи свою волю, по въсприятый же образа всего себе повѣрзи в покорение, ни мала своевольства³⁴ утай в сердци твоёмъ, да не умрешь душею, аки Анания услышав Петра, глаголюща ти: Почто въсхотѣ искусити духъ святой, и не солга челоуѣком, нѣ богови. Да³⁵ не неродиши о сво[л. 605]емъ обѣтѣ, да не събудеться на³⁶ тобѣ писание, глаголющее: Луче бы не познати истины, нежели³⁷ и познавъши уклонитися от нея, — и прокая — до пса и³⁸ свинии прилагаеми³⁹ будутъ,⁴⁰ аще не ползуеши своей души, нѣ паки възвратиши в мир.

Сказ⁴¹ о пострижении мних⁴² в малый образ от ветхаго закона и⁴³ ина мѣра.

Рече бог⁴⁴ Моисѣови: Изъведи из Египта люди моя, Израиля, да вшедѣше⁴⁵ наслѣдять землю, юже обѣщах Авраму. И се слышавше людѣе от Арона, тѣдахуся изиги, — ов радощами⁴⁶ божия обѣта, а други⁴⁷ не терпя нужныхъ работы фараоня; ин не мога клит⁴⁸ творити и нѣ собѣ град създати;⁴⁹ ин⁵⁰ же погоничев прѣщениа не терпя. И кости же Йосифовы въземѣше изидоша. Замешено же тѣсто несяху,⁵¹ понеже нѣ даша им испечи.⁵² Борзаго⁵³ ради⁵⁴ шѣствия⁵⁵ възложиша опреснѣки на главы своя, и тако от солнца испекошася.⁵⁶ Исползшемъ власом,⁵⁷ и⁵⁸ быша на всѣхъ плѣщи: по сему⁵⁹ образу —⁶⁰ черньцем [л. 605 об.] гумеце.⁶¹ Прощедѣше⁶² море, манюу вси без труда питахуся, и ризы же⁶³ на них растяху, дондеже⁶⁴ под Синайскую гору придоша.⁶⁵

В ту же мѣру, по новому⁶⁶ закону, посла бог сына своего избавити⁶⁷ челоуѣчь род от плѣна⁶⁸ дѣволя⁶⁹ и привести от тмы на свѣт, и вслѣдующихъ ему терпению в небесное царство вселити.

⁹ явлено Т. ¹⁰⁻¹⁰ Нет Т. ¹¹ о мнише Ч; о иноче Т. ¹² твоих Т. ¹³ познавай Т.
¹⁴ Доб. убо ЧТ. ¹⁵ еси ЧТ. ¹⁶ буди Ч. ¹⁷⁻¹⁸ и кос Ч; и класно Т. ¹⁹ ради Т.
²⁰ грѣха Ч. ²¹⁻²² нерадѣством живия Т. ²³ пекийся ЧТ. ²⁴ волею Ч. ²⁵ Доб.
вещи ЧТ. ²⁶ Нет Ч. ²⁷⁻²⁸ Свѣщал еси Т. ²⁸ еси Ч. ²⁹⁻³⁰ сим ЧТ. ³¹ по-
вратят Т. ³² растерзан Ч; раздран Т. ³³ Доб. в мнишество помыслил еси ЧТ.
³⁴ своей воли Т. ³⁵ Доб. убо ЧТ. ³⁶ о Т. ³⁷ нежели ЧТ; в ркп нели. ³⁸ Доб.
до ЧТ. ³⁹ прилагаема ти Ч; доб. ти Т. ⁴⁰ См. 2 Петр. II, 21—22. ⁴¹ А се сказ Ч.
Сие же сказание Т. ⁴² мниха Т. ⁴³ Нет Ч. ⁴⁴ господь Ч. ⁴⁵ вышедше Т.
⁴⁶ радостию Т. ⁴⁷ Доб. же Ч; ово Т. ⁴⁸ плинѣфы Т. ⁴⁹ въздати Т. ⁵⁰ овы Ч;
⁵¹ ово же Т. ⁵² ношаху Т. ⁵³ Доб. нужда ради работныхъ Т. ⁵⁴ Доб. же Ч.
⁵⁵⁻⁵⁵ жити съществия Т. ⁵⁶ Доб. и ЧТ. ⁵⁷ Доб. их. Т. ⁵⁸ Нет Ч. ⁵⁹ Доб.
убо Т. ⁶⁰⁻⁶¹ у инока плѣшь Т. ⁶² Прощедшим Ч; доб. же Т. ⁶³ Доб. их. Т.
⁶⁴ дондеже Т. ⁶⁵ пришедше Т. ⁶⁶ Доб. же ЧТ. ⁶⁷ да избавить Ч. ⁶⁸ плѣ-
ненья ЧТ. ⁶⁹ вражня Т.

Начало. Си же слышавша ⁷⁰ Акула и Прискула ⁷¹ от Павла, яко върою и ⁷² чистотою и смѣреніемъ в небесное царствие внити есть, та 1-е от Паула свои постригоста главѣ и черны от сукна отвориста си ⁷³ ризы.

Ты же, брате, въслѣдовати хотя Христу, ведущему тя на небо, ⁷⁴ имѣй на своемъ умѣ, ⁷⁵ чего ради ⁷⁶ разумнаго Еюпта — мира отбѣгаеши: или общанаго ти царства желая, ⁷⁸ ли дьяволя грѣховныя работы не хотя, ли житийскіѣ печали не любя, от нея же нѣст ползы, токмо души погибѣль, ли женою и ⁷⁹ дѣтми смущаем. И старца же и болящаго, уже ⁸⁰ умьртвити хотяща, ⁸¹ подобаеть остричи в мнишьство хо[л. 606]тяща: се кости Иосифовы.

Носи же мыслное тѣсто точью, дондеже на главѣ ти плѣшь будеть, и върою проиди море, сирѣчь — забуди мирьскаго жития ⁸² вещи, и нетрудный хлѣб, яко ману, от келареву руку прийма, ⁸³ питайся. Ризы же ⁸⁴ не славны и мяккы любви, ⁸⁵ но ⁸⁶ растуша, сирѣчь многими пошивая заплатами, дондеже к горѣ боголюбных ⁸⁷ добродѣтелей доидеши, ⁸⁸ — нѣ и тогда не раслаби ⁸⁹ себе, нѣ потърпи, да жь ти Моиси с горы сънидеть, ⁹⁰ неса скрижали с заповѣдми.

Привод. И ⁹¹ не ревнуй мужем б[е]с[с] страха божия живущим в манастыри, точью о чрѣвѣ и одѣжи мыслящем, и вълеричьемъ гордящемся, свары же и ⁹² укоризны ⁹³ всѣм ⁹⁴ бещино укидающем, ⁹⁵ земныя чести и власти ⁹⁶ о собѣ ⁹⁷ въсхитающа, ⁹⁸ имь же мнози хриси, ⁹⁹ по писанию, йная учения и заповѣди предающе, ¹⁰⁰ по воли их, ¹⁰¹ яко же хотящ.

Ты же Христа ¹⁰² единого ¹⁰³ заповѣд ¹⁰⁴ и житье, ¹⁰⁵ иже от рожества и до распятия, досады и ¹⁰⁶ клеветы, и ¹⁰⁷ поношения ¹⁰⁸ и раны тебе ради претерпѣ, — [л. 606 об.] сего ¹⁰⁹ послушай, о мнише, ¹¹⁰ и приготови себе на терпение ¹¹¹ скорбий. Подвизайся, не раздруши ¹¹² своего обѣта, мужайся, егда укоризны приемлещи; не поверзи собѣ супротивемъ, аки нѣкий бещестный ¹¹³ суд, ¹¹⁴ смрад испущая. ¹¹⁵ Нѣ ¹¹⁶ и себе истрижения ¹¹⁷ главы твоя въспомани, ¹¹⁸ яко образ тѣрноваго вѣнца Христова носиши, и с тѣмъ ¹¹⁹ крѣст свой злостраданияемъ ¹²⁰ понеси, и распен ¹²¹ себе въльнымъ терпѣниемъ, и ¹²² тако врага ¹²³ побѣдиши. Нѣ ¹²⁴ и тако не уповай ¹²⁵ собою, нѣ пожди, дажь ¹²⁶ Христос из ада Адама ¹²⁷ изведеть. ¹²⁸

В 1-ю мѣру о самовластьи чѣрньць ¹²⁹ — от закона.

Заповѣда ¹³⁰ Моиси всѣм в чистотѣ прѣбывати, ¹³¹ взиде на гору, идеже бог съшѣд огнь окружи гору, и написав ¹³² скрижали своимъ пѣрстом, закон дасть Моисѣю, и уем ¹³³ от духа его, ¹³⁴ вложи в избраныѣ старцѣ, и ущедри и помилова, их же сам въсхотѣ. Нѣвижь, что ¹³⁵ быст! Ни чюдеса бо слабых от погибѣли изыша, нѣ пришедше належаху ¹³⁶ Арону дати им бог, и бывши воли их, — съдоша вѣсти [л. 607] и пити, дондеже възгорѣшася огнемъ, и мнози ¹³⁷ гнѣвомъ божиемъ погибоша. ¹³⁸ И вси быша ¹³⁹

70-71 Акила и Прискила Т. 72 Нет Ч. 73 Нет ЧТ. 74 небеса ЧТ. 75-76 Нет Т.
 77 ли по Ч. 78 жалаеши Т. 79 или Ч. 80-81 у смерти суца Ч; и при смерти суца Т.
 82 Доб. и Ч. 83 приема Ч. 84-85 не мякки и преславны любви Ч. 86 но ЧТ;
 в ркп на. 87-88 дѣтелей доидеши Т. 89 разслабляй Т. 90 прѣдетъ Ч. 91 Нет ЧТ.
 92 Нет ЧТ. 93 укору Т. 94-95 бещину кидающим ЧТ. 96-97 особь Т. 98 въскы-
 тающим Т. 99 сих Ч. 100-101 послѣ же их Ч; по воли их Т; в ркп. по
 волих. 102 господа Исуса Христа Т. 103-105 заповѣди держи и житье Ч. 104 запо-
 вѣди Т. 106 Нет ЧТ. 107 Нет ЧТ. 108 Доб. же ЧТ. 109 и его Т. 110 иноче Т.
 111 Доб. и Т. 112 разрушити Ч. 113 бесчинный Т. 114 съсуд Т. 115 испущающъ ЧТ
 116-117 от пострижения Т. 118 Доб. себе ЧТ. 119-120 и свой злострадалный Г.
 121 распни Ч. 122-123 такового Т. 124 Нет Ч. 125 уповай Ч; смущай Т; в ркп. повай.
 126 Доб. ми Ч; тя Т. 127 Нет Т. 128 възведеть Ч. 129 инок Т. 130 Доб же ЧТ.
 131 Доб. таже Т. 132 написав Ч; в ркп напсав. 133 уим Ч; ум Т. 134 Доб. и Ч.
 135 чѣсо Т. 136 належахуся Т. 137 Доб. от них Т. 138-139 Нет Т.

погибли,¹⁴⁰ аще не бы Моиси стал в скрушении¹⁴¹ пред нимъ, възвратити ярость его, да не погубить их, дондеже съдѣлана будетъ¹⁴² скинья.

В ту же меру¹⁴³ от новаго¹⁴⁴ закона¹⁴⁵ о чернѣцких.¹⁴⁶ Ты же, мнише,¹⁴⁷ аще вѣруеши на небесѣх жизнь прияти, по реченому:¹⁴⁸ Наше житие на небесѣх, — държи заповѣди, яже Христос възсходя в Иерусалим учеником глаголаше: Хотяй быти в вас болий, да будеть всех мний и¹⁴⁹ всѣм слуга. Помни, еже при твоёмъ постриженіи слыша: Се съдѣ Христос невидимо стоитъ. Блюди, кому общаваешися. Помысли, не паче ли горы Синайскыя, страха божия огнемъ окружилъ ты бѣ тѣгда, и не¹⁵⁰ паче ли скрижалей, обѣта твоего словеса въписана быша божиемъ словомъ¹⁵¹ в плотныхъ твоего сердца скрижалѣх, — да не скруши худовѣрьемъ. Нѣ аще¹⁵² не съяеши с Моисѣемъ чистотою, поне въздыханіемъ, яко гора, о грѣсѣх курися. Блажени [л. 607 об.] убо бяху тѣгда¹⁵³ с Исусом Навгиномъ едино мысляху, — да и ты, брате, потѣщися обрѣсти мужа дух Христов имуща, украшена добродетелми, и послушество имуща, от своего жития, паче всего¹⁵⁴ к господу¹⁵⁵ имуща любовь, и к игумену¹⁵⁶ послушание, и к братии безлобие, разум имуща божественныхъ писаний и тѣмъ гавсталяюща к богу на небеса идущая. Тому предаждь¹⁵⁷ себе, акы Халев Исусови, всю свою отсѣк волю, и будеши акы чистый съсуд, зблюдая вливаемая¹⁵⁸ вънь¹⁵⁹ благая, дондеже скинья будеши святыя троица, по реченому богомъ:¹⁶⁰ Аз¹⁶¹ и отецъ придевъ и обитель в тобѣ створимъ.

От 1-ѣ мѣры. Аще ли¹⁶² прилѣпишися, акы к¹⁶³ Авироньскому сънму,¹⁶⁴ к милующемъ тѣло свое мнихом, и ризы измѣняющихъ,¹⁶⁵ и извѣтомъ праздника особную тряпезу с пивомъ творяща, и тамо на лица събирающася и до позднего прѣбывающа,¹⁶⁶ и¹⁶⁷ ищюща над старѣишиньствы взяти свою волю,¹⁶⁸ а не бога ради, ни о ползѣ свѣт¹⁶⁹ творяща,¹⁷⁰ яростный [л. 608] държаща супруг,¹⁷¹ и¹⁷² бестудно на иконома¹⁷³ и на¹⁷⁴ келаря нападающа, акы Корѣини¹⁷⁵ с Дафаномъ на Моисѣя и на¹⁷⁶ Арона, им же бог чрево, по апостолу, и слава студом¹⁷⁷ их, — сих бо ради приходить гнѣвъ божий на сыны противныя, сирѣчь¹⁷⁸ на мнихы,¹⁷⁹ отмѣтающа свой обѣт, имя же в манастыри стваряюща.¹⁸⁰ И не¹⁸¹ видять¹⁸² о них писанаго: Аз рѣх: бози будете и сынове вышняго вси; вы же акы человекѣци умираете; мъртви бо¹⁸³ суть таковыи душами, нѣ и телесы быша умьри.

А се за Моисѣя Христос. Аще не бы Христос по всѣ дни собою жьртву¹⁸⁴ богу отцю за грѣшныкы¹⁸⁵ възносил, покаяния нашего ожидая, обаче,¹⁸⁶ аще и¹⁸⁷ обѣщанаго нам царствія небснаго слабостью не наследуем, луче ны есть, да ти¹⁸⁸ телеса наша с падшими в пустыни

140 Доб. бы Т. 141 искушении Ч. 142 бысть Т. 143-144 оного Т. 145-146 о мни-
сѣх Т. 147 о мнише Т. 148 Доб. апостолом Т. 149 Нет Т. 150 не ЧТ;
в ркп нет. 151 перстом Т. 152 Доб. и Т. 153 Доб. (другими чернилами наверху)
иже Ч. 154 сего Ч. 155 богу Т. 156 Доб. имуща Т. 157 предаждь же ЧТ.
158 влагаемая Т. 159 Нет Ч. 160 господом Т. 161 Доб. же Т. 162 Нет Ч.
163 Нет Т. 164 Доб. и Т. 165 измѣняющимъ Т. 166 Доб. свѣт же не бога ради
о ползѣ творяща ЧТ. 167 но ЧТ. 168-169 Нет ЧТ. 169 В ркп ствѣт. 170 творяще Ч.
171 сопруги Т. 172 Нет Ч. 173 игумена или на иконома Т. 174 Нет Ч. 175 Корѣи
сущи ЧТ. 176 Нет Т. 177 студ Т. 178-179 на мирскыя же и на мнихы Т. 179 Доб
преступающихъ заповѣди божи; всякъ бо христианин от святаго крещениа и общавается
съхранити три сна, чко же тамо рѣчью глаголетъ, яко отрицаюся сатаны и всѣх дѣл
его и всего студа его, — на мнихи же, иже съвершенное от мира умерщвление и рас-
пятое житие общавшихся хранити и в послушании и смиренни жити, а не искати воля
своеа, ни яритися; а оклеветуй бо и судя настоящаго, оклеветуетъ и судетъ бога, их же
суд страженъ есть; иже бо и Т; 180-181 Не бо ЧТ. 182 вѣдят Т. 183 убо Т.
184-185 за грѣхы наша к богу отцу Т. 186-187 Нет Ч. 187 Нет Т. 188 Нет ЧТ.

падутъ, нежели не¹⁸⁹ оставиеть грѣх¹⁹⁰ творения¹⁹¹ к еюптьскимъ възвращаемся страшемъ. Аще бо и студ¹⁹² си творимъ,¹⁹³ по всѣмъ днѣмъ кающеша частыхъ¹⁹⁴ съгрѣшеній, нѣ и¹⁹⁵ тѣхъ адскихъ приставникъ не постражемъ мучений.

[л. 608 об.] О Ароняхъ ризахъ, и о скимномъ¹⁹⁶ образѣ, и¹⁹⁷ о стихарѣ,¹⁹⁸ и¹⁹⁹ о поясѣ,²⁰⁰ о подири,²⁰¹ о обѣдехъ, и о ефудѣ.²⁰² и о четвъроскутьнѣ ризѣ,²⁰³ и о омети, и о кидари.

По створении же скинии, съготованѣ бывши жьртвѣ, и крупичнѣи муцѣ от князя приносимѣ с дрѣвянымъ масломъ и чистымъ саломъ, по сиклу²⁰⁴ святому, сирѣчь по двѣи правды божиа, — повелѣваетъ богъ облещиса Ароу съ всѣмъ племенемъ чистыхъ левгитъ в свящєныа ризы, подѣтели дву ествству; Адамова преступленія²⁰⁵ и Христова²⁰⁶ въчловѣченія, на мнишьскій чинъ приводя.

Стихарь убо от багра — по образу смоковыхъ листъ, имъ же съшивъ прекры²⁰⁷ собе Адамъ.

Поясъ же усянь кожныа ризы являя²⁰⁸ мьртвость.

Подирь же естъ преступный Адамовъ грѣхъ.

Обеде же си възложи златы²⁰⁹ — се же естъ нужное из рая изведе-ние, акы скоту²¹⁰ уздами повьрзши.

На пьрсѣхъ же²¹¹ положи пяди²¹² уткано и²¹³ с 12 каменема ефуд — обою на десять колену израильтянъ пророчство.

Четвъроску [л. 609] дную же възложи ризу — по образу распростертаго над Израилемъ в пустыни облака,²¹⁴ из него же²¹⁵ исхожаше мана на нѣ:²¹⁶ Распростре бо, рече, облакъ в покровъ имъ.

Вижь твоя, мнише, по имени манны манатья, а мятля на ся²¹⁷ не възлагай.²¹⁸

Кидарь же — наглавный ушьв: се же естъ святаго духа осѣнения.²¹⁹

Ометъ же естъ — Адамъ,²²⁰ иже с высоты райскыа жизни²²¹ в преисподний ада сниде мракъ, — его же образъ повелѣтъ богъ иерѣомъ и левгитомъ, на ся въземъшемъ, измолити сущаго в адѣ. Нѣ понеже и²²² ти сами патриарси и пророци ветѣхаго закона не съхраниша до конца божиа повелѣнія²²³ и в законе его не изволиша ходити, и всѣхъ иже в вѣтсемъ законѣ, затвориша книги под грѣхомъ. О семь бо²²⁴ рече²²⁵ господь притчею о²²⁶ въпадъшимъ²²⁷ в разбойники, и от нихъ одежда обнажену, и язву приимъшу, и исполумьртву при пути повьржену: Иерѣи, рече, и²²⁸ левгитянинъ, сходя путьмъ²²⁹ и видѣвъ ранами боляща, не мо[л. 609 об.]гый его ицѣлти мимоиде. Того дѣла²³⁰ подобаеть²³¹ и тому²³² вьстати иерѣю, вьсь образъ имущю Аרוןъ,²³³ и не²³⁴ по чину Ароу глаголатися,²³⁵ иже из ада изметъ²³⁶ падъшаго ранами, на свой скотъ въземъ в гостиницю принесе.

Разумъ о сложеніи обою закону, Христова иерѣиства²³⁷ и скимнаго образа.

Послушай апостола²³⁸ Павла, глаголюща к галатомъ: Посла богъ сына своего, ражающа от жены,²³⁹ бывающа подъ закономъ. Вижь, како ти по първому образу от небеснаго злата скинию бо²⁴⁰ собѣ створи,²⁴¹ и по семь собою²⁴² жьртву готовать. Князи бо, рече, людьстии събращася

189—191 остаемъ грѣхотворения и Т. 190 грѣховъ Ч. 192 судъ Ч. 193 Доб. частыхъ Т.
 194 Нетъ Т. 195 Нетъ Т. 196 скимномъ Ч. 197 Нетъ Т. 198 стирѣ Ч. 199 Нетъ Т.
 200 Добъ и Ч. 201 Добъ и Ч. 202—203 Нетъ Т. 204 числу Т. 205—206 иди Ч.
 207 и прикрывъ Т. 208 явлениемъ Т. 209 злато Т. 210 скота ЧТ. 211 Добъ си ЧТ.
 212—213 утканьи ЧТ. 214—215 из него же ЧТ; в ркп. ижи его же. 216 нихъ ЧТ.
 217—218 не взимай Т. 219 осѣнение Т. 220—221 иже свыше райскыа пища Т. 222 Нетъ Т.
 223 Добъ не съхраниша бо, рече, закона божиа Т. 224 Нетъ Т. 225 глаголаше ЧТ.
 226 Нетъ Ч. 227 впадшему Т. 228 Нетъ Т. 229 Добъ тѣмъ Ч. 230 ради Т. 231—232 иному ЧТ.
 233—234 Нетъ Т. 234 Нетъ Ч. 235—236 иже и Адама из ада изведе Т. 237 иерѣва Т.
 238 Нетъ Т. 239 Добъ и Т. 240 Нетъ Т. 241 Добъ сирѣчь от святаго двѣица плотъ себѣ створи Т. 242 Нетъ Ч.

на господа и на Христа его; в крупичный мѣсто муки — хулу на нь глаголаша; в масла мѣсто — плеваху на святое лице его, и за сало²⁴³ — по ланитама бяху; ²⁴⁴ цѣною же его купиша от Иуды — вѣсомъ сребра, по образу сикла оного. Симъ образомъ и ²⁴⁵ мних, творениемъ закона и добрыхъ дѣл, свое тѣло скинию святому духу²⁴⁶ сѣтваряеть, и живу жертву собѣ ²⁴⁷ господеви ²⁴⁸ приносить, ²⁴⁹ от чиста ума, яко муку, молитву господеви ²⁵⁰ принося, ²⁵¹ в масла мѣсто — слъзы, в сала мѣсто — [л. 610] въздыхание от сердца.

Посемъ смотри обѣщания Христова. Да будетъ иерѣй по повелѣнню божию, по сбытию пророческихъ глагол: Сѣвлекоша бо с него ризы его и облекоша и в ²⁵² ризу червлену ²⁵³ — се есть Аронъ стихарь, за ²⁵⁴ Адамов смоковный лист одѣние, ²⁵⁵ — то же и ²⁵⁶ чърньчъ ²⁵⁷ къдман, ²⁵⁸ по сѣвлечени своя воля; о сей бо пишеться: Се ²⁵⁹ красен в одежи своей ²⁶⁰ нужнѣй.

Пояс ²⁶¹ же — крестныя смерти осужение, ею же Адама обожил, за нь же связан водим быст, по писанию: Есть поясан правдою, и ²⁶² истинною обит в ребра своя; — и по сему образу скимнѣй, ²⁶³ с праздники, пояс, от Адама и до ²⁶⁴ Арона, и ²⁶⁵ обою закону Христомъ сѣвршен.

Обеди же ²⁶⁶ суть приводнѣ на цесарьскый сан; ведоша бо его к Пилату связана, глаголюще: Распни и, ²⁶⁷ яко сий себе ²⁶⁸ цесаря творить. И се же быст ²⁶⁹ по пророчеству: Связати цесаря их пути, — да Адамова изгнанья поносив узды цесарѣмъ предасть. ²⁷⁰ тѣ ²⁷¹ бо на своемъ сану сия обиди носяще ²⁷² спасаются.

Се же и ²⁷³ мнихом аналави предано носити, ²⁷⁴ рекъше ²⁷⁵ плетьцѣ, творящи дѣломъ послушани [л. 610 об.]е.

Ефуд же есть — егда Христос прѣд архиерѣи ста и рекшо Каиафѣ: Вы не вѣсте, единому подобаетъ умрети за люди, — се же глаголаше и ефуд зрѣт. ²⁷⁶

Тѣгда закрывъше ²⁷⁷ платищемъ лице его бяхуть, и глаголюще: Прорци нам, Христе, кто есть ударий тя; в ефуд бо зряще прорицаху зряще; ²⁷⁸ — по сему образу ²⁷⁹ чърньцю малая манѣтка, ²⁸⁰ да не на пѣрсах, ни на лица, нь за плечима ветхый закон държитъ.

За кидарь же ²⁸¹ — егда поведоша ²⁸² и ²⁸³ на распятие, ²⁸⁴ възложиша ²⁸⁵ тѣрнов вѣнцѣ на главу его; — се же есть мниху малыхъ влас куста.

Четвъроскутная же ²⁸⁶ риза Ароня, бывша ²⁸⁷ на Христѣ — се ²⁸⁸ есть: егда распенъше и раздѣлиша ризы его ²⁸⁹ вѣини, и тѣмъ ²⁹⁰ четвъроконьчна мира покры; воини же Христови суть мниси, иже четвъроскутну же ²⁹¹ манотью носять. Манатѣ бо покров божий речеться, по образу распростертаго над Израилемъ в пустыни облака. Мниси же суть новый божию отрок Израиль.

За подирь же възем ²⁹² на ся ²⁹³ всего мира грѣхы на крестѣ пригвозди ²⁹⁴ — се ²⁹⁵ есть мнишьскый ²⁹⁶ куколь: [л. 611] по вѣтхому закону — Адамов преступный грех, по новому же — Христова смерѣния образ.

²⁴³ олоу Т. ²⁴⁴ Доб. его Т. ²⁴⁵ Нет Т. ²⁴⁶ духу ЧТ; в ркп. нет. ²⁴⁷⁻²⁴⁹ богوفي принесеть Ч. ²⁴⁸ богوفي Т. ²⁵⁰ богوفي Т. ²⁵¹ приносити Т. ²⁵²⁻²⁵³ ризы червлены Т. ²⁵⁴⁻²⁵⁵ Адамово смоковныхъ листовъ одѣние Т. ²⁵⁶ Нет Т. ²⁵⁷ мнишеский Т. ²⁵⁸ кодмн Ч; корман, сирѣч котыга Т. ²⁵⁹ Нет Т. ²⁶⁰ Доб. и Т. ²⁶¹ Почто Т. ²⁶² Нет Т. ²⁶³ свинник Т. ²⁶⁴ Нет Т. ²⁶⁵ Доб. от Т. ²⁶⁶ Нет Т. ²⁶⁷ Нет Т. ²⁶⁷⁻²⁶⁸ се бо себе, яко Т. ²⁶⁹ есть Ч. ²⁷⁰ предати Т. ²⁷¹ Нет Т. ²⁷² Доб. послушанием Т. ²⁷³ Нет Т. ²⁷⁴ творити Ч. ²⁷⁵ сирѣч Т. ²⁷⁶ зрѣв Т. ²⁷⁷ завивше Ч; закрывающе Т. ²⁷⁸ иноци Т. ²⁷⁹ и иноку Т. ²⁷⁹⁻²⁸⁰ переманд Т. ²⁸¹ Доб. его Ч. ²⁸² ведоша Ч. ²⁸³ Нет Ч. ²⁸⁴ Доб. и Ч. ²⁸⁵ Доб. и Ч. ²⁸⁶ Нет Т. ²⁸⁷ Доб. же Ч. ²⁸⁸ Доб. же Ч. ²⁸⁹ Доб. собѣ Т. ²⁹⁰ тѣми Т. ²⁹¹ Нет ЧТ. ²⁹²⁻²⁹³ Нет Ч. ²⁹⁴ пригвоздися Ч. ²⁹⁵ Нет Ч. ²⁹⁶ иносеский Т.

Заушение же иерѣйскаго новоплодья по образу Адамова от дрѣва възбраненаго вкуса, вѣкушаетъ зълчь с вкусомь.²⁹⁷ По сему образу чернью²⁹⁸ вседенный пост държати, и от всего въздържанье.

За всесъжагаемый, иже по законѣ, иерѣи агньць, иже по образу Адамовы смерти, пробадається в ребра, и съжагаетъ духомъ святымъ, излитиемъ крѣве и воды: да и ты,²⁹⁹ мнише, пожри свою волю и³⁰⁰ съжьжи грѣхы излитиемъ теплыхъ слъзъ.

Ометъ же есть Адам, его же въземъ Христосъ на свои рамѣ из ада³⁰¹ на небеса възведе.³⁰² Види, како ти въземлетъ на свой скотъ възпадышаго в разбойники, его же законъ и пророци не могоша³⁰³ ицѣлити. По сему³⁰⁴ образу епископи омофоръ носятъ на раму и душу свою полагають за порученя имъ люди, възимающе я³⁰⁵ учениемъ от ада греховнаго. Аще ли³⁰⁶ будеть мнихъ епископъмъ, подобаетъ ему снимати манатку, егда с полицею служить: единъ бо³⁰⁷ ефу[л. 611 об.]д, а не два и Аронъ и Христосъ прия; не мочно бо при службѣ, с Адамъмъ равно, на плещю носити вѣтхаго закона; не могоша бо възнести лежащаго, нѣ акы на послушество³⁰⁸ долѣ зачтена³⁰⁹ имети. Тако же и³¹⁰ игуменомъ, с полицею служащимъ, сънимати манотку³¹¹ с плечю. [Подобаетъ же³¹² и болшимъ и меншимъ игуменомъ³¹³ с полицею служить и не просити того у епископа; то бо есть чернью,³¹⁴ епискупу³¹⁵ чюже, а игуменомъ свое: на плотнѣй бо чистотѣ [л. 282] держитися ефудъ, а не по власти сана. А и³¹⁶ самъ вѣси,³¹⁷ иже³¹⁸ не епископъ всѣмъ чернцемъ³¹⁹ малую манатку³²⁰ възлагаетъ на плещи].

[О агельстѣмъ образѣ мнишьстѣмъ указъ.

[л. 15] И о семъ убо подобаетъ ти сказати, почесому аггельскый образъ носяще нарицаются мниси. Аще бо и вси вѣдятъ о семъ, но азъ младыхъ ради и неразумныхъ написаю.

Не небесныхъ аггелъ се естъ образъ, ни бесплотныхъ существо; они бо свѣтообразни, существомъ невидими, не имущи мѣры качеству; но земныхъ аггелъ, сирѣчь преподобныхъ мужъ законодавецъ, иже в ветсѣмъ и новѣмъ законѣ в телеснѣй чистотѣ богоугодно послужиша;³²¹ таковии бо челоуѣци аггели нарицаются.

Слыши Давида глаголюща: Персти мои съставиша псалтырь. И кто възвѣститъ господеву моему? — Той самъ слышитъ. И тѣмъ посла аггела своего, и поятъ мя от овецъ отца моего и помаза мя милостию помазания своего. Не мни — с небесе посла, нѣ Самоила, помазавшаго³²² и, аггела нарицаеть. Тако же и Павелъ пиша къ евреемъ глаголетъ: Аще глаголанно [л. 15 об.] аггелы слово быстъ извѣстно.³²³ И тѣмъ пророки и законодавци аггелы намѣнуеть, — яко же и Стефанъ къ фарисѣомъ глаголаше, иже примже законоповелѣннѣи аггельска и не съхранисте; се Моисея нарицаеть, его же закона не съхраниша жидове. И пакы Павелъ сушимъ в новѣмъ законѣ глаголетъ: Должна естъ жена молящихся в църкви имѣти покровъ на главѣ аггелъ дѣля. Види, яко священники по чистотѣ живушаа телеснѣ, бес порока служащая богу в ветсѣмъ и новѣмъ законѣ аггелы бо книги нарицають.

Се же и ты, о иноче, изволил еси аггельское священное и чистое житие. Да не держи его словомъ точию, но и добродѣтелию украси е. Вѣтхаго бо закона весъ Ааронъ образъ священныхъ ризъ на собѣ носиши, Адамова пре-

297 оцтомъ Т. 298 мниху Т. 299 Доб. о Т. 300 Нетъ ЧТ. 301 Доб. Адама Т.
 302 възнесе; доб. Рѣшение слову Т. 303 возмогоша Т. 304 Доб. бо Т. 305 Нетъ Т.
 306 Нетъ Т. 307 убо Ч. 308-309 дѣлѣ зачтена Т. 310 Нетъ Т. 311 перемандъ Т.
 312-313 и малу и велику игумену Т. 314 мниху Т. 315 Доб. же Т. 316-317 сами вѣсте Т.
 318 иже Т. 319 инокомъ Т. 320 манатию Т. 321 пожиша? 322 Поправка Калайдовича
 (Пам., стр. 115); в ркп. показавшаго. 323 См. Евр., II, 2.

ступления грѣхи себе обложив; да подѣшися³²⁴ Христовым терпѣ[л. 16]-
нием сын божий сътворитися,³²⁵ да не токмо спасешися, но и впадшаго
в грѣховныя разбойники исцѣлиши.³²⁶ Не ризами свѣтлыми буди славен,
но дѣлы добрыми. Терпелив³²⁷ подвижайся, всякы скорби мужскы терпя,
рѣтуяся мучеником, за Христа свою изливавшим³²⁸ кровь. Ты же аще
не извну, то внутрюду иссуши ю, токмо нужнѣй потребѣ телеси ка-
саяся, — да и ты преподобных чясти и аггельскому вѣнцу³²⁹ и небесному
царствию наслѣдник будеши.

Си глагола мнѣ о сих от книг, а не о собѣ сказавшу. Аще нѣ кто
мудр, тѣй инако протолкуеть, мы противу не вѣщаем. Нѣсмь бо женыци,
но класосъбиратели, ни хитреци книгам. Мы, грубая чадь, паче всего от
старѣйшинства вашего требуем святыя молитвы о Христѣ Исусѣ
[л. 16 об.] о господѣ нашем, ему же слава с отцем и с святым духом нынѣ
и присно ѿ вѣкы вѣком. Аминь].

³²⁴ Поправка Калайдовича; в ркп. подѣшится. ³²⁵ Поправка Калайдовича; в ркп. сътво-
рити. ³²⁶ Поправка Калайдовича; в ркп. исцѣлиша. ³²⁷ терпѣливо? (поправка
Калайдовича). ³²⁸ Поправка Калайдовича; в ркп. излие. ³²⁹ В ркп. пѣнцу.

мнпослоужатѣнъ
 далослоужюикто
 васъхотѣбытико
 лннвъцѣтѣнннссѣ
 нѣтѣбоуднвсѣхъ
 мннннвсѣтѣслоу
 ганторѣкъѣлоуѣн
 нсѣмнромь

✠ КТО РИ СПША

✠ тоу ровьска сѣа
 ✠ мнн. ѡуернорнзъ
 ✠ вѣстѣмъуиноу. ѡ
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн

✠ вѣтѣхъ законѣнн
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн
 ✠ вѣтѣхъ законѣнн

понстѣльрѣкѣвъ
 нскоуѣбѣытннъ
 вннмансѣонмоуѣ
 брахоуижитѣром
 ннше. нспотрнско
 нхърнзъѣбѣлуѣ
 нннн. нпознансѣ
 бѣвѣѣннстѣствѣ
 нмоуѣаслогѣповѣ
 тхоумоуѣзаконѣ
 жертвоуѣсѣбѣствѣ
 рннннстѣѣннхъ
 агннцѣзаконѣнн
 хъвѣпоустѣнннн
 паскоуѣѣн. дансѣ
 дѣшнкорѣставѣн
 хромѣннслѣпѣнн
 нннннннннннннн
 ржнннннннннннн
 порѣкадѣлѣпсомѣ
 нннннннннннннн
 дѣтѣжнннннннн
 вѣтѣхъ законѣнн
 хъѣблѣднннннн
 дансѣѣсѣомѣпко

В. Н. ПЕРЕТЦ

Новый список „Слова“ Даниила Заточника

Исследование одного из ценнейших памятников литературы периода феодальной раздробленности — «Слова» или «Моления» Даниила Заточника не привело еще к окончательному решению даже наиболее важных вопросов происхождения и дальнейшей судьбы этого памятника в рукописной традиции. Публикация каждого вновь обнаруженного списка побуждает проверять текстологические наблюдения, в конечном счете ведущие к уточнению группировки списков по редакциям и определению их взаимоотношения, к установлению последовательности сложения этих редакций и их датировки.

Обнаруженный нами в собрании рукописей Мальцева (из Научной библиотеки Саратовского Гос. университета переданном в Гос. Литературный архив) учительный сборник, относящийся к середине XVI века, содержит «Слово» Даниила Заточника. До сих пор было известно лишь два списка XVI века — собрания Ундольского № 195 и Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Q.XVII.14 и список второй половины XVI века, представляющий переделку так называемой второй редакции «Послания» («Моления») Даниила Заточника. Ввиду этого список Мальцева, несмотря на ряд дефектов в нем (впрочем без труда устраняемых при сопоставлении со сходными текстами), заслуживает внимания исследователей. Изданию этого нового списка предпосылаем некоторые наблюдения над особенностями его, позволяющими включить этот список в определенную группу среди опубликованных уже текстов «Слова» Даниила Заточника.

Сборник № 233/229, принадлежащий к коллекции Мальцева, представляет собой рукопись в лист, без начала и конца, в новом переплете, на 436 лл.; почерк — крупный полуустав воынского типа, согласно с филигранями (кабан и двойная геральдическая лилия на щите, увенчанном чем-то вроде короны) — говорит о конце первой половины XVI века. Начинается сборник с 28-й главы, обрывается на 132-й и заключает поучения, торжественные слова, жития и краткие статьи, начинающая в начале Златоуст, в конце Измарагд и Пролог, откуда и почерпнут составителем материал. Приписки — все более нового времени, чем основной текст.¹ Описание с перечнем статей и характеристикой языка

¹ Приводим более значительные: «Ся книга глаголемаа Златоустъ священного иеря Иоанна; дай ему боже на том свѣти отпушеніе грѣхов, а по смерти живот вѣчный, царство небесное, амин» (лл. 53 об.—54); «Читал Иван Петров Мамотов в лето 1720 сентября в 18 день» (л. 285 об.); «Сяя книга града Кинешмы Успенского приходу» (л. 78 и сл и 343, почерк XVII века).

даем в приложении; здесь скажем, что с первой же страницы рукописи бросается в глаза большое количество украинских особенностей в языке статей, как фонетических, морфологических, так и синтаксических: некоторые статьи кажутся как бы переводом с польского — так обильны в них полонизмы, обычные в украинской литературной речи XVI и XVII веков.

Известно, что редакционная обработка литературного памятника, вносимого в сборник известного состава, подчиняется требованиям его основного назначения; таково, например, приспособление к богослужебным целям «Слова Илариона о законе и благодати» во второй его редакции, или ряда статей, вошедших в Пролог. Вместе с тем следует заметить, что и в сборниках, имевших определенное назначение, подбор статей делался далеко не случайно, а руководствуясь некоторой общностью в их содержании. Так, и в интересующем нас случае, в сборнике № 233, можно попытаться из самого состава его объяснить, почему «Слово» Даниила Заточника было в него включено, и поискать, нет ли нитей, связующих его с другими статьями сборника. Кроме ряда «слов» на праздники, в нем мы находим немногочисленные жития, но главным образом, особенно с главы 73, — комплекс специфически-назидательных поучений, изложение которых отличается сжатостью, афористической манерой.

Большинство этих «слов» Сборника касается отношения богатых к бедным, подданных — к князю, обидимых — к обижающим, судиям, князьям, властелем неправосудным». Кроме того, в ряде случаев в «словах» находим мысли и выражения, тождественные и близкие к «Слову» Даниила Заточника. Есть и такие намеки: среди нищих «многожды искусна мужа приемлещи»; подобно просьбам Даниила — автор одного из «слов» просит «хлѣба и сребра мало» (л. 373 об.). Все это достаточно объясняет нам, почему «Слово» Даниила Заточника было внесено в сборник: в связи, рядом с поучениями общеучительного характера, оно рассматривалось составителем сборника как одно из таковых. Таковым же оно казалось и в частности — рядом с группой «слов» о милостыни и покровительстве нищим, странникам, убогим, вообще обиженным судьбою, а может быть, и в связи со «словами» о неправедных князьях, «судиях» и «властелях». Позволю себе привести прямую параллель к «Слову» Даниила Заточника из «слова» «како подобает творити милостину прежде домашним своим» (гл. 76): «Аще убо насытился еси, помяни алчнього, и напнтался еси, помяни жадного, сѣгрѣлся еси, помяни трепещущаго зимою. Въ храмини краснѣ и въ висоци сѣдиши, уведи скитающася в дом свой»; ср. в «Слове» Даниила Заточника более картинное изображение участи убогого, о которой должен помнить богатый: «Но егда веселишися, княже, многими брашна, а мене успомяни сух хлѣб ядуще... егда лежишь на мягких постелях под сѣболими одѣяи, а мене помяни... зимою умирающа».

Афоризмы о милостыне не раз встречаются в «словах» Сборника, напоминая об изречениях Даниила Заточника, например в «слове Сихаровом о милостыни» (гл. 108) читаем: «Огнь бо водою погашают, а милостинею очищают грѣси» (л. 387).

Включая «Слово» Даниила Заточника в учительный сборник, составитель сблизил даже самое заглавие его с обычным типом заглавий «слов» и «повчений», окружающих наш памятник: он заменил в этом заглавии слово «еже» (вар. «иже») на «како», хотя по смыслу эта замена и не была нужна. Таким образом, постоянная для памятника форма заглавия «Слово Даниила Заточника, еже написа... князю» в нашем сборнике превращена в тот тип заглавий учительных слов, который переходным «како» кратко сообщает о теме поучения: «Слово Даниила Заточника, како писа

к князю»; ср. заглавия стоящих рядом «слов»: «Слово... како узяти нам райское житие» (гл. 125), «слово... како велит жити христианом» (гл. 124) и т. д. Следуя за этими поучениями, составитель и после заглавия «Слова» Даниила Заточника поместил предшествующий учительному тексту возглас «господи» (неоконченный возглас «господи благослови, отче»).

В Сборнике Мальцева на лл. 421—427 читается «Слово Даниила Заточника» в языковом отношении сближенное с общим типов речи других статей. Особенности списка Мальцева, как и всего Сборника, ведут нас скорее всего в Полесье, где сталкивались особенности украинских и белорусских диалектов. Из характерных особенностей в области фонетики находим следующие:

Замена *ѣ* — *и*: свирили 421; увитливаа 421; видих 421 об.; погни-тающей 422; смиются 422 об.; крипится 424; внишніа 424; не линися 424 об.; дії (= дѣй) 424 об.; не вѣдал (вм. видал) 425; винець 426; лѣпій 426. В других статьях Сборника: видивь, видивше 10 и часто; сквози 11; исциляюща 11 об.; быстрѣнь 12 об.; дії 15 и часто; по сили 16 об. и др.; убижим 19, иміаше 78 об. и др.; прадидь 93 и др.; не линитися 96 об. и др.; ливива 125; угрѣзнул 110 об., свѣтокъ 129 и др.; зариза 131 и т. п.; свирили 169.

Дифтонг в новом закрытом слоге: зануж 422 (в других статьях Сборника обычно и очень часто — 94 и др.); на чюжюй 423.

Следы «среднего» *и* — в мене на письме *и* — *ы*, и в твердом *р*: от Сарри 421 об.; у тысячи 426; государу 422 об.; ястраба 422 об.; прамо 426 об. В других статьях — сътвору 37, 61; прамо 34 об.; зару 60; зру тя 156 об.; звѣру 88; мытару 123 об.; покривають 107; покрил 253 об.; о рихах 255 и др.

Появление *и* пред начальными *л*, *р*, *с*, *к*: ильгал 422 об.; ильвовых 422 об.; залѣ ильва 426 об.; ик затишию 422 об.; ись мною 422 и 422 об.; ис плодом 423 об.; избирают 424 об.; ис щемером 426 об. В других статьях: не илжю 92; илжючи 69 об.; ильва 137 об.; ко ильвом 249; икъ полунощи 152 об.; икъ воеводи 194 об.; ик воротом 241; ирку 98 об.; ирци 98 об., 112 об., 121 и др.; ись собою 106 об., 120 об.; ис ним 129; ис малою дружиною 132; ис коня 132 и многие другие.

Мена *у* и *в*, означающая наличие билабиального *в*: уструбим 421; устани, устану 421; у телеси 421; усими 421 об.; не узри 422; у житницю 422; успоями 423; узрасть 424; усплавае 424 об.; узросше 426 об.; у мѣх 426 об.; не вдержит 423 об.; не вдрѣжи 423 об.; навчити 424 об.; навчихся 426. В других статьях — громадное количество примеров этого явления: усходиме 6; у славѣ 6 об.; узьбудим 9 об.; узрасти 11 и др.; вразумѣють 13 об.; вказати 13 об.; вчинити 14; вряду, вчинити 100 об.; навчиша 116 об. и др.

Появление сложного предлога *ув* отмечено в «Слове»: ув органы 421; ув утел мѣх 424 об. В других статьях Сборника — очень часто, например: ув угол 24 об.; ув око 28 и 28 об.; ув огньной рѣць 74; ув един день 128 об.; уво снѣ 112 об.; ув ыный образ 106; уво льва 143, уво вси 143 и др.

Наряду с этими следами украинского писца следует отметить и случаи аканья: славет 422 и Ростяслав 422 об., находящие себе, хотя и немногочисленные, параллели и в других статьях Сборника, например: пая их 140 об.; не безлипа 219; алиж (вм. олиж — пока) 201 и др.

Кроме того, в «Слове» Даниила Заточника имеется несколько форм спряжения и склонения, характерных для языка украинских и белорусских рукописей XV—XVI веков:

есми 1 л. ед. ч., в других статьях часто;
 причастие ида; в других статьях — река 131, 139 и др.; озма 137;
 возма 252; мал буда 176; не мога 256 и др.
 род. пад. ж. р.: усякой 425 об.; ей слова 425 об.

Наконец отметим ряд слов, отличающих новый список «Слова» от ранее известных и показывающих, что текст его неслучайно переписан украинцем с внесением написаний, изобличающих его произношение; возможно, эти слова внесены в текст намеренно и свидетельствуют об истории памятника на украинской почве. Эти слова:

замешках (вм. забдѣх) 421 об.; в других статьях — замешькали 191, не замешкаймо 224;

протож 422; часто в других статьях (понеже, сего ради);

плотом (вм. оплотом, по-цкр. — забор) 423;

брехати (вм. лаяти) 424 об.;

злютованы (вм. лутовяны) 425;

панове (вм. бояре) 425;

кунявством (вм. бляднею) 425;

шипшина 425;

бръздо 426; в других статьях — часто, 258. 187 и др.;

камка алюбо оксамит (вм. паволока) 427.

Такова языковая связь «Слова» в новом списке с остальными статьями Сборника, органическую часть которого оно составляет.

Что нового дает изучаемый текст «Слова» Даниила Заточника? В каком виде этот памятник бытовал в украинской среде XVI века? Каково отношение его к двум основным редакциям — «Слову» XII века и «Молению» XIII века? Ответ на эти вопросы дает сравнительное изучение. Изучая соотношения между украинским текстом «Слова» и названными его редакциями (пользуясь изданием Н. Н. Зарубина),¹ находим следующее (ссылаемся на не всегда удачное разделение на параграфы в этом издании).

I ред.	II ред.	М а л ь ц.
I. возвитие мудрости своеа. Въстани. . .	во извѣстие мудрости, и ударим в бубны ума своего, поюще в богодохновенныя свирѣли, да восплачутся в нас душеполезныя помыслы. Востани. . .	въ извѣстїе мудрости своеа, съпуще богодохновенныя свирили, да въсплещем вас, душеполезныя помыслы. Въстани. . .
II. Увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. Сего ради покушаша написати всякъ съюзь сердца моего. Разбих злѣ. . .	= I ред.	Увитливаа уста, яко рѣчная быстрость (далее пропуск по сравнению с I и II ред.). Разбих злѣ. . .
III. Но боюся, господине, похуленїа твоего на мя.	= I ред.	Но боюся, господине княже, похваленїя ² твоего на мя.
IV. Не имѣю плода покаянїю. Имѣю бо сердце, аки нощный врань на нырици. Забдѣх, и расыпаса живот мой.	= I ред. Во II ред. опущено.	I ред. IV. I ред. IV.
	расыпаса животь мой. . .	Замешках, расыпаса животь мой. . .

¹ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Памятники древнерусской литературы, вып. 3, Л., 1932.

² Эта ошибка повторена в списке Тихомирова.

I ред.	II ред.	Мальц.
<i>Нет</i>	Не ста обилие посредѣ дому моего, яко солнце на главѣ. = I ред. VI, но:	<i>Нет.</i>
V. Се же бѣ написах бѣжа от лица художества моего... своя.	от лица скудости моея... своя.	= I ред. V.
VI. Но видих, господине, твое добросердіе... царствия небеснаго	VII. Вѣдый, господине, твое благоразуміе... гласи ихъ, (конец I ред. XVII).	= I ред. VI, но: Княже господине, видих твое добросердіе... царства небеснаго.
VII. Азъ бо есмь, княже господине, аки трава блещена... ... яко оплотом твердым.	<i>Парафраза в X и XII.</i>	= I ред. VII, но
VIII. Но не възри на мя, княже господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, осподине, аки мати на младенца. Возри на птица небесныя... тако и мы, господине, жалаем милости твоя.	оградомъ твердым.	<i>опущено.</i> ¹
IX. Зане, господине, кому Боголюбиво...	XVI. Княже мой господине, не зри на мя, аки волкъ на агнеца... I ред. VIII, но	Протож, господине княже, прошу тебе, не узри на мя, аки влъкъ на ягня, но, осподине, узри на птици небесныя... Тако, осподине, желаю милости твоя, яко елень на источники водныя (есть в ЧУ, XI, конец).
X. Друзи же мои... помагающе подразити ноzi.	<i>опущено.</i>	= I ред. IX. ²
XI. Нелгал бо ми Ростиславъ князь... аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на разбой, а жены на бладню.	XLI — <i>парафраза.</i>	= I ред. X, но с опиской: погнитающе подразити...
XIV. Княже мой господине, избави мя от нищеты...	XLII — <i>конец иначе, чем I ред.</i>	= I ред. XI, но
XII. Тѣм же вопію к тобѣ, одержим нищетою...	XLIV. Нелгал... I ред. XI, но	<i>опущено.</i>
XIII. Зане, княже господине, богат мужъ везде знаемъ естъ и на чужей странѣ друзи держить; а убогъ мужъ во своих невидим ходить.	а жены на блуд.	= I ред. XIV: Осподине мой государу княже, избави мя...
XV. Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути: мнози бо посекають его и на огонь мечють; тако...	XLVII, <i>парафраза.</i>	= I ред. XII, но: Тако и азъ вѣпью к тобѣ, одрѣжим нищетою... Доб.: всѣ бо притѣкаютъ к тобѣ, аки икъ затишию.
XVI и XVII. А...	XLV, <i>сильно переделано.</i>	= I ред. XIII, но с вар.: Занюж, осподине княже, богат мужъ везде знаемъ естъ и на чужюи странѣ други собѣ имаеть, а убогий мужъ во своих ходитъ незнаемъ.
XVIII. Птица бо радуется весни, а младенець матери... <i>Опущено.</i>	XIII = I ред. XIII.	= II ред.: Быхъ, княже, аки древо при пути мнози бо мимоходящии секутъ е... ... аки оградомъ твердым.
XVI и XVII. А...	XII. Быхъ яко древо, стоящее при пути, да вси мимоходящии секутъ е... ... аки оградомъ твердым.	<i>Опущены.</i>
XVIII. Птица бо радуется весни, а младенець матери... от вельмож погружаемы	XLIX, LXIII и XLVIII.	= I ред. XVIII, с доб. из II ред.: солнце грѣеть весь мир... от вельмож погружаемых. ²
XVIII. Птица бо радуется весни, а младенець матери... от вельмож погружаемы	LVII, XXXIV и XXV У; ср. Т ₂ XVI: Солнце едино грѣетъ весь миръ лучами своими...	

¹ Этим сравнением оканчивается здесь § XV; см. ниже: яко плотом твердым

² Так в списке Малышева.

I ред.	II ред.	Мальц.
XIX.	XV.	<i>Опущено, как и в Пог.</i>
XX. Но егда веселишися . . . теплу воду пьюща и праха нападша от мѣста незавѣтрѣна.	LVI; <i>осложнено вступительными словами.</i>	= I ред. XX, но: . . . теплау воду пьюще от праха нападающую от мѣста незавѣтрѣна.
XXI. Да не будет, княже мой господине, рука твоя согбена на поданіе убогих. . . Ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманіем твоего дому истощити.	XVII. (<i>конец</i> = I ред. VI).	= I ред., XXI: Да не буди, княже, рука твоя съгбана на паденіе убогим. . . Ни чашею море исчерпати, ни иньшим иманіем дому твоего истощити.
Яко же неводъ не удержит воды, тоцію едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людем.	LIX.	Яко же бо море напълнится, приемля многы рѣкы, тако и дом твой, зане руди твои, яко облакъ силен, изымаа от моря воды, истачая руди неимуцим.
XXI. <i>вторая часть</i> : Яко же бо невод не удержит воды. . . (<i>см. выше</i>).	XXXI.	
XIX. Княже мой господине, яви ми зрак лица своего. . .	L. Яко же море не наполнитя, многи реки приемля, тако и дом твои не наполнитя множеством богатства приемля, зане рудѣ твои яко облакъ силенъ, взимая от моря воды — от богатства дому твоего, труся в рудѣ неимуцих.	XV, 2 с <i>половины строки</i> ; = I ред.
XXI. <i>вторая часть</i> : Яко же бо невод не удержит воды. . . (<i>см. выше</i>).	XXXI.	= I ред. XIX, но <i>вместо мед</i> — съгы. ¹
XXII, <i>со слов</i> : Они же рѣша: нашъ царь богатѣй тебе. . . не подвижатся во вѣки.	XXXII и XXII.	= I ред., XXI, <i>вторая часть</i> : Яко же бо невод не вдержит воды тоцію одны рыбы, тако и ты не въздрѣжи злата и сребра, <i>засим</i> — <i>пропуск со слов</i> : но раздавай людем и <i>часть XXII до слов</i> : множество злата и сребра.
XXIII.	XXV, XXVI, XXIX.	I ред., XXII, <i>вторая часть</i> .
XXIV, <i>вторая часть</i> : дубъ крѣпокъ (крѣпится <i>ТКН</i>) множеством коренія; тако и градъ нашъ твоею дръжавою.	XXIX, <i>первая часть</i> .	<i>Опущено, как в Толст.</i>
XXV.	XXVIII, XL, LVIII.	= I ред., XXIV, <i>вторая часть</i> ; яко же бо дуб крѣпится. . .
XXVI.	<i>Опущено.</i>	<i>Опущено, как УЧ.</i>
XXVII.	XVIII.	<i>Опущено.</i>
XXVIII. Господине мой, не зри внѣшняя моя. . . по воздуху.	XIV, с <i>вар.</i>	= I ред., XXVIII, с <i>опискою обиден вместо обилен и перестановкою слов.</i>
XXIX. Но постави сосуд скуделничъ под поток капля языка моего. . .	LII, с <i>вар.</i> : сосуд сердечный.	= I ред. XXIX, но: Но подстав, княже, сосуд сердечный под потоп языка капля моего.

¹ Так в списке Малышева.

I ред.

XXX. Мужа бо мудра посылай и мало ему кажи... Дай бо премудрому вину, премудрие будеть.

XXXI. Не съй бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных... собирают... ся родят... безумнаго научити (H) ... драгиі словеса... ни безумнаго наказати (научити K)... Коли... свинія на бѣлку лаяти.

XXXII. Или ми речеши: от безуміа ми еси молил. То не видал есмь неба польстяна, ни звизд луговяных, ни безумнаго, мудрость глаголющъ... князи и бояре... погубляеть красоту свою бляднею.

XXXIII.

XXXIV. Глаголетъ бо в мирских притчах: не скот в скотѣх коза, ни звѣрь въ звѣрех ожь, ни рыба в рыбах ракъ, не потка в потках нетопырь, не мужъ в мужех, иже ким своя жена владѣть, не жена в женах, иже от своего мужа блядетъ, не робота в роботах под жонками повозъ возити.

XXXV. Дивнѣй дива...

XXXVI. Видѣх жену злообразну, причиюще к зеркалу и мажущися румянцем и рѣх ей: не зри в зеркало, видѣвше бо нелѣпоту (нелѣпость H), лица своего, зане болшую печаль приимеши.

XXXVII. Или ми речеши: женися у богата тѣстя чти великіа ради... ту пій и яжь; ту лѣпше ми вошь буръ вести (TH)... приемлеть...

XXXVIII. Что есть жена зла? ... Кошунница (купница TKN) бѣсовская...

II ред.

LIV, только первое предложение.

LV, LXII, LXXXI, частями.

LXI, LXXXII, LXIV, частями.

XXIII, XXI.

LXVI, с вар.: вместо нетопырь — сычь; доб. ни холопъ в холопах, хто у холопа работает.

LXVII, в иной комбинации, без начальных слов.

LXXI, сильно распространено.

LXV и LXVII — отчасти.

Опущено.

Мальц.

== I ред. XXX, но с доп.: Княже осподине, мужа мудрого послав, мало ему кажи... Соломон премудрый также говорит: дай, дѣй, премудрому вину, ино премудрый будет.

== I ред. XXXI, с вар.: Не съй на межи жита... избирают... ражаютя... безумнаго уму навчити... мудрая словеса... ни безумнаго уму навчити... Коли, княже... свинья брехати¹ на бѣлку.

== I ред. XXXII, но с вар.: Или, княже, речеши ми: от безуміа рекль ми еси. Но не вѣдал есмь неба плѣстяна, ни звѣзды луговяны, ни безумнаго премудрости глаголюще... князи и панове... погубляет красоту свою кунаявством.

Опущено.

== I ред. XXXIV, с вар. и доп.: Говорит бо у мръских притчах: не животина у животинах коза, не звѣрь у зверех уж, не рыба у рыбах рак, не потка у потках недопырь: не дрѣво в дрѣвѣхъ шипшина; не муж у мужех иже ким своа жена владѣет, не жона у женах, иже от своего мужа блудит; не работа у работах — под женами повозу возити.

== I ред. XXXV: Дивніе дива...

== I ред. XXXVI, с вар. и пропуском: Княже, видих жену злообразну, причиющую в зеркало, и рѣх ей: не зрия у зеркало, зане узрѣвши нелѣпость лица своего болшую приимеши.

== I ред. XXXVII, с вар.: Или бы кому еси рекль... ту пити и ясти, то лѣпше ми вол бур у дом свой увести... принимают (описка).

== I ред. XXXVIII; ... купница.

¹ Так в списке Малышева.

I ред.	II ред.	Мальц.
XXXIX. Аще который муж смотреть на красоту жены своеа, і на ея (ТК) ласко- вая словеса льстивая (Н), а дѣлъ ея не испытаетъ, то дай богъ ему трясею болѣти, да будетъ проклят.	LXV — <i>только</i> Лутче бо ми трясею болѣти	= I ред. с <i>вар.</i> , <i>сокр.</i> и <i>доп.</i> : ...зрит на кра- соту... и на ея слова лестивая, почнет ей вѣру- яти, а дѣлъ ей не испытает, то будет проклят.
XL. Но посему, братіа, рассмотрите злу жену, иже рече мужу своему: госпо- дине мой... тогда взираю и обумираю и возрожат (Т) ми вся уды тѣла моего и поничю на землю.	<i>Опущено.</i>	= I ред. XL, с <i>вар.</i> , <i>доп.</i> и <i>проп.</i> : Но по всему, бра- тіа, рассмотрѣте жену злу и льстиву и лукаву; рече мужеві своему: господине мой... тогда вззираю на тя и обмираю, раступают ми ся състави и поничю на землю.
XLI. Послушайте (ТН) жены слова Павла апо- стола... <i>Коротко:</i> понеже не борзо обрѣсти добры жены.	<i>Опущ.</i> (но в XXIX <i>отда- ленный намек</i>). <i>Нет.</i>	= I ред. XLI, <i>ближе к Т.</i> <i>Вставка:</i> Тъ же апостоль святыи Павел глаголетъ: мужа мудраго у стѣ обретох, а жены мудрой ни у тысячи не обрѣтох.
XLII. Добра жена вѣнецъ мужу своему...	В LXIX <i>только:</i> лучше бы жельзо варити и т. д.	= I ред. XLII, с <i>вар.</i> , <i>ближе к ТК:</i> ни зотщаніе, о ладье <i>опущ.</i>
XLIII. Эла бо жена ни ученія слушаетъ...	<i>Нет.</i>	= I ред. XLIII, с <i>вар.</i> и <i>доб.:</i> ни ерей срамляется.
XLIV. Что лва зѣли в чет- вероногих...	<i>Нет.</i>	= I ред. XLIV: Что зѣле и льва у четвероногих... <i>Но вместо Даниила про- рока — Сампсон сильный; о нем упоминается в Пог. XXV, но иначе.</i>
XLV. Нѣукого же умре жена, он же по матерных днех (по смерти ТКН, ея Т) нача дѣти продавати...	<i>Нет.</i>	= I ред. XLV, с <i>вар.:</i> Нѣ- укого жена умре у мужа, он же по 5-й днех нача про- давати свои дѣти...
XLVI. Еще возвратимся на предняя словеса. Азь бо, княже, ни за море ходил...	XXVII, <i>отчасти</i> Унд. XIX, XXXIX.	= I ред. XLVI, <i>без первого предложения. Затем:</i> Аз же, осподине княже, ни за море ходил...
XLVII. Да уже не много глаголю...	LXXVI, <i>сильно</i> <i>отли- чается от I ред.</i>	= I ред. XLVII, с <i>описками и вар.:</i> источи пѣсни <i>вм.</i> частящи..., <i>продлѣжена</i> камка алюбю оксамит <i>вм.</i> <i>продолжена паволока.</i>
XLVIII. Господи, дай же князю нашему Самсонову силу... хитрость (кротость Т) Давидову... под ноzi (под руку ТН) его.	LXXXIII, <i>вторая часть.</i>	= I ред. XLVIII, с <i>вар.</i> кротость Давидову под руку его.

Подводя итоги сравнению, заключаем: в списке Мальцева, в общем примыкающем к I редакции (группа списков АТКНБ с уклоном к Т).

наблюдаются по сравнению с ней пропуски: §§ XVI, XVII, XXV, XXVI, XXVII; XXIII — как и в T2; XXXVI; частичные пропуски в §§ XXI, XXII; наблюдаются и вставки, дополняющие изложение: в §§ VIII, XII, XVIII, XXX, XXXIX и совершенно новая вставка между XLI и XLII. Сравнительно с I ред. имеются перестановки; порядок §§ XI—XIV—XII—XIII—XV—XIX. Есть совпадения, на общем фоне I редакции, со списками II редакции в §§ I, XV, отчасти XVIII, XXIX. Некоторые параграфы дают самостоятельную обработку с новыми местными чертами, например XXXIV и XLVII, хотя и слабо выраженными. Но несмотря на указанные отклонения от группы списков АТКНБ, все же список Мальцева должен быть причислен к I редакции и по последовательности изложения и по содержанию эпизодов; случаи же совпадения со II редакцией объясняются знакомством с нею одного из писцов — списка Мальцева или его оригинала. Пропуски сделаны большей частью механически, ненамеренно, кроме, впрочем, одного, именно пропуска XXXIII I редакции — о князе и думцах: в XVI веке этот эпизод был исключен как архаизм, не отвечавший условиям жизни времени. Однако немногочисленные вставки и указанные пропуски, по нашему мнению, не делают список Мальцева особой редакцией, а ставят его в общий ряд списков I редакции.¹

4. 421 **Слово Данила Заточника, како писа к князю Ярославу Владимировичю**
Господи. Глава 126.

I. Оуструбим яко златокованныи трубы в разум оума своего, начнемъ бити оув органы срѣбрянныи въ извѣстие мудрости своея, съпуще богодхновенныя свирили, да възплещем вас, душеполезныя помыслы. Въстани, слава моя, оустани въ псалтыри и в гуслех. Оустану рано, исповѣм ти ся, господи, и отверзю въ притѣчах твоих оуста моя и въспою языком славу мою. Сердце бо мысленного оукрѣпляется оу телеси его красотю и мудростю.

421 об. II. Бысть язык мой яко трость икнижника скорописца и оувитливаа || оуста яко рѣчная быстрость, разбих злѣ яко древниа младенца о камень.

III. Но боюся, господине княже, похваления твоего на мя.

IV. Азь бо есмь яко оная смоковница проклятая, не имеющи плода покаянию, ибо имѣю сердце яко лице без очию. Бысть оум мой, яко ношныи вран на нырищи, замешках, расыпая живот мой яко Ханаонскыи царь из боуести. Покры мя нищета акы Чрѣмное море фараона.

V. Се же бѣ написах бѣжа от лица хоудожства моего, аки Агар рабыни от лица от Сарри госпожи моеи.

VI. Но, господине княже, видих твое добросрѣдие к собѣ и притекох ко обычной твоеи любви. Глаголетъ, господине, писание святое: просящому оу тебе дай, а тлѣкущому отврѣзи, да не лишень боудеши царства небесного. Писано бо есть: възверзю на господя печал свою, и тои ты препитаеш въ вѣкы.

¹ Из изданных списков I редакции следы бытования в учительных сборниках носят список ГПБ О.ХVII 14 XVI в [издан Н Н Зарубиным (ук соч, стр. 114—119)] и список Барсова (там же, стр. 5—21), имеющие в заглавии слова «Отче благослови» и «! осподи благослови отче». Но оба они не имеют пропуска целых эпизодов, как список Мальцева. В ряде чтений и даже в ошибочном чтении «похваления» вм. «похуления» (111) список Мальцева совпадает со списком, изданным М. Н. Тихомировым (см.: Труды ОДРА, X, стр. 270—272); есть местами близкие совпадения и с текстом, изданным В. И. Малышевым (см.: Труды ОДРА, VI, стр. 195—200), а также со списком БАН СССР, изданным В. Ф. Покровской (Труды ОДРА, X, стр. 284—289).

VII. Аз же, господине, княже, бых яко трава блещеная, растящиа на застѣну, на нюж ни солнце сияеть, ни дождь || идет, тако азъ оусим л. 422 обидим есмь, зане ограждень есмь страхом грозы твоея.

VIII. Протож, господине княже, прошу тебе, не оузри на мя аки влѣк на ягна, но, осподине, оузри на птици небесныя, яко тыи ни сѣють, ни жноут, ни оу житницю свою събирают, но оуповают на милость божию. Тако, осподине, желаю милости твоея, яко елен на источники водныя

IX. Занеж, господине княже, къмоу боголюбивое, а мнѣ горе лютое. Къмоу Бѣлѣозерь, а мнѣ чрѣмнѣ смол. Къмоу Лаче озоро, а мнѣ сидячи на нем плач грѣкыи. Комуу славет Новѣгород, а мнѣ оуглы опадали, зане не процвѣте часть моя.

X. Дроузи же мой ближнии тии отврѣгошяся мене, зане не поставих пред ними трапезы многоразличных брашен. Мнози бо, осподине княже, исъ мною дружатся, погнитающе исъ мною руки оу солило, а при напасты аки врази обрѣтаются и паки погнитающе под||разити под нози л. 422 об. твои. Очима оубо исъ мною плачутся, а сердцем они смиются. Тѣм же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата.

XI. Не ильгал бо мнѣ Ростяслав княз: лѣпше бы дии ми смерть, нижли бы Курское княжение. Тако же и моужеви продлѣжень живот въ нищетѣ. Яко же Соломон премудрый говорит: ни богатства ни оубожества, господи, не дай ми! Аще ли боуду богат, то грѣдость въсприиму, аще ли боуду оубог, то помышляю на разбои и на татбу.

XIV. Осподине мой, государу княже, избави мя от нищеты сея, яко срѣну от тенета, яко птенца от клипца, яко оутя от ногтя носимого ястраба, яко овѣца от оустъ илвовых.

XII. Тако и аз вѣпѣю к тобѣ, одрѣжим нищетою: помилоуи мя, сыне великого царя Владимиря, да не въсплачуся рыдая акы Адам рая. Поусти тучю на землю художства моего, всѣ бо притѣкают к тобѣ аки ик затишко.

XIII. Занюж, осподине княже, богат моуж везде || знаем ест и на л. 423 чюжюи странѣ други собѣ имают, а оубогии моуж оу своих ходит незнаем. Богатыи възглаголетъ, то всѣ мльчат, и възнесоут слово его до облак. А оубогии възглаголетъ, то овии на него кликнут. Их же ризы свѣтлы, тѣх и рѣч честна.

XV. Бых, княже, аки дрѣво при пути: мнози бо мимоходящей постѣкают е и на огонь мещут е, тако аз всѣм обидим есмь, зане ограждень есмь страхом грозы твоея, яко плотом тврѣдым.

XVIII. Птица оубо, княже, радуется веснѣ, а младенец матери, а мы веселимся под твоею дрѣжвавою. Весна оукрашает цвѣты землю, а ты вся человекеы милостию своею. Солнце грѣет вес мир, а ты сироты и вдовици от велмож погужаемых.

XX. Но егда веселишися, княже, многыми брашны, а мене оупомяни соух хлѣб ядоуще. Егда, господине, пиеш сладкое питие, а мене оупомяни теплоую воду пиюще, от праха нападающую от мѣста незавѣтрѣна. || Егда л. 423 об. лежиш на мякких постелях под съболими одѣялы, а мене помяни под единым платом лежаща, зимою оумирающа и капля дожда аки стрѣлами и сердце пронизающа.

XXI. Да не буди, княже, рука твоя исъгѣбана на падение оубогим. Ни чашею море исчрѣпати, ни иньшим иманием домоу твоего источити.

L. Яко же бо море наплѣнится, приемля многыи рѣкы, тако и дом твой, зане руци твоя яко облакъ силенъ, изимаа от моря воды, истачая руци неимушцим.

XIX. Господине мой, яви ми зрак лица твоего, яко глас твой сладок, образ твой красен, и соты истачают оустѣ твои и послание твое яко рай ис плодом.

XXI. Яко же бо невод не вдержит воды, точию одны рыбы, тако и ты не вдрѣжи злата и сръбра.

XXII. Они же рѣша емоу: наш царь побогатии тебе не множеством злата, но множеством воя. Занеж моужи злата добоудуть, а злато моужен не добоудет. || Яко же рече Святослав князь сынъ Олжин, ида на Царяград съ малою дрѣвою, и рече: Вѣдомо л нам есть, братя, нам ли от града погинути, или граду от нас пленену быти? Яко бог повелит, тако боудет. Поженет един 100, а от ста двинется тма вас. Надѣяся на господа, яко гора Сион не подвижится въ вѣки.

XXIV. Яко же бо доуб крипится множеством коренни, тако грады наша твоею дрѣжавою.

XXVIII. Господине мои, не зри внишниа моя, но възри въноутрѣня моя. Аз бо одинь есмь, но обиден разумом. Оунь имѣю оузрасть, а стар смыслъ въ мнѣ. Быхъ мыслию аки орел, паря по воздуху.

XXIX. Но подстав, княже, сосоуд сръдечный под потоп языка капля моего, да ти накаплют паче меду оустом твоим словеса оустъ моих. Яко же бо рече пророкъ Давидъ: сладка соут словеса твоя паче меду оустом моим. И премудрый Соломон рече: словеса добра сладостию напояют душоу, покрывает же печал сердце безумного.

XXX. Княже осподине, моужа мудрого послав, мало емоу кажи, а безумного послав, и сам по нем не линися ити. Очи бо мудрых желают благых, а безумных домоу пира. Лѣпшеи слышати прѣвниа моудрых, нежели наказание безумных. Соломон премудрый так же говорит: Дай дни премудрому виноу, ино премудрии будет.

XXXI. Не сѣи на межи жита, ни мудрости на сердци безумных. Безумных бо ни орут, ни сеют, ни в житницу избирают, но сами ражаются. Како оув утел мѣх лити, тако безумного оумоу навчити. Псом бо и свиньям не надоби злата, ни безоумному мудрая словеса. Ни мертвеца росмѣшити, ни безумного оумоу навчити. Коли, княже, пожрет синица ора; коли камень оусплавает по водѣ, коли имет свиня брехати на бѣлку, тогда безумныи оумоу навчатся.

XXXII. Или, княже, речеши ми: от безоумиа рекл ми еси; || но не вѣдал есмь неба плѣстяна, ни звѣзды злютованы, ни безумного премудрости глаголюще. Или ми речешь: исъльгаль ми еси, яко пес. Добра бо пса князи и панове любят. Или ми речешь: солгаль ми еси, яко тат. Аще бых оумѣл красти, то тлько бых не скрѣбил тобѣ. Дѣвица оубо погубляет красоту свою кунявством, а моуж мужство свое татбою.

XXXIV. Говорит бо оу мрѣских притчах: Не животина оу животинах коза; не звѣр оу звѣрех оуж; не рыба оу рыбах рак; не потка оу потках недопырь; не дрѣво въ дрѣвѣхъ шипшина; не моуж оу моужех иже ким своа жена владѣет; не жона оу женах, иже от своего моужа блоудит; не работа оу работах под женами повозу возити.

XXXV. Дивние дива, иже хто поимает жену злообразну прибытка дѣля.

XXXVI. Княже, видих женоу злообразноу, причичоую въ зеркало, и рѣх еи: не зрися оу зрѣцало, зане оузрѣвши нелѣпость лица своего, блѣшоую примешь.

XXXVII. Или бы комоу еси реклъ: женися оу богатого цѣтя, чти великыя ради, ту пити и ясти. То лѣпше есть вошь боур оу дом свои оувести, нижли жена зла поняти. Вол бо не мльвит, ни зла мыслит. а жена зла биема бѣсится, а кротима высится, оу богатствѣ грѣдость принимают, а въ оубожствѣ и она иных осужает.

XXXVIII. Что есть жена зла? Гостинница неуповаемая, купница. Што есть жена зла? Мирскыи мятеж, ослѣпление оуму, началница

оусякои злобѣ, церкви бѣсовския мытница, поборница грѣху, засада от спасения.

XXXIX. Аще который муж зрит на красотоу жены своея и на ея слова лестливая, почнет ей вѣру яти, а дѣл ей не испытает, то будет проклят. Но по всемоу, братиа, рассмотрѣте жену зло[у] и льстивоу и лоукавою, рече моужеви своему: господине свѣте очию моею, аз на тя не могу зрѣти, егда глаголеши ко мнѣ, тогда въззираю на || тя и обмираю, л. 426 раступают ми ся състави и поничю на землю.

XLI. Послушайте, жены, слова апостола Павла глаголюща: крестъ есть глава церкви, а муж женѣ своея. Жены, стоите въ церкви а мльчите, молѣтесе богу и святѣи богородици. А чемоу хоцете оучитися, и вы оучитесе дома оу своих моужей. А моужемъ годится по законуу водити жены своя, понеже не брѣздо обрѣсти доброй жены. Тъ же апостоль святы Павел глаголетъ: моужа моудраго оу стѣ обрѣтох, а жены моудрой ни оу тысячи не обрѣтох.

XLII. Добрая бо жена винаецъ моужю своему без печали есть, а злая жена лютая печаль ни зотщание домови. Чрѣв дрѣво глит, а злая жена моужа своего дом теряет. Лѣпии есть камен долости, нижли злую женоу поняти и оучити. Желѣзо оувариш, а злои жены не навчиш.

XLIII. Злая бо жена ни навчения не слоушает, ни церковники читит, ни бога боится, ни люди не стыдится, ни ереи срамляется, ино вся оукоряет и вся осуждает.

XLIV. Что злѣе ильва оу четвероногих звѣрех? Что есть змии злыи по земли ползуших? Все того злая жена злѣи есть. Женою испрѣва правдѣ наш Адам из рая изгнаны бысть, Исифъ прекрасныи оу темници затворен бысть жены ради; жена, Самсона силоно остригши, иноплеменником продасть. О злое оружие дияволе, стрѣла летящи ис щемером.

XLV. Нѣ оу коего жена оумре оу моужа. Он же по 5-и днех нача продавати свои дѣти. Людие же рѣша емоу: Чемоу продаеш дѣти? Онъ же рече: Аще будутъ вродилися въ матеръ, и они оузрошше мене продадут.

XLVI. Аз же, осподине княже, ни за море ходих, ни от философъ навчихся, но бых аки пчела падающи по многим разным цвѣтом и свѣжоуплет медовяныи сот, тако аз по многим книгам избирая сладость словесноюу и разум, яко оу мѣх воды мрѣския.

XLVII. Да оуже не много глаголю, не отмѣтаюся разумномуу прамо къ безоумию || его, да не подобень емоу боудеши. Оуже бо престану л. 427 много с ним глаголати, да не боуду аки мѣх оутел, роня богатество в руци ненмоущим, да не оуподоблюся жрѣновам, яко тии многыи люди насыщают, а сами себе не могут насытити жита, да не възненавидим боуду миру съ мною бесѣдою, яко же бо птица источи пѣсни своя, скоро възненавидима бывает. Глаголет бо оу мрѣских притчах: реч продлѣжена не добро, добро продлѣжена камка а любо оксамит.

XLVIII. Господи, дай же князю нашему Самсонову силоу, храбрость Олександрѣву, Исифовъ разум, моудрость Соломонову, кротость Давидову. И оумножи, господи, вся человекеы под роуку его. Богу нашему слава.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание состава рукописи собрания Мальцева № 233/229

Лл. 1—3 об. Гл. 28. В нед. 4 поста поучение святых апостол о св. посте.

Лл. 3 об.—5 об. Гл. 29. Въ нед. 5 поста. Слово о алчбѣ и о молитвѣ и о милостинѣ.

Лл. 5 об.—8. Гл. 30. В нед. 6 поста слово о св. постѣ.

Лл. 8 об.—12 об. Гл. 31. В суб. цвѣтныя нед. слово похвално о въскресении четверодневного Лазоря.

Лл. 12 об.—19 об. Гл. 32. Повчение в нед. цвѣтную. Еуангелие от Иоана слово 10.

Лл. 20—33. Гл. 33. Месяца септебря 1. Житие св. препод. отца нашего Семиона Стълпника.

Лл. 33—42 об. Гл. 34. Месяца тож 6. Повѣсть откровение преп. архиепископа Архипы пустыника понамаря усеславнаго храма архаггела Михаила у Хоних.

Лл. 42 об.—51 об. Гл. 35. Месяца того же в 8. Слово св. Иакова на рожство св. богородица.

Лл. 51 об.—58 об. Гл. 36. Месяца того ж 14. Въздвижение честнаго и животворящаго креста господня.

Лл. 58 об.—60 об.¹ В той ж день обрѣтение гвоздем ими же пригвоздися господь нашъ Иисус Христос богъ.

Лл. 60 об.—84 об. Гл. 37. Слово святаго апостола Павла како въсхищен бысть у третие небо, како аггель господень водиль его и показа ему жилища святых и душа грѣшных.

Лл. 84 об.—90. Гл. 38. Чудо св. мученика Георгиа христова о змии како исцили девицю.

Лл. 90—93. Гл. 39. Слово о Флавиянѣ разбойници како спасеся.

Лл. 93—104 об. Гл. 40. Месяца марта. Слово на благовѣщение пресвятых богородица Григориа епископа Новых Кесариа.

Лл. 104 об.—105 об. Гл. 41. Месяца августа въ 6 день. Въспоминание божественнаго преображения господа нашего Иисус Христа.

Лл. 105 об.—107 об. Гл. 42. Въ той же день повчение св. Клемента и преображение господа нашего Иисус Христа богъ за молитвъ.

Лл. 107 об.—108. Гл. 43. Слово о безъстрашии св. отца Макарыина.

Лл. 108. Слово о молитвѣ.²

Лл. 108—115 об. Гл. 44. Месяца септевриа в 15 день. Мучение св. Никиты.

Лл. 116—123. Гл. 45. Месяца октовриа в 14 день. Мучение св. Парасковгиа от нечестивого царя.

Лл. 123—124 об. Гл. 46. Слово св. Иоана Златоустого како жити христианом в наказании отчи.

Лл. 124 об.—128. Гл. 47. Слово св. отец о плъзѣ душевной како незаконно живущим.

Лл. 128—131. Гл. 48. Слово св. Елифериа о 12 пятницах еже на плъзу христианом.

Лл. 131—147 об. Гл. 49. Месяца септевриа въ 20 день. Слово о житии св. Евстафиа, како увиди елене о Христѣ.

Лл. 147 об.—152. Гл. 50. Месяца маа въ 9 день. Пренесение мощей св. Николы из Мур в Баръ град.

Лл. 152—161 об. Гл. 51. Дѣяние св. Николы, чудо 1-е; лл. 153 об.—154 об. Чудо 2. лл. 154 об.—161. Чудо 3-е. лл. 161—161 об. Слово св. отца Николы.

Лл. 161 об.—162 об. Гл. 52. Въ тѣи же день. Слово о успении Сисоя.

Лл. 162 об.—164 об. Гл. 53. В той же день. Слово о милостини, дая нищему, Христу дает, 100 крат примет.

¹ Порядковъй номер главы пропущен, обозначения возобновляются с л. 60 об.

² Обозначение главы пропущено, новой рукой вписано: Глава 44.

Лл. 164 об.—170. Гл. 54. Слово св. Иоана Златоустаго заповѣд о пльзи душевнѣвнѣи (так!).

Лл. 170—180. Гл. 55. Слово иже въ св. отца нашего Иоана Златоустаго въ св. великый четверкъ.

Лл. 180—193. Гл. 56. Иже въ св. отца нашего Иоана Златоустаго слово учителное на възкресение господа нашего Исус Христа.

Лл. 193 об.—201. Гл. 57. Повчение в неделю св. мироносиць еуангелие от Марька слово 15. Се и в субботу великую годно чести.

Лл. 201—207. Гл. 58. Слово на възнесение господа нашего Исуса Христа.

Лл. 207—219 об. Гл. 59. Повчение на сошествие св. духа. Еуангелие от Иоана слово 15.

Лл. 219 об.—227. Гл. 60. Месяца септевриа въ 8 день. Слово на рождство св. богородица пречистыя девы Марии матере божиа.

Лл. 227—234 об. Гл. 61. Слово на въздвижение честнаго креста господня господа нашего Исуса Христа.

Лл. 234 об.—245 об. Гл. 62. Месяца августа 15 день. Слово св. отца нашего Феолога апостола еуангелиста Иоана Богослова. Слово на успение св. богородица.

Лл. 245 об.—250. Гл. 63. Слово на собор архаггела архистратига Михаила.

Лл. 250—259. Гл. 64. Слово св. Иоана Златоустого архиепископа Царьграда. Слово похвальное великому апостолу еуангелисту Иоану Богобогослову.

Лл. 259—269. Гл. 65. Слово укратци о житии св. отца Николы, о смерти и о погребении его.

Лл. 269—272 об. Слово о смерти св. отца Николы.¹

Лл. 272 об.—276 об. Гл. 66. Иже въ св. отца нашего Иоана Златоустого патриарха Царьграда. Слово на рождство христово.

Лл. 276 об.—284 об. Зри. Еще Иоанъ Златоустъ пишет о рождствѣ христовѣ.

Лл. 284 об.—289. Еще Иоанъ Златоустъ пишетъ о рождствѣ христовѣ.

Лл. 289—301. Гл. 67. Слово на просвъщение господа нашего Исус Христа.

Лл. 301—308 об. Гл. 68. Слово на стрѣтение господа нашего Исус Христа архиепископа Иерусалимьского.

Лл. 309—318. Гл. 69. Месяца октовриа 1 день. Св. апостола Анании и преп. Михаила игумена Хозовитского и с ним 30 и 5 мученик святых мученых у волости Савастийского города и св. Романа што и сладкый пѣтьем. И в той же день праздник покрова пресвятѣи богородици.

Лл. 318—321 и 322—328 об.² Гл. 70. Слово похвално св. мученику христову Дмитрию.

Лл. 321 об.—321 об. и 328—335 об. Гл. 71. Слово св. великого Иоана Златоустаго на преображение христово, добро бо душам полезно есть, послушайте братиа.

Лл. 335 об.—351. Гл. 72. Слово на преображение господа нашего Исус Христа.

Л. 351. Гл. 73. Слово св. отецъ о судиях и о властителях, емлющих мьзду и неправо судящим.

Лл. 351—351 об. Гл. 74. Слово о ереох, иже не учать людиа.

¹ После заглавия этого слова вместо обычного в большинстве слов добавления господа благослови или господа благослови, отче стоит лишь господи, как и после заглавия «Слова» Даниила Заточника.

² При переплете листы в рукописи перепутаны.

- Лл. 351 об.—352 об. Гл. 75. Слово св. Василиа о пяньствѣ.
- Лл. 352 об.—354. Гл. 76. Слово св. Иоана Златоустаго како подобает творити милостиню прежде домашним своим.
- Лл. 354—355. Гл. 77. Слово о исходящих душъ, но въсходящих на небеса.
- Лл. 355—357. Гл. 78. Слово о тѣли человечии и о души и о въскресе-нии из мертвых.
- Лл. 357—359. Гл. 79. Слово св. отца Лариона о плъзи душевней.
- Лл. 359—360. Гл. 80. Слово о правдѣ и о неправдѣ.
- Лл. 360—360 об. Гл. 81. Слово о милости и о суди.
- Лл. 360 об.—361 об. Гл. 82. Слово св. отца Афанасна, еже не осу-ждати всякого съгрѣшающаго.
- Лл. 361 об.—362. Гл. 83. Слово св. Ефрема от плъзи душевний.
- Лл. 362—362 об. Гл. 84. Слово св. Ефрема къ богатым.
- Лл. 363—363 об. Гл. 85. Слово о пости и о клеветании.
- Лл. 363 об.—364. Гл. 86. Слово св. отецъ яко и по смерти милостиня богу приатна есть.
- Лл. 364—365. Гл. 87. Слово яко подобает пред богом тягаться ис на-силники свѣта сего, иже обидят меншаго се zde.
- Лл. 365—367. Гл. 88. Слово о Евагрѣ философи, его же крести Сунес-сий епископъ и дасть ему рукописание.
- Лл. 367—368 об. Гл. 89. Слово св. Варлаама о печали житеисти и о суетним богатствѣ и о милости.
- Лл. 368 об.—370. Гл. 90. Слово св. Георгиа о иконѣ в нюж устрѣли срацинин и уязвися, пакы покаявся спасенъ бысть.
- Лл. 370—371. Гл. 91. Слово св. Ефрема о мирѣстий суети и о въскре-сении мертвых.
- Лл. 371—372 об. Гл. 92. Слово о миловании нищих и о въсъпрятии мвзды.
- Лл. 372 об.—374 об. Гл. 93. Слово похвално дающому милостиню нищим.
- Лл. 374 об. Гл. 94. Слово Сихарово на немилостивыа князем иже не-право судят.
- Лл. 375—375 об. Гл. 95. Слово о пользи душевний.
- Лл. 375 об.—376. Гл. 96. Слово како подобает покаряться властите-лем и чести им въздавати пред всѣми.
- Лл. 376—376 об. Гл. 97. Слово Иоана Златоустаго, како подобает уча-щому так творити.
- Лл. 377—378. Гл. 98. Слово о нѣкоем блуднику иже милостиню тво-ряще, а блуда не остаеа до смерти.
- Лл. 378—378 об. Гл. 99. Слово о смиреннии и мудрости.
- Лл. 379—379 об. Гл. 100. Слово о молитвѣ, яко от всякоя напасти из-будем.
- Лл. 379 об.—380. Гл. 101. Слово и повчение о закони чяд, от приточ-ника.
- Лл. 380—381 об. Гл. 102. Повчение ливным и не хотящим дѣлати своими руками, и похвала дѣлателем св. отца Василиа.
- Лл. 381 об.—383. Гл. 103. Слово о Созомони, дая милостиню нищему, богу взаем дает.
- Лл. 383—385. Гл. 104. Слово о възгрѣбавшим мертвыа и пакы спаса-шыа покаяния ради.
- Лл. 385—386. Гл. 105. Слово о удовах и о сиротах, дабы не оби-дили их.
- Лл. 386. Гл. 106. Слово о смирени и мудрости.

Лл. 386—387. Гл. 107. Повчение о труди и о спасении и о царствии небесном.

Лл. 387—387 об. Гл. 108. Слово Сихарово о милостини.

Лл. 387 об.—388. Гл. 109. Слово никоего Чръноризца о книгах.

Лл. 389—389 об. Гл. 111. Слово св. Ефрема, како и съ всѣм прилежа-ниемъ чести святыя книги.

Лл. 389 об. Гл. 112. Слово тѣго же Ефрема.

Лл. 389 об.—390. Гл. 113. Слово от патерика еже богу хвала.

Л. 390. Гл. 114. Слово св. Василя о благодарении.

Лл. 390—391 об. Гл. 115. Патерика словца избранная.

Л. 391 об. Гл. 116. Слово св. Марькиняна.

Л. 391 об. Гл. 117. Слово св. Касияна римлянина.

Лл. 392—392 об. Гл. 118. Слово Генадиево, чога дѣля попусти господь диавола боротися с человеки.

Лл. 392 об.—394. Гл. 119. Слово св. Ефрема о наказании.

Лл. 394—397. Гл. 120. Слово святых отецъ о покаянии.

Лл. 397—398 об. Гл. 121. Слово святых отецъ о упивающихся.

Лл. 398 об.—406. Гл. 122. Месяца марта 17 день. Преставление св. Алексия человека божиа.

Лл. 406—412. Гл. 123. Месяца иуля 29 день. Житие св. апостола Петра.

Лл. 412—418. Гл. 124. Слово св. апостол и святых отецъ и св. Иоана Златоустого како велит жити христианом.

Лл. 418—421. Гл. 125. Слово св. Иоана Златоустаго како узяти нам райское житие и унити у тѣсна врата.

Лл. 421—427. Гл. 126. Слово Данила Заточника како писа къ князю Ярославу Владимировичю. Господи.

Лл. 427—428. Гл. 127. Слово иже кто оклеветает друга ко князю.

Лл. 428—433. Гл. 128. Слово св. отца Нила душеполезно учителю дѣтемъ духовнымъ.

Лл. 433—434. Гл. 129. Слово о Мартурии старци како миловал нищя Христа ради. Господи.

Лл. 434—435 об. Гл. 130. Слово св. Иоана Златоустого души полезно.

Лл. 435 об.—436 об. Гл. 131. Слово от приточника о души и о тѣли.

Л. 436 об. Гл. 132. Слово о св. литоргии како слушати еи.

Приведем образцы изложения из разных частей сборника, свидетельствующие о том, что составитель его или предшественник, чей оригинал он списывал, местами переводил текст на украинский литературный язык XVI века.

В «слове на преображение» (гл. 72) читаем, например: «устромилося стадо по берегу у море и пастусы побѣгли, и то увидивше, апостоли улякалися, што и над свинями не имаеть. моци диаволъ» (л. 344 об.); «але дий так разумѣхомъ» (л. 346 об.); «болѣ 6000 кълесницъ люда доспѣшного и богатырей покушанныхъ» (л. 348); «еще дий им говорящим, се оболоч свѣтлый осинил, как бы окрыл их, и голос ис оболоча рекучи» (л. 349) и т. д.

В «слове похвалномъ» мученику Дмитрию (гл. 70) читаем: «а коли ся борут запасники, а которого изможет, и он такы доловъ искинетъ на тыи приправленна оружиа» (л. 323 об.); «а коли ж, дий, не възмогу выгубити, а възды, дий, позыблю, пострашу» (л. 319); «аче, дий, розмыслитя за

обѣцание мое» (л. 320); «без зачепкы у небо поидешь, у гръне Иерусалими покой имѣти маешь» (л. 325) и т. п.

В «словце» на память Михаила и «святых мученых у волости Савастийского города» (гл. 69) читаем: «пекелныи моци съкрушил» (л. 312); «не заборопяю, дий, ясти, а пити, дий, не боропяю, но впиватися не велю» (л. 314 об.); «занюж святое писание мовит» (л. 315 об.) и т. д.

В «повчении на неделю цвѣтную» (гл. 32): «так же ся им, окаанным, и стало ся, занюже таких великих чудес его видити не вѣровали» (л. 13 об.); «закон и врьд въставлюваа нам» (л. 16); «добрыи початки въказывали» (л. 18); «в небрежении живота нашего провожаем, а въжды ж што имаеи настати» (л. 19) и т. д.

А. Г. КРАВЧЕНКО

Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку

Большой интерес представляет изучение московских летописных сводов XV века, особенно второй его половины, которые освещают процесс объединения русских земель вокруг Москвы как политического, экономического и культурного центра, международное положение и успехи формирующегося единого Русского государства.

Данное сообщение и имеет своей задачей определить время появления одного из ценнейших памятников эпохи создания единого Русского государства — московского летописного свода конца XV века, опубликованного под редакцией М. Н. Тихомирова в XXV томе Полного собрания русских летописей.

Для выяснения времени создания этого свода, кроме Уваровского,¹ Эрмитажного² и ряда списков других летописей, привлечен указанный автору данного сообщения А. А. Зиминим список московского летописного свода конца XV века из собрания И. Д. Беляева (Музейный № 1512) Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Беляевский список находится в сборнике из 629 нумерованных листов в 4°, заключенных в деревянный, обтянутый кожей переплет. Рукопись написана несколькими почерками скорописью 30—40-х годов XVII века; водяной знак — кувшинчик с расходящимися наверху лучами и полумесяцем на вершине среднего луча — близок к № 1212 у К. Тромонина,³ датируемому им 1636 годом, а также к №№ 631 и 632 у Н. П. Лихачева,⁴ датируемым 1638 годом. Текст летописца начинается с л. 9 известиями о мифических временах — «Адам первый человек был лет 230...» и заканчивается на л. 447 рассказом о посылке 17 ноября 1493 года в Крым посла Константина Малечкина.⁵ Рассказ о пожаре Москвы в апреле 1493 года оказался разорванным частью родословной русских князей, так как при переплетении тетрадь 50, содержащая продолжение летописца, была помещена после 57-й тетради.

Сравнение Уваровского и Беляевского списков за 1479—1492 годы показывает, что они имели в своей основе (по крайней мере, в этой части)

¹ ГИМ, собр. Уварова, № 1366 (издан в XXV томе ПСРЛ).

² ГПБ, Эрмитажн. собр., № 4166.

³ К. Я. Тромонин Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.

⁴ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. III, СПб., 1899.

⁵ На лл. 2—8 — списки русских митрополитов, архиепископов и епископов; на лл. 383—440 об. — родословная книга русских князей; на лл. 449—629 — вопросы и ответы Афанасия Александрийского к Антиоху князю, отрывки из Петра Дамаскина и др.

общий протограф, так как начиная с рассказа о походе Ивана III на Новгород 26 октября 1479 года¹ тексты обоих списков сходны. Беляевский список (более поздний по происхождению) не является копией Уваровского, так как помимо мелких разночтений этот список дает несколько дополнений и исправлений текста Уваровского списка. Так, в рассказе о войне с Ливонским орденом в 1481 году сообщается, что русские войска, преследуя магистра Ордена, «гнаша за ним 50 верст и не постигоша, а коша его отполониша много»;² слово «много» отсутствует в Уваровском списке.³ Под тем же годом Уваровский список сообщает, что «псковичи приведоша к великому князю немецкого полону восемь соколов Вельядских»,⁴ тогда как в Беляевском вместо «соколов» читаем «колоколов».⁵ Этот список не является также копией с близких к нему по тексту (особенно за 1480—1493 годы) Воскресенской,⁶ Симеоновской,⁷ Никоновской⁸ и других летописей, ибо эти летописи возникли позднее. Список Воскресенской летописи датируется 30—40-ми годами XVI века, Симеоновской — первой половиной XVI века, Никоновская летопись доводит рассказ до 1559 года; оригинал же Беляевского списка возник, повидимому, на рубеже XV—XVI веков. Это видно из родословной великих русских князей, которая оканчивается в Беляевском списке (на л. 40 об.) внуком Ивана III Дмитрием; имена последующих великих князей приписаны другой рукой. Дмитрий же назывался великим князем до апреля 1502 года, когда он был арестован.⁹ Таким образом, оригинал Беляевского списка составлен не позднее апреля 1502 года, и, следовательно, текст этого списка очень близок по времени создания к протографу московского летописного свода конца XV века.

* * *

Работа над составлением московского летописного свода конца XV века была начата в 1492 году. На это указывает фраза в Уваровском списке под 1471 годом, где говорится, что новгородцы «пят бо сот лет и 4 в крещении быша за великими князи Русскими православными».¹⁰ Здесь явная описка сводчика, ибо если вычесть из даты 1471 года 504 года, то получится 967 год, тогда как крещение на Руси датируется приблизительно 988 годом; следовательно имеем ошибку в 21 год, — сводчик высчитывал 504 года от крещения Руси не для 1471 года, а для 1492 года (такая же описка в Симеоновской летописи,¹¹ и в Эрмитажном списке¹²). Следовательно, если не весь московский летописный свод конца

¹ ПСРЛ, XXV, стр. 326 (л. 460); Муз. 1512, л. 338, В т. XXV ПСРЛ под этим годом имеется примечание: «отсюда начинается новый почерк и иные приемы расстановки киноварных букв».

² Муз. 1512, л. 350. Так же и в Никоновской летописи (ПСРЛ, XII, стр. 213) и в Софийской I (ПСРЛ, VI, стр. 35).

³ ПСРЛ, XXV, стр. 329.

⁴ Там же.

⁵ Муз. 1512, л. 350 об. Так же в летописях Симеоновской (ПСРЛ, XVIII, стр. 269), Никоновской (ПСРЛ, XII, стр. 213), Софийской I (ПСРЛ, VI, стр. 36).

⁶ ПСРЛ, VIII.

⁷ ПСРЛ, XVIII.

⁸ ПСРЛ, IX—XII.

⁹ «Князь великий... положил опалу на внука своего князя Дмитрея и на его мать на великую княгиню Елену, и от того дни не велел их... нарицати великим князем и посади их за приставы (ПСРЛ, VI, стр. 48).

¹⁰ ПСРЛ, XXV, стр. 287.

¹¹ ПСРЛ, XVIII, стр. 229.

¹² Эрмитажн. собр., № 416-б, стр. 722.

XV века, то во всяком случае его часть, начиная с известий 1470—1471 годов, начала редактироваться летом 1492 года, не позднее сентября.

Время окончания этого свода позволяют выяснить данные Беляевского списка и других летописей. Работа была завершена не ранее 17 ноября 1493 года, так как этой датой оканчивается летописный текст Беляевского списка (Уваровский список оканчивается 1492 годом) и не позднее мая 1494 года, так как в списке иерархов русской церкви, помещенном в сборнике перед текстом Беляевского списка (на лл. 3—8), конечными представителями отдельных епархий являются иерархи, занимавшие свои кафедры в середине 90-х годов XV века. Так, список рязанских епископов заканчивается Симеоном, занимавшим епископию в 1481—1496 годах, сарских — Силуяном, который был епископом в 1493—1496 годах. Список русских митрополитов оканчивается Зосимой, который был избран на митрополию 26 сентября 1490 года,¹ а сведен с нее 17 мая 1494 года.² Эти данные позволяют датировать московский летописный свод не концом XV века, а более точно — 1493—1494 годами. Симеоновская и ряд других летописей доводят рассказ, так же как и Беляевский список, до 1493 года; во всех сходных летописях (Воскресенская, Никоновская и другие) после этого года начинается расхождение текста, что, в свою очередь, подтверждает существование свода 1493—1494 годов.

Текст Беляевского списка может контролировать текст списка Уваровского вместо Эрмитажного, являющегося по происхождению более поздним, чем Беляевский, и, к тому же, дефектным. Он поможет уточнить и исправить отдельные места в Уваровском списке в последней, совпадающей части за 1480—1493 годы, а также восполнить те места, которые в нем утрачены.³

Приведенные выводы являются предварительными, ибо автор настоящего сообщения ограничил изучение текста Беляевского списка, как и сравнение его с другими летописными памятниками, известиями 1479—1493 годов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывки из летописного свода 1493—1494 годов по Беляевскому списку

1 отрывок — к ПСРЛ, XXV, стр. 330 (см. вариант «д»)

Того ж лета повелением великого князя⁴ Ивана Васильевича начаша здати в Великом Новеграде камен по старой основе на Софейской стороне. В лето 6993 месяца декабря в 9 день || поставлен архимандрит Симонавский Нифонт епискупом в Суздаль. Того ж месяца в 12 поставлен на архиепискупию Великому Новгороду и Пскову архимандрит Чудовской Генадей. Того же году весне погоре град Москва месяца апреля в 12 втор[ни]к. Тое ж весны мая в 29 родилась великому князю Ивану Васильевичю княжна Феодосия в 3 час нощи. Того же лета июля в 4 преставися великая княг[и]ня Мария, мать великого князя Ивана Васильевича, наре||ченная во мнишеском чину инока Марфа и положена бысть во церкви Вознесения на Москве. Того же лета июля в 19 заложена бысть на Москве стрельница, а под стрельницею выведен тайник, а ста-

¹ ПСРЛ, XXV, стр. 331.

² ПСРЛ, VIII, стр. 228.

³ Дополнения помещаются в Приложении к настоящей работе.

⁴ Здесь и ниже текст, совпадающий с Уваровским списком (по ПСРЛ), дан в разрядку.

вил ее Антон Фрязин. Того ж лета прииде из Царяграда к великому князю служити Иван Рал Палеолог из женою и з детьми. Того ж лета августа в 21 князь великий Иван Васильевич сложи с себе крестное целование

л. 356 великому князю Михаилу || Борисовичу Тверскому за его неправду, что посылал грамоты к королю Литовскому Казимеру, а подымал его войском на великого князя Ивана Васильевича всеа Руси. И за то поиде на него ко Твери и с своим сыном великим князем Иваном Ивановичем и з братиею своею: со князем Ондреем и со князем Борисом, с воеводы и со многими силами. А боярину своему Якову Захаревичу велел пойти ко Твери ж с ноугородскою силою.

л. 356 об. В лето 6994 месяца сентября || в 8 день прииде князь великий Иван Васильевич с своим сыном великим князем Иваном Ивановичем и с своею братиею, и с воеводы со всеми силами под город Тверь и обступи град. Того же месяца в 10 зажгоша посады около града Твери. А в 11 день в неделю из города изо Твери князи и бояре тверския коромольники и биша ему челом в службу. А того ж дни на ночь побежал из града из Твери князь великий Михаил Борисович Тверский к Литве...

II отрывок — к странице 331 (см. примечание к 17-й строке сверху об утере листа)

1483 г. ... и князь великий Иван Васильевич всеа Руси царя Махмет Яминя из своей руки поставил на царство в Казани. А корамольных князей и уланов казанских смертию казнил и иных корамольников. А царя Алегамы со царицею послал князь великий в заточение на Вологду. А мать его, и

л. 359 об. братью его и сестр послал князь великий в заточение на Бело || озеро в Карголом. Того же лета князь великий перевел из Новагорода из Великого в Володимер лучших гостей ноугородцких 50 семей. Того же лета повелением великого князя Ивана Васильевича всеа Руси основал полату велику Марк Фрязин на великого князя дворе, где терем стоял. Того же лета совершил Марк Фрязин стрельницу на угле вниз по Москве Бекли-

л. 360 мишевскую. В лето 6996 месяца мая || в 27 заложил Онтон Фрязин стрельницу вверх по Москве, где стояла Свибловская стрельница, а под нее выведен тайник. Того ж лета повелением великого князя Ивана Васильевича поставиша град нов на Белеозере в Карголоме, а от старого города за десять верст. Того ж лета августа в 12 слил Павлин Фрязин Деб-

л. 360 об. босис пушку велику. Того ж месяца в 13 после обеда на девятом часу дни загорелось церковь Благовещение || на Болоте. И от того погорело от града до Кулишке, мало не дошло до всех Святых, да до Покрова в садах, да по Неглинну, а церквей згорело 42. Того ж лета послал князь великий Ралевых детей Дмитриа да Мануила в Рим, и в Венецею, и в Медиолан.

В лето 6997 прииде посол Николай от Римского цесаря Фердерика о любве и дружбе. И князь великий почтив того посла, отпусти его с любовию ко его государю, да с ним же вместе отпустил князь великий ||

л. 367 своего посла Юрия Грека Тарханиота к цесарю Фердерика с любовию ж.

1489 г. Тое ж зимы князь великий Иван Васильевич переведе из Новагорода из Великого многих бояр и житых людей и гостей всех голов больши тысячи. И жаловал их на Москве, подавал поместья и в Володимери, и в Муроме, и в Новгороде Нижнем, и в Переславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме и по иным городом. А в Новгород Великий на их поместья послал московских лучших многих гостей и детей боярских и из-ыных || городов из московские отчины многих детей боярских и гостей и жаловал

их в Новгороде в Великом. Того ж лета мая в 16 преставися Коломенский владыка Герасим в Пафнотьеве пустыни. Того ж месяца в 28 в среду в 11 часу дни преставися пресвещенный митрополит Геронтий и положен на Москве в соборной церкви Успение Пречистыя на северной стране. Тое ж весны июня в 11 посылал князь великий Иван Васильевич всеа Руси || рать свою на Вятку за их неисpravление: князя Данила Васильевича Щеня, да Григорья Васильевича Морозова и иных воевод со многу силою. Они ж шедше города поимаша, а самех вятчан к целованью приведоша, а арян к роте приведоша, а вятчан больших людей з женами и з детьми изведоша, да арских князей, и тако возвратишася. И князь великий вятчан земских людей в Боровце да в Кременцыви посаде, да и земли им подая. А торговых людей вятчан в Дмитрове посади, а арских князей пожаловал || князь великий отпустил во свою землю, а коромольников смертью казнил. Того ж лета месяца августа в 9 на память святого апостола Матвея свещена бысть церковь Благовещение Пресвятыя Богородица на великого князя дворе на сенех. Того ж месяца в 20 на память святого пророка Самоила свещена бысть церковь Василей Кисарийский, придел у Благовещения.

В лето 6998 преставися король Угорский Матиас, а с великим князем был в любве и в докончании || и в братстве. И восхоте Максимиян римский король над Угорскою землею королевство держати; панове же угорские и земля вся не восхотеша его. И Максимиян же посла силу свою на Белгород на Угорский, взяша его. Панове же угорскии послаша ко Владиславу х королю Чешскому Казимирову сыну короля Польского и взяша его с Чешского королевства на Угорское королевство. Максимиян же Римский король со Владиславом взя мир и докончание: Белаграда ступися || Владиславу, а Виена и вся Авестрская земля Максимияну бысть. Тое же осени декабря приеде служить князю великому Ивану Васильевичу на Москву князь Дмитрий Федорович Варотынской ис своею отчиною от Литовского короля Казимера. Того ж лета приехаша на Москву от короля Казимира к великому князю Ивану Васильевичу служити князь Иван Михайлович Перемышской из своею отчиною, и князь Иван Белевский с своею братьею со князем || Ондреем, да со князем Васильем из своими отчинами. Тоя ж зимы прииде от Рима на Москву брат великие кня[г]ини Софьи именем Андрей сын Фомин даспота Амореяского, да с ним вместе приидоша послы великого князя Дмитрия да Мануйло Ивановы дети Ралева и приведоша с собою к великому князю лекаря Мистро Леона жидовина из Винецеи и иных мастеров фрызственных. Тоя ж зимы месяца марта в 7 с субботу на неделю || в 8 час нощи преставися благоверный и хр[и]столюбивый князь великий Иван сын великого князя Ивана Васильевича всеа Руси старейший, первые его княгини Марьи дочери великого князя Борисовы Александровича Тверскаго. И положиша и во церкви Архангела Михаила на Москве, иде же и прародители его лежат. И жив всех лет 32 и 20 дней. А болел камчугою в ногах. И видев лекарь жидовин Мистр Леон похваляся рече великому князю Ивану || Васильевичу, отцу его: яз излечю сына твоего великого князя от тоя болезни, а не излечю его яз и ты вели мене смертью казнити. И князь великий Иван Васильевич впоняв веру речем его, повеле ему лечити сына своего великого князя. И нача его лекарь лечити: зелие пити даст ему и жещи скляницами по телу, вливая горячею воду, и от того ему тяжчая бысть и умре. И того лекаря Мистр Леона велел князь великий Иван Васильевич поимать, и после сорочин сына своего великого князя повеле его казнити, головы отсеци. И секоша || ему головы на Болванови...

III отрывок — к стѣр. 333 (продолжение текста, оборвавшегося в Уваровском списке)

- 1492 г. ... князь Литовский Андрей Казимир. И сел на великом княжении на Литовском сын его Александр, а на королевстве на Польском сел сын его Альбре[x]т. А сына его большого Владислава при его животе взяша на Чешское королевство, а с Чехов на Угорское королевство взяша его. Того же лета июня в 10 день приходиша татарова ординские казаки, в го||ловах приходил Томешок зовут, а с ним двесте и дватцать казаков во Алексин на волость на Вошан и пограбив поидоша назад. И приде погоня великого князя за ним: Федор Колтовский да Горяин Сидоров, а всех их 60 человек да четыре. И учинили им бой в поле промежу Трудов и Быстрие Сосны и убиша погони великого князя 40 человек. || А тотар на том бою убиша 60 человек, а иные идучи татарова в Орду ранены на пути изомроша. Того же лета от Фроловские стрельницы и до Никольские заложивша подошву и стрельницу новую над Неглидную¹ с тайником. Того же лета августа послал князь великий Иван Васильевич воеводу своего князя Федора Телепню Оболенского с силою || ратною на город Мченск за их неправду, и град Мченск взяша и землю повоеваша и воеводу их Бориса Семенова сына Олександрова изымаша и иных многих и приведоша их на Москву. В лето 7001 5 сентября послал князь великий во Крым к царю к Мингирею Крымскому посла своего Костянтина Заболотцаго, а в Волохи послал Ивана Ондреевича Плещеева. Тое ж осе||ни ноября приде из Литвы посол к великому князю Ивану Васильевичу пан Станислав Глебович от великого князя Александра Литовского о порубежных делах. Тое ж осени ноября от великого князя в Литву Юшко Елизаров. Тое ж зимы приехаша к великому князю служити князь Семен Федоровичь Воротынскойой, да братанич его князь Иван || Михайловичь из своими вотчинами. А едучи князь Семен на великого князя имя засел литовских городов Серпееск, да Мезеческ. И прииде за ними воевода Смоленский князя великого Литовского Александров пан Юрьи Глебович да князя Семена Ивановича Можайского под град под Серпееск и под Мезеческ с силою мно[го]ю. И граждане не возмогоша противитися || им, град своя здаша. И слышав тои князь великий Иван Васильевич послал противу их сестричича своего князя Федора Васильевича Резанского, да воевод своих князя Михаила Ивановича Кольшку, да князя Александра Васильевича Оболенского и иных воевод своих со мною силою, да великого князя Резанского Ивана Васильевича Инка Измаилов с силою. Смоленски ж воево||да пан Юрьи Глебович и князь Семен Иванович Можайского слышав рать силу великого князя идущу противу их и во градах посадиша князей и панов многих в осаде, а саму убоявшеся и побегоша к Смоленску. И прииде сила великого князя Ивана Васильевича под град Мезеческ, они же убоявшеся и не могоша противитися и град отвориша. Изымаша || во граде Кривча окольничего смоленского и иных многих князей и панов Литвы и смольнян заставы князя великого Александровы, а земских людей и черных приведоша к целованью за великого князя. И оттоле поиде сила великого князя под град Серпееск, они ж устремишася крепко ратоватися и не хотяша града здати. а. 379 об. Воево||ды же великого князя повелеша воем мужественне приступати ко граду с пушками и с пищальми, и приступив ко граду и взяша его силою, и изымаша во граде Ивана Федорова сына Плескова смольнянина и иных многих князей и панов Литвы и Смольнян двора великого князя Але-

¹ Так в тексте.

ксандра Литовского и разграбив град сожгоша, а земских || людей к целованью приведоша. И оттоле шод от панов град взяв сожгоша и земские и черные люди к целованью приведоша. И тако возвратишася, а Литву и Смольнян сядящих в осаде и градцких больших людей приведоша на Москву, и князь великий послал их в заточенье по своим городом. И в то же время посылал князь великий Иван || Васильевичь воевод своих под город Вязьму ратью и князя Данила Васильевича Щеня, да князя Василья Ивановича Кривога. Они же шедше Вязьму град взяша и к целованью приведоша, а вяземских князей и панов приведоша на Москву и князь великий пожаловал их же вотчиною Вязьмою и повелел им себе служити. Того же лета прииде служити || к великому князю князь Михаил Романович Мезецкой да изымав приведе с собою дву братьов князя Семена да князя Петра, и князь великий послал в заточенье в Ярославль, а князя Михаила пожаловал его ж отчиною и велел ему себе служити. Тое ж зимы генваря в 11 день прииде к великому князю служити из Крыму царевич Абдыл Хетиф Абреимов || сын казанского царя с послом великого князя с Лобаном с Колычевым. Тое ж зимы епискуп Сарский Прохор остави и соиде с Крутичи к Богоявленью и в монастырь. Тое ж зимы генваря казнил князь великий князя Лукомского да Матияса ляха толмача латынского, сожгоша их на реке на Москве пониже мосту в котле же. Да дву братьов смольнян || казнил Богдана да Олехна Селевиных торговою казнию. И Богдан умре от торговые казни, а Олехну голову ссекли про то, что они послали з грамотами и с вестьми человека своего Волынцова ко князю великому Олександру Литовскому. А князя Ивана Лукомсково послал к великому князю служити король Польский Казимер, а к целованью его король привел на том, что || ему великого князя убити или окормити зелием, да и зелие свое с ним послал, и то зелие у него выняли. Да сказал князь Иван Лукомской на князя на Федора на Бельсково, что он хотел бежать от великого князя в Литву. И князь великий за то князя Федора изымал да послал его в заточенье в Галич. Тое же весны апреля в 16 на радуницы погоре град Москва || нутре весь, разве осталася двор великого князя новой за Арханглом, и у Чюда монастыря казна выгоре. Тое же весны мая в 3 день прииде посол из Мазовецкия земли от князя Кондрата именем Иван. Тое же весны мая в 4 день поставлен Силуян старець бывши игумен Угрешски на епискупство || Сарское и Поддонское на Крутицу пресвященным митрополитом Зосимою. Того ж месяца мая послал князь великий в Венецию и в Мед[и]алам Манула Англвова Крека да Данила Мамырева. Того же лета июня пришел посол из Немецкие земли к великому князю от Датцкого короля Иванна¹ о любви и о братстве. И князь великий почтив посла его || отпустил его в свою землю, да с ним вместе послал князь великий своих послов к Датцкому королю Ивану с любовию ж и з братством Дмитрея Грека Ласирева Палеолога, да Дмитрея Зайцова. Того же лета повелением великого князя Ивана Васильевича поставиша град древян на Луках на Великих || по старой основе. Того ж лета повелением великого князя церкви сносиша и дворы за Неглимною и постави меру от стен до дворов сто сажен да десять. Того же лета июля в 16 день во вторник в 11 час дни заже гром с молоньюю верх маковицы большей тес под железом у Соборныя церкви Успения Пречистыя на Москве. || А внутри церкви мало попалило на царских дверех, да половина опоны згорело на амбоне, да два болванца деревяных розразило под амбоном, а верх вскоре угасиша и божию милостию церкви не бысть пакости ничто ж. И в тот

¹ Так в тексте.

же день в Володимери у Пречистые церкви Благовещенья бурею крест
 л. 443 об. сломило. Того же || в 28 в неделю в 7 час дни загореся церковь от небес-
 наго огня Святыи Никола на Песку. И в том часу ста буря велия зело и
 кину огонь на другую сторону Москвы реке ко всем святым, а оттоле
 за Неглинну х каменной церкви к Егоргею Святому, и в том чаше нечис-
 ленно начала горети во многих местех. || И выгоре посад за Неглинною
 л. 444 от Духа Святаго по Чертолью, и Борис и Глеб на Орбате, и до Петров-
 ской слободки. А за Москвою от Софеи Святыи выгоре и до Акима и
 Анны, и у Заречья во граде загореся князя великого двор и великие
 княгини. И оттоле на Подоле житницы загорешася и двор князя великого
 л. 444 об. новой за Арханглом выгоре, и митро||поличь двор выгоре, и у Пречистые
 оltарь згоре под немецким железом. И во граде все влачюги выгореша, по-
 неж бо не поспеша ставляти хором после вешняго пожара, и церковь Иван
 Предотча у Боровитцких ворот выгоре. И западе из города торг загореся
 л. 445 и оттоле Посад горе возле Москву до Зачатья, на Вострой || концец и по Ва-
 сильевской луг и по все Святыи на Кулишки, и Стретенская улица вся вы-
 горе до Всполья и церковь каменная Стретение огоре. И много бо тогда
 людем скорбь бысть: больши дву сот человек згоре людеи, а животов без-
 численно выгоре, а все то погоре единого полудни. А летописець и старые
 л. 445 об. люди ска||зывают: как Москва стала, таков пожар на Москве не бывал.
 Тогда ж стоял князь великий у Николы у Подкапаева у Яузы во кре-
 стьянских дворех. Того ж лета июля придоша на Москву послы князя
 великого от короля Римского Максимьяна Юрьи Грек Тархиниот, да Ми-
 хайло Кляпик, да Иван Волк Курицын. В лето || 7002-го сентября погоре
 л. 446 Резань весь. Тое ж осени октября прииде из Волох Иван Андреевичь
 Субота Плещеев, а ис Крыму Костянтин Заболотцкой, а шли Подем. Тое
 же осени ноября в 6 день преставися князь Ондрей Васильевичь, а седел
 л. 446 об. в тюрме на Москве на Казенном дворе два года и 47 дней, и по||ложиша
 во Архангле на Моске у северских дверей. Того же месяца в 10 день
 в неделю вшол князь великий в новой двор жити во град на Моске,
 а стоял после пожара у Николы у Подкопая на крестьянских дворех.
 Того же месяца в 17 день отпустил князь великий крымского посла, да
 л. 447 с ним вместе послал || князь великий в Крым к царю Мингирею своего
 посла Костентина Малечкина.

Н. А. КАЗАКОВА

Неизданное произведение Вассиана Патрикеева

Одной из существенных черт социально-экономического развития Русского государства XVI века является быстрый рост землевладения монастырей. Рост монастырского землевладения, осуществлявшийся различными методами и средствами — путем захвата общинных земель в форме пожалований, заимки неиспользованной земли, купли, мены, вкладов «на помин души», ростовщических операций под заклад вочтин,¹ — затрагивал интересы различных классов русского общества и вызывал с их стороны резкое осуждение.

Отражая интересы дворянства, мечтавшего о расширении поместного фонда за счет монастырских земель, правительство дважды — на соборе 1503 года и соборе 1551 года — ставило вопрос о секуляризации церковных земель.

Протест против монастырского землевладения находил свое отражение и в публицистике. С отрицанием монастырского землевладения и монастырей как особого института феодальной церкви выступали русские еретики XIV—XVI веков, связанные с городской и частично крестьянской оппозицией феодализму.² Но сочинения самих еретиков почти не сохранились, и об их учении и литературной деятельности мы можем судить, как правило, лишь на основании тех сведений, которые имеются в обличительных произведениях, направленных против еретиков. Поэтому при изучении вопроса об отражении в публицистике XVI века борьбы против монастырского землевладения исследователи обращаются к памятникам литературы нестяжателей. Нестяжательство обычно рассматривается как внутрицерковное течение, возникшее в конце XV—начале XVI века в среде «заволжских старцев», учение которых о недопустимости для монастырей владеть селами было использовано боярством,³ чьи земли поглощались быстро растущим монастырским землевладением.⁴ Основываясь на

¹ Очерки истории СССР, конец XV—начало XVII вв. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 40—43.

² Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI вв. М.—Л., 1955, стр. 63—64, 162—163 — Р. Г. Лапшина. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI в. Труды ОДРЛ, IX, стр. 235—251.

³ Очерки истории СССР, конец XV—начало XVII вв., стр. 175—177. Не возражая против тезиса об использовании боярством идеологии нестяжателей, мы считаем, что вопрос о социальном содержании нестяжательства требует еще дальнейшего изучения, так как учение нестяжателей о недопустимости для монастырей владеть вотчинами могло отвечать интересам не только боярства, но и других слоев русского общества.

⁴ Очерки истории СССР, конец XV—начало XVII вв., стр. 39—43. — А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, гл. IV, V.

евангельской заповеди нестяжания, нестяжатели в своих произведениях подвергали острой критике вотчинный быт и стяжательскую деятельность монастырей.

Опубликованные сочинения Вассиана Патрикеева, Максима Грека и особенно анонимная «Беседа Валаамских чудотворцев»¹ не раз являлись предметом историко-литературного изучения. Но один памятник литературы нестяжателей до сих пор выпадал из поля зрения исследователей, хотя и по своему идейному содержанию, и по силе обличительного воздействия, и, наконец, по той весьма напряженной жизни, которой он жил в течение всего XVI века, он несомненно занимал центральное место в литературе нестяжателей. Мы имеем в виду неизданное произведение Вассиана Патрикеева — «Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания и о отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы».

«Собрание некоего старца» до сих пор не являлось предметом специального историко-литературного и текстологического изучения. Анализ его содержания и идейной направленности впервые дал А. Павлов в своих работах, посвященных вопросам истории секуляризации церковных земель в России и русского канонического права.² А. Павлов определяет «Собрание некоего старца» как канонический трактат, написанный Вассианом с целью опровержения вотчинных прав монастырей специально для Кормчей, составленной им в 1517 году.³ Выводы А. Павлова повторил В. И. Жмакин.⁴ В примечаниях оба автора указывают, что «Собрание некоего старца» встречается не только в Кормчих, но и в некоторых рукописных сборниках XVI века.⁵ Списки последних А. Павлов и В. И. Жмакин определяют как сокращенную редакцию канонического трактата, не приводя при этом, однако, никаких данных историко-литературного или текстологического исследования.

Между тем находки новых списков «Собрания некоего старца»,⁶ анализ различных списков и изучение памятника в связи со всем сохранившимся литературным наследием Вассиана позволяют восстановить основные этапы его истории и внести существенные коррективы в выводы А. Павлова и В. Жмакина.

¹ Обычно «Валаамскую беседу» относят к кругу литературы нестяжателей (см. новейшее исследование А. А. Зимина: «...Беседа Валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства». Труды ОДРА, XI, стр. 198—209). Но высказывались и другие точки зрения: И. И. Смирнов рассматривал ее как произведение, отражающее идеологию северного крестьянского мира («Беседа валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI в. Исторические записки, 1945, 15, стр. 247—261); Г. Н. Моисеева в подготовленной ею к печати работе трактует «Беседу валаамских чудотворцев» как памятник дворянской публицистики (Рукопись, Сектор древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР).

² А. Павлов. 1) О Кормчей инока-князя Вассиана Патрикеева. Ученые записки Казанского университета по отделению историко-филологических и политико-юридических наук, 1864, вып. 3, стр. 489—498; 2) Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, часть I. Одесса, 1871, стр. 71—76.

³ Известны три списка Кормчей В. Патрикеева: БЛ, собр. Пискарева, № 228/39, XVI в.; ГПБ, собр. Толстого, № 169 (ныне Ф. II. 74), XVI в.; ЦГАДА, фонд 181, № 1597, XVI в.

⁴ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 153—154.
⁵ А. Павлов называет сборник № 566 Волоколамского собрания (ныне БЛ), В. Жмакин — дополнительно сборник № 1451 Софийского собрания (ныне ГПБ). См.: А. Павлов. Исторический очерк секуляризации..., стр. 74, прим. 1; В. Жмакин, ук. соч., стр. 153, прим. 1.

⁶ Найдены четыре новых списка: сб. № 1549 Музейного собр., начало XVII в. (БЛ); сб. № 573 собр. Ундольского, XVI в. (БЛ); сб. № 466 собр. Забелина, XVII в. (ГИМ); Кормчей Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря, XVI в. (Владимирский областной краеведческий музей, В 5636/399).

1

«Собрание некоего старца» встречается в рукописях как анонимное произведение. В литературе принадлежность произведения В. Патрикееву устанавливалась на том основании, что оно является одной из статей Кормчей, составленной Вассианом, и проникнуто идеей отрицания монастырского землевладения, идеей, представлявшей одну из характерных черт мировоззрения Вассиана. К отмеченным наблюдениям можно присоединить еще дополнительные, также свидетельствующие об авторстве Вассиана.

Косвенное указание на принадлежность Вассиану «Собрания некоего старца» мы находим в его последнем полемическом сочинении — «Того же инока-пустынника Васьяна на Иосифа, игумена Волоцкаго, собрание от святых правил и от многих книг собрано, и на его ученики и различные межь себя ответы от книг» (в дальнейшем мы будем называть его сокращенно: «Собрание на Иосифа»). В этом сочинении, написанном вскоре после смерти Иосифа,¹ Вассиан как бы подводит итог своей длительной и ожесточенной полемике с игуменом Волоцким. Возражая Иосифу, Вассиан постоянно ссылается на положения, которые уже были высказаны им в «словах сих тетратей». Очевидно, под «словами» Вассиан подразумевал свои произведения, входившие в состав «тетратей» — недошедшего до нас сборника произведений Вассиана, заключительную часть которого составляло упомянутое «Собрание на Иосифа», игравшее роль своего рода резюме по отношению к предшествующим произведениям. В одиннадцатом пункте «Собрания на Иосифа», излагая свои взгляды по вопросу о церковном землевладении, Вассиан пишет: «А о селех: не подобает монастырем сел дрѣжати. О сем писано в 3-м слове сих тетратей». ² Следовательно, «3-е слово» представляло собою особое произведение Вассиана, в котором было сформулировано положение о недопустимости для монастырей владеть вотчинами. Но подобную формулировку из публицистических произведений начала XVI века имеет лишь одно — «Собрание некоего старца». Это лишний раз подкрепляет предположение о принадлежности его Вассиану.

Позже, в 1531 г., на суде, устроенном над Вассианом его злейшим врагом митрополитом Данилом, Вассиан сам подтвердил свое авторство. На суде, среди различных обвинений, Вассиану было предъявлено обвинение в агитации, направленной против вотчинных прав монастырей. Свою обвинительную речь по этому пункту митрополит начал словами: «Писал еси во своих правилах: иноком жити по Евангелию, сел не дрѣжати, ни владети ими; аще ли не хранят своего обещания, сим святое писание муками претит, и огню вечному осуждает, и отступники их именует, и проклятию предает», — т. е. в качестве основного упрека митрополит привел из «правил» — Кормчей Вассиана — то положение, которое было сформулировано в «Собрании некоего старца». ³ На длинную обвинительную речь митрополита Вассиан ответил: «Аз собе писал, на воспоминание своей души». ⁴ Не касаясь сейчас вопроса о мотивах, заставивших Вассиана на суде по-

¹ Основание для этого предположения дают заключительные слова произведения: «Ох! Что будет тебе Иосифе, пред Христом в день судный и с твоими ученики? Ниже у нас еси потребовал прощения, оскрѣбляя нас в божиих заповедех и смущая, ниже сам еси нас простил, отходя на путь вечный. Комуждо по делом его! Аминь». «Православный собеседник», 1863, № 3, стр. 210.

² «Православный собеседник», 1863, № 3, стр. 207.

³ См. Приложение, стр. 410.

⁴ Прение Данила, митрополита московского со старцем Васьяном. Чтения ОИДР. 1847, № 9, стр. 7—8.

пытаться принизить общественное звучание своей агитации, отметим, что Вассиан в своем ответе процитировал часть названия интересующего нас произведения («Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания») и тем самым засвидетельствовал свое авторство.

В настоящее время известно девять списков «Собрания некоего старца», которые могут быть разбиты на три основные группы.

Первая группа представлена одним списком, находящимся в составе рукописи № 1549 Музейного собрания. Эта рукопись представляет собою сборник начала XVII века, содержащий различные религиозно-нравственные, полемические и исторические статьи. Из предисловия сборника явствует, что он был составлен неким «зело священнолепным мужем святыя Росия преименитого града Пскова» и там же переписан по повелению князя, управлявшего городом от «царского синклита».¹ Среди различных статей этого сборника находятся два послания князя Курбского в Печерский монастырь: «О ложных писаний, иже обретаются меж божественных писаний, в Печерской монастырь, некоему старцу» и второе, начинающееся словами: «Писанием сказителю и во мнисех честному моему господину радоватися».² В конце первого послания читается приписка, написанная тою же рукою, что и весь сборник, и в других списках отсутствующая: «Зри, в концы писания сего, что глаголет, слыша бо о себе благочестивый сей муж наветы и умышления великаго князя, еже хотяще убити, и сего ради сице пишет и помышляше, как бы избегнути неправедного его убиения».³ Из этой приписки следует, что сборник был составлен в Пскове, в 60-х годах XVI века, после измены Курбского, и, следовательно, этим временем датируется протограф Музейного списка.

«Собрание некоего старца» Музейного списка в композиционном отношении делится на три четко разграниченные части, каждая из которых имеет свою особую функцию.

Первая часть, позитивная, посвящена изложению взглядов автора на иноческую жизнь. Автор начинает свое произведение с краткого повествования о святом Савве, учившем своими «делесы и словесы» окружающих. Затем он приводит евангельскую заповедь, которой должны следовать иноки: «Вслед мене гряди или последуй ми». Вслед за нею и в логической связи с нею он помещает 84-е правило Василия Великого: «Аще кто не по Евангелию хошет, мы с такими не хошем погибнути, но, спасая и, спасет душу свою». Продолжая рассуждение об иноческой жизни, автор отсылки на Евангелие переходит к ссылке на святых отцов. Он говорит: «И вси святии отцы о отвержении мира писаша: иноком жити по Евангелию и по Апостолу и по Великому Василию — сел не держати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии, питаяся своима рукама». Таким образом, соблюдать иноческие обеты — это значит следовать евангельским заповедям, следование же евангельским заповедям означает отказ от вотчинных прав монастырей — таковы основные положения автора, изложенные им в строгой логической последовательности. Изложение своих взглядов на иноческую жизнь автор заканчивает указанием на те кары-муки и огонь вечный, которые уготованы инокам, не хранящим «своего обещания».⁴

Во второй части произведения, полемической, автор вступает в полемику с защитниками вотчинных прав монастырей. Он говорит: «Аще ли кто възглаголет: Преже сего монастыри со землями жили, но несть тако».

¹ БЛ, Музейн. собр., № 1549, лл. 1—3.

² Там же, лл. 218—249 об.

³ Там же, лл. 222 об. — 223.

⁴ См. Приложение, стр. 409—410.

В подтверждение этого положения автор приводит примеры святых, основателей монастырей, восточных и греческих а также русских, которые «сел у монастырей своих не имели».¹ Интересные результаты дает сопоставление этой части произведения Вассиана с текстом доклада собора 1503 года Ивану III.² На соборе 1503 года правительством Ивана III был поставлен вопрос о секуляризации церковных земель. Большинство собора решительно отвергнуло план секуляризации, и собор составил доклад великому князю в защиту неприкосновенности церковных имуществ.³ В докладе исконность вотчинных прав монастырей обосновывалась, в частности, и ссылкой на древних чудотворцев, которые «все села имели». В соборном докладе и в «Собрании некоего старца» фигурируют почти одни и те же имена святых, — следовательно, центральная часть произведения Вассиана была направлена против соборного решения и имела своей целью опровержение одного из важнейших аргументов в защиту монастырского землевладения.

Третья часть «Собрания некоего старца» посвящена обличению нарушения своих обетов иноками, которые «преступив заповеди божия и отец своих учения, села к монастырем емлют и покупают и владеют ими». Напомнив еще раз, что не хранящих заповеди божия ожидает «мука вечная» и «геона огненная», автор, обращаясь к читателю, пишет: «И во Апостоле, и во святых отец писании, многа такова запрещенія обрящеши не хранящим заповеди божия». И далее, как бы раскрывая эту общую отсылку, он приводит выдержки из сочинений Илариона, Аммона, Мины и других святых отцов, а также Апостола, рисующие яркую картину недостойного поведения иноков, которые подобно мирским людям имеют «нивы, и езера, и пажити, и скоты, и дома твердо ограждени»; предаются «безгодному упиванию»; двери своих келий укрепляют замками «имения ради», в них лежащего; в случае смерти игумена «мздами» и «ласканием» стремятся занять его место и т. д. Он напоминает об ответе, который должны понести нарушители заповедей в день страшного суда, когда «вся тварь со страхом и трепетом предстанет судишу его страшному» и когда нельзя будет скрыть «ни словеса», «ни помышления». Свое произведение автор заканчивает обращением к инокам: «Зрите, братие, разумно, не творит ли ся ныне тако при нашею очю, яко же святини прорекоша, вси бо уклонишася на имения и о том упражняхуся и печажуся, а о церквах божиих и о монастырех не радяху и презираху, токмо себе питаху, и одеяху, и о сродстве печажу ся, и не бога ради живуще, но чрева ради. Сего ради господь бог предаст их всех под мечь и на расхищение и в плен, яко же Иеросалима, и все бысть в запустение последнее, и не бысть никого же вселяющихся к тому в тех святых местах».⁴

«Собрание некоего старца» Музейного списка представляет собою яркое публицистическое произведение, рассчитанное на пропаганду идей автора в обществе. Оно написано в форме поучения, обращенного к инокам с целью побудить их следовать своим обетам и, в первую очередь, обету нестяжания.

Ко второй группе списков «Собрания некоего старца» могут быть отнесены три списка, находящиеся в составе списков Кормчей Вассиана середины и второй половины XVI века — собрание Пискарева, № 228/39; собрание Толстого, № 169 (ныне F.II.74); ЦГАДА, ф. 181, № 1597.

¹ См Приложение, стр. 410.

² Текстуальное сопоставление см. ниже, стр. 395—396.

³ БЛ, Волоколамск. сб., № 514, лл. 430—435. См. также: А. Павлов. Исторический очерк секуляризации. ... стр. 45—46.

⁴ См. Приложение, стр. 410—414.

В этих списках «Собрание некоего старца» сохраняет свою трехчленную композицию. Первая, позитивная, часть, в которой автор излагает свои взгляды на иноческую жизнь, совпадая по содержанию с первой частью Музейного списка, отличается от нее отдельными разночтениями и наличием длинного ряда ссылок на священное писание, причем, как правило, эти ссылки глухие — с указанием Евангелий и зачал, но без приведения текстов.¹

Вторая часть, содержащая полемику с соборным докладом, также совпадает с аналогичной частью Музейного списка. Единственное существенное различие между ними заключается в следующем: в рассматриваемых списках Кормчей после указания о том, что русские святые, основатели монастырей, сел к своим монастырям «не имели» и также учили поступать своих учеников, следует указание на то, что епископам у соборных церквей разрешается иметь села «нищих ради или убогих». В Музейном списке последнего указания нет.²

Третья часть «Собрания» в списках Кормчей Вассиана начинается, так же как в Музейном списке, с указания на нарушения своих обетов иноками, которые, «преступив заповеди божиа и отець своих учения, села к монастырем емлют и покупають и владеють ими». Но после слов «А во Апостоле и в святых отець писании, многаа таковаа запрещения нехранищим заповеди божиа» начинается коренное различие: в Музейном списке далее следует, как мы уже указывали, подборка текстов из святоотеческой литературы и Апостола, имеющая целью обличение иноков и напоминание им об их обещании; в списках Кормчей — короткие и глухие (без текстов) ссылки на Никона, Великого Василя и Пахомия, затем рассмотрение правил церковных соборов, касающихся монастырского землевладения (эти правила трактуются в отрицательном для монастырей смысле), и, наконец, переводные соборные правила и толкования к ним Феодора Вальсамона, посвященные также в значительной степени вопросу о монастырском землевладении.³

Особенностями данной группы списков «Собрания некоего старца» является отсутствие обращения к инокам, насыщение текста ссылками на священное писание и правила церковных соборов, подчинение всего материала задаче канонического обоснования нестяжательности монастырей. Эти особенности позволяют рассматривать списки второй группы как списки особой редакции «Собрания некоего старца», написанной в форме канонического трактата, предназначенного для включения в Кормчую.

Рассматриваемая редакция представлена двумя видами: полным (списки Толстовский и ЦГАДА), заканчивающимся соборными правилами с толкованиями Вальсамона, и неполным (Пискаревский список), в котором эти правила отсутствуют. Текст Пискаревского списка кончается рассуждением Вассиана о противоречиях, имеющих в правилах церковных соборов по вопросу о монастырском землевладении. Указав, что одни правила соборов «не повелевают в мирьская вступатися иноком по своему обещанию ни в села, ни в что ино», Вассиан далее замечает: «А в том же соборе 4-м 24-м правиле писано у манастырей селам быти, и в 18-м правиле 7-го собора — ино которым верити? Чим то разрешити? Токмо Евангелием и Апостолом и святыми правилы. А в богородцких правилех в греческих сел манастырем деръжати не писано же».⁴

¹ См. Приложение, стр. 414—415.

² См. Приложение, стр. 410, 415—416.

³ См. Приложение, стр. 416—419.

⁴ См. Приложение, стр. 416, прим. 23.

В списках ЦГАДА и Толстовском вместо этого текста, носящего характер рассуждения автора с самим собой, читается категорическое утверждение о том, что в русских правилах подписано ложно, что монастырям владеть селами, а в богородских правилах греческого письма, которые вывезены в Москву митрополитом Фотием, писано к монастырям сел не держать. Вслед за этим утверждением следует перевод трех соборных правил и толкований к ним Вальсамона.¹ Текст Пискаревского списка по сравнению с текстами списков ЦГАДА и Толстовским производит впечатление незавершенности: мысли автора еще не получили в нем того законченного выражения, какое они имеют в двух последних списках. Это позволяет считать вид, представленный Пискаревским списком, более ранним.

Указанные списки полного вида (ЦГАДА и Толстовский) имеют и внешнее отличие. На нижнем поле листов двух последних списков имеется скрепа, содержащая следующий текст: «О заповедех божиих достаточно поучение в Еуангалие воскресном. Вкратце августа 1-й и на Семен день летопровождение о сем же три поучения».

Третья группа списков «Собрания некоего старца» включает в свой состав три списка — Кормчей Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря В 5636/399 второй половины XVI века, сборника № 566 Волоколамского собрания середины XVI века, сборника № 573 собрания Ундольского второй половины XVI века.

Списки третьей группы также представляют собою канонический трактат, но они существенно отличаются от списков второй группы. Наиболее ярко особенности списков этой группы проявляются в Суздальском списке, поэтому мы используем его для характеристики группы в целом. Первая и вторая части Суздальского списка² по содержанию совпадают с соответствующими частями списков второй группы, но отличаются от них отдельными вариантами и разночтениями. Третья часть Суздальского списка³ отличается от третьей части списков предыдущей группы не только отдельными вариантами и разночтением, но и содержанием. Если в списках второй группы эта часть включала главным образом правила церковных соборов, касающиеся монастырского землевладения, то в Суздальском списке наряду с указанными правилами фигурируют правила, регулирующие жизнь монастыря, — о поставлении в игумены, о постригающих и постригающихся и т. д., а также тексты, направленные против идейных противников автора, — о муже, который «мневша в себе мудр быти», о «кривосказующих» и «блзнителях»: «кто от своего разума учить и глаголеть — сии есть от лукаваго» и т. д.

Суздальский список «Собрания» отличается, таким образом, от списков из Кормчих Вассиана не только текстуально, но и более широким кругом затронутых вопросов. Это позволяет говорить о том, что Суздальский список представляет иную редакцию канонического трактата, отличную от той, которая сохранилась в списках Кормчей Вассиана. Целью этой редакции является не только каноническое обоснование нестяжательности монастырей, но и регулирование жизни монастыря в целом. На нижних полях листов Суздальского списка имеется та же скрепа, что и в списках Толстовском и ЦГАДА.

Списки Волоколамский и Ундольского представляют ту же редакцию канонического трактата, что и Суздальский список. Только если Суздаль-

¹ См. Приложение, стр. 416—419.

² См. Приложение, стр. 419—421.

³ См. Приложение, стр. 421—426.

ский список представляет ее полный вид, то списки Волоколамский и Ундольского — сокращенный. В названных списках отсутствуют соборные правила, трактующие вопрос о монастырских селех (в списке Ундольского имеется только начало этих правил), и тексты о «кривосказующих», «блазнителях» и т. д. В остальном, по кругу затронутых вопросов, а также текстуально списки Волоколамский и Ундольского повторяют полный вид рассматриваемой редакции, представляя собою различные степени ее сокращения. Вторичность списков Волоколамского и Ундольского доказывается тем, что скрепа, расположенная на нижнем поле листов Суздальского списка, отдельными частями вошла в их текст, порою, как это имеет место, например, в Волоколамском списке, разрывая фразы.¹ Вот яркий пример такого разрыва:

Суздальский список

София и с нею 160 жен приаша житие удаление от мирских вещей; апостол же тех острици поселе и в сукняны ризы черныа одеати их...

Волоколамский список

София и с нею 160 жен о заповедех божих² приаша житие удаление от мирских вещей; апостол же тех острици поселе и в сукняны ризы черныа одеати их...³

За пределами указанных трех групп списков «Собрания некоего старца» остаются два списка — сборника № 1451 Софийского собрания первой четверти XVI века и сборника № 466 собрания Забелина второй половины XVII века. Поскольку эти списки не имеют значения для определения основных вех истории текста, постольку сейчас говорить о них мы не будем.⁴

II

Каково же взаимоотношение между собою трех основных групп списков «Собрания некоего старца»?

Ряд наблюдений позволяет высказать предположение о том, что Музейный список передает первоначальную редакцию произведения.

В последнем полемическом сочинении Вассиана — «Собрании на Иосифа» — имеется, как мы уже указывали, ссылка на раннее произведение Вассиана, которое обозначено как «3-е слово сих тетратей» и под которым следует понимать «Собрание некоего старца». Но эта ссылка дает указание не только на принадлежность Вассиану «Собрания некоего старца», но и на наличие ранней редакции произведения, предшествовавшей той, которая была написана для Кормчей в форме канонического трактата. Полный текст этой ссылки гласит: «А о селех: не подобает монастырем сел дрѣжати. О сем писано в 3-м слове сих тетратей. А у со-

¹ Происхождение списка Ундольского сложнее, чем Волоколамского. Волоколамский список непосредственно восходит к сокращенному виду рассматриваемой редакции, так как он близок к Суздальскому списку и по содержанию и по чтениям. Список Ундольского также несомненно представляет сокращенный вид этой редакции: в нем содержатся правила и тексты, в списках других редакций отсутствующие; в его текст вошла скрепа (правда, в иных сочетаниях, чем в текст Волоколамского списка; см. Приложение, стр. 420, прим. 54—55). Но в то же время список Ундольского какими-то неизвестными путями связан с редакцией, представленной списками Пискаревским, ЦГАДА и Толстовским, ибо его текст в ряде случаев имеет чтения, характерные для названных списков

² Слова «о заповедех божих» являются началом скрепы.

³ См. Приложение, стр. 420 и прим. 29.

⁴ О Софийском списке см. ниже, стр. 407, прим. 2. Забелинский список, восходящий, по видимому, к Толстовскому списку, ввиду его позднего происхождения и отсутствия данных, важных для реконструкции основной истории текста, мы рассматривать вообще не будем.

борных церквей и у мирских повелевают святая правила земли дрѣжати, но не епископу ими владети, ни попом, но все церковное богатство ведати иконому и давати от него, с епископа доклада и с всего его священного събору попов его, причетником церковным всем комуждо что на потребу, тако же и нищим и убогим, и плененых окупати и всяким в убожестве живущим помогати».¹ В рассматриваемом отрывке Вассиан формулирует два тезиса: о том, что у соборных и мирских церквей разрешается иметь земли для нужд нищих и убогих, — при этом он делает ссылку на «святые правила» (т. е. на правила Кормчей книги),² и о том, что «не подобает монастырем сел дрѣжати»; при этом он делает ссылку на «3-е слово сих тетратей». Если бы под «3-м словом» Вассиан понимал свой канонический трактат, то ему незачем было бы делать две разные ссылки, так как в каноническом трактате присутствуют оба тезиса — и о недопустимости для монастырей владеть селами, и о разрешении соборным и мирским церквам иметь земли.³ Очевидно, в то время, когда Вассиан писал свое «Собрание на Иосифа», канонический трактат, включенный в 1517 году в Кормчую, еще не был им написан⁴ и под «3-м словом» он понимал иную редакцию «Собрания некоего старца», в которой имелось только первое положение — о том, что монастырям не подобает держать сел. Именно так обстоит дело в редакции, представленной Музейным списком.⁵

О первоначальности этой редакции говорит и сопоставление списков «Собрания некоего старца» с текстом доклада собора 1503 года. Как уже было отмечено выше, центральная, полемическая часть «Собрания некоего старца» была написана с целью опровержения одного из аргументов соборного доклада в защиту монастырского землевладения. Это подтверждается не только ее содержанием, но и синтаксическим и стилистическим строем текста, который находится в прямой зависимости от текста соборного доклада.⁶

Доклад собора 1503 года	Музейный список	Список ЦГАДА	Суздальский список
<p>Таж и монастыри имели села в прежних летех, после великаго Антония: преподобный и великий отец наш Геласий чудотворец села имел, и Афанасий Афоньский села имел, и Феодор Студиский села имел, и святой Симеон новый богослов в своем писании являет, что от сел и виноградов монастыри состоятся и лавры.</p>	<p>Аще ли кто възгаголет: Прже сего монастыри со землями жили, но несть тако. Но прже сего вси святии отци начальници сел у монастырей не держали: ни Антоней, ни Пахомей Великий, ни Ларион, ни Еуфимий Великий, ни Сава Освященный, ни Феодосий Великий, ни Аполоний Великий, ни Симеон Чю-</p>	<p>Аще ли кто възгаголет: Прже сего монастыри з землями жили, но несть тако. Но прже сего вси отци начальници сел у монастырей не дрѣжали: ни Пахомей Великий, ни Ларион Великий, ни Евфимий Великий, ни Сава Освященный, ни Феодосий Великий, ни Симеон Чюдотворецъ, иже на Дивней горе, ни Афонасей Афонь-</p>	<p>Аще ли кто възгаголет: Прже сего монастыри землями жили, но несть тако. Но прже сего вси святии отци начальници сел у монастырей не дрѣжали: ни Пахомей Великий, ни Ларион Великий, ни Евфимий Великий, ни Иоанн Лествичник, ни Сава Освященный, ни Феодосей Великий, ни Аполоний Великий, ни Симеон</p>

¹ «Православный собеседник», 1863, № 3, стр. 207.

² Очевидно в рассматриваемом отрывке Вассиан имел в виду следующие правила Кормчей книги: правило 26 Халкидонского собора и правило 55 святых апостолов (Книга Кормчая, 1787, гл. 13, л. 104; гл. 1, л. 16).

³ См. выше, стр. 392.

⁴ Это наблюдение дает основание для уточнения датировки «Собрания на Иосифа»: оно было написано после смерти в 1515 г. Иосифа Волоцкого (см. выше, стр. 389, прим. 1) и до составления Вассианом в 1517 году Кормчей.

⁵ См. выше, стр. 392; см также Приложение, стр. 410.

⁶ Для сопоставления мы берем списки, полнее всего передающие особенности различных редакций «Собрания некоего старца».

И в нашей Рустей земли чудотворцы Антоний Великий и Феодосий Печерская, и Варлаам Новгородский, и Дионисие и Дмитрие Вологодские — вси села имели.¹

дотворец, иже на Дивней горе, ни Афанасий Афонский, ни Феодор Студийский, ни иные прежние начальницы сел у монастырей не имели. . .

Тако же и Росийския земли здешнии начальницы и чудотворцы, Антоний и Феодосие Печерский, иже в Киеве, и Сергей Радонежский, и Кирил Белозерский, и Варлаам Новгородский, и Дмитрие и Дионисие Вологодские, и Ефросин Псковский — сел ко своим монастырем не имали. . .²

ский, ни Феодор Студитыцкий, ни иные прежние начальницы сел у монастырей не имели. . .

Тако же и Росейския земли здешние наши начальницы и чудотворцы, Антоний и Феодосий Печерский, иже в Киеве чудотворцы, и Сергей Радонежский, и Кирил Белозерский, и Варлаам Новогородский, и Денисей Глушитский, и Дмитрией Прилутский, и Павел Комельский — сел к своим монастырем не имали. . .³

Чюдотворецъ, иже на Дивней горе, ни Афонасей Афонский, ни Федор Студийский, ни иные прежние начальницы сел у монастырей не имели. . .

Тако же и Росейския земли здешние начальницы и чудотворцы, Антоний и Феодосей Печерский, иже в Киеве чудотворцы, и Сергей Радонежский, и Кирил Белозерский, и Варлаам Новгородский, и Денисей Глушитский, и Дмитрией Прилутский, и Павел Комельский — сел к своим монастырем не имали. . .⁴

Произведенное текстуальное сравнение наглядно показывает, что наиболее близким к тексту доклада является текст Музейного списка: перечень святых в Музейном списке больше всего совпадает с перечнем святых, имеющимся в докладе.⁵ Так, в докладе перечень восточных и греческих святых начинается с Антония, в Музейном списке этот перечень также начинается с Антония, в других же списках «Собрания некоего старца» упоминания Антония вообще нет. В числе русских святых в докладе названы Дионисий и Дмитрий Вологодские, в Музейном списке эти святые также упоминаются как Дионисий и Дмитрий Вологодские, в других же списках они фигурируют как «Дионисей Глушитский» и «Дмитрей Прилутский». Близость текста Музейного списка к тексту соборного доклада наводит на мысль о том, что Музейный список в наибольшей степени передает текст архетипа произведения Вассиана.

Эта мысль подкрепляется и сопоставлением Музейного списка со списками еще одного памятника — «Наказания к иноку, отрешшемуся от мира» Илариона Великого.⁶ Выше уже отмечалось, что текст Музейного списка включает отрывки из «Наказания» Илариона. Сравнение текста этих отрывков с текстом списков «Наказания» Илариона⁷ показывает, что тот текст «Наказания», которым пользовался автор «Собрания», представляет собою отклонение от обычного. Аналогичный Музейному вариант «Наказания» Илариона обнаружен нами только в одной руко-

¹ А. Павлов. Исторический очерк секуляризации. . ., стр. 45—46.

² См. Приложение, стр. 410.

³ См. Приложение, стр. 415—416.

⁴ См. Приложение, стр. 421.

⁵ Имя Евфросина Псковского в архетипе произведения отсутствовало. Оно попало в Музейный список при позднейшей переписке произведения в Пскове (см. выше, стр. 390).

⁶ Об этом памятнике см.: Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, стр. 91—105.

⁷ Ср. издание «Поучения Илариона» (Ученые записки Казанского университета, 1865, т. 1, стр. 57—79), а также списки, имеющиеся в ГПБ: Соловецк. собр., № 941/831, лл. 302—314 об.; № 963/853, лл. 282 об—303 об.; Кирилло-Белозерск. собр., № 26/1103, лл. 1—20; Q.I.239, лл. 121—158; Q.I.225, лл. 503—531; Q.I.64, лл. 653—675.

писи — сборнике № 1468 Софийского собрания.¹ Этот сборник представляет собою 37-ую книгу Тушина,² видного деятеля Кирилло-Белозерского монастыря, умершего в 1526 году. Однако текст «Наказания» списка Тушина и текст отрывков «Наказания», находящихся в Музейном списке «Собрания некоего старца», не могут восходить один к другому: они имеют разночтения, наглядно показывающие, что оба текста восходят к одному общему протографу. Этим протографом мог быть лишь редкий вариант «Наказания» Илариона, имевшийся в первой четверти XVI века в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря, которым пользовались и Гурий Тушин, проживший в монастыре до самой своей смерти, и Вассиан, находившийся в нем в период своей ссылки, до 1508 года.

В пользу предположения о первоначальности редакции, представленной текстом Музейного списка, свидетельствует также, как об этом мы будем говорить ниже, наличие в нем лучших чтений и соответствие его содержания идейному замыслу автора.³

Отметив наблюдения, позволяющие высказать предположение о первоначальности редакции, представленной Музейным списком, перейдем к выяснению вопроса о взаимоотношении между собой тех редакций «Собрания некоего старца», которые представлены списками второй и третьей групп. Одну из путеводных нитей для выяснения этого вопроса дают наблюдения над скрепой, которая, как мы уже отмечали, имеется в списках ЦГАДА, Толстовском и Суздальском. Скрепа расположена в этих списках следующим образом:

Скрепа	Список ЦГАДА ⁴	Суздальский список	Пометки, имеющиеся только в Суздальском списке
о заповедех божиих достаточно	л. 317 об. л. 318 л. 318 об.	л. 509 об. л. 510 л. 510 об.	(верхнее поле)
поучение	л. 319	л. 510 об. л. 511	(нижнее поле)
в Буангалие	л. 319 об.	л. 511 об. л. 512—518 об. л. 519	О отвержении же мира зри в Воскресном евангелии в 3-ю неделю поста. <i>Поля чистые в Евангелии</i>
воскресном вкратце августа 1-й и на Семен день летопровождение	л. 320 л. 320 об. л. 321 л. 321 об. л. 322	л. 519 об. л. 520 л. 520 об. л. 521 л. 521 об. л. 522	<i>Имеется примечание к тексту, не оставившее места для скрепы. Поле чистое</i>
о сем же три поучения	л. 322 об. л. 323	л. 522 об. л. 523 л. 523 об. л. 524—524 об.	<i>Поля чистые.</i>

¹ ГПБ, Софийск. собр., № 1468, лл. 17 об.—21 об.

² См. собственноручную запись Гурия Тушина на л. 182 сборника № 1468 Софийского собрания.

³ См. ниже, стр. 400—403.

⁴ В Толстовском списке скрепа распределена по листам с тою же последовательностью, что и в списке ЦГАДА.

Из наблюдений над расположением скрепы можно сделать несколько важных выводов.

1. В списках ЦГАДА и Толстовском скрепа распределена равномерно по всем листам, в Суздальском же списке она расположена с разрывами — вследствие большего объема текста ряд листов остался без скрепы; встречаются повторения (на лл. 511 об. и 519); на поле л. 511 помещен текст, не имеющий отношения к тексту скрепы. Все это позволяет сделать заключение о том, что скрепа была перенесена из редакции, представленной списками ЦГАДА и Толстовским, в редакцию, представленную Суздальским списком.

2. В Суздальском списке скрепа имеется на тех листах, текст которых совпадает с текстом списков ЦГАДА и Толстовским либо по содержанию, имея отдельные варианты и разночтения (лл. 317 об.—319 списка ЦГАДА и лл. 509—513 Суздальского списка, содержащие изложение взглядов автора на иноческую жизнь и полемику с соборным докладом), либо полностью — и по содержанию и по чтениям (лл. 319 об.—323 списка ЦГАДА и лл. 519—523 об. Суздальского списка — на этих листах изложены правила соборов и толкований к ним Вальсамона, касающиеся вопроса о церковных имуществах). Отсюда видно, что одним из источников редакции канонического трактата, представленной Суздальским списком, является полный вид предшествующей редакции, который представлен списками ЦГАДА и Толстовским.

3. В Суздальском списке остались без скрепы лл. 513 об.—518, на которых изложены различные правила, регулирующие иноческую жизнь, — о поставлении в игумены, о постригающихся и т. д., а также выдержки из священного писания о «кривоказующих» «блазнителях» и т. д. Этот текст в списках ЦГАДА и Толстовском отсутствует. Решить вопрос о его источниках позволяет сопоставление с последним полемическим сочинением Вассиана — «Собранием на Иосифа». Начало «Собрания на Иосифа» составляет отрывок, включающий притчу о муже, который «мнеша себе мудра быти», и длинный ряд ссылок на священное писание. Этот отрывок мы находим и в Суздальском списке в составе текста, отсутствующего в списках предшествующей редакции. Отрывок по содержанию и форме — текст из священного писания с системой ссылок — несомненно представляет собой кусок канонического трактата. Но ведь наиболее ранняя из сохранившихся редакций канонического трактата — редакция, находящаяся в списках Кормчей Вассиана — относится к 1517 году, а «Собрание на Иосифа» датируется 1515—1517 годами, т. е. временем до составления Кормчей.¹ Возникшее недоумение может быть разрешено только одним путем — путем предположения о том, что редакции канонического трактата, сохранившейся в списках Кормчей Вассиана, предшествовала другая, более ранняя редакция канонического трактата, по отношению к которой редакция Кормчей (списки ЦГАДА, Толстовский и Пискаревский) являлась второй, а редакция, представленная списками Суздальским, Волоколамским и Ундольского, — третьей. Интересующий нас текст Суздальского списка восходит к первой несохранившейся редакции канонического трактата.

Что же представляла собою первая редакция канонического трактата? Составить представление о ней можно путем сравнения текстов списков Суздальского, ЦГАДА, Толстовского, Пискаревского и Музейного. Первая и вторая части «Собрания некоего старца», посвященные изложению взглядов автора на иноческую жизнь и его полемики с соборным докла-

¹ См. выше, стр. 395, прим. 4.

дом, во всех названных списках по содержанию в основном совпадают. Следовательно, аналогичное содержание должны были иметь первые две части первой редакции канонического трактата, являвшейся промежуточ-

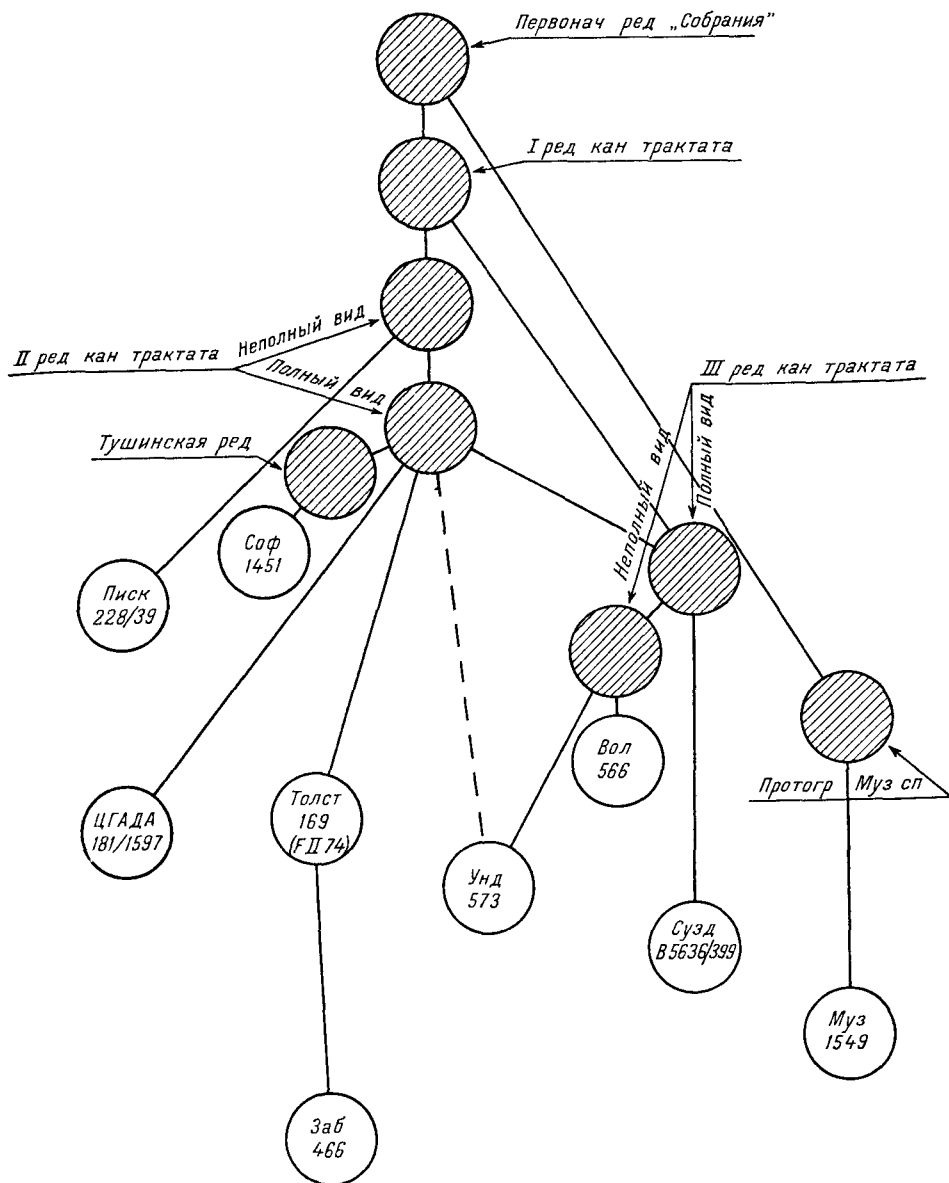

Схема взаимоотношения списков «Собрания некоего старца».

ным звеном между первоначальной редакцией «Собрания некоего старца» (Музейный список) и второй редакцией канонического трактата (списки ЦГАДА, Толстовский, Пискаревский). Но в то же время текст первой редакции канонического трактата имел чтения, отличные от текста второй его редакции, которые были заимствованы из текста первоначальной

редакции «Собрания некоего старца». Только при этом предположении становится понятным наличие в Суздальском и Музейном списках одинаковых чтений: в третью редакцию канонического трактата, представленную Суздальским списком, они попали из несохранившейся первой редакции канонического трактата, а в нее — из первоначальной редакции «Собрания» (Музейный список). Таким образом, текст первых двух частей Суздальского списка (лл. 509—513) в своей основе (но не полностью)¹ восходит к тексту первой редакции канонического трактата. К первой редакции канонического трактата восходит и та часть текста Суздальского списка (лл. 513 об.—518 об.), которая содержит правила, регулирующие монастырскую жизнь, и подборку текстов из священного писания, направленных против идейных противников автора. Текст первой редакции кончался притчей о муже, который «мневша в себе мудр быти».²

Отличительной чертой первой редакции канонического трактата являлась пестрота ее содержания, что объясняется, возможно, с одной стороны, неотделанностью произведения, а с другой — первоначальным замыслом автора, согласно которому канонический трактат должен был не только служить обоснованию нестяжательности монастырей, но и представлять собой руководство для монастырской жизни.

Из всего сказанного выше следует, что третья редакция канонического трактата возникла в результате соединения первой и второй. Однако это соединение не было механическим. При составлении третьей редакции канонического трактата текст предыдущих редакций подвергся переработке и в него были сделаны вставки, которые легко выделяются, так как они разрывают органическую ткань текста: «А в Воскресном евангелии в толковом в неделю 30 слово 50» (см. ниже, стр. 420) — эта вставка разрывает ссылки на Евангелие «тетр.» «И в Деонисие Ареопагите таинство иночьскаго совершениа от задние доски ближе. Сентепря 24, Феклине мучение. Рече же Фекла к Павлу: Да постригуся и вслед тебе хожду, а може еще идеши» (стр. 420) — вставка,рывающая ссылки на Апостол. «И в Лествици слово 1 о отвержении мира» (стр. 420) — также вставка, не связанная с текстом. «И в уставе о нестяжании чюжих трудов глава 63» (стр. 420) — фраза,рывающая тексты священного писания. «Ни Иоани Лествичник» (стр. 421) — добавлено в перечень святых отцов, поскольку составитель третьей редакции пользовался «Лествицей», и т. д.

Основные вехи истории текста «Собрания некоего старца» можно проиллюстрировать целым рядом текстологических примеров.

Первоначальная редакция «Собрания» (Музейный список)	Вторая редакция канонического трактата (список ЦГАДА)	Третья редакция канонического трактата (Суздальский список)
Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания и о отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы.	Събрание некоего старца на въспоминание своего обещания от святого писанна. О отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы.	Събрание некоего старца на воспоминание своего обещания. О отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы. ³

¹ Отдельные места текста этой части Суздальского списка восходят ко второй редакции канонического трактата или же представляют собой вставки, сделанные составителем третьей редакции (см. ниже, стр. 400).

² Последующий текст Суздальского списка, содержащий изложение соборных правил и толкований к ним Вальсамона, заимствован из второй редакции (см. выше, стр. 398).

³ См. Приложение, стр. 409, 414, 419.

Заголовок Музейного списка соответствует замыслу произведения, цель которого напоминать инокам «о своем обещании и о отвержении мира»; отсутствием слова «от святого писания», так как «Собрание» представляло собой подборку текстов главным образом из святоотеческой литературы. В списке ЦГАДА сохраняется прежний заголовок, но он уже не в полной мере отражает содержание произведения, которое является одной из статей свода церковных законов и имеет своим назначением каноническое обоснование нестяжательности монастырей; закономерно добавление слов «от святого писания», так как «Собрание» основано теперь в первую очередь на материале священного писания. Суздальский список повторяет, вероятно, заголовок первой редакции канонического трактата, который совпадал с заголовком первоначальной редакции «Собрания».

Вдавши себе богови, и вручив ся честному житию, и печатлев свою душу целованием свягата Евангелия пред многими послухи, и прекоснувся десною рукою на поручение честнаго послушания ко своему игумену, должен есть опасно сохранить ся. И сидевыми делесы и словесы Великий Сава душа их кормити и напояти не престаше, дель и образ подавая им, яко же крила им даяше, и летати их учаше, и выше небеси устрашаше.

Въдав себе богови, и вручив ся честному житию, и печатлев свою душу целованием свягата Еуангелия пред многими послухы, и прикоснувся десною рукою на поручение честнаго послушания к своему игумену, и сидевыми делесы и словесы Великий Сава душу их кърмляше, и напояти не престаше, и крыла им даяше, летати и учааше, выше небеси въсходите поучаше.

То ж, что в Музейном списке.

... и выше небеси восходите устрааше.¹

Текст первого абзаца Музейного списка лучше, полнее, в нем яснее выражены образы, введенные писателем. Таким же был текст первого абзаца первой редакции канонического трактата, повторенный в третьей редакции (Суздальский список). Во второй редакции текст сокращен, образность снижена² — это следствие дальнейшей переработки произведения в трактат, имевший целью каноническое обоснование нестяжательности монастырей и предназначенный специально для включения в Кормчую.

Но преже сего вси святии отцы началници сел у монастырей не держали. . .

Но преже сего вси отци началници сел у манастырей не държали

То же, что и в Музейном списке.³

«Святнии отцы» Музейного списка лучше, чем просто «отцы» списка ЦГАДА, ибо далее в тексте перечислены именно те восточные и греческие святые, за которыми закрепилось наименование «святых отцов».

Тако же и Росийския земли здешнии началници и чудотворци. . . сел ко своим монастырем не имали, но своих учеников учили по Евангелию жити и по иноческому

Тако же и Росейскыа земли здешние наши началници и чудотворци. . . сел к своим монастырем не имали, но своих учеников учили по Еуангелию жити и по ино-

Тако же и Росейскыа земли здешние началници и чудотворци. . . сел к своим монастырем не имали, но своих учеников учили по Евангелию жити и по иномь-

¹ См. Приложение, стр. 409, 414, 419—420.

² Здесь перед нами не порча текста, а именно сокращение, ибо весь текст первого абзаца второй редакции понятен и образы его — «сидевыми делесы и словесы. . . душу их кърмляше, и напояти на престаше и крылы им даяше» — тоже понятны, только выражены они лаконичнее.

³ См. Приложение, стр. 410, 416, 421.

обещанию, но и паче запрашали им о сем своим писанием — в мирския ни в какие вступитися вещи.

ческому обещанию. Понеже села держати епискупом у соборныя церкви нищих ради или убогих, и иное церковное богатство, а не иноком, ни монастырем по своему обещанию. И аще кто целомудрен смысл имеет по бозе, и правила тако же повелевают, напаче запрашали им о сем своим писанием, ни в мирския вещи ни в какиа вступитися.

скому обещанию, но и паче запрашали им о сем своим писанием, ни в мирския ни в какие вступитися вещно. Понеже села дръжати епискупом у соборныя церкви нищих ради или убогих, и иное церковное богатство, а не иноком, ни монастырем по своему обещанию. И аще кто целомудрен смысл имеет по бозе, и правила тако же повелевают, напаче запрашали им о сем своим писанием, ни в мирские вещи никакие вступитися.¹

Этот отрывок особенно интересен для иллюстрации движения текста. Текст Музейного списка несомненно первоначальный, — логичный, без всяких вставок. Этот текст был повторен в первой редакции канонического трактата (см. первую фразу приводимого отрывка Суздальского списка: «Тако же и Росейския земли... ни в мирские ни в какие вступитися вещно»). Во второй редакции канонического трактата (список ЦГАДА) текст разорван вставкой, которая начинается словами: «Понеже села держати...» и кончается словами: «и правила тако же повелевают». Появление первой части этой вставки: «Понеже села держати епискупом у соборныя церкви нищих ради или убогих, и иное церковное богатство, а не иноком, ни монастырем по своему обещанию» — связано с той полемикой вокруг вопроса о церковном землевладении, которая велась между Вассианом и Иосифом и которая нашла отражение в последнем полемическом сочинении Вассиана — «Собрании на Иосифа». Иосиф упрекал Вассиана в том, что тот учил великого князя «и вся благородныя человеки» «у монастырей и у мирских церквей села отъимати». На это Вассиан отвечал: «... сие, Иосифе, на мя не лжеш, что аз велю великому князю у монастырей села отъимати, а не у мирских церквей».² И чтобы отвести упреки своих оппонентов и внести ясность в этот вопрос, Вассиан вводит в «Собрание на Иосифа» специальный пункт о том, что соборным и мирским церквям разрешается иметь земли,³ а в 1517 году, когда он закончил работу над второй редакцией своего канонического трактата, это положение он внес и в канонический трактат. Появление второй части этой вставки: «И аще кто целомудрен смысл имеет по бозе, и правила тако же повелевают» — объясняется следующим образом: о своей работе над Кормчей Вассиан, как об этом сообщается в специальной записи, включенной в Кормчую, докладывал митрополиту Варлааму и всему священному собору, и они «не велели ничего выставливати, глаголя, кто целомудр разум имеет, тот лучшего держится, еже есть по бозе, тако же и мы хотим и благословляемь».⁴ Таким образом, слова «аще кто целомудрен смысл имеет по бозе» заимствованы Вассианом из ответа митрополита. Включая эти слова в свой канонический трактат, Вассиан хотел показать соответствие своих «правил» разуму целомудренному, а также подчеркнуть, что они были составлены с благословения митрополита. В третьей редакции канониче-

¹ См. Приложение, стр. 410, 416, 421.

² «Православный собеседник», 1863, № 3, стр. 207—208.

³ См. выше, стр. 394—395.

⁴ ЦГАДА, фонд 181, № 1597, л. 3а.

ского трактата, которая представляет собой соединение первых двух, в рассматриваемом отрывке был соединен текст первой редакции (первая фраза Суздальского списка) с текстом второй редакции (последующие фразы Суздальского списка), отчего слова: «но и паче запрещали им о сем своим писанием — ни мирския ни в какия вступатися вещи» — оказались повторенными два раза.

И во Апостоле, и в святых отец писании многа такова запрещениа обрящеши не хранящим заповеди божия.

А во Апостоле и в святых отецъ писании многаа таковаа запрещениа не хранящим заповеди божия

А в Апостоле и в святых отецъ писании многаа таковаа запрещениа не хранящим заповеди божия.¹

За этой фразой и до конца страницы следует текст, различный во всех редакциях. В первоначальной редакции произведения Вассиана (Музейный список) помещены отрывки из сочинений святых отцов и Апостола, в которых речь идет о назначении иноков, о нарушении ими обетов и о карах, ожидающих нарушителей, «не хранящих заповеди божия»; во второй редакции канонического трактата (список ЦГАДА) — нераскрытые ссылки (без текстов) на «Никонское послание», «Пустные слова» Василия Великого и житие Пахомия, правила соборов, трактующие вопрос о монастырском землевладении и перевод соборных правил и толкований к ним Вальсамона; в третьей редакции канонического трактата (Суздальский список) — ссылки на Евангелие, «Никонское послание», житие Пахомия, соборные правила, тексты о «кривосказующих», «блазненных» и т. д. В Музейном списке рассматриваемая фраза является как бы заголовком к последующему тексту, содержание которого ей точно соответствует. В редакциях канонического трактата этого соответствия нет.²

III

Появление «Собрания некоего старца» и последующие неоднократные переработки произведения были тесно связаны с борьбой вокруг вопроса о монастырском землевладении, происходившей в Русском государстве в XVI веке.

¹ См. приложение, стр. 410, 416, 421.

² Единственный случай, когда Музейный список дает худшее чтение, — это в конце первой части «Собрания некоего старца», где под рубрикой «А се запрещениа» приведен ряд цитат из Евангелия и псалмов. В числе цитат находится отрывок из пятого псалма, который читается следующим образом:

Музейный список

Законопреступницы пред очима твоима, возненавидел еси творящая беззаконие, и погубиши вся глаголющая лжу.

Список ЦГАДА

Ни пребудут же законопреступници пред очима твоима, возненавидел еси вся творящая беззаконие, и погубиши вся глаголющая лжу, мужа крови льстива гнушается господь.

Суздальский список

Ни пребудут же законопреступници пред очима твоима, възненавидел еси вся творящая беззаконие, и погубиши вся глаголющая лжу. И пакы: Мужа крови льстива гнушается господь. (См. Приложение, стр. 410, 415, 421).

Лучшее чтение, наиболее близкое к тексту пятого псалма, дает список ЦГАДА. Что касается Музейного списка, то в нем пропущены первые слова и последняя фраза цитируемого отрывка пятого псалма, что, по видимому, является результатом небрежности переписчика.

Подборка цитат, помещенных под рубрикой «А се запрещениа», имеет в Музейном списке еще одну особенность: цитаты приведены здесь без ссылок на зачала и псалмы. Эта манера характерна как раз для ранних публицистических произведений Вассиана

Руководствуясь интересами дворянства, желавшего расширения фонда поместных земель, правительство Ивана III поставило на соборе 1503 года вопрос о секуляризации церковного землевладения. Но постановка этого вопроса требовала идейного обоснования, которое в феодальную эпоху, в условиях господства церковной идеологии, неизбежно должно было иметь религиозный характер. Учение еретиков, отрицавших не только монастырское землевладение, но и феодальную церковную организацию в целом, не могло быть приемлемым для феодального государства. Учение же нестяжателей с их проповедью личного усовершенствования и нестяжания, логическим выводом из которой являлось отрицание монастырского землевладения, правительство вполне устраивало, так как оно давало необходимое идейное обоснование проекту секуляризации монастырских земель, не затрагивая при этом основ феодальной церкви. Отсюда понятны как приглашение на собор Нила — главы нестяжателей,¹ которые «ради бо крепкаго их жительства и добродетели множества» были «зело от самодержець приемлими и почитаеми»,² так и выступление нестяжателей на соборе против монастырского землевладения.³

Проект секуляризации церковных земель потерпел неудачу — он был отвергнут иосифянским большинством собора. Как мы уже указывали, собор составил доклад в защиту имущественных прав церкви, который должен был убедить великого князя в исконности и законности церковного и монастырского землевладения. Не желая ссориться с господствующей группировкой духовенства, Иван III отказался от плана секуляризации церковных земель.

Такое завершение собора не могло не вызвать отрицательной реакции среди нестяжателей. Нет ничего удивительного в том, что один из ближайших учеников Нила Сорского, талантливый публицист, обладавший к тому же темпераментом политического борца, Вассиан Патрикеев, взял на себя труд опровержения соборного доклада и обоснования позиции нестяжателей в вопросе о монастырском землевладении. «Собрание некоего старца» — это ответ нестяжателей на решение собора 1503 года.

Первоначальная редакция «Собрания некоего старца» (Музейный список) представляла собой, как мы уже указывали, поучение, обращенное к инокам. После отказа правительства от плана секуляризации нестяжатели не могли надеяться на поддержку великокняжеской власти. Естественно поэтому, что своей ближайшей задачей они поставили пропаганду своих идей в обществе и, в первую очередь, среди иноков, к которым непосредственно обращается Вассиан в своем произведении. Отсюда подборка в первоначальной редакции «Собрания» текстов из святоотеческой литературы, обличающих недостойное поведение иноков и нарушение ими своих обетов.⁴ Занятиями и интересами Вассиана периода его ссылки определяется и та аргументация, которую он использовал в первоначаль-

(см.: «Православный собеседник», 1863, № 3, стр. 104—112, 180—200), к числу которых относился и архетип «Собрания некоего старца». В других списках «Собрания некоего старца» цитаты снабжены ссылками на зачала и псалмы, что объясняется особенностями той литературной формы, которую Вассиан придал своему произведению, — канонический трактат, предназначенный для включения в Кормчую.

¹ А. Павлов. Полемические сочинения князя-инока В. Патрикеева. «Православный собеседник», 1863, № 3 стр. 206.

² Житие Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным, М., 1903, стр. 37.

³ Письмо о нелюбках. Прибавления к изданию творений святых отцев, ч. X, стр. 505. — Житие Иосифа Волоколамского, стр. 37. — Житие Серапиона архиепископа новгородского: БЛ, собр. Ундольск. № 367, лл. 7 об.—8.

⁴ См. выше, стр. 390—391; см. также Приложение, стр. 409—414.

ной редакции «Собрания». В первоначальной редакции нестяжательность монастырей Вассиан обосновывал главным образом примерами из жизни святых, которые он мог почерпнуть из своих, совместных с Нилом Сорским, занятий житиями святых.¹ Все эти наблюдения над содержанием и литературной формой первоначальной редакции «Собрания» дают основания к тому, чтобы приурочить ее ко времени между собором 1503 года и возвращением Вассиана из ссылки в 1508 году.

К этому же выводу приводят и наблюдения над стилем первоначальной редакции «Собрания». Для всех произведений Вассиана, написанных после возвращения из ссылки, характерен чрезвычайно резкий полемический тон и несдержанные выпады по адресу своих противников: «Но се паки аз горек вам являюся и дръз языком и безстуден, яко же вы глаголете»,² — писал Вассиан, обращаясь к своим оппонентам. В «Собрании некоего старца» эти особенности отсутствуют. Очевидно, в то время, когда Вассиан писал свое произведение, он в силу того положения, в котором находился, еще не имел возможности дать волю своей склонности к резкости и иронии. Высказанными соображениями, быть может, объясняется и название произведения. Находясь в опале и не желая поэтому выступать открыто, Вассиан дает своему произведению название «Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания и о отвержении мира, яко же пишет в житии святаго Савы». Это название маскировало личность автора. Вместе с тем оно должно было маскировать публицистичность и заостренность произведения.

В 1509 году Вассиан Патрикеев возвращается из ссылки. Вскоре он занимает исключительное положение при Василии III. «Великой временной человек у великаго князя ближней»,³ — так говорили о нем современники. Личное влияние Вассиана на великого князя достигло такой степени, что он добился запрещения Иосифу Волоцкому писать против него. Иосиф в своем очень выразительном письме к боярину Василию Челядинину жалуется, что Вассиан в палатах у митрополита Варлаама называл его, Иосифа, с учениками отступниками, что он рассылает против Иосифа свои писания, в которых именует его еретиком Новатом, и что отвечать на эти послания он, Иосиф, не может, так как великий князь запретил ему писать против Вассиана.⁴

Однако нам кажется, что неправильно было бы объяснять то исключительное положение, которое Вассиан занимал при Василии III, только его фавором. Оно основывалось не только на личном расположении к нему великого князя, но и на том направлении политики Василия III, какое она приобрела в начале второго десятилетия XVI века.

В исторической литературе специальных работ, посвященных исследованию внутренней политики Василия III, к сожалению, не имеется. Попытка проанализировать одну из сторон ее сделана в неопубликованной еще статье московского историка С. Каштанова «Ограничение феодального иммунитета правительством Русского централизованного государства в первой трети XVI в.». С. Каштанов показывает, в частности, что после краха плана секуляризации на соборе 1503 года пра-

¹ О своем близком знакомстве с работой Нила Сорского по исправлению житий святых Вассиан свидетельствует в «Собрании на Иосифа» («Православный собеседник», 1863, № 3, стр. 208). Вполне возможно, что Вассиан был сам участником этой работы.

² «Православный собеседник», 1863, № 3, стр. 188.

³ Прение Данила, митрополита московского, со иноком Максимом Святогорцем. Чтения ОИДР, 1847, VII, стр. 11.

⁴ И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868. стр. 260—262.

вительства Ивана III и Василия III стремились вести борьбу с монастырским землевладением путем ограничения иммунитетных привилегий монастырей. Снижение числа жалованных грамот на монастырские вотчины, которое имело место в 1512—1514 годах, С. Каштанов ставит в связь со сближением Василия III с нестяжателями, выражением чего явилось занятие в 1511 году митрополичьей кафедры Варлаамом, сочувствовавшим идеям нестяжателей.¹ Таким образом, страстная агитация Вассиана, направленная против монастырского стяжания, имела питательную почву при великокняжеском дворе и в какой-то мере отвечала политике, проводившейся правительством Василия III.

В этих условиях Вассиан делает попытку побудить великого князя к проведению более энергичных мероприятий, направленных против монастырского землевладения. По собственному признанию Вассиана, он велел «великому князю у монастырей села отымати».² Не довольствуясь беседами с великим князем, Вассиан принимает решение составить новую «нестяжательскую» Кормчую, чтобы авторитетом святых правил подкрепить свои выступления против вотчинных прав монастырей.

В основу Кормчей, составленной в 1517 году, Вассиан положил список сербской редакции, находившийся тогда в библиотеке Симоновского монастыря, который он сличил со списком Кормчей, вывезенной в конце XIV века с Афона.³ Из Кормчей Вассиан исключил статьи, на которые особенно опирались защитники монастырского землевладения, например, «Слово 165 святых отец пятого вселенского собора на обидящих божия церкви», «градские законы» византийских императоров и другие, и добавил некоторые новые статьи, в том числе «Собрание некоего старца».⁴

В соответствии с новым назначением — служить одной из статей свода церковных законов — меняется характер произведения. Из «Собрания» удаляются почти все места, обличающие недостойное поведение иноков и рассчитанные на воздействие не только своим содержанием, но и эмоциональной художественной стороной, его текст насыщается ссылками на священное писание и правила церковных соборов и изложением этих правил. Произведение принимает форму канонического трактата, где каждая мысль должна была подкрепляться авторитетом священного писания и церковных канонов.

Над каноническим трактатом Вассиан работал долго. Круг вопросов, которые он намеревался в нем поставить, определился не сразу. Отсюда наличие двух редакций канонического трактата, составленных самим Вассианом. Первая редакция канонического трактата, текст которой отражен в Кормчей Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря, наряду с материалом, обосновывавшим нестяжательность монастырей, содержала ряд правил, регулирующих монастырскую жизнь. Возможно, как мы уже указывали, что первоначально Вассиан задумал создать свой канонический трактат в качестве руководства для жизни монастырей.

¹ С. К а ш т а н о в. Ограничение феодального иммунитета правительством Русского централизованного государства в первой трети XVI в.

² «Православный собеседник», 1863, № 3, стр. 207—208.

³ В списках Кормчей Вассиана имеется запись: «Сия книга списана по благословению господина нашего Варлаама митрополита всеа Русии в лето 7025-го месяца мая 27 день. А писана с Симановьских правил, да с другою списка с правил архиепископа Вассиана ростовского, что вывез из святой горы Сава Савиньского монастыря, что в Твери» (ЦГАДА, фонд 181, № 1597, л. 3а). Ср.: А. П а в л о в. Очерк секуляризации, ... стр. 73.

⁴ М а к а р и й. История русской церкви, т. VIII. СПб., 1877, стр. 153—154.

Но такой широкий замысел и связанная с ним пестрота содержания мешали решению основной задачи, стоявшей перед Вассианом, — каноническому обоснованию нестяжательности монастырей. Поэтому Вассиан перерабатывает трактат и создает новую, вторую редакцию, в которой весь материал был подчинен решению указанной задачи. Вторая редакция канонического трактата представлена, как уже отмечалось, двумя видами. Первоначальным является неполный вид, текст которого передает Пискаревский список.¹ Отсутствие в Пискаревском списке соборных правил и толкований к ним Феодора Вальсамона, переведенных Максимом Греком, позволяют датировать его 1517 годом, т. е. временем до приезда в Москву Максима Грека. Полный вид второй редакции канонического трактата (списки ЦГАДА и Толстовский), включающий соборные правила и толкования к ним Вальсамона, возник после приезда в Москву в 1518 году М. Грека.²

За свою деятельность, направленную против вотчинных прав монастырей, Вассиан жестоко поплатился. Василий III, не желая ссориться с иосифлянами и в конце концов согласился на предание Вассиана соборному суду. В 1531 году Вассиан был осужден и отправлен в заточение в Волоколамский монастырь, где спустя некоторое время умер. Но произведение Вассиана, в котором наиболее полное выражение получил тезис о том, что монастыри не должны владеть вотчинами, продолжало жить и играть роль боевого оружия в неугасавшей в XVI веке полемике вокруг вопроса о монастырском землевладении.

В середине XVI века возникает новая, третья редакция канонического трактата, сохранившаяся в Кормчей Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря. На л. 4 этой Кормчей имеется запись, гласящая, что она была списана с «Симановских правил, да с другого съписка с правил архиепископа Васиана ростовьскаго, что вывез ис святой горы Сава Савиньскаго монастыря, что в Твери (с этих правил была списана Кормчая Вассиана, — Н. К.),³ да с третьяго списка с правил епископа суздальскаго Евфимия, что вывез их изо Бряньска с собою»,⁴ т. е. эта Кормчая представляет собою соединение Кормчей Вассиана с неизвестной нам Кормчей Евфимия Суздальского (1466—1483 гг.). Список с Кормчей Вассиана мог привезти с собою в Суздаль бывший игумен Кирилло-Белозерского монастыря, князь Афанасий Палецкий, поставленный в 1551 году на Суздальскую епископскую кафедру и занимавший ее до 1554 г.⁵

Список Кормчей Вассиана включал, вероятно, список его канонического трактата, который представлял собою новую, третью редакцию, возникшую в результате соединения первых двух редакций. Повидимому, третья редакция канонического трактата была создана в стенах

¹ См. выше, стр. 392—393.

² В ближайшие годы после составления второй редакции канонического трактата имела место новая переработка «Собрания некоего старца», представленная списком сборника № 1451 Софийского собрания, лл. 98—102 (ГПБ). «Собрание некоего старца» Софийского списка имеет характер поучения, обращенного к инокам с целью увещевания их и напоминания об их обещании. Следом происхождения его из канонического трактата (второй редакции) является длинный ряд ссылок, сохранившихся в начальной части (на это обстоятельство любезно указала нам Г. Н. Моисеева). Возможно, что новая редакция «Собрания» принадлежала Гурию Тушину (умер в 1526 году), рукой которого написана часть Софийского сборника № 1451.

³ См. выше, стр. 406, прим. 3.

⁴ Владимирский областной краеведческий музей, В 5636/399, л. 4 об.

⁵ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 655.

Кирилло-Белозерского монастыря в связи с оживлением идей секуляризации в период подготовки Стоглавого собора. Однако составители ее преследовали не только цели идеологического обоснования требования секуляризации церковных земель, но и упорядочения монастырского быта вообще, чем и объясняется соединение вместе первой и второй редакций.

Суздальский список представляет полный вид третьей редакции канонического трактата. Очевидно, в середине же XVI века возник сокращенный вид этой редакции, представленный списками сборника № 566 Волоколамского собрания и сборника № 573 собрания Ундольского.¹ На последнем листе Волоколамского сборника, в составе которого находится интересующий нас текст, имеется приписка: «Сии сборник владыки Леонида резанскаго и муромскаго; переделан лета 7084 месяца июня, день 2». Из этой приписки видно, что в 70-х годах сборник принадлежал Леониду, владыке рязанскому, ярому иосифлянину, бывшему до занятия рязанской кафедры игуменом Иосифово-волоколамского монастыря. Как справедливо отметил Н. С. Тихонравов в своей «Заметке для истории Стоглава»,² этот сборник возник, вероятно, в середине XVI века, перед Стоглавым собором. Высказывая это предположение, Н. С. Тихонравов указывает на наличие в составе сборника ряда статей, которые целиком или в извлечениях вошли в Стоглав; таковы статьи о церковных неисправлениях, слово о крестьящихся и некоторые другие. По вероятному предположению Н. С. Тихонравова, Леонид Рязанский получил этот сборник от своего предшественника по кафедре Кассиана, который был лишен епископской кафедры после того, как на соборе 1554 года он «хулил» «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Возможно, что Кассиану, тесно связанному с Кирилло-Белозерским монастырем,³ принадлежала новая переработка «Собрания некоего старца».

В списке Ундольского заголовок и начало первого абзаца «Собрания некоего старца» утрачены. К тексту присоединено «Предисловие Василия Нагова, новаго чудотворца», содержащее обращение чудотворца к неназванному владыке с просьбой благословить его писание.⁴ Пути возникновения вида «Собрания некоего старца», представленного списком Ундольского, проследить невозможно; что касается самого списка, то он был написан после 1588 года, когда было установлено празднование Василию Блаженному («Нагому»)⁵. Очевидно, новая переработка «Собрания некоего старца» была связана с новым пробуждением интереса к вопросу о монастырском землевладении в связи с соборами 1580 и 1584 годов, на которых правительство провело ряд мероприятий, ограничивающих вотчинные права монастырей.⁶

* * *

«Собрание некоего старца» занимает центральное место в творчестве В. Патрикеева. Не преувеличением будет сказать, что работе над этим произведением он посвятил значительную часть своей литературной дея-

¹ См. выше, стр. 394.

² Летописи русской литературы и древности, т. V. М., 1863, отд. III, стр. 137—144.

³ О связях Кассиана с Кирилло-Белозерским монастырем, свидетельствует сделанный им в 1557 году вклад — две рукописи Апостола толкового с дарственными надписями. (См. ГПБ, Каталог рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, лл. 113 об.—114).

⁴ См. ниже, стр. 419, прим. 1—5.

⁵ Е. Голубинский. История канонизации русских святых в русской церкви. М., 1903, стр. 118.

⁶ А. Павлов. Исторический очерк секуляризации..., стр. 142—156.

тельности. Написав «Собрание» как поучение, обращенное к инокам, он перерабатывает его затем в канонический трактат, который также подвергает все новым и новым переделкам. «Собрание некоего старца» продолжало жить полнокровной жизнью и после смерти своего автора. Всякий раз, когда перед русским обществом во всю ширь вставал вопрос о судьбах монастырского землевладения (в 50-х, 80-х годах XVI века), общественная мысль вновь и вновь обращалась к произведению Вассиана, и оно подвергалось все новым и новым переработкам.

Такая напряженная жизнь «Собрания некоего старца» на протяжении всего XVI века объясняется тем, что именно в этом памятнике предельно полное выражение получила основная идея нестяжателей — о недопустимости для монастырей владеть землями. Эта идея, независимо от социально-политической программы В. Патрикеева и его последователей, отвечала интересам различных классов русского общества — не только бояр и дворян, но и трудящихся масс, и в первую очередь крестьянства, значительная часть которого подвергалась нещадной эксплуатации в монастырских вотчинах. Вот почему выразитель чаяний угнетенных классов Русского государства, наиболее радикальный из еретиков древней Руси, Феодосий Косой, с таким одобрением отзывался о сочинениях Вассиана Патрикеева: «Но монастыри, заповеди преступающе нестяжания, имеют села. И о том добре писа князь Вассиан инок, тако же и Максим Грек много о том глаголет, и много писа слово от лица любостяжателя и от лица нестяжателя преточно».¹

Эта оценка является показателем того объективно прогрессивного значения, какое в условиях Русского государства XVI века имела публицистическая деятельность Вассиана Патрикеева, направленная против монастырского землевладения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания и о отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы

Первоначальная редакция

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Музейное собрание № 1549, сборник, в 4, начало XVII века, скоропись, лл. 553 об.—567.

Собрание некоего старца на воспоминание своего обещания и о^а отвержении^б мира, яко же пишет в житии святого Савы

л. 553 об.

Вдавый себе богови, и вручив ся честному житию, и печатлев свою душу целованием святого Евангелия пред многими послухи, и прекоснувся десною рукою на поручение честнаго послушания ко своему игумену, должен есть опасно, сохранить сия. И сицевыми делесы и словесы Великий Сава душа их кормити и напояти не престаяше, дела и образ подавая им, яко же крила им даяше, и летати их учаше, и выше небеси устраяше.

Евангелие || глаголет: Вослед мене гряди или последуй ми. Сииречь л. 554 во всех делех и словесех, ибо по стопам его жития ходяща и подобящася ему во всяком известии, таковии воследуют ему. Василиево правило 84:

¹ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Прибавление к журналу «Православный собеседник», Казань, 1863, стр. 890.

^а В рук. нет. ^б В рук. отвержени.

Аще кто не по Евангелию хошет, мы с такими не хошем погнбути, но спасаея и, спасет душу свою.

И вси святии отцы о отвержении мира писаша: иноком жити по Евангелию и по Апостолу и Великому Василию — сел не держати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии, питаяся своима рукама. Аще ли не удовлимся сим, подобает от соборных церкви, от церковнаго богатства питатися, или || у христороубцев милостыня приимати нужная, а не излишнее, ни сел, ни многоаго богатства (сие и мирским чюже есть — уповати на богатство, а не на бога), и не внимати человеческим обычаем, и сим поирати святая писания. Аще ли же не хранят своего обещания, сим святая писания муками претят и огню вечному осуждают, и отступники их именуют, и проклятию предают. А се запрещение: Веруйте во Евангелии, вся елика заповедах вам. О отступницех глаголет: Мний наречется. Оле страшно не хранящим закона божия! Еже во псалмех глаголет: ^аСего ради не воскреснут нечестивии на суд, ни грешницы во свет праведных || — яко совесть господень путь праведных и путь нечестивых погнбнет.^б И паки рече: ^аЗаконопреступницы предо очима твоима, возненавидел еси творящая беззаконие, и погубиши вся глаголющая лжу.^в Потребит господь вся усты живыя и язык велеречив.^г Беззаконницы же ижденутся и семя нечестивых потребится.^д Скончатся грешницы от земля и беззаконницы, яко не быти им.^е Запретил еси гордым, прокляти уклоняющеися от заповедей твоих.^ж И прочая во псалмех таковая о сих.

^аАще ли кто возглаголет: ^аПреже сего монастыри со землями жили, но несть тако. Но преже сего вси святии отцы начальницы || сел у монастырей не держали: ни Антоней, ни Пахомий Великий, ни Ларион, ни Еуфимий Великий, ни Сава Освященный, ни Феодосий Великий, ни Аполоний Великий, ни Симеон Чюдотворец, иже на Дивней горе, ни Афанасий Афонский, ни Феодор Студиский, ни иные прежние начальницы сел у монастырей не имели. Аще кто и давал им села, и оне не имали, но жили безименно по Евангелию и по своему обещанию.

Тако же и Росиския земли здешнии начальницы и чюдотворцы, Антоние и Феодосие Печерский, иже в Киеве, и Сергей Радонежский, и Кирил Белоозерский, и Варлам Навгородский, || и Дмитрие и Дионисие Вологодские, и Ефросин Псковский — сел ко своим монастырем не имали, но своих учеников учили по Евангелию жити и по иноческому обещанию, но и паче запрещали им о сем своим писанием — в мирския ни в какия вступатися вещи.

О горе! Увы, преступих заповедия божия и отец своих учения села к монастырем емлют, и покупают, и владеют ими, и вся злая содеваются в них иноком, противна к заповедем божим. Ох, что будет в день судный! Едину заповедь преступит человек, мний наречется в царствии небеснем, а мний ино ничто же, разве мука вечная и геона || огненная. И во Апостоле, и во святых отец писании многа такова запрещенія обрещеши не хранящим заповеди божия.

Илариона Великаго. Красно есть воистинну и мнозе хвале достойно, иже видети мужа мира отрицающесе, и иже в мире красных и легких, и отмечающе имения, и бывающе иноку^а хулно же, и проклято видети мниха^б сан приемлюща и мирския строяща и богатство беруща; сего

^{а-г} Против этой фразы на поле тою же рукою, что и текст «Собрания», написано в 1-м псалме. ^{д-е} Напротив на поле тою же рукою написано в 5-м. ^{в-ж} Напротив на поле тою же рукою написано 11. ^{ж-з} Напротив на поле тою же рукою написано 36. ^{з-и} Напротив на поле тою же рукою написано 103. ^{и-к} Напротив на поле тою же рукою написано 118. ^{л-м} Напротив на поле тою же рукою написано зри. ^{н-о} Против этих слов на поле тою же рукою написано зри.

ради смех бываем и поганым, и от них нас ради христова вера хулится. Не ведуще окаяннии, яко нелепо мертвецу на коне ездити, тако мниху || власть приемлющу: мирскому убо мирская подобает строити, а иноку иноческий путь правити, не касающесе ни на десно, ни налево. л. 557

Разсудим себе, братие, чем хужши есмы мирских — мир не мерзит нам, и еже убо что у мирских видим дивно, то всею силою подвизаемся дабы и у нас тако же было, а не помним, яко того есмы всего отверглися в постригании своем и всего мира, и яже в мире. Аще ли же се лжа, да испытаем себе, не имеем ли сел, яко же и мирстии человецы, не словут ли нивы, и езера, и пажити, и скоты, и дома твердо ограждени чернечестии, не имеем ли храмин све||тлых и ковчег со имением твердо храними? Не украшаем ли ся ризами и величаемся, не обеди ли и праздницы у мирских нами полни бывають, не мы ли мирских богатынь у себе на беде посаждаем, болшее дерзновение к дому их имети? Не мы ли у них на брацех напреди седаем, не наша ли рука выше всех и презвитер возвышаема чаши благословяще и приемлюще, не наше ли око вся седящая обзирает, не наше ли горло в народе пира бряцает и многи укору глаголюще? Христиане бо, заповедь божию творяще, вводят нас в дома своя, ово молитвы ради, ово милостыню творят — || мы же, окаяннии, сво- л. 558
его чину не хранящи, в мале поседим поникше, и потом возведем брови таже и горло, и прием дондеже в смех и детем будем. Его же пьянства мнози и мирстии человецы хранятся — мерзость бо им есть; таже на нас есть, безгодное упивание таковое, бо злое упивание, троя вины приносит: первое — телеси недуг, второе — от человек укор и смех, третье — души падение и ума иступление.

Но чем мы лутчи есмы мирских? Воистину ничем же. Не хвалу ли любим, а укоризны не терпим, не светлою ли ризою красуемся — раздражня же и швеня, ни в келии нашей видети не хощем не принесшаго ли — || приемлем с любовию паче тща пришедшаго. Почто двери кел- л. 558 об.
лей своих твердыми замки утверждаем — яве яко внутренняго ради имения в ней лежащаго. Но и паче кождо на власть тщашесе, яко же епарху некоему умершу мнози боляре на место его мзды ради богатства ради и славы и чести от всех. Тако и в нас иноках подобие мирское бывает: умершу бо некоему игумену или казначею мнози от нас востанут на место его, тщашесе и таящесе друг от друга, а всем ведоми суще, ови мздами, неимущии же ласканием, яко змен хотящи изляти яд на искренних, — что же, сего || ради, но имения ради, и славы се прелщаются. л. 559

К сему же еще и от боголюбцов просяще милостыня и за них обещається молится. Что же рцем, о иноцы, яко взятия ради опушешися умолити бога неприступнаго страшнаго, небеси и земли творца? О како, окаяннии, не вемы ся, что творяще — мзды ради хощем превратити бога на милость! Не возбранено нам, любимицы друг за друга молитися, но и зело полезно, но не мзды ради — не мздоимни бо суть дарове божи; истиннии его молитвеницы мзды о молитве никако же требуют, гневает бо бога молитвеник мздуприемый, и о не благих делех || аки л. 559 об.
дерзновение имея, прирыщет к богу, цату или две во чпазе^п своем прием, и яко наинник за то к богу подвизается со дерзновением. Ничто же бо, братие, таковаго дела безстрашие должен есть инок за весь мир молитися, а ничто же от них приемлюще.

Апостол бо Павел о всяком соблазне бранит з болезнию возгараще, яко же и о всяком соблазне боляще, тако и протчии апостоли подобная страдаху о исправлении християнстем. Но подобает нам о сем молитися,

^п Так в рукописи.

лице глаголяще: Не даждь ми боже прилепитися к плотским похотем, яже сень мимо ходит, иде^p же смерть || душевная пребывает, но да сподобит мя господь бгг всем сердцем моим послужити Христу моему и богу и милость его вечную обрести, яко же и преподобный архиепископ молящися глаголет.

Понеже убо мира отверглься еси, любимиче, то что к дому покоя ищите мирскаго? Не в скорбь ли убо тебе господь позвал — и ты ослабы ищещи, на наготу позвал тя есть — и ты ризы добры ищещи, на жажду позван еси — и ты вина и меду ищещи, на брань тако же позван еси — а ты безо орудия хочещи внити, но и на бдение зван еси — а ты без сна не можеши терпети, на плач зван еси и на рыдание — а ты гро-
 л. 560 об. хоще||шися, на любовь звал тя есть — и ты прекословуеши, наследника своего царствия нарекл тя есть — и ты плотская помышляеши, кротостию и смиренною мудростию позвал тя есть и ты играеши — и сверепнеши.

Что речеши ему в день он судный, яко смирихся тебе ради, — алкати же звах и возлюбих тя от всея душа моя, и ближняя моя яко сам ся, — егда не веси окаянне, яко словеса твоя и помышления не суть ли написана тамо, и мысли твоя, и дела твоя не обличат ли тебе, аще солжеши? Не веси ли, яко вся тварь со страхом и трепетом предстанет судищу его страшному тыся||ща тысящами ангел и архангел окрест его, и ты помышляеши солгати ему и глаголеши, яко тебе ради все терпех, и блаженства господа своего желашеши. Рцы ми, почто умываеши ся водою — всяко того ради да ближикам своим годен будещи, а не оплевал еси плотския страсти, но в них порабощен еси; аще хочещи умыти лице свое, умы е слезами и омый его плачем, да просветится со славою пред богом и святыми его ангелы, лице бо умываемо слезами, — доброта есть неувядаемая, но противу ему речеши: Стыжуся скверны ради лица моего.
 л. 561 об. Скверна лица твоего и наготу^c твою с чистым || сердцем паче солнца возсияет посреде ангел божиих. Что смеешися? Без сумнения плакати ся и рыдати, несть ли ты рекл: Господи! Ты же оставль заповеди господа своего, не боиши ли ся муки его, несть бо купно тело и душу украшати, несть бо купно сластем и страстем работати и Христа послушати. Яко же подобает отложим протчее сие злое томление и скверненныя посрамленныя отверзем, которые сия блуд, нечистоту, страсти, вожделение злое и лихование, еже есть второе кумирслужительство лихонимству, им же вышняя со тщанием царствтвие божие похищати даже нетленная блага наследим. ||

Павел же апостол глаголет: Откуда брани и свары в вас? Неоткуда ли, от сластей ваших воюющих во удах ваших. Паки же некто глаголет: Златолюбец есть евангельский ругатель и самохотный преступник, вкусивый горних удобь преобидит долная, невкусивый же онех не веселуется, скот не тружая, ибо ся от всего воздержитя. Аще бо возследует желанию сердца своего, творит ся обрадование врагом своим, насыщаяй утробу свою умныя рати не может брати ни мечтаний ношних или плотных болезней гонзнути, сей бо в плоть от плоти пожнет тлю, сей же
 л. 562 об. в дух от духа пожнет жизнь вечную, духовным || духовная прилагающе, душевен же человек, не приемлет яже от духа божия, юродство ему есть; сицевых и Павел изрину от святаго жертвеника Евмения и Филита и соблудившая в Коринфе священники. Того же и мы блюдем себе, ниже распнем Христа, не достойна приступающе ко причастию святых таин, но во всем себе составляюще по Апостолу в терпении мнозе свое содевающе спасение. Мертва душа есть мыслена ума умертвие: в дела зла впадшу пагуба же, еже беззаконии есть отчаяние. Аще ли оного жития подра-

^p В рук. уду. ^c В рук. ногу.

жаеши и претерпеши, то нетленная ти воздаст || и неистошаемая; хо- л. 563
щешши ли на небо възти, то истии плоть да легок будешши, в возлетение
конь, аще ся объяст, борзо не рыщет, тако же и человек во всем обле-
нится. Ты же похотем одолен,^т молитвы и пост помогают ти, чай всегда
владыки грядуща. Иже убо ум чист предъявити богу хотящу, и печалми
житейскими колебаяся, подобен есть тому, иже свои нозе крепче связав
и борзо окушается тещи. Иже в вас есть добр и любит жизнь, ниже хо- л. 563 об.
щет видети мирны дни, да удержит от зла язык свой и положит, еже не
глаголати лъсти мнози, бо не зело имуще разума, иже языком подающе ||
по вся дни и падении неисцелными, яко подобает имети кроток язык,
никако же тебе бесчестие срящет, яко подобает примати с разсуждением
приносима.

Рече святой Аммон, что блюсти себе известно сее примати, что от
кого токмо еже известиши си, яко бог вдал ти, яже видиши от плод пра-
ведных и сия с миром и со всякою любовию — приемли, а елико же ви-
диши от неправды и лъсти, и свара, и лицемерия — отрини сия и отверзи,
таковая помышляя, яко лутчи часть мала со страхом господним, нежели
многа жита без правды.

Святой Исаак рече: Не мни, яко же || имети злато или сребро — токмо л. 564
сребролюбие есть. Но к чесому убо помысл да прилежит? И господь
рече: Идеже есть сокровище ваше, ту и сердце ваше будет, или в боже-
ственных или в земных вещех мудрованиих. И паки рече: Не жена зла,
но блуд, ни богатство зло, но сребролюбие, ни вино, но пьянство, ни
естественный гнев вданный да мучим грех, но примати его на тожде род-
ныя люди, ни власть, но властолюбие, ни слава, но славолубие, и злейши
сего тщеславие, ни добродетель стяжати, но кичитися имуща, ни разум,
но мнети себе ведца, яко же и злейши сего, еже не знати свое неразумие,
ни истинный разум, но ложный, || не мир есть зол, но страсти, ни естество, л. 564 об.
но аже чрез естество, ни совокупление, но зол совет и не бывающее на
пользу души, ни уди телеснии, ни лихоимство сих, ни бо да желаем, яже
не подобает ни зрети е.

Рече преподобный Мина: Мнози от мних расточиша имения и оста-
виша отца и мать, братию и сродники бога ради; вшедше же в мона-
стырь от малых и ничто же сущих, запеншеся, и быша подручницы бесом,
зане стяжаша себе мирския вещи — книги украшении, сусуди различны,
убрусца пестры имещца, и держаще овощия и ризы светлы и поясы
пестры. Иже от неправе || ходящих научишася, прокляти еже паче, а не л. 565
благословение получиша и во тьму кромешнюю посылаются по глаголю-
щему писанию: Прокляти бо, рече, не ходяй по преданию отеческому!
И паки рече: Творяй дело божие с небрежением, участию^у убо Ананию^ф
с Сапфиною сподобишася, ученицы бо их и наследницы сами сотворишася.

Яко же и Георгий преподобный рече: Горе нам, братие, яко ни еди-
ного умиления не имама, но в не разсуждении живем, дни своя провожа-
юще, и не боимся, яко при дверех есмы, и се гнев божий приходит на нас.

Пишет в старчестве || о преподобном Еустафии, иже даст село в Де- л. 565 об.
вичь монастырь, и истязан бысть от бога сего ради дания; рекшу к нему
яко инокиням оставя о своей души попечение которатися с мирскими
о селех и виноградах, и испоручен бысть сея истязания пречистою бо-
гоматерию, и ходатайством о нем преподобнаго Исидора Пилусийскаго,
донде же взем село то продаст, и злато им вдаст, и избысть истязания, и
по сем бысть мних и отиде в манастырь и спасеся.

^т В рук. одолей. ^у В рук. участие. ^ф В рук. Ананий.

^x От видения святого Еустафия, иже виде.⁴ Егда виде себе Еустафий в видении поставлена пред Христом богом нашим, и с Христом и истязуема о вданнем || селе девицам, и моляся много прося о сем прощения, и пришед к нему святыи Иванны Креститель рече: Аще в оем монастыре будут даны им села и иныя потребы, несть ту страха божия, ни трезвения, ни разсужения, ни умиления, ни труда, ни стыдения, ни поста, ни бдения, ни сокрушения сердца, ни истязания помыслом, ни чистоты, ни безгневия. Понеже им от того мног мятеж и свар, и тяжа, и суды с мирскими бывають, и во уныние и в леность вложиши их, даже и до блуда. Поучая же его святыи Исидор рече: Не веси ли яко села иноком пагуба
л. 566 об. суть, паче же женам, аще бо начнут мужие входитьи || и исходити к постницам, занеже приносит им потребная, не оставит дьявол обоих без язвы быти, ибо странно мнихом прилипати к земным попечением, паче же женам.

Зрите, братие, разумно не творит ли ся ныне тако при нашею очию, яко же святии прорекоша, вси бо уклонишася на имения и о том упражняхуся и печажуся, а о церквах божиих и о монастырех не радяху и презираху, токмо себе питаху, и одеяху, и о сродстве печажу ся, и не бога ради живуще, но чрева ради. Сего ради господь бог предаст их всех под меч и на расхищение и в плен, яко же Иеросалима, и все || бысть в запустение последнее, и не бысть никого же вселяющихся к тому в тех святых местех.
л. 567

Вторая редакция канонического трактата

Неполный вид: Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, собрание Пискарева, № 228/39, Кормчая, в лист, середины XVI в., полуустав, лл. 430—433 (П).

Полный вид: Центральный Государственный архив древних актов, фонд 181, № 1597, Кормчая, в лист, 70-е годы XVI в., полуустав, лл. 317—323 об.; список взят за основной;

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.П.74 (Толстовское собрание, № 169), Кормчая, в лист, 60-е годы XVI в., полуустав, лл. 376—381 об. (Т).

Събрание некоего старца на въспоминание своего обещания¹ от святого писания.² О отвержении мира, яко же пишет в житии святого Савы.

Въдав себе богови, и въручив ся честному³ житию, и печатлев свою душу целованием святого Еуангелиа пред многими послухы, и прикоснувся десною рукою на поручение честнаго послушания к своему игумену, и сицевыми делесы и словесы Великий Сава душу их кърмляше, и напояти не престаше, и крыла им даяше, летати и учааше, выше небеси въсходите поучааше.

От Еуангелиа: в Матфее 39, зачало 69 и 79; в Марке 45, в Луце 49, и 77, и 201. ⁴А в Апостоле, в зачале 40-го, в конце о Акиле и Прискиле. И в правилех, иже на римляны, в слове 80 от Петра апостола:

^x—^y Против этих слов на поле написано глава 76. Однако выделение в особую главу отрывка «От видения святого Еустафия» произошло, вероятно, ошибочно, так как, по своему содержанию этот отрывок непосредственно связан с подборкой текстов из святоотеческой литературы, которая составляет третью часть «Собрания некоего старца». Последние же фразы отрывка: «Зрите, братие, разумно не творит ли ся ныне тако при нашею отчию, яко же святии прорекоша. . .» — представляют собой обращение автора к инокам и в то же время как бы заключение к приведенным выдержкам из сочинений святых отцов.

¹⁻² Нет П. ³ Нет П. ⁴ 91 П.

София и с нею 160 жен приаша житие удаление от мирских || вещей; л. 317 об. апостол же тех острищи повеле, и в сукняны ризы черныя одяети их, и поясы ременя поясати я о чреслах. И рече апостол: Аще кто хошет въздержатися легок на высоту быти изменою, да идет на особная места тихая, да ту празднуем молитвами и альканием, и почитании ума, и очищением. И в Апостоле: зачала 59,⁵ 67, 75, ⁶131, 176,⁷ 181, 215, 238, 244, 245, 257, 277,⁸ 292,⁹ 296, 301,¹⁰ 330, 331. И в Василии Великом слово 5, 6, 7. И в слове о отвержении мира и совръшении духовнемъ. В нем же и о учителе непрелестнем по бозе учаше, а по не человеческому угоженню. И в правилех Василиево же правило 84: Аще кто не по Еуангелию хошет жити, мы с такими не хотим погибнути, но спасая и, спасеть душу свою.

И все святны отци о отвержении мира писаша: иноком жити по Еуангелию и по Апостолу и по Великому Василию — сел не дрѣжати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии, питаюся своима рукама. Аще ли не удовлимся сим, подобает у христороубцев милостыня приимати нужная, не излишнее, ни села, ни многога богатства (сие и мирским чюже есть — у||повати на богатство, а не на бога), и не внимати чело- л. 318
вечьским обычаем, и симь ¹¹ попирати святая писаниа. Аще ли же не хранят своего обещаиа, сим святая писаниа ¹² муками претить, и огню вечному осуажать, и отступники их именуеть, и проклятию предаеть.

А се запрещениа. В Марке зачало 2: Веруйте в Еуангалие; в Матфее 116: Вся елика заповедах вам; в Марке зачало 71, и пакы в Матфее в зачале 39, в Марке 41, в Луце 51, в Иоанне 45, и пакы в Матфее. Мний наречется, в зачале 11. А в Апостоле 52 и 53 ¹³ и 82,¹⁴ и еще в Луце: Небо и земля мимо идет, а словеса моа не преидуть, в зачале 107. Оле страшно не хранящим закона божиа! О тех ¹⁵ в псалмех глаголють — в 1-м псалме: Сего ради не възкреснуть нечестивии на суд, ни грешници в совет праведных, яко съвесть господень путь праведных и путь нечестивых погыбнетъ. И в 5-м псалме: Ни пребудут же законо- преступници пред очима твоима, възненавидел еси вся творящая безаконие и погубиши вся глаголющая лжу, мужа крови льстива гнушается господь. И в 11 псалме: Потребить господь вся усты ¹⁶ льстивыа, и язык велеречив. И в 36-мъ псалме: Безаконници же ижденутся и се ¹⁷ мя нечестивых потребится. И в 103-мъ псалме: Скончаются грешници от земля и безаконници, яко не быти им. И в 118-м псалме: Запретил еси гордым, прокляти укланяющися от заповедей твоих. И прочая в псалмех та- л. 318 об.
ковая о сих.¹⁷

Аще ли кто възглаголетъ: Преже сего монастыри з землями жили, но несть тако. Но преже сего вси отци началници сел у монастырей не дрѣжали — ни Пахомей Великий, ни Ларион Великий, ни Ефимей Великий, ни Сава Освященный, ни Феодосей Великий, ни Аполоний Великий, ни Семион Чюдотворецъ, ⁸ иже на Дивней горе, ⁷ ни Афонасей Афонский, ни Феодор Студитьцький, ни иные прежьние началници сел у монастырей не имели. Аще кто и давал им села, ¹⁸ ин и ¹⁹ не имали, но жили безъиманно, по Еуангелию, и по своему обещаию.

^а На нижнем поле л. 317 об. киноварью написано о заповедех. ^б На нижнем поле л. 318 киноварью написано: божиих в—г Вставка на поле.

⁵ Нет П. ⁶⁻⁷ Нет П. ⁸ Нет П. ⁹ Нет П. ¹⁰ Нет П. ¹¹ святым П. ¹² Нет П. ¹³ 52 Т. ¹⁴ 85 П. ¹⁵ Так Т; в рук. и в П о еже. ¹⁶ усты П. ¹⁷ Доб. в Еуангалии о душе святем, в неделю 50-ю, и в Матфее, зачало 116, а во Апостоле зачало 73 и 96, а в Василии Великом 144, в постнических словех, о душе святем, в себе имущем П. ¹⁸⁻¹⁹ и они П.

Тако же и Росейскыя земли здешние наши начальници и чудотворци, Антоний и Феодосий Печерскый, иже в Киеве чудотворци, и Сергий Радонеский, и Кирил Белозерскый, и Варлам Новогородскый, и Денисей Глушитскый, и Дмитрей Прилутскый, и Павел Комельскый — сел к своим л. 319 монастырем не имали, но своих учеников^а || учили по Еуангалию жити и по иноческому обещанию. Понеже села держати епискупом у соборныя церкви нищих ради или убогих, и иное церковное богатство, а не иноком, ни монастырем по своему обещанию. И аще кто целомудрен смысл имеет по бозе, и правила тако же повелевають, наипаче запрещали им о сем своимъ писанием, ни в мирьскыя вещи ни в какия вступатися.

Но о горе, увь, преступив заповеди божиа и отецъ своих учения, села к монастырем емлют и покупають и владеють ими, и вся злая съдевается от них иноком, съпротивна к бжьимъ заповедем. Ох, что будет в день судный! Едину заповедь преступить человек, мний наречется в царствии небеснем. Глк: А мний, ино ничто мука вечная и геона огненаа. А во Апостоле и в святых отецъ писании, многаа таковаа запрещенна нехранищим заповеди божиа. В Никонском послании в 2-м слове: Ибо божествени отци не инако како приемлють иноческое жительство, но по законоположению постных словес великаго отца нашего Василя и прочих святых отецъ. И еще же и житиа святаго Пахомиа, яко начальника суща л. 319 об. и съвршителя общежителных^е || завещаний.²⁰

В правилех святых отецъ, събора 7-го правило 17, 2-я грани; в 2-й главе того же правила 11, 10-я грани; в 1-й главе събора 1-го и 2-го, правило 1, 2-я грани; в 2-й главе събора 4-го, правила 3 и 4; Кирила архиепископа Александрьскаго от послания, еже к Домну, правило 2, 1-я грани, в 6-й главе — не повелевають²¹ в²² мирьская вступатися иноком по своему обещанию ни в села, ни в что ино по сим правилом.²³ О сем же, что в русских наших правилех, 4-го събора правило 24 и седмаго събора правило 12 и 18, писано к монастырем села, и сие есть блажено по божественому писанию — кто будет сим святая писания подписал ложно в наших русских правилех, что монастырем села држати. Но из богородцких правил соборныя церькви московскыя греческаго писма, что вывезены из Цариграда митрополитом Фотеем, и в тех же правилех во всех сел к монастырем не писано держати.

А се те переводныя правила: 4-го собора правило 24 и седмаго събора правила 12 и 18, събора 4-го правило 24. Коя единою освященна л. 320 суть монастырие изволением и рассужениемъ епискупа, да пребу^ж||дут²⁴ в век монастырие, и пристоящаа им имениа да съблюдаются, и да не к тому сътворятся мирьскаа жилища, попущающих же сиа бывати, да повинни будут правильным запрещением. Настоящее правило повелеваяй: не быти мирьским жилищем, ниже осквернятся, коя изволением епископа освященна суть монастырие, съблюдати же ся²⁵ и пристоащим им вещем не откровенне изъявляеть о създании монастырей. Заеже рещи, того ради понеже рече по изволению епископа, разумети же можеш

^а На нижнем поле л. 318 об. киноварью написано достаточно. ^е На нижнем поле л. 319 киноварью написано поучение. ^ж На нижнем поле л. 319 киноварью написано в Еуангалие. ^з На нижнем поле л. 320 киноварью написано воскресном.

²⁰ Доб. Зри. и по преде сего 15 главы сказание о образе греховнем П. ²¹ повелеваем П. ²² Нет П. ²³ Отсюда и до конца списка П следует текст: А в том же соборе 4-м 24-м правиле писано у монастырей селам быти, и в 18-м правиле 7-го събора — ино которым верите? Чим то разрешити? Токмо Еуангалием и Апостолом и святыми правилами. А в богородцких правилех в греческих сел монастырем держати не писано же. ²⁴ будуть Т. ²⁵ есть Т.

пространнее како подобають быти монастырие от прьваго правила събравшагося събора в храм святых апостол и от прьвья главы правила грани четвертыя книги царьств, яже есть глав 52, 123-го Устиниана новаго закона, еже вькратце поставлено есть, в 1 главе 11 грани настоящиа книги.

Вьпросит же кто: Какым съхранениемъ вещи монастырьскыа съблюдатися правило повелеваетъ и кая суть сиа? И неции убо реша, яко подобаетъ вся монастырьскаа подвижная и неподвижная, якоже и самыя те монастырие да съблюдаются неотводне цела и некосновенна.³ || Мне же видится, яко правило зде о стражьбе глаголетъ велие и сиречь о наивышшем прилежании, зане пристоящихъ им неподвижныхъ, тако же и некоиъхъ освященныхъ съсуд, некогда попускается продание. И прочти весмя втораго титла 5 книги царств, учащие от благословесныхъ некоиъхъ вин не токмо заложити церковная неподвижнаа и священныя съсуды, но и продати всякымъ продааниемъ, понеже глаголетъ попускающиа осквернятся монастыри, да будутъ повинни правилнымъ запрещеньемъ. л. 320 об.

Вьпросит же некто: Коа суть сиа? Да веси убо, яко 13 правило седмаго събора глаголет, оскверняющихъ священная и не отдающе в прежний чин, аще освященни суть, да извергутся, аще же прости мниси, да отлучатся чести. И 49 правило събора, събранаго в Трулеполатнем, събора седмаго правило 12: Аще кто епископъ обращается или игуменъ от автургии, сиречь от самоплодныхъ стяжаний, епископия или монастыря отдасть или продасть, или в насажение дасть, или променитъ поруку велможа некоего, или иному человеку отдасть на время, уреченое, да будетъ отчетно сие отдаание по правилу" || святыхъ апостол, глаголющему всехъ церковныхъ вещей епископъ да имать попечение, и да управляетъ тая аки богувидящу, ниже лепо есть ему присвоити что от тех, или сродникомъ своимъ яже суть божиа даровати, аще же убози суть, да подасть им акы убогимъ, и да не ихъ ради яже суть божиа продасть. Аще же вину вносит, яко убытокъ творит и ничто к угодию бывати стяжанию, ни тако велможамъ в техъ местахъ бывающимъ, да продасть место то или клирикомъ, или земледелателем. Аще же коварьствомъ злымъ обычествуютъ, но у земледелца или клирика купитъ велможа²⁶ то стяжание, и тако ни во что да будетъ продание то, и стяжание отдасться епископии или монастырю, а епископъ или игуменъ сие сътворивый, изгонится, епископъ убо от епископства, а игуменъ от игуменьства, аки расточихвшиа, яже не събраша.* Рече Моисеомъ богъ: Приносимаа богу да не пременяются, но неподвижна да пребудутъ, аще и хужьша суть заяже пременяются; аще же глаголетъ пременяя, преминиши то, да будетъ то и выменено свято господеви. Глаголетъ бо правило: Не продатися ниже отдатися от епископа или игумена какову нибудь человеку самоплоднаго стяжания епископия и⁴ ||ли монастыря; аще же ни, да будетъ ни во что оно продание или л. 321 об. отдаение. По 38-му правилу апостольскому прилагаетъ же яко, аще вину вводитъ епископъ или игуменъ стяжанию быти бесъприхода и церквамъ убытокъ наносящу, отдаение убо того да будетъ, обаче не велможамъ, но клирикомъ или поселяномъ. Понеже бо можаху неции превратити правила, повелеша отци, яко аще некогда коварьствомъ приидетъ в силнаго руку церковная вещь²⁷ посредствомъ простаго человека или клирика, показавшимъ себе, взяти оно неподвижное стяжание, да и сие ни во что да

³ На нижнемъ поле л. 320 киноварью написано воскресномъ. ⁴ На нижнемъ поле л. 320 об. киноварью написано вкратце. * Противъ этого места на поле написано Толк.

¹ На нижнемъ поле л. 321 киноварью написано августа 1-й.

²⁶ Такъ Т; в рук. велможъ. ²⁷ вещи Т.

будет съдеанная, и да отдадутся церкви неподвижная, изгнати же ся и сие сътворив епископу или игумену от епископия или от игуменьства. И правило убо сие повелевает, понеже бо самоплодная стяжания суть коа теми вещьми, аки от себе носящаа плоды, яко же сие соленая места, маслины, винограды, пожни, мельници, сараи, и прочая подобная.

Впросит же кто о сицевых самоплодных, повелевает правило, или о всяком неподвижном добрыя приходы имущем, и глаголем, яко о обоих л. 322 повелевает, и глаголет^м неподвижная убо благоприходная, яко же самоплодная, да не продадутся и не отдадутся, кое же истинною, а не лицемерством, без прихода стяжание будет, да отдасться. Сего ради аще самоплодная отнудь будет неугодна, нечто же место поженное, аще потопаеть от речнаго наводнения, или "приградие селное," аще населники обитаемо внове, доброприходно будет, сие убо ради доброприходна да не продасться, тоже аще и самоплодно, глаголашея, отдасться, зане угодие и лишение прихода, не бо нарицания ради, но прихода ради имеют продатися или ни. А еже приход имеющее не продаются, коя же не имеют по нужи належашей, церквам продаются, яве показуется от 26-го правила Карфагескаго²⁸ събора попускающу сия, но с рассужением. Тако же и великий Кирил в второй главе послания его к Домну непрадаемо быти повелевает священная съсуды и неподвижная стяжания церковная, но и сие правилом Карфагенъскаго събора разумей.

Того же събора правило 18. Непредткновени бывайте, и внешним глаголетъ божественый апостол, женам же пребывати в епископиях или в монастырех всякого претъкнове^нна вина есть. Аще убо кто рабыню или свободну в епископии имея обрящется или в монастыре на послужение потребности некоеа, да запретится; пребываяйже в том же, да извержется. Аще же прилучится и в приградии женам быти и похощеть епископ или игумен тамо путь творити, бывающу же тамо епископу или игумену, да никако обычая служебнаго да сътворит жена в то время, но да отидет в ино место, дондеже отшествие сътворит епископ зазора ради. Услышавше,^р яко же видится, святни отци, что в епископиях и монастырех живут жены, реша, яко зане великий апостол Павел к коринфом посылая повеле неpretкновеним быти нам, не токмо внутреним, но и внешним, сиречь не токмо верным, но и неверным, съжительствовати же епископом с женами или игуменом в монастырех или в епископиях, всякого преткновения есть вин, и поношения не мала церковнаго уставления долъжни суть. Подобають запрещатися таковое что творити, хотящеи пребывающеи же в том же, да извергуться, яко же некоему глаголавшу неразумно быти, яко да накажутся тии, иже некоем прилучаем снисл. 3 23 дутся с женами, при^случает бо ся некоему от них мимохождениемъ гостинствовати в приградии некоем жены имущем, а епискуп или игумен не может отслати съединения их, повелеша аще прилучится сие, никако служити женам бывающу ту епископу или игумену, но вместо ино отити женам и почити, донде же они отидут, послужению же их быти от мужей, сице бо не зазорно, сиречь несъблазнено от тех съблюдется, или же аще обратно в епископии или в монастыре с женами не съжитель-

^м На нижнем поле л. 321 об. киноварью написано и на семен день. ^н—^о К этим словам на нижнем поле л. 322 имеется примечание: сие тлкъуется проастион, сиречь пашни и винограды, а не села с житейскими христианы. ^п На нижнем поле л. 322 киноварью написано летопровождение. ^р Против этого места на поле написано Толк. ^с На нижнем поле л. 322 об. киноварью написано о сем же.

²⁸ Карфагенъскаго Т.

ствуют, но в ином обитании прощение ли дасться им. Ответ: 5 правила убо, яко же многажды рехом, и 57 глава прьвья грани третья книги царств заповедуютъ освященному некоему з зазорною женою не съжителствовати, кроме матери и дщери и сестры и иных незазорных лицъ. 50 же 7 глава тоа грани, часть сущая, 137-го Устинианова установления глаголетъ сиа яве: Епископу же никоеа отнудь жены имети или с нею обитати попушаем; аще же объявится сие творя, да извержется от епископства.²⁹ Аще убо епископ прости събитая с женою с какою же нибуди извержется, множае паче и ||[†] же в епископии таково нечто сътворит, скоро да извержется, яко же мне видится безъ всякого разсужения. а. 323 об.

Но 15 глава перьвья грани, четвертая книги царств запрещаетъ не токмо пребыти жене в монастыре мужьском, или обратно, но ни отнудь внити в него коеа ради потребы. Смотри же правила, глаголющее, яко ни раба³⁰ ни свободная с епископом или игуменом съжителствовати коеа ради вины не подобаетъ, но яже речена суть о женах, бывающих в монастырех, прости разумеются, в приградних властию пристоящих епископии или монастырем, аще бо они гостиньствовати будут в гостиницах или в чюжих приградних немощно есть, яко же мню заповедь правила съблюсти.

Третья редакция канонического трактата

Полный вид: Владимирский областной краеведческий Музей, В 5636/399, Кормчая Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря, в лист, вторая половина XVI века, полуустав, лл. 509 об.—525. Список взят за основной.

Неполный вид: Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Волоколамское собрание, № 566, сборник, в 4-ку, середина XVI в., полуустав, лл. 207—212 (В); Библиотека СССР им. В. И. Ленина, собрание Ундольского, № 573, сборник, в 8-ку, вторая половина XVI в., полуустав разных рук, лл. 350—357 (У).

¹ Събрание некоего старца на воспоминание своего обещания. О отвержении² мира, яко же пишет в житии святаго Савы.

Въдавый³ бо себе богови⁴ и вручив ся честному житию, и печатлев свою душу целованиемъ святаго Евангелия пред многими послухы и прикоснувся десною рукою на поручение⁵ честнаго послушания к своему игу-

[†] На нижнем поле л. 323 киноварью написано три поучения.

²⁹ Так Т; в рукоп. доб. да извержется. ³⁰ рабы Т.

¹⁻⁵ Предисловие Василиа Нагова новаго чюдотворца. Молим тя, владыко святый, почитаа сиа стихове, не порци тяжести на многогрешную мою душу, и про се ми да не позазрит твое святителство, яко дръзную выше моеа меры, не имущу ми разум, но удобных словес на словословие божие и на похвалу преподобнаго, иже отемнену ми имущу съвесть и ум грехми не возможно бо о освященный вершене о пернатве птенцу по высоте летати. Сие и мне, невежи сущу, възлетети на высоту божественнаго разума невъзможно. От тебе, великаго пастыря, наказания неприемшу, но с помощью божиею и преподобнаго молитвами, и твоего благославения великаго святителя на главе моей грешной нося, коснухся писати и доселе слово скончах, не богу умаливши, но у мене разуму оскудевшу, мнози бо велика и чюдна похваления принесоша богу и того угоднику, но от избытка ума своего. Аз же от лишена разума елико имех, молю у тя, о владыко святый, аще косно всех обрящеши, да исправиши, а не в зазор положи, владыко, моа грубаа словеса. Да о сем много молю, преклонив главу, купно и колени сердца моего. Да помянеши раба своего, владыко, в священных молитвах к богу. Аминь. У. ² утвержении В. ³ Воздавый В. ⁴ господеву В.

мену, ⁶ дльжен есть опасно съхранити сиа. И ⁷ сицевыми делесы ⁸ и словесы Великий Сава душа их кормити, ⁹ и ¹⁰ напойти не престаша, ¹¹ делы образ подаваа им, яко же ¹² крыла им дааше, и ¹³ летати их ¹⁴ учаше, и ¹⁵ выше небеси восходити устрааше. ¹⁶

От Евангелиа: ¹⁷ в Матфее ¹⁸ зачало 39, ¹⁹ 69 и 79. ²⁰ А в Воскресном евангелии в толковом в неделю 30 слово 50. О сем же ²¹ в Марке зачало ²² л. 510 45, в Луце зачало ²³ 25, 26, 44-м ^{24,а} || 49 и 76, 77 и 201. А в Апостоле: в зачале ²⁵ 40-го в конце ²⁶ о Акиле и Прискиле. ²⁷ И в послании Никоньском в 29-м слове в конце истолкованием, ²⁸ правилех, иже на римляны, в слове 80, от Петра апостола: Софиа и с нею 160 жен ²⁹ приаша житие удаление от мирских вещей; апостол же тех острищи повеле и в сукняны ризы черныа одеати их, и поясы ременыя поясати а о чреслех. И рече апостол: Аще хоцеть въздержатися лежок на высоту быти изменюю, да идеть на особнаа места тихая, да ту праздноуемь молитвами и алканиемь, и почитании ума и очищением. ³⁰ И в Деонисие Ареопагите таинство иночьскаго совръшение от задние доски ближе. Сентепря 24 ³¹ Феклине мучение. Рече же Фекла к Павлу: ⁶ || Да постригуся и вслед тебе хожду, а може аще идиши. ³² А в Апостоле зачала 59, ³³ 67, 75, 131, ³⁴ 176, 181 и ³⁵ 193 и 194, ³⁶ 215, 233, 238, ³⁷ 244, 245, 256, ³⁸ 257, 276, ³⁹ 292, 296, ⁴⁰ 301, 330, ⁴¹ 331, 296. ⁴² И в Василии Великом слово 5, 6, 7. И в слове о отвержении мира и сьвршении духовнем. В нем же и о учителе непрелестнем по бозе учаше, а не по человеческому угожению. В правилех Василиево же ⁴³ правило 84: ⁴⁴ Аще кто не по Евангелию хоцеть жити, мы с таковыми не хотим погыбнути, но спасая и, спасеть душою свою. ⁴⁵ И в лествици слово 1 о отвержении мира. ⁴⁶

И все святии отци о отвержении мира писаша: иноком жити по Евангелию и по Апостолу и по Великому Василию — сел не дръжати, ни владети ими, но жити в тишине ^в || и в безмолвии питаеся своима рукама. Аще ли не удовлимся сим, подобаеть от соборные церкви, от церковнаго богатства питатися, или у христоролюбцев милостыня примати нужнаа не излишнее, ни села, ни многога богатства (сие и мирским чюже есть — уповати на богатства, а не на бога), и не внимати человеческим обычаем и сим попирати святаа писаниа. ⁴⁷ Аще ли же не хранять своего обещаниа сим святаа писаниа муками претит, и огню вечному осужають, и отступники их именуеть, ^г и проклятию предають. И в уставе о нестяжании ⁴⁸ чюжих трудов ⁴⁹ глава 73. ⁵⁰

⁵¹ А се запрещение. ⁵² В Марке зачало ⁵³ 2: Веруйте в Евангелие, ⁵⁴ и 71; ⁵⁵ в Матфее ⁵⁶ зачало ⁵⁷ 60, 74, 75, ⁵⁸ 116: Вся елика заповедах вам;

^а На нижнем поле л. 509 об. киноварью написано о заповедях. ^б На нижнем поле л. 510 киноварью написано божних; на верхнем поле л. 510 об — достаточно. ^в На нижнем поле л. 510 об. киноварью написано поучение. ^г Против этой строки на поле киноварью написано о отступниках.

⁶⁻⁷ Нет У. ⁸ помыслы У. ⁹ кортмяше У. ¹⁰ Нет У. ¹¹⁻¹² и У. ¹³ Нет У. ¹⁴ и У. ¹⁵ Нет У. ¹⁶ поучааше У. ¹⁷⁻¹⁸ от Матфеа 25, 26 У. ¹⁹ Нет В. ²⁰⁻²¹ Нет У. ²² Доб. 44 У. ²³⁻²⁴ Нет У. ²⁵⁻²⁶ Нет У. ²⁷⁻²⁸ Сентепря 24 Феклино мучение. Рече же Фекла к Павлу: Да постригуся и вслед тебе хожду, а може аще идиши У. ²⁹ Доб. О заповедех божних В. ³⁰⁻³² Нет У. ³¹ 20 В. ³³ Нет ВУ. ³⁴⁻³⁶ Нет У. ³⁵⁻³⁶ Нет В. ³⁷ Нет У. ³⁸ Нет У. ³⁹ Нет В. ³⁹⁻⁴⁰ Нет У. ⁴¹ Нет У. ⁴² Нет В. ⁴³⁻⁴⁴ в 181, 184 В. ⁴⁴ 24 У; доб. достаточно поучение В. ⁴⁵⁻⁴⁶ Нет ВУ. ⁴⁷ Доб. о отвержении же мира зри в Красном евангелии в 3 неделю поста В. ⁴⁸ встяжании У. ⁴⁹⁻⁵⁰ Нет У. ⁵¹⁻⁵² Нет У. ⁵³ Доб глава 63 У. ⁵⁴⁻⁵⁵ Нет В. А се запрещение: в Воскресном евангелии вкратце и на семен день летопровождения У. ⁵⁶⁻⁵⁸ Нет В. ⁵⁶ Доб. в Воскресном У. ⁵⁷⁻⁵⁸ Нет У.

в Марке зачало 71 и паки в Матфее ⁵⁹ в зачале ⁶⁰ 39, в Марке зачало ^а || 41, в Луце зачало 51 ⁶¹ о отступницех, ⁶² в Иоанне ⁶³ зачало 10, ⁶⁴ 45 и паки в Матфее: Мний наречется, зачало 11. ⁶⁵ А в Никоне в 8-м слове и ⁶⁶ в Апостоле зачало ⁶⁷ 52 и 53, зачало 69, 80, 81, 82, ⁶⁸ еще в Луце: Небо и земля мимо идеть, а словеса моа не преидуть, в зачале 107. ⁶⁹ Оле страшно нехранящимъ закона божиа! О еже в псалмех глаголетъ — ⁷⁰ в 1-м псалме: ⁷¹ Сего ради не възкреснуть нечестивии на суд, ни грешници в совет праведных, яко съвместъ господень путь праведных, и путь нечестивых погыбнеть. В 5-м псалме: Не пребудут же законопреступници пред очима твоима, възненавидел еси вся творящая безаконие и погубиши вся глаголящая лжу. ⁷² И паки: Мужа крови льстива гнушается господь. ⁷³ В 11 псалме ⁷⁴ ^с ||: Потребить господь вся устны лстивыя и язык ^а 512. велеречив. В 36 псалме: Безаконници же ижденутся и семя нечестивых потребится. В 103 псалме: Скончаются грешници от земля и безаконници, яко не быти им. В 118 псалме: Запретил еси гръдым прокляти укланаящимся от заповедей твоих, и прочеа в псалмех таковаа о сих. ⁷⁵

Аще ли кто възглаголетъ: Преже сего монастыри землями жили, но несть тако. Но преже сего вси святии ⁷⁶ отци началници сел у монастырей не дръжали — ни Пахомей Великий, ни Ларион Великий, ни Евфимий Великий, ⁷⁷ ни Иоанн Лествичник, ⁷⁸ ни Сава Освященный, ни Феодосей Великий, ни Аполоний Великий, ни Симеон Чюдотворецъ, иже на Дивней горе, ни Афонасей Афонский, ни Феодор Студийский, ни иные || прежние ^а 512 об. началници сел ⁷⁹ у монастырей своих не имели. ⁸⁰ Аще кто и давал им села, ⁸¹ ин и ⁸² не имали, но жили безыменно по Евангелию и по своему обещанию.

Тако же и Росейскыя ⁸³ земли здешние началници и чюдотворци, Антоний и Феодосей Печерский, иже в Кieve чюдотворци, и Сергей Радуженский, и Кирил Белозерский, и Варлам Новгородский, ⁸⁴ и Денисей Глушитский, и Дмитрий Прилутский, и Павел Комелский — сел к своим монастырем не имали, но своих учеников учили по Евангелию жити и по иночьскому обещанию, но и паче запрещали им о сем своим писаниемъ, ни в мирскыи ни в какие вступатися вещно. ⁸⁵ Понеже села дръжати епископом у соборные церкви нищих ради или убогих, и иное церковное богат||ство, а не иноком, ни монастырем по своему обещанию. И аще кто ^а 513 целомудрен смысл имеетъ по бозе, и правила такоже повелевають, наипаче запрещали им о сем своим писаниемъ, ни в мирские вещи никакие вступатися.

Но, ⁸⁶ о горе, увы, преступив заповеди божиа и отецъ своих учения, села к монастыремъ емлють и покупають, и владеют ими, и вся злаа съдевается от них иноком, съпротивна к божиим заповедемъ. Ох, что будеть в день судный! Едину заповедь преступить человек, мнии наречется в царствии небеснемъ. Толк: ⁸⁷ А мнии, ино ничто — мука вечная и геона огненная. А в Апостоле и в святых отецъ писании многаа таковаа запрещения не хранящимъ заповеди божиа. ⁸⁸ И в Воскресном евангелии || на ^а 513 об.

^а На нижнем поле л. 511 киноварью написано о отвержении же мира — зри в Воскресном евангелии в 3-ю неделю поста. ^е На нижнем поле л. 511 об. киноварью написано в Евангалии.

⁵⁹⁻⁶⁰ зачало У. ⁶¹⁻⁶² Нет У. ⁶³⁻⁶⁴ Нет В. ⁶⁴ Нет У. ⁶⁵⁻⁶⁶ Нет У.
⁶⁶ Нет В. ⁶⁷ Доб 50 У. ⁶⁸ Доб. и ВУ. ⁶⁹ 61, 160 В. ⁷⁰ Доб. господь В. ⁷⁰⁻⁷¹ Нет У.
⁷²⁻⁷³ Нет У. ⁷²⁻⁷⁴ Нет В. ⁷⁵ Доб. Вкратце и на семен день летопровождение В.
⁷⁶ Нет В. ⁷⁷⁻⁷⁸ Нет ВУ. ⁷⁹⁻⁸² к монастырем У. ⁸⁰ Доб. августа первый о сем же три поучения В. ⁸¹⁻⁸² и они В. ⁸³ Руския ВУ. ⁸⁴ ноугородский У. ⁸⁵ вещи У.
⁸⁵⁻⁸⁶ Нет ВУ. ⁸⁷ Нет ВУ. ⁸⁸⁻⁹² О сем же, что в русских наших правилах 4-го събора правило 24, и седмаго събору правило 12, 18, писано к монастырем села, и сее блазнено по божественному писанию, кто будет сим святаа писаниа под-

успение святыа богородица. Съблюдаим же, братие, заповеди божиа, и почитаемъ повеления его, потом же и предания отчьскаа съблюдаим, иже бо заповеди божиа не съблюдають люботрудно. От преданих же отчьскихъ упражняющесе човекоугодиа ради делает, сего ради и мучими будутъ. бог, рече, ради сѣи пакости човекоугодником.⁸⁹

В Никоне о землях⁹⁰ и епископом,⁹¹ в слове 2-м, 34-м, 35-м и 37, посланий Никонском⁹² в 14⁹³ слове о различие отрицания священничества в конце слова от задние доски. Патриарх антиохийский постави инока в игумены, а на завѣтре священство с него снем,⁹⁴ понеже не достоинъ служити, а учителем братию его благословил на духовне водити, понеже⁹⁵ учению к⁹⁶ братие доволен || по святому писанию. И⁹⁷ осмыа грани в 7 главе правила святыхъ апостол 41 и 59 и в середци 9, како епископом питатися и убогимъ подавати. И 11 грани правила свягата Василиа 19 и собора, иже в Халкыдоне, правило 4 девятые грани — без епископла вопрошения не пострижи, таго же собора правило 16. О постригающихъ и⁹⁸ о постригающихся⁹⁹ святыхъ апостол правило 82,¹⁰⁰ правило 4-го събора 4-е, и седмаго събора правило 19, и 20, и 21, и 22, събора 1-го и 2-го¹⁰¹ правило 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7. А в Никоне¹⁰² в 4 слове¹⁰³ и 5-м слове,¹⁰⁴ и 35, и 44-м, и 45-м¹⁰⁵ — о сем же и о епископех.¹⁰⁶

И о нестяжании в Никонской книге слово 34-е. И в Матфее о нестяжаний же и непослушающихъ словесъ божиихъ зачало 35, и 36 зачало, || и 37: Егда гонят ми в граде сем и выбегайте в другый. И о проповедании и 38: Всяк убо иже исповесть мя пред человеки, исповедемъ его, и аз пред отцем моим, иже на небесах.

В послании Никонском: о Галасеее беспристрастие о землях в 1-м слове в конце перед святци. Во Спиридониеве чудотворцеве житии сему же подобно о селах декабря 12. В Ефреме наказание о блаженных и о земныхъ слово 43 и 44-о храме тела и о чистоте его и о земныхъ. И 85 о страшномъ суде. И Федоре Студитскомъ слово 7, 8, 57, и 80, 78. Иноком же в 13 главе от Постникова моноканона. Подобне и свягий Исаиа учит сим последующая глагола сице: Да не нерадиши о заповедех || божиих, зане же ниже прѣваа твоя съгрешения простятся. В Никонском послании в 2-м слове: Ибо божественни отци не инако какъ приемлютъ иночьское жительство, но по законоположению постныхъ словесъ великаго отца нашего Василиа и прочихъ святыхъ отецъ. И еще же и житие свягата Пахомиа, яко начальника суща и съвршителя общежителныхъ завещаний. В Матфее о учителяхъ в зачалехъ 203-м, 204, 205, а о сем и иноком. Горе вам книжници и фарисеи лицемери, яко подобитесь гробомъ повапленом, иже вне юду убо являются красни, внутрь юду же плъни суть кости мертвыхъ и всякая нечистоты таковымъ. Вне юду убо является чело || векомъ праведни, внутрь юду же есте плъни лицемерие и безакония.

В Ыване в зачале 67, что, рече: Вслед мене гради, или последуй ми. Толк: Сиречь в всехъ делехъ и словесехъ, ибо по стопамъ его житиа ходяща и

писал ложно в нашихъ русскихъ правилахъ, что к монастыремъ села дрѣжати. Ино изъ богородцкихъ правилъ съборныа церкви московския греческого писма, что вывезено изъ Царяграда митрополитомъ Фотеомъ, и в техъ правилахъ селъ к монастыремъ не писано дрѣжати. А се те переводныа правила: 4-го събора правило 24 и седмаго събора правило 12 и 18 У. ⁸⁸⁻⁸⁹ Нетъ В. ⁹⁰⁻⁹¹ Нетъ В. ⁹³ Нетъ У. ⁹⁴ сняться У ⁹⁵⁻⁹⁶ ученик У. ⁹⁷ Доб. отъ В. ⁹⁷⁻⁹⁸ Нетъ У. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ Нетъ ВУ. ¹⁰¹ Доб. 3-го У. ¹⁰²⁻¹⁰⁵ 4 слово и 30-е У. ¹⁰³⁻¹⁰⁴ Нетъ В. ¹⁰⁶ Здесь кончается текстъ В; доб. августа в первый о семъ же три поучения. Месяца ноября в 1 день на память святыхъ чудотворецъ Козмы и Дамьяна. В Евангелии в воскресномъ: Ту не приясте, ту не дадите. Поучение о заповедехъ божиихъ, месяца того же в 13 день, в послании Никонскомъ в 14 У. Этой фразой кончается текстъ У.

подобящися ему в всяком известии, таковии въследуютъ ему. В Никонской книге в 1-м слове о молитве и послушании и о божиих заповедех: Криво-сказующих от своего сердца по плотских волях наших и ради сих все христианство упражняемъ, недугъ же се святыми отци ересемь съпричитается и нарицаются таковии кривосказатели и противу падению своему именованиа стяжаниа и прочее. В Никоне 63-м слове, от градскаго закона после ереси — и сиа правила яже предрекохом подобней градстии закони сице глаголять: Яко еретикъ есть еретичьскимъ подлежить законом и мало что || укланяйся от православныа веры. И Василя Великаго правило л. 516 85 тому же подобно.

В 2-мъ слове о учителях и о учиницах, и о послушании Иван богослов глаголя: Яко мнози блазнители изыдоша в мир, и всяк убо преступай и не пребываай в учении Христове. Се бо не имать пребываай же в учении Христове — се отца и мать и сына. И в третиемъ о сем же и прочее. И апостолово: *Аще мы сами или ангел благовестить вам с небеси, еже паче благовестихом — анафема да будетъ. И паки в третием слове о святем душе Златоустаго: Аще кто от Евангалиа учить и глаголетъ — се есть от святаго духа. Аще ли кто от своего разума учить и глаголетъ — сии есть от лукаваго. И в 2-м к сему же о ересех их лукавых и прочее. В пред- л. 516 об. словие || послании Никонском: Вся яже чресь церковнаа правила учител- ства и въображение святых приснопамятныхъ отецъ новосътворенаа или по сем съдеатися хотяща анафема ему и прочее. И 4-мъ слове: тако же о семь пишеть к концу слова. И паки в 8-мъ слово: Застороницю яко любя и бога, не оскорбляеть, ни оскорбляется на кого временныхъ ради. Еди- ною же скорбию оскръбляеть и оскорбляется спасеню, ея же блаженный Павел оскорби коринфяны и оскорбися и прочее. Тако же о съблажняю- щих и о съблажняющихся и о гневающихся. В Евангелии о душе святемъ в неделю 50-ю и в Матфее зачало 116, а в Иване в зачале 27, а в Апостоле зачало 73 и 96, а в Василии Великом 144 в Постыничьскихъ словах о душе святем || в себе имущем. А в Сборнике в постномъ слово 1 Ивана Злато- л. 517 устаго в неделю 50-ю и Поучение о том же, и о пьянстве.*

И в Никонской книзе в 3-мъ слове о святем душе Златоустаго: *Аще кто от Евангалиа учить и глаголетъ — се есть от святаго духа, аще ли кто от своего разума учить и глаголетъ — сии есть от лукаваго, прочее. В втором слове к сему же о ересех лукавых.*

Григориа Синаита. Иже кроме духа пишуще и глаголюще и церковь създати хотящей, еще внисуть, яко же негде рече божественый апостол: Духа не имущей, таковии бо повинни суть клятве глаголющей — горе разумным в себе и пред собою художным, от себе бо глаголють, а не дух божий есть глаголяй в них по господню словеси, от своих убо помысл преже чистоты || глаголющей — духом мнениа прелстишася. О сем бо гла- л. 517 об. голеть притча: Видех мужа мневша в себе мудр быти, упование же пачи его имать безумный, еже не бывайте мудри о себе, премудрость запрещает нам. Но и сам испльненный духа божественый апостол исповедаеть глаголя: ни бо доволни есмы о себе помяшляти что, яко от себе, но доволство наше от бога и еже не яко от бога пред богомъ о Христе глаголемъ. Но таковых словеса не сладкая и не просвещена, не от живаго источника духа при- емлюще и глаголюще, но яко же от некоего езера тименнаго сердца, пиавица и змия и жабы, похотемъ възношениа и невъздръжаниа имущаго, питающе; и вода разума их смердящи мутна же и тепла, юже пиюще и на възгнушение же и скалредие, и блевание пременуемы обращаются. л. 518 В Евангелии от Матфеа о обличении в зачале 75, а в Апостоле в Ъвановех соборных посланиих: Горе им, иже в путь каиновъ входяще по своих похотех и сквернавых; в зачале 229-м и 286-м и 295-м и 297 и 302.

А в Василии Великом о том же в постничьских словесех число 29, 57, 58, 142, 161, 187. А в Златоустове слове 61-м: Не приобидети святых таин и о обличении гресех браних. А во Апостоле же о премудрости духовней и плотской зачало 96, и паки о лукавных самолюбцах и непокорных, зачало 295, 296.

В правилех святых отецъ собора 7-го правило 17, 1-я грани, в 2 главе събора 1-го и 2-го правило 1, 2-я || грани в 2-й главе, събора 4-го правило 3 и 4, Кирила архиепископа александрьскаго от послання, еже к Домну, правило 2, 1-я грани, в 6-й главе — не повелевають в мирския вѣступатися иноком по своему обещанию, ни в села, ни во что ино по сим правилом.

О сем же, что в русских наших правилех * 4-го събора правило 24 и седмаго събора правило 12 и 18 писано к монастыремъ села, и сие есть блазнено по божественному писанию, кто будетъ сим святаа писання подписал ложно в наших русских правилех, что монастыремъ села дрѣжати. Но из богородицких правил соборныа церкви московския греческаго писма Феодора Валсамона толкование, что вывезены из Царьграда митрополитом Фоти||ем, и в тех правилех в всех сел к монастырем не писано дрѣжати.

А се те переводныя правила: 4-го събора правило 20, и седмаго събора правила 12 и 18, събора четвертаго правило 24. Коя единою освященна суть монастырие изволениемъ и рассужениемъ епископа да пребудуть в век монастырие и пристоящая им имениа да съблюдаются, и да не к тому отворятся мирская жилища попускающихъ же сия бывати, да повинни будуть правилнымъ запрещениемъ. Настоящее правило повелеваяй не быти мирскимъ жилищемъ, ниже осквернятися, коя изволениемъ епископа освященна суть монастырие, съблюдати же и пристоящимъ имъ вѣщемъ неоткровенне из||ъвляет о съзидании монастырей. Заже рещи, того ради понеже рече, по изволению епископа, разумети же можеша пространнее как подобають быти монастырие, — от перваго правила събравшагося събора в храме святыхъ апостол и от пьрвыа главы правила грани четвертыа книги царств, яже есть глава 52, 123-го Устиниана новаго закона, еже въкратце поставлено есть в 1-й главе 11 грани настоящиа книги.

Въпросит же кто, какимъ съхранениемъ вещи монастырьскыа съблюдатися правило повелеваетъ и кая суть сия? И нещи убо реща, яко подобаеть вся монастырская подвижная и неподвижная, якоже и самыа те монастырие да съблюдаются неотводне цела * || и некосновенна. Мне же видить, яко правило зде о стражьбе глаголетъ велией, сиречь о наивышшемъ прилежании, зане пристоящихъ имъ неподвижныхъ, такоже и некои освященныхъ съсуд, некогда попускаетъ продание. И прочти весма втораго титла 5 книги царств, учащее от благословныхъ некои вин не токмо заложити церковнаа неподвижнаа и священныа съсуды, но и продати всякимъ продааниемъ, понеже глаголетъ попускающиа осквернятися монастыри, да будуть повинни правилнымъ запрещениемъ.

Въпросить же некто, кая суть сия? Да вем убо, яко 13 правило седмаго събора глаголетъ, оскверняющихъ священная и не отдающе в прежний чин, аще освященниа суть, да изврѣгутся,* || аще же прости мниси, да отлучатся чести. И 49 правило събора, събранаго в Трулеполатнемъ, събора седьмаго правило 12: Аще кто епископъ обрящется или игуменъ от автургой, сиречь от самоплодныхъ стяжаний, епископпа или монастыря отдасть или

* Напротивъ этой фразы на поле киноварью написано зри прилежно. а На нижнемъ поле л. 519 киноварью написано в Евангелии. б На нижнемъ поле л. 519 об. киноварью написано воскресном. в На нижнемъ поле л. 520 киноварью написано вкратце.

продать, или в насажение дать, или променить поруку велможа некоего, или иному человеку отдать на время, уреченое, да будет отменно сие отдавание по правилам святых апостол, глаголющему всех церковных вещей епископ да имать попечение, и да управляет тая акы богувидящих, ниже лепо есть ему присвоити что от тех, или сродником своим, яже суть божиа, даровати, аще же убози суть, да подасть им акы убогим, и да не^а || их ради, яже суть божиа, продать. Аще же вину вносить, яко убыток творить и ничто к угодию бывати стяжанию, ни тако велможам в тех местех бывающих, да продать место то, но или клюриком, или земледелателем. Аще же коварьством злым обычествуют и у земледелца или клирика купить велможа то стяжание, и тако ни во что будет продание то, и стяжание отдасться епископии или монастырю, а епископ или игумен сие сътворивый, изгонится, епископ убо от епископства, ли игумен от игуменьства, акы расточившиа, яже не събраша. Толк. Рече Моисеом бог: Приносимаа богу да не прменяется, но неподвижна да пребудут, аще^м || и хужьша суть, за еже прменяются; аще же глаголеть прменяа, прмениши то, да будет то и вымененое свято господева. Глаголеть бо правило: Не пратися ниже отдатися от епископа или игумена какову нибуди человеку самоплоднаго стяжания епископа или монастыря; аще же ни, да будет ни во что оно продание или отдание. По 38-му правилу апостольскому прилагает же яко, аще вину вводить епископ или игумен стяжанию быти бесприхода и церквам убыток наносящу, отдавание убо то да будет, обаче не велможам, но клириком или поселяном. Понеже бо можаху неции превратити правила повелеша отци, ако аще некогда коварьством приидеть в силнаго руку церковная вещь по ||^н средством простаго человека или клирика, показавшим себе, взяти оно неподвижное стяжание, да и сице ни во что да будет съдеаннаа, и да отдадутся церкви неподвижнаа, изъгнати же ся и сие сътворив епископу или игумену от епископа или игуменьства. И правило убо сие повелевает, понеже бо самоплоднаа стяжания суть коа теми вещьми, аки от себеносящаа плоды, яко же сие соленая места, маслины, винограды, пожни, мельницы, сараи, и прочая подобная.

Въпроситъ же кто о сицевых самоплодных, повелевает правило, или о всяком неподвижном добрыхъ приходы имущем, и глаголем, яко о обоих повелевает, и глаголеть неподвижнаа убо благоприходная, яко же самоплоднаа, да не продадутся || и не отдадутся, кое же истинною, а не лицемерьством, без прихода стяжание будет, да отдасться. Сего ради аще самоплодная отнюдь будет негодна, нечто же место поженное, аще потопает от речнаго наводнения, или приградие селное,^о аще насельники обитаемо внове, добро приходно будет, сие убо ради доброприходиа да не продасться, тоже аще и самоплодно глаголалешя отдасться, зане угодие и лишение прихода, не бо нарицания ради, но прихода ради имеютъ продатися или ни. А еже приход имеющее не продаются, коя же не имеютъ по нужи належащей, церквам продаются, яве показуется от 26-го правила карфагенскаго събора попускающу сиа, но с рассуждением. || Тако же и великий Кирил в второй главе послание его к Домну непроедаемо быти повелеваетъ священныя съсуды и неподвижнаа стяжание церковная, но и сие правилом карфагенскаго събора разум.

^а На нижнем поле л. 520 об. киноварью написано августа 1-й. ^м На нижнем поле л. 521 киноварью написано и на Семен день. ^н На нижнем поле л. 521 об. киноварью написано летопрвожение. ^о К словам приградие селное на нижнем поле тою же рукою, которой написан основной текст, сделано примечание: сие глѣкуется проастион, сиречь пашни и виногради, а не села с житейскими христианы. К этому примечанию тою же рукою сделано примечание на боковом поле: агрос толкуется на трое: сиречь село, где люди живут, и паки виноград и пашни без людей, яже преградие зовутся, и третие — лугы.

Того же събора правило 18. Непредѣткновенни бывайте и внешним глаголетъ божественый апостол, женам же пребывати в епископиях или в монастырех всякого преткновения вина есть. Аще убо кто рабыню или свободну в епископии имея обрящется или в монастыри на послужение потребы некоеа, да запретится, пребываяже в том же да извержется. Аще же прилучится и в приградии женам быти и похощеть епископ или игумен тамо путь творити, бывающу же тамо епископу или игумену^н ||, да никако обычая служебна да сътворитъ жена в то время, но да отидеть в ино место, дондеже отшествовие сътворитъ епископ зазора ради. Услышав же, яко же видится святии отци, что по епископиях и монастырех живутъ жены, реша, яко зане великий апостол Павел к коринфом посылая повеле непреткновенным быти нам, не токмо внутреним, но и внешним, сиречь не токмо верным, но и неверным, съжительствовати же епископом с женами или игуменом в монастырех или во епископиях, всякого претвкновения есть виновно, и поношения не мала церковнаго уставления длѣжни суть. Подобають запрещатися таковое что творити, хотящеи пребывающем же

л. 523 об.

л. 524

в том же, да изве^п||ргутся, яко же некоему глаголавшу неразумно быти, яко да накажутся тии, иже некоем прилучаем снидутся с женами, прилучает бо ся некоему от них мимохожениемъ гостиньствовати в приградии некоем жены имущем, а епископ или игумен не может отслати съединения их, повелеша аще прилучится сие, никако служити женам бывающу ту епископу или игумену, но вместо ино отити женам и почити, донде же они отидут, послужению же их быти от мужей, сице бо не зазорно, сиречь несъблазнено от тех съблюдется, или же аще обратно в епископии или в монастыри с женами не съжительствуютъ, но и во ином обитание прощение ли дасться им. Ответ ||: сие правила убо, яко же многажды рехом, и 57 глава пръвья грани третья книги царствъ заповедуютъ освященному некоему с зазорною женою не съжительствовати кроме матери и дщери и сестры и иных незазорных лиц. 50 же 7 глава тоя грани, часть сущая, 137-го Устинианова уставления глаголетъ сна яве: епископу же никоева отнудъ жены имети или с нею обитати попущаем, аще же объявится сие творя да извержетися от епископства. Аще убо епископ просто събитая с женою с какою где нибуди извержется, множае паче иже в епископии таково нечто сътворит, скоро да извержется, яко же мне видится без всякого разсуждения.

л. 524 об.

л. 525

Но 15 глава первьая грани, четвертыя книги ца||рствъ запрещает не токмо пребыти жене в монастыре мужьском, или обратно, но ни отнудъ внити в него коеа ради потребы. Смотри же правила, глаголющее, яко ни рабы ни свободная с епископом или игуменом съжительствовати коеа ради вины не подобает, но яже речена суть о женах, бывающих в монастырех, просте разумеются, в приградиих властию пристоящих епископии или монастырех, аще бо они гостиньствовати будутъ в гостиницах или в чюжих приградии немощно есть, яко же мню, заповедь правила съблюсти. ^с

^н На нижнем поле л. 523 киноварью написано о сем же. ^р На нижнем поле л. 523 об. киноварью написано три поучения. ^с На боковом и нижнем полях л. 525 киноварью написано примечание: Из бытти в Паремее в четверг на вечерне в Федоровой недели пишет: Сътвори бог траву селную и звери селныя. И паки в псалме 103-м: Посреди гор пройдут воды, напоют вся звери селныя. Сие зриши в бытти в начала: Где еще толвы села были с людьми, бог бо повелеша тогда еще люде питати травною сеное и зверми и скоты. Понеже село толкуется общее имя в Евангелие в толковом, в Матфее в зачале 51-м, 52-м, 53-м, 55-м, 59-м, 95-м, 102-м, 111-м: село, скуделнице, сиречь, место. И паки в Луце зачало 66, 79, 84-м. О сем же едино бо толкуется: село, и нива, и пашни, и пожни, и место, и мир, и яже суть в мире.

Д. Н. АЛЬШИЦ

Неизвестные послания Ивана Грозного

В 1571 году вновь повеяли над Русью отравленные ветры чумы. Смертоносное поветрие накатывалось одновременно с юга — из Персии и с запада — из Германии.¹ Опустошительная сила этой эпидемии хорошо видна из челобитья архимандрита Троице-Сергиевского монастыря Феодосия на имя царя Ивана Васильевича, пересказанного в царской жалованной грамоте: «... а сказывал, что у них во всей Троецкой вотчине стало божье посещение: крестьяне от глада и от поветрея вымерли и нынеча, деи, наши посланники нашу дань и кормы всякие, наши подати и пошлыны с пуста емлют. . . деи, у них в Троецкой вотчине осталось ни тридцатого жеребья. . . и нам бы, богомольца своего архимандрита Феодосья с братьею пожаловати: Троецкой отчины сел и деревень с пуста дани и кормов и всяких пошлын имати не велети, до тех мест, до коих мест на те пустые места жилцов не назовут».²

Публикуемый документ наглядно показывает, что борьба с эпидемиями на Руси того времени носила вполне осознанный характер, проводилась как важнейшее государственное мероприятие, направлялась и строго контролировалась из центра.

4 октября 1571 года на Кострому, воеводам, специально посланным туда с войсками — «беречь от поветрея», была направлена царская грамота. Выговаривая воеводам за то, что долго не сообщают ему данных о поветрии, царь в резкой форме напоминает им, что ему нужны систематически представляемые сведения. Его интересует немедленная информация: о количестве умерших; об отношении их числа к плотности населения; о внешних признаках болезни — со «знаменем, или без зґамяни»; о колебаниях силы эпидемической вспышки.

Естественно, что такие сведения царь хотел иметь в Москве не из праздного любопытства. Интерес к ним указывает на то, что, обобщая статистические данные об эпидемии, надеялись выработать, на основании их изучения, новые эффективные меры по борьбе с чумой, сверх тех, которые уже применялись. Царь напоминает воеводам, какие они должны проводить мероприятия в целях локализации эпидемии, ссылаясь при этом на свой «первый указ», к сожалению, до нас не дошедший. Из текста грамоты вырисовываются два основных направления борьбы с чумой: строжайшая изоляция

¹ Ф. А. Дёрбек. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905, стр. 39.

² Эта грамота ошибочно датирована издавшим ее князем Хилковым 1579 годом, что является результатом недосмотра при переводе даты «7079, марта 17»: вместо 1571 года — напечатано 1579-й (см.: Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879, стр. 160—161).

пораженных болезнью районов и применение огня как решительного средства уничтожения очагов инфекции.¹

Еще более значительный интерес, как нам кажется, публикуемый документ представляет с другой точки зрения. Перед нами еще одно, неизвестное ранее, произведение Ивана Грозного. По ряду признаков можно заключить, что эта грамота не только подписана, но и написана или продиктована царем. Об этом свидетельствует своеобразный стиль грамоты, присущий сочинениям Грозного, и даже самый тон державного окрика, обращенного к воеводам: ² «А ты, князь Михайло, почему к нам о поветрии не пишешь?! А послан ты на Кострому беречь для поветрея наперед Дмитрея и Данила Салтыковых. И ты для которого нашего дела послан а то забываешь, большую бражничаешь, и ты то воруеть!».

В этих словах весь Грозный. Неисполнение государственной службы для него, как обычно, так и здесь, выглядит личным оскорблением, вызывает прилив ярости, которая не мешает ему в следующей же за этим фразе перейти к деловому изложению, а в конце послания прорывается вновь свирепой угрозой: «А будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрея — и вам быть от нас самим сожженными».

Несмотря на жестокую реальность этой грозы напрашивается мысль о литературном характере ее происхождения. «... и вам быть от нас самим сожженными», подобно тому как вы там, в Костромском уезде, сжигаете трупы и имущество заболевших, — таков ход мыслей автора этих строк, пришедшего к угрозе — казнить именно сожжением, а не как-либо иначе, — через сравнение. Перед этими словами в грамоте ни разу не говорится ни о каком сожжении. Таким образом, предыдущий текст не давал оснований сказать: «быть вам самим сожженными» — и словосочетание это казалось бы не оправдано и непропорционально. Происхождение этого словосочетания могло быть только таким: когда автор грамоты говорил об эпидемической вспышке в Костромском уезде, перед ним возникали зрительные образы «поветренных мест», где в смрадном безмолвии омертвелых селений трещали костры из трупов и скарба их вчерашних жителей. Зрительные представления о том, о чем шла речь, могли возникать у всякого. Но такая сила образного мышления, при которой почти нет расстояния между образом и реальностью, когда мысль, порожденная образом, тут же принимает конкретно-деловое направление, — это уже не обычное явление. Это характерная, хорошо известная, многократно проявленная черта царя-писателя Ивана Грозного.³

Публикуемая одновременно другая грамота царя, от 21 августа 1580 года, является ответом на донесение воевод из Стародуба о захвате пленных и перебежчиков при отражении набега литовцев. Грамота, приказывающая повесить изменников и доставить в Москву пленных, явно продиктована царем в ответ на зачитанное донесение.

¹ Ср.: А. Ф. Змиев. Наши первые карантинные не там где их искали. «Еженедельная клиническая газета» от 9 февраля 1888 г., стр. 112—113; Н. Новомбергский. Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907, стр. 322—323.

² «В массе грамот, дошедших от времени Ивана, и при том данных от лица его. мы встречаем несколько таких, которые как будто стоят на грани литературных произведений и официальных документов» (И. Н. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича. Сочинения, т. I, СПб., 1904, стр. 85).

³ «Тем и выдаются писания Ивана IV в ряду других памятников старорусской письменности, что в них резко отпечатались личные особенности душевного настроения и характера автора» (И. Н. Жданов, ук. соч., стр. 156; разрядка И. Н. Жданова).

Признавая публикуемые грамоты новыми для нас произведениями царя Ивана, мы считаем уместным по этому поводу еще раз поднять вопрос о желательности начать подготовку издания его сочинений. В распоряжении исследователей их накопилось теперь немало. Все они, хорошо ли, плохо ли — но опубликованы, когда под именем автора, когда без него. Нам представляется, что необходимо, создав сначала полный список сочинений царя Ивана, издать их полностью, так же хорошо, как изданы теперь его послания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Лета 7080 году на Костроме были для поветрия моровова на заставе князь Михайло Федорович Гвоздев-Ростовской, да Дмитрий, да Данило Борисовичи Салтыковы. А с Костромы были в Свияжском. И от государя грамоты посланы на Кострому.

Список з грамоты от царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси на Кострому князю Михайлу Федоровичю Гвоздеву, да Дмитрею, да Данилу Борисовичам Салтыковым:

«Приехали, есте, на Кострому сентября в 26 день. И того месяца представилось на Костроме семьдесят три человека до двадцать осьмага числа. А того, есте, к нам не отписали подлинно: на Костроме ли, на посаде, или в Костромском уезде; и какую болезнью умерли — знаменем ли, или без знамяни. А ты, князь Михайло, почему к нам о поветрии не пишешь?! А послан ты на Кострому беречь для поветрея наперед Дмитрея и Данила Салтыковых. И ты для которова нашего дела послан, а то забываешь, большая бражничаешь, и ты то воруеть! И как к вам ся наша грамота придет и вы б отписали подлинно, на борзе: уж ли на Костроме, на посаде и в уезде от поветрея тишает, и сколь давно, и с которова дни перестало тишеть? А буде от поветрея не тишеать, и вы б однолично поветренных места велели крепить засеками и сторожами частыми, по первому нашему указу. И сами бы, естя, обереглись того накрепко, чтобы из поветренных мест в неповетренные места не ездили ништо, никаков человек, никоторыми делы. Чтоб вам однолично из поветренных мест на здоровые места поветрея не навезти — розни бы у вас в нашем деле однолично не было ни которые. А будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрия и вам быть от нас самим сожжеными.

Да послал, есмя, на Унжю, ко князю Осипу Гвоздеву грамоту. И вы б ту грамоту ко князю Осипу отослали тотчас, не распечатывая.

Писано в Слободе, лета 7080 году, октября в 4 день.

(«Разрядная Книга». Эрмит. собр. ГПБ, № 390, лл. 370 об.—371).

II

... в Стародуб прислана от государя грамота, а в грамоте пишет, — список з грамоты:

«От царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси в Стародуб намеснику нашему князю Михайлу Васильевичю Мецецкому, да Ортемью Ивановичю Колтовскому, да Юрью Пятрову сыну Левонтьеву. Писали, есте, к нам, что приходили на Стародубские места литовские люди и вы за ними посылали с охочими людми, с козаки Федора Шелимова; и Федор за

теми людьми ходил и, дошед, литовских людей побил, а взял у них четыре человека живых: Ивашка Филипова, Фетку Иванова, Яшку Гаврилова да Гришку; и сказал Гришка, что он перебежал в Литву ис Почапа, а был у Кучеслава у Старова; и вы тех мужиков посадили в тюрьму до нашего указа. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б того переметчика да кучанка Старова да Гришку повесели, а Ивашку и Фетку и Якушку прислали б к нам к Москве з детьми боярскими и с россыльщики, а велели их вести перековав, чтоб з дороги не ушли и дурна б какова над собою не учинили б. Да ты, Юрьй, почему глупаешь, не пишешь ся меньше Ортемья? Нечто будет тебе то зделали Щелкаловы, а мы тебе так наперед Ортемья писатца не велели, и ты б впредь писался с Ортемьям, и делом нашим промышляли вместе со князь Михайлом и с Ортемьем. Писана на Москве лета 7088-го, августа в 21 день.

1 («Разрядная книга». Эрмит. собр. ГПБ, № 390, лл. 594 об.—595).

Б. В. САПУНОВ

К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве

В специальной литературе версия о пожаре типографии и бегстве Ивана Федорова сложилась не сразу. Своим происхождением она обязана митрополиту Евгению и главным образом Н. М. Карамзину. В 1818 г. Евгений писал: «После Апостола... типографщики, от невежд и суеверов обвиненные в ереси и волшебстве, принуждены были удалиться в Польшу».¹ В «Истории государства Российского» Карамзин высказывал по этому поводу следующее соображение: «Сие важное предприятие (устройство типографии, — Б. С.)... возбудило негодование многих грамотеев, которые жили списыванием книг церковных. К сим людям присоединились и суеверы, изумленные новостью. Начались толки, и художник Иван Федоров, смертью Макария лишенный усердного покровителя, как мнимый еретик должен был вместе со своим товарищем Петром Мстиславцем удалиться от гонителей в Литву».² По поводу пожара типографии в примечании 91-м IX тома читаем: «Флетчер пишет, что... типография Московская сгорела ночью, заженная, как думали, суеверами».³ Неизвестно, на основании каких источников Карамзин утверждал, что главными противниками книгопечатания были переписчики книг. Иван Федоров был по этому вопросу другого мнения. В послесловии львовского Апостола 1574 года Иван Федоров, рассказывая о причинах своего отъезда из Москвы, писал: «...презельного ради озлобления, часто случающагося нам не от самого того государя, но от многих начальник, и священноначальник, и учитель, которые на нас зависти ради многия ереси умышляли... якож обычай есть злонаравных и ненаученных, и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навикше, ...сия убо нас от земли и отечества и от рода нашего изгна, и в ины страны незнаемы пресели»

Ни в этом послесловии, ни в каком-либо другом сочинении Иван Федоров никогда не называл переписчиков книг в числе своих врагов.

Д. Флетчер, посетивший Россию в 1588 году в качестве посла английской королевы Елизаветы, писал в своих записках: «...вскоре дом ночью подожгли, и станок с буквами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство».⁴

Как видно из сравнения текстов, Карамзин, ссылаясь на Флетчера, неверно цитирует последнего. Вместо «духовенства», о котором говорит

¹ Митр. Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российския церкви, ч. I. СПб., 1818, стр. 281.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб., 1843, кн. III, т. IX, гл. 1, стлб. 28.

³ Н. М. Карамзин, ук. соч., Примечания к IX тому, стлб. 20, № 91.

⁴ Д. Флетчер. О государстве Русском. Изд. 2-е, СПб., 1905, стр. 96

Флетчер, Карамзин в поджоге типографии обвиняет «суеверов». Не следует он также за послесловием львовского Апостола 1574 года.

С. М. Соловьев, не приводя никаких новых данных, утверждал: «Есть известие, что типографский дом был сожжен неблагонамеренными людьми», а печатники вынуждены были «бежать за границу»¹ Что это за известие, Соловьев не указал. После этого рассказ о бегстве Ивана Федорова и пожаре его типографии стал широко повторяться, хотя документального подтверждения так и не получил.

В логической связи с легендой о бунте переписчиков стоят утверждения о буржуазном характере русского книгопечатания, о том, что низкая цена первопечатной книги была существенным мотивом к основанию первых московских типографий.² Подобное утверждение неверно прежде всего фактически. Собранные нами сведения о движении цен на рукописные и печатные книги XVI—XVII веков, данные, полученные в результате изучения состава книжного фонда ряда библиотек XVI—XVII веков, привели нас к убеждению, что в середине XVI века у переписчиков книг не было никакого серьезного экономического основания бояться конкуренции печатного двора.³

Представления о том, что переписчики были в числе активных врагов типографского дела, дожили до наших дней. С В. Бахрушин писал: «Есть известие, что работа типографии прервалась вследствие пожара типографии от поджога. Виновниками прекращения деятельности типографии были, повидимому, переписчики книг, боявшиеся потери заработка»⁴ То же самое С В Бахрушин утверждал и в «Истории Москвы».⁵ Врагами книгопечатания, правда, не основными, считает переписчиков и П. Березов.⁶ И В Новосадский полагал, что своей деятельностью русские первопечатники прокладывали дорогу буржуазным общественным отношениям, чем естественно должны были вызвать протест со стороны представителей класса феодалов.⁷ Согласиться с этим никак нельзя.⁸ Книгопечатание относилось еще к ремесленному периоду; с точки зрения материальных основ оно не подготовило новую характерную для капиталистического периода машинную технику. Эту новую технику подготовили другие изобретения: часы и мельница.⁹ Книгопечатание на Западе явилось одной из необходимых предпосылок буржуазного развития, но только по своей роли в идеологической борьбе. Между тем, политическая роль первопечатной книги в России была совершенно иной, чем на Западе. Книгопечатание в Москве возникло из внутренних потребностей классового феодального общества Руси XVI века и было теснейшим образом связано с его социально-экономическим развитием, с задачами культурной и политической

¹ С М Соловьев История России с древнейших времен СПб (1894), кн II, т VII, столб 534

² Иван Федоров первопечатник Изд Академии Наук СССР, М—Л, 1935, стр 48, 63, 67

³ Б В Сапунов Исторические предпосылки возникновения книгопечатания в России Автореферат, Л, 1954, стр 14

⁴ История СССР, I Изд 2-е, 1948, стр 351

⁵ История Москвы, I М, 1952, стр 246

⁶ П Березов Первпечатник Иван Федоров. М, 1952, стр 139

⁷ И В Новосадский Возникновение печатной книги в России в XVI в Труды Института книги, документа, письма, V, М—Л, 1936, стр 207

⁸ В специальной литературе уже писали об ошибочности общей системы взглядов И В Новосадского на возникновение русского книгопечатания См акад М Н Тихомиров Начало московского книгопечатания Ученые записки МГУ, вып 41, история, 1940, стр 82 и др

⁹ К Маркс Письма к Ф Энгельсу от 28 января 1863. В кн К Маркс, Ф Энгельс Избранные письма ОГИЗ, 1953, стр 137

централизации государства Русское книгопечатание в XVI веке не способствовало утверждению буржуазной идеологии и не могло вызвать враждебное отношение господствующего класса феодалов.

Ряд исследователей последнего времени относит к активным противникам Ивана Федорова иосифлянки настроенную часть духовенства. В 1940 году И. Бас писал, что смена на митрополичьей кафедре нестяжателя Макария иосифлянином Афанасием была одной из важных причин, заставивших Ивана Федорова, принадлежавшего якобы к партии нестяжателей, бежать за границу.¹ В лагерь противников Грозного относит иосифлян 1560-х годов также А. А. Сидоров.² Следуя за А. А. Сидоровым, подобную точку зрения разделяет и П. Березов.³

Предположение, что Макарий придерживался взглядов нестяжателей, ни на чем не основано. Специально изучавшие жизнь и деятельность Макария К. Заусцинский,⁴ В. О. Ключевский,⁵ Е. Голубинский,⁶ И. У. Будовниц⁷ и другие исследователи всегда считали Макария типичным иосифлянином, но умеренным. Трудно согласиться также с предложенной А. А. Сидоровым общей оценкой политической линии нестяжателей и иосифлян 1560-х годов.⁸

В научной литературе уже давно высказывалось недоумение по поводу той позиции, которую занял Грозный в судьбе Ивана Федорова. Если М. Н. Тихомиров считает, что первопечатники уехали в Литву с согласия царя,⁹ то А. С. Зернова высказывает по этому поводу прямо противоположное мнение: «... царь, очевидно, был за что-то против Ивана Федорова, только неизвестно, какого рода вину вменяли ему».¹⁰ Между тем, нет никаких оснований предполагать, что Иван Федоров мог находиться в числе политических противников царя. Необосновано также предположение В. Романовского, А. А. Сидорова и Б. П. Орлова о том, что Иван Федоров был близок к партии еретиков.¹¹ По крайней мере каких-либо данных об этом обнаружить не удалось. Апостол, изданный Иваном Федоровым в 1564 году, ортодоксален и по форме, и по содержанию.¹² Такие строгие ревнители первопечатности, как старообрядцы XVII и XVIII веков, пользовались первопечатным Апостолом. Никогда не отрицала его и ортодоксальная православная церковь. Если бы Иван Федоров бежал за границу как политический противник Грозного или как еретик, то ни официальная историография, ни народная молва не стали бы скрывать этот факт. Между тем, именно за Иваном Федоровым закрепилась почетная

¹ И Бас Иван Федоров Сер «Жизнь замечательных людей», вып 8, М., 1940, стр 118—119

² А А Сидоров Древнерусская книжная гравюра М, 1951, стр 61.

³ П. Березов, ук соч, стр 139.

⁴ К Заусцинский Макарий митрополит всея России ЖМНП, ССХVII, 1881, октябрь, стр 209—259

⁵ В. Ключевский. Древнерусские жития святых .. М., 1871, стр. 222

⁶ Е. Голубинский История канонизации святых в русской церкви Изд 2-е, М., 1903, стр 92—109.

⁷ И У Будовниц Русская публицистика XVI в М—Л, 1947, стр. 189

⁸ Там же, стр 100. См рецензию Л Черепнина на ук, соч И У Будовница «Вопросы истории», 1947, № 8, август, стр 121—123.

⁹ М Н Тихомиров, ук соч, стр 94

¹⁰ А С Зернова. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, стр 44

¹¹ В Романовський Друкар Іван Федорович, життя його та діяльність. Українська книга Труды українського наукового інституту книгознавства, т I, Київ, 1926, стр. 10 — А А Сидоров, ук соч, стр 61 — Б П Орлов Полиграфическая промышленность Москвы М, 1953, стр 35

¹² Г Воскресенский Древний славянский перевод Апостола и его судьба до XV в М., 1879, стр 38

слава русского первопечатника. В XVIII веке этого мнения придерживались Дмитрий Ростовский¹ и В. К. Тредиаковский,² присоединяясь к оценкам, данным труду И. Федорова еще в середине XVII века.³

Нельзя признать убедительными и предположения отдельных историков о том, что причины отъезда Ивана Федорова за границу следует искать в области личных взаимоотношений, которые сложились между первопечатниками и определенными кругами московской аристократии.⁴ В послесловии львовского Апостола Иван Федоров подчеркивал, что нападкам подвергался не лично он или Петр Мстиславец, а они, как представители «благого», «божьего дела», которое враги хотели «вконец погубить».

Наконец, А. С. Зернова считает, что вообще невозможно установить причины бегства или отъезда Ивана Федорова в Литву.⁵

Такое разнообразие во взглядах заставляет нас еще раз остановиться на обстоятельствах прекращения деятельности первых русских печатных дворов. Трудности изучения этих обстоятельств проистекают от ограниченности источников, имеющихся в распоряжении у исследователя. Ни в летописях, ни в архивных собраниях, ни в каких-либо документах по данному вопросу нет почти никаких конкретных указаний. Помимо хорошо известного места из послесловия львовского Апостола 1574 года и высказывания Флетчера, помимо самих книг, большой интерес для изучения причин гибели первого московского печатного двора имеет известие французского историка Андре Теве (1540—1592).

В 1584 году в Париже было издано его сочинение под названием «Подлинные портреты знаменитых людей» («Vrais portraits des hommes illustres»). Одна глава этой книги — «Василий князь Московский» («Basile duc de Moscovie») — была переиздана Августином Голицыным (1824—1875) в составе небольшого сборника на французском языке, в котором А. Голицын издал все, что было написано Теве о Московии.⁶ На стр. 165—166 указанной брошюры читаем: «Что касается книгопечатания, то москвиты ввели его в употребление только с 1560 г. Оно было открыто одним московским купцом, изготовившим шрифты, при помощи которых увидели свет многие очень красивые книги. Но все же, так как они очень подозрительны и создают трудности там где их нисколько не видно, по примеру греческих сектантов,⁷ некоторые из них путем тонкого коварства и подставных лиц нашли возможность сжечь их шрифты из страха, что печатные книги могут принести какие-либо изменения в их убеждения и религию. По этому поводу не было предпринято никаких преследований или розысков князем и его подданными».

Приведенные выше сведения Теве остались совершенно неучтенными в дореволюционное время. В советские годы на Теве ссылаются только

¹ Дмитрий митр. Ростовский. Розыск о раскольничей брынской вере. М., 1762, лист 9 об.

² В. Тредиаковский. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии. СПб., 1748, стр. 101.

³ Трефолой, М., 1638, июнь, июль, август, лист 172 об. — Сказание известно о воображении книг печатного дела. Издал П. Стросв в книге «Описание старопечатных книг славянских. Ив. Ник. Царского», М., 1836, стр. 439. Первый вариант этого сказания М. Н. Тихомиров относит к 1641—1645 годам: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 83.

⁴ И. Бас, ук соч., стр. 118.

⁵ А. С. Зернова, ук соч., стр. 42.

⁶ A. Thevet Cosmographie Moscovite. Paris, MDCCCLVIII.

⁷ Так А. Теве называет православное духовенство.

один И. В. Новосадский.¹ Сравнивая текст парижского издания 1858 года с публикацией И. В. Новосадского, следует признать, что последний оригинала текста Теве, повидимому, не видел, так как допустил много фактических неточностей.

Сведения о прекращении деятельности первой русской типографии Теве, вероятно, получил в 1576 году от одного английского «сеньера», который 7 лет находился посланником в Москве.² В настоящее время трудно, конечно, установить, кого имел в виду Теве, но попытаться сделать это все же возможно.

Из большого числа англичан, посетивших Россию в 60—70-х годах XVI века, с большой степенью вероятности, этим лицом мог быть Джеффри Декэт. Являясь агентом Московской компании, он действительно находился в Московии 7 лет — с 1568 по 1574 год.³ Видимо, Декэт сообщил Теве о работоргове на Востоке, упоминания о которой имеются и у того, и у другого.

Почти все известия Теве, касающиеся истории книгопечатания в России, независимо от того, откуда бы они ни были взяты, находят себе подтверждение в других источниках. Так, например, Теве пишет, что книгопечатание русские ввели в употребление только в 1560 году. То же самое сообщает анонимный английский автор (предположительно — Джон Мерик) в книге «Любопытное сказание о современном состоянии России» (*Relation Curieuse de l'Etat présent de la Russie*), изданной в Париже Антониом де Бером в 1679 году.⁴ Утверждение Теве, что москвиты печатают «многие очень красивые книги», совпадает с характеристикой, данной первенцам русского типографского дела Р. Барберини.⁵ Указание Теве на духовенство как на активных врагов книгопечатания подтверждается показаниями Флетчера и самого Ивана Федорова. Наконец, известие о пожаре имеется также и у Флетчера, который писал независимо от Теве.

Этим собственно и ограничиваются все сведения, непосредственно относящиеся к выяснению обстоятельств прекращения работы первых московских типографий.

Без нового фактического материала окончательно решить вопрос о причинах прекращения деятельности первых типографий никогда не удастся, однако кое-какие соображения и уточнения должны быть сделаны уже сейчас.

Большой интерес представляет попытка уточнить дату отъезда первопечатников. Определив возможно более точно эту дату, мы сможем теснее увязать прекращение деятельности первых московских печатных дворов с политической борьбой, лучше разобраться в обстоятельствах отъезда Ивана Федорова.

Основываясь на библиографических данных, обычно утверждают, что Иван Федоров мог уехать из Москвы не раньше самого начала 1566 года и не позднее начала 1568 года.⁶ Между тем, имеется возможность установить более точную дату. В послесловии Апостола 1574 года есть фраза:

¹ Иван Федоров первопечатник, стр. 28, 60.

² A. Thevet, ук. соч., стр. 164.

³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1938, стр. 250, 255

⁴ «Маяк», VII кн. XIV, гл. IV, СПб., 1843, стр. 95 (сообщение П. Корсакова). Можно предположить, что автор «Любопытного сказания» и человек, сведения которого использовал Теве, имели в виду не типографию Ивана Федорова, а так называемую анонимную типографию, так как типография Ивана Федорова была основана в 1563 году.

⁵ Сказания иностранцев о России в XVI—XVII вв. СПб., 1843, стр. 34

⁶ Иван Федоров первопечатник, стр. 60. — П. Березов, ук. соч., стр. 141.

«Егда же оттуда (из России, — Б. С.) семо приидохом ... восприяша нас любезно ... государь Жигимонт Август король польский и великий князь литовский... со всеми паны рады своя». Многие считают,¹ что встреча Ивана Федорова с королем произошла на Виленском вальном сейме, заседания которого продолжались с 18 ноября 1565 года по 11 марта 1566 года. Однако такое предположение вызывает ряд возражений. До конца 1565 года Иван Федоров был занят в Москве в связи с завершением работ по изданию Часовника и едва ли мог попасть в Вильно даже к самому закрытию сейма. Имеется еще другое, более веское возражение. Иван Федоров писал, что встречал его в Литве «король со всеми паны рады своя». Паны рады — это не сейм.² Эти понятия хорошо различали в Москве и никогда не смешивали раду с сеймом. Когда и где находился в Литве польский король с панами рады в промежуток времени между началом 1566 года и серединой 1568 года? В конце марта 1566 года король уехал в Польшу, где с 6 апреля по 16 сентября принимал участие в работе Люблинского сейма. Октябрь—ноябрь 1566 года он отдыхал в своем любимом местечке Кнышине (24 км от Белостока). С конца 1566 года по 6 января 1567 года Сигизмунд II Август находился в г. Городне (75 км восточнее Бреста), где заседал Литовский сейм. Август—сентябрь 1567 года король развлекался охотой и танцами в том же Кнышине, а 2 октября во главе польско-литовских войск выступил в поход против Ивана IV.³ Круг поисков сокращается до одного года — с октября 1566 года по сентябрь 1567 года. Встреча едва ли могла состояться в Кнышине в октябре—ноябре 1566 и августе—сентябре 1567 годов, так как там король не устраивал торжественных приемов, по крайней мере сведений об этом обнаружить не удалось. В таком случае остается 8 месяцев — январь—август 1567 года. Первую половину этого года король провел преимущественно в Кнышине, наезжая иногда в Городню. Так, например, в июле 1567 года вместе с панами рады он принимал в Городне московских послов. Возможно, что именно в Городне в первой половине 1567 года Иван Федоров и был принят королем «с панами рады». Такая дата хорошо согласуется с другими событиями того времени. С 30 мая по 22 июля 1566 года в Москве находился брат гетмана литовского Григория Александровича Ходкевича — Юрий Александрович.⁴ Вполне возможно, что Иван Федоров мог договориться с ними о своей будущей деятельности в Литве, так как, уехав из Москвы, первопечатники прямо направились к Г. А. Ходкевичу и были им сразу приняты.

Необходимо отметить еще два обстоятельства: во-первых, с середины и до конца 1566 года между Москвой и Польшей было заключено временное перемирие, которое могло способствовать благополучному переходу Иваном Федоровым границы.⁵ Во-вторых, в начале марта 1567 года были сняты заставы и караулы на дорогах, которые были поставлены зимой 1566—1567 года в связи с эпидемией, охватившей многие города западной окраины.⁶ Учитывая это, можно предполагать, что первопечатники уехали из Москвы зимой 1566—1567 года.

Типография Андроника Невежи и Никифора Тарасиева была основана, по словам послесловия Псалтыри 1568 года, 8 марта 1568 года. Начало работ по организации этой типографии должно было приходиться на се-

¹ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 93.

² История Польши, I. М., 1954, стр. 181—183.

³ М. Любавский. Литовско-русский сейм. М., 1900, стр. 688—790.

⁴ ПСРЛ, XIII, второй полутом, стр. 402—403.

⁵ Там же, стр. 402—404.

⁶ ПСРЛ, XIII, второй полутом, стр. 404.

редину или вторую половину 1567 года, что также вполне согласуется с предложенной нами датой отъезда Ивана Федорова в Литву.

Несколько позже прекратила свою деятельность анонимная типография. Еще митрополит Евгений и Карамзин писали, что так называемое Евангелие четвертого шрифта вышло после Апостола 1564 года, хотя, по их мнению, обе книги были отпечатаны в типографии Ивана Федорова.¹ Тщательное изучение анонимных изданий привело А. С. Зернову к убеждению, что изданное анонимной типографией Евангелие четвертого шрифта было отпечатано почти одновременно с Часовником 1565 года. Такому предположению вполне соответствует близость стили и заставок обеих книг.² Анонимная типография еще некоторое время продолжала свою работу, выпустив Псалтырь четвертого шрифта, которая по качеству типографского искусства значительно превосходит все анонимные издания, включая Евангелие четвертого шрифта. Учитывая, что Часовник был закончен в конце 1565 года, следует предположить, что Псалтырь четвертого шрифта печаталась в 1566 году, а прекращение деятельности анонимной типографии приходится на 1567 год.

Кто же были конкретные враги московских первопечатников? Весьма возможно, что «учителя», о которых писал Иван Федоров, — это прослойка духовенства, занимавшаяся учительством. В их руках сосредоточивалась в XVI веке вся монополия на обучение подрастающего поколения.³ Распространение государством печатной книги угрожало вырвать эту монополию у церкви и передать ее в руки государства. Данное обстоятельство, конечно, не могло не вызвать протеста со стороны «учителей». Ф. Энгельс писал: «В результате изобретения книгопечатания и роста потребностей все более расширяющейся торговли оно (духовенство, — Б. С.) лишилось монополии не только на чтение и письмо, но и на более высокие ступени образования».⁴

Особенно следует остановиться на «священноначальниках», так как и сам Иван Федоров, и Флетчер, и Теве видели в них основную силу, враждебную книгопечатанию. Вопрос об отношении церковных иерархов к книгопечатанию является частью более общего вопроса об отношении этих кругов к правительству Грозного вообще и к его внутренней политике в частности. Наряду с политикой единения, обусловленной общностью интересов класса феодалов и феодальной церкви, между церковными деятелями и правительством имели место существенные разногласия. За годы княжения Ивана III, его сына Василия III и царствования (и княжения) Ивана IV из десяти митрополитов только четыре занимали кафедру до смерти. Шесть из них сами сложили с себя столь высокий сан. За двадцать лет, с 1552 по 1572 год, в Москве сменилось четыре митрополита, и эти перемены могли отозваться на судьбе типографии.

В настоящее время из-за недостатка документальных данных трудно восстановить все подробности жизни и деятельности митрополитов Макария, Филиппа и других иерархов церкви, но общее направление деятельности каждого прослеживается достаточно хорошо.

После смерти Макария⁵ (31 декабря 1563 года) митрополитом всея Руси был провозглашен Афанасий (в миру Андрей), протопоп Благове-

¹ Митр. Евгений, ук. соч., стр. 281. — Н. М. Карамзин, ук. соч., стлб. 28

² А. С. Зернова, ук. соч., стр. 31.

³ И. Перриштейн. Донесения о Московии. Чтения ОИДР, 1876, М., кн. II, отд. 4, стр. 6 — Стоглав. Изд. III, 1912, Казань, стр. 59—60

⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 24.

⁵ Тесная близость Макария к Грозному не вызывает никаких сомнений. См.: К. Заусцинский, ук. соч.; В. Ключевский, ук. соч., стр. 221—297; Е. Голу-

щенского собора и духовник самого царя, сопровождавший его в Казанском походе 1552 года. У нас нет материалов, на основании которых можно было бы считать Афанасия противником Грозного. Скорее наоборот. Афанасий был связан с царем узами многолетнего личного общения. Он, видимо, принимал деятельное участие в составлении Степенной книги,¹ основная мысль которой заключалась в доказательстве божественного происхождения самодержавной власти Грозного. В послесловии Апостола 1564 года имеется одна интересная деталь, которая в какой-то степени отражает характер взаимоотношений, установившихся между Афанасием и Иваном Федоровым. Согласно послесловию Апостола, работы по его изданию были завершены 1 марта 1564 года «... при архиепископе Афанасии, митрополите всея Руси в первое лето святительства его». В данном случае имеет место или случайная опечатка, или, что скорее, сознательно неточное изложение событий. В действительности 1 марта 1564 года Афанасий, хотя и исполнял обязанности московского митрополита, так как был уже наречен последним, но юридически не мог называться ни архиепископом, ни митрополитом, ибо не был еще хиротонисан во епископы. Только после акта посвящения, который имел место 5 марта, Афанасий мог называться архиепископом и митрополитом.

Трудно предположить, что здесь была допущена опечатка, так как цифра 1 (а) стоит на видном месте. Повидимому, первопечатный Апостол был адресован Иваном Федоровым новому владыке русской церкви, который и раньше находился у кормила церковной власти при умирающем Макарии.

19 мая 1566 года Афанасий «за немощию» оставил митрополию и возвратился в Чудов монастырь.² Дата его смерти точно не известна. В 1568 году он был еще жив. Следующим митрополитом всея Руси был Филипп II (1507—1569) — в миру Федор Степанович Колычев, происшедший из старинного боярского рода. Первые московские типографии прекратили свою деятельность в период пребывания на митрополичьем престоле Филиппа II, и это, видимо, не случайно. Житийная биография его, составленная в конце XVI века, распространена в многочисленных списках и хорошо известна, но подлинная деятельность вырисовывается здесь только в общих чертах. Ясно лишь одно — на протяжении почти всей своей сознательной жизни Ф. С. Колычев вел решительную борьбу со всякими попытками правительства Елены Глинской и Ивана IV ограничить своеволие бояр.

Вспомним политическую обстановку, сложившуюся в Москве к 1566—1567 годам, к периоду прекращения деятельности первых русских печатных дворов.

Неудачи Ливонской войны потребовали от Ивана IV мобилизации всех сил государства. Политика реформ, проводимая Избранной радой и отражавшая определенное равновесие сил между дворянством и родовой земельной аристократией, изжила себя. Нарастающее сопротивление, которое оказывали реакционные круги боярства и духовенства проведению всех мероприятий дворянского правительства Ивана Грозного, неизбежно должно было привести к вооруженным столкновениям. Основываясь на

бинский, ук. соч., стр. 92—109; В. Васильев. История канонизации русских святых. Чтения ОИДР, 1893, кн. III, отд. 3, стр. 156—203; И. У. Будовниц, ук. соч., гл. VII, и др.

¹ П. Г. Васенко. Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 года. Сборник статей по русской истории, Пб., 1922, стр. 267

² ПСРА, XIII. второй полутом, стр. 401.

сообщениях Г. Штадена,¹ А. Шлихтинга,² Д. Горсея,³ Данила из Бухова,⁴ И. Таубе и Э. Крузе,⁵ можно утверждать, что к 1657 году в Москве сложился боярский заговор, ставивший своей целью путем интервенции и гражданской войны ликвидировать самодержавную царскую власть. Во главе заговора стоял боярин И. П. Челядин; кроме него, видную роль играли Владимир Андреевич Старицкий и кабардинский князь Михаил Темрюкович — брат и шурина царя. Есть основания считать, что активную роль в заговоре играл митрополит Филипп. О том, что последний был замешан в заговоре, писал Г. Штаден.⁶ Об участии в заговоре высшего духовенства сообщает Д. Горсей.⁷ На личную близость Филиппа к роду Челядиных и на его сочувствие заговорщикам указывают И. Таубе и Э. Крузе.⁸

Хотя прямых доказательств непосредственного участия Ф. Колычева в боярском заговоре 1567 года ни в «Житии»,⁹ ни в летописях не имеется, русские источники все же единодушно сообщают об упорной борьбе митрополита Филиппа с царем Иваном IV в период между 1566—1568 годами. В связи со всем изложенным о митрополитах Афанасии и Филиппе необходимо отметить в послесловии Псалтыри, изданной Андроником Невежей в 1568 году, одну интересную деталь, которая, как нам кажется, может характеризовать взаимоотношения, сложившиеся между первыми московскими типографиями и митрополитом Филиппом. Автор послесловия, вероятно, сам Андроник Невежа, писал: «... повелением благочестивого царя и благословением митрополита Афанасия вся Русь составила штанба сия в лета 7076 [1568] марта в 8 день». 8 марта 1568 г. митрополит Афанасий никак не мог благословлять составившуюся «штанбу», так как в то время он не был российским митрополитом. Едва ли он мог благословить ее при закладке, ибо в таком случае придется предположить, что типография Андроника Невежи начала строиться не позже 19 мая 1566 года.¹⁰ Как доказала А. С. Зернова, весь печатный материал Андроник Невежа получил из типографии Ивана Федорова,¹¹ и два года «составляться» его «штанба» не могла. Типография Андроника Невежи была заложена, повидимому, во второй половине 1567 года, когда уже и анонимная, и федоровская типографии прекратили свою работу. Следовательно, и при закладке этой типографии Афанасий также присутствовать не мог. Как нам кажется, причина такого искажения заключается не в случайной опечатке, а в сознательном искажении фактов. Дело в том, что Псалтырь закончили печатать 20 декабря 1568 г., т. е. через 42 дня после низложения Филиппа. Повидимому, отношения московских первопечатников с Федором Колычевым были настолько натянуты, что в послесловии Псалтыри 1568 года Андроник Невежа, ученик Ивана Федорова, не упомянул одиозное в то время имя митрополита, поставив на место Филиппа Афанасия.

Не означает ли это, что в числе врагов Ивана Федорова мы можем считать «священноначальника» митрополита Филиппа и близких к нему по

¹ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925, стр. 87—89.

² Сказание Альберта Шлихтинга. Л., 1934, стр. 62.

³ Записки о Московии XVI в. сера Джерома Горсея. СПб., 1909, стр. 24, 26, 27, 38.

⁴ Чтения ОИДР, 1876, кн. III, отд. 4, стр. 22.

⁵ Послание И. Таубе и Э. Крузе РИЖ, кн. 8, Пгр., 1922, стр. 42, 43 и др.

⁶ Г. Штаден, ук. соч., стр. 88, 89.

⁷ Записки о Московии XVI в. сера Джерома Горсея, стр. 36—39.

⁸ Послание И. Таубе и Э. Крузе, стр. 42.

⁹ Начертание жития Филиппа II. М., 1860.

¹⁰ 19 мая 1566 г. Афанасий ушел с кафедры.

¹¹ А. С. Зернова, ук. соч., стр. 44.

политическим убеждениям «начальников», представителей враждебной Ивану IV московской аристократии: боярина И. П. Челядина, князя Владимира Андреевича Старицкого, кабардинского князя Михаила Темрюковича и др.

Последним вопросом, на котором следует остановиться, является вопрос о пожаре типографии Ивана Федорова. В литературе по этому поводу высказываются разные мнения. Следуя за Карамзиным, большинство исследователей XIX века считало, что типография действительно была сожжена. В последнее время такую точку зрения разделяли Р. Ю. Виппер¹ и С. В. Бахрушин.² Ряд других специалистов придерживались противоположного мнения.³ Ясность в этот вопрос была внесена А. С. Зерновой, которая доказала использование шрифтов Ивана Федорова в типографии Андроника Невежи в 1568 году и самим Иваном Федоровым в бытность его в Литве. Уезжая из Москвы, Иван Федоров захватил с собой все (35 штук) заставочные доски и рамку вокруг изображения апостола Луки. А. С. Зернова установила поразительный факт существования и употребления резных федоровских досок в течение 200 лет после смерти самого Ивана Федорова.⁴ Иван Федоров увез с собой не многопудовый шрифт, а матрицы, которые были легче для перевозки. О пожаре типографии нигде не говорил и сам Иван Федоров. Поджог едва ли мог иметь место после отъезда первопечатников.

Между тем Флетчер и Теве говорят о пожаре типографии, и не считаться с этими известиями нельзя. Флетчер, писавший ранее 1591 года (книга Флетчера «Of the russe commonwealt» вышла в Лондоне в 1591 г.), мог слышать о пожаре любой из московских типографий, прекративших свое существование до 1591 года. Ими могли быть анонимная типография, типография Ивана Федорова и две типографии Андроника Невежи — Московская 1568 года и типография, основанная в 1576 году в Александровской слободе. Сведения Флетчера нельзя отнести к типографии Андроника Невежи 1589 года, так как, судя по выходным данным напечатанных в ней книг, с 1589 по 1591 год никаких перерывов в ее работе не было. Сведения Теве, писавшего на 13—14 лет раньше Флетчера, сокращают круг поисков, исключая типографии Андроника Невежи в Александровской слободе и в Москве, так как типография 1568 года сгорела, повидимому, весной 1571 года, во время нашествия на Москву крымского хана Девлет-Гирея, при совершенно иных обстоятельствах, чем указанные у Теве.

Имеется еще одно доказательство того, что типография Ивана Федорова гореть не могла. На основании ряда источников⁵ можно утверждать, что типография Ивана Федорова находилась на Никольской улице Китай-города, недалеко от Никольских ворот Кремля. В. Румянцев специально исследовавший историю древних зданий Московского печатного двора, пришел к убеждению, что место его не менялось.⁶ Такой прекрасный знаток старой Москвы, как П. В. Сытин также считает, что типография Ивана Федорова находилась на Никольской улице Китай-города.

В середине XVI века это была одна из оживленнейших улиц, расположенных в торговом центре Москвы. Г. Штаден писал, что недалеко от ти-

¹ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М.—Л., 1944, стр. 74—75.

² История СССР, I. Изд. 2-е, 1948, стр. 351.

³ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 93—94.

⁴ А. С. Зернова, ук. соч., стр. 44, 66—79.

⁵ Г. Штаден, ук. соч., стр. 100—104. — Сказание известно о воображении книг печатного дела — П. Строев, ук. соч., стр. 447. — Акты исторические, II, № 20, от 16 января 1599 г.

⁶ В. Румянцев. Древние здания Московского печатного двора. М., 1869, стр. 2.

пографии находился цейхгауз и «башня полная зелья»¹ — современная арсенальная башня Кремля. Пожар типографии мог легко вызвать взрыв башни, последствия чего были бы слишком тяжелы. Случаи подобного рода уже имели место. Так, например, во время пожара 1547 года взорвалась зеленая башня Кремля, запрудив Москву-реку своими обломками.² Учитывая эти обстоятельства, очень трудно поверить, чтобы бояре действительно могли решиться на поджог типографии, так как пожар последней мог привести к тому, что выгорел бы весь Китай-город, т. е. их собственные усадьбы и дома, расположенные поблизости.³

Если типография Ивана Федорова не была сожжена, остается предположить, что горела анонимная типография. А. С. Зернова установила, что печатный материал анонимной типографии никогда и нигде больше не встречается.⁴ Это является лишним подтверждением того, что горела не типография Ивана Федорова, а именно так называемая анонимная.

Если анонимная типография действительно была сожжена, а принять такое предположение вполне возможно, то из этого вытекает, что она не могла находиться ни в Кремле, ни в Китай-городе, ни в Белом городе, так как в любом случае поджог ее был бы опасен для боярства. Расположена она могла быть где-либо на окраине или в одном из подмосковных пригородных монастырей.

Победа врагов книгопечатания была временным явлением. Сразу же после отъезда Ивана Федорова и прекращения деятельности анонимной типографии двое других мастеров печатных дел, Андроник Невежа и Никифор Тарасиев, которые согласно «Сказанию известно о воображении книг печатаного дела», были учениками первопечатников, повелением царя «составили» новую типографию. Остановить книгопечатное дело было уже невозможно.

¹ Г Штаден, ук. соч., стр. 100—104.

² О пожарах Москвы см. П. В. Сытин История планировки и застройки Москвы. М., 1950, стр. 53—55; История Москвы, I М., 1952, стр. 238—241

³ Л. М. Тверской Русское градостроительство до конца XVII в. М.—Л., 1953, стр. 42 — История Москвы, I. М., 1952, стр. 232—243

⁴ А. С. Зернова, ук. соч., стр. 78 Кроме того, следует учесть указание Флетчера, что печатный станок и буквы совершенно сгорели (Д. Флетчер, ук. соч., стр. 96).

М. Н. ТИХОМИРОВ

Записки приказных людей конца XVII века

Записки дворян конца XVII века давно уже вошли в научный обиход. Таковы, например, известные записки Ивана Афанасьева Желябужского, в которых дается краткий обзор событий за 1682—1709 годы. Известна также история о стрелецком бунте Матвеева. И. Желябужский и Матвеев принадлежали к числу московского дворянства.

Иной характер имеют издаваемые нами записки. Перед нами своего рода мемуары, хотя и написанные в традиционной летописной манере, с подразделением на годы. Авторы записок нам не известны, но об их общественном положении можно судить по некоторым косвенным указаниям.

Записки первого из мемуаристов охватывают продолжительный промежуток времени: с 1636 до 1689 года включительно, т. е. целых 53 года. Впрочем, заметки за 1636—1668 годы представляют собой только своего рода введение. В них сообщаются точные даты, и притом в разбивку, рождения детей царя Алексея Михайловича. Отмечена также дата рождения царевны Татьяны Михайловны.

Из событий внутренней истории России XVII века во вводной части записок отмечены только распоряжение о введении медных денег и поход царя Алексея Михайловича против польского короля в 1654 году.

Записки, обнаруживающие непосредственного очевидца совершавшихся событий, начинаются с 1668 года, с известия о московском пожаре. Особенно подробно автор записок говорит о расправе со Степаном Разиным, о том как Разина везли по Тверской улице на особой колеснице — «рундуке». Автор записок следует официальной терминологии своего времени и называет предводителя восставших казаков и крестьян «вором». Однако он не скрывает того, что все жители Понизовья обратились к Разину и хотели идти на Московское государство. Автор записок говорит и о страшных мучениях, которым царские власти предавали восставших крестьян. Обо всем этом он пишет так сдержанно, так мало выражает свое отношение к событиям, что невольно начинаешь подозревать, не было ли у нашего мемуариста если не сочувствия, то по крайней мере сострадания к тем, кто погибал в царских застенках. Несколько ниже сообщается о царском распоряжении ходить в ферязях, а не в охабнях и однорядках. В кремлевских воротах охабни и однорядки «здирали» с дворян и подьячих. Но автора трудно считать дворянином. Его профессию выдает стремление всюду ставить точные даты, по типу приказных документов («июля в 18 день» и пр.). Иногда автор забывал точную дату и оставлял ее незаполненной до выяснения (например, «октября в день»), как это обычно делалось и в приказных отписках XVII века

Записки кончаются рассказом о известных письмах 1689 года. Впрочем, все события, относящиеся ко времени правления царевны Софьи, в записках опущены. От рассказа о страшном знамении 1681 года автор прямо переходит к чтению известных писем в 1689 году. Последняя запись 1700 года сделана другой рукой. Можно предположить, что мемуарист умер между 1689 и 1700 годами.

Рукопись записок, повидимому, является автографом ее составителя. Она написана на бумаге с водяными знаками 1676—1682 годов.

Записки о событиях времени царей Алексея и Федора, как мы видели, обрываются на рассказе о небесном знамении 1681 года. Произведение другого автора конца XVII века является как бы продолжением предыдущих записок. Все изложение этих вторых записок и посвящено описанию стрелецкого бунта 1682 года.

Автор был очевидцем грозных событий, развертывавшихся в это время в Москве. Говоря о приходе стрельцов ко дворцу и переговорах царевны Софьи со стрельцами, он упоминает о боярине Кирилле Полуехтовиче Нарышкине. Отец царицы Натальи Кирилловны стоял на нижнем крыльце и трижды кланялся стрельцам. Царевна Софья говорила стрельцам «многое время, а что не слышать издали». Нельзя было также понять, по какой причине Нарышкин кланялся стрельцам: «не ведомо, не слышать, что говорили».

Однако автор записок не был в числе стрельцов или солдат, приходивших ко дворцу. Наоборот, он пишет о стрельцах с большим неодобрением. Рассказав об отъезде царского двора из Москвы и переезде в село Воздвиженское, мемуарист замечает: «а на Москве в то время от стрельцов и от салдатов было волнение великое, владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали».

Впрочем, автор записок не одобряет действия Нарышкиных. Царевича Петра избрали на царство «мимо большова его брата царевича Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца». С горечью говорит мемуарист о стрелецких буйствах, свидетелем которых он был. Перед его глазами стоят страшные сцены стрелецкой расправы с неудобными им боярами. Голову боярина Ивана Кирилловича, царицына брата, носили, издеваясь, на копье. «Копье взоткнули на долгой же шесть, где висели не знама какие гадины, иные называли морские рыбы о семи хвостах и о пяти».

Автор записок ни разу не говорит о своей принадлежности к приказной администрации, но в свои воспоминания он вставляет приказные документы, вроде росписи людей, высланных из Москвы «по стрелецкому приговору». Да и сами его записки составлены по типу приказных документов, начинаясь словами: «Того ж году июня в 5 день» и т. д.

Автор записок рассказывает о событиях в Воздвиженском и о расправе с Хованскими. Но сам он, видимо, в Воздвиженском не был, а передавал только официальные известия и слухи. Зато то, что происходило в Москве, описано образно, простым, четким, красочным языком, который так порой поражает нас в официальных приказных документах XVII века. Когда жену Ивана Ивановича Хованского повезли в ссылку в телеге под серой полостью, «за нею идучи боярские баярыни, которые ее провожали, выли голосами и проводя воротились». Тут уж перед нами настоящая бытовая картинка. Характерно и само название «боярские баярыни», обозначение привилегированной боярской челяди, взятое прямо из жизни.

Записки о стрелецком бунте 1682 года отличаются крупными литературными достоинствами, показывающими, что протопоп Аввакум не был единственным явлением среди русских людей XVII века. Замечательны они

и как исторический источник первостепенной ценности, как свидетельство очевидца, видевшего стрелецкий бунт воочию.

Третье произведение, печатаемое нами, это памятные записи, сделанные неизвестным нам приказным. Записи охватывают продолжительный промежуток времени с 1646 по 1693 год. Под 1689 годом автор говорит о себе так: «Во 198-м году ноября в 21 день на праздник Въведения богородица пожалован на Ивановскую площадь». Ивановская площадь в московском Кремле была известна как место, где сидели площадные подьячие, писавшие разные прошения и другие бумаги за плату. Были такие подьячие и в других городах. Назначение на Ивановскую площадь было почетным, а вероятно, и более выгодным, чем в других городах.

Послужной список нашего подьячего довольно разнообразен. В 1646—1647 годах был он в Белгороде у доводного дела (довод — это расследование и доносительство о преступлениях). В 1647 году автор заметок оказывается в Пскове. В 1654—1657 годах он служит в государевых походах против Речи Посполитой и позже против Швеции (в литовских и в немецких походах). В 1658 и 1659 годах он был «на Госеепском бою». Госеепский бой это военные действия против русских войск гетмана Гонсевского. В 1659—1660 годах автор заметок принимал участие в событиях при Конотопе, в следующем 1661 году — в боях с Сапегой. Потом он служит в Себеже, в литовских городах, опять в Себеже и в малороссийских городах. В 1671 году, во время восстания Степана Разина, автор оказывается в низовых городах, потом опять в Себеже и в малороссийских городах, а в 1677—1678 годах — под Чигирином, затем в Путивле и в Киеве. В 1689 году автора заметок жалуют Ивановской площадью. Случилось это «межь было благовестия», вероятно, утром в промежуток между колокольными звонами.

I. Записки времени царствования Алексея Михайловича и его преемников

Помещены в рукописи ГИМ, собрание Уварова, № 44 (по описанию арх. Леонида — № 1871). Рукопись в лист, на 41 листах, писана скорописью разных рук конца XVII века. На бумаге имеются водяные знаки: 1) голова шута — 1676—1682 годов, 2) лев с молниями, в овальном под короною щите — 1680—1681 годов. Рукопись представляет собой сборник разных статей.

Записки помещаются на лл. 20—27 об. (водяной знак — лев с молниями). На бумаге имеются большие пятна сырости, особенно пострадали листы 22 об., 23 об., 24 и 27, на которых чернила частично смылись. Судя по водяным знакам, рукопись записок возникла не раньше 1676 года, вернее же — в 1681—1682 годах. Этому не противоречат палеографические особенности почерка рукописи — типичной и плохо разборчивой скорописи конца XVII века, очень близкой к размашистым и небрежным дячичьим пометам на бумагах того времени. Владелец почерка должен был принадлежать скорее к верхушке приказного мира, к подьячим, а не к писцам. Описание чигиринского похода 1678 г. и некоторые другие подробности, взятые из других источников, опускаются.

1659 Во 7167-м году, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича велѣно торговать мѣдными деньгами в Московском государствѣ и в городех. И ходили мѣдные денги со 167-го по 172-й год.

1636 Во 144-м году, генваря въ 5 день, родился великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии царевна и великая княжна Татяна Михайловна.

1654 Во 162-м году, февраля въ 5 день, родился великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Росии сынъ, царевичъ и великий князь Алексѣй Алексѣвичъ.

1670 И во 178-м году, генваря въ 17 день, преставился царевичъ Алексѣй Алексѣвичъ в седьмомъ часу дни.

1650 Во 158-м году, февраля въ 18 день, родился государыня царевна и великая княжна Евдокея Алексѣевна.

Во 166-м году, сентября въ 17 день, родися государыня царевна и великая княжна София Алексѣевна. 1658

Во 167-м году, ноября въ 27 день, родися государыня царевна и великая княжна Екатерина Алексѣевна. 1659

Во 168-м году, генваря въ 18 день, родися царевна Мария Алексѣевна. 1660

Во 169-м, мая въ 30 день, родися государь царевичъ и великий князь Федор Алексѣевичъ. 1661

Во 170-м году, мая въ 28 день, родися государыня царевна и великая княжна Феодосия Алексѣевна. 1662

Во 173-м году апрѣля въ 3 день, родися царевичъ Семион Алексѣевичъ, и во 177-м году июня против 19-го числа, от сего свѣта преставися во онъ вѣкъ. 1665

Во 176-м году, августа въ 27 день, родися царевичъ Иоаннъ Алексѣевичъ. 1663

Во 162-м году и во 163-м годѣх ходил великий государь царь и великий князь Алексѣй Михайлович на польского короля и многие польские города каменные и деревянные поиманы взятъем, а иные многие стати добились челом. А как великий государь пошел на польского короля, и без него, в том же в 162-м году, уничился в Московском государствѣ мор и многое множество помроша людей и многие дома опустѣша. И бысть тот моръ во 162-м и 163-м годѣх. 1654

Во 176-м году, августа въ 26 день, грѣх ради наших, учинися на Москвѣ пожар, загорѣлся у Москворѣцких воротъ, и выгорѣли в Китае городъ ряды все и весь Китай город, и в Бѣлом городе от Устрѣтенские улицы по самые Яуские ворота все выгорело, и Мясницкая, и Покровская и Яуская. 1663

А во 177-м году выгорела Дмитрѣвка и Тверская, и Микитская, и Арбат, а загорѣлася въ Егорьевском¹ монастырѣ. 1659

Во 178-м году выехал на Волгу воръ и измѣнникъ донской козакъ Стѣпка Тимофѣевъ сынъ Разинъ и взял Царицын город своемысленники своими со многими Донскими казаками и многих людей государевых к себѣ обратил. 1670

А во 179-м году он, Стенка Разин, взял царство Астраханское и боярина и воеводу князь Ивана Семеновича Прозоровского с роскату скинул и дву сынов ево, князь Бориса да князь имрекъ,² привязал за ноги волосяными веревками, привязав на городъ к городовымъ зубцом, и висели двой сутки и едва по упрошению онъ, Стенка, иных ему товарищей велѣл ихъ разрѣшати. До он же, Стенка, восхотѣв итти х Казани и к царствующему великому граду Москвѣ, и был близ Синбирска, и многие села и деревни раззорив, и все Понизовые города, к себѣ превратил, и всѣх тамошних стран жители обратились к нему и хотели итти на Московское государство. 1671

Во 179-м году великий государь царь и великий князь Алексѣй Михайлович всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Руси самодержецъ, слыша про такова вора, донского казака Стенку Разина, послал в поднизовые города боярина князь Юрья Алексеевича Долгорукова да окольничего князь Костентина Осиповича Щербатова и иных многих воевод и полковников со многими московскими и нижегороцкими, и смоленскими, и казанскими ратными людми и стрелецкими приказы, И тако в тех понизовых городах, помощию божию, ево вора, Стенку, отгнаша и многих православных 1671

¹ Это слово написано неясно

² Так в рукописи.

крестьян, которые к нему передались, всякими розными розными муками смерти предаша.

1672 Во 180-м году родися царевичъ Петръ Алексѣевичъ.

1673 И во 181-м году, помощію великаго бога и заступленіем пресвятыя владычицы нашея богородицы, и радѣніем Запорожскаго Донскаго атамана Кирила Яковлева и¹ с ѡными ево ясаулами, того вора, Стенку Разина, в Астрахани взяли жива. Того же году и привезли к Москвѣ и везли ево, по указу великаго государя, по Тверской улице на телеге, зделаном рундуке, стоячи, распетлен накрестъ, окована руки и ноги, а над главою ево была против лица ево повешена петля. А подле ево к тому же рундуку братъ, по лѣвую сторону, прикован, брат ево Фролко Разин, а по другую сторону самозванецъ царевичъ, которой назывался царевичимъ Алексѣемъ Алексеевичемъ. И бѣжали у рундука скованы пеши, а на рундуке сидели з бердышами многие стрельцы. А какъ привезли, и ево пытали, и на другой день, выедя из Земскаго приказа, на пожаре на площади казнили, четвертовали, и голову и руки и ноги взоткнули на колье деревяныя, и стояли на колье голова и руки и ноги з год на Болоте.

1678 В лѣто 7187-го году октября въ 9 день, приехалъ к Москвѣ к великому государю царю и великому князю Феодору Алексѣевичу всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу подданный его царскаго величества Калмыцкой князь Каспилат Муциловичъ Черкаскаго. И был на приезде 11 числа октября, а стоял за Москвою рекою на Телятниковском дворѣ.

1678 Во 187-м году, ноября въ 8 день в соборъ архистратига божія Михаила, на утвержденномъ каменномъ мѣсте благовѣстили в самой большій колокол.

1679 Во 187-м году, іюля въ 16 день, привезли к Москвѣ разбойника, прежде бывшаго его царскаго величества стольника, Прохорка Кропотова. А везли ево по Тверской улице на телеге, на которой был привезен вор донской казакъ Стенка Разинъ, окованъ же, и петля над головою висела. Іюля въ 17 день, пытав, ево казнили на площади Красной, голову отсѣкли за ево воровство, что он многие села и государеву казну разбивал и многих людей губил и деревни выжигал и всякие блудное насилье над бояронами и над девицами чинил. И помѣстья ево и вотчины розданы в роздачу жилцомъ беспомѣснымъ, а женѣ ево данъ четвертой жеребей.

1679 Во 188-м году, октября въ² день, великій государь указал в Московскомъ государстве бояромъ и окольнічимъ и ближнимъ людемъ ходитъ в фѣрезяхъ цвѣтныхъ, всяких чиновъ людемъ в кафтанахъ всяких, а в охобнях и в однорядках ходитъ не велено. И со многих людей в Кремле городе по воротам, з дворянъ и с подъячих, охобни и однорятки здирали и клали в караульную до указу.

1680 Того ж 188-го году, іюля въ 18 день, великій государь царь и великий князь Феодоръ Алексѣевичъ всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ венчан законным бракомъ на царице на Агафѣ Симеоновне Грушецкой, взята из двора думнаго дворенина Семена Ивановича Заборовскаго, а ему была по родству племянница. И в тот день город Кремль был запертъ.

1681 Во 189-м году, ноября въ 13 день, явися на небеси знамение: столпъ облаченъ велий от звезды на западе светел, яко же дымъ во время пожару, какъ бываетъ в темную ночь. А явися прежде во втором часу ночи, какъ взошел мѣсяцъ, а та звезда под нимъ была того числа человѣкомъ невидима, потому что объявился на западе ниско. И стоял тое ночи, покаместъ свѣ-

¹ Далее в рукописи зачеркнуто: и сына.

² Оставлено место для числа.

тилъ мѣсець, такъ же стоял и по вся нощи и без месеца, и что ношь стоитъ, то выше по небеси со звѣздой шель чрез государство Московское. И прошла та звѣзда на востокъ в среди небеси, как взошла, и тогда казался тот столпъ невеликъ, яко же бывают звезды с хвостами, а хвостом шла к востоку. И была та звѣзда мѣсяць с лишкомъ.

Во 197-м году, августа против 31-го числа в Троецкомъ Сергиеве монастыре на втором часу нощи в первой четверти великий государь царь Петръ Алексѣевич в Троецкомъ Сергиеве монастыре ходилъ по монастырю по вратамъ и печатал своимъ царскимъ перснемъ, и запечатавъ того же часу пришелъ в свои в полаты, и немного мотчавъ вскоре вышелъ на крыльцо и стал государь у лѣвого столпа, а подле ево бояре, и велѣл он государь призвать всех стольниковъ и полковником, и дворяном, и всяких чиновъ людемъ, так же соцких и десятниковъ, и пятидесятниковъ и рядовыхъ. И тут велѣл он, государь, честь извѣстные писма думному своему дяку Артамону Ивановичу Иванову. И он думной писма чель.

А в тѣх писмахъ написано: В нынѣшнемъ во 197-м году, августа противъ 8-го числа в селѣ Преображенскомъ, извѣщени выборные и десятцкие розныхъ полковъ, как ихъ выборных и десятцких призвал окольничей Федоръ Шагловитой и научал ихъ злomu дѣлу, чтоб побить Нарышкиных, тако же и царицу Наталию Кириловну, и святѣйшаго патриарха, и боярина князь Бориса Алексѣевича Голицына, Викулу Извольского, Федора Зыкова и Лопухиных де всѣх, опричь Василья Аврамовича, буде же ево в то время не излучитца. А говорил де имъ такие рѣчи и научал о убивствѣ со 193-го году по вся годы по многие времена в господские праздники и в выходы государские. Да они же сказали: в нынешнем де во 197-м году, августа въ 7 день, призвалъ ихъ Стремянного полка пяти человекъ десятниковъ, въ том числе Ипать Ульфовъ, и говорил, чтоб имъ тоѣ ноци осѣдлав лошади выехать к съезжей избе на Лубянку, а какъ придет к нимъ из города Никиту Глаткова с вѣстью, и им бы, взяв с собою по сту человекъ стрельцовъ, человекъ,¹ и ити под село Преображенское и стоять одному под рощею, а другому у мосту, а третьему близъ Преображенскова в тайномъ мѣсте, и ему, Федору, вестъ подать, которымъ путемъ царь поидеть к Москве и чтоб за нимъ бояръ побить. И дал имъ, стрельцам, 5 человеком по 25 рублевъ человекъ, чтоб были готовы на такое дѣло. И они де пять человекъ, такого дѣла не хотя учинить, тѣх де людей по сту человекъ собравъ, и сами выехали и стали на Лубянке у лавочекъ в третьем часу нощи. А как же де прибѣжал денщик с вестью да Никитка Глаткой, и почал де на них кричать, что они долго не ѣдутъ, а сказал Никитка, что де всех полковъ стрельцы в городе и к набату де языкъ онъ, Никитка, привязалъ, и сам поехал. И они де 5 человекъ, призвав Федосеевского священника в церковь и ему...²

Августа въ 31 день, в третьемъ часу дни великий государь изволив итти из своих хоромъ в церковь к чудотворцу Сергию и, приложась к чудотворцовымъ мощамъ, пришел в свои хоромы. А святѣйший патриархъ литоргию отслушавъ, пошел святейши патриархъ к великому государю вверхъ. А в то время пришли в Троецкой Сергиевъ монастырь всех стрелецких полковъ выборные десятники и пятидесятники и соцкие де всѣх слободъ выборные посацкие люди по пяти человекъ.³

От рождества Христова 1700-го году царь Петръ Алексѣевич повелѣл дѣлать мѣдные денги копѣйки, денежки и полушки, и торговать ими.

¹ Так в рукописи

² Осталось недоконченным.

³ Дальнейший текст приписан другим почерком в конце листа.

А въсом в копѣйке 2, в денежках, в полушке пол золотника, так же и манеты рублевики, полтинники, полуполтинники, гривеники алтынники серебряны и червонны, золотые.

II. Записки о стрелецком бунте

Помещены в рукописи Центрального Государственного архива древних актов в Москве (ЦГАДА), собрание Ф. Мазурина, д № 522, под заголовком «Книга, глаголемая Летописец великия земли Росийския, великого князя словенскаго, отколе и в кои лета начаша княжити». Рукопись в 4-ку, на 310 лл., писана скорописью конца XVII века, без конца. Текст летописца начинается со всемирного потопа. Записки помещены на лл. 298 об.—310 об.

1687

Лета 7189-го году на Московском государстве бысть знамение велие: на небеси явися против самой Москвы на зимней запад звезда. Величиною она как и прочии звезды, светлостию ж тех звезд светлее, хвост у нее велик, стояще хвостом на Московское государство. От самой же звезды той как пышет. И поиде от звезды хвост узок и от часу нача распространяться в ширину [л. 299], яко на поприще. Люди ж вси, видя такое знамение, дивяся и недоумевахуся: «что будет?» Мудрые ж люди о той звезде растолковаху, что та звезда на Московское государство стоит хвостом не к доброму делу. Так и учинилась. О той звезде толкуется: как она стоит главою над которым государством, и в том государстве подает бог вся благая и тишину и никотораго мятежу в том государстве не живет. А на кои государства она стоит хвостом, в тех же государствах бывает всякое нестроение и бывает кровное пролитие многое и междуособныя брани и войны великие меж ими. Тако же и збысться в Московском государстве: от стрельцов и от салдатов учинилося смятение великое, бояр порубили и невежеством своим в царские и в царицны и в царевнины хоромы ходили, бояр обыскивали.

Того ж году, июля в день, родися у государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца царевичь и великий князь Илья Феодоровичь всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец; крещен бысть в Чюдове монастыре. А крестил ево, государя, святейший Иоаким патриарх Московский и всеа Русии; отец крестной — троецкой келарь.

Того ж году, июля в день, преставися благоверная и христоробивая царица и великия княгиня Агафья Семионовна [л. 299 об.], погребена в Вознесенском девиче монастырее, где и прочии царицы погребаются.

Того ж году июля в день преставися благоверный государь царевичь и великий князь Илья Феодоровичь всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, погребен в соборе архангела Михаила Иоакимом патриархом Московским и всеа Русии и всем освященным собором.

1682

Лета 7190-м году, февраля в 15 день, о втором законном сочетании браку государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца.

Государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, поговоря с сестрами своими, з государынями царевнами, похотеша совокупитися второму законному браку. И взя государь за себя Матвееву дочь¹ Опраксина Марфу Матвеевну. А на свадьбе были в тысячках и в друшках, и в свахах, и во всяких чинах прежние, которые были у него государя в чинах на прежней радости.

Того ж году апреля в 27 день в другонатцатом часу дни преставися государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец.

¹ Здесь в рукописи оставлено чистое место.

Того ж [л. 300] часу избрали на Московское государство царем брата ево, государева, меньшова царевича и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, мимо большова ево брата царевича Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца. И крест ему, государю, целоваша бояря и окольничие, и думные, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дворяне городовые, и дети боярские, которые в то время были на Москве, и стрельцы, и дворовые, и всяких чинов люди.

И назавтрее весь день и до погребения царьского благовест был в большой колокол. А на погребение царское на выносе преже не соша крест за престольной да образ пречистыя богородицы за престольныя и затем шол патриарх Иоаким со властью и со освященным собором. И погребоша его, государя, в соборной церкви архангела Михаила, иде же и прочии цари погребени.

Того ж году, мая в 15 день, на Московском государстве было смятение. Стрельцы, все приказы и выборной полк, салдаты пришли в город в Кремль во 11 часу дни з знамены и з барабаны, с мушкеты и с копыи и з бердыши, а сами, бегучи в город, кричали, бутто Иван да Офонасей Кириловичи Нарышкины удушили царевича Иоанна Алексеевича. А начальных [л. 300 об.] людей с ними, полковников, ни полуполковников, ни капитанов, а у салдат тоже начальных людей с ними, никово не было. И прибежав стрельцы и салдаты в город в Кремль, и взбежали на Красная и на Постельная крыльцо, и в царския хоромы, имали насильством своим с Верху, из государевых хором, от самого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца баяр и окольничих, и думных, и стольников, и метали с верху с Краснова крыльца на землю, а на земли рубили бердыши и кололи копыи. А как в город бежали и говорили все один заговор, бутто боярин Иван да стольник Офонасей Кириловичи Нарышкины хотели в Верху удушить царевича Иоанна Алексеевича. И порубили своим насильством бояр: баярина Артемона Сергеевича Матвеева взяли от самого государя и, выветчи, скинули на землю с Краснова крыльца и, подхвата на копыи, изрубили бердыши; боярина князь Григорья Григорьевича Ромодановского сыскали у патриарха и, выветчи перед приказы на площадь, изрубили бердыши и искололи копыи; боярина князь Михаила Юрьевича Долгорукова, ухвата в проходных сенех, изрубили на Красном крыльце; думнова дьяка Лариона Иванова скинули с Краснова [л. 301] крыльца и изрубили бердыши в части; сына Лариона Иванова Василья скинули с Краснова ж крыльца, изрубили бердыши; стольника Феодора Петровича Салтыкова изрубили у Мастерской полаты.

Стольника Офанасья Кириловича Нарышкина свели с верху потайною лесницею, что к западным дверем к собору, и, выветчи на площадь перед приказы, искололи копыи и изрубили бердыши; полковника Андрея Семенова сына Дохтурова изрубили на площади в Кремле; полуполковника¹ изрубили в Кремле; лекаря Данилова сына изрубили у Лобнова места на площади.

Боярина князь Юрья Алексеевича Долгорукова на дворе ево вывели ис полат на верхнее крыльцо, и много было шуму; и отпустили ево опять в полаты. И почели кричать, чтоб стрельцы з двора пошли далой. И проломилсь в винной погреб, почели пить вино. И, немного поноровя, боярина князь Юрья Алексеевича, прибежав иные с улицы стрельцы и салдаты, в другой ряд вывели ис полат на крыльцо [л. 301 об.] и бросили в окно

¹ В рукописи здесь оставлено чистое место.

с верхнева крыльца на землю, тут ево изрубили бердыши и выволокли мертвова на улицу перед ево ворота. И лежал ночь у ворот, а на другой день пришот иссекли его в дробныя части, поругались нехристианский.

Боярина Ивана Максимовича Языкова изымали стрельцы, нашли у Николы на Хлынове меж Тверской и Никицкой у попа, и провели в город поздно, изрубили на площади у Лобнова места, в отдачу часов, в дробныя части. А в кою пору рубили и в то время на городе Кремле били в набаты. А како в городе Кремле рубили, всех волочили к Лобному месту на площадь.

А дворы князь Юрья Алексеевича Долгорукова, Ивана Максимовича Языкова, думнова Лариона Иванова розорили и розграбили ночью.

Того ж месяца в 16 день те ж стрельцы, все приказы, и салдаты пришли в город в Кремль в третьем часу дни з знамены и з барабаны, и с мушкеты, и с копыи, и з бердыши, с невежеством большим пошли по всем царским хоромам и по царицыным и по царевниным, искали и просили боярина Ивана Кириловича Нарышкина. И государь царь и царицы государыни и царевны упросили у них сроку со слезами да утрея [л. 302]. И они да утрея сроку дали. А взяли с верху думнова Аверкея Степанова. И царь государь, и царица государыня, и царевны государыни со слезами у стрельцов просили, чтоб Аверкея отпустили. И стрельцы не послушали, Аверкея вывели на площадь к Лобному месту, изрубили бердыши и копыи искололи, поругательство большая чинили, руки и ноги и головы отсекали.

Того ж числа с князь Юрьева двора Алексеевича, с Ыванова двора Максимовича, с Ларионова двора Ивановича, которыя всяких чинов люди понесли грабежем з дворов их платья и посуду, — и их ловили стрельцы и водили с поличным в Кремль к стрельцам же. И в то время выслали на площадь в Китай стрельцы бирича кликать, чтоб боярских дворов и посадцких людей и лавок не грабили. И послали з знаменем, с чорным, сотню салдатов всяких чинов людем говорить, чтоб грабежу никакова не было, хотя з дву денежным поймают и приведут, тово изрубить. И, ходя по Красному мосту, о том окликали. А каторые с поличным пойманы были, — и приводили их в город в Кремль и тех всех выслали ис поличным, хто с чем пойман, на площадь к Лобному месту, и на площади у Лобнова места и у Казанской богородицы на Красном мосту рубили тех всех бес пощады. А поличная опять относили в город. А иных и, в город не водя, посла бирича и салдацкова оклику [л. 302 об.] которых приводили с поличным всех рубили на большом на Красном мосту. И тово дни срубили всякова чину человек з ...¹

Того ж месяца, мая в 17 день, стрельцы ж все приказы и салдаты пришли в город в Кремль в третьем часу дни з знамены и з барабаны, и с мушкеты, и с копыи, и с пушками и ходили тож по всем царским хоромам и царицыным и царевниным невежеством большим и просили боярина Ивана Кириловича Нарышкина. И царь государь и царицы государыни и царевны со слезами у стрельцов упрашивали о боярине Кириле Полуехтовиче Нарышкине и о боярине Иване Кириловиче. И стрельцы не послушали, баярина Ивана Кириловича взяли да Данилу лекаря сыскали, и пытали их на пытке в Костентиновской башне. И, пытав баярина Ивана Кириловича, привели к Лобному месту на площадь в девятом часу дни в полы и изрубили бердыши и копыи искололи и поругались всячески: отсекали голову и руки, и ноги обсекли и, взоткнув голову и руки и ноги на копыи, и носили по мосту по Красному на оказание всем людем, а туловища иссекли и подымали на копьях вверх многожды. И голову взоткнули на

¹ В рукописи оставлено чистое место.

долгое копье и носили, поругались. И, нося, на копье взоткнули на долгой жа шест, где висели не знама какие гадины, иные называли [л. 303] морския рыбы о семи хвостах и о пяти. А нашли их у думнова дьяка у Лариона Иванова. А стрельцы и салдаты, в то время как вывели и рубили боярина Ивана Кириловича Нарышкина, все вышли ис Кремля на Красную площадь.

В том же в девятом часу пытали Данила дохтура в три кнута и, пытав, привели из застенка тут жа на площадь к Лобному месту и у Лобнова места изрубили и поругательство такое же чинили, как и боярину Ивану Кириловичу Нарышкину: и голову и руки и ноги так жа обсекали и туловища на копьях подымали и не одинова. А как их рубили, выветчи ис Кремля, у Лобнова места, — в те поры били в набат у Спаских ворот.

Того ж месяца, мая, в 18 день, приходили стрельцы ис приказов в Кремль без ружья и взошли вверх на Постельная крыльцо. И государыня царевна Софья Алексеевна выходила к стрельцам на крыльцо, а Кирила Полуехтович Нарышкин стоял на нижнем рундуке. И царевна стрельцам говорила многое время, а что, не слышать издали. И как стрельцы пошли и боярин Кирила Полуехтович трожди стрельцам в землю челом, а за что, не ведомо, не слышать, что говорили.

Того ж числа баярин Кирила Полуехтович пострижен в Чюдове монастыре; во иноцех имя ему Киприян.

Того ж месяца мая в 19 день боярин Кирила Полуехтович, во иноцех [л. 303 об.] старец Киприян, послан в сылку на Белоозеро в монастырь к Кирилу Белозерскому чудотворцу с меньшим сыном с Федором Кириловичам. Пристав у него — думной дворянин Иван Петров сын Лихарев да 50 человек стрельцов.

Дьяка Михайла Вешнякова по доводу людей ево пытали стрельцы; с пытки и умер. А пытали в том, бутто он, Михайло, хотел своєю казною на стрельцов ратных людей нанимать.

Роспись каторые по стрелецкому приговору розосланы были по розным городам; и приговорили их сослат в Сибирь.

В Тоболеск: Кондратей Фомин сын Нарышкин, Иван Андреев сын Языков, Степан Богданов сын Ловчиков.

В Томской: Алексей Тимофеев сын Лихачов, Михайла Тимофеев сын Лихачов, Григорей Филимонов сын Нарышкин, Иван Иванов сын Нарышкин, Стрелецкого приказу дьяк Михайла Прокофьев.

В Енисейской: Петр Аврамов сын Лопухин, думной дьяк Григорей Богданов да сын ево Федор, да думной дьяк Данила Полянской, да Стрелецкого приказу дьяк Федор Кузмищев.

В Мангозео: Семен Иванов сын Языков, Матвей Федоров сын [л. 304] Карандеев.

В Кузнецкой: Мартемьян Кирилов сын Нарышкин, Матвей Филимонов сын Нарышкин, Лев Кирилов сын Нарышкин, Василей Федоров сын Нарышкин.

В Нарымской: Андрей Артемонов сын Матвеев, Василей Барисов сын Бухвостов.

Того ж месяца мая в 20 день баярина Ивана Кириловича да стольника Афонася Кириловича Нарышкиных тела их с площади от Лобнова места взяли. И погребены у Петровских ворот в монастыре Петра и Павла после вечерни. Да в то ж время вместе с ними погребен. . .¹

Того ж месяца мая в 26 день избрали на Московское государство во цари другога государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, большова брата царя

¹ В рукописи оставлено чистое место.

Петра Алексеевича. И крест ему государю целовали бояря и окольные, и думные, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дворяне городовые, и дети боярские, которые в то время были на Москве, и стрельцы, и дворовые, и всяких чинов люди.

Того ж году июня в 4 день в самой в Троицын день ввечеру [л. 304 об.] на первом часу ночи учинился за Тверскими вороты сполох: стрельцы почели бить в барабаны и у церквей в колокола и около Москвы во всех приказах били по барабаном и в Москве в Стремянном приказе. А пронеслася ложная весть, будто люди боярския на Бутырках в слободе всех салдат порубили, а скопом-де збираютца в Марьинской роще. И стрельцы з знамены и з барабаны, ис снарядом, с пушками, и с мушкеты, и с копыи, и з бердыши многия приказы пришли под Бутырки.

А в Бутырках тоже учинилась замятня и сполох; и стоят салдаты все строем. И, видя, стрельцы, что пролгалось, и ходили тое ж ночью под Марьинскую рощу; и никою не нашли, только поймали двух человек пьяных, бродящих люди; и сказали, что от тех и смута сполошная учинилась.

Того ж году июня в 5 день тех дву человек, которых стрельцы поймали ночью под Марьинскою рощею, пытали и тово ж дни под Марьинскою рощею их повесили.

Да того ж числа четырех человек на площади у Лобнова мести казнили, головы отсекали Андрееву человеку Ильина сына Безобразова да Иванову человеку Офонасьева сына Прончищева, а тех двух не знама каких людей. А казнили их за то: пьяным делом говорили на кружале, что самих стрельцов так жа рубить и на копыи поднять как бояр рубили [л. 305].

Зделали стрельцы всеми приказы у Лобнова места столп каменной, и на том столпе со все четыре стороны прибили листы большия медные лужонные. А подписали, будто все то делолося по государеву указу, как бояр рубили и за что.

Того ж году, июня в 14 день, в осмом часу дни пытали в застенке Матвея Дидьянца, что назывался царевичам Дидьянским, да ярославца посацкова человека, за то, что затеали на князь Никиту Ивановича да на князь Якова Никитича Одоевских, будто они говорили, чтоб стрельцов половина розослать по городом, а другую половину перевешать на Москве около Землянова города. И с пытки они зговорили, а сказали, что затеали напрасно. И то Дидьянец на пытке сказал, что он не царевич, боярской сын. Да в то же время пытали полковника Матвея Михайлова сына Вешнякова да полковника Степана Иванова сына Янова. И, пытав, тово ж числа в осмом часу дни Матвея Дидьянца да полковника Степана Янова казнили у Лобнова места, четверговали. А ярославцу посацкому человеку голову отсекали. А Матвея Вешнякова, пытав, и вместо смерти упросился у стрельцов постритца. И приговорили постричь и сослать в ссылку. А с пытки он ни в чом не винился. А пытали ево по доводу людей их, будто он с отцом своим хотели своею казною на стрельцов ратных людей нанимать [л. 305 об.].

Того ж году июня в день зделали стрельцы всеми приказы у Лобнова месте столп каменной, четверугольной, свершили шатром и покрыли черепицею мурамленою, и на нем прибили листы большия, подписаны со все четыре стороны. А подписали, будто все то делолося по указу великих государей, как бояр рубили и за что, и инья подписаны были всякия многия розныя статьи против их воли, как впредь чему быть.

Того ж году, июня в 25 день воскресенье, венчались царским венцом государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич,

всё Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы в соборной и апостольской церкви. А венчал их, государей, Иоаким патриарх Московский и всёя Руси со власти Московскаго государства.

И быша у великих государей столы по три дни. И многих великие государи жаловали, иных в бояря, иных в окольничия, иным дано думное дворянство, иных в стольники, иных в стряпчия, иных во дворяне московския, иных в жильцы.

А пожаловали в баяря того ж числа стольника князь Андрея Ивановича Хованского, стольника Михаила Львовича Плещеева, стольника Матвея Богдановича [л. 306] Милославского. Да того ж числа пожаловали великие государи в окольничие думнова дворянина Веденихта Андреевича Змеева да стольника Семена Ларионовича Милославского. Того ж числа в думные дворяне пожаловали Василья Лаврентьевича Пушечникова да Петра Савича Хитрова.

Того ж году, июня в 26 день, у великих государей стол был. Пожаловали великие государи в баяря Бариса Петровича Шереметева, князь Михаила Ивановича Лыкова, Бариса Гавриловича Юшкова. Того ж числа пожаловали великие государи в окольничие Василья Савича Нарбекова, Тихона Никитича Стрешнева. Того ж числа в думные дворяне пожалованы Аврам Иванович Хитрова, в спальники пожалован Петр Петрович Салтыков.

Июня в 27 день у великих государей стол был. В баяря пожалованы: князь Андрей Иванович Голицын, Алексей Петрович Салтыков, Иван Тимофеевич Кондырев. В окольничие пожалованы: Андрей Васильевич Толстова, Богдан Федорович Полибин. В думные дворяне пожалованы: Иван Иванович [л. 306 об.] Сухотин да Максим Исаевич Сунбулов.

Июня в 29 день у великих государей стол был. Пожаловали великие государи в баяря: князь Василья Петровича Прозоровскаго, Федора Прокофьевича Соковнина, князь Костентина Осиповича Щербатова. В окольничие пожалован Иван Федорович Пушкин. В думные дворяне пожалованы: Василей Данилович Мясной да Микита Савич Хитрова.

А которых баяр и думных стрельцы порубили и животы их, баярина Ивана Максимовича Языкова, Алексея да Михаила Лихачовых, думнова Лариона Иванова, думнова Аверкея Степанова, и иные животы многие, пойманы все в Верх и иконы в Столовую полату, переписаны и оценены самую дешевою ценою. И имали все стрельцы в цену. А иным мимо их никому ничево не продавали. И розпродано многое множество всяких животных. А приказаны те животы опальные продавать баярину князь Андрею Ивановичю Хованскому.

Июля в 5 день приходили в город в Верх с невежеством большим в Грановитую полату на собор к светейшему патриарху Иоакиму и ко властям и ко всему освещенному собору и к бояром поп Никита Пустосвятов, что прежде сево бывал [л. 307] в Суздале в соборной церкви, а был он в ссылке. А с ним приходили чернецы два приезжая неведомо откуда. Да к ним же пристали многие стрельцы и иных чинов люди. А приходили в Верх в Грановитую полату, несли евангелие с евангелисты и книги и налои. Прение у них было в Верху многое время о кресте как креститца. И с Верху пошли из Грановитой полаты золотою лесницею, несли евангелие и книги и налои.

И пришли на Лобное место, и на Лобном месте тот поп и чернецы евангелие чли и книги, собралось к ним множество народа. И были на Лобном месте с час. И пошли с книгами и с налои на стоялые свои дворы за Яуские ворота. И после того спустя с неделю попа Микиту Пустосвятова у Лобнова места казнили, голову отсекали, а чернецов сослали в сылки

неведомо куды за их плутость. И ото всево освещеннова собору преданы они, плуты, проклятию.

Того ж году, августа в 4 день, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы пошли с Москвы в поход в село Коломенское. И в Коломенском были немалое время.

И ис Коломенскова пошли в поход в село Воробьева, из Воробьева села в поход пошли Воскре[л. 307 об.]сенское новое, что патриарх Никон строил. А из Воскресенского, не занимаючи Москвы, объездными дорогами в поход пошли в Троецкой монастырь и жили многое время Воздвиженском и в Троецком монастыре.

А на Москве в то время от стрельцов и от салдатов было волнение великое, владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали. С какими государскими обиходы к великим государем х Троице поидут и они не пропускали, ворочали назад. И всеми приказы около Московскаго государства по Земляному городу короулили накрепко и день и ночь, и по полым местам поделали надолобы и рогатки поставили, и в слободах по большим проезжим улицам крепости учинили, опасались на себя приходу от великих государей ратных людей.

И великие государи в то время ис Троецкого монастыря по городом розослали грамоты, указали быть вскоре в Троецкой монастырь ратным людям. И в Троецкой монастырь съехались множество ратных людей.

А указано у ратных людей быть воеводам, которые ратные люди были у великих государей. Воевода у них баярин князь Василей Васильевич Голицын, другой воевода с ратными людьми в Переславле Залеском баярин князь Петр Семенович Урусов, третьей воевода с ратными людьми на Коломне баярин Алексей Семенович Шеин; четвертой воевода с ратными людьми [л. 308] на Резани баярин князь Михайла Иванович Лыков.

И стояли ратные люди около Троецкого монастыря многое время и по городам, где которому указано быть.

А великие государи были в то время в селе Воздвиженском.

1682

Лета 7191-го, сентября в 16 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев указано быть с Москвы в поход Воздвиженское баярину князь Ивану Андреевичю Хованскому да сыну ево баярину князь Андрею Ивановичю. И баярин князь Иван Андреевич и сын ево князь Андрей Иванович в поход воздвиженской поехали. А с ними поехали всякова люду человек с семдесят. И на дороге стал баярин князь Иван Андреевич на стану в селе Пушкине у крестьянина на гумне. А сын ево баярин князь Андрей Иванович поехал в деревню свою от села Пушкина версты з две. И приехали от великих государей ис села Здвиженского баярин князь Михайла Иванович Лыков, а с ним многие люди служивые, в село Пушкина и баярина князь Ивана Андреевича Хованского взяли и, свезав, посадя на лошадь, поехали в деревню их за сыном ево за боярином за князь Андреем Ивановичам [л. 308 об.]. И в деревни ево взяв, связали и посадили на лошадь и повезли в село Воздвиженское отца ево и ево, князь Андрея, к великим государем. А людей их, которые с ними были, ружье у них побрали и, всех перевезав, оставили в Пушкине, приказали старцу их беречь, которому в Пушкине приказано. А то село Пушкино...¹

А в то время сын ево боярской князь Иван Иванович был в походе у великих государей Воздвиженском, и неведомо из бояр хто ему сказал.

¹ В рукописи оставлено чистое место

что по отца ево и по брата великие государи послали и хотят казнить. И он, князь Иван, из Оздвиженского ушел не дорогою, болотами и лесеми, к Москве.

А баяр, князь Ивана Андреевича и сына ево баярина князь Андрея Ивановича, привезли в село Воздвиженское и, неводя их на дворец к государем, вышли все баяря, которые были с великими государи в походе, вынеся, чли им, баярину князь Ивану Андреевичу и сыну ево баярину князь Андрею Ивановичу, наказ. А в наказе написано, что он, баярин, князь Иван Андреевич и сын ево князь Андрей Иванович, великим государем изменили: приговорил он, баярин, князь Иван Андреевич к себе истрельцов и истрельцовых людей девять человек, а говорил им, чтоб они всех стрельцов и салдат наговаривали; и хотел с стрельцами и с салдатами Московскаго государства Белой город запереть и рубить баяр Черкасских, Одоевских, Милославских [л. 309], Голицыных и иные роды баярские. А сам он хотел на Московском государстве быть царем, а сына своего баярина князь Андрея Ивановича хотел женить на царице Софье. А великих государей царей хотел известить, а царицу и царевен казнить. А стрельцом давать, иным баярство, иным околичество, иным думное дворянство и хотел жаловать иных в стольники, иных в стряпчия, иных во дворяне московския, иных в жильцы. А доводили на него, баярина, из ево ж приговору и прочетчим наказ, за ворота ответчи под гору недалеко, тут и казнили боярина князь Ивана Андреевича и сына ево князь Андрея Ивановича Хованских, головы им отсекали, а тела их велели схоронить на Городце.

А сын ево, боярина князь Ивана Андреевича, князь Иван Иванович приехал к Москве в ночи, с воскресенья на понедельник сентября во 18 числе в шестом часу ночи, и учинил тою вестю на Москве стрельцом, что отца его баярина князь Ивана Андреевича, и брата ево, баярина князь Андрея Ивановича, в селе Воздвиженском казнили.

И стрельцы по ево вестям велили бить в набат у Спаских ворот в семом часу ночи. И взволновались стрельцы все приказы, хотели итти в село Воздвиженское с снарядом, с пушками и с мушкетой, и с копьями, и з бердыши на великих государей. И думы были у стрельцов по всем приказам и раздумали, не пошли, итти поблюлись [л. 309 об.].

Того ж году, сентября в день, в селе Воздвиженском учинился всполох; сказали великим государем, что стрельцы, все приказы, со многим снарядом на три дороги с Москвы идут на великих государей боем. И великие государи и государыни царицы и государыни царевны из села Воздвиженского поднялись совсем, поход свой учинили х Троице в монастырь. А которые весты им, великим государем, учинились, и то пролгалось. И жили у Троицы в монастыре многое время.

Того ж году, октября в 2 день, по указу великих государей спальника князь Ивана Ивановича Хованского за приставом с Москвы повезли к великим государем х Троице. И от Троицы послан в ссылку в Сибирь.

Того ж году октября в день князь Иванову жену Ивановича Хованского с Москвы повезли в ссылку в телеге и под серую полстью; за нею идучи боярские баярины, которые ее провожали, выли голосами, и, проводя ее, воротились.

Того ж году, октября в день, великие государи цари и государыни царицы и царевны ис Троецкого монастыря пришли под Москву в село Алексеевское и хотели итти в Коломенское.

Того ж месяца, октября в день, святейший патриарх Иоаким Московский и всеа Руси с Москвы пошел к великим государем и к государыням царицам и к государыням царевнам в село Алексеевское [л. 310] и бил

челом ото всево Московскаго государства великим государем и государыням царицам и государыням царевнам, чтоб они, великие государи, шли к Москве на свой царской престол и им, великим государем, известил, что на Московском государстве все, дал бог, смирно и тихо.

Того ж году, ноября в 2 день, по указу великих государей перед их приходом к Москве, что зделали стрельцы всеми приказы столп каменной у Лобнова места, и по государскому указу сломали до пошвы, и камень, в чом сделан был, тово ж дни с площади от Лобнова места свожен к Земскому приказу.

Того ж месяца, ноября в 3 день, в осмом часу дни пришли к Москве ис села Алексеевского великие государи и государыни царицы и царевны. А шли в Москву строем: напред их, государей, шол полк баярина князь Василья Васильевича Голицына. Того ж месяца, ноября в 26 день, в четвертом часу дни в обедни волею божиею загорелися царския хоромы царя Петра Алексеевича, и погорели царицыни и царевнины хоромы все и казны множество згорело, потому как загорелась, в то время все были у обедни. И на соборной апостольской церкви кровля вся згорела и киот над полуденными дверьми, над богородицею згорел, осталась только половина [л. 310 об.] киота. И на церкви Московских Чюдотворцов, и на патриаршей крестовой полате, и на обонх сенех у Крестовой кровли погорели. А у патриарших келей кровли сломали, а кельи целы.

Того ж году, декабря в 27 день, приходили стрельцы в город перед Красная крыльцо Павлава приказу...¹ сына Бахина и принесли с собою плахи и топоры. И положили перед Красным крыльцом плахи и топоры и сами выборные тово приказу легли на плахи, а иные на земли. И доложили о том великим государем. И приходил к ним с Верху от великих государей думной дьяк Стрелецкого приказу Федор Левонтьев сын Щекловитов и спрашивал стрельцов, что они пришли и с какою виною. И стрельцы сказали: «Сказывают де великим государем, что мы бунт заводим и от нас де бунту и заводу никакова нет, чтоб де о том великие государи указали розыскать: будет де какой от нас бунт или завод объявитца, велите де, великие государи, нас казнить всех». И думной пошел в Верх к великим государем и долго ево не было. А к стрельцам в то время ис под Грановитой полаты полковник их вышел Павел Бахин и стрельцам плахи и тапоры велел перенеть перед Грановитую полату перед окошки. И полегли так же. И сошли с Верху к ним от великих государей окошничей Веденихт Андреевич Эмеев, а с ним сошел тот жа думной дьяк...²

III. Памятные записи подьячего

Памятные записки помещены в рукописи Библиотеки СССР имени Ленина, Музейное собрание, № 1567. Рукопись представляет собой сборник, размером в 4-ку, на 83 лл., без начала и конца. Писана она скорописным почерком второй половины XVII века.

На лл. 1—4 об. помещен Летописец конца XVII века под названием «Летописец». Некоторые места летописца неразборчивы, так как буквы стерлись.

Летописец

16—47

Во 154-м и во 155-м в Белегороде у довногого...³ дела.

17

Во 155-м году во Пьскове.

14—1657

Во 162-м и во 163-м, и во 164-м, и во 165-м годех в ево государевых в литовских и в немецких походех.

¹ В рукописи оставлено чистое место.

² На этом кончаются записки

³ Неясно.

Во 166-м и во 167-м году на Госеепском бою.	1657—1659
Во 167-м и во 168-м годах на Конотопском бою.	1659—1660
Во 169-м году на Сапегине бою.	1661
Во 170-м и во 171-м годах в Севеску.	1662—1663
Во 172-м и во 173-м годах в Литовских городех.	1664—1665
Во 176-м и во 177-м годах в Севеску и в Молороссийских городех.	1668—1669
Во 179-м в низовых городех.	1671
Во 183-м году в Севьску.	1675
Во 184-м и во 185-м годах в Молор[ос]ийских городех [л. 1 об.].	1676
Во 185-м и во 186-м годах под Чигириним.	1677—1678
Во 186-м и во 187-м году в Путивле.	1678—1679
Во 187-м и во 188-м годах под Киевым.	1679—1680
Во 188-м году в Путивле ж.	1680
Во 199-м, декабря в 21 день, в Киевского... ¹	1691
Во 188-м году, ноября в 21 день, на праздник въведения богородица пожалован на Ивановскую площадь, меж было благовестия и... ² отказано с площади с Ывановской во 190-м году, генъваря в 5 день.	1680
Во 198-м году сентября в первых числах обыски. А пожалован во 190-м году, апреля 2 день, на память преподобного отца нашего Тита чудотворца.	1689
Во 190-м году, апреля в 27 день на память святаго священомученика Семиона сродника господня по плоти, великого государя царя Феодора Алексеевича в другоноцотом [!] часу в последней четверти преставися.	1682
Смятение на бояр было во 190-м году, мая в 15 день и в 16 день и в 17 день числах. В 18 день боярин Кирила Полуехтовичь пострижен в Чюдове монастыре. Боярина князя Ивана Андреевича с сыном ево Хованьских козняны во 191-м году, сентября в 18 день, на память святых мучениц дев Веры, Любве, Надежды и матери их Софии. ³	1682

¹ Далее неясно

² Неясно одно слово.

³ Далее следует еще несколько мелких заметок частного характера

*ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

(Печатается под наблюдением В. И. Малышева)

В. И. МАЛЫШЕВ

Пижемская рукописная старина

(Отчет о командировке 1955 года)

В июне—июле 1955 года экспедиция Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР в составе научного сотрудника Сектора В. И. Малышева и научного сотрудника Гос. Эрмитажа Ф. А. Каликина направилась на поиски старинных рукописных книг на Печору, по преимуществу в район реки Пижмы. Начав свой путь из Усть-Цильмы, экспедиция провела десять дней в пижемских селениях, откуда вывезла 65 рукописей XV—XIX веков, и среди них наиболее интересные из находок этого года. Пробыв затем два дня в Усть-Цильме, где было найдено лишь две рукописи, экспедиция направилась в селения, расположенные по реке Нерице, притоку Печоры, где, однако, обнаружить рукописные книги не удалось. На низовой Печоре было приобретено семь рукописей.

После поездки этого года, когда тщательно был обследован значительный район средней и нижней Печоры, дальнейшие поиски рукописей здесь организованными археографическими экспедициями не представляются необходимыми. Однако случайные находки возможны, и потому этнографам, фольклористам и лингвистам, направляющимся в этот район, не следует забывать о «письменной досельной» рукописной книге. Если надежды на успех поисков значительно меньше в населенных пунктах низовой Печоры, то в Усть-Цилемском районе, в селах и деревнях Пижмы и Цильмы находки не исключены. Сами условия сохранения рукописной книги (нередко рукописи лежат забытыми на чердаках, в сараях и чуланах) допускают постоянную возможность новых находок. Едущему в эти края следует начинать розыски рукописного материала прежде всего с лиц, знающих старинную грамоту. В каждой деревне, селе, в первом же доме назовут фамилии таких, по местному выражению, «начетных людей». Фамилии многих печорских собирателей приведены в наших отчетах о поездке на Печору.¹ Этим лицам всегда могут принести новую книгу, обнаруженную случайно в каком-нибудь углу домового хозяйства. Но спрашивать о книгах надо в каждом доме, в котором придется побывать. Рукописная книга нам попадалась нередко там, где присутствие ее мы даже не могли предполагать: в доме приезжего ветеринара, у ленинградца, капитана мотобота, и т. д.

Что касается селений, находящихся в верховьях Печоры, в районе Троицко-Печорска, в бассейнах рек Ижмы и Вымя, то эти селения должны быть обследованы и как можно скорее. Необходимо также проверить на-

¹ Труды ОДРА, VII, стр. 469—480; XI, стр. 425—439.

личие рукописных книг в прибрежных печорских деревнях и селах выше села Шельяюра до села Усть-Уса, в деревнях, расположенных по берегам реки Усы. По сведениям местных старожилов, в некоторых деревнях верхней Печоры совсем недавно встречались «книги на коже» (пергаменные), юсового письма. Может быть, эти сведения и не подтвердятся, но долг археографов проверить их.

Как все-таки был неправ Н. Е. Ончуков в отношении печорской рукописной книги, когда пятьдесят лет назад писал о ней: «Правда, крайний север России, мной изъезженный, не имеет ничего выдающегося в смысле рукописей, значительно уступая и в качественном и в количественном отношении местам, следующим за прибрежной полосой, расположенной по рекам бассейна Волги и Балтийского моря. Но может быть и то, что я нашел на крайнем севере, тоже составит интерес уже потому хотя бы, что будет можно знать, что должен ожидать в этом отношении будущий путник в эти местности, может быть, ожидающий встретить здесь сокровища! Одной разбитой ученой иллюзией, следовательно, будет меньше».¹

Может быть, этот несколько поспешный вывод известного этнографа и фольклориста, сделанный на основе очень случайных рукописных приобретений,² и был одной из причин того, что археографы отвернулись от Печоры, забыли ее, предоставив ее «обследовать» торгашам из Чердыни, Соликамска и других городов. Между тем сам же Ончуков отмечал, что «скупщики старины вывозили с Печоры старые книги кулями».³ И он же писал о печорской письменности: «Видел я нынче многочисленные томы рукописных книг, тетрадок и пр., но все это старинной переписки».⁴

К сожалению, зоркий и наблюдательный глаз этнографа, подметивший на Печоре много тонких и своеобразных черт быта местного старообрядчества, в данном случае не заметил, что «люди старой веры» не допустили ученого к рукописной книге. А получилось это потому, что они испугались его официальных удостоверений, открытых сношений с местными властями и духовенством в годы, когда старообрядчество еще подвергалось сильному гонению со стороны правительства. Поэтому только случайные и очень немногие рукописные книги удалось увидеть Н. Е. Ончукову.

Следует также заметить, что Н. Е. Ончукову был известен ограниченный круг печорских и пижемских селений.

А между тем, как отмечал еще С. В. Максимов, в печорских селениях хранились огромные рукописные богатства,⁵ менее, конечно, древние и разнообразнее, чем те, которые имелись у «жителей бассейна реки Волги и Балтийского моря»; ведь печорский край намного меньше по территории и заселен значительно позднее: рукописная традиция здесь восходит всего лишь к концу XV века.

¹ Н. Е. Ончуков. Печорская старина. Известия ОРЯС АН, X, кн. 2, 1905, стр. 339.

² Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп. Акад. Наук в 1903 году. СПб., 1904, стр. 10, 27, 42, 54 и др. Здесь даются сведения о 14 рукописях, привезенных Н. Е. Ончуковым с Печоры. См. также: Н. Е. Ончуков. Печорская старина. ИОРЯС, кн. 3, стр. 223—228.

³ Н. Е. Ончуков. Печорская старина. ИОРЯС, кн. 3, стр. 212.

⁴ Н. Е. Ончуков. О расколе на низовой Печоре. «Живая старина», 1901, вып. III—IV, стр. 441.

⁵ С. В. Максимов. Год на Севере. Часть II. Собрание сочинений, т. IX, СПб., изд. «Просвещение», без указания года, стр. 342. Максимов пишет про Печору, что исследователям известно «богатство здесь старинных памятников письменности в актах, отдельных монографиях, старопечатных книгах, грамотах и других бумагах». Самому ему «удалось видеть свежие, недавние копии целыми томами большого формата, со старопечатных книг и целые сборники — книги, которые поразительны по той разнообразной пылкости и любознательности, с какими старались записывать печорские грамотеи все, что могло интересовать их».

Здесь была своя богатая и своеобразная письменность и литература. Во времена пребывания Н. Е. Ончукова на Печоре она сохранялась еще почти во всем своем объеме, хотя уже быстро начинала терять свое практическое назначение, вытесняемая печатной продукцией, и превращалась в «лежалую литературу».

На Печоре сберегались тогда же древние пергаменные книги. Даже в 1934 году они еще были здесь: в день моего приезда в село Бедовое в нем ребята сожгли несколько «кожаных книг». Встречались огромные книги, написанные на бересте (часть одной такой книги хранится и сейчас в Нарьянмарском краеведческом музее, другая книга была в 1937 г. у М. Е. Торопова). Повидимому, немало ходило по рукам автографов сочинений протопопы Аввакума. Как известно, он перед сожжением роздал пустозерцам все свои книги и рукописи. Несколько автографов Аввакума было куплено в 1912 году в селении Каменное (близ Пустозерска) старообрядческим начетчиком из села Семжа (Мезень) И. С. Жмаевым. Всяких рукописей, по рассказам стариков, много было в то время в селениях низовой и средней Печоры.

Собирая в здешних местах с 1934 года уже скудные остатки некогда большой письменной культуры печорцев, я в разное время доставил в научные архивохранилища Ленинграда 290 рукописных книг XV—XIX веков. Многие из этих рукописей представляют большую ценность для науки. С Печоры можно было бы привезти гораздо больше рукописных книг, если бы поиски их были организованы значительно раньше и проводились на более широкой основе, чем наши поездки, особенно 1934—1938 годов, которые имели лишь разведывательный характер.

Мы остановились на высказывании Н. Е. Ончукова с одной только целью, чтобы опровергнуть это несправедливое и случайное заключение о печорской рукописной старине и, воспользовавшись случаем, призвать наших археографов проверить наличие рукописных книг в селах и деревнях Поволжья (район реки Керженца), по реке Иргизу, в Алтайском крае и других местах, связанных в прошлом с сильным старообрядческим движением. Правы ли некоторые археографы, когда утверждают, что в этих местах уже не найдешь старинной рукописной книги? Только тщательная проверка на местах может дать правдивый ответ о сохранности в том или ином районе рукописной старины.

* * *

Район реки Пижмы в прошлом году был основным местом наших поисков старинной рукописной книги. Мы побывали во всех пижемских селениях, за исключением очень небольших верховских деревушек — Левкинской и Новожиловской (4 двора), в которых, по единодушному признанию местных жителей, «письменных книг никогда не водилось».

Влево от реки Печоры тонкой извилистой лентой течет между красивыми и богатыми растительностью берегами речка Пижма, левый приток Печоры. Выбегая из-под самого Тиманского хребта, из богатого рыбного озера Ям, несет она свыше двухсот километров свои прозрачные воды. Стремительно скользя по многочисленным порогам и перекатам, омывая высокие каменные утесы с торчащими на их высоком гребне исполинскими соснами, выходит Пижма под самую Усть-Цильму. Семь лесных речек, ее притоков, — Черная и Светлая Комжи, Умба, две Язовцы, Сизов ручей, Белый ручей и Вятка — помогают ей быть проходимой для мелких судов почти до верховья. Могучие сосны, огромные ели, кудрявые березы, осина, ольха, размашистая лиственница украшают лесные берега Пижмы,

оглашаемые шумом взлетающих рябчиков, белых куропаток, пестрых тетерок и огромных глухарей. Низменные прибрежные наволоки покрыты густой зеленью, душистыми травами. Серебристую глубь реки разрезают быстрые сиги, чирьи, окуни, в камышах плещутся щука, налим; громадные хариусы, пеляди, семги оставляют длинный след на воде.

По берегам Пижмы находится двенадцать селений, в большинстве своем небольших деревушек, по двадцать-тридцать домов, расположенных почти всегда живописно по самому берегу реки. Это деревни: Левкинская, Новожиловская, Верховская, Скитская, Замогильник, Степановская, Чуркинская, Никоновская, Загривочная, Абрамовская, Боровская и село Замежное. Наиболее отдалена деревня Левкинская: она стоит в двухстах километрах от устья реки Пижмы. Село Замежное, находящееся в среднем течении реки, является самым большим населенным пунктом здешнего края, административным и культурным его центром.

Некогда один из самых отдаленных и глухих районов, куда известия из Петербурга и Москвы шли не менее двух месяцев, Пижемский край в настоящее время включается в общественную и культурную жизнь всей страны. Шумят в каждом селении ветряки, приводящие в движение местные радиотрансляционные станции. Десятки радиомачт высятся над старинными домами пижемцев. Большинство жителей далекой окраины каждый день слышат голос столицы своей Родины. На улицах деревень и по лесным дорогам гудят провода телефона и телеграфа.

Современная техника прочно входит в быт пижемцев. Колхозники колхозов имени Хрущева и имени Калмыкова построили свои электростанции. Трудоемкие работы на некоторых колхозных фермах механизированы, введено автопоение. Прочно завоевали место в колхозном труде пилорамы. Поля и луга Пижмы оглашает гул огромных тракторов С-80 и мощных бульдозеров. Ряд колхозов имеет свои грузовые автомашины.

По всей Пижме развернулось строительство больших колхозных скотных дворов, оснащенных новейшим оборудованием. Пижемцы участвуют в Сельскохозяйственной выставке, передавая свой богатый опыт по животноводству колхозникам других областей страны. Колхозы имени Калмыкова, «Стахановец», «Большевик» и другие стоят в ряду первых в Усть-Цилемском районе. Широкое применение нашло социалистическое соревнование. Колхозы соревнуются между собой за лучшие показатели по поднятию производительности труда, увеличению удоя, приплода и т. п. Внутри колхозов бригады и отдельные колхозники соревнуются между собой. Дружным и спаянным трудом пижемцы сделали свои колхозы крепкими и живут зажиточно, хорошо.

За годы советской власти неизмеримо выросло медицинское обслуживание населения. Раньше на весь округ был один фельдшер, который, по его словам, один «лечил людей и лошадей». Теперь в Замежном сельская больница с несколькими врачами, фельдшерами и медперсоналом, имеется детский сад, детские ясли. В селе работает зоопункт. В каждом колхозе Пижмы есть фельдшер и ветеринар, детские ясли. Пижемкам уже не приходится таскать с собой на поля детские люльки.

Сильно изменился культурный облик бывшей староверческой Пижмы. Какие «культурные» учреждения имела она в 1917 году? Три молельни, винная лавка, питейные палатки в некоторых деревнях. Земская начальная школа в селе Замежном влачила жалкое существование, так как блюстители «древлего благочестия» предпочитали отдавать детей к своим «наставницам», учили их там «по старине». Неграмотным было большинство населения.

В настоящее время в селе Замежном функционирует неполная средняя школа с интернатом для детей из других деревень. Новое большое одноэтажное светлое здание школы является украшением и гордостью села. Начальные школы имеются в деревне Абрамовской, Загривочной и Степановской. Теперь в пижемском сельсовете неграмотных нет, кроме нескольких дряхлых стариков и старух.

Немало пижемских юношей и девушек учатся в вузах Москвы, Ленинграда, Архангельска, Сыктывкара и других городов. Две дочери председателя колхоза «Стахановец» Афанасия Ивановича Поташова закончили учебу в 1955 году, одна в Пушкинском сельскохозяйственном институте, другая — в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена. Обе изъявили желание ехать работать на родной север.

К услугам пижемцев в селе Замежном имеется сельский клуб с хорошей библиотекой, радиотрансляционной установкой, комнатой для игры в шашки и шахматы. При клубе находится кинопередвижка, обслуживающая колхозы сельсовета. В каждом колхозе есть свои красные уголки, члены сельхозартелей выписывают много центральных и местных газет. Некоторые колхозники создают свои личные библиотеки. К сожалению, Усть-Цилемская районная база Книготорга в течение ряда лет плохо удовлетворяет возросшие запросы пижемцев, и мы не один раз слышали серьезные упреки в ее адрес.

Широкое распространение получили за последние годы на Пижме спортивные игры и особенно игра в городки. В селе Замежном каждое лето устраиваются соревнования городошников пижемского сельсовета. Сильные и выносливые пижемцы любят турник, брусья и беговую дорожку. Некоторые из них входят в сборные команды Усть-Цилемского района.

Немало пижемцев занимают руководящие должности в Усть-Цильме. Так, местную районную газету «Печорская правда» редактирует пижемка Лукерья Никитична Типичева. Ответственным секретарем редакции около двух десятков лет работает боровчанин Иван Елизарович Чупров. Первым секретарем райкома комсомола является тоже пижемец Николай Алексеевич Чупров. Пижемский сельсовет считается в числе лучших в Усть-Цилемском районе Коми АССР. Таково современное лицо Пижмы, бывшей заброшенной, глухой окраины царской России.

* * *

Пижемская рукописная книга имеет не древнюю, но очень своеобразную историю. Первоначальное заселение Пижмы русскими людьми связано со старообрядческим движением на рубеже XVII—XVIII веков. Сюда, в глухие непроходимые леса, устремились спасаться от «никоновых новин» мезенцы, пинежане, двиняне. Страх перед нововведением и преследования властей заставили перебраться на Пижму даже некоторые крестьянские семьи из Московской, Олонецкой губерний, из Перми и других мест. Пришлые старообрядцы прочно осели на нелюдимых берегах Пижмы.¹ Однако населения на Пижме в это время было еще очень немного. Это были, повидимому, небольшие, нам неизвестные поселки, население которых состояло из двух-трех семей

Около 1730 года на месте теперешней деревни Скитской создано Великопоженское старообрядческое общежительство, напоминавшее во многом по своему устройству знаменитое Выговское старообрядческое общежительство в Олонецкой губернии. Создателем пижемского общежительства

¹ Л П Лашук Этническая история Печорского края Автореферат кандидатской диссертации Сыктывкар, 1954, стр 8

был некий Иван Акиндинович, ростовец родом: он хорошо был знаком с выговцами, жил у них несколько лет и потому старался во всем подражать им.

Однако, как рассказывает местная повесть о самосожжениях в Печорском крае,¹ пижемцы здесь «житие имели издавна, еще до приходу онаго Ивана Акиндинова к ним, он после пришед, что пашня и промыслы рыбные и звериные вельми добрые, живуще от Печеры реки в стороны за осьмьдесят верст на Пежмы реки, на Великих пожнях». На Великих пожнях Иван Акиндинович выступил только в роли объединителя отдельных старообрядческих семей в единое общежительство с поморским, выговским, уставом. Первыми же засельниками здешних мест считаются мезенцы Бобрецовы, Антоновы, Кирилловы и Носовы,² потомки которых и сейчас составляют основное ядро населения Скитской и соседних деревень.

В 1744 году по доносу мезенца Артемия Ванюкова в скит приехал воинский отряд из восьмидесяти человек во главе с офицером и священником. Целью прибывших было приведение живущих здесь старообрядцев к господствовавшему вероисповеданию. Но великопоженцы не пожелали вступать в какие-либо отношения с «разорителями древлеотческого церковного благочестия». Свою непоколебимую приверженность к старой вере они засвидетельствовали страшным самосожжением 86 человек. Это случилось 6 декабря 1744 года. Обо всем этом красочно и подробно сообщается в упомянутой выше местной повести. На основании ее же можно составить представление о хозяйственной деятельности общежительства в середине XVIII века. По этим сведениям, Великопоженское общежительство представляло собой довольно мощную экономическую силу. Повесть сообщает, что пришедшей команде досталось следующее имущество скитян: «хлеба молоченого 600 четвертей отмериша, немолченого ржи и жита 30 кучь, 63 книги и икон множество, 12 лошадей, коров дойных слишком 50, овец 300 и иного живота».

Книг показано 63, но их в общежительстве, несомненно, было значительно больше, чем приведено в повести. Скорее всего это были лишь те 63 книги, которые скитяне не успели своевременно спрятать. Правда, в повести подчеркивается, что великопоженцы намеренно не заботились о сохранении своего имущества. В повести мы читаем: «... овое нашли охиченого, а иное бросали из запору, с окон, занеже с собою ничего не сожгоша, все выбросали на улицу». Но едва ли это относилось к книгам и иконам.

Катастрофа 1744 года не прекратила совсем деятельности Великопоженского общежительства. Оно скоро возобновило свою жизнь, обстроилось, слава о его «страдальцах за веру» привлекла к нему еще больше внимания со стороны местного старообрядчества и столичных и московских «доброхотов».

Новое испытание пришлось выдержать великопоженцам в 1825 году. Большой пожар уничтожил почти все строения, погибло много книг, икон, хозяйственного и домашнего имущества. Но скитяне и на этот раз быстро оправались от постигшего их несчастья. Опять на помощь пришли богатые старообрядцы из Усть-Цильмы, Москвы и Новгорода, с которыми предприимчивые великопоженцы успели завязать тесные связи.

¹ Повесть эта имеет следующее заглавие: «В Архангельской губернии, в Мезенском уезде содеяся в нынешнем 7252 (1744) году». Есть, впрочем, и несколько измененные заглавия. Нами приобретено на Пижме два списка XIX века этой повести; третий, наиболее полный список, тоже XIX века, был найден в деревне Рочеве на Цильме в 1954 году. В статье пользуюсь Рочевским списком.

² Н. Е. Ончуков. Печерская старина. ИОРЯС, кн. 3, стр. 216.

Первая половина XIX века была периодом наивысшего расцвета в жизни Великопоженского общежительства. Скит стал играть громадную роль в деле распространения старообрядчества на Печоре, соседней Ижме и Мезени. Нити от Пижмы потянулись в далекий Пустозерск и в Большеземельскую тундру. Активная деятельность пижемских старообрядцев не могла пройти мимо архангельского архиерея, зорко следившего через печорских миссионеров за каждым движением своих противников. Время заигрывания правительства со старообрядцами прошло, разрешено было опять применять крутые меры к «людям древлего благочестия». И вот в 1842 году архангельский архиерей завел переписку с местным губернатором о пресечении «вредоносной» деятельности великопоженцев. Около двух лет тянулась эта переписка. Наконец, в 1844 году, ровно сто лет спустя после знаменитой пижемской гари, Великопоженское общежительство было окончательно закрыто. Все имущество жителей было отобрано в казну, книги, иконы, вся дорогая утварь увезены в Усть-Цильму и переданы местным священникам. Позднее скитское церковное имущество послужило основанием для устройства в Усть-Цильме единоверческой церкви.¹ Большая часть жителей скита была расселена по только что образовавшимся на Пижме селениям. За пижемцами установили строжайший контроль со стороны местных духовных и полицейских властей.

После этого Великопоженское общежительство уже не возрождалось в своем прежнем виде, хотя деревня Скитская, возникшая на месте общежительства, собирала и позже вокруг себя старообрядцев. Эти новые пришельцы иногда даже пытались захватить у местных крестьян землю и сенокосные угодья, как показывает найденное письмо крестьян Верховской и Чуркинской деревень в Усть-Цилемское волостное правление.²

Однако с закрытием скита старообрядчество в здешних местах не было уничтожено до основания и Пижма до самого последнего времени являлась одним из главных центров печорского старообрядчества, отличаясь особой консервативностью взглядов, большой приверженностью к старине, к древним книгам, старым обычаям и одеждам. Пижемские наставники были широко известны и особо почитаемы на всей Печоре.

Мы несколько подробнее остановились на истории Великопоженского скита и пижемского старообрядчества потому, что они сыграли большую роль в деле освоения этого края, распространения письменности и грамотности на Пижме в XVII—XIX веках, в сбережении значительного количества памятников письменной культуры наших предков. Эта сторона вопроса до сих пор еще не освещена в научной литературе, хотя она имеет значение для правильного суждения о прошлой культуре пижемцев и их истории. Достаточно сказать, что почти все современные селения на Пижме своим возникновением обязаны так или иначе деятельности Великопоженского скита и появились в разное время XVIII—XIX веков.

Великопоженское общежительство в периоды расцвета своей деятельности (до 1744 года, в конце XVIII века, в первой половине XIX века) представляло своеобразный центр культуры на Печоре. Пижемцы не довольствовались чтением и перепиской одной лишь церковно-служебной, богословской и полемической литературы, как показывают рукописные находки 1954 и 1955 годов, интересы их были значительно шире. Они осваивали риторические и философские трактаты, писали поздравительные стихи, занимались сочинением исторических произведений, используя для

¹ Н. Е. Ончуков О расколе на низовой Печоре. «Живая старина», 1901, вып. III—IV, стр. 447 С. В. Мартынов относит дату окончательного закрытия скита к 1854 году (С. В. Мартынов Печорский край, II. СПб., 1905, стр. 14).

² Публикуется в Приложениях (II, № 2).

этого местные предания и сказания. В ските были люди, которые, очевидно, имели право называть себя поэтами. Так, на найденном нами в деревне Скитской списке автобиографии протопопа Аввакума есть следующая запись: «Сия книга, тетрадь поэта Венедиктова Антонова. Переплетал 1838 года».¹ Имя юноши Венедикта, утонувшего в реке, упоминается в местном синодике. Фамилия Антоновых коренная, пижемская, она ведет свое начало, как указано выше, от выходцев сюда с Мезени в конце XVII века. Фамилия Антоновых и сейчас встречается в деревне Скитской и в других деревнях Пижмы. Таким образом, есть все основания считать Венедикта Антонова местным жителем. Приходится только сожалеть, что до нас не дошло ни одного стихотворения этого пижемского юноши-поэта.

Великопоженцы не чуждались и «мирской» литературы. В деревнях Пижмы нам не раз встречались отдельные томики изданных в XVIII веке сочинений М. В. Ломоносова, Антиоха Кантемира, изданий Н. И. Новикова, История Иудейской войны Иосифа Флавия и другие. Владельческие записи и пометы на изданиях XVIII века наглядно говорят о том, что книги были получены на Пижме вскоре после их напечатания. В деревнях Верховской и Скитской попадались сочинения Екатерины II, к которой предки современных пижемцев вообще, повидимому, благоволили за дарование скиту кое-каких прав. По свидетельству Н. Е. Ончукова, еще в начале XX века пижемцы бережно хранили у себя ее подлинные грамоты, адресованные скитянам.²

Круг чтения великопоженцев, даже по тем сведениям, которыми мы располагаем, представляется довольно широким и свидетельствует о большой любознательности жителей глухих печорских лесов. Если же учесть, что до нас дошло лишь очень немногое из некогда большой и разнообразной письменной культуры, то придется отдать должное широте кругозора великопоженцев.

В Великопоженском ските была своя книгописная мастерская, где размножались присланные с Выга произведения самого различного жанра местных старообрядческих писателей (жития, послания, письма, риторические сочинения, полемические трактаты и т. п.) и переписывались заново пришедшие в ветхость древние рукописные книги.

Перепиской рукописных книг на Пижме занимались вплоть до нашего времени. Еще совсем недавно были живы люди, основной профессией которых было писание книг. Это братья Чупровы из деревни Боровской, Н. С. Кириллов и другие. Переписанные ими книги встречаются почти во всех деревнях Пижмы и легко отличаются от прочих старообрядческих рукописей, в том числе и поморского письма, своеобразным мелким, прямым почерком, несколько небрежным и угловатым.

Великопоженское общежительство, как нами отмечалось, поддерживало тесные связи с Выго-Лексинским общежительством, заказывало там иконы, получало от них нужные книги. В тяжелые минуты оба старообрядческих центра так называемого Даниловского поморского согласия помогали друг другу.³ При посредстве выходцев на Пижму попадали книги многих светских писателей XVIII века.

¹ См. Приложения, I, № 34.

² Н. Е. Ончуков. Печорская старина. ИОРЯС, кн. 3, стр. 228.

³ См. письмо лексинца Семена Дорфеевича к пижемцу Ивану Евстафьевичу от 1824 года (Приложения, II, № 4) Пижемские старообрядцы, как и большинство старообрядцев Карельского Поморья, отнеслись к беспоповцам Службу у них вели «старды праведного жития», на деле, однако, отличавшиеся нередко далеко не праведной жизнью

Великопоженское общежительство сыграло на Пижме почти ту же роль в освоении края и в распространении в нем письменности и грамотности, какую выполняли в древней Руси северные монастыри. Пусть эта письменность пижемцев в общем носила несколько однобокий характер и своим началом имела цель защитить старообрядчество от «иконовых новин», но она обращала к книге, приучала любить грамоту, чтение, ценить и уважать книгу, наводила жителя глухого северного леса на многие вопросы, которые он без знаний, без книг никогда бы не мог поставить перед собой.

К сожалению, о Великопоженском ските мы имеем пока лишь совсем отрывочные сведения со страниц не всегда объективных миссионерских статей. Серьезному исследованию его деятельность еще не подвергалась.

Между тем даже те данные, которые нам удалось собрать во время поездок по Печоре, говорят о том, что Великопоженское общежительство представляло собой интересную хозяйственную и культурную организацию на Севере, созданную силами «северных мужиков», и заслуживает более пристального внимания и справедливой оценки. Правда, восстановить более или менее полную картину жизни общежительства едва ли удастся, так как материалов о нем почти не сохранилось. Но, несомненно, в Архангельском областном архиве и в фонде бывшего Святейшего Синода в Ленинграде найдется не одно дело, в котором могут оказаться ценные сведения по истории Великопоженского скита в XVIII—XIX веках. Могут они оказаться и в других архивохранилищах, в делах, относящихся к старообрядцам. Эти сведения могут пролить новый свет на характеристику деятельности великопоженцев.

* * *

Перейдем теперь к современным хранителям и собирателям пижемской рукописной старины.

Поиски рукописей на Пижме мы начали с деревни Скитской. 8 июня легкий двухместный самолет «П-2» местного лесхоза приземлил нас на небольшой лесной площадке, в двух километрах от Скитской. Мы шли по живописной местности, облитой ярким северным солнцем. Перед деревней, на высоком большом холме с очень ровной поверхностью, местные колхозники сажали картофель. В деревне Скитской колхоз дружный, поэтому все жители от мала до велика были заняты на работе.

Вот показалась и сама деревня, растянувшаяся вдоль берега старого русла реки Пижмы. Домов в Скитской не больше 30. Направо в полуверсте от деревни растут вековые сосны и ели, огороженные невысоким заборчиком, — это кладбище на месте самосожжения, место первого поселения в здешнем крае.

В Скитской живет известный по всей Пижме начетчик Сидор Нилович Антонов, по прозвищу Сидор-наставник. Это прозвище дано ему потому, что он до сих пор выполняет в верховских пижемских деревнях роль староверского наставника: исповедует, крестит детей, отпевает покойников. Это кряжистый старик, лет семидесяти, с широкой бородой и серыми подвижными и пронзительными глазами. Я познакомился с ним еще в 1949 году, мимоходом встретив его на улице в Усть-Цильме. Мне было известно, что у С. Н. Антонова имеется много старопечатных и рукописных книг и что старик до сих пор почитывает некоторые из них. Знакомство с рукописными книгами в Скитской мы решили начать с него. Ф. А. Каликин пошел по другим адресам, а я направился к Сидору Ниловичу Антонову.

С. Н. Антонов не забыл меня, поздоровался и, узнав о цели моего прихода, повел в свою комнату. Здесь он подвел меня к переднему углу и показал свои древние иконы и книги. Книг у него, действительно, оказалось много, но большинство их составляли издания старообрядческих типографий XVIII века.

Пока я перелистывал страницы рукописных книг, хозяин сходил на чердак и принес оттуда большой берестовый короб, доверху наполненный старинными книгами. Густой слой пыли и мелкие древесные стружки покрывали верх короба. Видно было, что рука Сидора Ниловича давно не касалась его. В коробе больше было рукописей, чем старопечатных книг. Оказалось, что эти рукописи лежали нетронутыми на чердаке дома более двадцати лет.

В разговоре также выяснилось, что у С. Н. Антонова есть еще несколько рукописей, но они находятся далеко, за двести километров от дома, в его рыбацкой избушке. Из них меня заинтересовала тетрадка со «Сказанием о Мамаевом побоище». Я просил С. Н. Антонова дать возможность познакомиться с ней. Старик обещал привезти рукопись оттуда и при первой возможности переслать в Ленинград.

У Антонова мы приобрели 8 рукописных книг XVI—XIX веков, в том числе хороший список Жития протопopa Аввакума, Пролог XVI века, местный Синодик, Историю о взятии Соловецкого монастыря, два сборника духовных стихов, Повесть о табаке и др.

Рукописными книгами Антонов не дорожил, расстался с ними охотно. Видно было, что многие из них только лежали у него в красном углу для вида, не читал он их давно. Только Житие протопopa Аввакума уступил с условием, чтобы прислали ему печатное издание, да чтобы «буквы были покрупнее».

В деревне Скитской нашлось еще несколько рукописных книг XVII—XVIII веков. Владельцами их были две древние старушки и семья умершего недавно грамотея. Из книг следует отметить Сборник XVII века, содержащий повесть об осаде Царьграда скифами, апокриф об Иоанне Предтече и другие статьи, исправный список XVIII века Поморских ответов и Синодик сгоревших в 1744 году.

В соседней деревушке Верховской удалось найти Сборник XVII века исторического и литературного содержания (Летописец, Повесть об Акире Премудром, Житие Петра царевича Ордынского и др.) и Триодь 1542 года с ценной записью писца о месте, времени и обстоятельствах написания книги.

Небольшая деревня Верховская, как и следующие за ней, еще меньшие деревеньки Левкинская и Новожиловская, являются выселками из деревни Скитской и возникли в XIX веке. Ныне крестьяне этих трех деревень входят в один колхоз им. К. Е. Ворошилова.

В деревнях Замогильник, Степановская, Чуркинская и Никоновская интересных рукописей не встречалось. Приобретенные рукописные книги содержат нотно-крюковые тексты XVII века и сборники XVIII века духовно-нравственных статей.

В Усть-Цильме я несколько раз слышал, что в деревне Степановской имеется сборник сочинений протопopa Аввакума, но найти его не удалось.

В деревне Чуркинской живет один из местных наставников Дмитрий Федорович Чуркин. Мы ожидали найти у него рукописные книги, так как много слышали о его начитанности и любви к старинной книге. Но, как выяснилось, рукописями он не интересуется, хотя знает их, читал в молодости и хорошо отличает от старопечатных изданий, что умеют делать теперь далеко не все такого рода грамотеи на Пижме. У Д. Ф. Чур-

кина оказались одни служебные старопечатные книги XVII—XVIII веков, которыми он пользуется в своей наставнической практике.

Ф. А. Каликин нашел у Чуркина всего одну рукопись XIX века. Это была Повесть о самосожжении на Пижме в 1744 году. Она лежала забытой хозяином на чердаке дома. Рукопись владетель охотно нам уступил. Уже находясь в селе Замежном, в семи километрах от деревни Чуркинской, мы получили от Д. Ф. Чуркина рукописную Минею XVI века, он разыскал ее в сарае после ухода Ф. А. Каликина и переслал с попутчиком.

В село Замежное мы приехали утром 12 июня, имея на руках несколько адресов местных собирателей рукописной старины. Село Замежное — самый большой населенный пункт здешнего края. Расположенное у излучины реки Пижмы, оно красиво разбросало свои постройки в зеленой котловине берега. Замежное — административный и культурный центр Пижмы. Еще издали виден флаг над зданием сельсовета, высокая радиомачта у дома культуры и огромное здание неполной средней школы на косогоре у реки.

Замежное до самого последнего времени считалось центром пижемского старообрядчества. После разгрома Великопоженского скита самые истовые и уважаемые на Пижме наставники жили именно здесь. В селе имелось много начетчиков, грамотеев и грамотниц. Правда, Замежное уже давно изменило свой прежний облик. Но наличие здесь в недавнем прошлом старообрядческого центра дает себя чувствовать и сейчас. В селе сохранилось большое количество старопечатных и рукописных книг, имеется несколько наставников и наставниц из стариков и старушек, доживающих свой век. Встречаются старушки и старички, готовые с жаром вести споры о правоте старой веры по сравнению с «никонианской прелестью». Промелькнет еще иногда черная полушалка на дряблых плечах: то «грамотница» спешит читать семнадцатую кафизму по покойнику. Совсем еще недавно жил в Замежном ветхий старичок, переписывавший по заказу каноны, кафизмы и святцы. Есть в Замежном (и не только в нем) и другие уголки, где старый быт скрюченной дряхлой рукой тщетно пытается еще продлить свое существование, но все дальше отступает он под неотразимым напором нового.

Наш домохозяин в Замежном, инвалид Отечественной войны Г. М. Чупров, посоветовал начать поиски рукописных книг с Афанасия Осиповича Осташова. Мне знаком был этот старик еще с 1937 года, когда я приезжал сюда студентом. Я познакомился с ним тогда в Усть-Цильме, а потом мы вместе за один день прошли пятьдесят два километра из Усть-Цильмы в Замежное. В его доме я провел в то время целый вечер, знакомясь с рукописями и старопечатными книгами, но рукописей не купил, так как у студента, приехавшего на Печору на собственный счет, денег было немного. А. О. Осташову понравилась моя охотничья фляжка, и я выменял на нее сборник XVIII века с сочинениями протопопа Авакума. Уже тогда Осташову было 64 года; его собрание рукописей и старопечатных книг было самым большим в Замежном.

Афанасия Осиповича я застал за работой в глубине своего огорода. В мягких оленьих туфлях на босу ногу, в синей длинной рубашке, подпоясанный темным пояском, он с рубанком в руках мастерил оконные рамы для колхоза. Афанасий Осипович слывет лучшим столяром в Замежном

«Афонька Оськин», как зовут его по всей Пижме, раньше был одним из авторитетных наставников, слыл большим начетчиком. Сейчас он уже почти отошел от старины. Пижемцы по привычке несут к нему после смерти родителей на сохранение «досельную книгу». Старик хранит ее,

но уже не читает, разве только иногда заглянет в старопечатные издания, да и то не во все.

Афанасий Осипович не узнал меня. Поговорив с ним немного о рукописях и о здоровье (Осташов жаловался на открывшуюся в боку очень давнюю рану), мы пошли в избу. Сидя рядом со мной на скамье, долго рассказывал он о том, как лет двадцать назад был у него «человек из Москвы» и целый вечер смотрел рукописи и расспрашивал об Аввакуме. «Наверное не жив, надо быть, парень, война-то большая была. У меня вот три сына пали на войне», — заключил он свои воспоминания.

Мне почему-то было тяжело в этот момент признаться, и я молча сидел за столом, разглядывая старопечатные и рукописные книги. А Афанасий Осипович пододвигал ко мне одну книгу за другой. Некоторые из них были знакомы еще по 1937 году, но встречались и новые, не известные мне.

Я выбрал у Афанасия Осиповича восемь рукописных книг XVI—XIX веков. Среди них были Александрия, XVII века, Стоглав, XIX века; «История о взятии Соловецкого монастыря», XVIII века; Златоуст, XVI века; Сборник старообрядческих стихов и песен, XIX века и другие.

На предложение продать рукописи Институту старик ответил положительно, деньги взял сразу, на прощанье сказал: «Потом приходи, я еще поищу».

Афанасий Осипович действительно выполнил свое обещание. Побывавший у него на следующий день Ф. А. Каликин приобрел еще две рукописные книги: Старообрядческий полемический сборник XVIII века и крюковую рукопись XVII века.

В день отъезда из села я зашел к Афанасию Осиповичу, чтобы проститься. Старик передал мне только что найденную в чулане маленькую рукописную тетрадку XVIII века с «плачами» по Москве. Она отсырела и пахла плесенью. Он только что успел ее прочитать, но никак не мог припомнить, откуда эта интересная рукопись попала в его дом.

Другой заметный хранитель рукописной старины в Замежном — Михаил Семенович Поздеев. Это восьмидесятилетний старик, хорошо сложенный и прекрасно сохранившийся. Лицо его обрамляет большая круглая темная борода. Он всегда смотрит на вас испытующим, недоверчивым взглядом. Поздеев тоже духовный наставник местных староверов: он исповедует, хоронит, крестит детей. В былые годы он много поездил, бывал не раз в Москве и Петрограде, держал постоянные связи со столичными старообрядцами своего поморского согласия, выступал распространителем старообрядческой печатной книги на Печоре. В отличие от Афанасия Осиповича, он более начитан в богословской и полемической литературе, говорит более грамотно. Про него рассказывают на Пижме, что он всю жизнь на книгах просидел.

М. С. Поздеев хорошо знает местную рукописную старину, но о владельцах рукописей говорит неохотно, видимо, ему не совсем нравится, что рукописи увозятся из Пижмы. Поздеев, пожалуй, главный в Замежном, кто вершит «духовные дела». Около него всегда вертятся несколько грамотных старушек, помогающих ему в совершении церковных треб.

У М. С. Поздеева оказалось довольно много старопечатных книг XVII—XIX веков, несколько рукописей, в том числе хорошей сохранности рукописная Минея конца XVI в. Минею он нам не уступил, так как «почитывает», но соглашался обменять ее на печатную, если мы придем из Ленинграда.

Помимо книг, приобретенных от А. О. Осташова, мы купили в Замежном еще десять рукописей XVI—XIX веков. Сюда относятся уже упо-

мянутая жалоба пижемских крестьян на великопоженцев, Сборник XVIII века, содержащий рассказ о происхождении двуглавого орла на русском гербе, несколько старообрядческих стихотворений XIX века и другие.

Почти одновременно с поисками рукописей в Замежном мы производили розыски в соседней деревне Загривочной. Загривочная находится в шести километрах от села Замежного в сторону Усть-Цильмы, красиво раскинувшись по обоим берегам Пижмы. Правый берег реки здесь очень высок, и с этой части деревни открывается чудесный лесной вид на десяток километров. В недавнем прошлом в Загривочном было немало любителей старины. У некоторых из них имелись большие собрания рукописных и старопечатных книг. Владелец крупнейшего собрания в деревне Клеон Мартынович Носов поддерживал постоянную связь с московскими собирателями. Но он и один из первых начал содействовать уменьшению рукописной старины на Пижме, занимаясь обменом древних рукописных книг на новейшие издания московских старообрядческих типографий. По рассказам стариков, К. М. Носов кулями отправлял в Москву рукописи и получал взамен сотни печатных книг из типографии Г. К. Горбунова.

В настоящее время рукописных книг в деревне Загривочной сохранилось немного. В семьях бывших любителей и почитателей рукописной старины нам удалось приобрести всего 9 рукописей. Это были два Пролога XVI века, Житие Николы с прекрасными миниатюрами начала XIX века, два списка повести о 12 снах Шахаиши (Мамера), сборник духовных стихов середины XIX века и другие.

Наиболее крупным владельцем рукописей и книг сейчас в Загривочной является Иван Ульянович Поташов, семидесятипятилетний старик. Поташов отдает предпочтение старопечатным книгам, и рукописей у него немного. Старинное скорописное письмо он, как и почти все другие такие грамотеи, читать не умеет. От него мы приобрели Пролог XVI века, лицевое «Житие» Николы и роскошный поморский Октоих XIX века.

16 июня мы приехали в деревню Боровскую. Боровская — последний населенный пункт на Пижме на пути в Усть-Цильму. Кроме нее, нам предстояло обследовать еще небольшую пижемскую деревушку Абрамовскую, в пяти километрах от Боровской, в стороне от тракта.

В Боровской мы намеренно остановились у Феодосии Васильевны Чупровой, так как еще в Усть-Цильме слышали, что она хранит на чердаке своего дома большой сундук, доверху наполненный рукописями и старопечатными книгами. Мы с нетерпением ожидали, когда сундук будет открыт для нас, потому что хорошо знали историю семьи Ф. В. Чупровой.

Муж ее, Тимофей Перфильевич Чупров, был местным наставником, считался грамотеем на всю Пижму, отличался большой приверженностью к старине. В деревне Боровской он вместе со своим двоюродным братом, Тимофеем Семеновичем Чупровым, содержал молельню. Братья Чупровы занимались перепиской рукописей по заказу, были знакомы со многими старообрядцами Москвы, Петербурга и Нижнего-Новгорода. Оба брата умерли давно; Тимофей Перфильевич, кажется, еще в 1914 году. Все книги после них остались у Феодосии Васильевны Чупровой, и она в течение нескольких десятков лет хранила их, не давала зачитывать местным жителям.

Когда мы с Ф. А. Каликиным переступили порог ее дома, мы, признаться, были несколько обеспокоены, позволит ли нам познакомиться с рукописями, а тем более продаст ли их эта суровая по виду женщина,

похожая на истовую старOVERку-начетчицу. Но наши опасения оказались напрасными. Феодосия Васильевна как-то даже заметно обрадовалась, когда узнала, что рукописи, наконец, поступают, по ее выражению, в «надежные руки».

В ее огромном сундуке на чердаке и возле него в двух берестовых коробах мы нашли большое количество старопечатных книг XVII—XVIII веков и около трех десятков рукописей XVI—XIX веков.

От Ф. В. Чупровой мы приобрели 18 рукописных книг XVI—XIX веков. «Боровский сундук» составил почти третью часть наших пижемских приобретений. И по содержанию эти рукописи представляли немалый интерес. Здесь имелись: Сборник XVII века исторического содержания (Летописец и др.), Житие инока Елифаня, несколько древнерусских повестей (об Акире Премудром, о царевне Персике, о происхождении вина и др.), послание Герасима Фирсова, сборники духовных стихов и песен, старообрядческие стихи и памфлеты («Газета из ада»), сочинения протопопа Аввакума, письма XIX века местных деятелей старообрядчества, сочинения поморских писателей XVIII—XIX веков, местный синодик и многое другое.

У других жителей деревни Боровской ценных рукописных книг мы не встречали.

Поиски рукописного материала в деревне Абрамовской не дали хороших результатов, хотя здесь ранее и имелось несколько известных на Пижме собирателей рукописей. Было приобретено всего две рукописные книги. Но зато в этой деревне мы нашли наиболее старую рукопись из находок этого года — Псалтырь XV века, написанную красивым архаичным полууставом. Другая рукопись, обнаруженная в Абрамовской, содержит Повесть о самосожжениях на Пижме в 1744 году (список конца XIX века). Она была куплена у местного любителя старины Маркела Маркеловича Чупрова.

Держателями рукописной старины на Пижме, как видно из приведенных примеров, в основном выступают лица старшего поколения, знающие церковно-славянскую грамоту. Пополнение их собраний происходит главным образом путем пожертвований им книг родственниками умерших таких же грамотеев. Только очень немногие из них (С. Н. Антонов и А. О. Осташов) сами занимаются собиранием рукописей. Начитанные в церковно-славянской книге старики и старушки — основные современные хранители рукописной книги на Пижме. Пижма в этом отношении несколько не отличается от других мест Советского Союза, где еще сбереглись у населения древние рукописные книги и где тоже главными хранителями старинной письменности выступают старики.

Однако рукописная книга встречалась нам и в таких семьях, где в прошлом были грамотные люди, а теперь славянскую азбуку не знает никто. В этих домах рукописные книги часто лежали нетронутыми и даже забытыми с тех пор, как умер их владелец.

Независимо от того, у кого хранится рукописная книга в пижемских селах, она давно здесь потеряла практическое значение и сберегается больше в силу традиции, из-за уважения к «дедовой памяти», а нередко и просто потому, что лежит десятками лет забытая вместе с другим ненужным домашним имуществом. Только отдельные церковно-служебные рукописи (Псалтырь, служебная Миняя, Святцы) XVIII—XIX веков иногда используются старообрядческими начетчиками и наставниками в своей практике. Но и эти лица, насколько нам стало известно, почти всегда отдают предпочтение печатной книге, считая ее более авторитетной и более удобной для пользования.

Немало поэтому иногда приходилось употреблять усилий для того, чтобы напомнить владельцу о забытой им рукописи, заставить принести с поветей заброшенный короб или ящик с книгами.

Бывало так. Приходишь в избу, спрашиваешь хозяйку о рукописях, поясняешь ей, как они выглядят и что могут содержать. Для большей ясности употребляешь все названия, какие ты слышал про эти книги: «письменные и досельные», «славянские», «староверские». Это особенно важно для того, чтобы не принесли, как нередко случалось с нами не раз, старые школьные учебники и современные печатные книги. Хозяйка отвечает, что были такие у деда или бабки, но давно уже их нет в доме: розданы давно «на помин души» покойников грамотным старушкам. На помощь приходят дети хозяйки. Они недавно бегали по чердаку и высмотрели все.

«Мамка! А в бочке какие-то книги славянские лежат?», — говорят ребяташки. Мать посылает за книгами, начинает припоминать другие. На чердаке, в чулане слышится шум отодвигаемых ящиков, сундуков, бочек; в поиски включается весь дом. Тут выясняется, что одну книгу «в лицах» три года назад взяла тетка Дарья. Обычно самый младший из семьи посылается к тетке и приносит оттуда эту рукопись.

А бывает и так. Сидишь, сидишь в избе у хозяйки, ничего нет. Только дошел до соседнего дома, прибегает девочка и смущенно говорит: «Мамка книжку нашла. Велит придходить». Это хозяйка после нашего ухода вспомнила и разыскала рукопись.

Часто случалось и так. Зайдешь раз в дом к пижемцу, — книг нет; приходишь к нему же через два дня, — показывает несколько рукописей. Оказывается, на семейном совете установили, что у одного из братьев есть такие книги, и вот принесли их в тот дом, где мы были.

Учитывая все это, мы с Федором Антоновичем старались по несколько раз заходить к одним и тем же владельцам, но, разумеется, к тем, у которых предполагали наличие рукописного материала.

Другим нашим постоянным правилом было непременно самим подойти к шкафу или побывать на чердаке, в чулане и лично осмотреть место хранения рукописных книг. Это вызывалось тем, что многие владельцы ценность книг определяли по объему, по переплету с застешками, а маленькие грязные тетрадки и отдельные листы, подчас самые ценные из их рукописей, оставляли на месте как «негодящие куда».

Большинство владельцев уже давно не читали свои рукописи. Старинное скорописное письмо никто из них читать не умеет. Многие держатели рукописного материала не отличают книги старинной печати от рукописей, написанных полууставным письмом, и на этой почве у нас не раз создавались курьезные моменты. К нам, собирателям рукописей, население везде относилось вполне благожелательно, и это значительно облегчало поиски рукописной старины. Нередко рукописные книги отдавались бесплатно, когда узнавалось, что они идут для науки.

Сохранению на Пижме рукописной книги способствовало то, что долго этот край принадлежал к самым отдаленным и глухим уголкам нашей страны. Но главной причиной была особая консервативность местного старообрядчества, вызывавшая большую любовь к старинной культуре и обычаям. Пижемские старообрядцы были наиболее действенными на Печоре после старообрядцев Усть-Цильмы. Длительная приверженность пижемцев к «старой вере» наложила свой отпечаток на общественный быт, одежду, фольклор и т. д. В пижемских деревнях жили понятиями XVII века. Эти признаки глубокой старины держались вплоть до самой Великой Октябрьской социалистической революции. Да и сейчас еще иногда встречаются эти остатки далекого прошлого.

Имеются, например, еще в пижемских деревнях старички, готовые часами доказывать, что с помощью «древлего благочестия» легче попасть в рай, чем через «никонианскую прелестную шепотную веру». Многие потомки бывших староверов предпочитают и теперь по традиции легкому и удобному платью длинные тяжелые старомодные сарафаны и кофты древнего покроя с огромными рукавами.

17 июня в три часа утра в деревне Боровской мы расставались с гостеприимными пижемцами. Солнце было уже высоко и утренними молодыми лучами ласкало речку, лес и проснувшуюся деревню. Последние клочья тумана оседали на черных стволах прибрежных деревьев. Готовые в путь, мы сидели с Ф. А. Каликиным в лодке и ожидали, пока моторист закончит последние приготовления к отплытию. Проводить нас пришли бригадир колхоза Михаил Елизарович Чупров, внук Феодосии Васильевны Саша и двое ребят школьников, с которыми мы уже успели подружиться за короткое пребывание в деревне. Мы делились с бригадиром своими впечатлениями от поездки, а ребята стояли молча в стороне, и видно было, что им не хотелось с нами расставаться. В самый последний момент к берегу прибежала наша хозяйка с большим свертком бумаги: это она после нашего ухода обнаружила старинную книгу и принесла ее, чтобы нам передать в подарок. Новая находка оказалась печатной Триодью, изданной в старообрядческой типографии в Клинцах в XVIII веке. Чтобы не огорчать владелицу, мы взяли с собой книгу, поблагодарив хозяйку за любезность.

Но вот наша маленькая лодка слегка встрепенулась на воде, послышались учащенные удары мотора, и берег стал плавно отдаляться от нас. Провожаящие замахали кепками, руками. Мы, стоя, отвечали им тем же. В лице боровчан мы искренно желали всем пижемцам, трудолюбивому и общительному народу, успеха в труде, в строительстве новой жизни, сердечно благодарили их за сохранение для науки ценных рукописных книг.

* * *

После поездки на Пижму мы два дня провели в Усть-Цильме, проверив указанные нам новые адреса местных владельцев рукописных книг, но интересных рукописей у них не обнаружили. Но все же мы и на этот раз увозили из Усть-Цильмы две рукописные книги. Одну из них подарила А. Я. Кислякова. Это был интересный сборник середины XIX века местного письма, известный нам уже давно; до сих пор владелица никак не хотела с ним расстаться.¹ Другую рукопись о табаке мы нашли также в ранее известном нам собрании Я. Н. Чупрова.

Следующим этапом нашей работы были поиски рукописей в селениях, расположенных по реке Нерице, притоке Печоры. По лесистым красивым берегам этой реки имеются три довольно большие по здешним местам деревни: Нижняя Нерица, Ильинское и Черногорская. Население всех деревень смешанное: русские и коми. В прошлом это был еще более глухой и отсталый край, чем Пижма. Нам казалось, что здесь имелись налицо все условия для сохранения памятников старинной письменности. Мы ехали сюда в полной надежде найти рукописную книгу, но на Нерице не оказалось и следов ее. По всему видно было, что в здешних местах уже в XIX веке исчезла почва для ее сохранности: старообрядцы перевелись,

¹ Описание этого сборника см.: Труды ОДРЛ, VII, стр. 476—480. Более подробно описан нами теперь; см.: Приложения, I, № 35.

в каждой деревне имелась «никонианская» церковь, книги синодальной и другой церковной печати встречались всюду и давно оттеснили «досельную письменную книгу». Был на Нерице один старик-начетчик, любитель старых книг — Зиновий Бабилов, но он уже много лет живет на замшевом заводе, около Усть-Цильмы. Не желая тратить понапрасну время, мы отказались от поездки в деревню Черногорскую, обследовав лишь две первые, тем более, что путь в нее был не близкий и пришлось бы потерять еще несколько дней.

На обратном пути из Нерицы была обследована маленькая деревушка Мазалино, находящаяся около берега Печоры, неподалеку от устья реки Нерицы. Здесь мы видели несколько служебных рукописей XVIII—XIX веков, не представляющих, однако, научного интереса.

Все оставшиеся дни были употреблены на обследование сел и деревень, расположенных ниже Усть-Цильмы до самого Нарьян-Мара. Недостаток времени не позволил побывать во всех населенных пунктах низовой Печоры. Пришлось их брать выборочно, с учетом возможности рукописных находок. Поэтому мы останавливались по преимуществу в местах, связанных в прошлом с очагами старообрядчества. Однако мы посетили и те села, в которых никогда не было старообрядцев.

Рукописная традиция на низовой Печоре начала затухать давно, значительно раньше, чем в Усть-Цильме, на Пижме и Цильме. Старообрядчество здесь, по выражению устьцилемцев, «давно расшаталось», и потому в низовых селах не имелось тех условий, какие способствовали сохранению рукописной традиции в старообрядческих селах Пижмы, Цильмы и в селе Усть-Цильме.

Все же мы с Ф. А. Каликиным побывали в девятнадцати населенных пунктах низовой Печоры, не считая двух нерицких сел, производили поиски рукописей и в самом Нарьян-Маре. Мы посетили следующие пункты Усть-Цилемского района и Ненецкого национального округа: села Андига, Бедовое, Новый Бор, Оксина, Росьвино, Тельвиски; деревни Абрамовка, Екуши, Ермица, Захребетная, Калюши, Качгорт, Кармановка, Климовка, Марьица, Мыза, На бору, Угольная и Уег.

Нельзя сказать, чтобы в низовьях Печоры совсем не было видно рукописных книг: нам их встретилось там около трех десятков. Но в своем большинстве это были церковно-служебные рукописи XVIII—XIX веков и притом такие, которые и теперь иногда находят еще применение в практике старообрядцев беспоповцев (чин исповеди, 17 кафизма, чин крещения и т. п.). Изредка попадались случайно сохранившиеся и мало интересные старообрядческие полемические сочинения.

Наибольшее количество рукописных книг встретилось в селениях, входящих ныне в городскую черту Нарьян-Мара (деревни Калюши, Угольная, Качгорт и др.). Но держателями рукописей здесь были не коренные местные жители, а недавние выходцы из Усть-Цильмы и пижемских и цилемских деревень.

На низовой Печоре мы приобрели всего семь рукописных книг XVIII—XIX веков. Они не выделяются и по содержанию: «История о взятии Соловецкого монастыря», XVIII века, сборник старообрядческих стихов и песен, XIX века, послание неизвестного автора XVIII века о пользе перехода в староверчество, написанное под сильным влиянием стиля посланий протопопа Аввакума, и другие.

Пребывание на Пижме, Нерице и в селениях низовой Печоры еще раз наглядно показало, что искать рукописные материалы следует по преимуществу в местах, некогда связанных с очагами старообрядчества. Его

интерес к старине способствовал бережному отношению к «досельной письменной» книге, а в нее заносились нередко ценнейшие памятники древнерусской литературы.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Краткая охранный опись рукописных книг, собранных Ф. А. Каликиным и В. И. Малышевым на Печоре в 1955 году

1. Рукописи исторического и литературного содержания

1. Александрия, второй половины XVII в., в 8-ку, 149 л., полуустав, без переплета. Текст без конца. На рукописи несколько читательских отзывов XIX в., в том числе крестьянина Ивана Саввиновича Ляпунова из деревни Волгорской Мезенского округа.

2. Сборник, последней четверти XVII в., в 4-ку, 124 л., скоропись, без переплета. Содержание: Летописец русский (краткий), выписки из Степенной книги и Хронографа, относящиеся к русской и всемирной истории, Житие Николы, описание Иерусалима (без начала и конца) — возможно русское сочинение, и др.

3. Сборная рукопись, конца XVII—начала XVIII в., в 4-ку, 209 л., скоропись, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей. Содержание: Летописец русский (краткий, без начала и конца), «Сказание о премудром Акире», Житие и чудеса Исидора ростовского, Житие и чудеса Иринарха Борисоглебского, Житие Петра царевича Ордынского (без начала и конца), «чудо» Леонтия ростовского о земле, Слово о Никите Переяславском, Слово о Иосифе прекрасном, слова и поучения Ефрема Сирина, Ивана Златоуста, Жития Георгия, Марии Египетской и др. Записи: 1) Осипа Степанова (XVIII в.) о держании книги от апреля до ноября; 2) Федора Стефанова, новгородца, владельческая от 1704 г.

4. Сборная рукопись, XVII в., в 4-ку, 214 л., полуустав нескольких почерков, переплет досчатый, покрытый черной кожей, с двумя железными застежками. Содержание: Повесть о царе Ираклии (об осаде Царьграда скифами и персами), апокриф о хождении Иоанна Предтечи в ад, слова и поучения Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Кирилла Философа и др. Первый лист при переплете рукописи содержит заявление крестьян села Усть-Цильмы на имя печорского исправника о желании их принять присягу новому государю Николаю Александровичу (Николаю II).

5. Челобитная Максима Васильевича Городецкого в Нижегородский приказ о побеге от него нескольких его крепостных крестьян (из д. Черницыно) «со всеми животы», 1706 г., 1 л., скоропись.

6. Сборная рукопись, первой четверти XVIII в., в 8-ку, 251 л., полуустав и скоропись, переплет досчатый, покрытый кожей. Содержание Сборника составляют слова и поучения учительного и богословского характера (об объядении, дружбе, о пьянстве, целомудрии, милосердии, о тайнах божиих и т. п.), принадлежащие Иоанну Златоусту, Ефрему Сирину, Василию Великому и др., а также статьи из Пчелы, Лествицы, Стоглава, Зерцала мирозрительного, Диоптры, Соловецкого устава, выдержки из Поучения Иосифа, патриарха московского, и др.

7. Сборник духовных стихов и песнопений, на крюках, первой половины XVIII в., в 32 долю листа, 83 л., полуустав, переплет

из картона и кожи, сделан в виде сумки с завязкой. Содержание: стих на смерть Андрея Денисова, стих о гробе и др.

8. Поморские ответы, второй половины XVIII в., в 4-ку, 214 л., полуустав, переплет досчатый, обтянутый орнаментированной кожей, с двумя медными застежками. В рукописи имеется заставка-рамка, исполненная чернилами и красками, и на полях большое количество различных изображений крестного знамени. На первый лист наклеен лист из другой рукописи с текстом из «Златой цепи» о вреде пьянства.

9. История о взятии Соловецкого монастыря Семена Денисова, последней четверти XVIII в. (бумага 1780—1781 гг.), в 4-ку, 50 л., полуустав, без переплета.

10. Сборная рукопись, первой четверти и конца XVIII в. в 8-ку, 75 л., полуустав, переплет картонный, покрытый орнаментированной кожей. Содержание: старообрядческое поморское сочинение о крестном знамении, похвальное слово Тихвинской иконе Богоматери (тоже старообрядческое поморское сочинение), поучения Ефрема Сирина, Канон благодарственный Богородице Одигитрии, тропарь Спасу и др.

11. Сборник старообрядческих (поморских) сочинений, третьей четверти XVIII в., в 8-ку, 321 л., скоропись, переплет картонный, покрытый кожей. Содержание: «О форме всякого креста», послание Герасима Фирсова в Соловецкий монастырь, «Обличение на желающих нововводство свое утвердить» Андрея Денисова, «Зитуменос» Алексея Иродионова, Слово Ипполита папы Римского о скончании мира, «Послание етера от христиан... к другу» какого-то поморского писателя. В рукописи две пометы хозяйственного значения и неразборчивая владельческая запись карандашом.

12. Сборник, середины XVIII в., в 8-ку, 287 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый кожей, сохранилась одна медная застежка. Содержание: сказания и повести учительного содержания (о послушании, смирении, милосердии, любви, терпении, против клеветы, осуждения ближнего и т. п.), слова Ивана Златоуста, Ефрема Сирина, Григория Великого, Евагрия мниха, Кирилла Александрийского, Федора Студита и др., «Чудо» Николы о Василии сыне Агрикове и другие статьи. На нижней доске переплета подклеен черновик челобитной конца XVII в. какого-то крестьянина, усольца, к своим помещикам Строгановым.

13. Народная песня «А во поли рябинушка стелится», середины XVIII в., в 8-ку, 1 л., скоропись. Дар В. М. Маркова.

14. Сборник, конца XVIII в., в 8-ку, 168 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый кожей. Содержание: короткие повести и сказания патеричного и проложного характера, повести из Великого Зерцала, Слова и поучения Ивана Златоуста, Житие Алексея — человека Божия и др. Записи: 1) крестьянина Николая Никифоровича Анфимова о чтении книги, XIX в.; 2) крестьянина Анания Фотиевича Бобрецова о чтении, 1906 г.

15. Повесть о табаке, конца XVIII в., в 8-ку, 23 л., полуустав, тетрадка в бумажной обложке.

16. История о взятии Соловецкого монастыря Семена Денисова, конца XVIII в. (бумага 1788—1789 гг.), в 4-ку, 79 л., полуустав, переплет картонный, обтянутый тисненой черной кожей.

17. Сборник, конца XVIII в., в 8-ку, 73 л., полуустав, переплет из кожи и картона. Содержание: послание неизвестного автора XVIII в. к «друзьям, советникам, братии, приятелям и сродникам» о пользе перехода в староверчество, о приходе антихриста и т. п. и несколько сочинений, повидимому того же лица, о различии обрядов староверов и никониан,

о священстве, крещении, причастии и т. д. Сочинения, возможно, принадлежат кому-нибудь из поморских или же великопожонских (пижемских) писателей XVIII в., так как их сочинитель выступает от лица неких скитян. На верхней корке переплета почерком XVIII в. написаны две поговорки: 1) «Стоит виноград зелен да не сладок, млад ум да не крепок», 2) «Прилипается печать к мяхкому воску, такождь и ученью ко младом детем».

18. Сборник духовно-нравственного содержания, конца XVIII в. (бумага 1794 г.), в 8-ку, 247 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной кожей, с одной медной застежкой. Содержание: выписки из «Пчелы», «Повесть о некоей девице», короткие рассказы, поучения, сказания патеричного характера.

19. Два «плача» по Москве, конца XVIII в., в 8-ку, 9 л., полуустав, переплет бумажный. Поморские сочинения. Имеется владельческая помета некоего Тимофея Григорьева, XIX в. Обложка переплета склеена из старого письма (это письмо адресовано было Семену Алексеевичу Чуркину, в деревню Степановскую). (Публикуется в Приложении II, № 1).

20. Сборник, конца XVIII в., в 8-ку, 203 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, сохранилась одна медная застежка. Содержание: Житие инока Епифания (не автобиография), «О омраченном пьянстве» (выписка из «Книги о вере» о посте и пьянстве), слова и поучения Иллариона Великого, Житие Марии Египетской, Слово Палладия мниха о втором пришествии и др. На внутренних частях корок переплета и на чистых листах имеются приходо-расходные записи, датированные 1866 г. (о стоимости продуктов, хозяйственных товаров и пр.).

21. Сборная рукопись, конца XVIII и первой трети XIX в. (бумага 1790—1826 гг.), в 4-ку, 216 л., полуустав нескольких почерков, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей. Содержание: Сказание о происхождении русского двуглавого орла («Выписано из московского Летописца») — рукопись конца XVIII в. (бумага 1790 г.), толкование евангельского текста «Уподобися царствие небесное десяти девам» Андрея Денисова, Слово неизвестного поморского писателя на евангельский текст «Странен бех и введоста мя», повести и слова о «наказании чад», почитании книг, взятые из Патерика, Пролога, Синаксаря, Старчества и других книг.

22. Письмо неизвестного лица к Матвеем Абрамовичу о досылке последним двух рублей, необходимых для откупа его от выборной должности полесовщика, первой половины XIX в., в 4-ку, 1 л., скоропись. (Публикуется в Приложении II, № 3).

23. Сборная рукопись, второй половины XVIII и первой четверти XIX в., в 4-ку, 79 л., полуустав, переплет картонный, покрытый кожей с тиснением. Содержание: Житие, чудеса и молитва Авраамия Смоленского, стих о пустыне, устав скитский о еде на все дни года, «Повесть душеполезна о Аммоние мнихе» и другие статьи. В XIX в. рукопись принадлежала устьицлемцам Аврааму Мяндину и Степану Афиногеновичу Носову.

24. Житие, чудеса, похвальное слово и служба Николы Мирликийского, (лицевое) конца XVIII—начала XIX в., в 4-ку, 190 л., поморский полуустав, переплет досчатый, покрытый черной кожей. Житие сопровождается 31 миниатюрой в красках и имеет несколько заставок, нарисованных чернилами и красками. Рукопись поморской, выговской, работы. На л. 2 есть запись от 1806 г. о принадлежности книги

крестьянину Афанасию Антонову, из села Сергеева, Выгорецкой Верховской трети, Повенецкого уезда. Кроме того, имеется запись печорца Василия Андроновича Осташова и его печатный именной штамп.

25. Житие протопопа Аввакума с добавлением челобитной (пятой) Аввакума к царю Алексею Михайловичу и «Видения» Благовещенского протопопа Терентия, начала XIX в., в 4-ку, 83 л., поморский полуустав, одна заставка в красках, переплет картонный с кожаным корешком. Записи: 1) крестьянина-устыцилемца Ивана Мяндина о чтении рукописи в 1840 г., 2) «Сия книга, тетрадь поэта Венедиктова Антонова. Переплетал 1838 года», 3) «Книга Аввакума протопопа была книга Матвеева, а она была дана почитать Алексею Мироновичу. Алексей Миронович благословил Клеовону Мартыновичу Носову 1864 года, месяца февраля 20 дня». Житие относится к редакции «А» (по классификации Я. Л. Барскова).¹

26. Стих о грешниках, забывших о страшном суде («А как жили мы»), начала XIX в., в 8-ку, 12 л., полуустав, тетрадка без обложки.

27. Синодик поморский с прибавлением местных, пижемских, статей, начала XIX в., в 4-ку, 200 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей, с двумя медными застежками.

28. Сборник, начала XIX в., в 8-ку, 32 л., полуустав и скоропись, без переплета. Содержание: стих об Адаме, стих о смертном часе, стих на смерть Даниила Викулина, стих-молитва Богородице и др.

29. Синодик поморский с прибавлением местных, пижемских, статей, начала XIX в., в 8-ку, 130 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, с одной медной застежкой.

30. Сборник духовно-нравственного содержания, первой четверти XIX в. (бумага 1823 г.), в 4-ку, 184 л., скоропись, без переплета. Содержание: статьи из Зерцала Богословия, повести и рассказы учительного содержания патеричного и проложного характера, поучения, жития (Меланьи Римлянки, Анастасии «узурешительницы») и др. Имеется владельческая запись устыцилемца Ивана Ивановича Мяндина.

31. Письмо лексинца Семена Дорофеевича на Пижму Ивану Евстафьевичу о высылке последнему икон и о безрезультатных поисках на Лексе для него каких-то книг, 1824 г. (бумага 1818 г.), в 4-ку, 2 л. Судя по письму, этот Иван Евстафьевич был одним из благотворителей Лексинского общежительства и жил, повидимому, на Пижме (письмо найдено в деревне Боровской). (Публикуется в Приложении II, № 4).

32. Стих «А как жили мы грешницы», первой четверти XIX в., в 8-ку, 8 л., полуустав, без переплета.

33. Повесть о самосожжении на Пижме в 1744 г., первой трети XIX в., в 8-ку, 16 л., полуустав, тетрадка в обложке из серого картона.

34. Письмо верховских и чуркинских крестьян в Усть-Цилемское волостное правление о незакон-

¹ См еще новые списки Жития Аввакума: 1) ГПБ, Q.1.484. (собр. И. Сахарова), рукопись 20-х годов XIX в., в 4-ку. Поморский полуустав, 87 л., первая редакция («А»); 2) Библиотека Калининского Гос педагогического института, № 2, рукопись XVIII в., в 8-ку, 145 л., скоропись, вторая редакция («Б»); см. также рукопись этого института № 3, XVIII в., содержащую выписки из Жития Аввакума; 3) Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, поступление 1954 г., разряд IV, № 22/4, сборник начала XIX в., в 4-ку, лл. 61 об. — 92 об., скоропись, текст без начала и конца, подновлен позднейшим переписчиком.

ном захвате у них земли и сенокосных угодий жителями Великопоженского скита и о другом, середины XIX в., в 4-ку, 1 л., скоропись. (Публикуется в Приложении II, № 2).

35. Сборник, середины XIX в., в 16 долю листа, 366 л., полуустав, переплет досчатый, обтянутый кожей с тиснением. На первых листах несколько читательских записей, в том числе известного на Печоре в XIX в. переписчика рукописей Андрея Михайловича Бажукова о прочтении им «до конца» книги в 1891 г. Сборник в начале имеет оглавление, не доведенное, однако, до конца, и внутри деление на главы, обрывающиеся на 49-й главе. Бумага Угличской фабрики и фабрик Сумкина, Платунова и Рязанцевых. Содержание: Повесть («чудо») о быке — устьицлемское произведение XVIII в.,¹ повести об Акире Премудром, о царе Аггее, о царевне Персике, об Антонии Галичанине, об очах человеческих, о богатом и-убогом (о пользе нищелюбия), о пьянице, устроившим мост, о некоем царе, о почитании нищих и убогих, о вреде стяжательства и др.; сказания об удалении от женской прелести, о четырех временах года, Слово о пришествии антихриста (старобрядческое поморское сочинение), выписки из «Пчелы», Скитского патерика, Великого Зерцала, Цветника аввы Дороефа, Пролога, Старчества, Благовестника, Лимониса, «Устава о христианском житии», Большого Катихизиса и других книг, «Притча» о богатых и златолюбивых, Слово об удалении от мирских соблазнов, выписки из сочинений Кирилла Александрийского, Палладия мниха, Мефодия Патарского, Ипполиты папы Римского, Григория Богослова, Иларiona Великого, выписки из книг уставного характера и др. Дар А. Я. Кисляковой.

36. Сборник духовных стихов, середины XIX в., в 8-ку, 22 л., полуустав, тетрадка с бумажной обложкой. Содержание: «Плач» Иосифа Прекрасного, стих-молитва Богородицы, стих о распятии господни, стих молебный Иоасафа царевича Индийского.

37. Сборник, третьей четверти XIX в., в 8-ку, 35 л., полуустав, переплет бумажный. Содержание: Сказание о 12 пятницах, сон Богородицы и статьи церковно-служебного характера. На рукописи есть владельческая запись пижемца Ивана Елизаровича Чупрова.

38. Сборник, третьей четверти XIX в., в 8-ку, 32 л., полуустав, переплет бумажный. Содержание: Сказание о 12 пятницах, сон Богородицы и статьи церковно-служебного характера. Владельческая запись устьицлемца Ивана Чупрова.

39. Сборник, третьей четверти XIX в., в 8-ку, 84 л., полуустав, переплет картонный. Содержание: Стих об Алексее — человеке Божьем (без начала), стих о смертном часе, стих о распятии Христовом, «Наказание духовником», разные статьи уставного и служебного характера.

40. Сборник духовных стихов, третьей четверти XIX в., в 8-ку, 24 л., полуустав, тетрадка с бумажной обложкой. Содержание: стих молебный Иоасафа царевича Индийского, стих-плач преболезненного кафолика, стих о душе, стих о распятии Христовом. Владельческая запись Чупрова Ивана Елизаровича, современного письма.

41. Синодик лиц, сгоревших в Великопоженском общежительстве в 1744 г., третьей четверти XIX в., в 8-ку, 4 л., полуустав, без переплета.

42. Стоглав, второй половины XIX в., в 4-ку, 394 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый коричневой орнаментированной кожей. В начале текста — заставка-рамка, исполненная пером и красками, очень грубой работы.

¹ Опубликовано по этому списку в «Трудах ОДРЛ» (VII, стр. 476—480).

43. Повесть о 12 снах Шахаиши (Мамера), второй половины XIX в., в 8-ку, 16 лл., полуустав, тетрадка без обложки, написана Кириллом Чупровым.

44. Повесть о самосожжении на Пижме в 1744 году, конца XIX в., в 4-ку, 11 лл., полуустав, без переплета, в рукописи недостает одного листа (4-го) с текстом. В конце добавлена выписка из послания Фотия митрополита во Псков об обязательности покаяния у отца духовного.

45. Сборник духовных стихов, 1886 г., в 16 долю листа, 70 лл., полуустав, переплет картонный, с кожаным корешком. Содержание: стих-молитва Богородице, стих о распятии Христовом, стих-плач Иосифа Прекрасного, стих-плач преболезненного кафолика, стих о юности, стих на день рождения Андрея Борисова, стих о страшном суде, стих о Кане Галилейской. На внутренней стороне нижней корки переплета запись: «Писал стихи Фотий Бобрецов, 7394 (1886) года, 7 апреля».

46. Иерусалимский свиток, конца XIX в., в 8-ку, 14 лл., полуустав, тетрадка в бумажной обложке.

47. Иерусалимский свиток, конца XIX в., в 8-ку, 10 лл., полуустав, без переплета.

48. «Газета из ада», конца XIX—начала XX в., в 8-ку, 8 лл., подражание полууставу, без переплета. Начало текста утеряно.

49. Воззвание к юношам (стихотворение против «женской прелести»), первого десятилетия XX в., в 8-ку, 4 лл., полуустав, переходящий в скоропись, без переплета.

50. Стих об Иосифе Прекрасном и стих о райской птичке и иноке, 1916 г., в 4-ку, 12 лл., полуустав, без переплета. Стих об Иосифе Прекрасном, без начала. В конце книги запись: «Велел писать сии стихи Прокопий Тимофеевич Поташов. Писал Стефан Афиногенович Носов, 1916 года, апреля 7».

51. Сборник духовных стихов, новейшего письма, в 8-ку, подражание полууставу, тетрадка в бумажной обложке. Содержание: стихи Плач Иосифа Прекрасного, о распятии Христовом, об умилении души и на рождество Христово. На нижней обложке имеются записи о погоде, датированные декабрем 1924 г.

52. Стих о смерти, новейшего письма, в 16 долю листа, 10 лл., полуустав, без переплета.

53. Сон Богородицы, новейшего письма, в 8-ку, 3 лл., начала текста недостает, тетрадка без переплета.

54. Два отрывка из сочинений протопопа Аввакума (из «Послания» к неизвестному), конца XIX—начала XX веков, 6 лл., полуустав, тетрадка в бумажной обложке с заглавием в рамке. Гектографированное старообрядческое издание, возможно, купца Безводина.

2. Церковно-служебные рукописи

55. Псалтырь с добавлениями, второй половины XV в., в 4-ку, 185 лл., красивый прямой полуустав, переплет XV в., досчатый, с четырьмя железными жуками и одним медным «жуком», кожа переплета не сохранилась. Водяной знак буква «Р» с раструбом внизу и бантом в середине, с цветком наверху. Лл. 1—14 и 153—185 дописаны позднее: лл. 1—14 — в XVI в., лл. 153—185 — в конце XV в. На внутренней стороне нижней крышки переплета запись: «Лета 7081 (1573 г.) марта в... день подписал сию книгу многогрешной Ондрейко Яковлев сын Попов».

56. Троида постная, 1542 г., в 4-ку, 318 лл., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной замшей. На последнем листе рукописи имеется

следующая запись: «В лето 7050 (1542), месеца апреля в 27 день, и на память святаго священномученика Симеона сродника господня по плоти, почата бысть книга сия писати, глаголемая треодь, в обители святых и живоначальных Троица Сергиева монастыря, при державе государя, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и при внуце его благородном великом князи Дмитрие Ивановиче всея Руси, и при освещенном митрополите Симоне всея Руси, и по благословению Троицкого Сергиева монастыря господина игумена Серапиона, духовного настоятеля. А написана бысть книга сия месеца июня в 6 день и на память преподобнаго отца нашего Ессыя, а рукою многогрешнаго раба божия Василя». В конце рукописи есть помета от 1672 г. о продаже Троицы калужским (васильевским) попом Григорием. Возможно, рукопись была написана для игумена Серапиона и принадлежала ему, о чем свидетельствует часть владельческой надписи «Серапиону», сохранившейся на приклеенных к нижней части переплета листах из нотно-крюковой рукописи XVI в. Имеется еще несколько помет XVII—XVIII вв., не представляющих особого интереса.

57. Пролог полугодовой (сентябрь—февраль), первой половины XVI в., в лист, 515 лл., полуустав, письмо в два столбца, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, с одной уцелевшей медной застежкой. Водяной знак бумаги — перчатка с пятиконечной звездой. Внизу по листам имеется длинная надпись скорописью конца XVII в., из которой видно, что холмогорец Федор Иванов сын Шебунин купил этот Пролог в Неноксе у ненокшанина Михаила Иванова сына Трапезникова за девятнадцать алтын.

58. Златоуст, середины XVI в., в лист, 524 лл., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной кожей, с одной сохранившейся медной застежкой. Филлигрань — перчатка с шестиконечной звездой. Начальные два листа XVIII в., на первом — небольшая заставка, нарисованная красками.

59. Пролог полугодовой (март—август), конца XVI в., в лист, 510 лл., полуустав, от переплета сохранилась лишь половина нижней доски с одним медным «жуком». Сохранность плохая, многие листы порваны, распад бумаги. Водяной знак — небольшой кувшин с цветком и буквами «РА».

60. Пролог (декабрь—февраль), конца XVI—начала XVII в., в лист, 306 лл., полуустав, переходящий в скоропись, письмо в два столбца, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей. Водяной знак — кувшинчики, в том числе кувшинчик с двумя ручками, цветами и буквой «М» посредине. Записи: 1) крестьянина-устыцилемца Емельяна Авраамовича Чупрова о покупке им книги «за два целковых»; 2) Емельяна Иванова о том, что данный Пролог достался ему по «даровщине»; фамилия и имя написаны при помощи простой буквенной литеи (тайнописи); 3) Ивана Ал. Чупрова. Все три надписи сделаны в XIX в. Авраам Чупров — основатель в XIX в. деревни Авраамовской (на Пижме), Емельян — сын его.

61. Сборная нотно-крюковая рукопись, конца XVI в., в 8-ку, 184 лл., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, одновременный с рукописью. На л. 104 об. помета соликамского посадского человека Ивана Свалова. На л. 138 большая (во весь лист), раскрашенная красками и чернилами буква «С» служит началом следующей записи: «Сия тетрадь Александра Свалова сына Усольда». Рукопись содержит Октоих, Стихирарь и другие служебно-певческие тексты.

62. Минея служебная (общая), XVI в., в 4-ку, 182 л., полуустав, без переплета. Сохранность плохая, начала и конца недостает.

63. Сборная служебная рукопись (Акафист и Молитвослов), конца XVI—середины XVII в., в 16 долю листа, 153 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей. Акафист написан в конце XVI в., Молитвослов — в XVII в., имеет имя переписчика — Леонтия. На листах рукописи несколько владельческих помет XVIII—XIX вв.: 1) Осипа Терентьевича Носова и 2) сына его Петра Осиповича.

64. Сборник нотно-крюковой (Ирмологий, Обиход и др.), первой половины XVII в., в 8-ку, 178 л., полуустав, переплет досчатый, обтянутый орнаментированной кожей. В рукописи несколько владельческих записей и помет XVII в. с датами, в том числе Дементия Меркульева (от 1640 г.), Василия Меркульева и вытегорца Леонтия Богданова сына Лиханова (подписал брат его Ивашко). На л. 15 дата от 1655 г.

65. Ирмологий нотно-крюковой, конца XVII в., в 8-ку, 210 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей. В начале текста имеется заставка-рамка, исполненная черными чернилами.

66. Сборник нотно-крюковой (Ирмологий, Октоих, Обиход, Стихирарь), конца XVII в., в 8-ку, 351 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый кожей. В рукописи имеются две небольшие заставки, исполненные черными чернилами. Владельческие записи: 1) Трифона Ивановича Дуркина, XVIII в.; 2) Прокопия Евлампиевича Чупрова, 1862 г.

67. Стихирарь, нотно-крюковой, конца XVII в., в 8-ку, 70 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, нижняя часть кожи переплета не сохранилась.

68. Часовник, XVII в., в 8-ку, 121 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей.

69. Сборник нотно-крюковой (Ирмологий, Октоих, Стихирарь праздничный и др.), XVII в., в 8-ку, 292 л., полуустав, переплета нет. Начало рукописи отсутствует.

70. Октоих крюковой, начала XVIII в., в 8-ку, 152 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей. На л. 4 об. запись почерком XVIII столетия: «Сию книгу писал Иван Кирилов. Хорошо с Ивана рука, цесьна, дорога, приятная людем. Хороша, кажет люди, почетати, похваляте и величате его руку. Люди и знают и люди писать посылают ему».

71. Октоих и Стихирарь праздничный, первой четверти XVIII в., в 8-ку, 247 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый орнаментированной кожей, с двумя медными застежками. Семь заставок, исполненных красками, и одна заставка-рамка, написанная красками, чернилами и золотом. Помета крестьянина-устыдилемца Ивана Мяндина о стоимости книги в 10 рублей и владельческая запись Григория Агаркова (XIX в.).

72. Октоих крюковой, конца XVIII в., в 4-ку, 204 л., полуустав, с 16 заставками в красках и золоте и с 16 большими киноварными инициалами, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей. Рукопись поморской, выго-лексинской, работы. В конце — запись от 1805 г. о продаже Октоиха Александром Ефремовым Ефиму Семенову за двадцать рублей. Тут же круглый именной штамп Ивана Родионова Кислякова из Усть-Цильмы, а на первых листах его личная роспись.

73. Чин скитского крещения, конца XVIII в. (бумага 1790 г.), в 8-ку, полуустав, без переплета, тетрадка.

74. Чин исповеди женщин (скитский, поморский), конца XVIII в. (бумага 1789 г.), в 8-ку, 32 л., полуустав, переплет бумажный, оклеенный черной кожей.

75. О ктoих нотнo-крюкoвoй, кoнцa XVIII в., в 4-ку, 214 л., полуустав, переплет досчатый, покрытый черной орнаментированной кожей, сохранилась одна медная застежка. На л. 1 заставка-рамка в красках и золоте. На л. 1 об. инициал «Р» написан красками и золотом, тонкой художественной работы. Имеется именной штамп Клеона Мартыновича Носова из деревни Загривочной (Пижма).

76. Устав иноческий, начала XIX в., в 8-ку, 35 л., поморский полуустав, без переплета.

77. Отдельные листы из разных рукописей XVII—XIX вв., 17 л.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

В Приложении II издаются следующие материалы: 1) «Плачи» по Москве, конца XVIII в.; 2) Письмо верховских и чуркинских крестьян в Усть-Цилемское волостное правление, середины XIX в.; 3) Письмо неизвестного лица на Пижму к Матвею Абрамовичу, первой половины XIX в.; 4) Письмо лексинца Семена Дорофеевича на Пижму Ивану Евстафьевичу, 1824 г.

Все тексты публикуются в упрощенной орфографии, но с сохранением фонетических особенностей оригинала. Буквы и слова в квадратных скобках добавлены нами.

1. «Плачи» по Москве, издаваемые по рукописи конца XVIII в. (см. выше, Краткая охранная опись, № 19), представляют собой литературный отклик, и едва ли не один из первых,¹ на эпидемию чумы, свирепствовавшую в Москве в 1770—1771 годах. Чума эта нанесла москвичам огромные жертвы и большой материальный ущерб. Болезнь унесла свыше ста тысяч жителей Москвы. Более трех тысяч домов стояли заколоченными. В момент наивысшего подъема болезни в городе ежедневно умирало до тысячи человек. Не успевали вывозить мертвые тела. Торговля и культурная жизнь огромного города почти замерла. «Моровое поветрие» распространялось весьма упорно и держалось около двух лет. Продолжительности болезни способствовали недостаточность и неподготовленность медицинского и санитарного персонала и надзора, невежество населения, антисанитарное состояние города. Больше всего страдали от эпидемии неимущие слои населения Москвы — рабочие, ремесленники и т. д.

Размах и стойкость эпидемии глубоко потрясли умы москвичей, увидевших в заразной болезни наказание, «кару Божию» за «грехи». Крутые меры властей, взяточничество и вымогательство со стороны отдельных представителей медицинского персонала вызывали резкие протесты. Дело доходило до народных волнений, сопровождавшихся разгромом карантинных, убийством врачей и духовных лиц. Невежественная часть населения враждебно встречала предохранительные санитарные меры, утаивала больных.²

«Плачи» изложены в форме риторических посланий, обращенных к москвичам, оказавшимся в тяжелом положении. Цель «плачей» поднять дух горожан, подбодрить их. Сочинитель верит, что чума — временное явление и скоро должна пройти. Не надо только терять самообладания

¹ См.: Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 9. М., 1871, №№ 302 и 304 (стихи XVIII в. о московской чуме 1770—1771 гг.).

² Ф. А. Дербек. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени СПб., 1905, стр. 125—181. См. также: Описание моровой язвы, бывшей в столичном граде Москве 1770—1771 гг. СПб., 1775 г.

и следует больше оказывать помощи ближнему («сильную милость до всех присовокупите»). Автор «плачей», несомненно, хорошо знал Москву, подолгу жил в ней, поддерживал постоянные связи с москвичами. Отсюда довольно точные сведения, приводимые им о жертвах чумы: тысячи ежедневно умирающих, пять тысяч заброшенных, вымерших домов.

Скорее всего автором «плачей» был один из старообрядцев поморского согласия, временно проживавший в городе, может быть, выходец из Выго-Лексинского общежительства, где он мог обучиться писанию риторических сочинений и где именно такая литературная форма «плачей» была очень распространена в то время. Возможно, он был близок к только что организованному тогда старообрядческому Преображенскому кладбищу-заставе, так как называет «шелаша» (шалаша). Эти специальные шалаша в большом количестве были построены создателем кладбища Ильей Ковылиным для жителей, спасавшихся от «черной смерти». Весьма вероятно, что «плачи» были написаны где-нибудь на Выге, под непосредственным впечатлением от только что услышанного рассказа («ныне же слышу ушима действующийся тамо плачь и рыдание»). «Плачи» были написаны не в Москве и не очевидцем событий, автор говорит о себе: «Я вижу в тебе мысленнымя моима очима прежде невиданное»; в другом месте он пишет про Москву: «своими я глазами недавно видел в тоземственном пределе». Не случайно «плачи» и написаны поморским старообрядческим почерком и попали в старообрядческую Пижму. Не исключена возможность, что произведение попало на Пижму через посредство выговцев вместе с другой их литературной продукцией.

Идеология «плачей» сугубо религиозная. Эпидемия расценивается как наказание москвичей богом за грехи, гордыню, возношение, за увлечение славой и богатством. Она была неизбежна, потому что ее еще «святини отцы предвозвещали». В качестве основной меры борьбы с эпидемией предлагается самоусовершенствование в духе любви, милостыни ближнему, покорности и смирения перед богом. Надо целиком положиться на волю господню, предлагает москвичам автор. Этим «от смерти паче всех курительств» (окуривание смолой, применявшееся как дезинфицирующее средство) следует «обороняться». В духе церковных поучений выдержано высказывание о равенстве всех людей перед смертью.

Автор «плачей» на стороне тех, кто противился проведению предохранительных санитарных мер. Действия карантинных отрядов по уничтожению очагов заразы (отбирание зараженных трупов) он считает великим «командующих истязанием».

В то же время видны искренние страдания автора по поводу происходившего. Автор любит Москву и называет ее «прекраснейшей», «славнейшей», «пространнейшей», «священнейшей над всеми», «прекраснейшим градом» отечества, «матерью российских градов».

Стиль «Плачей» свидетельствует о начитанности автора в литературе, о знании им классических произведений; «плачи» интересны сочетанием старых форм и понятий с новыми. «Плачи» не лишены и художественных достоинств, и особенно второй, в котором Москва представлена в виде измученной страданиями, плачущей девицы на «градственном троне». Автор пытается показать настроение москвичей в дни чумы, представить общую картину страдающего города, дает интересные бытовые детали из жизни Москвы.

Публикуемый текст не является автографом; это список, возможно, не первый, о чем свидетельствуют описки, исправления и неправильные чтения.

2. Письмо («объявление») верховских и чуркинских крестьян (№ 34) наглядно показывает, как жители Великопоженского скита в своем стремлении обогащаться не стеснялись захватывать земли и покосы потомков бывших скитян, крестьян соседних с ними деревень.

3. Письмо к Матвею Абрамовичу (№ 22) раскрывает моральный облик местных воротил, с помощью денег и водки откупающихся от тяжелой выборной должности полесовщика.

4. Личная переписка пижемцев интересна тем, что касается бытовой стороны жизни обитателей Пижмы в XIX веке, стороны, еще мало известной и совсем не изученной. Письмо Ивану Евстафьевичу (№ 31) говорит о тесных связях в XIX в. Пижмы с Выго-Лексинским общежителем. Жители пижемских селений пользовались художественным наследием выговцев и помогали последним в трудные минуты. Из письма также видно, что с Лексы шли на Пижму иконы и книги. Адресат письма, Иван Евстафьевич, был, вероятно, одним из великопоженских наставников, поскольку его называют «батюшка». Это письмо интересно и другой стороной: явственно проглядывает льстивое лицо опытного скитского просителя-вымогателя.

1. «Плачи» по Москве

Плач странствующаго о гибели своего отечества смертоносием

Могу ли я ныне совершенно оплакать самым окияном слез о моем отечестве толь изпространнаго света пространнейшем и прекраснейшем граде, толико против прочих горестьми, слезами, стонанием, въздыханием и самым смертоносием ныне презельно уязвленном? О, непостояннейший мире, коль ты есть превратен! Своими я глазами недавно видел в тоземственном пределе превеселую радость и глумящееся восклициание, ныне же слышу ушима действующийся тамо плачь и рыдание.

Где ныне, о преславнейший [л. 1] граде, ездящии гордо по твоих страннным улицам, где увенчанныя лаврами торжествователи, где пищальныя мусикии? Все, все скрылось в мегновении ока. Ныне более в тебе гласится вечная память, нежели италианския канцерты. Ныне превеликия состоит в тебе тон из сих гласов. Ох, ох, горе, горе, увы, увы, а не инструментальная музыка. И уже затворились торжища с златыми колесницами и прочими драгоценными вещами. Надобность только многим пришла купить себе каждому гроб, уже не спрашивая того, что он есть ли дубовой. А инной доволь [л. 1 об.] ствуется и единой мочальной срациею.

В тебе ныне, прекраснейший граде, не слыханное учиняется дело. Провожает мать дочь, отец сына, брат брата, и напротив сын отца, дочь матери и брат сестру с тихими слезами, идущих на своих еще ногах в тыя места, где они засыплются мертвья землею, и тамо оставя их готовою быть жертвою смерти, возвращаются печальны и радостны в дом. Печальны, что лишились любезных, радостны же, что без великаго командующих истязания.

Ах, горестныя твоя печали превеселый граде. Уже и по дорогам [л. 2] твоим вместо прекрасных столпов лежат мертвья человеческия трупы. Ныне то совершенно да памятуют твои граждане философическую сию фему: «Помяни всяк,¹ яко смерть не замедлит» И да напишет сие каждый

¹ В рукописи слово всяк в квадратных скобках

напред в дверях своих для укрепления свойствующих нынешнему времени идей. Отдайте другим в волю упражняться ныне в прекрасных ораториях, замысловатых поэзиях и многомнительных философиях. Вам же настает время, о любезнейшия любезнейшаго града сограждане, всегда быть готовым к страшному то[л. 2 об.]му часу, в которой нечаянно имате разлучитися друг с другом и со всем сим видимым светом.

Коль то страшны и ужасны суть престрашныя те минуты, в которые долженствуем мы сложить с себя все суетныя свои преимущества и учинитися общественно со всеми равными на истление нашей плоти и на рождение из нея снадающих же ея плотоядных червей. Равен будет, совершенно равен текущий наш гной, как из богатого, так и из убогаго, как из славнаго, так и из безславнаго.

Но ꙗки плача глаголю и глаголати плачевно непрестану [л. 3] о тебе, мой прекраснейший граде, и пространнейшей градом матери. Что я вижу в тебе мысленными моими очима прежде невиданное? Зрю многих текущих из домов своих, аки бы на некое торжество в сотовныя и винныя полатки, на мертвое поле, в зделанныя для спокойнаго умертвия шелаши. Но что же и еще ужаснейшее представляю! О, бедственного страдания, бедствующих сродников вижу в тебе, пресловутый граде, уже и самых родственников, отбегаящих с родных мертвых тел и предающих оныя достойным [л. 3 об.] смерти. Прочь, прочь ныне вси веселия, когда уже настает тое время, которое задолго святити предвозвещали.

Ах, что сие учиняется в тебе, освященный многими святыми мощьми священнейший по сему над прочими¹ граде! Где кто с ким не увидится, все токмо те и речи, что сколько вчера было умерших. Не превосходит ли уже и тысящнаго ежедневнаго исчисления. И оной-то наш сродник, и он, сица наш знакомец, вседомовно помер; и того-то человека вседомовно помершаго, дом ныне от камандующих запечатан.

О, моя горести [л. 4]! Наконец уже нареку тебя. От горести прегорестныи ты граде. Понеже пятитысящными и более имеющимися в тебе вымершими и ныне пустыми стоящими домами, и очи, и уши, и вси человеческия чувства презельно огорчаются, и вси твои качества не в радость по прежнему, но только во едину печаль всякаго приводят. Посмотрю ли очима, везде вижу мертвецы, да гробы, послушаю ли ушима, всюду слышу плачевныя гласы, обоняю ли ноздрями, чувствую везде смертный смрад и худый запах!

²Прошу же вас, горчайшия граждане, не [л. 4 об.] огорчится,² что и вас я всех нареку, по огорчению ваших сердец, горестными. Но токмо вы телесную свою горесть возусердствуйте преложить ныне на душевную сладость. Сию же скоро сыщите, ежели между собою святую любовь стяжите и к ней предвысочайшую и сильную милость до всех присовокупите, которая по священному писанию и от самая смерти избавляет. Что вам ныне и весьма годствует при себе имети и от смерти паче всех курительств оной оборонитися.

При сем же, аще и совершенно, как ниневитяне, пред богом смиритесь, то возчювствуете какая от сего [л. 5] сладость возсияет в сердцах ваших и тогда то прерадостно воскликните: «Готово сердце мое боже, готово!». И пригласите еще с веселием: «Господи, ты нам помощник, и не убоимся, что нам сотворит смерть!».

¹ В рукописи слова над прочими заключены в квадратные скобки.

² В рукописи эти слова в квадратных скобках

Сего вам искренно желаю и желать впредь как писанием моим, так умом и сердцем непрестану ваш покорнейший слуга печалующий и пишуший сие низжайше кланяюсь [л. 5 об.].

* * *

Плач второй о смертоносии преславнейшего града

Скажите вы мне, скажите, о честнейших граждане! Заклинаю вас создавшим небо и землю! Какая сия стоит поникши долу, в посмраженном одеянии, плачевная девица на градственном вашем троне, держащая в руках слабо скипетр и градственную державу и почти сие испущающая из рук своих? На что отвещают граждане с горькими слезами и велиим неописанным воплем: «Сия есть преславнейшая Москва, незапно тако превратившаяся из прекрасной в злообразнейшую».

Ах, что вы мне неправедно отвещаете [л. 6]. Аз знаю совершенно вси качественныя доброты прекраснейшей и преславнейшей, великолепной матери российских градов, дражайшей Москвы. Она весьма здрава, бодра, прекрасна и крайне всегда весела. Сия же ко оной ниже в малое сравнение прийти возможен. Поистинне громко с плачем граждане вопиют. «Она есть тако ныне неведомыми божиими судьбами низпадшая от первых своея доброты».

О, ужаснаго зрения! О, нестерпимаго слышания! О прегорестнаго сердцу уязвления! Како толь прекрасная, толь пребогатая, толь превеселая в мале времени толи [л. 6 об.] ко похудевшая, яко едва и узнати возможно? И что сие творится над тобою, беднейшая ты, Москва? Колико ты преукрашена была златом и серебром и драгоценными каменьями, ныне же зрю тя во вретиси стоящую и пепелом вижю посыпану главу твою. Всегда ты употребляла забавныя смехи и веселия, ныне же толико громко и горько плачеша, яко вопль твой почти во всем свете, даже до самых небес может быть слышан. И прежде ты веселилась о пространнейших полатах и прочих пречюдных зданиях, ныне же что, что се странное твориши [л. 7] дело, точию за велико поставляеши един свой малоценный гроб.

О, сладкогласная ты, Москва! Почто переменяла еси и любезныя своя песни и только единогласно от утра даже и до вечера восклицаеши вечную память? Колико же ты была и благоуханна, ныне же по премногу стала зловонна; смертноядовитый бо некакий смрад, зело происходящий ис тебе отягчает мои чювства.

Како же дешася и витийственныя твои о разных материах гласы? Ибо ныне токмо от тебя происходят и речи, что смерть да мертвыя. И оставя изчисляти неизчислимыя свои [л. 7 об.] сокровища, точию ежедневно исчисляеши мертвецы. Уже ныне и органы твои стоят праздно. Сладчайшии бо тебе пришло время слышати всюду по твоим стогнам шумящия слезно гласы: «Святый боже, святый крепкий, святый безсмертный, помилуй нас!».

Знала ли ты, беднейшая, такое время, в которое ныне толико всем плачевно произносиши прощение? И кто бы с тобой где не встретился, точию видит тя обливающуюся горькими слезами, чим ты всех позорующих тя сильно приклоняеши к таковому же о себе плачу и горькому стенанию. И может ли кто без слез [л. 8] зрети нынешне твое злочастное превращение?

Самый бо твой вопль пребезмерно пленяет наши сердца к равномерному же восклицанию. Ибо люющаяся из тебе горесть по премногу всех сердца огорчила и твоя печаль чрезвычайно печальными нас учинила.

О, всевышний боже! Коль ты пресильно смиряеши возносящихся славою и богатством, ты в мгновении ока превращаеши человеческую гордыню в земный прах. Но ты же можешь еще восходеши, паки прискорбную сию гладообразницу учинити в прежней ея доброте? Дажь еще время избранным твоим для покаяния [л. 8 об.] и для сих, и всех святых, почивающих в граде сем, отвори праведный свой гнев от прогневавших тя, яко же и в Ниневии учинил еси [л. 9].

2. Письмо верховских и чуркинских крестьян в Усть-Цилемское волостное правление о незаконном захвате у них земли и сенокосных угодий жителями Великопоженского скита и о другом

В Устилемское волостное правление волостные выборные головы Якову Евдокимовичу Кислякову устилемьскаго же ведомства жители по печорьской реки Пижмы, крестьяна Чуркиной и Верховьской деревни объявление.

Имеем вашей чести донести об Великопоженском ските, которой находится смежно промежду нашими деревнями, Чуркиной и Верховьской. А по первому заселению онаго¹ скита крестьяна да и наши прежние родители в обще под одним указом имели раскольнической оклад, так же и оброк клали за землю и зделали на три статьи, Чуркина и Скицка и Верховьской и на том основании проживая до сих пор.

И так у нас в деревнях ныне людей умножи[лось] и некуда нам стало податся; удобных мест не имеется к хлебопашеству и к сенокосу. А в Ски[цкой] людей не стало — земли имеется орамой и сенокосной не в силах обрабатыва[ть], мало записных того скита, но толь[ко] один крестьянин Матфей Осташев, а проч[ия] крестьяна живут из разных селеньей и дереве[нь] без всяких видов приходящая, обоего пола, муж[ска] и женьска.

По первости они приходили к Скицк[им] прежним² жителям жить на место услуже[ния] и робить заедино, а за работу платы не брать и промеж собой нечего не делить. А тепере те люди прихожья других мест в том ските поимели раздел во всем самовольно, чтоб не было заведено прежними ски[тск]има людьми. Поделили так же недвижимое; поля и пожни, промеж собой делять, недовольно что мужеск пол, но и женьской довольствуются земляными учасками без всякаго государственного тягла. А другую орамую землю не в силах пахать, то заращивают и сенокосною травою торгуют, для своей надобности.

А у тех крестьян в своих деревнях по разделу на души земля имеется, и той также торгуют и заращивают.³ А у других в деревни и государево за душу их в земли платят. А в ските низак[онно] то владеют таковыя из разных мест крестьяна; [са]мвольно обовладели в том ските землю, [бе]з всякаго виду проживающия, а нас поблизости [ж]ивущих не допуская.

А нам весьма жи[ть] стало [т]есно и несчего государьства и общес[твенная] подати [в]носить и семействами пропитываться. Потому [и] мы, тех деревней крестьяна, нижепо[дли]савшиясе [вы]нуждены вам в правление объявить и просим [в]ас на благо разбирательство и учинить за[кон]но помогательстве [и]ли донести вышнему начальству о таковых [п]разно проживающих в ските.

¹ Это слово написано поверх зачеркнутого в оном.

² В рукописи это слово зачеркнуто.

³ В рукописи это слово зачеркнуто.

3. Письмо неизвестного лица к Матвею Абрамовичу о досылке последним двух рублей, необходимых для откупа его от выборной должности полесовщика

Любезный братец, Матвей Абрамович! Желая на много лет здравствовать о Христе. И притом же уведомляю Вам и пишу во извещение. Я желал бы от истинной и искренной дружбы Вам уменьшить два целкова за службу, и более по свойству ранее упредил это сделать. И взял от Вас три целкова, которы мне следовали за дело, а росписку Вам дал в пяти целковых. Это для того, чтобы новыя суботники Вас более не могли до трех лет никуда выбирать в службу.

Но Евтифей Ваш немного ошибку сделал, сказал Тарасу и Филату, моим товарищам, будто я с его получил пять целковых. Вот они, эти два целкова у меня и просят себе, потому что мне пять не следовало, а три, хотя я и уверял их, что получил не пять, а только три целкова.

Но они худо как то верили и говорили, что ежели остальния два целкова я им не отдам, то с Вас весной опять возьмут, по три целкова с целовека, или выберут Евтафея в полесовщики. Я же видя такую ошибку Евтифеем учиненную и дабы не наделать Вам большого убытку, обещаю им, Филату и Тарасу, по одному целковому. И один им отдал нынче, а другой обещал по весне от Вас дать, как по расписке писано будет Вам отдать и достальния два целкова.

А потому и прошу Вас, братец, Матвей и Евтифей, не можете нынече послать с кем-нибудь с хорошим человеком эти два целкова. Надо им отдать этим мироедам, Филату и Тарасу, а то они, пожалуй, скажут, что денег мало взято, только с Матвея, а с Евтифея надо еще взять шесть целковых, или выбрать в полесовщики. Дак лучше малой огонь гасить, чем большой.

Я ладил сделать по свойски менее изьяну, тоестъ взял три целкова и наперво нечего не сказывать, а по весне купить им только штоф водки, на Ваш щот, и рассказать. И все дело.

4. Письмо лексинца Семена Дорофеевича на Пижму Ивану Евстафьевичу о высылке последнему икон и о безрезультатных поисках на Лексе для него каких-то книг

Премногомилостивайший наш сиротский благодетель, Иван Стафиевич. Придущеспасительном пребывании желаем Вам мира и здравия и долга жизненаго пребывания о Христе.

Сям нашим кратчайшим написанием доношу Вам, милостивый отец. Аще соблаговолите про мене нижайшаго слышати, то от сего письма остаюсь в живых, но здоровьем ослабел. А о Вашем здравии ежечасно ведать желаем и всевышняго творца просим грешными нашими молитвами, дабы продлил творец жизнь Вашу. При сем и приношу мою к Вам нижайшую благодарность, в бытность мою у Вас, за Ваше отеческое неоставление и нас, сирот, призрение, чево и впредь просим, мы, сироты, не лишать нас, сирот, Вашего отеческаго милосердия и призрения. За что должны мы Вас, и со всеми нашими благодетельницами с Вами живущими, ко владыце отдать молебственныя гласы о всех вас.

Объявите, милостивый отец, всем нашим благодетелям и благодетельницам нижайшее почтение и благодарность за неоставление к нам, сиротам.

Милостивый отец, по приказанию Вашему и по записке Вашей иконы Вам посылаю: 1. Покров пресвятыя богородицы, цена 12. 2. Икона трех

святителей, Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, цена 10. 3. Икона собор архистратига Михаила, цена 13. 4. Георгия Великомученика, на коне, цена 9. А прочии иконы остаются недоработаны за нездоровьем мастера, которому были отданы. То божиим изволением пролежал лето все. А я сам по осени ездил в Питербург. А если оныя Вам наде выполнить, то вы пришлите записку и при оном задаточек, ибо, отец, у иконников и у всех у нас скудость хлебная постигла.

Еще просил ты меня сведомится о книгах, то я прилагал свое старание о таковых и спрашивали у Акима Борисовича, то он хоша и жив, да с постели не исходя, весьма глуп и ничево не помнит. А у нас на Лексы братец Иван Дороф[еевич] у отца Антона Семеновича всю архилу переберал, но не [на]шел таковых. А Степан Исакович Захарьев отозвался, что у меня нет таковых.

Еще приписую Вам, отец, о нашем бедном общественном состоянии. Весьма оскудели во всем: в хлебных харчах, в платье и в обуви. Кое-как проживаем день к вечеру.

Просим, батюшко, Вас постараться о нашем сиротском собрании, за что Вам всевышний творец стократно и сугубо возмездие подаст.

При сем остаюсь, всех Вам благ в желании бывший у Вас старик, Семен Дорофиев, премного милости Вашей кланяюсь и прошу Вас засвидетельствовать мое нижайшее почтение общему Вашему собранию, благодетелям и благодетель[ни]цам и благоприятелю нашему Абраму Васильевичу нижайшее почтение, старушки Овдотьи Яковлевной со внуком ея Иваном нижайшее почтение.

В прошлом году от милости Ваше[й] получено было денег для задатку икон числом 36 рублей. А следует с Вас донять 4 рубля.

Вместо поклона посылаю милости Вашей поярок, прошу не осудить, и пока кланяюсь.

Числа 28 ноября, 1824 года

Н. И. ПРИВАЛОВА

Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком

Настоящая статья ставит своей задачей дать краткое описание выявленных в хранилищах г. Горького древнерусских рукописей и старопечатных книг и, таким образом, помочь исследователю в его поисках при работе над памятниками древней письменности в нашем городе.

Обследованы три книгохранилища г. Горького: Областная библиотека им. В. И. Ленина, Областной краеведческий музей и Художественный музей. В Литературном музее им. А. М. Горького найдена всего одна рукопись — «Великое зеркало».

Старинные рукописи и книги старой печати сохраняются также в значительном количестве в местном Областном архиве, однако доступ к ним по техническим причинам сейчас затруднен.

В Областную библиотеку им. В. И. Ленина, открытую в 1930 году, рукописи и старопечатные книги поступили из бывших собраний Нижегородской ученой архивной комиссии, местной Духовной семинарии, Аракчеевского кадетского корпуса, Печерского и Благовещенского монастырей, Спасо-Преображенского кафедрального собора и ряда церквей (Сергеевской и др.).

Много рукописей и книг старой печати перешло в библиотеку из частных собраний: П. И. Мельникова-Печерского и бывших помещичьих усадеб — Шереметевых (с. Юрино Васильского уезда) и Пашковых (с. Ветошкино Сергачского уезда) и др.

Кроме того, в 1944 году в библиотеку поступил из г. Лысково архив царевичей и князей грузинских, а в 1953 году — большое собрание рукописных и старопечатных книг Городецкого районного краеведческого музея. Эти два фонда библиотеки мною не описаны по техническим условиям. Большинство рукописного материала архива грузинских царевичей было описано (47 ед. хр.) в 1946 году проф. Д. А. Балака.¹ Здесь содержатся преимущественно книги и документы социально-экономического содержания XVII—XVIII веков, в подлинниках и позднейших копиях (списки с переписных книг Нижегородского уезда 1678 и 1693 годов, приходо-расходные, писцовые, переписные книги по Лысковской волости XVII века, ревизские сказки и мн. др.). Состав городецкого собрания разнообразен, но преобладают рукописи культового характера и старообрядческие сочинения.

¹ См.: проф. Д. Балака. Архив царевичей и князей грузинских. Горький, 1946. На правах рукописи. Из этого архива нами описаны лишь две рукописи — №№ 90801, 90811.

Собрание Областного краеведческого музея составилось из рукописей бывш. Петровского музея, Архивной комиссии, Шереметевского имения (из с. Юрина), отдельных местных монастырей — Оранского, Островозерского и др. — и церквей, а также путем поступлений от частных лиц в 1930—1940-е годы.

В Художественный музей рукописи поступили в 1934 году из Историко-революционного музея (теперь — Областной краеведческий музей), Архивной комиссии и из других мест. Здесь сосредоточены рукописные и старопечатные книги, имеющие ценность для историка искусства или переплетом, или же орнаментом. Некоторые из имеющихся здесь книг представляют замечательные образцы искусства русских книжников и ювелирных мастеров XVII—XVIII веков.

Литературному музею им. А. М. Горького принадлежит одна рукопись XVII века, попавшая сюда случайно при покупке одного книжного фонда.

В наш обзор вошли рукописи XV—XX веков, содержащие материал по истории, литературе, быту, педагогике, хозяйственной жизни русских людей. Для историка несомненный интерес представляют местные Синодики с подробными описаниями боярских, дворянских и купеческих родов, особенно Синодик 1649 года, где имеются записи родов Козьмы Минина и кн. Д. М. Пожарского. Характеристика документального материала ввиду его многочисленности дается по группам.

Большая часть горьковского рукописного материала в печати не упомянута. Если же ранее рукопись описывалась, мы даем ссылку на издание, где о ней сообщались сведения.

Значительный интерес представляют в описываемых рукописях записи и приписки на полях, владельческие и авторские пометы. Наиболее интересные из них мы приводим. Из старопечатных книг мы даем сведения лишь о самых важных, не указывая при этом формат их и количество листов, поскольку все эти сведения известны по библиографическим работам Ундольского, Каратаева и др.¹

В конце статьи помещено описание интересного Евангелия XVII века юго-западнорусского письма, принадлежащего научному сотруднику Художественного музея В. А. Александровскому.

Даты в круглых скобках, а также буквы и слова в квадратных скобках вставлены нами. Цифры в скобках после сведений о рукописи означают шифр по инвентарной книге. Там, где эта цифра отсутствует, следует считать, что рукопись взята из неопisanного фонда.

Областная библиотека им. В. И. Ленина

Рукописи исторического и литературного содержания

1. Житие Зосимы и Савватия соловецких, первой половины XVII в., размер 21.5 × 15 см, 236 л., переплет дощатый, покрытый коричневой кожей с тиснением, застежки утеряны. Записи: а) о написании рукописи в 1639 г. «многогрешным и непотребным рабом» Иосифом; б) «Сия книга соловецких чудотворцов житие вочьчины боярина князь Якова Куденетовича Черкаскаго села Павлова непашыные слободы крестьянина Петра Иванова сына Ершова. А потписал аз Петр своею рукою лета 7158 (1650)-го февраля в 20 день. А кому продам и яз приправлю на того имя»; в) при-

¹ И. Каратаев. Описание славянорусских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883. — В. М. Ундольский. Очерк славянорусской библиографии. М., 1871.

писка Петра Иванова сына Ершова от 1650 г. о пожертвовании книги в Троицкий Богородицкий Казанский монастырь «на о[с]тровь без выносу».

2. Степенная книга, второй половины XVII в., размер 32×21 см, 1161 л., заставка-рамка, на поле с правой стороны цветов, первые два слова написаны золотом, остальные красной краской, переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, кожаные завязки оборваны. Текст без начала. В начале книги имеются стихи, составленные позднее, относящиеся к Степенной книге. Запись о написании книги в 1679 г. в Макарьевском Желтоводском монастыре.

3. Сборник, второй половины XVII в., размер 21.5×15.5 см, 366 л., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, две застёжки. Содержание: «Великое зеркало», «Звезда пресветлая» и др. В конце XVII в. сборник принадлежал приказу Большие казны подъячому Ивану Родионову (достался от отца Ирадиона Афанасьевича), Клинские приказные избы подъячому Михаилу Родионову и сыну его Алексею Михайловичу Родионову.

4. История о взятии Соловецкого монастыря Семена Денисова, XVIII в., размер 23.5×17 см, 186 л., переплет дощатый, покрытый коричневой кожей с тиснением, застёжки утеряны. Из библиотеки П. И. Мельникова-Печерского, с его собственноручными пометами (№ 370952).

5. Хронограф, XVII в., размер 32×21 см, 504 л., переплет дощатый, окрашенный в темнокоричневую краску, застёжки утеряны.

6. Житие и чудеса Макария Желтоводского и похвальное слово ему, XVII в., размер 21×16.5 см, 93 л., инициалы киноварные, переплет дощатый, покрытый черной кожей с тиснением, застёжки утеряны. Рукопись плохой сохранности, текст без начала (Ц 90801).

7. Сборник, XVII в., размер 21×17 см, 54 л., переплет картонный, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением. Содержание: «Об иноческом чине» (Иосифа Волоцкого), «Послание Илариона великого к некоему брату, просившему у него», и его же «Наказание к отрeksiвшимся мира ради Христа». Запись: «194 (1685) г. декабря в 18 день, Каменного города покровской дьякон Фома Иванов продал сию книгу боярина князя Михаила Яковлевича Черкасского человеку ево Стефану Васильеву. А потписали: яз дьякон своею рукою. Отдал Степан в монастырь Троицы живоначальные в помяновении по схимонахе Леонтие, по Марфе, по Иоанне убиенном».

8. «Епистолия господня» (Иерусалимский свиток), XVII в., размер 22×15 см, 10 л., переплет картонный (№ 370972).

9. Керженские ответы, начала XVIII в., размер 22.5×17 см, 321 л., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, две застёжки. Записи: а) «7374 (1866) года 24 мая П. Чупров»; б) «сию божественную книгу прочитывал крестьянин Архип Васильевич Бозов. 1887 апреля 22».

10. Письма игумена Питирима иеродиакону Александру и старцам Варсонофию и Герасиму «Балахонского уезда в Чернораменных лесах жителем» и вопросы (240) указанных лиц к Питириму, первой четверти XVIII в., размер 21×16 см, 79 л., переплет картонный, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, застёжки утеряны.

11. Уложение царя Алексея Михайловича, первой четверти XVIII в., размер 32.5×21 см, 272 л., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, застёжки утеряны. Дополнение: черновики челобитных, написанные рукой владельца книги священника Ключарева, к тексту Уложения не имеющие отношения (л. 1, 2, 271—272). Запись:

«Сие Уложение Вяземского уезду сельца Гавриловского помещиков Миханлы и Николая Авдеявичев Родищевых; а куплено у вяземского попа Григорья Васильява сына Ключарева; а по прошению их подписал Вяземского причта писец Митрофан Никулаев 1722-го году текущего марта месяца».

12. Сборник («История о разорении Иерусалима», Троянская история, Повесть о взятии Царьграда), первой половины XVIII в., размер 20,5 × 16,5 см, 365 л., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей, завязки кожаные, оборваны (№ 90811). Запись: о переписке рукописи в 1739 г. в Киеве неким Семеном.

13. Сборник, XVIII в., размер 23 × 18 см, 289 л., переплет картонный, текст без конца. Содержание: Стоглав, Послание Ивана Грозного в Кириллов Белозерский монастырь игумену Козьме.

14. Монастырский устав Иосифа Волоцкого, XVIII в., размер 23 × 19,5 см, 143 + 71 л., текст орнаментирован, переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, застежки утеряны (№ 370942).

15. Ордер генерал-аншефу Петру Ивановичу Олицу, второй половины XVIII в., размер 18 × 12 см, 29 л., без переплета. Запись: «Подлинной подписал генерал граф Румянцов 8 марта 1770 году. Местечко Летычев».

16. Сборник, XIX в., размер 18,5 × 11,5 см, 111 + 14 л., переплет дощатый, покрытый красным сафьяном с золотым тиснением, две застежки (Ц 370982). Содержание: «Краткое сказание о первоначальном учреждении церковной иерархии», «Грамота патриарха Иерусалимского, июнь 1621 г.» и другие статьи.

Рукописи учебного и бытового содержания

1. Азбука Бурцева, первой половины XVII в., размер 16 × 10 см, 16 л., переплет картонный, покрытый коричневой кожей (№ 370992).

2. Прохладный Вертоград, переведен с польского Симеоном Полоцким, конца XVII в., размер 32 × 20 см, 164 л., текст орнаментирован, переплет картонный, покрытый темнокоричневой кожей (№ 370912). Надписи к изображениям в красках (в виде миниатюр в овале) 12 месяцев года (планет) на лл. 122—124 об.

3. Учебный катехизис, конца XVIII в., размер 17,5 × 11 см, 136 л., переплет бумажный.

4. «Словарь еретиков и раскольников, сочиненный по азбучному порядку Московского Архангельского собора протоиереем императорского университета катехизатором и Российской академии членом Петром Алексеевым», конца XVIII в., размер 34,5 × 22 см, 222 л., переплет картонный, покрытый толстой пунцовою бумагой с золотым тиснением.

Рукописи культового содержания

1. Триодь цветная, XVI в., размер 28,5 × 19,5 см, 333 л., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, застежки утеряны. Записи: а) о продаже рукописи попом Михаилом Борису Кондратьеву в 1596 г.; б) о пожертвовании рукописи Борисом Кондратьевым сыном Кузьминым «в дом Рожества Христову» в 1596 г., «при Поленихи Гаврилове сыне» подписал «Иванище Петров»; в) «Сия книга служебная минея город Вытегра и Вытегорского погоста деревни Пустоши мещанина Петра Григорьева. Подписал своеручно 1749 году апреля 2 дня»; г) «Не пить была винца до смертнаго конца, заповеди божиа не содержал, увидех

вино и задрожал, с постели скочил, ск[л]янацу прибочил, в вино ус смочил».

2. Евангелие напрестольное, XVII в., размер 33 × 21 см, 254 л., текст орнаментирован, переплет дощатый, покрытый узорчатой пестрой тканью (сильно порванной), завязки оборваны. Записи о принадлежности рукописи: а) «нисшему попу Казьме Иванову»; б) «Успенской церкви в селе Боргатине».

3. Цветник духовный, первой четверти XVIII в., размер 22.5 × 17.5 см, 239 л., переплет дощатый, покрытый выцветшей коричневой кожей, застежки утеряны. Принадлежал старцу Макарию из Боговской пустыни на Керженце.

4. Месяцеслов, XVIII в., размер 25 × 18 см, 173 л., текст орнаментирован, переплет дощатый, покрытый ветхой кожей, застежки утеряны (№ 370962). Запись рукой П. И. Мельникова-Печерского о том, что святыцы «составлены» настоятельницей Анфисой из Оленевского (Керженского) старообрядческого скита.

Старопечатные книги

1. Апостол, Москва, 1564 г. (Ц 21302). Запись: «Князя Владимира Михаловича Апостол».

2. Грамматика Мелетия Смотрицкого, Вильно, 1618 г. (Ц 22021).

3. Лексикон славеноросский и имен толкование Памвы Беринды,¹ Киев, 1627 г. (Ц 75861). Записи: а) «Сия книга на сей час пана Андрея Завратинского, инспектора, [пана] Феодора Кочубея суденска енерального и [пана] Иоанна Обедовского столниченка и полковниченка Нежинскаго» — южнорусская скоропись; б) «Даровена пану Гавриилу Михайловичу»; в) «Федор игумен минский рукою своею» — это на титульном листе между строк.

4. Служба св. Николаю с житием его и чудесами, Москва, 1643 г. В книгу вложено 17 л. из Службника 1658 г. Запись о продаже рукописи спаским попом Григорием Семеновым из села Воротынского попу Василию из села Шекана.

5. Требник Петра Могилы, Киев, 1646 г. (Ц 9012). Вкладная запись инспектора Ратушского правления Степана Васильева сына Левонтьева от 1710 г. о пожертвовании книги в Казанский Троицкий Богородицкий Островозерский монастырь.

6. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, Москва, 1647 г. (Ц 6902). Запись Гаврила Гарасимовича Дохтурова, от 1651 г.

7. Уложение царя Алексея Михайловича, Москва, 1649 г. (Ц 21292). Записи о принадлежности рукописи дворянину Петру Осиповичу Чичерину и столнику Семену Петровичу Чичерину.

8. Уложение царя Алексея Михайловича, Москва, 1649 г., экземпляр дефектный (Ц 21282). Имеет текстовые отличия от № 7.

9. Сочинения Ефрема Сирина и Аввы Дорофея, Москва, 1652 г., (Ц 9142). Запись: «168-го (1659) ноября в 1 день продал сию книгу я, старец Варсонофей, черному дьякону Георгию. А взял я рубль».

10. Брашно духовное, Иверской монастырь, 1661 г. (Ц 78381). Владельческие записи: а) инока Ермолая Зубаца Законника монастыря Кутсенского; б) Мартинаана Волосовича, игумена монастыря Кронского,

¹ Об этой книге см.: Д. А. Балака Книга, принадлежавшая Кочубею. «Исторический журнал», 1940, № 2, стр. 154—155.

от 1669 г.; в) иеромонаха Ионы, от 1674 г.; г) Исаакия Валика Дусевича, от 1688 г.; д) иеромонаха Венедикта Чарни[цкого], от 1729 г.

11. Патерик Печерский, Киев, 1661 г. (Ц 8432). Запись от 1664 г. о даре книги старцем Феодосием «в Спаскую пустыню, иже на Белой горе».

12. Библия, Москва, 1663 г.

13. «Меч духовный» Лазаря Барановича, Киев, 1666 г. (Ц 8462). Запись: «[Сию] книгу воложанин Иван Захаров сын Конев благословил внуку своему Ивану Петрову сыну Дранишникову».

14. «Жезл правления» Симеона Полоцкого, Москва, 1666 г. Последние 8 листов рукописные, содержат произведения Иоанна Златоуста (Ц 8552). Запись: «Книга Степана Левонтьева домовая, отдана в Островозерской, святых Троицы монастырь в помин своих родителей 1701-го июля в 15 день».

15. Цвет духовный, Москва, 1682 г. (Ц 78511). Запись: «Сия книга глаголемая Цвет Нижегородскаго наместничества Балахнинской округи села Вершилова крестьянина Михаила Иванова сына Жилкина, марта 21-го дня 1795-го года. Подписал сам Жилкин своеручно».

16. Вечеря душевная Симеона Полоцкого, Москва, 1683 г. (Ц 8892).

17. Евангелие от Луки, Москва, XVII в., Титульный лист не сохранился. (Ц 8482). Записи: а) «Сия книга вотчины боярина князя Володимира Дмитриевича [Долгорукова] села Дуденева крестьянина Петра Иванова сына Натальиных. А письмо моя рука, Петра. А куплена Москве в лета 7161 (1653)-го году августа в 1 день»; б) «197 (1688)-го году сентября в 7 день вотчины боярина князя Михаила Яковлевича Черкасского села Богородского крестьянин Афанасей Естифеев продал сию книгу благовестник главы святаго апостола и евангелиста Луки в вотчинной же Островской Троицкой монастырь иеромонаху Иоакиму зачисто. По ево велению, Афанасьеву, подписал сию книгу села ж Богородского воскресенской поп Иван Афанасьев»; в) «Продол книгу Андрея Григорьевича Лаокупова человек Андрюшка Титов. А подписал своею рукою».

18. Букварь славено-греко-латинский (трехязычный) Федора Поликарпова, Москва, 1701 г. (Ц 78061).

19. Арифметика Леонтия Магницкого, Москва, 1703 г. (Ц 3852).

Областной краеведческий музей

Рукописи исторического, литературного и учебного содержания

1. Житие Василия Нового, XVI в., размер 22 × 17 см, 224 л., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей (на верхней доске переплета кожа отсутствует), две застежки (№ 11590).

2. Сборник, XVII в., размер 21 × 16 см, 68 + 46 + 3 л., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, сохранилась одна из застежек (№ 300). Содержание: Синописис, Космография и др. Владельческая запись Степана Дмитриева сына Мосолова, от 1679 г.

3. Челобитная монахов Соловецкого монастыря 1667 г., XVII в., размер 17.5 × 11.5 см, 68 л., переплет бумажный. Владельческая запись балахнинского мещанина Васильева сына Половинника.

4. Вкладная книга нижегородского Печерского монастыря, конца XVII в., размер 32 × 20 см, 190 л.; в рукописи имеются две художественные заставки (рамки, исполненные разными красками), переплет

доштатый, покрытый темнокоричневой кожей с золотым тиснением (№ 483).¹

5. Сборник, первой четверти XVIII в., размер 34 × 21 см, 733 л., переплет картонный (№ 493). Содержание: «Заручные сказки» церковнослужителей Нижегородской епархии.

6. Хронограф, XVIII в., размер 33.5 × 20 см, 296 л., переплет доштатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, две застежки (№ 491).

7. Сборник, XVIII в., размер 32.5 × 21 см, 114(152) л., переплет доштатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, завязки кожаные, оборваны (№ 472). Содержание: Краткая русская хронология царская и духовная; Родословец великих и удельных князей; выпись из разрядных книг (разряд о свадьбах); список с судного дела Новгородской Воцкой пятини; Нижегородский летописец; копия с указа о браке цесаревны Анны Петровны с герцогом голштинским и другие статьи. В записях сообщаются краткие биографические сведения о семье Бахметевых-Литвиных, начиная с М. П. Литвиной и А. Г. Бахметева (1754 г.).

8. Родословная книга — «Хто где служит» (с 1403 по 1603 г.), XVIII в., размер 32 × 22 см, 276 л., переплет доштатый, покрытый коричневой кожей (КП XVIII 4454).²

9. Кормчая книга, ч. 2, XVIII в., размер 33.5 × 22 см, 325 + 37 л., переплет доштатый, покрытый коричневой кожей, сохранилась одна застежка (№ 11578).

10. Стоглав, XVIII в., размер 35 × 22 см, 111 л., переплет картонный, покрытый коричневой кожей (№ 10013).

11. Уложение царя Алексея Михайловича, XVIII в., размер 37 × 24 см, 169—403 л. (лл. 1—168 отсутствуют), переплет доштатый, покрытый коричневой кожей с тиснением, застежки утеряны (№ 467).

12. «Сказание Питирима о бывших действиях обращательных из раскола ко святой грекороссийскаго исповедания церкви», XVIII в., размер 21.5 × 17.5 см, 250 л., переплет картонный, покрытый кожей, кожаные завязки. Запись: «1808 году генваря 20-го числа, писал Александр Антонов».

13. Сборник, XVIII в., размер 33.5 × 21.5 см, 445 л., переплет доштатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением (№ 484). Содержание: Житие Петра Великого, копия с грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей; Слово похвальное императору Петру первому, прочитанное в 1725 г., ноября 14, в Париже, при Академии наук; Описание погребения цесаревны Наталии Петровны; Нижегородский летописец (1212—1682 гг.).

14. Сборник, XVIII в., размер 20 × 16.5 см, 484 + 133 л., текст орнаментирован, переплет картонный, покрытый темнокоричневой кожей (№ 2569). Содержание: Летописец келейный Дмитрия Ростовского и Синописис Иннокентия Гизеля. Записи: а) о принадлежности рукописи Алексею Умнову, дворовому «дому лейбгвардии Измайловского полку капитана Амплеля Степановича Шепелева», от 1756 г.; б) о покупке рукописи у большемурашкинского крестьянина Михаила Гушина за 1 рубль в 1872 г. священником А. Зерчаниновым.

15. Летописец келейный Дмитрия Ростовского, XVIII в., размер 33.5 × 21 см, 186 л., переплет картонный (№ 460).

16. Житие Петра Первого П. Крекшина, XVIII в., размер 21 × 16.5 см, 61 л., переплет картонный, покрытый бумагой (№ 10075). В книге 293

¹ Напечатана А. А. Титовым (Чтения ОИДР, М., 1898, кн. I, стр. I—VIII, 1—93)

² Выписки из этой рукописи напечатаны А. Я. Садовским («Выписки из старинной рукописной книги „Хто где служит“». Саратов. Типография Союза печатного дела, год издания не указан).

параграфа. От печатного издания есть различия. Запись: «Маия 31 дня, 1793 г. Подписал крестьянин Иван Григорьев сын Попов».

17. Хождение Трифона Коробейникова, начала XIX в., размер 21 × 17,5 см, 83 л., переплет картонный, покрытый бумагой и кожей (№ 362). Запись о написании книги «в Камышленском вотчинном правлении марта 13-го дня в субботу второй недели великаго поста 1815-го года. Василий Кулдымов». Текст орнаментирован.

18. Альбом автографов Нижегородской ученой архивной комиссии, конца XIX—первой четверти XX в., размер 29,5 × 22,5 см, 86 л., переплет картонный, покрытый красным сафьяном с золотым тиснением (№ 11524). В рукописи имеются рисунки: карандашная зарисовка К. Е. Маковского с автографом художника — прекрасно исполнена фигура старика в надвинутой шапке старинного покроя и кафтане дьяка XVII в., с чернильницей и гусиным пером у пояса (л. 10); акварель неизвестного художника, изображающая Северную башню нижегородского Кремля с частью стены и видом на Волгу (л. 84).¹

19. Зерцало богословия Кирилла Транквилиона, конца XVII в., размер 22 × 16 см, 199 л., переплет дощатый, покрытый кожей с золотым тиснением, застежки утеряны (№ 11569). Запись: «Сия книга Зерцало богословия преосвященнаго Афанасия архиепископа колмогорскаго и важескаго, келеиная. Взята у Василья иконописца Спиридонова».

20. Зерцало или диоптра с предисловием Михаила Пселла, XVII в., размер 21,5 × 14,5 см, 220 л., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с застежками.

21. Псалтырь рифмотворная Симеона Полоцкого, XVII в., размер 31,5 × 20 см, 139 + 18 л., текст орнаментирован, переплет дощатый, покрытый коричневой кожей (№ 11587). Запись: «Сия книга библиотеки лейбгвардии коннаго полку вахмистра князя Сергея Хованскаго. Куплена в селе Пеле, дана 4 рубли, 1767 году июня».

22. Сборник, XVII в., размер 22 × 17,5 см, 84 л., переплет картонный, покрытый холстом. Содержание: притчи, толкования, пасхалия, астрология, лунник и другие статьи.

23. Златой бисер, или Луцидариус, XVIII в., размер 22,5 × 18 см, 46 л., переплет картонный, покрытый бумагой (№ 12202). Имеется несколько записей и помет о принадлежности книги дьячкам Василию и Петру Ивановым, XVIII в.

Церковно-служебные рукописи

1. Трефологион, 1509 г., размер 20,5 × 16 см, 4 + 84 л., текст орнаментирован, переплет картонный. Запись писца: «...а то писал многогрешный раб божий Филип, дьяк Андрея Михайловича, писал ей своему государю Андрею Михайловичю... Списана бысть сия книга Трефолои на память святого Прокопья Декаполитскаго лета 7017(1509)...». Запись заканчивается сложной тайнописью.

2. Триодь цветная, середины XVI в., размер 28 × 16 см, 321 л., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением. Книга ветхая, начальные листы утеряны.

3. Сборник, XVI—XVII вв., размер 22,5 × 14,5 см, 345 л., переплет дощатый, был покрыт кожей, остатки которой сохранились, застежки утеряны. Содержит слова и поучения учителей церкви.

¹ Об этом альбоме см.: Н. И. Привалова. Альбом автографов. Журн. «Горьковская область», 1941, № 6, стр. 65—69.

4. Синодик литийный Нижегородского Печерского монастыря, середины XVII в., размер 32,5 × 21 см, 1 + 215 лл., текст орнаментирован, переплет дощатый, покрытый коричневой кожей с тиснением, застежки утеряны (№ 4461). На л. 41 написан род князя Дмитрия Михайловича Пожарского (39 имен); на л. 135 — род Козьмы Минина (7 имен). Записи: а) «Сия книга писана при архимандрите Иларионе. А ево род написан в Синодике 7157 года, от Рождества Христова 1649 года»; б) «Сия книга переписана в новый Синодик все вполне 1848 году для поминовения»; в) «9 ноября 1853 года сию и все прочия синодичныя книги переписаны к разным церковным переплетам, сохранив все прежнее до иоты».

5. Слова Аввы Дорофея, середины XVII в., размер 33 × 21 см, 2 + 169 лл., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, одна застежка утеряна (№ 11575). Дарственная запись старца Алексея Вологжанина: «в дом живоначальных Троицы и пречистыя Богородицы на Остров», от 1652 г.

6. Синодик села Чистого Поля Печерской церкви, XVII в., размер 21 × 16 см, 79 лл., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, застежки утеряны. Запись: «170 (1662)-го Зауольской волости села Престол пречистинскаго попа Петра Борисова сына Троицкаго написано в Сенадике Чистопольского монастыря у попа Афанасия Михайлова сына Хохлушина, поминать ему, попу, до своей смерти, вечно. А писал сию родительскую роспись поп Петр Борисов своею рукою».

7. «Слово о блудном сыне» Иоанна Златоуста и другие его сочинения, XVII в., размер 19 × 14 см, 65 лл., без переплета. Текст без начала и конца (№ 564).

8. Цветник, XVII в., размер 23,5 × 17 см, 1 + 246 + 2 лл., переплет дощатый (одной доски нет), покрытый коричневой кожей с тиснением, застежки утеряны (№ 11573). Запись: «Жертвую в епархиальное древнехранилище. Крестьянин села Юркина Осип Иванов Шишарин. 1891-го июня 3-го».

9. Нотно-крюковая рукопись духовного содержания, XVII в., размер 16 × 10,5 см, 30 лл., без переплета.

10. Постнические слова Исаака Сирина, XVII в., размер 21,5 × 16,5 см, 400 лл., текст орнаментирован, переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, одна застежка утеряна. Запись: «Книга сия отдана в дом пресвятыя Троицы Островоезерского монастыря в помин души Анны Магдебургские лета 7199 (1691)-го июля в 26 день, в день погребения тела ея». На обороте второй доски переплета имеется цифровая и буквенная тайнопись.

11. Синодик литийный Макарьевского Желтоводского монастыря, начала XVIII в., размер 32 × 20,5 см, 307 лл., текст орнаментирован, переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением (кожа на верхней доске местами срезана), застежки утеряны.

12. Синодик Спасозеленогорской обители, XVIII в., размер 22 × 17 см, 207 лл., переплет дощатый, покрытый темнокоричневой кожей с тиснением, две застежки. Помета архимандрита Феофилакта Помарянского, от 1719 г.

Кроме рукописных и старопечатных книг, в Областном краеведческом музее хранится значительное количество документального материала XVII—XVIII веков, представляющего большую ценность для изучения истории местного края. Здесь есть жалованные поместные грамоты, выписи из приходо-расходных, писцовых, переписных, отказных, записных, окладных, оброчных и межевых книг, патриаршие грамоты о постройке церквей, многочисленные челобитные, кабальные записи, наказные-памяти,

документы о верстании в рекруты, различные материалы о крестьянской войне под руководством Пугачева, о крепостных крестьянах и многие другие.

Научный интерес представляют планы и чертежи отдельных мест Нижегородского уезда, план Нижнего-Новгорода 1799 года. Имеется шесть денежных документов XVIII века на польском и немецком языках.

Старопечатные книги

1. Арифметика Леонтия Магницкого, Москва, 1703 г. Записи: а) «В Санкт-Петербурхе в 718 (1718) году, дана рубль двадцать шесть [копеек]»; б) «Книга, глаголемая арифметика, практика или деятельная недоросля и ученика Сергея Григорьева сына Караулова, дана рубль шездесят пять копеек, досталось после моего дядюшке Семене Егоровиче сына Коромыслова. Писал тысячи семсот шездесят третьего году декабря седьмаго на десять числа. А родилсе Сергей Григорьев сын Караулов в городе Арзамасе, а жителства имеет в деревне Забелене, а училисья в городе Курмыше, и подушнаго збору господина прапорщика Ивана Ивановича сына Решетнева. А подписал он, недоросль Сергей Григорьев сын Караулов, своєю рукою грешною».

2. Книга, устав воинский и артикул воинский, СПб., 1719 г. (№ 10067). Записи: «Сия книга военной устав лейбгвардии Семеновского полку прапорщика Семена Давыдовича Офросимова».

3. Уложение царя Алексея Михайловича, СПб., 1779 г. (№ 1520).

4. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, СПб., 1790 г. (№ 5591).

Горьковский художественный музей

1. Евангелие на пергамене, XV в., размер 29 × 19,5 см, 185 л., текст орнаментирован, переплет дощатый, покрыт светлозеленым бархатом с серебряными наугольниками и средником, одна серебряная застежка утеряна (№ 95). Запись: «В лето 6916 (1408) написаны быша книги сия, глаголымыя четвероблаговестник повелением смиренаго игумена Сергия многогрешнаго раба божиа Андреа святому Николева Амбросиев монастырь, при велицем князи Васильи Димитриевич самодержьци всея Руси в то лето, егда не было по архиепископе по Киприане архиепископа в Руси». В 1780 г. принадлежало Нижегородскому Спасопреображенскому собору.

2. Евангелие, XVII в., размер 35 × 23 см, 433(437) л., текст богато орнаментирован, переплет дощатый, покрыт темнозеленым бархатом с серебряными наугольниками и средником, застежки и на обороте переплета жуки утрачены (№ 94). Запись от 1762 г. о пожертвовании книги в Нижегородскую Рождественскую церковь московским купцом Иваном Ивановым сыном Болшим Щепочкиным.

В Художественном музее хранится также девять старопечатных Евангелий XVI—XVII веков, представляющих большую художественную ценность своими окладами, свидетельствующими о высоком уровне русских мастеров переплетного дела XVII столетия. На некоторых из них имеются ценные записи.

1. Евангелие служебное, Вильно, 1574 г., размер 31 × 21 см, 395 л., переплет дощатый, покрыт малиновым бархатом, наугольники и средник серебряные с черненым рисунком, со следами позолоты. В 1859 г. принадлежало переяславль-залесскому купцу Мартениану Борисовскому.

2. Евангелие, Москва, 1614 г., размер 33.5×21 см, 206 + 2 + 262 + 1 лл. В рукописи имеются заставки (рамки), полевые цветки, художественно нарисованные миниатюры, сделанные от руки, преобладает золото, красная и зеленая краски; переплет дощатый, покрыт малиновым бархатом с металлеческими (медь посеребренная) наугольниками и средником (на обеих крышках переплета), одна застежка утерьяна (№ 96). Запись на последнем листе: «Лета 7133 (1625)-го месяца апреля в 15 день сия книга Евангелие тетро писано золотом, травы разными краски и евангелисты и Семион написаны в лицах радением Нижнего Новгорода спасскаго протоппа Саввы Евфимиева».¹ Эта запись написана от руки, чернилами; вторая такая же запись сделана золотом и вязью в круге, художественно оформленном.

3. Евангелие напрестольное, Москва, 1681 г., размер 47×31 см, 760 лл., текст орнаментирован, переплет дощатый, покрыт малиновым бархатом и сплошным серебряным тяжелым золоченым окладом с застежками серебряными (№ 103). Запись: «Лета 7191 (1683) месяца февраля 21-го дне приложил сие святое Евангелие в Нижней Новгород к церкви Благовещения господня, что на Верхнем посаде, святейшаго патриарха иеродиякон Тихон Воинов по своих родителей в вечное помяновение»; эта запись выгравирована вязью на переплете по трем торцам.

4. Евангелие напрестольное, Москва, 1689 г., размер 70×47 см, 620 лл., текст орнаментирован, переплет дощатый, покрыт сплошным серебряным золоченым окладом с серебряными застежками (№ 98). Запись о том, что оклад сделан в 1706 г. на средства Макария Желтоводского монастыря.

Литературный музей им. А. М. Горького

1. Зерцало великое, конца XVII в., размер 22×17 см, 219 лл., переплет дощатый, покрыт черной кожей с тиснением и медными «ножками», две застежки. Запись в конце книги: «Написана в Астраханском граде на Учюге... святейшаго Иоакима патриарха Московского всеа России на Камызяке лета 7190 (1681) году сентября в день 30».

Рукопись В. А. Александровского

Евангелие от Матвея, первой половины XVII в., размер 31×21.5 см, 224 лл., переплет дощатый, в темнокоричневой коже с тиснением, застежки утерьяны. Запись: «Сиа книга село Крунмир псал Стеван отца Аврамь мати Яна, помни господи душ раб своих. И даде фелонь и петрахиль за деветь гроше и пол. Да се знае». На л. 223 рукописи написан текст «Сказания о 12 пятницах», отличный от напечатанного Н. С. Тихонравовым в «Памятниках отреченной литературы» (т. II, М., 1863, стр. 335—336). Две записи, сделанные сложной буквенной тайнописью, которую нам не удалось расшифровать. Рукопись южнорусского письма, приобретена владельцем в Западной Украине. Богата орнаментирована (заставки, инициалы, концовки).

¹ О Савве Евфимьеве как патриотическом деятеле 1611—1613 годов см.: С. Ф. Платонов 1) Савва Евфимьев протопоп Спасо-Преображенского собора в Нижнем Новгороде. Н.-Новгород, 1909; 2) Очерки истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 400, 402—404

Кроме В. А. Александровского, в Горьком рукописные книги имеются у пенсионеров С. С. Аверкиева и С. П. Безруковой. Первому принадлежит Разрядная книга (с 1503 по 1579 гг.), список XVIII в., Переписные книги по г. Верхотурью (1670 г.), выписи из Писцовой книги Нижегородского уезда (1621—1623, 1626—1627 гг.), Слово Палладия мниха, XVIII в. (лицевое) и др. У С. П. Безруковой находится Сказание об антихристе (Наполеоне Бонапарте). Возможно, и у других жителей г. Горького есть рукописные книги, но выявить их пока еще не удалось. В свое время в Нижнем Новгороде было немало частных собирателей. На нижегородской ярмарке ежегодно продавалось большое количество самого различного рукописного материала. В Горьком имеются семьи бывших старообрядцев, у которых рукописные находки весьма вероятны.

В. Л. МИКИТАСЬ

Древние рукописи Института литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украинской ССР

В рукописном отделе Института литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украинской ССР (Киев), в фонде № 20 хранятся 43 древние рукописи и старопечатные книги. До настоящего времени специалисты к этим рукописям и книгам почти не обращались, хотя некоторые из них могут представить научный интерес для филологов, историков и этнографов. В большинстве своем рукописи и книги были получены из различных архивов г. Харькова еще в 1930—1938 годах, а частично в послевоенное время.

По своему содержанию рукописи разнообразны. Наряду со сборниками литературного характера, сочинениями по истории, встречаются рукописи богословского и церковно-служебного содержания. Имеется несколько рукописей XVII—XIX веков музыкального характера (со старинными линейными нотами). Встречаются произведения апокрифической литературы. Значительное число рукописных книг составляют рукописные сборники смешанного состава. Старшая рукопись собрания — синодик конца XVI века.

Кроме отмеченных рукописей, в рукописном отделе Института находятся еще несколько десятков рукописных книг с произведениями старинной литературы и письменности. Эти рукописи хранятся в личном архиве писателя Ивана Франко. Они превосходят по ценности рукописи фонда № 20. Сейчас проводится большая работа по описанию древних рукописных книг из собрания Ивана Франко. Обзор их будет дан отдельно, по завершении этой работы.

Приводим описание наиболее интересных рукописных книг из фонда № 20. При передаче заглавий рукописей сохраняются фонетические особенности их текстов, орфография дается упрощенная. Из записей и помет приводятся лишь наиболее ценные.

1. Сборник сочинений Захария Копыстенского и Ивана Вишенского, XIX в., в лист, 260 лл. (3 чистых), полуустав, переплет — доски, обтянутые кожей, на корешке тисненый узор и надпись: «Книга господняя». Сохранились заставки. До л. 110 в верхнем правом углу штамп: «Д. С. В. Г. П. О. Сергиевской», с л. 111 и до конца сборника другой штамп: «№ 6 Говарда» (с изображением двуглавого орла). На первом листе запись чернилами более позднего характера: «Рукописі Захарія Копистенського і Івана Вишенського (українських письменників-полемістів)», здесь же вверху какая-то подпись и дата: «1947, Казань». Содержание: «Книга о правдивой единости правоверных христиан церкви Восточной, там же и против апостатов и о их лживой унии. Милостию и помощию

божию, а за благословением старших, чрез иеромонаха Захарию Копыстенского написано», 44 главы, лл 1—211; «Преподобного и блаженного отца Иоана Вышенского братством питан до Львова братству ради веры и повсюду», глава 45, лл 212—216 об; «Честной и благоговейной старице Домникии Иоанн странник о Господе радоваться и спасения прагнет», продолжение главы 45, лл 216 об—235; «Благочестиво государю Василию княжати Острожскому и всем православным христианам Малой России, так духовным, яко сведким и вышнего стану и до конечного, благодать, милость, мир и радость духа святого во сердца ваша выше низпослатися вам от треипостасного божества, отца и сына и святого духа Иоанн з Вышни, мних, от святыя Афонския горы, усердно желает», глава 46, лл 236—241; «Труп гласа папешского неверия и гордости», глава 47, лл. 241 об—249; «Да очистите церковь от всяких прелестей и забобонов еретических. .» (и далее о языке славянском) Ивана Вишенского, глава 48, лл 249 об.—256; «Послесловие к верующим», л. 257.¹

2. «Зегар», «Млеко» и проповеди Ивана Величковского, автограф 1690—1691 гг., в лист, 33 лл, полуустав, без переплета, водяной знак — двуглавый орел с короной²

3. Александрия, с добавлением сокращенной российской истории, XVIII в., 95 лл., скоропись, много листов испорчено, переплета нет. Записи: на л. 67 об. — «Сия тетрадь белгородского купца Тимофея Денисова, сына его милости Гордеева»; л 68 — «Канцелярист Василий Воробев»

4. Литовский статут 1588 г. (третья редакция), XVIII в., в лист, 244 л., украинская скоропись, в кожаном переплете. Запись на л 2 об «1744 года исправлена»

5. Сборник, 1745—1746 гг., в лист, 143 лл., в кожаном переплете Содержание: «История о Полекционе, цесаре Египетском и о прекрасной королевне Милитине Италианской»; «История о рыцаре Петре Золотых Ключах и о прекрасной королевне Могилине Неополитанской»; «История о рыцаре Венициане и о прекрасной королевне его Ранцевене Гишпанской»; «Царь Пелей приводяще Язона да пошлет его добыти златые руно»; «Гистория о Калеандре, цесаре греческом и [о] Неонильде, цесаревне Трапезонской»; «Гистория о Апполоне, короле Тирском»; «Гистория о Арсисе, о любви и о постоянстве к Размере Арсаса и о поступлении английской королевы Елизаветы над Арсасом, которого безвинно казнила»; «Сказание о пиющих и не пиющих»; «Гистория о великом рыцаре Гендрике курфистре Брадебурском и о принцессе Меленде прекрасной, переведена с польского на славянский язык»; «История о Барбосе разбойнике Гишпанском, который разорил Францию, и о управителе Ендоне и о принцессе Берфе, сожительнице его», и другие статьи. После каждой из трех первых повестей следует запись «Сия гистория севской духовной канцелярии копеиста Ивана Григорьева сына Макарьева, а писал я, Иван, своею рукою сего генваря . 1746 году»

6 «Записки о Малороссии, сочиненные действительным статским советником Афанасьем Шафонским, бывшим генеральским судьей в Чернигове 1804 года» (копия), начала XIX в., в лист, 158 лл., красивая скоропись, переплет картонный

¹ Об этом списке сочинений Ивана Вишенского см в кн Иван Вишенский Сочинения Подготовка текста, статья и комментарий И П Еремина Сер «Литературные памятники», Изд АН СССР, М—Л, 1955, стр 276

² Отдельные стихотворения сборника «Млеко» напечатаны С И Масловым в книге А И Белецкого «Хрестоматия давньої української літератури» (2-е изд., Київ, 1952, стр 212—216)

7. Отрывки шуточных стихотворений и песен на русском, украинском и польском языках, начала XIX в., в 8-ку, 2 л., скоропись.

8. Сборник украинских шуточных рождественских стихов (без начала), 40-х годов XIX в., в 8-ку, 2 л., скоропись.

9. Сборник украинских стихотворений, начала XIX в., небольшая тетрадка в 8-ку, 10 л., без переплета. Содержание: ода Петра Данилевского «Малороссийского простолюдина по случаю военных действий при нашествии французов в пределах российской империи в 1812 году»; «До Пархома» Гулака-Артемовского; «Обид у ведмедя»; снизу стихотворения подпись: «Н. Петров».

10. Сборник разных апокрифических и иных произведений, 1820—1830 гг., в 8-ку, 46 л., скоропись, переплет — картонная папка, имеются правки позднейших времен. Содержание: Сказание о 12 пятницах; Сон богородицы; Иерусалимский свиток; Поучение о матерной брани; «О плясовице, влекомой дьяволом в ад»; выписки из журнала «Телескоп»; Слово о Максиме Греке; духовное завещание митрополита Платона от 1813 г. и другие статьи.

11. Сборник, конца XVIII в., в лист, 46 л., скоропись разных почерков и на разной бумаге, переплет картонный. Содержание: Челобитная на праотца Адама, Стихотворение (шуточное) о солдатах; ода на войну России с Османской портой и разные копии с указов, реляций, писем, донесений, главным образом относящихся к войне России с Турцией в 1787—1788 гг.

12. Сборник, конца XVIII в., в лист, 345 л., переплет картонный, с холстиной. Дата: «14 января 1777 г.». Содержание: «Журнал разным письменным делам» с датой: «1744 года генваря 14 числа»; «Собственное значение мужеских имен»; «Значение женских имен»; «Календарь греко-русский по стилю юлианскому», на 1730 г. (посвящен Гетману Данилу Апостолу); письмо архимандрита Сампсона, от 23 VII 1776, из Воронежа Лаврентию Кордету; счета на выплату разных товаров Л. Кордету (всего 11 счетов); проповеди, говоренные на разные темы; «Реестр собственным книгам Харьковского коллегиума архимандрита и ректора Лаврентия»; «Описание собственных келейных вещей курского Богородницкого знаменного монастыря архимандрита Лаврентия, 1776 года августа»; «Реестр» собственным вещам архимандрита и ректора Лаврентия Кордета; «Известие» о барометре и другие статьи.

13. «Апофегматы» (копия с петербургского издания 1723 г.), середины XVIII в., в 4-ку, 135 л., скоропись, в кожаном переплете. Записи: на л. 1 — «Сия книга артиллерии подпорутчика Дмитриева Герасимова сына Измайлова, надписана своею рукою 1765 года, июля 21 дня. Се ея першим...»; на л. 125 — «1793 года, апреля 14 числа, воронежского наместничества, Нифенчаевицкой округи помещика лейб-гвардии Преображенского полку фурьера 17 гранодерской роты Петр Дмитриев, сын Измаилов сие подписал собственной своей рукою, в четвертом шествии в недели великого поста; в сей [день] четвертый была погода: пржестокый ветер, а вода уже слила и снегу ничево нет на земли, листья уже начят развертываться»; на л. 135 — «Сия книга... у Петра Измайлова».

14. Сборник, конца XVIII—начала XIX вв., в лист, 394 л. (29 чистых), переплет картонный, первого корешка нет. Содержит 160 различных копий указов, писем, документов, относящихся к событиям на Украине в конце XVIII в.

15. Сборная рукопись, начала и середины XVIII в., в 4-ку, 203 л., украинская скоропись, переплет кожаный, сохранились металлические застежки. Содержание: «Руно Орошенное» Лазаря Барановича, копия с пе-

чатного издания 1683 г.; Сказание Иеронима о Ироде (без конца); «Боги поганские» Иоанникия Галятовского, копия с печатного издания 1686 г., и другие статьи. На л. 203 об. запись: «29 ноября 1786 г.».

16. Сборник, XVIII в., в 4-ку, 306 лл. (10 чистых), украинская скоропись, переплет картонный, позднего времени. Содержание: Апофегмата в украинском переводе (без начала и конца); отдельные рассказы из «Огородка» Антония Радивиловского, «Римских деяний» и «Великого зерцала»; «Приповести дворские к речи, якої в мове прикладат неможное дело»; поговорки и пословицы; загадки и мудреные вопросы; О семи планетах небесных, и др.

17. Сборник русско-польских печатных календарей с конца XVIII в. до середины XIX в., в 4-ку, в одном переплете, с современными и позднейшими записями на некоторых из них. Всего 27 календарей.

18. Письмо к «Кременецкому проконсультарию», 1781 г., в 4-ку, 1 л., скоропись, на польском языке.

19. «Ордер» из духовного правления воронежскому священнику Матвеевскому о представлении им какой-то расписки в наследственности Якова и Андрея Кулиш, 1792 г. 2 октября, 2 лл., скоропись, листы повреждены.

20. «Проповеди, сказанные в селе Голубе, Береговского комитету, на Закарпатской Украине» (без конца), в лист, 129 лл., скоропись конца XVIII в., без переплета. Записи: на л. 36 — «Року 1801 декабря с велика повень Тисово была, тогды ся малолетнего Гриця на конце потопыла и мост на Нодяту урвала»; на л. 40 — «Георгий Вивсяник, парох делецкий октября 4 року 1805».

21. Сборник, конца XVIII в. (без начала и конца), в 4-ку, 107 лл., переплет картонный, рукопись попорчена. Содержание: семнадцать церковных проповедей и слов, переписанных одной рукой; «Оды, выбранной из Иова», М. В. Ломоносова; различные стихотворения духовного содержания; речь, сказанная при открытии Острожской семинарии в 1796 году; приветственные речи и стихотворения на русском, латинском и польском языках, посвященные сановным лицам, и другие статьи.

22. Сборник проповедей, слов и поучений, XVII в., в 4-ку, 399 лл., полуустав различных почерков, начальные буквы написаны киноварью. На л. 64 об. запись: «Сия книга... 1766 год».

23. Анонимное письмо читателя к какому-то «господину автору», в котором дается уничтожающая характеристика сочинений последнего, 1791 г., скоропись, 2 лл. Ранее принадлежала библиотеке Харьковского университета.

24. «Увеселения премудрости о любви супружеской» Эммануила Сведенборга. Перевод с амстердамского издания 1768 г., сделанный в 1805 г., рукопись XIX в., написанная красивым и разборчивым почерком, в лист, 326 лл., в кожаном переплете, с бронзовым тиснением на корешках. Имеется штамп: «Библиотека Павла Петровича Джунковского». Это же сочинение представлено также в рукописи середины XIX в., из библиотеки того же П. П. Джунковского.

25. «Аргенида» Иоанна Баркляя (перевод Тредьяковского), 1757 г., в лист, 97 лл., скоропись, в картонном переплете. Переписана коллежским секретарем Иваном Макарьевым.

А. З. ЖАВОРОНКОВ

Рукописные и старопечатные книги Новгородского областного краеведческого музея

Главным хранителем древнерусских рукописей и старопечатных книг в Новгородской области является Новгородский краеведческий музей, возникший в 1863 году и окончательно определившийся в 1893 году.

Музейный фонд древних рукописей образовался преимущественно из поступлений библиотеки Новгородского Софийского собора, в котором рукописные материалы стали накапливаться почти с момента его построения, т. е. с XI века. С XVI века Софийская библиотека наряду с рукописными книгами пополнялась и печатными книгами. В 1785 году Софийский собор принял множество рукописей из Кирилло-Белозерского монастыря.

В 1858 году из Софийской библиотеки большая часть ее рукописного собрания была передана в Санкт-Петербургскую духовную академию. Еще до этого, а особенно в связи с передачей книг в Духовную академию, огромное количество рукописей из Новгородского собора разошлось по различным учреждениям и частным лицам.

«Новгородские рукописи вывозились отсюда целыми обозами и барками в течение прошлого и нынешнего века. Куда они девались — про то, кажется, одному богу известно: их везде много, по всем казенным и частным библиотекам, исключая только Новгорода», — сообщал в 1862 г. автор книги «Прогулка по Новгороду и его окрестностям», скрывшийся под инициалами И. К. (стр. 38 сл.).

До самой Великой Октябрьской революции и даже в первые послереволюционные годы Новгородский музей вынужден был передавать свои наиболее ценные рукописи в центральные библиотеки. Правда, пополнение музея новыми рукописями продолжалось: оно шло за счет местных церквей и монастырей, учреждений и частных лиц. При всем этом наличный фонд старинных рукописей в музее в 1941 году далеко уступал новгородскому собранию, нашедшему отражение в «Каталоге», изданном П. Н. Тихановым.¹

Во время Великой Отечественной войны часть библиотеки Новгородского музея была вывезена в Кировскую область, в г. Советск, а часть не удалось эвакуировать. Оставшиеся в Новгороде рукописи были переправлены фашистскими захватчиками в Ригу, откуда только после войны были возвращены в музей, да и то далеко не все. Что удалось спасти из письменных древностей после войны, сказать трудно, так как довоенных ин-

¹ Каталог российских рукописных книг, находящихся в библиотеке Новгородского Софийского собора. СПб., 1881.

вентарных описей в музее не сохранилось. Давно работающие в музее сотрудницы Ольга Ивановна Покровская и Анастасия Ивановна Иванова уверяют, что до войны музей располагал значительно бóльшим количеством рукописей. Это подтверждает и описание части собрания, сделанное М. Н. Тихомировым в 1939 году.¹ Однако значительная часть архива библиотеки все же благодаря усилиям сотрудников музея была спасена от гибели.

В настоящее время из некогда многочисленного музейного собрания осталось всего около 860 рукописей. Половину их составляет актовъ и документальный материал: грамоты, указы, челобитные, отписки, писцовые и переписные документы и т. п. Большое место занимает богословская и церковно-служебная литература. Рукописей литературного и исторического содержания сохранилось немного.

По времени написания старшие рукописи музея относятся к XII веку. Есть рукописи XIII—XVII веков, показывающие высокое мастерство древнерусских переписчиков, иллюстраторов и переплетчиков. В Грановитой палате Новгородского кремля хранятся широко известные жалованные грамоты XII в. князя Мстислава и Варлаама Хутынского.

Для настоящего обзора мы отобрали лишь те рукописи и старопечатные книги, которые имеют какое-то отношение к древнерусской литературе. Опущены материалы экономического и правового характера, нотнокрюковые рукописи XVI—XVIII веков, документы и деловые бумаги XII—XVIII веков. Среди последних, кроме отмеченных двух грамот XII века, хранится грамота царя Ивана Васильевича воеводе Григорию Овцыну и другие ценные материалы.

В последние годы археологами в Новгороде найдено много рукописей, написанных на бересте. К сожалению, ни одной такой рукописи не поступило в Новгородский музей.

Кроме Новгородского музея, более сотни рукописей XVII—XVIII веков хранит Областной архив. Это монастырские приходо-расходные книги, царские грамоты и указы (в подлинниках и в копиях), начиная с царя Михаила Федоровича, и т. п.

По словам старой сотрудницы архива Галины Николаевны Слезкинской, до войны в нем находилось немало ценнейших рукописей, в том числе великолепная старинная копия с Остромирова Евангелия. За время войны этот фонд значительно сократился. Только часть ценных материалов в начале войны удалось эвакуировать в Акмолинск; большая же часть осталась на месте и была варварски разграблена и уничтожена фашистскими захватчиками. После войны не все материалы были возвращены из Акмолинска в Новгород.

В настоящее время среди литературных рукописей архива можно отметить лишь Житие Михаила Клопского (XVIII в.) и Сказание о Варлаамо-Хутынском монастыре (XIX в.).

Наряду с древнерусскими рукописями в Новгородском музее и Областном архиве имеются материалы историко-литературного содержания, относящиеся к позднейшим временам. Так, в музее хранятся списки «Полтавы», «Цыган», «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина, а также списки с других его произведений, список повести Н. М. Карамзина «Марфа посадница». Имеются рукописные списки с произведений других русских писателей XIX века. Музей располагает интересными записями народных устнопоэтических произведений. В коллекции старопечатных

¹ М. Н. Тихомиров. Рукописи Новгородского музея. «Новгородский исторический сборник», вып. V, Новгород, 1939, стр. 18—32.

книг (более тридцати), начиная с XVI века, имеются Синописис (Киев, 1680) и «Последование молебного пения, певаемого во время брани» (издано при царе Федоре Алексеевиче). В Областном архиве есть документы о пребывании А. И. Герцена, Г. И. Успенского и других писателей в Новгороде и в Новгородской губернии.

Приводим краткое описание 29 рукописных книг музея, имеющих историко-культурный интерес. Цифры в скобках означают номер по инвентарной описи собрания.

1 (10960). Цепь золотая, с добавлением поучений Серапиона Владимирского и др., XV в., полуустав, в деревянном с тисненой кожей переплете.

2 (10968). Повесть о Варлааме и Иосафе, XV в., полуустав, начальных и последних страниц нет. Рукопись очень ветхая и разрушенная.

3 (10971). Стоглав, 1596 г., полный текст. Запись: «Книга, называемая Стоглавник Макарьевский игумена Герасима Гайдукова».

4 (10924). Патерик Киево-Печерский, конца XVI—начала XVII в., полуустав. Запись писца: «Се я, раб божий Михаил, поп служитель Pokрова святой церкви, многогрешный покусился списать сию книгу, нарицаемую Патерик Печерский». См. также № 10953, 1770 г.

5 (11193). Повесть об Александре царе Македонском, XVI—XVII вв., полуустав, в деревянном с ветхой кожей переплете.

6 (11194). Синописис, конца XVII в. Надпись: «Сию книгу читал и прочитал мещанин Петр Акимов Вольнов 2 марта 1812 года». См. также № 11196, XVIII в.

7 (11195). История о Казанском царстве, XVII в. Последние страницы рукописи утеряны.

8 (10989). Уложение царя Алексея Михайловича, XVII в. Надпись: «Сие писал ис печатной книге диакон Илья Григорьев».

9 (11213). История Скифии Андрея Лызлова, 1692 г.

10 (10937). Сборник, XVII в. Содержание: Повесть о князе Дмитрие Римском; Повесть о Борисоглебском монастыре; Житие и подвиги Ильи Борисоглебского; Сказание Авраамия Палицына, и другие статьи.

11 (10994). Летописец келейный Дмитрия Ростовского, конца XVII в., в деревянном с тисненой кожей переплете. См. также № 11009.

12 (10920). Сборник, XVII в. Содержание: Повесть об осаде Константинополя скифами в царствование Ираклия греческого царя; Житие Василия Нового; Сказание об убиении князей Бориса и Глеба; Житие царя Константина; Слово об избавлении Москвы от царя Ахмата Ордынского и другие статьи.

13 (10934). Сборник, конца XVII в., в ветхом кожаном переплете. Содержание: Сказания о крестном, Троицком и Каменном монастырях; Послание патриарха Иоакима; Virши на смерть царя Алексея Михайловича.

14 (10926). Житие Нила Сорского и его послания, XVII в. В ветхом кожаном переплете. См. также №№ 10931, 10958, XVII в.

15 (11253). Повесть о Калеандре и Неонильде, начала XVIII в., первых страниц нет.

16 (10957). Диалог любителя с любовью, сочинение Варлаама Голениковского, XVIII в. Посвящено Иоасафу архиепископу «Литовскому, Галицкому и всея Малыя России».

17 (11207). Жития Петра Первого, XVIII в. См. также №№ 11206, 11208, 11209.

18 (11250). Из истории начала Великого Новгорода, XVIII в. (выписки из новгородских летописей).

19 (11252). Лечебник, XVIII в. Записи: «Принадлежит послушнику Тимофею Григорьеву. Его собственная 1840 г.»; «Сия книга принадлежит

звонцу Знаменского собора...» (далее неразборчиво); «Кто возьмет эту книгу руками, тот будет бит кулаками».

20 (11180). «Врачевание, противопологаемое ядовитым угрызениям змиевым» Иоанникия и Софрония Лихудов, XVIII в.

21 (11253). Лечебник, XVIII в.

22 (11231). Арифметика Леонтия Магницкого, список XVIII в.

23 (124). Торжественник, XVIII в. Содержание: слова Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского и других отцов и учителей церкви, всего 24 слова. Надпись: «старообрядческий». Из Тихвинского старообрядческого кладбища. См. также № 10942, XIV—XV вв.

24 (11257). Сочинение по логике, XVIII в.

25 (11163). Летописец библейский, 1768 г.

26 (11226). Известие о рождении и воспитании и житии патриарха Никона, конца XVII—начала XVIII в. Здесь же «Писание святейшего Никона к благочестивейшему царю Алексею Михайловичу». Надпись: «Сия книга Белозерского купца Кирилы Василява Иконикова». См. также № 11225, XVIII в.

27 (488). Повесть о построении в Новгороде Дмитрием Донским в память Куликовской битвы церкви Дмитрия Солунского, XVII в.

28 (10844). История о взятии Соловецкого монастыря Семена Денисова, XVIII в.

29 (1543). Духовная грамота Варлаама Хутынского, XIX в.

Большое место в музейном собрании занимает русская церковно-историческая литература. Это различные жития, сказания о местночтимых иконах, о построении монастырей и отдельных церквей, службы святым, поучения местных владык, духовных писателей XV—XVIII веков и т. п. В этом разделе имеются жития почти всех новгородских святых, начиная с самых древних и кончая последними канонизованными. Отдельные списки восходят к XV веку, есть списки XVI века, но большинство списков относится к XVII и XVIII векам. Жития и сказания встречаются как в сборниках, так и отдельно, некоторые украшены миниатюрами и заставками высокохудожественной работы. Много списков житий святых севернорусских, так или иначе связанных с Новгородом. Они также иногда восходят к XVI веку. Перечисление всех списков церковно-исторической литературы заняло бы слишком много места в небольшой информационной заметке.

Следует отметить также группу синодиков некоторых новгородских монастырей и церквей. Их немного, но они заслуживают внимания своими интересными сведениями по новгородской истории. Отдельные из них поступили в музей перед самой войной и еще не были как следует обследованы учеными. Всех синодиков в музее насчитывается несколько десятков (см. №№ 11014—11050). Есть среди них относящиеся к XV—XVI векам.

В Новгородском музее имеется большое количество евангелий, миней, прологов, нотно-крюковых рукописей XVI—XVIII веков, имеющих даты написания и записи писцов. Несомненно эти рукописи могут представить интерес для палеографа; см., например, №№ 10790 (1608 г.), 10791 (1555 г.), 12105 (1600 г.), 10787 (1572 г.), 11029 (1728 г.) и мн. др.

В заключение хочу повторить, что цель настоящей заметки — дать лишь самое общее представление о собрании Новгородского музея, которое несравненно богаче и заслуживает более детального описания.

В. В. ЛУКЬЯНОВ

Краткие сведения о рукописных собраниях городов Ростова, Щербакова и Тутаева Ярославской области

В 1955 году по заданию Сектора древнерусской литературы мною были обследованы рукописные собрания Ростова, Щербакова и Тутаева. Во всех этих городах оказались материалы, представляющие несомненный интерес для историка и литературоведа. Сектором было поручено мне осмотреть также частные собрания, если таковые окажутся в упомянутых городах, но собирателей рукописей я здесь не обнаружил.

Должен заметить, что хранение рукописного материала во всех осмотренных мною собраниях поставлено недостаточно хорошо. Отсутствуют четкие описи, рукописные книги не выделены в самостоятельные фонды и сохраняются вместе с другими материалами учреждений. Местными научными силами рукописные книги не используются.

Ниже следуют краткие сведения о рукописных собраниях Ростова, Щербакова и Тутаева. Описание дается по городам.

Ростов

В Ростовском районном краеведческом музее имеется значительное собрание рукописных книг. Его библиотека — одна из старейших в Ярославской области; она основана в 1883 году. Рукописное собрание библиотеки еще до 1917 года состояло из 477 единиц; после Великой Октябрьской революции оно достигло 3442 единиц за счет больших поступлений рукописей из местных монастырей, церквей и частных собраний, в том числе из собрания Мордвиновых и собрания известного ростовского краеведа А. А. Титова. Большинство рукописей в свое время было записано в инвентарную книгу, но недостаточно точно: значительное число рукописей не имеет даже приблизительной датировки. На первые 774 номера имеется печатное описание.¹

За последние годы из Ростовского музея были переданы в Государственную Публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина рукописи собрания Титова² и большое число рукописей — в Государственный Литературный музей и в Академию наук УССР. Теперь в собрании Ростовского музея числится в наличии 881 рукопись, из числа занесенных

¹ А. А. Титов. Описание рукописей Ростовского музея церковных древностей. вып. I и II. Ярославль, 1886—1889 (описаны рукописи под №№ 1—174); на рукописи №№ 175—595 имеется только очень краткая рукописная опись, хранящаяся в музее.

² Краткие отчеты о новых поставлениях 1950—1951 гг. Л., 1953, стр. 10—54; Труды отдела рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сборник 3-й, Л., 1955, стр. 171—186.

в инвентарную книгу. Кроме того, есть незаинвентаризованных около 200 рукописей, главным образом приходо-расходных книг XVIII—XIX веков, поступивших из ростовского Спасо-Яковлевского монастыря.

Характеризуя рукописи по содержанию, следует сказать, что довольно обширный раздел в собрании Ростовского музея составляют рукописи, касающиеся истории г. Ростова и Ярославского края. Из них отметим сочинения местных краеведов XIX в. — крестьянина села Угодич А. Я. Артынова, а также А. А. Титова и С. Серебренникова (№№ 234—241, 294—300, 3309, 3327, 3434 и др.);¹ записки ростовского купца Кекина, 1830-е годы (№ 3328); дневник А. Тихвинского за 1820—1858 гг. (№ 349); письма Н. Т. Пегасовского 1823—1854 гг. (№ 546); письма Кайдаловых 1769—1839 гг. (№ 544). Ценные сведения по истории Ярославского края содержатся в многочисленных синодиках XVII—XIX вв. (№№ 9, 10, 132, 171, 217, 221—226, 448 и др.);² некоторые синодики имеют цветные миниатюры и гравюры (№№ 10, 132, 217, 225). Сохранилось несколько описей XVIII—XIX вв. монастырей, церквей, пустыней и усадеб (№№ 257, 358, 524, 528, 539). Отметим также Угличский летописец, 1792 г. (№ 1641); дело о лепной и скульптурной работе по церкви Дмитрия, 1799 г.; Сказание о явлении креста в с. Никольском, 1852 г.; Сказание о богородичной иконе Ватопедской в ростовском Спасо-Яковлевском монастыре, 1850-е годы и Историческое описание Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря, XVIII—XIX вв. (последние четыре без номеров).

Из рукописей общен исторического и литературного содержания заслуживают внимания следующие: Хронограф, XVIII в. (№ 73); «Известие о начале, учреждении и состоянии регулярного войска в России», XVIII в. (№ 924), «О освящении церкви Воскресения Христова Нового Иерусалима и описание ее» и «Летопись о построении града Суждаля», XVIII в. (№ 3323); журналы путешествий капитана Мордвинова, XVIII в. (№ 523); Хождение диакона Зосимы в Царьград и Иерусалим, Повесть о Петре и Февронии, XVII в. (№ 1304); «Течение жизни господина Жебукура» и «История, представленная Англинскому милорду Герену, от гишпанского оберкамергера Фердинанда, о италианских трех госпожах: Гевии, Маремисе и Филии», 1758 г. (№ 470); «История о животных Волеганга Франзия», XVIII в. (№ 3439).

Имеется также довольно значительное количество сборников песен, стихотворений и поэм, в том числе А. С. Пушкина — «Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Полтава», «Домик в Коломне», «Руслан и Людмила» и др. в списках 1830—1940-х годов (№ 3338); М. Ю. Лермонтова — «Демон», в списке 2-й четверти XIX в. (№ 3369); поэмы Державина, Рылеева и др.

Сохранились театральные пьесы XVIII века, среди которых отметим произведение Дмитрия Ростовского «Комедия на день Рождества Христова, изображенная в Ростове в 1702 году», в списке 1764 г. (№ 68).

Церковно-служебные книги и жития святых представлены многочисленными списками XV—XIX веков, многие из них украшены цветными заставками и некоторые — миниатюрами, как, например, Житие Евстафия Плакиды, XVIII в., имеющее 134 цветных миниатюры (№ 28).

В музее имеется значительное количество сборников XVII—XIX веков, многие старообрядческого происхождения, но содержание их не рас-

¹ Номера даются по инвентарной книге собрания рукописей Ростовского музея.

² А. А. Титов. Синодики XVII—XVIII веков Ростовского Успенского собора. Ростов, 1903 (здесь описаны рукописи, хранящиеся под №№ 224—226).

крыто. Автор этих строк не имел возможности познакомиться с ними из-за недостатка времени, но считает долгом обратить на них внимание исследователей, так как многие из этих сборников разнообразны по своему составу и представляют научную ценность.

Кроме рукописей, в библиотеке музея имеется около 300 старопечатных книг XVI—XVIII веков. Описи на них нет. Среди книг находятся издания печати Ивана Федорова, Уложение царя Алексея Михайловича, «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» и многие другие редкие и ценные книги.

В других архивохранилищах Ростова (городская библиотека, архив) рукописных и старопечатных книг не обнаружено.

Щербаков

В Щербакове рукописи имеются в местном музее и архиве. В музее хранятся 10 рукописей XVIII—XX веков. Из них интересны: Сборник лицевой, в лист, XIX—XX вв., содержащий Сказание о разорении Рязани Батыем, Повесть об азовском сидении и Казанскую историю (№ 1006). Отметим также Повесть о Варлааме и Иоасафе, в списке 2-й четверти XVIII в. (№ 1009), Руководство к юриспруденции, 1754 г. (№ 958) и описание Югской Дорофеевой общежительной пустыни, 1850-х годов (№ 935). В экспозиции музея находится гимназическая тетрадь известного русского физиолога А. А. Ухтомского. В фондах музея есть несколько десятков печатных книг и брошюр из личной библиотеки ученого.

В архиве обнаружено 4 рукописных книги XVII—XVIII веков. Наибольший интерес представляет оригинальное сочинение Василия Добрынина Крашенинникова «Описание земноводного круга» — рукопись середины XVIII в., в лист, 700 лл. Интересно предисловие ее. Автор указывает, что при составлении книги он пользовался не только печатными книгами Иоганна Гюбнера, Варениуса, Пуффендорфа, Кантемира и др., но также и рукописными, в том числе «большим рукописным Гранографом Спасова Ярославского монастыря» и «Гранографом полудестевым рукописным древним Толгского монастыря». Оба Хронографа не сохранились. В «Описании земноводного круга» около 300 лл. занимает раздел, озаглавленный «Российская земля» (гл. 13). В нем приводятся сведения по географии, экономике и истории России с древнейших времен до царствования Елизаветы Петровны. Особенно подробно автор останавливается на описаниях Ярославля и других городов Ярославской провинции.

В архиве интересен также Синодик церкви Богоявления упраздненного Островского монастыря Ярославской губернии. Книга относится к 1-й четверти XVIII века. Она имеет 59 цветных миниатюр в лист и около 250 лл. текста, с записями родов князей, бояр, купцов, посадских и крестьян Ярославского края. Среди упомянутых лиц есть род князя Петра Тутаева (не известен по другим источникам), род иконописца Гавриила Ржевитина, «род казаков, побитых под Азовом», и др.¹

Кроме этих книг, в архиве имеются интересные материалы в фондах частных лиц. Здесь прежде всего следует отметить архив помещиков Тишининых (ф. 266), в составе которого находится уже привлекавшая внимание ученых переписка Н. И. Тишинина с гравером М. И. Махаевым (1760—1770-е годы).² Интересны также личные архивы помещиков Михал-

¹ В настоящее время обе рукописи передаются в Ярославский областной архив.

² М. Ильин. Письма гравера М. И. Махаева. «Литературное наследство» № 9—10, М., 1933, стр. 471—498.

ковых (ф. 98). Затем выделим архивы Кожиных (ф. 97) и крестьянина краеведа А. Р. Чекмарева (ф. 236). В последнем есть интересный дневник неизвестной особы на французском языке за 1855—1858 годы.

Тутаев

В Тутаевском районном музее мы обнаружили всего 9 рукописей.¹ В других учреждениях Тутаева рукописных книг нет. Из музейных рукописей заслуживают внимания следующие: сборная рукопись XVIII и XIX вв., содержащая Житие Феодора, Давида и Константина Ярославских и другие статьи; «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, 8 глав, 1832 г.; «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина, первой половины XIX в. (список со 2-го печатного издания, СПб., 1828); сборник медицинских рецептов (записная книжка врача), 1840-х годов.

¹ В настоящее время эти рукописи передаются в Ярославский областной музей.

И. Ф. ГОЛУБЕВ

Рукописные книги бывш. Тверской ученой архивной комиссии

В Калининском областном архиве хранится фонд документальных материалов бывш. Тверской ученой архивной комиссии. В этом фонде сосредоточены переписка, протоколы, отчеты и другие документы о деятельности комиссии. Среди них немалый научный интерес представляет небольшая группа рукописных книг, не попавших в общее собрание рукописей и старопечатных книг Тверской ученой архивной комиссии, находящаяся в этом же архиве.¹

Тверская ученая архивная комиссия была открыта в 1884 году. Рукописный архив ее начал функционировать с 1885 года. С этого времени начали интенсивно поступать в комиссию различные рукописные материалы. В ведение архивной комиссии был передан местный Историко-археологический музей со всеми рукописными богатствами.

Предлагаемые вниманию рукописные книги, как и ранее описанные, были собраны в большинстве своем членами комиссии на территории бывш. Тверской губернии. Только незначительная часть их, повидимому, поступила из других мест страны. По содержанию почти все эти рукописи относятся к историческим и литературным произведениям, что увеличивает их ценность для нас. По времени написания они не старше XVII века.

В настоящее время в фонде Ученой архивной комиссии хранятся списки Тверской писцовой книги, 1681 г. (№ 1725),² переписных книг г. Зубцова с уездом, 1646 г. (№ 1717), г. Ржева с уездом, 1646 г. (№ 1719), г. Старицы с уездом, 1678 г. (№ 1720), г. Кашина с уездом, 1677 г. (№ 1748). Есть топографическое и историческое описание г. Твери и камеральное описание уездов Тверской губернии, 1825—1828 гг. (№ 1732).

Наиболее ранними документами являются следующие: 1) отрывок жалованной грамоты Василия III на город Мишутин и др. «в кормление с правдою под Ахматом Сеченым» (№ 1928); 2) жалованная грамота Ивана IV казанскому стрелецкому голове Д. П. Хохлову на судебные льготы по поместью в Гороховецком уезде, от 1551 г. (№ 1930); 3) жалованная грамота того же царя Ф. Д. Хохлову на город Орлов на Вятке «в кормление», от 1582 г. (№ 1932).

Среди рукописных книг отметим следующие.

1. Азбуковник (отрывок), конца XVII в., 4 лл. (№ 2205).

¹ См об этой коллекции нашу статью «Собрания рукописных книг г. Калинина» (Труды ОДРЛ, XI, стр. 440—463).

² Здесь и далее в скобках указывается номер рукописи по описи Областного исторического архива.

2. Азбука учебная скорописная 1728 г., столбец, 14 сставов (№ 2218). Такая же азбука 1798 г., 2 лл. (№ 2224).

3. Сборник (без начала и конца), XVIII в., 5 лл. Содержание: стих «О царе Волоте Волотовиче и Давиде», Повесть о Вавилонском царстве, Повесть о лисице и курице (№ 2156).

4. Повесть о Петре-Златые Ключи (отрывок), XVIII в., 15 лл. (№ 2208).

5. Повесть о Жизите и Титусе (отрывок), XVIII в., 10 лл. (№ 2209).

6. Сборник, конца XVIII в. Содержание: Повесть об Александре, Лодвике и Сидоне, выписи из Зерцала Великого, Повесть о крестном сыне (№ 2216).¹

7. Трагедия «Юдифь», XVIII в., в 4-ку, 35 лл., вирши (№ 2155).

8. «Жалоба от тверской стрекулии на губернатора Борисова», XIX в., 4 лл., сатирическое стихотворение неизвестного автора (№ 2200).²

9. «Инструкция жене моей, тверской вице-губернаторше», 1827 г., 2 лл., сатирическое стихотворение неизвестного автора (№ 2279).

10. «Послание к [господам] трусам», 1787 г., 2 лл., сатира на лиц, уклонявшихся от военной службы во время войны с Турцией (№ 2154).

11. «Рассуждение, полезно ли иметь крестьянину движимое и недвижимое имение», 1768 г., 1 л. (№ 2221).

12. Вольтер. Письмо к учителям церкви или богословам (отрывок), 1781 г., 6 лл. (№ 2223).

13. Сборник, XVIII в., в лист, 20 лл. Содержит дело о царевиче Алексее Петровиче, переписку Петра I с царевичем Алексеем, манифест о лишении царевича Алексея права наследования и допрос царевича, конец отсутствует (№ 2225).

14. Сказание о Введенском Бежецком монастыре, XVIII в., 14 лл. (№ 2162).

15. Сборник апокрифов: Сон богородицы, Сказание о 12 пятницах (три сборника, все начала XIX в.: №№ 2167, 2266, 2267). Из собрания бывш. Тверского музея.

16. Дневник неизвестного лица из Киевского магистрата (записи 1762—1801 гг.), в 8-ку, 15 лл. Содержит сведения о присяге Петру III, о его смерти, о вступлении на престол Екатерины II, о пожаре, семейные записи и др. Писан южнорусской скорописью (№ 2151).

17. Диомид Карманов. Исторические известия Тверского княжества, список XIX в., 90 лл. (№ 2286).

18. Народные песни, записанные во Владимирской губернии, XIX в., 22 лл. (№ 2292).

19. Сборник, XIX в., 20 лл. Содержит записи пословиц и народных выражений (№ 2293, также № 2212).

20. Сборник стихов и псалм, на нотах, конца XVII—начала XVIII в., 13 лл. (№ 2198).

21. Лечебник (часть), XVIII в., 6 лл. (№ 2211).

22. Землемерие, 1744 г., 12 лл. (№ 2219).

Кроме того, в фонде Тверской ученой архивной комиссии имеется большое количество сборников XVIII—XIX веков, содержащих стихотворения русских поэтов того времени. Это, например, следующие номера: 2169, 2174, 2184, 2185, 2187, 2226, 2263, 2269, 2270, 2272, 2283, 2284 и др. Хранится значительное число списков драматических произведений рус-

¹ См: М. Н. Сперанский. Описание рукописей Тверского музея, вып. 1. М., 1891, стр. 177—178, № 3216/136.

² Борисов Василий Андреевич, в 1826—1830 гг. — тверской губернатор

ских авторов XVIII—XIX веков. Среди них: «Король Лир» Шекспира, перевод Каратыгина (№ 2201); «Последнее прости», трагедия Тика (№ 2202); «Ликвидация», комедия Н. Я. Соловьева (№ 2178); «Год под спудом, или новоселье в книжной лавке», шутка-водевиль, 1838 г. (№ 2203) и др.

Следует также указать пять печатных лубков XVII—XVIII веков: Повесть об Илье Муромце и Соловье разбойнике, XVIII в., 2 лл. (отрывок, № 2166); Космография, XVIII в., 1 л. (№ 2262); «Сравнение четырех миров по разделению древних людей», XVIII в., 1 л. (№ 2257); Месяцеслов, XVIII в., 12 лл. (№ 2258); Апокалипсис, XVII в., 12 лл. (№ 2256).

Интересными в собрании представляются три дневника XVIII—XIX веков. В них содержатся ценные сведения по истории местного края. Первый дневник принадлежит новоторжскому бургомистру Морозову и охватывает время с 1753 по 1776 год (№ 2418). Другие два дневника (новоторжского купца Масленникова и осташковского приказчика Нечкина) описывают события первой половины XIX века (№№ 2421 и 2428).

В заключение хочу обратить внимание исследователей на одну чрезвычайно интересную рукопись архивного фонда, новейшего письма. Рукопись называется «Тверской сборник Вахоновых». Она переписана в 1913 году с рукописного сборника XVII—XVIII веков, принадлежавшего начальнице Смоленского женского епархиального училища. Копия передает весь состав сборника, за исключением лишь двух статей. Сам оригинал имел 442 лл., был размером в 4-ку, рукопись имела дощатый переплет, обтянутый кожей, с медными застежками. Сборник состоял из нескольких тетрадей, написанных в разное время и разными почерками (полууставом и скорописью). На обороте верхней крышки переплета имелась неполная запись, следующего содержания: «1700 году, марта 20 дня сия книга твери...».

Настоящая копия имеет размер в полный лист, состоит из отдельных разрозненных тетрадей и написана современным скорописным почерком. Поскольку, как стало известно, сам оригинал рукописи не сохранился, эта копия приобретает особое значение.¹ В фонде Тверской ученой архивной комиссии копия сборника хранится под следующим шифром: фонд ТУАК, №№ 105 и 108.

Вот краткое содержание сборника Вахоновых:

- 1) Повесть о приходе поляков под Устюжну в 1609 г.;
- 2) Повесть о перенесении мощей царевича Дмитрия Ивановича из Углича в Москву;
- 3) Сказание о Григории Отрепьеве;²
- 4) Служба Касиану Римлянину;
- 5) Житие и подвиги Касиана Римлянина;
- 6) Житие Александра Свирского;
- 7) Житие Боголепа Черноярского;³
- 8) Житие мученицы Фомандры. Перед текстом запись: «Выписано из Минеи-Четвы выходу 1700 году, от Патерика Скитского»;
- 9) Сказание о кресте;
- 10) Поучение о почитании родителей;

¹ По сведениям, полученным из Смоленского областного архива, в книгохранилищах города сборник не обнаружен.

² Краткая редакция Сказания, близка к тексту в рукописи Q.XVII, № 114, XVII в., напечатанному в т. XIII «Русской исторической библиотеки» (СПб., 1909, стр. 714—754).

³ Этого Жития в копии сборника не оказалось.

- 11) Поучение отца к сыну;
- 12) Притчи евангельские и сказание о кадиле (из «Пчелы»);
- 13) Послание царя Ивана IV к королю Максимилиану;
- 14) «Летописец многим годам»;
- 15) Слово Мефодия Патарского о последних днях; в конце его вирши со следующим началом:

Вниде к нам, отче,
 Любовный творче,
 В хижу встати,
 Слово подати. . .;

пониже виршей запись: «Сия тетради тверитина посадского человека Дмитрия Иванова сына Вахонина, а писал тетради сия аз, Димитрий, своею рукою лета 7191 (1682)-го году месяца сентября в 1 день»;

16) Повесть о царице и львице; записи в конце повести: «Сия книга тверитина посадскаго человека Ивана Васильева сына Вахонина, а писал сын его Петр»; «Сия книга тверскаго купца Петра Иванова сына Вахонина»; «Тысяща семьсот двадцать первого году ноября в шестый день»;

17) Повесть о крестном сыне; в конце повести помещена загадка и «пописи»: «Стоит древо вельми велико и высоко, а на том древе сидит птица вельми велика. И пришед к тому древу некий человек. А взял тое птицу без рук и заклал без ножа и съел безо рта, сварил без огня. Зелен виноград, да не сладок, млад ум, да не крепок» и т. п.; здесь же поздняя запись: «Книгу сочинял неизвестный человек. Петр Васильевич Вишневецкий»;

18) Повесть о взятии Азова от турок в 1637 г.;¹

19) Выписки из летописи об угличских и ростовских князьях; последним указан угличский князь Дмитрий Иванович, умерший в 1521 году; тут же выписка о взятии Царьграда турками;

20) Выписки из летописи Московского Архангельского собора с перечислением гробниц царей, указанием расположения их, сообщением дат смерти царей (от Ивана Грозного до Федора Алексеевича); после выписок идет помета: «Рождение великого государя царя и великаго князя Петра Алексеевича мая 30 числа»;

21) Духовная Ивана IV;²

22) Повесть о двух купцах, Викентии и Амвросии;

23) Повесть об Аполлоне Тирском.³

¹ Текст тождествен опубликованному в книге «Воинские повести древней Руси», под ред. чл.-корр АН СССР В. П. Адриановой-Перетц (стр. «Литературные памятники», М.—Л., 1949, стр. 45—57).

² Текст тождествен списку духовной Ивана IV, опубликованному в книге «Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных», под ред. С. В. Бахрушина (М., 1909, стр. 44—64).

³ Этой повестью сборник заканчивался, но списка ее в копии рукописи нет.

Б. М. ЯКОВЦЕВСКИЙ

Рукописные книги Устюженского районного музея Вологодской области

Устюженский музей местного края основан в 1926 году. Собрание рукописных и старопечатных книг, хранящихся в фондах музея и частично экспонируемых в Отделе истории дореволюционного прошлого, поступило из церковных библиотек и от частных лиц. Всего в фондах музея хранится 41 рукописная книга и 616 старопечатных книг XVI—XIX веков. Среди рукописных книг к XVII веку относится 11, к XVIII веку — 21 и к XIX веку — 3. По содержанию рукописные книги представляют интерес для историков и литературоведов, содержат ценный исторический материал по местной истории, некоторые замечательны своим оформлением (заставки, переплет) и т. п.

Кроме того, в Устюженском музее хранится значительное количество актового материала XVII—XIX веков (грамоты, хозяйственные документы и т. д.) по истории местного края, рукописи местных краеведов, записи фольклора, планы и карты, изображающие Устюженскую провинцию в XVIII—XIX веках. Ценные материалы по истории г. Устюжны содержатся также в фондах купца Грибушина, Лазовской, М. С. Батюшковой и пианистки В. У. Лиlienфельд-Сипягиной. В последнем фонде имеются автографы многих русских писателей и общественных деятелей, в том числе Н. Добролюбова, А. Куприна, Я. Полонского, Вяч. Иванова, К. Случевского, И. Потапенко, Вл. Соловьева, Э. Гиппиус и многих других.

Среди старопечатных книг музея особо редких нет. Отметим: Кормчая, Москва, 1653 г.; Феатрон, Москва, 1680 г.

Ниже даются сведения о 13 наиболее интересных рукописных книгах Устюженского музея.

1. Сказание о приходе поляков на Устюжну в 1609 г., 1716 г., в 4-ку, 32 лл., в кожаном переплете с золотым тиснением. Записи: а) «Сопствено свои рукою писал купец Иван Андреев Шишкин. Родовая наша»; б) «Книга сия мною найдена в доме после умершей вдовы чиновника Александры Ивановны Бехтеревой (урожденной дочери протоиерея собора Димитревской) сего 1908 года мая 21 числа и настоящая книга мною жертвуется в Устюжнский Богородице-рождественский собор. Настоятель сего собора протоиерей Иоанн Казанский. 1908 г. 18 июня»; в) «Из книг Кедринского Александра Павловича поступила после умершей матери моей Натальи Павловны, урожденной Глазуновой, в 1944 году — Кедринской». Экземпляр приобретен в 1948 г. от А. П. Кедринского.¹

¹ Сказание, по другим спискам, опубликовано: РИБ, II; «Новгородские губернские ведомости», 1859, №№ 26—28; и др. Указание прежних публикаторов на текст Сказания, якобы находящийся на оборотной стороне Устюжнской иконы «Одигитрий», не верно.

2. Сказание о приходе поляков под Устюжну в 1609, XIX в. (бумага с водяными знаками 1835 г.), в 4-ку, 22 л., в простом переплете. Запись: «Милостивый государь Батюшков Иван». Экземпляр приобретен в 1947 г. от А. А. Поздеева.

3. Летописец Московского государства, с добавлением описания городов и рек, XVII в., в 4-ку, без переплета. Запись: «Из книг дьяка Стрехова». Летописное повествование заканчивается 1625 г.

4. Сборник, XVII—XVIII вв., в лист, в кожаном переплете. Содержит: 1) Уложение царя Алексея Михайловича, 2) Краткое изображение процессов или судебных тяжб, 3) Генеральный регламент, 4) Реестр генерального регламента, 5) Толкование иностранных речей регламента. Сборник получен от родственников устюженского купца Я. Д. Серебренникова, местного собирателя рукописей и актового материала XVII—XIX вв.

5. Сборник, XVIII в., в 4-ку, в кожаном переплете. Содержит: 1) Сказание о царе Аггее, 2) Краткий учебный катехизис. Запись: «Сия книга села Никифорова Андрея Иванова».

6. Житие Моисея архиепископа Новгородского, XVIII в., в 4-ку (бумага 1779 г.). Записи: а) «Сия книга города Устюженца Ивана Нефедова Мешкова»; б) «Сия ево Матвея купля в Москве граде, а цены не знаю».

7. Обет душевный, XVIII в., в 4-ку, 1204 стр., в кожаном переплете с золотым тиснением и двумя застежками. Запись: «Сия книга Обет душевный, трудов майора Василия Семеновича сына Линева, писана ево рукою 1773 году февраля. Сия книга зачата писать. Окончена 1774 году в декабре месяце. Майор Василий Линева». Переписчик — уроженец Устюженского края.

8. Записная тетрадь устюженского мещанина Василия Иконникова, 1809 г., 26 стр. текста. Василий Иконников — уроженец г. Устюжны Железопольской, солдат суворовской армии, участник боев под Кинбурном и др. Тетрадь содержит, кроме кратких повествований участника боев, несколько солдатских песен того времени.¹

9. Минеи (месячные), XVI в., 9 книг. Найдены были в 1853 г. при перестройке пола в кладовой, в земле, совместно с другими книгами, в нарочно вырытой яме, с надписью «неисправленные рукописные книги». Запись на одной из книг: «Списана бысть сия книга по велению Лукиана Кондратьевича».²

10. Летописец келейный Дмитрия Ростовского, XVIII в., в лист, переплет XVIII в.

11. Сборник, 1885 г. Содержит разные выписки из сочинений отцов и учителей церкви.

12. Книга домовая Шалоцко-Гурьевской пустыни, 1651 г. Содержит приходо-расходные и вкладные записи.

13. Синодик Моденского монастыря, начатый в XVII в. (перечисляет роды жителей Устюжны Железопольской XVIII—XIX вв.).

¹ Вместе с этой записной тетрадью музеем в 1952 году приобретено несколько книг, входивших в библиотечку Василия Иконникова, например «Дорожная география, содержащая описание о всех в свете государствах...» (М., 1765), «Месяцеслов исторической и географической на 1782 г.» (СПб., 1782) и др.

² См.: Токмаков. Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны. М., 1897, стр. 29.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. К. гудзий

О „Слове о погибели Руския земли“

1

«Слово о погибели Руския земли», как известно, с обстоятельными комментариями впервые было опубликовано по рукописи XV века псковского Печерского монастыря в 1892 году Х. М. Лопаревым.¹ В этой рукописи имеется двойное заглавие: рядом с приведенным стоит второе — «О смерти великого князя Ярослава», но в действительности о смерти Ярослава в рукописи ничего не говорится, а непосредственно вслед за текстом, к которому должна быть отнесена первая часть заглавия, читается дефектный текст жития Александра Невского. Публикация Лопарева была сделана по единственному известному тогда списку «Слова». Через 55 лет после этой публикации был опубликован вторично обнаруженный текст «Слова о погибели», заключающийся в рукописи середины XVI века Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге. В этой рукописи, как и в рукописи псковского Печерского монастыря, за этим текстом следует, сливаясь с ним, текст жития Александра Невского. Оба текста рижской рукописи, за исключением второстепенных орфографических разночтений, тождественны с текстами рукописи псковского Печерского монастыря, но в отличие от заглавия этой последней в рижской рукописи стоит заглавие «Житие блаженного великаго князя Александра Ярославичя всея Руси Невскаго», не содержащее в себе никакого упоминания ни о погибели Русской земли, ни о смерти Ярослава Всеволодовича.

По подлинной рижской рукописи содержащееся в ней житие Александра Невского, включающее не обозначенное в заглавии «Слово о погибели», опубликовано полностью в 1947 году В. И. Малышевым.² В том же году французским ученым М. Горлиным по представленным автору фотографическим снимкам опубликовано (не вполне точно) начало этого жития, заключающее в себе текст, соответствующий тексту рукописи псковского Печерского монастыря в той ее части, которой должно быть присвоено заглавие «Слово о погибели Руския земли».³

¹ «Слово о погибели Руския земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века. Сообщение Хрисанфа Лопарева, «Памятники древней письменности». XXXIV, 1892. Еще задолго до издания «Слова», в 1878 году, на него обращено было внимание хранителем рукописного собрания псковского Печерского монастыря, на крышке рукописи сделавшего пометку: «Замечательное слово» (там же, стр. 9).

² В. И. М а л ы ш е в. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге). Труды ОДРЛ, V, стр. 185—193.

³ См.: Michel Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslav. Revue des études slaves, XXI, 1947, стр. 5—33; указанный текст — на стр. 27—28.

Со времени первой публикации «Слова о погибели» о нем накопилась довольно значительная литература, которая, однако, не разрешила некоторых основных вопросов, связанных с самым существом памятника. Характерны прежде всего радикальные расхождения в оценке литературных его качеств. Если первый издатель «Слова», очень высоко его оценивая, видел в нем «начало великолепной поэмы XIII века, оплакивающей гибель Руси, с предварительным прославлением ее красоты и славы», то первые отзывы о нем ученых специалистов оказались достаточно суровыми. Так, И. Н. Жданов находил в «Слове о погибели» «бессвязность изложения, неожиданность перехода» и видел тут «работу неловкого компилятора».¹ М. С. Грушевский считал, что «с точки зрения художественной «Слово» не заслуживает большой похвалы». Это, по его мнению, «достаточно риторическое и холодное подражание „Слову о полку Игореве“, напоминающее больше „Задонщину“, чем художественный лаконизм „Слова о полку Игореве“».² П. В. Владимиров отозвался о «Слове о погибели» как об «отрывке, крайне неудачном в поэтическом отношении», вызывающем «сильное сомнение по несоответствию с духом древнерусских памятников», избобилующем набором слов, являющемся «пробой пера какого-нибудь книжника старого времени».³

М. Г. Халанский, сопоставляя «Слово о погибели» с опубликованным им «Плачем» великого князя Юрия Всеволодовича и считая, что этот «Плач» «может дать понятие как о первоначальных источниках, основах и мотивах, так и об общем содержании и характере (лирическом) этой предполагаемой поэмы», т. е. «Слова о погибели», находил, что «Слово» по сравнению с «Плачем» «кажется книжно-цветистым распространением заключающихся в этом последнем общих мыслей о славе и могуществе Руси», что «Плач» князя Юрия «представляет больше непосредственности чувства и больше красоты в стиле».⁴ Нет, однако, никаких оснований для того, чтобы, отдавая должное «Плачу» князя Юрия, преуменьшать художественную ценность «Слова о погибели» и находить в нем больше книжной цветистости и меньше непосредственности чувства, чем в «Плаче», как это казалось Халанскому.

Такая недооценка литературных достоинств «Слова о погибели», какую мы находим у Халанского и у других названных выше авторов, может быть объяснена или недостаточной чуткостью их к древнерусскому художественному слову, или, как у Грушевского, быть может, пристрастием националистического свойства.

Значительное большинство авторов общих курсов по истории древней русской литературы, а также исследователей, специально изучавших «Слово о погибели», признавая выдающееся значение этого памятника как историко-литературного произведения, не касаются вопроса о его художествен-

¹ Ив. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 96. Жданов, деля «Слово о погибели» на две части — вступление (описание изобилия Русской земли) и остальной его текст, который он считал отрывком из сказания о нашествии монголов, — полагает, что вступление первоначально не входило в состав «Слова о погибели» и присоединено было к нему позднее тем книжником, который переработал житие Александра Невского, дополнив его выдержками из сказания о нашествии монголов.

² М. Грушевский. Нововидані пам'ятки давнього письменства руського. Записки Наукового товариства ім Шевченка, V, кн 1, 1895, стр 4. Свой отрицательный отзыв о «Слове о погибели» Грушевский повторил в своей «Історії української літератури», III (Жив—Львів, 1923, стр. 207). Возможно, что такой отзыв о «Слове» связан у Грушевского с тем, что он противопоставляет его, как памятник северорусский, памятникам южнорусским, тенденциозно причисленным им сплошь к памятникам украинской литературы.

³ П. В. Владимиров. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков. Киев, 1900, стр. 361—368.

⁴ М. Г. Халанский. Материалы и заметки по истории древнерусского героического эпоса. Известия ОРЯС, т. VIII, кн. 2, 1903, стр. 174—175.

ной ценности. Впрочем, А. Н. Пыпин, давая общую характеристику «Слова о погибели», целиком приводит весьма положительный отзыв о нем Лопарева как о произведении большой художественной силы и приходит к заключению, что «Слово» свидетельствует о том, что «была связь между письменностью и народнопоэтическим творчеством, которое все-таки завоевало себе место в книге, несмотря на все осуждения аскетических предписаний».¹ Е. В. Петухов писал: «Но едва ли не самым замечательным поэтическим откликом на события татарского нашествия... является „Слово о погибели Руския земли“, к сожалению, дошедшее до нас лишь в незначительном отрывке. Этот отрывок имеет, однако же, такие литературные достоинства утраченного или вообще предполагаемого целого, которые заставляют, без всякой натяжки, сблизать этот памятник северо-восточной поэтической литературы XIII века со „Словом о полку Игореве“».² А. С. Орлов в своем общем курсе истории древней русской литературы не дает оценки «Слова о погибели» как художественного произведения, но в книге о героических темах древней русской литературы он так отзывается о нем: «„Слово о погибели“, даже при неполноте дошедшего текста, является одним из перлов старинной литературы. Широкий горизонт, картинность изображения и горячая любовь к родине, некогда счастливой, теперь страдающей, но всегда прекрасной, роднят это произведение со „Словом о полку Игореве“».³

Очень показательна исключительно высокая оценка литературного значения «Слова о погибели», которую мы находим в научных работах зарубежных специалистов. Так, немецкий ученый Вернер Филипп воспринимает «Слово» как «солнечный гимн», в котором автор воспекает красоты своего отечества, чтобы затем оплакать исчезнувшее могущество государства, и единственное в своем роде произведение европейской литературы, потому что объектом его вдохновения является не индивидуальный герой, а само государство.⁴ Французский исследователь М. Горлин считает, что «Слово о погибели» обнаруживает «подлинное поэтическое чувство».⁵ С особенным восторгом о нем пишет профессор Женевского университета А. В. Соловьев в специальной статье, ему посвященной.⁶ Оценивая очень высоко культуру и литературу Киевской Руси, которым нанесен был большой ущерб татарским игом, автор говорит о том, что в «Слове о погибели», к нашему несчастью, фрагментарном, мы имеем дело с произведением, однородным со «Словом о полку Игореве» по своему стилю и отличающему его вдохновению. Предложив французский перевод «Слова о погибели», А. В. Соловьев указывает на то, что этот «прекрасный фрагмент» замечателен по своему ярко выраженному патриотическому чувству, которое ошибочно усматривают лишь начиная со времени Великой французской революции и которое на самом деле обнаруживается уже в средние века, хотя часто в эту пору оно носит религиозную окраску, является уделом избранных умов, и к тому же в нем проявляется местный характер. Нужно, по мнению автора, дойти до Петрарки, чтобы найги в западноевропейской литературе гимны идеальному отечеству, которые по силе выразительности

¹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I. Изд. 1-е. СПб., 1898, стр. 219

² Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. Изд. 3-е, Пгр., 1916, стр. 92.

³ А. С. Орлов. Героические темы древней русской литературы, М.—Л., 1945, стр. 57.

⁴ Werner Philipp. Ansätze zum geschichtlichen und politischen Denken im Kiewer Russland. Breslau, 1940, стр. 77.

⁵ M. Gorlin, ук. соч., стр. 31.

⁶ Alexandre Soloviev. Le Dit de la ruine de la terre Russe. Byzantion, XXII (1952), Bruxelles, 1953, стр. 105—128.

можно было бы сравнить с русским памятником. Однако, сопоставляя «Слово о погибели» с двумя патриотическими стихотворениями Петрарки, А. В. Соловьев отдает предпочтение русскому произведению. Задавая вопрос, к какому выводу можно было бы прийти в результате этого сопоставления, А. В. Соловьев, иронизируя, замечает, что закоренелый скептик (вроде А. Мазона) мог бы утверждать, что русский фрагмент — не что иное, как подделка, произведение русского ученого конца XIX века, который воспитывался в Петербургском университете, был учеником А. Веселовского, знатоком Данте и Петрарки, желавшим угодить националистическому империализму Александра III, и это как раз метило бы в Лопарева, если бы он сам не дал безукоризненных фотографических снимков с рукописи «Слова о погибели» и если бы каждый не смог проверить этот текст по псковско-печерской и рижской рукописям.

2

Самый существенный вопрос, связанный с определением существа «Слова о погибели», заключается в том, представляет ли оно самостоятельное произведение, хотя бы лишь частично сохранившееся, или оно органически, и значально связано с упоминаемым в заголовке псковско-печерской рукописи, но отсутствующим в ней повествованием о смерти Ярослава Всеволодовича, либо с житием Александра Невского, в обеих дошедших до нас рукописях, слитых с этим последним.

Мы знаем, что Лопарев предполагал существование своего рода трилогии, быть может, написанной одним автором и содержащей в себе «Слово о погибели», повествование о смерти Ярослава Всеволодовича и житие Александра Невского. Из этой трилогии сохранилось, как пишет Лопарев, лишь «начало великолепной поэмы XIII века» и житие Александра Невского, что же касается повествования о смерти Ярослава Всеволодовича, то оно оказалось утраченным.

Нужно обратить внимание на то, что в заглавии псковско-печерской рукописи в сочетании «о смерти» буква *о* написана кирилловской омегой, над которой, вплотную прилегая к ней, проведена черта вроде перекладкины, рядом с которой вписано маленькое *о*. По объяснению Лопарева, не лишнему вероятию, черта над омегой с приписанной рядом с ней буквой *о* означала переделку *о* на *по*, в результате которой вместо «о смерти... Ярослава» получилось «по смерти... Ярослава». Но дальнейшие соображения Лопарева в связи с этой поправкой не отличаются достаточной ясностью. Переделку *о* на *по* Лопарев объясняет следующим образом. Вероятно, писец псковско-печерской рукописи имел в руках «Слово о погибели» в том же объеме, в каком мы имеем его теперь, или он списывал с дефектной рукописи, в которой находились «Слово о погибели», «О смерти великого князя Ярослава» и «О житии великого князя Александра», объединенные переписчиком одним общим заглавием. Переписывая свой оригинал, писец, как предполагал Лопарев, дойдя до слов «до брата его Юрья, князя Володимирьскаго» и продолжая списывать житие Александра Невского, заметил, что собственно о погибели Русской земли, а также о смерти Ярослава Всеволодовича ничего не говорится, и поэтому исправил «о смерти» на «растяжимое» «по смерти».

В этих соображениях непонятно, почему же переписчик, если он, как это следует из одного из двух предположений Лопарева, имея в своих руках рукопись со всеми тремя указанными Лопаревым произведениями, в заглавии обозначил только два из них и опустил третье — житие Александра Невского. И далее — если переписчик убедился в том, что о погибели

Русской земли в его оригинале ничего не говорится, то едва ли он, разочаровавшись в нем, мог устранить возникшее недоразумение легкой поправкой о на по, оставив в неприкосновенности первую часть заглавия — «Слово о погибели Рускыя земли».¹

Общий взгляд Лопарева на «Слово о погибели» принят был Грушевским (в его отзыве на издание Лопарева), Пыпиным (в его «Истории русской литературы»), В. М. Истриным,² В. С. Иконниковым,³ В. А. Келтуялой.⁴

С возражениями против соображений Лопарева о смысле загадочного заглавия изданного им памятника и по поводу самого его существа дважды выступил в специальных экскурсах, посвященных «Слову о погибели», Н. И. Серебрянский — сперва в 1910 г., в книге «Заметки и тексты из псковских памятников», затем значительно распространеннее и с некоторыми исправлениями — в 1915 г., в книге «Древнерусские княжеские жития». Серебрянский отвергает предположение Лопарева о существовании трилогии. Прежде всего, по его утверждению, в литературе XIII века не существовало такого памятника, в котором шла бы речь о смерти Ярослава Всеволодовича. «Нужно отказаться от предположения о существовании „Слова о смерти вел. кн. Ярослава“, — пишет он, — такого памятника в русской письменности XIII в. не было, а значит, не было самой трилогии — поэмы».⁵

Отсутствие в эту пору произведения, повествующего о смерти Ярослава Всеволодовича, Серебрянский объясняет заурядностью личности и малой популярностью этого князя у его современников, что обуславливалось и некоторыми отрицательными сторонами его внутренней политики, а также политики внешней, обнаруживавшей полную покорность татарским завоевателям, склонность к постоянным компромиссам с врагом. Такая политика Ярослава Всеволодовича, не вызывавшая сочувствия у его современников, ограничившихся лишь сухим упоминанием о его смерти, по словам Серебрянского, нашла одобрение у московских князей, чем и объясняются положительные отзывы в московских летописных сводах о Ярославе в связи с его смертью.

Загадочное написание «О смерти великого князя Ярослава» с припиской маленькой буквы о между словами «О» и «смерти» Серебрянский объясняет так, что переписчик, убедившись в том, что после «Слова о погибели» следует повествование не о Ярославе и его смерти, а об Александре Невском, захотел исправить «О смерти великого князя Ярослава» на «О смерти Олександра сына великого князя Ярослава», но, не доведя своего исправления до конца, так как в текстах древних рукописей не принято было исправлять описки и пропуски, ограничился лишь написанием начальной буквы в слове «Олександра». В ответ на недоуменный вопрос рецензента на первую свою книгу С. А. Богуславского, почему же в таком случае

¹ М. С. Грушевский (Нововидані пам'ятки давнього письменства руського, стр. 2) замечает, что читают «по смерти» и «от смерти», но нам неизвестно, кто предлагал чтение «от смерти».

² В. М. Истрин. Исследования в области древней русской литературы. СПб., 1906, стр. 232. В своем курсе «Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.)», Пгр., 1922, стр. 239—241) он остается, очевидно, на той же точке зрения, лишь резюмируя последующий взгляд на «Слово о погибели» Н. И. Серебрянского, но не высказываясь, как это он делал в работе 1906 года, вслед за Лопаревым, о возможности отождествления автора «Слова о погибели» с автором «Моления Даниила Заточника».

³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, 1. Киев, 1908, стр. 955—956.

⁴ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 1. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 794—794.

⁵ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 174.

переписчик вздумал написать «Олександра» перед словом «смерти», а не после него,¹ Серебрянский в книге «Древнерусские княжеские жития» указывает на то, что это сделано в целях экономии места, хотя трудно понять, почему экономия места выигрывала от того, что поправку переписчик пытался сделать перед словом «смерти», а не после него. К этому недомысленному замечанию С. А. Богуславского можно было бы добавить, что, имея в виду Александра Невского, личность во много раз превосходившую личность его отца Ярослава, переписчик, намереваясь сделать поправку, едва ли задумал сделать ее так: «Олександра сына великого князя Ярослава», а гораздо вернее думать, что он попробовал бы сделать такую поправку: «великого князя Олександра, сына Ярослава», т. е., если принять догадку Серебрянского о том, как толковать приписку буквы о, то она должна была бы стоять после слов «великого князя».

Но и такое предположение мало вероятно: о смерти Александра Невского в псковско-печерской рукописи, как и в ряде других повестей об Александре Невском, лишь кратко говорится в самом конце повести, в основном же в ней идет речь о его житии и подвигах, настолько укрепивших и возвеличивших Русскую землю, что неестественно было бы с его личностью и деятельностью соединять представление о гибели Русской земли.

Что касается «Слова о погибели», то в окончательном своем суждении об этом памятнике Серебрянский приходит к следующему заключению. «Слово» представляет собой введение к светской биографии Александра Невского и в оригинале имело еще второе пояснительное заглавие — «О смерти великого князя Александра Ярославича» (или «Ярославля»). Биография эта написана была во Владимире дружинником Александра, однако из числа тех, которые не принимали участия в боевых подвигах князя. В этой биографии религиозные мотивы и сюжеты переплетались со светскими, заимствованными из светской переводной литературы. Но аскетически настроенных древнерусских книжников и читателей такое произведение не могло удовлетворить, и в конце XIII или в начале XIV века во Владимире оно было переработано в церковное житие князя, вошедшее затем в летопись и переписывавшееся в сборниках. Однако в XIV веке светская биография Александра Невского еще находилась в обращении. На ее основе и на основе церковного жития Александра в Новгороде была создана сводная, сокращенная, проложная редакция жития, которую Серебрянский называет «особой».² Предисловие церковного жития автор заменил предисловием из светской повести об Александре, в котором, прославляя подвиги его и говоря о его всемирной славе, сравнивал его с Александром Македонским, Ахиллесом и Дигенисом Акритом, но введение к предисловию, каким Серебрянский считает «Слово о погибели», составитель особого жития опустил. Что касается переписчика псковско-печерской рукописи, то, как представляет себе дело Серебрянский, у него, как и у составителя «особого» жития Александра, под руками были обе биографии князя — церковная и светская. Используя первую, он из второй механически заимствовал введение к предисловию к ней, т. е. «Слово о погибели», допустив ошибку во второй части заглавия, состоявшую в том, что вместо имени Александра поставлено только имя Ярослава.

Характер светской биографии Александра Невского Серебрянский пытается восстановить на основе того материала летописей и

¹ См.: Известия ОРЯС, XV, кн. 3, 1910, стр. 335.

² Эта редакция по рукописи XVII века Румянцевского музея напечатана Серебрянским в приложении к книге «Древнерусские княжеские жития», стр. 121—123.

особой редакции жития князя, который, по его мнению, выдает свое светское происхождение, но нужно сказать при этом, что он на долю материала, заимствованного из предполагаемой им светской биографии, относит многое такое, что могло найти себе место и находило в действительности в церковных житиях. Так, Серебрянский полагает, что горестное восклицание составителя церковно-летописного жития Александра «Горе тебе, бедный человек! како можеша написати кончину господина своего? . . .» и т. д. выдает светского автора, так как «с церковной, аскетической точки зрения такая скорбь по умершем в сущности предосудительна». По той же причине на долю светской биографии Александра Серебрянский относит и выражение чувств митрополита и «всех людей» при получении во Владимире вести о смерти Александра («Заиде солнце земли Суждальской» и «уже погибает»). Но достаточно вспомнить, например, жития Алексея-человека божия, Бориса и Глеба, Дмитрия Донского, епифаниево житие Стефана Пермского и др., наконец, самим же Серебрянским приведенные в приложении к его книге княжеские плачи, в которых, как и в указанных житиях, скорбь по умершему выражена очень сильно, чтобы отвергнуть в данном случае его соображение. Так же неубедительно на долю светской биографии князя Серебрянский относит и сообщение о послах к Александру от римского папы,¹ и рассказ о поездках Александра в Орду, и все воинские эпизоды жития, в частности, относящиеся к битвам на Неве и на Чудском озере, как будто в церковных житиях такие эпизоды всегда отсутствовали (вспомним опять-таки хотя бы житие Бориса и Глеба, а также житие Довмонта).

Вообще говоря, наличие светских элементов в церковно-летописном житии Александра Невского не приходится отрицать, но нет уверенности в том, что непременно существовало особое светское житие Александра Невского, позднее оцерковленное, как думает Серебрянский: ведь наличие светских элементов не отрицает Серебрянский и в первичных редакциях церковных житий.² И в житии Александра Невского светские элементы могли быть продуктом творчества не только дружинника Александра, как предполагал В. М. Истрин, впоследствии принявшего монашество,³ но и какого-либо церковника. Д. С. Лихачев, убедительно устанавливающий наличие галицкой литературной традиции в житии Александра Невского, допускает, что автором этого жития мог быть митрополит Кирилл II, в 1250 году переехавший из Галиции к Александру Невскому, или, вернее, он был инициатором, поручившим написание жития кому-то из галицких книжников, приехавших вместе с ним на север, т. е. не дружиннику, а человеку, близкому к церковным кругам.⁴

Ниже мы постараемся решить, в какой связи вопрос о самом существовании изначального жития Александра Невского стоит с вопросом о происхождении и природе «Слова о погибели», а пока посмотрим, как определяет объем последнего Серебрянский. В вопросе о том, в какой мере дошедший до нас текст «Слова о погибели» является законченным текстом, он обнаружил явное колебание. Так, в первом из указанных его трудов он писал: «По моему мнению . . . первоначальный состав „Слова о погибели“ был тот же

¹ Как указано было Д. С. Лихачевым, этот ответ, как и некоторые другие эпизоды в житии Александра Невского, относимые Серебрянским к светской биографии князя, заимствованы из Хронографа (см.: Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. Труды ОДРЛ, V, стр. 39—43).

² См.: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 288—289 и др.

³ См.: В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.), стр. 242.

⁴ См.: Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 52.

самый, какой мы имеем в псковско-печерском списке».¹ Во второй же книге — «Древнерусские княжеские жития» — он сначала отметил «незначительный объем сохранившегося отрывка „Слова“, неисправность текста в единственном списке этого памятника» (стр. 163), затем говорит о том, что «Слово о погибели» дошло до нас не в первоначальном своем виде, хотя и сомневается в том, «чтобы размеры утраты были так велики, как принято их определять» (стр. 167; тут имеется в виду, конечно, мнение Лопарева, хотя сам же Серебрянский четырьмя страницами выше говорит о незначительности объема сохранившегося «отрывка» «Слова о погибели»). Наконец, Серебрянский высказывает предположение, что в «Слове о погибели» недостает только немногих строк к тому тексту биографии Александра Невского, какой читается в «особом» его житии. Он допускает дальше даже то, что в оригинале памятника вслед за словами: «Юрья вел. кн. Володимерьскаго» стояло: «О велицем князе нашем...» и т. д., подобно теперешнему чтению: «О господе бозе нашем...» и т. д. (стр. 206). Как видим, представления Серебрянского об объеме «Слова о погибели» были для него настолько неясны, что он в одной и той же книге вступал на этот счет в противоречия с самим собой.

При предположении, что «Слово о погибели» вместе с светской биографией Александра Невского написано после смерти Александра, умершего в 1263 году, Серебрянскому необходимо было объяснить, каким же образом Ярослав Всеволодович, умерший в 1246 году, в «Слове о погибели» именуется «нынешним» и его брат Юрий Всеволодович, погибший в битве при Сити в 1238 году, тоже как будто числится еще живым. Серебрянский считает, что сам автор «Слова о погибели» не придавал словам «и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго» хронологического значения, иначе он сделал бы соответствующую хронологическим датам расстановку имен князей и сказал бы: «до Юрья князя Володимерьскаго и до брата его, нынешняго Ярослава». Искусственность в построении фразы, по мнению Серебрянского, вызвана тем, что автор хотел точнее выдержать параллель с заимствованными и несколько видоизмененными им словами из «Слова о полку Игореве» — «от стараго Владимира до нынешняго Игоря». «Заменяв Владимира старым Ярославом,² автор легко подыскал для него параллель в „нынешнем“ Ярославе», для второй же замены — Игоря Владимиром Мономахом — такой созвучной параллели не нашлось. Поставив вместо Владимира Юрия, автор «Слова», в видах благозвучия, мог добавить только титул князя: «Володимерьскаго».³ Но натянутость такого объяснения как будто очевидна сама собой.⁴

¹ Н. И. Серебрянский. Заметки и тексты из псковских памятников. М., 1910, стр. 78.

² В «Слове о погибели» Ярослав именуется, однако, не «старым», а «великим», — Н. Г.

³ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 203—204.

⁴ А. И. Соболевский в статье «Заметки о русской литературе старшего периода» писал в связи с попутными своими соображениями о «Слове о погибели»: «Слово нынешний, употребленное автором в применении к Ярославу, значит вообще современный, а не здравствующий» (ЖМНП, 1906, июнь, стр. 436). Но это утверждение Соболевского не находит себе поддержки в текстах древнерусских памятников, и сам Соболевский позднее, очевидно, отказался от своего утверждения, указывая на то, что Ярослав «назван „нынешним“, т. е. современником составления „Слова“» (А. И. Соболевский. К слову о полку Игореве. Известия по РЯС, 1929, кн. II, стр. 176). Тут же Соболевский по поводу эпитета «нынешний» в «Слове о погибели» пишет: «Это наименование считается заимствованным из „Слова о полку Игореве“. Но заимствуются не отдельные слова, как „нынешний“, а меткие названия, красивые фразы и т. п.». Трудно также согласиться с Грушевским, полагающим, что слову «нынешний» в применении к Ярославу Всеволодовичу не нужно придавать того значения, какое придает ему Лопарев, так как тут Ярослав Всеволодович назван «нынешним» в отличие от «великого Ярослава», сына Владимира (М Грушевский, ук. соч., стр. 3).

3

После выхода в свет исследований о «Слове о погибели» Серебрянского большинство исследователей, писавших о «Слове», и авторов общих курсов по истории древней русской литературы в основном согласились с его образами о взаимотношении «Слова о погибели» и жития Александра Невского. В этом смысле высказался и В. Мансикка в своем специальном исследовании о житии Александра Невского, считавший «Слово о погибели» предисловием к житию Александра Невского, однако в церковно-летописной, очевидно, его редакции. Непонятно только, почему Мансикка в книге, вышедшей в свет в 1913 году, т. е. через целых три года после первой книги Серебрянского, впервые высказавшего предположение об изначальной связи «Слова о погибели» с житием Александра Невского, в подкрепление своего взгляда ссылается не на Серебрянского, работу которого он даже не упоминает, а на замечания Жданова, который, как правильно указал Серебрянский во второй своей книге (стр. 157), такого взгляда и в такой формулировке не высказывал. Гипотезу Серебрянского, в частности, поддержал в рецензии на его первую книгу Соболевский, писавший: «Серебрянский считает „Слово о погибели Русьских земли“ „предисловием“ к одной из рецензий жития св. Александра Невского. И это его мнение мы считаем имеющим цену, но должны прибавить к его словам от себя: предисловием, плохо обработанным, не приспособленным к рассказу об Александре».¹ В. И. Малышев, опубликовавший «Слово о погибели» по новому, рижскому, списку, в котором оно, как и в псковско-печерской рукописи, соединено с житием Александра Невского, но без особого заглавия, осторожно говоря о том, что во всяком случае в XVI веке это «Слово» создавалось как предисловие к житию, а не как самостоятельное произведение, утверждает, однако, что в стиле предисловия и жития Александра Невского «нет таких резких отличий, которые мешали бы рассматривать их как часть одного и того же произведения». Вместе с тем В. И. Малышев не видит оснований для того, чтобы согласиться с Лопаревым в том, что «Слово о погибели» дошло до нас не в полном виде: по мнению В. И. Малышева, последние строки «Слова», упоминающие о «болезни крестияном», как бы предвзвешивают главную тему жития Александра — рассказ о том, в каких тяжелых для Руси условиях протекала его деятель-

¹ ЖМНП, 1910, ноябрь, стр. 208. Впоследствии, впрочем, Соболевский разошелся с Серебрянским в вопросе об отношении «Слова о погибели» к житию Александра Невского, считая «Слово» самостоятельным произведением, являющимся откликом на Калкскую битву и возникшим в 1224 году или вскоре после этого года (А. И. Соболевский, ук. соч., стр. 177). Относительно предположения Соболевского о связи «Слова о погибели» с Калкской битвой — ниже; тут же обратим внимание на то, что «Плач» Юрия Всеволодовича, совершенно явственно, как следует из его текста, связанный с событиями нашествия татар на северную Русь в 1237—начале 1238 г., Соболевский — неизвестно на каких основаниях — относит к событиям, сопровождавшим Калкскую битву, к которой, кстати сказать, Юрий Всеволодович отнесся довольно пассивно и которая не могла взволновать его настолько сильно, насколько взволновало опустошение Батыем северной Руси, трагически сказавшееся на судьбе его княжества, его семьи и многих северных русских князей. Ошибочно приурочив «Плач» Юрия Всеволодовича к событиям Калкской битвы, Соболевский столь же ошибочно рассматривает «Слово о погибели» и «Плач» как «куски одного дружинного произведения, составленного в Переяславле Залесском в 1224 году или вскоре после этого года», хотя совершенно очевидно, что и по стилю и по содержанию «Плач» гораздо ближе к П. весте о разорении Батыем Рязани, чем к «Слову о погибели». Попутно заметим, что Соболевский цитирует «Плач» по изданию Серебрянского, который, так же как и Соболевский, даже не упоминает об издании его Халанским, опубликовавшим и вступительную часть «Плача», особенно наглядно свидетельствующую о том, что в нем мы находим отклик на события отнюдь не Калкской битвы, а на вторжение Батые в пределы северной Руси.

ность.¹ Соображения В. И. Малышева были поддержаны Д. С. Лихачевым, который, исходя из утверждения общего хронографического источника «Слова о погибели» и проложного (по терминологии Серебрянского — «особого») жития Александра Невского, предполагает, что «Слово» «с известной долей вероятности можно считать вводной статьей к житию».²

С возражением против гипотезы Серебрянского, впервые высказанной им в первой из названных его книг, выступил в 1910 году один лишь С. А. Богуславский, как указано выше, усомнившийся в правдоподобности объяснения Серебрянским постановки буквы о перед словом «смерти», а не после него. Основываясь на анализе стиля «Слова о погибели» и жития Александра Невского, Богуславский пришел к заключению, что «Слово о погибели», дошедшее до нас не в полном виде и как бы механически присоединенное к житию Александра Невского, не могло принадлежать автору этого жития. «Заглавие „Слова“, — пишет он, — позволяет предполагать, что недошедшей до нас частью его было описание смерти кн. Ярослава Всеволодовича и ее последствия — падения русского могущества, составленное в стиле светских историко-политических слов».³

Очень возможно, что приведенная цитата из рецензии Богуславского дала толчок М. Горлину для написания им упомянутой выше статьи. По крайней мере он очень сочувственно приводит эту цитату на стр. 31 своего исследования, подкрепляя ею основное свое положение, что стоящее в заглавии псковско-печерской рукописи «О смерти великого князя Ярослава» — не случайная обмолвка переписчика этой рукописи, а действительно след утраченной части единого со «Словом о погибели» произведения, которую Горлин поставил себе задачей восстановить.

Для восстановления первоначального, утраченного текста «Слова» о смерти Ярослава Всеволодовича, в глазах Горлина, косвенным материалом служит вступление к житию князя ярославского Федора Ростиславича в редакции Андрея Юрьева и непосредственным — рассказ о Ярославе и его смерти, входящий в седьмую степень Степенной книги. Вступление к житию Федора Ростиславича, в начале своем написанное в подражание той части «Слова о погибели», в которой описывается изобилие Русской земли, а в конце рисуящее опустошение ее татарами, по мнению Горлина, дает нам общее представление о том, каково было по содержанию продолжение полностью не сохранившегося «Слова». Что же касается рассказа Степенной книги о Ярославе и его смерти, то, как думает Горлин, в результате произведенной им реконструкции рассказа, он должен с наиболее возможным приближением воспроизвести утраченный оригинал XIII века. При таком взгляде на органическое единство «Слова о погибели» и упомянутого в заглавии псковско-печерской рукописи рассказа «О смерти великого князя Ярослава» житие Александра Невского, слитое в этой и рижской рукописях со «Словом о погибели», на самом деле является отдельным произведением, первоначально никак не связанным с рассказом о погибели Рус-

¹ См.: В. И. Малышев, ук. соч., стр. 187.

² Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 41—42.

³ Известия ОРЯС, XV, кн. 3, 1910, стр. 336. Впоследствии С. А. Богуславский, основываясь на анализе списков жития Александра Невского, высказал мало убедительное предположение, что «Слово о погибели», будучи написано, быть может, псковитянином, иноком Печерского монастыря, создано после написания жития Александра Невского и было затем приписано к нему. По предположению Богуславского, автор «Слова» «задался целью описать упадок русского могущества со смертью великого князя Ярослава и дать читателю повесть — житие этого князя в стиле и манере переписанного им жития великого князя Александра» (С. А. Богуславский, К вопросу о первоначальном тексте жития вел. кн. Александра Невского. Известия ОРЯС, XIX, кн. 1, 1914, стр. 272).

ской земли и смерти Ярослава и соединенным с ним позднейшим переписчиком, которому понравилось «Слово о погибели», как оно понравилось и Андрею Юрьеву, приспособившему его, быть может, по образцу переписчика жития Александра Невского к житию Федора Ростиславича.¹ В отличие от Серебрянского, полагавшего, что Андрей Юрьев использовал «Слово о погибели», уже соединенное с житием Александра Невского, Горлин утверждает, что нет данных для того, чтобы предполагать знакомство Андрея Юрьева с житием Александра: те самые незначительные черты сходства между обоими житиями, на которые указывает Серебрянский, Горлин с достаточным основанием считает общими житийными местами. Это обстоятельство представляется Горлину лишним доказательством того, что «Слово о погибели» возникло независимо от жития Александра Невского.²

Утверждая, что редактор Степенной книги не привносил в нее какого-либо нового материала по сравнению с ее источниками, ничего не выдумывал и не изобретал, а только уснащал свой труд стилистическими амплификациями и украшениями, иногда композиционно перестраивая добытый им материал, Горлин приходит к заключению, что рассказ Степенной книги о Ярославе в самом основном точно воспроизводит содержание некогда существовавшего единого произведения, повествовавшего о погибели Русской земли и о смерти Ярослава Всеволодовича. Возражая против мнения Жданова, Серебрянского и Соболевского, полагавших, что перечисление подвластных Руси народов в «Слове о погибели», как и в Степенной книге, восходит к какому-то более древнему источнику, Горлин считает, что Степенная книга заимствовала это перечисление из «Слова о погибели», так как в Степенной книге идет речь о народах, которые в ту пору не были подчинены Руси, и в этом сказывается «бахвальство», предвосхищающее события, что было в духе XVI, но не XIII века.

Составление в XIII веке рассказа о Ярославе и его смерти Горлин ставит в связь с предполагавшейся, как он думает, канонизацией Ярослава, не состоявшейся однако. Этот рассказ, вследствие отрицательных черт князя, мало-помалу исчез из обращения, и Степенная книга извлекла его из забвения, так как ее редакторам он понадобился для установления генеалогического древа русского княжеского рода. Устраняя из рассказа Степенной книги о Ярославе все то, что, по взгляду Горлина, является позднейшим подновлением первоначального текста, и перегруппировывая отдельные разделы этого рассказа, Горлин устанавливает реконструированный текст рассказа о смерти Ярослава, соединенного со «Словом о погибели», как оно читается в исковско-печерской и рижской рукописях. Для такой реконструкции, по его мнению, известный материал могут дать краткие рассказы московских летописных сводов XVI века — Софийской первой летописи и летописи Воскресенской (ошибочно именуемой Горлиным Вознесенской), из которых вторая этот рассказ даже сопровождает особым заголовком — «О преставлении великого князя Ярослава Всеволодовича». В соответствии со своей концепцией Горлин датирует реконструированный им текст 1246—1247 годами, принимая во внимание дату смерти Ярослава Всеволодовича — 1246 год.

¹ На это вступление впервые обратил внимание Ключевский, приведя его начало в книге «Древнерусские жития святых», затем Жданов («Русский былевой эпос»), перепечатавший это начало в сопоставлении его со «Словом о погибели». Полностью вместе с житием Федора в редакции Андрея Юрьева опубликовал его Серебрянский в приложении к книге «Древнерусские княжеские жития».

² Очень возможно, добавим от себя, что переписчик жития Александра Невского привлечен в качестве вступления к житию «Слово о погибели», потому что в конце жития натолкнулся на слова народа, потрясенного смертью Александра: «уже погибает».

Изложив соображения Серебрянского по поводу взаимоотношения «Слова о погибели» и жития Александра Невского, Горлин замечает: «Однако трактовка Серебрянского, несмотря на всю ее изобретательность, не может считаться вполне убедительной для историков литературы, быть может, по причине самой ее изобретательности». Но не в меньшей мере, а еще в большей степени это скептическое замечание применимо к соображениям, высказанным самим Горлиным.

Прежде всего Горлин не объясняет, каким образом автор предполагаемого им единого произведения о погибели Русской земли и о смерти Ярослава Всеволодовича, в первой части своего произведения говоря о «нынешнем» Ярославе, т. е. еще здравствовавшем, во второй части говорит о нем как об умершем; как произведение, написанное после смерти Ярослава, могло в «Слове о погибели» упоминать о нем как о живом. Далее, если Серебрянский светское по своему стилю «Слово о погибели» считал предисловием не к сохранившемуся церковно-летописному житию Александра Невского, в котором мы находим значительное количество светских элементов, а к несохранившейся светской биографии Александра, то уж никак нельзя это «Слово» рассматривать как органически связанное с рассказом о смерти князя Ярослава, реконструированным Горлиным по тексту Степенной книги. Этот рассказ, как и большинство текстов Степенной книги, настолько оцерковлен, что и по стилю и по содержанию никак не вяжется со светским стилем «Слова о погибели». По своему стилистическому облику рассказ о Ярославе, даже после реконструкции, произведенной Горлиным, стоит в одном ряду с прочим материалом Степенной книги. В частности, довольно частым литературным приемом ее является монолог. Монолог, обращенный к детям, произносит в Степенной Ярослав. Такой же монолог там же произносит и умирающий брат Ярослава Константин Всеволодович, о котором рассказывается в той же седьмой степени Степенной книги.

Горлин возводит рассказ о Ярославе в Степенной книге к памятнику XIII века как непосредственному источнику, но, не говоря уже о том, что мы этого источника не знаем, вопрос об источниках Степенной книги разрешен в науке далеко еще не полностью, и утверждение Горлина, что Степенная книга ничего по существу не добавляла к своим книжным источникам и не вносила в них изменений, никак не может быть обосновано. Мы знаем, что она часто поправляла и дополняла характеристики князей в сторону морального и политического повышения этих характеристик, вкладывая в их уста речи и молитвы, которые приписывали им, пользуясь обычными агиографическими шаблонами, использовала устные легенды и предания, возникшие в разное время.

Горлин предполагает, что намечавшаяся канонизация Ярослава не состоялась ввиду того, что мало-помалу исчезло из обращения написанное тотчас же после смерти его житие, являвшееся первым шагом, предпринятым для его канонизации, исчезло потому, что Ярослав не пользовался симпатией из-за своего крутого характера. Но не говоря уже о том, что естественнее было бы предполагать обратное: житие исчезло из обращения вследствие того, что не состоялась канонизация, — еще большой вопрос, задумана ли она была вообще: о причислении Ярослава к местным владимирским святым мы черпаем сведения из такого недостоверного источника, как позднейшая рукописная «Книга о святых», куда имя Ярослава могло быть занесено по почину причта Владимирского собора, в котором он был погребен и который заинтересован был в прославлении покоящегося в нем князя.

Далее, если, вопреки мнению Серебрянского, не было достаточных оснований говорить о погибели Русской земли в 1263 году или вскоре вслед за

этим, после смерти такого выдающегося и весьма популярного государственного деятеля, каким был Александр Невский,¹ то еще меньше было оснований говорить об этом в 1246—1247 годах, в связи со смертью мало популярного Ярослава Всеволодовича, когда оборонителем Русской земли был сын Ярослава — Александр Невский, через несколько лет занявший владимирский стол. Столь же мало было оснований предварять рассказ о смерти заурядного князя Ярослава таким красноречивым вступлением, каким является «Слово о погибели».

Выше указывалось, что в пользу своего утверждения о заимствовании Степенной книгой перечисления народов, подвластных Руси, из «Слова о погибели» Горлин указывает на то, что это перечисление в Степенной книге, предвосхитившее события, было в духе XVI, но не XIII века. Но перечень в Степенной книге этих народов ничем не отличается по существу от такого же перечня в «Слове о погибели». Однако, как указал Соболевский, первый перечень значительно более географически упорядочен, чем второй, и это было основанием Соболевскому утверждать, что перечень Степенной книги древнее перечня «Слова о погибели», но что «оба перечня, и тот, что в „Слове“, и тот, что в Степенной книге, и проч. — древние. О зависимости второго из них от первого не может быть речи».² Соболевский не сомневается в происхождении и того и другого от общего источника, к которому перечень Степенной книги ближе, чем перечень «Слова о погибели», но считает, что нет надежных данных для точного установления этого источника. Не забудем также, что в Степенной этот перечень повторяется дважды: он дается не только в рассказе о Ярославе, но и в самом начале Степенной книги как естественное предварение всего дальнейшего ее изложения.

Обратим, наконец, внимание на то, что в реконструированном Горлиным тексте рассказа о Ярославе не только изъятие из текста Степенной ряда мест, читаемых в ней, но и перегруппировка отдельных разделов этого текста отличаются очевидным произволом.

Статья Горлина вызвала указанную выше статью А. В. Соловьева, напечатанную в томе XXII журнала «Byzantion» (1952). Приведя несколько возражений, впрочем, далеко не достаточных и очень беглых, против основных положений статьи Горлина, А. В. Соловьев приходит к заключению, что «Слово о погибели» вовсе не было связано с рассказом о смерти Ярослава и — в пору своего возникновения — с житием Александра Невского. По его мнению, оно представляет собой фрагмент, начало поэтического произведения ораторского и патриотического рода, которое, быть может, никогда не было окончено, но которое хорошо было известно старым книжникам, начиная от Андрея Юрьева, продолжая автором «Задонщины» в Кирилло-Белозерской ее версии, переписчиком жития Александра Невского, соединившим в одно целое с житием «Слово о погибели», автором «Родословца» русских князей, редакторами Степенной книги, кончая Каменевичем-Рвовским в его «Сказании о начале московского рода» (в двух последних случаях через посредство «Родословца»)³.

По догадке А. В. Соловьева, «Слово о погибели» было написано придворным певцом Ярослава Всеволодовича, бардом, воспевавшим походы

¹ См.: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 207—208.

² ЖМНП, 1910, ноябрь, стр. 208.

³ Упрекая Горлина за то, что в его статье не указано, что перечень народов, подвластных русским князьям, в Степенной книге якобы вложенный в уста Ярослава (?), восходит не непосредственно к «Слову о погибели», а через посредство «Родословца» русских князей, А. В. Соловьев, как видим, сам «Родословец» возводит к «Слову о погибели», хотя эта точка зрения серьезно оспаривается.

его и его предков. Судя по географическим реалиям «Слова», оно было написано жителем северной Руси, но в Киеве, во время пребывания там Ярослава. Начиная вторую часть своего произведения словом «отселе», автор будто бы имеет в виду именно Киев, так как именно отсюда естественнее всего было начать упоминание о венграх, поляках, чехах, как о народах, граничащих с Русью. Но тут, в связи с этой догадкой А. В. Соловьева, мы сталкиваемся у него с рядом исторически не подтверждающихся и противоречивых суждений. Пребывание Ярослава в Киеве он относит к 1240 году, основываясь на указании жития Александра Невского, что в 1240 году, в пору Невской битвы, Ярослав был в Киеве. Но это указание, имеющееся в двух редакциях этого жития, является несомненной опиской. Летописные известия о Ярославе сообщают о том, что Ярослав захватил Киев в 1236 году, а в 1238 году, после гибели его брата великого князя Владимирского Юрия, сам стал великим князем Владимирским и сидел уже во Владимире. Ни о каком посещении Ярославом Киева в 1240 году летописец не упоминает, а одна из редакций жития Александра Невского правильно указывает, что во время Невской битвы Ярослав был во Владимире, другие же редакции вовсе не указывают его местопребывание в это время.

Далее, как согласовать предположение А. В. Соловьева о написании «Слова о погибели» в 1240 году с тем, что, по его же словам, в «Слове» не только Ярослав, но и Юрий, убитый в битве при Сити, упоминаются как живые (стр. 122)?

И наконец, на стр. 118 А. В. Соловьев высказывает предположение, что «Слово о погибели» дошло до нас в незаконченном виде или потому, что автор его был убит татарами во время нападения их на Киев в декабре 1240 года, быть может, на следующий день после того, как он начал писать свою «маленькую Илиаду», или потому, что она погибла в пору татарского опустошения и от нее сохранился только один листок, а на стр. 122 он предполагает, что «Слово о погибели» было написано летом 1204 года, — на том основании, что в житии Александра Невского сказано, что Ярослав находился в Киеве в июле этого года.¹

Таким образом, наиболее приемлемым в статье А. В. Соловьева является его утверждение, что «Слово о погибели» было отдельным, самостоятельным произведением, не зависимым ни от рассказа о смерти Ярослава Всеволодовича, ни от жития Александра Невского.

4

К числу работ последнего времени, посвященных «Слову о погибели», относится и статья М. Н. Тихомирова «Где и когда было написано „Слово о погибели Русской земли“».² М. Н. Тихомиров считает «Слово» произведением самостоятельным, возникшим независимо от рассказа о смерти Ярослава Всеволодовича и от жития Александра Невского. Так же, как и Соболевский в статье 1929 года, он связывает ее с событиями Калкской битвы 1223 года и написание его, быть может, около 1225 года приурочивает к Новгороду, в пору княжения в Новгороде Ярослава Всеволодовича.

Соглашаясь, на основании сказанного выше, с тем, что «Слово о поги-

¹ В статье «New traces of the Igor tale in old Russian literature» (Harvard Slavic studies, v. I, Cambridge Mass., 1953, стр. 73—81), напечатанной спустя год после указанной статьи и развивающей некоторые ее положения, но без ссылки на нее, А. В. Соловьев говорит, что автор «Слова о погибели» был вместе с Ярославом в Киеве в 1238 году (стр. 79, прим.).

² Труды ОДРЛ, т. VIII, стр. 235—244.

бели» является отдельным, самостоятельным произведением, возникновение которого нет оснований связывать как с рассказом о смерти Ярослава Всеволодовича, так и с житием Александра Невского, трудно согласиться с мнением А. И. Соболевского и М. Н. Тихомирова о том, что оно было откликом на Калкскую битву. Эта битва, происшедшая в южной Руси, губельно отразившаяся на судьбе южнорусских князей и не затронувшая северной Руси, не могла вызвать представления о «погибели», т. е. тяжелом разорении всей Руси, особенно у северянина, которому несомненно принадлежит авторство «Слова». О «погибели» Русской земли северянину естественнее всего было говорить после тех потрясающих татарских опустошений, которые начались с 1237 года — со времени страшного разорения Рязани, Пронска, Москвы, Суздаля, Переяславля, Владимира и других северных городов. Судя по тому, что Юрий Всеволодович в «Слове о погубели» упоминается как живой, оно написано было до битвы 4 марта 1238 года на Сиги. О том же свидетельствует и наименование Юрия князем Владимирским, а Ярослава только «нынешним»: если бы «Слово» написано было после гибели Юрия, то Ярослав, занявший его стол, естественно в первую очередь должен был бы именоваться князем Владимирским. То, что в «Слове» не упоминаются татары, по мнению М. Н. Тихомирова, является лишним доказательством того, что оно возникло еще до Батыевой рати. Но не может быть сомнения в том, что «Слово» дошло до нас в незаконченном виде: «А в ты дни болезнь крестияном» подразумевает «болезнь», приключившуюся на Руси от татарского нашествия, о чем, конечно, и должна бы идти речь в продолжении произведения, повествовавшего о «погибели» Русской земли.¹ Следует думать, что приведенная фраза представляла собой законченное предложение, после которого следовала новая незаконченная фраза: «От великого Ярослава и до Володимера...» и т. д. Речь должна была идти вслед за тем, видимо, о том, что было на Руси при перечисленных князьях до Батыева нашествия и что претерпела Русская земля, когда Батый вторгся в нее со своими полчищами. Трудно гадать, каково было в точности продолжение и окончание дошедшей до нас части «Слова о погубели». Окончание вступления к житию Федора Ростиславича в редакции Андрея Юрьева, изображающее опустошение Русской земли татарами, вопреки мнению Горлина, не может дать ясного представления о том, каково должно было быть продолжение сохранившейся части «Слова о погубели», так как это краткое окончание в общих выражениях лишь резюмирует факты, которые Андрей Юрьев мог почерпнуть из летописных рассказов.

Новгородское происхождение автора «Слова о погубели» М. Н. Тихомиров аргументирует тем, что географические наименования «Слова» ведут нас к новгородской исторической действительности, сложившейся во втором и в третьем десятилетии XIII века, но эти наименования, за исключением тоймичей, «дышючего моря» и вяды, отождествляемой самим М. Н. Тихо-

¹ Никак нельзя допустить, чтобы от времени княжения «великого Ярослава», т. е. Ярослава Мудрого, и «Володимера», т. е. Владимира Мономаха, можно было вести начало «болезни» христианам, под которой разумеются бедствия, связанные с татарским нашествием. Лопарев этой болезнью склонен был считать междоусобия удельной системы, сказавшиеся особенно губельно при нашествии татар. При таком толковании, по мнению Лопарева, заключительную часть «Слова о погубели» — «А в ты дни болезнь крестияном» до конца — можно рассматривать как законченную фразу, но, во-первых, княжеские междоусобия причиняли бедствия Руси гораздо раньше татарского нашествия, почему нельзя было говорить о «болезни» в «ты дни», т. е. в данном случае в «эти дни»; во-вторых, в «Слове» время старых князей изображается как время процветания и могущества Руси, так что и по этой причине нельзя было говорить о «болезни», вызванной княжескими междоусобицами.

мировым с черемисами или мордвой, целиком повторяются и в Степенной книге (там же упоминаются и буртасы, неизвестные, как ошибочно предпологает М. Н. Тихомиров, русским летописям), и наименования эти, как указано было выше, следует возводить к более древнему источнику, общему для «Слова о погибели» и для Степенной книги. Что касается тоймичей, то в «Слове» они упоминаются как народ, обитавший в пределах Устюга, фигурирующий также в географических обозначениях Степенной книги, известный во Владимирско-Суздальской Руси, судя по заметке Новгородской летописи под 1219 годом. Относительно «дышючего моря» нужно сказать, что упоминание о нем, как указывает М. Н. Тихомиров, действительно встречается только в новгородских памятниках и искаженно — в «Задонщине», но о нем могли быть слышаны не только в Новгороде, о чем свидетельствует упоминание его в «Задонщине».

Сомнительность написания «Слова о погибели» новгородцем проистекает из того, что Новгород не пострадал от татар не только в результате Калкской битвы, но и в результате нападения Батыя на Русь в 1237—1238 годах. Автором «Слова» был, очевидно, обитатель Переяславля Залесского или Владимира, князей которых он упоминает как своих современников, скорее всего — Переяславля, судя по тому, что на первом месте в «Слове» упомянут не владимирский князь Юрий, а переяславский, в ту пору — Ярослав. Попутно заметим, что если мы придем к заключению о написании «Слова о погибели» во Владимирско-Суздальской Руси, то оно никак не могло быть создано по связи с битвой на Калке, так как Владимирский князь Юрий Всеволодович эгоистически уклонился не только от участия в этой битве, но и от присутствия на созванном в Киеве — по почину Мстислава Удалого — съезде русских князей для обсуждения вопроса о том, как общими силами бороться с татарской угрозой. Выступить при этих обстоятельствах переяславцу или владимирцу с горьким сетованием о гибели Русской земли — значило бы косвенно уличать своего великого князя в нерадении о Русской земле.

Таким образом, в основном остается в силе толкование «Слова о погибели», предложенное первым его издателем — Х. М. Лопаревым, за исключением его предположения о существовании «трилогии», включавшей в себя еще рассказ о смерти Ярослава Всеволодовича и житие Александра Невского, написанной, быть может, одним автором, разумеется, в разное время, на протяжении, значит, не менее, чем двадцати пяти лет. В силе остаются и приурочение Лопаревым «Слова о погибели» ко времени около 1238 года — нашествия на северную Русь Батыя, и вероятное предположение, что автор «Слова» жил в Переяславском княжестве в 30-х годах XIII столетия.

5

Говоря о «Слове о погибели», не лишне коснуться вопроса об отношении его к «Слову о полку Игореве». Еще Лопарев сопоставил выражения «Слова о погибели» «светло светлая... земля Русьская», «угры твердят каменные города железными вороты», «от великаго Ярослава... и до нынешняго Ярослава» с выражениями «Слова о полку Игореве» «светлое и тресветлое солнце», «подпер горы угорскыи своими железными полки» и «от стараго Владимира до нынешняго Игоря», не делая, впрочем, никаких выводов о влиянии «Слова о полку Игореве» на «Слово о погибели». Но уже Грушевский рассматривал «Слово о погибели» как северную переработку «Слова о полку Игореве», вроде «Задонщины», как подражание ему, правда, «достаточно риторическое и холодное». Следы такого подражания Грушевский видел в том, что все содержание «Слова о погибели» напоми-

наст возвеличение в «Слове о полку Игореве» князей и их славы, перечень подвластных Руси народов близок к рассказу «Слова о полку Игореве» о народах, покоренных Романом и Мстиславом, фраза, упоминающая о «нынешнем Ярославе» является подражанием фразе «Слова» XII века, в которой фигурирует «нынешний Игорь», как возможным таким подражанием является и название памятника XIII века «Словом».

Следы влияния «Слова о полку Игореве» на «Слово о погибели» отмечает и Серебрянский, усматривая их в выражении последнего «от великаго Ярослава и до Володимера и до нынешняго Ярослава», а также в прославлении воинских подвигов Владимира Мономаха, которым автор «Слова о погибели» заменил киевского князя Святослава, как он изображен в «Слове о полку Игореве».

Но настойчивее всех о связях «Слова о погибели» со «Словом о полку Игореве», отчасти повторяя в этом отношении своих предшественников, говорит А. В. Соловьев в двух своих указанных статьях. «Для внимательного читателя очевидно, — пишет он, — большое сходство между „Словом о погибели“ и „Словом о полку Игореве“, которое старше первого на полвека».¹ Это сходство автор видит в том, что оба произведения одинаково называются «Словом», подчеркивающим их ораторский стиль; оба они написаны в свободном и прихотливом ритме, настолько, что их нельзя разложить на мерные стихи, хотя мы и улавливаем в том и в другом их ритмическую природу; оба отличаются одинаковым лирическим восприятием красот природы — чертой, довольно редкой в европейской литературе той эпохи.

Далее, и то и другое — прежде всего произведения политические; оба они отличаются своим патриотизмом; говоря о князьях и об их деяниях, они помышляют в первую очередь о родине, о «Русской земле», обращение к которой там и тут является основным их мотивом; оба произведения основаны на глубокой исторической осведомленности; оба поэта предлагают воспеть давно минувшие времена в одинаковых выражениях (в «Слове о полку Игореве» — «от старого Владимера до нынешняго Игоря», в «Слове о погибели» — «от великаго Ярослава... до ныняшняго Ярослава»); оба очень внимательно относятся к княжеской генеалогии.

Оба поэта изумляют нас своими обширными географическими познаниями; оба они в исторический рассказ вклинивают древние легенды (с одной стороны, воинские дела Всеслава и Святослава Киевского, с другой — Владимира Мономаха).

В обоих произведениях находим сходные выражения (слова: «свет светлый», обращенные Всеволодом к Игорю, и слова «о светло светля», обращенные к Русской земле, эпитет «грозный», «синее море» там и тут; одинаковое использование собирательных имен в единственном числе: «литва, деремела, хинова» в «Слове о полку Игореве» — литва, мордва, вяды, корела в «Слове о погибели»; употребление в нем весьма редкой в ту пору формы «тонмици», однородной с «русици» «Слова о полку Игореве», противопоставление в обоих памятниках христиан «поганым»).

В дополнении к этим параллелям А. В. Соловьев, вслед за Лопаревым, во второй своей статье приводит еще одну фразу «Слова о погибели»: «а угры твердыху каменные городы железными вороты» он сопоставляет с фразой «Слова о полку Игореве» «подпер горы угорскии своими железными полки».

Будучи убежден в том, что автор «Слова о погибели» был знаком со «Словом о полку Игореве», А. В. Соловьев, однако, объясняет приведен-

¹ A. Soloviev. Le Dit de la ruine de la terre Russe, стр. 125.

ные им параллели из обоих памятников не как результат подражания автора поэмы XIII века своему образцу, а как поэтическую реминисценцию, внушенную «Словом о полку Игореве». «Я не думаю, — пишет он, — что „Слово о погибели“ — подражание „Слову о полку Игореве“, но оба они, несомненно, продукт одной и той же поэтической школы».¹

Как нам представляется, все эти параллели из обоих памятников, в том числе и в наибольшем количестве подобранные А. В. Соловьевым, — настолько общего характера, что едва ли могут свидетельствовать о литературной связи «Слова о погибели» со «Словом о полку Игореве», даже при тех оговорках, которые делает А. В. Соловьев.² Как бы мы ни ценили «Слово о погибели» с точки зрения литературной, нет необходимости во что бы то ни стало подтягивать его к «Слову о полку Игореве». И думается, прав был В. Н. Перетц, когда он в своей книге о «Слове о полку Игореве» 1926 года, прослеживая его судьбу в рукописной традиции, не включил в эту традицию «Слово о погибели Рускыя земли».

В связи с толкованием текста «Слова о погибели» стоит неразрешенный и едва ли разрешимый вопрос о пунктуации этого текста, от чего зависит правильное понимание его образных средств. Как известно, в древнерусских рукописях пунктуация исчерпывалась главным образом точкой, которая часто ставилась произвольно, так что в употреблении ее трудно усмотреть какую-либо закономерность и логическую последовательность. Точка в качестве единственного пунктуационного знака употребляется и в рукописях «Слова о погибели» (судя по фотографическим снимкам, приложенным к публикациям Х. М. Лопарева и В. И. Малышева, в псковскопечерской рукописи реже, в рукописи же рижской — чаще), но и здесь трудно определить ее пунктуационное значение. Лопарев в своей публикации употребил современную нам пунктуацию в разбивке текста «Слова», исходя из своего, очень вероятного представления о ритмическом его строе, характеризующемся, между прочим, постановкой эпитетов после относящихся к ним существительных. За Х. М. Лопаревым последовал и В. И. Малышев. Серебрянский заново публикуя текст «Слова» по псковскопечерской рукописи, сохранил пунктуацию (точки) подлинника. Так же поступил и М. Горлин, публикуя по фотографическому снимку текст рижской рукописи. А. В. Соловьев в своем ритмизованном переводе «Слова о погибели» на французский язык следовал той пунктуационной разбивке, какую мы находим у Х. М. Лопарева и В. И. Малышева.

Но уже Лопарева, не сомневавшегося в том, что в «Слове» эпитеты стоят после имен существительных, смущало при этом чтение «холми высокими, дубровами чистыми, польми дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными». Особенно смутительным для него было сочетание «дубровами чистыми», которого он не находил ни в былинах, ни песнях, ни в летописях, где эпитет «чистый» прилагается к полю, а «различный» («разный») — к птицам. Казалось бы, как замечает Лопарев, можно изменить пунктуацию и читать «высокими дубровами, чистыми польми», так как «высокая дуброва» все же понятнее, нежели «дуброва чистая». Но оставляя принятую им пунктуацию, он предлагает читать «частыми» вместо

¹ А. Soloviev. New traces of the Igor tale in old Russian literature, стр. 78.

² Вообще, А. В. Соловьев склонен порой видеть сходство со «Словом о полку Игореве» в таких текстах, в которых это сходство трудно усмотреть. Так, например, упоминание «славные реки Днепра» и «славных курян» в рассказе Степенной книги о Ярославе Всеволодовиче позволяет ему утверждать, что автор и этого рассказа, возводимого им к житию Ярослава, написанному после 1246 года (год его смерти), был знаком со «Словом о полку Игореве», так как приведенные слова восходят якобы к упоминанию Днепра Словутича и сведомых курян в «Слове о полку Игореве» (А. Soloviev. New traces of the Igor tale in old Russian literature, стр. 79).

«чистыми» (слово это в псковско-печерской рукописи написано с титлом), указывая на написание в одной из старых рукописей «влезе в дубраву чисту» и добавляя при этом, со ссылкой на «Калек переходжих» Бессонова, что и выражение «дивных поль» не безызвестно. Однако в рижской рукописи, судя по снимку, слово «дубровами» сопровождается эпитетом «чистыми», написанным полностью, без титла.

Пыпин, принимая во внимание замечание Лопарева относительно возможной расстановки эпитетов в «Слове о погибели», предлагал свою расстановку, при которой сохранялась постановка эпитетов после существительных. «В перечислении по замечанию издателя, — писал Пыпин, — эпитеты как будто смешаны, так что были собственно „холмы крутые“, „дубравы высокие“, „поля чистые“ и т. п.; вероятно, были далее — не „дивные“ звери, а „дивии“, т. е. дикие».¹

Горлин, комбинируя замечания Лопарева и Пыпина, устанавливает такую пунктуацию: «реками и кладязьми, месточестьными горами, крутыми холми, высокими дубровами, чистыми польми, дивными зверьми, различными птицами бещислеными» вместо пунктуации, принятой в изданиях Х. М. Лопарева и В. И. Мальшева: «реками и кладязьми месточестьными, горами крутыми, холми высокими, дубровами чистыми, польми дивными, зверьми различными, птицами бещислеными».

Думается, однако, что ритмическая природа «Слова о погибели» такова, что она требует ставшей уже традиционной пунктуации, при которой выдерживаются единство и стройность ритма, и соображения отвлеченной логики не могут перевешивать соображений, подсказываемых прежде всего правильным пониманием ритмического строя памятника.

¹ А. Н. Пыпин, ук. соч., стр. 219.

А. А. НАЗАРЕВСКИЙ

„Задонщина“ в исследованиях последнего десятилетия

Так называемая «Задонщина» — одна из исторических воинских повестей о разгроме объединенными русскими войсками полчищ Мамайя на Куликовом поле в 1380 году. Из всех исторических повествований на эту тему она наиболее близка к «Слову о полку Игореве» — не только своим содержанием, идейной насыщенностью, но и особенностями стиля, имея большое количество прямых отголосков стилистики и поэтических образов «Слова». Не удивительно, что сравнительное изучение обоих памятников началось сразу же после открытия и первой публикации одного из списков «Задонщины» в 1852 году¹ и продолжается буквально до наших дней, особенно оживившись в послевоенные годы.²

Однако в течение очень долгого времени даже в советском литературоведении «Задонщина» привлекала внимание исследователей главным образом, а иногда и почти исключительно, именно своей близостью к стилистике и лексике «Слова о полку Игореве», степенью своей зависимости от него, многие же вопросы, касающиеся «Задонщины» непосредственно, оставались на втором плане или вовсе почти не затрагивались.

Так до самого недавнего времени было очень мало сделано для выяснения вопроса о первоначальном виде «Задонщины», о ее первоначальном авторском тексте и дальнейших его изменениях; не раскрыты были в достаточной мере ее идейное содержание и направленность; не выяснен был вопрос о степени оригинальности устнопоэтических элементов «Задонщины» и некоторые другие.

Целью настоящей статьи и является — пересмотреть ряд вопросов, связанных с «Задонщиной», и подвести известные итоги ее изучению, главным образом за советское время, выделяя преимущественно те проб-

¹ Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. 14, М., 1852, Материалы (список середины XVII века, собр. Ундольского, № 632).

² Перечень статей, посвященных «Задонщине» за время с 1852 по 1947 год, см.: В. П. Адрианова-Перетц: 1) Задонщина. Текст и примечания. Труды ОДРЛ, V, 1947, стр. 194—195; 2) Задонщина. (К вопросу о реконструкции авторского текста). Известия АН СССР, ОЛЯ, VI, вып. 2, 1947, стр. 95—100; 3) Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). Труды ОДРЛ, VI, 1948, стр. 201—232. — В. Ф. Ржига. Слово Софония рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). Ученые записки Московского Гос. педагогического института им. В. И. Ленина, т. XLIII, Кафедра русской литературы. — Задонщина. Под ред. С. К. Шамбинаго. ГИХЛ, М., 1947, стр. 37—45. — Воинские повести древней Руси (Сер. «Литературные памятники») Под ред. В. П. Адриановой-Перетц М.—Л., 1949, стр. 33—41, 143—165, 255—258, 269—272, 269—305 (см. рецензию Н. К. Гудзия: «Советская книга», 1950, № 3, стр. 109—112).

лемы, которые не нашли еще окончательного решения или еще недостаточно освещены.

* * *

Для того чтобы иметь возможность судить о содержании произведения, его идейной направленности, художественных средствах и т. д., необходимо прежде всего точно знать его текст, как первоначальный, так и в последующих видоизменениях, для чего надо установить этот текст и выснить его дальнейшую историю.

Таким образом проблема текста «Задонщины» является первым и неизбежным этапом в изучении памятника.

Нельзя сказать, чтобы наличные рукописные данные благоприятствовали разрешению этой проблемы.

Как известно, сохранилось шесть рукописей XV—XVII веков, содержащих — далеко не с одинаковой полнотой — текст «Задонщины», причем только три из них могут быть названы более или менее полными,¹ один сохранил только первую половину текста памятника,² а два остальных представляют отрывки.³ Кроме того, отдельные вставки из «Задонщины» вошли в текст так называемого «Сказания о Мамаевом побоище» разных редакций.

Надо отметить еще, что все известные списки «Задонщины» плохо сохранили текст памятника и изобилуют многочисленными ошибками, нередко даже грубыми искажениями (особенно *К-Б* и *С*).

Первую по времени попытку восстановить текст «Задонщины» в его полном и более или менее исправном виде сделал еще в 1858 году И. И. Срезневский в своей работе «„Задонщина“ великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимера Ондреевича»,⁴ в которой он издал сводный текст памятника на основании только что открытого тогда списка Кирилло-Белозерского монастыря (*К-Б*) второй половины XV века и ранее уже известного списка Ундольского (*У*) середины XVII века, исходя из правильной предпосылки, что раз оба известные списка «Задонщины» — и *К-Б* и *У* — явно испорчены во многих местах, то «Задонщину» следует читать, «дополняя один список другим».⁵ Текст первого списка Срезневский взял за основу, а из списка *У* добавил некоторые дополнения и вторую часть, полностью отсутствующую в *К-Б*.

Почти через 50 лет, в работе С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище»⁶ была сделана новая попытка реконструкции текста «Задонщины». Исследователь, располагавший, кроме двух известных Срезневскому, еще одним списком «Задонщины», так называемым Синодальным. XVII века (условно — *С*), на основании изучения всех трех списков, а также используя отрывки «Задонщины», вошедшие в различные редакции «Сказания о Мамаевом побоище», «представил предположи-

¹ В сборнике ГИМ № 2060, конца XVI—начала XVII века; в сборнике Ундольского (БЛ) № 632, середины XVII в.; в сборнике бывш. Синодальной библиотеки (ныне ГИМ) № 790, XVII века. В дальнейшем они условно обозначаются буквами — *И-1*, *У*, *С*.

² В сборнике Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086, 1470-х годов (условно — *К-Б*).

³ В сборнике ГИМ № 3045 (условно — *И-2*), конца XV—начала XVI века; в сборнике БАН СССР I.4.1 (так называемый Ждановский сборник), второй половины XVII века (условно — *Ж*).

⁴ Известия по РЯС, VI, 1858, стлб. 344—352.

⁵ Там же, стлб. 339.

⁶ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. Сборник ОРЯС, т. 81, № 7, 1906, стр. 119—128.

тельно текст, Поведения (так С. К. Шамбинаго называет «Задонщину», — А. Н.) в исправленном виде».¹

В настоящее время обе первые попытки восстановить первоначальный полный текст «Задонщины» путем «сведения» ее отдельных списков уже совершенно не могут считаться удовлетворительными — как по крайне ограниченному числу использованных списков (два у Срезневского и три у Шамбинаго), так и по самой методике работы. С. К. Шамбинаго, например, указав, что «оригинал Поведения (т. е. «Задонщины», — А. Н.) восстанавливается из сличения всех списков и отрывков»,² совершенно не обозначает, какой список он кладет в основу своего «предположительного», «исправленного» текста «Задонщины», откуда берет исправления и дополнения к нему, чем руководствуется при выборе того или другого чтения.

Столь же неудачной является повторная попытка С. К. Шамбинаго дать восстановленный текст «Задонщины», предпринятая им в популярном издании 1947 года и рассчитанная на «широкий круг читателей».³ Здесь «для восстановления текста приняты во внимание не только три полных списка, но все решительно отрывки, находящиеся в „Сказании“, и рукописи, содержащие неполные тексты. . . Никаких личных привнесений в напечатанный текст не сделано».⁴ Однако поскольку и здесь нет никаких указаний на то, какой список положен в основу издания, из каких списков и какие именно взяты дополнения и поправки и т. п., настоящий сводный текст является еще более «слепым» и текстологически не мотивированным, чем текст в исследовании С. К. Шамбинаго 1906 года.

За последние годы к вопросу о первоначальном виде «Задонщины», объеме и составе ее авторского текста не раз обращалась В. П. Адрианова-Перетц, которой принадлежит ряд ценных работ по изучению этого памятника. Ниже будет подробно рассмотрена каждая из этих работ.

В работе 1947 года «„Слово о полку Игореве“ і „Задонщина“»⁵ В. П. Адрианова-Перетц выделяет в «Задонщине» ее основную часть, которая «опирается на стилистическую канву Слова о полку Игореве»⁶ и, таким образом, является древнейшей. Это — «художественный рассказ о важнейших моментах подготовки к Куликовской битве, о первом, тяжелом для русского войска эпизоде боя, об общем горе, им вызванном, потом о неожиданном для Мамаея появлении из засады полков князя Боброка-Волынского, о поражении татаро-монгольских войск и об отчаянии остатков их, бежавших с поля боя».⁷ Вступление и заключительную часть «Задонщины», а также некоторые отдельные места и эпизоды, стилистически не связанные или почти не связанные со «Словом о полку Игореве», В. П. Адрианова-Перетц считает позднейшими добавлениями другого лица (редактора).

Так как основная часть «Задонщины», построенная на стилистической канве «Слова о полку Игореве», не сохранилась полностью и в исправном виде ни в одном из имеющихся на сегодня списков, она может быть восстановлена «лишь при помощи отбора отдельных более сохранившихся чтений из разных списков — полных и неполных».⁸

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. Сборник ОРЯС, т. 81, № 7, 1906, стр. 119 (разрядка С. К. Шамбинаго).

² С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 134

³ Задонщина. ГИХЛ, М., 1947, стр. 41.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» і «Задонщина» «Радянське літературознавство», Київ, 1947, № 7—8, стр. 135—186.

⁶ Там же, стр. 137 (все цитаты из этой статьи даются в русском переводе).

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 140

В. П. Адрианова-Перетц приводит в своей работе 90 отдельных выдержек из «Слова о полку Игореве», к которым есть близкие места (заимствованные из «Слова») в различных списках «Задонщины», причем таких заимствований или отголосков «Слова» оказывается в наиболее исправном списке *И-1* — 87, в списке *У* — 80, в списке *С* — 74. Древнейший список *К-Б* имеет 47 параллелей к приведенным 90 цитатам из «Слова о полку Игореве», но если мы примем во внимание, что текст его сильно сокращен и обрывается почти на половине предположительно восстановливаемого оригинала, то надо думать, что в полном своем виде и он обнаружил бы не меньшее, а может быть, даже и большее количество совпадений со «Словом», чем три других списка.

Таким образом, наблюдения над приведенными в работе В. П. Адриановой-Перетц параллелями из «Слова» и «Задонщины» показывают, что по общему количеству совпадений, по насыщенности поэтической фразеологией «Слова о полку Игореве» все указанные только что списки занимают более или менее равное положение. Что же касается качества отдельных совпадающих со «Словом» чтений и частоты их повторения в различных списках «Задонщины», то тут, конечно, имеем значительные различия.

В соответствии с наличием трех более или менее полных списков «Задонщины» и четвертого с половинным текстом в большинстве случаев однородные чтения-параллели к «Слову» встречаем в перечне В. П. Адриановой-Перетц то в трех, то в четырех списках: в трех списках — 30 раз, в четырех — 40 раз. Семь раз встречаем однородные чтения — отголоски «Слова» даже в пяти списках, это в тех случаях, когда соответствующие места сохранились в небольшом отрывке «Задонщины» в списке *И-2*. Но есть и такие стилистические отголоски «Слова», которые сохранились только в двух, а иногда даже только в одном списке «Задонщины». В перечне В. П. Адриановой-Перетц имеется 11 случаев, когда то или иное заимствование из «Слова о полку Игореве» сохранилось в двух списках, и всего 2 случая, когда отголосок «Слова» уцелел лишь в одном списке «Задонщины»: «свистом поля перегороди» (*К-Б*) и «стреляй, князь великий, поганого Мамаю за землю Рускую» (*И-1*).

Нельзя не согласиться с В. П. Адриановой-Перетц, что при выборе чтений для восстановления оригинала, или, как она говорит, первой редакции «Задонщины», есть все основания опираться на использованный автором текст «Слова»: едва ли текст «Задонщины» вторично украшался образами «Слова» или поэтические приемы «Слова», ранее внесенные Софонией в его произведение в измененном виде, кто-то восстанавливал позже в их подлинной, первоначальной форме. Поэтому при реконструкции авторского текста из нескольких вариантов в различных списках «Задонщины» выбираются те, «которые ближе передают стиль Слова о полку Игореве».¹

В основу гипотетически восстановленного В. П. Адриановой-Перетц первоначального текста «Задонщины» положен список *И-1* (без заглавия, вступления и последнего обращения великого князя к брату) конца XVI—начала XVII века, добавления же и исправления внесены в него из списков *К-Б*, *У*, *С*, *И-2* и *Р*². Все эти добавления и исправления отмечены в тексте и оговорены в примечаниях под строкой. Таким образом,

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 149.

² Сборник Румянц. № 378, XVII века — «Сказание о Мамаевом побоище» со вставками из «Задонщины».

в этом издании впервые сделано то, чего недоставало в предшествующих работах и отсутствие чего в значительной мере обесценивало прежние попытки реконструкции текста «Задонщины». Для наглядности и удобства сопоставлений восстановленного текста с его основным источником — «Словом о полку Игореве» — соответственные параллели из «Слова» приведены тут же, на каждой странице под строкой.

Как уже было отмечено выше (см. стр. 548), В. П. Адрианова-Перетц считает древнейшей, принадлежащей автору (Софонии) лишь основную, центральную часть «Задонщины», которая «опирается на поэтическую фразеологию Слова о полку Игореве»;¹ она и составляет первоначальный объем памятника, его первую редакцию. Находящиеся же в ряде списков «Задонщины» предисловие, рассказ о бегстве Мамаю в Кафу и заключительная речь великого князя «на костях» к уцелевшей дружине, включающая иногда также перечень убитых воевод, отличающиеся от основной части стилистически, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, — позднейшего происхождения и являются типичными особенностями новой, второй редакции «Задонщины». Главный источник этих добавлений — одна из редакций «Летописной повести» о Мамаевом побоище, откуда взяты также более мелкие редакторские вставки, имевшие целью приблизить стиль «Задонщины» к приемам московского исторического повествования XV века. Вставки последнего типа пополнили текст Софонии — «более поэтический, нежели конкретно-содержательный»² — фактическими подробностями, внесли элемент религиозной чувствительности в характеристику великого князя и значительно сгустили краски в изображении картины боя.

Считая, что последние вставки действительно могут быть делом позднейшего редактора или переписчиков «Задонщины», я не могу согласиться с тем, что «обрамление» этого памятника — его замечательное в идейном отношении вступление, подлинный идейный стержень произведения, и пространное заключение — является позднейшим по времени и не принадлежит самому автору «Задонщины». Неужели «Задонщина» в ее первоначальном виде была создана буквально без начала и без конца? Она не могла начинаться словами «Лутче бо[нам] есть, братие, нача[ти]. . .», как когда-то начиналось «Слово о полку Игореве», — это противоречило бы и логике, и художественному чутью, которые, бесспорно, были у Софонии.

По поводу вступления в «Задонщине» В. П. Адрианова-Перетц говорит: «Поставив себе целью дать историческое вступление к повести о Куликовской битве, редактор обратился к летописным рассказам о прошлом».³ Но почему такую цель не мог поставить себе автор повести? Почему он сам не мог обратиться к летописным рассказам о прошлом? Неужели Софония мог не дать своего предисловия, определяющего его точку зрения на события?

Точно так же автор, рассказав о разгроме татар, не мог оборвать свое произведение словами «Трубы их не трубят, уныша гласи их», ничего не сказав о русском воинстве и русских князьях-победителях; он не мог оставить свою «похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондреевичу» без упоминания о них в самом конце произведения, без упоминания, что они себе «добыли чести и славного имени».

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», стр. 161

² Там же, стр. 171.

³ Там же, стр. 173 (разрядка В. П. Адриановой-Перетц).

Относительно заключения «Задонщины» у В. П. Адриановой-Перетц читаем: «Продолжая изложение Софонии, эффектно обрывающееся на картине полного разгрома войск Мамаю, редактор обратился к Летописной повести о Мамаевом побоище и добавил два эпизода: прощание великого князя с дружиной и бегство Мамаю»¹ Если бы повесть действительно обрывалась так, как говорит В. П. Адрианова-Перетц, то «эффектность» этого приема была бы весьма сомнительной, так как он резко противоречил бы и логике и художественному чутью, которые, повторяю, были у автора «Задонщины». Не мог он закончить свое произведение, написанное в похвалу князьям-победителям, даже не упомянув о них!

Утверждение В. П. Адриановой-Перетц по поводу заключительной части «Задонщины», что «композиция этой части, несомненно, взята из Летописной повести»,² мне кажется вполне приемлемым, но «взять» эту композицию из «Летописной повести», конечно, мог и сам автор, а не какой-нибудь последующий редактор. Между прочим, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в заключении «Задонщины» отсутствует молитва великого князя, в которой он благодарит бога за победу, находящаяся в «Летописной повести». Это как раз соответствует светским тенденциям Софонии, которые подчеркивает В. П. Адрианова-Перетц, и противоречит церковно-благочестивым тенденциям предполагаемого «редактора».³

Свой «отвод» из первоначального текста «Задонщины» вступления, заключения, эпизода о бегстве Мамаю и некоторых других «вставок» В. П. Адрианова-Перетц основывает на стилистических наблюдениях — на стилистическом единстве и стилистической близости к «Слову о полку Игореве» основной, центральной части «Задонщины», от которой, по ее словам, заметно отличаются своей поэтической фразеологией и стилевыми особенностями все перечисленные только что другие части.

Мне кажется, что эти стилевые отличия предполагаемых редакторских добавлений от поэтической фразеологии центральной части «Задонщины» отчасти преувеличены, а отчасти могут иметь иное объяснение.

В самом деле, В. П. Адрианова-Перетц подчеркивает, что в предисловии «нет ни одного стилистического приема из Слова о полку Игореве»,⁴ что «это вступление стилистически отличается от повествования Софонии», и тут же вынуждена оговориться: «Однако изредка автор предисловия вспоминает тот или другой оборот речи Софонии и, употребляя его, связывает отчасти вступление с дальнейшим повествованием».⁵ Приведя два примера, В. П. Адрианова-Перетц указывает, что «отголоски стиля Софонии слышны, частично, и в призыве великого князя: „посмотрим славного Днепра“» и т. д.⁶ Почему же нельзя видеть в приведенных примерах не «отголоски стиля Софонии», а непосредственные отголоски «Слова о полку Игореве», как во многих местах центральной части «Задонщины»?

Стилистическую близость некоторых выражений эпизода о бегстве Мамаю к «Слову о полку Игореве», на что указывал еще С. К. Шамбинаго,

¹ Там же.

² Там же, стр. 175.

³ Может быть, не лишним будет напомнить здесь, что А. А. Шахматов в своей рецензии на книгу С. К. Шамбинаго (Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910. Отдельный оттиск из «Отчета о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария») всю заключительную часть, как и эпизод о бегстве Мамаю, относил к основному, первоначальному тексту «Задонщины».

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», стр. 173.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

В. П. Адрианова-Перетц также объясняет тем, что эти выражения автор данной «вставки» нашел у Софонии.¹ Образное выражение «и отскочи поганый Мамай серым волком от своея дружины» она выводит из устных источников, игнорируя «Слово о полку Игореве» с его «въврѣжеса [Игорь] на брѣзь комонь, и скочи съ него бусымъ [т. е. серым] в лѣкомъ», «тогда Влур в лѣкомъ потече», «[Боян] растекашется... сѣрымъ вѣлком по земли».

По наблюдению Д. С. Лихачева, эпизод о бегстве Мамаю находится в тесной композиционной связи со «Словом о полку Игореве». Изображение бегства Мамаю «резко отлично» от изображения бегства Игоря из плена; бегство Мамаю в конце рассказа о Куликовской битве в композиционном отношении «явно противостоит бегству Игоря в конце Слова».²

Таким образом, включение этого эпизода в первоначальный текст «Задонщины» было необходимо, так как это соответствовало общему идейному замыслу автора. Все это лишний раз говорит за то, что в оригинале «Задонщины» эпизод бегства Мамаю был.

Большую часть заключительной речи великого князя на поле битвы В. П. Адрианова-Перетц также считает лишь «стилистическим распространением отдельных образов Задонщины». Она говорит, между прочим, что по типу «писания Софонии» редактор пересыпает речь великого князя постоянными обращениями — «брате» и т. п., но что «Софония никогда так не злоупотреблял этим приемом, как это делает редактор».³ А между тем, в центральной части «Задонщины», бесспорно — по В. П. Адриановой-Перетц — принадлежащей Софонии, читаем: «Седлай, брате Ондрей, свои борзыи комони, а мои готовы... [Выедем], брате, на чистое поле, посмотрим своим польков, толко, брате, князь Дмитриеи, с нами».⁴ Есть и другие подобные места. В. П. Адрианова-Перетц приводит также ряд поэтических оборотов заключительной речи великого князя, в которых видит повторение образов «Задонщины» книжником-редактором.⁵ Но почему нельзя видеть в этих оборотах заключительной речи таких же отголосков «Слова», какие мы видим в соответствующих выражениях центральной части «Задонщины», даже если между ними и есть некоторые отличия в оттенках? Почему это не могут быть такие же авторские самоповторения, какие мы видим и в «Слове о полку Игореве»?

Мне кажется, что известная разница в стиле и поэтической фразеологии между центральной частью «Задонщины» и ее вступлением, заключением и некоторыми отдельными эпизодами, конечно, есть, но она не так велика, чтобы непременно надо было ставить вопрос о другом авторе этих частей, создавшем новую, вторую редакцию повести. «Слово о полку Игореве» было основным, самым мощным и действенным, но не единственным источником для автора «Задонщины» в ее первоначальном виде. «Книжник» Софония, как его обычно квалифицируют, не чужд был и народному творчеству, элементы которого — не восходящие к «Слову о полку Игореве» — отчетливо отражены в ряде мест «Задонщины»; но этот «книжник» прежде всего был человеком, начитанным в литературе своего

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревим» і «Задонщина», стр. 175.

² Д. С. Лихачев. Задонщина. «Литературная учеба», 1941, № 3, стр. 92.

³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревим» і «Задонщина», стр. 176; далее следует несколько примеров из заключительной части.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревим» і «Задонщина», стр. 181.

⁵ Там же, стр. 176.

времени и в памятниках прошлого. Вполне естественно предположить поэтому, что он и использовал некоторые из известных ему памятников в процессе своей работы над «Задонщиной». В центральной части своего произведения он более всего использует «Слово о полку Игореве», которое всецело захватило его как своей идейной глубиной, своим патриотизмом, так и совершенством художественной формы. Но и его он использует очень своеобразно и, кроме того, неравномерно. В других же местах, главным образом во вступлении и заключении, автор «Задонщины» мог иметь и, конечно, имел уже иные источники, как Повесть временных лет, «Летописная повесть» о Куликовской битве, некоторые памятники рязанской литературы и другие. Здесь, не пользуясь «Словом о полку Игореве», он освобождался от его обаяния, выходил из-под влияния «Слова», писал более свободно, по-своему, по-современному, приближаясь к манере исторического повествования XIV—XV веков.

В. П. Адрианова-Перетц допускает возможность того, что начальная беседа или совещание на пиру, которым открывается «Задонщина» в полных списках, — своеобразный эпический прием. «Вполне вероятно, — говорит она, — что мысль начать рассказ о Мамаевом побоище беседой на пиру перед самыми событиями могла быть подсказана обычным зачином многих былин».¹ Но даже в этом случае, если мы имеем здесь эпический прием самого автора, «речь великого князя в предисловии, без сомнения, составлена начитанным книжником и никакой близости к стилю Софонии не обнаруживает».² Но почему же Софония, который в известной мере тоже был «начитанным книжником», сам не мог написать предисловия в книжной манере, пользуясь не «Словом о полку Игореве», а другими книжными источниками? Этим и могла бы быть объяснена разница между началом и дальнейшим изложением «Задонщины».

Желая подчеркнуть, что предисловие и центральная часть «Задонщины» писаны разными лицами, В. П. Адрианова-Перетц указывает, что предполагаемый ею автор предисловия говорит о нем как о заново составленном: «преже в описях»; о самой же «Задонщине» (т. е. центральной ее части) он говорит как о списанном, чужом произведении: «потом списах жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу».³ Однако глагол «списать» в древнерусском языке обозначал не только «списать», «переписать», но и «написать», «сочинить», «описать».⁴ Таким образом, приведенные фразы предисловия следует читать так: «Сперва я описал жалость земли Русской и прочее, от книг приводя (т. е. на основании книг, — А. Н.). Потом же написал (или сочинил, — А. Н.) жалость и похвалу великому князю...» и т. д. Иначе говоря, здесь один, тот же самый автор рассказывает о той последовательности, в которой он создавал свое произведение.

Настоящая попытка реконструкции авторского текста «Задонщины», предпринятая В. П. Адриановой-Перетц, как и предшествующие попытки

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 172.

² Там же.

³ Разрядка В. П. Адриановой-Перетц.

⁴ Убедительные примеры из памятников см.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, столб. 792. Добавлю еще начало авторского послесловия из «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»: «Списана же бысть повесть сия в том же богохранимом граде Пскове, от жителя того же града» (В. И. Малышев. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.—Л., 1952, стр. 24. Разрядка наша, — А. Н.) Такое значение глагола «списать» («написать», «сочинить») встречается и гораздо позже, ср., например, слова юноши Пушкина о Фонвизине как авторе «Недоросля»: «Творец, списавший (разрядка наша — А. Н.) Простакову» («Тень Фонвизина», 1815 г.).

И. Срезневского и С. Шамбинаго, исходит из сравнительного анализа всех известных списков памятников — без предварительного распределения их по редакциям. Очевидно, все они мыслились как принадлежащие к одной редакции.

Вопрос о наличии двух — пространной и краткой — редакций среди известных на сегодня списков «Задонщины» был поставлен В. Ф. Ржигой, который в связи с этим выдвинул и новые методические требования для восстановления первоначального вида памятника. В своей работе «Слово Софония рязанца о Куликовской битве („Задонщина“») В. Ф. Ржига не дает собственной реконструкции первоначального текста «Задонщины», хотя им проделана большая и кропотливая подготовительная работа в этом направлении. Он ограничился тем, что на основании детального анализа известных на сегодня списков, изучив их особенности и взаимоотношения, выставил ряд определенных принципиальных положений, которые, по его мнению, как определенная методическая основа и предпосылка должны быть соблюдены в сложном процессе восстановления первоначального вида памятника.

Сопоставление пяти списков «Задонщины» (без так называемого Ждановского списка, дающего только вступление повести) убедило В. Ф. Ржигу в том, что они сохраняют две редакции памятника — пространную и краткую; первая представлена четырьмя списками XVI—XVII веков, краткая же — только одним (неполным) списком конца XV века (К-Б). Считая более древней и близкой к оригиналу пространную редакцию, а краткую рассматривая как последующее сокращение пространной, он находит «явно недостаточными» попытки И. Срезневского и С. Шамбинаго дать сводный текст «Задонщины» на основании всех известных им списков и выдвигает требование прежде всего «отдельно восстанавливать пространную редакцию памятника, насколько она может быть восстановлена по спискам XVI—XVII веков».¹

По поводу рассмотренной выше работы В. П. Адриановой-Перетц В. Ф. Ржига делает замечание, что она «не сделала всех необходимых выводов из факта существования двух редакций Задонщины».² При наличии двух редакций, говорит он, «первоначальный текст необходимо восстанавливать не просто путем сличения отдельных списков Задонщины со Словом о полку Игореве», а путем сопоставления краткой редакции (по К-Б) с различными стадиями в литературной жизни пространной редакции, существовавшей с начала XV по XVII век и отразившейся не только в полных и неполных списках XVI и XVII веков, но и в тексте «Сказания о Мамаевом побоище». «Быть может, — замечает В. Ф. Ржига, — путь этот очень труден. Быть может, в настоящее время нельзя достигнуть тут окончательных результатов, но... только этот путь критики текста является наиболее верным и надежным».³ О попытке В. П. Адриановой-Перетц восстановить первоначальный, авторский текст «Задонщины» — как он вышел из рук «Софонии старца рязанца» — В. Ф. Ржига говорит: «Опыт этот имеет, конечно, гипотетический характер и должен рассматриваться как один из этапов, необходимых для подготовки издания так называемой Задонщины по всем спискам краткой и полной редакции и по всем отрывкам ее и отголоскам, сохранившимся в составе „Сказания о Мамаевом побоище“».⁴

¹ В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 9.

² Там же, стр. 38.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 39—40.

На первый взгляд, В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржига в своей работе над восстановлением древнейшего, первоначального текста «Задонщины» идут различными путями, — но это не совсем так. Сделанное В. Ф. Ржигой наблюдение, что в древнейшем (1470-х годов), единственном пока списке краткой редакции есть несколько чтений, улучшающих текст, которые, должно быть, были в не дошедших до нас более древних списках пространной редакции (откуда они и попали в краткую редакцию), — показывает, что при восстановлении текста пространной редакции необходимо учесть и использовать также данные списков краткой редакции. Иначе говоря, при восстановлении первоначального авторского текста «Задонщины» надо принимать во внимание чтения обеих редакций — не только более древней, пространной, но и позднейшей, краткой.

Таким образом, и у В. Ф. Ржиги, в конце концов, данные *К-Б* списка вводятся в круг сравнительного анализа вместе со всеми другими списками, но только не сразу, не одновременно, а на несколько более поздней стадии, когда уже наметились первоначальные черты пространной редакции.

У обоих авторов есть некоторое различие и в пользовании термином «первая редакция». У В. П. Адриановой-Перетц «первая редакция» «Задонщины» — это авторский текст, оригинал произведения; путем позднейших редакторских добавлений и вставок из авторского текста, первой редакции, возникла новая обработка памятника, его вторая редакция, которая — с различными изменениями — представлена сохранившимися на сегодня списками. В. Ф. Ржига именно в сохранившихся списках усматривает наличие двух редакций; из них позднейшая, краткая (*К-Б*), получила свое начало путем сокращения из более древней, пространной, но обе они, как говорит В. Ф. Ржига, «восходят к одному оригиналу, который имел пространный характер».¹ Таким образом, свою «первую редакцию», более древнюю и пространную, В. Ф. Ржига не отождествляет с оригиналом, хотя она и близка к нему.

Наиболее резко расходятся оба исследователя в определении состава первоначального текста «Задонщины»: по мнению В. П. Адриановой-Перетц, первоначальный авторский текст, или, по ее терминологии, первая редакция, состоит из одной только центральной части «Задонщины» (см. выше, стр. 548), без вступления и заключения; В. Ф. Ржига, напротив, считает, что оригинал повести «имел пространный характер», т. е., очевидно, как и близкая к нему «пространная редакция», имел уже и вступление, и заключение.

В дальнейшем, продолжая работу по изучению текстов «Задонщины» и сходных с нею памятников в целях наиболее точного воссоздания авторского текста, В. П. Адрианова-Перетц несколько изменила свою оценку предисловия и некоторых других эпизодов и отдельных мест «Задонщины», придя таким образом к несколько иным выводам о первоначальном объеме и составе произведения «старца Софонии».

Принципы, на которых основан «второй вариант» восстановленного текста, В. П. Адрианова-Перетц опубликовала первоначально в 1947 году в автореферате «Задонщина. (К вопросу о реконструкции авторского текста)»,² а затем вторично в 1948 году, в предисловии к своей работе «Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста)»,³ где напечатан и самый по-новому реконструированный текст.

¹ Там же, стр. 12.

² Известия АН СССР, ОЛЯ, VI, 1947, № 2, стр. 95—100.

³ Труды ОДРА, VI, стр. 223—232. Здесь, на стр. 201—204, 217—220, эти принципы изложены почти в тех же формулировках.

Устанавливая предполагаемый объем и составные части авторского текста, В. П. Адрианова-Перетц включает теперь в этот текст и так называемое предисловие, или вступление к нему, но делает это с большими колебаниями и оговорками. Ее попрежнему смущает то, что предисловие «использует такие литературные источники, следов которых нет в дальнейшем, — Повесть временных лет и летопись типа Ипатьевской», и «прибегает к историческим припоминаниям», чего мы не наблюдаем в центральной части «Задонщины».¹ То же небольшое, что в предисловии совпадает со «Словом о полку Игореве», по мнению В. П. Адриановой-Перетц, восходит к летописи или оказывается повторением выражений «Слова», вошедших в центральную часть.

Мне кажется, однако, что выражение «на реке на Каяле» восходит не к летописному «на реце Каялы» (единственный случай в Ипатьевской летописи), а несомненно к буквально такому же, но данному в арханчешской форме выражению «Слова» — «на реце на Каяле» (кроме этого, в «Слове» еще три упоминания «Каялы реки»). Точно так же «посмотрим славного Непра» и «хиновя» прекрасно могут восходить непосредственно к соответственным выражениям «Слова» и потом повторяться в насыщенной «Словом» центральной части «Задонщины», а не быть лишь повторением аналогичных выражений центральной части, вне всякой связи со «Словом».

Имея все же в виду наличие в предисловии некоторых выражений из «Слова о полку Игореве» и центральной части «Задонщины», В. П. Адрианова-Перетц говорит: «Чтобы сгладить переход к тексту Софонии, этот предполагаемый редактор-автор предисловия ввел в свой стиль отдельные выражения из поэтического языка Софонии».² Не слишком ли тонко это было бы для предполагаемого редактора и не проще ли предположить, что автором предисловия был сам Софония? Неужели книжник Софония, так широко и своеобразно использовавший в своем патристическом произведении величайшее патристическое создание XII века, мог не дать своего предисловия, определяющего его точку зрения на события, связывающего «жалость» прежних времен (поражения на Каяле, на Калке) с «похвалой» настоящего времени (победа на Куликовом поле)? Мне это представляется невозможным: без такого предисловия весь рассказ Софонии о Куликовской битве был бы телом без головы.

Сама В. П. Адрианова-Перетц находит, что в начальной фразе центральной части «Задонщины» — «лудчи бо нам, братие, начяти поведати и неми словесы» — выражение «и неми словесы» подразумевает сравнение: «автор собирается теперь говорить другими словами, чем те, очевидно, какими он говорил раньше».³ Говорить раньше он мог только в предисловии, добавлю я от себя.

«И действительно, — говорит В. П. Адрианова-Перетц, — если в предисловии образцом его речи была летопись, то теперь таким образцом становится Слово о полку Игореве: „иные словеса“ этого литературного источника как будто противопоставляются „книгам“, откуда были извлечены исторические экскурсы предисловия».⁴ Такое заключение является вполне логичным и справедливым и лишний раз подтверждает авторство Софонии не только в отношении центральной части «Задонщины», но и

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 202.

² Там же, стр. 203.

³ Там же (разрядка наша, — А. Н.).

⁴ Там же.

в отношении предисловия к ней.¹ Отказываясь «категорически решить вопрос о том, входило ли предисловие в авторский текст Софонии», В. П. Адрианова-Перетц подчеркивает в то же время, что «в XV веке такое предисловие уже существовало, так как отрывки из него сохранились в старшем списке *К-Б*».² Здесь можно бы добавить, что Кирилло-Белозерский список 1470-х годов, избоблюющий всякого рода погрешностями и искажениями, конечно, является далеко не первоначальным и, таким образом, предисловие, следы которого он сохраняет, известно было, должно быть, значительно раньше.

Во «втором варианте» реконструированного текста «Задонщины» В. П. Адрианова-Перетц считает возможным включить в авторский текст Софонии рассказ о бегстве Мамаю, признавая теперь, что «первая фраза этого рассказа явно напоминает Слово о полку Игореве»;³ она делает только оговорку, что нравоучительный заключительный его эпизод, резко выделяющийся своей книжностью, возможно, «представляет позднейшее добавление к первоначальному рассказу».⁴

Что касается последней части «Задонщины», явно восходящей к «Летописной повести», то В. П. Адрианова-Перетц, на том основании, что в ней нет «ни одного заимствования из Слова о полку Игореве или из старших летописных рассказов», отразившихся в предисловии, полагает, что «вряд ли... есть основание приписывать ее авторство Софонии».⁵

Между тем, как уже было сказано выше (см. стр. 551), едва ли можно думать, что автор «Задонщины» оставил свое произведение без всякого заключения и «оборвал» его либо на близких к «Слову о полку Игореве» словах: «И трубы их не трубят, и уныша гласи их», либо на рассказе о бегстве Мамаю словами: «Побежи, поганый Мамаю, и от нас по Задлешью», ничего не упомянув о прославляемых им русских князьях, об их дальнейших действиях. Авторское заключение, конечно, должно было быть, и оно — я думаю — было, хотя, может быть, и не вполне в том виде, в каком мы знаем его теперь. Как бы то ни было, известное нам заключение имеет стилистические черты и обороты, роднящие его как с основной частью «Задонщины», так, может быть, и непосредственно со «Словом о полку Игореве», хотя в заключительной части, как и в предисловии, автор, пользуясь преимущественно другими источниками, находился вне воздействия «Слова о полку Игореве» (см. выше, стр. 552—553) и писал в несколько иной манере.

¹ Другие мои соображения по этому поводу см. выше, стр. 550—553. Возражения Н. К. Гудзия против принадлежности предисловия Софонии («Советская книга», 1950, № 3, стр. 110—111) не представляются мне убедительными: и начало, и продолжение предисловия достаточно связаны с последующим текстом общим идейным замыслом автора. Что же касается предложения самого Н. К. Гудзия видеть начало авторского текста в словах: «Снидемся, братия... возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий», то оно неприемлемо хотя бы уже потому, что подчеркнутые слова тесно связаны с аналогичными выражениями в начале предисловия («на восточную страну жребий Симов... Русская земля съдит невесела... туюго и печально покрывася») и могут быть поняты только в этой связи: только указанные выражения предисловия объясняют, почему это надо возвеселить Русскую землю и ввергнуть печаль на восточную страну в Симов жребий.

² В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 203.

³ Разрядка наша, — А. Н. Прежние соображения В. П. Адриановой-Перетц по этому поводу см. выше, стр. 551—552.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 203.

⁵ Там же.

Во всяком случае, если мы прочтем предположительный авторский текст Софонии в том виде, как он вторично реконструирован В. П. Адриановой-Перетц,¹ то сразу бросается в глаза, что он остается как бы незавершенным, иначе говоря, что он не имеет конца. В действительности этого, конечно, не могло быть.

Восстанавливая первоначальный авторский текст «Задонщины», В. П. Адрианова-Перетц и из центральной ее части, которую она считает «несомненно принадлежащей Софонии», исключает, говоря ее словами, «явно вторичные вставки в основной текст», которые «разрезают текст, слабо связаны с ним и нарушают естественный ход изложения».² Думается, что это вполне оправдано с точки зрения восстановительной критики текста и что более или менее отчетливо ощутимые вставки должны быть устранены из авторского текста Софонии даже в его бесспорной центральной части.

В целом опыт реконструкции первоначального текста «Задонщины», предложенный В. П. Адриановой-Перетц и являющийся итогом большой и длительной работы, самого тщательного изучения и сопоставления списков, обнаруживает много тонких и верных наблюдений над текстом памятника и осторожность в выводах. Несмотря на неизбежную спорность некоторых замечаний и незавершенность выводов, работа представляет большой методологический интерес и является значительным шагом вперед в деле воссоздания первоначального текста «Задонщины».

Упрек методологического характера, сделанный В. Ф. Ржигой по поводу «первого варианта» реконструированного текста «Задонщины»,³ что в нем «не уделено должного внимания группировке сохранившихся текстов по двум редакциям», что при наличии двух редакций «первоначальный текст необходимо восстанавливать не просто путем сличения отдельных списков Задонщины со Словом о полку Игореве, а путем сопоставления краткой редакции (К-Б) с различными стадиями в литературной жизни пространной редакции»,⁴ — упрек этот в значительной мере снимается объяснениями и замечаниями В. П. Адриановой-Перетц по поводу работы В. Ф. Ржиги: она указывает, что, продолжая свою работу над реконструкцией первоначального текста и устанавливая его объем, она «шла именно тем путем, который предлагает В. Ф. Ржига» (следует приведенная выше цитата), поэтому новая реконструкция текста и «отличается частично от первого опыта ее»; что же касается устанавливаемых В. Ф. Ржигой двух редакций (пространной и краткой), то, во-первых, сам он, как и В. П. Адрианова-Перетц, признает, что обе они «восходят к одному оригиналу, который имел пространный характер, и краткая редакция, таким образом, получилась в результате сокращения»; а, во-вторых, В. П. Адрианова-Перетц считает, что так называемая краткая редакция — «не сознательная переработка пространной, хотя бы и путем сокращения последней, а запись, сделанная по памяти»,⁵ и, таким образом, вопрос о двух редакциях «Задонщины» отпадает.

Мне кажется, что так называемая краткая редакция — при всей ее краткости — действительно едва ли представляет то, что мы называем

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 223—232.

² Там же, стр. 204.

³ В статье: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 179—186.

⁴ В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 8. См. выше, стр. 554.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 221 (разрядка наша, — А. Н.).

редакции ей, хотя, может быть, это и не «запись по памяти»: единственный представитель краткой редакции, старейший список *К-Б*, возможно, просто крайне небрежный, испорченный и малограмотный список, сделанный к тому же, может быть, с уже неисправного предшествующего списка; отсюда — все его пропуски, искажения, вольный пересказ последнего плача, ошибка в имени великого князя, путаница в некоторых местах и т. д.

Параллельная работа над списками «Задонщины» и «Словом о полку Игореве» в связи с реконструкцией авторского текста Софонии дала возможность В. П. Адриановой-Перетц не только значительно подвинуть вперед дело воссоздания оригинала «Задонщины», но и сделать интересные и ценные наблюдения над текстом «Слова». Ей с полной очевидностью и убедительностью удалось показать, что «с помощью Задонщины могут быть оправданы некоторые поправки исследователей, предложенные ими к первому изданию Слова»,¹ другие же поправки такой поддержки и оправдания в списках «Задонщины» не находят.²

Весьма ценным добавлением к реконструированному тексту и вводным замечаниям к нему является новая публикация пяти известных списков «Задонщины» в их хронологической последовательности: *К-Б* (70-х годов XV века), *И-2* (конца XV—начала XVI века), *И-1* (конца XVI—начала XVII века), *У* (середины XVII века) и *С* (XVII века).³ Эта публикация дает возможность каждому путем непосредственного знакомства со всеми списками проследить шаг за шагом процесс воссоздания первоначального авторского текста Софонии.

Ниже я позволю себе, исходя из публикации В. П. Адриановой-Перетц, сделать ряд замечаний по поводу ее опыта реконструкции авторского текста «Задонщины».

* * *

Одним из существенных отличий второго варианта реконструированного текста «Задонщины» от первого является отказ В. П. Адриановой-Перетц от перестановки отрывка «Черна земля под копыты... Русь великая одолеша Мамаю на поле Куликове» ближе к концу произведения и оставление его на том месте, где речь идет еще о первом, неудачном для русских эпизоде сражения, когда были «посечены князи рускыя (и бояры) и воеводы... от поганых татар». Указав, что списки 3-й редакции «Сказания о Мамаевом побоище» и так называемый список Оболенского (№ 70/93, XVII в.) помещают этот эпизод в описание радости русских после разгрома Мамаю, В. П. Адрианова-Перетц, однако, не решает теперь допустить, что такое, вполне логическое и естественное размещение материала было и у самого Софонии. Этому, по ее словам, мешает то обстоятельство, что «предыдущий эпизод Задонщины сделан по типу того самого описания боя русских с половцами, которое в Слове непосредственно предшествует отрывку „Черна земля...“», и потому возможно, что «перенос эпизода в конец... сделан уже редактором Сказания».⁴

¹ Там же, стр. 204; см. также стр. 217.

² Оправдывается, например, предложенная А. И. Соболевским известная перестановка начальных эпизодов «Слова», чтение «главы своя подклониша» вместо «поклониша»; отпадает предложение Карелкича читать «мысию» (т. е. белкой) вместо «мыслию», и др.

³ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). стр. 223—255.

⁴ Там же, стр. 228.

Мне кажется, трудно поверить, чтобы автор «Задонщины» мог допустить столь явную хронологическую непоследовательность в своем описании Куликовской битвы, непоследовательность, композиционно и логически совершенно недопустимую, так как течение боя, его переломный момент были хорошо известны современникам Софонии. Он, конечно, не мог сперва рассказать о том, что русские сыны «наехали... на сильную рать татарскую» и в результате жестокого боя «Русь великая одолеша Мамаю», рассказать даже, как далеко (к Риму, Кафе, Царюграду и др.) «шибла слава» об этой победе, потом вернуться назад и перейти к подробному изображению первого, неудачного для русских этапа боя, когда русские войска были под угрозой поражения и «все восплакались [княгини и] боярыни и воеводины жены о избьенных», а затем снова говорить о победе русских и разгроме татар, явившемся результатом действий «засадного» полка. По какой-то нам неизвестной причине эпизод «Черна земля...» и т. д. в одном из списков очень рано попал не на свое место (следы этого есть уже в *К-Б*, где это место сильно сокращено) и так и остался во всех известных сейчас списках «Задонщины»; в самом же оригинале «Задонщины» и тех ее списках, которыми воспользовались 3-я редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и список Оболенского, рассмотренный эпизод, надо думать, находился не в первой, а во второй половине центральной части повести и относился к описанию окончательного разгрома татар.

Что же касается смущающего В. П. Адрианову-Перетц обстоятельства, что и в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине» отрывку «Черна земля...» предшествует сходное описание боя с врагами — и это будто бы доказывает, что автор «Задонщины» последовательно имитировал, использовал стилистику и образы «Слова» (иначе говоря, доказывает, что отрывок «Черна земля...» и в оригинале «Задонщины» стоял на этом же месте), — то, во-первых, Софония постоянно использует хорошо известный ему материал «Слова о полку Игореве» не в той последовательности, в какой он расположен в «Слове», а совершенно свободно, перенося его в другие места — по своему усмотрению;¹ а, во-вторых, мне кажется, перестановке, исправляющей смысл и последовательность событий в тексте «Задонщины», подлежит эпизод, начинающийся не словами «Черна земля...», а несколько раньше: «Ударишас[я] копия харалужныя о доспехи татарския, възгремели мечи булатныя о шеломы хиновския на поле Куликове, на речки Направде»,² т. е. сходное со «Словом о полку Игореве» описание боя с врагами должно быть перенесено в конец вместе с последующим отрывком «Черна земля...». При такой перестановке (мне она представляется вполне возможной) отпадает смущающее В. П. Адрианову-Перетц приведенное выше соображение.

* * *

*

Кроме рассмотренного отступления от текста первого варианта реконструированного авторского текста «Задонщины», второй вариант имеет еще значительное количество расхождений с ним — то более или менее существенных, то мелких. Расхождения эти, повидимому, являются результатом самокритического пересмотра проделанной раньше работы, так как в основе второго варианта реконструированного текста лежит тот же список *И-1* и никакие новые материалы не привлечены. Рассмотрение не-

¹ Многочисленные примеры — в тех примечаниях и подстрочных параллелях к тексту «Задонщины» из «Слова», которые В. П. Адрианова-Перетц дает в своих публикациях текстов в V и VI томах «Трудов ОДРЛ».

² Труды ОДРЛ, V, стр. 201; VI, стр. 228.

которых из этих расхождений покажет, что новые изменения в предполагаемом авторском тексте не всегда улучшают его: в одних случаях они действительно дают лучшие чтения, в других же по смыслу, логичности и обоснованности уступают отброшенным чтениям первого варианта. Отдельные сопоставляемые места первого и второго вариантов реконструированного авторского текста привожу в том порядке, в каком они находятся в «Задонщине».

1. *I вар*: Тот [бо вещей Боян] воскладаше... персты... и пояше...
II вар: Тот [бо вещии Боян воскладая].. персты... и пояше...

Мне кажется, нет оснований форму списка *И-1* «восклад[а]ше», гармонирующую с последующей «пояше» и поддержанную списком *У* (воскладоша... пояша), заменять формой «воскладая», взятой из богатого искажениями списка *К-Б*; а, главное, и в «Слове о полку Игореве» именно в этом месте читаем «въскладаше».

Кроме того, я считаю необходимым заменить начальное «Тот» (*И-1*, *У*, *С*) более архаическим чтением древнейшего списка *К-Б* — «Той», для которого и в «Слове» есть прекрасное соответствие: «Тъ и бо Олегъ мечемъ крамолу коваше... той же звонъ слыша... Ярославъ».

2. *I вар*: стоят люди новгородцы.
II вар: стоят [мужи] новгородцы.

Вполне обоснованно чтение одного списка *И-1* заменено чтением списков *К-Б*, *У* и *С*.

3. *I вар*: И как слово изговарива[ют], уже бо яко орлы слетешася. [То ти не орлы слетошася], съехалися вси князи руския...
II вар: Уже бо яко орлы слетешася [со всея полунощныя страны. То ти не орлы слетошася], съехалися вси князи руския...

Фраза «И как слово изговарива[ют]» в списках *У*, *И-1*, *С* (в двух последних — в несколько измененном виде) связывает данный эпизод с рассказом о выезде из Новгорода 70000 войска на помощь великому князю. Поскольку это — позднейшая вставка, В. П. Адрианова-Перетц во втором варианте выпускает и связующую фразу и рассказ о выезде новгородцев, идя главным образом за *К-Б*, откуда добавлены слова «со всея полунощныя страны», отсутствующие в первом варианте (их нет в других списках).

Опущение начальной фразы первого варианта мне кажется оправданным, но в начальных словах второго варианта допущена неточность: к словам «Уже бо яко орлы слетешася» дано примечание (34-е) — «Так *К-Б*», между тем к *К-Б* начало фразы иное — «Тогда аки орли...».

4. *I вар*: поидем [за быструю реку Дон], укувим животу славу, [землям диво] старым повесть...
II вар: поидем за быструю реку Дон, укувим землям диво, старым повесть...

Опущение во втором варианте слов «животу славу» мне представляется неоправданным, так как они находятся и в принятом за основу списке *И-1* и в списках *У*, *С*. Кроме того, второй вариант не отмечает графически и не оговаривает, что слова «за быструю реку Дон» внесены из другого списка (*К-Б*).

5. *I вар*: ведоми полководцы, [на шите рожены], под трубами [повиты], под шеломы воззеляны, [конець копия вскормлени, с востраго меча поены].
II вар: ведоми полководцы, под трубами [повити] и под шеломы воззеляны [конець копия вскормлени]...

Как видим, опущены добавления *К-Б*, которым нет соответствия в «Слове о полку Игореве».

6. *I var*: стучить сильная рать великого князя [Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича]...
II var: стучить сильная рат великого князя [Дмитрия Ивановича].

Во втором варианте имя князя восстановлено по спискам *К-Б* и *С*, а слова «и брата... Андреевича», находящиеся только в *У*, сняты обоснованно.

7. *I var*: прилеяша великиа тучи по морю на Рускую землю...
II var: прилеяша великиа тучи на Русскую землю...

Слова «по морю» сняты обоснованно как лишние, находящиеся только в *И-1*. Кроме того, в *И-1* эти же слова читаются выше: «возвеша силнии ветри по морю...» — возможно, что в данном месте они просто механически, ошибочно повторены.

8. *I var*: А уже беды их [пасоша] птица крилати под облакы...
II var: А уже беды их [пасоша] птица крилати под облакы летаютъ...

Первый вариант ближе к тексту «Слова о полку Игореве»: «Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубию»; он поддерживается также чтением *К-Б*: «Птици небесныя пасущесе то под синие оболока». Возможно, что трудное место «Слова», близко к нему переданное в авторском тексте «Задонщины», потребовало при дальнейшей переписке осмысления и вызвало добавление слова «летаютъ» (*И-1*, *У*, *С*).

Однако, с моей точки зрения, это добавочное слово ухудшает смысл. Чтение первого варианта — предпочтительнее.

9. *I var*: Тогда князь великий [Дмитрий Иванович] вступи в златое стремя...
II var: Тогда князь великий вступи в златое стремя...

Мне кажется, что слова «Дмитрий Иванович», поддержанные тремя списками — *У*, *С* и древнейшим *К-Б*, — надо включить в авторский текст.

10. *I var*: вступи в златое стремя, взем свой меч в правую руку свою...
II var: вступи в златое стремя...

Слова «взем свой меч в правую руку свою», находящиеся в списках *К-Б*, *И-1*, *У* и *С*, очевидно, были и в оригинале, и их следует сохранить в реконструированном авторском тексте; добавление же религиозного характера, которого нет в *К-Б* («помоляся богу и пресвятии богородицы»), справедливо опущено в обоих вариантах.

11. *I var*: главы своя положити [за землю Рускую и] за веру крестьянскую...
II var: главы своя положити за веру крестьянскую.

В «Задонщине» слова «за землю Рускую» — своего рода рефрен, как и в «Слове о полку Игореве»; кроме того, они поддерживаются двумя списками — *У* и *С*. Напрасно во втором варианте эти слова выпущены.

12. *I var*: Черньца Пересвета... за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.
 Не тури воз[рыкають]... [взопиша] князи руския и воеводы... посечени от поганых татар.
II var: Не тури [возрыкають]... взопаша посечени князи руския [и бояры] и воеводы... посечени от поганых татар: Федор Семенович... (следует перечень, — *А. Н.*)... на брези. Черньца Пересвета... за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.

Более правильный порядок этих двух отрывков дается во втором варианте; такое именно расположение их находим во всех списках — за исключением *К-Б*, в котором многое искажено и перепутано; кроме того, во втором варианте абзац «Не тури... на брези» передан ближе к *И-1*, включая даже его перечень убитых. Был ли этот перечень в оригинале

Софонии, трудно сказать; в *К-Б* он есть, но с другими именами (за исключением Микулы Васильевича).

Мне кажется, после введенного в первоначальный текст «взопиша» должно сразу же идти — «князи рускыя», т. е. надо опустить «посечени», так как это слово повторяется дальше и здесь в нем нет необходимости. Вставка во втором варианте [и бояры] из *У* приемлема, так как она поддерживается и *К-Б*: «избиении от поганых князи великих и бояляр сановных».

Совершенно недопустимо внесение в предполагаемый авторский текст «Задонщины» явно искаженного в *К-Б* написания «взопаша» вместо «взопиша», тем более, что в первом варианте это искажение исправлено и оговорено в примечании.

13. *I* вар.: ни пастуси [в поле не] кличут.
II вар.: ни пастуси [не] кличут.

Второй вариант дает лучшее чтение, так как нет никакой необходимости вводить из единственного списка — *У* — добавление «в поле»; кроме того, без него это место ближе к тексту «Слова о полку Игореве».

14. *I* вар.: въсплакалися кне[гини] и боярыни избьенных, воеводины жены.
II вар.: въсплакалис[ь] кне[гини] и боярыни и воеводины жены о избьенных.

Чтение второго варианта, основанное на списке *И-2* (конца *XV*—начала *XVI* века), дает лучший смысл.

15. *I* вар.: чтобы потом поганые к нам не [бывали], уже бо [мужей наших] рати [прибילו].
II вар.: чтобы потом поганые к нам не ездили, уже бо мужи наши рати трудили.

Второй вариант полностью и обоснованно восстанавливает текст *И-1*, отказываясь от «поправок», заимствованных из позднего, изобилующего грубыми ошибками и искажениями списка *С*: «што ж бы тые поганые татарове и потом к нам не бывали, уже бо мужей наших прибыла от рат поганых татар». Чтение «трудили» поддерживается *И-2* и *У* — «рать трудила».

16. *I* вар.: Не уставай, князь, с своими великими полки... храброю дружину [у нас стреляли], [ав] трупу чловецью борз конь не может скочити, з крови по колено бродят. Уже бо, брате, жалостно видети крови крестьянской! Не уставай, князь, с своими [воеводы и сильными] бояры.
II вар.: Не уставай, князь, с своими великими полки... храброю дружину [у нас стреляли]. Уже бо, брате, жалостно видети крови крестьянской.

Во втором варианте без всяких объяснений и оговорок выпущены слова «[а в] трупу чловецью... в крови по колено бродят», находящиеся (с незначительными изменениями) и в остальных трех списках: *И-2*, *У* и *С*. Кроме того, опущено повторение в конце абзаца — «Не уставай, князь, с своими... бояры». Мне это повторение представляется возможным и само по себе, и как поддержанное *И-2* и *С*; может быть, не следует вводить в авторский текст только слова «воеводы и сильными», находящиеся в одном лишь мало надежном списке *С*.

17. *I* вар.: И тогда яко орлы отлетеша... То те не орле полетеша...
II вар.: И тогда яко [соколи] отлетеша... То те не [соколи] полетеша.

Не вижу никакой необходимости изменять чтение *И-1* и заменять «орлов» «соколами», взятыми из *И-2*, *У*, не только потому, что «орлы» в этом месте читаются в мало надежном списке *С*, но главным образом

потому, что в одном из начальных эпизодов, где речь идет о том, что все русские князья съехались к великому князю Дмитрию Ивановичу, мы встречаем именно образ орлов, — и не только в *И-1*, но и во всех остальных списках: *К-Б*, *У* и *С*. Срв., например, в *К-Б*: «Тогда аки орли слетощася... То ти не орли слетощася»...

18. *I* вар.: золочеными шлемы осветиша.

II вар.: золочеными [доспехи] осветиша.

И здесь нет надобности вводить «доспехи» из *И-2* и *У*, так как чтение *И-1* гораздо ближе к поэтической стилистике «Слова о полку Игореве». Срв. «своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая», «злаченными шеломи по крови плаваша»; «доспехи» в «Слове» не встречаются вовсе.

19. *I* вар.: поганых на зад [поворотил].

II вар.: поганых в спясть [поворотил].

Более архаическое «вспясть», взятое из *И-2* и *У*, уместнее в первоначальном тексте «Задонщины».

20. *I* вар.: Стреляй, князь великий, по всем землям, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина за землю Рускую...

II вар.: Стреляй, князь великий, по всем землям. Стреляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина за землю Рускую...

В примечаниях к первому варианту реконструированного текста «Задонщины» была оговорка, что в *И-1* после слов «по всем землям» ошибочно было повторено «стреляй, князь великий» (в двух других полных списках «Задонщины», *У* и *С*, это место отсутствует). А между тем здесь едва ли ошибка, так как именно такая конструкция ближе отражает соответствующее место «Слова»: «...стрѣляеши съ отня злата стола сальтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощя, за землю Рускую»... Вот почему чтение второго варианта (оно в работе не мотивировано) мне кажется более обоснованным.

В большинстве случаев во втором варианте реконструированного авторского текста более последовательно сохраняются чтения *И-1*, положенного в основу издания; «исправления» его по другим спискам в ряде случаев снимаются, хотя есть и обратные случаи.

В целом второй вариант, мне кажется, всё же лучше разрешает задачу восстановления первоначального текста «Задонщины», чем первый.

Наконец, в последней по времени публикации текста «Задонщины», в книге «Воинские повести древней Руси», В. П. Адрианова-Перетц делает еще одну попытку «познакомить с этим памятником в наиболее близком к авторскому оригиналу чтении»,¹ т. е., иначе говоря, дает еще один — третий — вариант предположительно восстанавливаемого ею авторского текста.

Здесь в основу центральной части «Задонщины» (от слов «Лутче бо нам ест, братие» и кончая иронической речью «фрягов» к Мамаю) положен *И-1*, как и в предыдущих двух реконструкциях; предисловие, почти целиком отсутствующее в *И-1*, издается по *У* — с соответствующими исправлениями по другим спискам;² по этому же списку, без какой бы то

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 258 (разрядка наша, — *А. Н.*).

² Так оно было издано и во втором варианте, см.: Труды ОДРА, VI, стр. 223. Однако если во втором варианте предисловие рассматривается еще лишь как «возможно также принадлежащее Софонии» (там же, стр. 222, прим. 3; разрядка наша, — *А. Н.*), то в последнем, третьем, варианте принадлежность его авторскому тексту уже не вызывает сомнений. Здесь В. П. Адрианова-Перетц говорит: «Софоний рязанец во вводной части к описанию Куликовской битвы дал противопоставление...»

ни было мотивировки, издается и заключительная часть, находящаяся (без нескольких последних строк) и в *И-1*, причем исправления к тексту *У* даются по другим спискам, в том числе и *И-1*.

Таким образом, в этом последнем — третьем — варианте реконструированного авторского текста «Задонщины» В. П. Адрианова-Перетц впервые включает в его состав и заключение («И стал великий князь Дмитрий Иванович... на костях» и т. д. до конца), и предшествующий ему абзац («Нам земля подобна... меж Дона и Непра»), хотя и делает оговорку, что в авторский текст Софонии входили, по всей вероятности («есть основания предполагать»), лишь две первые части произведения, «а заключение, повторяющее аналогичный эпизод Летописной повести о Куликовской битве, было написано позднее», и что «в настоящее время вопрос о том, как кончалось Слово (Софонии рязанца, — *А. Н.*) в его первоначальном виде, не может быть решен бесспорно за недостаточной изученностью литературной истории текстов Летописной повести о Куликовской битве и Сказания о Мамаевом побоище, где последняя часть чрезвычайно близка к эпизоду «на костях».¹

Напечатанный в книге «Воинские повести древней Руси» третий вариант реконструированного авторского текста «Задонщины» вызывает ряд замечаний по поводу каждой из его частей.

Предисловие (в основе — список *У*)

1. Стр. 33. Нет оснований заменять «Ведомо нам, брате» (*У*) на «Ведомо нам, братие милыи» (по позднему *Ж*), так как великий князь говорит брату Владимиру Андреевичу; это подтверждается и следующим сейчас же обращением «Пойдем, брате» (так и в *К-Б*: «Пойдем, брате»).

2. Стр. 33. Настоящий третий вариант правильно восстанавливает чтение *У* «Русь преславная», которое во втором варианте без достаточного основания было заменено на «Русь православная» по *С* и *Ж*. В древнейшем *К-Б* читаем: «Русь преславная».

3. Стр. 33. Вслед за словами «за землю за Рускую и за веру християнскую» опущена испорченная и неясная фраза «Собе бы чаем пороженных и воскормленных», находящаяся во втором варианте. В *Ж* эта фраза тоже испорчена.²

4. Стр. 33. Во втором варианте в обращении «Снидемся, братия и друзи» слово «друзи» без достаточного основания заменено на «друзыны», взятое из *Ж*. Третий вариант восстанавливает чтение *У* — «друзи».

прошлого... настоящему...» (Воинские повести древней Руси, стр. 157); «Цель Софонии рязанца своим повествованием „возвеселить землю Рускую“. Поэтому он лишь в предисловии вспоминает о печальном прошлом» (там же, стр. 158; в обеих цитатах разрядка наша, — *А. Н.*).

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 257—258. Такая же оговорка сделана в вариантах — к словам текста «Нам земля подобна есть Руская милому младенцу...»: «Отсюда до конца заключительная часть, которая, видимо, составляет принадлежность только второй редакции» (там же, стр. 272; разрядка наша, — *А. Н.*).

² Всю фразу: «Князи и бояря и удалые люди, оставимте вся дома своя и богатство...» и т. д. (стр. 33), мне кажется, предпочтительнее было бы дать в чтении *У*: «Князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатство, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю Рускую и за веру християнскую», как это с достаточной аргументацией предложил Н. К. Гудзий («Советская книга», 1950, № 3, стр. 111).

Центральная часть (в основе — список И-1)

5. Стр. 34—40. Третий вариант, как и первый, всюду исправляет искаженное в И-1 название реки «Направда» на «Непрядва».¹

6. Стр. 36. Напрасно, мне кажется, третий вариант восстанавливает чтение И-1 в словах: «То ти бы ло не серые волцы»; первые два варианта давали здесь исправление по К-Б и У — «были».

7. Стр. 36. После слов «Тогда князь великий вступи в золотое стремя» в третьем варианте добавлено: «взем свой меч в правую руку свою», т. е. здесь восстановлен текст первого варианта.²

8. Стр. 39. В третьем варианте восстановлено чтение И-1 в словах: «То ти... не ва ши московскыя сладныя меды», что улучшает это место.

9. Стр. 39. Зато оставлено неправильное, на мой взгляд, чтение в словах «И тогда яко соколи отлетеша на быстрый Дон. То те не соколи полетеша...», где правильнее было бы сохранить чтение И-1 — «орлы».³

10. Стр. 40. В третьем варианте восстановлено (по И-1) «въстона ла земля» вместо «въстона» второго варианта (по У).

Между тем, «Слово о полку Игореве» как раз поддерживает чтение «въстона»: «А въстона бо, братие, Киевъ тугою...».

11. Стр. 40. Вместо явно испорченного «по Задлешью» (в самом конце «Задонщины») третий вариант дает «по Залесью».

Заключение (в основе — список У)

Здесь заключение полностью и буквально повторяет текст реконструированной второй редакции «Задонщины», напечатанной В. П. Адриановой-Перетц в V томе «Трудов ОДРЛ» (стр. 205), в основу которой положен также У, а немногочисленные дополнения и исправления даны по И-1.⁴

Непонятно, почему бы в третьем варианте реконструированного авторского текста «Задонщины», где в основу положен И-1, имеющий и заключение (всего лишь без трех последних строк), не дать и заключение по этому же списку, тем более что именно из И-1 вносятся исправления в текст заключения, напечатанного по У.

¹ Считаю, что на стр. 35 чтения «О соловей, летняя птица, что бы ты, соловей, вышекотал земли Литовской дву братьев Олгердовичев, Ондрей да брат его Дмитрий Олгердовичев да Дмитрий Волинский» и «Изберем братью милую, пановой удалые Литвы» предпочтительнее было бы заменить, как это предложил Н. К. Гудзий («Советская книга», 1950, № 3, стр. 111—112), соответственными чтениями списка У: «О соловей, летняя птица, что бы ты, соловей, пошекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю и земли Литовской дву братом Олгердовичом, Андрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волинскому» и «Изберем, брате, милые пановая удалые Литвы».

² См. по этому поводу замечания на стр. 562, № 10.

³ См замечания на стр. 563—564, № 17.

⁴ Еще до напечатания реконструированного авторского текста «Задонщины», в процессе своей многолетней работы над этим памятником, В. П. Адрианова Перетц подготовила и опубликовала в 1947 году (Труды ОДРЛ, V, стр. 194—224) «ту редакцию Задонщины, которую мы знаем по сохранившимся спискам», иначе говоря (по терминологии В. П. Адриановой-Перетц) в т о р о ю р е д а к ц и ю, причем она восстанавливает эту редакцию, «не внося предположительных поправок», а «опираясь только на эти (т. е. сохранившиеся, — А Н) списки и на цитаты из Задонщины в Сказании о Мамаевом побоище» (назв. работа, стр. 195).

Публикация текста предшествует подробная библиография за время свыше ста лет (со времени открытия и опубликования «Сказания о Мамаевом побоище» в 1838 году) и перечень использованных списков с подробной их характеристикой; после текста помещены подробные примечания к отдельным местам, словам и выражениям, в том числе многочисленные параллели из «Слова о полку Игореве» и различных редакций и разновидностей «Сказания о Мамаевом побоище».

В итоге рассмотрения известных на сегодня попыток реконструкции первоначального, авторского текста «Задонщины» и сделанных выше по поводу их критических замечаний, мне кажется, можно прийти к следующим выводам.

1. Что касается первоначального объема и состава «Задонщины», то скорее всего авторский текст Софонии уже содержал в себе все три, восстанавливаемые по известным сейчас спискам, части произведения: предисловие (или вступление), основную (или центральную) часть и заключение.¹

2. Основным, но далеко не единственным литературным источником Софонии в его работе было «Слово о полку Игореве», воздействие которого на поэтический стиль и образы «Задонщины» наиболее чувствуется в основной, центральной части памятника. Эта часть обнаруживает знакомство автора с произведениями рязанской литературы («удальцы», «смертная чаша») и, может быть, с так называемым «Словом о гибели Русской земли» и пользуется, кроме того, — что касается сообщенного в ней фактического материала, — официальными данными и народными преданиями о Куликовской битве и судьбе Мамаея.

Предисловие содержит ряд отголосков летописи, в частности, Повести временных лет и летописи типа Ипатьевской; возможно использование в нем и типичного былинного «зачина» — картины пира.

Заключение — помимо введения некоторых народных преданий — широко использует так называемую «Летописную повесть» о Куликовской битве.

3. При восстановлении первоначального, авторского текста «Задонщины» следует учитывать не только показания всех сохранившихся ее списков (а также цитат из нее в «Сказании о Мамаевом побоище»), но и данные текста «Слова о полку Игореве». Из центральной части «Задонщины» следует устранить позднейшие вставки, вторичность которых доказывается тем, что они «разрезают текст, слабо связаны с ним и нарушают естественный ход изложения».²

4. В центральной части «Задонщины» необходима перестановка: находящийся явно не на месте отрывок «Черна земля под копыты... Русь великая одолеша Мамаея на поле Куликове» или даже начиная его раньше — «Ударишас[я] копи[я] [харалужныя] о доспехи татарския... Русь великая одолеша Мамаея на поле Куликове» — надо перенести значительно дальше, в описание разгрома русскими татарских полчищ, примерно, после слов: «Уже бо въстал тур на борону», перед словами: «Тогда князь полки поганых [вспять] поворотил».³

5. Для реконструкции заключительной части «Задонщины», мне кажется, предпочтительнее взять за основу И-1, тот самый список, который положен в основу издания реконструированной центральной части.

Кроме того, я думаю, что в авторском оригинале «Задонщины» заключительная часть энергичнее и ярче выражала похвалу князьям-победите-

¹ К этому выводу пришла, как видно было выше, и В. П. Адрианова-Перетц, хотя не без колебаний и оговорок. Во всяком случае, если в первом варианте своей реконструкции авторского текста она ограничивала его только центральной частью, без предисловия и заключения, то во втором варианте добавила уже предисловие и эпизод о бегстве Мамаея, а в третий ввела целиком и заключение. Ср. замечание Д. С. Лихачева, что С. К. Шамбинаго в своей реконструкции текста «Задонщины» (в 1906 году) «без достаточных оснований отбросил вступительную и заключительную части Задонщины» (Д. С. Лихачев *Задонщина*, стр. 97, прим.; разрядка наша — А. Н.).

² Труды ОДРЛ, VI, стр. 204.

³ См. об этом выше, стр. 559—560.

лям и подчеркивала их воинскую доблесть. В сохранившихся списках этот момент в значительной мере ослаблен.

6. Последняя попытка В. П. Адриановой-Перетц воссоздать текст «Задонщины» «в наиболее близком к авторскому оригиналу чтении»,¹ мне кажется, действительно наиболее приближается к поставленной цели — как в смысле первоначального объема и состава памятника, так и в смысле выбора чтений для всех его частей. Я предпочел бы только (как только что было указано в п. 5) в основу реконструкции заключительной части положить *И-1* и, кроме того, считал бы нужным внести ряд частных изменений в предположительный авторский текст — применительно к тем критическим указаниям, которые были сделаны выше, при рассмотрении второго и третьего вариантов реконструированного авторского текста Софонии.

7. Однако, как и всякая попытка реконструкции первоначального текста при недостаточном количестве и неудовлетворительном качестве сохранившихся списков, принадлежащие В. П. Адриановой-Перетц опыты реконструкции авторского текста «Задонщины» не лишены известной субъективности в определении ее составных частей и в выборе чтений² и являются в конечном счете в значительной мере гипотетическими.

8. Само собой разумеется, что многие спорные вопросы, касающиеся окончательного установления объема и состава первоначального текста «Задонщины», а также первоначального вида некоторых отдельных чтений могли бы быть с большей точностью разрешены только при самом тщательном сравнительном изучении «Задонщины», «Летописной повести» и «Сказания о Мамаевом побоище», для чего необходимо предварительное обстоятельное изучение и двух последних памятников, связанных с Куликовской битвой.³

* * *

Как уже было сказано выше (стр. 546), даже в советском литературоведении идейная сторона «Задонщины» — осмысление в ней недавно пережитого события исключительной важности, исключительного политического и исторического значения — разгрома татарских полчищ объединенными силами русских княжеств во главе с Москвой — очень долгое время не получала надлежащего освещения или даже вовсе выпадала из поля зрения исследователей, искавших в «Задонщине» прежде всего текстуальные и стилистические точки соприкосновения со «Словом о полку Игореве».

Таким образом, Д. С. Лихачев в своей посвященной «Задонщине» статье 1941 года⁴ имел все основания сказать, что «попыток определения исторической концепции, выраженной в Задонщине, до сих пор не дела-

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 258. Реконструированный текст см на стр. 33—41.

² Эта субъективность особенно заметна при последовательном рассмотрении всех трех попыток реконструкции авторского текста «Задонщины», предпринятых В. П. Адриановой-Перетц на протяжении 1943—1949 годов.

³ Осенью 1953 года в ИРЛИ АН СССР Л. А. Дмитриевым была защищена диссертация на тему «Сказание о Мамаевом побоище». Как видно из автореферата диссертации (Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук, Л., 1953, 19 стр.), в ней устанавливается значительное влияние «Задонщины» уже на первоначальный текст «Сказания», а затем и на его позднейшие списки и редакции. С другой стороны, в поздних списках «Задонщины» встречаются такие места, которые явно восходят к «Сказанию о Мамаевом побоище».

⁴ Д. С. Лихачев. Задонщина. — Литературная учеба, 1941, № 3, стр. 87—100

лось, и произведение это всегда рассматривалось как простое подражание «Слову о полку Игореве».¹

Впервые «вопрос о своеобразной исторической концепции этого замечательного произведения» был с наибольшей полнотой поставлен Д. С. Лихачевым в двух близких по содержанию статьях: только что названной и другой — «Возрождение исторических традиций и победа на Куликовом поле», представляющей одну из глав его книги «Национальное самосознание древней Руси».² В обеих этих статьях автор связывает «своеобразную историческую концепцию» «Задонщины» с «движением исторической мысли того времени», прежде всего — с «историческими схемами московского летописания конца XIV—начала XV века».³

Уже в XIV—начале XV века, в тяжелых условиях татарского ига, передовые, лучшие русские люди того времени думали о судьбах своей родины, о ее освобождении, о ее былом могуществе и славе, и мысль их упорно устремлялась в прошлое, к тому далекому времени, когда Русь была единой и независимой, когда она была свободной. Это не было уходом от действительной жизни, от современности, наоборот: обращение к прошлому, к временам могущества и независимости родины, к произведениям, где эта идея единства и независимости, мощи Русской земли звучала особенно громко, — усиливало стремление к борьбе за свободу и укрепляло волю к победе над поработителями. «Обращение к старине носило, таким образом, в конце XIV—начале XV века глубоко прогрессивный характер».⁴

Работа московских летописцев конца XIV—начала XV века приобретает крупное государственное значение, так как, осуществляя «политику собирания Русской земли в единое государственное целое, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий, в реальном возрождении исконной летописной идеи о единстве Русской земли».⁵ В такой исторической обстановке усиленное внимание стала привлекать к себе Повесть временных лет, — она читалась и переписывалась, причем изображенные в ней события далекого прошлого переосмыслились и «применялись в определенном смысле к событиям современности»; ее призывы к борьбе с половцами «воспринимались как призывы к борьбе с татарами», и «летописец не без умысла менял эти названия, сопоставляя тех и других как общих врагов русской независимости».⁶

Можно сказать, что «вся русская культура конца XIV—начала XV века пронизана духом любви к славному прошлому своей родины», и не одни русские книжники того времени были увлечены темами русской истории: «к прошлому Руси обращаются и русская живопись и русская архитектура».⁷ «Это обращение во всех областях культурной жизни Руси конца XIV—начала XV в. ко временам независимости вызвало к жизни оригинальную историческую теорию, символически противопоставившую начало и конец татаро-монгольского ига. Читая и перечитывая Слово о полку Игореве, как перечитывались в конце XIV в. Повесть временных лет, Киево-Печерский патерик, „Сказания о рязанском разорении“... древнерусский книжник усмотрел в событиях Слова начало татаро-мон-

¹ Д. С. Лихачев. Задонщина, стр. 87.

² Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 68—81.

³ Д. С. Лихачев. Задонщина, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, стр. 70.

⁶ Там же, стр. 71.

⁷ Там же, стр. 70.

гольского ига».¹ Известную роль здесь могло сыграть «самое отождествление половцев и татар, типичное для московских летописных сводов».²

«Такой взгляд на Слово о полку Игореве как на произведение о начале татаро-монгольского ига побудил вскоре же после Куликовской победы противопоставить ему произведение о конце татаро-монгольского ига. Таким своеобразным „ответом“ на Слово о полку Игореве явилась *Задонщина*».³

По мнению Д. С. Лихачева, с которым, мне кажется, нельзя не согласиться, «автор *Задонщины* имел в виду не бессознательное использование художественных сокровищ величайшего произведения древней русской литературы — Слова о полку Игореве, не простое подражание его стилю (как это обычно считается), а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в *Слове о полку Игореве*, с событиями современной ему действительности».⁴ «В этом сближении событий прошлого и настоящего — пафос исторического замысла *Задонщины*, отразившей обычное в конце XIV—начале XV в. сближение борьбы с половцами и борьбы с татарами, как двух этапов единой, по существу, борьбы со степью, с „диким полем“, за национальную независимость».⁵

Желание пояснить читателю эту основную идею заставило автора «*Задонщины*» предпослать своему произведению специальное «предисловие, составленное в эпически-былинных тонах» и не имеющее себе параллели в «*Слове о полку Игореве*».⁶ В нем автор сперва говорит о татарах, которые «на реце на Каяле одолеша род Афетов (т. е. русских, — А. Н.)», и о русской земле, которая с тех пор «сидит невесела, от Калатский [Каяльский] рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи», а дальше приглашает: «Снидемся, братия и друзи и сынове русские, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, возверзем печаль на восточную страну, в Симов жребий (т. е. на татар, — А. Н.)».

Все последующее изложение — описание Куликовской битвы и связанных с нею событий — как раз и имеет в виду, по идейно-художественному замыслу автора, «возвеселить Русскую землю» и «звергнуть печаль» на страну татар.⁷

Автор «*Задонщины*», исходя из типичных для его времени исторических воззрений, считает, что начало татарского ига связано с поражением Игоря Новгород-Северского на реке Каяле, и намеренно противопоставляет в своем произведении этой злополучной битве битву на Дону, намеренно сопоставляет и как бы отождествляет Каялу с Калкой, а половцев с татарами.⁸ В итоге получается бросающееся в глаза внешнее, стилистическое сходство «*Задонщины*» со «*Словом о полку Игореве*», в котором надо видеть не результат творческого бессилия автора «*Задонщины*», а вполне сознательный художественный прием: «на фоне стилистического единства Слова и *Задонщины* ярче и острее должно было казаться самое противопоставление двух событий — прошлого и настоящего».⁹

¹ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, стр. 76

² Там же, см. также прим. 1.

³ Там же (разрядка наша, — А. Н.).

⁴ Там же, стр. 76; Д. С. Лихачев. *Задонщина*, стр. 91.

⁵ Д. С. Лихачев. *Задонщина*, стр. 91.

⁶ Д. С. Лихачев. 1) Национальное самосознание древней Руси, стр. 76; 2) *Задонщина*, стр. 93.

⁷ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, стр. 76—77.

⁸ Там же, стр. 77—78.

⁹ Там же, стр. 78.

Это истолкование идейного содержания и идейной направленности «Задонщины», предложенное Д. С. Лихачевым в упомянутых двух статьях 1941 и 1945 годов, убедительно аргументированное историческими, литературными и историко-культурными данными, встретило признание со стороны других авторитетных советских литературоведов, специалистов по древней русской литературе, например, со стороны В. П. Адриановой-Перетц¹ и Н. К. Гудзия.²

Надо сказать, что подробно изложенная здесь трактовка Д. С. Лихачевым идейной стороны «Задонщины» имеет значение и при рассмотрении и решении вопроса о первоначальном составе этого памятника, так как она лишней раз — и с большой убедительностью — доказывает, что в авторском оригинале было, должно было быть известное нам теперь предисловие, дающее своеобразную «установку», целеустремленность всему произведению, раскрывающее его глубокий и оригинальный идейный замысел.

* * *

На сегодня уже можно считать общепризнанным, что «Задонщина» не является простым подражанием стилю «Слова о полку Игореве», бессознательным использованием его художественных сокровищ, а представляет сознательное, глубоко продуманное обращение к величайшему памятнику древней русской литературы для воплощения своеобразной широкой исторической концепции, связывающей и противопоставляющей события отдаленного прошлого с живыми событиями настоящего. Это позволяет «говорить о самостоятельном характере заимствований Софония из „Слова о полку Игореве“ соответственно смыслу нового сюжета»,³ т. е. соответственно его собственному оригинальному поэтическому замыслу.

Наблюдения ряда исследователей, особенно В. П. Адриановой-Перетц⁴ и В. Ф. Ржиги,⁵ достаточно убедительно говорят о том, что Софония свободно обращался с художественным материалом «Слова», видоизменяя его, в одних частях своего произведения используя его больше, в других — значительно меньше, а иной раз в одном эпизоде «Задонщины» комбинируя отрывки из разных частей «Слова». Эти наблюдения, мне кажется, могли бы быть расширены и продолжены для выяснения полной картины взаимоотношения обоих памятников и для окончательного раскрытия своеобразия и самостоятельности Софония как писателя в его отношениях к «Слову».

Точно так же более детального и всестороннего освещения требует вопрос о степени оригинальности устнопоэтических элементов «Задонщины», которые никак не могут быть объяснены одними данными «Слова». В но-

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о Куликовской битве Софония рязанца (Задонщина) В кн.: Воинские повести древней Руси, стр. 154—159; отчасти также в работе В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 135—137, 177.

² Н. К. Гудзий. Зарождение и становление Московской литературы. Вестник Московского университета, 1947, № 9, стр. 102—103; см. также: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 3-е, М., 1945, стр. 241—242 (то же и в последующих изданиях: четвертом — 1950, стр. 219 и пятом — 1953, стр. 221). Эта точка зрения принята и акад. М. Н. Тихомировым, см.: История Москвы, I. М., 1952, стр. 75—76 (со ссылкой на статью В. П. Адриановой-Перетц в книге «Воинские повести древней Руси»).

³ В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 27

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. 1) «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 149—156; 2) Слово о Куликовской битве Софония рязанца (Задонщина), стр. 161—164.

⁵ В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 27, 31, 33—35.

вой социально-исторической обстановке, в условиях уже несколько видоизмененного сравнительно с концом XII века характера и строя устнопоэтической речи, автор «Задонщины» нередко отходил от «Слова» и шел своими путями. Так, прежде всего необходимость пояснить читателю свое понимание исторических событий прошлого и настоящего потребовала от Софонии дать особое «предисловие», «вступление», не имеющее ничего общего со вступлением «Слова»: начало его рисует беседу великого князя Дмитрия Ивановича с двоюродным братом и воеводами на пиру и, возможно, навеяно традиционной картиной пира, открывающей многие былины.¹ Во всяком случае эта начальная картина носит на себе черты эпического былинного стиля.

Народно-песенный ритм и образы устной поэзии отчетливо выступают в разговоре перед началом битвы двух богатырей иноков — Осляби и Пересвета — и в самой их обрисовке, причем в древнейшем списке — *К-Б* 1470-х годов — Пересвет не просто «поскакивает на борзе кони», а изображается народно-сказочными чертами: «хоробрый Пересвет поскакивает на своем в шем сивце».

Типичными для былинного стиля являются и выражение «таково слово», встречающееся во всех списках «Задонщины», кроме Синодального, и эпическая формула «старым повесть, а младым память» (*К-Б*), и ряд других.

Автор «Задонщины» очень широко, гораздо чаще, чем «Слово о полку Игореве», пользуется формулами отрицательного параллелизма — не только в их двухчленной форме (в «Слове» всего три случая: «не буря соколы занесе...», «не бологомъ бяхуть посѣяни...», «а не сорокы втрое скоташа...»), но и в трехчленной, которой «Слово» почти не знает (единственный случай — в зачине, где говорится о Бояне: «Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй... Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладше...»). Именно этих трехчленных отрицательных сравнений, построенных в стиле устной народной поэзии, в «Задонщине» особенно много.

Характерно, что даже такой типичный для «Слова о полку Игореве» оборот: «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь плкы заворочаеть...» — в одном из списков «Задонщины» (древнейшем) перестроен в народнопоэтический оборот по типу трехчленных отрицательных сравнений: вместо «Что шумит, что гремит рано пред зорями? Князь Владимир полкы (в оригинале испорчено: паки, — *А. Н.*) уставливает и пребирает и ведет к Дону великому» списка ГИМ № 2060, конца XVI—начала XVII века, в *К-Б* 1470-х годов читаем: «Уже бо стук стучить и гром гремит рано пред зорею. То ти не стук стучить, ни громъ гремит, князь Володимер Ондреевич ведет вои свои, сторожевыя полкы к быстрому Дону».

Песенно-былинные параллели к этому месту:

Не шум шумит, не гром гремит,
Молодой Турчин полон делит.

¹ И. П. Хрущов указывал даже, что «была былина о том, как Дмитрий узнает о нахождении Мамаю. Песня эта начиналась пиrom у тысяцкого Миколы (разрядка наша, — *А. Н.*). Среди пира возговорил великий князь и стал вызывать охотников идти к татарам добывать языка» (И. П. Хрущов. О памятниках, прославивших Куликовскую битву. Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. I, Киев, 1879, стр. 76). Однако он ничего не сообщил, что это за былина, где она опубликована, откуда ему известна.

Сходство начального эпизода «Задонщины» с былинным зачином отмечал также А. А. Потебня (Слово о полку Игореве. Изд. 2-е, Харьков, 1914, стр. 162).

Не стук стучит во чистом поле,
 Не гром гремит во раздольице,
 Едет старый Илья Муромец...

— были указаны А. Смирновым еще в 1879 году.¹

Известную самостоятельность «Задонщина» проявляет и в выборе так называемых постоянных, народных эпитетов. Дон постоянно сопровождается эпитетом «быстрый», которого не встречаем в «Слове о полку Игореве» (там обычно — «синий»); не знает «Слово» и такого обычного в народной поэзии оборота, как «сырая земля», между тем как в списке «Задонщины» ГИМ № 3045, конца XV—начала XVI века, в жалобах разгромленных и бегущих татар читаем: «Уже нам... катун (жен, — А. Н.) своих не трепати, а трепати нам сырая земля». В ряде случаев отдельные символы и образы, встречающиеся и в «Задонщине» и в «Слове о полку Игореве», «Задонщина» использует по-своему, совершенно не так, как «Слово»; например, гуси и лебеди в ней — всегда символ врагов. Воинская символика «Задонщины» очень близка к былинной.

Мне кажется, что если бы собрать воедино все подобные приведенным здесь случаи самостоятельного, не «по Слову о полку Игореве», использования в «Задонщине» народнопоэтических средств, вопрос о степени оригинальности устнопоэтических элементов этого памятника мог бы быть разрешен с достаточной достоверностью. Соответствующий материал частично уже собран и пути для его изучения намечены в нескольких из старых работ и в названных выше работах последних лет В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Ржиги. Осложняющим моментом будет, конечно, то, что не всегда легко, а порой, может быть, и не всегда возможно будет установить, какие именно особенности народнопоэтического стиля были уже в оригинале «Задонщины», принадлежат самому Софонии, а какие появились в процессе дальнейшей литературной жизни памятника, в его позднейших списках.

* * *

Что касается хронологического приурочения «Задонщины», то С. К. Шамбинаго и в своей монографии 1906 года и через 40 лет в статье, помещенной в «Истории русской литературы», издаваемой Академией Наук СССР,² отнес ее «к началу XV века». К этому же времени относил «Задонщину» и его рецензент — академик А. А. Шахматов.³ Такая датировка побудила общее признание и надолго утвердилась как в специальных работах, посвященных «Задонщине»,⁴ так и в общих курсах древней русской литературы.⁵

¹ А. Смирнов. О Слове о полку Игореве, вып. II. Воронеж, 1879, стр. 164. Об этом см. также: В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 28.

² История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 211.

³ Отчет о двенадцатом присуждении премий митр. Макария в 1907 г. СПб, 1910, стр. 149—150.

⁴ Например, В. П. Адрианова-Перетц в работе 1947 года «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“» называет Софонию «автором начала XV в.» (стр. 138), а в работе 1948 года «Задонщина» (Труды ОДРЛ, VI, стр. 208) — «книжником XV в.»; здесь же о «Задонщине» говорится как о «повести XV в.» (стр. 208). Д. С. Лихачев в книге «Национальное самосознание древней Руси» и В. Ф. Ржига в работе «Слово Софония рязанца о Куликовской битве» совершенно не касаются вопроса о хронологии «Задонщины».

⁵ Ср. в различных изданиях учебника Н. К. Гудзия «История древней русской литературы»: «Задонщина» возникла «в начале XV в.» (изд. 2-е, 1941, стр. 228), «возникновение Задонщины следует относить к началу XV в., возможно даже к концу XIV» (изд. 3-е, 1945, стр. 237), «...к началу XV в., вернее даже к концу XIV» (изд. 4-е, 1950, стр. 218), «возникновение Задонщины следует отнести к концу XIV в.» (изд. 5-е, 1953, стр. 215). Никакой аргументации при изменении датировок нет.

Попытку уточнить общепринятую датировку сделал в 1942 году Л. А. Творогов, высказавший предположение, что автор «Задонщины» был «попом жившего в 1407—1408 годах в Пскове сына Дмитрия Донского князя Константина Дмитриевича»;¹ там будто именно в эти годы и была создана «Задонщина». Однако вскоре была выдвинута совершенно новая гипотеза, относящая «Задонщину» к последним десятилетиям XIV века и даже пытающаяся точно установить год ее возникновения.

М. Н. Тихомиров, касаясь в своей книге «Древняя Москва» вопроса о хронологическом приурочении «Задонщины», обратил внимание на то, что в перечне далеких зарубежных городов, куда «шибла слава» после победы «Руси великой, одолевшей Мамаю на поле Куликове», упоминается древняя столица Болгарии Тырново. Известно, что Тырново был завоеван турками в 1393 году. «Значит, — говорит М. Н. Тихомиров, — первоначальный текст Задонщины составлен был не позднее этого года».² Дальнейшее уточнение даты возникновения «Задонщины» исследователь считает возможным сделать на основании хронологической выкладки в самом ее тексте, где промежуток времени от битвы на Калке («от Калагьския рати» — список ГИМ № 2060, конца XVI—начала XVII века, «от Калатские рати» — список Унд. № 632, середины XVII века) до Мамаева побоища ошибочно определяется в 160 лет вместо 156. По этому поводу М. Н. Тихомиров говорит: «Конечно, можно предполагать ошибку в исчислении времени, но ничто не мешает нам видеть в этом и определенное датирующее указание на время составления памятника, относящееся к 1384 году».³

Последний довод мне кажется очень мало убедительным. Гораздо естественнее видеть здесь случайную ошибку в вычислении, а не сознательное продление счета до 1384 года, который как раз и не соответствовал подлинной дате «Мамаева побоища», безусловно хорошо известной автору «Задонщины». Но главная уязвимость предложенного прикрепления «Задонщины» к 1384 году заключается не в этом, а в том, что хотя использованная М. Н. Тихомировым хронологическая выкладка находится во всех списках памятника, ее никак нельзя признать органической частью первоначального текста «Задонщины»; она здесь явно не на месте и совершенно не связана с контекстом. Вот почему я считаю безусловно верным замечание по поводу этой хронологической справки в «Задонщине», сделанное В. П. Адриановой-Перетц еще в 1947 году: «вторичность ее несомненна, так как она искусственно разрезает текст».⁴

Другое дело — упоминание о Тырнове, дающее возможность датировать «Задонщину» временем не позже 1393 года. Наличие его, хотя и в несколько искаженном виде, в трех полных списках памятника⁵ дает

¹ Л. А. Творогов Слово о полку Игореве Новосибирск, 1942, стр. 42. Об этой попытке дважды сообщает В. П. Адрианова-Перетц в своих работах о Задонщине (Труды ОДРЛ, V, стр. 206; Воинские повести древней Руси, 1949, стр. 296), с оговоркой во втором случае, что датировка повести 1407—1408 годами противоречит упоминание в ней Тырнова (см. дальше).

² М. Н. Тихомиров Древняя Москва М., 1947, стр. 202.

³ Там же О гипотезе М. Н. Тихомирова дважды упоминает в своих работах В. П. Адрианова-Перетц (Труды ОДРЛ, V, стр. 222, Воинские повести древней Руси 1949, стр. 296 и 298), не высказывая, впрочем, своего к ней отношения.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», стр. 165.

⁵ К Торнаву — ГИМ, конца XVI—начала XVII века; к Которнову — Унд, середины XVII века, к турком — Синод XVII века В К-Б (1470-х годов) этого названия нет, так как именно в этом месте перечень городов перебивается вставкой из «Слова о погребели Руския земли».

основание считать его входившим в первоначальный авторский текст. Да и вообще самую мысль М. Н. Тихомирова приурочить возникновение «Задонщины» к последним десятилетиям XIV века нельзя не признать правильной. Он подкрепляет ее еще и другими соображениями: «... ряд штрихов, разбросанных в Задонщине, говорит о том, что автор ее писал в годы, близкие к Куликовой битве (разрядка моя, — А. Н.). Он был прекрасно осведомлен о жизни московских высших кругов... в Слове (Софонии рязанца, — А. Н.) появляются московские „болярыни“, жены погибших воевод... Надо предполагать хорошую осведомленность автора Задонщины в московских делах, чтобы объяснить этот список боярских жен, интересный и понятный только для современников».¹

Мне кажется, что поддерживая хронологическое приурочение «Задонщины» к последним десятилетиям XIV века, можно было бы выдвинуть еще одно обстоятельство. «Слово», или «Сказание Софония рязанца» («Задонщина»), — это прежде всего, как подчеркивается в сохранившихся заглавиях, «похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу» (Синод., XVII в.), хвалебное повествование о них, «яко победили супостата своего царя Мамаю» (Унд., середины XVII в.), причем в первом же абзаце древнейшего списка (К-Б) подчеркнуто, чем именно они заслужили себе высокую похвалу: «занеже их было мужество и желание за землю русскую и за веру христианскую».

Мотив прославления, похвалы участникам, организаторам и вождям блестящей победы над татарами проходит через всё произведение, отражаясь в различных местах сохранившихся его списков. «Воздадим... великому князю Дмитрию Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Ондреевичю», — призывает автор «Задонщины», и этот призыв писателя-гражданина и патриота и эта похвала были, конечно, при жизни немными по отношению к великому князю московскому, как прижизненна была похвала Игорю Святославичу, князю новгород-северскому, заключающая «Слово о полку Игореве».² Насквозь проникнутая современностью, близостью к событиям Куликовской битвы, «Задонщина» могла быть создана только при жизни великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского, т. е. не позже 1389 года. Для еще более точной датировки мы не имеем сейчас достаточных данных.

Заканчивая свои замечания, связанные с изучением «Задонщины» в послевоенные годы, я должен подчеркнуть то, с чего начал: первостепенную важность решения проблемы текста «Задонщины», необходимость прежде всего, несмотря на всю сложность и трудность этой работы, попытаться с максимальной долей вероятности восстановить ее первоначальный текст. Каких бы других вопросов, проблем, связанных с «Задонщиной», мы ни касались, — проблемы ли идейной направленности «Задонщины», заложенной в ней исторической концепции, вопроса ли об оригинальности ее устнопоэтических элементов, вопроса об авторе или времени создания и т. д. — все они, в конце концов, упираются именно в эту основную проблему текста. И мне кажется, что сделанные в настоящей статье замечания и наблюдения только лишний раз подтверждают это.

¹ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 201.

² Напомню, что, по моему мнению, в оригинале «Задонщины» полнее и ярче, чем в сохранившихся списках, заключительная часть выражала похвалу князьям-победителям и прославляла их воинскую доблесть. См. выше, стр. 567—568.

С. И. КОКОРИНА

К вопросу о составе и плане авторского текста „Казанской истории“

(По поводу нового издания «Казанской истории») ¹

Первая научная публикация текста памятника, названного издателем «История о Казанском царстве» (Казанский летописец), принадлежит Г. Э. Кунцевичу,² выделившему 2 редакции повести — древнюю, близкую к авторскому тексту, и позднейшую. В основу этого издания был положен список № 1501/42 из собрания Соловецкого монастыря, относящийся к середине XVII века. Новое издание воспроизводит ту же раннюю (I) редакцию повести по списку конца XVI века ИРЛИ из собрания В. Н. Перетца. Обнаруженный Г. Н. Моисеевой список В. Н. Перетца (Q 26-II) — старший из сохранившихся до нашего времени списков I редакции и в этом отношении имеет преимущество перед Соловецким списком, легшим в основу издания Кунцевича. Как указывает Г. Н. Моисеева, в списке из собрания В. Н. Перетца имеются чтения, исправляющие ошибочные написания Соловецкого списка.

В основе изданий лежат различные принципы: если Г. Э. Кунцевич стремился буквально воспроизвести Соловецкий список со всеми его ошибками и описками, то Г. Н. Моисеева поставила своей задачей дать наиболее исправный текст повести. Тексты списков, не считая нескольких фраз,³ почти тождественны. Правда, похвалу Ивану Грозному, которую мы находим в Соловецком списке (и еще в одном списке — Срезневского) только в отрывке, в списке В. Н. Перетца мы читаем почти до конца (последний лист утерян). Зато в списке Перетца отсутствуют главы «О войне Батыеве» и «О великом князе Ярославe», читающиеся в Соловецком списке.

Но в новом издании остались неисправленными некоторые места, ясные в Соловецком списке. Например: список Перетца: «...и не безсмертен ли есмь? И не трилатотный ли мене ждет гроб, яко и всех человек?»⁴ Соловецкий список: «...и не смертен ли есмь? И не трилатотный ли...» и т. д.;⁵ список Перетца: «...а балыматы от болгар тех яко 20 поприть. И дале тот же князь великий повоева»,⁶ Соловецкий

¹ Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под редакцией члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954.

² «История о Казанском царстве» («Казанский летописец»). ПСРЛ, XIX.

³ Например, в списке В. Н. Перетца, в описании безводия добавлено: «...ни отец сына пощажаючи, ни сын отца, ни брат брата».

⁴ Казанская история, стр. 137.

⁵ ПСРЛ, XIX, стр. 135.

⁶ Казанская история, стр. 48.

список: «А балыматы от болгар тех яко 20 попришь, и дале тот же князь...» и т. д.¹

Иногда неисправленные списки просто затрудняют чтение. Список Перетца: «...оставив самодержцу печаль велику и всем воеводах поне иже ратник бе велий и мужествен зело»;² Соловецкий список: «...понеже ратник бо велий...».³ Некоторые неясные места можно было бы исправить по другим известным спискам; например, список Перетца: «...по Батые царе, пленившем в ашу [?] Русскую землю»;⁴ Соловецкий список: «...пленившем в нашу Русскую землю»;⁵ рукопись Публичной библиотеки (F.IV.134): «...пленившем нашу русскую землю».⁶

Отдельные места списка В. Н. Перетца нуждаются в дополнительном комментарии, например, начало главы «О войне Батыеве на Русь»: «яко двадцать [20] лет мину по убиении великого князя Георгия Всеволодича [убит в 1238 году] прият по нем великое княжение... Ярослав Всеволодич [умер в 1246 году]». ⁷ Уже Кунцевич указывал на несоответствие годов и явную ошибку переписчика,⁸ но Г. Н. Моисеева ничего не говорит об этой ошибке, ограничиваясь сообщением о том, кто такие Георгий Всеволодович и Ярослав Всеволодович. Если комментарий Г. Н. Моисеевой рассчитан на широкого читателя, то он явно недостаточен. Так, просматривая только три первые главы, находим слова, нуждающиеся в объяснении: «благия узорочья», «хитрые здания», «давать выходы», «позакоснеша идти», «обаяльник», «балыматы».

Или еще: «...и поиде царь тремя пути, на колесницах и на конех; четвертым же путем реками, в лодиях».⁹ Как указывает Кунцевич,¹⁰ до Алатыря войско шло двумя путями и в ладьях по рекам — всего 3 пути. «Четвертым же путем» — искажение текста; в списке Буслаева этих слов вообще нет: остается «триа пути, на колесницах и на конех, реками, в ладиях». Г. Н. Моисеева никак не объясняет это место. Следовало бы объяснить и выражение «басму парсуну лица его», «парсуною басмою»,¹¹ на которые Кунцевич опирается при доказательстве позднейшего происхождения некоторых глав «Истории».¹²

Но несмотря на отдельные недостатки при исправлении текста, опубликование «Истории» по списку XVI века, списку более исправному, чем Соловецкий, имеет существенное научное значение.

Но ни список В. Н. Перетца, ни Соловецкий список не могут быть отождествлены с авторским текстом даже по составу глав. Главы «О взятии великого Нова града от великого князя Иоанна Васильевича», «О посыле от царя пришедших к великому князю Московскому» и «О конечном запустении Златья Орды» отсутствуют в списке В. Н. Перетца и Соловецком, а в других списках I и II редакции расположены в порядке, нарушающем хронологию. Все это наводило на мысль о позднем происхождении этой группы глав. Г. З. Кунцевич полагал, что эти главы не входили

¹ ПСРЛ, XIX, стр. 14.

² Казанская история, стр. 139.

³ ПСРЛ, XIX, стр. 137.

⁴ Казанская история, стр. 44.

⁵ ПСРЛ, XIX, стр. 4.

⁶ Там же, стр. 193.

⁷ Казанская история, стр. 44.

⁸ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905, стр. 201.

⁹ Казанская история, стр. 124.

¹⁰ Г. З. Кунцевич, ук. соч., стр. 421.

¹¹ Казанская история, стр. 55.

¹² Г. З. Кунцевич, ук. соч., стр. 203.

в первоначальную редакцию «Истории», а были добавлены переписчиком позднее.¹ Что касается ссылок на перечисленные главы, имеющиеся в тексте повести, то Кунцевич объяснял наличие их таким образом: дошедшие до нас списки I редакции относятся к XVII веку; они не воспроизводят точно авторского текста; составитель I редакции, самой близкой к первоначальной, не включил перечисленные главы в текст повести, но он знал о существовании этих трех глав, которые были включены в текст «Истории» позднее и уже не принадлежали авторскому тексту.² Следует отметить, что Г. Н. Моисеева необоснованно относит главу «О войне Батыеве» к числу глав, которые Г. З. Кунцевич считал позднейшими вставками. Ни один из исследователей, в том числе и Кунцевич, не ставил вопроса о позднем происхождении этой главы, читающейся в списке I редакции из собрания Буслаева и в 66 списках II редакции, просмотренных Кунцевичем. Она всегда читается на одном и том же месте, после главы «Сие строение о Казанском царстве». Таким образом, вопрос стоит о принадлежности авторскому тексту трех перечисленных выше глав. Г. Н. Моисеева решает его положительно и приводит ряд доказательств в пользу этого решения.³ Когда Г. Н. Моисеева пишет об идейном единстве «Истории» и перечисленных глав, об органической связи их с общей концепцией автора, с ней нельзя не согласиться, но ее доводы не представляются убедительными, когда она переходит к ссылкам, имеющимся в тексте по ее изданию:

1. Г. Н. Моисеева ссылается на замечания автора в главе «О втором взятии Казанском»: «... сей же взя великий Нов град... яко же впереди сказася». Но Кунцевич знал об этом замечании и даже приводил его как доказательство позднего происхождения списков «Истории».⁴

2. Г. Н. Моисеева указывает, что об основании Казани говорится в главе «О войне Батыеве». Но здесь она спорит с несуществующим противником, так как Кунцевич нигде не утверждает, что эта глава — позднейшая вставка. Тем более, что об основании Казани говорится не в главе «О войне Батыеве», а в главе «О первом начале Казанском царстве». Впервые о замысле царя Саина построить город мы читаем в главе «О великом князе Ярославле»,⁵ в принадлежности которой авторскому тексту никто не сомневается, так как она читается во всех списках, включая Соловецкий, и отсутствует только в списке В. Н. Перетца.

3. Г. Н. Моисеева указывает на ссылку в конце главы «О первом взятии Казани»: «И тако бысть отсюду зло угнетение Златой Орде оной первые тогда, после же от великого князя Иванна второе же; при нем от тех же мангит до конца запусте, яко же прежде речеся».⁶ Но в тексте издания Г. Н. Моисеевой глава «О конечном запустении Златяя Орды» стоит после главы «О первом взятии Казани». Как же «прежде речеся»?

Но тут обращает на себя внимание то обстоятельство, что такого расположения глав, как в издании Г. Н. Моисеевой, нет ни в одном списке «Истории». В списке из собрания Буслаева, которым Кунцевич дополнил положенный им в основу Соловецкий список, эти главы идут друг за другом, после главы «О войне Батыеве на Русь». Таким образом, глава «О конечном запустении Златяя Орды» стоит перед главой о первом взятии Казани. Тогда понятно и замечание автора в конце главы о запустении

¹ Г. З. Кунцевич, ук. соч., стр. 190, 208.

² Там же, стр. 174—175.

³ Казанская история, стр. 26.

⁴ Г. З. Кунцевич, ук. соч., стр. 174—175.

⁵ Казанская история, стр. 47.

⁶ Там же, стр. 49.

Орды: «Сице и первому слову да имемся, аще бог вразумит нас».¹ В главе «О войне Батыеве» говорится о великом князе Ярославле Всеволодовиче (это «первое слово»), дальше идут 3 перечисленные главы, в которых рассказывается о дальнейшей борьбе с Ордой и ее запустении, а новая глава прямо начинается: «Великому же князю Ярославу Всеволодовичу живущу», т. е. речь идет опять о Ярославе Всеволодовиче, при котором Саин задумал построить Казань. Синтаксически неполная фраза, с которой начинается глава «О взятии великого Нова града» («Новгородским бо людям не хотевшим егo [?] над собою имети и великим князем звати»²) необъяснима, если принять расположение глав настоящего издания. Но все становится понятным, если расположить главы так, как они были в списках I редакции: глава «О взятии... Нова града» идет сразу после главы «О войне Батыеве», которая кончается словами: «... и по благочестивого великаго князя Иоанна Васильевича Московского, иже взя и поработи под ея великий Нов град».³ Таким образом, получаем: «... иже поработи под ея великий Нов град, новгородским ибо людям не хотевшим егo над собою имети и великим князем звати».

Глава «О взятии... Нова града» начиналась со следующей строчки: «Изначала же и исперва едино царство и едино государство...». То, что заглавие разрывает логически и синтаксически законченную фразу, вероятно, описка переписчика. Таким образом, глава «О войне Батыеве», которую Кунцевич относит к первоначальной редакции, оказывается тесно связанной с главой «О взятии... Нова града», что указывает на принадлежность последней авторскому тексту. Характерно, что и в списке ГПБ F.IV.578, по которому Г. Н. Моисеева дополняла список В. Н. Перетца, перечисленные выше главы были расположены так же, как и в списке Буслая. Об этом можно судить по порядку листов: глава «О войне Батыева на Русь» — лл. 135—136, «О взятии великого Нова града» — лл. 137—138, «О послех от царя» — лл. 139—140, «О запустении Орды» — лл. 141, «О великом князе Ярославе» — лл. 142—143.

Г. Н. Моисеева разбивает этот порядок глав и располагает их в соответствии с хронологической последовательностью событий, нарушив тем самым ход изложения и затруднив доказательство принадлежности этих глав авторскому тексту. При таком расположении глав стираются жанровые особенности «Истории» как художественной повести с яркой публицистической окраской: автор сознательно допускает хронологическую непоследовательность ради более полного раскрытия своего замысла. Казань рассматривается как наследница, преемница Золотой Орды, и борьба с ней — как продолжение борьбы с золотордынскими ханами. Принимая все это во внимание, вполне возможен такой порядок повествования: сначала о страдании Русской земли под властью Батыя, потом о борьбе московских князей с Золотой Ордой и о конечном запустении Орды. Но Орда оставила преемницу — Казань: «Казань — новая Орда, запустевший Саинов юрт... от злаго дерева, реку же от Златыя Орды, злая ветвь произыде Казань».⁴ Сразу же, с момента основания Казани, начинается ее борьба с Русью, кончающаяся уже при Иване Грозном покорением «злого» города. Победа над Казанью рассматривается как окончательное освобождение от татарского ига, от разорительных набегов. Всем этим мы хотим сказать, что в самом авторском тексте начальные главы, очевидно, были

¹ Казанская история, стр. 57.

² Там же, стр. 54.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Казанская история, стр. 53. В издании Г. Н. Моисеевой эта фраза оказалась раньше главы о запустении Орды.

расположены не в хронологическом порядке, как в настоящем издании, а следовали друг за другом, как мы их читаем в издании Кунцевича. Но принадлежали ли эти главы авторскому тексту? Хотя это подтверждается соображениями идейного порядка и ссылками в тексте, попробуем проследить еще и стилистическую общность названных глав и всего текста «Истории». Это прежде всего лексическая общность.

Главы: «О взятии Новгорода»,
«О послах», «О конечном за-
пустении Орды»
Орда запусте [55].¹
О конечном запустении Орды [57].

Горькое Батыево время [54].

горькая смерть [55].

Жестокосердые люди Новгородские [55].

Иоани Васильевич восприят великое дерз-
новение [55].

Избити повеле всех пришедших к нему
дерзостно [55].

...и дивляшеся толикому новому дерз-
новению его [56].

неукротимое цареву свирепство [55]

...царев юрт [56].

Батыев юрт [56].

Некоторые места, не совпадающие буквально, близки по стилистическому выражению сходных мыслей. Например:

Изначала же и исперва едино цар-
ство, едина держава русская [54].

...и тогда великая наша русская земля...
начат обновлягся, яко от зимы на
тихую весну прилагатися [57].

О возрождении русской земли после освобождения от татарского ига
и о «возрождении» Казани после ее покорения:

Ей же [земле русской] премудрый царю
Христе даждь расти, яко младенцу
[57].

При описании князя:

...великою яростию воспалився,
огнем и гневом дыша и преще-
нием, аки огнем [56].

Остальные главы «Истории
о Казанском царстве»

Казань — запустевший Саинов юрт
[53].

Аки пустое село... Казань [105].

...вся ваша земли запустение [145].

Запустевшие мечети [63].

Пермь от казанцев запусте... [74].

Грады русския запустевша [74].

...Поле от частых воеваний запустевше [124].

горькое время [95].

горький час [149].

прегорькая смерть злая [139].

горькая чаша смертная [153].

горькая смерть [153].

Жестокосердые люди казанские [145].

...приступит дерзновенно ко граду [142].

...безумное дерзновение [151].

...свирепство княжее [114].

Царь свирепосердый [60].

Юрт Саинов [53].

Запустевший Саинов Юрт [48].

От начала же Руская земля... все то
руская земля была едина [44].

...и паки же возрасте царство, аки древо
измерзше от зимы оживе, аки
солнце огревше весне [53].

Ты же [город Казань] ныне православием
просветися... яко младенец поро-
дися [163].

...И заступит тя от враг твоих, яко
новорожденна младенца [163].

...великим гневом наполнися и
распалишася, аки огонь [48].

...яко змей огнем дышущи [52].

И гнева много наполнися и яростию
великою разжегся [135].

...и воздвиже пламень ярости своея
из глубокого сердца своего [146].

¹ В скобках указываются страницы по последнему изданию «Истории».

Для стиля «Истории» вообще характерно постоянное присутствие автора-рассказчика, которое выражается не только в самом характере изложения, но и в непосредственных авторских замечаниях, в ссылках на прежде сказанное и т. д.

...и могу то рещи... яко пояс самья пречистая богородица [56].

...не усрамлю же ся и не буду виновен нареши, яко и третий новый великий Рим [57].

...преже реченное великого князя воинство [57].

...иже реченные мангиты [57].

...и реку, аки солнце [127].

...и егда ступився обоя воя — увы мне, что реку — одолеша великого князя [52].

Да никто же мя осудит от вас о сем яко поганных варвар похваляюще [138].

...ни казанцы против толикого множества русских вои и паче же рещи божия помощи [152].

...злее всех сих реченных [76].

...со многими языки реченными [124].

...при нем от тех же мангит запусте, яко же преже речесея [49].

...яко же впереди сказася [58].

Впервые в главе «О взятии великого Нова града» мы встречаем мысль о том, что царь во всех своих действиях выполняет волю бога, царь — божий слуга на земле. Оправдывая жестокость князя Ивана Васильевича по отношению к новгородцам, автор приводит слова апостола: «Божий бо есть слуга [князь] и отмститель злым злое воздати тем же благим во благое; не туне бо мечь носит в руках своих, но на противляющихся». ¹ Впоследствии, когда Иван Грозный обращается к казанцам, он именно этим доказывает справедливость своего похода на Казань: «... не кровопийца бо есмь аз, ни сыроядец... и не рад кровопролитию вашему, но за великую неправду вашу послан богом прииде со оружием показнити вы». ²

Таким образом, мы думаем, что принадлежность авторскому тексту глав «О взятии великого Нова града», «О послех от царя пришедших», «О конечном запустении Златые Орды» подтверждается не только их идейной, но и стилистической близостью к тексту «Истории». В том, что перечисленные выше главы входили в первоначальную редакцию повести, мы совершенно согласны с Г. Н. Моисеевой, хотя принятое ею расположение глав сделало ее доводы мало убедительными.

Г. З. Кунцевич, анализируя текст I редакции «Истории», ставил под сомнение и принадлежность авторскому тексту последней главы повести — «Похвалы царю и великому князю и всем воеводам его и воем». Издание Г. Н. Моисеевой дает много нового для решения этого вопроса.

Полный текст «Похвалы» имеется только в одном списке I редакции — ГПБ F.IV.578. По этому списку был дополнен легший в основу нового издания список В. Н. Перетца, в котором «Похвала» читается не до конца из-за потери последнего листа. Г. З. Кунцевич знал «Похвалу» только в том отрывке, в каком мы находим ее в списках Соловецком и Срезневского. Г. Н. Моисеева в комментарии к последней главе ³ ошибочно указывает на полное отсутствие «Похвалы» в списке Срезневского: «Похвала» отсутствует не в списке Срезневского, а в Буслевском.

Таким образом, Кунцевич не знал «Похвалы» в ее полном составе, но уже то, что имелось в Соловецком списке, наводило его на мысль о ее позднейшем происхождении. Это прежде всего следует из того, что

¹ Казанская история, стр. 54.

² Там же, стр. 129.

³ Там же, стр. 189.

«Похвала» начинается со слов: «Сицев б е той царь...»,¹ где глагол «быть» стоит в прошедшем времени, как будто автор рассказывает о человеке, к тому времени уже умершем. «История» же была написана при жизни Ивана Грозного. Г. Н. Моисеева, относящая «Похвалу» к первоначальной редакции,² в то же время отмечает еще одно место, свидетельствующее о том, что автор пишет после смерти царя: «... и бояхуся погании языци ратию приходити на Русь, слышаше же егда жива еще и страх его сведуше».³ Она пытается объяснить это употребление прошедшего времени тем, что речь идет о событиях, уже минувших, о том, что в 1564—1566 годах было действительно прошлым.⁴ Если это так, то о всех участниках казанского похода автор должен говорить в прошедшем времени. Но текст «Истории» этого не подтверждает: в похвале царю Шигалею (умер в 1567 году) автор употребляет настоящее время: «Да ни хто же мя осудит от вас о сем, яко единовѣрных своих похуляючи и поганых же варвар похваляючи: тако бо есть, яко и вси знают его и дивятся мужеству его и похваляют».⁵ То же в главе 98-й: «То бо есть царь великороден сий и отечеством болши всех царей».⁶ На позднейшее происхождение «Похвалы» указывают и ее первые строки: «... и многа при себе п а м я т и и похвалы достойна сотвори». Так можно сказать только об уже умершем человеке.

В то же время, как справедливо указывает Г. Н. Моисеева, в «Похвале» имеются некоторые данные, доказывающие ее принадлежность авторскому тексту.⁷ Это — упоминание об усмирении ногайских мурз, о поражении и бегстве немцев с магистром, о расширении русских границ до моря и заселении отвоеванных у немцев земель. Г. Н. Моисеева на основании исторических данных показала, что автор «Казанской истории» не мог говорить об усмирении ногайских мурз позднее 1566 года, так как к концу 60-х годов ногайцы объединились с крымцами и порвали дружественные связи с Москвой.⁸ Упоминание автора о блестящих победах русских в Ливонии и заселении покоренных земель также дает основания полагать, что «Похвала» была написана не позже 1566 года и автор имел в виду только первый, успешный этап Ливонской войны, окончившейся в конечном счете поражением России.⁹ Таким образом, Г. Н. Моисеева стремится доказать принадлежность «Похвалы» авторскому тексту. Если принять точку зрения Кунцевича, рассматривавшего «Похвалу» как позднейшее добавление, то, в конце концов, можно объяснить упоминание о ногайских мурзах и победах в Ливонии особенностями некролога вообще, где обычно упоминается о всех заслугах и всех победах, когда бы они ни были.

Но, на наш взгляд, в «Похвале» имеется и другое место, сближающее ее с текстом «Истории» и не объяснимое особенностями некролога. В конце «Похвалы» читаем: «Колижды же прихожаху агаряне на землю нашу, но не яве, яко же при отце его и прадеде, яко во всей земле, не исходяще в руских украинах живяху, но татем прихожаху и нечто украдом похищяху и бегаху, яко зверие гоними»¹⁰ В этом отрывке обращают на себя внимание 2 момента.

¹ Казанская история, стр 175

² Там же, стр. 189.

³ Там же, стр. 176

⁴ Там же, стр. 191

⁵ Там же, стр. 138

⁶ Там же, стр 172

⁷ Там же, стр. 190

⁸ Там же

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр 176

1. Мысль о том, что сначала татары открыто, «яве» выступали против русских, как иноземцы-захватчики, предпринимая большие опустошительные походы. Впоследствии они стали разорять Русь иначе — грабительскими набегами, в то же время оставаясь жить в пределах русского государства. Эта мысль характерна для «Истории», мы находим ее и в главе о разорении русской земли: «Батый бо единою Рускую землю прошел, яко молнина стрела... попадая и пожигая и грады разрушая... Казанцы же не так губяше Русь, всегда из земли Руския не исхождаше: овогда с царем, овогда же с воеводами воююще Русь, и посекающе, аки сады, руские люди».¹

2. Указание на то, что татары предпринимали походы против русских «яве», открыто при прадеде и отце Ивана Грозного. Подтверждение этому мы находим в тексте самой «Истории». Действительно, самые большие и разорительные походы казанцев на Русь были именно при прадеде Ивана IV — Василии (I) Васильевиче и его отце Василии (III) Ивановиче, чему посвящены печальнейшие страницы «Истории».² В 1438 году Улуахмет, «победив московские войска... повоева и поплени Руския пределы». Автор повести восклицает: «Увы мне, что реку — одолеша великого князя и поби всех русских вои».³ За год до смерти Ивана III казанский царь Махметемин выступил в союзе с нагаями против Нижнего Новгорода и осадил его. В 1508 году сын Ивана III и отец Ивана Грозного — великий князь Василий III двинул войска к Казани, но был разбит. Автор пишет: «Ох, увы нам... побеждени бысть кристьяне от поганых: поби казанский царь... обоя воя руская».⁴ И дальше: «Велик бо тогда от них [казанцев] страх обьемлет всю нашу рускую землю. И токмо воеводы московския на краях земли стояще по градом, стражаху прихода казанцев боязнию одержимия и не смеюще... выходити из градов».⁵

Таким образом, есть основания полагать, что в тексте «Похвалы» имеются элементы, принадлежащие авторскому тексту. Но как же объяснить эту форму прошедшего времени, форму некролога?

Нам кажется, что это одно из подтверждений того, что даже самый древний список «Истории» (список В. Н. Перетца) не представляет собой первоначальной редакции повести. Как известно, «Казанская история» впоследствии неоднократно перерабатывалась, чему способствовала и ее острая антибоярская направленность и то, что «поганым» казанцам уделено в повести слишком большое, по тому времени, место. Наиболее близкая к авторскому тексту I редакция представлена семью дошедшими до нас списками, из которых самый древний относится к 90-м годам XVI века, т. е. написан уже после смерти Ивана Грозного. Мы полагаем, что авторский текст «Казанской истории» действительно заканчивался «Похвалой» Ивану Грозному или вообще какой-то главой, содержащей оценку его деятельности. Но, как нам думается, составителю I редакции, писавшему для своих современников, казалось неестественным сохранить «Похвалу» без изменения, в настоящем времени, поскольку Иван Грозный к тому времени уже умер. В связи с этим первоначальная «Похвала», очевидно, подверглась существенным изменениям, чем объясняются и те моменты, которые дали Кунцевичу основания считать ее позднейшей вставкой. Таким образом, «Похвала», которую мы читаем полностью по списку ГПБ, представляет, на наш взгляд, не совершенно новую, позднее

¹ Казанская история, стр. 75.

² Там же.

³ Там же, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 61.

⁵ Там же, стр. 67.

добавленную главу, а переработку конца авторского текста, содержавшего оценку деятельности Ивана Грозного. Отсюда наличие элементов, связывающих «Похвалу» с первоначальной редакцией.

В этом отношении представляет большой интерес конец I редакции повести по списку Ф. И. Буслаева и списку из собрания ГИМ (№ 2323). Текст «Истории» по этим спискам кончается главой 98-й — «О крещении казанского царя...», а дальше идет краткий пересказ последующих 99-й и 100-й глав: «... и тако взята бысть Казань. Двою сам государь приходил двюю, Щихалея посылал и имана при нем Казань и до него 7-ю. Побитых Казанцев и с Черемисой во всех боях и приступех по взятии Казанском 757 000. Слава совершителю Богу».¹ Но и конец 100-й главы повести, «О хождении к Казани царя», как указывает Кунцевич,² — позднейшее добавление, так как о въезде Ивана Грозного в Москву говорилось еще раньше, в 92—95-й главах. Таким образом, рука составителя I редакции, близкой, но не тождественной авторскому тексту, чувствуется и в последних, предшествующих «Похвале» главах.

В заключение нам хотелось бы остановиться на некоторых замечаниях Г. Н. Моисеевой относительно публицистической направленности «Истории». Г. Н. Моисеева в своей вступительной статье справедливо отмечает, что глубоко враждебное отношение к боярской оппозиции, смелая и решительная поддержка деятельности Ивана Грозного сближает позицию автора «Истории» с позицией прогрессивных публицистов середины XVI века.³ Изменение политической обстановки после смерти Ивана Грозного несомненно оказало влияние на дальнейшую переработку повести. Во II редакции действительно подчеркнута участие во взятии Казани воеводы М. И. Воротынского, но нельзя сказать, что в «Истории» ни разу не упомянуто об участии... Михаила Ивановича Воротынского».⁴ На стр. 123 настоящего издания мы находим его имя в разрядах войск, отправляющихся к Казани.

Г. Н. Моисеева пишет, что во II редакции отсутствует глава «Ответ ко царю и великому князю... ото всех велмож его и воевод»,⁵ в которой «бояре и князья признаются в „своих винах“ перед русским государством, открыто подтверждают те обвинения, которые бросает им царь».⁶ Ответ бояр во второй редакции действительно изменен или отсутствует, но в обращении Ивана Грозного к боярам нет никаких обвинений.⁷ Тем более, если рассуждать так прямолинейно, почему же не выброшена речь царя с «обвинениями»? Почему не выброшен конец главы «О смерти великого князя Василия, содержащий действительно резкий выпад против бояр, «не брегущих от супостат своих руския земли»,⁸ или конец главы «О пошествии на утре воевод к Казани»?⁹ Антибоярская направленность «Истории» настолько ясна, что для ее доказательства незачем было прибегать к натяжке, тем более, что процесс дальнейшей переработки повести был гораздо сложнее, чем простое изменение и «выбрасывание» «противобоярских» мест. Здесь сыграло свою роль и то, что автор слишком много места

¹ ПСРЛ, XIX, стр. 184.

² Г. З. Кунцевич, ук. соч., стр. 175.

³ Казанская история, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 20, прим. 5.

⁵ Там же, стр. 116.

⁶ Там же, стр. 12.

⁷ Там же, стр. 115.

⁸ Там же, стр. 73.

⁹ Там же, стр. 112.

уделил «поганым»; так, во всех позднейших редакциях выброшен рассказ о судьбе Чуры.¹

В дальнейшей переработке «Истории» чувствуется и тенденция превращения ее из воинской повести в летопись. Это сказывается в том, что постепенно появляются редакции, сохранившие только фактические данные («Казанский летописец»).

Характерно, что во многих списках II редакции² главы «О взятии Нова града», «О послех» и «О запусении Орды» стоят после главы 2-й. Это попытка расположить главы в хронологическом порядке, как в летописи. Кунцевич отмечает,³ что в одном из списков, где главы расположены таким образом, на полях есть пометка после главы 2-й: «... 3, зри впереди главу сего числа». Следовательно, составитель знал, что глава «О взятии Новгорода» была в оригинале 3-й, но в угоду хронологии расположил все три главы после 2-й. В связи с изучением дальнейшей переработки «Истории» встает вопрос о том, почему почти все списки II редакции сохраняют выше названные главы, а списки I редакции, В. Н. Перетца и Соловецкий, наиболее близкие к авторскому тексту, не имеют их.

А в списке XVI века (список В. Н. Перетца) не читается даже глава «О великом князе Ярославле», которая имеется во всех остальных списках. Чем объясняется это выпадение начальных глав в списках, близких к первоначальной редакции? Может быть, здесь сыграла роль именно острая политическая тенденциозность повести, побудившая переписчика-современника выбросить главы, не относящиеся непосредственно к казанской теме? Таким образом, изучение «Истории о Казанском царстве» может дать очень много не только для понимания эволюции русской воинской повести, но и для определения дальнейшей судьбы произведений древней литературы, имевших в свое время яркую публицистическую окраску.

¹ ПСРЛ, XIX, стр. 136, 139.

² В 38 списках из 66 просмотренных Кунцевичем списков II редакции

³ Г. З. Кунцевич, ук. соч., стр. 623.

В. В. ДАНИЛОВ

**Хронологический список трудов академика
Василия Михайловича Истрина¹**

(Род. 29 января 1865 г., ум. 19 апреля 1937 г.)

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Древности — Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
Летописи — Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии Наук.
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
Чтения — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

1893

1. [Рец.]: А. Н. Веселовский и А. Я. Гаркави. Новые данные для истории романа об Александре. — Этнографическое обозрение, 1893, № 2, стр. 206—207.
2. [Рец.]: J. Polivka. Kronika o Bruncwikowi v ruské literatuře. Praha, 1892. — Этнографическое обозрение, 1893, № 2, 207—208.

1894

3. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. — Чтения, 1894, кн. 1, стр. I—VIII, 1—362; кн. 2, стр. 1—378, I—II.

1895

4. Сказание об Индейском царстве. — Древности, I, М., 1895, стр. 1—75, I—III (тексты).
5. Beiträge zur griechisch-slavischen Chronographie. — Archiv für slavische Philologie, XVII, Berlin, 1895, стр. 416—429.

1896

6. Отчет командированного за границу приват-доцента Московского университета Василия Истрина за вторую половину 1894 года. —

¹ В основу списка положен неполный и без необходимых библиографических данных перечень трудов В. М. Истрина, составленный им самим, за предоставление которого приношу благодарность члену-корреспонденту Академии Наук СССР Евгению Самсоновне Истриной. Кроме того, список трудов В. М. Истрина был дополнен и уточнен по данным каталога Библиотеки Академии Наук, сообщенным главным библиотекарем М. М. Гуревичем.

ЖМНП, 1896, апрель, Отдел педагогики, стр. 47—78; июнь, стр. 52—86; сентябрь, стр. 1—25; ноябрь, стр. 1—41.

7. История русского языка. Лекции приват-доцента В. М. Истрина, читанные им в Московском университете в 1892—1896 гг. Рукопись-автограф. — Архив АН СССР, ф. 332.

1897

8. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. — Чтения, 1897, кн. 2, стр. I—II, 1—250; кн. 3, стр. 251—329; кн. 4, стр. 1—131 (и отдельно).
9. Первая книга Хроники Иоанна Малалы. (Доложено в заседании Историко-филологического отдела, 31 января 1896 г.). — Записки Академии Наук по историко-филологическому отделению, т. 1, № 3, 1897, 29 стр.
10. Замечания о составе Толковой Палеи, I—III. — ИОРЯС, II, кн. 1, 1897, стр. 175—209.
11. Замечания о составе Толковой Палеи, IV. Книга «Кааф». — ИОРЯС, т. II, кн. 3, 1897, стр. 845—905.
12. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом. — ЖМНП, 1897, ноябрь, стр. 83—91.

1898

13. Замечания о составе Толковой Палеи, V. Златая Матица; VI. Византийские прототипы Толковой Палеи. — ИОРЯС, III, кн. 1, 1898, стр. 472—531.
14. Замечания о составе Толковой Палеи. Введение. I. Палейное сказание о столпотворении. II. Палейное сказание об Аврааме. III. Объяснение собственных имен. IV. Книга «Кааф»; приложение «Книга, нарицаемая Кааф, сиречь сборник». V. Златая Матица. VI. Византийские прототипы Толковой Палеи. — СОРЯС, LXV, № 6, 1898, 155 стр.
15. [Рец.]: Новый сборник ветхозаветных апокрифов. «Памятки українсько-руської мови і літератури, Видає Комісія археографічна Наукового товариства імени Шевченка, т. 1, Апокріфи і легенди з українських рукописів. Зібрав, упорядкував, пояснив д-р Ів. Франко, т. 1. Апокріфи старозавітні, у Львові, 1896». — ЖМНП, 1898, январь, стр. 112—133.
16. К вопросу о «Сне царя Иоаса». (По поводу статьи проф. Мочульского). — ЖМНП, 1898, февраль, стр. 300—308.¹
17. Греческая запись о набегах казаков на Константинополь в начале XVII века. — ЖМНП, 1898, июль, стр. 42—48.
18. Хронографы в русской литературе. (Вступительная лекция в Новороссийском университете. 16 сентября 1897 г.). — Византийский временник, V, № 1—2, СПб., 1898, стр. 131—152.
19. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. — Чтения, 1898, кн. 1, стр. 133—208, I—II (и отдельно).
20. Об откровении Мефодия Патарского в византийской и славяно-русской литературах. — Чтения, 1898, кн. 2, стр. 32—33 (протоколы).
21. Апокриф об Иосифе и Асенефе. — Древности, II, М., 1898, стр. 146—199.

¹ Статья проф. В. Н. Мочульского «Сон царя Иоаса»: Русский филологический вестник, 1897, №№ 1 и 2.

22. Греческие списки завещания Соломона. — *Летописи*, VII, Одесса, 1898, стр. 49—98.
23. Апокрифическое мучение Никиты. — *Летописи*, VII, Одесса, 1898, стр. 211—304.
24. Die griechische Version der Judas-Legende. — *Archiv für Slavische Philologie*, XX, Berlin, 1898, стр. 605—613.

1899

25. Иверский список среднегреческой Александрии. — *Византийский временник*, VI, № 1, СПб., 1899, стр. 91—130.
26. [Рец.]: Новые издания греческих апокрифов. «Anonimi Byzantini de coelo et infernis epistola. Edidit L. Badermacher. Leipzig, 1898; „Addenda“ к изданию А. Васильева „Anecdota graeco-byzantina“ Н. Ф. Красносельцева. Одесса, 1898». — *ЖМНП*, 1899, май, стр. 204—215.

1900

27. Пушкин и русская литература. (Произнесено в торжественном собрании Университета и городского управления. 26 мая). — *Пушкинские дни в Одессе 26—27 мая 1899 г.* Сборник Новороссийского университета. Одесса, 1900, стр. 39—58.
28. К вопросу о славяно-русских редакциях Первоевангелия Иакова. — *Летописи*, VIII, Одесса, 1900, стр. 179—226.

1901

29. Греческие списки апокрифического мучения Даниила и трех отроков. — *СОРЯС*, LXX, № 1, 1901, стр. 1—18.
30. К вопросу о гадательных псалтырях. (По поводу книги М. Сперанского «Гадания по псалтыри», СПб., 1899). — *Летописи*, IX, Одесса, 1901, стр. 153—202.

1902

31. [Рец.]: «Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков» П. В. Владимирова. — *ЖМНП*, 1902, март, стр. 213—244; август, стр. 400—436.
32. Был ли Даниил Заточник действительно заточен. — *Летописи*, X, Одесса, 1902, стр. 55—74.

1903

33. Один только перевод Псевдокаллиста, а древне-болгарская энциклопедия X в. — мнимая. — *Византийский временник*, X, вып. 1 и 2, СПб., 1903, стр. 1—30.
34. Из области древне-русской литературы, I. Хроника Георгия Синкелла. — *ЖМНП*, 1903, август, стр. 381—414.
35. Из области древне-русской литературы, II. Древне-русские словари и «Пророчество Соломона». — *ЖМНП*, 1903, октябрь, стр. 201—218.
36. Из области древне-русской литературы, III. Краткий хронограф с хроникой Иоанна Малалы. — *ЖМНП*, 1903, ноябрь, стр. 167—185.
37. Введение в историю русской литературы второй половины XVII века. — *Летописи*, XI, Одесса, 1903, стр. 75—78.
38. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга вторая. — *Летописи*, XI, Византийско-славянский отдел, VII, Одесса, 1903, стр. 437—486.

1904

39. Из области древне-русской литературы, IV. Редакции Толковой Палеи. — ЖМНП, 1904, февраль, стр. 257—294.
40. Из области древне-русской литературы. — ЖМНП, 1904, октябрь, стр. 321—354.
41. Лекции по истории древне-русской литературы проф. В. М. Истрина, читанные на Одесских высших женских курсах в 1903—1904 академическом году. Литографированное изд. с поправками и дополнениями автора. 204 стр., in quarto. — Архив АН СССР, ф. 332.

1905

42. Редакции Толковой Палеи, I. Описание полной и краткой Палеи. — ИОРЯС, X, кн. 4, 1905, стр. 135—203.
43. Из области древне-русской литературы. — ЖМНП, 1905, август, стр. 233—292.
44. К истории заимствованных слов и переводных повестей. По поводу статьи Соболевского. — Летописи, XIII, Одесса, 1905, стр. 175—186.
45. Хронограф Академии Наук, № 45.134. — Летописи, XIII, Одесса, 1905, стр. 313—341.
46. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга четвертая. — Летописи, XIII, Византийско-славянский отдел, VIII, Одесса, 1905, стр. 342—367.

1906

47. Редакции Толковой Палеи, II. Взаимоотношения полной и краткой Палеи в пределах текста Палеи Коломенской. — ИОРЯС, XI, кн. 1, 1906, стр. 1—43.
48. Редакции Толковой Палеи, III. Хронографическая часть полной и краткой Палеи и «Хронограф по великому изложению». — ИОРЯС, XI, кн. 2, 1906, стр. 26—61.
49. Редакции Толковой Палеи, IV. Общие выводы. — ИОРЯС, XI, кн. 3, 1906, стр. 418—450.
50. Из области древне-русской литературы, IV. Редакции Толковой Палеи. — ЖМНП, 1906, февраль, стр. 185—246.
51. Новая программа курса русской словесности в среднеучебных заведениях. — ЖМНП, 1906, июнь, Современная летопись, стр. 67—96; декабрь, Современная летопись, стр. 111—141.
52. Матвей Иванович Соколов (некролог). — ЖМНП, 1906, сентябрь, стр. 42, 47.
53. Греческий оригинал так называемого болгарского перевода хроники Георгия Амартола. — Византийский временник, XIII, вып. 1, СПб., 1906, стр. 36—57.
54. Письма к академику Петру Спиридоновичу Билярскому, хранящиеся в Новороссийском университете. Издание Историко-филологического общества при Новороссийском университете, Одесса, 1906, XLIII, 314 стр.

1907

55. Новая программа курса русской словесности в среднеучебных заведениях. — ЖМНП, 1907, январь, стр. 1—33.
56. Опыт методологического введения в историю русской литературы XIX века. Глава I. — ЖМНП, 1907, август, стр. 308—330.

1909

57. День рождения Гоголя. — ИОРЯС, XIII, кн. 4, 1908, стр. 16—22.
58. По поводу отчетов о письменных работах на испытаниях зрелости. — ЖМНП, 1908, февраль, Современная летопись, стр. 57—95.
59. История сербской Александрии в русской литературе, вып. 1. Βίος Ἀλεξάνδρου. — Летописи, XVI, Византийско-славянское отделение, IX, Одесса, 1909, стр. 1—164.
60. Лекции по истории древне-русской литературы 1908/9 г. Литографированное изд., 275 стр.

1910

61. К изданию так называемого болгарского перевода хроники Георгия Амартола. — ИОРЯС, XV, кн. 2, 1910, стр. 222—240.
62. [Рец.]: М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, III. Греческие заимствования в русском языке. — ЖМНП, 1910, февраль, стр. 372—384.
63. Из архива братьев Тургеневых. Смерть Андрея Ивановича Тургенева. — ЖМНП, 1910, март, стр. 1—36.
64. Русские студенты в Геттингене в 1802—1804 гг. (По материалам архива братьев Тургеневых). — ЖМНП, 1910, июль, стр. 80—144.
65. Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам архива братьев Тургеневых). — ЖМНП, 1910, август, стр. 279—307.
66. [Рец.]: А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. — ЖМНП, 1910, сентябрь, стр. 165—177.
67. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга пятая. — Летописи, XVI, Византийско-славянское отделение, IX, Одесса, 1910, стр. 1—51.

1911

68. Архив братьев Тургеневых, вып. 2. Письма и Дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802—1804) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805—1811 гг. С введением и примечаниями В. М. Истрина. Изд. ИОРЯС, СПб., 1911, IV, 132, 525 стр.
69. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги шестая и седьмая. — СОЛЯС, LXXXIX, № 9, 1911, 50 стр.
70. К вопросу о взаимоотношении Еллинских летописцев и Архиевского (Иудейского) хронографа. — ИОРЯС, XVI, кн. 4, 1911, стр. 125—142.
71. К биографии Жуковского. (По материалам архива братьев Тургеневых), I—III. — ЖМНП, 1911, апрель, стр. 205—237.
72. [Рец.]: Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода Е. В. Петухова, проф. Юрьевского университета. Древний период. Юрьев, 1911. — ЖМНП, 1911, декабрь, стр. 356—377.
73. Лекции по истории новой русской литературы, читанные проф. Истриным. III курс, 1910/11 г. Литографированное изд., 459 стр.

1912

74. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги восьмая и девятая. — СОЛЯС, LXXXIX, № 7, 1912, 39 стр.

75. Особый вид Еллинского Летописца из собрания Тихонравова. — ИОРЯС, XVII, кн. 3, 1912, стр. 1—30.
76. [Рец.]: В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа, т. 1, вып. 1 (1909) и 2 (1910). (XVIII век). — ЖМНП, 1912, март, стр. 123—153.
77. Русские путешественники по славянским землям в начале XIX века. (По документам архива братьев Тургеневых). — ЖМНП, 1912, сентябрь, стр. 78—109.

1913

78. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги одиннадцатая—четырнадцатая. — СОЛЯС, XC, № 2, 1913, 31 стр.
79. Из документов архива братьев Тургеневых, I. Дружеское литературное общество 1801 г. (Дополнения). II. Отрывок из «Путешествия Онегина». — ЖМНП, 1913, март, стр. 1—26.
80. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга десятая. — Летописи, XXII, Одесса, 1913, стр. 1—44.

1914

81. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книги пятнадцатая—восемнадцатая и приложения. — СОЛЯС, XCI, № 2, Пгр., 1914, 52 стр.
82. [Рец.]: Новые исследования в области славяно-русской литературы. 1) А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. 1913; 2) С. Г. Вилинский. Житие св. Василия Нового в русской литературе, ч. 1. Исследование, ч. II. Текст жития. Одесса. 1913. — ЖМНП, 1914, июнь, стр. 333—369; июль, стр. 179—208.

1915

83. Архив братьев Тургеневых, вып. 4. Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. (Под редакцией В. М. Истрина). Изд. ОРЯС, Пгр., 1915, II, 116 стр.
84. А. В. Рыстенко (некролог). — ЖМНП, 1915, декабрь, Современная летопись, стр. 51—60.

1916

85. А. С. Кайсаров, профессор русской словесности, один из младшего Тургеневского кружка. — ЖМНП, 1916, июль, стр. 102—131.
86. «Суд» в летописных сказаниях о походах русских князей на Царьград. — ЖМНП, 1916, декабрь, стр. 191—198.

1917

87. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, XXI, кн. 2, 1917, стр. 215—236.
88. Где было переведено житие Василия Нового? — ИОРЯС, XXII, кн. 2, 1917, стр. 320—327.
89. Хроника Георгия Амартола в славяно-русских переводах и связанные с нею памятники. — ЖМНП, 1917, май, стр. 1—25.

1920

90. А. А. Шахматов. (Некролог). (Читан в заседании Общего собрания 4 сентября 1920 г.). — Известия Российской Академии Наук, 1920, стр. 177—184.
91. Иван Саввич Пальмов. (Некролог). (Читан в заседании Общего собрания 4 декабря 1920 г.). — Известия Российской Академии Наук, 1920, стр. 185—190.
92. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I. Текст. Изд. ОРЯС, Пгр., 1920, XVII, 612, III стр.
93. А. А. Шахматов как ученый. — ИОРЯС, XXV, 1920, стр. 23—43.

1921

94. Методологическое значение работ А. Н. Веселовского. Памяти академика А. Н. Веселовского. По случаю десятилетия со дня его смерти. Изд. ОРЯС, Пгр., 1921, стр. 13—34.
95. Замечания о начале русского летописания, I—IV. — ИОРЯС, XXVI, 1921, стр. 45—102.

1922

96. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. II. Греческий текст. «Продолжения Амартола». Изд. ОРЯС, Пгр., 1922, XXXI, 454 стр.
97. Замечания о начале русского летописания, V—VII. — ИОРЯС, XXVII, 1922, стр. 207—251.
98. Очерк истории древне-русской литературы домосковского периода. Изд. «Наука и школа», Пгр., 1922, X, 248 стр.
99. Иудейская война Иосифа Флавия в древнем славяно-русском переводе. — Ученые записки высшей школы г. Одессы (Отдел гуманитарно-общественных наук), т. II, Одесса, 1922, стр. 27—40.

1923

100. Памяти И. В. Ягича. Вступительное слово на заседании 7 октября 1923 г. — ИОРЯС, XXVIII, 1923, стр. 335—338.

1924

101. Толковая Палея и Хроника Георгия Амартола. Откровение Мефодия Патарского и Летопись. Договоры русских с греками X века. — ИОРЯС, XXIX, 1924, стр. 369—393.

1930

102. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. III. Греческо-славянский и славяно-греческий словари. Изд. АН СССР, Л., 1930, L, 348 стр.

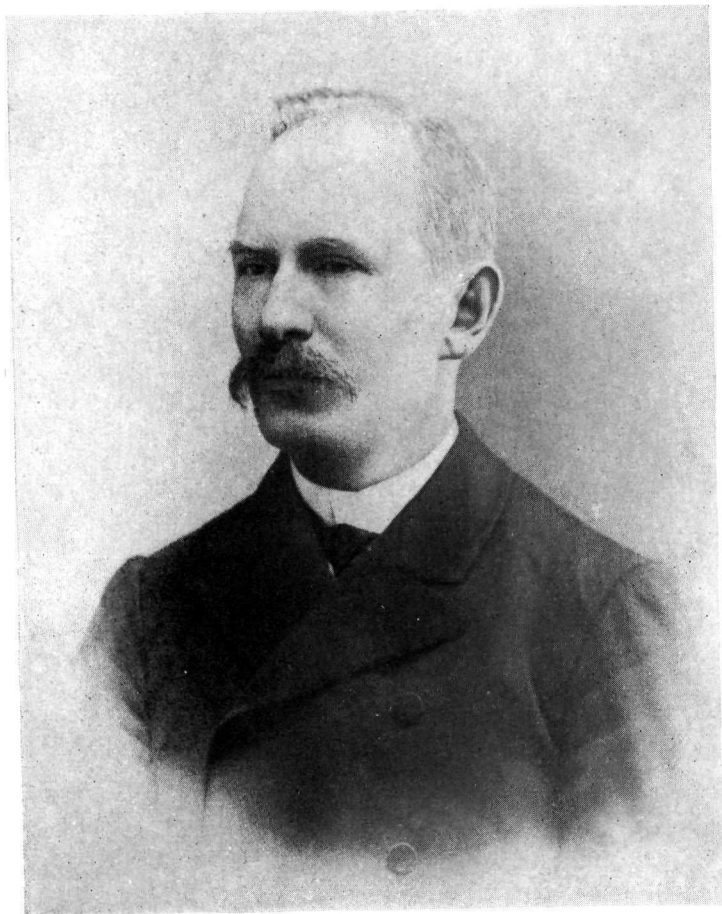
1932

103. Моравская история славян и история Поляно-Руси как предполагаемые источники начальной русской летописи. — Byzantinoslavica.

Sbornik pro studium Byzantsko-slovanských vztahů. Vydává byzantologická komise při Slovanském ústavě. Ročník IV, V Praze, 1932, стр. 36—55.

1934

104. La Prise de Jérusalem de Joséphe le Juif. Texte vieux russe publié intégralement par V. Istrin, membre de l'Académie des sciences de Leningrad. Imprimé sous la direction de André Vaillant. Traduit en français par Pierre Pascal, Tome premier. Paris, Institut d'études slaves, 1934, XI, 251 стр.
-

ВАСИЛИИ МИХАЙЛОВИЧ ИСТРИН.

В. Д. КУЗЬМИНА

**Хронологический список трудов академика
Михаила Несторовича Сперанского¹**

(Род. 19 апреля 1863 г., ум. 12 апреля 1938 г.)

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АИЗ	— Археологические известия и заметки.
Древности	— Древности. Труды Московского археологического общества.
Древности Слав.	— Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
РФВ	— Русский филологический вестник.
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
ТОДЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы.
Чтения	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ЦГАЛИ	— Центральный Государственный архив литературы и искусства.
A. sl. Phil.	— Archiv für slavische Philologie.
Byz. Z.	— Byzantinische Zeitschrift.
Z. f. sl. Phil.	— Zeitschrift für slavische Philologie.

I. ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

1889

1. Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. — Чтения, 1889, кн. 3.
Деяния апостолов Петра и Павла (стр. 1—52); Учение апостола Андрея (53—62); Слово о лжи и клевете (1—13); Хронографы Московского Чудова монастыря (1—72); Сборник белорусский Чудова монастыря (1—101). — Статьи отредактированы и подготовлены к печати М. Н. Сперанским.

1890

2. Пергаменные отрывки русских рукописей в Праге. — РФВ, XXIV, 1890, № 3, стр. 87—104.
3. Описание рукописей Тверского музея. — Чтения, 1890, кн. 4, стр. 1—313; 1891, кн. 1, стр. 315—330.

1891

4. Златоуст — рукопись Тверского музея. Заметка по палеографии. — Отчеты о заседаниях ОЛДП (1888—1891), СПб., 1891, Памятники древней письменности и искусства, LXXXIII, Приложение II, стр. 1—18.

¹ За помощь и консультацию в этой работе автор выражает признательность В. В. Данилову и Л. М. Добровольскому.

5. [Рец.]: *Nadpisi sredovječni i novovjekli... J. Kukoljeviće Sakcinske...* — РФВ, XXVI, 1891, № 3, стр. 138—144.

1892

6. Историјска Палеја, њени преводи и редакције у старој словенској књижевности. — Споменик. Српска Краљевска Академија. У Београду, 1892, XVI, стр. 1—15.
7. *Dopisy P. J. Šafařika Janu Kukuliev ěi Sakcinskemu z let 1852—58.* — *Časopis Musea Kralovstvi Českého, Praha*, 1892, № 1, стр. 1—34.
8. [Рец.]: *A. Elter. Sexti Pythagorici sententiae...*; *V. Jagič, Разум и философија...*; *V. Jagič, Die Meandersentenzen in der altkirchenslavischen Übersetzung.* — *Byz. Z.*, I, 1892, стр. 157—162.
9. *Ein Bruchstück des commentierten Psalters mit literaturgeschichtlicher Einleitung.* — *A. sl. Phil.*, XIV, 1892, стр. 45—72.

1893

10. *Zu den slavischen Übersetzungen der griechischen Florilegien.* *A. sl. Phil.*, XV, 1893, стр. 545—556.
11. О змеевике с семью отроками. — АИЗ, 1893, № 2, стр. 49—60.
12. [Библ. заметка]: А. Васильев. Сборник памятников византийской литературы. — АИЗ, 1893, № 6, стр. 217—218.
13. [Библ. заметка]: Л. Стоянович. Мирославлево Јевапћелје. — АИЗ, 1893, № 7—8, стр. 279—280.
14. К легенде о смерти Каина. — АИЗ, 1893, № 12, стр. 443—445.

1894

15. Рукописи П. И. Шафарика в Праге. — Чтения, 1894, кн. 1, стр. I—X + 1—362.
16. [Библ. обзор]: «Старинар» Српског Археолошког друштва. — АИЗ, 1894, № 2, стр. 73—76; 1895, № 3, стр. 90—92.
17. [Рец.]: *Собрание рукописей А. С. Уварова.* — АИЗ, 1894, № 3—4, стр. 87—100.
18. Раскопки курганов в Рыльском уезде Курской губ. — АИЗ, 1894, № 8—9, стр. 263—269.
19. Апокрифические «Деяния» ап. Андрея в славяно-русских списках. — *Древности*, 1894, т. XV, вып. 2, стр. 35—76.
20. Н. С. Тихонравов, профессор университета. — Памяти Н. С. Тихонравова. [Сборник]. М., 1894, стр. 45—57.

1895

21. [Библ. заметка]: И. В. Ягич. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа. — *Древности Слав.*, 1895, т. 1, стр. 275—277.
22. [Библ. заметка]: В. Облак, рецензия по поводу труда В. Вондрака. — *Древности Слав.*, 1895, т. 1, стр. 277—279.
23. [Библ. заметка]: *V. Jagič. Slavische Beiträge... Adamsbuch.* — *Древности Слав.*, 1895, т. 1, стр. 279—282.
24. [Библ. заметка]: *V. Jagič. Das byzantinische Lehrgedicht Spaneas.* — *Древности Слав.*, 1895, т. 1, стр. 282—283.
25. [Библ. заметка]: *J. Polivka. Kronika o Brunsvíkovi v ruské literatuře.* — *Древности Слав.*, 1895, т. 1, стр. 283—284.
26. [Некролог]: И. С. Ястребов. — *Древности Слав.*, 1895, т. 1, Протоколы и приложения, стр. 28—29.

27. [Некролог]. Фр. Рачкий. — Древности Слав., 1895, т. 1. Протоколы и приложения, стр. 32—34.
28. Славянские апокрифические евангелия. — Труды VIII Археологического съезда, М., 1895, т. II, стр. 38—172.
29. [Некролог]: Михаил Горник. — Этнографическое обозрение, М., 1895, кн. 22, № 3, стр. 151—152.
30. [Библ. заметка]: Památky archaeologické a místopisné. — АИЗ, 1895, № 1, стр. 30—33.
31. Первая всероссийская выставка печатного дела. — АИЗ, 1895, № 1, стр. 33.
32. [Библ. заметка]: Merkbuch. Altertümer aufzugraben und aufzubewahren. I. Novotný, Navod ku sbírání a zachránování předhistorických památek — АИЗ, 1895, № 2—3, стр. 89—90.
33. [Рец.]: С. Zibrť. Seznam pover a zvyklostí pohanských z VIII veku. — Этнографическое обозрение, М., 1895, кн. 23, стр. 182—188.
34. К истории «Прения панагиота с азимитом». — Византийский временник, т. II, вып. 4, СПб., 1895, стр. 521—530.
35. [Рец.]: С. Спицын. Производство археологических раскопок. — АИЗ, 1895, № 11, стр. 348—349.
36. [Рец.]: Сборник за народни умотворения. I—XI. — АИЗ, 1895, № 9—10, стр. 349—352.
37. [Библ. заметка]: Český Lid. — АИЗ, 1895, № 12, стр. 432—433.
38. Придворные кресты в Чехии и Моравии и византийское влияние на Западе. — АИЗ, 1895, № 12, стр. 395—413; 1896, № 4, стр. 105—107.

1896

39. Сербские хронографы и русский первой редакции. — РФВ, 1896, т. 35, № 1, стр. 1—18 (и отд. оттиск).
40. [Библ. обзор]: Записки Русского Археологического общества, VII. — АИЗ, 1896, № 4, стр. 120—121.
41. П. И. Шафарик и В. И. Григорович. — Чтения, 1896, кн. 1, стр. LI—LVIII. Письма П. И. Шафарика В. И. Григоровичу [подготовка к изданию], 1896, кн. 2, стр. 119—122 (перевод на русский язык — стр. 223—225).
42. О сношениях Шафарика с Востоковым, Погодиным, Бодянским, Григоровичем и Прейсом. — Чтения 1896, кн. 4, стр. 27—30.
43. Деление истории русской литературы на периоды и влияние русской литературы на югославянскую. — РФВ, т. XXXVI, 1896, № 3—4, стр. 193—223 (и отд. оттиск).
44. Сентябрьская Миняя-четья до-Макарьевского состава. — ИОРЯС, 1896, т. I, кн. 2, стр. 235—257.
45. Памятники древнехристианской легенды в нашей словесности. — «Почин», II. Сборник Общества любителей российской словесности на 1896 год, М., 1896, стр. 230—241.
46. Чешская этнографическая выставка 1895 г. — Этнографическое обозрение, М., 1896, кн. 31, № 4, стр. 134—149.

1898

47. Разумения единострочные Григория Богослова и Разуми мудрого Меландра в русском переводе — ИОРЯС, 1898, т. III, кн. 2, стр. 541—559 (и отд. оттиск).

48. Заметки о рукописях Белградских и Софийской библиотек. — Известия Историко-филологического института в Нежине, XVI, Нежин, 1898, стр. 1—87.
49. Памяти Ф. И. Буслаева. — Памятники древней письменности и искусства, СХХV, СПб., ОЛДП, 1898, стр. 1—24.
50. Археология у южных славян. — АИЗ, 1898, № 2, стр. 45—56.
51. [Ред.]: Сочинения Н. С. Тихонравова. Том первый — Древняя русская литература. 358 стр.; том второй — Русская литература XVII и XVIII века. 375 стр.

Предисловие к изданию (совместно с В. Якушкиным) — т. I, стр. V—VII; Предисловие к т. I — т. I, стр. IX; Примечания к т. I — стр. 1—137; Предисловие к т. II — т. II, стр. I; Примечания к т. II — т. II, стр. 1—68.

52. Памяти Дж. С. Джорджевича. — РФВ, XL, 1898, № 3—4, стр. 328—334.
53. Археологические и палеографические труды преосв. Саввы. — Памяти архиепископа Саввы, еп. Амфилохия, проф. А. М. Павинского и М. В. Толстого. [Сборник]. М., 1898, стр. 22—32.
54. [Библ. заметка]: В. А. Городцов. Неолитические стоянки в окрестностях Нижнего Новгорода. — Vestnik slovanských starožitností, Praha, 1898, t. I, стр. 93, № 141.
55. [Библ. заметка]: В. А. Городцов. Столбы, встреченные на площади Борковского могильника. — Vestnik slovanských starožitností, Praha, 1898, t. I, стр. 193, № 142.
56. [Библ. заметка]: В. А. Городцов. Заметка о глиняном сосуде с загадочными надписями. — Vestnik slovanských starožitností, Praha, 1898, t. I, стр. 105, № 10.
57. [Библ. заметка]: А. Черепнин. Раскопки бронзских курганов. — Vestnik slovanských starožitností, Praha, 1898, t. II, стр. 78, № 140.
58. [Библ. заметка]: В. Городцов. Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды. — Vestnik slovanských starožitností, Praha, 1898, t. II, стр. 78, № 141.
59. [Библ. заметка]: Н. Янчук. Курганы Люблинской губернии. — Vestnik slovanských starožitností, Praha, 1898, t. II, стр. 78, № 142.

1899

60. Гуситы и чешские братья. — Книга для чтения по истории средних веков под ред. П. Г. Виноградова, IV, М., 1899, стр. 116—126.
61. [Рец.]: Г. А. Воскресенский. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка. М., 1896. Древнеславянское Евангелие — Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций. Сергиев Посад, 1894. Древне-славянский апостол — Послания святого апостола Павла по основным спискам четырех редакций. Вып. 1. Послание к Римлянам. Сергиев Посад, 1892. — Записки Академии Наук, VIII серия, т. III, № 5, 1899. Отчет о тридцать девятом присуждении награды графа Уварова, стр. 27—151 (и отд. оттиск).
62. К истории славянского перевода евангелия. — РФВ, XLI, 1899, № 1—2, стр. 198—219; XLIII, 1900, № 1—2, стр. 9—28 (и отдельно — Варшава, 1900).
63. Из истории отреченных книг. I. Гадания по псалтыри [Исследование и тексты]. — Памятники древней письменности и искусства, СХХIX, ОЛДП, 1899, 168 + 101 стр.

64. Из истории отреченных книг. II. Трепетники [Исследование и тексты]. — Памятники древней письменности и искусства. СXXXI, СПб., ОЛДП, 1899, 93 + 36 стр.
65. Южнорусские тексты апокрифического евангелия Фомы. — Чтения в обществе Нестора-летописца, Киев, 1899, кн. XIII, отдел II, стр. 169—190 (и отд. оттиск).

1900

66. Загребскія рѣкописи на Владислава Граматака. — Сборник за народни умотворения наука и книжнина на Министерството за народното просвѣщение, София, 1900, кн. XVI—XVII, стр. 325—338.
67. Одно из применений закона переживания старины в истории русской литературы. — Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, М., 1900, стр. 45—48.
68. [Некролог]: Н. Н. Харузин. — Сборник Историко-филологического общества в Нежине, 1900, т. III, отдел III, стр. 119—129.
69. Друзья и враги Пушкина в литературе. Сборник Историко-филологического общества в Нежине, 1900, т. III, отдел II, стр. 20—43.
70. Из истории отреченных книг. III. Лопаточник. — Памятники древней письменности и искусства, СXXXVII, СПб., ОЛДП, 1900, 32 стр.
71. Přehled knížek lidového čtení. Narodopisny sbornik, VI, Praha, 1900, стр. 144—166.

1901

72. Описание рукописей Историко-филологического института в Нежине. — Известия Историко-филологического института в Нежине, т. XVIII, М., 1900, стр. 1—143; т. XIX, Нежин, 1901, стр. I—VIII + 1—39.
73. Памяти В. В. Качановского. — Известия Историко-филологического института в Нежине, т. XIX, Нежин, 1901, стр. 1—15.
74. [Рец.]: П. В. Владимиров. Древняя русская литература Киевского периода. — A. sl. Phil., XXIII, 1901, стр. 590—602.
75. [Рец.]: E. Grigorovitza. Libussa in der deutschen Literatur. — A. sl. Phil., XXIII, 1901, стр. 602—604.
76. [Рец.]: E. Ф. Карский. Славянорусская палеография. — A. sl. Phil., XXIII, 1901, стр. 605—610.
77. Единъ югославянски прѣводъ отъ «Завѣтитѣ на дванадесетъѣ патриарси». — Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина на Министерството за народното просвѣщение. София, 1901, кн. XVIII, стр. 242—251 (и отд. оттиск).
78. Октябрьская Минея-четья до-Макарьевского состава. — ИОРЯС, 1901, т. VI, кн. 1, стр. 57—87 (и отд. оттиск).
79. Духовные стихи из Курской губернии. — Этнографическое обозрение, М., 1901, кн. 50, № 3, стр. 1—66.
80. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. Исследование и тексты. — Чтения, 1901, кн. 4: исследование — стр. 1—154, тексты — стр. 1—48; 1905, кн. 1: исследование — стр. 155—450; кн. 2: исследование — стр. 451—578, тексты — стр. 49—245 (и отдельно: М., 1904, исследование — 578 стр., тексты — 245 стр.).

1902

81. [Ред.]: Гоголевский сборник, изданный Гоголевской комиссией при Нежинском историко-филологическом институте, Киев, 1902, 445 стр., Предисловие, стр. 1.

82. Одно из последних писем Гоголя. — Гоголевский сборник, изданный Гоголевской комиссией при Нежинском историко-филологическом институте, Киев, 1902, стр. 1—10.
83. Гоголевская выставка. Введение, каталог. — Гоголевский сборник, изданный Гоголевской комиссией при Нежинском историко-филологическом институте, Киев, 1902, стр. 117—120 и 185—442.
84. Портреты Гоголя. — Гоголевский сборник, изданный Гоголевской комиссией при Нежинском историко-филологическом институте, Киев, 1902, стр. 121—149.
85. Гоголь в народной книжке и картинке. — Гоголевский сборник, изданный Гоголевской комиссией при Нежинском историко-филологическом институте, Киев, 1902, стр. 151—183.
86. «Гимназия высших наук» и нежинский период жизни Гоголя. Киев, 1902, 29 стр.
87. К истории «Энеиды» Котляревского. Заметки. — Научно-литературный сборник Галицко-русской Матицы во Львове. Львов, 1902, т. II, кн. 3, стр. 61—74.
88. Ein bosnisches Evangelium in der Handschriftensammlung Šreckovič's. — A. sl. Phil., XXIV, 1902, стр. 172—182.
89. [Рец.]: В. А. Погорелов. Описание рукописей Московской синодальной типографии 1, 3. — A. sl. Phil., XXIV, 1902, стр. 272—275.
90. [Рец.]: В. В. Сиповский. Пушкинская юбилейная литература. — A. sl. Phil., XXIV, 1902, стр. 280—283.
91. [Рец.]: Б. Д. Гринченко. Из уст народа. Б. Д. Гринченко. Литература украинского фольклора. 1777—1900. — A. sl. Phil., стр. 306—307.
92. [Рец.]: Е. Спространов. Опись на рѣкописите в библиотеката при ст. Синод. на Българската църква в София. Л. В. Стојановѣ. Стари српски записи и натписи. — A. sl. Phil., XXIV, 1902, стр. 308—310.
93. [Рец.]: Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. — A. sl. Phil., XXIV, 1902, стр. 629—637.
94. [Рец.]: Јов Живановић и Јов Живковић. Сборник црквених богослужбених пјесама. — A. sl. Phil., XXIV, 1902, стр. 637—640.

1903

95. [Рец.]: Л. В. Стояновић. Стари српски записи и натписи. — A. sl. Phil., XXV, 1903, стр. 152—156.
96. Leon's des Weisen Weissagungen nach dem Evangelium und Psalter. — A. sl. Phil., XXV, 1903, стр. 239—249.

1904

97. Два текста. — Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому, Киев, 1904, стр. 39—63.
98. Южнорусская песня и современные ее носители (по поводу бандуриста Т. М. Пархоменко). — Сборник Историко-филологического общества в Нежине, Нежин, 1904, т. 5, стр. 97—230.
99. Описание рукописей Тверского музея, вып. II. Издание Ученой архивной комиссии, Тверь, 1904, 107 стр.
100. Рукописное собрание библиотеки Историко-филологического института в Нежине. Приобретения 1901—1903 гг. — Известия Нежинского историко-филологического института, т. XXI, Нежин, 1904, стр. 1—28.

101. Славянская Метафрастовская Минея. — ИОРЯС, 1904, т. IX, кн. 4, стр. 173—202.

1905

102. [Рец.]: V. Jagič. Ein unedierter griechischer Psalmenkommentar. — РФВ, LIV, 1905, № 3, стр. 219—221.
103. [Рец.]: E. A. Kozak. Die Inschriften aus der Bukovine. — РФВ, LIV, 1905, № 3, стр. 221—223.
104. Один из сербских источников русской истории. — Чтения в обществе Нестора-летописца, Киев, 1905, кн. XVIII, вып. 3—4, стр. 37—51.
105. Мостарское (Манойлово) боснийское евангелие. — РФВ, т. LIV, № 3, 1905, стр. 1—36; 1906, т. LV, № 1, стр. 153—176; т. LVI, № 3—4, стр. 175—208 и 353—360.

1906

106. Гоголь-переводчик. — Египос. Сборник в честь Н. П. Дашкевича. Киев, 1906, стр. 213—228.
107. Курский лирик Т. И. Семенов. — Этнографическое обозрение, М., 1906, кн. 68—69, стр. 1—29.
108. Один из старых рукописных сборников снотолкований и песен. — Этнографическое обозрение, М., 1906, кн. 68—69, стр. 98—101.
109. [Рец.]: Н. П. Попов. Рукописи Московской синодальной библиотеки, вып. 1. — ИОРЯС, 1906, т. XI, кн. 3, стр. 493—501.
110. [Рец.]: И. Е. Евсеев. Описание рукописей, хранящихся в Орловских книгохранилищах. — ИОРЯС, 1906, XI, кн. 3, стр. 502—505.
111. Рукописное собрание библиотеки Историко-филологического института в Нежине. Приобретения 1904—1905 гг. — Известия Историко-филологического института в Нежине, т. XXII, Нежин, 1906, стр. 1—40.

1907

112. Заветы двенадцати патриархов в старинной чешской письменности. — Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому, СПб., 1907, ч. 1, стр. 19—40.
113. Один из учителей Гоголя (И. Г. Кулжинский). — Известия Историко-филологического института в Нежине, т. XXIII, Нежин, 1907, стр. 1—82.
114. Откровение св. апостолам. — Древности Слав., 1907, т. IV, вып. 1, стр. 259—269.
115. Псалтирь «жидовствующих» в переводе Феодора еврея. — Чтения, 1907, кн. 2, стр. 1—72.
116. Практическое описание монетного производства в Екатеринбурге в 1780 году. — Чтения, 1907, кн. 2, стр. 1—29.
117. Успенская драма св. Димитрия Ростовского. — Чтения, 1907, кн. 3, Предисловие, стр. I—IX. Текст 43 стр. (и отдельно).
118. Духовные стихи, записанные в Тульской губ. П. Смирновым в 1845 г. — Чтения, 1907, кн. 4, Смесь, стр. 24—38.

1908

119. Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата или Тайная тайных. Памятники древней письменности и искусства, CLXXI, СПб., ОЛДП, 1908, 318 стр.
120. Слово Ильи Трудолюбивого. — Jagič-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića, Berlin, 1908, стр. 299—303.

121. Еврейская молитва Иуды. — Чтения, 1908, кн. 2, Смесь, стр. 1—5.
122. Сербские списки книг истинных и ложных XV в. — Чтения, 1908, кн. 3, Смесь, стр. 41—45.
123. В. С. Караджич и русская народная песня. — ИОРЯС, 1908, т. XII, кн. 4, стр. 277—285.
124. [Рец.]: Былины новой и недавней записи из разных местностей России под редакцией В. Ф. Миллера. Москва, 1908. — Критическое обозрение, М., 1908, вып. VIII, отдел II, стр. 39—41.
125. Сербская церковная библиотека XVII века. — «Почеть». Сборник статей по славяноведению, посвященных М. С. Дринову. Харьков, 1908, стр. 29—36.

1909

126. [Текст с кратким предисловием]: Слово Илии трудолюбивого. — Чтение, 1909, кн. 3, Смесь, стр. 1—4.
127. [Рец.]: История русской литературы. Изд. т-ва Сытина и т-ва «Мир», тт. I и II, М., 1908. — Критическое обозрение, М., 1909, вып. I, отдел II, стр. 34—38.
128. [Рец.]: А. А. Веселовский. Любовная лирика XVIII века. СПб., 1909. — Критическое обозрение, М., 1909, вып. VII, отдел II, стр. 32—34.
129. [Рец.]: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, том 1, Москва, 1909. — Критическое обозрение, М., 1909, вып. VIII, отдел II, стр. 31—33.
130. [Некролог]: Н. П. Дашкевич. — ИОРЯС, 1909, т. XIII, кн. 2, стр. 265—289.
131. [Вступительная статья]: Портреты Н. В. Гоголя. — Портреты Н. В. Гоголя. Изд. Общества любителей российской словесности, М., 1909, стр. 1—15.
132. Н. В. Гоголь и Московский университет. — Русская мысль, М., 1909, кн. 5, стр. 1—10.
133. Сербское житие Феодосия Печерского. — Сборник статей, посвященных Ключевскому, М., 1909, стр. 537—546.
134. Сербское житие литовских мучеников. — Чтения, 1909, кн. 1, стр. 1—48.

1910

135. Идейные движения в старой Москве (до конца XVII века). — Москва в ее прошлом и настоящем, вып. 4—5. М., б. г., стр. 44—61.
136. Малорусская песня в старинных печатных песенниках. — Этнографическое обозрение, М., 1910, кн. 81—82, стр. 120—144.
137. Книги отреченные. — Богословская энциклопедия, XI, СПб., 1910, стлб. 405—433.
138. К гаданиям по Псалтыри. — Чтения, 1910, кн. 2, стр. 18—22.
139. И. В. Ягич — историк славянской филологии. — ИОРЯС, 1910, XV, стр. 167—179 (то же в переводе — A. sl. Phil., XXXII, 1910, стр. 572—580).
140. [Приготовил к изд.]: Соколов М. И. Славянская книга Еноха праведного. Тексты, латинский перевод и исследования. Чтения, М., 1910, IV, 182 + 1—167 стр. Предисловие редактора, стр. I—IV.

1911

141. К истории сборника Кирши Данилова. — РФВ, LXV, 1911, № 1, стр. 198—209.
142. Неизданное письмо Н. В. Гоголя. (Публикация). — Русская мысль, М., 1911, кн. 2, стр. 176.
143. А. С. Уваров и его собрание рукописей. — Древности, 1911, т. XXIII, вып. 1, стр. 15—28 (и отдельно).
144. П. В. Киреевский и его собрание песен. — Песни, собранные П. В. Киреевским, новая серия, вып. 1, М., 1911, стр. I—LXXIII.
145. [Ред. Примечания. Библиографические указания (совместно с В. К. Поржезинским)]: Краткий очерк истории славянских литератур и языков. М., изд. Моск. высш. женских курсов, 1911, 156 стр.
146. Н. В. Гоголь. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., т. 15, стлб. 279—297.

1912

147. Еще один список иконописного подлинника XVI в. — Чтения, 1912, кн. 1, стр. 68—71.
148. Московский университет XVIII столетия и Ломоносов. — Празднование 200-летней годовщины рождения М. В. Ломоносова Московским университетом. [Сборник]. М., 1912, стр. 24—49.
149. К истории собрания песен Н. В. Гоголя. — Сборник Историко-филологического общества, VIII, отдел II, Нежин, 1912—1913, стр. 1—44.
150. Даниил Заточник. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., б. г., т. 17, стлб. 565—566.
151. Даниил Паломник. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., б. г., т. 17, стлб. 564—565.
152. Домострой. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., б. г., т. 18, стлб. 606—609.
153. Духовные стихи. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., б. г., т. 19, стлб. 196—200.
154. Лука Жидята. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., б. г., т. 20, стлб. 295—296.
155. Жития святых. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., б. г., т. 20, стлб. 314—318.
156. Кантемир А. Д. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., б. г., т. 23, стлб. 326—328.
157. Летописи. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., б. г., т. 27, стлб. 500—507.
158. Палея. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., б. г., т. 31, стлб. 49—51.
159. Полоцкий Симеон. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., б. г., т. 32, стлб. 525—528.

1913

160. [Рец.]: Новый труд Л. Г. Нидерле о славянских древностях. — Этнографическое обозрение, кн. 94—95, 1913, стр. 49—69.
161. «Барышня-крестьянка» Пушкина и «Урок любви» г-жи Монтолье. — Сборник Харьковского историко-филологического общества, XIX, Памяти Е. К. Редина, Харьков, 1913, стр. 125—133.
162. Сербское житие Феодосия Печерского (к тексту). — Чтения, кн. 1, 1913, стр. 55—71.

163. К слову Даниила Заточника. — Чтения, 1913, кн. 2, стр. 26—29.
 164. К истории песен, собранных А. С. Пушкиным. — Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 207—214.
 165. Отец Сава Хиандарец. — Известия Общества славянской культуры, т. II, кн. 1, 1913, стр. 58—74.

1914

166. Иван Федоров и его потомство. — Древности, 1914, т. XXIII, вып. 2, стр. 80—88.
 167. Острожская библия 1581 г. в издании 1914 года. — Газ. «Русские Ведомости», № 99, 30 апреля 1914 г.
 168. История древней русской литературы. Пособие к лекциям. М., 1914, 606 стр. То же. Изд. 2, М., 1914, 636 стр.
 169. [Некролог]: В. Ф. Миллер. — Отчет Московского университета за 1913 год, М., 1914, ч. 1, Некрологи, стр. 11—40.
 К некрологу приложен список ученых трудов В. Ф. Миллера.
 170. Белградские рукописи. Библиографическая летопись. СПб. — ОЛДП, т. I, 1914, стр. 51—59; т. II, 1915, стр. 4—20.

1915

171. Памяти Ф. Е. Корша. — РФВ, т. LXXIII, № 2, 1915, стр. 1—12.
 172. К рисунку Н. В. Гоголя. — «Беседы». Сборник Общества истории литературы, т. I, М., 1915, стр. 50—57.

1916

173. Установление сравнительно-исторического метода в истории русской литературы. — История русской литературы до XIX века, т. I, изд. т-ва «Мир», М., 1916, стр. 1—15.
 174. Начало письменности и письменной литературы. — История русской литературы до XIX века, т. I, изд. т-ва «Мир», М., 1916, стр. 64—86.
 175. Апокриф и легенда. — История русской литературы до XIX века, т. I, изд. т-ва «Мир», М., 1916, стр. 136—147.
 176. Развитие областной литературы. — История русской литературы до XIX века, т. I, изд. т-ва «Мир», М., 1916, стр. 208—247.
 177. [Редакция, примечания и вводные статьи]: Русская устная словесность, т. I. Былины. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1916, 454 стр. («Памятники мировой литературы»).

Общий вступительный очерк — стр. V—XLVIII; Былины. Вступительный очерк — стр. LI—LXXI; вводные статьи: Добрыня (стр. 3—13), Алеша (95—98), Илья (115—131), Сухман (191), Саур Леваидович, Михайло Данилович (201—202), Василий пьяница (225—227), Глеб Володьевич (241—242), Дунай (251—252), Дюк (263—265), Михайло Потык (287—288), Михайло Казаринов (327—328), Чурило Пленкович (341—343), Князь Роман (361—363), Как не стало богатырей на Руси (383—387); Былинная речь (425—431).

1917

178. Русская устная словесность. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера. Пособие к лекциям на Высших женских курсах в Москве. М., 1917, 474 стр.
 179. [Ред.]: Песни, собранные П. В. Киреевским, новая серия, М., 1917, вып. 2, ч. 1.

Стр. I—II — предисловие.

1919

180. [Редакция, примечания и вводные статьи]: Русская устная словесность, т. II. Былины. Исторические песни. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1919, 588 стр. («Памятники мировой литературы»).

Вступительная заметка (стр. V); Былевая песня и современные ее носители (VII—XX); Трофим Григорьевич Рябинин (XXIII—XXXII); Иван Трофимович Рябинин (XXXV—XXXVI); Василий Петрович Щеголенок (XXXIX—XLI); Марья Дмитриевна Кривополенова (XLV—XLVI); Аграфена Матвеевна Крюкова (XLXX—LI); вводные статьи к былинам: Вольга (Волх) и Микула (стр. 3—6), Садко (23—26), Сорок Калик со Каликою (51—55), Василий Буслаев (71—73), Святогор (97—100), Иван, гостинный сын (115—118), Соловей Будимирович (127—131), Ставр Годинович (145—147), Хотен Блудович (161—163), Московская былина (175—177), Рахта Рагнозерский (181—182), Данило Ловчанин (189—191), Иван Годинович (203—204), Царь Саламан и Василий Окулович (213—214), Нерассказанный сон (229—230), Аксенко (251), Женильба Пересмякина племянника (257—258), Бутман Колыбанович и царь Петр Алексеевич (267—268), Иван Дудорович (275); Былина-скомо-рошина (281—287); Историческая песня. Вступительный очерк (319—336); Татарщина (339—340); Время царя Ивана Грозного (349—360), Смутное время и XVII век (397—411), Время Петра первого (439—444), После Петра I. Восемнадцатый век (462—465), Деятельный очерк (483—486); Старинные записи былин (499—505).

1920

181. Первое издание «Слова о полку Игореве» и бумаги А. Ф. Малиновского. — В кн.: Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина под ред. А. Ф. Малиновского. С приложением статьи проф. М. Н. Сперанского и факсимиле рукописи А. Ф. Малиновского. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1920, стр. 1—24.
182. История древней русской литературы, ч. 1. Введение. Киевский период. Изд. 3-е, М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1920, 382 стр.

1921

183. История древней русской литературы. Московский период. Изд. 3-е. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1921, 287 стр.

1922

184. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. — СОРЯС, 1922, т. ХСІХ, № 7, 165 стр.
185. А. Шахматов как историк древнерусской литературы. — ИОРЯС, 1922, XXV, стр. 288—301.

1923

186. Международный странствующий сюжет в сказании о чуде святителя Николая. — ИОРЯС, (1921) 1923, XXVI, стр. 124—142.
187. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. (Русские памятники письменности на юге славянства). — ИОРЯС, (1921) 1923, XXVI, стр. 143—206.

1924

188. Жизненный труд и историко-литературная деятельность И. В. Ягича. — ИОРЯС, 1924. XXVIII, стр. 339—365.

189. Поп-разбойник Емея — «Slavia», II, вып. 4, Praha, 1924, стр. 652—655

1925

190. Ярославский збірник XIII в. Науковий збірник за рік 1924. Київ, 1925, стр. 29—36.
191. Югославянские и русские тексты Сказания о построении Софии цареградской. — Сборник в честь на Васил Н. Златарски, София, 1925, стр. 413—422.
192. [Рец.]: Б. Ангелов. Българска литература, ч. 1. Исторически очерк на старата българска литература отъ началото до ст. Паисия. София, 1923. — «Slavia», Praha, 1925, IV, вып. 3, стр. 590—592.
193. [Рец.]: Б. Цонев. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна Библиотека, том II. София, 1923. — «Slavia», Praha, 1926, IV, вып. 4, стр. 816—818.

1926

194. [Рец.]: Alojzy Wanczura. Školnictwo w starej Rusi ... Lwow, 1923. — «Slavia», Praha, 1926, т. IV, вып. 3, стр. 823—829.
195. Новые тексты «Моления Даниила Заточника». — «Slavia», Praha, 1926, т. IV, вып. 4, стр. 847—854.
196. Собрание рукописей И. Е. Забелина. Старая традиция. — Отчет Гос. Исторического музея за 1916—1925 гг., М., 1926. Приложение II, стр. 1—27.
197. [Рец.]: В. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домонгольского периода (11—13 вв.). Пгр., 1922. — Z. f. sl. Phil., VIII, Doppelheft 1—2, 1926, стр. 237—250.
198. Повесть от Динаре в русской письменности. — ИОРЯС, XXXI, 1926, стр. 43—92.
199. Предисловие. — Труды Государственного Исторического музея вып. 1, М., 1926, стр. 5.

1927

200. Славянская письменность XI—XIV вв. на Синае и в Палестине. — ИОРЯС, 1927, XXXI, стр. 43—118.
201. [Рец.]: В. Перетц. Слово о полку Игоревім, пам'ятка феодальної України — Руси XII віку. Вступ. текст, коментар. Київ, 1926. — «Slavia», Praha, 1927, VI, вып. 1, стр. 180—182.
202. [Рец.]: Райнов Ник. Орнаментъ и буква в славянскитѣ ръкописи на Народната Библиотека въ Пловдивъ София, 1925 — «Slavia», Praha, 1927, VI, вып. 1, стр. 182—183

1928

203. Откуда идут старинные памятники русской письменности и литературы. — «Slavia», Praha, 1928, т. VI, вып. 3, стр. 516—535.
204. [Библ. заметка]: Чуич Г. Т. Русская литература на сербском языке. Опыт библиографии русской литературы за период с 1860-го по 1910-й год. (Труды Воронежского Гос. университета, III). Воронеж, 1926. — «Slavia», Praha, VI, вып. 4, 1928, стр. 844—845.
205. Последние издания Археографической комиссии. — «Slavia», Praha, VI, вып. 4, 1928, стр. 845—846.

Библиографические заметки о изданиях Летопись занятий Археографической комиссии, вып. XXXIII, Л., 1926, Полное собрание русских летописей I Лаврентьевская летопись Вып. 1 Повесть временных лет

Л., 1926; Повесть временных лет по Лаврентьевскому еписку. Второе учебное издание. Л., 1926.

206. Последние издания Академии Наук СССР. — «Slavia», Прага, VI, вып. 4, 1928, стр. 846—847.

Библиографические заметки об изданиях: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв. СОРЯС, CI, Л., 1926; В. Н. Перетц. К изучению «Слова о полку Игореве». ИОРЯС, Л., 1926.

207. «Корсунское» чудо Козмы и Дамиана. — Известия по русскому языку и словесности АН СССР, т. 1, кн. 2, Л., 1928, стр. 358—375.
 208. «Аристотелевы врата» и «Тайная тайных». — Сборник статей в честь А. И. Соболевского (СОРЯС; CI, № 3, Л., 1928, стр. 15—18).
 209. Болгарская повесть об убиении Никифора Фоки в старинной русской литературе. — Юбилейний Збірник на пошану М. С. Грушевського, у Києві, 1928, стр. 220—229.
 210. К истории русских рукописных подделок. — Доклады Академии Наук СССР, серия В, № 9, Л., 1928, стр. 181—184.

1929

211. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 4, 3, АН СССР, Л., 1929, 162 стр.
 212. [Предисловие]: В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домостроевской Руси. Труды Государственного Исторического музея, вып. 5, М., 1929, стр. 3.
 213. Из изданий Сербской Академии Наук. — Известия по русскому языку и словесности, II, кн. 2, Л., 1929, стр. 699—713.

Библиографический обзор работ: Веселин Чајкановић. Српске народне приповетке, књ 1; Герхард Геземан. Ерлангенски рукопис старих српско-хрватских народних песама; Тих. Остојић и В. Поровић. Српска грађанска лирика XVIII века; Федро Шишић. Летопис попа Дукљанина; Љ. В. Стојановић. Стари српски родослови и летописи; Љ. В. Стојановић. Стари српски записи и натписи; В. Јагић и В. Моле. Козма Индикоплов.

214. [Рец.]: Песни, собранные П. К. Киреевским. Новая серия, вып. II, ч. 2, М., 1929.

Стр. VII—X — предисловие.

1930

215. Сказание об Индейском царстве. [Исследование и текст]. — Известия по русскому языку и словесности, т. III, кн. 2, Л., 1930, стр. 369—464.
 216. Из изданий Болгарской Академии Наук. Известия по русскому языку и словесности, т. III, кн. 2, Л., 1930, стр. 613—619.

Библиографический обзор работ: Б. Филовъ. Лондонското евангелие на Иванъ Александра и неговитѣ миниатюри; В. А. Францев. Болгарско-чешские литературные связи в половине XIX ст. Страница из истории болгарского возрождения; Юрд. Трифоновъ. Съчинения на П. Р. Славейковъ съ исторически характер; Ст. Младенов. Изъ единъ западнобългарски апостолъ от XIV вѣкъ. (Съ уводни бележки върху названието «сръбска редакция»); Вас. Пундев. Гръцко-български литературни сравнения; Боянъ

Пеневъ. Първа българска повесть «Нещастна фамилия» на В. Друмев (Българска библиотека, бр. 18). София, 1929, 8; Ив. В. Мрквица. България въ образи, часть 1. София, 1929; Летопись на Българската Академия на Наукитъ, X, 1926—1927; XI, 1927—1928.

217. Из славянской эпиграфики. — Доклады Академии Наук СССР, серия В, № 3, Л., 1930, стр. 51—57.
218. Палеографические труды П. А. Лаврова. — Известия Академии Наук СССР, VII серия, Отделение гуманитарных наук, № 8, Л., 1930, стр. 559—572.
219. К вопросу о песнях, записанных А. С. Пушкиным. — Пушкин и его современники, вып. XXXVIII—XXXIX, Л., 1930, стр. 95—107.
220. [Рец.]: Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Lidmile hgb. Jos. Vajs. Prag, 1929. — Z. f. sl. Phil., 1930, VII, Heft 3/4, стр. 499—502.
221. Чотири українські пісні кінця XVIII ст. — Первісне громадянство та його пережитки на Україні. У Києві, 1930, кн. 7, стр. 51—52.
222. Из переписки Ст. Ветковича. — Макадонски Преглед, София, 1930, т. 6, кн. 2, стр. 7—22.
223. Записка об ученых трудах проф. П. Н. Сакулина. — Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 г., Л., 1930, стр. 107—115.

1931

224. [Публикация и комментарии]: Письма И. В. Ягича. Sitna građa za istoriju slovenske filologije. — «Slavia», X, вып. 3, Praha, 1931, стр. 641—648.
225. Л. В. Стоянович. Некролог. — Известия Академии Наук СССР, VII серия, Отделение общественных наук, № 2, стр. 131—135.
226. К истории славянской этнографии. — Известия Академии Наук СССР, VII серия, Отделение общественных наук, № 8, Л., 1931, стр. 985—1000.
227. Дубровницкий сборник 1520 года. (Iz dubrovačke prošlosti). — Zbornik u čast M. Rešetara, Dubrownik, 1931, стр. 257—260.

1932

228. Неизвестный византийский флорилегий в старом славянском переводе. — Труды Института славяноведения Академии Наук СССР, I, Л., 1932, стр. 105—116.
229. [Некролог]: Академик Г. Зибрт. — Труды Института славяноведения Академии Наук СССР, I, Л., 1932, стр. 408—410.
230. [Рец.]: Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. 1928. — Труды Института славяноведения Академии Наук СССР, I, Л., 1932, стр. 466—478.
231. Библиографический обзор новейших изданий Сербской Академии Наук. — Труды Института славяноведения Академии Наук СССР, I, Л., 1932, стр. 478—487.

Рассмотрены работы: Годишњак XXXVIII; Годишњак XXXIX; Споменик LXXI; Споменик LXXII; Глас CXXXVIII; Глас CXLIV; Српски етнографски зборник XLII; Писма Јована Ристића Филипу Христићу; Писма Илије Гарашанина Јовану Маринковићу; Архивска грађа о српским и хрватским књижевним и културним радницима 1790—1897; Душан Пантелић. Кочина Крајина; Јов. Ердѣљановић. О пореклу Буњеваца; Живко Павловић. Битка на Колубари; Васа Чубриловић. Босански устанак (1875—1878); Вас. Поповић. Метернихова политика на Блиском Истоку; Ник. Радојчић. О Тронушком «Родослову».

232. «Злые дни» в приписках Ассеманова евангелия. — Македонски Прегледъ, т. VIII, кн. 1, София, 1932, стр. 41—53.
233. Повесть о городах Таре и Тюмени. — Труды Комиссии по древнерусской литературе АН СССР, I, Л., 1932, стр. 13—32.
234. «Греческое» и «лигатурное» письмо в русских рукописях XV—XVI веков. — *Vyzantinoslavica*, IV, вып. 1, Praha, 1932, стр. 58—64.
235. Из материалов для истории устной песни. — Известия Академии Наук СССР, VII серия, Отделение общественных наук, № 10, Л., 1932, стр. 913—934.

1933

236. Древнерусская литература за 15 лет советской власти. Краткий обзор ее изучения. Л., 1933, 18 стр.
237. [Некролог]: А. В. Орешников. — Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук, № 6—7, Л., 1933, стр. 413—416.
238. [Некролог]: Ю. И. Поливка. — Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук, № 9, Л., 1933, стр. 647—653.
- 239. Из области «вопросо-ответной» югославянской письменности. — Сборник въ честь на проф. Л. Милетичъ за седемдесетгодишнитa отъ рождението му, Издание на Македонския Научен институт, София, 1933, стр. 350—360.

1934

- 240. К вопросу о русском влиянии в сербской литературе XVIII в. Труды Института славяноведения Академии Наук СССР, II, Л., 1934, стр. 27—33.
241. Новые южнославянские издания. — Труды Института славяноведения Академии Наук СССР, II, Л., 1934, стр. 449—456.

Библиографический обзор работ: *Годишњак XL* (Отчет Академии за 1931 г.); М. I. Динић. О Николи Алтомановићу. 1932; Ст. Станојевић и Д. Глумац. Св. писмо у нашим старим споменицима. 1932; М. Костић. Гроф Колер, као културно-просветни реформатор код срба у Угарској у XVIII веку. 1932; Fr. Rački, *Borba južnih slovena za državnu neodvisnost. Bogomili i patareni*. 1931; Глас CXLVII (други разред). 1932; В. Радатовић. Шимон Дундурило, дубровачка комедија XVII века. 1932; А. Ивић. Архивска граѓа о југославенским књижевницима и културним радницима. Књига трећа, 1780—1894 1932; Г. Чремошник. Историски споменици Дубровачког Архива. Серија трећа, свеска I: Канцелариски и нотарски списи 1278—1301. 1932; Ст. Дучић. Живот и обичаји племена Куча. 1931; А. Белић. О двојини у славенским језицима. 1932; А. Белић. Словенски инјунктив у вези са постанком словенског глаголског вида. 1932; Гл. Елезовић. Речник косовско-метохитског дијалекта. 1932.

242. Письмо Вука Караджича Н. И. Надеждину. — Труды Института славяноведения Академии Наук СССР, II, Л., 1934, стр. 159—162.
243. Индия в старой русской письменности. — Сборник статей С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности (1882—1932), М.—Л., 1934, стр. 463—469.
244. Забелинский отрывок Хронографа с Малалой. — Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, Институт русской литературы АН СССР, Л., 1934, стр. 75—81.
- 245. Из старинной новгородской литературы XIV в. (Памятники древнерусской литературы, вып. 4). Л., 1934, 140 стр.
246. Эволюция русской повести в XVII в. — ТОДЛ, т. I, 1934, стр. 137—170.

247. Критико-библиографические заметки о новых трудах по истории древнерусской литературы. — ТОДЛ, т. I, 1934, стр. 351—359.

Библиографический обзор работ, напечатанных в «Трудах съезда славистов в Праге I, 1932»: N. Cartoian. Livres populaires roumains traduits de slave; A. Фроловский. Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений; Jan Janow. Z literatury polskiej i ruskiej XVI—XVII w.; Ю. А. Яворский. Значение и место Закарпатья в общей истории русской словесности; Ф. Колесса. Розсліди й видання славянських пам'яток апокрифічної літератури; I. Огиенко. Крехівський апостол 1560-х років; P. P. Ropajtescu. La littérature slavo-roumaine (XV—XVI s.) et son importance pour l'histoire des littératures slaves; М. В. Шахматов. Славянская идея у древнерусских книжников; А. Jelačić. Iz istorije rusko-jugoslavenskih odnosa i njihova izučavanja; А. Л. Погодин. Библиография русско-сербских отношений. Проект указателя; С. М. Кульбакин. О потреби да се састави потпун преглед славенских рукописа; а также работ: Ю. А. Яворский. К вопросу о литературной деятельности Ермолая-Еразма, писателя XVI в. («Slavia», IX); В. Ф. Ржига. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе. («Slavia», X); А. Д. Седельников. Где была написана «Задонщина» («Slavia», IX); Н. Н. Дурново. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе («Slavia», IX); В. М. Истрин. Моравская история славян и история полян-руси как предполагаемые источники начальной русской летописи (Byzantinoslavica III—IV); А. Mazon. Mikoula le prodigieux laboureur (Revue des études slaves, XI).

1941

248. Древнерусская литература. — Энциклопедический словарь «Гранат», 7-е изд., т. 36, ч. VII, М., 1941, стлб. 148—186.

1954

249. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. — ТОДЛ, X, стр. 136—165. (Окончание см. в настоящем томе «Трудов», стр. 188—225).

1955

250. Из истории изучения «Слова о полку Игореве» в Московском университете. — Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, XIV, вып. 3, М.—Л., 1955, стр. 288—294.

1956

251. Русские подделки рукописей в начале XIX ст. (Бардин и Сулакадзе). — Проблемы источниковедения, V, М., 1956, стр. 44—101.

II. ЛИТОГРАФИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ

252. История русской литературы. Нежин, 1896, 108 стр.
 253. Лекции по роману и повести, читанные в 1906—1907 уч. году. М., 1907, 80 стр.
 254. Лекции по древней русской литературе. 1907, 60 стр.
 255. Лекции по истории русской литературы. Московский период. Курс, читанный в Московском университете в 1908—1909 гг. М., 1909, 319 стр.
 256. История русской литературы. Киевский период. Лекции весеннего семестра 1910 г. М., 1910, 383 стр.
 257. История новой русской литературы. М., 1910, 508 стр.
 258. История романа и повести до 18 века. М., 1911, 346 стр.
 259. История романа и повести 18 века. М., 1911, 160 стр.
 260. История древней русской литературы Киевского периода. Лекции 1911—1912 гг. М., 1912, вып. 1—171 стр., вып. 2—436 стр.

261. Новая и новейшая русская литература. Курс, читанный в Московском университете в весеннем семестре 1912 г. М., 1912, 266 стр.
262. Русская литература XVIII века. М., 1913, 236 стр.
263. Русская литература начала XIX века. М., 1913, 316 стр.
264. Лекции по русской народной словесности, читанные на Московских высших женских курсах в 1912—1913 гг., ч.ч. I—II. М., 1913, ч. I—282 стр.; ч. II—369 стр.
265. Древняя русская литература. Московский период. М., 1913, 422 стр.
266. История русской литературы XIX в. М., 1914, 434 стр.
267. Лекции по русской народной словесности, читанные на Московских высших женских курсах в 1914—1915 гг., ч.ч. 1—2. М., 1915, ч. 1—290 стр.; ч. 2—384 стр.
268. Русская литература XVIII и начала XIX в., ч.ч. 1 и 2. М., 1916, ч. 1—289 стр.; ч. 2—299 стр.
269. История русской литературы XIX в. М., 1917, 417 стр.

III. РУКОПИСИ

А. Датированные

270. Классицизм, византизм и древнерусское просвещение. Автограф. 16 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 64 (1896 г.).
271. По Сербии и Болгарии. Очерки. Автограф. 32 лл. + 9 фотографий. Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, №№ 102—111 (1897 г.).
272. Л. Н. Толстой. Автограф. 10 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 76 (1910 г.).
273. Сербские и русские духовные вирши. Автограф. 37 лл. (26 лл. текста + 11 лл. приложения: вирши по сербским рукописям.) — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 34 (1915 г.).
274. [Некролог]: С. И. Смирнов. Машинопись. 14 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 145 (1915—1916 гг.).
275. Ф. Е. Корш и «Слово о полку Игореве». Машинопись. 11 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 271 (1916 г.).
276. Г. Н. Потанин. Автограф. 14 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 112 (1916 г.).
277. [Рец.]: Д. К. Зеленин. Русская мифология. Автограф. 8 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 91 (1916—1917 гг.).
278. [Некролог.]: А. В. Марков. Автограф. 2 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 136 (1918 г.).
279. [Некролог]: Р. Ф. Брандт. Автограф. 7 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 131 (1920 г.).
280. В. Н. Щепкин. Речь на заседании памяти В. Н. Щепкина в МГУ: а) автограф. 5 лл. Приложение — список трудов В. Н. Щепкина. 2 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, №№ 151—152; б) машинописная копия. 10 лл. — Библиотека Московского Государственного университета (1920 г.).
281. [Некролог]: А. С. Архангельский. Автограф. 9 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 130 (1925 г.).
282. К истории первого издания «Слова о полку Игореве». Автограф. 13 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, №№ 267—268 (1925 г.).
283. Повесть о взятии Царьграда латинянами в 1204 г.: а) Полный текст, не правленный. Машинопись. 42 лл. — Москва, архив Н. О. Шарко-Сперанской; б) Отрывок. Машинопись. 7 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 222 (1929—1936 гг.).

284. [Некролог с приложением списка трудов]: Б. М. Соколов. Автограф. 3 лл. Приложение: картотека — 33 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, №№ 146—147 (1930 г.).
285. Один из вероятных источников «Трязычного лексикона» Ф. Поликарпова. Машинопись. 19 лл. — Ленинград, Архив АН СССР, ф. 172, оп. 3, № 52 (1932 г.).
286. Сказание о семи богатырях — повесть XVII века. Машинопись. 37 лл. — Москва, архив Н. О. Шарко-Сперанской (1934 г.).
287. Рукописные сборники XVIII века. Машинопись. 216 лл. — Москва, архив Н. О. Шарко-Сперанской (1934—1936 гг.).
288. К истории «Физиолога» в старой болгарской письменности. Сказание о фениксе, орле и неясыти, с приложением текста по болгарской рукописи XIV в. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, №№ 62—63 (1934—1937 гг.).
289. К истории изучения «Слова о полку Игореве» с приложением неизданного перевода. Машинопись. 57 лл. (Изданы лл. 50—57. См. № 250). Картотека экземпляров 1-го издания «Слова». 18 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 2, № 4 (1935 г.).
290. Югославянские тексты «Исторической Палеи» и русские ее тексты. Машинопись. 42 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 205 (1935 г.).
291. Историко-литературный обзор старинных повестей о татарском нашествии. Исследование. Машинопись. 121 лл. — Москва, архив Н. О. Шарко-Сперанской. Тексты: автограф 258 лл.; машинопись 4 лл. — Москва, ЦГАЛИ, оп. 1, №№ 302—314 (1935 г.).
292. Историко-литературный обзор повестей и сказаний о взятии Царьграда турками в русской письменности XVI—XVII вв. Машинопись. 113 лл. — Москва, архив Н. О. Шарко-Сперанской (1936—1937 гг.).

Не изданы: гл. I. Историография; гл. X. Обработка А. Лызлова и издание 1713 г.; гл. XVI. Новые поздние источники для истории падения Царьграда. Главы II—IX, XI—XV в сокращении изданы: ТОДЛ X и XI, см. № 249.

293. Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV—XVI вв. Автограф. 46 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 73 (1938 г.).

Б. Не датированные

294. Воспоминания об И. Е. Забелине. Автограф. 3 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 90.
295. Из наблюдений над сложными словами в стиле русской литературной школы XV—XVI вв.

1) «Слово избранно на латыню» (1461); «Житие и подвиги князя Александра, иже ныне Невский именуется» (1591). Машинопись. 11 лл. Картотека. 21 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, №№ 54—55; 2) «Похвальное слово» Фомы (1453). Машинопись. 4 лл. Картотека. 76 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, №№ 56—57; 3) Из наблюдений над стилем и языком Максима Грека. Машинопись. 15 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 199.

296. История русского театра и драматической литературы. Автограф. 21 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 52.
297. Несколько данных для истории классической культуры в древнерусской литературе и искусстве. Автограф. 38 лл. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 65.

298. [Рец.]: М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси (X—XI вв.). СПб., 1913. Автограф. 16 л. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 113.
 299. Сербские тексты жития Моисея. Автограф. 10 л. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 50.
 300. Сербский Венский сборник XVI в. Доклад. Автограф. 11 л. Статья — 10 л. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, №№ 380 и 381.
 301. Славянские отношения в русской литературе. Специальный курс. Автограф. 58 л. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 32.
 302. Судьба поучений Григория Богослова в старой славянской письменности. Автограф. 8 л. — Москва, ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, № 68.
-

Автобиография М. Н. Сперанского. Историко-филологический институт кн. Безбородко в Нежине, 1875—1900. Преподаватели и воспитанники. Нежин, 1900, стр. 60—61.

МИХАИЛ НЕСТОРОВИЧ СПЕРАНСКИЙ.

П. Н. БЕРКОВ

Хронологический список печатных работ члена-корреспондента АН СССР Д. И. Абрамовича (1873—1955) и литературы о нем

Принятые сокращения

БЛ	— Библиографическая летопись.
ЖЭССДА	— Журналы заседаний Совета Санктпетербургской духовной академии (печатались как приложение к журналу «Христианское чтение»).
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЖС	— Живая старина.
ИАН СССР ОЛЯ	— Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности.
Н	— журнал «Начала».
НТ	— В. Н. Перетц. Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и источниковедению.
СОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности.
СРГБ	— Сборник Российской публичной библиотеки.
ТОДЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы.
ХЧ	— Христианское чтение.

I. Печатные работы Д. И. Абрамовича

Отчет профес. стипендиата Дмитрия Абрамовича о научных занятиях по предмету русского языка с славяно-русской палеографией и истории русской литературы. — ЖЭССДА, 1897—1898, стр. 281—463.

Рец.:

Пономарев А. И. — Там же, стр. 246—250.

К вопросу об источниках Несторова Жития преподобного Феодосия Печерского. — ИОРЯС, 1898, т. III, кн. 1, стр. 243—246.

Село Коснище, Владимир-Волынского уезда, Волынской губ. (В 5-ти верстах от мест. Любомля). — ЖС, 1898, т. VIII, вып. II, стр. 184—202; вып. III—IV, стр. 385—386.

Несколько слов в дополнение к исследованию А. А. Шахматова «Киево-печерский Патерик и Печерская летопись». СПб., 1897. — ИОРЯС, т. III, кн. 2, 1898, стр. 536—540, и отд. оттиск: СПб., 1898, 5 стр.

Русский филологический вестник за 1897 год, томы XXXVII и XXXVIII. — ИОРЯС, т. III, кн. 2, 1898, стр. 579—591.

Журнал Министерства народного просвещения за 1897 г. (Обзор статей по славяно-русской филологии, литературе и истории). — ИОРЯС, т. III, кн. 4, 1898, стр. 1347—1366.

Обзор статей по славяно-русской филологии в русских ученых периодических изданиях, 1898 год. — ИОРЯС, т. IV, кн. 3, 1899, стр. 1130—1152.

- [Рец.]: С. М. Кульбакин. «Хиландарские листки», отрывок кирилловской письменности XI века. Изд. ОРЯС, СПб., 1898. — ХЧ, 1899, январь, стр. 184—186.
- [Рец.]: Библиографические материалы. Опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н. П. Смирнова. СПб., 1898, XVI + 690 + II, стр. — ХЧ, 1899, апрель, стр. 819—824.
- Пушкин пред судом современников и потомства. (Главнейшие моменты в истории истолкования и оценки произведений Пушкина. Читано на литер. вечере в память Пушкина 27 мая 1899 г.). — ХЧ, 1899, август, стр. 295—317.
- Отзыв о сочинении В. Мирославского «Народные верования в загробную жизнь по похоронным причитаниям и заплачкам». — ЖЗССДА, 1899—1900, стр. 400.
- Отзыв о сочинении А. Вышенского «Значение первых славянофилов в истории русского просвещения». — ЖЗССДА, 1899—1900, стр. 401.
- Отзыв о сочинении А. Кроткова «Общий обзор древнерусской апокрифической литературы (по главнейшим печатным изданиям)». — ЖЗССДА, 1899—1900, стр. 402.
- Отзыв о сочинении А. Ненарокова «Духовные стихи и легенды как материал для характеристики религиозно-нравственных воззрений русского народа». — ЖЗССДА, 1899—1900, стр. 402—403.
- Отзыв о сочинении В. Харлова «Скитский Патерик по рукописям Кирилло-Белозерской и Новгородско-Софийской библиотек». — ЖЗССДА, 1899—1900, стр. 403—404.
- Биографические сведения о преподобном Несторе Летописце. — СОРЯС, т. 66, 1900, стр. LII—LIV.

Рец.:

Шахматов А. А. — Там же, стр. XXXIII.

- Памяти Аполлона Николаевича Майкова. (Речь, произнесенная 9 июля 1900 г. на открытии сиверской народной библиотеки-читальни имени А. Н. Майкова). — ХЧ, 1900, август, стр. 298—313 (и отдельно: СПб., 1900, 16 стр.).
- Памятники языка и письма и древности южных и западных славян на XI археологическом съезде в г. Киеве. Обзор рефератов, читанных в заседаниях VI (Памятники языка и письма) и VIII (Древности южных и западных славян) отделений съезда. — ИОРЯС, т. V, кн. 1, 1900, стр. 324—338.
- Новый труд по русской библиографии. «А. В. Мезнер. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Ч. 1. Русская словесность с XI по XVIII в. (СПб., 1899)». — ИОРЯС, т. V, кн. 4, 1900, стр. 1272—1283 (и отдельно: СПб., 1901, 12 стр.).
- [Рец.]: Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями под ред. Н. А. Янчука. М., 1900. — ЖМНП, ч. 338, декабрь, 1901, отд. II, стр. 437—444.
- Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике. — ИОРЯС, 1901, т. VI, кн. 3, стр. 207—235; кн. 4, стр. 37—102; 1902, т. VII, кн. 1, стр. 233—279; кн. 2, стр. 201—231; кн. 3, стр. 34—76; кн. 4, стр. 43—65 (и отдельно: СПб., 1902, IV, XXX, 213 стр.).

Рец.:

1. Пономарев А. И. — ЖЗССДА, 1902—1903, стр. 229—235.
2. Жукович П. Н. — Там же, стр. 235—241.

3. Он же. — Там же, 1903—1904, стр. 72—76.

4. Пономарев А. И. — Там же, стр. 76—77.

5. Франко І. — Записки наукового товариства ім. Шевченка, 1903, т. LV, стр. 5—9.

6. Шамбинаго С. К. — Этнографическое обозрение, 1904, № 2, стр. 182—185.

Отзыв о курсовом сочинении студента Николая Зайцева «Древнерусские путешествия по святым местам». — ЖЭССДА, 1900—1901, стр. 26—27.

Донесение о письменном испытании по истории русской литературы (в 1900 г.). — ЖЭССДА, 1900—1901, стр. 35—37.

Отзыв о сочинении Леонида Пальмина на тему «Домострой как историко-литературный памятник». — ЖЭССДА, 1900—1901, стр. 354—355.

Отзыв о сочинении свящ. А. Благовещенского «Рукописные Евангелия библиотеки С.-Петербург. духовн. Академии». — ЖЭССДА, 1900—1901, стр. 355—356.

Отзыв о сочинении Авксентия Обрадовича «Митрополит киевский Георгий Цамблак и его церковно-литературная деятельность». — ЖЭССДА, 1900—1901, стр. 356—357.

Отзыв о сочинении А. Харькевича «Черты религиозно-философского мировоззрения русского народа по данным так называемой народнической литературы». — ЖЭССДА, 1901—1902, стр. 398.

Гоголь в русской критике. (Речь, читанная 21 февраля 1902 г. на литературно-музыкальном вечере студентов СПб. духовной академии, посвященном памяти Гоголя). — ХЧ, 1902, стр. 657—674, и отд. СПб., 1902, 20 стр.

К вопросу об объеме и характере литературной деятельности Нестора Летописца. — Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве (1899), II, М., 1902, стр. 20—27 (и отдельно: М., 1902, 10 стр.).

Черты южнорусского домонгольского быта по данным житийной литературы. — Известия XII Археологического съезда в Харькове, 1902, № 7, стр. 96—97.

[О рукописных и старопечатных собраниях Волинской губ.] — Отчет о деятельности ОРЯС за 1902 г., составленный... академиком В. И. Ламанским. [СПб., 1902], Приложение, стр. 24—30.

Отзыв о сочинении Александра Чулкова на тему «Священник Иван Наседка и его церковно-литературные труды». — ЖЭССДА, 1902—1903, стр. 340—341.

Донесение о рукописи А. Немоевского «Legendy». — ЖЭССДА, 1902—1903, стр. 285.

Ист[ория] русск[ой] лит[ературы] LXII—LXIII кк. [курсы]. СПб., 1903, 39 стр. Литограф. 4°.

Напечатан 21 экз. Шифр ГПБ: Л 20 $\frac{6-7}{86}$.

Памятники языка и письма и археографические на XII археологическом съезде в г. Харькове. — ХЧ, 1903, январь, стр. 74—183.

Речь перед защитой магистерской диссертации «Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике». — ХЧ, 1903, апрель, стр. 629.

Несколько слов о рукописных и старопечатных собраниях Волинской епархии, с приложением отрывка из «Церковного устава» князя Ярослава. — ХЧ, 1903, июль, стр. 108.

Отзыв о поэме Юл. Словацкого «Genezis z Duchy» (Краков, 1903). — ЖЭССДА, 1903—1904, стр. 107.

- Отзыв о сочинении Якова Ктитарева на тему «Религиозно-философские течения в русской художественной литературе второй половины XIX в.». — ЖЭССДА, 1903—1904, стр. 194.
- Отзыв о сочинении Владимира Щепотьева на тему «Борьба христианства с остатками язычества в русском народе по данным литературы допетровской эпохи». — ЖЭССДА, 1903—1904, стр. 194—195.
- Отзыв о сочинении Георгия Евфимова на тему «Религиозно-нравственное мировоззрение малорусского народа по данным его литературного творчества». — ЖЭССДА, 1904—1905, стр. 364.
- Отзыв о сочинении Алексея Протопопова на тему «Религиозные идеи в русской поэзии». — ЖЭССДА, 1904—1905, стр. 364—365.
- Отзыв о сочинении Антона Станиславского на тему «Митрополит тобольский Иоанн Максимович и его церковно-литературные труды». — ЖЭССДА, 1904—1905, стр. 365—366.
- Отзыв о сочинении Николая Соколова на тему «Духовное сословие в России по литературным памятникам XIX в.». — ЖЭССДА, 1904—1905, стр. 366—367.
- Отзыв о сочин. Ник. Шайжина на тему «Религиозно-нравственные и историко-бытовые условия жизни Олонецкого края по данным народно-литературной старины». — ЖЭССДА, 1904—1905, стр. 367—368.
- О Спасо-Прилуцком Прологе С.-Петербургской духовной академии. — Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского, СПб., 1905, стр. 282—288 (и отдельно — б. г. и м. изд., 7 стр.).
- [Автобиблиография]. — Там же, приложение, стр. LIV—LV.
- Описание рукописей Санктпетербургской духовной академии. Софийская библиотека, вып. 1. СПб., 1905, X, 141 (3), LXXVI.

Рец.:

1. Перетц В. Н. — ЖМНП, 1907, март, отд. II, стр. 207—217; НТ, XXXI—XXXVI, 1907, стр. 29—42.
2. Пономарев А. И. — ЖЭССДА, 1907—1908, стр. 114—124.
3. Никольский Н. К. — Там же, стр. 124—140.

- Мнение по вопросу об избрании кандидата на кафедру русской церковной истории. — ЖЭССДА, 1905—1906, стр. 172—173.
- Отзыв о сочинении инспектора Орловской духовной семинарии И. Е. Евсеева «Книга пророка Даниила в древне-славянском переводе. Введение и тексты. (Москва, 1905, ХС, 183 стр.)». — ЖЭССДА, 1905—1906, стр. 245—252.
- Отзыв о сочинении Т. Прядкина на тему «Так называемое нигилистическое направление в русской литературе и оценка его с религиозно-философской и общественно-исторической точек зрения». — ЖЭССДА, 1905—1906, стр. 317.
- Отзыв о сочинении А. Оранского на тему «История преподавания словесности в духовно-учебных заведениях». — ЖЭССДА, 1905—1906, стр. 317—318.
- Отзыв о сочинении Б. Тихомирова на тему «Идея сверхчеловека в современной литературе и оценка ее с религиозно-философской и общественно-исторической стороны». — ЖЭССДА, 1905—1906, стр. 318—319.
- Отзыв о сочинении студента В. Чернозатонского на тему «Сочинение Нила Сорского как материал для истории русской богословской мысли». — ЖЭССДА, 1905—1906, стр. 319.

К вопросу о реформе русского правописания. — ХЧ, 1906, февраль, стр. 282—305 (и отдельно: СПб., 1906, 24 стр.).

Отзыв о сочинении орд. проф. Н. К. Никольского «Материалы для временного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.)». СПб., 1906 (VII, 596 стр.). — ЖЗССДА, 1906—1907, стр. 173—183.

Отзыв о сочин. Архангельского Александра «Религиозно-философские и общественно-политические взгляды Герцена». — ЖЗССДА, 1906—1907, стр. 306.

Отзыв о соч. Демьяновского Николая «Черты народности в южнорусской поэзии половины прошлого столетия». — ЖЗССДА, 1906—1907, стр. 306—307.

Отзыв о соч. Аверьянова Бориса «Новый Завет м. Алексия». — ЖЗССДА, 1906—1907, стр. 307—308.

Отзыв о соч. Можайского Владимира «Общественные заслуги новейшей русской литературы. Литература народническая». — ЖЗССДА, 1906—1907, стр. 308.

Описание рукописей Санктпетербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. II. Четы-Миней. Прологи. Патерики. СПб., 1907, 330, 1 стр.

Рец.:

НТ, вторая серия, I—X, 1909, стр. 13—16.

Отзыв о соч. студ. Спасского Василья «Церковные службы русским святым домонгольского периода по рукописям Софийской и Кирилловской библиотек СПб. духовной академии». — ЖЗССДА, 1907—1908, стр. 309—310.

Отзыв о соч. студ. Котельникова Михаила «Индивидуалистические течения в современной русской поэзии». — ЖЗССДА, 1907—1908, стр. 310—311.

Отзыв о соч. студ. Туманова Полиевкта «Типы духовенства в новейшей русской литературе». — ЖЗССДА, 1907—1908, стр. 311—312.

Отзыв о сочинении свящ. Василия Яблонского под заглавием «Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк». — ЖЗССДА, 1908—1909, стр. 35—37.

Описание рукописей Санктпетербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. III. Сборники. СПб., 1910, 408 стр.

Рец.:

НТ, вторая серия, XXVI—XXXII, стр. 8—26.

М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Под ред. и с прим. проф. Д. И. Абрамовича. Т. I, СПб., 1910, XVI, 415 стр.; т. II, 1910, VIII, 528 стр.; т. III, 1910, IV, 370 стр.; т. IV, 1911, IV, 409 стр.; т. V, 1913, III, CXXVIII, 257 стр.

Рец.:

1. Рудаков В. — Исторический вестник, 1910, май, стр. 726—728; 1911, февраль, стр. 736—738; июнь, стр. 1093—1094.

2. Вестник Европы, 1910, июнь, стр. 411—412; В[етрин]ский Ч. — Там же, 1911, февраль, стр. 391.

3. Б[артенев] П. — Русский архив, 1910, № 6 (внутри обложки).

4. В[ерховский] Ю. — Аполлон, 1911, № 2, стр. 57.

5. С[околовский] М. — Военный сборник, 1911, № 3, стр. 200—201.

6. Русское богатство, 1911, февраль, отд. II, стр. 141—147.

7. ЖМНП, 1911, июнь, стр. 378—383.

8. Амфитеатров А. — Современник, 1911, апрель, стр. 365—379.
9. Нейман Б. — Киевские университетские известия, 1912 (и отдельно: Киев, 1912). — Филологические записки, 1913, № 6, стр. 787—805.
10. Кн. — Киевская мысль, 1913, 18 мая, № 136.
11. Вейнер П. — Старые годы, 1913, № 5, стр. 44.
12. К[арский] Е. — Русский филологический вестник, 1913, т. 70, стр. 177.
13. С[оболев] Ю. — Путь, 1913, № 8, стр. 60.
14. Русская молва, 1913, 14 апреля, № 123.
15. В[олькенштейн] О. — Речь, 1913, 8 апреля, № 96.
16. Пиксанов Н. К. — Русская мысль, 1914, май, критический отд., стр. 165—166.
17. Дурьлин С. В. — Труды и дни, тетрадь восьмая, М., 1916, стр. 96—134.
18. Киселев Н. П. — Там же, стр. 135—147.

[Рец.]: Duchesne E. Michel Jurievitch Lermontov. Plon—Nourit et Co. 1910. — ЖМНП, 1911, апрель, стр. 386—389.

Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, 4, II, 275, 1 стр.

К литературной деятельности мниха камянчанина Исаии. Сообщение. [СПб.], 1913, X, 8 стр. (Памятники древней письменности и искусства, CLXXXI).

Записная книжка Ф. П. Львова. — Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко от сослуживцев по имп. Публичной библиотеке, СПб., 1913, стр. 219—224.

Стихотворение Лермонтова «Моряк». — Русский библиофил, 1913, № 1, стр. 14—16 и отд. 3 стр. [Подпись: Д. А.].

Лермонтов Михаил Юрьевич. — Русский биографический словарь («Лабзина» — «Ляшенко»), СПб., 1914, стр. 265—315.

Нестор Летописец. — Русский биографический словарь («Нааке» — «Николай Николаевич Старший»). СПб., 1914, стр. 254—257.

Каталог собрания рукописей профессора И. В. Помяловского, ныне принадлежащих императорской Публичной библиотеке. СПб., 1914, 180 стр.

Рец.:

1. Перетц В. Н. — БЛ, II, 1915, стр. 38—39.
2. Он же. — ЖМНП, 1915, № 7, отд. 2, стр. 118—122.

[Рец.]: Проф. М. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1914. — БЛ, I, 1914, стр. 26—30.

[Рец.]: В. Мансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текста. СПб., 1913 (Памятники древней письменности и искусства. CLXXX). [Подпись: А.]. — БЛ, I, 1914, стр. 43—44.

[Рец.]: А. А. Шахматов. Нестор летописец. Отдельный оттиск из сборника «Привіт Іванові Франкові в сорокліте його письменської праці 1874—1914». Львів, 1914, стр. 23. — БЛ, II, 1915, стр. 39—41. [Подпись: Д. А.].

[Рец.]: Международная выставка печатного дела и графики в Лейпциге. Каталог русского отдела. СПб., 1914, стр. 269. — БЛ, II, 1915, стр. 45—47. [Подпись: Д. А.].

Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, XXIII, 204, 6 стр. (Памятники древнерусской литературы, вып. 2).

Рец.:

Бугославский С. — ЖМНП, 1917, № 10, отд. 2, стр. 233—245.

[Рец.]: Б. И. Дунаев. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических

- сношений России с Турцией в начале XVI ст. по документам Московского архива Министерства иностранных дел. М., 1916, стр. 92. (Отдельный оттиск из 2 выпуска IV тома Трудов Славянской комиссии имп. Московского археологического общества). — БЛ, III, 1917, стр. 13—15. [Подпись: Д. А.-ч].
- [Рец.]: Г. М. Баран. Источники Слова о законе и благодати и Евангелистой песни. К вопросу о еврейском элементе в древнерусской литературе. Киев, 1916, 8°, 61 стр. — БЛ, III, 1917, стр. 54—58. [Подпись: Д. А.-ч].
- Грамота духовная господина преосвященного Ионы, митрополита, киевского и всеа Руси. — БЛ, III, 1917, стр. 167—174.
- О трудах митрополита Макария (Булгакова) в области древней русской литературы. — ИОРЯС, т. XXII, кн. 2, 1917, стр. 276—290 (и отдельно: Пгр., 1918, 15 стр.).
- С. И. Смирнов (некролог). — ЖМНП, № 3—4, 1917, Современная летопись, стр. 26—33.
- И. А. Крылов. Записка о каталогизации книг императорской Публичной библиотеки. — ЖМНП, т. XXIII, кн. 2, 1918, стр. 1—8.
- Памяти митрополита Евгения (Болховитинова). — Исторический архив, первая книга, 1919, стр. 190—223.
- Сведения о приобретениях отдела рукописей [Российской публичной библиотеки] в 1913 году. — СРПБ, т. 1, вып. 1, Пгр., 1920, стр. 1—120.
- Памяти Афанасия Федоровича Бычкова. (К столетию со дня его рождения). — СРПБ, т. 1, вып. 1, Пгр., 1920, стр. 121—167.
- Письмо Н. В. Гоголя к В. И. Григоровичу. — Н, № 1, 1921, стр. 129.
- Христос в пустыне. Картина Г. Крамского. Неизданный этюд И. А. Гончарова. — Н, № 1, 1921, стр. 191—203.
- [Рец.]: Памятники древней письменности и искусства. CLXXXIX. Л. К. Ильинский. Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века. Петроград, 1920. — Н, № 1, 1921, стр. 212.
- [Рец.]: Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина, под ред. А. Ф. Малиновского. С приложением статьи проф. М. Н. Сперанского и факсимиле рукописи А. Ф. Малиновского. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1920 г. — Н, № 1, 1921, стр. 212—213.
- Из переписки Ф. М. Достоевского. 1. Письмо Ф. М. Достоевского к А. Милюкову. — 2. Письмо Ф. М. Достоевского к Н. Н. Страхову. — 3. Письмо Ф. М. Достоевского к Ф. Ф. Веселаго. — Достоевский. Однодневная газета Русского Библиологического общества, 30 октября (12 ноября) 1921, стр. 21—22.
- Письмо Ф. М. Достоевского к Валиханову. (Из материалов Публичной библиотеки). — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Под ред. А. С. Долинина, Пгр., 1922, стр. 467—469.
- Письмо Ф. М. Достоевского к Каченовскому. (Из материалов Публичной библиотеки). — В кн.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Под ред. А. С. Долинина, Пгр., 1922, стр. 470—471.
- Труды А. А. Шахматова в области истории русской литературы. — ИОРЯС, т. XXV (1920), Пгр., 1922, стр. 112—127.
- Из переписки И. А. Гончарова с Е. П. Майковой. — Н., № 2, 1922, стр. 231—238.
- И. А. Гончаров. Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском. — Памяти А. Н. Островского. Сборник статей об Островском и неизданные труды его. Пгр., 1923, стр. 10—22.

Речь о Пушкине [Ф. М. Достоевского]. (По черновому автографу Российской публичной библиотеки). Приготовила к печати В. Б. Враская под ред. Д. И. Абрамовича. — В кн.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Под ред. А. С. Долинина. Сборник второй. Л.—М., 1924, стр. 509—536.

Вариант речи о Пушкине [Ф. М. Достоевский]. — В кн.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Под ред. А. С. Долинина. Сборник второй. Л.—М., 1924, стр. 537—543.

Необыкновенная история. Неизданная рукопись И. А. Гончарова. Под ред. и с прим. Д. И. Абрамовича. — СРПБ, т. II, Материалы и исследования, вып. 1, Пгр., 1924, стр. 5—173; стр. 174—189 — примечания.

Из переписки деятелей Академии Наук. Приготовил к печати проф. Д. И. Абрамович. Л., 1925, 147 стр. (Государственная Публичная библиотека в Ленинграде. Серия II. Материалы по истории русской науки, литературы и общественности).

Письма русских писателей к А. С. Суворину. Подготовил к печати проф. Д. И. Абрамович. Л., 1927, VII, 228 стр.

Стр. 193—219. — Примечания.

Отрывок хроники Иоанна Малалы в Златоусте XII в. — Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского... Л., 1928, стр. 19—24 (СОРЯС, т. CI, № 3, Статьи по славянской филологии и русской словесности).

Повесть о Варлааме и Иосафе в Четьх Минеях Дмитрия Ростовского. — Ювілейний збірник на пошану ак. М. С. Грушевського, частина історично-літературна, Київ, 1928, стр. 729—734.

Літописні джерела Четъх Міней Дмитра Ростовського. — Науковий збірник історичної секції ВУАН за рік 1929, т. XXXII, 1929, стр. 32—61.

До питання про джерела збірника Святослава 1076 року. — Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови, II, 1929, стор. 65—74.

3 новіших праць про Слово о полку Ігореві. — Україна, 1929, грудень, стр. 131—133.

Збірник Святослава 1076 року і Патерики. — Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників укр. іст., письм. та мови вип. 3, 1931, стор. 11—15.

Київо-Печерський патерик. Вступ. Текст. Примітки. Київ, 1930, XXVI, 232, 4 стр. (Соц.-екон. відд. ВУАН, Комісія укр. письменства доби феудалізму та торговельного капіталізму. Памятки мови та письменства давньої України, т. IV). (На обложке: У Києві, 1931).

Из наблюдений над текстом «Слова Даниила Заточника». — Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 135—141 (Академия Наук СССР, Институт русской литературы).

К истории текста «Записок охотника» Тургенева. (Неизданная рукопись: Рукописный отдел ИРЛИ).

II. Литература о Д. И. Абрамовиче

1. Автобиографии (две: 1904 и 1909 гг.). Собр. С. А. Венгерова. (ИРЛИ; ркп.).
2. Энциклопедический словарь, изд. Брокгауз и Ефрон, СПб., 1904, т. 83, столб. 8.

3. Абрамович Дмитрий Иванович. — Большая энциклопедия, т. 21 (дополнительный), СПб., 6. г., стр. 2—3.
 4. Русская энциклопедия, т. 1 (1911), стр. 20.
 5. Новый энциклопедический словарь, изд. Брокгауз и Ефрон, СПб., 1911, т. 1, столб. 75.
 6. Записка об ученых трудах профессора Д. И. Абрамовича. — ИАН, VI серия, 1921, стр. 63—64.
 7. Член-корреспондент АН СССР Д. И. Абрамович. (К 80-летию со дня рождения). — ИАН СССР ОЛЯ, т. 12, вып. 5, 1953, стр. 481.
 8. А. Н. Робинсон. Д. И. Абрамович. — ИАН СССР ОЛЯ, т. XIV, вып. 3, 1955, стр. 303—304.
 9. И. П. Еремин. Д. И. Абрамович. — ТОДЛ, XI, 1955, стр. 506—510.
-

В. Л. ВИНОГРАДОВА

Повесть о Горе-Злочастии¹

(Библиография)

В 1956 году исполняется 100 лет со времени открытия А. Н. Пыпиным списка одного из интереснейших произведений древнерусской литературы — «Повести о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин».

Предлагаемая библиография ставит перед собой задачу дать аннотированный список изданий текста повести и посвященных ей исследований за прошедшее столетие и наметить круг вопросов и проблем в изучении этого произведения древнерусской литературы, которые требуют своего разрешения.

Повесть о Горе-Злочастии сразу же привлекла внимание ученых своей самобытностью и оригинальностью. Уже в год открытия этого произведения (1856) появилось два издания текста повести: И. И. Срезневского (1)² и Н. И. Костомарова (2). В течение XIX столетия текст Повести издавался еще несколько раз. В 70-е годы это произведение вошло уже в курсы русской словесности для средних учебных заведений. В 1903 году П. К. Симони (9) фототипически воспроизвел ее список. В 1907 году он повторил снова более тщательно фототипическое издание Повести, которое до сих пор по праву считается самым лучшим изданием памятника (11).

Повышенный историко-литературный интерес исследователей к Повести о Горе-Злочастии можно объяснить оригинальными чертами ее формы и содержания. Повесть оригинальна уже по своей тематике как первое русское художественное произведение, которое изображает судьбу обыкновенного человека Московской Руси XVII века. Эпоха XVII века была переломным периодом, когда в старом обществе пробивало ростки новое демократическое начало, поднимали голову посадские слои населения, вступая в противоречие с старозаветными нормами человеческого поведения, продиктованными Домостроем. Эта борьба старого и нового отразилась и на русской культуре XVII века, в частности на языке и литературе, и повела к большей демократизации их. Герою Повести о Горе-Злочастии, как и ряда других произведений того времени, является не святой подвижник, не национальный герой, не человек, облеченный властью, а безвестный молодец торговой части посада. С другой стороны, именно следствием переломной эпохи XVII века явилась двойственность Повести о Горе-Злочастии не только в содержании, в трактовке образов, но и в форме.

¹ В библиографию не включены издания и работы узко учебного и популярного характера.

² См. порядковый номер библиографии и именной указатель.

Двойственность содержания и формы памятника послужила причиной многочисленных научных споров, которые не затихают уже целое столетие. Основные спорные вопросы были поставлены и предположительно решены первыми исследователями Повести — Н. И. Костомаровым, А. Н. Пыпиным, Ф. И. Буслаевым. Остальные ученые в большинстве случаев лишь развивали ту или иную гипотезу. В истории изучения Повести можно с очевидностью наметить два периода: дореволюционный и советский. Каждый из названных периодов имеет в этом отношении свою специфику, задачи, успехи. Чтобы понять особенности дореволюционного и советского времени в деле изучения Повести о Горе-Злочастии, следует остановиться на обзоре основных вех, по которым пошло исследование.

Основными вопросами изучения Повести о Горе-Злочастии, намеченными первыми исследователями, были следующие: форма Повести, жанровая природа ее, содержание, трактовка образов — доброго молодца и Горя-Злочастия, идея памятника, композиция, вопрос о влияниях; в советскую эпоху началось изучение стиля и языка этого произведения.

Первому исследователю только что открытого памятника Костомарову прежде всего бросилось в глаза своеобразие его формы. Хотя список был написан прозой, однако она легко поддавалась разложению на стихи былинного размера. Костомаров, разбив Повесть на стихи, приобщил ее по форме к былинам, правда, с оговоркой, что по содержанию она представляет собой совершенно оригинальное явление (17). Впоследствии принадлежность к былинам Повести подтвердил Ф. Корш своими конъектурами о ритмике и метрике ее (см. изд. Симони 1907 г.). Повесть не была, однако, однородной. Двойственность ее, о которой говорилось выше, прежде всего сказалась на форме. Повесть начиналась и кончалась совсем иначе, чем былина: рассказу о судьбе доброго молодца предшествовало вступление о грехопадении Адама и Евы, с некоторым отступлением от Библии (замена запретного плода — яблока — на «плод виноградный»); кончалась Повесть тоже на церковно-книжный манер: обращение к богу с молитвой об избавлении от вечной муки и даровании рая. Все это навело другого исследователя — Буслаева — на мысль о близости Повести к духовным стихам (20). Впоследствии эти две точки зрения о жанровой природе произведения находили отражение у ряда ученых. В. Ф. Миллер посвятил в 1896 году целую работу о близости Повести к былине об Иване Гостином сыне (35), в которой пришел к выводу о почти буквальном совпадении начала былины с нашим памятником. С мнением же Буслаева соглашается А. В. Марков, отмечавший в своем исследовании сходство Повести с «Прением Живота со Смертью» и духовным «Стихом об Анике-воине» (47). Впрочем, некоторая близость Повести к духовным стихам была замечена еще раньше Буслаева Пыпиным в его «Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских» (19) и В. Варенцовым. Варенцов приводит в «Сборнике русских духовных стихов» (81) в качестве параллелей к памятнику два духовных «Стиха про Удачу-доброе молодца». Отнесение Повести к духовным стихам являлось более натянутым, чем причисление ее к былинному жанру. Пыпин уже в своем «Очерке» ставит ее между сказкой, былиной и так называемыми «стихами». В небольшой заметке, помещенной в собрании сочинений Чернышевского, Пыпин более резко возражает Буслаеву (40). Одновременно с сравнением памятника с былинами и духовными стихами появилась и третья линия — сближение его с народными песнями. И здесь нашлись поборники, причислившие Повесть о Горе-Злочастии к жанру народных лиро-эпических песен. Например, А. С. Архангельский в лекциях по истории русской литературы (46) охарактеризовал это произведение как новую редакцию

народной песни, записанной П. Н. Рыбниковым. Однако большинство ученых XIX и начала XX века ограничивалось в своих работах о Повести лишь сравнением ее с былинами, народными песнями, духовными стихами, житиями, поучениями к детям, сказками, сочинениями о пьянстве, не относя ни к одному из названных жанров. Чтобы прийти к более или менее правильному заключению о жанровой природе такого сложного и противоречивого памятника, каким является Повесть о Горе-Злочастии, историко-литературного анализа, которым занимались исследователи дореволюционного периода, оказалось недостаточно. Необходим был глубокий стилистический анализ. Пример тонкого анализа стиля Повести о Горе-Злочастии впервые дал В. Ф. Ржига (58). Путем обстоятельного сопоставления отдельных стилистических элементов Повести с былинной, устной лирической песней, апокрифическими произведениями он пришел к выводу, что нельзя жанровую природу памятника ограничивать каким-либо из названных видов. По его мнению, место Повести лежит между фольклором и книжностью. Первые исследователи, Костомаров и Пыпин, считали ее книжным произведением. Показатели того, что Повесть является не чисто народной, а сочиненной, Костомаров, как романтик, видел уже в ее «философском тоне» и «страстном изложении» (17). Буслаев же в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства» (20), приводя наряду с фольклорными много книжных параллелей к Повести (сочинения против пьянства, поучения, слова о женах и т. п.), неожиданно и необоснованно причислил ее к устнопоэтическим произведениям (к духовным стихам). С тех пор в литературе вопроса происходили колебания: одни ученые относили Повесть к книжным произведениям [Н. Марков (34), Полевой (37), Симони (59)]; другие рассматривали ее как фольклорный памятник [Сиповский (39), Архангельский (46), А. Марков (47)]. Лишь В. Ф. Ржига детальным анализом Повести о Горе-Злочастии доказал правоту первоначальной точки зрения о ее книжном происхождении, ибо не только сущность образов доброго молодца и Горя-Злочастия здесь несомненно сложнее, чем в фольклоре, но и композиция по ряду книжных приемов восходит к житийному жанру. Работа Ржики положила конец спорам о жанровой природе произведения. После него уже никто из ученых не усомнился в литературном происхождении памятника. Наоборот, при более вдумчивом взгляде на памятник стали обнаруживать книжные черты в памятнике даже там, где фольклорность, казалось, была вне сомнения (71).

Если переломный период XVII века сказался на форме памятника косвенно в широком проникновении в него фольклорных элементов, то в содержании, образах, в идее произведения еще ярче проявилась та двойственность, которая характеризует борьбу старого и нового. Повесть о Горе-Злочастии рисует судьбу молодого человека, принадлежащего, вероятно, к торговой части посада, который был наказан за непослушание родителям Горем-Злочастием и вынужден уйти на «спасенный путь» — в монастырь. Образ молодца представляет собой тип человека нового поколения, который протестует, правда, еще пассивно, против домостроевских догм, воплощенных в родительском благословении и наставлениях. Традиционная точка зрения усматривает в Повести наличие конфликта «отцов и детей», характерного для эпохи XVII века, с победой на стороне «отцов», т. е. старины. На этой общей мысли исследователи сходились до недавнего времени. Однако в частной трактовке памятника вскоре обнаружились разногласия. Если Ф. И. Буслаев (20, 21), И. Е. Забелин (24) и другие видели в основе Повести лишь религиозно-назидательную тенденцию и характеризовали ее (Повесть) как древнерусский идеал смире-

ния, то В. И. Водовозов (25) не мог с этим согласиться. По его мнению, хотя Повесть и кончается победой Домостроя, тем не менее она констатирует пробуждение в русском обществе XVII века сознания невозможности жить по-старому. Образ молодца тоже дан двойственно. С одной стороны, автор Повести осуждает доброго молодца за нарушение заповедей родителей, с другой стороны, мягкие краски, которыми он обрисовывает своего героя, наводят на мысль о сочувствии автора своему герою. Монашеская жизнь также представляется автору вовсе не идеальной, как в более ранних сочинениях древней Руси, не высшим оправданием земного бытия, а как единственный выход и следствие неудачно сложившейся жизни героя. До Повести о Горе-Злочастии уход в монастырь изображался в древнерусской литературе как высшая цель, к которой должен стремиться человек в жизни. Автор Повести о Горе-Злочастии в этом отношении являлся представителем своего времени, эпохи XVII века, когда церковь, ослабленная «смутой», не без борьбы сдавала свои позиции. Е. А. Петухов (45) отметил, что характеристика победы монашеского идеала дается автором памятника двойственно, как бы свидетельствуя о переломной эпохе, в которую он творил. Это подчеркивают и поздние исследователи, например Н. К. Гудзий (60). «Монашеская жизнь, — пишет он, — трактуется в повести не как идеал, даже не как норма, а как своего рода исключение для тех, кто не сумел наладить свою мирскую жизнь по правилам, какие предписывала веками сложившаяся традиция».¹

Что касается образа героя Повести, доброго молодца, то в его характеристике исследователями не было до недавнего времени особенного разнообразия. В нем признавали человека нового поколения, порывающегося искать новые пути в жизни, но пассивно, и поэтому терпящего неудачу. Впрочем, и в этом вопросе при внимательном рассмотрении истории изучения памятника можно обнаружить некоторое расхождение во мнениях. Те ученые, которые видели основную идею произведения в наказании за неповиновение родителям и победе Домостроя, рисовали образ молодца как человека беспомощного, основной чертой характера которого является слабость духа (Буслаев, Марков, Сиповский и др.). Дорошкевич (50) даже пытался в своих «Критических заметках о преподавании древней русской литературы» рассматривать этот образ с точки зрения христианского идеала смирения и предлагал его как параллель для объяснения аскетизма Лизы Калитиной. Однако большинство исследователей поняло образ доброго молодца как человека нового поколения, ищущего иных самостоятельных путей в жизни, чем те, которые предписывались стариной, но еще недостаточно активного, чтобы выйти победителем.

Таким образом, герой выступает в Повести о Горе-Злочастии в конфликте двух поколений, имевшем место в реальной жизни Руси XVII века. Такова была традиционная точка зрения на памятник, постепенно развиваемая позднейшими учеными. Она была почти бесспорна до последнего времени. В 1948 году Д. С. Лихачев (71) снова вернулся к мнению Буслаева, что молодец — просто безвольный человек, что пьянство его — «кроткое пьянство». Он пишет: «...назидательная часть Повести складывается из чисто практических житейских наставлений. Мораль эта ни стара, ни нова, и молодец нарушает ее не потому, что хочет жить самостоятельно, а по безволию и „неразумию“. Молодец не новый человек, ему нечего противопоставить житейскому опыту своих родителей. В нем нет ни практической хитрости, ни пытливой любознательности, ни пред-

¹ Н. К. Гудзий История древней русской литературы Изд. 3-е, М., 1945, стр. 407

примчивости, ни даже желания перечить окружающим» (стр. 214). А поэтому здесь нет никакого «конфликта» двух поколений. Однако эта характеристика образа героя Д. С. Лихачевым не встретила отклика в последующей литературе о Повести о Горе-Злочастии [А. А. Кайев (72), М. О. Скрипиль (78)].

Если в толковании образа доброго молодца мы видим относительное единство, то гораздо большие разногласия замечаются в трактовке другого образа памятника — Горя-Злочастия. Фантастичность Горя-Злочастия, тесно вплетенного в реальную обстановку, изображенную в этом произведении, сразу обратила на себя внимание исследователей. С тех пор не было ни одной работы о Повести о Горе-Злочастии, которая так или иначе не охарактеризовала бы этот образ. Соответственно духу времени второй половины XIX века образ Горя-Злочастия заинтересовал ученых прежде всего с генетической стороны. Тотчас после открытия и опубликования памятника разгорелась полемика между Костомаровым и Буслаевым по поводу генезиса Горя-Злочастия. Костомаров, как известно, выдвинул гипотезу мифологичности Горя в Повести и сводил его происхождение к античности (сравнение с Эвменидами) (17, 18); Буслаев же давал этому образу психологическую характеристику и объяснял его как художественное олицетворение темной совести молодца (20, 21). С тех пор споры не затихали, хотя ученые и не выдвигали ничего нового. Поборниками мифологичности Горя были Потебня (22), Афанасьев (23), Пыпин (40) и др. Мнение Буслаева отстаивали Марков (34), Полевой (37), Архангельский (46). В советский период этот вопрос тоже остался неразрешенным: например, в «Истории русской литературы», под ред. В. А. Десницкого (64), Горе-Злочастие определяется как художественное олицетворение; А. С. Орлов (66) говорит о Горе в Повести как о мифическом существе. Однако в настоящее время исследователей больше интересует толкование образа Горя-Злочастия.

Еще Костомаров во вступительной статье к первому изданию Повести обратил внимание на сходство ее идей с украинской песней о Лихе-Доле (17). В следующей работе «О мифическом значении Горя-Злочастия» (18) он уже более определенно рассматривает Горе-Злочастие как образ, в основе которого лежит понятие русским и украинским народами человеческой Доли-Недоли. Подробно развил эту мысль А. Н. Веселовский. Сравнив представления о судьбе (доле) у различных народов, Веселовский пришел к выводу о двойственном характере образа Горя в Повести, о том, что в этом образе сливаются народные представления о лихой доле с демонологическим мотивом христианско-библейской легенды (28, 30, 31). Это заключение было подхвачено другими исследователями, в ряде случаев дополнено различными параллелями и до сих пор никем не опровергнуто.

В последующей литературе о Повести больше говорилось о народности Горя-Злочастия, чем о его связях с книжной традицией. Некоторые ученые прямо, хотя и без достаточного основания, утверждали его заимствование из народных песен о доле [Полевой (37), Архангельский (46)]. В наше время сложность образа Горя-Злочастия является вне всяких сомнений. Против излишней фольклоризации Горя в Повести выступает Д. С. Лихачев (71). Он считает, что народный образ Горя в памятнике значительно усложнен и переосмыслен; чужд фольклорному пониманию тот момент, что оно привязалось к человеку как бы в наказание за похвальбу.

С характеристикой образа Горя в Повести о Горе-Злочастии тесно связан не менее сложный и запутанный вопрос о влияниях. Ничем так не богата литература об этом произведении, как сравнениями. С самого

открытия Повести приводились многочисленные параллели к ней из книжных и фольклорных источников, чаще всего ее сравнивали с народными русскими и украинскими песнями о Горе и Доле, особенно в связи с образом Горя-Злочастия, с песнями, записанными Рыбниковым, Соболевским, Киршей Даниловым, Бережковым, А. Марковым и др., а также с былинами (об Иване Гостином сыне — В. Ф. Миллер и т. д.). Среди других параллелей сравнения с песнями и сказками о Горе надо признать наиболее удачными, так как они действительно близки к Повести. Это сходство заставило ученых говорить о влиянии на Повесть, особенно на образ Горя, фольклора.

Однако в большинстве исследований дело кончалось лишь констатацией факта сравнения без подробного анализа сравниваемого материала. Сложность же образа Горя-Злочастия наводила на мысль о возможности обратного влияния его на позднейшие великорусские песни и сказки. Впервые эту мысль высказал А. И. Сонни в работе «Горе и Доля в народной сказке» в 1906 году (41). Ответить же, каково было обратное влияние, он еще не мог. Только подробный стилистический анализ текста Повести и сравниваемого с ней песенного материала дал возможность В. Ф. Ржиге разобраться в этом чрезвычайно запутанном вопросе. В народных русских, украинских и белорусских песнях о Горе он различает две группы: 1) варианты песен о Горе как женской доле, 2) варианты песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Путем их анализа и сопоставления с Повестью о Горе-Злочастии исследователю удалось доказать, что русские, украинские и белорусские народные песни о Горе как женской доле оказали влияние на это произведение. Сам же памятник явился художественным прототипом позднейших великорусских песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Таким образом, творческая заслуга неизвестного автора Повести состоит здесь в переработке фольклорного материала о Горе, в прикреплении его к образу молодца. В. Ф. Ржига также подчеркивает, что Повесть как русский памятник воздействовала в данном случае только на великорусский фольклор. Выводы эти были приняты последующими исследователями. Тем не менее их нельзя считать исчерпывающими. Вопрос о взаимосвязях Повести с устным творчеством нуждается в тщательной разработке.

Что касается книжных связей, то они остаются очень неясными. Первые издатели, отдавая дань мифологической и исторической литературным школам прошлого столетия, приводили к Повести книжные параллели настолько отдаленные, что эти параллели сами по себе не вносили ничего нового в дело ее изучения. Например, Буслаев без всякого основания усматривал связь памятника со средневековыми изображениями «пляски мертвых» по частному применению сказания об Адаме и Еве, с древне-немецким стихотворением XIII века «Гельмбрехт» Вернера Гартенера по мотиву неповиновения родителям, чем вызвал справедливые нарекания позднейших исследователей [Пыпин (40), Архангельский (46), Мазон (74)]. Более правильным представляется сравнение Буслаева Повести о Горе-Злочастии с древнерусскими сочинениями о пьянстве. Эта связь с апокрифическими и народными преданиями о вине и хмеле была воспринята учеными после того, как Веселовский представил ее на широком полотне мировой литературы и фольклора в своих трех работах, посвященных Повести. Увлечение этой параллелью особенно ярко проявилось тогда, когда Александр-Невское общество трезвости в Петербурге в 1907 году зачислило Повесть в разряд сочинений против пьянства (42). Это было преувеличением: пьянство является одним из мотивов назидательной стороны памятника, но не главным. Кроме того, как в настоящее

время показал Д. С. Лихачев, Повесть существенно отличается от сочинений о пьянстве: она рисует молодца сочувственными красками, а не кающимся грешником. По сюжету Повесть иногда сближали с евангельской притчей о блудном сыне. Эту мысль старается развить французский ученый А. Мазон, возводя происхождение памятника к евангельскому тексту (74). В вопросе о книжном влиянии на Повесть о Горе-Злочастии исследователи проявляют единство в сближении начала ее с библейским сказанием о грехопадении Адама и Евы. Книжно-религиозное вступление настолько резко отличается от всей стилистической канвы текста, что его (вступление) рассматривали как позднейшую приписку. Попытку опровергнуть эту традиционную точку зрения сделал Лихачев. Он считает, что вступление, повествующее о нарушении божеской заповеди первыми людьми, является органическим началом дальнейшего рассказа о нарушении героем заповеди семейно-бытового уклада русской жизни XVII века, поэтому цельность композиции Повести о Горе-Злочастии несомненна.

Вопросы стиля и языка этого произведения стали разрабатываться в советский период, кроме обстоятельной работы Ржиги, в последние годы. Текст Повести содержит в себе так называемые «темные места». До 1944 года, когда появилась статья А. С. Львова «Темные места в „Повести о Горе-Злочастии“» (65), их расшифровка имела чисто случайный характер сносок и комментариев. Хотя работа Львова выясняет значения всего лишь 8 «темных мест», она представляет серьезное начинание в этом направлении. Отдельным сторонам языка Повести о Горе-Злочастии посвящены два исследования последних лет: статья В. П. Воробьева «Сложно-сочиненное предложение в русских оригинальных повестях второй половины XVII века», 1948 г. (70), и диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук М. К. Давыдовой «Лексика Повести о Горе-Злочастии», 1953 г. (75). Весьма ценным достижением этих исследований представляется их тенденция к неразрывной связи языка памятника с его стилем и содержанием.

Итак, изучение Повести о Горе-Злочастии еще далеко до своего завершения. В некоторых вопросах оно только начинается. Относительно решенными можно считать следующие вопросы:

- 1) датировка написания и списка памятника,
- 2) литературное происхождение его,
- 3) связь Повести с народными песнями о Горе,
- 4) возведение начала Повести к библейскому тексту о грехопадении Адама и Евы.

Задачи, в данное время стоящие перед исследователями в деле изучения Повести о Горе-Злочастии:

- 1) характеристика образа доброго молодца и образа Гора-Злочастия (происхождение, трактовка),
- 2) детальная разработка вопроса о взаимоотношении повести и фольклора,
- 3) книжные заимствования в памятнике,
- 4) проблемы «темных мест»,
- 5) всестороннее изучение стиля и языка Повести, недавно начатое.

Библиография Повести о Горе-Злочастии

1. Издания

«Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин». Нач.: «Изволением господа бога и спаса», по ркп. ГПБ, Погод. № 1773, XVIII в.

1. Срезневский И. И. Старческая песнь о Горе-Злочастии. — Известия АН по ОРЯС, 1856, т. V, вып. II, стр. 401—412 (Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян).
2. Костомаров Н. И. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение. — Современник, 1856, № 3, отд. 1, стр. 49—68.
3. Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова, вып. 1, СПб., 1860, стр. 1—8.
4. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 1367—1383.
5. Горе-Злочастие. Повесть о Горе и Злочастии, с приложением народных былин о горюшке и добром молодце и других. М., 1864, 59 стр.
6. Цветков А. Образцы древней русской словесности. СПб., 1879, стр. 301—313.
7. Глазунов И. Древнерусские повести и романы. СПб., 1895, стр. 67—79.
8. Марков Н. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение. Елизаветград, 1896, 22 стр. (перевод Повести на современный язык).

Рец:

Русская мысль, 1897, кн. IX, сентябрь, стр. 410.

9. Симони П. К. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин. Изд. ОРЯС, СПб., 1903, XXII, 48 стр. (фототипическое издание).

Рец:

ЖМНП, 1903, октябрь, стр. 437—438.

10. Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 1—13.

Рец:

Розанов С. П. Русские повести XVII—XVIII вв. под ред. Сиповского. 1905 г., стр. 1—14. — Известия ОРЯС АН, 1904, кн. 4.

11. Симони П. К. Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII века. — Сборник ОРЯС, т. LXXXIII, № 1, СПб., 1907, стр. 1—88 (и отдельно).

Стр. 27—48: Полный снимок со списка Повести и построчная транскрипция текста. Стр. 49—73: Текст в чтении акад. Ф. Е. Корша. Стр. 74—78: Опыт реставрации текста.

12. Дунаев Б. И. Библиотека старорусских повестей, II. М., 1914.

Рец:

Назаревский А. — Русский филологический вестник, 1915, № 2, стр. 433—434.

13. Буслаев Ф. И. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности. Изд. 13-е, дополн. и исправл. акад. А. И. Соболевским, М., 1917, стр. 186—208.
14. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Учпедгиз, М., 1935, стр. 299—313.

Здесь же напечатаны две народных песни о горе.

- То же. Изд. 2-е, 1936, стр. 299—313.
 То же. Изд. 3-е, 1938, стр. 366—379.
 То же. Изд. 4-е, 1947, стр. 342—357.
 То же. Изд. 5-е, 1952, стр. 391—406.
 То же. Изд. 6-е, 1955, стр. 385—400.
15. Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. Учпедгиз, М., 1938, стр. 236—240 (текст печатается с сокращениями).
 То же. Изд. 2-е, М., 1952, стр. 320—326.
16. Русская повесть XVII века. Гос. Изд. худож. лит., М., 1954, стр. 103—115.

Текст подготовлен к печати М. О. Скрипилем.

II. Исследования

17. Костомаров Н. И. Горе-Злочастье, древнее русское стихотворение. — Современник, 1856, № 3, отд. I, стр. 49—68.

Самобытность Повести о Горе-Злочасти. По форме Повесть — былина, по содержанию — новое оригинальное явление. Философский тон Повести и страстное изложение ее как показатели произведения не чисто народного, а сочиненного. Повесть написана ранее XVII в. Связь содержания Повести с обычаями русской старины. Древность образа Гора-Злочасти: сравнение его с Эвменидами из греческой мифологии. Сходство идеи Повести с малорусской песней о Лихе-Доле. Разложение текста на стихи.

18. Костомаров Н. И. О мифическом значении Гора-Злочасти. — Современник, 1856, № 10, отд. I, стр. 113—124.

Полемика с Ф. Буслаевым относительно мифологичности образа Гора-Злочасти: Горе — мифологическое существо, а не поэтический образ. Великорусские и малорусские песенные параллели к образу Гора-Злочасти.

То же. — В кн.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова, вып. I, СПб., 1860, стр. 12—18.

19. Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, 360 стр.

Стр. 293—295: Повесть о Горе-Злочасти. Повесть — произведение, занимающее среднее место между сказкой, былинной и так называемыми «стихами». Повесть — литературная обработка народноповестического материала. Библиография.

20. Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочасти, как Горе-Злочастье довело молодца в иноческий чин. Древнее стихотворение. — Русский вестник, 1856, т. IV, июнь, кн. 2, стр. 5—52; июль, кн. 2, стр. 279—322.

Содержание Повести о Горе-Злочасти. Сравнение тем и образов памятника: с былинной «Садко богатый гость», с повествованием о Тихвинской иконе Богоматери, с древнерусскими сочинениями против пьянства, с древнерусскими поучениями, со словами о женах. Отнесение Повести о Горе-Злочасти к разряду духовных стихов. Сравнение Повести с древне-немецким стихотворением XIII в. «Гельмбрехт» Вернера Гартенера. Начало Повести о Горе-Злочасти в связи с вариантами библейской легенды о грехопадении в религиозной литературе у различных народов и со средневековыми изображениями «пляски мертвых». Возражения против мнения Костомарова о мифическом значении образа Гора-Злочасти: образ Гора — художественное олицетворение темной совести самого героя (доброе молодца).

То же. В кн.: Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. Русская народная поэзия. СПб., 1861, стр. 548—643.

21. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 1367—1383.

Текст. Объяснение некоторых слов Повести. Главная мысль Повести о Горе-Злочасти. наказание Горем-Злочастием непочтительного к родителям сына Близость характеристики Горя-Злочастиа со стихотворением Кириши Давилова «А и в горе жить — некручинну быть».

22. Потеня А. А. О доле и сродных с нею существах. — Древности. Труды Московского археологического общества, т. I, вып. 2, М., 1867, стр. 153—196.

Этимологические разыскания слов: часть, доля, пай, случай, притча, рок, лихо, беда, нужда, горе. Горе-Злочастиа в Повести о Горе-Злочасти — мифический образ. Возражения Буслаеву, считавшему Горе поэтическим олицетворением. Рассмотрение мифических представлений о доле и связанных с нею понятиях у различных народов. Песенный и сказочный комментарий.

То же. В кн.: Ал. Аф. Потеня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914, стр. 189—243.

23. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. III. М., 1869, стр. 392—421.

Образ Недоли, Горя в народной поэзии (в песнях и сказках). Доля и Недоля — живые мифические лица, тождественные девам судьбы (рожаницам) Сравнение Горя с украинскими эльдами. Параллели к образам Доли и Недоли у других индоевропейских народов.

24. Забелин И. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст., т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869, стр. 50—54.

То же. Изд. 2-е, М., 1872, стр. 50—54.

Повесть о Горе-Злочасти — выражение древнерусского идеала смирения, поэтическое воспроизведение основных учений Домостроя. Образ Горя-Злочастиа создан в назидание молодому поколению XVII в.

25. Водовозов В. И. Рассказы о том, что у нас сохранилось по народной памяти и по грамоте. — Народная школа, СПб., 1870, № 4, стр. 29—32.

Народный язык Повести о Горе-Злочасти. Памятник констатирует пробуждение сознания в русском обществе XVII в. о невозможности жить по-старому.

26. Водовозов В. Древняя русская литература. СПб., 1872, 350 стр.

Стр. 280—285: Содержание и литературный анализ Повести о Горе-Злочасти.

27. Петров Н. И. Южно-русские легенды (библиографическая заметка). — Труды Киевской духовной академии, 1877, № 3, стр. 556—557.

Параллели из украинских народных легенд к Повести о Горе-Злочасти: украинский рассказ «Ох»; великорусские народные стихи о Горе-Злочасти (отрывок песни из «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», т. 1, стр. 470).

28. Веселовский А. Н. Altslavische Kreuz- und Rebensagen. — Russische Revue (Monatsschrift für die Kunde Russlands), 1878, Bd. VII, H. 8, стр. 144—149.

Содержание Повести. Сходство образа Горя в русских песнях и сказках с образом Горя в Повести. Связь образа Горя с преданиями о хмеле.

29. Евстафьев П. В. Древняя русская литература, вып. II. СПб., 1879, стр. 160—169.

История открытия Повести о Горе-Злочасти. Краткое содержание. Типические черты русской народной жизни, представленные в Повести (по мнению автора, это: вера в святость родительского благословения; бражничество; неуважение к женщине; чистый путь спасения — монастырь). Историческое и поэтическое значение Повести. Основная мысль произведения — послушание родителям. Сущность Повести — характеристика доброго молодца древнерусской жизни.

30. Веселовский А. Н. Глава о повестях в кн.: А. Галахов. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1880, т. 1, отд. 1, стр. 474—480.

Содержание Повести о Горе-Злочасти. Двойственный характер образа Горя: народные представления о лихой доле и демон христианско-библейской легенды. Связь Повести с демонологическими рассказами о «винном питии».

31. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. — Сборник ОРЯС, т. XLVI, № 6, СПб., 1889; т. LIII, № 6, СПб., 1891.

О Горе-Злочасти в разделах XIII — «Судьба-доля в народных представлениях славян», стр. 249—260, и XXIII — «К развитию народных представлений о Доле», стр. 167—183. В Повести о Горе-Злочасти христианское понимание идеи недоли как искупления за грехи. Связь этой идеи с библейским рассказом о грехопадении. Южнославянские и русские народнопоэтические параллели к образу Недоли. Описание представлений о судьбе (доле) и связанных с ними обрядов у различных народов.

32. Васильев М. К. Антропоморфические представления в верованиях украинского народа. — Этнографическое обозрение, 1890, № 1, стр. 87—97; 1892, № 4, стр. 157—169.

Генезис олицетворений украинского народа: Доля, Злыдни, Беда и проч. Воплощение положительного начала — Доля; воплощение отрицательного начала — Беда. Примеры на олицетворение Доли, Беды и проч. из украинского фольклора (рассказы). В «Этнографическом обозрении» № 4 за 1892 г., стр. 169—170 — статья Н. Ф. Сумцова «Дополнение к статьям о Доле и Недоле» (библиография к статье М. К. Васильева).

33. Иванов П. В. Народные рассказы о доле. — Сборник харьковского историко-филологического общества, т. IV, Харьков, 1892, стр. 54—89 (отдельный оттиск).

В украинском народном творчестве Доля — душа предков. Характеристика Доли как неизбежности, неотвратимости и бессилия человека в борьбе с ней. Верование в связь судьбы человека (Доли) с небесными светилами. Наличие в понятии о Доле трех идей: прирожденности, предопределения, случая. Иллюстрация этих положений материалом украинских народных рассказов, сказок, песен.

34. Марков Н. Повесть о Горе и Злочасти... — Журн. «Гимназия», Ревель, 1896, ноябрь, стр. 1—45.

Самобытность Повести о Горе-Злочасти. Это произведение личного творчества, построенное на книжной основе. Состав и содержание Повести. Литературный анализ первой и второй частей Повести. Основа счастья человека по автору Повести о Горе-Злочасти в семье. Личность доброго молодца. Важнейшая черта характера молодца — слабость духа. Образ Горя-Злочасти — поэтический образ. Параллели к нему из русских песен и сказок.

35. Миллер В. Ф. Былины об Иване Гостином сыне. — ЖМНП, 1896, № 4, стр. 276—306.

То же. В кн.: В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897, стр. 247—254.

В частности, сравнение былины об Иване Гостином сыне с Повестью о Горе-Злочастии: общность идеи былины и Повести. Почти буквальное совпадение начала былины об Иване Гостином сыне с Повестью о Горе-Злочастии. (Резюме доклада на эту тему. — Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества, М., 1898, т. II, Протоколы, стр. 8—9).

36. Пыпин А. Н. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, 566 стр.

Стр. 547—549: Повесть о Горе-Злочастии. По форме Повесть — произведение чисто народное. Двойственность Повести. Изложение взглядов Буслаева на памятник.

37. Полевой П. Н. История русской словесности, т. I. СПб., 1900, 652 стр.

Стр. 323—331: Повесть о Горе-Злочастии. Цель и основа Повести о Горе-Злочастии — назидание. Двойственный характер Повести: она — как бы связующее звено между книжными произведениями и народными. Образ Гора-Злочастия как олицетворение; он заимствован из народных песен и сказок о Горе.

38. Симоны П. К. Повесть о Горе и Злочастии... Изд. ОРЯС, 1903 (см. № 9).

История открытия Повести Пыпиным. Описание рукописного сборника, содержащего ее. Библиография. Издание рукописного списка памятника. Фотоснимок списка Повести о Горе-Злочастии.

39. Сиповский В. В. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, 308 стр.

Стр. XXIX—XXXVII, 14—21: Горе-Злочастие. Связь Повести о Горе-Злочастии с народной песней и духовным стихом. Беспомощность героя Повести, человека нового времени, перед идеалами старины. Сложность происхождения образа Гора-Злочастия. Текст памятника. Лиро-эпические народные песни и сказки о Горе как наиболее близкие по содержанию к Повести.

40. Пыпин А. Н. Заметка. — Чернышевский Н. Г., Сочинения, т. II, СПб., 1906, стр. 612—616.

Мифологичность образа Гора-Злочастия. Poleмика с Буслаевым. Повесть о Горе-Злочастии — светская повесть.

41. Сонни А. И. Горе и Доля в народной сказке. — Египос. Сборник в честь Н. П. Дашкевича, Киев, 1906, стр. 362—425.

Изложение взглядов Костомарова, Потебни, Афанасьева, Буслаева на образы Гора, Доли и т. д. Возражение Веселовскому. Анализ русских, украинских, немецких, польских и других сказок о Горе и Доле. Происхождение их — от античности. Образы Гора и Доли в великорусских народных песнях. Образ Гора — чисто поэтическая формула. Сложность образа Гора в Повести о Горе-Злочастии: соединение черт народной песни с церковно-библейскими. Влияние этого сложного образа на позднейшие великорусские песни и сказки.

42. Древнерусские сказания о пьянстве. — Александро-Невское общество трезвости, СПб., 1907, стр. 1—29.

Отнесение Повести о Горе-Злочастии к разряду сочинений «против пьяниц и злого запойства» (мнение Буслаева).

43. Симо́ни П. К. «Повесть о Горе и Злочасти́и, как Горе-Злочасти́е довело молодца во иноческий чин», по единственной сохранившейся рукописи XVIII века. — Сборник ОРЯС, т. LXXXIII, № 1, СПб., 1907, стр. 1—88 (и отдельно).

История открытия, изданий и исследований Повести. Описание рукописного сборника М. П. Погодина № 1773. Текст Повести о Горе-Злочасти́и. Полный снимок со списка ее. Текст Повести в чтении акад. Ф. Е. Корша с его замечаниями о ритмике и метрике произведения. Опыт реставрации текста.

44. Преображенский В. С. Славяно-русский скитский патерик. Киев, 1909, 258 стр.

Стр. 237—238: Заимствование в Повести о Горе-Злочасти́и четырех мест из Скитского патерика.

45. Петухов Е. В. Русская литература. Древний период. Юрьев, 1911, 768 стр.

Стр. 546—549: Повесть о Горе и Злочасти́и. Сочетание в Повести о Горе-Злочасти́и книжного демонологического мотива с народным представлением о лихой доле. Характеристика победы монашеского идеала как свидетельства переходной эпохи.

То же. Изд. 2-е, Юрьев, 1912, стр. 350—352.

46. Архангельский А. С. Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (конец XV—XVII вв.). Казань, 1913, 613 стр.

Стр. 421—435, 516: Повесть о Горе-Злочасти́и. Основная мысль Повести о Горе-Злочасти́и — святость семейных уз. Пессимистичность автора произведения. Сближение Буслаевым Повести со средневековыми изображениями «пляски смертей» и бесов слышкѣм отвлеченно. Возражение Костомарову о мифологичности образа Гора-Злочасти́и. Образ Гора — поэтическое олицетворение древнерусских народных представлений о злой доле: связь Повести с народной поэзией. Характеристика памятника как новой редакции народной песни, записанной Рыбниковым. Повесть — книжное произведение. Связь ее с циклом древнерусских слов и поучений, направленных против «злого запойства». Герой Повести — человек нового поколения, «жертва безвременья» московской Руси XVII в.

47. Марков А. В. Повесть о Горе-Злочасти́и. — Живая старина, СПб., 1913, вып. I—II, стр. 17—24.

Место Повести среди произведений народной поэзии. Основные черты содержания ее. Сходство памятника с былинами и духовными стихами. Происхождение поэтического образа Гора-Злочасти́и: в основе этого образа литературный образ Смерти. Сравнение Повести о Горе-Злочасти́и с «Принием Живота со Смертью» и «Стихом об Анике-воине».

48. Сумцов Н. Ф. Злыдни в бочке. К сказаниям о заключенном бесе. — Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина, М., 1913, стр. 59—67.

В малорусских сказках Злыдни — синоним Гора-Злочасти́и и Недоли. Сближение образа Злыдней с образами Доли и Недоли в малорусских и русских сказках. Оценка некоторых исследований о Доле и Недоле.

49. Охотский Б. Черты русской жизни XVII в. по светским повестям. Казань, 1914, стр. 6—10, 12—26 (отдельный оттиск из журн. «Вестник образования», 1914, № 4—8).

История издания и изучения Повести о Горе-Злочасти́и (библиография). Изложение содержания памятника. Бытовые черты русской жизни XVII в. по Повести.

50. Дорошкевич А. К. Критические заметки о преподавании древней русской литературы. М., 1915, 42 стр.

Стр. 19, 21—22, 37—38: О повести о Горе-Злочاستии. Повесть о Горе-Злочастии как параллель для объяснения учащимся аскетизма Лизы Калитиной («Дворянское гнездо» Тургенева). Параллели к христианскому идеалу смирения: молодец из «Горя» и Миша Полтев из повести Тургенева «Отчаянный»; художник из повести Гоголя «Портрет».

51. Белецкий А. И. О преподавании древнерусской литературы в средней школе. Харьков, 1917, стр. 5, 18.

Упоминание о Повести о Горе-Злочастии.

52. Сиповский В. В. История русской словесности, ч. 1. Изд. 8-е, 1917, 252 стр.

Стр. 216—219: Повесть о Горе-Злочастии. Близость Повести с духовными стихами и народными песнями. Изложение содержания памятника. Историческое значение Повести: идеалы Домостроя. Связь ее с житиями. Аналогичность образа Гора-Злочастия Обиде из «Слова о полку Игореве». Отличия Повести от Киевского патерика.

53. Майданов Д. Т. Повторительный курс истории русской словесности, ч. 1, вып. II. Одесса, 1917, стр. 211—215.

Связь Повести о Горе-Злочастии с полудерковными повестями, легендами, духовными стихами и народными песнями. Некоторое сходство героя Повести с горьковским Фомой Гордеевым. Краткое содержание памятника.

54. Соболевский А. И. Повесть о Горе-Злочастии. — В кн.: Ф. Буслаяев. Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности. Изд. 13-е, дополн. и исправл. акад. А. И. Соболевским, М., 1917, стр. 186—203.

Деление Повести о Горе-Злочастии по содержанию на 6 составных частей. Повесть сложена из поэтического элемента и назидательного. По поэтическому складу она примыкает к народным песням; по назидательному — к поучениям детям и сочинениям о пьянстве. Текст Повести с комментариями. Приложение: два варианта «Стиха про Удачу-доброего молодца» с комментариями.

55. Пиксанов Н. К. Старорусская повесть. М.—Пгр., 1923, 96 стр.

Стр. 63—65: Библиография и тематика изучения Повести о Горе-Злочастии.

56. Перетц В. Н. Українська паралель до повісті «Горе Злочастіє». — «Україна», 1924, кн. 3 (Всеукраїнська Академія наук), стр. 23—24.

Как параллель к Повести о Горе-Злочастии приведена вирша по рукописи Виленской публичной библиотеки № 234 (16) первой половины XVIII в.

57. Луговський Б. З приводу «Української паралелі до повісті «Горе-Злочастіє» акад. В. Н. Перетца. «Україна», 1924, кн. 3 — «Україна», 1926, кн. 1 (Всеукраїнська Академія наук), стр. 43—50.

В дополнение к стиху о блудном сыне, приведенному в названной работе В. Н. Перетца, автором дается псалм «Блудящий человек», записанный в Черниговской области.

58. Ржига В. Ф. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе. — Slavia, 1931, X, вып. 1, стр. 40—66; вып. 2, стр. 288—315.

Вып. 1: Стилистический анализ Повести о Горе-Злочастии. Ряд приемов и формул былинного стиля в Повести. Близость к былинам

метрической структуры памятника. Близость Повести к устной лирической песне. Использование элементов и приемов книжной композиции в памятнике. Возражения против доводов Буслаева о помещении Повести о Горе-Злочасти между былинами и духовными стихами, возражения против отнесения ее Марковым к духовным стихам. Повесть стоит между фольклором и книжностью. Композиционная структура ее: 1) вступление, 2) развитие сюжета: а) на родине, б) на чужой стороне, в) возвращение с чужбины и выход на «спасеный» путь. Двойственность образов Гора-Злочасти и доброго молодца. Генетическое восхождение композиционной рамки Повести о Горе-Злочасти к житийному жанру. Вып. 2: Библиография народных русских, белорусских и украинских песен о Горе. Деление этих песен на две группы: 1) варианты песен о Горе как женской доле; 2) варианты песен о Горе в применении к образу доброго молодца. Литературный анализ их. Сопоставление народных песен о Горе с Повестью о Горе-Злочасти. Выводы: Влияние песен о Горе как женской доле на Повесть; Повесть о Горе-Злочасти как художественный прототип фольклорных песен о Горе в применении к образу доброго молодца.

59. Виноградов Г. 75-летний юбилей П. К. Симони. — «Советский фольклор» (сборник статей и материалов), М.—Л., 1936, № 2—3, стр. 458—459.

Гипотеза Симони, высказанная им в докладе в Институте русской литературы в мае 1934 г.: Отнесение Повести о Горе-Злочасти к исходу XVI в. или к самому началу XVII в. Трактовка этого памятника как литературного произведения, вышедшего из новгородского культурного гнезда. Автор Повести, по мнению Симони, — московский протопол Терентий.

60. Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Учпедгиз, М., 1938, стр. 379—385, 446.

Изложение содержания Повести о Горе-Злочасти. Характеристика Повести как первого русского произведения, в котором рассказывается о судьбе обыкновенного светского человека. Старина в памятнике торжествует над индивидуалистическими порывами молодого поколения. Связь Повести с другими древнерусскими произведениями о хмеле. Сравнение «блудного сына» из «Комедии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого с молодым из Повести о Горе-Злочасти.

То же. Изд. 2-е, 1941, стр. 399—405, 465.

То же. Изд. 3-е, 1945, стр. 403—409, 490.

То же. Изд. 4-е, 1950, стр. 371—378.

То же. Изд. 5-е, 1953, стр. 370—376, 483.

61. Кузьмина В. Д. Изучение русских повестей XVII века в VIII классе. — Литература в школе, 1939, № 5, стр. 43—54.

Повесть о Горе-Злочасти как одна из семейно-бытовых посадских повестей конца XVII в. Это — попытка синтеза церковно-книжной легенды и фольклора. Восхождение к книжной традиции композиционной рамки Повести, отчасти идеи, а также отдельных мотивов (наставления родителей, образ «злой жены», изображение пьянства в кабаке), композиционных элементов (символический параллелизм). Влияние фольклора на стиль памятника: краткий пересказ стилистического анализа В. Ф. Ржиги в «Slavia». Связь образов этого произведения с народным творчеством. Возражение против психологической характеристики Буслаевым образа Горч-Злочасти.

62. Адрианова-Перетц В. П. и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. Библиография истории древнерусской литературы, вып. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, 326 стр.

Стр. 267—270: Библиография изданий и исследований Повести о Горе-Злочасти.

63. Ценная литературная находка. — Литературная газета, 1940, 12 XI (№ 56).

О находке В. И. Малышевым в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР рукописного сборника «Стихи покаянны, слезны и умильны» XVII в. Многие вирши этого сборника говорят о бесспорном их влиянии на «Повесть о Горе-Злочاستии».

64. История русской литературы. Учебник для вузов. Под общ. ред. проф. В. А. Десницкого. Учпедгиз, М., 1941, т. 1, ч. 1, гл. VIII, § 2. стр. 265—268 (автор — М. О. Скрипиль).

Острая злободневность Повести о Горе-Злочастии в исторической обстановке середины XVII в. Двойственность в обрисовке молодого поколения в произведении — отражение неустойчивости общественно-политических устремлений торговой части посада. Лиризм образа главного героя в Повести — черта нового времени. Родство памятника с народным творчеством. Горе-Злочастие — художественное олицетворение темной совести молодца. Влияние Повести на устные варианты песни о Горе и добром молодце.

65. Львов А. С. Темные места в «Повести о Горе и Злочастии». — Ученые записки Ярославского Гос. педагогического института, 1944, вып. 1, стр. 62—76.

Попытка выяснить значение некоторых слов и выражений в Повести: 1) вправде вечерине; 2) заточное; 3) ишему; 4) упатки, упадывать; 5) некласти скарлату; 6) головенкою; 7) нани; 8) шумить.

66. Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVII вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, 346 стр.

Стр. 335: Сходство Повести о Горе-Злочастии с Повестью о Савве Грудыне в объяснении нарастания проступков героев обоих произведений вмешательством злой силы. Образ Гора мифологичен.

67. Марісова Л. Й. Поема М. Бейдемана «Ванюша» і староросійська «Повесть о Горе-Злочастии». — Київ, Держ. університет ім. Т. Г. Шевченка. Студентські наукові праці. Збірн. VII. Історія та філологія. Київ, 1946, стр. 33—49.

М. Бейдеман, вероятно, был знаком с Повестью о Горе-Злочастии, что нашло отражение в некоторых внешних формальных чертах его стихотворной повести «Ванюша».

68. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, 188 стр.

Стр. 80, 86, 94, 96, 97: Примеры метафорических образов древнерусского поэтического стиля из Повести о Горе-Злочастии: стр. 80, добрый молодец — сокол; стр. 86, враг — ворон (в Повести — Горе); стр. 94, символ зла, лукавства, всякого обмана — змей. Стр. 96—97: Использование в Повести образа песенной символики — волка (символ быстроты бега) для изображения бегства молодца от Гора.

69. Малышев В. И. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (стих «покаянны» о пьянстве). — Труды ОДРЛ, V, стр. 142—146.

Приведение в качестве тематической и стилистической параллели к Повести о Горе-Злочастии стиха «покаянен» о пьянстве из списка сборника «покаянных» стихов середины XVII в. Центрального Гос. архива Карело-Финской ССР, № 38. Стилистическая близость к Повести «стихов покаянных» наводит на мысль о их влиянии на Повесть

70. Воробьев В. П. Сложно-сочиненное предложение в русских оригинальных повестях второй половины XVII века. — Ученые записки Саратовского Гос. педагогического института, вып. XII, 1948, стр. 163—191.

Основной тип предложения в Повести о Горе-Злочастии — сложное предложение, в пределах которого заметно некоторое преобладание сочинения над подчинением. Воздействие и влияние стиля Повести на структуру предложения в ней. Употребление и функции сочиненных союзов в этом памятнике.

71. История русской литературы, т. II, ч. II. Литература кануна реформы (1640—1690-е годы). Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, гл. III, стр. 207—221 (автор — Д. С. Лихачев).

Цельность Повести о Горе-Злочастии. Несогласие с традиционной точкой зрения, что в Повести есть конфликт между двумя поколениями (отцами и детьми) Огенька Повести как первого произведения русской литературы, стремившегося к широте художественного обобщения: тема памятника — жизнь человека вообще. Характеристика образа Гора-Злочастия как не совсем фольклорного: чужд народному пониманию Гора тот момент, что оно привязалось к человеку как бы в наказание за похвальбу Повесть о Горе-Злочастии — произведение книжно-литературного творчества.

72. К а й е в А. А. Русская литература, ч. 1. Учпедгиз, М., 1949, 502 стр.

Стр. 293—294: Не только классовое, но и общерусское значение образа молодца в Повести о Горе-Злочастии. Молодец — типичный герой переходной эпохи, отображающей конфликт между отцами и детьми Торжество старого мировоззрения над новым в памятнике. Двойственность художественных особенностей в Повести: сходство с книжной житийной литературой и с устным народным творчеством.

73. Setschkareff Vsevolod. Geschichte der russischen Literatur im Überblick. Bonn, 1949, стр. 50—51.

Характеристика древнерусских семейно-бытовых повестей (о Карпе Сугулове, Фроле Скобееве, Савве Грудцыне и Повести о Горе-Злочастии) как следствия подражания западным романам, бытовавшим на Руси.

74. Mazon André. Горе Злочастие. Malheur-Mauvais Destin. — Revue des Etudes Slaves, Paris, 1951, t. 28, стр. 17—42.

Деление Повести о Горе-Злочастии на 3 части. Изложение содержания памятника По форме он напоминает былинку, песнопение, сказку. Изложение взглядов Буслаева: неудачное сравнение Повести с немецким стихотворением В. Гартенера Повесть о Горе-Злочастии в связи с евангельской притчей о блудном сыне. Генетическое восхождение Повести к этой притче. Сравнение памятника с «Комедией притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого. Повесть как морально-религиозное произведение. Характеристика Гора: образ заимствован из народной традиции. Влияние Повести на фольклор.

75. Д а в ы д о в а М. К. Лексика Повести о Горе-Злочастии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953, 18 стр. (Институт языкознания АН СССР).

Общие замечания о характере словарного состава Повести о Горе-Злочастии: основу словарного состава составляет общеупотребительная лексика, нейтральная стилистически. 1) В Повести исключительно широко представлена лексика, связанная с жизнью и деятельностью человека: анализ слов, характеризующих изменения в словарном составе; 2) слой церковно-книжной лексики в памятнике незначителен; книжная по употреблению лексика выражает в большинстве абстрактные понятия, связанные с состоянием и поведением человека; 3) просторечно-диалектная лексика в Повести незначительна. Постоянные эпитеты в Повести. Аналогичность функций синонимических сочетаний в этом памятнике и в устной народной поэзии. Синонимия в Повести как в известной мере композиционный стержень, организующий все содержание повествования.

76. Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков.

Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 446, 459—462 (автор — В. П. Адрианова-Перетц).

Сближение стиля Повести о Горе-Злочاستии с устной пословицей. Отражение в этом произведении народных песен о горе. Сравнение Повести с этими песнями.

77. Лапицкий И. П. Послесловие. — В кн.: Русская повесть XVII века. М., 1954, стр. 307—326.

О Повести о Горе-Злочастии на стр. 312, 319, 320, 323, 325.

78. Скрипиль М. О. Повесть о Горе-Злочастии. — В кн.: Русская повесть XVII века. М., 1954, стр. 400—417.

Рассмотрение основной темы Повести как темы взаимоотношений двух поколений. Двойственность в отношении автора памятника к молодому поколению. Первые исследователи Повести о ее жанровой природе. Сходство этого произведения с былинами и с народными лирическими песнями.

79. Harkins W. S. Russian folk ballads and the Tale of misery and ill fortune. — American Slavic and East European review, Philadelphia, 1954, Oct., v. 13, № 3, стр. 402—413.

Повесть о Горе-Злочастии — памятник единственный в своем роде, как и «Слово о полку Игореве». Изложение содержания. Сравнение Повести с былинами и лирическими песнями. Характеристика образа молодца: причина слабости его характера — пьянство и разврат. Уход молодца в монастырь — влияние письменной литературы на Повесть. Изложение стилистического анализа В. Ф. Ржиги. Вывод: Повесть о Горе-Злочастии — произведение эпико-лирическое.

80. Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, 192 стр.

Стр. 86—87: Библиография Повести о Горе-Злочастии.

III. Сказочный, былинный и песенный материал как комментарий к мотивам Повести о Горе-Злочастии

81. Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 127—133.

Приведение в качестве параллелей к Повести двух духовных стихов.

82. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1. М., 1861, стр. 469—485.

№ 83 — «Горе», № 84 — «О Горюшке», № 85 — «О горюшке и добром молодце», № 86 — «О горюшке сером и упаве молодце».

83. Бережков М. Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии. Нежин, 1895, стр. 22—23 (оттиск из «Известий Нежинского историко-филологического института»).

Песня о Горе.

84. Соболевский А. И. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, №№ 438—448, стр. 514—537.

Одннадцать песен о Горе. Содержание песен: Горе преследует молодца (№№ 438—441), девицу (№№ 442—445 и 447—448); характеристика Гора (№ 446).

85. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, т. II. Изд. 3-е, М., 1897, №№ 171, 172, стр. 233—237.

Две сказки. № 171 — «Горе»; № 172 — «Две доли». В примечании. содержание «Сказки о двух сумках», рассказа из «Современника» 1856 г., № XII, сербской сказки «Усуд», украинского рассказа «Людська доля»

86. Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. 1, вып. 1 СПб., 1898, №№ 797—800, стр. 209—210

Несколько русских и белорусских песен о Горе

87. Ладыженский В. И. О книгах и сочинителях, вып. 1. М., 1899, стр. 61—62

Русские песни о Горе

88. Марков А. В. Беломорские былины М., 1901, № 26, стр. 158—159.

Песня о Горе.

89. Сборник Кириши Данилова под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901, стр. 162, 169—170.

Стр. 162: песня «Ох в горе жить некручинну быть». Стр. 169—170. «Голубиная книга сорока пядень» — начало ее, описывающее сотворение мира богом и грех Адама и Евы, сходное с началом Повести о Горе-Злочасти

То же. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Под ред. С. К. Шамбинаго. М., 1938, стр. 259—260, 273—274.

90. Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. III. СПб., 1910, № 356 — стр. 291—292, № 406 — стр. 555—556.

Два варианта песни о Горе «Непослушливый молодец» как песенный комментарий к мотивам Повести о Горе-Злочасти

91. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, т. II. Изд. 3-е, М.—Л., 1938, № 90 — стр. 140—146, № 177 — стр. 585—586

Два варианта былины о Горе и добром молодце

- То же. Изд. 4-е, 1950, № 90 — стр. 159—166, № 177 — стр. 668—669.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адрианова-Перетц В. П. 62, 68, 76
 Архангельский А. С. 46
 Афанасьев А. Н. 23, 41, 85
 Бархударов С. Г. 15
 Бейдеман М. 67
 Белецкий А. И. 51
 Бережков М. 83
 Буслав Ф. И. 4, 13, 18, 20—22, 41, 46, 54, 58, 61
 Варенцов В. 81
 Васильев М. К. 32
 Веселовский А. Н. 28, 30, 31
 Виноградов Г. 59
 Водовозов В. И. 25, 26
 Воробьев В. П. 70
 Галахов А. 30
 Гильфердинг А. Ф. 91
 Глазунов И. 7
 Григорьев А. Д. 90
 Гудзий Н. К. 14, 60

Давыдова М. К. 75
 Данилов Кириша 21, 89
 Десницкий В. А. 64
 Дорошкевич А. К. 50
 Дунаев Б. И. 12
 Евстафьев П. В. 29
 Забелин И. Е. 24
 Иванов П. В. 33
 Кайев А. А. 72
 Корш Ф. Е. 11, 43, 58
 Костомаров Н. И. 2, 3, 17, 18, 20, 41, 46
 Кузьмина В. Д. 61
 Кушелев-Безбородко Г. 3, 18
 Ладыженский В. И. 87
 Лапидский И. П. 77
 Лихачев Д. С. 71
 Луговский Б. 57
 Львов А. С. 65
 Майданов Д. Т. 53

Малышев В И 63, 69	Ржига В Ф 58, 61 79
Марисова Л И 67	Розанов С П 10
Марков А В 47, 88	Рыбников П Н 46, 82
Марков Н 8, 34, 58	Симони П К 9, 11, 38, 43, 59
Миллер В Ф 35	Сиповский В В 10, 39, 52
Назаревский А А 12, 80	Скрипиль М О 16, 64 78
Обнорский С П 15	Соболевский А И 13, 54, 84
Орлов А С 66	Сонни А И 41
Охотский Б 49	Срезневский И И 1
Перетц В Н 56, 57	Сумцов Н Ф 32, 48
Петров Н И 27	Цветков А 6
Петухов Е В 45	Шамбинаго С К 89
Пиксанов Н К 55	Шейн П В 86
Покровская В Ф 62	Шеффер П Н 89
Полевой П Н 37	Harkins W S 79
Потебня А А 22, 41	Mazon A 74
Преображенский В С 44	Setschkareff V 73
Пыпин А Н 19, 36, 40	

В. В. ДАНИЛОВ

Чешский славист Ян Фрчек

Ян Фрчек, крупный чешский славист, родился в 1896 году в семье захудалого трактирщика, умершего, когда мальчику было 14 лет. Условия существования были нелегкие, и Фрчек, будучи учеником реального училища, зарабатывал средства к жизни преимущественно игрою в оркестре в кинематографах и по ресторанам.

Как окончившему реальное училище, ему после поступления на Фило-софский факультет Карловского университета в Праге пришлось держать экзамены за курс гимназии. В университетские годы опять надо было зарабатывать на жизнь музыкою. В Праге почти не было кинематографа, ресторана, кафе и даже пивной, где бы Фрчек когда-либо не играл. Так он жил двойною жизнью: по ночам, часов до двух — музыка, днем — универ-ситетские занятия.

В 1920—1921 годах Фрчек плавал в качестве музыканта на французских океанских пароходах «Лафайет» и «Франция», совершавших рейсы между Европой и Америкой, много раз бывал в Нью-Йорке, на Кубе, в Мексике, в Испании, что способствовало изучению им иностранных языков.

Возвратившись на родину, Фрчек в 1922 году получил степень доктора философии, специализировавшись в чешском и французском языках.

Затем началась его педагогическая работа. Фрчек был преподавателем средних школ в Праге, Брно, Вене и лектором чешского языка в Националь-ной школе живых восточных языков в Париже. Одновременно он органи-зовывал концерты славянской музыки в Сорбонне, лекции чехословацких профессоров во Франции и лекторские курсы чешского языка в Лилле, Бордо и Лионе.

В Париже Фрчек стал заниматься славистикою у профессора Мейе (Meillet) и по его совету изучать глаголический памятник «Синайский евхологий»,¹ один из основных источников древнеславянского языка. Пло-дом этого было издание «Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française», вышедшее в Париже в 1933 и 1939 годах, в серии «Patrologia Orientalis».²

«Синайский евхологий», хранящийся в библиотеке монастыря св. Ека-терины, на Синайской горе, впервые был издан в 1882 году хорватским

¹ Новогреческое *το ευχολόγιον* — молитвенник; переводится также церковным тер-мином «требник».

² «Синайский евхологий. Славянский текст с греческим оригиналом и французский перевод», в серии «Восточная патрология». На русском языке см. статью акад. Н. С. Державина «Euchologium Sinaiticum (К вопросу о времени происхождения памят-ника)» в «Сборнике статей и исследований в области славянской филологии». (М.—Л., 1941, стр. 215—231).

славистом Гейтлером,¹ но издание это не вполне исправное. Кроме того, памятник сам по себе недостаточно вразумителен из-за плохого перевода его с греческого языка. Фрчеку удалось найти греческие оригиналы к значительной части «Синайского евхология», на основании которых он внес правки в издание Гейтлера.

Достоинством труда Фрчека являются греческие параллели, критический аппарат и французский перевод текста, благодаря которым «Синайский евхологий» сделался доступным для изучения.

Недостаток труда состоит в том, что, не имея в руках ни оригинала «Синайского евхология», ни фотоснимков с рукописи, Фрчек положил в основу издания тот же несовершенный текст Гейтлера, сделав в нем исправления согласно с лингвистическими данными.

Это обстоятельство вызвало в 1941 году новое издание «Синайского евхология», на основании фотографических снимков, совершенное люблянским славистом Райко Нахтигалем. Тем не менее работа Фрчека и после этого не потеряла научного значения. Кроме издания текста памятника, Фрчек посвятил ему несколько статей лингвистического и археологического содержания.

Из других работ Фрчека отметим статью «Современное развитие литературного русского языка как факт культуры языка» в сборнике, изданном в 1937 году проф. Милошем Вейнгартом под названием: «Славянские литературные языки в настоящее время».

Статья посвящена памяти Максима Горького. Фрчек говорит о новых течениях в советском языкознании, о влиянии на литературный язык Горького, Ленина и Сталина, о борьбе с иностранными словами, о сокращениях и освещает языковую политику советской власти, в частности, реформу орфографии. Фрчек приходит к выводу, что из тяжелых революционных испытаний русский язык вышел здоровым и крепким в своей основе.

В 1939 году Фрчек представил в Славянский институт в Праге работу под названием (в русском переводе): «Задонщина. Древнерусская элегия о битве русских с татарами. 1380 г. Литературно-историческое исследование и критическое издание текстов».²

Некоторые выводы, к которым Фрчек пришел в своей работе, не могут удовлетворить нас; но освещение «Задонщины» как памятника художественного заслуживает внимания уже потому, что никто до Фрчека не говорил о художественности «Задонщины» так подробно и с таким интересом к этому произведению, как он.

«Как явление художественное, — пишет Фрчек, — „Задонщина“ всю свою архитеконику, композиционную технику, поэтическими образами и искусными речевыми средствами показывает, что она выросла на основе зрелой словесной культуры и культурной традиции. Достоинства „Задонщины“ предполагают ее отношение к старшей русской словесной культуре».

«По своему строю „Задонщина“ стоит в ряду воинских повестей, принадлежит к литературному виду, достаточно выразительно представленному в древнерусской литературе, форма которого в то время, когда возникла „Задонщина“ была уже выработана. Эта форма сказывалась

¹ «Euchologium, glagolski spomenik manastira Sinai brda («Евхологий, глаголический памятник монастыря Синайской горы»).

² Zádónština. Staroruský žalospěv o boji rusů s tatary r. 1380, Rozprava literárně dějepisná. Kritické vydání textů Napsal dr. Jan Frček, Práce Slovanského ústavu v Praze, Svazek XVIII, V Praze, 1948, 260 стр.

в средневековой литературе в более или менее постоянных и привычных оборотах и схемах, переходивших из одного произведения в другое. Разновидность таких повестей мы находим в нашем памятнике».¹

Работа Фрчека была принята Славянским институтом к печати, была отредактирована и даже набрана, но осталась в матрицах, так как не могла появиться во время фашистской оккупации Чехословакии. 5 июня 1942 года Фрчек был арестован, а 8 июня казнен.

Фрчек погиб как жертва фашистского террора в связи с убийством обер-фюрера Гейдриха. Но незадолго перед тем его допрашивали о содержании и направлении статьи «Современное развитие литературного русского языка», и, надо думать, эта сочувственная и доброжелательная статья имела какое-то влияние на преждевременную смерть ученого, погибшего в расцвете творческих сил.

Профессор Йосиф Курц говорит в некрологе Фрчека: «Это была для нас тяжелая рана, и мы ощущаем ее особенно теперь, когда после шести суровых лет мы снова свободны и строим новую культурную жизнь. Смерть Фрчека прежде всего чувствует чешская славистика. Теперь, когда мы стоим уверенно перед новым размахом славянских изучений и когда мы без колебаний глядим на действенное славянское сотрудничество, когда столько надежд питаем по отношению к своему великому восточному союзнику, нам будет крайне недоставать слависта и в особенности руссита Фрчека».²

¹ Zádouštica, стр. 117.

² Casopis pro moderní filologii, 1946, ноябрь, № 1, стр. 1.

ХРОНИКА

**II Всесоюзное совещание
по вопросам изучения древнерусской литературы
в Институте русской литературы (Пушкинском Доме)
Академии Наук СССР**

(23—26 апреля 1955 года)

С 23 по 26 апреля 1955 года в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР проходило II Всесоюзное совещание по вопросам изучения древнерусской литературы, организованное Сектором древнерусской литературы. В совещании приняли участие представители 62 научных учреждений из 20 городов — всего свыше 150 человек. Среди них были как литературоведы, так и представители смежных отраслей науки — историки, лингвисты, искусствоведы и сотрудники рукописных отделов крупнейших научных библиотек.

На шести заседаниях совещания было прочитано и обсуждено 14 докладов и 6 сообщений. Основное место заняли доклады, посвященные вопросам текстологии (освещенным теоретически и с точки зрения связи между отдельными ее отраслями) и художественной системе древнерусской литературы; ряд докладов и сообщений был посвящен истории изучения древнерусской литературы, обмену опытом с представителями смежных дисциплин, состоянию работы в рукописных хранилищах и другим вопросам.

Первое заседание 23 апреля открылось вступительным словом чл.-корр. АН СССР М. П. Алексеева (Ленинград). Отметив большие успехи, достигнутые советскими исследователями древнерусской литературы, М. П. Алексеев указал, что эти успехи сопровождаются ликвидацией имевшей некогда место профессиональной замкнутости представителей этой отрасли науки, установлением тесных связей между всеми смежными гуманитарными дисциплинами, ведущих к взаимному творческому обогащению. Расширение этих связей — одна из задач настоящего совещания, усиленное решение которых будет способствовать совершенствованию методики исследовательской работы, дальнейшему развитию вспомогательных дисциплин и облегчит изучение международной роли русской культуры.

Первый доклад — «Ф. И. Буслаев как историк древнерусской литературы» — был прочитан действ. членом АН УССР Н. К. Гудзием (Москва). Указав, что Ф. И. Буслаеву принадлежит выдающаяся роль в развитии русской филологии, в частности, в изучении древней русской литературы, докладчик обрисовал творческий путь исследователя, внесшего свой вклад в науку в качестве крупного историка русского языка, русской и западноевропейской литературы, фольклориста, археолога и педагога. Давая общую оценку научному наследию Ф. И. Буслаева, Н. К. Гудзий отметил, что хотя в методологическом отношении труды его успели устареть

еще при жизни ученого, пафос его научных исканий, широта мысли, богатство собранного им фактического материала не устарели до наших дней, а высокохудожественная форма, в которую облечены исследования Ф. И. Буслаева, остается поучительной для филологов.

Чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев (Ленинград) в своем докладе «Новые принципы в текстологическом изучении памятников древнерусской письменности» подвел итоги развития текстологии за последние десятилетия. На конкретных примерах докладчик показал, что из суммы приемов издания памятников текстология стала научной дисциплиной, изучающей историю текста, понимаемую теперь не как процесс его «порчи» в результате переписок, а как отражение жизни памятника в неразрывной связи с развитием потребностей среды его бытования. История текстов понимается теперь в известной мере как история их создателей. На первое место в текстологии выступили человек и общество в том новом их понимании, которое дает исторический материализм. Из вспомогательной дисциплины текстология превращается в самостоятельную науку. Это не только требует новых приемов в текстологических работах — такие приемы уже вошли в практику наших исследователей, — но и делает совершенно необходимым создание теоретических работ по текстологии и широкий обмен опытом между представителями различных ее отраслей.

Доклад канд. ист. наук доц. В. С. Люблинского (Ленинград) «Итоги и перспективы изучения вновь открытого издания Ивана Федорова (львовский букварь 1574 года)» познакомил участников совещания с первыми результатами исследования этого недавно обнаруженного памятника русской культуры XVI века. Рассмотрение букваря 1574 года в связи с другими изданиями Ивана Федорова позволило докладчику сделать предположение о планомерности многолетней издательской работы русского первопечатника, сознательно подчинившего, повидимому, свою деятельность тем задачам, которые ставились системой обучения в русских землях в XVI веке.

Утреннее заседание 24 апреля было целиком посвящено обмену опытом между текстологами-медиевистами, работающими в различных отраслях литературоведения. Были заслушаны доклады: чл.-корр. АН СССР И. Е. Бертельса (Москва) — «О работе над текстами классических авторов Ближнего Востока», чл.-корр. АН СССР В. И. Жирмунского (Ленинград) — «Из опыта текстологического изучения средневековой немецкой литературы» и доктора филол. наук А. А. Смирнова (Ленинград) — «О текстологии Шекспира». Докладчики рассказали о приемах, применяемых в текстологическом изучении средневековых литератур Западной Европы и Ближнего Востока, подчеркнув большую важность дальнейшего обмена опытом в этой области между текстологами-медиевистами, несмотря на все своеобразие работы в различных отраслях.

На вечернем заседании с первым докладом — «К вопросу о происхождении древнерусской литературы» — выступил доктор филологических наук В. Ф. Ржига (Москва). В первой части доклада автор поделился своими соображениями о том, что существенными предпосылками быстрого развития древней русской литературы были влияние устного народного творчества и того обстоятельства, что начальная учеба первых русских образованных людей должна была проходить в чрезвычайно благоприятной для них обстановке. Вторая часть доклада В. Ф. Ржиги была посвящена анализу книги Д. С. Лихачева «Возникновение русской литературы». Не согласившись с некоторыми положениями автора, докладчик определил книгу в целом как одно из серьезных достижений советской литературоведческой науки.

Чл.-корр. АН СССР М. П. Алексеев (Ленинград) прочел доклад «Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбуковниках XVI—XVIII вв.», показавший несомненную плодотворность изучения памятников этого рода. На основе анализа рукописного азбуковника XVII века из собрания Григоровича № 1642 докладчик установил, что автор этой рукописи, вышедшей, как о том свидетельствует ее содержание, из посадских кругов и носящей явно выраженный демократический характер, использовал не только письменные источники, но и собственные записи, сделанные в результате непосредственного общения с иностранцами.

Затем развернулись прения, в которых приняли участие чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц, действ. член АН УССР Н. К. Гудзий, директор Музея имени Андрея Рублева Д. И. Арсеншвили, кандидаты филол. наук М. В. Щепкина, О. А. Державина, А. Н. Робинсон и другие участники совещания. Основное место в прениях заняли вопросы текстологии, затронутые в той или иной степени во всех выступлениях. Положительные отклики вызвали доклады Д. С. Лихачева, И. Е. Бертельса, В. И. Жирмунского и А. А. Смирнова, показавшие необходимость дальнейшего широкого обмена опытом между текстологами; было указано на необходимость издания сборника работ по текстологии.

С удовлетворением было отмечено, что в докладе Н. К. Гудзья поднят давно назревший вопрос о необходимости правильной оценки научного наследия одного из крупных исследователей древнерусской литературы — Ф. И. Буслаева. В ряде выступлений были отмечены заслуги Буслаева в области языкознания, не получившие достаточного освещения в докладе.

Почти все выступавшие указали на крайнюю необходимость скорейшей организации академического центра по изучению древнерусской литературы в Москве.

Утреннее заседание 25 апреля началось богато иллюстрированным докладом действ. члена Академии художеств СССР М. В. Алпатова (Москва) «Изучение художественных образов древнерусского искусства». На примере разработки древнерусскими мастерами живописи мифологической темы Сретения докладчик показал, как воплощались ими высокие жизненные идеалы в таком казалось бы отвлеченном сюжете. Автор поставил вопрос о необходимости отвергнуть старый иконографический метод с его коллекционированием фактов и классификацией исключительно по внешним признакам и перенести центр тяжести на необходимость проникать в сущность явлений, указав, что только таким способом можно по-настоящему осмыслить богатство идейных и художественных ценностей культурного наследия древней Руси.

Доктор филол. наук И. П. Еремин (Ленинград) выступил с докладом «Новейшие исследования по вопросам художественной формы древнерусских литературных произведений», заключающим в себе новую постановку ряда проблем — стилистики древнерусских памятников, критерия их художественности, проблемы жанров, творческого метода и литературных направлений (доклад напечатан в настоящем томе).

Доклад чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева (Ленинград) «Изображение людей в житийной литературе XIV—XV вв.» был посвящен раскрытию сущности литературного направления конца XIV—начала XV века, характеризовавшегося «абстрактным психологизмом» в изображении людей (доклад напечатан в настоящем томе).

Вечернее заседание было посвящено состоянию работы по систематизации, научному описанию и сохранению рукописных памятников.

Заседание открылось докладом доктора ист. наук А. Н. Насонова (Москва) «Материалы по летописанию в хранилищах Москвы»

Докладчик сообщил о результатах произведенной им научной разведки, позволившей выявить свыше тысячи рукописей, содержащих летописные тексты, и сделать предварительные заключения о составе ряда неизвестных ранее сводов XV—XVI веков. В конце доклада А. Н. Насонов остановился на исследовании им петровских летописей, свидетельствующем об официальном характере летописания при Петре I.

С сообщениями о работе рукописных отделов Москвы и Ленинграда выступили канд. ист. наук М. В. Щепкина (Гос. Исторический музей, Москва), канд. филол. наук И. М. Кудрявцев (Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва), канд. филол. наук Н. Н. Розов (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград) и канд. филол. наук В. Ф. Покровская (Библиотека АН СССР, Ленинград). В этих сообщениях и последовавших за ними прениях с большой остротой был поставлен вопрос о необходимости систематической работы по научному описанию рукописных фондов и скорейшей их каталогизации, требующей обеспечения хранилищ рукописей достаточным количеством штатных сотрудников. Недопустимая медленность этой работы в настоящее время не позволяет ввести в научный оборот огромное количество рукописей. Было указано на совершенно неудовлетворительное положение с комплектованием рукописных отделов — недостаточность отпускаемых на это средств приводит к гибели сотен и тысяч рукописей на периферии.

На заседании 26 апреля старш. научн. сотр. Музея имени Андрея Рублева Н. А. Демина (Москва) прочла доклад «О связях искусства Андрея Рублева с искусством и культурой Киевской и Владимиро-Суздальской Руси», сопровождавшийся демонстрацией диапозитивов и выставкой фотографий. Не отрицая связей Рублева с ближайшими предшественниками, докладчица прослеживает нить преемственности, связывающую его творчество с древнейшей монументальной живописью Руси — первым звеном в цепи самостоятельного развития древнерусского искусства, и пути проникновения наследия живописи XI—XII веков в творения Андрея Рублева и мастеров его круга.

Доклад доктора филол. наук В. С. Всеволодского-Гернгросса (Москва) «Поэзия скоморохов в древней Руси» был посвящен рассмотрению роли скоморохов в литературном и народном творчестве древней Руси.

Инженер-химик В. В. Лукьянов (Ярославль) выступил с сообщениями «Новые данные о первом владельце рукописи „Слова о полку Игореве“ Иоиле Быковском» и «Собрания рукописей городов Щербакова, Ростова и Тутаева Ярославской области». Сообщения В. В. Лукьянова напечатаны в настоящем томе.

Совещание приняло резолюцию, в которой была отмечена плодотворность изучения древнерусской литературы в связи со смежными дисциплинами и обмена опытом в области текстологии. Решено издать в ближайшее время сборник работ по текстологии средневековых литератур Руси, Западной Европы и Востока, положив в основу его доклады, прочитанные на совещании. Совещание признало необходимым возобновить работу по сравнительному изучению древнеславянских литератур и историографии, а также усилить исследование художественной формы древнерусских литературных памятников. Ряд предложений направлен на улучшение работы рукописных отделов и архивов. Указано на необходимость безотлагательной организации Сектора древнерусской литературы в Москве.

Н. А. ДЕМИНА и П. Л. ВАЙНШЕНКЕР

О сессии, посвященной 575-летию со дня Куликовской битвы

В московском Литературном музее 15—17 сентября 1955 года состоялась научная сессия, посвященная 575-летию со дня Куликовской битвы.

Сессия, организованная Государственным Литературным музеем совместно с Государственным Историческим музеем, Музеем имени Андрея Рублева, Музеем реконструкции Москвы и Центральным историческим военно-инженерным музеем, привлекла большое внимание научной общности столицы. В сессии приняли участие музеи городов Московской области: Загорска, Коломны, Серпухова, Звенигорода, Дмитрова и др. На заседаниях сессии побывало 500 человек (историки, литературоведы, искусствоведы, преподаватели и студенты литературных, художественных и исторических факультетов московских вузов).

Сессия началась вступительным словом действ. члена АН УССР Н. К. Гудзия.

Акад. М. Н. Тихомиров выступил с сообщением «Куликовская битва 1380 года», посвященным критическому пересмотру и анализу летописных источников, повествующих о событиях Куликовской битвы. На основе сравнения недавно обнаруженной летописи с уже известными историческими источниками был внесен ряд существенных уточнений социального, территориального и численного состава русского войска, участвовавшего в битве. Было указано на большое международное значение победы на Куликовском поле.

Большой интерес представлял доклад доктора ист. наук Н. Н. Воронина на тему «Московское зодчество времени Дмитрия Донского». Докладчик нарисовал картину грандиозного для своего времени строительства оборонительных сооружений и культовых зданий в Москве и городах по Оке, в Коломне и Серпухове. Он показал целеустремленность строительных мероприятий Москвы, тесно связанных с подготовкой страны к решительной схватке с татарами. Двухкилометровый каменный пояс девятибашенного московского Кремля был воздвигнут в течение одного сезона 1366—1367 года. Над его сооружением должны были трудиться ежедневно около 2000 человек.

Представитель тульской научной общности заведующий Кафедрой истории СССР Тульского педагогического института В. Н. Ошурков рассказал об истории местности, на которой происходила Куликовская битва, а также об истории создания на ней памятников.

В зале заседаний было показано произведение древнерусской станковой живописи XVII века, недавно обнаруженное в Ярославле, с изображением крупнейших событий русской истории, в том числе Куликовской битвы. Как установлено В. В. Филатовым, заведующим Отделом древнерусской

живописи Центральной Государственной Художественно-реставрационной мастерской Министерства культуры СССР, безымянный художник XVII века следовал древнему тексту летописного Сказания о Мамаевом побоище.

Участники сессии посетили Архангельский собор в московском Кремле — усыпальницу московских князей, где погребен Дмитрий Донской. Осмотрены были и другие исторические памятники Кремля.

Заведующий Рукописным отделом Библиотеки СССР им. В. И. Ленина канд. филол. наук И. М. Кудрявцев дал яркий обзор развития патриотических идей в житийной литературе древней Руси XI—XV веков. Этот обзор был литературоведческим вступлением к докладу старш. научн. сотр. Музея имени Андрея Рублева Н. А. Деминой на тему «Образ человека в московской живописи XIV—XV веков (отражение черт национального русского характера)». Доклад сопровождался показом диапозитивов с произведений древнерусской живописи (станковая живопись из московского Кремля, творения Андрея Рублева и мастеров его круга, из Успенского собора в г. Владимире и иконостаса Троицкого собора в Загорске)

В зале заседаний была развернута выставка «Куликовская битва в литературе и искусстве», организованная на материалах музеев: Государственного Исторического, имени Андрея Рублева и Государственного Литературного. В центре выставки — оружие и доспехи XIII—XIV веков тех образцов, которые упоминаются в описании Куликовской битвы. В книжной части экспозиции — подлинные списки с отрывками «Задонщины» и Сказания о Мамаевом побоище XV—XVI веков, летописи, включающие сказания о Куликовской битве, и первые издания этих повестей. Показано также отражение событий Куликовской битвы в русской литературе: первая публикация трагедии «Дмитрий Донской» Озерова, дума Рылеева «Дмитрий Донской», поэма Блока «На поле Куликовом», исторический роман С. Бородина «Дмитрий Донской», исследования, посвященные «Задонщине» и Сказанию о Мамаевом побоище. На выставке представлена также партитура кантаты Ю. Шапорина «На поле Куликовом».

Серия высокохудожественных фотографий из фондов Музея имени Андрея Рублева дала возможность участникам сессии ознакомиться с образами русских людей в произведениях древнерусских живописцев — Андрея Рублева, мастеров его круга и других.

**Научные заседания Сектора древнерусской литературы
Института русской литературы (Пушкинского Дома)
Академии Наук СССР с января 1955 по май 1956 года**

1955

17 января. Доклад канд. ист. наук М. К. Каргера «К характеристике древнерусского летописца». Напечатан в XI томе «Трудов ОДРЛ».

31 января. Доклад чл.-корр. АН УССР С. И. Маслова (Киев) «Маловідомий український письменник XVII—XVIII ст. Іван Величковський».

7 февраля. Обсуждение главы для трехтомной «Истории русской литературы» — «Литература двух последних десятилетий XVII в. и трех первых десятилетий XVIII в.», написанной доктором филол. наук П. Н. Берковым. Присутствовал автор.

14 февраля. Доклад канд. филол. наук С. В. Калачовой (Москва) «Традиции литературы XVII в. в сатире Кантемира».

23 февраля. Доклад канд. ист. наук А. И. Клибанова (Москва) «Русский вольнодумец XV века Иван Черный».

28 февраля. Обсуждение рукописи доктора ист. наук Л. В. Черепнина (Москва) «Русская палеография». Присутствовал автор.

14 марта. Доклад доктора филол. наук П. Н. Беркова «Комедия „Царь Максимилиан“ и ее источники».

28 марта. Доклад гл. библиотекаря Отдела редкой книги Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Т. А. Быковой и канд. ист. наук В. С. Люблинского «Грамматика Ивана Федорова, напечатанная во Львове в 1574 году».

30 марта. Доклад канд. ист. наук Д. А. Казачковой — «Зарождение и развитие антицерковной идеологии в Киевской Руси XI века».

6 апреля. Доклад Н. А. Дворецкой «Повести о походе Ермака».

20 апреля. Заседание, посвященное памяти чл.-корр. АН СССР проф. Д. И. Абрамовича. Доклады: доктора филол. наук И. П. Еремина — о научном творчестве Д. И. Абрамовича (напечатан в XI томе «Трудов ОДРЛ») и доктора филол. наук П. Н. Беркова — о курсе лекций Д. И. Абрамовича по истории русской литературы; выступления — канд. ист. наук Д. Д. Шамрая, канд. ист. наук В. Г. Геймана, чл.-корр. АН СССР Е. С. Истриной, доктора филол. наук А. П. Евгеньевой, чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева и канд. филол. наук Н. Н. Розова, лично знавших Д. И. Абрамовича.

4 мая. Доклад канд. ист. наук Я. С. Лурье «К вопросу об идеологии раннего иосифлянства (первоначальная редакция «Устава» Иосифа Волоцкого)». Напечатан (в переработанном виде) в настоящем томе.

11 мая. Доклад студента ЛГУ С. Н. Азбелева «Новгородская третья летопись». Напечатан (в расширенном виде) в настоящем томе.

25 мая. Доклад преподавателя русской литературы М. М. Шольсона (пос. Лисино Ленинградской обл.) «Первый перевод „Слова о полку Игореве“ на польский язык». Напечатан в настоящем томе.

1 июня. Доклад канд. филол. наук Г. Н. Моисеевой «„Валаамская беседа“ — памятник публицистики XVI века».

8 июня. Сообщение чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева «Статьи А. В. Соловьева в брюссельском журнале *Byzantion*, т. XXII (1952), 1953».

Сообщение канд. ист. наук Д. Н. Альшица «Еще одно произведение Ивана Грозного». Напечатано (в расширенном виде) в настоящем томе.

Доклад студента ЛГУ А. М. Панченко «Чешские переводы „Слова о полку Игореве“ в XIX веке». Печатается в XIII томе «Трудов ОДРЛ».

15 июня. Доклад младш. научн. сотр. ИРЛИ Б. И. Дубенцова «К вопросу о пережитках областнических концепций в построении русской литературы XII—XV вв.».

22 июня. Доклад канд. ист. наук Н. А. Казаковой «Некоторые предварительные итоги текстологического изучения сочинений Вассиана Патрикеева». Напечатан (в переработанном виде) в настоящем томе.

14 сентября. Доклад канд. пед. наук В. В. Данилова «„Задонщина“ в освещении чешского слависта Яна Фрчека (1896—1942 гг.)».

21 сентября. Доклад младш. научн. сотр. ИРЛИ В. И. Малышева «Результаты археографической экспедиции 1955 г.».

28 сентября. Доклад канд. филол. наук Б. Н. Путилова «Об одной народно-песенной параллели Повести о Горе-Злосчастии».

5 октября. Доклад канд. филол. наук Л. А. Дмитриева «К вопросу о редакциях жития Михаила Клопского».

26 октября. Сообщение чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева о новых советских и иностранных книгах по «Слову о полку Игореве». Доклад канд. филол. наук Г. Н. Моисеевой «Об идейных предшественниках автора „Валаамской беседы“».

2 ноября. Доклад чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева «От исторического имени героя литературного произведения к вымышленному (перелом XVII века; к постановке вопроса)» (напечатан в «Известиях АН СССР, ОЛЯ», т. XV, 1956, вып. 3).

16 ноября. Доклад канд. ист. наук А. И. Клибанова (Москва) «К вопросу о научных основах русской свободной мысли конца XV—половины XVI века».

6 декабря. Обсуждение статьи доктора филол. наук П. Н. Беркова «Литературно-критические суждения в русской литературе до XVIII века» (глава для «Истории русской критики»). Присутствовал автор.

1956

4 января. Обсуждение статьи чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц «Древнерусская литература» для сборника в честь 50-летия Пушкинского Дома. В присутствии автора.

9 января. Доклад канд. ист. наук Н. А. Казаковой «Итоги текстологического изучения сочинений Вассиана Патрикеева».

11 января. Доклад канд. филол. наук Б. Н. Путилова «Песня о Шелкане и летописные сказания о Шевкаловщине».

26 января. Доклад канд. филол. наук Л. С. Шептаева «Сербская песня о Куликовской битве (к русско-сербским культурным связям в XV—XVI вв.)».

8 февраля. Доклад канд. ист. наук М. К. Каргера «Древнерусские зодчие по письменным памятникам».

22 февраля. Обсуждение рукописи кандидата филол. наук Г. Н. Моисеевой «„Валаамская беседа“ — памятник русской публицистики середины XVI в.». В присутствии автора.

29 февраля. Сообщение канд. филол. наук Л. А. Дмитриева «Ленинградские экземпляры первого издания Слова о полку Игореве».

7 марта. Обсуждение первых двух букв «Материалов для словаря Слова о полку Игореве», подготавливаемых канд. филол. наук В. Л. Виноградовой.

31 марта. Обсуждение рукописи канд. филол. наук Л. А. Дмитриева «Повесть о житии Михаила Клопского». Присутствовал автор.

4 апреля. Доклад канд. филол. наук Т. Н. Копреевой «Автобиографическое повествование А. Л. Ордина-Нащокина».

18 апреля. Доклад сотр. БАН СССР М. Д. Каган «Сказочная переписка Ивана IV с турецким султаном».

24 апреля. Доклад канд. филол. наук К. В. Чистова (Петрозаводск) «Песня о соловейском осадном сидении».

26 апреля. Сообщение канд. филол. наук Г. Н. Моисеевой о неизвестной повести первой половины XVIII в. (печатается в переработанном виде и с приложением текста в XIII томе «Трудов ОДРЛ»).

9 мая. Доклад чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева «История подготовки к изданию Слова о полку Игореве в конце XVIII в.» (печатается в XIII томе «Трудов ОДРЛ»).

17 мая. Доклад канд. филол. наук М. В. Николаевой «Неизвестная повесть первой половины XVIII века».

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Статьи и исследования

В. Г. Смолицкий. Вступление в «Слове о полку Игореве»	5
В. Л. Виноградова. Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве»	20
И. П. Еремин. К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве»	28
Н. К. Гудзий. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве»	35
В. В. Лукьянов. Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» — Иониль Быковский	42
Ф. Я. Прийма. К истории открытия «Слова о полку Игореве»	46
М. П. Парманин. Путь Игоря Северского на половцев в 1185 году. (Заметки краеведа)	55
Боню Ст. Ангелов. «Слово о полку Игореве» и болгарската литература	60
М. М. Шольсон. О первом переводе «Слова о полку Игореве» на польский язык	71
И. У. Будовниц. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века	79
Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV века	105
Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства	116
Ю. К. Бегунов. Кормчая Ивана Волка Курицына	141
А. А. Зимин. Общественно-политические взгляды Федора Карпова	160
Г. Н. Моисеева. Казанская царица Сююн-бике и Сумбека «Казанской истории»	174
М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков	188
Б. Н. Путилов. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии»	226
С. Н. Азбелев. Новгородская третья летопись (время и обстоятельства возникновения)	236
С. А. Щеглова. Разночинно-демократический театр начала XVIII века и его репертуар	263
И. П. Еремин. Новейшие исследования по вопросам художественной формы древнерусских литературных произведений	284
М. В. Алпатов. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси	292
Н. А. Демина. Черты героической действительности XIV—XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга	311
Н. Н. Розов. Настенные росписи на сюжеты древнерусской литературы в Воскресенском соборе в городе Тутаеве	325

Материалы и сообщения

Н. Н. Розов. К юбилею Остромирова Евангелия	337
И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского	340
В. Н. Перетц. Новый список «Слова» Даниила Заточника	362
А. Г. Кравченко. Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку	379
Н. А. Казакова. Неизданное произведение Вассиана Патрикеева	387
Д. Н. Альшиц. Неизвестные послания Ивана Грозного	427
Б. В. Сапунов. К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве	431
М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII века	442

По рукописным собраниям Советского Союза
(печатается под наблюдением В. И. Малышева)

В. И. Малышев. Пижемская рукописная старина (отчет о командировке 1955 года)	461
Н. И. Привалова. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного Краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком	494
В. Л. Микитасъ. Древние рукописи Института литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук Украинской ССР	506
А. Э. Жаворонков. Рукописные и старопечатные книги Новгородского областного краеведческого музея	510
В. В. Лукьянов. Краткие сведения о рукописных собраниях городов Ростова, Щербакова и Тутаева Ярославской области	514
И. Ф. Голубев. Рукописные книги бывш. Тверской ученой архивной комиссии	518
Б. М. Яковлевский. Рукописные книги Устюженского районного музея Вологодской области	522

Критика и библиография

Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Руския земли»	527
А. А. Назаревский. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия	546
С. И. Кокорина. К вопросу о составе и плане авторского текста «Казанской истории» (по поводу нового издания «Казанской истории»)	576
В. В. Данилов. Хронологический список трудов академика Василия Михайловича Истрина	586
В. Д. Кузьмина. Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского	594
П. Н. Берков. Хронологический список печатных работ члена-корреспондента АН СССР Д. И. Абрамовича (1873—1955) и литературы о нем	613
В. Л. Виноградова. Повесть о Горе-Злочастии (библиография)	622
В. В. Данилов. Чешский славист Ян Фрчек	642

Хроника

II Всесоюзное совещание по вопросам изучения древнерусской литературы в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР (23—26 апреля 1955 года)	647
Н. А. Демина и П. Л. Вайншенкер. О сессии, посвященной 575-летию со дня Куликовской битвы	651
Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР с января 1955 по май 1956 года	653

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
9	22 сверху	старого Владимира	старого Владимира
56	20—19 снизу	«майдан» сохранил слово,	сохранил слово «майдан» ,
68	16 снизу	«попѣлни,	«по-пѣлни,
68	6 „	«Гусляр	«Гуслар
69	15—14 снизу	«Гусляр	«Гуслар
72	2 снизу	Warszawskie	Warszawskie
117	1 „	60.	160.
119	1 сверху	минейной,	минейной;
121	2 „	В. А. Рыбаковым,	Б. А. Рыбаковым,
130	7 снизу	XV—XII	XV—XLI
137	21—22 сверху	негщуют	непщуют
252	5 сверху	годах»	годех»
252	9 „	годах»,	годех»,
252	23 снизу	1686	1696
252	8 „	(1696)	(1697)
253	1 сверху	з р з	з р з
290	12 „	представлят	представляет
308	23 снизу	новгородским	новгородским
333	13 сверху	XVIII века.	XVII века.
333	16 „	XVII века	XVIII века
364	8 „	типов	типом
409	12—11 снизу	прекоснувся	прикоснувся
412	6 сверху	дому	тому
412	14 „	и ты играеши — и свирепиши.	— и ты играеши и свирепиши
413	13 сверху	что блюсти	яко блюсти
419	1 снизу	³ Воздавый В. ⁴ господевн В.	Этих сносок не должно быть
420	6 „	в 181, 184	в правиле 84
420	5 „	Красном	Воскресном
425	9 „	разум.	разумей.
428	20 сверху	грозы	угрозы
514	14 снизу	774	174
514	3 „	поставлениях	поступлениях
561	4 „	возлияны	возлеияны
562	8 сверху	Русскую	Рускую
595	5 „	книженности.	кнѣженности.
595	20 „	Јеванѣлје.	Јеванѣлје.
606	20—19 снизу	граѣанска	граѣанска
607	6 снизу	граѣа	граѣа
608	19 „	граѣа	граѣа
647	13 „	усиленное	успешное
654	7—6 „	Шелкане	Щелкане